

серия

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

Н. Н. Платошкин

Сандинистская революция в Никарагуа

Предыстория и последствия

История
Латинской
Америки

Н. Н. Платошкин

Сандинистская революция в Никарагуа

Предыстория и последствия

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
Москва 2015

УДК 94(7/8)
ББК 6.3.3(7)
П37

*Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского*

Платошкин Н.Н. Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. — 800 с. (История Латинской Америки. Холодная война)

ISBN 978-5-91244-103-5

Книга посвящена первой успешной вооруженной революции в Латинской Америке после кубинской — Сандинистской революции в Никарагуа, победившей в июле 1979 года.

В книге дан краткий очерк истории Никарагуа, подробно описана борьба генерала Аугусто Сандино против американской оккупации в 1927–1933 годах. Анализируется военная и экономическая политика диктатуры клана Сомосы (1936–1979 годы), позволившая ей так долго и эффективно подавлять народное недовольство. Особое внимание уделяется роли США в укреплении режима Сомосы, а также истории Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) — той силы, которая в итоге смогла победоносно завершить революцию.

© Платошкин Н.Н., 2015
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015
© Вороновская А.М., верстка макета, 2015

ISBN 978-5-91244-103-5

Оглавление

Предисловие	7

Часть I

<i>Глава 1</i> На задворках двух империй: Никарагуа до 1893 года	10
<i>Глава 2</i> Интервенция США и борьба генерала Аугусто Сандино: 1893–1934 годы	80
<i>Глава 3</i> Диктатура клана Сомосы и сандинистская революция: Никарагуа в 1934–1979 годах	222
Краткая хронология истории Никарагуа до июля 1979 года	373

Часть II

<i>Глава 1</i> Революция за работой. 1979–1980 годы	376
<i>Глава 2</i> На войне как на войне. Никарагуа в 1981–1984 годах.....	504
<i>Глава 3</i> «Мы погибли бы, если бы не погибли». Никарагуа в 1984–1990 годах	652
Краткая хронология истории Никарагуа (июль 1979 года — февраль 1990 года).....	776
Список источников и литературы	778

Предисловие

*«Я не сложу оружие, даже если это сделают все.
Лучше умереть в борьбе, чем жить рабом».*

Аугусто Сесар Сандино

19 июля 1979 года в Никарагуа победила народная революция. Впервые после 1959 года, когда «бородачи» Фиделя Кастро вошли в Гавану, народ одной из латиноамериканских стран в тяжелой и ожесточенной многолетней вооруженной борьбе сверг военную диктатуру, опиравшуюся на помощь США, Израиля и других западных стран.

Как обычные гражданские люди, в основном молодежь, смогли победить созданную и обученную американскими специалистами национальную гвардию Сомосы? Ведь это была одна из лучших и самых жестоких армий Латинской Америки, специально подготовленная для борьбы против народных выступлений. Вчерашние студенты, рабочие и крестьяне, рискуя жизнью, воюя в партизанских отрядах и поддерживая сопротивление на подпольных явках в городах, в течение многих лет вели неравную борьбу. До 17 июля 1979 года, прежде чем Анастасио Сомоса-младший бежал из страны, в борьбе против диктатуры погибли десятки тысяч никарагуанцев.

Настоящая книга — это попытка рассказать российскому читателю, как стала возможной победа революции, без которой трудно изложить историю не только Никарагуа, но и всей Латинской Америки.

За борьбой сандинистов (так в честь национального героя Никарагуа генерала Аугусто Сесара Сандино называли себя противники Сомосы) с сочувствием следило все население тогдашнего СССР и многих других стран мира. Сотни никарагуанцев получили хорошее образование в советских вузах. Никарагуанцы до сих пор благодарны нашей стране за бензин и пшеницу, трактора и автомобили, вертолеты и автоматы.

Разумеется, что в разгаре «холодной войны» и тотального противостояния социализма и капитализма, США не приняли Сандинистскую революцию и решили свергнуть ее, в частности с помощью обученных и вооруженных ЦРУ отрядов «контрас».

Как «контрас», так и непосредственно сотрудники ЦРУ США убивали никарагуанских граждан, бомбили столичный аэропорт, пытались убить министра иностранных дел священника Мигеля д'Эското, минировали никарагуанские порты. Международный Суд ООН по иску Никарагуа осудил эти действия

США и потребовал от Вашингтона выплатить компенсацию правительству Никарагуа.

Но, к сожалению, в России до сих пор нет полноценного исследования причин и хода Сандинистской революции 1979 года. В советское время писать историю никарагуанской революции было еще рано — она продолжалась до 1990 года, когда (во многом из-за краха СССР) была вынуждена временно отступить. Но что удивительно — революция не прекратилась: в 2006 году вчерашние партизаны выиграли выборы и вернулись к власти. На этот раз — уже мирным демократическим путем. Лидер Сандинистского фронта национального освобождения и президент Никарагуа в 1984–1990 годах Даниэль Ортега в 2006 году стал президентом, несмотря на жесткое противодействие США.

За эти годы и сами революционеры, и весь мир стали другими. Но Никарагуа относится к числу тех стран, население которых с благодарностью и уважением относится к России, что нечасто встречается в Европе — на постсоветском пространстве. В сердцах сотен тысяч никарагуанцев до сих пор живет благодарность к СССР, который поддержал их страну в 80-е годы. Зная историю Никарагуа, не приходится удивляться тому, что именно эта страна одна из первых поддержала Россию в августе 2008 года, когда российских солдат убивали в Осетии натовским оружием. В день своего государственного праздника Республика Никарагуа признала независимость Абхазии и Южной Осетии, доказав таким образом верность старой дружбе.

Цель создания этой книги — познакомить российского читателя с бурной историей Никарагуа, рассказать о ее героях, от Сандино до Фонсеки, которые не жалели для своей страны ни здоровья, ни жизни. Многие латиноамериканские страны до сих пор ищут свой путь развития, и вдохновили их на этот поиск Россия и Куба. В международных отношениях важны стратегические и тактические союзы, иногда слабо развитые в экономическом плане страны и малочисленные народы могут оказаться более надежными союзниками, чем крупные государства.

И если, завершив чтение, уважаемый читатель осознает, что у России есть миллионы верных друзей по ту сторону Атлантики, автор будет считать свою миссию выполненной.

Часть I

Глава 1 **На задворках двух империй: Никарагуа до 1893 года**

Никарагуа большую часть своей истории вообще не была единой страной в полном смысле этого слова, виной чему довольно сложный географический рельеф и природные особенности этой территории Центральной Америки. Благоприятными для жизни человека являлись и являются по сей день довольно плодородные равнины тихоокеанского побережья страны. От них на восток за горными вулканическими цепями (Никарагуа иногда называют «землей вулканов») лежит непроходимая тропическая сельва с ужасным малярийным климатом. И сегодня попасть с западного тихоокеанского побережья Никарагуа на атлантическое весьма непросто. В древности человек, предпринимавший такое путешествие, рисковал жизнью.

Еще одна природная особенность Никарагуа стала ее проклятьем на долгие десятилетия. По реке Сан-Хуан можно доплыть из Атлантики до самого большого озера Центральной Америки — озера Никарагуа¹. Из этого озера всего 20 километров суши до Тихого океана. Еще испанцы носились с мыслью прорыть трансокеанский канал. Потом идею подхватили американцы. Для Никарагуа же это означало постоянное вмешательство очень далеких от нее держав во внутренние дела. Мечта всевозможных дельцов и флибустьеров о канале стоила жизни многим никарагуанцам, погибшим от рук иностранных агрессоров, прежде всего североамериканских.

Климат и рельеф страны, а также постоянные землетрясения и извержения вулканов никогда не привлекали на землю Никарагуа много людей. И сегодня эта страна — самая малонаселенная на единицу площади, хотя одновременно и самая большая по территории в Центральной Америке (130 000 кв. км).

Считается, что первые, вероятно, пришедшие с территории современной Мексики, люди появились в Никарагуа примерно 6 тысяч лет тому назад. По крайней мере, об этом свидетельствуют найденные отпечатки челове-

¹ Площадь озера 8264 кв. км — 19-е место в мире и первое место в Латинской Америке. Самая большая глубина — 70 метров. Средняя глубина — 13–30 метров. На озере более 500 островов. Это единственное в мире пресноводное озеро, в котором водятся акулы (ученые считают, что оно когда-то было частью Карибского моря). Никарагуанцы называют свое озеро «сладким морем».

ской ступни в мягком когда-то вулканическом пепле неподалеку от кратера вулкана Акауалинка. Но заселение запада и востока страны проходило раздельно и, возможно, с разных направлений. В западной части страны индейцы говорили на языках, родственных ацтекским, что ясно указывает на то, что они мигрировали с севера. Так же как и обитатели древней Мексики, индейцы запада Никарагуа пили шоколад, выращивали для пропитания индеек и собак. Их основными земледельческими культурами были тыква, кукуруза, бобы, перец чили и авокадо².

Насчет того, как проходило заселение восточной части Никарагуа, ученые спорят по сей день. Некоторые считают, что люди туда пришли с юга, с территории современной Колумбии. Другие полагают, что восточные индейцы Никарагуа родственны карибским этническим группам. В любом случае влияние карибских индейцев очевидно — о нем говорят, например, круглая форма хижин-жилищ и характерный тип лодок-каное. Есть и версия, что и восточные индейцы прибыли в Никарагуа с севера.

Как бы то ни было, к моменту появления испанских конкистадоров восточная и западная части Никарагуа резко отличались друг от друга уровнем развития цивилизации. Если на западе люди жили в крупных поселках и находились уже на переходной стадии к формированию протогосударств на базе больших племенных союзов, то на атлантическом берегу и в сельве обитали племена охотников и собирателей, почти не знавших земледелия. Изредка применялось лишь огневое подсечное сельское хозяйство. Тяжелый для земледелия климат давал скудные урожаи маниока, сладкого картофеля и ананасов. Белка в пище индейцев востока Никарагуа было явно недостаточно.

К началу испанского завоевания на территории современной Никарагуа жило, по разным оценкам, от 800 тысяч до миллиона аборигенов. На западе Никарагуа испанцы застали три крупных племенных союза — чоротегано, никарао и чонталь. Чоротегано пришли в Никарагуа из Мексики между IV и IX веками нашей эры. Города этих индейцев были очень похожими на города великих культур Мексики — центральная рыночная площадь и религиозные ритуальные центры. Так же как ацтеки, чоротегано вели войны с соседними племенами с целью захвата рабов и принесения их в жертву своим богам³. Оружие было в основном деревянным — копья, луки, дубинки. Большие семьи из трех поколений жили в огромных домах продолговатой формы. На территории чоротегано теперь находится столица Никарагуа — Манагуа.

Индейцы-никарао поселились на землях, названных позднее их именем, примерно в XIII веке. Они были искусными земледельцами и торговцами — торговали даже с Перу и Мексикой. Никарао жили к югу от чоротегано — между

² *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 14.*

³ *Ibid.*

озером Никарагуа и Тихим океаном. Легендарный вождь этих индейцев, Никарао, дал свое имя целой стране.

Индейцы-чонталь жили восточнее чоротегано на центральных горных плато страны. Когда они появились в Никарагуа — неизвестно. Само слово «чонталь» означает «чужак» на языке индейцев-чоротегано.

Геноцид аборигенов Никарагуа начался с появления в 1501 году в Панаме испанского конкистадора Васко Нуньеса де Бальбоа (именно этот испанец первым увидел Тихий океан). Бальбоа проигрался вдрызг в кабаках Санто-Доминго и тайком пробрался на шедший к берегам Панамы корабль, чтобы сбежать от долгов. Когда в открытом море капитан корабля обнаружил Бальбоа (говорят, он прятался в бочке), то даже хотел высадить его на необитаемый остров.

В 1514 году губернатором Панамы (испанцы называли ее «Золотым берегом» в надежде, что именно там скрывается сказочный город Эльдorado) стал Педро Ариас (Педрариас) де Авила. По его приказу в 1522 году отряд конкистадоров во главе с Хилем Гонсалесом Давилой отправился из Панамы на север и добрался до юго-западной части Никарагуа (между озером и Тихим океаном). Хотя испанцы говорили о великой миссии распространения учения Христа среди индейцев, их реальной мечтой было золото, много золота. Давила встретился с вождем Никарао. Индейцы приняли пришельцев дружелюбно и даже дали им немного воделенного золота. В ответ испанцы «одарили» их болезнями и жесточайшим террором.

В свою очередь, воинственные чоротегано под руководством вождя Дириангена быстро собрали около трех тысяч воинов и загнали отряд Гонсалеса Давилы обратно на корабли. Гонсалес Давила вернулся в Панаму и сообщил об открытой им земле, названной Никарагуа. Губернатор Панамы преисполнился зависти и арестовал первооткрывателя, чтобы завладеть всем привезенным с таинственного севера золотом. Гонсалесу Давиле пришлось бежать на остров Санто-Доминго.

В 1524 году Педрариас отправил на север новый отряд во главе с Франсиско Эрнандесом де Кордоба. На этот раз испанцы пришли навсегда. Кордоба основал первые постоянные поселения европейцев на территории Никарагуа — города Леон (к востоку от озера Манагуа) и Гранада (на озере Никарагуа), на долгое время ставшие соперниками за первенство в стране. Индейцы не желали сдаваться без боя, и Кордобе пришлось сразу же обнести новые города оборонительными укреплениями. Кордоба был таким же авантюристом, как и все конкистадоры, и поэтому решил, что Педрариас ему не указ. Он вступил в тайные сношения с генерал-губернатором Мексики Кортесом, добываясь от того назначения на пост губернатора Никарагуа. Но Педрариас узнал об измене, арестовал и казнил Кордобу.

Позднее различные отряды конкистадоров дрались между собой и против индейцев за обладание Никарагуа — эта короткая эпоха вошла в историю страны как «война капитанов». Полностью завоевание Никарагуа (в основном за-

падной и центральной части страны) испанцами было завершено к 1529 году. С 1523 года завоеванные земли подчинялись испанским властям на Санто-Доминго, а с 1539-го — администрации в Панаме⁴.

Столицей новой территории испанской короны стал город Леон, куда помимо светских властей приехал и католический епископ. В 1527 году Педрариас стал губернатором Никарагуа и через год самолично посетил свои новые владения. Вместе с его отрядом в Никарагуа прибыли сельхозинвентарь и семена новых для индейцев растений — прежде всего пшеницы. Привели с собой конкистадоры также коров, свиней, овец и мулов. Поскольку испанцы так и не нашли в Никарагуа Эльдорадо, они решили сделать запад страны житницей своих центральноамериканских колоний.

К индейцам Педрариас относился куда менее бережливо, чем к домашним животным. Любое неповиновение (например, отказ бесплатно работать на новых господ) каралось жестокой смертью. Неслучайно аборигены прозвали Педрариаса «Бичом божьим». Своим главным бизнесом Педрариас сделал экспорт индейцев-рабов на рудники и плантации Панамы и Перу, где «товар» быстро умирал от голода и непривычного климата. По некоторым оценкам, колонизаторы «вывезли» с территории Никарагуа в 1527–1542 годах около полумиллиона человек.

К 1581 году индейцы запада Никарагуа фактически вымерли от болезней, репрессий и непосильного труда — в живых осталось около 60 тысяч⁵. Только в 1550 году работорговля прекратилась, якобы по настоянию человеколюбивого епископа Леона, но на самом деле сама собой — живого товара больше в наличии не было.

Ограбив дочиста Никарагуа, в 1530 году люди Педрариса присоединились к отряду Писарро, который с крайней жестокостью сокрушил империю инков. В следующем году, к радости индейцев, «Бич божий» скончался, и новым губернатором Никарагуа стал Франсиско де Кастанеда. Но и новый губернатор, правивший три года, не уступал по жестокости своему предшественнику. Даже в далекой Испании были неприятно удивлены зверствами Кастанеды — губернатора отрешили от должности и отдали под суд. «Новая метла» — Родриго де Контрерас — попытался несколько смягчить политику по отношению к остаткам коренного населения. К этому призывала и церковь — у нее почти не осталось паствы.

В 1542 году испанская корона издала ряд законов, призванных ослабить произвол в отношении индейцев Нового Света. Отныне запрещалось обращать их в рабство и принуждать выполнять функции носильщиков в многочисленных экспедициях, в которых коренные жители погибали тысячами от голода и непосильной ноши.

⁴ Латинская Америка. Энциклопедический справочник. Том 2. М., 1982. С. 258.

⁵ *Staten C. L. The History of Nicaragua.* Greenwood Publishing Group, 2010. P. 15.

Однако Испания с ее благими намерениями была далеко. Поэтому и новый губернатор Никарагуа Контрерас в свое время был отдан под суд за жестокость по настоянию епископа Леона. В 1548 году Контрерас отбыл в Испанию, чтобы оправдаться и получить назад конфискованные земельные владения⁶. Жена опального губернатора подговорила своих сыновей Эрнандо и Педро отнять власть у собственного отца. Их охотно поддержали вернувшиеся из Перу конкистадоры, не умевшие ничего иного, кроме как убивать людей и грабить первого встречного. Эрнандо Контрерас в 1550 году убил епископа Леона Вальдивесу, и братья отправились в Панаму, где разбили местные испанские силы. Однако панамцы подняли восстание и убили непрошенных гостей.

В 1543 году Испания приступила к административно-территориальному упорядочению своих огромных колоний в Америке. Было создано вице-королевство Новая Испания со столицей в Мехико, простиравшееся от прерий современных США до Панамы. В него вошла и часть современной Венесуэлы. Вице-королевство разделили на аудиенсии (то есть судебные и административные округа). Аудиенсии управлялись генерал-капитанами, поэтому их называли еще и генерал-капитанствами. В 1570 году часть Центральной Америки к югу от Мексики стала генерал-капитанством Гватемала⁷, а Никарагуа, в свою очередь, — частью этой административной единицы, причем частью глухой и глубоко провинциальной. Столицей Никарагуа был город Леон, разрушенный в 1610 году во время извержения вулкана Момотомбо. Столицу пришлось возрождать заново.

Но если испанцы не нашли в Никарагуа ни золота, ни серебра, то уже в первой трети XVI века они задумались над возможностью сооружения судоходного канала между Атлантическим и Тихим океанами. Ведь основную часть золота Испания добывала в Перу. Оттуда его везли судами к панамскому перешейку, там перегружали и доставляли по суше на атлантическое побережье, где ценный груз уже поджидала армада галеонов. Канал позволил бы резко сократить транспортные расходы при транспортировке золота. В 1539 году испанцы установили, что река Сан-Хуан течет прямо из озера Никарагуа в Атлантический океан. Таким образом, основную часть трансокеанского канала создала сама мать-природа. Оставалось прорыть всего 20 километров от озера до Тихого океана. Идею представили императору Карлу V из династии Габсбургов. Но того больше интересовала борьба против Франции и «безбожников» протестантов за гегемонию в Европе.

Сын Карла Филипп II, при котором испанская империя достигла максимальных размеров, приказал изучить возможность строительства канала. Однако, подумав, в 1567 году решил отказаться от этого плана. Король опасался, что канал даст возможность португальцам, а также французским и англий-

⁶ *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 16.*

⁷ Территория генерал-капитанства составляла около 550 тысяч квадратных километров.

ским пиратам нападать на испанские галеоны с золотом уже в Тихом океане, а не у берегов Кубы, как обычно. К тому же истовый католик Филипп считал, что нельзя без нужды вмешиваться в созданную всевышним природу, — и был не так уж и неправ.

Дважды, в 1658 и 1660 годах, пираты разоряли главный торговый центр Никарагуа — Гранаду.

Без канала генерал-капитанство Гватемала было обречено на прозябание. Не мог себя содержать даже колониальный аппарат управления, вследствие чего приходилось пересылать деньги из Мехико в Гватемалу. Причиной крайней бедности Центральной Америки при испанцах являлось не только и не столько отсутствие крупных месторождений драгоценных металлов (за исключением небольших залежей золота в Гондурасе). Главным бичом была жесткая экономическая политика испанских властей. Мадрид запрещал колониям иметь свой флот и торговать друг с другом. Подавлялось развитие местной промышленности. Центральная Америка должна была поставлять испанской короне аграрную продукцию (какао, индиго, шкуры животных), причем по низким ценам, а взамен приобретать не очень качественную промышленную продукцию метрополии, но уже по заоблачным ценам. Например, женский костюм стоил 100–200 песо, а корова — 6 песо⁸. Испания запрещала выращивать в колониях оливковые деревья и изготавливать оливковое масло, чтобы в зародыше задуть любую возможную конкуренцию для метрополии. Даже крайне прибыльный в то время кофе был завезен в Центральную Америку с Кубы лишь в 1808 году.

Для Центральной Америки отсутствие флота было особенно плачевным, так как нормальных дорог в этом регионе не существовало⁹. Поэтому будущие республики были оторваны друг от друга, что поощряло патриархальное местничество и сепаратизм. Даже о событиях в столице вице-королевства — Мехико — жители Никарагуа узнавали спустя недели, а то и месяцы.

Колониальная администрация обирала генерал-капитанство Гватемалу еще и с помощью порченной монеты. Серебряные песо чеканились в Мексике (где были огромные залежи серебра), а после того как они в обращении стирались и теряли часть веса, их сплавляли в Гватемалу. Тамошние жители протестовали, однако власти заставляли принимать неполноценные деньги специальными указами.

Чем дальше от Мехико, тем меньше людей жило на перешейке между океанами и тем беднее они были. По данным на 1824 год, в Коста-Рике («богатый берег» по-испански) проживало не более 70 тысяч человек. Туда ссылали проштрафившихся чиновников. Там же приобретали наделье те, кто не имел денег,

⁸ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 7.

⁹ От северной до южной границы генерал-капитанства было около полутора тысяч километров бездорожья.

чтобы вернуться в Испанию. В Никарагуа в том же году жили примерно 207 тысяч человек¹⁰, 40% из которых были индейцами, остальные — белыми, креолами (испанцы, родившиеся в Америке), метисами.

В Никарагуа, как уже упоминалось, было два крупных города, постоянно соперничавших друг с другом. Богатая Гранада экспортировала свою аграрную продукцию через озеро Никарагуа и реку Сан-Хуан. Люди там были побогаче, и местные землевладельцы придерживались консервативных взглядов. В Леоне было много лиц свободных профессий (адвокаты, мелкие торговцы, учителя, студенты), и город гордился либеральным мировоззрением. Леон торговал продуктами животноводства, прежде всего шкурами.

Индейцы жили практически так же, как и до испанского завоевания. Они владели землей сообща. Периодически местные органы власти наделяли отдельные семьи землей из общинного фонда — эхидо. Испанцы защищали общинное землевладение. Так было проще собирать налоги (община была в этом смысле, как и в России, связана круговой порукой). К тому же сами испанцы в ходе Реконкисты¹¹ предпочитали размещать поселенцев общинами на отбитых у арабов землях, поэтому совместное землевладение было им знакомо.

Земли в Никарагуа было много, а свободной рабочей силы не было вовсе. Такое положение дел наряду с превалированием общинного сельского хозяйства у коренных жителей (земли эхидо нельзя было продавать) сдерживало образование крупных латифундий. Самые богатые семейства Никарагуа поражали европейских путешественников довольно бедной обстановкой своих домов, лишенных такой привычной для магнатов Старого Света роскоши.

Общество было сельским, патриархальным. Государственная власть находилась в далекой Гватемале, поэтому главной опорой был глава семейного клана. Сыновья, даже женившиеся и имевшие собственных детей, должны были беспрекословно подчиняться отцу. У женщин никаких прав не было вовсе, и они редко покидали дом. Даже на семейных трапезах они часто сначала обслуживали главу клана, а сами потом ели и пили отдельно. Католическая церковь всячески поддерживала такой порядок вещей.

Колониальное общество было кастовым, и в нем царил неприкрытый расизм. Высшие должности в госаппарате могли занимать только испанцы. Они же доминировали среди высшего духовенства. Креол мог дослужиться до заместителя мэра (алькальда) крупного города или до среднего офицерского чина в армии. Метисы занимались бизнесом, в основном аграрным. Кто-нибудь из них мог стать мэром небольшого поселка или деревни. Интересно, что метисы ненавидели индейцев, и эта ненависть была взаимной. Первые причисляли себя к потомкам завоевателей. Вторые презирали полукровок за отказ от традиционных индейских ценностей и подлобострастие перед белыми при-

¹⁰ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 6.

¹¹ Так назывался процесс отвоевания христианами земель у мавров на Пиренейском полуострове в VIII–XV веках.

шельцами. Испанцы использовали расовую вражду в своих целях, действуя по принципу «разделяй и властвуй».

Почти весь XVIII век Испания воевала, причем очень неудачно. По Утрехтскому миру (по которому британцы захватили Гибралтар) Англия получила право раз в год посылать в испанские колонии в Америке корабль для коммерческой торговли¹². Таким образом, монополия Мадрида на торговлю с собственными колониями была сломлена. На самом деле кораблей с туманного Альбиона было значительно больше, и на всем центральноамериканском побережье *расцвела контрабандная торговля с англичанами*.

На атлантическом берегу Никарагуа белых поселенцев практически не было. Редко заглядывали туда и представители властей. За тяжелый тропический климат эти земли прозвали Берегом Москитов, или Москитией¹³. Тамошние индейцы продолжали жить своей жизнью, пока этой негостеприимной землей в XVII веке не заинтересовались англичане. Они организовали из местных индейцев «королевство», быстро признали его и в 1678 году установили над этим «государством» свой протекторат. Британцы стали активно завозить в Москитию чернокожих рабов с Ямайки и других Антильских островов и вскоре на Берегу Москитов образовалась особая этническая группа — самбо (потомки от смешанных браков индейцев и негров). Жители «королевства» говорили на ломаном английском и занимались в основном заготовкой ценных пород древесины для Британии. Англичане упорно игнорировали все протесты испанских властей, возмущенных активной деятельностью своих исконных врагов на побережье Никарагуа. В 1740 году англичане основали в Москитии крупные опорные пункты — Блуфилдс и Сан-Хуан-дель-Норте, заселив их ямайскими неграми. Сан-Хуан-дель-Норте фактически контролировал устье реки Сан-Хуан и тем самым почти всю экспортную торговлю Никарагуа.

После проигранной Испанией Семилетней войны по Парижскому миру 1763 года Мадриду пришлось признать право англичан заготавливать древесину в Москитии.

В 1749 году новая испанская королевская династия Бурбонов решила вдохнуть жизнь в экономику своих колоний и ослабить жесткую хватку метрополии. В рамках генерал-капитанства Гватемала были учреждены интенданства, призванные поощрять торговлю и собирать налоги для казны. Бурный рост легального бизнеса обогатил многие креольские семьи, которые теперь хотели быть допущенными и к политической власти. В 1778 году испанский король Карл III, наконец, разрешил колониям торговлю друг с другом и с любым испанским портом. В 1797 году было разрешено торговать со всеми государствами, которые не находились в состоянии войны с Испанией.

¹² *Staten C.L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 19.*

¹³ По другой версии, название произошло от индейского племени мискито. Но в любом случае для европейцев Москития ассоциировалась с лихорадкой и тяжелым влажным климатом.

Испанцам досаждали, прежде всего, англичане. Молодой британский капитан Горацио Нельсон попытался в 1780 году захватить никарагуанские города Гранаду и Леон. Будущий герой Трафальгара на этот раз потерпел неудачу. Вместе с Францией и плохо дисциплинированными восставшими американскими колонистами во главе с Джорджем Вашингтоном испанцы вскоре смогли взять реванш. Версальский мир 1782 года был для англичан невыгодным. Им пришлось уйти из Москитии в обмен на обязательство Испании гарантировать автономию этого региона¹⁴. К тому времени торговля древесиной замерла, и британцы покинули «королевство» без особой скорби.

Генерал-капитанство Гватемала королевским указом 1786 года было разделено на четыре интендантства — Гондурас, Сан-Сальвадор, Никарагуа и Чьяпас. Именно границы интендантств и стали позднее границами независимых государств Центральной Америки¹⁵. Столицей никарагуанского интендантства был Леон, что вызывало жгучую ревность Гранады.

Время от времени опять всплывала столь очевидная идея постройки трансокеанского канала через Никарагуа. В 1777 году вопрос прорабатывали британцы, а в 1779-м — испанский король. В 1788 году предложил прорыть канал французский герцог де Сегюр, а в 1804-м — знаменитый немецкий ученый Александр фон Гумбольдт. Но Европа погрузилась в бесконечную войну с революционной Францией, и ей было не до заокеанских проектов.

В 1808 году Наполеон оккупировал Испанию, вывез во Францию совсем выродившихся испанских Бурбонов и посадил на трон в Мадриде своего брата Жозефа. Против французов началось мощное народное восстание, которое сначала возглавили местные комитеты — хунты. Затем они выдвинули из своих рядов единый орган власти — Центральную хунту. Испанские колонии в Америке были в полном замешательстве. Однако очень влиятельная в идеологическом смысле католическая церковь была настроена решительно против безбожных французов, пытавшихся проводить на Пиренейском полуострове либеральные реформы.

В 1809 году представителей американских колоний официально пригласили прибыть в Испанию и занять места в Центральной хунте. Впервые креолы получили возможность участвовать в решении судьбы своей некогда гордой метрополии. Однако кортесы, созданный испанскими повстанцами парламент, не вызвали у креольской аристократии больших симпатий, так как высказались против свободы торговли для колоний. Да и мест в кортесах для представителей Нового Света выделили явно недостаточно.

На этом фоне в Америке все чаще стали думать о полной независимости от Испании. В апреле 1810 года началось антииспанское восстание в Каракасе, в мае — в Буэнос-Айресе.

¹⁴ *Staten C.L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 20.*

¹⁵ Чьяпас впоследствии стал частью Мексики.

5 ноября 1811 года восстали жители самой передовой и экономически развитой колонии Центральной Америки — Сальвадора. Они отказались платить налоги в испанскую казну и провозгласили независимость. Испанский губернатор Сан-Сальвадора был вынужден сдать власть повстанцам под угрозой применения силы¹⁶. Но уже в декабре восставшие сложили оружие, опасаясь вооруженной интервенции из столицы генерал-капитанства — Гватемалы.

В Никарагуа первым восстал против испанцев небольшой южный город Ривас. Но испанские войска из соседней Коста-Рики жестоко расправились с бунтовщиками.

10 ноября 1811 года под влиянием событий в Сальвадоре восстал никарагуанский город Леон, где тоже сместили интенданта Никарагуа Хосе Сальвадора. Этого интенданта, который правил уже 18 лет, за деспотизм ненавидело почти все население. Однако испанские войска уже 14 ноября подавили это выступление.

Жители самого большого города Никарагуа Гранады оказались куда упорнее. 22 декабря под лозунгом борьбы против налогового гнета они взяли оружие и потребовали сместить всех чиновников колониальной администрации. После 16 дней вооруженной борьбы под руководством Мигеля Лакайо горожане захватили цитадель испанцев — крепость Сан-Карлос. Состоявшие из индейцев колониальные войска взбунтовались против своих офицеров-испанцев и перешли на сторону повстанцев¹⁷. Испанцы поспешно отступили в город Масайя вместе со своими семьями¹⁸.

Характерно, что новым индентантом провинции Никарагуа восставшие признали епископа Гарсию Хереса, которого до этого назначили повстанцы в Леоне¹⁹. Никарагуанская церковь была тесно связана с народом (точнее, его богатой верхушкой). Такого жесткого кастового расслоения, как, например, в Мексике, в отсталой патриархальной Никарагуа не было. Церковь там относилась к нуждам большинства «просвещенного» населения внимательно, так как от этого зависело материальное положение самого клира. Тем не менее независимости от Испании церковь не хотела, и епископ возглавил восстание с целью не допустить его излишней радикализации. В результате повстанцы требовали только ослабления налогового пресса.

10 января 1812 года выборный муниципальный орган власти Гранады (аюнтамьенто), состоявший из креолов, торжественно провозгласил отмену рабства, сделав это на четыре года раньше Боливара. При этом рабов-негров в Никарагуа имелось не более 1000 человек, и все они были домашней прислу-

¹⁶ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 11.

¹⁷ *Burns В. Е.* Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 146.

¹⁸ Испанцев в Никарагуа называли «пенинсуларес» — «жители полуострова» (имелся в виду Пиренейский полуостров).

¹⁹ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 12.

гой. Так что акт имел скорее символическое значение, показавшее всему миру прогрессивный характер гранадского восстания.

В апреле 1812 года испанцы собрали карательный отряд численностью около тысячи человек и выступили в поход на Гранаду. Генерал-капитан Гватемалы мобилизовал против никарагуанцев королевские контингенты в Сальвадоре, Коста-Рике и Гондурасе. По никарагуанским меркам это была огромная армия.

Но жители Гранады тоже не сидели сложа руки и хорошо подготовились к обороне. Были открыты траншеи, повстанцы располагали артиллерийской батареей из 10 орудий. Два дня боев не дали решающего перевеса ни одной из сторон. Ударными частями испанцев являлись англоязычные негры с карибского побережья, которые должны были внушить осажденным ужас уже своим внешним видом. Негры с ведома испанцев активно грабили местное население. Однако после ожесточенной перестрелки нападавшим пришлось отойти за пределы города.

Тогда испанцы прибегли к обману и предложили полную амнистию в обмен на капитуляцию инсургентов. Мэрия города сохранялась в своем прежнем, революционном составе. Командующий испанскими войсками дал слово чести от имени короля. 28 апреля 1812 года жители Гранады сдали оружие. Церковь 1 мая отслужила испанским войскам благодарственную мессу. Но после этого богатые землевладельцы-креолы, руководившие выступлением, были по одному арестованы в своих имениях. Их отдали под суд, длившийся почти два года, и приговорили 16 человек к смертной казни, а девять — к пожизненному заключению. 133 повстанца отделались различными тюремными сроками, причем часть заключенных отправили на Кубу и в Испанию. Генерал-капитан Гватемалы Бустаманте-и-Герра отменил подписанное с повстанцами соглашение на том основании, что испанский король не ведет переговоров с мятежниками.

Характерно, что репрессии было поручено провести все тому же епископу Гарсии Хересу, и тот не замедлил продемонстрировать свое рьяное служение королевской власти.

Интересно, что во время гранадского восстания другой крупный город Никарагуа, Леон, сохранил лояльность испанской короне. При этом Гранада, как уже упоминалось, была бастионом консерватизма, а Леон считал себя знаменосцем прогрессивных идей в духе французской революции. Главную роль в таком странном развитии событий играло все то же историческое соперничество между двумя ведущими городами Никарагуа, которое затмевало все остальное — даже судьбоносный вопрос о независимости страны.

Таким образом, первые выступления против Испании в Никарагуа были подавлены. После этого на десять лет в Центральной Америке воцарилось призрачное спокойствие.

В 1820 году в Испании победила революция, что опять привело к взрыву антииспанских настроений в Мексике и Центральной Америке. В сентябре

1821 года в Гватемале узнали, что власти вице-королевства в Мехико намерены провозгласить независимость. На самом деле восстание в Мехико началось уже в феврале 1821-го, но все это время власти генерал-капитанства еще колебались. 15 сентября, наконец, собралось тайное совещание верхушки колониальной администрации Гватемалы, которое должно было определить дальнейшую судьбу всей Центральной Америки. Обсуждался акт о независимости генерал-капитанства, но участники совещания никак не могли его одобрить, опасаясь репрессий Мадрида. Дело кончилось тем, что жена одного из участников совещания Мария Долорес Бедойя на свои средства пригласила музыкантов и устроила праздничный фейерверк для народа²⁰. Люди шумно и радостно отмечали независимость, и самому совещанию пришлось постфактум признать ее тоже.

Акт по этому поводу был, правда, составлен довольно осторожно. В нем говорилось, что впредь до окончательного определения отношений с Испанией временно провозглашается независимость генерал-капитанства и генерал-капитан Габино Гаинса переименовывается в «политического руководителя». Термины «президент» или «глава государства» не употреблялись намеренно — сам Габино Гаинса говорил, что был вынужден пойти на провозглашение независимости только для того, чтобы не дать народу самому ее провозгласить.

Далее акт предписывал провести по всей Центральной Америке выборы в конгресс (один депутат от 15 тысяч человек), который должен был выработать текст конституции нового государства. Вплоть до решений конгресса сохраняли свои посты чиновники колониальной администрации. В акте также особо подчеркивались незыблемые права католической церкви, в том числе и имущественные.

Следует подчеркнуть, что на самом совещании 15 сентября 1821 года присутствовали в основном представители Гватемалы. Другие части генерал-капитанства представляли люди, случайно оказавшиеся в столице и не имевшие абсолютно никаких полномочий.

Неудивительно, что либеральный город Леон немедленно провозгласил собственную независимость от Гватемалы, в то время как консервативная Гранада сохранила лояльность.

Между тем события в Центральной Америке развивались стремительно и без всякого участия местного населения. В ноябре 1821 года власти Гватемалы получили письмо от мексиканского генерала Итурбиде, который провозгласил себя императором Августином I. Итурбиде предлагал бывшему генерал-капитанству вступить в состав Мексики, пророчески заметив, что в противном случае Центральная Америка «станет объектом вожделения иностранных держав»²¹. Габино Гаинса вполне разделял мысли Итурбиде, однако

²⁰ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 15.

²¹ Там же. С. 17.

среди местных элит Центральной Америки единства по вопросу присоединения к Мексике не было. Многие не хотели входить в состав не только Мексики, но и самой Гватемалы.

Было решено провести опрос местных органов власти. 157 из 237 высказались за мексиканский вариант. Леон и Гранада оказались здесь единодушны — они хотели присоединения к Мексике. Местные олигархи решили, что только твердая власть Итурбиде поможет им сохранить собственность от возможных народных восстаний. Правда, против империи Итурбиде в июне, а затем в августе 1822 года восстали индейцы и леонские студенты. В октябре 1822-го и январе 1823 года против мексиканцев поднималась Гранада²².

В июне 1822 года мексиканский отряд генерала Филисола вступил в Гватемалу. Генерал писал позднее: «Собственники были готовы пойти на любые жертвы для содержания моего отряда, чтобы сохранить тем самым гарантию своей собственности»²³. «Плебеев» же Гватемалы генерал считал «задиристыми».

Между тем в Мексике в марте 1823 года свергли Итурбиде. Перед Центральной Америкой опять встал вопрос: как жить дальше? Филисола предложил гватемальцам созвать конгресс и провозгласить независимое центральноамериканское государство, заявив, что у Мексики полно своих проблем и Гватемала является для мексиканцев обузой.

В целом период 1824–1847 годов вошел в историю Никарагуа как эра анархии. Государственный строй практически не существовал. Но если во времена испанского владычества государство хотя бы охраняло элементарный порядок и мир, то теперь наступил период перманентной гражданской войны всех против всех. В Никарагуа то и дело то Леон, то Гранада снаряжали друг против друга «армии», которые грабили всех, кто попадался на пути. Опасаясь бесконечных призывов на очередную гражданскую войну, мужчины подолгу скрывались в горах и лесах. В стране пышным цветом расцвел бандитизм, как политический, так и уголовный. Торговля могла происходить только под защитой вооруженной охраны.

Как только до Никарагуа докатилась весть о падении империи Итурбиде, Леон направил против Гранады вооруженный отряд, чтобы предотвратить провозглашение в городе-конкуренте независимой республики²⁴.

24 июня 1823 года в Гватемале собралась Национальная учредительная ассамблея Центральной Америки. Из 64 депутатов 28 были гватемальцами, 13 — сальвадорцами, 11 — гондурасцами и только восемь никарагуанцами. Меньше делегатов было только у богом забытой Коста-Рики — четыре. 1 июля ассамблея приняла декрет о полной независимости Центральной Америки. Новое

²² Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 146.

²³ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 19.

²⁴ Staten C.L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 21.

государство стало называться Соединенными провинциями Центральной Америки. 17 апреля 1824 года в новой стране было торжественно отменено рабство. Еще раньше были упразднены все дворянские титулы.

В Соединенных провинциях жили примерно 1,6 миллиона человек²⁵. По душевой ВВП в новых независимых странах Латинской Америки был почти таким же, как в США: 245 долларов в год (в ценах 1960 года), а в Соединенных Штатах — 239 долларов. Конечно, страны Латинской Америки сильно отличались друг от друга уровнем экономического развития, так что средний показатель вряд ли применим именно к Центральной Америке — одной из самых бедных провинций испанской империи.

Местные элиты, в том числе в Никарагуа, восприняли новое государство как излишне либеральное и революционное. Поэтому все консерваторы стали сторонниками отделения от федерации, в то время как либералы стояли за сохранение единства. На стороне консерваторов был мощный экономический фактор — части федерации практически никак не связывались друг с другом единым рынком.

22 ноября 1824 года была принята конституция нового государства. Либералы стояли за максимальный централизм, который должен был соединить пока еще сильно разобщенные экономически бывшие провинции генерал-капитанства. Консерваторы лицемерно выступали за подражание США с их слабой тогда центральной властью и за передачу основных полномочий государствам — членам федерации. Конституция переименовала Соединенные провинции в Федеративную Республику Центральной Америки. Либералы считали это своей победой.

Правда, большинство полномочий по новой конституции отходило к членам федерации, а избирательное право предоставлялось только мужчинам, владевшим солидным имуществом. Католическая церковь сохранила все свои привилегии. Первым президентом страны 29 апреля 1825 года был избран сальвадорец Мануэль Хосе Арсе, человек довольно консервативных взглядов. Президента на четыре года выбирали по многоступенчатым выборам с помощью коллегий выборщиков. Как и его коллега в США, центральноамериканский президент мог быть переизбран еще на один четырехлетний срок.

Конституция предусматривала (опять же по американскому образцу) строительство новой столицы. Но для этого были нужны деньги. Субсидий из Мексики больше не поступало. Поэтому пришлось вводить федеральные налоги (например, на торговлю табаком). За собой федерация оставила и таможенные сборы, что, естественно, не понравилось многим экспортно ориентированным латифундистам на местах, в том числе и в Никарагуа. Пришлось занять деньги у англичан на бесстыдно кабальных условиях.

²⁵ *Bulner-Thomas V. T. The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994. P.21.*

В стране немедленно началась гражданская война. Федеральный президент Арсе рассорился даже с правительством своего места пребывания — Гватемалы.

Яркой политической фигурой Центральной Америки того беспокойного периода был гондурасец Франсиско Морасан, родившийся 3 октября 1792 года в столице нынешнего Гондураса Тегусигальпе в семье креольского торговца и спекулянта земельными участками. Дед будущего героя Центральной Америки был корсиканцем. Учился Морасан в католической школе (других тогда не было) и много занимался самообразованием. Выучив французский язык, Морасан познакомился с трудами гениев Просвещения — Руссо, Дидро, Монтескье. С тех пор он твердо считал себя сторонником прогресса. Получив частное юридическое образование, Морасан в 1821 году вступил в милицию Гондураса в чине лейтенанта. Был сторонником независимости Гондураса от империи Итурбиде и в 1825-м стал председателем парламента Гондураса.

Разогнав либеральное правительство Гватемалы и федеральный конгресс, Арсе в 1827 году направил карательные войска в Сальвадор и Гондурас. Морасан, человек стойких либеральных убеждений, возглавил отряд в 300 человек для борьбы с федеральной армией, потерпел неудачу и был вынужден бежать в Никарагуа.

В Леоне Морасан встретился с командующим никарагуанской армии Ордоньесом, который снабдил его оружием и предоставил в его распоряжение 135 бойцов. В Никарагуа Морасан сформировал армию из либералов численностью примерно в 500 человек и в ноябре 1827 разгромил федеральные части, заняв Тегусигальпу. 27 ноября 1827 года Морасан стал главой Гондураса.

Весной 1828 года федеральная армия (состоявшая фактически из одних гватемальцев) снова начала военные действия против «мятежников», чьи ряды в основном составляли сальвадорцы и гондурасцы. Морасан с 1400 бойцами бросился на выручку Сальвадору и в октябре 1828-го, разбив части Арсе триумфально вступил в Сан-Сальвадор. Гондурасские и сальвадорские либеральные контингенты были объединены под командованием Морасана в «Союзную армию — защитницу закона». В армию входил и никарагуанский воинский контингент. В апреле 1829 года войска Морасана вступили в город Гватемалу. Реакционная диктатура Арсе была свергнута.

Морасан легко выиграл президентские выборы и в сентябре 1830 года принес присягу как глава федерации. В духе традиций французской революции Морасан попытался исключить церковь из процесса народного образования. Он основал университеты в Сан-Сальвадоре и никарагуанском Леоне (1830 год). В области внешней политики новый президент был горячим сторонником укрепления независимости Центральной Америки, чтобы оградить ее от экспансии США и Великобритании. Поддерживал Морасан и идею строительства трансокеанского канала через территорию Никарагуа²⁶.

²⁶ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 38.

В 1832 году Морасан бросил открытый вызов католическому епископату — он провозгласил в федерации свободу вероисповедания. Против него немедленно выступили реакционеры, и большую часть своего президентства Морасан вынужденно провел в походах и боях с реакционерами и сепаратистами всех мастей. За поддержку оппозиции Морасан выслал из страны архиепископа Рамона Каусаса.

В ноябре 1831 года в Гондурасе неожиданно высадился сильный отряд испанцев с Кубы. На сторону интервентов переметнулся президент Сальвадора. На мексиканской границе готовился вторгнуться в Гватемалу бывший президент федерации Арсе с отрядом в 400 человек. Морасан двинул на север отряд своих войск, и Арсе был разбит. Сам президент федерации возглавил поход против Сальвадора и взял столицу этой страны в марте 1832 года. Затем Морасан выбил испанцев с атлантического побережья Гондураса.

В 1834 году Морасан перенес столицу в Сан-Сальвадор и обещал обеспечить честные президентские выборы, для чего даже покинул свой пост. Выборы действительно были честными — на них победил соперник Морасана консерватор Хосе Сесильо дель Валье. Такой исход был практически предreshенным, так как голосовали только богатые, а они обычно стояли за консерваторов. Однако дель Валье умер, не успев вступить в должность, и новые выборы все же выиграл Морасан, вновь занявший пост президента 2 февраля 1835 года. Генерал немедленно предложил изменить конституцию, чтобы сделать федерацию более сплоченной. На практике это означало ущемление интересов гватемальской олигархии, которая считала Гватемалу «первой среди равных» в молодой стране.

В 1836 году новая редакция конституции была утверждена конгрессом. Отныне государствам-членам федерации запрещалось иметь собственные армии и взимать пошлины с внешней торговли.

Однако вступлению в силу новой конституции помешала неожиданно разразившаяся эпидемия холеры. В одной лишь Гватемале от холеры умерло более 1000 человек.

Священники немедленно объяснили неграмотным индейцам, что бог карает их таким образом за поддержку безбожника Морасана. Церковь даже распустила слухи, что власти нарочно отравляют колодцы, чтобы усилить эпидемию²⁷. Священники говорили, что либералы хотят истребить коренное население, чтобы заселить федерацию революционерами-европейцами. Правительство, между тем, отправило в индейские деревни врачей и студентов-медиков, но при тогдашнем уровне медицины побороть эпидемию было сложно.

Индейцы Гватемалы под влиянием лживой клерикальной пропаганды взяли за оружие, и против них были направлены правительственные войска, которые своими репрессиями привели в лагерь восставших еще больше сторон-

²⁷ *Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 46.*

ников. Восставших возглавил 22-летний сержант Рафаэль Каррера, которого церковь объявила народным вождем. Лозунгами его армии были «Да здравствует религия!» и «Смерть иностранцам!». В декабре 1837 года Гватемала попросила помощи федеральной армии, но Морасан ответил, что восставшие обмануты и их надо убеждать, а не принуждать.

Но Каррера воспринял эту позицию как проявление слабости, и 2 февраля 1838 года его полудикие отряды заняли столицу Гватемалы. Очевидцы сравнивали начавшиеся грабежи и разбои с захватом Рима готами Алариха. Характерно, что Каррера въехал в поверженную столицу либералов в мундире испанского генерала.

Между тем о выходе из федерации заявили Гондурас, Никарагуа и Коста-Рика, возмущенные решением федеральных властей отобрать у них взимание таможенных пошлин. От Гватемалы отделилось государство Лос-Альтос, намеревавшееся сохранить либеральный строй. 5 июля 1838 года Лос-Альтос приняли в разваливавшуюся на глазах федерацию в качестве шестого члена.

В апреле 1838 года Морасан легко разбил отряды Карреры (их остатки скрылись в горах) и вступил в столицу Гватемалы. Жители города, напуганные бесчинствами христолюбивого воинства Карреры, предложили Морасану диктаторские полномочия для восстановления гражданского мира в федерации. За это выступили даже консерваторы. Однако Морасан отказался, заявив, что диктатура противоречит его принципам. К лету 1838-го федеральная армия очистила от мятежников почти всю территорию Гватемалы.

Удар в спину Морасана нанесла Никарагуа, объявившая о своей независимости 30 апреля 1838 года. Похоже, сепаратисты сами не были уверены в своей затее, поэтому новую страну называли не республикой, а более расплывчато — «государством». Да и глава этого государства именовался весьма странно — «верховным директором».

Морасан срочно вернулся в федеральную столицу Сан-Сальвадор, но и там царили развал и анархия. 31 мая 1838 года федеральный конгресс постановил, что любое государство федерации вольно в своем выборе и может стать независимым.

Но Морасан не сдавался. Он вернулся в Гватемалу и продолжил громить мятежников Карреры, которые в конце 1838 года запросили мира. Тогда же по просьбе Морасана конгресс Гватемалы обратился к покинувшим федерацию странам с призывом вернуться в союз. Но те стояли на своем и ответили, что в выборах нового президента федерации участвовать не собираются. Так как 1 февраля 1839 года срок мандата Морасана истек, федерация осталась без легитимного главы государства. Это означало конец союза, поскольку Морасан был его главным связующим звеном.

Однако без дела генерал не остался. В том же феврале 1839 года его назначили главнокомандующим сальвадорской армией, которая готовилась отразить интервенцию гондурасско-никарагуанских войск. Морасан еще раз под-

твердил свое недюжинное военное дарование и в апреле 1839 года разгромил своих противников у местечка Эспириту-Санто («святой дух» по-испански; бог явно благоволил Морасану!). После этой блестящей победы Морасан был избран 13 июля 1839 года президентом Сальвадора.

Избрание Морасана реакционеры Центральной Америки расценили как попытку возродить ненавистную им либеральную федерацию. 24 июля 1839 года Гватемала (где заправлял Каррера) и Никарагуа подписали договор о военном союзе против Сальвадора. Морасан пытался перейти в контрнаступление и восстановить федерацию, но сил Сальвадора для этого было явно недостаточно. Предпринятая Морасаном военная экспедиция в Гондурас в августе 1839 года потерпела поражение²⁸. Каррера, в свою очередь, призвал народ Сальвадора к восстанию против Морасана, но последний быстро подавил отдельные очаги мятежа.

25 сентября 1839 года на территорию Сальвадора вторглась объединенная никарагуанско-гондурасская армия. Но Морасан, с отрядом всего лишь из 600 бойцов, наголову разбил 2000 интервентов, и те позорно бежали, оставив на поле боя более 300 убитых.

Морасан понимал, что душой консервативно-сепаратистских сил является Каррера. Поэтому в марте 1840 года он с небольшими силами неожиданно вторгся в Гватемалу и занял столицу страны. Морасан ранее всегда побеждал Карреру на поле боя, и казалось, что так будет и на сей раз. Но Каррера обхитрил противника. Он увел свои войска из столицы, а когда Морасан занял город, окружил сальвадорцев пятитысячной армией. В войну на стороне Гватемалы вступили Никарагуа и Гондурас.

Во время ожесточенного боя с индейцами-фанатиками, скандировавшими «Смерть Морасану!» и певшими псалмы, у войск Морасана кончились боеприпасы. Ему едва удалось с небольшим обрядом вырваться из кольца окружения.

27 марта 1840 года Морасан отказался от поста президента Сальвадора, чтобы, как он заявил, положить конец кровопролитию. Таким образом, участь центральноамериканской федерации была предрешена. Характерно, что США и Великобритания благоприняли известие о поражении Морасана. Закабалить отдельные слабые центральноамериканские республики было куда как проще, чем иметь дело с сильной федерацией, к которой стремился Морасан.

Летом 1839 года в Центральную Америку прибыл дипломатический представитель США Стефенс, который должен был разорвать отношения между Вашингтоном и федерацией под предлогом хаоса, царящего в Центральной Америке²⁹. Но на самом деле уже тогда американцев интересовала только возможность прорытия канала через территорию Никарагуа. И канал этот они

²⁸ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 51.

²⁹ Там же. С. 54.

намеревались контролировать единолично. Государственный секретарь США Ливингстон подчеркивал в инструкциях для первого посланника США в Центральной Америке Уильяма Джефферса: «Делом первостепенной важности для нас является соединение двух океанов судоходным каналом...»³⁰

Морасан в апреле 1840 года отправился в изгнание. Коста-Рика не приняла его, и последний президент федерации поселился со своими соратниками в Колумбии (ныне эта территория является частью Панамы). В 1841 году Морасан выехал в Перу, где ему предложили командовать дивизией перуанской армии в войне против Чили. Но генерал отказался, так как считал эту войну ненужной и братоубийственной.

Не прошло и года после кончины центральноамериканской федерации, как начало сбываться пророчество Морасана о неминуемом закабалении бывших республик федерации иностранными хищниками.

Англичане после развала федерации захватили единственный крупный никарагуанский порт Сан-Хуан-дель-Норте и лишили тем самым Никарагуа основного маршрута внешней торговли. Встала реальная угроза британской оккупации всего атлантического побережья Никарагуа и Гондураса. Никарагуа обратилась за помощью ко всем центральноамериканским республикам. Морасан решил, что внешняя угроза поможет воскресить федерацию, и в декабре 1841 года на борту корабля «Крестonosец» покинул Перу с семьей спутниками. В январе 1842 года Морасан высадился в Сальвадоре и предложил свою помощь в борьбе с британцами. К генералу стекались восторженные сторонники, но правительство Сальвадора, опасаясь осложнений с Гватемалой (где правил Каррера), попросило Морасана покинуть страну.

Морасан отплыл в Коста-Рику, где местные либералы только что подавили реакционный мятеж. Президент Коста-Рики Браулио Каррильо выставил против Морасана войска, но тот убедил их перейти на его сторону. 13 апреля 1842 года Морасан без боя вошел в столицу Коста-Рики Сан-Хосе. Многие тогда сравнивали триумфальное возвращение генерала со «ста днями» Наполеона. К сожалению, это сравнение оказалось пророческим, хотя конгресс избрал Морасана президентом Коста-Рики.

В своем перовом воззвании к народу Морасан выступил за восстановление центральноамериканской федерации. Флаг и герб распавшегося союза были объявлены национальными символами Коста-Рики. Были амнистированы все политические заключенные.

Морасан готовился к походу на север и для этого объявил в Коста-Рике всеобщую воинскую повинность и ввел чрезвычайный налог на собственников. Эти меры заставили местную олигархию вступить на путь борьбы с новым президентом. Да и многие простые костариканцы, только что пережившие гражданскую войну, не хотели умирать вдали от родной земли во имя непонятной для них федерации.

³⁰ *Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 53.*

20 июля 1842 года Морасан издал декрет, объявлявший Коста-Рику частью центральноамериканской федерации³¹. Фактически это означало объявление войны всем бывшим членам федерации. К началу сентября 1842 года экспедиционная армия Морасана была готова отплыть в Никарагуа. Но 11 сентября началось восстание против Морасана в Сан-Хосе. Антивоенные лозунги повстанцев привлекли на их сторону широкие массы населения. 400 вооруженных мятежников во главе с португальским генералом атаковали оставленных Морасаном в городе 40 сальвадорцев из его личной гвардии. Несмотря на огромный численный перевес, все атаки мятежников (число которых выросло до 1000) были отбиты. После трех дней ожесточенных уличных сражений Морасан отклонил предложение о капитуляции и с боем вырвался из Сан-Хосе.

Однако один из соратников Морасана, Педро Майорга, к которому генерал поспешил на помощь, просто сдал его в руки мятежников. 15 сентября 1842 года в день 21-й годовщины независимости Центральной Америки Морасан был расстрелян на центральной площади Сан-Хосе. В составленном для своего пятнадцатилетнего сына завещании он писал, что прощает все своим врагам и желает им всего наилучшего. Далее в письме говорилось: «...моя любовь к Центральной Америке умирает вместе со мной. Я обращаюсь к молодежи, которой суждено вдохнуть жизнь в эту страну, покидаемую мною с чувством горечи из-за царящей в ней анархии, и призываю молодежь последовать моему примеру: пусть она предпочтет скорее умереть, чем видеть родину в состоянии хаоса, в каком она, к сожалению, пребывает сейчас»³².

Смерть Морасана означала окончательный крах единого центральноамериканского государства и на долгие десятилетия определила незавидную судьбу народов этого региона, ставших игрушкой в руках сначала Великобритании, а потом США.

Идея федерации, однако, не погибла вместе с Морасаном. В апреле 1842 года Никарагуа, Сальвадор и Гондурас собрали полномочных представителей в никарагуанском городе Чинандега, чтобы воссоздать федерацию. Предполагалось, что править ей станет «верховный представитель» при поддержке совета из полномочных представителей трех государств. В течение шести лет путем ротации главой единого государства должен был побывать посланец от каждой страны. Парламенты трех стран выбирали бы по одному члену в единый судебный орган. Законодательный орган должен был быть сформирован из отобранных правительствами трех стран делегатов.

Правда, федеральные власти не должны были вмешиваться во внутренние дела стран-участниц. Поэтому участь этого образования, существовавшего скорее на бумаге, была предрешена.

³¹ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 60.

³² Там же. С. 61.

Первым верховным представителем стал сальвадорец Каньяс, которого сменил в 1843 году никарагуанец Фруто Чаморро. Общее правительство избрало своей резиденцией город Сан-Висенте в Сальвадоре. Однако все три страны продолжали жить своей жизнью, и, когда срок полномочий Чаморро истек, преемника для него не нашлось. «Федерация Чинандеги» прекратила свое существование.

В 1847 году делегаты трех вышеупомянутых стран собрались снова, на этот раз в гондурасском городе Накаоме, и призвали к восстановлению федерации и выборам в общий парламент — конституционную ассамблею. 22 июля 1847 года центральноамериканская федерация была формально воссоздана. Гватемалу и Коста-Рику пригласили присоединиться к ней. Но призыв так и остался призывом. Хотя Никарагуа и Гондурас ратифицировали «конвенцию Накаоме», Сальвадор одобрил решения только частично, и федерация опять не состоялась.

В 1853 году либеральный президент Гондураса Кабаньяс созвал в столице страны Тегусигальпе новый конгресс для восстановления центральноамериканской федерации. Однако воплощению идеи в жизнь помешали гражданская война и американская интервенция в Никарагуа.

После окончательного краха центральноамериканской федерации власть в Никарагуа перешла к местным олигархическим кланам. Статья 17 первой никарагуанской конституции 1838 года прямо делила всех людей на жителей и граждан. Выбирать могли только граждане — мужчины старше 20 лет (или старше 18, если они были женаты), родившиеся в самой Никарагуа и имевшие солидную собственность³³. «Жители», к которым относились практически все индейцы, никаких избирательных прав не получили. Но даже такие «выборы» были многоступенчатыми. Депутатов парламента выбирали выборщики, которых сначала выбирали граждане. Сенат выбирали еще сложнее: сначала избирали выборщиков, которые избирали других выборщиков, а уже те — сенаторов.

Конституция 1838 года еще сохраняла положение о защите индейского общинного землевладения.

Пришедшие к власти олигархи столкнулись с дилеммой. Новому государству нужны были деньги. Надо было создать более или менее регулярную армию, так как на восточное побережье страны все время зарились англичане. Да и от соседей добра ждать приходилось не всегда. В 1845 году сальвадорско-гондурасские войска захватили и ограбили ведущий город Никарагуа — Леон. Интервентам помогли консерваторы из Гранады, желавшие вырвать власть из рук леонских либералов.

Прямое налогообложение граждан и жителей Никарагуа было делом бесперспективным, поскольку развитых товарно-денежных отношений в стране

³³ Burns B.E. *Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College*, 1991. P.79.

не существовало, а большинство людей вообще редко видели деньги. Оставались, конечно, таможенные пошлины — но ведь олигархи сами поднялись против Морасана, чтобы вести как можно более свободную от пошлин внешнюю торговлю. Никарагуанские богачи делали деньги в основном на экспорте шкур крупного рогатого скота, а также на сахаре, хлопке, кофе и табаке. Делиться доходами они не желали. Оставалось только косвенное налогообложение, которое не зря называют «политикой Робина Гуда наоборот». Деньги изымались у бедных и передавались богатым — тем, кто производил товары народного потребления.

Беда была в том, что большинство людей обеспечивали себя едой сами. В эпоху анархии, с 1821 года, многие крестьяне, особенно в отдаленных районах, вообще не платили никаких налогов, так как подчас их просто некому было собирать.

Но в 1845 году министра финансов нового консервативного правительства, представителя одного из самых мощных олигархических кланов страны Фруто Чаморро³⁴ посетила гениальная идея. Он решил ввести налог на популярную среди населения «огненную воду» — крепкий спиртной напиток фабричного или кустарного производства. Конечно, Чаморро и его соратники-консерваторы объясняли новый налог высокими моральными соображениями: мол, никарагуанцы (особенно из низших слоев общества) слишком много пьют, чем мешают прогрессу страны.

К 1852 году налог на «огненную воду» стал самой важной статьей пополнения никарагуанского бюджета — 109 тысяч песо из 296 тысяч общей суммы доходов. Таможенные пошлины давали только 75 тысяч песо³⁵. Стоявшие у власти олигархи активно закрывали небольшие ликеро-водочные предприятия, чтобы их коллеги-олигархи из той же сферы бизнеса получали побольше прибыли. Консервативное правительство раздавало своим сторонникам монополии по обеспечению «огненной водой» отдельных городов и районов. Например, в 1845-м сенатор Бернардо Венерио получил монополию на четыре года по снабжению крепким зельем Леона.

Естественно, новая мера властей вызвала широкое недовольство в стране именно своей несправедливостью. Спиртное местного приготовления пили в основном бедняки — люди вроде Фруто Чаморро предпочитали импортные вина или виски и никаких налогов не платили.

Помимо «огненной воды» консерваторы стремились уничтожить общинное землевладение, скупить земли эхидо и заставить вчерашних собственников пойти к ним на плантации простыми рабочими. В разработанном консер-

³⁴ Чаморро родился в 1804 году в Гватемале, куда на учебу выехал его отец. Отец Фруто являлся одним из основателей консервативной партии Никарагуа и в 1839–1842 годах был сенатором.

³⁵ *Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P.147.*

ваторами в 1848 году проекте новой конституции уже не было упоминания о защите коллективного землепользования.

В стране началось активное повстанческое движение против консервативного правительства, которое, естественно, поддержала партия либералов. Одним из популярных в стране «разбойников-джентльменов» был Бернабе Сомоса, выходец из семьи, сыгравшей в истории Никарагуа зловещую роль³⁶.

Отец Бернабе Фернандо Сомоса владел в городке Хинотепе небольшим поместьем и принадлежал к демократам (то есть либералам), противникам испанского владычества. Но основной доход Фернандо извлекал из того, что был самозванным врачом-шарлатаном. Конкуренцию в этом ему составлял некий Матус, который принадлежал к партии легитимистов — сторонников сохранения колониального статус-кво. Когда Матус стал мэром, он попытался посадить Сомосу в тюрьму, обвинив его в появлении на улице после 18:00 с мачете, длина которого превышал разрешенные законом размеры (22 дюйма). Бернабе Сомоса вступился за честь отца и вызвал Матуса на дуэль. Последний завел против семьи Сомосы уголовное дело.

Семья Сомосы бежала в Сальвадор, примкнула там к либеральной партии Морасана и принимала участие в нескольких сражениях в рядах сторонников федерации.

В сентябре 1844 года в Сальвадоре был подавлен путч против президента-консерватора Франсиско Малеспина. Путчисты бежали в Никарагуа. Малеспин потребовал выдачи беглецов, но никарагуанское правительство либералов ответило отказом.

Тогда Малеспин собрал армию и вторгся в Никарагуа, чтобы разбить тамошних либералов и поставить у власти своих сторонников-консерваторов. Сальвадор заключил военный союз с Гондурасом. Мирные переговоры в ноябре 1844 года закончились провалом. 21 ноября 1844 года войска антиникарагуанской коалиции (к которой, как уже упоминалось, примкнули консерваторы из Гранады) стояли лагерем в одном из горных ущелий. Один из генералов круто обошелся с пьяными дезертирами, после чего почти половина армии разбежалась. 26 ноября интервенты все же подошли к Леону и обстреляли город из пушек. В защите Леона участвовала и семья Сомосы. 27 ноября, находясь в изрядном подпитии, Малеспин приказал штурмовать Леон. Атака была отбита с большими потерями для нападавших.

Никарагуанские демократы закупили за границей 1000 мушкетов, 200 ружей, 200 бочек пороха, 100 кг свинца для пуль и 12 тысяч кремней. Весь груз пришел в никарагуанский порт Реалехо, но британский вице-консул в Леоне Маннинг сообщил о нем Малеспину, и оружие оказалось в руках интервентов.

Малеспин назначил новым «верховным директором» Никарагуа представителя консервативной партии Сильвестре Сельву Сакасу. Взбешенный

³⁶ Бернабе Сомосу прозвали в народе «семь платочков», так как, согласно поговорке, ему не хватило бы и семи платков, чтобы смыть кровь со своих рук.

неудачным штурмом Леона, Малеспин сам повел свою армию в атаку, но и она была отбита после ожесточенного боя. В рядах осажденных не было единого командования, и жители города очень сильно страдали от постоянного артиллерийского обстрела. 24 января 1845 года Леон капитулировал, и Малеспин отдал его на разграбление своим солдатам, приказав расстрелять несколько самых видных горожан.

Бернабе Сомоса попал под суд, и консервативное правительство «верховного директора» Хосе Леона Сандовалья бросило его в тюрьму. Но Сомоса бежал и в июле 1845 года вместе с другими либералами объявил о создании народной армии для свержения навязанного стране силой правительства консерваторов. Армия либералов вошла в города Чинандега, Эль-Вьехо и Леон. Со временем Бернабе сосредоточился на контрабанде и различного рода «экспроприациях».

18 марта 1846 года он во главе отряда из тридцати вооруженных людей он напал на поместье упоминавшегося выше монополиста «огненной воды» сенатора Венерио и убил его³⁷. Отряд Бернабе, убивая по пути помещиков, двинулся на Чинандегу, где были казнены три крупных торговца. Сомоса стал в Никарагуа довольно популярной личностью, и либералы важного города Ривас избрали его своим предводителем. Первый посланник США в Никарагуа Сквайер описывал Бернабе Сомосу как «стройного, грациозного мужчину с пером в шляпе и в красном испанском плаще». Именно Сквайер назвал Бернабе «разбойником-джентльменом».

Пока в стране бушевала гражданская война, консервативное правительство решило принять новую конституцию, чтобы «покончить с анархией». Согласно проекту основного закона 1848 года существенно расширились права «верховного директора». Либералы решительно протестовали против этой новации, равно как и против исключения из конституции положения о защите общинного землевладения. Интересно, что обычно в Латинской Америке того периода либералы стояли за свободный оборот земель, так как считали общинное сельское хозяйство отсталым и малопродуктивным. Их идеалом был американский фермер. И только в Никарагуа либеральная партия твердо стояла на стороне большинства населения.

Гражданская война 1845–1849 годов велась на всей территории Никарагуа с небывалым ожесточением. Пришла в упадок не только экономика — позабылись основные правила человеческого общежития. Людская жизнь ничего не стоила, никакой охраны порядка не существовало. В 1838–1854 годах в стране сменилось 24 «верховных директора»³⁸.

Сумятицей в стране, естественно, решили воспользоваться внешние силы. В 1847 году Великобритания взяла под свой протекторат «королевство Москитию». Англичане вновь оккупировали Сан-Хуан-дель-Норте и переименовали

³⁷ Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 148.

³⁸ Staten C.L. The History of Nicaragua, Greenwood Publishing Group, 2010. P. 22.

его в Грейтаун («Серый город»). Грейтаун должен был стать отправной точкой будущего трансокеанского канала. США аннексировали Техас и в 1848 году отторгли у Мексики больше половины ее территории. Зловещее предсказание Морасана начинало сбываться.

Между тем Сомоса приобрел среди простых никарагуанцев такую популярность, что и консерваторы, и либералы (вожди этих партий были людьми богатыми) стали рассматривать его как серьезную угрозу самому понятию частной собственности. Генерал либералов Муньос в июне 1849 года объединился с консерваторами во главе с Фруто Чаморро и начал атаку на Сомосу в Ривасе, откуда все богатые фамилии сбежали перед этим в Коста-Рику. 14 июля Сомоса сдался и 17-го был расстрелян по приговору военного суда (а фактически без всякого суда)³⁹.

Характерно, что адвокатом Сомосы выступал его противник на полях гражданской войны консерватор Фруто Чаморро, а обвинителем — бывший соратник по армии либералов Муньос. Сомоса пытался доказать, что действовал как генерал армии либералов под руководством того же Муньоса. Он даже представил суду военные карты, на которых были зафиксированы приказы Муньоса. Но последний отказался признать карты в качестве доказательств, и Бернабе Сомоса был казнен как мятежник и бандит.

Казнь Сомосы была подана общественности как триумф цивилизации над варварством. Однако объединившаяся против собственного народа никарагуанская элита чувствовала, что победа непрочна. Олигархи срочно искали нового внешнего покровителя и не нашли ничего лучшего, как обратить свой взор в сторону Вашингтона. Новое консервативное правительство Никарагуа заявило, что в стране больше не будет эксцессов против «наших братьев североамериканцев». Победившая олигархия обратилась к идее постройке трансокеанского канала и решила, что лучше доверить это дело американцам, которые, помимо всего прочего, выгонят из Москитии назойливых англичан.

Для беспокойства в отношении Лондона были все основания. Сразу же после обретения Центральной Америкой независимости от Испании английская фирма «Барклай энд Компани» начала изучать возможность постройки канала через территорию Никарагуа. В 1830 году концессию на строительство канала получила голландская компания. В Париже в 1833-м вышел довольно популярный памфлет, излагавший все преимущества будущей водной артерии между Тихим и Атлантическим океанами.

Не дремали и в Вашингтоне. Уже в 1826 году конгресс США обсуждал сооружение канала в Центральной Америке. В 1835-м сенаторы предложили заключить с центральноамериканской федерацией соответствующий договор⁴⁰.

³⁹ Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 158.

⁴⁰ Ibid. P. 161.

Вопрос канала опять поднимался в сенате США в 1839-м и 1846 годах. Уже тогда в соответствии с пресловутой доктриной Монро США считали, что только у них есть право вмешиваться во внутренние дела своих соседей по Западному полушарию.

Но самым знаменитым пропагандистом канала оказался племянник Наполеона Луи Бонапарт, ставший позднее императором Франции Наполеоном III. В 1846 году он писал в памфлете «Никарагуанский канал: проект соединения Атлантического и Тихого океанов посредством канала»: «Так же как Константинополь был центром античного мира, так и город Леон или, скорее, Масайя станет центром мира нового; и если полоска земли, отделяющая два (никарагуанских) озера от Тихого океана, будет перерезана, она (Масайя) будет властвовать над всем побережьем Северной и Южной Америки. Как и Константинополь, Масайя расположена между двумя естественными гаванями и может служить убежищем для самых больших флотов, защищая их от нападения. Государство Никарагуа может стать даже лучшим, чем Константинополь, маршрутом для великой мировой торговли»⁴¹.

Конечно, будущий император французов был личностью очень противоречивой и увлекающейся. Но пассаж из его произведения ясно говорит о том, что никарагуанский канал владел в середине XIX века умами всей мировой общности.

Тема канала перешла из умозрительной в практическую после 24 января 1848 года, когда некто Джеймс Маршалл нашел в только что отторгнутой американцами у Мексики Калифорнии золото. В новый штат хлынули десятки тысяч искателей приключений и легкой наживы. С 1848-го по 1852 год в Калифорнию приехали более 200 тысяч человек. Но железной дороги между восточным и южным побережьем США тогда не было и путь из Нью-Йорка до Сан-Франциско занимал много недель, к тому же пролегая по населенной воинственными индейцами территории. В этих условиях взоры США обратились сначала к Панаме — давнишнему естественному перешейку между Тихим и Атлантическим океанами, — а затем к Никарагуа.

Таким образом, если в XVI веке золото привело испанскую империю в Никарагуа, то в XIX веке тот же самый металл сделал Никарагуа мишенью интересов другой империи — американской.

Консервативное правительство Никарагуа решило использовать неожиданно вспыхнувший американский интерес для противодействия англичанам, никак не желавшим покинуть Москитию. Британия посредством марионеточного «королевства» предъявила претензии на все атлантическое побережье Центральной Америки от Мексики до Панамы. Это означало бы смерть для всей никарагуанской внешней торговли. И угроза эта была весьма реальной.

⁴¹ Burns B.E. *Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College*, 1991. P. 161.

Негритянское население Москитии говорило по-английски, и вместо католической там прочно господствовала англиканская церковь. В 1848 году в Москитию прибыли и протестанты — моравские братья. Поэтому население Москитии не считало никарагуанцев соотечественниками и не было связано с остальной территорией страны какими-либо экономическими узами.

В 1841 году, как уже упоминалось, британцы на военном корабле привезли в Сан-Хуан-дель-Норте «короля» Москитии Роберта I, который и предъявил претензии своего «государства» на этот важнейший для Никарагуа город. Когда никарагуанский комендант порта заявил протест, британцы попросту арестовали его и выгнали из города. Годом раньше англичане организовали «Британскую центральноамериканскую земельную компанию», которая обещала раздать любому желающему подданному британской короны земельные участки в Никарагуа. Правда, компания не нашла денег и проекты так и остались на бумаге, однако ничто не мешало повторить этот вариант в будущем.

Британцы активно осваивали и побережье Гондураса⁴², а также пытались захватить острова в стратегически важном для всех центральноамериканских стран тихоокеанском заливе Фонсека.

При этом англичане, как и предвидел Морасан, использовали в своих интересах разобщенность центральноамериканских стран. Например, Гондурас в 1843 году подписал с Москитией договор о торговле, дружбе и союзнничестве⁴³. В 1844 году Никарагуа отправила в Лондон специальную миссию для разрешения вопроса о Москитии, но никаких результатов переговоры не дали.

Опасность для Никарагуа несло в себе и развитие мировой технической мысли. Появились паровые суда, и теперь из Европы и США вне зависимости от причуд розы ветров можно было быстро доставить к берегам Никарагуа любой груз — в том числе и армию вторжения. В апреле 1847 года конгресс США дал американской компании «Юнайтэд Стейтс Мейл Стимшип Компани» лицензии на транспортировку грузов к атлантическому побережью Центральной Америки. В следующем году британцы открыли прямое пароходное сообщение между Саутхэмптоном и Сан-Хуан-дель-Норте⁴⁴. Мнения никарагуанцев по этому вопросу никто не спрашивал.

«Золотую лихорадку» в Калифорнии «сильный человек» из стана правящих консерваторов Фруто Чаморро воспринял как благоприятную возможность для привлечения американских инвестиций. Он говорил о «революции», которую наконец-то привнес в Никарагуа прогрессивный американский капитализм. В марте 1849 года никарагуанцы действительно увидели эту «революцию» — в лице первой группы американских золотоискателей, решивших

⁴² В этом им сопутствовал успех, и сегодня там расположено англоязычное государство Белиз, бывший Британский Гондурас.

⁴³ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 84.

⁴⁴ *Burns В. E.* Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 165.

добраться в вожделенную Калифорнию через Никарагуа. 136 человек под руководством некоего Джорджа Гордона отправились из Нью-Йорка 20 февраля 1849 года, прибыли в Сан-Хуан-дель-Норте 19 марта и отплыли из тихоокеанского никарагуанского порта Реалехо 20 июля, прибыв в Сан-Франциско 5 октября. Таким образом, путешествие заняло семь месяцев, но главным образом потому, что золотоискатели долго ожидали попутных судов и дилижансов.

«Прогрессивные» американцы запомнились в Никарагуа бесконечными пьяными драками и активным интересом к местным женщинам. У многих никарагуанцев (которые сначала встретили янки очень радушно) зародились обоснованные сомнения в дружелюбности гринго.

Тем не менее консервативное правительство решило с помпой встретить дипломатического представителя США в Никарагуа — 28-летнего Сквайера, который прибыл в страну 22 июня 1849 года. Сквайер проследовал триумфальной процессией в сопровождении сливок никарагуанского общества через празднично украшенную Гранаду и прибыл в столицу Леон, где его приветствовали орудийным салютом и перезвоном колоколов. Один из лучших офицеров никарагуанской армии подполковник Селайя торжественно вез рядом с американским дипломатом «победоносный стяг» США (так писали об этом местные газеты). Официальный орган правительства газета «Болетин Офисьяль» провозгласила день прибытия Сквайера «днем величайших надежд для Никарагуа»⁴⁵. Сам Сквайер был потрясен таким торжественным приемом, радушием обывателей и тем, что в столице Никарагуа оказывается есть и мощные улицы.

Американский посланник (которого никарагуанские газеты считали «горячим сторонником счастья Никарагуа») был откровенен и раскрыл цель своей миссии прямо на вручении верительных грамот главе государства — событию обычно чисто протокольном. Во-первых, он подтвердил доктрину Монро, заявив, что «Американский континент принадлежит американцам» и что любая попытка посягнуть на интересы любой американской страны будет восприниматься как угроза США. Наверное, никарагуанцам слышать это было приятно — наконец-то, надеялись они, «дядя Сэм» поставит на место «Джона Буля». Но прибыл Сквайер в Никарагуа все же не за этим: «Одной из целью моей миссии является содействие предприятию, важному для всего мира — предприятию, успешное осуществление которого может дать этой стране возможность достичь степени процветания, равной которой не будет в целом мире»⁴⁶. Конечно, Сквайер имел в виду канал и с «радостью» сообщил никарагуанцам, что «инициатива» в этом направлении уже предпринята.

«Верховный директор» ответил, что дружба к США переполняет сердце каждого никарагуанца.

⁴⁵ Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 171.

⁴⁶ Ibid. P. 173.

Миссия Сквайера и правда оказалась более чем успешной. 26 августа 1849 года при активном содействии американского дипломата правительство Никарагуа подписало с группой американских бизнесменов во главе с Корнелиусом Вандербильтом⁴⁷ соглашение о передаче эксклюзивных прав на строительство трансокеанского канала. Компания должна была заплатить никарагуанскому правительству 10 тысяч долларов сразу же после подписания этого соглашения и выплачивать такую же сумму ежегодно вплоть до введения канала в эксплуатацию. Вандербильту отводилось 12 лет на привлечение инвестиций и постройку канала. Американцы получили и эксклюзивное право на строительство обычных и железных дорог в зоне канала, а также на организацию пароходного сообщения по никарагуанским рекам и озерам. После постройки канала компания Вандербильта гарантировала никарагуанскому правительству 10% чистой годовой прибыли.

Однако договор с самого начала оказался для Никарагуа невыгодным, хотя и вызвал крайне негативную реакцию Лондона. Вандербильту не удалось собрать необходимые средства. Он оправдывался тем, что озеро Никарагуа якобы недостаточно глубоко, чтобы принимать современные пароходы. Денег никарагуанцы так и не получили. Вандербильт добился от консервативного правительства выделения положений договора о наземном и речном сообщении в отдельную главу. Это означало, что американцы будут не строить канал, а зарабатывать деньги на перевозке людей по существующим рекам и дорогам. Согласившись и на это, Фруто Чаморро 1 мая 1851 года подписал с компаньоном Вандербильта Джозефом Уайтом договор об образовании новой компании «Аксесори Транзит Компани».

Однако далеко не все в Никарагуа разделяли оптимизм консерваторов относительно светлого будущего, основанного на долларах Вандербильта (пока чисто гипотетических). Лидер никарагуанских либералов того времени Франсиско Кастельон был крайне возмущен разнузданным поведением первой группы американцев, появившихся в Никарагуа в 1849 году. Он писал, что сама независимость Никарагуа поставлена под вопрос⁴⁸.

Но казалось, что, по крайней мере, сбывается сценарий успешной борьбы с Лондоном руками Вашингтона. Американцев, облюбовавших Никарагуа для себя, не устраивало какое бы то ни было присутствие англичан в Москитии и тем более в Сан-Хуан-дель-Норте — ключевом порту для компании Ван-

⁴⁷ Вандербильт родился в 1794 году. Уже в 16 лет он занялся бизнесом, получив от матери взаймы 100 долларов за то, что вспахал ей 8 акров земли. Так Вандербильт приобрел первую собственность — баржу «Быстроходная», на которой он перевозил пассажиров, беря 18 центов с каждого. Через год сын вернул матери долг. В 22 года у Вандербильта уже было несколько судов и огромный по тем временам капитал в 9 тысяч долларов. Со временем Вандербильт стал крупнейшим судовладельцем США и организатором первых линий регулярного пароходного сообщения.

⁴⁸ Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 178.

дербильта. 19 апреля 1850 года американский представитель Джон Клейтон подписал с британским представителем Генри Литтоном Бульвером договор. Согласно этому документу обе стороны отказывались от любых территориальных приобретений, «оккупации, строительства укреплений, колонизации» и «доминирования» над Никарагуа, Коста-Рикой, Берегом Москитов и любой иной части Центральной Америки, в том числе и посредством установления протектората или военного союза.

Обе стороны также отказывались от эксклюзивных прав на будущий канал через никарагуанскую территорию, который должен был быть свободен для судов всех стран (причем даже в том случае, если бы США и Великобритания начали войну друг против друга).

Договор Клейтона—Бульвера знаменовал полную капитуляцию Великобритании перед молодым североамериканским хищником. Однако перед ратификацией договора британский премьер Пальмерстон сделал оговорку, что документ не касается британских владений в Гондурасе и их «периферии». Клейтон тоже сделал оговорку, в которой США подтверждали права Лондона на британский Гондурас, под периферией одного понимали только небольшие острова у побережья страны, но никак не территорию любого другого центральноамериканского государства. К тому же Клейтон объявил, что и та и другая оговорки все равно не имеют никакой юридической силы, так как не будут ратифицированы сенатом США.

Никарагуанцев потрясло в договоре Клейтона—Бульвера то, что насчет их страны договаривались без ее участия. К тому же никаких денег компания Вандербильта в никарагуанский бюджет не переводила. Зато для самого Вандербильта Никарагуа стала золотой жилой, которая не снилась ни одному калифорнийскому золотоискателю.

Уже в ноябре 1850 года американцы добирались через территорию Никарагуа за 12 дней (из которых шесть уходило на наземный путь). Такой срок был связан с тем, что первоначально от озера Никарагуа путь золотоискателей лежал в Гранаду и тихоокеанский порт Реалехо, расстояние между которыми составляло около 200 километров, но затем было принято логичное решение переориентировать транспортный поток на гавань Сан-Хуан-дель-Сур. От нее до озера Никарагуа было всего 20 километров. Всего от атлантического Сан-Хуан-дель-Норте до тихоокеанского Сан-Хуан-дель-Сур было 200 миль (примерно 320 километров).

1 января 1851 года на озере Никарагуа появился первый пароход Вандербильта «Директор». Уже в конце года территорию Никарагуа можно было пересечь всего за 24 часа, заплатив за это компании Вандербильта 40 долларов⁴⁹. 14 июля 1851-го Вандербильт торжественно открыл бесперебойное пароходное

⁴⁹ Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P.180.

сообщение между Нью-Йорком и Сан-Франциско. 10 дней занимало морское путешествие от Нью-Йорка до Сан-Хуан-дель Норте. 20 дней уходило на пересечение Никарагуа (главным образом из-за пересадок, которых надо было ждать по нескольку дней). 15 дней пароход шел от Сан-Хуан-дель-Сур до Сан-Франциско (с заходом в мексиканский порт Акапулько). Таким образом, весь маршрут занимал 45 суток (и стоил при самой дешевой каюте 180 долларов), но Вандербильт поклялся, что вскоре сократит его до 25 дней. В августе 1853 года Вандербильт превысил установленную им самим планку, уложившись в 22 дня и 3 часа, а годом позже добраться от Нью-Йорка до Сан-Франциско можно было ровно за три недели.

В 1854 году через Никарагуа каждый месяц переправлялись уже больше тысячи американцев. Причем все они отмечали очень теплое и радушное отношение к ним местного населения.

Однако никарагуанское правительство не получило ни капли из того золотого дождя, который пролился на Вандербильта и в конце концов позволил ему отойти от дел и купить себе роскошную яхту. Служащие компании вообще игнорировали никарагуанских чиновников, ведя себя на территории суверенной страны как дома. 24 апреля 1854 года министр иностранных дел Никарагуа в официальной ноте правительству США жаловался на то, что «служащие компании обращаются с властями республики без должного уважения и приличия... они третируют правительственных чиновников»⁵⁰.

О поведении янки на территории Никарагуа свидетельствует следующий эпизод. В 1854 году на пароходе, шедшем по реке Сан-Хуан, один американец в присутствии консула США в Сан-Хуан-дель-Норте Борланда убил никарагуанца. Однако Борланд заявил, что у полиции города Сан-Хуан-дель-Норте нет никакого права арестовать гражданина США. Не успокоившись на этом, консул попросил президента США прислать в порт военный корабль для защиты американских граждан (!). В июле 1854 года американский корабль обстрелял город из орудий после того, как никарагуанцы отказались выплатить США репарации⁵¹. Это был первый, но, увы, не последний пример пресловутой американской «дипломатии канонерок».

Но власти США, которые в 50-е годы находились под полным контролем политиков из южных штатов, уже решили для себя, что зона будущего канала слишком важна для национальных интересов Америки, чтобы принадлежать какой-то там Никарагуа. К тому же американские транзитеры считали, что столь благодатная земля, которой Всевышний одарил Никарагуа, требует колонизации северной расой и введения рабства. Затем по образцу Техаса можно было бы присоединить наполненную американскими колонистами и их рабами землю к США.

⁵⁰ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 89.

⁵¹ *Staten C. L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 23.

Новый американский посланник в Никарагуа Солон Берланд при вручении верительных грамот 14 сентября 1853 года говорил уже совсем по-другому, чем Сквайер: «Нация, которая занимает такое выгодное географическое положение, не может... владеть этим богатством только и исключительно в своих интересах, закрывая доступ всем остальным»⁵².

В начале 1854 года американцы заставили Никарагуа подписать договор, по которому США получали право на провод своих войск через территорию страны.

В этом же году американцы по образцу вытесненных ими британских коллег попытались приступить к колонизации Никарагуа, хотя договор Клейтона—Бульвера это запрещал. Участник войны против Мексики 1846–1848 годов полковник Уильям Кинней создал «Компанию колонизации Центральной Америки», которая купила у короля Москитии 30 миллионов акров земли в устье реки Сан-Хуан. При этом «короля», который был британской марионеткой, нагло обманули, заключив с ним договор через третьих лиц, так что он и не подозревал, что продает землю американцам.

Правительство Никарагуа в марте 1854 года униженно умоляло США вспомнить о «горячей дружбе» между двумя странами и пресечь деятельность Киннея. Просили никарагуанцы встать на их сторону и своих центральноамериканских соседей. Откликнулась Коста-Рика, которая сама претендовала на устье реки Сан-Хуан. В декабре 1854 года костариканский посланник в Вашингтоне вручил госсекретарю ноту протеста. В ней говорилось, что Коста-Рика не признает никаких индейских королевств и считает любые заключенные ими договоры ничтожными. Костариканцы грозили выгнать любых колонистов силой оружия.

Госсекретарь сообщил, что правительство США не несет ответственности за деятельность частных предприятий.

В этих условиях никарагуанцы решили разыграть карту Лондона против Вашингтона и предложили Великобритании заключить двусторонний договор, по которому принадлежность Берега Москитов пока оставалась неопределенной (Никарагуа надеялась, что тамошние индейцы все равно добровольно присоединятся к республике), а Сан-Хуан-дель-Норте (или Грейтаун, по версии англичан) превращался в свободный порт, открытый для торговли всех стран. Однако Лондон отказался подписывать с Никарагуа какой бы то ни было документ, не упоминавший о Москитии. Правда, встревоженные активностью Киннея англичане побудили свою марионетку «короля» Москитии расторгнуть договор с «Компанией колонизации Центральной Америки».

Сам Кинней получил от правительства США предупреждение, что в случае его конфликта с Великобританией или Никарагуа компания не может рассчитывать на помощь официального Вашингтона. Кинней откровенно лгал, когда утверждал, что на территорию его компании придут только мирные колонисты. На самом деле он обещал каждому колонисту 640 акров земли в обмен

⁵² *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 90.

на обязательство военной службы в течение 12 месяцев. В январе 1855 года Кинней писал одному из будущих колонистов: «Я не думаю, что придется сражаться с оружием в руках, но мы полагаем, что организация такой колонии в этой части мира через несколько лет приведет к контролю над всей Центральной Америкой со стороны американского народа»⁵³. Своему другу Кинней говорил, что ему нужна всего пара сотен американцев, предпочтительно техасцев, чтобы захватить всю Никарагуа⁵⁴.

Упомянутое выше письмо попало в газеты, что вызвало протест никарагуанского правительства. Властям США пришлось начать официальное расследование деятельности Киннея, который обвинялся в подготовке вооруженного нападения на Никарагуа. Тем самым он нарушал закон США о нейтралитете, так как Соединенные Штаты не находились в состоянии войны с Никарагуа. В апреле 1855 года дело было передано в суд, полностью оправдавший бывшего полковника. Однако под давлением никарагуанцев правительство США обязалось силой воспрепятствовать отплытию группы Киннея в сторону Никарагуа. Тем не менее полковник обманул бдительность американских ВМС и сбежал на Ямайку.

Следует подчеркнуть, что мысли Киннея относительно неполноценности всех латиноамериканцев и необходимости для США колонизовать Центральную Америку высшей белой расой разделял весь политический истеблишмент тогдашних США, особенно на рабовладельческом юге страны. Законы США запрещали распространение рабства на северные штаты страны, поэтому плантаторы-южане были яркими пропагандистами аннексии Кубы и Центральной Америки. Но если Куба находилась под властью европейской державы — Испании, то слабые центральноамериканские страны были, по мнению Вашингтона, легкой добычей.

Посланник США в Никарагуа Джон Хилл Уилер записал в своем дневнике: «Страна должна быть под американским влиянием». Другой американец, Николас Кэрролл, проехавший через Никарагуа в 1855 году, писал в газете «Сакраменто Дейли Юнион», что ему не понравилось в этой благодатной стране только одно: «...неполноценная раса, населяющая ее, которая разорила этот рай. Но теперь грядет другая эпоха — свежие, молодые и энергичные люди той расы, которая везде оставила свой след, и везде этот след хороший»⁵⁵. Через девять дней после написания этого письма «энергичный и свежий» 35-летний Кэрролл умер в Никарагуа от холеры.

Газета «Нью-Йорк Таймс» полностью встала на сторону полковника Киннея с его благородной цивилизаторской миссией: «Центральной Америке предна-

⁵³ *Williams W.M.* Anglo-American Isthmian diplomacy, 1815-1915. См.: <http://www.ebooksread.com/authors-eng/mary-wilhelmine-williams/anglo-american-isthmian-diplomacy-1815-1915-hci/page-15-anglo-american-isthmian-diplomacy-1815-1915-hci.shtml>.

⁵⁴ *Burns B.E.* Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798-1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 186.

⁵⁵ *Ibid.* P. 186.

значено занять влиятельное место среди семьи наций мира, если ее преимущества местоположения, климата и почвы будут облагорожены нордической расой, которая заменит темнокожую, нечистокровную и находящуюся в упадке расу, которая сейчас является для этой земли проклятием»⁵⁶. Газета желала успехов «полковнику Киннею и его друзьям». Как видно, взгляды Адольфа Гитлера появились отнюдь не на пустом месте.

Мнение газет и всякого рода «путешественников» разделял и президент США Пирс, хотя высказывался он, конечно, более обтекаемо: «Сложно предложить любой другой объект для интереса внутреннего и внешнего, более важный для Соединенных Штатов, чем транспортное сообщение и коммуникация между восточным и западным побережьем (США)»⁵⁷.

Неудивительно, что американские посланники в Никарагуа в начале 50-х годов стали сообщать в Вашингтон о враждебности к США никарагуанского правительства и большинства населения.

Но на руку американцам играла сохранявшаяся политическая нестабильность в Никарагуа, где либералы (их называли еще демократами, или Народной партией) и консерваторы (легитимисты) продолжали соперничать друг с другом. Чтобы покончить со старинной враждой между либеральным Леоном и консервативной Гранадой, верховный директор, консерватор Хосе Пинедо в 1852 году перенес столицу из Леона в Манагуа⁵⁸. Однако народное восстание под руководством либералов вернуло столицу на прежнее место. Пинедо подавил восстание с помощью войск из Гондураса.

В 1853 году консерватор Фруто Чаморро, лидер гранадской олигархии, был избран верховным директором. Либеральная партия не признала результатов голосования ввиду многочисленных подлогов и фальсификаций. В ответ Чаморро попросту выслал лидеров либералов, в том числе и своего соперника на выборах Франсиско Кастельона, из страны.

22 января 1854 года Чаморро опять предложил изменить конституцию 1838 года и расширить полномочия верховного директора, которого предлагалось переименовать в президента, а государство Никарагуа — в Республику Никарагуа. Срок полномочий главы государства продлевался с двух до четырех лет. Но главное — президент получал право ликвидировать гражданские свободы в случае угрозы внутренней безопасности государства. К тому же по новой конституции увеличивался имущественный ценз для избирателей, что лишало права голоса тысячи никарагуанцев⁵⁹. Наконец, в новом проекте конституции уже не содержалось положения о защите общинного землевладения.

⁵⁶ *Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 186–187.*

⁵⁷ *Ibid. P. 187.*

⁵⁸ *Staten C.L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 23.*

⁵⁹ *Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 190.*

Либералы, в общем справедливо, расценили эти новации как попытку установления постоянной диктатуры консерваторов. Возражали либералы и против переименования страны. В их рядах было много последователей Морасана, мечтавших о восстановлении сильной и единой центральноамериканской федерации. Эта идея казалась тем более актуальной на фоне предсказанного Морасаном роста экспансионизма США в Латинской Америке. Переименование же Никарагуа в республику означало окончательное закрепление независимости и отказ от всех планов по восстановлению центральноамериканского единства. Причем именно так изменение названия страны и обосновал Чаморро.

28 февраля 1854 года парламент Никарагуа санкционировал изменение названия главы государства. 30 апреля Чаморро подписал закон о введении новой конституции в силу. Либералы ответили на это призывом к общенародному восстанию против правительства.

5 мая группа либералов во главе с ветераном гражданской войны 1845–1849 годов генералом Максимо Хересом высадилась в порту Реалехо. В этот же день северную границу страны перешел со своим отрядом Франсиско Кастельон, объявивший себя законным президентом страны. Никто не ожидал, что новая война затмит по ожесточенности все предыдущие сражения и что сама независимость Никарагуа окажется в смертельной опасности.

Солдаты армии либералов имели в качестве знака отличия красные ленты, консерваторы — белые.

К началу войны в Никарагуа, по данным бывшего посланника США Сквайера, жили примерно 300 тысяч человек, 30 тысяч из которых были белыми, 18 тысяч — неграми, 96 тысяч — индейцами и 156 тысяч — метисами⁶⁰. В самом большом городе страны Леоне насчитывалось 35 тысяч жителей, в Гранаде — 15 тысяч, в Ривасе — 4 тысячи.

Максимо Херес выпустил манифест, в котором объявлял президента Чаморро низложенным, а новую конституцию отмененной.

Участие иностранцев в никарагуанских гражданских войнах было делом обычным, причем, как правило, интервенты поддерживали консерваторов. Вот и теперь Чаморро призвал на помощь гватемальские войска уже упоминавшегося выше диктатора Карреры. Но на сей раз прибегнуть к внешнему содействию решили и либералы.

В декабре 1854 года Кастельон подписал соглашение с американским журналистом Байроном Коулом, которого финансировали два агента компании Вандербильта. Коул обязался предоставить в распоряжение либералов 200 вооруженных американцев, которым после победы либералов гарантировались земельные участки в северных департаментах Сеговия и Матагальпа. Эти департаменты были малонаселенны и покрыты труднопроходимыми лесами,

⁶⁰ *Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 37.*

и Кастильон рассчитывал, помимо всего прочего, на то, что американцы примут участие в их освоении⁶¹.

Американские наемники должны были прибыть в Никарагуа через 40 дней после подписания соглашения. Либералы гарантировали для каждого американца ежедневное питание, включая мясо. С юридической точки зрения американцы должны были рассматриваться как никарагуанские граждане и подчиняться всем законам страны.

Коул обратился к уже известному тогда своими «подвигами» американскому флибустьеру Уильяму Уокеру.

Уокер был южанином не только по рождению, но и по убеждению. Он родился 8 мая 1824 года в Нэшвилле (штат Теннесси) в семье банкира. Уокер был человеком явно талантливым и уже в 14 лет с отличием окончил университет Нэшвилла. Потом в течение двух лет он обучался медицине в лучших университетах Европы — Эдинбурге (его дед был шотландцем), Геттингене, Гейдельберге и Париже. Во время пребывания юноши в Европе Старый Свет захлестнула волна революций 1848 года, которые побудили Уокера заинтересоваться политикой. Он читал Гарибальди, Мадзини, Маркса и Луи Блана. Именно с тех пор Уокер стал восхищаться смелыми одиночками вроде Гарибальди, которые с небольшой группой соратников могли изменить судьбы целых народов.

В 19 лет Уокер получил диплом врача, но, видимо, участь чеховского Ионыча его не привлекала, и он отправился в Новый Орлеан учиться праву. Там же он подвизался на журналистском поприще вместе с Уолтом Уитменом. Так же как и многие другие, не нашедшие себя в этой жизни американцы, Уокер в 1849 году перебрался в Калифорнию. Золота там он не добыл, зато поучаствовал в трех дуэлях, в двух из которых его ранили.

В Калифорнии Уокер решил повторить подвиг Гарибальди и завоевать приграничные с США мексиканские штаты Нижняя Калифорния и Сонора. Там он хотел создать свое государство и заселить его американскими колонистами. Потом по образцу Техаса 1836 года новую республику, причем обязательно рабовладельческую, можно было присоединить к США.

Сама идея казалась привлекательной — только что Мексика проиграла войну в США, и в ней, как и в Никарагуа, воевали между собой либералы и консерваторы.

В 1853 году президент США Пирс⁶² потребовал у Мексики уступки еще одной порции территории, по которой должна была проходить трансконтинентальная железная дорога между западным и восточным побережьем Соединенных

⁶¹ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 97–98.

⁶² Пирс имел к Латинской Америке непосредственное отношение. Он пошел добровольцем на войну против Мексики в 1846 году и получил чин бригадного генерала. Будущий президент участвовал в штурме Мехико, где его свалила дизентерия. Был избран президентом в 1852 году от Демократической партии, выступавшей тогда за сохранение и распространение рабства. Став президентом, предложил Испании продать Кубу США за 120 миллионов долларов.

Штатов. Под угрозой войны мексиканцам пришлось продать за 10 миллионов долларов 45 тысяч квадратных миль.

Уокер решил не отставать от своего президента и приехал в Мексику, чтобы попросить у ее правительства разрешения на заселение северных штатов страны американскими колонистами, якобы для предотвращения набегов индейцев на южные штаты США. Получив отказ, Уокер вернулся в Калифорнию и решил захватить Нижнюю Калифорнию и Сонору силой.

15 октября 1853 года он с 45 добровольцами высадился в Нижней Калифорнии и захватил столицу штата Ла-Пас. Там Уокер провозгласил создание независимой Республики Нижняя Калифорния, а себе присвоил титул президента. В новой «республике» были введены законы штата Луизиана, включая рабовладение. Получив подкрепление из числа незадачливых золотоискателей и авантюристов, Уокер пытался завладеть и Сонорой, что ему не удалось.

Мексиканское правительство перебросило из Акапулько части федеральной армии с артиллерией. С февраля 1854 года флибустьерам пришлось вести тяжелые оборонительные бои против регулярной армии и мексиканского ополчения.

8 мая вместе с 33 уцелевшими спутниками Уокер бежал на территорию США. Его отдали под суд, но, естественно, оправдали. Зато Уокер добился, наконец, того, о чем мечтал всю жизнь, — всеамериканской славы. О нем восторженно писали газеты и даже ставились театральные пьесы.

Именно к этому человеку и обратился от имени никарагуанских либералов Коул в декабре 1854 года.

3 мая 1855 года Уокер с 58 флибустьерами отплыл из Сан-Франциско в Никарагуа. Свое воинство он гордо именовал «Американской фалангой» (явно сравнивая себя с Александром Македонским) или «Бессмертными» (так называлась гвардия противника греков и македонцев персидского царя Дария). 13 июня 1855 года (по другим данным — 10 июня) уокеровцы высадились в тихоокеанском порту Реалехо, где выпили все запасы спиртного. Их, естественно, потянуло на женский пол, и еще долго в Реалехо рождались светловолосые дети.

Правительство либералов пожаловало Уокеру участок в 52 тысячи акров.

Газета «Нью-Йорк Геральд» писала: «Благодаря полковнику Уокеру⁶³ мы скоро отделаемся от многих бесполезных бездельников. Вот уже два года как на углах главных улиц Нью-Йорка и около общественных зданий собираются толпы бродяг и лоботрясов, приехавших из разных концов страны. Эта порочная толпа состоит из директоров лопнувших банков, отставных генералов и разложившихся попов. На их лицах застыл ужас, который им внушает честный труд. Эти люди без благородных намерений, без энергии, без профессии... обивают углы, как голодные волки, в надежде, что вспыхнет мятеж или пожар, чтобы дать волю своим грабительским инстинктам»⁶⁴.

⁶³ Чин полковника никарагуанской армии Уокеру 20 июня 1855 года присвоили либералы.

⁶⁴ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 99.

Конечно, Уокера меньше всего интересовала победа никарагуанских либералов. Один из его спутников говорил, что миссией отряда является спасение никарагуанцев от тирании дикости и невежества. Уокер хотел завладеть не только Никарагуа, но и всей Центральной Америкой. Неслучайно его девизом была фраза «Все пять или ни одной!» (имелись в виду пять центральноамериканских республик).

Первым делом Уокер решил захватить тихоокеанский порт Сан-Хуан-дель-Сур, чтобы поставить под контроль компанию Вандербильта и заставить миллионера поделиться доходами. Под своим началом новоиспеченный полковник собрал около 100 американцев и 170 никарагуанцев. По пути Уокер с согласия Кастиельона решил захватить Ривас. Однако консерваторов предупредили (возможно, британский консул в столице либералов — Леоне), и они неплохо подготовились к отражению атаки, соорудив баррикады. 29 июня 1855 года отряд «бессмертных» Уокера численностью чуть более 300 бойцов пошел на штурм Риваса (у консерваторов имелось примерно 500 бойцов), но был отбит.

Обе стороны понесли значительные потери. Были убиты шестеро американцев, двенадцать — ранено. Пятерых раненых пришлось оставить в Ривасе, где их казнили. Таким образом, сражение стоило Уокеру одной пятой его отряда. Консерваторы потеряли примерно 70 человек убитыми и столько же ранеными⁶⁵.

Следует отметить, что в Ривасе против американцев одинаково героически сражались и местные консерваторы, и либералы. Никарагуанцы из армии либералов, пришедшие вместе с Уокером в Ривас, фактически отказались сражаться и предоставили флибустьеров их собственной судьбе. К тому же на помощь консерваторам из Сан-Хуан-дель-Сур пробились 80 бойцов полковника Аргуэльо, которые отрезали никарагуанских либералов от американцев.

Уокеру пришлось отступить в Сан-Хуан-дель-Сур, но там не оказалось его бригада «Веста», и флибустьеры конфисковали костариканскую шхуну, чтобы покинуть порт. В это время два пьяных американца подожгли бараки никарагуанской армии, и Уокер приказал их расстрелять. Одновременно Уокер приятно поразил местных жителей, приказав ухаживать за ранеными солдатами противника.

Уокер подозревал, что консерваторов в Ривасе предупредил командующий либеральной армией Муньос, который не скрывал своей ненависти к наемникам-гринго. 2 июля 1855 года Муньос писал президенту Сальвадора Сан Мартину, что не смирится с американским присутствием в Никарагуа⁶⁶. Но 18 августа 1855 года Муньос неожиданно погиб в бою, причем ходили слухи о покушении. Уокер выдвинулся на лидирующие позиции в командовании либеральной армии, и к нему присоединился даже соратник народного героя Бернабе Сомосы Хосе Мария Валье.

⁶⁵ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P.42.

⁶⁶ Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P.197.

На стороне либералов воевал и прусский офицер Бруно фон Нацмер, давно живший в Никарагуа.

Пока Уокер приходил в себя после поражения под Ривасом, армия консерваторов в количестве не менее 1000 человек под командованием генерала Корралья вышла из Гранады в направлении столицы либералов Леона. Вскоре Корраль достиг Манагуа. До Леона ему оставалось всего два дневных перехода. Казалось, что война уже проиграна, но неожиданно среди солдат Корралья вспыхнула холера, и им пришлось отойти назад к Гранаде.

Но Уокер и не собирался спешить на помощь либералам в Леоне. Главным для него было установить прочный контроль над транзитным трансокеанским маршрутом на юге Никарагуа, ибо только так он мог получать пополнение людьми и боеприпасами из США.

Уокер привык к поражениям, и, пополнив свою армию новыми американскими флибустьерами, он неожиданным для консерваторов маневром с моря занял 29 августа город Сан-Хуан-дель-Сур. На сей раз никарагуанцы под командованием бывшего соратника Сомосы Валье (примерно 170 человек) дезертировать не собирались и рвались в бой.

Далее Уокер двинулся на городок Ла-Вирхен, где нанес консерваторам первое поражение. На сей раз он сам поджидал противника в городке на заранее подготовленных оборонительных позициях. Была рассеяна армия в 600 человек (из них 60 погибли), причем Уокер не потерял ни одного американца убитым, хотя сам был дважды ранен. Также получили ранения три или четыре его сторонника. Среди либералов-никарагуанцев были убиты два и ранены три человека. «Фаланга» захватила 150 ружей. Эта победа подняла военную репутацию Уокера, тем более что он сам вел своих людей в бой и приказал не добивать раненых и пленных, что было для Никарагуа того времени обычным делом.

Тем временем скончался Кагельон и новым временным главой либерального правительства стал Насарио Эското.

После горьких уроков Риваса Уокер решил больше не принимать в свой отряд мобилизованных никарагуанцев, опираясь только на добровольцев. Но таковых было мало, за исключением отряда Валье. К концу сентября у Уокера имелось около 60 американцев, но 3 октября прибыл новый свежий отряд из Калифорнии в количестве 35 человек.

Уокер и далее продолжил воевать скорее маневром, чем прямыми боестолкновениями. Он захватил обычный рейсовый пароход компании Вандербилта и 13 октября 1855 года ударом с озера Никарагуа занял столицу консерваторов Гранаду, в то время как основная армия противника продолжала ждать его в Ривасе. В плен к Уокеру попали почти все правительство и члены семей многих министров. Уокер потребовал немедленной капитуляции армии консерваторов, угрожая расстрелом пленных. Его послание Корралю вызвался передать посланник США в Гранаде Уилер.

После захвата Гранады Уокер в присущем ему цветистом стиле обратился с манифестом к никарагуанскому народу: «Я заинтересован в сохранении интересов государства, в защите интересов рабочих, безопасности граждан, развитии искусства, науки, сельского хозяйства и т.п. и в поддержании порядка... Я продолжу захват других городов страны и предам смерти каждого, кто осмелится оказать сопротивление имперскому маршу моих войск...»⁶⁷ Уокер чувствовал себя теперь увереннее, тем более что к нему прибыли еще 60 американцев из Калифорнии.

Консерваторы решили сорвать зло на компании Вандербильта, так как ошибочно полагали, что Уокер является ее ставленником. Отряд консерваторов вошел в порт Ла-Вирхен и расстрелял трех американцев, служащих компании Вандербильта. В ответ Уокер с неслыханной для того времени жестокостью приказал казнить 22 октября 1855 года попавшего в его руки министра иностранных дел консервативного правительства Матео Майоргу.

Консерваторы, как и все общественное мнение Никарагуа, были так потрясены этим, что предпочли сложить оружие. Либералы предложили Уокеру стать президентом Никарагуа, но тот отказался, зато предложил кандидатуру лидера консерваторов Корраля (предварительно согласованную с американским посланником Уилером). Но Корраль тоже отказался от сомнительной чести.

23 октября 1855 года «миротворец» Уокер продиктовал обеим воюющим сторонам «мирный договор», который вместе с Корралем торжественно поклялся соблюдать, преклонив колени.

Формально новое единое правительство Никарагуа должно было стать непартийным. Пост президента занял известный либерал Патрисио Ривас, а главнокомандующий армией консерваторов Корраль стал военным министром. Обе стороны сокращали свои вооруженные силы до 150 человек. Командующим армией стал сам Уокер. Вместо привычных красных и белых лент противоборствующих сторон солдаты единой армии должны были носить голубые ленты цвета национального флага. Всего в армии насчитывалось примерно 600 человек, включая американцев.

Четыре других министра формально представляли не партии, а департаменты страны.

Пятым министром стал соратник Уокера Паркер Френч, которому доверили финансы. Это было все равно, что назначить известных гангстеров Бонни и Клайда директорами банков. Френча разыскивали в штатах Миссури и Техасе за финансовое мошенничество, в Мексике он был замешан в грабежах. Были у него нелады с законом и в Калифорнии⁶⁸.

⁶⁷ Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974. С. 207.

⁶⁸ Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P. 198.

Корраль понимал, что пройдет немного времени — и Уокер формально захватит и так фактически принадлежащую ему власть в стране. Он тайно обратился за помощью к президенту Гондураса Гуардиоле. Но письмо было перехвачено агентами Уокера, и старого генерала 8 ноября 1855 года расстреляли по приговору «суда». Даже этот «суд», составленный из наемников Уокера, рекомендовал помиловать генерала, но тщетно. Дочери генерала упали перед Уокером на колени, но и это не изменило участи Корраля.

К Уокеру все время прибывало пополнение из США, и вскоре его «фаланга» превосходила по численности сильно урезанную мирным договором регулярную армию. К ноябрю 1855 года у Уокера было уже 600 бойцов — солидная сила по центральноамериканским меркам.

Уокер быстро испортил отношения с пригласившими его либералами. Он отказался помочь вернуться к власти экс-президенту Гондураса Тринидаду Кабаньясу, который сам ранее помогал никарагуанским либералам. Уокер и не подозревал, что этот шаг будет стоить ему жизни. Подал в отставку с поста министра иностранных дел соратник Морасана, ветеран либеральной партии Максимо Херес.

Председатель консервативной партии Хосе Мария Эстрада призвал продолжить вооруженную борьбу против флибустьеров. Он призвал помочь Никарагуа все остальные центральноамериканские страны.

Между тем Уокер приступил к реализации своих планов по превращению Никарагуа в американскую колонию. 23 ноября 1855 года был издан декрет, который гарантировал всем поселенцам-иммигрантам по 250 акров земли, а семейным — по 350 акров. Уокер открыто говорил, что заставит всех индейцев и метисов покинуть Никарагуа, а их место займут представители высшей белой расы. На белых колонистов, естественно, должны были работать негры-рабы. Уже через три месяца после принятия декрета в стране насчитывалось 1200 американцев. Около 400 человек из них вовсе не собирались заниматься сельским хозяйством и пополнили ряды армии Уокера. Теперь иностранцев в никарагуанской армии было 1300 человек⁶⁹. С такими силами можно уже было затевать агрессию против соседних государств.

Особенно сильно волновалась самая слабая центральноамериканская страна — Коста-Рика. Ее правительство устами посланника в Вашингтоне Луиса Молины официально обратилось с просьбой к Англии, Франции и Испании прислать военные корабли в устье реки Сан-Хуан, чтобы предотвратить возможную высадку флибустьеров на костариканской территории. 10 ноября 1855 года Молина писал своим европейским коллегам: «Вне всяких сомнений, североамериканцы одержимы ненасытной жадностью к захватам и обогащению. Эта страсть постоянно побуждает их к экспансии, и, кажется, всякие представления о справедливости и несправедливости у них либо совсем исчезли,

⁶⁹ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 104.

либо искажены до неузнаваемости»⁷⁰. Однако Англия и Франция вели тяжелую Крымскую войну против России, и им было не до Коста-Рики.

Тогда костариканцы решили разделаться с флибустьерами Уокера своими силами, надеясь все же на поддержку других центральноамериканских государств. 20 ноября президент Коста-Рики Хуан Рафаэль Мора обратился к народу с воззванием, в котором охарактеризовал «бессмертных» Уокера как «банду авантюристов» и «подонков человечества». Мора заявил, что Уокер готовит вторжение в Коста-Рику и необходимо упредить его и дать бой на никарагуанской территории.

Следует отметить, что в то время в Коста-Рике проживали всего около 100 тысяч человек, а бюджет страны не превышал 260 тысяч песо. Поэтому Мора решил создать союз всех центральноамериканских стран против флибустьеров. Он начал переговоры с соседями Никарагуа, и Гватемала сразу пообещала вступить в войну против Уокера вместе с Коста-Рикой. Гондурас и Сальвадор заявили, что если Коста-Рика и Гватемала начнут войну, то они к ним присоединятся.

Посланник США в Никарагуа Уилер был южанином и горячим сторонником идей Уокера. Он систематически дезинформировал госдепартамент, сообщая, что при помощи Уокера в Никарагуа наконец-то воцарился внутренний мир. Через два дня после расстрела Коррала Уилер без согласования с Вашингтоном признал составленное Уокером правительство. Госдепартаменту пришлось срочно дезавуировать своего представителя. Интересно, что поддержала Уокера и католическая церковь, щедро ссужая его деньгами. Один из самых лучших ораторов Гранады падре Аугустин Вихиль назвал Уокера «ангелом-хранителем» Никарагуа и «Северной звездой». В благодарность за это Уокер назначил Вихиля посланником в Вашингтоне.

Уокер основал собственную газету «Никарагуанец», выходившую каждую субботу. Там он тешил свои журналистские амбиции, прославляя себя в третьем лице и скромно величая «светлоглазым человеком Провидения».

Был у Уокера и еще более мощный покровитель — Вандербильт. Именно его компания предоставила Уокеру пароход, на котором была захвачена Гранада. Добровольцев Уокеру из Сан-Франциско Вандербильт перевозил бесплатно. В 1855 году Вандербильт отбыл в Европу. За время его отсутствия служащие компании Гаррисон и Морган прибрали акции компании к своим рукам и нанесли ее владельцу большой финансовый ущерб. Вернувшийся Вандербильт был взбешен и стал угрожать своим бывшим компаньонам полным разорением. В ответ те в декабре 1855-го обратились к Уокеру и предложили, чтобы тот передал им компанию Вандербильта. Предлогом послужило то, что Вандербильт не платил никарагуанскому правительству согласованной в договоре суммы.

⁷⁰ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 42.

18 февраля 1856 года Уокер представил на подпись Ривасу декрет, отзывающий лицензию у компании Вандербильта на том основании, что она задолжала правительству 412489 долларов⁷¹. Имущество компании переходило правительству Никарагуа как залог впредь до уплаты долга. Таким образом, деятельность Вандербильта парализовалась и его место должна была занять новая компания во главе с Морганом и Гаррисоном. Вандербильт был потрясен черной неблагодарностью человека, которому он так помог. Миллионер немедленно прекратил рейсы пароходов в Никарагуа, переключив весь транспортный поток на Панаму. Через шесть недель блокады Уокер почувствовал недостаток в снабжении своих войск.

Морган смог подготовить свой первый пароход к рейсу из Нью-Йорка только 8 апреля 1856 года. Но Вандербильт не успокоился и направил своего агента в Гранаду с указанием всячески способствовать разладу между Уокером и никарагуанским правительством. Тогда Уокер передал все имущество Вандербильта в Никарагуа его конкурентам — Гаррисону и Моргану.

Между тем уже упоминавшийся выше полковник Кинней перебрался с Ямайки в Сан-Хуан-дель-Норте и провозгласил себя «губернатором» восточного побережья Никарагуа. Однако его люди дезертировали к более удачливому Уокеру. Кинней послал к лидеру «фаланги» эmissаров с предложением объединить силы. Не страдавший отсутствием самоуверенности Уокер попросил передать «губернатору, полковнику или как он там себя еще называет» Киннею, что если тот попадет ему в руки, то будет немедленно повешен. Посланцы полковника не замедлили присоединиться к «фаланге».

14 февраля 1856 года Киннея выслали из страны по требованию главнокомандующего никарагуанской армией полковника Уокера. Позднее он был убит во время борьбы за пост губернатора Техаса.

Зато угрозу костариканцев уже битый в Мексике Уокер воспринял более чем серьезно. 12 февраля 1856-го он отправил в Коста-Рику мирную делегацию, в задачу которой входило убедить Мору в исключительно благородных намерениях флибустьеров. Но Мора прекрасно понимал, с кем имеет дело, и уже 26 февраля получил у парламента чрезвычайные полномочия на случай войны. Был выпущен чрезвычайный заем на 100 тысяч песо, причем те костариканцы, чей ежегодный доход превышал 100 песо, а также те, кто имел собственный дом, должны были подписаться на этот заем в обязательном порядке⁷².

1 марта Коста-Рика объявила Никарагуа войну, а уже 4 марта костариканская армия численностью 2500 человек перешла границу и двинулась в направлении Риваса. В своем воззвании Мора сказал: «Соотечественники! К оружию! Пришло время, о котором я говорил вам. Мы отправляемся в Ни-

⁷¹ Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P.201.

⁷² Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 45.

карагуа, чтобы покончить с бесчестным сбродом, который обрек эту страну на мучительное рабство. Мы выступаем, чтобы воевать за свободу наших братьев...»⁷³

Президент Коста-Рики поднял черный флаг — по обычаям того времени, это означало, что пленных брать не будут. Правда, костариканцы обещали жизнь любому флибустьеру, который перейдет на их сторону с оружием в руках.

Костариканская армия фактически представляла из себя необученное ополчение вчерашних мирных граждан. Еще хуже дело обстояло с вооружением. У костариканцев были только кремневые ружья, на перезаряжание которых уходило много столь ценного в бою времени. Напротив, у американцев были современные винтовки, и частота их огневых залпов в разы превышала огневую мощь противника. В этих условиях костариканцы могли надеяться в наступлении только на штыковую атаку.

Уокер мог реально положиться только на 600 своих флибустьеров, но его «армия» еще и таяла с каждым днем от эпидемии холеры. 9 марта прибыли еще 250 добровольцев. Многие никарагуанские либералы восприняли действия костариканской армии как агрессию и выразили желание сражаться с интервентами. В ответ на это Уокер перенес столицу страны в либеральный Леон, снова сделал красный флаг либералов национальным стягом армии Никарагуа и 11 марта 1856 года объявил войну консерваторам.

Уокер решил ответить Коста-Рике собственным вторжением и направил к границе батальон, составленный из американцев (две роты), немцев (рота), испанцев и французов (примерно 300 бойцов). Дисциплиной эти четыре роты не отличались и продвигались вперед без всякой разведки. Командовал батальоном «полковник» Луи Шлезингер, которого ранее Коста-Рика отвергла как дипломатического представителя Уокера. Он желал расквитаться с неблагодарными костариканцами как можно быстрее. У местечка Санта-Росас на костариканской территории батальон попал в засаду, устроенную примерно тремя тысячами костариканцев. Бой длился пять минут, после чего напуганный молодецкой штыковой атакой костариканцев батальон позорно бежал. Костариканцы расстреляли два десятка пленных. Шлезингер удрал с поля боя и был предан Уокером военному суду.

Расстрел пленных вызвал яростный демарш американского посланника в Никарагуа Уилера, который грозил президенту Коста-Рики Море «решительными мерами» США по защите жизни своих граждан.

Между тем армия Коста-Рики перешла границу и перерезала транзитный межokeанский маршрут. 8 апреля 1856 года три сотни костариканцев во главе с майором Максимо Бланко заняли город Сан-Хуан-дель-Сур. Таким образом, жизненно важная для Уокера артерия снабжения оказалась под контролем противника, и отбить ее стало вопросом жизни и смерти. Хотя Морган и Гар-

⁷³ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 45.

рисон пока еще не смогли наладить пароходное сообщение вместо Вандербильта, но обещали сделать это на днях.

30 марта 1856-го Уокер сконцентрировал всю свою армию в Ривасе.

Глава флибустьеров решил использовать свой излюбленный маневр. Он посадил свой отряд из Риваса на пароход и 5 апреля отплыл прочь в Гранаду, надеясь, что костариканцы воспримут это как попытку вторжения на свою территорию и отведут войска из Никарагуа. После блокады Вандербильта охранять транзитный путь было бессмысленно, а с севера угрожали вторжением гватемальцы.

Но костариканцы подумали, что Уокер вообще решил покинуть Никарагуа, и удвоили усилия. Мора не испугался, и костариканцы заняли Ривас. Причем «бедному» Вандербильту досталось и от них — солдаты Моря сожгли верфи транзитной компании.

Уокеру ничего не оставалось, как отбить Ривас обратно и преградить дорогу врагу у столь несчастливом для него города. Он ускоренным маршем двинул к Ривасу 600 своих американцев и 11 апреля неожиданно напал на спящую костариканскую армию (по данным самого Уокера — примерно 3 тысячи человек, но, по всей вероятности, эта цифра преувеличена). Однако это оказались лишь передовые заслоны. Когда части Уокера ворвались в Ривас, костариканцы уже проснулись и с крыш начали метким огнем отстреливать флибустьеров. Потом они подожгли дома вокруг позиций американцев, и положение уокеровцев стало отчаянным. Бой продолжался около 20 часов.

Национальным героем Коста-Рики и по сей день считается 25-летний солдат-барabanщик Хуан Санта-Мария, который был послан в разведку и погиб, успев поджечь один из укрепленных домов флибустьеров.

Только ночью, потеряв 120 человек (58 убитыми и 62 ранеными) и бросив часть раненых, которых добились костариканцы, части Уокера смогли вырваться из пылающего Риваса.

Советники Моря настаивали на немедленном преследовании, чтобы покончить с Уокером. Но президент решил, что армии надо отдохнуть и с честью похоронить павших, тем более что остальные центральноамериканские страны все еще медлили с реальным началом боевых действий.

Костариканцы потеряли в бою около 600 человек (200 убитыми и 400 ранеными). Мора запретил солдатам писать письма домой, чтобы не волновать мирное население рассказами о реальном положении дел. К тому же неожиданно на помощь Уокеру пришла чума, начавшая косить ряды костариканской армии (первый солдат заболел 20 апреля). Море пришлось отдать приказ об отступлении на свою территорию. Жертвами чумы в мае — июне 1856 года стали примерно 12 тысяч человек — в основном мирных жителей⁷⁴. Погиб каждый десятый костариканец. Против Моря даже возник заговор, но его удалось предотвратить.

⁷⁴ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 107.

Коста-риканский президент удвоил усилия по привлечению союзников к борьбе против Уокера. Он писал своим посланникам в Гватемале и Сальвадоре: «В Соединенных Штатах уже продаются акции на владение территорией Центральной Америки, которую Уокер намерен захватить. Во всяком случае, они смогут покорить земли Коста-Рики, лишь когда умрет последний из ее жителей»⁷⁵.

Уокер расценил чуму как «помощь Провидения». Между тем в Леоне зрел заговор против самого Уокера, а костариканцы активно пытались купить оружие в Англии для продолжения войны.

5 мая 1856 года границу Никарагуа перешли гватемальские войска. Армия Гватемалы мирного времени являлась самой крупной в Центральной Америке и насчитывала примерно 1550 человек, а при мобилизации ее легко можно было развернуть в 10-тысячный контингент.

Однако Уокер не волновался: 15 мая его режим фактически признали США. В послании конгрессу США президент Пирс писал: «Поскольку республика Никарагуа в политическом смысле слаба и ее население истощено вследствие длительной гражданской войны между партиями, ни одна из которых не была достаточно сильной для одержания победы или поддержания постоянного внутреннего порядка, одна из борющихся партий республики обратилась за помощью и содействием к небольшой группе граждан Соединенных Штатов в штате Калифорния, появление которой, кажется, положило конец гражданской войне и одновременно восстановило порядок на всей территории Никарагуа... Неизменной политикой Соединенных Штатов было признание всех правительств, не вдаваясь в их происхождение или организацию, а также в средства, с помощью которых правители добиваются власти, если только эти правительства — фактические правительства. Для нас безразлично, содействовала ли победоносной революции иностранная интервенция или нет...»⁷⁶

В тот же день Пирс принял посланника Уокера. Однако костариканский посланник в Вашингтоне организовал мощный бойкот Вихиля, и тому пришлось самому снять с себя все полномочия и покинуть США.

В апреле 1856 года к Уокеру прибыли 220 новых добровольцев из США, что с лихвой возместило потери в Ривасе. Но с севера над Уокером сгустились тучи. Гватемальский диктатор Каррера решил вмешаться в никарагуанскую войну на стороне консерваторов.

4 июня 1856 года Уокер торжественно вернулся в Леон, где многие приветствовали его как избавителя от костариканских агрессоров. Между тем в стране происходили выборы президента, но Уокер решил, что теперь он и сам как «спаситель отечества» может занять этот пост. Поэтому он попросту отрешил временного президента Риваса от должности, и тот вместе с правительством бежал на север страны.

⁷⁵ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 47.

⁷⁶ Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974. С. 211.

25 июня сам Ривас отрешил главнокомандующего никарагуанской армией Уокера от должности и объявил его изменником и узурпатором. Уокер, тем не менее, вступил в избирательную кампанию (финальный тур президентских выборов был назначен на 29 июня). Избирательные участки открылись только в контролируемых флибустьерами Гранаде, Ривасе и Масайе. Естественно, все солдаты Уокера стали никарагуанскими гражданами.

«Выборы», как и ожидалось, принесли победу Уокеру, который набрал 15 835 голосов из 23 236⁷⁷. 12 июля состоялась инаугурация, но новый президент не владел государственным испанским языком и произнес текст присяги по-английски. Интересно, что Уокер распорядился дополнить сине-бело-синий флаг Никарагуа красной пятиконечной звездой.

В конце июня — начале июля 1856 года к «президенту» Уокеру прибыли еще 200 новых искателей приключений из США. Также Уокер захватил костариканскую шхуну «Сан-Хосе» и превратил ее в первый корабль ВМС Никарагуа «Гранада». На корабле даже были установлены две шестифунтовые пушки.

14 июля Уокер издал декрет, по которому в стране отныне можно было пользоваться как английским, так и испанским языком. К тому же все никарагуанцы должны были в течение шести месяцев предъявить и зарегистрировать у властей документы на владение землей. При этом у большинства населения таких документов не было вообще. Уокер стал активно конфисковывать земли «врагов нации» (то есть всех, кто был не на его стороне) и раздавать их своим флибустьерам в обмен на «военные расписки». Олигархи с ужасом наблюдали, как их исконные поместья переходят в руки иностранных солдат удачи.

Но сами флибустьеры, конечно, трудиться не желали, и 22 сентября 1856 года Уокер восстановил в Никарагуа рабство. Он, говоря о себе в третьем лице, писал: «По этому декрету должно судить об администрации Уокера, ибо он был ключевым для всей его политики... От восстановления африканского рабства здесь зависит постоянное присутствие в этом регионе белой расы»⁷⁸.

Свой шаг (кстати, противоречивший никарагуанской конституции) Уокер аргументировал тем, что испанцы в свое время плохо обошлись с «бронзовой» расой (индейцами), заставляя их работать на своих плантациях. Теперь индейцев надо освободить от тяжелого труда и взвалить его на «разжиревших от безделья негров». Таким образом, американский флибустьер хотел использовать в своих целях давнюю расовую неприязнь между индейцами и неграми. В духе модных тогда на американском Юге взглядов Уокер считал рабство чуть не благодеянием для негров. Мол, рабы в южных штатах США живут гораздо лучше, чем их свободные темнокожие товарищи в Бразилии или на Кубе.

⁷⁷ Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P.203.

⁷⁸ Ibid. P.208.

Мнение Уокера разделял и американский посланник в Никарагуа Уилер, полагавший, что развитие Никарагуа без рабства невозможно⁷⁹. К счастью для Никарагуа, декрет Уокера так и остался на бумаге.

Инаугурация Уокера заставила никарагуанских консерваторов и либералов сплотиться против узурпатора. На помощь им наконец-то стали подтягиваться военные контингенты других центральноамериканских стран. В тот самый день, когда Уокер приносил присягу, в город Леон прибыли 800 сальвадорских солдат во главе с генералом Рамоном Бельосо. Через неделю подошли 500 гватемальцев. На марше к Леону были и 600 гондурасцев.

Уокер так надеялся на боевые качества 800 своих американцев, что распустил все никарагуанские подразделения и запретил принимать в армию любого, кто не говорил по-английски. Однако сами флибустьеры, видимо, смотрели на вещи более реалистично, чем их «президент», и в августе 1856-го стали учащаться случаи дезертирства. Но Уокера это не смущало, и он даже разбил свою армию на отдельные контингенты, в то время как 1800 солдат армий центральноамериканских стран при поддержке никарагуанцев (400–500 бойцов) начали наступление на Гранаду. 24 сентября 1856 года противники Уокера заняли Манагуа.

Затем союзники смяли слабые кордоны Уокера и подошли к Масайе. К Уокеру тем временем прибыли еще 175 добровольцев, 40 винтовок и две горные гаубицы. «Президент» Никарагуа решил быстро пойти к Масайе, застать союзников врасплох и разгромить их в одном решающем сражении. Он опять сделал ставку на скорость и решительность маневра.

Оставив 200 человек в качестве резерва в Гранаде, Уокер с 800 бойцами неожиданно напал на союзников в Масайе 10 октября. Сальвадорский генерал оттянул все свои силы к центру города, где, используя каменные дома, они стали оказывать американцам ожесточенное сопротивление. В это время до Уокера дошли сведения, что его противники с юга (в основном гватемальцы) неожиданно напали на Гранаду. Он вывел все силы из Масайи и 13 октября атаковал врага в Гранаде, вовремя успев деблокировать свой гарнизон, забаррикадировавшийся в центре города. Гватемальцы отступили, бросив два орудия. На сей раз Уокер позабыл о своей былой галантности и стал расстреливать пленных, ссылаясь на жестокость гватемальцев.

Между тем костариканская армия пришла в себя, и президент Мора решил опять захватить транзитный маршрут, по которому к Уокеру стали прибывать люди и боеприпасы из США. В этом предприятии у Мора неожиданно появился важный союзник — Вандербильт. Он направил к Море опытного американского моряка Сильвануса Спенсера, который должен был помочь занять ключевые пункты межokeанской трассы.

⁷⁹ Burns B.E. Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991. P.208.

К середине октября 1856 года боевые действия не дали решающего преимущества ни одной из сторон. Но вскоре после боя за Гранадку к Уокеру прибыло свежее пополнение во главе с полковником Хеннингсеном, который сразу же получил чин бригадного генерала⁸⁰ Хеннингсен был классическим авантюристом с богатым военным опытом. Он родился в Англии и успел повоевать в карлистских войнах в Испании и на стороне венгерских повстанцев Кошута в 1848–1849 годах.

Хеннингсен приступил к военному обучению и более четкой организации разных флибустьерских отрядов.

Уокер отправил 250 солдат в местечко Вирхен-Бэй для того, чтобы изгнать с транзитной линии авангард костариканцев во главе с генералом Каньясом. Однако Каньяс отбил атаку флибустьеров, и Уокеру пришлось самому заняться упорными костариканцами. Утром 11 ноября 250 флибустьеров при поддержке двух орудий атаковали части Каньяса (примерно 800 человек) и обратили их в бегство.

Предотвратив угрозу транзитному пути, Уокер с 550 бойцами 15 ноября 1856 года опять двинулся на Масайю, чтобы разделаться с армией центрально-американских республик. Однако по пути он узнал, что к костариканцам подошло подкрепление в 700–800 человек, и отправил обратно на юг отряд в 200 бойцов. Таким образом, к Масайе выдвинулся отряд флибустьеров численностью всего 300 человек. У окопавшихся в городе союзнических войск людей имелось в три-четыре раза больше. В подобных условиях атака была, с военной точки зрения, полным безумием, но Уокер свято верил в превосходство белой нордической расы и не сомневался в победе.

15 ноября Уокер приступил ко второму штурму Масайи. Американцы продвинулись в центр города, но лишь ценой ужасных потерь — за день боев Уокер потерял убитыми и ранеными треть своего отряда⁸¹. Тем не менее флибустьеры продолжили самоубийственный штурм 16 и 17 ноября, медленно оттесняя союзников к центральной рыночной площади города. Но рассчитывать на победу не приходилось, и перед лицом полного уничтожения своей небольшой «армии» Уокер 17 ноября отдал приказ отступить к Гранадке. «Бронзовая» раса, если использовать терминологию Уокера, показала свое явное преимущество перед нордической, несмотря на превосходство американцев в огневой мощи.

18 ноября уокеровцы возвратились в Гранадку. Понимая, что удержать город не удастся и надо отступить к транзитной линии, чтобы иметь возможность покинуть Никарагуа на пароходе (военного флота у союзников не было), «гуманист» Уокер отдал приказ поджечь и разрушить Гранадку до основания. Для этого в Гранадке остался арьергард во главе с Хеннингсеном. Последний выполнил свой приказ столь основательно, что небольшую Гранадку не смогли полностью восстановить и через 30 лет.

⁸⁰ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 79.

⁸¹ Ibid. P. 82.

24 ноября 1856 года союзники атаковали отряд Хеннингсена в Гранаде (примерно 420 человек и шесть орудий) с трех сторон. Американцев зажали в центре города. Кроме того, союзники захватили две церкви, с которых простреливалась дорога из центра Гранады к причалам на озере — единственному возможному пути отступления флибустьеров. Положение Хеннингсена было безнадежным, а уничтожение его отряда — всего лишь делом ближайшего времени, так как муки у осажденных американцев оставалось на семь дней. Флибустьерам пришлось пойти на необычную военную хитрость: они специально дали попасть в руки союзникам большому запасу бренди, и на какое-то время американцев оставили в покое. Некоторые из них потом вспоминали, что вопли пьяных гватемальцев заглушали стрельбу⁸².

28 ноября союзники направили парламентаря к «командующему остатками сил Уокера», предлагая сдаться и обещая гарантировать свободный выезд из страны. Хеннингсен ответил отказом, составленным в нарочито грубой и обидной форме. Тем временем в городе вспыхнула холера, от которой страдали обе противоборствующие стороны.

В начале января 1857 года Уокер направил на помощь Хеннингсену отряд в 175 человек, который 14 января пробился от озера на соединение с осажденным гарнизоном. Весь отряд флибустьеров численностью примерно 200 человек отошел к причалу, погрузился на пароход и отплыл от груды руин, когда-то бывшей столицей Никарагуа. Перед уходом Хеннингсен поставил в городе шест с табличкой, на которой было написано: «Здесь была Гранада»⁸³. Даже в конце XIX века население Гранады не смогло достичь уровня 1856 года.

Во время ожесточенных боев в Гранаде флибустьеры потеряли 110 бойцов убитыми и ранеными, 120 человек умерли от болезней, 40 — дезертировали. Только 166 солдат удачи смогли покинуть Гранаду.

Между тем весь декабрь 1856 года Уокер сражался с наседавшими костариканцами в транзитной зоне. Неожиданным ударом армия Коста-Рики захватила у города Сан-Хуан-дель-Норте четыре парохода транспортной компании. Когда ее владельцы стали протестовать и просить помощи у капитанов британских военных судов, те логично ответили им, что компания сама стала участником боевых действий, когда долгое время перевозила Уокеру людей и оружие⁸⁴. Несомненно, Лондон был заинтересован в поражении Уокера, чтобы заменить американское влияние в Никарагуа своим.

Плохо одетые и еще хуже вооруженные костариканцы на пароходах отплыли по направлению к озеру Никарагуа и захватили врасплох порт Кастильо-Бьехо. Был взят также хорошо укрепленный форт Сан-Карлос, а затем костариканцы потопили пароход, на котором находились несколько десятков

⁸² Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P.87.

⁸³ Ibid. P.90.

⁸⁴ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С.90.

флибустьеров. С приходом в транзитную зону основных частей костариканской армии весь отрезок трансокеанского пути между Атлантическим океаном и озером Никарагуа оказался в руках противников Уокера. Неудивительно, что в этих условиях Уокеру было не до осажденного гарнизона Гранады.

11 декабря 1856 года флибустьеры заняли Ривас, который стал основным центром операций армии Уокера. В январе 1857-го ряды пиратской армииполнили 240 человек, 4 февраля из Нового Орлеана прибыли еще 180 флибустьеров, в середине марта — 130 техасцев. Однако вся эта нешуточная сила так и не смогла пробиться к Уокеру в Ривас — костариканцы стояли насмерть. Если бы это произошло, то под командованием Уокера сконцентрировались бы 1200 американцев — самая большая армия за все время авантюры флибустьеров. Вполне возможно, что с такой армией Уокер смог бы разбить истощенные боями за Гранаду и болезнями силы союзников (по уокеровским оценкам, сократившиеся за время боев с семи до двух тысяч человек из-за потерь, болезней и дезертирства). Но теперь исход компании был предreshен.

В том же январе командующий костариканскими войсками Мора прибыл в Гранаду и договорился, наконец, о координации военных действий между всеми частями союзников. Было образовано единое командование во главе с гондурасским генералом Ксатруча.

Пока союзники договаривались между собой, Уокер приступил к отвоеванию восточного участка транзита. После упорного боя флибустьеры отбили местечко Пунто-Ип, но их атака на Кастильо-Бьехо (который обороняли всего 34 костариканца) провалилась. Войска Уокера опять отступили к Ривасу, откуда время от времени совершали вылазки.

26 января 1857 года 800 костариканцев под командованием толкового и смелого генерала Каньяса заняли местечко Сан-Хорхе всего в двух милях от Риваса. 29 января флибустьеры во главе с Хеннингсеном два раза при поддержке артиллерии штурмовали город, но были отбиты с большими потерями⁸⁵. Каньяс писал Уокеру, издевательски благодаря его за то, что американские артиллеристы убили трех коров и освободили тем самым его солдат от обязанности мясников.

Уокер, как и Наполеон, считал, что ему просто не повезло с офицерами. 4 февраля он в четыре часа утра с 200 отборными стрелками напал на Сан-Хорхе, но и его постигла та же участь, что и Хеннингсена.

Большинство флибустьеров уже понимали, что война проиграна, и дезертирство из армии Уокера приобрело катастрофические масштабы. Иногда люди сбегали целыми взводами.

Уокеру для поднятия боевого духа своих людей срочно нужен был военный успех. 16 марта 1857 года он опять атаковал Сан-Хорхе, ведя в бой 400 солдат при поддержке семи орудий разного калибра. Но к тому времени и гар-

⁸⁵ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 98.

низон союзников в городке вырос до 2000 человек. Благодаря артиллерийскому огню флибустьеры смогли завладеть городом. 13 американцев были убиты и 63 ранены. В рядах противников Уокера убитых и раненых насчитывалось до 500 человек. Но союзники отступили в полном порядке и по-прежнему держали под контролем транзитный маршрут.

И в этот переломный момент «друзья» Уокера Гаррисон и Морган объявили, что полностью прекращают пароходное сообщение с Никарагуа. Армия Уокера оказалась в ловушке.

11 апреля центральноамериканские войска начали генеральный штурм Риваса, но он был отбит с большими потерями для наступавших. Однако 15 апреля костариканские войска захватили город Сан-Хуан-дель-Сур и тем самым окончательно отрезали флибустьеров от двух океанов. В Ривасе кончались продовольствие и медикаменты.

Казалось, что участь Уокера предрешена. Но на помощь пиратам пришло правительство США, срочно направившее в озеро Никарагуа военный корабль «Сент-Мэри» для вывоза флибустьеров на родину (судно стало на якорь в Сан-Хуан-дель-Сур еще 6 февраля 1857 года). Воевать с США союзники не решились, и 30 апреля им пришлось принять предложение-ультиматум капитана «Сент-Мэри» Дэвиса о посредничестве в прекращении боевых действий.

1 мая 1857 года Уокер подписал акт о капитуляции перед Дэвисом, игнорируя союзников. В обмен на это Дэвис обязался доставить остатки пиратской армии (274 человека; всего оружие сложили 463 флибустьера) в Панаму. Уокер и 16 его «офицеров» немедленно перешли на борт «Сент-Мэри» с личным оружием, лошадьми и багажом. Авантюра Уокера стоила жизни сотне его наемников и десяткам тысяч граждан центральноамериканских государств.

Естественно, союзные войска были возмущены открытым вмешательством США с целью спасения бандита, разорившего всю Никарагуа. Сальвадорский генерал Хесус Барриос, будущий президент страны, писал: «Эта капитуляция является позорным и унижительным документом для Центральной Америки... Никогда еще агонизирующий бандит не презирал так правительства, воевавшие с ним, и мужественных солдат, которые загнали его в угол. При сдаче города побежденные держались более гордо, чем победители»⁸⁶.

Министр ВМС США в своем докладе в 1857 году признавал, что Уокера спасли по прямому указанию американских властей: «Правительство сочло нужным в качестве гуманной и политической меры дать командиру дивизиона коммодору Мавину инструкции, чтобы он в случае необходимости содействовал эвакуации генерала Уокера и его товарищей из Никарагуа»⁸⁷.

До сих пор во всех центральноамериканских странах совместная победа над американскими флибустьерами является предметом оправданной нацио-

⁸⁶ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 113.

⁸⁷ *Медина М.* Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974. С. 212.

нальной гордости. Эту войну с гордостью называют Национальной. История показала правоту Морасана: только совместными усилиями могли небольшие республики отстоять свою независимость.

Говорят, что когда Уокер 5 мая 1857 года покидал Никарагуа, он сказал: «То, чего не добились винтовки, сделают доллары».

27 мая Уокера встречали в Новом Орлеане как героя. Он совершил турне по крупным городам Америки (Нью-Йорк, Вашингтон, Новый Орлеан), где рассказывал о своих «подвигах» благодарной публике. Ободренный горячим приемом, прежде всего в южных штатах, Уокер начал планировать новую экспедицию в Никарагуа. Всем добровольцам он обещал твердый ежемесячный доклад и 250 акров земли в Никарагуа. Для организации нового бандитского предприятия Уокер основал подпольную организацию «Центральноамериканская лига».

На «костях» своих незадачливых компаньонов, гнивших в никарагуанской земле, Уокер торжественно поклялся «не оставлять дела возрождения Никарагуа». В крахе своей авантюры он обвинил госсекретаря Марси, англичан и аболиционистов из северных штатов. Он убеждал публику, что никарагуанцы не могут управлять собственной страной и ее необходимо «американизировать».

В июне 1857 года Уокера принял новый президент Бьюкенен, которого Уокер заверил в том, что разгромил бы центральноамериканские войска, если бы ему не помешал капитан Дэвис.

Бьюкенен считал, что Уокер затеял благородное дело, вот только не смог нормально довести его до конца. В докладе сенату 7 января 1858 года президент сообщил: «Было бы намного лучше и сообразнее с мужественным и отважным характером наших соотечественников, если бы само правительство предприняло эти экспедиции, а не оставило бы их под командованием безответственных авантюристов»⁸⁸.

Костариканцы внимательно следили за деятельностью Уокера. 7 августа 1857 года правительство Коста-Рики обнародовало декрет, согласно которому любая группа под руководством Уокера при попытке вторгнуться в Центральную Америку приравнивалась к пиратской. Это означало, что в плен брать их никто не будет. Этот декрет признали правительства Сальвадора и Никарагуа. 14 сентября посланники Коста-Рики и Гватемалы в США заявили протест госсекретарю против беспрепятственной подготовки Уокером новой экспедиции в Центральную Америку⁸⁹. Американцам пришлось пообещать, что корабль ВМС США «Саратога» не допустит выхода экспедиции флибустьеров в открытое море.

Тем не менее, американский флот не помешал Уокеру 11 ноября 1857 года во главе 270 человек отправиться на корабле «Фэшн» к берегам Никарагуа.

⁸⁸ Гамбоа Ф. Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966. С. 54–55.

⁸⁹ Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 114.

«Саратога» спокойно наблюдала, как отряд Уокера высадился в устье реки Сан-Хуан и захватил несколько пароходов. Но тут в дело вмешались англичане, которым порядком надоела активность Уокера в зоне их влияния. 6 декабря к Сан-Хуан-дель-Норте подошли два мощных британских военных корабля.

Чтобы спасти Уокера от уничтожения, командир «Саратоги» Полдинг предложил ему сдаться, что тот и сделал 8 декабря со 132 своими сторонниками. Капитуляция проходила дружелюбно и сопровождалась искренними улыбками и рукопожатиями. В каюте Полдинга Уокер был доставлен в Панаму, где и отпущен под честное слово, что по возвращении США он добровольно явится в полицию Нью-Йорка.

В Новом Орлеане Уокер предстал перед судом по обвинению в нарушении законодательства США о нейтралитете, но был оправдан.

В октябре 1858 года Уокер опять попытался отплыть из США в Гондурас, но был задержан. Комедия повторилась вновь: суд в Новом Орлеане и оправдание. Уокер засел за мемуары о никарагуанской войне.

Однако «посланец Провидения» упорно продолжал испытывать судьбу. Весной 1860 года к нему обратились за помощью жители трех островов у побережья Гондураса, которые хотели отделиться от Гондураса и провозгласить независимость. Текста этой просьбы никто никогда не видел, и возможно, что Уокер ее просто выдумал. 5 августа 1860-го отряд под командованием Уокера (примерно 90 человек) высадился в гондурасском порту Трухильо, захватив местную таможню и укрепленный форт⁹⁰. Уокер объявил правительство страны низложенным и призвал всех гондурасцев поддержать его «революцию». Захватив Гондурас, Уокер намеревался напасть на Никарагуа. Видимо, мечта об этой стране никак не могла покинуть его воспаленный мозг.

Пока Уокер напрасно ждал толп восторженных гондурасцев, в порт Трухильо вошел британский военный корабль «Икарус». Его капитан потребовал от Уокера немедленной капитуляции, обещая ему безопасную транспортировку всего отряда в США.

Уокер ушел из Трухильо и направился вдоль побережья Гондураса, видимо, все же надеясь перебраться на пригласившие его острова. 24 августа ему удалось отбить атаку гондурасской армии — опять сказалось преимущество новых американских винтовок. Но в ходе стычек с гондурасской армией отряд Уокера сократился до 31 человека.

Несмотря на ранение в лицо, Уокер сохранил командование, и 27 августа его отряд достиг устья реки Рио-Негро. Три дня флибустьеры отдыхали, и Уокер считал себя вне опасности на побережье, так как никакого флота у Гондураса не было.

Однако Гондурасу помогли англичане, которые перебросили к месту лагеря Уокера 200 гондурасских солдат и 40 собственных морских пехотинцев. Бри-

⁹⁰ Lucas D. Nicaragua. The War of Filibusters. Richmond, 1896. P. 110.

танцы потребовали немедленной капитуляции. Уокер два раза спросил, капитулирует он перед Британией или Гондурасом (последнее представитель «высшей расы» считал для себя неприемлемым). Дважды получив от капитана «Икаруса» утвердительный ответ насчет Британии, Уокер сдался. Интересно, что в разговоре с британским капитаном он упорно именовал себя президентом Никарагуа.

Пленных погрузили на британский корабль и доставили обратно в порт Трухильо. Там Уокера и его заместителя полковника Радлера сразу передали гондурасским властям, а остальных флибустьеров под конвоем британских моряков препроводили в гондурасскую тюрьму.

Согласно законам войны, флибустьеры не могли рассчитывать на обращение с ними как с военнопленными, потому что они действовали на свой страх и риск, а не по поручению своей державы. Уокера приговорили к смертной казни и расстреляли в 8 часов утра 12 сентября 1860 года. Гондурасцы отказались хоронить этого человека, и тело погребли несколько оказавшихся в городе американцев.

Заместителя Уокера Радлера приговорили к четырем годам тюрьмы, но потомпустили. Остальных флибустьеров отправили прямым рейсом в США.

Уокера мог спасти его старый знакомый Кабаньяс, который со своими войсками находился неподалеку. Но он не забыл, как в 1855 году Уокер отказался помочь ему вернуть кресло президента Гондураса.

Так бесславно закончилась попытка Уокера «американизировать» Центральную Америку. Смертельная опасность, нависшая над молодыми и слабыми государствами, была успешно ликвидирована совместными усилиями, хотя и высокой ценой.

К счастью для латиноамериканцев, в последующие 10 лет США было не до них: американцы убивали друг друга в гражданской войне, самой кровопролитной в истории Соединенных Штатов. Затем несколько лет понадобилось для восстановления страны и достижения гражданского примирения между Севером и Югом.

Никарагуанские либералы были основательно дискредитированы своим сотрудничеством с Уокером, и до 1893 года страной непрерывно правили консервативные президенты. Пожалуй, впервые за всю историю независимой Никарагуа в стране был внутренний и внешний мир.

Сразу же после изгнания Уокера в Никарагуа было два временных главы государства — по одной от каждой из основных партий-соперниц (генералы Томас Мартинес и Максимо Херес). В 1858 году главой государства был избран консерватор Томас Мартинес, который правил страной до 1867-го (его переизбрали еще на один срок). В целом этого президента поддерживали обе основные партии, понимавшие, до чего может довести страну внутренняя смута. Однако с выборами Мартинеса в 1863 году не согласились либерал Максимо Херес и консерватор Фернандо Чаморро. Каждый из них поднял восстание, но

эти выступления были быстро подавлены — люди в стране устали воевать. Руководители мятежа бежали в Коста-Рику.

В 1858 году в стране была принята новая конституция.

Никарагуа пыталась наконец-то создать нормальную регулярную армию, но денег на это явно не хватало. Хорошо, что флибустьеры Уокера оставили в стране современные винтовки конструкции Минье. Среди высших офицеров армии преобладали представители гранадской консервативной аристократии. В самой армии полагалось быть 12 пехотным батальонам, двум кавалерийским эскадронам и двум артиллерийским бригадам. Эти части примерно равномерно распределялись по семи департаментам страны. В 1867 году в стране был принят первый Военный кодекс. 25 июня 1869 года вспыхнула новая гражданская война, для прекращения которой опять пришлось прибегнуть к посредничеству США. Повстанцы, требовавшие отставки президента Гусмана, захватили Леон, но были, в конце концов, разбиты.

Во внешней политике сложными оставались (и остаются по сей день) отношения между Никарагуа и Коста-Рикой. Обе страны хотели контролировать реку Сан-Хуан, которая все еще рассматривалась как важнейшее звено будущего межокеанского канала. В 1876 году президент Никарагуа Педро Хоакин Чаморро двинул против костариканцев пятитысячную армию.

К американцам никарагуанцы относились более чем настороженно, и очередной президент страны Гусман подчеркнул при вступлении в должность в 1867 году, что между Никарагуа и США пока не заключено ни одного договора⁹¹.

В ноябре 1869 года Англия передала свой протекторат над Москитией Гондурасу, что, естественно, не могло понравиться Никарагуа. Против этого восстали и местные индейцы. 28 января 1860 года Никарагуа в Манагуа удалось заключить с Великобританией договор, по которому Берег Москитов признавался территорией Никарагуа. Никарагуанцы, в свою очередь, обязались сохранить автономию местного индейского населения, часть которого была англоязычной. «Король» Москитии Джордж Август Фредерик II (правил с 1845 года) согласился с новым положением дел в обмен на ежегодную субсидию в 1000 фунтов стерлингов до 1870 года. После его смерти в 1865 году Никарагуа отказалась признать нового короля. Теперь бывшее королевство стало называться «резервацией».

Однако английские поселенцы в этом районе по-прежнему продолжали чувствовать себя господами и побуждали индейцев к сепаратизму, на что никарагуанцы пожаловались США в 1867 году. Анклавом управлял индейский вождь при помощи племенного совета в Блуфилдсе. Никарагуанцы считали весь совет английскими агентами, а вождя — их марионеткой. Индейцы-

⁹¹ Foreign Relations of the United States, 1867, Nicaragua (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1867-68v02/reference/frus.frus186768v02.i0021.pdf>).

мискито полагали, что суверенитет Никарагуа над Москитией не должен означать вмешательства никарагуанских властей в их внутреннюю жизнь.

Спор был передан на усмотрение императора Австро-Венгрии как третьей-ского судьи, и Франц Иосиф в 1880 году решил его в пользу местного индейского самоуправления. Суверенитет Никарагуа над Москитией оставался чисто номинальным.

Но главной проблемой для Никарагуа оставался вопрос канала. Американская транзитная компания по-прежнему ничего не предпринимала для строительства этой межокеанской артерии. В 1868 году был заключен никарагуанско-американский договор (договор Дикинсона — Айона), который провозглашал, что будущий канал должен быть открытым для судов всех стран. Суверенитет над зоной канала оставался за Никарагуа.

Но американцы внимательно следили за тем, чтобы Никарагуа не передала право на строительство канала подданным других стран. Когда в 1867 году никарагуанцы передали право на строительство канала между озерами Манагуа и Никарагуа немцу Зонненштерну, американцы фактически заставили их дезавуировать сделку, пригрозив лишить поддержки в споре с Англией по поводу Берега Москитов⁹².

В 1868 году по приказу давнего ярого сторонника никарагуанского канала Наполеона III с Никарагуа начал переговоры французский журналист и друг императора Мишель Шевалье. Но в 1870-м Наполеона свергли. К тому же Коста-Рика была настроена резко против этого проекта. Отказались участвовать в нем и американцы (французы пригласили США принять участие в совместном строительстве канала).

В 1872 году до американского посланника в Манагуа дошли слухи, что Никарагуа и Коста-Рика готовы поручить строительство канала британским подданным. Последовал резкий дипломатический протест США в Манагуа. Мол, участие европейцев в строительстве канала подорвет фундаментальные принципы «американской системы» (то есть доктрину Монро).

Со временем госсекретарь США Сьюард (который купил у России Аляску в 1867 году) стал обращать свои взоры к панамскому перешейку, принадлежавшему тогда Колумбии. Сьюард полагал, что если построить канал там, то это вызовет меньшее противодействие Великобритании, влияние которой в Колумбии было гораздо слабее, чем американское. К тому же госсекретарь думал, что Панамский канал станет достойным ответом на канал Суэцкий и покажет всему миру мощь американской промышленности и силу инженерного гения США.

В 1868 году начались американо-колумбийские переговоры, и 14 января 1869-го был подписан двусторонний договор, по которому США получили экс-

⁹² Foreign Relations of the United States, 1867, Nicaragua (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1867-68v02/reference/frus.frus186768v02.i0021.pdf>).

ключивное право на строительство канала через колумбийскую территорию. Колумбия обязалась не разрешать никому прокладывать канал или железную дорогу через Панамский перешеек без предварительного согласия Вашингтона. Правда, колумбийский конгресс отверг этот договор, но в январе 1870 года в Боготе был подписан новый договор. Теперь канал провозглашался открытым для судов всех стран за исключением тех, с кем воевали Колумбия и США.

Но не забывали американцы и никарагуанский вариант. В 1872 году американская экспедиция высадилась в устье реки Сан-Хуан, чтобы изучить возможность прокладки канала. Но члены экспедиции утонули, не успев даже начать дело. В 1873-м маршрут все же был изучен. Американцы установили, что на участке канала от озера Никарагуа до Тихого океана придется соорудить 20 шлюзов. Но это было все равно меньше, чем, например, при прокладке канала через Мексику (там требовалось более 100 шлюзов, что делало движение судов очень медленным). Стоимость никарагуанского канала была оценена в 100 миллионов долларов, Панамского — в 150 миллионов.

В 1876 году президент США Грант поручил начать строительство никарагуанского канала в течение года. Тут уже заволновались европейцы, и Гранту пришлось заявить, что канал будет международным и открытым для судов всех стран, а зона вокруг него — нейтрализована. Никарагуанцам представили проект договора, по которому зона будущего канала должна была управляться неким международным комитетом. В таком варианте Никарагуа фактически лишалась суверенитета над своей территорией. К тому же правительство Никарагуа никак не устроила гарантированная ему мизерная доля прибыли от операций будущего канала.

Коста-Рика вообще потребовала в качестве предварительного условия поддержки со стороны США в территориальном споре с Никарагуа (который не урегулирован по сей день).

В 1878 году США прервали переговоры с обеими странами.

В 1867–1870 годах американцы стали давить на правительство Никарагуа, чтобы оно согласилось передать США суверенитет над островами Тигре в тихоокеанском заливе Фонсека (такой же прессинг американцы применили и в отношении Гондураса и Сальвадора, для которых залив был не менее важен). США аргументировали свои требования тем, что у их флота нет ни одной базы между Панамой и Сан-Франциско. Залив Фонсека был единственным природным заливом на всем тихоокеанском побережье Никарагуа. К тому времени три соседние страны (Никарагуа, Гондурас и Сальвадор) никак не могли определить свои границы в заливе и не желали видеть там еще и американцев.

США были встревожены сообщениями о том, что военно-морскую базу на «Тигровых островах» хочет заполучить Пруссия. Немцы к тому времени активно заселяли Коста-Рику: половина иностранцев в этой стране говорили по-немецки.

Президент Никарагуа Гусман перенес столицу в Манагуа, к чему его вынудила очередная эпидемия холеры.

После изгнания Уокера произошли большие изменения в никарагуанской экономике. В 60-е годы страна впервые начала экспортировать на мировой рынок кофе. Специально для наращивания прибыльного кофейного экспорта была построена железная дорога до тихоокеанского порта Коринто и введено в эксплуатацию паромное сообщение до Манагуа. Основным регионом производства кофе стали центральные районы страны. В 1885–1890 годах экспорт кофе достиг 9,3 миллиона фунтов и стал основной статьёй вывоза Никарагуа, население которой в 1890-м составляло 423 тысячи человек⁹³. Другими экспортными товарами были хлопок, сахар, кожа и табак. В 1850 году весь экспорт Никарагуа составлял примерно миллион долларов — то есть по 3,7 доллара на душу населения (в Гватемале — 1,7 доллара, в Коста-Рике — 11,4)⁹⁴. Сделав главную ставку на кофе, Никарагуа последовала примеру своей соседки и соперницы Коста-Рики, которая активно вывозила кофе уже в 40-х годах XIX века. К 1913 году на кофе приходилось 64,9% никарагуанского вывоза.

Для кофейных плантаций требовались свободные земли и рабочие, поэтому все эти годы продолжалось наступление на общинное землевладение. В марте 1881 года вспыхнуло восстание индейцев (вошедшее в историю Никарагуа как «индейская война»), зверски подавленное национальной армией. Новый президент Карденас амнистировал в 1883-м уцелевших участников восстания. Тем не менее либералы в соседнем Гондурасе пытались организовать новую революцию с целью отстранения консерваторов от власти.

Никарагуа следовало опасаться не только традиционной английской или американской экспансии. В 1878 году к берегам страны подошли четыре германских военных корабля под стандартным предлогом защиты своих граждан.

Поводом было нападение на почетного консула только что созданной Бисмарком «железом и кровью» Германской империи Айзенштюка в городе Леоне в 1876 году. Падчерица довольно долго жившего в Никарагуа Айзенштюка была разведена, что являлось скандалом по меркам католической страны. Поэтому на семью консула уже два раза нападали на улице. Первый раз на Айзенштюка напал бывший зять, требовавший вернуть ему жену и трижды выстреливший из пистолета. 29 ноября 1876 года на консула напали полицейские, которые избили и арестовали его. Хотя Айзенштюка и выпустили, учитывая его дипломатический статус, но обидчиков его наказывать не собирались. Судья заявил, что дело носит не уголовный характер, а гражданский, «семейный».

Германия по американскому образцу потребовала от Никарагуа наказать нападавших, отдать салют чести германскому флагу военнослужащими ника-

⁹³ *Staten C.L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P.31.

⁹⁴ *Bulner-Thomas V.T.* The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994. P.38.

рагуанской армии и выплатить компенсацию в 30 тысяч долларов. Никарагуа проигнорировала ультиматум, так как не имела с далекой Германией серьезных отношений в какой-либо сфере.

Немцы усилили давление, подключив в качестве посредников одновременно Великобританию и США. Но никарагуанцы обошлись с американским дипломатом-посредником довольно невежливо, и США даже прервали с Никарагуа дипломатические отношения. Тогда немцы направили к тихоокеанскому побережью Никарагуа три военных корабля своей Восточноазиатской эскадры. Еще один корабль как раз находился в Вест-Индии и был направлен к атлантическому побережью Никарагуа.

17–18 марта 1878 года немецкая эскадра подошла к никарагуанскому побережью. Правительству республики пришлось выплатить 30 тысяч долларов, обидчиков консула оштрафовали на 500 долларов, а солдаты морской пехоты Никарагуа салютовали германскому флагу.

Падчирица же Айзенштюка вернулась к мужу и жила с ним до 1914 года.

Этот инцидент еще раз показал никарагуанцам, что расчет на помощь одной империалистической державы против другой является полнейшей иллюзией. Ведущие державы того периода разговаривали только на языке силы и только такой язык понимали сами. Отсюда следовал логичный вывод, что только объединение центральноамериканских стран может служить надежной гарантией их независимости.

Нужно отметить, что на протяжении всего XIX века то в одной, то в другой центральноамериканской стране предпринимались попытки восстановить былое государственное единство всего региона. В тех конкретных условиях сделать это можно было только военным путем: местные правящие элиты отдельных государств ни за что не хотели ни с кем делиться властью, а главное — своими экономическими выгодами, которые давало независимое положение. Ведь больше всего денег можно было заработать тогда на таможенных пошлинах или на сдачу иностранцам различных участков территории в концессию. Естественно, в случае объединения решение всех этих вопросов отошло бы к новым центральным властям.

Однако самые передовые и прогрессивные представители центральноамериканской элиты понимали, что только объединение сможет предотвратить военную и политическую экспансию США в Карибском бассейне и Центральной Америке.

В 1862 году воссоздать центральноамериканскую федерацию предложил президент Никарагуа Мартинес. В качестве главы единого государства он предложил реакционного гватемальского диктатора Карреру, что обрекало все предприятие на крах ввиду ненависти, которую испытывали к Каррере все либералы региона. Сама мысль, что объединение региона возглавит лютый враг Морасана, заставляла относиться ко всему этому проекту как к фарсу. Тем не менее было проведено несколько встреч полномочных представителей

центральноамериканских государств, однако Сальвадор наотрез отказался войти в федерацию под руководством Карреры.

В 80-х годах XIX века попытку воссоединить Центральную Америку принял президент Гватемалы Хусто Руфино Барриос.

Барриос родился в 1835 году, изучал право и в 1862-м стал адвокатом. Три года спустя скончался правивший много лет реакционный диктатор Гватемалы Каррера — заклятый враг Морасана. Барриос, обладавший недюжинным интеллектом и кипучей энергией, с головой окунулся в политику, присоединившись к либеральной партии. В 1867 году он примкнул к восстанию в регионе Лос-Альтос, жители которого хотели провозгласить независимость. В боях с правительственными войсками Барриос показал себя талантливым военным лидером-самородком. В 1871 году Барриос с другими гватемальскими эмигрантами вторгся в Гватемалу с территории Мексики. Либералы начали вооруженную борьбу с целью свержения многолетнего господства консерваторов в стране. Благодаря военному гению Барриоса либералы одержали победу, их лидер Гарсия Гранадос стал президентом, а Барриос — губернатором провинции Лос-Альтос.

Барриос был классическим либералом XIX века. Он считал католическую церковь главным препятствием на пути прогресса страны, а сам этот прогресс видел в развитии народного образования и привлечении передовых иностранных инвестиций при неукоснительном соблюдении суверенитета страны. По инициативе Барриоса из Лос-Альтоса были высланы все иезуиты⁹⁵. В ответ на это священники спровоцировали реакционное восстание в Гватемале, что привело к высылке из страны уже архиепископа. Но тот в эмиграции не сидел сложа руки и уговорил правительство Гондураса начать против Гватемалы войну.

Барриос как главнокомандующий гватемальской армией принял вызов, но одновременно заявил о желании восстановить на базе гондурасско-гватемальского союза центральноамериканскую федерацию времен Морасана.

В мае 1872 года Барриос всего на 32 дня стал временным президентом Гватемалы. За этот короткий срок он провел в стране коренные реформы: была провозглашена свобода прессы, ликвидированы монастыри и национализировано их имущество. В стране открылись первые школы для женщин. В 1873 году Барриос был избран президентом и немедленно национализировал уже все имущество церкви, которое подлежало продаже с торгов. В 1875-м в Гватемале было введено бесплатное светское начальное образование. Особое внимание президент обращал на подготовку национальных ремесленных и технических кадров, без которых было невозможно развитие гватемальской отечественной промышленности.

К концу правления Барриоса в Гватемале было 844 начальных школы, 47 вечерних школ для ремесленников и 17 вечерних школ для рабочих⁹⁶.

⁹⁵ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 119.

⁹⁶ Там же. С. 122.

В 1881 году Гватемала заняла первое место среди стран Центральной Америки по экспорту кофе.

При Барриосе в стране была создана нормальная полиция (которую даже можно было публично критиковать), появились железнодорожные линии и телеграфное сообщение. В 1879 году была принята конституция — первый основной закон страны с момента получения независимости. Консерваторы правили, опираясь на штыки Карреры, и в конституции особой надобности не испытывали.

В 1877 году посланник США в Гватемале характеризовал Барриоса как диктатора с консервативными наклонностями, который не хочет вмешиваться во внутренние дела соседних стран⁹⁷.

В 1880 году Барриос был избран президентом на шесть лет и приступил к осуществлению своей главной мечты — восстановлению единого центральноамериканского государства.

Сначала гватемальский президент решил урегулировать давний гватемальско-мексиканский пограничный конфликт из-за региона Чьяпас. Во время испанского колониального владычества Чьяпас входил в генерал-капитанство Гватемалу, но после образования центральноамериканской федерации был занят мексиканскими войсками. Однако все правительства Гватемалы всегда считали Чьяпас частью национальной территории. Стремясь заручиться поддержкой или, по крайней мере, нейтралитетом Мексики в ходе предстоящей тяжелой борьбы за объединение Центральной Америки, Барриос в 1882 году признал Чьяпас мексиканской территорией.

Еще в феврале 1872 года Барриос поддержал инициативу Гондураса по созову в Сальвадоре (что символично, в городе под названием Ла-Уньон, то есть «союз» по-испански) конференции всех центральноамериканских государств для обсуждения вопросов общего экономического развития региона. 17 февраля был подписан договор, предусматривавший строительство межокеанского канала, организации единой телеграфной линии и шоссейной дороги. Однако реального смысла договор не имел, так как к нему не присоединилось консервативное правительство Никарагуа.

Конференция кончилась тем, что гватемальские и сальвадорские войска вторглись в Гондурас и отстранили президента этой страны Медину от власти.

Но Барриос не сдавался и в 1875 году направил всем главам государств Центральной Америки приглашение приехать на конференцию, посвященную объединению всех стран региона. Начать он предлагал с единого механизма внешней политики и обороны региона. Конференция состоялась в 1876 году, но прибывшие на нее делегаты не имели никаких полномочий для решения поставленных на встрече вопросов.

⁹⁷ FRUS1877–1878 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1877-78v01/reference/frus.frus.187778v01.i0013.pdf>).

В январе 1882 года Барриос направил во все страны Центральной Америки эмиссаров с целью прозондировать отношение правительства к идее создания единого государства. Но этот проект опять встретил сопротивление Никарагуа и Коста-Рики.

Никарагуанцы считали, что строительство межокеанского канала через территорию Никарагуа озолотит страну, и не хотели делиться будущими баснословными доходами с другими государствами. Так как будущий канал должен был проходить по пограничной с Коста-Рикой реке Сан-Хуан, обе страны еще в 1858 году заключили соглашение о координации усилий в деле строительства канала. Таким образом, Коста-Рика также надеялась на будущие прибыли и не хотела поступаться своей независимостью.

Против объединения центральноамериканских государств был настроен мексиканский диктатор Порфирио Диас, который считал Мексику естественным гегемоном своих южных соседей. Но в регионе был гегемон и посильнее. США тоже не нравилась активность Барриоса, так как американцы считали и Мексику, и Центральную Америку зоной своего исключительного влияния. Со слабыми государствами дело Вашингтону было иметь гораздо проще. Авантюра Уокера показала, что совместными силами центральноамериканские страны вполне способны дать отпор даже военной интервенции США.

Барриос понял, что только одними конференциями своей цели он не добьется. В 1883 году он опубликовал ставшее знаменитым письмо к «Моим друзьям по либеральной партии центральноамериканских республик». Фактически он призывал либералов региона начать борьбу за объединение Центральной Америки, на пути которого стояли консерваторы. Сам Барриос в письме торжественно отказывался от поста президента будущего единого государства, чтобы не быть заподозренным в честолюбивых амбициях⁹⁸.

Мексиканский диктатор Диас (в указанный период он формально не был президентом, но пост главы государства занимал его ставленник), сторонник консервативных убеждений, хотя и считавший себя либералом, и противник любых революций был изрядно встревожен письмом Барриоса. Мексиканские посланники в Центральной Америке получили указание побудить все страны региона дать отпор инициативе Барриоса. Тем более что тот был готов (как и Морасан) добиваться воссоединения Центральной Америки силой.

В ноябре 1882 года мексиканский посланник Васкес доносил в МИД, что консервативное правительство Никарагуа настроено резко против объединения и ведет переговоры с Коста-Рикой о совместном отражении агрессии Гватемалы и ее потенциальных союзников.

Однако никарагуанская общественность отнюдь не была солидарна с настроениями собственного правительства. Например, выдающийся поэт Рубен Дарио был горячим сторонником единства и написал в 1883 году поэму «Цен-

⁹⁸ *Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 130.*

тральноамериканский союз», посвященную Барриосу⁹⁹. Зато резко против объединения выступила католическая церковь.

Если Никарагуа и Коста-Рика были оппонентами Барриоса, то президенты Гондураса и, особенно, Сальвадора относились к его планам с симпатией. Правда, президент Сальвадора Сальдивар был фактически поставлен у власти самим Барриосом. Но и здесь мексиканское правительство приложило немало усилий, чтобы не допустить хотя бы тройственного союза центральноамериканских государств.

Против объединения стран Центральной Америки были настроены и в Вашингтоне. Американцы опасались, что единое правительство сможет построить межокеанский канал в Никарагуа без помощи США, с опорой на европейский капитал. Американские газеты писали, что появление гватемальских войск в Никарагуа будет прямой угрозой американским национальным интересам. Резолюцию подобного же содержания принял сенат США.

Когда американский посланник в Гватемале публично поддержал возможность объединения Центральной Америки военным путем, его немедленно отозвали. Правда, интересно, что госдепартамент США и сам, не желая того, фактически поддерживал центральноамериканское единство. У США в Центральной Америке была только одна дипломатическая миссия — в Гватемале. В столицах других центральноамериканских республик были лишь консульские сотрудники. Обычно так организовано дипломатическое представительство в едином государстве.

При этом, как известно, США и сами возникли в ходе войны, а правительство Уокера в Никарагуа было признано Соединенными Штатами, как уже упоминалось, без всяких проблем.

Барриос был горячим поклонником США, считая эту страну идеалом с точки зрения прогресса, а во время войны между Севером и Югом поддерживал Линкольна. Одно время в госдепартаменте считали его идею центральноамериканского единства перспективной, так как руками Барриоса можно было убрать англичан из Британского Гондураса и Москитии. Тем самым, как думали в Вашингтоне, будущая центральноамериканская федерация станет послушной марионеткой США.

Не случайно, что Барриос обратился к США за посредничеством в деле решения гватемальско-мексиканского спора вокруг Чьяпаса.

В сентябре 1884 года Барриос пригласил в Гватемалу президентов Гондураса Луиса Бограна и Сальвадора Рафаэля Сальдивара. Три президента на секретных переговорах решили организовать объединенную армию и силой заставить Коста-Рику и Никарагуа присоединиться к будущей федерации.

Американцы были этим немало встревожены и немедленно подняли вопрос о бедственном положении американских рабочих и бизнесменов в Гвате-

⁹⁹ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 131.

мале, для защиты которых американский консул потребовал присылки военного корабля ВМС США в январе 1885 года¹⁰⁰.

Заручившись поддержкой Гондураса и Сальвадора, Барриос решил действовать. 28 февраля 1885 года в оперном театре Гватемалы собрались сливки общества, члены правительства и дипломатический корпус. Но театральное представление внезапно прервали. Были зачитаны два декрета Барриоса. В первом декрете говорилось о провозглашении единой центральноамериканской республики. Президент Гватемалы назначался верховным главнокомандующим объединенной центральноамериканской армией с задачей фактического установления единства всех пяти государств региона. Всем странам предлагалось к 1 мая 1885 года направить в Гватемалу по 15 свободно избранных представителей для определения формы правления и государственного устройства будущей единой страны. В декрете не было слова «федерация». Вероятно, Барриос, помня горький опыт Морасана, представлял себе будущее государство более или менее унитарным.

Второй документ был обращением Барриоса как верховного военного руководителя ко всем центральноамериканцам. Барриос подчеркнул, что Гватемала не собирается поработить другие страны региона, а хочет добиться лишь их равноправного единства. Всем офицерам армий центральноамериканских стран, которые поддержат единое государство, Барриос обещал повышение в звании на одну ступень.

Для противников единства в прокламации Барриоса содержалось весомое предостережение: президент Гватемалы заявил, что у его армии есть 50 тысяч новейших винтовок «ремингтон» американского производства с достаточным количеством боеприпасов.

Американский посланник в Гватемале сообщал, что декрет Барриоса был встречен овацией¹⁰¹. Он же предрекал сопротивление единству со стороны Никарагуа и Коста-Рики и информировал, что Барриос к этому готов. Американцев неприятно поразило то, что Барриос объявлял недействительными все международные договоры и кредитные соглашения с иностранными державами центральноамериканских стран, заключенные после 28 февраля 1885 года. Это ставило под вопрос возможные договоренности с Никарагуа по вопросу канала.

5 марта 1885 года конгресс Гватемалы единогласно одобрил шаги президента. В марте в пользу объединения единодушно высказался парламент Гондураса. Однако Сальвадор, на который так рассчитывал Барриос, под давлением Мексики отказался от присоединения. Напротив, президент Сальвадора, предав общее дело, попросил у Мексики защиты от «гватемальской агрессии». 10 марта правительство Мексики (где президентом снова был Порфирио Диас)

¹⁰⁰ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frus188586.i0011.pdf>).

¹⁰¹ Ibid.

направило Гватемале грозную дипломатическую ноту, предостерегая Барриоса от начала военных действий¹⁰².

Барриос сообщил американскому посланнику, что ответит Мексике на возможное нападение той же монетой.

Когда Сальвадор мобилизовал армию против Барриоса, президент Никарагуа Карденас заявил о полной военной поддержке Сальвадора в войне против Гватемалы. 8 марта 1885 года никарагуанский парламент решительно отверг инициативу Барриоса как посягательство на независимость Никарагуа. Гватемальский президент в ответ пообещал предоставить оружие тем никарагуанцам, которые решат поддержать борьбу за единство. Американскому посланнику в Гватемале было заявлено, что большинство никарагуанского народа не поддерживает линию своего консервативного правительства.

13 марта 1885 года американский консул в Манагуа Льюитт сообщил посланнику в Гватемалу, что вся Никарагуа бурлит после декретов Барриоса, а экономическая жизнь в стране прекратилась¹⁰³. На улицах, писал консул, звучат трубы и барабаны — никарагуанцы мобилизуют армию, всех мужчин от 18 до 50 лет. Под ружьем уже находятся 5000 человек. Но никарагуанцы смогут выставить самое большее только 8 тысяч солдат и офицеров — для всех остальных не хватает оружия.

Сразу же после мобилизации армейские части перебрасываются на границу с Гондурасом. Позиция Коста-Рики, Сальвадора и, особенно, Мексики вызвала, по словам Льюитта, большую радость в стране. Везде слышались крики: «Смерть Барриосу!» Готовясь к войне, правительство Никарагуа прекратило разменивать «полновесные» серебряные деньги на бумажные банковые билеты. Металлические монеты исчезли из обращения. В Никарагуа было введено осадное положение и прекращена работа парламента.

10 марта 1885 года американский консул в Манагуа встретился с президентом страны и специально во время этой беседы президенту Карденасу принесли телеграмму сальвадорского президента, в которой тот сообщал, что выставит против Гватемалы 20 тысяч солдат. Карденас просил Льюитта оказать помощь в быстром выполнении никарагуанского заказа на получение из США большой партии винтовок «ремингтон» (сама компания «Ремингтон» просила на поставку не менее четырех месяцев)¹⁰⁴.

Карденас не скрывал, что никарагуанская армия готовится к вторжению в Гондурас и Гватемалу для свержения президента Барриоса. Мол, пока Барриос у власти, никакого мира и спокойствия в Центральной Америке не будет. На время войны Карденас сложил обязанности президента и возглавил воору-

¹⁰² *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 135.

¹⁰³ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frus188586.i0011.pdf>).

¹⁰⁴ *Ibid.*

женные силы. Временным президентом стал очередной отпрыск самого именитого консервативного клана Никарагуа — Педро Хоакин Чаморро.

Льюитт подчеркнул, что правительство Никарагуа «не желает мира». Никарагуанцы не хотят даже посредничества США, так как это может помешать им свергнуть Барриоса.

Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика обратились к США и Мексике за помощью против Барриоса¹⁰⁵. Застрельщиком борьбы против единства была именно Никарагуа, которая немедленно перебросила в Сальвадор через порт Коринто оружие и боеприпасы. Никарагуанская армия готовилась вторгнуться в Гондурас. Предлогом для начала войны служило то, что, по утверждению никарагуанского президента Карденаса, гондурасцы готовились к вторжению в Сальвадор.

Однако сам Сальвадор явно провоцировал войну, надеясь на помощь Мексики и Никарагуа. Президент Сальвадора направил в Гондурас отряд из 4000 «партизан», которые должны были начать в этой стране антиправительственный мятеж. 200 «революционеров» были отправлены с такими же целями в Гватемалу. 25 марта 1885 года Барриос сообщил американцам, что намерен преследовать сальвадорских «бандитов» и на территории самого Сальвадора.

Барриос направил официальные ноты США, Мексике и основным европейским державам, уведомляя о возникновении нового единого центральноамериканского государства. Немцы и англичане подумывали об отправке военных кораблей к берегам Центральной Америки. США заявили, что установление центральноамериканского единства военным путем для них неприемлемо. Гватемалу предупредили, что США не потерпят нарушения прав американских граждан в ходе возможных военных действий.

9 марта 1885 года американский посланник в Гватемале прибыл в Сальвадор и встретился с президентом Сальдиваром по просьбе последнего. Дипломат сообщал в Вашингтон, что в Сальвадоре проходят антигватемальские демонстрации¹⁰⁶. Американцы поддержали Сальдивара, и президент показал посланнику США телеграмму Порфирио Диаса, где тоже гарантировалась помощь в борьбе против Барриоса.

Вслед за телеграммой Порфирио Диас сосредоточил на гватемальской границе мощную, по меркам региона, армию: 2000 сабель и 4000 штыков¹⁰⁷. К гватемальскому порту Сан-Хосе был направлен мексиканский военный корабль. Тем не менее Мексика побоялась официально вступить в антигватемальский военный союз вместе с Сальвадором, Коста-Рикой и Никарагуа, так как опасалась недружественной реакции США в ответ на этот шаг.

¹⁰⁵ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 35.

¹⁰⁶ FRUS, 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frus188586.i0011.pdf>).

¹⁰⁷ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 136.

Диас написал Барриосу, что мексиканское и центральноамериканское общественное мнение решительно отвергает его инициативу. Мексиканцы отозвали свою дипмиссию из Гватемалы и демонстративно перевели ее в Сальвадор.

Барриос, продолжая доверять американцам, попросил США быть посредником в назревавшем конфликте с Мексикой. Но в Вашингтоне мексиканский посланник активно работал над тем, чтобы США заняли по отношению к восстановлению центральноамериканского единства негативную позицию.

Порфирио Диас считал, что американцы все же могут решить поддержать Барриоса, а если тому удастся создать единое мощное государство, то он может попытаться отбить назад Чьяпас, ставший мексиканским штатом. Мексиканцы подозревали, что Барриос уже договорился с США о постройке межокееанского канала в обмен на поддержку его объединительных планов¹⁰⁸.

Мексиканцы были правы. Посланник Гватемалы в Вашингтоне Хауреги вел в 1884 году переговоры в госдепартаменте о строительстве трансокеанского канала через территорию Никарагуа в случае образования единой центральноамериканской республики. Однако гватемальцы не были готовы передать под юрисдикцию США полосу никарагуанской территории по обоим берегам канала¹⁰⁹.

Сами никарагуанцы отказались вступить в центральноамериканский союз во многом тоже из-за пресловутого канала. 15 марта 1885 года министр иностранных дел Никарагуа Кастельон сообщал в циркулярном письме всем никарагуанским дипломатическим представительствам: «Из той информации, которая имеется у правительства, можно сделать твердое заключение, что неожиданные и оскорбительные действия генерала Барриоса имеют в качестве подлинной причины стремление стать абсолютным арбитром переговоров о канале, а национальное единство он выдвигает лишь в качестве предложения»¹¹⁰.

Американцы тем временем направили в гватемальский порт Ливингстон военный корабль «Суатара» якобы для того, чтобы забрать оттуда уже упоминавшихся выше «американских рабочих», у которых-де не было денег на билет до Нового Орлеана.

Барриос, между тем, собрал 15-тысячную армию и двинулся к сальвадорской границе. Никто не сомневался в победе гватемальцев, тем более что на сторону Барриоса перешел и сальвадорский воинский контингент во главе с генералом Франсиско Менендесом (примерно 300 человек). Всего под началом Барриоса было 20 тысяч человек — больше, чем насчитывалось в регулярной мексиканской армии того времени.

30 марта 1885 года гватемальцы перешли границу Сальвадора, разбив в первом же бою заслон сальвадорских войск у селения Эль-Коко. Сальвадор-

¹⁰⁸ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 35.

¹⁰⁹ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 136.

¹¹⁰ Там же. С. 138.

цы бежали, бросив одну пушку, митральезу и много амуниции. 2 апреля армия Барриоса выдвинулась в район сальвадорского селения Чальчуапа, где окопалась сальвадорская армия. И тут неожиданно примерно в 11 часов утра президента Гватемалы поразила шальная пуля, которую многие назвали «мистической». Дело в том, что, по словам очевидцев, Барриос был надежно защищен бруствером окопа от фронтального огня. Скорее всего, его убили сзади или с растущих рядом деревьев¹¹¹.

Однако американский посланник в Гватемале сообщал позднее, что Барриос был убит в бою, когда лично повел свои войска на укрепленные позиции врага¹¹². Несмотря на панику в рядах гватемальцев, сальвадорцы не решились их преследовать.

С гибелью Барриоса погибла и идея центральноамериканского единства. Деморализованная гватемальская армия ушла из Сальвадора, а новый президент отменил знаменитый декрет своего предшественника и освободил из тюрем всех противников убитого президента. Семья Барриоса отправилась в изгнание в Сан-Франциско.

Именно консервативное правительство Никарагуа сыграло ключевую роль в крахе «проекта Барриоса».

Положение сальвадорского президента Сальдивара в собственной стране было очень непрочным — многие считали его предателем. В сальвадорской армии зрел заговор. Восстание против Сальдивара в мае 1885 года поднял соратник Барриоса Менендес. Под его командованием было от трех до четырех тысяч вооруженных сторонников. Первые бои принесли успех повстанцам. Американский посланник в Гватемале, посетивший Сальвадор, отметил, что силы Менендеса «растут с каждым» часом, а общественное мнение страны настроено в его пользу¹¹³.

В июне 1885-го по просьбе Сальдивара и его преемника никарагуанские войска (примерно 1100 человек) вступили на территорию восточных департаментов Сальвадора, что вызвало протест правительства Гватемалы. Даже американцы сочли никарагуанскую интервенцию «неуместной». Однако Никарагуа готовилась направить в Сальвадор еще 500 военнослужащих. Тогда и Гватемала стал стягивать к границе с Сальвадором войска — около 4000 человек.

В конце концов, никарагуанская интервенция не помогла, и Менендес стал временным президентом Сальвадора.

Во второй половине 80-х годов сложными оставались никарагуанско-гондурасские отношения, так как в Гондурасе по-прежнему правил сторонник Барриоса Богран. Прессу будоражили периодические сообщения о готовящейся войне между двумя странами. Фактически это было отголоском сохраняя-

¹¹¹ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 139.

¹¹² FRUS 1885 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1885-86/reference/frus.frus188586.i0011.pdf>).

¹¹³ *Ibid.*

шейся напряженности в гватемальско-сальвадорских отношениях, где Никарагуа была на стороне Сальвадора.

Пока консервативные правительства Никарагуа играли роль антинародного жандарма в Центральной Америке, против них росло недовольство в собственной стране. Сама консервативная партия (официально именовавшаяся республиканской) раскололась на два течения: церковников и прогрессистов.

В 1889 году скончался президент страны Карасо, и его четырехлетний срок отбыл до конца Роберто Сакаса, врач по образованию. В 1891-м Сакаса решил опять выставить свою кандидатуру на пост президента, хотя это было запрещено конституцией. Тогда Сакаса передал на короткое время президентские полномочия подставному малоизвестному политику и выиграл президентские выборы 1891 года. Однако это не понравилось ни консерваторам, ни либералам. 28 апреля 1893 года против Сакасы было организовано восстание в гранадском гарнизоне. Восстание поддержали и либералы.

Восставшие заняли Масайю и двинулись на Манагуа. При Ла-Барранке повстанцы разбили правительственные войска. Американский посланник Бейкер предложил свое посредничество в урегулировании конфликта. Летом 1893-го Сакаса был вынужден уступить власть временной хунте под руководством сенатора Мачадо (двух членов хунты назначал Сакаса, трех — повстанцы). Новое правительство было коалиционным: в него вошли и либералы, и консерваторы. Тем самым закончилось тридцатилетие консервативного правления в Никарагуа. Страна вступала в новый, судьбоносный период своей истории.

Глава 2 **Интервенция США и борьба генерала Аугусто Сандино: 1893–1934 годы**

Пришедший к власти в Никарагуа в 1893 году сорокалетний уроженец Манагуа Хосе Сантос Селайя, как и Барриос, был типичным либералом. В 16 лет он отправился в мекку всех тогдашних либералов — во Францию, где провел шесть лет.

Селайя стремился активно развивать в стране образование, бороться против засилья церкви, поощрять иностранные инвестиции и стоять на страже национального суверенитета. К американцам Селайя относился предупредительно, так как рассчитывал на помощь иностранного, прежде всего американского капитала в развитии страны. К тому же Селайя решил все-таки начать строительство межокеанского канала. И здесь он тоже полагался на инвестиции из США.

Пожалуй, дух правления Селайи лучше всего выразил великий никарагуанский поэт Рубен Дарио, говоривший, что дух никарагуанцев должен быть националистическим внутри страны и космополитичным по отношению к внешнему миру.

После тридцатилетнего правления консерваторов реформы Селайи в Никарагуа носили революционный характер.

Прежде всего, Селайя решил принять новую конституцию, которая сразу вызвала раздражение США. Многие либералы — делегаты конституционной ассамблеи хотели внести в основной закон положения об увеличении налогообложения иностранных компаний в Никарагуа. Дипломатический представитель США в Манагуа Бейкер в октябре 1893 года посетил Селайю и информировал его об «обеспокоенности» иностранного бизнеса. Селайя заверил Бейкера, что «просвещенные» элементы среди делегатов ассамблеи выскажутся против ограничения прав иностранцев, так как это может помешать иммиграции поселенцев в Никарагуа¹. Как и большинство либералов, Селайя полагал, что местное население Никарагуа (особенно коренное) якобы по природе

¹ FRUS, 1893–1894 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frus1894a.i0026.pdf>).

лениво и неспособно усвоить все нововведения мировой технической мысли. Поэтому президент делал ставку на привлечение колонистов-иностранцев из США и стран Европы.

В статье 9 конституции говорилось, что иностранцы могут покупать в Никарагуа любую собственность. Статья 10 нового основного закона логично провозглашала, что они должны платить такие же налоги и сборы, как граждане Никарагуа. При этом в случае возникновения споров они не имели права апеллировать к своим правительствам. После авантюры Уокера такое положение конституции для Никарагуа было весьма естественным, но вызвало резкое неприятие иностранного бизнеса в стране.

Но больше всего иностранцев в Никарагуа возмутила статья 12. Там говорилось, что если иностранные граждане обратятся к своим правительствам с «несправедливыми спорными требованиями» по отношению к правительству Никарагуа и если этот спор не будет урегулирован «дружески», то они могут потерять право на пребывание в стране.

И все же делегаты (правда, большинством всего в один голос) приняли спорную статью конституции.

В целом конституция (которую называли «Ла Либеррима» — «либеральная») ознаменовала собой коренной разрыв со всем наследием консервативного правления.

Была ликвидирована система не прямых выборов президента и парламента, а также отменен имущественный ценз для избирателей. Теперь выборы были всеобщими, прямыми и тайными. Конституция декларировала также отмену смертной казни и провозглашала основные права и свободы человека. В стране впервые была закреплена свобода вероисповедания, и образование стало носить исключительно светский характер. Была расширена автономия муниципалитетов².

К концу первого срока своего президентства Селайя направлял на народное образование до 10% бюджета страны³. При нем было построено 140 государственных школ.

Был легализован развод и признаны гражданские, то есть заключенные без посредничества церкви, браки. В 1899 году Селайя конфисковал всю церковную недвижимость.

Хотя многие положения конституции так и остались на бумаге, но для своего времени (и тем более для Латинской Америки) это был весьма прогрессивный документ. Правда, всего через девять месяцев после торжественного принятия положения новой конституции были временно приостановлены и в стране ввели осадное положение, действовавшее до февраля 1896 года. К 1905 году

² Baracco L. Nicaragua: The Imaging of a Nation From Nineteenth-Century Liberals to Twentieth-Century Sandinistas. Algora Publishing, 2005. P. 37.

³ Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 32.

были фактически ликвидированы многие права и свободы, и Селайя, по сути, правил страной как диктатор.

В какой-то мере все эти шаги были вынужденными. Серьезные преобразования Селайи вызвали яростное сопротивление консерваторов, церкви и иностранного капитала.

Например, еще в конце 1893 года Селайя объяснял американскому посланнику аресты своих оппонентов и введение осадного положения тем, что в стране в розыске находится 3–4 тысячи единиц оружия, а арестованные (всего пять человек) готовили вооруженное восстание. Американец счел такое объяснение резонным⁴.

В то же время Селайя в 1899 году добился принятия закона против бродяжничества. Согласно этому документу все люди на селе и в городе были обязаны работать. Таким образом Селайя заботился о том, чтобы владельцы плантаций кофе (основного экспортного товара Никарагуа) всегда могли иметь резерв дешевой рабочей силы. По новому закону все индейцы должны были определенное количество дней в году отработать в поместьях, где выращивались экспортные культуры, или на предприятиях по развитию инфраструктуры, которые поддерживались правительством. Третьим вариантом было поступление на военную службу.

Еще в 1894 году был принят закон, по которому так называемые сельские судьи могли заставить работать любого никарагуанца старше 14 лет. В 1898-м были введены трудовые книжки.

Селайя даже организовал специальную сельскую полицию, которая следила за тем, чтобы рабочие не покидали кофейные плантации и вели себя смирно.

В 1906 году Селайя сделал то, чего так и не смогли добиться консерваторы: он отменил юридическую защиту общинного индейского землевладения. Теперь кофейные магнаты могли расширить свои плантации за счет индейских земель.

Селайя ориентировался на превращение Никарагуа в лидирующего экспортера таких сельскохозяйственных культур, как кофе, а позднее бананов. Его политика по раздроблению общинного землевладения привела, с одной стороны, к росту производства технических экспортных культур, а с другой — к падению сборов основных продовольственных сельскохозяйственных культур в стране. Никарагуа пришлось импортировать продовольствие, в частности пшеницу. И такое положение дел сохраняется по сей день.

Количество мелких производителей при Селайе сократилось, зато выросло крупное плантационное хозяйство.

Селайя исходил из того, что мировые цены на кофе начиная с 1890 года стали расти. Следовательно, наращивание экспорта этой культуры могло (за счет таможенных пошлин) дать правительству либералов необходимые средства

⁴ FRUS, 1893–1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frus1894a.i0026.pdf>).

для модернизации страны, прежде всего ее образования и транспортной инфраструктуры.

В результате разгрома общинного землевладения 30 крупных латифундистов получили при Селайе 1,3 миллиона гектаров земли⁵. В стране появилась сезонная безработица, — ведь цикл производства кофе, как и любой сельскохозяйственной культуры, носил сезонный характер. Когда работы не было, тысячи бывших мелких землевладельцев, теперь лишенных земли, наводняли города, усугубляя тем самым их проблемы.

Правда, Селайя стремился поощрять и мелких фермеров выращивать кофе. Правительство давало им кредиты, субсидии и разрешало бесплатно транспортировать этот товар по государственным железным дорогам. Многие фермеры стали отказываться от производства традиционных бобов и кукурузы и переходить на выращивание кофейных деревьев. Однако большинство правительственных субсидий доставалось всего 57 латифундистам — все они были сторонниками Селайи и либералами⁶.

Такая политика оказалась близорукой, потому что Никарагуа стала заложником резкого колебания мировых цен на кофе. А планы Селайи сделать Никарагуа ведущим экспортером этого продукта в мире оказались иллюзорными. Уже в конце XIX века мировые цены благодаря громадным объемам производства стала определять Бразилия. К тому же кофе в то время был еще в какой-то мере продуктом роскоши в Европе и США, и спрос на него сильно колебался в зависимости от экономического положения этих стран. Любой экономический кризис немедленно приводил к существенному сокращению потребления кофе в развитых странах.

Если крупные (особенно иностранные) плантационные хозяйства еще могли пережить колебания цен на мировом рынке, то для многих мелких фермеров это означало неминуемое разорение, и они продавали свои участки и пополняли ряды рабочих на кофейных плантациях латифундистов.

К тому же сами крупные компании скупали продукцию мелких фермеров по дешевке и тем самым снижали их и без того не слишком высокие доходы.

Как только Селайя пришел к власти, он немедленно объявил о намерении ввести налог на производство кофе, как это уже было сделано в соседней Коста-Рике.

К этому Селайю вынуждала тяжелая финансовая ситуация в стране, которая была наследием тридцатилетнего правления консерваторов и общей неразвитости Никарагуа. 1 июля 1894 года Никарагуа оказалась не в состоянии произвести очередной полугодовой платеж по обслуживанию внешнего долга в размере 8500 фунтов стерлингов. Правительство попыталось занять на внут-

⁵ *Habib-Mintz N.* Food Insecurity in Nicaragua. См.: <http://lanic.utexas.edu/project/etext/llilias/illassa/2004/habibmintz.pdf>.

⁶ *Staten C. L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010.

реннем рынке 500 тысяч песо, но не смогло представить кредиторам никакого залога. Селайя не смог даже погасить внутренние облигации в объеме 428 тысяч песо, которые в 1891 году выпустил Сакаса под залог таможенных платежей и под громадные по тем временам проценты — 12%. Любой владелец облигаций на 100 долларов имел право с учетом процентов по ним и дисконта при их продаже на 138 долларов. Под эти облигации было заложено 40% всех таможенных сборов страны⁷.

Каждый владелец облигаций мог прийти с ними на таможенню и получить освобождение от уплаты импортных пошлин, что еще больше подрывало и без того не слишком богатую никарагуанскую казну. Селайя был вынужден заявить, что до 1896 года эти облигации погашаться не будут. Все импортеры отныне были обязаны платить таможенные пошлины наличными.

Однако и местный, и американский бизнес решительно выступил против этих планов правительства, и Селайе пришлось пойти на компромисс. Погашение бондов было возобновлено, но скидка по ним при импортных таможенных пошлинах давалась только в размере 30% от стоимости облигации. Остальные 70% надо было все же платить в бюджет наличными. К тому же процент по облигациям сокращался вдвое — до обычных в то время по всему миру 6%.

Реструктуризация долга вынудила Селайю пойти на крайне непопулярную меру — выпустить в обращение бумажные деньги на 500 тысяч песо, которыми никарагуанцы традиционно не доверяли.

Интересно, что при недостатке в Никарагуа собственного серебра (и тем более золота) в качестве своего рода и внутренних «твердых» денег и конвертируемой валюты ходили серебряные перуанские соли. В них, например, взимался экспортный налог на кофе: 2 серебряных соля на 100 фунтов кофе. Урожай 1895 года ожидался в объеме 150 000 мешков по 100 фунтов каждый. Однако Никарагуа была заложником господствовавшего в то время в мире золотого стандарта. Серебро было сильно недооценено по сравнению с золотом, а именно на золото приходилось покупать основные импортные товары. Получалось, что при дальнейшем падении серебра относительно золота никарагуанцам приходилось бы продавать все больше и больше кофе для обеспечения обычного объема импорта.

В этом тяжелом финансовом положении Никарагуа кроется еще одна причина, заставившая Селайю подчас крутыми мерами наращивать экспорт кофе — президент во что бы то ни стало хотел добиться финансовой независимости страны от внешних кредиторов, за которыми обычно маячили иностранные канонерки и морская пехота.

Селайя, как и Барриос, поддерживал либералов в соседних странах и предоставлял им политическое убежище в Никарагуа. Уже в конце 1893 года это едва

⁷ FRUS, 1893–1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frus1894a.i0026.pdf>).

не привело к войне с Гондурасом, хотя американский представитель в Манагуа считал, что вина за обострение двусторонних отношений лежит именно на Гондурасе, в то время как политика Селайи оценивалась как миролюбивая⁸. 30 октября 1893 года гондурасский конгресс уполномочил исполнительную власть объявить войну Никарагуа в любой момент. Гондурас предложил Сальвадору присоединиться к военному союзу против Никарагуа.

Никарагуа перебросила на гондурасскую границу 1200 солдат и офицеров. Был объявлен принудительный заем на 400 тысяч долларов с целью финансирования возможной войны, причем от этого налога освобождались все иностранные предприниматели.

В декабре 1893 года около 1600 гондурасских эмигрантов перешли границу между Гондурасом и Никарагуа с целью свержения гондурасского президента Васкеса. Никарагуанская армия (примерно три тысячи бойцов) стояла на границе в полной боевой готовности. Никарагуа признала повстанческое правительство Гондураса во главе с Поликарпо Бонильей⁹. Вскоре никарагуанская армия во главе с вице-президентом Ортисом тоже вторглась в Гондурас и заняла юго-запад страны.

В какой-то мере Селайя возвращал гондурасским либералам долг: гондурасские эмигранты в июле 1893 года помогли восставшим либералам в самой Никарагуа разбить правительственные войска и прийти к власти.

В январе 1894 года Васкес был свергнут (он через Сальвадор бежал в США), и при помощи никарагуанской армии в Гондурасе пришло к власти либеральное правительство. Возвращавшиеся домой никарагуанские войска были встречены мощными восторженными демонстрациями в главных городах страны.

Поддержка Селайи со стороны США в никарагуанско-гондурасском конфликте объяснялась в основном прагматическими соображениями: американские бизнесмены активно инвестировали в производство кофе неподалеку от гондурасской границы, и США не были заинтересованы в продолжительной войне между двумя этими странами, а тем более в победе Гондураса.

В 1894 году, ободренный успехом в короткой войне с Гондурасом, Селайя решил наконец-то покончить с автономией, а на самом деле фактической независимостью Москитии. В этот регион были введены никарагуанские войска, автономия была ликвидирована, и Москития стала обычным никарагуанским департаментом. 20 ноября 1894-го совет местных жителей объявил о признании суверенитета Никарагуа. Селайя и не предполагал, что именно этот шаг приведет в конечном итоге к его свержению.

Большинство жителей Москитии отнеслись к новому статусу их региона весьма негативно. Местная негритянская аристократия и индейские вожди

⁸ FRUS, 1893–1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frus1894a.i0026.pdf>).

⁹ Ibid.

щедро раздавали иностранным предпринимателям (в основном американцам) концессии на вырубку ценных пород дерева и добычу золота. Американцев такое положение дел более чем устраивало, так как они не платили фактически никаких налогов и пошлин. Непроходимые болотистые леса отделяли Москитию от остальной Никарагуа, и все товары в этот регион доставлялись в основном из США. В Москитии был распространен английский язык и выходили англоязычные газеты. Введение никарагуанских войск многие в регионе восприняли как оккупацию.

Селайя установил никарагуанский суверенитет в Москитии еще и потому, что это был единственный регион в Никарагуа, где добывалось золото. С помощью этого золота Селайя рассчитывал, наконец, вывести Никарагуа из сложной финансовой ситуации и расплатиться по внешним долгам.

Несмотря на почти полное отсутствие в Москитии транспортных коммуникаций, в 90-е годы XIX века в регионе началась активная добыча золота. Благородный металл добывался в основном на двух месторождениях — Пис-Пис и Сиуна, расположенных в 15 милях друг от друга и 70 милях от побережья Карибского моря¹⁰. Сиуна принадлежало американской компании «Ла Лус и Лос Анхелес» («Свет и ангелы» по-испански). Все горнодобывающее оборудование было американским и доставлялось в тяжелых условиях по рекам и на мулах с побережья. За компанией стояли влиятельные деловые круги США.

Американцы были встревожены присоединением Берега Москитов к Никарагуа. К 1894 году они инвестировали в регион 2 миллиона долларов и зарабатывали там путем чудовищной эксплуатации местного населения до 4 миллионов долларов ежегодно.

90–95% торговли Москитии шло через Блуфилдс и контролировалось американскими бизнесменами. Вообще, со стороны Блуфилдс походил тогда на типичный американский городок.

Столь высокоприбыльным бизнес был еще и потому, что американцы в регионе почти не платили никаких налогов и пошлин. Селайя был известен американцам как человек, стремящийся извлечь из предпринимателей как можно больше налогов и сборов. К тому же излишне независимый президент мог и пересмотреть благоприятные для иностранцев условия концессионных договоров.

От имени международного бизнеса в регионе выступал американец Сэмюэл Вейл, который импортировал в регион спиртные напитки из Нового Орлеана на льготных условиях и был связан с еврейским бизнес-сообществом Юга США.

Американские бизнесмены пожаловались посланнику США в Манагуа Бейкеру на государственный дирижизм и «милитаризм» новой никарагуанской администрации. Дело дошло до того, что американские бизнесмены единодушно отклонили предложение никарагуанского губернатора принять уча-

¹⁰ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912. См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.*

стие в работе новых органов власти в департаменте. Любого, кто согласился бы на это предложение, сочли бы ренегатом. Новым властям, по сути, объявили бойкот. Когда чиновник министерства финансов Никарагуа в 1895 году посетил центр Москитии Блуфилдс, у него создалось впечатление, что в городе не признают суверенитет Никарагуа, а законы страны «остаются мертвой буквой»¹¹. В Москитии процветала контрабанда, причем переправлялась она через причалы и хранилась на портовых складах, которые принадлежали иностранцам, в том числе и упомянутому выше Вейлу.

Тем не менее в 1895 году Вейл стал мэром Блуфилдса, а годом позже — акционером основной золотодобывающей компании «Ла Лус и Лос Анхелес». Уже этот факт ясно говорит о том, что Селайя не был ярым врагом американского бизнеса как такового.

Но американцев не устраивала введенная Селайей система формализованных концессий, хотя она была достаточно выгодной для бизнеса. Правительство Никарагуа предоставляло той или иной компании право вести определенную деятельность на той или иной территории. В обмен на это право обычно выплачивалось первоначальное разовое возмещение, а затем ежегодные роялти. К тому же концессионер мог беспошлинно возить все необходимое ему для его деятельности оборудование и продовольствие.

Такая практика была общемировой. Даже американский посланник в Манагуа признавал, что бизнесмены экономят на отмене импортных пошлин гораздо больше, чем платят денег в виде роялти. И все же при «независимой» Москитии можно было вести коммерческую деятельность еще вольготнее — иногда без всяких концессий. А вся торговля была до 1894 года вообще чистой контрабандой.

Селайя часто раздавал концессии тем компаниям, которые были связаны с его друзьями по либеральной партии. Это было своего рода платой за сохранение в стране внутреннего мира. Не гнушался президент и личным участием в некоторых коммерческих предприятиях.

Введенные Селайей налоги и пошлины, а также то, что концессии не всегда попадали американцам и часто носили эксклюзивный характер, — все это настроило американское бизнес-сообщество Москитии против никарагуанского президента.

Бизнесмены, как могли, пытались обойти новые законы. Например, они активно продавали беспошлинно ввезенные для своих концессий товары на местных рынках, что было запрещено. Но со временем американцы в Москитии стали подумывать о том, что неплохо было бы заменить Селайю более сговорчивым президентом.

В апреле 1894 года Селайя дал указание никарагуанскому посланнику в Вашингтоне поставить перед США вопрос о проведении новых переговоров

¹¹ Ibid. См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

по строительству трансокеанского канала¹². К тому времени американцы уже создали частно-государственную компанию по прокладке канала («Маритим Кэнал Компани»; до 1889 года лицензия принадлежала другой американской компании)¹³. Но она, имея лицензию никарагуанского правительства, абсолютно ничего не делала. В 1884 году лицензию отозвали, но потом возобновили.

Правда, изыскательские работы начались после 1887 года, а в 1890-м в Сан-Хуан-дель-Норте были построены пирсы и склады для приема строительного оборудования. Компания проложила 70 миль телефонных и телеграфных линий. В Сан-Хуан-дель-Норте начали прибывать оборудование и строительная древесина. Предполагалось, что канал войдет в строй к 1897 году и его стоимость не превысит 90 миллионов долларов.

США охватила «никарагуанская лихорадка», напоминающая калифорнийскую золотую 1848 года. В 1892 году в Калифорнии состоялась Национальная конвенция для обсуждения вопроса строительства никарагуанского канала. Делегаты отбирались конгрессменами и сенаторами от каждого штата. Конвенция обратилась к конгрессу США с просьбой помочь строительству канала деньгами. Граждан США призвали активно скупать акции компании: ведь всего через пять лет канал начнет давать прибыль. На акции обещали как минимум 6% годовой прибыли.

Но в 1893 году произошла очередная паника на американских фондовых биржах, и компания лишилась всех своих источников финансирования.

Президент Никарагуа стал оказывать на компанию давление и, в конце концов, отозвал ее лицензию. Селайю такое положение дел устроить, конечно, не могло. Американский госдепартамент подтвердил необходимость канала, который должен был строиться «под эгидой» США и в интересах всех стран Западного полушария. При этом Селайю попросили оставить компанию в покое.

Однако шаги Селайи в Москитии и по вопросу канала произвели на Вашингтон крайне неблагоприятное впечатление. Именно с этого момента в США стали подумывать об устранении неудобного никарагуанского президента и о прокладке канала в ином месте, вне территории Никарагуа.

С 1878 года строительством канала в Панаме занималась французская компания Фердинанда Лессепса, имевшая лицензию колумбийского правительства. Реальные строительные работы начались в 1882 году. Американцы следили за этим с явным неудовольствием. В 1889-м компания Лессепса обанкротилась и к 15 мая этого года прекратила все операции. Она успела построить 40% канала (ценой жизни примерно 22 тысяч рабочих), на что было затрачено 235 миллионов долларов.

¹² FRUS, 1893–1984 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1894a/reference/frus.frus1894a.i0026.pdf>).

¹³ Компания была основана в 1889 году, и ее устав утвердил конгресс США. Компания имела право выбрать Панаму или Никарагуа в качестве места прокладки межокеанского канала. Выбор был сделан в пользу Никарагуа.

20 октября 1894 года была организована «Новая компания Панамского канала», также французская. Канал по новому договору с колумбийским правительством должен был быть введен в эксплуатацию к 1900 году. Однако у новой компании не было достаточных средств, и она открыто искала покупателя всего проекта за 109 миллионов долларов. Американцы хотели купить компанию Лессепса и, в конце концов, сделали это.

Естественно, Селайя не понимал, чем же в таком случае занимаются американцы в Никарагуа. Президент справедливо подозревал США в том, что они просто держат эксклюзивное право на постройку канала в Никарагуа, чтобы не пустить туда иностранных конкурентов, которые могли бы поставить под вопрос прокладку канала в Панаме. Сами же американцы, по мнению Селайи, видимо, хотели перекупить французскую компанию по дешевке. В противном случае бездействие американцев в Никарагуа на фоне активной деятельности французов в Панаме объяснить было трудно.

24 апреля 1895 года президент США Кливленд назначил специальную комиссию во главе с полковником Ладлоу, чтобы определить экономическую целесообразность строительства канала через территорию Никарагуа. Выводы комиссии были довольно туманными, но призывали существенно пересмотреть условия строительства канала. Преемник Кливленда Маккинли в 1897 году назначил новую комиссию (Nicaraguan Canal Commission) во главе с контр-адмиралом Уокером.

Конкурентами канала оказались американские же железнодорожные компании, которые предпочитали прокладку железной дороги от атлантического до тихоокеанского побережья Никарагуа. Железнодорожное лобби убеждало американцев, что сооружение канала будет нарушением англо-американского договора Клейтона — Бульвера¹⁴. К тому же на канал позарятся иные морские державы (включая Германию и Россию), и США придется вести из-за него войну.

В марте 1899 года комиссия Уокера представила свой доклад. По нему стоимость канала оценивалась уже в 118 миллионов долларов (без учета процентов по кредитам, дивидендов на акции и расходов на управление проектом). 15 декабря 1899 года был учрежден специальный комитет конгресса США по трансокеанскому каналу, который должен был сделать окончательный выбор относительно места прокладки этой важнейшей транспортной магистрали.

18 ноября 1901 года был заключен новый американо-британский договор (договор Хэя — Понсефоте), по которому США уже не нуждались в согласии Великобритании на строительство трансокеанского канала в Центральной Америке. Если по договору Клейтона — Бульвера канал должен был быть нейтрализованным и открытым для судов всех стран даже во время войны, то по новому

¹⁴ Действительно, еще в 1894 году в палате общин британского парламента был сделан депутатский запрос о совместимости канала в Никарагуа с положением договора.

документу США разрешалось строить в зоне канала укрепления, держать войска. Правда, ни одна из сторон не могла захватить зону канала силой. Англичане пошли на уступки, так как уже тогда считали своим основным противником Германию и были заинтересованы в дружеских отношениях с США.

Наконец, после горячих дебатов 15 июня 1902 года конгресс США решил, что канал должен строиться на Панамском перешейке.

Между тем к концу XIX века Селайя стал раздражать официальный Вашингтон своими попытками поставить под жесткий контроль правительства американских бизнесменов в стране (особенно в Москитии), и неуступчивостью в вопросах строительства трансокеанского канала. Американские газеты стали писать о диктаторских замашках Селайи, хотя тот не делал ничего такого, что было бы из ряда вон выходящим в политической практике Латинской Америки того времени.

Американские бизнесмены в Москитии сделали ставку на местного губернатора генерала Хуано Пабло Рейеса, который был назначен в регион в 1896 году и снискал уважение тамошних янки. Рейес поощрял золотодобычу, модернизировал гавань Блуфилдса. Губернатор активно боролся против ведения на территории своего департамента выпущенных Селайей бумажных денег — ведь американцы предпочитали серебряную монету или доллары.

За три года пребывания в должности Рейес, по его собственным данным, перевел в Манагуа около 450 тысяч долларов налогов и сборов. Он был не прочь оставить эти деньги у себя. Такой же точки зрения придерживались и местные американские бизнесмены. Они ожидали, что если Рейес свергнет Селайю, то налоги и таможенные сборы будут снижены.

Мятеж Рейеса вспыхнул 4 февраля 1899 года. Селайя попросил президента США направить в Сан-Хуан-дель-Норте военный корабль¹⁵. Видимо, он думал, что за путчем Рейеса стоят англичане, не смилившиеся с утратой суверенитета над Москитией. Уже 10 февраля 1899 года в Сан-Хуан-дель-Норте был направлен корабль ВМС США «Мариэтта» (он прибыл в порт 16 февраля). Вскоре приехали свой корабль и британцы.

Одновременно, чтобы лишить Рейеса его главного источника финансирования — торговли, правительство Никарагуа заявило о немедленном закрытии всех портов атлантического побережья. Американцы, правда, придерживались мнения, что их коммерческих судов это не касается.

Рейес в своей прокламации торжественно заверил, что американцы от внутриникарагуанского конфликта не пострадают. Посланник США в Манагуа «с сожалением» сообщил, что большое количество американских граждан помогают Рейесу¹⁶. Американский консул в Блуфилдсе предостерег граждан США от участия в «революции», но тех это никак не смутило.

¹⁵ FRUS, 1899 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1899/reference/frus.frus1899.i0025.pdf>).

¹⁶ Ibid.

Путчисты попытались устроить «революцию» и на граничащем с Москитией побережье Гондураса. Это привело лишь к тому, что правительство Гондураса предоставило в распоряжение Селайи канонерскую лодку.

Успех мятежа зависел от способности Рейсеса перебросить лояльные ему силы по реке Сан-Хуан через озеро Никарагуа в консервативную Гранаду, которую он хотел сделать своим опорным пунктом. Под началом Рейеса к моменту мятежа было не более 300 человек (включая 20 американцев), и ему требовалось действовать быстро, чтобы не дать Селайе возможности перебросить в Москитию регулярные воинские части. Стараниями американских бизнесменов в распоряжении Рейеса оказалось около 5 тысяч современных винтовок и достаточное количество боеприпасов к ним¹⁷. Личная охрана лидера мятежников состояла из американцев.

В Новом Орлеане готовился к отплытию в Блуфилдс пароход с американскими наемниками.

Рейес умел быть благодарным. Как только он взял власть в Блуфилдсе, были немедленно снижены до уровня 1894 года налоги и пошлины. Это с удовлетворением отметили газеты в Новом Орлеане.

К 16 февраля 1899 года путчисты заняли Сан-Хуан-дель-Норте и готовились к продвижению вглубь страны. Консерваторы подняли мятеж неподалеку от Гранады и ждали подхода Рейеса. Если бы их силы соединились, то страну как минимум ожидала бы серьезная гражданская война.

Однако путчисты продержались только 20 дней, в течение которых американские бизнесмены в Москитии платили налоги и пошлины «правительству Рейеса» (потом они, конечно, утверждали, что делали это принудительно). К 24 февраля мятеж провалился. Рейес и начальник его личной охраны американец Кеннеди бежали из страны. В руки правительственных сил попали 42 мятежника — все граждане США. Никарагуанцы разрешили им свободно покинуть страну.

Во время мятежа в плен попал молодой полковник Адольфо Диас. Его посадили в тюрьму, но Селайя помиловал этого человека, что сыграло в истории Никарагуа роковую роль. Американцы пристроили Диаса — он стал бухгалтером в золотодобывающей компании «Ла Лус и Лос Анхелес».

Примечательно, что, пока происходил мятеж, в конгрессе США обсуждался специальный закон о никарагуанском канале, дававший президенту США полномочия купить любую часть территории Никарагуа и Коста-Рики, необходимую для строительства канала. Причем в версии закона палаты представителей конгресса речь шла даже о возможности купить всю Никарагуа.

Новый губернатор бывшей Москитии сообщал Селайе, что выступление Рейсеса было организовано и профинансировано американскими бизнесменами во главе с Сэмюэлем Вейлем. Селайя объявил все платежи самозваному

¹⁷ FRUS, 1899 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1899/reference/frus.frus1899.i0025.pdf>).

правительству Рейеса недействительными и потребовал внести их в никарагуанскую казну. Бизнесмены протестовали против этого «произвола» тем, что, по совету консула США, закрыли свои магазины и задрапировали их американскими флагами¹⁸.

Вашингтон стал оказывать на Селайю мощное дипломатическое давление, подкрепленное присутствием американского военного корабля в Блуфилдсе. Селайе пришлось отказаться от своего требования, но он попытался поднять пошлины в том же 1899 году, чтобы все-таки компенсировать 600 тысяч долларов, затраченных правительством на подавление мятежа.

В целом американский бизнес не особо пострадал от мятежа Рейеса. В начале XX века на ведущих золотых шахтах Москитии, по некоторым оценкам, добывалось золота на 50 тысяч долларов в год. Золото стало второй после кофе статьей никарагуанского экспорта.

В 1899 году «зеленое чудовище» — американская компания «Юнайтед Фрут» заключила договоры о скупке бананов у местных производителей и фактически стала контролировать торговлю этим товаром в Никарагуа.

Мятеж в Блуфилдсе многому научил Селайю. Отныне он старался давать концессии в регионе не только американским фирмам. Например, концессию на вырубку леса получили итальянцы. Швейцарцам доверили заниматься производством каучука. Испанская компания выполняла для правительства типографские работы¹⁹. Селайя решил также добиться получения иностранного кредита для постройки железной дороги между восточным и западным побережьями страны.

Между тем дело со строительством трансокеанского канала никак не продвигалось.

В 1898 году Селайя предоставил концессию американским бизнесменам Эдварду Грэгину и Эдварду Эйру, которые основали компанию «Интеросеаник Кэнал Компани». Но и эти бизнесмены не смогли найти необходимый капитал, и Никарагуа разорвала концессионный договор. При этом Селайя удержал внесенный компанией залог в размере 10 тысяч долларов.

Селайя, однако, настойчиво продолжал переговоры с США о заключении более или менее равноправного договора о строительстве канала. Был разработан проект договора, согласно которому Никарагуа сохраняла суверенитет над зоной будущего канала, приобретала исключительное право на торговлю в этой зоне и получала в качестве единовременной выплаты за разрешение на строительство 6 миллионов долларов. Госдепартамент счел такой проект не отвечающим интересам США, и он был отклонен. В декабре 1901 года переговоры прекратились, что вызвало понятное недовольство Селайи.

Американцев тревожили попытки Селайи пойти по стопам Барриоса и укрепить сотрудничество центральноамериканских стран. Селайя смог в 1901 году

¹⁸ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912.* См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

¹⁹ *Staten C. L. The History of Nicaragua.* Greenwood Publishing Group, 2010. P. 33.

собрать в никарагуанском городе Коринто глав Сальвадора, Гондураса и Коста-Рики с целью возможного объединения этих государств²⁰. В январе 1902 года в Коринто был подписан договор между центральноамериканскими государствами (за исключением Гватемалы, которая присоединилась к договору позднее) о мирном разрешении споров между ними. Договором был установлен принцип обязательного арбитража при возникновении споров между странами Центральной Америки. Орган арбитража (суд) состоял из представителей всех государств — участников договора.

В августе 1904 года Селайя снова собрал глав центральноамериканских государств в Коринто. На этот раз президенты договорились оказывать друг другу вооруженную помощь в случае попыток насильственного свержения власти в той или иной стране.

Для Селайи это положение было очень важным, так как консерваторы не прекращали попыток свергнуть никарагуанского президента насильственным путем. В 1903 году во время очередного заговора был взорван пороховой склад. Терпение Селайи лопнуло — если раньше он заключал своих политических противников в тюрьмы или высылал из страны, то на сей раз несколько участников мятежа были расстреляны. В 1905 году Селайя провел изменение конституции, которое давало ему право переизбираться президентом неограниченное количество раз.

В 1904 году Гондурас и Никарагуа решили передать вопрос об определении границ между ними в районе бывшей Москитии на третейский суд испанского короля Альфонса XIII. В 1906 году было вынесено решение в пользу Гондураса, но Селайя не спешил выводить войска со спорной территории.

1903 год был переломным в американо-никарагуанских отношениях. В этот год американцы (семь местных заговорщиков и четыре американских офицера) устроили переворот в Панаме (чья независимость была провозглашена 4 ноября 1903 года; американский военный корабль не дал колумбийским войскам разгромить немногочисленных сепаратистов), отделили ее от Колумбии и решили строить канал через территорию именно этой марионеточной страны.

Никарагуа, в свою очередь, решила переориентироваться на Европу. В 1905 году Селайя добился заключения договора с Англией, по которому та признавала никарагуанский суверенитет над Москитией. Порт Сан-Хуан-дель-Норте прекращал быть свободным (то есть открытым для судов всех стран без специального разрешения правительства Никарагуа).

В 1906 году американцы бросили вызов Никарагуа в Центральной Америке. Возник конфликт между Гватемалой и Сальвадором (гватемальский президент Мануэль Эстрада Кабрера был консерватором и ярким противником Селайи в борьбе за региональное лидерство). Гондурас и Никарагуа поддержали сальвадорцев. Однако США заставили обе страны обратиться в Вашингтон

²⁰ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 144.

за посредничеством, что было нарушением соглашения Коринто об арбитраже от 1902 года. Селайя отказался признать достигнутое при поддержке США соглашение, подписанное на борту американского крейсера «Марблхед»²¹.

Селайя оказывал поддержку эмигрантам-гондурасцам, которые хотели свергнуть президента своей страны Бонилью, ставшего фактическим диктатором. В декабре 1906 года гондурасские либералы начали военные действия недалеко от никарагуанской границы.

Сначала 30-тысячная гондурасская армия разбила повстанцев, и Бонилья потребовал у Селайи разрешения преследовать их на никарагуанской территории. Тот отказался (при этом отдав приказ не допускать вторжения вооруженных групп гондурасских эмигрантов с территории Никарагуа), и Бонилья велел своим войскам перейти границу и начал вооружать никарагуанских эмигрантов-консерваторов.

8 февраля 1907 года гондурасцы напали на никарагуанские войска на территории самой Никарагуа. Никарагуанские солдаты думали, что произошла ошибка, и пытались дать понять гондурасцам, что те находятся на чужой территории. Однако гондурасская армия разбила слабый никарагуанский пограничный заслон, захватила городок Лос-Кальпулес и подожгла его, расстреляв двух никарагуанских солдат, захваченных в плен.

Никарагуанцы потребовали компенсировать ущерб и задействовать для мирного разрешения спора подписанный в 1902 году в Коринто договор.

Госсекретарь США Рут попытался навязать Никарагуа американский арбитраж, но Селайя отказался соглашаться на него до тех пор, пока Гондурас не компенсирует причиненный войной ущерб. Американцы старались подключить к посредничеству Мексику (зная симпатии Селайи к этой стране), но мексиканский президент Диас ответил, что переговоры должны происходить только на базе соглашений Коринто. Однако такой вариант означал бы дипломатический успех Селайи и поэтому был для американцев неприемлемым.

Мексиканцы попросили посредничать Гватемалу, Коста-Рику и Сальвадор, но миссия этих стран успеха не имела, во многом потому, что каждая из них имела свои интересы в гондурасско-никарагуанском конфликте.

После краха планов об арбитраже гондурасские войска опять атаковали никарагуанские пограничные селения, но были отбиты. При этом гондурасцами командовал никарагуанский эмигрант, лидер консерваторов Эмилиано Чаморро.

Между тем никарагуанская армия тремя колоннами перешла в успешное контрнаступление 18 февраля 1907 года. Центральная группировка быстро захватила считавшуюся неприступной укрепленную позицию гондурасской армии Сан-Маркос-де-Клон, которую называли «гондурасским Порт-Артуром». Никарагуанские ВМС вышли из Блуфилдса и захватили гондурасские порты Трухильо и Пуэро-Кортес, лишив противника снабжения извне.

²¹ *Зубок Л. И.* Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969. С. 419.

Бонилья призвал на помощь сальвадорские войска, и о симпатиях к Гондурасу заявила Гватемала. Мексиканцы стали опасаться, что армии трех стран могут свергнуть Селайю и это приведет к установлению гегемонии США в регионе. Именно поэтому мексиканцы стали настойчиво советовать Селайе прекратить боевые действия. В то же время в Вашингтоне мексиканский посланник защищал Никарагуа. Но в марте 1907 года правительственная армия Гондураса была разбита гондурасскими либералами и никарагуанскими войсками, во многом потому, что впервые в военных действиях в Латинской Америке были использованы пулеметы «максим».

Решающая битва произошла 17–23 марта 1907 года у селения Намасиге, где никарагуанцев поджидала совместная гондурасско-сальвадорская группировка (сальвадорский контингент насчитывал 4000 человек). Никарагуанцы уступали союзникам численностью в четыре раза. В результате упорных боев, в которых никарагуанцы проявили массовый героизм, союзники были разбиты и в панике бежали. Это сражение и решило исход всей войны.

Победа Селайи была тем более впечатляющей, если учесть, что население Никарагуа в тот момент составляло примерно полмиллиона человек, в то время как в Гондурасе жило 1,4 миллиона.

Американцы сочли, что Селайя, как до него Барриос, хочет стать военным лидером всей Центральной Америки. Чтобы помешать никарагуанцам, американская морская пехота высадилась в гондурасском порту Пуэрто-Кортес под предлогом обеспечения свободной торговли бананами. ВМС США фактически помешали никарагуанцам добить Бонилью в его последнем оплоте — Амапале в заливе Фонсека. Американцы без согласия Селайи взяли на себя функцию посредника и спасли Бонилью, предоставив ему убежище на своем корабле.

Селайя справедливо счел, что американцы украли у никарагуанской армии победу.

Американцы навязали Гондурасу переходное правительство во главе с генералом Мигелем Давилой. Давила слыл либералом, но Селайя не доверял ему, считая взгляды генерала проамериканскими. Поэтому никарагуанский президент договорился с сальвадорским о том, чтобы совместными усилиями убрать Давилу с его поста.

Соединенные Штаты всерьез боялись, что никарагуанская армия настолько сильна, что может с опорой на либеральные круги различных стран региона силой восстановить центральноамериканскую федерацию.

Теодор Рузвельт (один из самых милитаристски настроенных президентов США, лично участвовавший в испано-американской войне 1898 года, которая привела к американской оккупации Кубы и Филиппин) решил примерить на себя тогу миротворца. В конце 1907 года в Вашингтон были приглашены представители всех центральноамериканских республик, чтобы выработать механизм мирного разрешения споров. Таким образом, США как бы дезавуировали соглашения в Коринто 1902 года, которые были подписаны по иници-

ативе Селайи. В качестве коспонсора конференции американцы привлекли мексиканский диктаторский режим Диаса.

В ходе конференции был подписан Договор о мире и дружбе между центральноамериканскими государствами, а также Конвенция о создании центральноамериканского арбитражного суда для мирного разрешения споров (местонахождение — город Картаго, Коста-Рика)²². Была также подписана конвенция о взаимной выдаче преступников. Реальный смысл этого документа состоял в предотвращении деятельности оппозиционных эмигрантских групп в Центральной Америке. И в этом плане он связывал руки прежде всего Селайе, который мог опираться на широкое либеральное движение в каждом из центральноамериканских государств, так как либералы региона рассматривали Селайю как своего естественного лидера.

На конференции в Вашингтоне американцы объявили, что не будут признавать правительства региона, которые придут к власти путем революции. И это был явный удар по Никарагуа, считавшейся базой для всех революционеров-либералов региона.

Американцам удалось добиться принятия специального положения договора, который предусматривал нейтралитет Гондураса в любом центральноамериканском вооруженном конфликте. Обычно Гондурас был союзником Никарагуа, поэтому и этот довольно странный пассаж был направлен против Селайи. К тому же никарагуанская армия могла силой установить центральноамериканское единство только через территорию Гондураса. Во все остальные республики никарагуанцы могли попасть лишь морем, а там безраздельно господствовал американский флот.

В 1904 году президент Рузвельт («имперский президент», как его до сих пор величают в США) сформулировал свою «поправку» к доктрине Монро. США взяли на себя непрошеное обязательство вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских стран, если те не могли выплатить свои долги иностранным государствам. Мол, дефолт той или иной страны может привести к вмешательству кредиторов-европейцев с опорой на вооруженные силы неамериканских государств, что противоречит доктрине Монро. Чтобы это предотвратить, американцы «соглашались» взять на себя долги латиноамериканских стран Европе, но взамен устанавливали полный политический контроль над страной-должником — якобы в целях обеспечения там внутренней стабильности и «разумной» финансовой политики.

Именно «мировотворцу» Рузвельту принадлежит пресловутое выражение «политика большой дубинки». Президент говорил, что США должны сохранять на лице дружескую мину, но всегда держать наготове «большую дубинку».

Между тем мексиканский диктатор Диас взял курс на ослабление зависимости своей страны от американских инвестиций. Такой же курс проводил

²² *Леонов Н.С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 144–145.

и сам Селайя, что давало почву для совместного противодействия экспансии США со стороны Мексики и Никарагуа. Диас стал активно раздавать нефтяные концессии англичанам, и его примеру в отношении концессий вскоре последовал Селайя. Не зря американский посланник в Манагуа напрямую сравнил Селайю с Диасом: оба были сторонниками модернизации своей страны при сохранении национального суверенитета²³.

Что касается политики в Центральной Америке, Мексика поддержала усилия Селайи по налаживанию регионального сотрудничества на базе соглашений Коринто 1902 года. Тем более что, как и Селайя, Мексика ненавидела Гватемалу (из-за территориального спора вокруг Чьяпаса) и не хотела чтобы процесс объединения проходил под руководством этой страны. Селайя же был, с точки зрения Диаса, единственным полностью свободным от американского влияния президентом в Центральной Америке.

В начале 1908 года свергнутый президент Гондураса Бонилья попытался отплыть из США, чтобы восстановить свою власть. Но мексиканские и американские ВМС ему в этом воспрепятствовали. Американцы не дали возможности Селайе повысить его и так очень высокий после победоносного «блицкрига» 1907 года авторитет в Центральной Америке.

Американцы были недовольны не только растущим авторитетом Селайи в Центральной Америке. После того как в 1903 года США решили строить канал через Панамский перешеек, Селайя начал более пристально наблюдать за условиями, на которых американский бизнес вел дела в Никарагуа. Правительство стало требовать полного выполнения всех условий концессий. Такая активность никарагуанских властей вызывала в Вашингтоне раздражение, тем более что весь американский официальный истеблишмент в той или иной мере был связан с коммерческими интересами, в том числе в Никарагуа.

Первым раздражителем в американо-никарагуанских отношениях стало «дело Эмери». Американский бизнесмен Джордж Эмери имел в Москитии с 1883 года концессию на заготовку ценных пород дерева, которая охватывала практически одну пятую всей территории Никарагуа²⁴. Компания Эмери сначала заплатила за концессию 200 тысяч долларов (в то время никарагуанский песо и доллар были равны) и каждый год выплачивала роялти в размере 20 тысяч. Прибыль компании составляла примерно 186 тысяч долларов в год.

В 1906 году Селайя обвинил компанию в нарушении концессионного договора — Эмери не построил, как обещал, 50 миль железных дорог в зоне действия концессии. Никарагуанский президент потребовал компенсации в размере 500 тысяч долларов. Эмери не согласился и, в свою очередь, потребовал, чтобы дело разобрал третейский суд (причем от правительства Никара-

²³ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 59.

²⁴ *Gismondini M, Mouat J.* Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912. См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondini%26Mouat2002.pdf>.

гуа в него входил упоминавшийся выше Сэмюэл Вейл). Суд встал на сторону Эмери, приговорив его, правда, к выплате компенсации в 12 тысяч долларов за иные мелкие нарушения.

Тогда в январе 1907 года Селайя вообще аннулировал концессию Эмери, обвинив компанию в том, что она продает ввезенные беспошлинно товары на местных рынках. Эмери обратился за помощью в госдепартамент США, утверждая, что решение Селайя нанесло ему ущерб в 2 миллиона долларов. Два года дело Эмери было практически приоритетным в никарагуанско-американских отношениях, но Селайя не поддавался нажиму из Вашингтона.

Но «дело Эмери» было отнюдь не единственным камнем преткновения между Вашингтоном и Манагуа.

В 1903 году Селайя предоставил горнорудную концессию в Москитии американскому финансисту Джеймсу Детрику. В эту концессию входила почти вся Москития, что вызвало резкое недовольство остального американского бизнеса в районе. Селайю стали обвинять в кумовстве и монополизме. В 1904 году Детрик купил основную золотодобывающую компанию Москитии «Ла Лус и Лос Анхелес».

Детрик был связан с деловыми кругами восточного побережья США, в основном Питтсбурга. До него американский бизнес в регионе ориентировался в основном на деловые круги Нового Орлеана. Именно магнаты Питтсбурга стояли за основной компанией Детрика в Никарагуа: US and Nicaragua Company. У самих же дельцов из Питтсбурга были прекрасные связи в администрации США.

В 1906 году они избавились от Детрика, обвинив его в неправильном расходовании средств и некомпетентности. Следующим на очереди был Селайя — американцы были недовольны ростом пошлин и активной борьбой никарагуанского президента за строгое соблюдение концессионных соглашений.

Американские бизнесмены в Москитии стали готовить очередное восстание против Селайи, причем в деле активно участвовал и американский консул в Блуфилдсе. После того как Селайя отобрал у Вейла эксклюзивную лицензию на импорт крепких спиртных напитков из США²⁵, тот стал душой заговора.

Селайя бросил вызов и мощному банановому спуту — американской «Юнайтед Фрут». Сама компания контролировала в Никарагуа производство примерно 15% бананов, однако была фактическим монополистом, так как скупала весь урожай у большинства мелких производителей. Компания постоянно снижала закупочные цены, чем доводила многих мелких фермеров до банкротства.

В начале 1909 года ряд никарагуанских производителей решили прекратить деловые отношения с «Юнайтед Фрут». Борьба приобрела насильственные формы — были отмечены поджоги плантаций «Юнайтед Фрут», борьба против штрейкбрехеров и т.д. Правительство Никарагуа симпатизировало

²⁵ *Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 146.*

противникам «мамнты Юнай», как называли компанию в народе. Селайя решил создать монопольную пароходную компанию по вывозу бананов из Блуфилдса, что означало бы крах бизнес-империи.

Однако споры вокруг американских инвестиций были в то время обычным делом в отношениях США со всеми центральноамериканскими странами и не годились для оправдания широкомасштабной военной интервенции. Тем более что сами США совсем недавно — в 1907 году — лицемерно призывали положить конец войнам в Центральной Америке.

И все же после двух тревожных для них событий американцы решили действовать.

Во-первых, в 1909 году Селайе удалось подписать соглашение о получении двух кредитов от лондонского банкирского синдиката Этельбарга на сумму 1,25 миллиона фунтов стерлингов. Это был прямой вызов «поправке Рузвельта». Теперь в случае возможных финансовых трудностей Никарагуа Великобритании, а не США, получала право на вмешательство во внутренние дела страны.

Во-вторых, до американцев дошли сведения о том, что Селайя в Париже начал переговоры с японцами о предоставлении им концессии на строительство трансокеанского канала. Имелась и информация, что Никарагуа ведет подобные переговоры с Германией.

Со стороны Селайи эти переговоры (сугубо предварительные) были вполне естественными, так как США сами отказались от прокладки канала в Никарагуа. Однако в Вашингтоне не желали никакой конкуренции Панамскому каналу.

В марте 1909 года в Белый дом пришел новый президент — Тафт. Госсекретарем его администрации стал Филандер Нокс²⁶. Ранее Нокс был юристом компании «Росарио Майнинг Компани». Именно эта компания купила «Ла Лус и Лос Анхелес», и как раз перед приходом Тафта в Белый дом Селайя решил повысить налоги с «Росарио Майнинг Компани». Вел Нокс и «дело Эмери», представляя эту компанию в споре с никарагуанским правительством²⁷.

Неудивительно, что, придя в госдепартамент 5 марта 1909 года, Нокс немедленно потребовал все материалы о американо-никарагуанских инвестиционных спорах, в том числе и по «делу Эмери». Затем госсекретарь дал указание американскому дипломатическому представителю в Никарагуа Грегори направить Селайе жесткую ноту, а потом вообще отозвал дипломата в Вашинг-

²⁶ Нокс родился в 1853 году в Пенсильвании в семье банкира. Стал одним из ведущих адвокатов Питтсбурга, представляя интересы могущественных компаний и банков этого района. Имел кличку «сонный Фил», так как иногда засыпал во время заседаний совета директоров. В 1901 году принял активное участие в учреждении сталелитейного гиганта — «Юнайтед Стейтс Стил Копорейшн». При Теодоре Рузвельте был министром юстиции и принял самое активное участие в выработке «поправки Рузвельта». В 1908 году выдвинул свою кандидатуру на пост президента США от республиканцев, но она не собрала большинства голосов съезда партии.

²⁷ *Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 92.*

тон²⁸. Американские деловые круги в Блуфилдсе поняли сигнал и активизировали подготовку свержения Селайи. СМИ в США стали писать о том, что «Нокс теряет терпение» и что вообще давно пора проучить слишком самостоятельного никарагуанского президента.

Одним из первых шагов Нокса на посту госсекретаря был запрос всем бывшим и нынешним консулам США в Никарагуа об их мнении относительно Селайи. Как и рассчитывал Нокс, все американские дипломаты высказали резко негативную оценку. Селайе припомнили все: от «наездов» на американский бизнес до слишком большой любви к прекрасному полу. Его описывали как коварного деспота, который никогда не держит данного им слова.

Вывод из такого политико-психологического портрета напрашивался сам собой: США не могут терпеть такого человека на посту президента Никарагуа.

Однако Селайю не испугали американские угрозы. Весной 1909 года до Нокса дошли сведения, что Селайя собирается аннулировать концессию «ЮЭС энд Никарагуа Компани» (US and Nicaragua Company). Президент компании обратился за помощью лично к Ноксу, жалуюсь на то, что никарагуанцы планируют экспроприировать его собственность, и прямо сказал, что пострадают «деловые интересы людей из Питтсбурга», которых новый госсекретарь знает лично. Хотя Селайя уже два года не скрывал, что собирается аннулировать концессию, только с приходом в госдепартамент Нокса этот вопрос стал предметом межгосударственных отношений.

В апреле 1909 года американский консул в Блуфилдсе Моффат сообщил в Вашингтон, что губернатор Москитии (официально бывшая Москития называлась «департаментом Селайя» в честь президента Никарагуа) Хуан Эстрада обратился к Селайе с просьбой прекратить борьбу с «ЮЭС энд Никарагуа Компани»²⁹. Таким образом, Нокса просто поставили в известность, что губернатор Москитии (как и в 1899 году) встал на сторону будущего антиправительственного мятежа. При этом сам демарш Эстрады произошел по просьбе американских бизнесменов Москитии.

Эстрада получил от бизнесменов США миллион долларов на организацию переворота (об этом позднее официально заявил консул Моффат). 600 тысяч долларов собрал бывший полковник и амнистированный Селайей участник мятежа Рейеса 1899 года Адольфо Диас, причем он вложил и 63 тысячи из собственных средств.

В марте 1909 года Селайя поднял таможенные пошлины на Атлантическом берегу на 30%, чем и запустил механизм собственного свержения. В мае выразила свое недовольство «Юнайтед Фрут». Чтобы воспрепятствовать паровой компании, задуманной Селайей для вывоза бананов, к Блуфилдсу подошли два американских военных корабля, на одном из которых находился племянник

²⁸ *Gismond M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912. См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismond%26Mouat2002.pdf>.*

²⁹ *Ibid. См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismond%26Mouat2002.pdf>.*

Нокса Линард. Он должен был изложить своему родственнику собственные впечатления о положении в Никарагуа.

В августе 1909 года на пост консула в Блуфилдсе был назначен упоминавшийся выше Томас Моффат, которого прозвали «революционным консулом» за активное вмешательство во внутренние дела Доминиканской республики и Венесуэлы, где он работал ранее.

Моффат организовал в магазине Вейла встречи заговорщиков, на которых присутствовали Хуан Эстрада и Адольфо Диас³⁰, а также офицеры ВМС США³¹. Эстраде обещали полную поддержку США, если он начнет мятеж против Селайи.

Не слишком полагаясь на военный гений Эстрады, командующим своими войсками мятежники назначили жившего в эмиграции в Гватемале консерватора Чаморро, которого Селайя один раз уже разбил — в 1907 году в Гондурасе.

Первоначально Нокс все же хотел свергнуть Селайю чужими руками, и американцы пытались подговорить Коста-Рику начать войну против Никарагуа, чтобы сковать на время планировавшегося мятежа лучшие силы никарагуанской армии. Однако Коста-Рика на провокацию не поддалась.

Тогда американцы попытались настроить против Селайи Мексику. Уже через неделю после вступления в должность госсекретаря Нокс сообщил мексиканскому посланнику в Вашингтоне де ла Барре, что Селайя якобы планирует вооруженную агрессию против Сальвадора и Коста-Рики³² и поэтому у Мексики и США как коспонсоров Вашингтонской конференции 1907 года есть «моральное право» поставить никарагуанского президента в рамки. Де ла Барра без инструкций мексиканского МИД согласился с этим, чем дал американцам понять, что на помощь Мексики Селайе рассчитывать не придется.

Нокс предложил президенту Диасу созвать новую конференцию центральноамериканских государств, но без участия Никарагуа. Однако правительство Диаса дезавуировало своего посланника и выступило против созыва новой конференции без Никарагуа. Напротив, Мехико предложило пригласить на подобный форум Селайю. Просьбу же о вооруженном вмешательстве в центральноамериканский конфликт со стороны Мексики или США Диас предложил рассматривать только тогда, когда об этом попросят все центральноамериканские страны. Таким образом, теперь Ноксу дали понять, что Мексика не примет участия в свержении Селайи, которого высоко ценили в Мехико как активного противника враждебной Гватемалы.

К тому же мексиканцы прямо заявили, что у них нет никаких данных о подготовке никарагуанского вторжения в соседние страны. Мексиканцы отправили к Центральной Америке свою канонерку «Генерал Герреро» для наблюдения

³⁰ Диас получал в американской компании 80 долларов в месяц.

³¹ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912.* См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

³² *Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930.* University of Alabama Press, 1996. P. 93.

за ситуацией. Диас порекомендовал Селайе снизить воинственную риторику против Сальвадора, чтобы не дать американцам повода для военного вмешательства. Никарагуанский президент так и поступил, не преминув заявить, что является горячим поклонником Диаса и его политики модернизации при соблюдении национального суверенитета.

Между тем Селайе стало известно, что группы эмигрантов-консерваторов во главе с Чаморро выдвигаются к границе Никарагуа. Доверяя Эстраде, президент предупредил его о возможном вторжении³³. Эстрада заверил президента, что встретит эмигрантов достойно, и попросил прислать для отражения агрессии дополнительные партии вооружения.

С апреля 1908 года США держали у берегов Никарагуа мощную эскадру — крейсера «Вашингтон», «Колорадо», «Саут Дакота» и «Олбани». На борту находился десант в составе 4000 морских пехотинцев.

7 октября 1909 года «революционный» американский консул Моффат сообщил из Блуфилдса, что «революция» в Никарагуа начнется в ближайшие дни³⁴. Планировалось опять отделить атлантическое побережье от Никарагуа и провозгласить его независимой республикой. Также Моффат проинформировал, что под началом губернатора Эстрады 2000 бойцов, он обещал уважать американскую собственность и сразу же после выступления попросит у США признать его правительство. Консерватор Чаморро, который должен был возглавить «революционную» армию, тайно прибыл в Москитию из Коста-Рики в ночь на 6 октября 1909 года.

К моменту начала мятежа Эстрада получил от американского бизнес-общества в Москитии несколько сотен тысяч долларов, в том числе 150 тысяч — от Сэмюэля Вейла.

10 октября 1909 года (в «день мертвых», когда в Латинской Америке вспоминают умерших предков) Эстрада поднял восстание. Интересно, что, по сообщению Моффата (который был прекрасно информирован, так как сам принадлежал к кругу заговорщиков), мятежники планировали разделить Никарагуа на две республики и поставить оба государства под контроль консервативной партии³⁵. Первое, что сделали путчисты, — объявили о сокращении таможенных пошлин. Также были отменены все концессии, которые Селайя дал никарагуанским гражданам, — концессии для иностранцев никто не трогал. Через Моффата Эстрада передал заверения в искренней дружбе к США.

Американские компании на Атлантическом побережье немедленно стали платить налоги и таможенные пошлины в казну мятежников.

Для защиты граждан США в Блуфилдс сразу же были направлены два военных корабля «Падука» и «Дюбук». Эти самые американские граждане, по приме-

³³ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 146.

³⁴ FRUS, 1909 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1909/reference/frus.frus1909.i0033.pdf>).

³⁵ *Ibid.*

ру их предшественников в 1899 году, с первого дня мятежа находились в рядах «армии» Эстрады, в которой насчитывалось не более 400 человек. Правительство мятежников возглавил Эмилио Эспиноса — брат никарагуанского посланника в США. Как и в 1899 году, пользуясь отсутствием дорог между западным и восточным побережьем Никарагуа, мятежники быстро заняли порт Сан-Хуан-дель-Норте и отрезали страну от Атлантического океана. В Новом Орлеане активно вербовали наемников для поддержки мятежа. Корабли «Юнайтед Фрут» доставляли мятежникам в кредит (причем неограниченный) продовольствие и все необходимое снаряжение. Без этой помощи, как признавал сам Эстрада, мятежники просто не смогли бы кормить свою армию и население Блуфилдса.

Якобы из гуманитарных соображений, американский консул в Блуфилдсе Моффат и капитан американского крейсера «Де Мойн» Шипли создали в Блуфилдсе госпиталь для помощи раненым в боях мятежникам. В первом же бою у местечка Рама оказались ранены и убиты десятки «революционеров». Американский пароход «Император», недавно прибывший из Нового Орлеана, перевез раненых мятежников обратно в Блуфилдс. Как сообщала 27 декабря 1909 года «Нью-Йорк Таймс», генерал Эстрада «тепло поблагодарил американцев за их гуманитарное содействие»³⁶.

Селайя не сомневался, что сможет подавить мятеж так же легко, как и в 1899 году. Никарагуанское правительство готовило к отправке по реке Сан-Хуан сильный отряд для разгрома Эстрады. Одновременно Селайя обратился к мексиканскому президенту Диасу с просьбой повлиять на США, чтобы американцы прекратили поддерживать путч. 21 октября 1909 года посланник Никарагуа в Мехико вручил ноту, в которой перечислялись конкретные факты участия американских граждан в мятеже. В ней также говорилось, что мятежники получают помощь людьми и оружием из Коста-Рики и Гватемалы³⁷. «Правительство Никарагуа просит правительство Мексики предпринять необходимые шаги, чтобы предотвратить это вмешательство и повлиять на правительство США...»

На территории, охваченной мятежом, жили всего 100 тысяч человек, и мятежники не могли предпринять наступление против Селайи иным путем, чем по реке Сан-Хуан. По этой же реке должна была продвигаться к порту Сан-Хуан-дель-Норте и экспедиционная армия самого Селайи (около 4 тысяч человек). От того, кто первым захватит важную водную артерию, зависел исход всей гражданской войны. В 1899 году это сделал Селайя, и теперь он был намерен повторить свой успех десятилетней давности. Установить контроль над рекой надо было быстро, пока к мятежникам не прибыли американские наемники из Нового Орлеана.

³⁶ Bluefields. Nicaragua. См.: <http://query.nytimes.com/mem/archive-free/pdf?res=9C07E6DE1730E733A25754C2A9649D946897D6CF>.

³⁷ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 147.

Капитан национальной гвардии Техаса Фуллер тем временем активно учил мятежников обращаться с современным американским оружием, особенно с пулеметами. Командующий морской пехотой США в Никарагуа Батлер позднее утверждал, что «вся революция организована и профинансирована американцами, которые имеют здесь нелегальные капиталовложения... Вся дегенеративная игра этих американцев состоит в том, чтобы заставить Соединенные Штаты произвести интервенцию и тем самым легализовать их инвестиции»³⁸. В одном из писем Батлер назвал американских бизнесменов в Никарагуа «предательскими свиньями из отбросов нашей расы».

Госсекретарь Нокс на ранней стадии мятежа все же считал, что выступление против Селайи имеет мало шансов на успех и не верил лживым сообщениям Моффата об победах Эстрады на поле боя. В Вашингтоне и не думали признавать правительство путчистов, хотя Моффат сообщал, что все население атлантического побережья встретило переворот с ликованием. 13 октября 1909 года Моффату дали указание не поддерживать официальных контактов с «правительством» мятежников и вообще избегать любых шагов, которые можно было бы истолковать как признание «революционеров».

29 октября головной отряд правительственных войск под командованием генерала Сальвадора Толедо стал грузиться на корабли для наступления на Сан-Хуан-дель-Норте. На следующий день шедшее в авангарде судно с 500 солдатами на борту едва не затонуло, так как неподалеку от него взорвалась мощная мина. В шалаше на берегу никарагуанцы обнаружили двух американцев — Ли Роя Кэннона и Леонарда Гросса. Оба гражданина США признались, что выполняли задание мятежников и должны были взорвать два парохода с правительственными войсками. Консул Моффат сообщил из Блуфилдса, что Гросс оказался полковником инженерной службы в армии мятежников, а Кэннон — его заместителем в чине подполковника³⁹. Оба американца входили в передовой отряд войск мятежников и были посланы вместе с дозором в 10 человек, чтобы установить расположение правительственной армии.

17 ноября Кэннона и Гросса расстреляли по приговору военного суда, причем приказ о казни, как считали в Вашингтоне, отдал лично Селайя. Адвокат американцев Фернандо Кальдерон, а также командующий войсками генерал Толедо просили Селайю помиловать граждан США, так как опасались, что Вашингтон использует их казнь для агрессии против Никарагуа. Однако Селайя поступил с флибустьерами так же, как когда-то поступили с Уокером.

В США это известие вызвало взрыв негодования. СМИ требовали «примерно наказать» Селайю. В газетах появились карикатуры, на которых Селайя изображался в виде скорпиона под ногой «дяди Сэма». На другой карикатуре

³⁸ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912.* См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

³⁹ FRUS, 1909 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1909/reference/frus.frus1909.i0033.pdf>).

Селайю изображали маленьким мальчиком, которого шлепал по заднице президент Тафт с горячего одобрения все того же «дяди Сэма».

18 ноября Нокс запросил у американского консула в Сан-Хуан-дель-Сур всю информацию о деле двух американцев, причем и консул, и сам госсекретарь не сомневались, что Кэннона и Гроса захватили вместе с мятежниками⁴⁰. Ранее Кэннон и Гросс работали на американских концессиях в Никарагуа.

1 декабря 1909 года американский госсекретарь вызвал никарагуанского посланника и передал ему невиданную по грубости ноту. В ней утверждалось, что в нарушение решений Вашингтонской конференции 1907 года Селайя является источником напряженности во всей Центральной Америке, постоянно нарушая нейтралитет Гондураса. Мол, в США получены жалобы на поведение Селайи со стороны Сальвадора, Гватемалы и Коста-Рики.

К тому же «всем известно», говорилось в ноте, что при режиме Селайи в Никарагуа перестали существовать «республиканские институты», а пресса и общественное мнение были «задушены». «Истинный патриотизм» (видимо, Нокс считал истинным патриотом Никарагуа Эстраду, который хотел разделить страну на две части, или военнотружущего гватемальской армии Чаморро) Селайя карает тюрьмой. В целом «режим Селайи — позорное пятно в истории Никарагуа»⁴¹.

С этим «пятном», по мнению госдепартамента США, и решила покончить «народная никарагуанская революция», к которой присоединились расстрелянные Селайей американцы. Нокс выразил непонятно на чем основанное убеждение, что идеалы «революции» Эстрады-Чаморро разделяет большинство никарагуанского народа, и сообщил, что сигналы о восстании против Селайи якобы есть и на тихоокеанском побережье Никарагуа.

Выступая от себя и от имени «большинства центральноамериканских республик», Нокс объявил о прекращении нормальных дипломатических отношений с правительством Селайи. При этом американцы готовы продолжать контакты с обоими правительствами Никарагуа.

Жесткая нота Нокса была явно связана с тем, что в гражданской войне в Никарагуа наметился перелом. Всего за несколько дней до американского демарша правительственные войска отбили город Сан-Хуан-дель-Норте и восстановили связь правительства с атлантическим побережьем⁴². Однако при поддержке ВМС США мятежники установили морскую блокаду Сан-Хуан-дель-Норте, и правительственные войска не смогли отплыть в Блуфилдс, где легко подавили бы последний очаг восстания.

Заместитель госсекретаря Уилсон попытался побудить другие центральноамериканские страны присоединиться к американскому демаршу, но те отказались. Так как ожидаемого всенародного восстания против диктатуры Селайи

⁴⁰ FRUS, 1909 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1909/reference/frus.frus1909.i0033.pdf>).

⁴¹ Ibid.

⁴² *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P.97.

на горизонте явно не просматривалось, а мятежники едва удерживали атлантическое побережье страны, в Вашингтоне стали рассматривать вариант прямой военной интервенции США, причем на тихоокеанском побережье Никарагуа. Уилсон предложил захватить главный тихоокеанский порт Никарагуа Коринто и столицу Манагуа. Американцы организовали утечку этой информации мексиканскому посланнику в Вашингтоне, который немедленно передал ее в Мехико.

Селайя обратился за советом к мексиканскому консулу в Манагуа: если именно его личность может быть использована американцами в качестве предлога для интервенции, то он, Селайя, готов уйти в отставку. Еще 22 ноября 1909 года президент Никарагуа изложил ту же мысль в письме к президенту Мексики Диасу. Селайя был даже готов стать заложником, если мятежники сдадут оружие его преемнику⁴³. Он просил Диаса предотвратить высадку морской пехоты США в Никарагуа.

Диас посоветовал Селайе уйти в отставку и обещал ему политическое убежище в Мексике. Тем самым мексиканцы хотели во что бы то ни стало предотвратить появление морской пехоты США в Никарагуа. 24 ноября мексиканцы сообщили президенту США Тафту, что Селайя готов уйти, если американцы окажут содействие в разоружении мятежников. Однако американцы, имевшие в районе мятежа флот, отказались это сделать. Стало понятно, что дело отнюдь не в личности Селайи.

Тогда мексиканцы порекомендовали Сейлайе остаться у власти до тех пор, пока в ходе переговоров с мятежниками не будет согласована кандидатура будущего временного президента Никарагуа.

Американцев это никак не устраивало. 15 декабря 1909 года мексиканский консул из Норфолка (основная база американского флота) сообщил из Вашингтона, что командующий Атлантическим флотом США получил приказ взять на корабли полный боекомплект и быть в готовности для обстрела с моря никарагуанских портов⁴⁴. Некоторые члены конгресса США предложили предоставить президенту Тафту необходимые полномочия для отправки регулярной армии в Никарагуа с целью установления там «ответственного республиканского правительства».

4 декабря 1909 года в ответ на пресловутую ноту Нокса Селайя обратился к США и предложил направить в Никарагуа беспристрастную комиссию для оценки реального положения в стране и расследования обстоятельств расстрела двух американских наемников. Эта же комиссия должна была установить, представляет ли Никарагуа угрозу для соседних государств. Селайя выразил готовность подать в отставку, если комиссия сочтет его действия неправомерными.

Тем временем мятежники лицемерно обещали сложить оружие, если Селайя покинет пост президента.

⁴³ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 150.

⁴⁴ *Ibid.* С. 151.

Но американцы свой выбор уже сделали. 7 декабря 1909 года в очередном послании к конгрессу Тафт еще раз подверг резкой критике Никарагуа, в том числе за «совершение неопишуемых актов варварства и угнетения». Президент был все же более откровенным, чем Нокс, в описании истинных причин американского вмешательства в Никарагуа: «...совершенно очевидно, что соображения, диктуемые географической близостью к зоне Панамского канала и особо важными интересами США в Центральной Америке, дают Соединенным Штатам особые права в зоне этих республик и в районе Карибского моря... Правительство (США) намеревается предпринять такие шаги в будущем, которые наиболее соответствовали бы поддержанию нашего достоинства, сохранению интересов США, нашим моральным обязательствам перед Центральной Америкой и цивилизацией»⁴⁵.

17 декабря 1909 года Селайя подал в отставку и 24 декабря на борту мексиканской канонерки покинул страну. В манифесте к депутатам парламента Селайя объявил, что вынужден уйти с поста перед лицом «бесстыдной и продажной революции», которая угрожает суверенитету Никарагуа. «Вам известно враждебное поведение мощной державы, которая вопреки любому праву вмешалась в наши внутренние дела и предоставляла мятежникам любую помощь, о которой те просили»⁴⁶.

В Мехико Селайю встречала восторженная демонстрация солидарности, а мексиканские газеты не жалели слов для критики политики США в отношении Никарагуа. Демонстрации в поддержку Селайи и против США прошли в Сальвадоре. Американцы считали свергнутого никарагуанского президента перманентной угрозой до тех пор, пока он находился в Западном полушарии. Поэтому Селайю преследовали и в Мексике: Нокс угрожал подать там против него иск в связи с расстрелом двух американцев. Чтобы не создавать осложнений для мексиканского правительства, Селайя отбыл в Испанию. Умер он в США в 1919 году, в нищете и всеми забытый. Но справедливость восторжествовала, и в 1930 году прах Селайи был торжественно перезахоронен на родине.

Однако преемник Селайи на посту президента американцам тоже не понравился. Доктор Хосе Мадрис был либералом и очень неудобным для критики человеком, поскольку до того, как стать президентом, он представлял Никарагуа в центральноамериканском арбитражном суде в костариканском городе Картаго. Мадрис довольно долго жил в эмиграции в Сальвадоре, откуда критиковал некоторые шаги Селайи во внутривнутриполитической сфере⁴⁷. Кандидатура Мадриса была предварительно согласована с Мексикой.

⁴⁵ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 152.

⁴⁶ FRUS, 1909 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1909/reference/frus.frus1909.i0033.pdf>).

⁴⁷ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 98.

Мадриса знали как сторонника линии Селайи, и никарагуанский конгресс без проблем и единогласно утвердил его на посту президента на срок оставшихся полномочий Селайи (на 17 месяцев).

Нокс и Тафт явно шли ва-банк: в декабре 1909 года мятежники были разбиты у местечка Тисма, а никакого всенародного восстания против режима либералов так и не случилось. В британском МИД считали, что дни «революции» сочтены.

Посланцу мексиканского президента Диаса и Тафт, и Нокс объявили, что считают Мадриса «марионеткой» Селайи и признавать его не собираются. Наоборот, американцы предложили Мексике совместно признать президентом главу мятежников Эстраду, пригрозив, что в противном случае война в Никарагуа будет продолжаться.

Между тем сам Эстрада держался в Блуфилдсе только потому, что США ради свободной торговли объявили этот порт свободным от военных действий. На практике это означало запрет для никарагуанских правительственных войск штурмовать город. Сами мятежники нарушили данное ими слово и после отставки Селайи не прекратили боевых действий. Морская пехота США высадилась в Блуфилдсе якобы для организации упомянутого выше госпиталя и, естественно, для охраны жизни и собственности граждан США. Шесть американских крейсеров фактически блокировали порт Коринто. На борту в полной готовности находился десантный батальон морской пехоты. Британское адмиралтейство пришло к выводу, что США вложили в Эстраду слишком много денег, чтобы позволить разбить его⁴⁸.

Мадрис предложил направить в Блуфилдс комиссию правительства для выработки мирного соглашения с мятежниками. 22 декабря 1909 года новый президент официально предложил Эстраде прекратить кровопролитие, хотя правительственные войска к тому моменту явно находились в гораздо лучшем положении, чем мятежники⁴⁹. Главарь мятежников комиссию принять согласился, но в то же время ответил Мадрису, что не признает его легитимности и считает его «узурпатором».

Американцы пока все же не решались официально признавать правительство мятежников ввиду тяжелой военной ситуации последнего. Нокс лишь предложил американский корабль в качестве возможного места встречи представителей противоборствующих сторон.

В феврале — марте 1910 года правительственные войска перешли в наступление и разбили несколько отрядов мятежников на подступах к Блуфилдсу. Положение «революционеров» стало отчаянным, и 3 марта они обратились к США с просьбой о посредничестве в прекращении боевых действий. Мятежники предложили США назначить временного президента Никарагуа, причем ни Эстрада, ни Мадрис в этом качестве не рассматривались. Временный пре-

⁴⁸ *Gismondi M, Mouat J. Merchants, Mining and Concessions on Nicaragua's Mosquito Coast: Reassessing the American Presence, 1893–1912.* См.: <http://www.bio-nica.info/biblioteca/Gismondi%26Mouat2002.pdf>.

⁴⁹ FRUS, 1910 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1910/reference/frus.frus1910.i0033.pdf>).

зидент под контролем США должен был организовать президентские выборы, в которых, опять же, не участвовали бы Эстрада и Мадрис. Новое правительство Никарагуа должно было признать государственными все долги «революционного» правительства Эстрады, то есть фактически расплатиться с американским бизнес-сообществом в Москитии⁵⁰.

Но положение мятежников на тот момент было столь отчаянным, что Нокс поручил Моффату передать Эстраде, что на данный момент США не готовы к посредничеству⁵¹.

В феврале 1910 года американцы стали концентрировать десантные силы морской пехоты на кораблях близ территории Никарагуа, вдоль берегов Тихого океана и Карибского моря. На рейде Коринто (Тихий океан) изготовился к броску полк морской пехоты под командованием полковника Джеймса Мэхони (крейсер «Буффало»). Однако уже в марте США решили вмешаться непосредственно в районе боев на атлантическом побережье, и полк Мэхони отозвали в Панаму.

Между тем никарагуанское правительство приобрело в Новом Орлеане старый британский пароход «Венера», вооружило его пушками и 19 мая 1910 года объявило морскую блокаду Блуфилдса. Появление в этом порту 16 мая военного корабля правительственных войск с десантом в 300 человек вызвало панику среди мятежников. Одновременно готовились к штурму Блуфилдса и 6 тысяч солдат правительственных сил. Мятежников было чуть более полутора тысяч, и моральное состояние их явно оставляло желать лучшего. При таком соотношении сил исход сражения за Блуфилдс был предрешен. Американцы поняли, что если они не вмешаются в никарагуанский конфликт напрямую, то мятеж будет подавлен.

16 мая командующий никарагуанскими правительственными войсками у Блуфилдса, близкий сторонник Селайи генерал Хулиан Ириас⁵² предъявил с борта корабля ультиматум Эстраде — сложить оружие в течение 24 часов. Ириас давал время на вывод из Блуфилдса мирного населения, а также больных и раненых.

19 мая США заявили, что не признают морской блокады Блуфилдса, причем на том странном основании, что ее осуществляет пароход, нелегально закупленный для военных целей в США. К тому же блокада, по утверждению США, нарушала свободу торговли (то есть интересы американских бизнесменов-контрабандистов Москитии).

Напрасно правительство Мадриса доказывало, что «Венеру» купили в Новом Орлеане абсолютно открыто и власти знали, что корабль будет перевозить в Никарагуа оружие и боеприпасы.

⁵⁰ FRUS, 1910 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1910/reference/frus.frus1910.i0033.pdf>).

⁵¹ Ibid.

⁵² В 1909 году Ириаса рассматривали как возможного преемника Селайи, но мексиканцы рекомендовали остановиться на Мадрисе, так как Ириас был известен своими антиамериканскими взглядами.

Отряд ВМС США предупредил никарагуанцев, что помешает установлению блокады силой. Соотношение этой самой силы было не в пользу Никарагуа, и из блокады ничего не вышло.

19 мая 1910 года для охраны жизни и собственности американских граждан с кораблей «Падука» и «Дюбук» был высажен десант морской пехоты в Блуфилдсе. 400 американских морских пехотинцев должны были не допустить штурма города правительственными войсками. Командующий силами интервентов аргументировал вмешательство тем, что Блуфилдс является открытым городом, где нет гарнизона мятежников. Это было явной ложью, но Мадрис отдал приказ остановить приготовления к атаке города, так как не хотел давать американцам предлога для наращивания военного вмешательства. Интересно, что в своем негативном ответе на ультиматум Ириаса Эстрада писал, что в Блуфилдсе находится его гарнизон, который решительно намерен обороняться.

Американцы объявили Блуфилдс «нейтральной зоной» и стали перебрасывать из Панамы дополнительные силы морской пехоты, которыми командовал упоминавшийся выше Батлер — «герой» подавления боксерского восстания в Китае.

Военная интервенция США в Никарагуа вызвала возмущение не только во многих странах Латинской Америки, но даже и в самих Соединенных Штатах. Сенатор Стоун обратился с запросом к Ноксу относительно правомерности пребывания американской морской пехоты в Блуфилдсе⁵³. Сенатор отмечал, что США даже не признали мятежников воюющей стороной, тем не менее оказывают им фактическую помощь.

В Сальвадоре прошли стихийные демонстрации под лозунгами «Долой американцев!» и «Долой никарагуанских консерваторов!». В столице Гондураса Тегусигальпе на антиамериканский митинг 24 июня собрались более 6 тысяч человек. Мощная демонстрация протеста готовилась 2 июля и в Коста-Рике, но правительство запретило ее, опасаясь, что страну может постигнуть участь Никарагуа.

Мадрис обратился за помощью к мексиканскому президенту Диасу, подтверждая готовность прекратить гражданскую войну заключением компромиссного соглашения с мятежниками. Главным для никарагуанского президента на тот момент было лишить американцев любого предлога для пребывания в Никарагуа.

Но президент США Тафт, как и ранее, проигнорировал посреднические усилия мексиканцев. К тому времени в Мексике нарастало революционное движение против диктатуры Диаса, причем революционеры при попустительстве правительства США активно формировали на американской территории свои отряды и закупали там же оружие и боеприпасы. Американцы решили, что слишком самостоятельному Диасу должна быть уготована такая же судьба, как его другу Селайе.

⁵³ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 154.

27 мая 1910 года никарагуанские войска захватили таможню Блуффилдса, чтобы лишить мятежников их основных финансовых ресурсов. Однако американцы попросту приказали перевести таможню в другое место, и платежи по-прежнему шли «революционному правительству». Капитан американского корабля «Падука» пригрозил потопить «Максимо Херес» (переименованную «Венеру»), если тот попытается приостановить морскую торговлю в Блуффилдсе⁵⁴.

Под носом у «Максимо Хереса» корабли мятежников под американским флагом доставляли «революционерам» все необходимое, включая оружие и боеприпасы.

Между тем положение в Блуффилдсе постепенно менялось в пользу мятежников. Последние получали морем и без ограничений боеприпасы и продовольствие из США. Насчет оплаты они могли не волноваться — расходы несло американское бизнес-сообщество, предвкушая сверхприбыли в случае победы «революции». К тому же основные доходы Никарагуа того времени — таможенные сборы порта Блуффилдс — текли в карманы мятежников.

В то же время правительственные войска с помощью американского флота были отрезаны от снабжения и вынуждены были без дела пребывать на позициях в болотистой, малярийной местности. В армии начались болезни, грозящие перерасти в эпидемию. Так как Блуффилдс они взять не могли, то в войсках стал отмечаться сильный упадок боевого духа. Никто не верил, что можно одержать победу вопреки США, которые поддерживают внутреннюю консервативную оппозицию.

Даже когда правительственные силы узнали о готовящемся контрнаступлении мятежников и решили предупредить его контрударом, американцы запретили сделать это.

27 апреля 1910 года свои услуги в разрешении конфликта в Никарагуа предложил центральноамериканский арбитражный суд. Ноксу пришлось «поблагодарить» арбитраж за мирную инициативу, но на самом деле американцам она была не нужна. США были заинтересованы только в безоговорочной победе мятежников⁵⁵. 24 июня Эстрада при поддержке американцев отверг посредничество центральноамериканского арбитража.

9 августа Мадрис направил президенту Мексики Диасу телеграмму, в которой говорилось: «Внимательно изучив положение дел в Никарагуа, я пришел к убеждению, что восстановление мира будет очень трудным, даже невозможным делом в результате противодействия американского правительства, которое поддерживает внутреннюю оппозицию в надежде на конечный успех.

Внутри страны у меня достаточно сил, чтобы контролировать положение, но этого мало, чтобы избежать затягивания войны. Кроме того, создалась

⁵⁴ FRUS, 1910 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1910/reference/frus.frus1910.i0033.pdf>).

⁵⁵ Ibid.

опасность отделения Атлантического побережья. Не имея возможности договориться с генералом Эстрадой, я думаю о целесообразности передачи поста президента... одному из депутатов, который начал бы переговоры о мире. Надеюсь, что после моей отставки они увенчаются успехом»⁵⁶.

18 августа 1910 года «революционеры» нанесли поражение деморализованным правительственным войскам у реки Типитапы. Часть армии перешла на сторону мятежников. Отряды консерваторов, поднявших восстание, приближались к Манагуа. Одновременно командир мятежников генерал Мена разбил правительственный отряд численностью 700 человек у Гранады.

19 августа Мадрис подал в отставку, заявив, что страна «наводнена вавилонянами с севера». Власть была передана депутату парламента Хосе Долоресу Эстраде — брату главаря мятежников. Такая отставка была равносильна капитуляции, и правительственная армия фактически распалась. Церковь отметила отставку Мадриса радостным перезвоном колоколов. 20 августа Мадрис покинул страну, а уже на следующий день в столицу вступил глава «революционного правительства» генерал Эстрада.

23 августа 1910 года Эстрада писал Ноксу, что первым шагом нового никарагуанского правительства является подтверждение самых теплых чувств по отношению к американскому народу⁵⁷. Лидер победивших мятежников заверил Нокса, что за жизни американских флибустьеров Кэннона и Гросса, а также за прочие «варварские акты» его предшественника будет выплачена компенсация.

4 сентября американские морские пехотинцы, выполнив задачу, отплыли из Блуффилдса обратно в Панаму.

Новая проамериканская администрация Эстрады была сформирована из представителей богатой консервативной элиты. Однако глава консерваторов генерал Эмилиано Чаморро сам хотел стать президентом и пребывание в кресле главы государства Эстрады (который формально был либералом) воспринимал как недоразумение. Такой же точки зрения придерживались и вдохновители заговора из Блуффилдса. Тамошние американцы считали, что Эстрада уже выполнил свою задачу, когда гарнизон Блуффилдса перешел на сторону «революции». Но сам Эстрада полагал, что именно он был «архитектором победы», и не хотел уходить в отставку. Министром внутренних дел (второй по значению пост в правительстве) Эстрада сделал своего сторонника (тоже либерала) генерала Хосе Марию Монкаду.

В самой консервативной партии намечался раскол. Многие консерваторы не хотели признавать лидерства клана Чаморро. Другой богатый клан — Куадра — заключил против Чаморро тактический союз с Адольфо Диасом⁵⁸.

⁵⁶ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 156.

⁵⁷ FRUS, 1910 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1910/reference/frus.frus1910.i0033.pdf>).

⁵⁸ *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 141–142.

Перед США стала сложная задача обеспечения устойчивости созданного ими марионеточного правительства, которое не пользовалось поддержкой подавляющего большинства населения.

13 сентября 1910 года правительство Эстрады, в котором вице-президентом стал американская креатура Адольфо Диас, было признано США. В Манагуа в ознаменование этого важного для вчерашних мятежников события весь день через каждые четверть часа гремел артиллерийский салют⁵⁹.

Победившие консерваторы провели масштабную чистку в государственном аппарате Никарагуа. Были уволены все, кого подозревали в симпатиях к Селайе. Были заменены почти все послы и преподаватели университета. Среди уволенных оказался выдающийся поэт Рубен Дарио, много сделавший для развития испанского литературного языка (другой латиноамериканский поэт, чилиец Пабло Неруда считал, что Дарио научил латиноамериканцев говорить). Чистка была произведена по прямому указанию американцев.

Самым популярным человеком в новой администрации (насколько вообще можно говорить об ее популярности) был генерал Луис Мена, толковейший из командиров, воевавших на стороне мятежников. Первоначально Мена считал себя политическим сторонником Чаморро, но потом решил, что вполне может претендовать и на самостоятельную роль. Тем более что армия подчинялась не столько правительству, сколько ему лично. Эстраде пришлось сделать Мену военным министром. Генерала сначала поддерживали и американцы, которые не доверяли Эстраде просто потому, что он все-таки был либералом и когда-то его назначил в Блуфилдс Селайя.

Новое правительство Никарагуа находилось в безвыходном финансовом положении, причиной которого был сам мятеж. Страну наводнили бумажные деньги (примерно на 12 миллионов песо), не имевшие никакого обеспечения золотом или серебром. Владельцы никарагуанских облигаций в Европе (выпущенных Селайей по кредитному договору с синдикатом Этельбарга в 1909 году) требовали уплаты долга.

Марионеточное правительство попросило государственный департамент прислать в Никарагуа миссию для содействия реорганизации государственного устройства. Американцы направили в Манагуа посланника США в Панаме Доусона. Ранее Доусон уже участвовал в «дипломатии доллара», контролируя таможи Доминиканской республики.

27 октября 1910 года Доусон высказал свои рекомендации, получившие название «пактов Доусона» (хотя сам американец их не подписал). Пакты подписали президент Эстрада, военный министр Мена, министр иностранных дел Диас, а также лидер консерваторов Чаморро. Содержание пактов сводилось к следующему:

⁵⁹ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 156.

- будут объявлены выборы в конституционную ассамблею, которая, в свою очередь, выберет президентом Эстраду, а вице-президентом — Диаса на два года;
- ассамблея разработает проект новой конституции, которая запретит монопольные концессии и будет гарантировать «легитимные права иностранцев»;
- на следующих выборах президента через два года Эстрада не имеет права выставлять свою кандидатуру;
- должна быть создана смешанная комиссия по удовлетворению претензий всех граждан (в том числе и американцев), которым в ходе гражданской войны был нанесен имущественный ущерб;
- при выполнении этих условий правительство США окажет содействие Никарагуа в получении кредита, который должен быть гарантирован никарагуанскими таможенными пошлинами⁶⁰.

Сам Доусон рекомендовал на пост президента Никарагуа Адольфо Диаса.

Основной целью «пактов Доусона», как мы видим, было финансовое закабаление Никарагуа и обеспечение некоей внутривластной стабильности в стане победивших мятежников.

Но как раз стабильности в стране и не наблюдалось. Американский посланник в Никарагуа Норкотт сообщал: «После долгих размышлений Эстрада пришел к заключению, что единственной надеждой Никарагуа является тесное сотрудничество с США. Что этот его курс вызовет антагонистическое отношение всех республик Центральной Америки — явно чувствуется здесь... Кроме того, враждебное отношение к США является естественным для подавляющего большинства никарагуанцев»⁶¹. Позднее Норкотт признавал, что «президент Эстрада держится исключительно благодаря нашей поддержке и уверенности в том, что в случае волнений он безусловно эту поддержку получит»⁶².

27 ноября 1910 года состоялись явно сфальсифицированные выборы в конституционную ассамблею, на которых, разумеется, победили консерваторы. В этих «выборах» приняли участие всего 30 тысяч человек. Многих сторонников либералов просто не пустили на избирательные участки. Однако госдепартамент США признал это волеизъявление честным, а ничего иного и не требовалось. 31 декабря ассамблея в соответствии с «пактами Доусона» избрала Эстраду и Диаса на посты президента и вице-президента страны соответственно. 1 января 1911 года США признали марионеточное правительство.

Однако новым раскладом сил в стране был недоволен Чаморро, который фактически руководил через своих сторонников работой конституционной ассамблеи. Чаморро попытался в проекте новой конституции ослабить власть

⁶⁰ *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 142.

⁶¹ *Зубок Л.И.* Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969. С. 423.

⁶² Там же.

президента за счет передачи его полномочий самой ассамблее. Сторонники Эстрады с протестом вышли из ассамблеи, которая, тем не менее, утвердила новую конституцию.

Тогда Эстрада наложил на конституцию вето, распустил ассамблею и назначил новые выборы этого органа⁶³. Эстрада действовал с санкции госдепартамента, и Чаморро пришлось покинуть Никарагуа.

Но состав новой ассамблеи (избранной 16 апреля 1911 года) контролировал опять-таки не Эстрада, а военный министр и свежее испеченный лидер консерваторов генерал Мена. Эстрада решил расправиться с ним при помощи генерала Монкады, и 10 мая Мена был неожиданно арестован по обвинению в планировании государственного переворота. Однако армия немедленно потребовала освобождения своего лидера, и Эстрада осознал, что не может рассчитывать на поддержку даже своей президентской гвардии.

Посланник США в Манагуа тоже отказал Эстраде в доверии — американцы решили, что арест Мены является сигналом к восстанию либералов во главе с генералом Монкадой. 9 мая 1911 года Эстрада был вынужден подать в отставку и передать власть американскому ставленнику Адольфо Диасу⁶⁴. Мавр сделал свое дело — бывший лидер «революции» отправился в эмиграцию в США. Мена был освобожден.

Американский сенатор Ладд точно сформулировал цели интервенции США в Никарагуа: «... в 1910 году морская пехота США вторглась в Никарагуа, расстреляла около 200 никарагуанских граждан и навязала стране в качестве номинального президента сотрудника одной североамериканской компании. Без поддержки морской пехоты США этот президент не смог бы продержаться у власти и 24 часов»⁶⁵.

Диас приступил к реализации основной части «пактов Доусона» — получению американского кредита. 1 сентября 1911 года было подписано соглашение, кабальное даже по меркам того времени. Никарагуа получала заем американских банкиров (размещенный в виде облигаций) в размере 1,5 миллиона долларов под 6% годовых. Срок погашения облигаций был явно нереальным — 15 октября 1912 года. В качестве залога держатели облигаций получили право купить 51% акций Национального банка Никарагуа⁶⁶. Сам банк учреждался с капиталом в 5 миллионов долларов, причем правительство Никарагуа было обязано внести 100 тысяч сразу.

Кроме того, под залог облигаций передавались никарагуанские таможенные пошлины. При этом Никарагуа вряд ли вообще могла рассчитывать на «живые» деньги, так как из американского кредита следовало выплачи-

⁶³ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 143.*

⁶⁴ В то время Диас все еще получал свое жалование как служащий американской горнорудной компании.

⁶⁵ *Гонионский С.А. Сандино. М., 1965. С. 16.*

⁶⁶ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 146.*

вать британскому синдикату Этельбарга (который предоставил заем Селайе в 1909-м) по 430 тысяч долларов год.

Таким образом, соглашение было классическим примером применения на практике «поправки Рузвельта». Американцы перекупали (за счет никарагуанских таможенных сборов) никарагуанский долг европейцам и ставили тем самым страну под свой полный финансовый контроль. Генеральным инспектором никарагуанской таможни 23 ноября 1911 года был с одобрения госсекретаря США назначен американский полковник Клиффорд Хэм, занимавший этот пост до 1928 года. Теперь именно он определял ставки таможенных пошлин и давал указания, куда направить поступления от их сбора. Таким образом, Никарагуа полностью лишалась финансового суверенитета.

В тот момент в Никарагуа было в обращении бумажных денег на 32 миллиона долларов (консерваторы печатали их гораздо более высокими темпами, чем Селайе), и правительство никак не могло обменять их на монеты из драгоценных металлов. Американцы «согласились» обследовать финансовую ситуацию Никарагуа и дать свои рекомендации по ее улучшению.

Мизерный американский заем, конечно, никак не мог поправить сложного финансового положения страны (да и цель американцев была абсолютно другой — выбить из Никарагуа европейских конкурентов).

Правда, американцы обещали разместить никарагуанские облигации на 15 миллионов долларов. Но они так и не сделали этого, поскольку сенат США не утвердил соответствующего соглашения.

В мае 1911 года была создана смешанная комиссия по разбору имущественных претензий. Из трех членов этого органа два были американцами и только один — никарагуанцем. В комиссию поступило 7908 имущественных претензий к никарагуанскому государству на общую сумму в 13,8 миллиона долларов.

Даже госдепартамент США признавал, что претензии американских компаний были во многом надуманными. Например, они включали в себя упущенную прибыль, что не допускалось. К тому же по иронии судьбы американцы требовали возмещения ущерба ввиду ликвидированных новым проамериканским режимом под лозунгом «борьбы с монополизмом» концессий времен Селайи.

В итоге комиссия одобрила выделение в качестве возмещения ущерба 1,8 миллиона долларов (что превышало всю сумму американского кредита). По 66 американским претензиям объемом 7,57 миллиона долларов было выплачено 538 тысяч долларов (то есть треть американского кредита)⁶⁷.

Получалось, что реально никакого кредита Никарагуа не получила. США предложили своим марионеткам в Манагуа заключить новое финансовое соглашение.

В ноябре 1911 года в Никарагуа прибыли два финансовых эксперта (американец и англичанин). Они выяснили, что с марта по ноябрь 1911 года амери-

⁶⁷ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 147.*

канское марионеточное правительство в Никарагуа напечатало бумажных денег на 16 миллионов песо (больше, чем Селайя за 17 лет пребывания у власти)⁶⁸. Таким образом, в стране было бумажных денег на 48 миллионов песо, и эксперты логически заключили, что для их выведения из оборота Никарагуа нужен новый кредит.

26 марта 1912 года было подписано дополнительное финансовое соглашение, по которому срок погашения кредита 1911-го продлевался на год. Никарагуа гарантировала, что не будет увеличивать количество бумажных денег в обращении и направит 500 тысяч долларов на погашение этих ассигнаций. Расходы самого никарагуанского правительства не должны были превышать 255 тысяч долларов ежегодно.

Держатели никарагуанских облигаций получали в качестве дополнительной гарантии 51% акций никарагуанских железных дорог вместе с принадлежавшими им пароходными линиями. Эти дороги должны были быть преобразованы в американскую компанию с местом регистрации в штате Мэн. При этом правительство не имело права менять тарифы на железнодорожные перевозки без ведома кредиторов.

Отныне Никарагуа лишалась не только пошлин, но и единственного средства транспортировки отечественной экспортной продукции.

Разоренная гражданской войной и грабительскими кредитными соглашениями Никарагуа объявила 1 июля 1911 года о дефолте по облигациям, принадлежавшим британским кредиторам. В ответ англичане удержали находившийся на их счетах никарагуанский депозит в размере 371 730 фунтов стерлингов. Залог был внесен Селайей для привлечения инвесторов на строительство железной дороги между обоими океанскими берегами Никарагуа. Однако американское марионеточное правительство расторгло относящийся к этой железной дороге концессионный договор. Неудивительно — ведь американцам такая железная дорога была не нужна, потому что составляла конкуренцию американским транспортным компаниям в Москитии, так же как и «Юнайтед Фрут».

Превзойдя наглостью самих себя, американцы предложили синдикату Этельбарга зарезервировать львиную долю никарагуанского депозита для расчета с кредиторами по соглашению марта 1912 года — то есть европейцы должны были заплатить американским кредиторам никарагуанскими деньгами. К тому же британцам предложили вместо 6% по облигациям довольствоваться 5%. Неудивительно, что англичане отказались от столь «лестного» предложения.

При президенте Диасе Никарагуа стала напоминать американскую колонию. Дело дошло до того, что в январе 1912 года временный поверенный в делах США в Никарагуа Гантер попросил отсрочить принятие новой конституции

⁶⁸ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 149.*

страны до приезда нового американского посланника Вейцеля, чтобы дать последнему возможность предварительно просмотреть проект. Этот демарш был сделан по прямому указанию Нокса, который проинструктировал Гантера, что США будут считать принятие никарагуанской конституции до приезда Вейцеля отходом от «дружественных» американо-никарагуанских отношений⁶⁹.

Весной 1912 года активизировались сепаратистские настроения на атлантическом побережье, но на этот раз американцы выступили против очередной «революции». Ведь таможенные сборы из Москитии через американского инспектора никарагуанских таможен текли в карманы американских держателей никарагуанских облигаций. Американский консул в Блуфилдсе с «сожалением» сообщал, что отношение там к американцам уже не столь «сердечное», сколь раньше⁷⁰. В частности, были отмечены попытки поджога американской собственности.

Сервильная политика американского ставленника Диаса не только натолкнулась на жесткое противодействие загнанных в подполье либералов, но и дала военному министру Мене предлог для захвата власти.

Главой либеральной партии в то время стал сторонник Селайи и активный борец против американского империализма Бенхамин Селедон. Селедон родился в 1879 году и выучился на адвоката. За проявленную личную отвагу в битве против гондурасско-сальвадорских войск при Намасигуе получил чин полковника. Успешно боролся против путча Эстрады, что принесло ему генеральский чин. В правительстве Мадриса занял пост военного министра и после поражения либералов был вынужден покинуть Никарагуа.

В последний день мая 1912 года либералы подняли восстание против режима «родинопродавцев» (так называли правительство Диаса в Никарагуа), взорвав крепость Форт Лома в Манагуа. При взрыве погибли около 60 человек, затем на воздух взлетели склады пороха в столице. Интересно, что в этот же день американскому посланнику в Манагуа сообщили о готовящемся Меной перевороте. Мена убеждал своих сторонников поддержать переворот, утверждая, что политика США в отношении президента Диаса не пользуется поддержкой ни американского конгресса, ни общественного мнения США.

Свое восстание бывший военный министр поднял 29 июля 1912 года. Американцы, как уже говорилось, знали о предстоящем выступлении Мены, который размещал в США военные заказы без ведома собственного правительства. Он вывозил оружие из столичного арсенала в Гранаду и продвигал на посты политических руководителей департаментов своих людей.

О грядущем перевороте открыто говорили на улицах Манагуа. По сведениям американского посланника, среди советников Мены имелось несколько ев-

⁶⁹ *Леонов Н.С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С.158–159.

⁷⁰ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frus1912.i0030.pdf>).

ропейцев, что было для Вашингтона крайне подозрительно. 29 июля Диас подчинил себе столичную крепость Лома, чем и вызвал переворот. Люди Мены обстреляли гарнизон из пулеметов и захватили крепость. В 16:30 президент Диас прибыл в американскую миссию и просил посланника помочь убедить Мена сложить оружие⁷¹. Бывшему министру была обещана амнистия.

Невзирая на проливной дождь и выстрелы на улицах Манагуа, посланник отправился в штаб-квартиру Мены (где было около 150 человек, примкнувших к перевороту; им противостояли примерно 600 солдат правительственных войск во главе с Чаморро). Американец опасался, что в случае смерти генерала его сын — «безответственный индейский негроид»⁷² — может устроить репрессии в Гранаде. Мена сначала счел условия Диаса «унизительными», но потом все же согласился сдать в обмен на гарантию безопасности со стороны американского посланника. Тот потребовал от Мены написать письмо об отставке, что генерал, пытавшийся убедить собеседника положиться на его слово, с неохотой и сделал. Посланник не без гордости сообщал в Вашингтон, что он «ликвидировал всю эту историю», то есть переворот Мены.

Мена укрылся в Масайе и объявил о союзе с либералами в целях свержения режима Диаса. К нему присоединился его сын, командовавший войсками в Гранаде. Вейцель был вне себя от обмана Мены, который к тому же потребовал немедленной отставки президента Диаса и начал вооружать сторонников Селайи во главе с Селедоном.

Американцы сообщали, что в Гранаде были арестованы многие «видные граждане» (то есть представители олигархии), которых три дня продержали без пищи и воды, а потом стали продавать им еду по баснословным ценам. Одного арестованного американца даже раздели донага, что «вызвало у него истерику». Учениц дорогой французской женской школы якобы заставили доказывать, что они женщины, а не переодетые мужчины. Посланник США в Манагуа сделал странный вывод: будь мотивы восставших политическими, а не уголовными, то иностранцев не арестовывали бы (!).

Всего за несколько дней к армии Мены и либералов, которую называли «Армией защиты национального суверенитета», примкнули сотни людей, и над режимом Диаса нависла угроза скорого военного поражения. Повстанцы неуклонно продвигались к столице. Правительство Диаса начало паковать чемоданы.

Американцы стали срочно искать предлог для новой военной интервенции. Теперь в этом качестве выступили атаки повстанцев против железных дорог, являвшихся с недавних пор американской собственностью⁷³. Ради проформы посланник США в Манагуа Вейцель «потребовал» от Диаса обеспечить защиту американской помощи и получил необходимый ответ, что никарагуанские

⁷¹ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frus1912.i0030.pdf>).

⁷² Ibid.

⁷³ Ibid.

власти не в состоянии этого сделать сами. Диас писал: «...Мое правительство желает, чтобы правительство Соединенных Штатов своими силами гарантировало безопасность собственности американских граждан в Никарагуа и распространило эту защиту на всех граждан Никарагуа»⁷⁴.

Вейцель немедленно передал эту «просьбу» капитану американского крейсера «Аннаполис», стоявшему на рейде в порту Коринто. С «Аннаполиса» в Манагуа был направлен отряд моряков США численностью в 100 человек, который прибыл в никарагуанскую столицу в 3:30 утра 4 августа 1912 года и разместился в здании американской дипмиссии.

11–14 августа повстанцы вели артиллерийский обстрел Манагуа. 12–13 августа они окружили столицу. Селедон, командовавший повстанцами, предупредил американского посланника Вейцеля как дуайена дипломатического корпуса о готовящемся обстреле. Вейцель потребовал отказаться от обстрела, но Селедон его приказ проигнорировал.

Несколько снарядов попали в президентский дворец, и американцы использовали это для высадки дополнительных воинских контингентов в Никарагуа. В ночь на 13 августа повстанцы предприняли штурм города, но их армия в количестве примерно 800 человек была отбита с большими потерями. Вейцель писал в Вашингтон, что в случае занятия Манагуа повстанцы якобы обещали отдать его своим сторонникам на разграбление в течение четырех дней⁷⁵.

За время обстрела города повстанцами по Манагуа было выпущено примерно 600 снарядов, но только один из них упал в непосредственной близости от миссии США.

14 августа в Коринто прибыл еще один батальон морской пехоты в количестве 341 солдат и 13 офицеров под командованием Батлера. 17 августа американцы (около 60 моряков и морских пехотинцев) оккупировали Блуфилдс, чтобы создать базу для широкомасштабной интервенции и воспрепятствовать занятию этой важнейшей экспортной гавани страны повстанцами.

Таким образом, американцы создали плацдармы для развертывания операций как на тихоокеанском, так и на атлантическом побережье Никарагуа.

Отряд Батлера вместе с 80 моряками погрузился на поезд и уже 15 августа прибыл в Манагуа. Батлер и Вейцель послали трех морских пехотинцев в Масаю к Мене с предложением почетной капитуляции. Мена, больной ревматизмом, сообщил, что рад бы сдаться, но войсками уже командует Селедон.

Американцы попытались прямо на поезде занять оплот либералов город Леон, но повстанцы просто высадили их, и янки пришлось возвращаться в Манагуа. Престиж доселе непобедимых американцев сильно пострадал. 25 августа Батлер направил отряд в 190 человек якобы для того, чтобы возобновить железнодорожное сообщение между Манагуа и Коринто. Повстанцы в нескольких местах взорвали пути, но вооруженного сопротивления не оказывали.

⁷⁴ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frus1912.i0030.pdf>).

⁷⁵ Ibid.

В Леоне американцев встретил командир повстанцев, направивший на Батлера револьвер. Но морпех, изловчившись, выхватил его, с улыбкой вынул все патроны и вернул обратно. Американцы въехали в Леон фактически как военнопленные. Поезд медленно продвигался сквозь враждебно настроенную толпу, скандировавшую антиамериканские лозунги. Женщина крупного телосложения прорвалась к Батлеру и угрожала ему мачете. Тем не менее отряд Батлера проследовал в Коринто, а потом обратно в Манагуа. В Леоне Батлера спас сальвадорский посланник, уговоривший местных жителей не трогать американцев⁷⁶.

4 сентября 1912 года госдепартамент США заявил, что целями пребывания американских войск в Никарагуа являются охрана дипломатической миссии США и поддержание транспортного сообщения между Манагуа и Коринто, а также, естественно, защита жизни и собственности американских граждан. О помощи якобы попросили 125 американских плантаторов и два десятка американских предприятий. Потребовали присылки войск и американские банкиры, заинтересованные в обслуживании Никарагуа своего внешнего долга. На самом деле они были очень обеспокоены тем, что и Мена, и Селедон потребовали отмены неравноправных кредитных соглашений с США. К тому же США были полны решимости добиться выплаты компенсации за жизни казненных в 1909 году флибустьеров Кэннона и Гросса.

Интервенция США вызвала протесты во всех странах Центральной Америки. Американский посланник сообщал из Сальвадора о массовом митинге рабочих и студентов 9 сентября 1912 года⁷⁷. Демонстранты протестовали против нападения США на «братскую страну». Президент Сальвадора поручил посланнику государства в Вашингтоне произвести демарш в защиту Никарагуа, но американцы его просто проигнорировали. Они лишь снисходительно заметили, что президент Сальвадора имеет искаженную информацию насчет положения в Никарагуа.

Между тем в сентябре в Коринто прибыли еще два батальона морской пехоты США. Под предлогом охраны железной дороги между Коринто и Манагуа американцы решили оккупировать Леон — центр восстания, а также Масайю и Гранаду.

15 сентября батальон Батлера с пулеметами и двумя трехдюймовыми орудиями по железной дороге отправился в Масайю. На окраине города на холме Ла-Барранка правительственные войска осаждали либералов Селедона. После переговоров Селедон пропустил поезд с американцами, и Батлер направился в Гранаду. Там он потребовал от генерала Мены сложить оружие⁷⁸.

⁷⁶ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frus1912.i0030.pdf>).

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Селедон направил к Мене курьера с предложением устроить американскому эшелону совместную засаду, но курьера перехватили правительственные войска.

К Мене из Леона пробилась примерно 400 либералов, которых генерал начал вооружать. Однако Мена был по-прежнему прикован к постели ревматизмом, и воля его к сопротивлению была сломлена. 22 сентября 1912 года американцы стали разрабатывать план штурма Гранады, но на следующий день Мена капитулировал в Масайе (на американском военном корабле его перебросили в зону Панамского канала). Верховным вождем восстания официально стал Селедон.

В сентябре на территории Никарагуа уже находились около 2400 американских морских пехотинцев и моряков. Расправившись с Меной (которому разрешили эмигрировать), американцы 2 октября двинули все свои силы к Масайе.

Всего к последнему оплоту либералов — Масайе — были стянуты примерно две тысячи американцев и пять тысяч солдат правительственных никарагуанских войск. У Селедона имелось около 600 бойцов, но он более месяца умело отбивал все попытки штурма Ла-Барранки. Командующий американскими оккупационными войсками полковник Педдлтон предъявил Селедону ультиматум: 3 октября оставить позиции и в указанном американцами месте сдать оружие. В противном случае американцы угрожали решительным штурмом. Ответ Селедона был краток: «Я не хочу позорного мира для себя и сыновей моей Родины. Мы не предатели... Тот, кто умеет умирать, умеет жить свободным... Я и мои храбрые товарищи выбираем смерть, мы решили не сдаваться». В своем завещании примерно за сутки до гибели Селедон писал: «Если я погибну, то погибну за Родину, за ее честь и незапятнанный суверенитет».

4 октября 1912 года в 5:15 утра американцы подвергли крепость Ла-Барранка ожесточенному артиллерийскому и пулеметному обстрелу. Потом три батальона морских пехотинцев пошли на штурм. Повстанцы, большинство из которых не были профессиональными военными и испытывали недостаток в боеприпасах, храбро сопротивлялись. Но силы были неравны. Бой продолжался 40 минут. Крепость пала, и Селедона расстреляли. Его труп победившие консерваторы торжественно пронесли по улицам никарагуанских городов.

Со стороны восставших погибли 163 человека (непосредственно в бою 27, остальных расстреляли, взяв в плен), американцы потеряли семь человек убитыми и 28 ранеными. Никарагуанский посланник в Вашингтоне выразил правительству США «искренние соболезнования» по поводу гибели американцев за «высокие идеалы»⁷⁹.

В частях Диаса погибли, по разными данным, от 13 до 18 человек. Эти войска подвергли Масайю грабежу, как если бы речь шла о неприятельском городе. Были убиты не менее 41 мирного жителя.

6 октября американцы заняли центр восстания Леон, потеряв при обстреле местным населением трех человек убитыми.

Восстание либералов и Мены было подавлено, но американцы оставили в Манагуа отряд морской пехоты численностью 130 человек якобы для защиты своей дипломатической миссии.

⁷⁹ FRUS, 1912 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1912/reference/frus.frus1912.i0030.pdf>).

На фоне массовых репрессий против сторонников либералов проходила и предвыборная кампания в Никарагуа. Либеральная партия в знак протеста против казней и американской интервенции вообще решила не выдвигать своего кандидата на пост президента, понимая, что ни о каких нормальных выборах речи не идет. В консервативной партии соперничали Диас и Чаморро. Интересно, что после «освобождения» Гранады от восставших американцы получили благодарственное письмо «от дам Гранады», которое подписала «леди» по фамилии Чаморро.

Но бизнес (в том числе и иностранный) предпочел Диаса, так как Чаморро был слишком одиозен, и его избрание могло спровоцировать новую гражданскую войну⁸⁰. Сам Диас хотел уйти из политики, но американцы сделали ставку именно на него.

Примечательно, что Диас хотел избрания президента не гражданами, а парламентом. Но американцы со ссылкой на «пакты Доусона» потребовали инсценировки народного волеизъявления.

Под защитой американских штыков Диас 2 ноября 1912 года был «избран» президентом Никарагуа (население консервативной Гранады проголосовало за Чаморро). Срок его полномочий начался 1 января 1913 года. Чаморро был назначен посланником в Вашингтон.

25 ноября 1912 года американский Тихоокеанский флот наконец покинул Коринто, оставив, правда, в порту крейсер «Аннаполис».

После подавления восстания Мены и либералов Никарагуа находилась на грани банкротства. По американским оценкам, только прямой ущерб от военных действий составил два миллиона долларов (то есть больше, чем весь кредит, который американцы выделили своим марионеткам в Никарагуа). Резко сократились таможенные сборы. Если до восстания они составляли в среднем 138 тысяч долларов в месяц, то в августе 1912 года упали до 56 тысяч, а в сентябре — до 31 тысячи⁸¹. Да и само восстание удалось подавить во многом потому, что правительство Диаса в критическом августе 1912-го получило от Национального банка (фактически принадлежавшего американцам) кредит в 100 тысяч долларов.

Диасу опять пришлось идти с протянутой рукой к своим хозяевам. Но те потребовали сначала решить вопрос о трансокеанском канале. В XIX веке США и Никарагуа заключили шесть договоров о прокладке канала, но ни один из них американцами выполнен не был.

К концу 1912 года было совершенно ясно, что вот-вот вступит в строй Панамский канал. Поэтому единственной целью переговоров для США было не допустить строительства на территории Никарагуа канала-конкурента третьей страной.

⁸⁰ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 154.*

⁸¹ *Ibid.*

9 февраля 1913 года посланник США в Никарагуа Вейцель и министр иностранных дел Никарагуа Диего Чаморро подписали очередной договор о канале, получивший наименование «договор Вейцеля — Чаморро». Согласно этому кабальному для Никарагуа документу США получали на вечные времена эксклюзивное право прокладки канала по территории Никарагуа. Для защиты канала Никарагуа обязалась предоставить США в аренду на 99 лет острова Корн в Атлантическом океане и военно-морскую базу в заливе Фонсека в Тихом океане. Кроме того, США получали право на каботажное судоходство в водах Никарагуа с правом проведения погрузочно-разгрузочных работ в любом никарагуанском порту.

За все эти уступки США была готова заплатить Никарагуа три миллиона долларов.

Договор вызвал бурю возмущения в Центральной Америке. Протест в Вашингтон направили Сальвадор и Коста-Рика. Костариканцы ссылались на никарагуанско-костариканский договор 1858 года и на арбитражное решение президента США Кливленда от 1888 года. Согласно этим документам Никарагуа не имела права строить канал, проходящий по пограничной реке Сан-Хуан, без предварительного согласия Коста-Рики. Сальвадор протестовал против предоставления США военно-морской базы в заливе Фонсека, так как этот залив находился в совместном владении Сальвадора, Гондураса и Никарагуа.

Коста-Рика официально проинформировала Никарагуа и США, что не считает договор имеющим юридическую силу. Костариканцы хотели передать договор на рассмотрение международного суда в Гааге.

Дело дошло до того, что договор Вейцеля — Чаморро был провален даже в американском сенате.

США и Никарагуа начали новые (на сей раз тайные) переговоры. 5 августа 1914 года, когда все внимание мировой общественности было привлечено к только что начавшейся в Европе мировой войне, был заключен новый американско-никарагуанский договор Брайана (госсекретарь США) — Чаморро. В целом этот документ мало отличался от предшествующего. Уточнялось, что база в заливе Фонсека будет предоставлена США именно на никарагуанской территории. Была исключена статья об эксклюзивном праве США на каботажное судоходство в никарагуанских водах. В остальном все осталось без изменений.

18 февраля 1916 года новый договор был ратифицирован Сенатом США, 12 апреля — никарагуанским парламентом. При ратификации в американском сенате сенатор Смит заметил, что одобрять договор как-то неудобно, поскольку никарагуанский посланник предложил США больше, чем у него просили. Сомневался и бывший госсекретарь Рут: можно ли вообще иметь дело с правительством Никарагуа, которое так беспардонно распродает собственный суверенитет? Известный прогрессивный сенатор Бора заявил: «Я никогда не считал, что договор с Никарагуа — это договор с никарагуанским народом. Мы

просто заключили договор сами с собой. Мы заключили договор с правительством, которое представляло нас самих, хотя во время переговоров и сидело на противоположной стороне стола. Мы заключили договор с правительством, которое было нашим орудием»⁸².

Сальвадор и Коста-Рика обратились в центральноамериканский арбитражный суд, требуя признать договор Брайана — Чаморро недействительным. При этом Сальвадор утверждал, что договор Брайана — Чаморро нарушает нейтралитет Гондураса, зафиксированный в Вашингтонских конвенциях 1907 года, а также противодействует достижению единства центральноамериканских республик. 9 марта 1917 года центральноамериканский суд принял решение в пользу Сальвадора⁸³, но США не обратили на это никакого внимания.

Как только режим Диаса заключил с американцами в феврале 1913 года договор о канале (точнее, о том, что он так никогда и не будет проложен), американцы согласились начать переговоры о новой порции финансовой «помощи» Никарагуа. Американские держатели никарагуанских облигаций согласились направить некоторую часть никарагуанских же таможенных сборов в казну правительства. Однако режим Диаса по-прежнему был фактическим банкротом, не выплачивая даже заработную плату государственным служащим.

Налоги не собирались, страна была по-прежнему наводнена бумажными деньгами, процветал бандитизм.

После победы на президентских выборах в США в 1912 году демократа Вильсона (который слыл прогрессивным политиком) в Никарагуа начали распространяться слухи, что новая администрация США не признает марионеточный никарагуанский режим. Эти слухи стали настолько угрожающими для Диаса, что посланник США в Манагуа поспешил их публично опровергнуть.

8 октября 1913 года после восьмимесячных переговоров с американскими кредиторами было заключено новое, еще более кабальное, чем предыдущие, финансовое соглашение между США и Никарагуа.

Правительство Никарагуа выпускало новые долговые облигации на сумму 1 064 000 долларов под 6% годовых со сроком погашения 1 октября 1914 года. Эти облигации продавались американским кредиторам за миллион долларов. Большая часть выручки от продажи облигаций направлялась на погашение предыдущих облигаций, то есть в карманы тех же американцев. 100 тысяч долларов выделялись на погашение претензий иностранных граждан, 350 тысяч передавались правительству Никарагуа для обеспечения обмена местной валюты на иностранную. Это тоже было в интересах американских бизнесменов в Никарагуа, которые активно выводили из страны полученные там прибыли.

Под новый кредит заложили оставшиеся 49% акций Национального банка, 49% акций железных дорог, а также часть таможенных поступле-

⁸² Гонтионский С.А. Сандино. М., 1965. С. 18.

⁸³ Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 154.

ний. 51% акций железных дорог (которые с 1912 года были зарегистрированы в штате Мэн) был продан американским кредиторам за миллион долларов. Те, в свою очередь, обещали вложить еще 500 тысяч в модернизацию дорог. Американские банкиры «согласились» приобрести 51% акций Национального банка за 153 тысячи долларов⁸⁴.

Одновременно они отказались от концессии на строительство железной дороги между атлантическим и тихоокеанским побережьями Никарагуа. Американскому бизнесу в Москитии такая дорога была не нужна. Товарные потоки шли на Новый Орлеан и Бостон, а по железной дороге возможное в будущем прогрессивное правительство Никарагуа могло бы быстро перебрасывать войска для борьбы с очередным переворотом. У самих американских компаний на атлантическом побережье были построены десятки миль собственных железных дорог.

В Национальном банке и железных дорогах, которые теперь окончательно перешли под контроль американцев, управление осуществляли по девять директоров. Американские кредиторы назначали шестерых из них, правительство Никарагуа — двух, госдепартамент США — одного.

Железные дороги Никарагуа на тихоокеанском побережье начали сооружаться в 1878 году, и к 1903-му благодаря активной политике Селайя было построено 127 миль между портом Коринто и Гранадой. С 1905-го по 1909 год железные дороги были сданы в аренду синдикату частных предпринимателей, но потом Селайя вернул их под контроль государства. Когда американцы в 1913 году установили контроль над железными дорогами, они вдвое увеличили плату за проезд пассажиров и провоз грузов⁸⁵. Одновременно никарагуанское правительство освободило владельцев дорог на 20 лет от всех налогов и пошлин при импорте товаров для железнодорожных нужд. За это правительству разрешили перевозить собственные грузы за половинный тариф, а некоторые чиновники могли ездить на поезде бесплатно.

В результате очередной американской финансовой комбинации 1913 года долговая нагрузка Никарагуа только выросла. Страна лишилась стратегически важной собственности (железных дорог) и национального центрального банка. Поступления с никарагуанских таможен распределялись американским генеральным инспектором, прежде всего в пользу иностранных кредиторов. При этом живых денег режим Диаса опять практически не получил, и положение никарагуанских государственных финансов стало еще более отчаянным. В январе 1914 года Диас попытался получить от банкиров еще один кредит хотя бы на 250 тысяч долларов, но ему ответили отказом.

В 1914 году Никарагуа столкнулись с тяжелой засухой и набегами саранчи, которые практически уничтожили в некоторых местах урожай кофе. Это

⁸⁴ *Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 158.

⁸⁵ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 163.

грозило крахом всей внешней торговли и прекращением притока иностранной валюты и таможенных пошлин. Диас хотел выпустить очередную порцию бумажных денег, но контролируемый американцами Национальный банк не стал этого делать.

Диас униженно просил американцев быстрее выделить ему три миллиона долларов по договору о канале, но США были готовы сделать это только после ратификации договора. Тогда Диас побудил никарагуанский конгресс выдать ему полномочия по дефолту правительства, как по внутреннему, так и по внешнему долгу. Но если указ о внутреннем дефолте Диас подписал сразу, то указ о дефолте внешнем отложил, используя его как средство для того, чтобы все же заставить кредиторов пойти на переговоры о реструктуризации внешнего долга страны.

Начавшаяся в августе 1914 года Первая мировая война едва не привела к полному краху никарагуанской экономики. Европейские импортеры отказались предоставить никарагуанским производителям кофе обычные коммерческие кредиты (фактическую предоплату), и экспорт кофе замер. Никарагуанские производители стали требовать кредитов от правительства, но Диас никарагуанскими финансами уже не распоряжался.

Только в сентябре — октябре 1914 года на переговорах с иностранными кредиторами удалось добиться права временно вернуть правительству поступления от таможенных пошлин (до этого они шли кредиторам, так как выступали залогом по облигациям всех выпусков). Правительству разрешили также выпустить еще миллион кордоб (так называлась теперь никарагуанская валюта, приравненная к доллару) для выделения целевых кредитов производителям кофе. 500 тысяч кордоб было выделено на выплату заработной платы государственным служащим, но только при условии введения новых налогов.

В обмен на эти уступки американские банкиры выторговали себе право не вкладывать обещанных 500 тысяч долларов в модернизацию никарагуанских железных дорог⁸⁶.

Неудивительно, что финансовая ситуация Никарагуа только ухудшалась, поскольку обещанных американцами денег по договору Брайана — Чаморро в 1916 году так и не поступило. Страна опять оказалась на грани банкротства, и 1 января 1917 года американский генеральный инспектор никарагуанских таможен приостановил выделение средств правительству.

Сложной оставалась и политическая обстановка в Никарагуа. В июле 1914 года два американца вместе с рабочими-неграми попытались захватить Блуфилдс и отделить Москитию от Никарагуа. Но на сей раз государственный департамент публично осудил мятеж и он был быстро подавлен.

Либералы, полагавшие, что мировая война отвлечет внимание США от Никарагуа, опять подняли голову. Они выставили своим кандидатом на прези-

⁸⁶ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 160.*

дентских выборах 1916 года стойкого соратника Селайи Хулиана Ириаса, который был смертельным врагом как Диаса (который по конституции не имел права баллотироваться на второй срок), так и лидера консерваторов Чаморро. Либералы требовали отмены договора о канале и пересмотра грабительских финансовых соглашений с американскими кредиторами.

Однако 17 сентября 1916 года американский посланник в Манагуа Джефферсон пригласил к себе Ириаса и в присутствии адмирала Капертона (командующего американским флотом у берегов Никарагуа) доходчиво объяснил ему, что США не потерпят на посту президента человека, выступающего против договора Брайана — Чаморро. К тому же новый президент, с точки зрения американцев, должен был по-прежнему санкционировать пребывание отряда морской пехоты США в Манагуа, что было для Ириаса заведомо неприемлемо. И в довершение от Ириаса потребовали веских доказательств, что после свержения Селайи он не участвовал в попытках дестабилизации никарагуанского правительства⁸⁷. Ириас понял, что его возможная победа на выборах приведет к немедленной американской военной интервенции, и снял свою кандидатуру — чего, собственно, и добивались американцы.

Диас усиленно продвигал на пост президента представителей консервативного семейного клана Куадра, соперника клана Чаморро. Сначала Диас избрал в качестве своего преемника Педро Рафаэля Куадру, финансового агента Никарагуа в США, а затем — Карлоса Куадру Пасоса, члена никарагуанско-американской смешанной комиссии по удовлетворению претензий на возмещение ущерба. И тот и другой были еще в большей степени американскими марионетками, чем сам Диас. Однако глава другого мощного консервативного клана Эмилиано Чаморро (посланник в Вашингтоне) заявил, что сам хочет стать президентом, так как в 1912 году «уступил» Диасу место только в обмен на аналогичный жест в 1916 году. Чаморро вернулся в Никарагуа и добился выдвижения своей кандидатуры от консервативной партии.

За две недели до выборов свой выбор в пользу Чаморро сделали американцы, и Пасос снял кандидатуру. Либералы пытались договориться о тактическом союзе против Чаморро с кланом Куадра, но не успели этого сделать. Поэтому на президентских «выборах» у Чаморро соперников не было, и 1 января 1917 года он вступил в должность президента (получив во время голосования 51,8 тысячи голосов)⁸⁸.

Хотя Чаморро опирался на поддержку армии, американцы крепко держали на его шее долларовую петлю и в день его инаугурации приостановили, как уже упоминалось, перевод на счета правительства таможенных платежей. Не спешили они и выплачивать деньги по договору о канале. На момент вступления Чаморро в должность правительство было должно собственным служащим 500 тысяч долларов в виде задержанной заработной платы.

⁸⁷ Гонционский С.А. Сандино, М. 1965. С. 18–19.

⁸⁸ Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 165.

В самих США между тем возник спор между госдепартаментом и американскими кредиторами (никарагуанцев даже не пригласили), куда конкретно направить три миллиона долларов по договору Брайана — Чаморро⁸⁹. Банкиры — владельцы облигаций настаивали на том, что сначала должен был погашен облигационный долг. Того же требовали и европейские (в основном британские) кредиторы, имевшие еще облигации Селайи выпуска 1909 года. Американское правительство считало, что всех иностранных кредиторов следует обслужить на равных условиях, а банкирам стоит помолчать, поскольку только у них имеется залог в виде поступлений от никарагуанских таможен. Такая позиция госдепартамента объяснялась тем, что США уже приняли решение вступить в войну против Германии на стороне Антанты и не хотели без нужды ссориться со своим основным союзником — Великобританией.

Тогда американские банкиры попытались договориться с Чаморро напрямую, но госдепартамент предупредил, что оставляет за собой право направить три миллиона туда, куда посчитает нужным. Чаморро пришлось согласиться на проведение в Вашингтоне специальной конференции правительства Никарагуа, американских кредиторов и госдепартамента.

Осенью 1917 года были подписаны соглашения о распределении трех миллионов долларов. Из них 2,025 миллиона получили британцы из синдиката Этельбарга. Затем был погашен американский кредит никарагуанскому центральному банку в размере 100 тысяч долларов.

В результате Чаморро из этих трех миллионов получил только 500 тысяч на погашение накопленного долга по зарплате госслужащих и 334 тысячи на погашение текущих долгов. К тому же никарагуанскому правительству пришлось согласиться на так называемый «финансовый план», который разработали американские эксперты. По этому «плану» американские советники, которых, несмотря на сопротивление Чаморро, назначили американские же кредиторы, фактически составляли никарагуанский бюджет.

Никарагуа, таким образом, лишилась последних признаков суверенного государства. Не помогло даже решение Чаморро объявить 9 мая 1917 года войну Германии и Австро-Венгрии (США вступили в войну в апреле 1917-го) для того, чтобы понравиться американскому общественному мнению. Посланник Мексики в Гватемале абсолютно верно характеризовал Чаморро в донесении в Мехико от 31 октября 1918 года как «жалкого чиновника американского госдепартамента»⁹⁰.

В декабре 1919 года Чаморро намекнул американцам, что хотел бы остаться президентом еще на один срок. В США поняли, что такое грубое нарушение основного закона Никарагуа наверняка приведет к народному восстанию, и скомандовали президенту «отбой». Чаморро послушно снял свою кандида-

⁸⁹ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 165.*

⁹⁰ *Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 163.*

туру, но решил оставить президентское кресло в семье. Он заставил консервативную партию выдвинуть кандидатом своего дядю Диего Чаморро — посланника в Вашингтоне. На практике получалось, что только посланник в США может стать следующим никарагуанским президентом. Американский посланник в Манагуа признавал, что кандидатура Диего Чаморро не пользуется поддержкой ни среди консерваторов, ни среди населения в целом⁹¹. В знак протеста против неприкрытого кумовства подал в отставку даже министр иностранных дел Уртечо, который выдвинул свою кандидатуру как независимый кандидат.

Государственный департамент США «в ответ на многочисленные просьбы представителей различных политических партий Никарагуа» лицемерно заявил, что у Америки нет собственных предпочтений и она уважает выбор никарагуанского народа.

Проблема была в том, что, согласно никарагуанскому избирательному законодательству, никакого реального выбора у избирателей не было. Голосовать имели право только те, кого правительственные чиновники заносили в списки избирателей. Сторонникам либералов в этом просто отказывали, и они тем самым лишались права голоса.

Сами либералы на сей раз выдвинули абсолютно приемлемого для американцев человека — богатого кофейного плантатора и человека очень умеренных взглядов Хосе Эстебана Гонсалеса. Официально Гонсалес шел на выборы от так называемой Коалиционной партии, в которой объединились как либералы, так и не довольные засильем клана Чаморро консерваторы. По оценкам американского посланника в Манагуа, при свободных выборах победу наверняка одержал бы Гонсалес.

Оппозиция требовала разрешить голосовать всем избирателям вне зависимости от их наличия в списках. Под давлением госдепартамента (который опасался восстания в случае откровенно нелегитимных выборов) Чаморро согласился на это, но одновременно заявил, что бюллетени незарегистрированных избирателей все равно учитываться не будут (!). Правительство в нарушение закона привело на избирательные участки переодетых в гражданское военнослужащих (по закону не имевших права голоса) и активно не пускало на эти же участки сторонников либералов, многие из которых вообще были арестованы за день до голосования.

За выборами наблюдал специальный представитель госдепартамента Джесси Миллер.

Диего Чаморро набрал в результате «выборов» 62 тысячи голосов, Гонсалес — 32 тысячи, Уртечо — 762 голоса. Миллер сообщил в госдепартамент, что у консерваторов и либералов примерно одинаковое количество сторонников. Это, казалось бы, ясно говорило о массовых фальсификациях народного воле-

⁹¹ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 172.*

изъявления⁹². Однако общая оценка Миллера была более чем странной — при таком «несовершенном» избирательном законодательстве выборы в целом, дескать, верно отражают настроения населения Никарагуа.

Правда, само население Никарагуа так не считало. Американцам пришлось для сохранения внутривластной стабильности в стране направить в январе 1922 года своего эксперта Доддса для выработки нового никарагуанского избирательного закона.

Никарагуа тем временем стала фактически вотчиной семейного клана Чаморро. Люди с этой фамилией занимали посты министра внутренних дел, советника по финансовым вопросам, спикера конгресса, начальника столичной крепости, управляющего таможнями, начальника крупнейшего порта Коринто, консулов Никарагуа в Новом Орлеане, Сан-Франциско и Лондоне⁹³.

Обстановка в Никарагуа продолжала накаляться. Во второй половине 1921 года революционеры–либералы провели несколько вооруженных рейдов против правительственной армии в районе никарагуанско-гондурасской границы. Правительство подавило повстанцев, но никарагуанский бюджет в результате этого опять оказался на грани банкротства.

В мае 1922 года столичная крепость Лома была захвачена уже консерваторами, недовольными доминированием клана Чаморро в политической жизни страны. Это восстание, по сути, подавил американский посланник, заявивший оппозиционерам, что любая стрельба в Манагуа приведет к немедленной военной интервенции США⁹⁴. На встрече в американской дипмиссии революционеры согласились сложить оружие в обмен на амнистию.

Спустя некоторое время либералы атаковали города Леон и Чинандега. Правительству пришлось объявить в стране осадное положение. Таким образом, Никарагуа оказалась на грани гражданской войны. Американцев это никак не устраивало, и они решили предотвратить возможную революцию с помощью дипломатии.

С этой целью США создали в декабре 1922 года в Вашингтоне конференцию стран Центральной Америки. По итогам встречи был подписан договор «о мире и дружбе». Но целью создания этого документа было совсем другое. В нем говорилось, что все страны-участники отныне не будут признавать правительства, пришедшие к власти в «результате государственного переворота или революции, направленной против существующего правительства»⁹⁵. Напомним, что в 1909 году США активно поддержали мятеж против законного президента Никарагуа Селайи. Теперь же все центральноамериканские страны обязались не оказывать помощи революционерам в других странах региона.

⁹² *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 174.*

⁹³ *Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 19.*

⁹⁴ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 175.*

⁹⁵ *Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 20.*

Конференция в Вашингтоне приняла и еще одно решение, оказавшееся для Никарагуа (впрочем, не только для нее) роковым. Всем странам региона было рекомендовано создать армию нового типа — «национальную гвардию», причем под руководством американских инструкторов. Эта армия нового типа якобы должна была быть далекой от политики и тем самым положить конец череде бесконечных военных переворотов в латиноамериканских республиках.

12 октября 1923 года неожиданно умер президент Диего Чаморро, и его пост занял вице-президент Бартоломе Мартинес. Для американцев этот человек был «темной лошадкой». Ему не очень доверяли, причем главным образом потому, что Мартинес не был коррупционером и его трудно было подкупить. О нем говорили, что он покинул президентское кресло более бедным, чем был до вступления на пост главы государства.

Благодаря высоким ценам на кофе после окончания Первой мировой войны Мартинес смог с помощью возросших таможенных поступлений расплатиться с частью внешнего долга и вернуть Никарагуа Национальный банк и железные дороги. Американцам такая самостоятельность не понравилась, и когда Мартинес объявил о намерении выдвинуть свою кандидатуру на президентских выборах 1924 года, они сочли, что это нарушает конституцию Никарагуа (хотя Мартинес на пост президента до этого не избирался и имел полное право участвовать в выборах).

14 ноября 1923 года США фактически предъявили Никарагуа ультиматум: они заявили, что признают легитимность президентских выборов 1924 года только при выполнении двух условий⁹⁶. Первое из этих условий было вынужденной данью моде: американцы требовали изменить избирательное законодательство и сделать его более демократичным. Только в этом случае США готовы были отозвать в январе 1925 года (после инаугурации нового президента) отряд морской пехоты из Манагуа. В Вашингтоне понимали, что если избирательное недемократическое законодательство останется в неприкосновенности, то за выборами 1924 года наверняка последует вооруженное восстание. Оно было явно не на руку новой республиканской администрации в Белом доме, которая пришла к власти в 1920 году под лозунгами изоляционизма во внешней политике (республиканцы были даже против членства Америки в Лиге Наций).

Второе условие было гораздо более важным и фактически сводило на нет первое. Американцы обусловили вывод своих войск из Манагуа созданием никарагуанской национальной гвардии под руководством американских офицеров (со ссылкой на решения последней центральноамериканской конференции). Гвардия должна была заменить одновременно прежнюю армию и полицию. США боялись, что если либералы победят на выборах (что было более чем вероятно), то армия демократизируется и станет возможной преградой на пути очередной американской интервенции.

⁹⁶ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 179.*

При невыполнении этих условий американцы фактически отказывались признать легитимность будущего президента Никарагуа.

Между тем ставший для страны уже одиозной фигурой Эмилиано Чаморро пытался сохранить президентский пост в семье и подумывал опять выдвинуть свою кандидатуру. Но даже американцы понимали, что очередного Чаморро народ не примет.

Тогда консерваторы попытались заключить соглашение с либералами и выдвинуть единого кандидата (то есть сделать выборы безальтернативными). Идея провалилась, и послушная Чаморро консервативная партия опять выдвинула его в президенты. Страна неумолимо скатывалась к гражданской войне.

Либеральная партия, в свою очередь, раскололась на две фракции. Либеральные националисты выдвинули кандидатом Хуана Баутисту Сакасу, врача и уроженца либеральной твердыни — Леона. Сакаса учился в США с 1889-го по 1901 год, имел диплом врача Колумбийского университета (позднее он был одним из руководителей университета Леона) и хорошо говорил по-английски, а значит, являлся для американцев приемлемой персоной на посту президента. Правда, в свое время он поддерживал Селайю, но американцы были готовы простить ему ошибки молодости в обмен на послушание.

Вторая фракция, уступавшая первой влиянием, — либеральные республиканцы — бросила в предвыборную гонку Луиса Кореа.

Американцы увидели в таком раскладе хорошую возможность наконец-то объединить либералов и консерваторов под своим руководством.

Между тем и действующий президент Мартинес вел переговоры с либеральными националистами о создании предвыборной коалиции. Однако американцы 13 июня 1924 года еще раз четко дали понять, что выступают против него, и Мартинес снял кандидатуру⁹⁷.

Но затем он вступил с либеральными националистами в союз. В качестве совместной кандидатуры был выдвинут мало кому известный консервативный политик Карлос Солорсано. Его главным достоинством для США было родство с Адольфо Диасом. Сакаса стал кандидатом на пост вице-президента.

Либералам было обещано как минимум два министерских поста в будущем правительстве, пять мест политических руководителей департаментов (то есть глав администрации) и пропорциональное представительство в верховном суде. Либералам резервировали также треть мест в парламенте. Но большинство ключевых постов все равно оставалось за консерваторами. В руках Солорсано был столичный гарнизон. США такая схема устраивала, потому что выводила либералов из оппозиционной ниши и накрепко привязывала их к коррупционной системе, которую американцы создали в Никарагуа.

Чаморро, вопреки советам госдепартамента, из борьбы не вышел, тем более что его решила поддержать часть консерваторов, отколовшаяся после союза

⁹⁷ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 182.*

Солорсано с Сакасой от этого блока. Проблему Чаморро очень верно отразил мексиканский журналист Немесио Гарсиа Наранхо: «...у бедного Чаморро был единственный дефект — тот же, что и у сапожной щетки, которая после длительного употребления загрязняется»⁹⁸.

Солорсано и Сакаса одержали на выборах 1924 года победу⁹⁹. Американцы стали спешно формировать национальную гвардию, так как все еще сомневались в прочности новой либерально-консервативной коалиции.

4 января 1925 года состоялась инаугурация Солорсано. Уже через три дня американский временный поверенный в Манагуа передал ему план по организации национальной гвардии и заручился согласием нового президента на назначение командующим гвардией американского майора Кейзера¹⁰⁰. Солорсано сам попросил оставить в Манагуа американскую морскую пехоту до тех пор, пока первые отряды национальной гвардии не будут готовы к боевым действиям. Поверенный в делах США отмечал, что Солорсано «действительно крайне озабочен» возможностью вывода морской пехоты уже в январе 1925-го и просит отложить его (госдепартамент вначале полагал, что морская пехота покинет никарагуанскую землю 9 февраля).

7 января Солорсано направил госсекретарю личную ноту с просьбой отложить вывод американских войск до начала функционирования национальной гвардии. Госдепартамент ответил, что «несколько удивлен», так как о выводе войск сразу после выборов было объявлено еще за год до этого¹⁰¹. Американцы все же милостиво согласились оставить в Манагуа отряд морской пехоты не более, чем до 1 сентября 1925 года — но только в интересах «процветания» Никарагуа.

В феврале 1925-го США передали Никарагуа свой план по организации национальной гвардии, согласно которому в новой «армии» должно было состоять всего-навсего 23 офицера и 392 солдата и сержанта, не считая американского персонала. При этом гвардия заменяла собой полицию, армию и военно-морской флот. Правда, в будущем при необходимости численность гвардии можно было бы увеличить¹⁰². Подготовку гвардии за счет никарагуанского бюджета должны были осуществлять американские офицеры.

Даже посланник США был поражен этим планом, отметив, что он вызовет недовольство других центральноамериканских государств, так как создается впечатление, что американцы, уходя из Никарагуа, на самом деле там остаются

⁹⁸ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 21.

⁹⁹ Интересно, что на избирательных участках за порядком следили морские пехотинцы США. Однако консерваторы запротестовали, когда пехотинцы решили понаблюдать и за подсчетом голосов. Либералы не возражали.

¹⁰⁰ FRUS, 1925 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1925v02/reference/frus.frus1925v02.i0024.pdf>).

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² Ibid.

ся, пусть и в другом облики. Сомневался и Солорсано, но его предупредили нотой государственного департамента от 11 марта 1925 года: если он немедленно не согласится, морская пехота США покинет Манагуа.

14 мая никарагуанский конгресс утвердил американский план по созданию национальной гвардии. Правда, в законе ничего не говорилось о том, что гвардию создадут американцы, но Солорсано предупредил посланника США, что это было сделано с оглядкой на общественное мнение и что на самом деле в плане ничего не изменится, а участие американцев будет оформлено обменом нот.

Лишь 1 августа 1925 года морская пехота США покинула Манагуа. Над столичной крепостью «Марсово поле» впервые за 12 лет был поднят не американский, а никарагуанский флаг.

Вопреки сожалению Солорсано, обычные никарагуанцы не испытывали к уходящим американцам никаких теплых чувств. Американцы вели себя в Манагуа вызывающе, особенно в нетрезвом виде. Морские пехотинцы США постоянно становились героями пьяных драк в барах Манагуа, где они активно приставали к местным женщинам. Командир отряда оправдывался, что не имеет необходимого оборудования, чтобы заняться со своими подчиненными атлетическими видами спорта. 8 декабря 1921 года во время пьяной драки морской пехотинец застрелил полицейского. После этого американцам пришлось организовать патрулирование города, чтобы вовремя извлекать из баров своих подвыпивших соотечественников. В январе 1922 года пришлось направить в Манагуа подкрепление (97 морпехов и моряков), так как ненависть никарагуанцев стала практически открытой.

Как только американцы ушли, Солорсано стал избавляться от своих либеральных союзников. Своих постов лишились военный министр Хосе Мария Монкада и министр финансов Виктор Роман-и-Рейес¹⁰⁵. Последнего 29 августа 1925 года родственник президента генерал Ривас, командовавший столичной крепостью Лома, арестовал прямо на светском приеме в Международном клубе (вместе с двумя редакторами газет) — по обвинению в заговоре против правительства. Американский посланник сообщал, что гости на приеме были шокированы выстрелами в воздух. В Никарагуа было объявлено осадное положение. Новым военным министром стал сам президент.

В столицу вернулся Эмилиано Чаморро, явно намереваясь опять взять власть. Солорсано был готов уйти в отставку, но либералы, напуганные возможностью появления в президентском кресле их исконного врага Чаморро, убеждали его остаться. Так же думал и американский посланник Эберхардт. Он сообщил в Вашингтон, что отставка Солорсано означает гражданскую войну, так как консерваторы не хотят ни при каких условиях допустить, чтобы президентом стал вице-президент либерал Сакаса.

¹⁰⁵ *Staten C. L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 39.*

7 сентября 1925 года в целях достижения «стабилизирующего эффекта» Эберхардт предложил направить в Коринто американский военный корабль. К этой просьбе послушно присоединился и сам Солорсано. Корабли ВМС США быстро прибыли в порт, но уже 20 сентября их отправили обратно, чтобы не компрометировать Солорсано.

Однако очередная «революция» в Никарагуа все же состоялась, хотя и не по вине либералов. 25 октября 1925 года в 4 часа утра столичную крепость Лома захватил Эмилиано Чаморро. Через три часа он позвонил американскому посланнику и высказал свое требование: немедленное удаление всех либералов из правительства, так как они попали туда в результате «нечестных выборов». Солорсано может оставаться президентом, но только в том случае если сам Чаморро будет назначен на пост военного министра¹⁰⁴.

У президента состоялось совещание с участием американского посланника, причем Чаморро на нем представлял не кто иной, как Адольфо Диас. Либералы решительно отказались уйти из кабинета министров. Во время совещания люди Чаморро хладнокровно убили прямо перед президентским дворцом двух человек, чтобы требования их главаря выглядели более убедительными. Рудиментарная национальная гвардия сильно уступала по численности путчистам и предпочла не вмешиваться в события. Эберхардт попросил Солорсано срочно вооружить национальных гвардейцев пулеметами. Посланник предупредил Чаморро, что США не признают правительство Никарагуа, пришедшее к власти в результате переворота.

Госсекретарь Келлог одобрил позицию Эберхардта.

Между тем уже 26 октября Солорсано согласился на все требования Чаморро и разорвал предвыборное коалиционное соглашение с либералами. Лично Чаморро было решено выплатить 10 тысяч кордоб, чтобы возместить его расходы на переворот (во время которого погибли 20 человек)¹⁰⁵.

Чаморро быстро направил 500 солдат в Леон, чтобы в зародыше подавить возможное восстание либералов.

Он изгнал из конгресса 18 депутатов-либералов и заменил их своими сторонниками. Вице-президент Сакаса отказался покинуть свой пост и вынужден был перейти на нелегальное положение, так как его угрожали убить. 9 ноября 1925 года Сакаса объявился в Гондурасе. Бывший вице-президент направил письмо американскому посланнику, умоляя США встать на сторону конституции, но Эберхардт предложил госдепартаменту никак не реагировать на события в Никарагуа.

Госдепартамент согласился и проинструктировал Эберхардта, что в случае отставки Солорсано США не предпримут никаких усилий, чтобы обеспечить

¹⁰⁴ FRUS, 1925 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1925v02/reference/frus.frus1925v02.i0024.pdf>).

¹⁰⁵ Ibid.

Сакасе кресло президента¹⁰⁶. Чаморро попросил американского посланника подсказать выход из сложившегося конституционного кризиса и подчеркнул, что новое правительство обязательно будет лояльным Вашингтону. Сакасу обвинили в подготовке переворота и дали ему 25 дней на то, чтобы вернуться в страну и предстать перед судом.

Сакаса между тем добрался до Вашингтона и 21 декабря 1925 года был принят госсекретарем Келлогом. Но как только никарагуанец попытался разъяснить внутривластную ситуацию в стране, Келлог оборвал его и сказал, что в госдепартаменте якобы не принято дискутировать относительно внутреннего положения иностранных государств¹⁰⁷. Сакаса же, дескать, был удостоен лишь протокольной беседы, чтобы засвидетельствовать свое почтение, и пришел без никарагуанского посланника, поэтому политические разговоры исключены. А если он все-таки хочет поговорить об обстановке в Никарагуа, то ему надо обратиться к начальнику латиноамериканского отдела госдепартамента Фрэнсису Уайту.

Уайт объяснил Сакасе, что США оказывают поддержку всем конституционным правительствам, но поддержку чисто моральную. В случае Никарагуа это означает, что США не признают правительства, которое придет там к власти насильственным путем, но и не окажут военной помощи Сакасе в отстаивании конституционных идеалов. Плохо, если народы центральноамериканских стран будут надеяться на Вашингтон. Это умаляет их национальное достоинство. Можно представить, с каким чувством Сакаса слушал эти лицемерные тирады.

Американцы готовились заменить Солорсано отнюдь не Сакасой, а своей привычной марионеткой Адольфо Диасом, который должен был стать временным президентом. Чаморро сделали бы сенатором (ему должен был уступить свое кресло один из консерваторов), после чего его назначил бы исполняющим обязанности президента до конца срока полномочий Солорсано уже сам Диас. С планом полностью согласился и Эберхардт, подчеркнув в беседе с Чаморро, что главное — это видимое соблюдение буквы закона.

Но, понимая, что ни одно из центральноамериканских государств не удастся убедить в конституционности режима Чаморро, Келлог 7 января 1926 года направил ноты Сальвадору, Гватемале, Коста-Рике и Гондурасу. Он четко заявил, что в качестве президента Чаморро признан не будет¹⁰⁸. Правда, Эберхардта проинструктировали, что занятие Чаморро президентского кресла —

¹⁰⁶ Сакаса просил соизволения вернуться в Никарагуа на военном корабле США, рассматривая это как гарантию личной безопасности. Американцы отказались, сославшись на то, что появление американского корабля в Никарагуа произведет нежелательный эффект на общественное мнение страны (!). Между тем военные корабли США только что покинули Коринто.

¹⁰⁷ FRUS, 1925 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1925v02/reference/frus.frus1925v02.i0024.pdf>).

¹⁰⁸ Ibid.

отнюдь не повод для отзыва посланника США в Вашингтон: «Ваше присутствие в Манагуа необходимо для защиты американских интересов»¹⁰⁹. При этом американские визы в паспорта, выданные режимом Чаморро, ставить запрещалось. Гватемальцы, костариканцы и гондурасцы выразили поддержку линии госдепартамента, Сальвадор колебался.

13 января 1926 года «зачищенный» и запуганный Чаморро никарагуанский конгресс объявил Сакасе импичмент и приговорил его к двухлетней ссылке за пределами страны (то есть запретил возвращаться на родину). Пост вице-президента был объявлен вакантным. 16 января конгресс вынес постановление о том, что именно Чаморро будет замещать президента. В тот же день Солорсано подал в отставку.

Либералы не признали нового президента и стали готовиться к восстанию. Разочарованный пассивностью США, Сакаса наладил в Вашингтоне хорошие отношения с мексиканским посланником Тельесом, надеясь, что мексиканские суда перебросят оружие в Никарагуа для грядущего восстания либералов¹¹⁰.

В Мексике с 1924 года у власти находился президент Плутарко Кальес, одно время даже считавший себя чуть ли не «пролетарским президентом» и социалистом. В 1925 году Кальес стал прижимать американские нефтедобывающие компании в Мексике, требуя от них перерегистрации концессий в соответствии с положениями прогрессивной мексиканской конституции 1917 года. В ответ американцы начали пропагандистскую войну против Кальеса, называя его большевиком и марионеткой Москвы (Мексика первой в Латинской Америке установила дипломатические отношения с СССР в 1924 году)¹¹¹. Кальес действительно считал Москву важным союзником в борьбе против империалистического диктата США, хотя, конечно, никогда коммунистом не был. Его идеалом были немецкие социал-демократы.

В начале 1926 года Кальес был не прочь поддержать никарагуанских либералов, чтобы показать США независимость мексиканской внешней политики. В январе 1926-го мексиканцы сообщили Сакасе, что поддержат его, но только если он лично приедет в Мехико для переговоров. Однако, с оглядкой на США, Сакаса решил в Мексику пока не ездить.

2 мая 1926 года вспыхнуло восстание в Блуфилдсе: либералы объявили «либеральную конституционную войну» режиму Чаморро. Американцы немед-

¹⁰⁹ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frus1926v02.i0026.pdf>).

¹¹⁰ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 168.

¹¹¹ Формально, следует подчеркнуть, Мексика этих отношений и не прерывала. Например, мексиканский почетный консул выразил соболезнование во время покушения на В. И. Ленина в 1918 году. В 1924-м обе страны просто решили обменяться полноценными посольствами. Будучи в том же году в Европе, Кальес даже хотел приехать из Берлина в Москву, но болезнь и необходимость длительного лечения в германской столице не дали ему этого сделать.

ленно направили в Блуфилдс боевой корабль — крейсер «Кливленд» — как повелось, для защиты собственности американских граждан. 6 мая «Кливленд» прибыл в Блуфилдс. На следующий день там высадились морские пехотинцы, объявившие город нейтральной зоной¹¹². Госдепартамент велел флоту сохранять строгий нейтралитет, в частности, не мешать либералам собирать в Блуфилдсе таможенные пошлины. Тем не менее морские пехотинцы разоружили либералов, так как город был провозглашен ими нейтральной зоной (то есть свободной от боевых действий).

7 июня госдепартамент отозвал Эберхардта из Манагуа, но подчеркнул, что этот шаг не носит политического характера.

Восстание либералов было подавлено (в основном потому, что осталось без мексиканской помощи оружием и боеприпасами и вина за это полностью легала на Сакасе), и военный вождь повстанцев генерал Монкада эмигрировал в Гватемалу, а оттуда — в Мексику.

В июне 1926 года Сакаса наконец-то сам прибыл в Мехико. В обмен на помощь оружием со стороны Кальеса он обещал в случае прихода к власти проводить независимую внешнюю политику, в частности, аннулировать договор Брайана — Чаморро¹¹³. Мексиканцы выделили Сакасе на закупку оружия и боеприпасов несколько сотен тысяч долларов. Эти деньги, которые выплачивались через мексиканского посланника в Гватемале, Сакаса использовал и на лоббирование интересов либералов в центральноамериканских странах, чтобы удержать их от признания режима Чаморро.

Мексиканцы даже попытались сколотить центральноамериканский блок против Чаморро. Гватемальское правительство президента Орельяно фактически согласилось и предоставило территорию своей страны как базу для сбора сил никарагуанских либералов. Сальвадор склонялся к «благожелательному нейтралитету» в пользу либералов, но мексиканцы считали тамошний режим ненадежным партнером. Зато консервативный режим в Гондурасе встал на сторону Чаморро, а Коста-Рика объявила полный нейтралитет.

Собрав в Мексике силы, Монкада и уже упоминавшийся выше сторонник Селайи Хулиан Ириас 16 августа 1926 года снова высадились с вооруженным отрядом на атлантическом побережье Никарагуа. 26 августа в никарагуанском порту Пуэрто-Кабесас было образовано правительство либералов во главе с Сакасой. Семь мексиканских кораблей начиная с августа 1926 года доставляли сторонникам Сакасы оружие и боеприпасы, причем как на атлантическое, так и на тихоокеанское побережье. На борту кораблей были и мексиканские добровольцы, полные решимости нанести поражение американским ставленникам в Никарагуа.

¹¹² FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frus1926v02.i0026.pdf>).

¹¹³ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 169.

Американцы поняли, что с помощью ненавистного им Кальеса либералы могут выиграть войну и без содействия США, и тогда все американское влияние в Никарагуа будет поставлено под вопрос. В Вашингтоне решили попытаться уговорить Чаморро уйти по-хорошему.

27 августа в госдепартамент был вызван никарагуанский посланник, которому сообщили, что, по мнению США, единственным выходом из гражданской войны в Никарагуа является отставка Чаморро с поста президента¹¹⁴. Американцы предложили провести встречу основных никарагуанских политиков на военном корабле США. 29 августа американский временный поверенный в Манагуа зачитал Чаморро послание Келлога. Но Чаморро был непреклонен и изъявил решимость остаться у власти «вопреки всем никарагуанцам». Одновременно он высказался в пользу американской военной интервенции для наведения порядка в Никарагуа¹¹⁵ и даже пообещал передать американцам всю власть в стране.

Временный поверенный США Деннис подключил к переговорам Адольфо Диаса, который обещал уговорить Чаморро уйти в отставку.

26 августа 1926 года в Блуфилдс прибыл американский военный корабль «Галвестон», и город был опять объявлен нейтральной зоной. Американцы, снова, как и в 1909–1910 годах, помешали либералам, которые готовились к штурму Блуфилдса, захватить этот важный атлантический порт.

10 сентября 1926-го Чаморро по совету Диаса обратился к американскому временному поверенному с просьбой организовать переговоры противоборствующих сторон, изъявив готовность уйти в отставку, но только при условии, что его преемник будет членом консервативной партии. На этот шаг помимо уговоров Диаса Чаморро побудила пойти и катастрофическая финансовая ситуация правительства.

Уже 11 сентября госдепартамент разрешил Деннису выступить в роли посредника. 23 сентября 1926 года либералы и консерваторы в районе Блуфилдса договорились о перемирии сроком на 15 дней. Днем позже Деннис встретился с либералами и не преминул сообщить в госдепартамент, что у либералов нет толковых военных лидеров и продолжение противоборства неминуемо приведет к их поражению¹¹⁶.

Специально для переговоров между либералами и консерваторами американцы объявили порт Коринто нейтральной зоной и предложили провести встречу противоборствующих сторон на корабле ВМС США «Денвер».

16 октября 1926 года переговоры начались, причем обе стороны настаивали, чтобы их вел Деннис. Последний отмечал, что встреча проходила в духе «сер-

¹¹⁴ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frus1926v02.i0026.pdf>).

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Ibid.

дечности» и обе стороны «братались»¹¹⁷. В принципе либералы воевать не хотели. Их интересовало только разделение власти с консерваторами, как это и имело место до путча Чаморро. Да и консерваторы, за исключением самого Чаморро, были не прочь договориться с либералами: ведь никакой разницы в политических программах партий к тому времени уже не осталось. Обе основные политические силы были намерены соблюдать американо-никарагуанские соглашения, прежде всего договор Брайана — Чаморро. Келлог отправил всем участникам переговоров приветственную телеграмму, восхваляющую их «патриотические усилия».

Американцы хотели быстрее закончить переговоры в Никарагуа, потому что разведка США уже доложила о сильном влиянии на никарагуанских либералов «большевика» Кальеса. В Вашингтоне ни в коем случае не хотели, чтобы в Никарагуа утвердился революционный режим наподобие мексиканского, дружественно настроенный по отношению к СССР.

Но первоначально на переговорах наметился тупик. Консерваторы считали, что президентом до выборов должен быть обязательно представитель их партии, а либералам отводили лишь несколько министерских постов (фактически предлагая возврат к формуле до октября 1925 года). Либералы считали, что в соответствии с конституцией пост президента должен занять Сакаса. Как и опасались американцы, либералы открыто заявили, что им помогает Мексика и если их требования не будут учтены, они устроят в Никарагуа революцию типа мексиканской¹¹⁸. Для Вашингтона такая перспектива была просто кошмарной. Однако от Денниса не укрылся раскол в стане либералов: если одна часть партии склонялась к компромиссу, то другая была настроена на решительные революционные действия.

Либералы вынесли на арбитраж США простой вопрос: должно ли конституционное правительство Никарагуа возглавляться Сакасой или нет. Деннис от ответа уклонился, заявив, что это не предмет для суждений иностранной державы.

Тогда либералы предложили передать решение вопроса на суд центрально-американских держав (уже обработанных мексиканцами). Однако консерваторы отказались, заявив, что эти страны пристрастны. В ответ либералы заявили о прекращении переговоров. Деннис пытался их спасти, и консерваторы опять предложили возврат к статус-кво (включая возвращение либеральных депутатов конгресса). Президентом они предложили назначить Адольфо Диаса.

Но либералы упирались, и Деннис сообщал, что ужесточение их позиции связано с ростом мексиканской помощи. Американский временный поверенный 19 октября 1926 года предложил госдепартаменту срочно подгото-

¹¹⁷ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frus1926v02.i0026.pdf>).

¹¹⁸ Ibid.

вить войска для отправки в Никарагуа с целью «предотвращения иностранной (мексиканской) интервенции».

Госдепартамент 22 октября поручил временному поверенному в Гватемале (где находился вице-президент Никарагуа) Эллису расколоть либералов и для этой цели провести беседу с Сакасой. Тому следовало четко заявить, что революция в Никарагуа с мексиканской помощью будет рассматриваться США как враждебный акт и Сакаса «понесет за это личную ответственность»¹¹⁹. 23 октября Эллис встретился с Сакасой, причем в присутствии американского военного атташе. Сакаса не дал четкого ответа, но подчеркнул, что никогда не был революционером. Вопрос участия Мексики в событиях в Никарагуа он обсуждать отказался.

Пока на «Денвере» шли переговоры, продолжались стычки между либералами (они называли себя конституционалистами) и консерваторами. Как правило, бои заканчивались в пользу правительственных войск, лучше обученных и вооруженных. Но если консерваторы еще могли отбивать атаки либералов, то сил для решительного контрнаступления у них уже не хватало.

24 октября переговоры либералов и консерваторов были прерваны, причем Деннис считал, что первые не хотят видеть президентом Адольфо Диаса только потому, что связаны обязательствами на сей счет с Мексикой.

30 октября 1926 года Чаморро сложил с себя полномочия президента. Консерваторы сообщили Деннису, что планируют вернуть в конгресс изгнанных оттуда депутатов-либералов и после этого парламент изберет временным президентом Диаса. Американцы дали добро — Келлог сообщил Деннису, что США готовы признать де-юре любого президента, которого выберет конгресс. Выбор в качестве президента Диаса Келлог счел «мудрым»¹²⁰. Еще бы — ведь в беседе с Деннисом Диас заявил, что сразу же после избрания пригласит американских офицеров для обучения национальной гвардии. Госсекретарь поручил Деннису принять участие в инаугурации Диаса и обещал новому правительству американский кредит.

Если же Сакаса не признает выбор никарагуанского конгресса, подчеркнул Келлог, США сочтут его «революционером», то есть мятежником.

При явном большинстве консерваторов в парламенте избрание американской марионетки Диаса было делом решенным. Так и произошло — 10 ноября 1926 года Диас стал президентом, причем за него проголосовали 44 депутата из 53 присутствовавших. Либералы в заседании конгресса не участвовали. 14 ноября Диас вступил в должность и был немедленно признан Соединенными Штатами. Центральноамериканским странам американцы объяснили, что Сакаса сам фактически снял с себя полномочия вице-президента, уехав

¹¹⁹ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frus1926v02.i0026.pdf>).

¹²⁰ Ibid.

из страны. Американцы выразили надежду, что либералы сложат оружие и войдут в правительство Диаса.

Однако для Сакасы идти на компромисс со столь ненавидимым во всей стране человеком, сколь Диас, означало бы политическое самоубийство, тем более что основная часть либералов никогда бы не поддержала такого шага.

Поэтому Сакасе не оставалось ничего иного, как образовать 1 декабря 1926 года в Пуэрто-Кабесасе (город на атлантическом побережье) собственное правительство и принять на себя обязанности временного президента Никарагуа. Сам Сакаса прибыл в Пуэрто-Кабесас 2 декабря. Военным министром и главнокомандующим армией либералов стал генерал Хосе Мария Монкада.

Но если мексиканцы не очень верили в честность и принципиальность Сакасы, то Монкаде они не доверяли еще больше. До Мексики постоянно доходили слухи о переговорах Монкады с командующим американской эскадрой в никарагуанских водах генералом Латимером. Американцы сосредоточили в никарагуанских портах 16 боевых кораблей, причем как на Атлантическом, так и на Тихом океане. Один из революционно настроенных генералов-либералов Луис Бельтран Сандоваль (который поднял восстание в мае 1926 года) даже просил у Сакасы разрешения расстрелять Монкаду как предателя, но Сакаса не стал вносить в стан либералов ненужный, как ему казалось, разлад¹²¹.

Тем не менее 7 декабря 1926 года Мексика официально признала Сакасу законным президентом Никарагуа.

8 декабря Диас обратился к госсекретарю Келлогу с просьбой помочь Никарагуа в борьбе против «мексиканской интервенции». На всякий случай Диас не преминул подчеркнуть, что либералы и мексиканцы представляют угрозу интересам граждан США в Никарагуа. Выбор средств Диас целиком оставлял на усмотрение госдепартамента США. Келлог сначала колебался, но 15 декабря Диас вновь попросил об американской помощи. Если она срочно не последует, то либералы при поддержке мексиканцев свергнут его режим¹²². Эберхардт вторил Диасу, сообщая в госдепартамент, что Никарагуа находится на пороге общенародного восстания против правительства.

Американцы немедленно попытались пресечь поставки мексиканского оружия Сакасе, и уже в середине декабря один из мексиканских кораблей не смог произвести разгрузку оружия и боеприпасов¹²³. 18 декабря Келлог сообщил посланнику в Манагуа Эберхардту, что США начнут продавать Диасу оружие, а американский флот возьмет под защиту никарагуанские берега.

19 декабря Эберхардт проинформировал Вашингтон, что хотя большинство никарагуанцев якобы поддерживают Диаса, ему все равно не устоять про-

¹²¹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 25.

¹²² FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frus1926v02.i0026.pdf>).

¹²³ Buchenau J. In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 174.

тив объединенных сил либералов и Мексики. В правительственной армии, по данным Диаса, было около 7000 человек, в том числе 2000 на атлантическом побережье. В районе столицы было дислоцировано 1,5 тысячи военнослужащих.

Либералы в западной части страны располагали только 200 вооруженными бойцами в районе Леона. Несколько сотен сторонников либералов не имели оружия и, по данным американцев, отправились в длительный поход на атлантическое побережье, чтобы получить снаряжение у Сакасы. Американцы еще не знали тогда, что ведет горстку этих людей человек, который скоро станет главным противником США в Латинской Америке.

Эберхардт сетовал на то, что война обходится Диасу в 10 тысяч долларов в день и от недавнего американского кредита в 300 тысяч осталось только 20 тысяч¹²⁴.

Используя в качестве предлога убийство одного американца, 23 декабря 1926 года в 11 часов утра американская морская пехота высадилась в Пуэрто-Кабесасе без всякого предварительного уведомления и объявила город нейтральной зоной. Войскам Сакасы было предписано срочно (до 16:00 24 декабря) покинуть Пуэрто-Кабесас, в противном случае они будут разоружены силой. 500 морских пехотинцев окружили резиденцию Сакасы, которую охраняли не более 20 человек. На резиденцию направили свои орудия американские корабли «Кливленд» и «Денвер». Под прицел корабельных орудий были взяты и казармы армии либералов. Протест Сакасы был проигнорирован.

Министр иностранных дел Сакасы указывал в письме Келлогу на то, что американцы упорно хотят сохранить Диаса у власти военной силой, начиная с 1912 года. Напрашивается вопрос: является ли Никарагуа свободной и суверенной страной или колонией и протекторатом США¹²⁵? Может быть, США забыли, что и маленькие нации имеют право на самостоятельное существование?

Излишне говорить, что никакого ответа Сакаса не получил.

Войска США захватили и другие города на атлантическом побережье. Например, в устье Рио-Гранде высадились 600 морских пехотинцев, в то время как либералов в городе насчитывалось 18 человек. Американцы явно были хорошо осведомлены — они появились на Рио-Граде только после того, как основные части либеральной армии покинули город для битвы с войсками Диаса.

Когда последние, будучи разбитыми, стали отходить к Блуфилдсу, Диас срочно попросил через Эберхардта объявить нейтральной зоной район их дислокации, чтобы избежать полного разгрома.

Таким образом, американцы фактически вмешались в гражданскую войну на стороне режима Диаса.

¹²⁴ FRUS, 1926 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1926v02/reference/frus.frus1926v02.i0026.pdf>).

¹²⁵ Ibid.

Войска Сакасы ушли из Пуэрто-Кабесаса, бросив большое количество оружия и боеприпасов. Американцы запретили никарагуанцам в Пуэрто-Кабесасе даже носить ножи.

На январь 1927 года американцы наметили полномасштабную военную интервенцию в Никарагуа. С целью ее пропагандистского оправдания госсекретарь Келлог пошел на беспрецедентный шаг. 12 января 1927 года он сделал заявление о политике Мексики и стоящих за ее спиной советских большевиков в Латинской Америке. Не утруждая себя никакими доказательствами, Келлог утверждал, что мексиканцы помогают никарагуанским либералам по приказу Москвы, чтобы взять под контроль всю Центральную Америку, прежде всего зону Панамского канала. США, естественно, не могут безучастно взирать на подрывную деятельность мексиканских и русских большевиков и намерены всеми средствами, в том числе и военными, отстаивать свои интересы перед лицом коммунистической агрессии.

С такими же заявлениями выступил 10 января и президент США Кулидж: «Мы не можем безразлично относиться к тому, что происходит в Центральной Америке. К любой угрозе стабильности в Никарагуа мы отнесемся с глубокой озабоченностью и примем необходимые меры для защиты жизни и собственности американцев»¹²⁶.

В своем послании конгрессу Кулидж особо подчеркнул, что события в Никарагуа ставят под угрозу права США на постройку в этой стране трансокеанского канала¹²⁷. Американский президент поставил в заслугу США, что при помощи американских экспертов долг Никарагуа был сокращен с 22 миллионов долларов в 1917 году до 6,6 миллиона в 1926-м. Правда, он не упомянул, что сами американцы и ввергли Никарагуа в долговую кабалу после 1910 года.

При этом и Кулидж, и Келлог распространяли свои домыслы уже задним числом. Ведь 6 января 1927 года американская морская пехота начала высаживаться в Коринто (хотя Диас утверждал, что прочно контролирует западную часть Никарагуа). Вокруг Никарагуа было сконцентрировано 16 военных кораблей США с десантом на борту.

Кроме того, Кулидж отдал приказ продать режиму Диаса 3000 винтовок системы Крэга (производились в США в 1894–1904 годах), 200 пулеметов «браунинг» и три миллиона патронов. 7 января американская морская пехота опять вошла в Манагуа, откуда ушла меньше, чем полтора года назад, в августе 1925-го.

Если сначала морские пехотинцы должны были охранять только дипмиссию США, то к 1 февраля 1927 года (естественно, по «просьбе» Диаса) морская пехота США взяла на себя «защиту» Манагуа в целом. Диас обратился с такой

¹²⁶ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 26.

¹²⁷ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

просьбой еще 4 января — якобы для того, чтобы отбить возможный мексиканский десант на тихоокеанском побережье. Без американской морской пехоты правительство Никарагуа, дескать, не могло гарантировать безопасность жизни и собственности иностранцев в Манагуа, а также безопасность американской миссии в столице. 2 февраля в Манагуа было уже 320 американских морских пехотинцев.

Американскую интервенцию в Никарагуа решительно осудил Коминтерн. В воззвании Исполкома Коммунистического интернационала от 30 января 1927 года говорилось: «Армия Североамериканских Соединенных Штатов оккупирует Никарагуа, обезоруживает и подвергает преследованиям беззащитное население. Могущественный североамериканский империализм, больше всех нажившийся на всемирной войне¹²⁸ и закабаляющий все народы, ныне сбрасывает демократическую маску, плохо скрывающую его алчность и обнаруживает циничное намерение поработить мелкие страны Центральной Америки и превратить Латинскую Америку в колонию Соединенных Штатов»¹²⁹.

Послание Кулиджа конгрессу о коммунистической угрозе со стороны Мексики вызвало в американском парламенте дебаты о политике США в Мексике и Никарагуа. Многих конгрессменов отнюдь не испугали «страшилки» Кулиджа, ссылавшегося на мировой коммунизм. Например, конгрессмен Хаддлстон из Алабамы говорил: «...мы в настоящее время являемся объектом всеобщего осуждения в странах Южной Америки... Президент вмешался в Никарагуа, чтобы подавить революцию и в целях поддержки Диаса, на которого можно положиться, так как он сделает все, чего президент хочет... Это не только нарушает суверенитет Никарагуа, но и доказывает тот факт, что мы установили протекторат. Никарагуа стала более зависимой от нас — ведь мы диктуем, кто должен стоять там у власти, а это ведет к полной утере независимости ...Мы находимся там, чтобы помочь американским инвесторам и держателям акций получать их доходы»¹³⁰.

С Хаддлстоном был полностью согласен председатель сенатского комитета по внешней политике Бора: «Соглашение о займе и канале мы заключили сами с собой, Диас не удержался бы у власти ни одного дня, если бы не присутствие американской морской пехоты»¹³¹.

Диас разделял такую точку зрения. 9 февраля 1927 года он заявил в интервью американскому агентству «Ассошиэтед Пресс»: «Если Соединенные Штаты сочтут, что я должен уступить свой пост кому-нибудь другому, я сделаю это немедленно... Но я всегда возражал против вывода морской пехоты из Никарагуа, и я приветствую ее возвращение. Кто бы ни был президентом, я или кто-

¹²⁸ Имелась в виду Первая мировая война.

¹²⁹ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918–1928. М., 1982. С. 281–282.

¹³⁰ Там же. С. 282.

¹³¹ Там же.

нибудь другой, морская пехота США должна всегда оставаться в Никарагуа»¹³². 24 февраля нью-йоркские газеты сообщили, что Диас предложил США взять на себя «защиту» Никарагуа в последующие 100 лет.

23 февраля 1927 года над столичной крепостью Лома в Никарагуа взвился американский флаг. Временный поверенный в делах Великобритании даже поинтересовался у никарагуанского правительства, не означает ли это прекращения существования Никарагуа как независимого государства. Диас распорядился снова поднять над крепостью национальный флаг.

В феврале 1927-го американцы усиленно наращивали свое военное присутствие в Никарагуа. К концу месяца под командованием бригадного генерала Логана Феланда было примерно 2000 военнослужащих. 25 февраля на территорию Никарагуа были доставлены и боевые самолеты — шесть двухместных бипланов «Де Хэвиленд». Этот самолет являлся самым массовым в США в годы Первой мировой войны — было произведено 4846 единиц. 1538 самолетов были модернизированы в 1919–1923 годах (изменено местоположение второго пилота и бензобака) и получили наименование ДН4В. Именно они и были направлены в Никарагуа.

«Де Хэвиленды» установили несколько мировых рекордов. В 1922 году на этом самолет был совершен трансконтинентальный перелет, а в 1923-м — первая в мире успешная дозаправка в воздухе. Крейсерская скорость самолета составляла 90 миль в час (максимальная — 140 миль), радиус действия — 400 миль. Использование «Де Хэвилендов» в качестве бомбардировщика в Никарагуа было импровизацией — самолет сконструировали для разведки и наблюдения. С его помощью американцы стремились обнаруживать части либералов еще на дальнем подходе к крупным городам. Самолет был вооружен четырьмя пулеметами и мог нести 322 фунта бомб (150 кг).

Между тем американская интервенция фактически спасла Диаса от полного разгрома. 6 февраля либералы в упорной уличной борьбе захватили город Чинандега в западной части страны (город обороняли 500 солдат правительственных войск, либералов, по данным американского посланника, было от 600 до 2000). Правительственным войскам удалось отбить город только с помощью американских самолетов, которые варварски бомбили Чинандегу — ее центр превратился в груды развалин. Это был первый в истории случай бомбежки крупного населенного пункта — за десять лет до того, как нацистский легион «Кондор» стер с лица земли испанскую Гернику. Авиабомб у американцев сначала не было, и они сбрасывали на город канистры с динамитом и металлическими поражающими частями. Сбрасывали пилоты США на Чинандегу и самодельные зажигательные бомбы (полностью выгорело десять кварталов города).

Американские пилоты официально числились инструкторами национальной гвардии. Келлог писал Эберхардту в Манагуа, что госдепартамент якобы

¹³² Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 27

не знал о службе двух американских летчиков в национальной гвардии, иначе он запретил бы им участвовать в боевых действиях¹³³.

Американцы распустили слухи, что город подожгли отступившие либералы.

19 февраля 1927 года в Чинандегу и Леон были введены морские пехотинцы США (усиленная рота при поддержке военных моряков с американских кораблей).

Военная интервенция США вызвала резкое осуждение не только латиноамериканской, но и собственно американской общественности. И если общественность в госдепартаменте привыкли не замечать, то отмахнуться от демаршей европейских стран было уже сложнее. В феврале 1927 года британский посол в Вашингтоне заявил, что Англия имеет такое же право на защиту своих подданных в Никарагуа, как и США. В Коринто прибыл английский военный корабль. Подобные демарши сделали правительства Италии и Бельгии.

В этой обстановке Кулидж хотел как можно быстрее закончить интервенцию каким-либо компромиссом между либералами и консерваторами в Никарагуа — но компромиссом на американских условиях.

Посланник США в Манагуа не прекращал посреднических усилий, и в январе 1927 года американцы заметили, что Сакаса стал колебаться. Он уже согласился на то, чтобы президентские выборы 1928 года проходили под наблюдением США, что якобы гарантирует их честность. Правда, Сакаса предпочитал все же, чтобы выборы контролировали совместно американцы и представители центральноамериканских республик, но в Вашингтоне почувствовали, что лед тронулся.

Диас не согласился на наблюдателей из центральноамериканских республик (мол, Гватемала и Коста-Рика стоят на стороне либералов), и посланник США в Манагуа его в этом поддержал. Келлог попросил американского адмирала Латимера встретиться с Сакасой и передать ему два пункта позиции Соединенных Штатов:

- США никогда не признают режим Сакасы, так как он «революционный»;
- США признают только того президента Никарагуа, который одержит победу на выборах 1928 года под американским наблюдением. Пока же США признают режим Диаса как «конституционный».

Таким образом, Латимер должен был развеять все иллюзии либералов относительно возможной смены курса в Вашингтоне. Келлог писал Латимеру, что Сакаса, видимо, до сих пор не уяснил существа американской политики по отношению к Никарагуа. Мол, если либералы думают, что их признают в случае победы в гражданской войне, то они глубоко ошибаются.

¹³³ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

В начале февраля 1927 года Сакаса согласился на посредничество США и предложил, чтобы консерваторы и либералы встретились в Вашингтоне¹³⁴. Однако американцы отказались приглашать Сакасу в Вашингтон, так как это было бы равнозначно признанию его правительства де-факто. Поэтому никарагуанским противоборствующим сторонам надо было встречаться на родине.

12 февраля Диас в панике сообщил Эберхардту, что мощная либеральная армия в 1000 человек (даже посланник счел эти цифры явным преувеличением) движется на важный город Матагальпа. Без помощи США город удержать не удастся. Консерваторы бежали из Матагальпы, но когда выяснилось, что либералов поблизости нет, снова ее заняли. Этот эпизод ясно свидетельствует о моральном состоянии войск Диаса.

Американский сенатор Бертон Уиллер назвал Диаса «рыдающей марионеткой» и агентом «некоторых нью-йоркских банкиров» (имелись в виду владельцы облигаций никарагуанского долга). 15 марта 1927 года упомянутые банкиры («Гэранти Траст» и «Дж. И В. Селигмен») после одобрения госдепартамента выделили режиму Диаса кредит в размере миллиона долларов под 7% годовых. Помимо все тех же железных дорог и Национального банка Диас должен был гарантировать новый заем путем введения налога в 12,5% на импорт, 50%-ного налога на алкогольные напитки и табачные изделия, а также за счет налога на экспорт кофе.

17 марта 1927 года 800 либералов при 25 пулеметах атаковали Матагальпу, которую обороняли 700 солдат правительственных войск (20 пулеметов). После ожесточенного боя нападавшие отошли, но следующей атаки правительственные силы уже не выдержали бы. На поле боя якобы было найдено семь трупов мексиканцев, которых опознали по характерным татуировкам. Нашли и некоего убитого «блондина», которого объявили почему-то немцем. Через час либералы (якобы под руководством некоего «латыша Мюллера») атаковали снова, и консерваторы отступили от Матагальпы на 20 миль.

После битвы у Матагальпы Эберхардт оценивал численность правительственных войск в 3000 человек («хорошо вооруженных, но со слабым боевым духом»), а либералов — в 1500–2000 человек («хорошо вооруженных и с высоким боевым духом»)¹³⁵.

В начале марта в Матагальпе был ранен американский консул, и морская пехота США (150 человек) заняла город, объявив его нейтральной зоной. Таким образом, американцы постепенно занимали крупные никарагуанские города под предлогом защиты жизни и собственности иностранцев. Подобная тактика обрекала либералов на партизанскую войну, так как они не могли захватить ни одного города без риска вступить в противоборство с американ-

¹³⁴ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

¹³⁵ Ibid.

скими войсками и тем самым дать США повод для наращивания интервенции. В стране в марте 1927 года было уже 5400 морских пехотинцев и моряков США.

Главная армия либералов (1000 человек, 38 пулеметов) во главе с Монкадой медленно продвигалась с атлантического побережья в западную часть страны. Либералы успешно атаковали небольшие отряды правительственных войск, избегая крупных сражений. Эберхардт сокрушался, что военными операциями правительственных войск руководят явно не очень благоразумные люди. Американцы понимали, что как только Монкада окажется поблизости от крупных городов, к нему присоединятся тысячи восставших и дело Диаса будет проиграно окончательно. Еще 16 февраля посланник в Манагуа сообщил в Вашингтон, что без «полномасштабной интервенции» США «навести порядок» в Никарагуа не представляется возможным.

В начале апреля к Монкаде из Леона уже пытались выйти на соединение около 2000 либералов, и правительственные войска спасало только то, что у их противников практически не было оружия.

4 апреля 1927 года Кулидж принял решение срочно направить в Никарагуа полковника Генри Стимсона, чтобы тот организовал переговоры либералов и консерваторов и тем самым закончил войну, не дав ей перерасти в народную революцию. Стимсон был личным другом президента Теодора Рузвельта, военным министром в правительстве президента Тафта. Этот же пост он занимал позднее, в 1940–1945 годах при другом Рузвельте — Фраклине Делано. Стимсон придерживался мнения, что никарагуанцы пока еще не доросли до того, чтобы самим распоряжаться своей судьбой.

9 апреля Стимсон отплыл из Нью-Йорка и 16-го прибыл в Коринто. С самого начала эмиссар США вел переговоры с либералами на основании программы из шести пунктов, предложенной Диасом (и заранее согласованной с американцами). Программа предусматривала разоружение обеих армий, передачу оружия на хранение войскам США, всеобщую амнистию и возвращение политических эмигрантов, введение либералов в правительство и в полицию, проведение в 1928 году президентских выборов под эгидой США. Миссию Стимсона облегчало то обстоятельство, что еще в начале марта Монкада сигнализировал американцам о своей готовности сложить оружие на этих условиях¹³⁶. Он соглашался на любое правительство в Никарагуа до выборов 1928 года, которое установят американцы. Единственным условием Монкады было проведение переговоров только с американским представителем (ради спасения своего престижа).

Практически одновременно с прибытием в Никарагуа Стимсона армия Монкады была разбита консерваторами. От полного разгрома ее спас отряд во главе с никому не известным тогда Аугусто Сандино. Тем не менее, разде-

¹³⁶ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

лившись на отдельные отряды, либералы Монкады отступали вглубь страны, на восток. Американцы отмечали, что помимо недостатка еды и боеприпасов причиной поражения главной либеральной армии стали разногласия между главнокомандующим Монкадой и другим главным генералом либералов — Сандовалем¹³⁷.

В госдепартаменте были так приятно удивлены успехами армии Диаса (хотя и считали данные о потерях либералов сильно завышенными), что поспешили объявить миссию Стимсона не посреднической, а чисто наблюдательной. Однако в своей первой телеграмме из Манагуа 20 апреля 1927 года Стимсон счел былые расчеты госдепартаamenta относительно скорой победы консерваторов «чересчур оптимистическими». Армия Монкады потерпела поражение, но не разбита. Если либералы перейдут к партизанской войне небольшими подразделениями, то разгромить их будет очень трудно, и это займет много времени. Между тем, через шесть недель у правительства Диаса, которое и так держалось только за счет американских кредитов, закончатся деньги. Стимсон приходил к выводу, что ни один никарагуанский лидер не может одержать победу силой оружия и вопреки США. Другими словами, бывший министр обороны США констатировал в Никарагуа патовое положение с военной точки зрения.

Сердцевиной возможного мирного урегулирования Стимсон считал (и в этом его поддерживали либералы) честные президентские выборы в 1928 году под наблюдением США. Именно это Стимсон считал той «уступкой», которую надо преподнести либералам. «Голая» военная интервенция будет контрпродуктивной¹³⁸.

Через три дня Стимсон сообщил, что боевой дух правительственных сил и окружения Диаса оставляет желать лучшего, в то время как либералы многочисленны и полны решимости сражаться. Американский спецпредставитель считал, что надо срочно добиться мира на основе плана Диаса до июня, иначе не удастся собрать урожай, и вся Никарагуа погрузится в хаос и анархию. Стимсон предрекал, что не все либералы сложат оружие даже под гарантию американцев и, возможно, американской морской пехоте придется разоружать отдельные отряды силой. Судя по ответной телеграмме Келлога, тот явно сомневался, что наличных сил морской пехоты и моряков хватит для разоружения повстанцев. Он поинтересовался у Стимсона, сколько времени может занять подобное разоружение и насколько сильным может оказаться сопротивление.

25 апреля Сакаса согласился направить в Манагуа своих представителей на мирные переговоры. В то же время Монкада реорганизовал свою армию и сосредоточил ее у реки Типитапа, откуда он мог угрожать и Гранаде, и Ма-

¹³⁷ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

¹³⁸ Ibid.

нагуа. Войска Диаса отказались атаковать либералов и отступили. Эберхардт и Стимсон требовали укрепления американского военного присутствия в Никарагуа, чтобы либералы опять не решили все-таки свергнуть Диаса силой.

Адмирал Латимер при поддержке Эберхарта предложил силой остановить либералов у реки Типитапы¹³⁹ и не дать им продвинуться к столице. Предлог для вмешательства в боевые действия был все тем же: защита железной дороги и жизней американских граждан в Гранаде и Манагуа.

В целом, отмечал Эберхардт, большинство никарагуанцев расценивает американское вмешательство как «эгоистичную» интервенцию в пользу Диаса, однако такие «ответственные» либералы, как Сакаса и Монкада, не станут воевать против США (они сообщили об этом лично Стимсону, а Сакаса сделал на сей счет и публичное заявление), и это надо использовать¹⁴⁰. Недовольных возможным мирным соглашением либералов можно будет разоружить и наличными американскими силами, но если прислать в Никарагуа дополнительно 800 военнослужащих США, то это произойдет быстро. Не сложат оружия только отдельные мелкие партизанские отряды в труднодоступных районах (здесь Эберхардт и Стимсон не ошибались). Но мир в густонаселенной западной части страны будет обеспечен.

26 апреля 1927 года в своей телеграмме в Вашингтон Стимсон впервые наряду с прочими военачальниками либералов упомянул Сандино — как хорошего партизанского командира, мало чего стоящего в дни мира. В целом в случае достижения мира, считал Стимсон, отдельные банды мародеров еще могут скрыться в горах, но Никарагуа полностью успокоится уже в июне – июле¹⁴¹.

27 апреля делегация либералов на американском эсминце отправилась в Манагуа. В этот же день госдепартамент разрешил Стимсону и Эберхардту пригрозить Сакасе возможностью насильственного разоружения частей либералов, если он окажется не готов к фактической капитуляции. Одновременно Латимеру (командовавшему всеми американскими частями и флотом в Никарагуа) дали полномочия не пускать либералов за реку Типитапа.

Между тем, по мнению Стимсона, в конце апреля ситуация правительственных войск, несмотря на их превосходное вооружение, стала «плохой». Они уже три недели оттягивали наступление на армию Монкады, дав либералам возможность оправиться от поражения и перегруппировать силы. Стимсон относил это насчет «полнейшей некомпетентности (командного состава) и предательства»¹⁴². Монкаду от решительного наступления удерживал только недостаток боеприпасов.

¹³⁹ Река Типитапа, соединяющая озера Никарагуа и Манагуа, была последним естественным водным рубежом на пути армии либералов к столице с востока.

¹⁴⁰ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

¹⁴¹ Ibid.

¹⁴² Ibid.

4 мая 1927 года Стимсон в сопровождении Эберхардта приехал в ставку главнокомандующего армией либералов Монкады в городок Типитапа. Сначала переговоры шли непросто — либералы никак не хотели соглашаться с тем, что президентом до 1928 года останется Диас. Ведь это означало, что конституционный вице-президент и лидер либералов Сакаса незаконно лишился своей должности. А ведь армия либералов формально называла себя конституционалистской и боролась, соответственно, за строгое соблюдение основного закона страны. В полдень Эберхардт устроил для участников переговоров «дружеский завтрак» на 40 персон, после чего переговоры пошли успешнее¹⁴³.

Когда Монкада сказал Стимсону, что США ошибаются, поддерживая Адольфо Диаса на посту президента, Стимсон ответил: США признали Диаса, а Америка ошибок не делает¹⁴⁴. Монкада настаивал: США все же сделали ошибку, и она будет стоить им потери авторитета в Латинской Америке. Стимсон был непреклонен: он приехал в Никарагуа, чтобы «добиться мира», и если потребуются, то и с помощью силы.

В качестве переводчика Монкада привлек своего племянника Анастасио Сомосу Гарсию. По-английски Сомоса говорил бегло, но, как отмечал известный американский журналист Уильям Крем, «с таким фантастическим количеством ошибок, какое можно услышать лишь у гангстера американско-итальянского происхождения»¹⁴⁵.

Анастасио Сомоса (чьим прадедом был уже упоминавшийся на страницах этой книги «Робин Гуд» Бернабе Сомоса) родился 1 февраля 1896 года в городке Сан-Маркос. Он являлся незаконнорожденным сыном состоятельного владельца кофейной плантации и его служанки. В то время в Никарагуа такие вещи были делом обычным. Отец признал сына, а дядя Сомосы Хосе Мария Монкада отправил его по линии фонда Рокфеллера учиться в США. В Филадельфии Сомоса окончил коммерческое училище, но попал на два месяца в тюрьму за подделку долларов.

После возвращения в Никарагуа Сомоса безуспешно занимался бизнесом и решил выбиться в люди за счет удачной женитьбы. Еще в Америке он познакомился с Сальвадорой Дебайле Сакасой — дочерью одного из самых богатых людей страны и представительницей важнейшего либерального олигархического клана Никарагуа (мать Сальвадоры была дочерью президента Никарагуа Роберто Сакасы Саррио и сестрой будущего вице-президента и вождя либералов Сакасы). Когда у Сальвадоры, приехавшей в Филадельфию из Европы после начала Первой мировой войны, обострился аппендицит, ее навещил в больнице брат, которого сопровождал молодой, приятный и услужливый человек (друзья в Америке звали его «Сони»). Это и был будущий диктатор Никарагуа Анастасио Сомоса.

¹⁴³ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 29.

¹⁴⁴ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy.* Princeton, 1991. P. 80.

¹⁴⁵ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 32.

Родители невесты были против брака, но Сомоса достигал поставленной цели любыми путями, и в 1919 году Сальвадора стала его женой. Брак был заключен без ведома родителей в Филадельфии. Потом свадебную церемонию пышно, по обычаям никарагуанской олигархии, повторили в Леоне. Богатые родственники обеспечили молодым свадебное путешествие в Европу, которое длилось почти год. Жена была немного старше мужа, что по меркам тогдашней Латинской Америки казалось странным.

Сальвадора родила мужу трех детей — дочь Лилиану и сыновей Луиса и Анастасио. Но еще до этого у Сомосы появился внебрачный сын Хосе от служанки его матери. По просьбе супруги отец признал его.

Вскоре после заключения брака Сомоса опять попался на мошенничестве и был предан суду, но связи жены спасли его от неприятных последствий.

Никаких политических убеждений Сомоса не имел — его жизненной целью было личное благополучие любой ценой. Отец Сомосы был человеком консервативных взглядов¹⁴⁶, что среди владельцев кофейных плантаций встречалось редко. Обычно эти люди, производившие современный и модный товар для Европы и завязанные на внешнюю торговлю, придерживались либеральных убеждений. Сомосу сделали либералом родственные связи с Монкадой и Сакасой — окажись среди его родственников консерваторы такого же уровня, будущий диктатор Никарагуа стал бы консерватором.

Благодаря связям жены Сомоса в 1926 году стал «политическим начальником» (то есть префектом) в Леоне — оплоте либералов и клана Сакасы. Когда началась война между либералами и консерваторами, Сомоса, естественно, примкнул к первым. Неподалеку от его родного городка Сан-Маркос отряд Сомосы был разбит, и позднее он сдался правительственным войскам. Монкада тем не менее произвел племянника в генералы, хотя больше никакого участия в боевых действиях тот не принимал.

4 мая 1927 года Стимсон и Монкада при помощи любезного переводчика Анастасио Сомосы наконец-то договорились (при этом американцы заняли позиции на южном берегу реки Типитапа, сменив разбежавшиеся части консерваторов).

Точнее, Монкада сдался, согласившись на президентство Диаса до 1928 года. Армия либералов подлежала разоружению, оружие сдавалось американцам. В случае необходимости американцы получили право разоружать части либералов силой. За каждую сданную винтовку солдаты Монкады получали по 10 долларов.

Распускаясь и войска консерваторов. Вместо обеих враждующих армий американцы создавали «неполитическую» национальную гвардию. США обещали в 1928 году честные выборы под своим наблюдением. Для соблю-

¹⁴⁶ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 12.*

дения условий соглашения они получали право оставить в Никарагуа контингент морской пехоты. Стимсон отмечал, что Монкада настроен конструктивно и примирительно. Генерал либералов признал, что может победить консерваторов, но якобы не может «умиротворить» Никарагуа без американской помощи¹⁴⁷. Еще Монкада пожаловался Стимсону, что страну навоевали вооруженные группы, которые не подчиняются ни ему, ни Адольфо Диасу.

Договоренности Стимсона — Монкады были одобрены Сакасой и получили наименование «пакт Эспино Негро» (то есть «пакт тернового дерева» — под этим деревом Монкада и сдался американцам).

7 мая 1929 года Монкада обратился к армии либералов с призывом как можно скорее сложить оружие. Американцы спешили, потому что в Никарагуа скоро начинался сезон дождей, которые серьезно усложняли морской пехоте и авиации США борьбу с партизанами. 12 мая Монкада и все генералы либеральной армии обратились с письмом к Стимсону, в котором изъявляли намерение как можно быстрее сдать оружие. Монкада выражал уверенность, что американские войска смогут обеспечить в Никарагуа мир и спокойствие. Американский посланник Эберхардт отмечал, что воззвание Монкады подписали 11 генералов-либералов, «за исключением Сандино»¹⁴⁸.

Так оно и было. Приказу Монкады о капитуляции не подчинился лишь один генерал либеральной армии — Аугусто Сесар Сандино.

Предки Сандино прибыли из Испании в Латинскую Америку в XVIII веке. Три брата Сандино (как в сказке) рассеялись по Новому Свету: один обосновался в Никарагуа, другой — в Мексике, третий — в Колумбии.

По обстоятельствам своего рождения Сандино был похож на Сомосу, и эти люди были почти ровесниками.

Аугусто Николас Кальдерон Сандино родился 18 мая 1895 года в маленьком поселке Никиноомо (департамент Масайя, в 30 километрах к западу от Манангуа), в котором было всего несколько каменных домов и пара сотен хижин под пальмовыми листьями. Именно в одной из таких хижин и появился на свет самый выдающийся никарагуанец, имя которого теперь известно всему миру. Как и Сомоса, Сандино был внебрачным ребенком. Его отец, зажиточный владелец плантации кофейных деревьев Грегорио Сандино — либерал и сторонник Селайи, был человеком уважаемым, и его каменный дом стоял в лучшем месте поселка — на центральной площади.

К моменту рождения Аугусто дон Грегорио уже бросил его мать — поденщицу и домашнюю прислугу Маргариту Кальдерон, чтобы жениться на богатой уроженке Масайи по имени Америка (брак с ней был заключен 27 января

¹⁴⁷ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

¹⁴⁸ Ibid.

1897 года, она родила дону Грегорио сына Сократеса и двух дочерей — Марию Асунсьон и Зойлу Америку)¹⁴⁹. 14 июля 1895 года мальчика крестили.

Сандино вспоминал: «Я был зачат в любви, или в грехе, как вам больше подходит. Когда я появился на свет, отец уже успел забыть о той, кто стала матерью его первенца. Причина столь короткой памяти легко объяснима — моя мать была батрачкой, крестьянкой, а отец сватался к сеньорите Америке Тиффер из богатой буржуазной семьи.

Так и получилось, что я родился и рос в нищете. Мать с утра до позднего вечера работала на кофейных плантациях, а меня оставляла одного в хижине. Научившись ходить, я уже отправлялся на сбор кофе вместе с ней и помогал наполнять корзины кофейными ягодами. Когда мы не собирали кофе, то убирали пшеницу или маис. Одним словом, делали все, что нам приказывали. Платили нам так мало, что само существование казалось нам беспрерывной, непреходящей, жгучей болью!

Чтобы не умереть с голоду, мать закладывала в ломбарде за несколько сентаво мои рубашонки и единственные рваные штаны. Часто, когда мать была больна и не могла подняться на работу, я по ночам воровал маис на полях и таскал овощи с чужих огородов. Так я рос в постоянно борьбе с жизнью, беспощадной и жестокой»¹⁵⁰.

Эта жизнь щедро одаривала батрачку и ее сына все новыми и новыми страданиями. В 1904 году Маргарита Кальдерон нанялась к мэру (алькальду) Никиноомо. Она попросила в долг у мэра десять песо и, чтобы быстрее отдать их, нанялась на работу в другое поместье, где платили больше. Разъяренный алькальд счел это нарушением полагавшегося в таком случае чинопочитания и заключил батрачку в долговую тюрьму. Так как за девятилетним Аугусто некому было присматривать, то он отправился в тюрьму вместе с матерью. «Побои, грубое обращение, грязь, холод... — вот что ждало нас в той деревенской тюрьме, — вспоминал Сандино. — У мамы начались преждевременные роды, она истекала кровью. И единственным человеком, который мог хоть чем-то помочь ей, был я, девятилетний мальчик. В ту ночь, когда мать, обессиленная, уснула, прижавшись к ней, я плакал и думал: «Почему бог допускает такое? Почему падре говорит, что власть от бога? И почему тогда власти помогают только богатым? Какое все это дерьмо — бог, власти, жизнь!»¹⁵¹

Аугусто был вторым по старшинству из шести детей своей матери.

Не в силах содержать ребенка, мать отдала его бабушке, у которой Аугусто прожил несколько лет¹⁵². Затем его взял в свой дом отец. Аугусто тогда было

¹⁴⁹ Внучка Зойлы Америки стал супругой президента Никарагуа Даниэля Ортеги — продолжателем дела Аугусто Сандино.

¹⁵⁰ *Белят М. Ю.* Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 32–33.

¹⁵¹ Там же. С. 33.

¹⁵² По другой версии, мать решила уйти в Гранаду вместе с неким мужчиной по имени Гарсия, и Аугусто отказался к ней присоединиться.

11 лет, большую часть из которых он прожил впроголодь и зачастую не ел по нескольку дней. Говорят, что Аугусто встретился с отцом на дороге, когда нес тяжелые тюки. Мальчик поставил их на землю и спросил дона Грегорио: «Я Ваш сын или нет?» Когда тот подтвердил, Аугусто со слезами на глазах продолжил: «А если сын, то почему Вы не относитесь ко мне, как к Сократесу?» Так дон Грегорио взял внебрачного сына в свой дом.

Аугусто выполнял в хозяйстве отца любую порученную ему работу: пас скот, работал на плантации, возил товары на базар. Мальчик не имел права садиться за стол со своими единокровными братом и сестрами, ел и спал вместе с прислугой. Он очень интересовался сельскохозяйственными машинами, которые с удовольствием разбирал и помогал чинить. В 1912 году, как и большинство никарагуанцев, Аугусто Сандино был возмущен американской интервенцией. Его героем стал генерал Селедон — Сандино с отцом видели, как труп этого никарагуанского патриота консерваторы радостно тащили по улицам. Дон Грегорио Сандино был два раза арестован в годы правления консерваторов (один раз — как раз за то, что протестовал против убийства Селедона)¹⁵⁵.

Отец дал сыну образование — отправил его в бесплатную государственную школу, недавно открытую по распоряжению президента-либерала Селайи. Таким образом, Аугусто принадлежал к тем 3% никарагуанских детей, которые могли позволить себе учиться в то время. Так как он попал в школу поздно, дети смеялись над его неграмотностью и неясным происхождением, что приводило к частым дракам. Точно известно, что Сандино закончил четыре класса, хотя есть данные, что он потом учился в коммерческом училище в Гранаде.

Семья Сандино занялась зерновым бизнесом. Аугусто и его отец покупали у крестьян зерно и перепродавали его крупным оптовикам в Манагуа, Гранаду, Хинотепе и Масайю. С юношеских лет у Сандино стали проявляться лидерские способности, и он организовал потребительско-сбытовой кооператив, чтобы объединить крестьян перед лицом торговцев-перекупщиков зерна, постоянно снижавших цены. Встревоженные торговцы из Масайи в 1920 году послали на переговоры с Сандино влиятельного политического деятеля — Хосе Марию Монкаду, будущего главнокомандующего армии либералов. С помощью Аугусто его отец смог вдвое увеличить свой капитал.

Между 1913-м и 1916 годом Сандино уехал из Никиноомо, вероятно, из-за ссоры с мачехой. Он работал где-то в районе границы с Коста-Рикой механиком. Позднее Сандино говорил, что он попал на корабль в Сан-Хуан-дель-Сур и посмотрел половину мира. Есть данные, что какое-то время он жил в США.

В 1919 году Сандино вернулся на родину и открыл в Никиноомо собственное предприятие по торговле зерном. В 1920 году он принял участие в президентской кампании либералов, агитируя за них в своем родном поселке.

¹⁵⁵ *Navarro-Genie M.A. Augusto «Cesar» Sandino: messiah of light and truth. Syracuse University Press, 2002. P. 4.*

Первой любовью будущего «генерала свободных людей» стала односельчанка и однофамилица Мария Соледад Сандино (в некоторых источниках девушку называют Мария Мерседес)¹⁵⁴. Аугусто, которому тогда исполнилось 19 лет, был невысокого роста (163 см) и не отличался представительной внешностью. Но 16-летней девушке парень нравился своей серьезностью и обходительностью. Родители Марии Соледад были, конечно, против знакомства дочери с оборванцем, но сама она хотела выйти за Аугусто замуж. Сандино вспоминал «...Моя первая любовь была настолько сильной, что я сходил с ума, я плакал, страдал, не спал ночей, а если спал, то грезил о ней. Моя любовь была сокровищем, о котором я не решался сказать никому, даже ей»¹⁵⁵. Он написал девушке письмо, в котором угрожал убить ее и себя, если она его отвергнет, но так и не решился отправить послание адресату.

Однако судьба и на этот раз не пожелала проявить великодушие по отношению к бедному парню. Так как родители Марии не хотели давать разрешение на помолвку с бедняком, Аугусто в 1920 году отправился на заработки в Блуффилдс, чтобы скопить денег на свадьбу. В письмах Марии он молил небо, чтобы они стали мужем и женой. Когда Аугусто исполнилось 25 лет, он и Мария наконец-то были помолвлены. Казалось, что счастье близко, но судьба опять жестоко посмеялась над парнем.

В Никиноомо жил некий Дагоберто Ривас, сын богатых родителей, ненавидевший Сандино, который упорно пытался выбиться в люди. 19 июня 1921 года Ривас с дружками налетел на Сандино прямо у церкви после воскресной мессы. Как сообщали столичные газеты, Ривас дал Сандино пощечину. Завязалась драка, и Аугусто выстрелил в обидчика из пистолета и попал ему в левую ногу. Газеты писали, что Ривас признал свою вину и что Сандино («уважаемый коммерсант») до драки отличался примерным поведением.

Относительно причин инцидента есть разные версии. Кто-то говорил, что Ривас обвинил Сандино в ухаживаниях за его овдовевшей сестрой. Но на самом деле, видимо, Сандино был недоволен партией зерна, которую он купил у Риваса, а тот не хотел платить неустойку.

Отец Риваса был влиятельным депутатом от консервативной партии, и Аугусто грозила тюрьма. Ему пришлось бежать из родного поселка (сначала в Блуффилдс на заработки), а потом и из страны.

Сначала Сандино подался на атлантическое побережье Никарагуа, но уже через месяц по соображениям безопасности перебрался в Гондурас. Там он работал какое-то время охранником на складе в гондурасском порту Ла-Сейба и два года на заводе по производству сахара. В письмах отцу он жаловался на тяжелые условия работы, одиночество и тоску по родине. Он мечтал скопить достаточно денег, чтобы вернуться и жениться на своей Марии.

¹⁵⁴ Историки выяснили, что практически подростком Аугусто имел внебрачную связь с односельчанкой по фамилии Санчес, которая родила ему дочь Наталью Санчес Сандино.

¹⁵⁵ *Белят М. Ю.* Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 35.

В 1923 году Сандино переехал в Гватемалу и в городе Кирагуа нанялся механиком на предприятие «Юнайтед Фрут». Позднее он вспоминал, что Гондурас его заставила покинуть какая-то романтическая история, связанная с женщиной.

Тем не менее из Гондураса Марии Соледад приходили нежные письма: «Любовь моя, вот и прошел год нашей разлуки. Но ни год, ни 20 лет не смогут убить чувство, которое живет в моей душе. Этот год был полон воспоминаний о тебе и грусти о том, что ушло. В эти двенадцать месяцев жизнь подвергла меня суровым испытаниям. Тебе, как и любому, кто ни разу не рисковал, не понять, что значит искать счастья на чужбине... Моя дорога трудна, она не похожа на увеселительную прогулку с толстой чековой книжкой в кармане. А сам я не похож на обладателя чековых книжек, на тех беззаботных пташек, что не знают мира и жизни. И это обстоятельство наполняет меня гордостью...»¹⁵⁶

Сандино хотел вернуться на родину, но его смертельный враг Дагоберто Ривас стал военным начальником в Никиноомо, и возвращение грозило Аугусто тюрьмой или смертью. Сандино просил Марию приехать к нему, но у девушки умер отец и заболела мать, которую она не могла бросить.

Марии и Аугусто не суждено было соединить свои судьбы. В 1923 году они окончательно расстались. Ровно через 10 лет, будучи уже генералом и всемирно известным человеком, Аугусто приехал в Никиноомо. Их встреча с Марией после 13 лет разлуки оказалась последней. В следующем году Сандино был убит. Мария Соледад на десятки лет пережила своего возлюбленного, но замуж так и не вышла.

В 1923 году, недолго пробыв в Гватемале, Сандино перебрался в Мексику, где стал работать механиком на нефтяном предприятии американской компании «Саут Пенн Ойл Компани», а с 1925 года — в самой богатой иностранной нефтяной компании Мексики «Уастека Петролеум». В анкете при поступлении на работу, Сандино указал, что женат и имеет ребенка. Он сделал это, видимо, для того, чтобы получить работу как семейный человек.

В 1917 году в Мексике победила народная революция. В 1923-м страной управлял президент Альваро Обрегон — герой революционных битв. В 1924 году его сменил уже упоминавшийся выше Кальес, называвший себя «пролетарием».

Профсоюзы рабочих-нефтяников Мексики слыли самыми радикальными в стране, даже большевики в далекой Москве казались им слишком умеренными. Но в целом среди рабочих нефтяных приисков были крайне популярны Ленин, Бакунин и Троцкий, чьи портреты висели не только в домах, но и на городских улицах. В честь Ленина называли детей, другими излюбленными именами для новорожденных были «забастовка» и «профсоюз». В 1924 году, как уже упоминалось, Мексика восстановила дипломатические отношения с СССР, а годом позже нефтяники страны встречали делегацию своих коллег

¹⁵⁶ *Белят М. Ю.* Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 37.

из Баку, которым они обещали непременно совершить в стране пролетарскую революцию.

В 1925 году Кальес стал прижимать иностранные нефтяные компании, в 1926-м мексиканское правительство объявило войну католической религии как вековому орудию угнетения трудящихся масс. Мексиканские газеты были полны острой и справедливой критикой американского империализма.

Штат Веракрус, где Сандино работал в 1925 году, был самым революционно настроенным в Мексике. Его возглавлял губернатор Адальберто Техеда, считавший себя искренним социалистом и активно проводивший радикальную аграрную реформу.

Именно в такой по-настоящему революционной атмосфере и произошло формирование политических убеждений Аугусто Сандино.

Этот процесс шел непросто. Сначала Сандино искал утешения в новых формах религии, одно время интересовался «адвентистами седьмого дня». Потом он увлекся входившей в моду йогой и на какое-то время даже стал вегетарианцем. Привычку регулярно медитировать он сохранил на всю жизнь. Посещал он и кружок спиритуализма, модного тогда (особенно в Мексике) среди «образованных» слоев общества. В числе спиритуалистов было много масонов, социалистов и даже коммунистов. Спиритуалисты считали себя просвещенным авангардом общества в борьбе против мирового зла и в этом чем-то походили на адвентистов, за тем серьезным исключением, что большинство спиритуалистов были врагами современной религии.

Вращался Сандино и в масонских кругах. Мексиканские масоны (к которым принадлежал и президент страны Кальес) были непримиримыми врагами католической церкви и считали себя идейными наследниками Великой французской революции. К масонам Сандино привлекали провозглашаемые ими идеалы братства и равенства, которых ему так не доставало в детстве и юности.

Конечно, Сандино восхищался Симоном Боливаром. Он признавался, что когда читал о жизни этого человека, то плакал.

Мексиканские коллеги не раз выражали в беседах с Сандино возмущение компрадорской и угоднической по отношению к США политикой никарагуанских консерваторов. Аугусто оправдывался, говоря, что он не государственный деятель и не может отвечать за правительство Никарагуа. Вот если бы ему, Сандино, найти всего сотню преданных родине людей, то можно было бы и изменить судьбу Никарагуа, вырвать ее из-под американского контроля. «С тех пор, — писал позднее Сандино, — я начал искать эти сто человек»¹⁵⁷.

Сначала Сандино работал механиком, потом перешел в «белые воротнички», став бухгалтером. Он не курил и не пил — и поэтому скопил солидную сумму денег, все еще мечтая жениться на ждавшей его Марии. К тому же в 1926 году ссора с Ривасом уже подпадала под срок давности, и уголовное пре-

¹⁵⁷ Гонионский С.А. Сандино. М., 1965. С.39.

следование на родине Сандино не угрожало. В связи с этим отец просил Аугусто вернуться в Никиноомо и вновь заняться бизнесом.

6 мая 1926 года вспыхнуло восстание либералов в Никарагуа. Сандино немедленно подал заявление об увольнении (хотя, руководя отделом по сбыту бензина, то есть будучи не рабочим, а служащим, получал очень неплохой заработок), которое было одобрено компанией 15 мая. 1 июня Сандино был уже в Никарагуа, чтобы присоединиться к восставшим либералам. Хотя восстание было подавлено, но Сандино не покинул Никарагуа, не переставая надеяться на взрыв народного возмущения против «режима марионеток банкиров с Уолл-стрит» (в этой терминологии ясно прослеживается влияние радикального профсоюзного движения Мексики).

Пока же он с группой друзей завербовался на золотые прииски Сан-Альбино недалеко от границы с Гондурасом, принадлежавшие все тем же американцам. На предприятии Сандино стал секретарем главного бухгалтера и сразу же приобрел большой авторитет среди рабочих, признавших в нем своего лидера (снова сказался мексиканский профсоюзный опыт). Явно на основе своих мексиканских впечатлений Сандино рассказывал рабочим, что во многих странах рабочие кооперативы помогают трудящимся избежать эксплуатации (очень модная среди немецких социал-демократов того времени идея «кооперативного социализма», которой увлекались Кальес и мексиканское правительство в целом). Сандино говорил рабочим, что он не коммунист, а социалист.

И в этом утверждении опять проглядывает мексиканский опыт Сандино. В Мексике Кальес постоянно говорил (в том числе и с оглядкой на США), что коммунизм — это чуждая мексиканскому менталитету «экзотическая» идеология, а социализм — то, к чему нужно стремиться. Мексиканским и латиноамериканским революционерам были непонятны интернациональные основы коммунизма (типа лозунга, что у пролетария нет отечества). Сами они были революционными националистами и считали борьбу против американской гегемонии основной целью и смыслом жизни.

Интересно, что позднее, когда его имя уже стало широко известно, Сандино не раз говорил иностранным корреспондентам и никарагуанцам, что он самый настоящий коммунист¹⁵⁸. Возможно, в этом была изрядная доля бравады. Нет никаких данных, что Сандино внимательно изучал труды Маркса и Ленина, хотя в Мексике их можно было относительно легко достать, — но и исключать полностью этого нельзя. (Ни Маркса, ни Ленина долго не переводили на испанский язык; например, «Капитал» перевели лишь в 1921 году.) Сандино не скрывал, что хочет устроить в Никарагуа революцию типа мексиканской.

Постепенно Сандино убедил рабочих прииска в необходимости продолжить борьбу против марионеточного консервативного правительства. Однако

¹⁵⁸ *Navarro-Génie M.A. Augusto «César» Sandino: messiah of light and truth. Syracuse University Press, 2002. P. 22.*

оружия не было, и пока Аугусто научил рабочих делать самодельные динамитные бомбы из взрывчатки, которой на прииске хватало.

Осенью 1926 года Сандино и его сторонники на прииске назвали себя «вооруженной либеральной группой» и решили приступить к вооруженной борьбе против правительства и американских интервентов.

На свои сбережения из Мексики (около трех тысяч долларов — очень большая сумма по тем временам) Сандино купил у контрабандистов из Гондура-са несколько винтовок и патроны. Восстание началось 19 октября 1926 года. В группе Сандино было 29 человек, которых потом по имени командира стали называть сандинистами. 3 ноября повстанцы Сандино атаковали городок Эль-Хикаро (500 жителей). Нападение было неудачным, так как город обороняли около 200 солдат правительственных войск. Но и то, что сандинисты не понесли потерь и смогли отступить в горы департамента Северная Сеговия¹⁵⁹, уже следует считать успехом.

Естественным бастионом Сандино на долгие годы стал район Эль-Чипоте (или Эль-Чипотон, как его прозвали). Это была небольшая возвышенность на одном из отрогов хребта, подступы к которой затрудняли две речки. На руку партизанам было и обилие пещер в этом районе.

В начале декабря 1926 года Сандино узнал, что лидер либералов Сакаса высадился в Пуэрто-Кабесасе и провозгласил создание своего правительства. Сандино принял решение отправиться в Пуэрто-Кабесас, чтобы получить необходимые его отряду винтовки, пулеметы и патроны. В индейском каное Сандино с шестью бойцами девять дней плыл на восток по течению реки Коко.

Сакаса (которого называли «улыбающейся посредственностью») принял Сандино дружелюбно и направил его в распоряжение главнокомандующего армией либералов Монкады. Мокада встретил старого знакомого весьма холодно. Он отказался признавать в Сандино серьезного военачальника и просьбу об оружии отклонил. Монкада был неприятно поражен, когда Сандино показал ему политический памфлет собственного сочинения, в котором говорилось, что «собственность — это кража» (слова известного французского социалиста Прудон, популярного среди мексиканских рабочих того времени). Ведь никаких социальных целей у движения либералов не было.

И Монкада, и Сакаса были представителями старых олигархических кланов, элиты страны. Эти люди уже родились богатыми, привыкли к хорошим винам и заграничным путешествиям. Сандино — нищий батрак, невероятным трудом выбившийся в мелкие бизнесмены и клерки — был для них чужаком, человеком из неизведанного мира нужды. Вожди либералов соглашались видеть в нем помощника, такого же мелкого клерка, только на поле брани, но признать в нем равного для них было бы просто невыносимо. Поэтому если сдавшийся в плен Сомоса благодаря родственным связям с кланом Сакасы стал генералом, то Сандино томился в Пуэрто-Кабесасе, никому не нужный.

¹⁵⁹ Гонионский С.А. Сандино. М., 1965. С.40.

«...моя доверчивость, моя искренность рабочего и сердце патриота испытали первое разочарование в политике нашего правительства»¹⁶⁰, — писал он тогда, имея в виду правительство либералов. Через несколько дней томительного ожидания Сандино узнал, что в Сеговию, где базировался его отряд, Монкада хочет послать «экспедиционный корпус» под командованием генерала Адриана Эспиносы. Сандино было предложено «сопровождать» Эспиносу. Бывшему механику при этом запретили вести собственную политическую пропаганду.

24 декабря 1926 года, как уже упоминалось, американцы предписали войскам Сакасы в течение 24 часов покинуть Пуэрто-Кабесас. Либералы бросили много оружия, и американцы затопили его в прибрежных водах Атлантики. Сандино вместе с шестью бойцами отступил вслед за личной гвардией Сакасы. К маленькому отряду присоединились несколько молодых женщин¹⁶¹, которые помогли собрать и вынести 30 винтовок и 7 тысяч патронов. Монкада снисходительно разрешил «назойливому» Сандино оставить это оружие у себя. С такого скромного арсенала и началась борьба Сандино, о которой вскоре узнал весь мир.

Сандино и его товарищи отправились, на сей раз против течения Коко, в тяжелый обратный путь и прибыли на базу лишь 2 февраля 1927 года. После встречи с Сакасой и Монкадой Сандино понял, что ни либералы, ни консерваторы не являются патриотами Никарагуа: «Консерваторы и либералы — одинаковые прохвосты, трусы и предатели, не способные руководить мужественным, патриотически настроенным народом... Именно тогда я понял, что у нашего народа нет руководителей и что нужны новые люди»¹⁶².

Отряд Сандино в горах Сеговии рос и вскоре насчитывал более 300 человек. Но вооружения катастрофически не хватало, и многие бойцы могли положиться в сражении только на мачете. Среди солдат были несколько детей, которые выполняли функции разведчиков и связных.

Вскоре Сандино занял Окоталь — первый город в северо-западной части страны, который перешел под контроль либералов. Там была сформирована новая гражданская власть. Позднее консерваторы перешли в наступление и отбили у либералов города Эстели и Хинотега. Сандино писал: «Кроме моего отряда, удерживавшегося в Сан-Рафаэль-дель-Норте, ни на западе, ни в северных департаментах страны не было организованных сил либералов»¹⁶³. Ему советовали по примеру других вождей либералов бежать в Гондурас

Когда в апреле 1927 года консерваторы нанесли Монкаде серьезное поражение (и могли при желании полностью разгромить его армию), главнокомандующий либералов вспомнил о Сандино и потребовал, чтобы его отряд срочно прибыл

¹⁶⁰ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 124.

¹⁶¹ Недоброжелательно настроенные по отношению к Сандино исследователи посему-то окрестили этих женщин «местными проститутками».

¹⁶² Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 41.

¹⁶³ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 124.

на помощь (тогда отряд насчитывал уже 800 бойцов, по-прежнему плохо вооруженных). «Если Вы срочно не поддержите армию, — писал Монкада бывшему механику, — то будете нести ответственность за катастрофу»¹⁶⁴. Несмотря на то, что Сандино к тому времени фактически вел бои в окружении, он отправил к Монкаде 150 человек без оружия, которых сопровождали лишь восемь вооруженных бойцов.

Сам Сандино окружил и после 12-часового боя штурмом взял довольно крупный по никарагуанским меркам город Хинотега. Либералам достались запасы оружия и боеприпасов. В то время это был, пожалуй, единственный успех либеральной армии в целом по стране.

Между тем 150 сандинистов прибыли к Монкаде вовремя и спасли обоз армии либералов. Сандино же, передав Хинотегу генералу либералов Парахону, со всеми своими оставшимися 800 бойцами под красно-черным знаменем (эти цвета означали главный лозунг сандинистов — «Свобода или смерть!») отправился к Монкаде. Сандинисты захватили штаб армии консерваторов, наследшей на Монкаду, несколько сотен винтовок, миллионы патронов и полевой госпиталь врага.

Таким образом, Сандино, по сути, спас главную армию либералов от сокрушительного поражения. Его солдат «с энтузиазмом» приветствовали бойцы Монкады. Сам Монкада встретил Сандино в гамаке, поднялся ему навстречу с иронической улыбкой и снисходительно похлопал его по плечу.

Монкада понимал, что Сандино как единственный генерал (теперь он получил-таки это звание) армии либералов, не потерпевший ни одного поражения, может претендовать и на политическую роль. Ни Сакаса, ни Монкада этого не желали. Поэтому удивленному Сандино был зачитан приказ Монкады, запрещающий частям либералов переходить из одной армии в другую. Дело в том, что многие солдаты из других частей либералов переходили к Сандино, который заботился о своих бойцах. Монкада боялся, что под его командованием вскоре останется меньше людей, чем у бывшего батрака Сандино.

Монкаду возмутило и то, что отряд Сандино воюет под черно-красными знаменами, популярными у мексиканских анархистов, и что его бойцы носят знамена с черепом и перекрещенными костями. Он потребовал немедленно избавиться от этих символов, иначе могут подумать, что Сандино — «большевик»¹⁶⁵. Сандино был вынужден подчиниться, но от возмущения зарыдал.

Заодно Монкада решил избавиться и от самого Сандино. Он отдал ему приказ идти на город Боаку, якобы на соединение с тамошним отрядом либералов. Однако Боака была занята правительственными войсками, так что Монкада

¹⁶⁴ Гонионский С.А. Сандино. М., 1965. С.43.

¹⁶⁵ Navarro-Génie M.A. Augusto «César» Sandino: messiah of light and truth. Syracuse University Press, 2002. P.29.

послал Сандино в западню. Вдобавок он не предупредил о ночном продвижении отряда Сандино другие части либералов на маршруте следования, и те едва не открыли по сандинистам огонь.

«В Боако меня встретил град вражеских пуль, — вспоминал впоследствии Сандино. — Я был вынужден занять оборонительные позиции...»¹⁶⁶

Сандино был искренне возмущен пактом Монкады и Сакасы со Стимсоном. Он считал, что дни консерваторов сочтены и успешному маршу либеральной армии на Манагуа уже никто противостоять не сможет. Сандино чувствовал, что у него и его людей украли победу в самый последний момент. И с военной точки зрения он был абсолютно прав.

Сандино был единственным генералом армии либералов, который отказался сложить оружие до тех пор, пока последний американский солдат не покинет никарагуанскую землю. Монкада был взбешен самостоятельностью какого-то бывшего механика и спросил Сандино, кто, собственно, сделал его генералом. «Мои товарищи по борьбе, сеньор», — ответил тот. Монкада, любитель хорошей еды и красивых женщин, искренне не понимал, что еще нужно этому Сандино. Ведь ему предлагали пост политического начальника в родном департаменте. А в условиях Никарагуа политическая власть автоматически означала возможность личного обогащения. Монкада просто отказывался верить в то, что у полуграмотного, по его понятиям, человека могут быть какие-то там принципы.

Сандино обхитрил Монкаду. Он сказал, что ему надо посоветоваться с бойцами, и отбыл из ставки либералов, тем самым избежав ареста. 9 мая он написал Монкаде, что ему трудно собрать своих людей вместе, чтобы централизованно сдать оружие¹⁶⁷. Но уже 12 мая Сандино открыл карты и обратился с воззванием к местным властям всех департаментов: «Мое решение таково: если даже все сложат оружие, я этого не сделаю. Пусть я лучше погибну с теми немногими людьми, которые остались со мной. Лучше умереть патриотом, чем жить рабом»¹⁶⁸.

В то же время, когда 32-летний Сандино делал политический выбор, обесмертивший его имя, он женился на молодой девушке Бланке Араус. Познакомились будущие супруги при более чем неблагоприятных обстоятельствах. Отряд Сандино занял город Сан-Рафаэль-дель-Норте, и сам генерал во главе бойцов ворвался на телеграф, где Бланка как раз передавала правительственным войскам данные о местонахождении сандинистов. Семья девушки работала на телеграфе и жила в этом же здании. Бланка оказалась явно не робкого десятка и прокричала Сандино: «Если хочешь убить меня — убей!» Но генерал

¹⁶⁶ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 128–129.

¹⁶⁷ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

¹⁶⁸ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 44.

ответил, что не собирается трогать такую красивую девушку¹⁶⁹. Бланка и Аугусто быстро сблизились и 18 мая 1927 года, в день рождения Сандино, поженились. На скромной свадьбе гулял весь отряд и многие жители города. Но от католического обряда генерал отказался, заявив местному священнику, что перезвону колоколов предпочитает музыку своих пулеметов.

С тех пор телеграф в Сан-Рафаэль-дель-Норте стал главным центром связи сандинистов. Сандино очень любил свою жену. Он вообще относился к женщинам вежливо и уважительно, без господствовавшего в то время «мачизма». В одном из писем Аугусто писал Бланке: «Я люблю тебя... Я выиграл еще одно сражение для тебя и для родины»¹⁷⁰.

Уже 1 июля 1927 года Сандино обратился с политическим манифестом к «никарагуанцам, центральноамериканцам и индейско-испанской расе»¹⁷¹. 14 июля последовал второй политический манифест, адресованный «соотечественникам».

В первом манифесте, в частности, говорилось: «Человек, который от своей родины не требует даже клочка земли для собственной могилы, заслуживает того, чтобы его не только выслушали, но и поверили бы ему... Я городской рабочий, ремесленник, но мои стремления общенациональны, мой идеал — обладать правом на свободу и правом требовать справедливости, даже если для завоевания этого потребуются пролить и свою, и чужую кровь. Олигархи, эти гуси из грязной лужи, скажут, что я плебей. И пусть. Я горжусь тем, что вышел из среды угнетенных. Ведь именно они — душа и честь нашего народа»¹⁷².

Далее в манифесте подвергались критике и либералы («предатель Монкада»), и консерваторы за то, что они отдали Никарагуа на поругание янки. Целью своей борьбы Сандино объявлял полное восстановление запятнанного суверенитета нации и вывод из страны всех американских войск. «Сильные мира сего скажут, что я слишком незначителен для того, чтобы осуществить мою миссию; но ничтожность моей персоны восполняется горячим патриотизмом. Я клянусь перед Родиной и Историей, что моя шпага спасет национальную честь и принесет освобождение угнетенным! На вызов, брошенный мне подлыми оккупантами и предателями родины, я отвечаю боевым кличем».

Манифест обращался и прямо к американцам: «Идите же в наши горы, идите убивать нас на нашей собственной земле; сколько бы вас ни было, я вас жду вместе со своими солдатами-патриотами. Но знайте, если это произойдет, то содрогнутся стены Капитолия, и кровь наша падет на ваш знаменитый Белый дом, гнездо, где вынашиваются преступные планы.

¹⁶⁹ Гонионский С.А. Сандино. М., 1965. С.45.

¹⁷⁰ Там же. С.47.

¹⁷¹ Некоторые исследователи датируют этот манифест 10 июля.

¹⁷² Гонионский С.А. Сандино. М., 1965. С.39.

Я не допущу, чтобы нашу молодую родину, смуглую тропиканку, насильовали американские наркоманы...»¹⁷³

В манифесте от 14 июля 1927 года Сандино подчеркивал, что его армия стала опорой национального суверенитета и что для себя лично ему не нужно никакого государственного поста в Никарагуа. В этом документе он сравнивал США с орлом-монстром, вонзившем когти в тело Латинской Америки. Все население Никарагуа Сандино разделил на три категории:

- честные и чистые либералы (те, кто отказались капитулировать вместе с Монкадой);
- либералы-евнухи (Монкада, Сакаса и их последователи);
- консерваторы-«родинопродавцы».

Стимсон первоначально решил, что Сандино всего лишь считает условия мира не выгодными лично для себя. Однако американцев очень насторожил пассаж из манифеста Сандино от 1 июля, в котором отвергался договор Брайана — Чаморро. Таким образом, Сандино оказался единственным политиком общенационального уровня, который требовал отмены этого кабального соглашения: «Было бы высшей несправедливостью, если бы Соединенные Штаты Северной Америки стали единоличными хозяевами нашего канала... Современному миру нужен никарагуанский канал. Но он должен быть построен на капиталы всего мира, а не исключительно на американские»¹⁷⁴. Как минимум половину акций будущего канала Сандино отводил странам Латинской Америки.

Свою армию Сандино стал именовать Армией защитников национального суверенитета Никарагуа. Изменил он и собственное имя. Ранее официально он именовал себя «Augusto C. Sandino». Латинская буква «С» означала фамилию матери — Кальдерон (Calderon). Превратившись в общенационального лидера, Сандино стал расшифровывать «С» как «Сесар» (то есть. «Цезарь» по-испански). Это придавало ему гораздо больше веса с пропагандистской точки зрения. Все документы армии Сандино подписывались лозунгом «Родина и свобода!». Каждый сандинист носил черно-красный шейный платок, а на печати армии был изображен никарагуанец, державший за волосы американско-го интервента и занесший над ним мачете.

Однако пока что в «армии» сандинистов было около 30 человек, и они находились в горах Сеговии — там же, где когда-то укрывался Сандино с рабочими-горняками. Сандино располагал базами и народной поддержкой в четырех северных департаментах Никарагуа — Эстели, Нуэво Сеговия, Хинотега и Матагальпа. Эти департаменты занимали одну пятую часть всей территории страны, но были слабо населены, так как территорию покрывали горы и лес.

¹⁷³ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 38.

¹⁷⁴ Там же. С. 39.

Хотя Сандино и отказался сдаться, Эберхардт и Стимсон доложили в Вашингтон, что мир в Никарагуа обеспечен¹⁷⁵. Ведь у Сандино была всего лишь горстка вооруженных людей. 15 мая Стимсон не без гордости сообщил госдепартаменту, что он прекратил гражданскую войну в Никарагуа. На тот момент американцам было сдано 6200 винтовок, 200 пулеметов и 5 миллионов патронов¹⁷⁶. Ни одного выстрела не было сделано в сторону американского солдата.

16 мая 1927 года довольный собой Стимсон отбыл из Коринто на родину.

Сдача оружия капитулировавшими либералами продолжалась. К 26 мая американцы получили от обеих противоборствующих сторон уже 11600 винтовок, 303 пулемета, 5,5 миллиона патронов, из которых либералы сдали 3000 винтовок, 26 пулеметов и 500 тысяч патронов. 6 июня американцы прекратили выплачивать деньги за сданное оружие.

26 мая Эберхардт отмечал в донесении в Вашингтон, что только генерал Сандино отказался сложить оружие. Он направляется к гондурасской границе с 200 сторонниками (60 из которых — гондурасцы) и «сотнями мулов». Видимо, американцы посчитали, что Сандино решил эмигрировать. Время показало, как жестоко они ошиблись.

Непокорный генерал реквизировал денежные средства у некоторых помещиков, симпатизировавших консерваторам (которые, естественно, окрестили сандинистов бандитами, хотя реквизициями у политических противников во время гражданской войны активно занимались обе стороны) и стал закупать оружие и боеприпасы для длительной партизанской войны.

Монкада все еще считал, что бывший механик просто торгуется и хочет получить какой-нибудь политический пост. 20 мая 1927 года Монкада занял оставленный сандинистами город Хинотегу и по телеграфу предложил Сандино сдаться. Тот отказался, и Монкада направил к своему бывшему подчиненному его отца — Грегорио Сандино. Дон Грегорио должен был предложить своему сыну пост политического начальника — главы администрации Хинотеги, денежную компенсацию и место в никарагуанском конгрессе. Таким образом, бывший рабочий вошел бы в политическую элиту страны. Грегорио Сандино нашел сына в небольшом городке Яли. Они поговорили. Дон Грегорио вернулся со встречи в задумчивом настроении и лишь промолвил: «А может, мой сын и прав?» В отличие от его ровесника Анастасио Сомосы, карьера не была для Сандино главной целью в жизни.

Пока Монкада вел переговоры с Сандино, капитан морской пехоты США Фейган, который отвечал за безопасность в районе Чонталес, уже вовсю формировал для борьбы против сандинистов «добровольческие» отряды и из либералов, и из консерваторов¹⁷⁷.

¹⁷⁵ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

¹⁷⁶ Ibid.

¹⁷⁷ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 63.

27 июня 1927 года, находясь на укрепленной горе Эль-Чипоте, Сандино издал от имени «солдат, защищающих национальный суверенитет» указ о переименовании городка Эль-Хикаро, где в 1926 году его отряд Сандино получил боевое крещение, в Сьюдад-Сандино (то есть в «Город Сандино»). Этот факт до сих пор приводится недоброжелателями генерала как свидетельство его мании величия и непомерного тщеславия.

На самом деле Сандино был талантливым пропагандистом и понимал, что для населения переименование города означало, что армия появилась здесь всерьез и надолго, что сандинисты — не бродячий партизанский отряд, на который нельзя положиться. Переименовав город, Сандино сделал заявку на признание своего движения мощной общенациональной политической силой. Такой шаг обеспечил сандинистам активную помощь местных жителей, которые сочувствовали Сандино, но боялись расправы американцев и армии Диаса в случае ухода повстанцев из Сеговии.

В указе о переименовании Эль-Хикаро говорилось: «Командование (армии Сандино) обещает дать самые широкие гарантии всем соотечественникам и иностранцам, которые находятся в этой зоне, если только они не состоят в сговоре с оккупантами, и в этом случае в отношении них последуют энергичные санкции командования».

7 июля 1927 года американцы четырьмя самолетами произвели разведку местности в районе предположительного нахождения отряда Сандино недалеко от городка Окоталь¹⁷⁸. Выводы были сделаны самые утешительные: отряд Сандино малочисленен, и достаточно нескольких десятков морских пехотинцев США, чтобы в зародыше подавить восстание сандинистов. Американцы не могли и предположить, что первыми станут атаковать никарагуанцы — такого в истории армии США еще не было.

8 июля новым командующим американскими войсками в Никарагуа был назначен адмирал Дэвид Селлерс¹⁷⁹, немедленно приказавший начать наступление на отряд Сандино и ликвидировать его в кратчайшие сроки. Насколько американцы недооценивали Сандино (да и всех никарагуанцев), показывает тот факт, что против опального генерала был послан отряд всего в 41 человек — во главе с капитаном морской пехоты Джильбертом Хатфилдом. Однако, прибыв в Сеговию, Хатфилд понял, что легкой прогулки не получится. Он

¹⁷⁸ *Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 66–67.*

¹⁷⁹ Селлерс родился в столице штата Техас Остине в 1874 году. Во время испано-американской войны 1898 года участвовал в захвате островов Самоа в Тихом океане, а также Филиппинского архипелага. После Первой мировой войны служил помощником министра ВМС и командиром линкора «Мэриленд». В 1927 году был произведен в контр-адмиралы и стал командующим «Эскадрой специального назначения» (Special Service Squadron). Эскадра базировалась в зоне Панамского канала и должна была обеспечивать стратегические интересы США в бассейне Карибского моря. В 1932 году Селлерс стал командующими силами линкоров США, а в 1933–1934 годах командующим ВМФ США.

стал энергично укреплять свою базу — городок Окоталь — траншеями по всем правилам ведения позиционной войны. Капитан также потребовал, чтобы как минимум раз в день город облетали американские самолеты — на случай, если сандинисты прервут телеграфное и иное наземное сообщение американского гарнизона.

Чтобы запугать сочувствовавшее сандинистам местное население, Хатфилд издал следующее обращение: «Вниманиею всех заинтересованных лиц. Аугусто С. Сандино, бывший генерал армии либералов, поднявший восстание против правительства Никарагуа, объявляется вне закона. В связи с этим всякий, кто его поддерживает или остается на территории, занятой его частями, делает это на собственный страх и риск, поскольку ни правительство Никарагуа, ни правительство Соединенных Штатов не несут ответственности за жертвы, которые могут иметь место во время военных операций, проводимых вооруженными силами США на территории, оккупированной Сандино»¹⁸⁰.

12 июля 1927 года Хатфилд обратился уже лично к Сандино и сандинистам и приказал им капитулировать в течение 48 часов. В противном случае он грозил повстанцам полным уничтожением: «Мы собираемся напасть на ваши позиции и навсегда покончить с Вами и Вашим отрядом. Если даже Вам удастся бежать в Гондурас или в другую страну, за Вашу голову будет назначена награда, и Вы никогда не сможете вернуться на родину... Вас будут преследовать как бандита». В качестве альтернативы Хатфилд предлагал Сандино «почетную капитуляцию». Как представитель «могущественной нации, которая никогда не выигрывала битв за счет предательства», Хатфилд обещал в случае сдачи оружия гарантии жизни всем бойцам Сандино. Капитан ждал сдачи сандинистов в Окотале 14 июля с 8 часов.

Сандино ответил Хатфилду телеграммой:

«Лагерь Эль-Чипоте, через Сан-Фернандо.

Капитану Хатфилду, Окоталь.

Получил вчера Ваше послание... Я не сдамся и жду Вас здесь. Я желаю видеть Родину свободной или погибнуть; я не боюсь вас, я верю в горячий патриотизм моих товарищей.

А. С. Сандино»¹⁸¹

Командующий кавалерией Сандино генерал Порфирио Санчес предложил Хатфилду в своей телеграмме не уповать, подобно трусу, на самолеты, а «сразиться в открытом бою». Люди Хатфилда, в свою очередь, получили приказ «немилосердно косить бандитов» из пулеметов.

К 16 июля 1927 года благодаря помощи местных жителей Сандино знал, что у Хатфилда в Окотале примерно 85 американских морских пехотинцев и предателей из числа сторонников Диаса. Данные были достаточно верны-

¹⁸⁰ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 50.

¹⁸¹ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 70.

ми: на самом деле Окоталь обороняли 38 морских пехотинцев и 49 никарагуанцев из национальной гвардии. Сандино располагал примерно 300 бойцами (хотя некоторые из них были вооружены только мачете) и решил сам напасть на американцев. Атаку назначили на час ночи, чтобы разбить Хатфилда до обычного прилета американской авиации (в районе полудня).

Сандино детально разработал план атаки и зафиксировал его письменно для ознакомления офицеров с боевыми задачами. Исходя из донесений разведчиков, он собственноручно нарисовал примерный план американских траншей. Первоначально Сандино, видимо, хотел не взять Окоталь, а всего лишь дать серьезный бой тамошнему гарнизону: выйти из сражения планировалось в 6 часов утра.

В час ночи в субботу 16 июля сандинисты мелкими группами по два-три человека стали просачиваться в Окоталь. У нападавших было восемь пулеметов. Каждый сандинист нес с собой по две полностью заряженных винтовки для раздачи сторонникам Сандино в городе — таких сразу же набралось до сотни человек. Сандино выделили специальный отряд для прерывания телеграфного сообщения и для взрыва взлетно-посадочной полосы местного аэродрома. Сандино думал, что на аэродроме удастся застигнуть и самолеты, каждый из которых планировалось взорвать, заложив в них по пять фунтов динамита.

План патриотов полностью удался: отряд Хатфилда был захвачен врасплох (хотя о чем-то Хатфилд все же догадывался, возможно, благодаря предательству: в ночь перед нападением сандинистов он приказал удвоить караулы, а гарнизон спал с оружием) и блокирован в своих траншеях. В плен попали пять национальных гвардейцев. В 8 часов утра уже Сандино через парламентариев предлагал Хатфилду сложить оружие (он ошибочно полагал, что у американцев кончились запасы воды), но американцы решили держаться до появления своей авиации. После напряженного сражения Окоталь был фактически взят: американцы контролировали только свои траншеи.

Но уже в 10 часов утра в Окоталь прилетели два американских самолета, один из которых обстрелял позиции сандинистов. Летчики увидели на позициях морпехов надписи крупными буквами: «Нас атакует Сандино». Пилоты улетели за помощью в Манагуа, и в 14:35 над Окоталем появились пять «Де Хэвиллендов» (они летели из никарагуанской столицы два часа), имевшие на борту солидный запас 25-фунтовых бомб. В течение 45 минут (на большее у американцев не хватило горючего) позиции повстанцев подверглись плотной и точной бомбежке и обстрелу из пулеметов с минимальных высот (300–1000 футов).

Очевидец говорил, что бомбежка напоминала ад. Было израсходовано 400 патронов от авиационных пулеметов и 27 бомб.

В результате варварской бомбежки и обстрела с воздуха были убиты десятки мирных жителей. Отряд Сандино во избежание бессмысленных потерь от-

ступил из города в горы. Однако часть партизан остались в Окотале, и бои там продолжилась примерно до 17:00.

В сражении за Окоталь погибли пять морских пехотинцев (один был ранен). Сандинисты потеряли 56 человек убитыми и около сотни ранеными — главным образом от удара с воздуха (до двух третей всех потерь).

В истории войн битва за Окоталь представляет собой первый случай использования авиации для поддержки наземных войск — именно такая тактика стала потом сердцевиной стратегии «блицкрига» нацистов.

Хатфилд сообщал, что после ухода сандинистов во многих семьях Окоталья был объявлен траур. Зато «президент» Никарагуа Диас попросил Кулиджа наградить американских летчиков, принявших участие в бомбежке Окоталья.

Сандино в специальной прокламации объяснил цели своей атаки на Окоталь, которые были главным образом политическими и пропагандистскими: «1. Продемонстрировать, что мы — организованная сила, выступающая в защиту конституционных прав доктора Сакасы. 2. Опровергнуть мнение тех, кто считает нас бандитами, а не борцами за идею. 3. Доказать, что мы предпочитаем умереть, но не быть рабами, поскольку мир, достигнутый Монкадой, это не мир, ведущий к свободе народа, а иллюзорный мир раба, над которым не занесен бич надсмотрщика. 4. Мы понесли большие потери, и могут подумать, что наша армия утратила свой боевой дух. Наоборот, сегодня больше, чем когда-либо, мы чувствуем себя боеспособными и заявляем о нашей твердой решимости отдать свои жизни во имя подлинной свободы, на которую имеют право все люди...»¹⁸²

После боя у Окоталья авторитет Сандино невероятно вырос. Никарагуанцам воочию продемонстрировали, что американцев можно успешно громить. Американцам пришлось по просьбе местных консерваторов перебросить 21 июля в Окоталь 85 бойцов морской пехоты дополнительно.

Президент США Кулидж 19 июля 1927 года назвал Сандино «бандитом», а его отряд — «шайкой разбойников»¹⁸³. Американцы тоже вели пропагандистскую войну (хотя и проигрывали Сандино в воздействии на умы не только в Никарагуа, но и в Латинской Америке в целом). Тем не менее, 1 августа командующий морской пехотой США в Никарагуа снова предложил «бандиту» Сандино почетную капитуляцию. Опять пытался начать переговоры с Сандино Монкада, подчеркнувший, что действует и от имени американского командования.

В августе 1927-го в Никарагуа прибыл американский генерал Маккой, который должен был обеспечить честные президентские выборы 1928 года. Кулидж назначил американского гражданина, генерала главой центральной избирательной комиссии Никарагуа (!). Чтобы ликвидировать раскол в консерватив-

¹⁸² Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 40.

¹⁸³ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 53.

ной партии, госсекретарь дал задание посланнику в Манагуа Эберхардту сообщить Чаморро, что США против его выдвижения в 1928 году¹⁸⁴.

Конечно, целью американцев было отнюдь не проведение неких «честных» выборов. Они ставили перед собой честолюбивую стратегическую задачу: полностью взять под контроль обе «исторические» никарагуанские политические партии (консерваторов и либералов), с тем чтобы смена власти в Манагуа больше не представляла для Вашингтона никакой угрозы. 18 августа 1927 года Эберхардт писал в госдепартамент: «...Все надо сделать так, чтобы, независимо от результатов выборов и того, какой человек или партия придут к власти, они непременно были связаны торжественным обязательством следовать социальной и экономической политике в соответствии с линией сотрудничества, намеченной правительством США... Среди этих мер... особое значение имеет существование национальной гвардии... под командованием американских офицеров»¹⁸⁵.

Сандино между тем всеми силами пытался придать своим отрядам характер регулярной вооруженной силы, что было важно, прежде всего, с политической точки зрения. 2 сентября 1927 года Сандино опубликовал Устав Армии защитников национальной независимости Никарагуа. Армия объявлялась добровольной, и никто не имел право претендовать на регулярное жалование: «10. Самоотверженные патриоты, из которых сформирована Армия защитников национальной независимости Никарагуа, не получают жалования, так как каждый честный никарагуанец должен безвозмездно защищать знамя своей страны». Отдельно оговаривалось уважительное отношение к гражданскому населению со стороны местных командиров армии: «6. ...Строго запрещается наносить ущерб мирным крестьянам, но разрешается облагать принудительными налогами местных и иностранных капиталистов, отчитываясь должным образом о количестве продуктов и материалов, израсходованных на содержание армии. Нарушение этого приказа карается в соответствии с нашим военным кодексом»¹⁸⁶.

Сандино стремился одеть своих людей в форму единого образца (как уже говорилось, каждый носил черно-красный шейный платок, символизовавший девиз армии «Свобода или смерть!»). Сам он был всегда гладко выбрит, причесан и чисто одет. Между солдатами и офицерами армии Сандино установились невиданные до сих пор в Никарагуа отношения: все, независимо от звания называли друг друга «брат», а приветствием служило дружеское объятие. У армии был свой гимн и марш «Мы — освободители». Солдаты боготворили своего молодого генерала, которого за мудрость называли «наш старик».

¹⁸⁴ FRUS, 1927 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1927v03/reference/frus.frus1927v03.i0017.pdf>).

¹⁸⁵ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918–1928. М., 1982. С. 305–306.

¹⁸⁶ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 40–42.

Полковники и даже генералы сандинистской армии были подчас еще моложе: некоторым едва исполнилось 18 лет.

По социальному составу армия Сандино также была уникальным явлением для Никарагуа. И среди бойцов, и среди командиров преобладали рабочие с приисков и местные крестьяне. Представителей богатой элиты практически не было. Не зря американцы подмечали популярность Сандино именно среди «низших классов» никарагуанского общества. Отсюда и приказ Сандино не трогать крестьян, но реквизировать денежные средства у капиталистов.

Август — начало сентября 1927 года стали для новой армии Сандино тяжелым временем. Еще 29 июля морская пехота США выступила из Окоталья и захватила символический центр повстанцев Сьюдад-Сандино. К удивлению американцев, самого Сандино в городе не оказалось. Самолеты США разбросали над Сеговией листовку — обращение к местным жителям командира бригады Корпуса морской пехоты США генерала Логана Феланда. Он призывал сеговийцев «вернуться на тропу мира».

В начале августа американская разведка пришла к заключению, что Сандино станет для США источником еще многих проблем. Американцы установили, что ставкой Сандино является город-крепость Эль-Чипоте. Майор Флойд получил приказ уничтожить ее, а заодно и самого Сандино. Более 200 морских пехотинцев активно пытались обнаружить лидера партизан в сеговийских горах.

Сандинисты ответили засадой в районе Сан-Фернандо, ранив одного морского пехотинца.

Заняв городок Сан-Альбино, отряд Флойда начал активно допрашивать местных жителей, стремясь узнать дорогу на Эль-Чипоте. Однако население было преисполнено симпатий к Сандино, и по итогам допросов Флойд пришел к выводу, что Эль-Чипоте на самом деле не существует: Сандино, дескать, придумал эту крепость, чтобы сбить американцев со своего следа¹⁸⁷. 14 августа, оставив гарнизон в Эль-Хикаро, Флойд отбыл назад в Окоталь, опасаясь наступления сезона дождей. В Манагуа Флойд доложил, что боевая мощь Сандино сломлена и его армии не существует.

9 сентября 1927 года сандинисты потерпели от американцев тяжелое поражение при Лас-Флорес. Американцы обошли позиции партизан с флангов и перерезали дорогу к лагерю. В кровопролитном бою погибли около 60 повстанцев. Это было самое крупное поражение Сандино за все время боев.

Однако Сандино, ускользнувший от Флойда, был готов перейти в контр наступление. 200 партизан к 19 сентября сконцентрировались у городка Тельпанека, в котором находились 20 американских морских пехотинцев и 25 национальных гвардейцев. Ночь была темной и туманной, и гарнизон Тельпанеки был застигнут врасплох.

¹⁸⁷ Американцы упорно искали населенный пункт Эль-Чипоте, хотя на самом деле это была гора, на которой находился укрепленный лагерь партизан.

В час ночи 19 сентября один из сандинистов бросил динамитную бомбу в лагерь спокойно спавших американцев. Другой партизан спокойно зашел в казарму американцев и разрядил автомат «томпсон» в рядового Рассела, который был убит на месте.

Это был сигнал к общей атаке. Пока американцы лихорадочно одевались, по ним уже открыли огонь (по оценкам американцев, у нападавших имелись два пулемета «льюис» и три автомата «томпсон», на каждую винтовку у сандинистов было по 50 патронов). Однако атаки сандинистов на укрепленные дома, где засел гарнизон, успеха не принесли и были отбиты: сказывалось отсутствие у повстанцев артиллерии. В три часа партизаны начали покидать город. Два морских пехотинцы были убиты, серьезное ранение получил один солдат национальной гвардии. Потери сандинистов американцы оценили в 25 человек. Интервенты отметили «отличную боевую дисциплину» сандинистов. Партизаны атаковали по команде и двумя волнами: сначала вооруженные винтовками бойцы, затем те, у кого были только мачете. В то время как 140 человек наседали на казармы морской пехоты и национальной гвардии, еще примерно 40 партизан перекрыли дороги к городу. Огонь трех автоматов умело перемещали с одного участка боя на другой.

Сам Сандино так описывал атаку на Тельпанеку: «Пока солдаты дяди Сэма разыскивали меня в горах, я со своими людьми зашел к ним в тыл и 19 сентября... ночью атаковал город Тельпанеку, насчитывавший 2 тыс. жителей. Атака имела успех, мы заняли весь город за исключением линии американских траншей. Американцы копировали систему европейской окопной войны: у них была широкая сеть сообщающихся между собой траншей, защищенных колючей проволокой. Какие прохвосты! Они могли ходить по значительной части города, не подставляя под пули свои шкуры. Но я занял господствующие высоты, на которых установил пулеметы, и косил американцев, если они высывались. И, пока янки отсиживались в окопах, мои люди спокойно держали город в своих руках»¹⁸⁸. В бою за Тельпанеку сандинисты захватили несколько винтовок и боеприпасы.

Сандинистам сильно досаждала американская авиация, которая активно патрулировала всю Сеговию. Это мешало Сандино скрытно сконцентрировать большие силы для крупных операций. Зенитной артиллерии или пулеметов у сандинистов, конечно, не было. Однако иногда случались и чудеса.

8 октября 1927 года два американских самолета вели разведку в районе к востоку от города Килали. Неожиданно они заметили колонну сандинистов и обстреляли ее. Но партизаны не испугались и ответили ружейным огнем. Один из самолетов был подбит и упал к югу от реки Хикаро.

После опыта Окоталья сандинисты уже не действовали постоянно большими группами, старались хорошо маскироваться и передвигаться предпочти-

¹⁸⁸ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 43–44.

тельно по ночам. Боевой тактикой сандинистов были засады и короткие бои с американской морской пехотой, которая в этом случае не успевала запросить помощь авиации.

В октябре 1927 года сандинисты контролировали практически весь департамент Нуэво-Сеговия (за исключением крупных городов, представлявших хорошую мишень для авиации США) и две трети района к северу от Эстели. Американцы понимали, что придется настраиваться на длительную войну. Временный поверенный в делах США Манро сообщал в Вашингтон: «Положение в Нуэво-Сеговии еще очень неудовлетворительное. Морские пехотинцы и национальная гвардия удерживают крупные города, но многочисленные группы бандитов свободно передвигаются по стране... У Сандино, очевидно, есть несколько сот хорошо вооруженных людей, и недавние события увеличили его престиж в стране»¹⁸⁹.

Манро просил прислать в страну еще больше морской пехоты и ускорить формирование национальной гвардии. В конце 1927 года в Никарагуа было примерно 3700 морских пехотинцев, а на пяти крейсерах ВМС США, сосредоточенных в никарагуанских портах, находились еще около 1500 моряков, готовых при необходимости вступить в бой.

В рядах армии Сандино насчитывалось около 1000 активных бойцов. Партизаны опирались на поддержку местного населения, которое в своей массе ненавидело американцев.

Сандинисты действовали на севере Никарагуа на территории в 6000 квадратных миль, на которой проживали примерно 120 тысяч человек. Американцы не могли своими силами занять все важные в тактическом отношении населенные пункты. Они решили применить тактику поиска Сандино в горах крупными патрулями при поддержке авиации.

24 октября 1927 года один такой патруль в составе 26 морских пехотинцев и 16 национальных гвардейцев покинул Хикаро, но уже 26 октября отряд попал в засаду сандинистов на берегу горной реки. Партизаны открыли ружейно-пулеметный огонь и стали забрасывать противника самодельными бомбами из динамита. Американцы отступили и оставили сандинистам в качестве трофеев 17 лошадей, девять лент с патронами для винтовок типа «спрингфилд» и девять вьюков с мясом и колбасой¹⁹⁰.

1 ноября 1927 года в «хорошо подготовленную засаду» (оценка американцев) в районе к северо-востоку от Эль-Хикаро попал другой отряд (27 морских пехотинцев и 40 национальных гвардейцев). Партизаны (примерно 200 человек) в течение 35-минутного боя ранили одного морского пехотинца и убили двух национальных гвардейцев, а также шестерых мулов.

В январе 1928 года в Гаване должна была открыться VI Панамериканская конференция. Президент Кулидж не желал, чтобы она превратилась в форум

¹⁸⁹ Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке 1918–1928. М., 1982. С. 299.

¹⁹⁰ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 50.

по единодушному осуждению латиноамериканцами американской агрессии в Никарагуа. Поэтому в секретном приказе от 10 декабря 1927 года американскому контингенту в Никарагуа была поставлена задача к Новому году ликвидировать Сандино и занять его главный оплот — гору-крепость Эль-Чипоте¹⁹¹.

Генеральное сражение было намечено на 17 декабря. К Эль-Чипоте выдвинулись два усиленных отряда общей численностью 200 человек. Еще 23 ноября американская авиация локализовала партизанскую штаб-квартиру, нанесла по Эль-Чипоте бомбовый удар и произвела разведку укреплений вокруг горы. С тех пор бомбежки продолжались каждый день.

Для достижения большей эффективности атак с воздуха «Де Хэвилленды» были заменены новейшими самолетами О2У «корсар», которые начали производиться для Корпуса морской пехоты США только в 1927 году. «Корсары» имели более солидный радиус действия — 626 км и более высокую скорость — 200 км/ч. В декабре 1927 года морская пехота в Никарагуа получила и транспортные самолеты типа «фоккер» ТА-1.

30 декабря 1927 года американцы попали в засаду примерно к 200 партизанам и после жестокого боя были вынуждены отступить. Как обычно, немедленно была вызвана авиация, но на сей раз сандинисты скрытно отошли. Бой длился 80 минут: погибли пять морских пехотинцев (23 были ранены) и два национальных гвардейца (еще двоих ранили).

В первый день нового, 1928 года, американцы потерпели еще одно поражение. У холмов Лас-Крусес на подступах к Эль-Чипоте сандинисты напали на усиленный патруль морской пехоты и динамитной бомбой убили его командира 1-го сержанта Брюса (который до этого написал матери, что либо умрет, либо «к 1 января голова бандита Сандино» будет в его руках). Деморализованные интервенты отошли, но потом возобновили бой при помощи минометов и крупнокалиберных пулеметов. Холм Лас-Крусес был захвачен, и две соединившиеся американские боевые группы вошли в город Килали.

Однако в городе их осадили сандинисты. Положение морской пехоты стало отчаянным — ведь в Килали не было аэродрома, а вода и боеприпасы кончались, к тому же в городе находились 30 раненых американцев. Под взлетно-посадочную полосу переоборудовали главную улицу города, и когда очередной самолет садился, морские пехотинцы висли на его крыльях, чтобы затормозить движение. 6, 7 и 8 января американцы совершили в Килали 10 вылетов, доставив боеприпасы, медикаменты и забрав в Окоталь 18 раненых.

Американцы решили подавить защитников Эль-Чипоте с воздуха, и 14 января совершили на гору-крепость налет силами четырех самолетов «корсар». Однако Сандино умело рассредоточил своих бойцов, и американцев встретил слаженный ружейно-пулеметный огонь. По Эль-Чипоте было выпущено 2800 пулеметных патронов. На гору сбросили четыре 50-фунтовые и 18 17-фун-

¹⁹¹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 59.

товых бомб. Американцы применяли с воздуха и новые зажигательные гранаты из белого фосфора.

Сандино вспоминал про бои за Эль-Чипоте: «Шестнадцать дней длилась осада. Воздушные пираты ежедневно совершали налеты на наши позиции. В 6 часов утра появлялась первая четверка самолетов и начиналась бомбежка. Мы, разумеется, вели ответный огонь, и не одна железная птица была смертельно ранена. После четырех часов бомбежки на смену первой эскадрильи прилетала вторая; четыре часа спустя — еще одна. И так беспрерывно до наступления ночи»¹⁹².

Бомбежки позиций противника непрерывными волнами также были новым словом в истории боевого применения авиации, и американцы полагали, что для разгрома сандинистов даже не понадобится наземной атаки — все делают самолеты.

Сандино пошел на военную хитрость и для начала распустил слухи о своей смерти. Были организованы похороны партизанского командира. Американская печать с удовольствием сообщила, что «славная морская пехота» уничтожила «бандита Сандино». Друг Сандино писатель Густаво Алеман Боланьос даже написал некролог для одной из кубинских газет.

Между тем сам Сандино был живее всех живых и готовился со своей армией примерно в 600–800 человек покинуть Эль-Чипоте. Чтобы сбить с толку американских летчиков, генерал приказал расставить везде чучела в соломенных шляпах. Пока пилоты докладывали, что в лагере сандинистов все без изменений, армия Сандино скрытно покинула Эль-Чипоте и ушла в город Сан-Рафаль-дель-Норте (где генерал недавно встретил свою жену). После ухода сандинистов американцы еще два дня бомбили пустой лагерь, пока наконец не разобрались в обстановке.

20 января 1928 года американская морская пехота стала осторожно пробираться на вершину Эль-Чипоте, но была остановлена сандинистским арьергардом и отошла. Американцы смогли занять гору только 26 января.

С военной точки зрения ожесточенные двухнедельные бои за Эль-ипоте (самое крупное сражение войск США после Первой мировой войны) можно рассматривать как поражение морской пехоты США, так как не была выполнена главная задача — ликвидация самого Сандино и основной части его армии. Мало того — не удалось даже нанести партизанам сколь-нибудь чувствительные потери. Напротив, во время боев партизаны смогли захватить психологически важный трофей — огромный, в два квадратных метра величиной, американский флаг, на котором Сандино собственноручно написал: «Это знамя захвачено у войск империалистов-янки в сражении под Эль-Чипоте. Родина и свобода!»

В начале 1928 года Сандино уже был самым популярным человеком в Латинской Америке. В него играли дети, а в Сальвадоре появился сверхпопуляр-

¹⁹² Гонионский С.А. Сандино. М., 1965. С. 60–61.

ный ликер «Нектар Сандино». Практически во всех странах Латинской Америки и в США были образованы комитеты общественности в поддержку Сандино, которые собирали деньги на помощь партизанам.

Когда 16 января 1928 года в Гаване открылась VI Панамериканская конференция, ее делегаты продолжительной овацией встретили поднятие никарагуанского флага. Улицы кубинской столицы были заполнены антиамериканскими транспарантами: «Янки, Вон из Никарагуа!», «Смерть империализму янки!», «Да здравствует Сандино!».

Сандино обратился к конференции с открытым письмом, в котором, в частности, говорилось: «Я протестую против пассивности и угодничества латиноамериканских делегатов, спокойно взирающих на правонарушения Соединенных Штатов. Я обращаюсь к братским республикам с просьбой потребовать немедленного вывода американских войск, попирающих независимость моей родины...»¹⁹³

Даже в США СМИ проявляли по отношению в Сандино все больше и больше симпатии. 18 января 1928 года фотография партизанского командира появилась на обложке журнала «Нейшн». В передовой статье журнала говорилось: «Все знают, что Сандино не бандит. Напротив, это патриот, ведущий безрассудную войну против превосходящих сил США»¹⁹⁴. В американском общественном мнении росло непонимание цели нахождения американских войск в Никарагуа.

11 января 1928 года посланник США в Манагуа Эберхардт даже предложил официально объявить Сандино войну со стороны США, чтобы пребывание в Никарагуа морской пехоты получило хотя бы какую-то юридическую основу. Однако в госдепартаменте сочли, что такой шаг нежелателен, поскольку означает фактическое признание «бандита» Сандино воюющей стороной.

Популярность Сандино в мире стремительно выросла после того, как его посетил в горах в феврале 1928-го известный американский журналист Карлтон Билс. Партизаны произвели на Билса самое благоприятное впечатление своей простотой и честностью, что журналист и отразил в серии статей в журнале «Нейшн» в феврале — марте.

Билс описывал Сандино следующим образом: «Сандино молод, ему около тридцати двух лет... На шее повязан шелковый платок красного и черного цвета. Сандино хорошо сложен, хотя и невысок (его рост не более 165 сантиметров). На нем широкополая шляпа, и во время нашей беседы он то и дело сдвигал ее назад на затылок. Тогда были видны гладко зачесанные черные волосы и высокий лоб. Волевой подбородок, широкая нижняя челюсть срезана книзу. Брови — высокие полудужья, нависшие над живыми черными глазами. Глаза

¹⁹³ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 53.

¹⁹⁴ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 63.

темные, зрачков почти не видно. Я не заметил у Сандино каких-либо физических недостатков»¹⁹⁵.

Сандино описал Билсу свою армию следующим образом: «Моя армия — это крестьяне и ремесленники. Мир, земля и труд — вот все, чего мы хотим. Нам не нужна ничья благотворительность; когда мы прогоним чужеземного захватчика, мы вернемся домой и будем обрабатывать землю».

Характерно, что Сандино изложил Билсу и свои взгляды на главный для американцев вопрос о трансокеанском канале: «У нас украли права на канал. Теоретически нам уплатили 3 млн. долларов, или, точнее, бандиты, контролировавшие в то время правительство, с помощью Вашингтона получили несколько тысяч песо. Если разделить эти деньги среди всех никарагуанских граждан, то их не хватит для того, чтобы каждый из нас мог купить одну пресную галету и сардину. В результате этого контракта, подписанного четырьмя предателями, мы утратили наши права на канал... Моего отца бросили в тюрьму за то, что он протестовал против договора Брайана — Чаморро, против того, чтобы Соединенным Штатам были предоставлены морские и военные права на канал. Я предпочел бы, чтобы канал был построен частной компанией с передачей никарагуанскому правительству части акций вместо наших ущемленных прав; в этом случае мы имели бы доходы, а не американские займы на разорительных условиях...»¹⁹⁶

Между тем оппозиция курсу администрации Кулиджа в Никарагуа стала проявляться и в конгрессе США, тем более что в стране разгоралась предвыборная президентская кампания. 3 января 1928 года член палаты представителей Хаддлстон заявил: «Нынешнее правительство впутало США в войну в Никарагуа и обязано покончить с ней. Война, которая ведется в Никарагуа, — это дело правительства, а не народа США»¹⁹⁷. На следующий день демократ из штата Алабама Хефлин внес проект резолюции о немедленном выводе американской морской пехоты из Никарагуа. Проект был передан в комитет по внешней политике Сената США, где 9 марта 1928 года сенатор Норрис потребовал «предотвратить незаконное использование вооруженных сил США»¹⁹⁸.

В целом ведущие деятели демократической партии США стали активно осуждать войну в Никарагуа, тем более что она не приносила блестящих побед, а стоила довольно дорого.

Положение республиканской администрации Кулиджа было весьма сложным. Ведь президент США не имел права начинать войну и посылать американские войска за границу без санкции Сената. Поэтому Кулидж настаивал на том, что никакой войны в Никарагуа вообще нет: там ведутся отдельные спецопера-

¹⁹⁵ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 66.

¹⁹⁶ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 64.

¹⁹⁷ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918–1928. М., 1982. С. 301.

¹⁹⁸ Там же. С. 301.

ции против кучки бандитов. Однако сам размах боев в Никарагуа и возросшие потери элитной морской пехоты явно противоречили такому утверждению.

На слушаниях в Сенате 11 февраля 1928 года лидер демократов Свенсон спросил командующего Корпусом морской пехоты США генерала Уильямса, что случится в случае вывода американского воинского контингента из Никарагуа. Ответ генерала был честным: «Я думаю, что Сандино войдет в Манагуа и станет президентом, а многие богатые люди должны будут спастись бегством»¹⁹⁹.

В апреле 1928-го в конгресс была внесена резолюция о прекращении ассигнований на морскую пехоту.

В таких непростых для себя внутривнутриполитических условиях администрация США поставила перед собой две задачи. Во-первых, разгромить Сандино и «умиротворить» Никарагуа до президентских выборов в этой стране, намеченных на октябрь 1928 года. Во-вторых, переложить тяжесть основных боевых операций в Никарагуа на плечи национальной гвардии, подготовку которой в связи с этим следовало максимально ускорить.

Как упоминалось выше, первоначально американцы не хотели видеть национальную гвардию слишком большой, чтобы она не смогла противостоять возможному военному вмешательству США. Однако восстание Сандино внесло в эти планы коренные изменения. По соглашению между правительством Диаса и США от 27 декабря 1927 года, численность национальной гвардии устанавливалась уже в 93 офицера и 1064 солдата. На ее содержание выделялась астрономическая по никарагуанским меркам сумма — 689 тысяч долларов. Но уже в 1928 году стало ясно, что численность национальной гвардии придется увеличить.

Однако в начале 1928-го вся тяжесть боев все еще лежала на плечах морской пехоты США, которую поддерживали 12 разведчиков-бомбардировщиков типа «корсар» и «фалькон», семь самолетов-амфибий «ленинг» и пять трехмоторных транспортных самолетов «фоккер». Для борьбы с ними партизаны стали изготавливать динамитные ракеты.

Но несмотря на активное патрулирование в воздухе, внезапность была верным союзником партизан. 27 февраля 1928 года в засаду у местечка Эль-Бромадеро попала сильная американская обозная колонна из Эстели, которую благословил на бой епископ департамента Гранада Кануто Рейес. 35 морских пехотинцев очутились под сильным огнем с фронта и тыла и едва смогли добраться до ближайшего холма, чтобы занять там оборону. Партизанам достался обоз, и, вместо того чтобы уйти в лес, они начали атаковать холм, где засели американцы. Только на следующий день подошедшие подкрепления (88 человек) сняли осаду.

Пять морских пехотинцев были убиты, восемь — ранены. Бой шел семь часов. По оценкам американцев, партизаны применили как минимум четы-

¹⁹⁹ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918–1928. М., 1982. С. 302.

ре пулемета, 600 винтовок и 200 динамитных бомб. Особенностью боя у Эль-Бромадеро были низкие потери в рядах партизан — около 10 человек убитыми. Сандинисты явно научились воевать, и их высокий боевой дух дополнялся теперь хорошей сноровкой.

Сандино так описывал этот успешный для его партизан бой: «Мы уже хорошо изучили тактику янки... Установив пулеметы на ключевых позициях, мы стали ждать. Наконец наступил решающий момент... Наше оружие раскалилось докрасна. Бедняги янки падали как подкошенные. Такого разгрома я не видел никогда в жизни. В отчаянии, обезумев, они стреляли куда попало; они карабкались на деревья, но тут же падали, сраженные пулеметной очередью; устремлялись к пулеметным гнездам, но, рухнув, оставались лежать на полпути... Они бежали в панике. Наша победа была полной. Янки оставили на поле боя сотни убитых и раненых...»²⁰⁰

Американцы пытались укрыться на плантации сахарного тростника, но партизаны подожгли ее с четырех сторон. Затем Сандино великодушно приказал потушить огонь, чтобы в его пламени не погибли раненые.

В одном из последовавших боев партизаны напали ночью на американский военный лагерь. Чтобы в темноте не спутать своих с чужими, Сандино приказал своим бойцам раздеться, и они голыми атаковали морских пехотинцев.

После поражения у Эль-Бромадеро американцы опять сделали упор на атаку отдельных партизанских отрядов с воздуха, так как наземные бои не приносили успеха и стали оборачиваться серьезными потерями в живой силе. Но партизаны знали примерный график разведывательных полетов (американцев подводила пунктуальность) и старались передвигаться только ночью и ранним утром. Американцы в качестве ответной меры обстреливали и бомбили даже мирно идущих по своим делам крестьян, если они казались им подозрительными.

Один такой крестьянин, которого чуть не убил выстрелами американский летчик, сбегал в лес за винтовкой и открыл огонь по самолету. В ответ американец сбросил на него бомбу, и крестьянину оторвало руку. Но и окровавленной культей он все еще ожесточенно грозил самолету.

Пилотов учили распознавать группы партизан по соотношению в них мужчин и женщин и даже по количеству белья, которое сушилось на веревках. Но зачастую авиация США просто бомбила населенные пункты, чтобы запугать их жителей. Было сожжено и разрушено около 70 никарагуанских деревень и поселков. Однако столь жестокие меры лишь толкали людей в лагерь Сандино.

Сандинисты наращивали боевые действия. С 30 июня 1927 года по 30 июня 1928-го, по официальным данным, морская пехота США участвовала в 85 боях против партизан.

²⁰⁰ Гонионский С.А. Сандино. М., 1965. С. 64.

В феврале 1928 года Сандино в горах посетил корреспондент ТАСС. В разговоре с ним партизанский вождь изложил свои основные требования:

- немедленный вывод американских войск из Никарагуа;
- назначение временным президентом Никарагуа гражданского лица, которое до этого никогда не было кандидатом в президенты;
- организация новых президентских выборов под контролем комитета, состоящего из никарагуанцев.

Если советские и американские журналисты без особых проблем находили Сандино, то у американских военных это никак не получалось.

19 февраля 1928 года в докладе военной разведки американской морской пехоты в Никарагуа отмечалось, что локализовать расположение главных сил Сандино не удастся. Приходится полагаться на случайные стычки и донесения местных жителей. Признавалось, что среди последних много откровенной лжи и преувеличений: «...три-четыре увиденных всадника на следующий день превращались в 100». Американцы считали, что после битвы у Эль-Чипоте престиж Сандино упал и люди бегут от него. Мол, если до этого сражения у Сандино было несколько сотен бойцов, то теперь примерно 60–125. На самом деле после Эль-Чипоте Сандино разделил свою армию на отдельные колонны, чтобы партизан было труднее заметить с воздуха.

Американская разведка отмечала, что части Сандино хорошо вооружены, главным образом благодаря реквизициям денег, мулов и продовольствия у местных и иностранных капиталистов. К тому же Сандино получал оружие от либералов Леона. Американцы знали, что большие группы сторонников Сандино живут в соседних государствах, занимаются бизнесом (например, выращивают кофе) и передают деньги партизанам.

Тактику партизан разведка морской пехоты США описывала следующим образом: «Без изменений. Враг оперирует ночью. Все банды, по нашим сведениям, на лошадях. Хотя, как предполагается, у них была возможность атаковать, они всегда избегали нас. Вероятно, враг попытается сконцентрировать различные группы в важных пунктах и продолжить операции, сходные с предыдущими»²⁰¹.

Эта разведсводка ясно показывает всю беспомощность американцев в Никарагуа. Они и не подозревали, что в Сеговии остались лишь мелкие группы партизан из местных жителей, главной — и успешно выполненной — задачей которых была имитация боевых действий для обмана противника.

А сам Сандино с лучшей частью своей армии двинулся на восток. Во-первых, он хотел уйти из Сеговии, находившейся под плотным наблюдением американской авиации. Во-вторых, партизаны решили нанести сильный удар по американскому бизнесу в Никарагуа.

²⁰¹ Schmidt. B-2 Report, Managua, 12-18 February 1928. См.: <http://www.sandinorebellion.com/IRDocs/IR280219.html>.

Командующий морской пехотой на атлантическом побережье Никарагуа майор Ютли подозревал, что рано или поздно Сандино нанесет ему визит. Но Рождество и новогодние праздники прошли спокойно. Тогда Ютли решил сам взять Сандино в клещи. Американцы планировали продвинуться с побережья по реке Коко (пограничной с Гондурасом) на запад, в самое сердце партизанского края. Однако у интервентов не было ни карт этой местности, ни точных сведений о расположении главных сил Сандино. Поэтом 8 марта 1928 года Ютли отправил на моторной лодке патруль из пяти человек вверх по течению Коко. 26 марта патруль вернулся с уверенностью, что где-то в районе деревни Уаспук находятся главные силы «бандитов» (хотя самих сандинистов американцы так и не увидели).

В начале апреля 1928 года Ютли решил расположить в бассейне Коко усиленные блок-посты, чтобы не допустить неожиданного нападения. Однако Сандино упредил врага. 12 апреля американцы узнали, что сандинисты захватили золотой прииск американской компании «Ла Лус и Лос Анхелес», экспроприровав золота на 2,6 миллиона долларов. Оборудование предприятия было уничтожено.

Как всегда, военные акции Сандино носили и политико-пропагандистский характер. На сей раз был захвачен прииск, где когда-то работал нынешний «президент» Никарагуа и американский ставленник Адольфо Диас. Именно на деньги хозяев этого предприятия был организован мятеж 1909 года, с которого и начались все нынешние беды Никарагуа.

Сандино давал своим рейдом понять американскому бизнесу: пока морская пехота США остается в Никарагуа, спокойной жизни у предпринимателей не будет.

В письме управляющему рудника Сандино писал: «Я имею честь сообщить Вам, что сегодня Ваш рудник превращен в руины по моему приказу в знак протеста против агрессии Вашего правительства, предпринятой против нашей страны на единственном основании грубой силы. Пока правительство США не прикажет вывести пиратов с нашей территории, не будет никаких гарантий неприкосновенности для американцев на нашей земле»²⁰².

Американские морские пехотинцы устроили передовые позиции в районе деревни Уаспук, но как только до них дошли слухи о приближении главных сил Сандино, они предпочли отступить под защиту флота в Пуэрто-Кабесас. Авиация из Сеговии не могла ввиду ограниченности радиуса действия самолетов оказать своим коллегам в Москитии действенную поддержку.

Однако разгром приисков заставил американцев активизировать поиск партизан. Весь май 1928 года несколько усиленных патрулей морской пехоты блуждали по труднопроходимым джунглям в районе приисков. Их поддерживали самолеты-амфибии. Но найти Сандино не удалось.

²⁰² Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918–1928. М., 1982. С. 303.

В конце мая в Пуэрто-Кабесас прибыл командующий американской морской пехотой в Никарагуа генерал Логан Феланд. Он сообщил Ютли, что Сандино находится в восточном районе Сеговии, но из-за трудных условий местности морская пехота в северной части Никарагуа добраться туда не может. Поэтому Ютли было приказано собрать мощную группировку и отправиться на розыски главных сил Сандино по реке Коко с востока.

26 июля 46 морпехов отправились в экспедицию. Еще столько же должны были вскоре последовать за ними. Шли сильные тропические дожди, река Коко вышла из берегов, и отряд с трудом продвигался вверх по течению. 4 августа морпехи заметили двух партизан, которые поспешно отступили в джунгли. Через пару дней произошла небольшая перестрелка с сандинистами. Самолет-амфибия, который сбрасывал для американцев продовольствие, обнаружил неподалеку лагерь «бандитов». Отряд морпехов выступил на его уничтожение, но в результате ожесточенного боя потерял одного человека убитым и трех — ранеными.

Между тем весной — летом 1928 года росла популярность Сандино во всем мире. Уже сам факт, что его люди оказывают умелое сопротивление самой мощной державе в мире, говорил в пользу генерала и его армии.

Важным было и то, что сторону Сандино приняло большинство мировой интеллигенции, оказывавшей серьезное влияние на умы в самых разных странах.

В марте 1928 года к Сандино обратился выдающийся французский писатель Ромен Роллан: «Я присоединяюсь к вашему протесту против того, что происходит в Никарагуа. Нападение на эту страну является частью мощного наступления североамериканского империализма с целью овладения всем Американским континентом». В июле 1928 года Сандино получил письмо от другого видного французского писателя Анри Барбюса: «Генерал! Я приветствую Вас от своего имени и от имени пролетариата и революционной интеллигенции Франции и Европы... В Вашем лице мы приветствуем Освободителя, замечательного солдата, борца за дело угнетенных, эксплуатируемых народов, против магнатов капитала»²⁰³.

Именно в этом письме Барбюс назвал Сандино «генералом свободных людей» — и так вождя никарагуанцев стали звать во всем мире.

31 июля 1928 года приветствие Сандино направил VI Конгресс Коминтерна: «...братский привет рабочим и крестьянам Никарагуа, а также героической армии генерала Сандино, сражающейся за национальную независимость и ведущей решительную борьбу с империализмом Соединенных Штатов»²⁰⁴.

В Гондурасе друг Сандино поэт Фройлан Турсисос издавал газету «Ариэль», в которой печатались материалы сандинистов. Комитеты помощи Сандино

²⁰³ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 67–68.

²⁰⁴ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918–1928. М., 1982. С. 300.

активно работали в Коста-Рике и в Мексике. В Мексике представитель Сандино Педро Сепеда издавал «Бюллетень сандинистов». Профсоюзы самых разных политических направлений регулярно проводили антиамериканские демонстрации.

11 апреля 1928 года посол США в Мексике Морроу пытался добиться от тамошнего министра иностранных дел запрета Комитета помощи Сандино. К тому времени президент Мексики Кальес уже помирился с США и старался без нужды не злить северного соседа. Однако запретить деятельность комитета мексиканцы отказались — это стало бы крайне непопулярной мерой.

В Вашингтоне сознавали, что проигрывают пропагандистскую войну против Сандино. 12 июня 1928 года госдепартамент разослал во все дипломатические представительства США в Центральной Америке циркуляр с требованием усилить контроль за деятельностью Антиимпериалистической лиги (эта организация была создана коммунистами и активно собирала средства для Сандино). 2 июля посланник США из Гондураса Саммерли ответил: «Комитет помощи Сандино» активно собирает для никарагуанских партизан деньги, но нельзя ожидать каких-либо действий президента Гондураса против этой организации ввиду «широких симпатий местных жителей к Сандино»²⁰⁵.

К Сандино стекались и добровольцы из различных латиноамериканских стран: кубинцы, гондурасцы, сальвадорцы, колумбийцы и т. д.

31 мая 1928 года посланник США в Никарагуа Манро отмечал, что «в низших слоях распространены настроения в поддержку Сандино». Он требовал новых подкреплений морской пехоты в преддверии намеченных на 4 ноября 1928 года президентских выборов. К августу 1928-го морская пехота США контролировала уже практически все департаменты Никарагуа, основные дороги и водные пути. К ноябрю американских солдат в Никарагуа было уже около 6 тысяч.

Однако, зажатый между отрядами морской пехоты США в Сеговии и в бассейне реки Коко, Сандино упорно сопротивлялся, и американцы никак не могли нанести ему серьезного поражения. Зато 7 августа 1928 года близ местечка Волива сандинисты нанесли поражение морской пехоте снова. Сандино, в чью шляпу попали несколько пуль, сам руководил боем. Потом он торжественно сказал своим бойцам, что победа одержана в тот же день, в который 111 лет назад Симон Боливар выиграл сражение у испанцев при Бояко.

Через месяц партизаны ждали прибытия лодок с патронами и продуктами, которые вели по реке Коко женщины. Когда началась разгрузка, неожиданно налетела американская авиация, и женщины бросились в лес. Сандино заметил, что на берегу остался четырехлетний ребенок. Не раздумывая, генерал под пулями схватил его и отнес в безопасное место. Сандино вспоминал: «Схватив мальчика, я стремглав бросился в лес. Вокруг свистели пули. Пробе-

²⁰⁵ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке 1918–1928. М., 1982. С. 303–304.

жав несколько метров, я почувствовал, что ребенок вздрогнул. Я не придавал этому значения, но, добравшись, наконец, до своих, я увидел, что мальчик покрылся смертельной бледностью и похолодел. Он умер у меня на руках. Не от пули, нет, он умер от испуга»²⁰⁶.

В июле 1928 года либералы выдвинули на пост президента предателя и смертельного врага Сандино Монкаду. Консерваторы утвердили кандидатуру Адольфо Бенарда, причем американцы фактически предотвратили раскол консервативной партии, заставив Чаморро выйти из игры. Обе партии просили американские войска контролировать выборы на местах. Чтобы американцы перестали относиться к либеральной партии с подозрительностью, Монкада еще за несколько недель до выборов сообщил в их дипмиссию, что в случае избрания будет просить США контролировать и выборы 1932 года. 19 октября 1928 года Монкада направил письмо с аналогичными заверениями кандидату консерваторов Бенарду.

В сентябре 1928 года морская пехота США начала регистрацию никарагуанских избирателей (эта акция проходила с 23 сентября по 7 октября). Сандинисты перешли в наступление, стремясь сорвать выборы хотя бы на севере Никарагуа. 2 октября сандинисты заняли небольшой городок Сан-Маркос неподалеку от Хинотеги и убили четырех сторонников либеральной партии, которые вели там агитацию.

Американцам пришлось разместить патрули во всех более или менее крупных населенных пунктах. Офицеры и солдаты Корпуса морской пехоты США возглавляли 432 избирательных участка, якобы для предотвращения подлога и фальсификаций. Сандинистам не удалось сорвать регистрацию избирателей, так как морская пехота США контролировала все крупные города страны. Всего были зарегистрированы 150 тысяч избирателей — на 35 тысяч больше, чем в 1924 году²⁰⁷.

4 ноября 1928 года на президентских выборах победил кандидат либеральной партии Монкада, набравший 70 120 голосов. За консерваторов проголосовали 55 839 избирателей. Если в среднем по Никарагуа проголосовали 88% зарегистрированных избирателей, то в департаментах Нуэво-Сеговия и Хинотега (где действовали сандинисты) — 82%²⁰⁸.

Как только Монкада вступил в должность, он отправил бывшего вождя либералов Сакасу посланником в США. По неписаной никарагуанской политической традиции того времени это означало, что Сакаса будет кандидатом от либералов на следующих президентских выборах в 1932 году. Одним из своих первых указов Монкада назначил своего родственника Анастасио Сомосу как

²⁰⁶ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 75.

²⁰⁷ FRUS, 1928 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1928v03/reference/frus.frus1928v03.i0019.pdf>).

²⁰⁸ Ibid.

знатока английского языка и приемлемую для американцев кандидатуру заместителем министра иностранных дел. Одновременно Сомоса был награжден орденом.

4 декабря 1928 года адмирал Селлерс предложил Сандино прекратить борьбу, так как теперь в Никарагуа у власти находится законно избранное правительство. Но Сандино опять отказался сдаваться до тех пор, пока американская армия не покинет Никарагуа.

Тем не менее Сандино был готов к диалогу с Монкадой. В ответном письме Селлерсу он писал: «Я заявляю, что только с генералом Хосе Марией Монкадой я мог бы пойти на переговоры с целью достижения прочного мира в нашей стране. Являясь членом либеральной партии, он, хотя и предал родину, может исправить свои ошибки, поклявшись перед никарагуанским народом и либеральной партией уважать основы соглашения, которые будут нами выработаны». Но и соглашение с Монкадой Сандино был готов заключить при одном условии: «Эвакуация с территории Никарагуа североамериканских вооруженных сил»²⁰⁹.

Монкада, естественно, отказался. В интервью «Нью-Йорк Таймс» он заявил: «Американская морская пехота является гарантией свободы и процветания. Если она покинет Никарагуа, воцарится анархия...»²¹⁰

Между тем президентские выборы состоялись и в США. Демократы, обещавшие вывести войска из Никарагуа, потерпели поражение. Президентом стал республиканец Гувер. Насколько большое значение в Вашингтоне уделяли Никарагуа, свидетельствует тот факт, что 27 ноября 1928 года (еще до своей инаугурации) Гувер прибыл в Коринто с визитом «доброй воли». Правда, этот визит «доброй воли» был осуществлен на борту линкора «Мэриленд».

Сандино 6 марта 1929 года обратился к Гуверу с открытым письмом: «Сеньор!

Имею удовольствие сообщить Вам, что наших солдат не сломили бывший американский президент Калвин Кулидж и государственный секретарь Фрэнк Келлог. По их приказу убивали людей на моей родине, сжигали поля, насиловали женщин, пытались отобрать наши священные права на свободу. Но освободительная армия по-прежнему готова сражаться и побеждать...»²¹¹

Однако в политическом отношении Сандино оказался в начале 1929 года в сложном положении. И его армия, и население Сеговии устали от войны. К тому же многие бойцы считали, что цель достигнута — в результате выборов к власти пришли либералы, которые и начали восстание в 1926 году. За что воевать, если и сам бывший вождь либералов Сакаса признал выборы легитимными? Слабой стороной восстания Сандино была и недостаточная связь

²⁰⁹ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 72–74.

²¹⁰ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 77.

²¹¹ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 75.

с городским населением, которое тоже в большинстве считало выборы легитимными.

Сандино собрал представителей Либерально-республиканской, Лабористской (то есть рабочей) партий и группы «Солидарность». На этом собрании было решено не признавать Монкаду как президента, навязанного стране иностранной армией. В качестве альтернативы была образована правительственная хунта во главе с Педро Сепедой (представителем Сандино в Мексике). Сам Сандино стал генералиссимусом Армии защитников национального суверенитета²¹². Однако партии, на которые решил опереться Сандино, были среди большинства населения непопулярны. Никарагуанцы по-прежнему ассоциировали себя (во многом по семейным традициям) только с либералами или с консерваторами.

В этих условиях Сандино решил временно прекратить борьбу, чтобы дать Монкаде возможность без давления договориться с американцами о выводе войск. 6 января 1929 года Сандино отправил послание президенту Мексики Портесу Хилью с просьбой принять в Мексике его самого и штаб армии. Письмо было передано с капитаном армии Сандино Паредесом — мексиканцем по национальности.

3 января 1929 года состоялось совещание Монкады с посланником США и командованием американских войск в стране. Американцы рекомендовали начать постепенный вывод своих войск и сократить контингент морской пехоты до 3500 человек. Монкада в это время должен был более активно формировать части национальной гвардии, призванные заменить оккупантов в борьбе с сандинистами²¹³. Президент ответил, что готов держать в стране морских пехотинцев столько человек и столь долго, сколько пожелают США. В то же время он хотел образовать отряды «тщательно отобранных» добровольцев, численностью не более 500 человек, чтобы помочь морской пехоте в боях против Сандино. Для того чтобы сделать национальную гвардию эффективной боевой единицей, по мнению Монкады, требовалось не менее двух лет, и в течение этого срока американская морская пехота должна была оставаться в стране.

К сентябрю 1929 года численность национальной гвардии составляла 1846 человек.

Монкада действительно сформировал из бывших либералов две колонны вспомогательных добровольческих войск и направил их в зону действия партизан. Многие, в том числе и сами американцы, ошибочно расценили это как проявление самостоятельности нового президента, который хотел обойтись в умиротворении Никарагуа без иностранных войск. Правда, в оперативном

²¹² *Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 141.*

²¹³ FRUS, 1929 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1929v03/reference/frus.frus1929v03.i0019.pdf>).

отношении добровольцы все равно подчинялись американским офицерам на местах.

По инициативе Монкады в охваченных партизанским движением районах Никарагуа было объявлено осадное положение. Американцы прекрасно понимали, что это означает на практике усиление репрессий против мирного населения, поэтому оговорили за собой право не участвовать в проведении в жизнь основных положений режима (США заботились о своей и так уже изрядно подмоченной событиями в Никарагуа репутации). Например, американцы решили передавать всех пленных национальной гвардии, прекрасно понимая, что их ждет не только верная, но и мучительная смерть.

И до введения осадного положения национальные гварйдецы прославились своими расправами над мирным населением. Пленным часто отрубали руки, чтобы они больше не могли взять в них оружие. У национальной гвардии даже сформировался набор излюбленных «спортивных» казней. Например, «корте де кумбре» («отрезание вершка» по-испански) — жертву привязывали к дереву и сильным ударом мачете отрубали верхнюю часть черепа, одновременно развязывая веревки, чтобы труп упал на землю. Или «корте де чалеко» («разрезание жилета») — у пленного отрубали руки и ноги, а затем вспарывали живот. Еще был «корте де блумер» — отрезали руки и ноги и оставляли человека истекать кровью.

После введения осадного положения репрессии приняли уже легальный характер. Американцы лицемерно обещали содействовать ограничению «экцесов» национальной гвардии, но в действительности и сами не брезговали никакими зверствами

Весь корпус морской пехоты США был заражен расистскими предрассудками в отношении никарагуанцев, которых считали грязными, расово неполноценными, дикими и не поддающимися влиянию цивилизации. Поэтому и обращаться с такими людьми следовало как с животными — без всякого сочувствия.

Например, один американский морской пехотинец (никарагуанцы дали ему презрительную кличку Фелипон) услышал в городе Сан-Рафаэль-дель-Норте, как идущая по улице женщина позвала своего маленького сына: «Идем, Аугусто!» Упоминания ненавистного американцу имени оказалось вполне достаточным для того, чтобы морпех вырвал ребенка у матери и бросил его в реку. Когда обезумевшая от горя мать кинулась спасать ребенка, ее арестовали за нарушение «общественного спокойствия».

В городке Ла-Пинтада Фелипон вместе с другими морскими пехотинцами обыскивал дом. Оттуда выбежал и бросился наутек 12-летний мальчик. Фелипон выстрелил ему в спину, потом подошел к раненому, ножом вспорол ему грудь, достал сердце и бросил своей собаке.

Лейтенант Макдональд привязал к двери дома пожилую женщину и поджег дом. Сгорела вся семья. Лейтенант Ли (которого прозвали Мясником) выхватил у крестьянина пятимесячного ребенка, подбросил его вверх и «поймал»

на штык. Он же отобрал у одной никарагуанки двухмесячную девочку, взял за ножки и разорвал пополам²¹⁴.

Лейтенант Стюарт расстрелял пленного партизана из пулемета, потом отрезал у трупа уши и привязал их к своему боевому коню в виде «трофея».

Один солдат шел по улице Манагуа, когда пятилетний мальчик неосторожно уронил рядом в лужу мяч и забрызгал американцу брюки. Тот достал пистолет и хладнокровно расстрелял «хулигана».

Зверства морской пехоты и национальной гвардии только усиливали симпатию людей к Сандино, но к началу 1929 года население Сеговии устало воевать. Все надеялись на скорый вывод американских войск после выборов.

В марте — апреле 1929 года большая часть армии Сандино разошлась по домам. В апреле американская разведка констатировала, что как «национальный герой Латинской Америки» Сандино «кончился»²¹⁵.

В мае Сандино получил ответ от Портеса Хилья. Мексиканский президент писал, что с удовольствием предоставит Сандино убежище и даже возьмет на себя расходы по его проживанию в Мексике.

Следует отметить, что, несмотря на активное давление США, правительство Мексики отказалось признать Монкаду легитимным президентом Никарагуа. В январе 1929 года в ответ на соответствующий запрос американского посла в Мексике Морроу министр иностранных дел Эстрада сказал, что Мексика не может признать режим, чей суверенитет ограничен присутствием иностранных войск²¹⁶. Портес Хилья придерживался той же точки зрения. Он предложил Морроу на миг представить себе, что иностранные войска находятся не в Никарагуа, а в США: «Что Вы тогда скажете, мистер Морроу?»

В первых числах июня 1929 года Сандино вместе со своими помощниками переплыл пограничную с Гондурасом реку Гуайапе. В столице Гондураса Сандино остановился в мексиканском посольстве. Оттуда на предоставленном правительством Гондураса специальном поезде группа выехала в Сальвадор. На границе Сандино встречал сальвадорский военный министр и несколько высших военных чиновников. Один из них, начальник канцелярии военного министерства Монтальво поздоровался с Сандино и заявил, что не будет больше мыть свою руку²¹⁷. Из Сальвадора на машине Сандино направился в Гватемалу, где на границе его встречал президент этой страны генерал Ласаро Чакон.

Следует отметить, что и в Гондурасе, и в Сальвадоре, и в Гватемале Сандино приветствовали многотысячные демонстрации.

²¹⁴ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 100.

²¹⁵ *De La Pedraja Toman R.* Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006. P. 317.

²¹⁶ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 179.

²¹⁷ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 81.

28 июня 1929 года Сандино прибыл в мексиканский порт Веракрус, где его приветствовал командующий местным военным округом генерал Мигель Акоста.

Однако, хотя Портес Хиль и подавляющая часть мексиканцев искренне восхищались Сандино, Мексика все же не желала портить из-за него с таким трудом налаженные после конфликта 1925–1927 годов отношения с США. Поэтому Сандино не рекомендовали приезжать в Мехико и отвели для проживания город Мериду на отдаленном Юкатане. Не собиралась Мексика и оказывать Сандино помощь деньгами или оружием на официальном уровне.

На самом деле, перед тем как дать Сандино согласие на приезд в Мексику, Портес Хиль запросил мнение на сей счет Морроу и госсекретаря Келлога. Ни тот ни другой не возражали, так как считали, что отъезд Сандино из Никарагуа приведет к краху партизанского движения. Однако американцы поставили Портесу Хиллю несколько условий:

- Сандино не должен продолжать с территории Мексики борьбу против США;
- он не должен посещать Мехико;
- его резиденцией должен стать «отдаленный штат»²¹⁸.

Портес Хиль выполнил все эти условия. Ничего более отдаленного, чем Юкатан, в Мексике в то время не было. Между этим штатом и остальной территорией страны тогда не существовало никаких шоссе или железных дорог. Из центральной части Мексики туда можно было добраться только морем или на самолете. Юкатан издавна использовался как место для каторги уголовников и политических заключенных.

Американцы были даже довольны, что Сандино находился именно в Мексике, а не в центральноамериканских республиках, где за ним было бы труднее следить и откуда он мог быстро вернуться на родину.

Сандино приехал в Мексику в надежде на военную и финансовую помощь и был разочарован холодным приемом со стороны правительства. Первоначально он хотел пробыть в стране всего несколько недель, но поиск помощи оказался делом непростым. 4 августа 1929 года Сандино писал Густаво Алеману Боланьосу: «Мне представляется весьма сомнительным, что в Мексике удастся приобрести снаряжение для продолжения нашей освободительной борьбы. Но я постараюсь добыть здесь финансовые средства, чтобы приобрести в других местах необходимое оружие и боеприпасы». Вскоре Сандино пожаловался Боланьосу, что «до сих пор не смог добыть ни полсентаво, ни одного пистолетного патрона для дела освобождения Никарагуа»²¹⁹.

²¹⁸ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 179.

²¹⁹ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 83.

Сандино одержал в Мексике только одну пропагандистскую победу. Он перedal захваченное у американцев знамя (посол Морроу требовал его выдачи США, но безуспешно) со своей подписью мексиканскому делегату Асурбиде, который привез его через США, обернув вокруг тела, во Франкфурт-на-Майне, где проходил второй Международный конгресс Лиги борьбы с империализмом и колониальным угнетением. Мексиканец развернул знамя, и зал разразился здравицами в честь Сандино. Потом делегаты в единодушном порыве запели «Интернационал».

В Мериде у Сандино было много свободного времени, большую часть которого он посвящал книгам. Вел генерал и жаркие дискуссии со своим секретарем сальвадорцем Хосе Августином Фарабундо Марти, который присоединился к сандинистам в 1928 году. Фарабундо Марти был убежденным коммунистом и старался доказать Сандино, что для возрождения борьбы ей надо придать социальный характер.

Однако Сандино говорил испанскому писателю Рамону Белаустегигойтии: «Неоднократно пытались превратить это движение в защиту национальной независимости в борьбу социального характера. Я всячески противился этому... Я не желаю воевать, за исключением случаев крайней необходимости, как, например, интервенция... Я не хочу воевать с моими братьями»²²⁰.

Сандино говорил Фарабундо Марти, что коммунизм советского образца «подавляет свободу» (мнение, широко распространенное тогда среди мексиканских анархо-сидикалистов, которые считали себя, в отличие от СССР, «либертарными», то есть свободными коммунистами). Но представляется, что осторожность Сандино в отношении коммунистов объяснялась чисто тактическими моментами. В мае 1929 года правительство Мексики запретило компартию, а в феврале 1930-го под надуманным предлогом (явно желая угодить США) разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. Мексиканцев якобы обидело осуждение Коминтерна и советской печатью репрессий против мексиканских коммунистов, многие из которых были безвинно расстреляны или посажены в тюрьмы.

Все еще надеясь на помощь мексиканского правительства, Сандино не мог поддерживать контакты с запрещенной компартией Мексики. Поэтому он отверг предложение коммунистов временно уехать в Европу на деньги партии.

В Мериде Сандино вступил в странную, но очень модную тогда организацию — Магнетическо-спиритуалистскую школу всемирной коммуны. Ее основал в 1911 году в Аргентине баск Хоакин Тринкадо, по профессии электрик. Учение школы причудливо сочетало в себе анархо-коммунизм с зороастризмом, каббалой и спиритическими сеансами. Учение Тринкадо отвергало и капитализм, и коммунизм советского образца и стремилось к борьбе за некие расплывчатые идеалы «добра и света». Сандино явно привлекали в этой поли-

²²⁰ *Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 221.*

тической секте ее показной интеллектуализм, новизна подходов и оригинальность формы. Секта не брезговала и модным в то время в Латинской Америке национализмом, утверждая, что будущая всемирная коммуна будет основана на «индейско-испанской расе» и говорить весь мир тоже будет по-испански.

Сандино настолько проникся идеями «мировой коммуны», что сделал лидера организации Тринкадо своим официальным представителем в Мексике и заменил печать своей армии на печать секты. Возможно, он хотел использовать связи организации среди интеллигенции Латинской Америки, чтобы активизировать сбор средств на продолжение борьбы.

В феврале 1931 года Сандино выпустил «Манифест света и истины». В нем говорилось о грядущем пришествии Страшного суда, который приведет «к разрушению всей несправедливости на Земле и господству духа Света и Истины, то есть Любви». Никарагуа избрана для того, чтобы сыграть в борьбе против вселенской несправедливости главную роль, а армия Сандино будет инструментом божественной справедливости. «Нам выпала честь, братья, — мы в Никарагуа избраны Божественной Справедливостью, чтобы начать карать несправедливость на Земле».

Связь Сандино с группой Тринкадо привела к его размолвке с Фарабундо Марти в 1931 году. Последний писал по этому поводу: «Мой разрыв с Сандино не был следствием, как иногда утверждают, различного понимания моральных принципов... Я отказался снова сопровождать его в Сеговию только потому, что он не захотел принять коммунистическую программу, которую я отстаивал. Его знаменем было только завоевание независимости, свободы. Он не ставил перед собой целей социальной революции. Я утверждаю это потому, что генералу Сандино приписывали коммунистические идеи»²²¹.

Сальвадорец вернулся на родину, возглавил восстание против жестокого диктаторского режима (который зверски убил более 30 тысяч мирных крестьян), был схвачен и 1 февраля 1932 года расстрелян²²². Аугусто Сесару Сандино было 35 лет. Перед казнью он промолвил: «В двух шагах от могилы я торжественно клянусь, что генерал Сандино самый великий патриот вселенной»²²³.

Представляется, что политические убеждения Сандино были левыми и весьма близкими к коммунистическим. Об этом говорит его ненависть к капиталистам, которую генерал выражал и в манифестах, и путем экспроприаций имущества богачей для нужд армии. Он говорил и о том, что сельское хозяйство должно быть организовано на кооперативных началах. Например, Сандино утверждал: «Я скорее являюсь сторонником государственной собственности на землю»²²⁴.

²²¹ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 221–222.

²²² Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти является ведущей политической партией современного Сальвадора.

²²³ *Гонионский С. А.* Сандино. М., 1965. С. 86.

²²⁴ *Леонов Н. С.* Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975. С. 223.

Сам жизненный путь Сандино толкал его на борьбу за социальную справедливость. Но генерал был, прежде всего, прекрасным тактиком — он понимал, что открытое провозглашение коммунистической или социалистической программы даст в руки американцев мощное пропагандистское оружие, и его сразу начнут представлять марионеткой Москвы и Коминтерна. Коммунизм, о котором большинство никарагуанцев не имели никакого представления, в то время мог только оттолкнуть от сандинистов широкие массы. И Сандино это прекрасно знал.

В Мериде он все же тяготился вынужденным бездельем. На свой страх и риск Сандино отправился на самолете в Мехико на встречу с Портесом Хилем. Тот между тем предложил Монкаде в обмен на вывод американских войск из Никарагуа гарантию Мексики, что Сандино не будет причинять ему вреда с мексиканской территории²²⁵. Монкада отказался.

6 сентября 1929 года Сандино, который внимательно следил за событиями на родине, обратился к никарагуанскому народу с манифестом: «Не падайте духом! Мой временный отъезд из Сеговии пойдет на пользу делу освобождения Никарагуа. В самый неожиданный для вас момент я окажусь рядом с вами»²²⁶.

На момент встречи с Сандино в январе 1930 года Портес Хиль уже уходил с должности, так как 17 ноября 1929 года новым президентом Мексики был избран более проамерикански настроенный консервативный политик Ортис Рубио. В кабинете нового президента Портес Хиль должен был занять пост министра внутренних дел. Сандино опасался, что Ортис Рубио может арестовать его и выдать либо Монкаде, либо американцам. Никакой помощи от нового президента тем более ожидать не приходилось. Генерал решил, что пора возвращаться на родину.

Американцы через посредников предлагали Сандино крупную сумму денег, чтобы он купил в Мексике ферму и занялся сельским хозяйством, но генерал решительно отказался даже обсуждать такую возможность.

4 декабря 1929 года Сандино написал Портесу Хилью письмо с просьбой разрешить ему отъезд на родину. «До настоящего момента, сеньор президент, надежды, которые я возлагал на поездку в Мексику, не осуществились ни в малейшей степени. Меня стали одолевать тревожные мысли, когда я понял, что мне просто отказывают во встрече с Вами. Я не знаю, как бы отреагировали Соединенные Штаты на мою встречу с Вами и к каким последствиям для Мексики она бы привела, но я твердо знаю, что Мексика не вечно будет терпеть наглые притязания США, особенно если учесть, что долг Мексики — не позволить американским пиратам поработить Центральную Америку»²²⁷.

²²⁵ *Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996. P. 179.

²²⁶ *Гонионский С. А.* Сандино. М., 1965. С. 88.

²²⁷ *Идейное наследие Сандино.* М., 1982. С. 88.

Через два дня после вступления Ортиса Рубио на пост президента был арестован брат Сандино Сократес, который тоже находился в Мексике. Портес Хиль в разговоре с Сандино еще раз подчеркнул, что всегда восхищался генералом, обещал освободить Сократеса и не чинить Сандино никаких препятствий для отъезда из Мексики. Экс-президент даже сказал американскому журналисту Вальдо Фрэнку, что считает Сандино патриотом, и разрешил это опубликовать. Портес Хиль явно использовал громадную популярность Сандино для наращивания собственной политической базы.

Однако Сандино постоянно чувствовал за собой наблюдение мексиканской полиции. Сделав вид, что вместе с друзьями хочет купить ферму недалеко от Мерида, он перешел на нелегальное положение.

Затем Сандино инкогнито выехал из Веракруса и 1 мая 1930 года прибыл в Гватемалу под именем сальвадорского коммерсанта Кресенсио Рендона. 5 мая генерал после одиннадцатимесячного отсутствия вновь вступил на землю родины.

К этому времени американцы обучили уже достаточно национальных гвардейцев (включая офицеров — срок подготовки на офицерских курсах был сокращен до шести месяцев) для того, чтобы поручать им самостоятельные операции против партизан. Тем более что партизаны крайне нуждались не только в оружии и продовольствии, но даже в одежде и обуви.

В июне 1929 года американцы рекомендовали Монкаде распустить по домам своих добровольцев, так как консерваторы опасались, что он хочет превратить эти отряды в лояльную только себе вооруженную силу. За полгода существования добровольческие отряды приняли участие в рейдах по Сеговии совместно с морской пехотой, но реально участвовать в боях им не довелось.

Национальная гвардия пока была тоже не очень надежна, поэтому ей командовали американские офицеры. 6 октября 1929 года фактически восстало подразделение гвардии в Тельпанеке, инсценировав нападение партизан и убив своего командира — американского лейтенанта Троглера. Когда на смену Троглеру прибыл новый командир, второй лейтенант Раймс, 21 октября восстание приняло уже открытый характер. Двух американских офицеров арестовали (им с трудом удалось бежать), а все подразделение гвардии направилось в Гондурас.

В марте – декабре 1929 года национальная гвардия участвовала в 22 боях против партизан, потеряв одного человека убитым и трех ранеными. По оценкам гвардейцев (явно завышенным), были убиты 35 партизан, шесть — захвачено в плен.

Американцы пытались поднять авторитет национальной гвардии и «социально ориентированными» методами. Например, в департаменте Нуэво-Сеговия было развернуто строительство дорог для повышения мобильности карательных частей. Населению же это преподносили как возможность заработать. США вложили в проект 150 тысяч долларов и платили местным жите-

лям за тяжелую работу по 50 центов в день. По данным морской пехоты, вышли из лесов и втянулись в строительство 125 партизан.

В декабре 1929-го в Никарагуа прибыл новый американский посланник Мэтью Ханна, который закончил военную академию в Вест-Пойнте, участвовал в испано-американской войне 1898 года, был военным атташе на Кубе (1902–1904 годы) и специальным представителем США в Панаме (1907–1910). В 1925 году в Берлине он женился на баронессе Густаве Рейнбабен, которая была моложе его более чем на 20 лет. Красавица жена, имевшая на мужа огромное влияние, любила светскую жизнь, танцы, балы и приемы. Там она и познакомилась с таким же любителем хорошо пожить — заместителем министра иностранных дел Никарагуа Анастасио Сомосой. Поговаривали, что Сомоса стал любовником жены посланника, и она активно способствовала его карьере.

Возвращение Сандино в Никарагуа сразу оживило затухшую, казалось, партизанскую войну. Но еще до этого, с начала 1930 года, «бандиты», по оценкам американцев, воспрянули духом. В феврале американские патрули сразу из нескольких городов были посланы в населенный пункт Силенсио, где были замечены партизаны. Весь март американцы и национальные гвардейцы охотились в лесах за сандинистами, но несмотря на мелкие стычки, так и не смогли обнаружить главные силы противника.

Между тем либералы и Монкада, похоже, не очень доверяли находившейся под командованием американцев национальной гвардии. В апреле 1930-го никарагуанский конгресс урезал до 760 тысяч долларов²²⁸ годовой бюджет гвардии, что означало ее сокращение до 1500 человек. Американцы были этим обеспокоены, и Ханне поручили потребовать от Монкады приостановить вступление закона о бюджете в силу. Госсекретарь США считал, что нельзя содержать в Никарагуа «эффективные полицейские силы» на сумму менее миллиона долларов в год. Правда, Монкада считал, что в целях экономии надо сократить непомерно высокие зарплаты именно американским офицерам, которые служили в гвардии. Президент Никарагуа говорил, что его правительство находится в тяжелейшем финансовом положении ввиду мирового экономического кризиса и вынуждено сократить жалование госслужащим на 20%. Но американцы не хотели экономии за счет гвардии, и под их давлением были сокращены расходы на народное образование Никарагуа в бюджете на 1931 год: с 600 тысяч до 51 тысячи долларов.

Монкада предлагал изменить американско-никарагуанское соглашение 1927 года об учреждении национальной гвардии, добавив туда, например, пункт о том, что гвардия подчиняется только президенту Никарагуа.

С этим американцы не согласились, равно как и с тем, чтобы гвардия получала приказы от никарагуанских чиновников на местах.

²²⁸ Бюджет Никарагуа составлялся в национальной валюте — кордобах, но одна кордоба была равна одному доллару США.

18 июня 1930 года отряд из 150 партизан занял высоту Эль-Сарагуаска к северу от Хинотеги. Следующим утром сандинистов атаковали морские пехотинцы и национальные гвардейцы. Ожесточенный бой длился почти целый день. Американцам пришлось вызвать авиацию, так как их атаки были отбиты. Шесть самолетов непрерывно бомбили позиции сандинистов. Осколком бомбы, сброшенной с самолета, был ранен Сандино. Но, по собственным словам, он не придавал этому значения и «оставался на посту»²²⁹.

Не в силах совладать с партизанами, морская пехота США приступила с мая 1930 года к так называемой политике реконцентрации мирного населения в Сеговии. С согласия Монкады всем жителям в районе Окоталя было предписано покинуть свои деревни и прибыть в специальные лагеря под охрану морских пехотинцев и национальных гвардейцев. Задачей такой варварской политики, предвосхитившей массовые депортации нацистов, было лишить партизан еды и иной поддержки местного населения. Любого жителя, найденного вне лагерей после 1 июня, рассматривали как «бандита». Но «реконцентрация» вызвала такое недовольство в стране, что уже в июле от нее без лишнего шума отказались.

После сражения у Эль-Сарагуаски сандинисты отступили в район реки Коко, где их тревожили американские карательные экспедиции и самолеты.

В мае же американцы назначили капитана морской пехоты Уилкинсона Джонсона новым главой центральной избирательной комиссии Никарагуа на парламентских выборах 1930 года. Одновременно госдепартамент предписал Монкаде внести изменения в избирательное законодательство²³⁰.

Джонсон (получивший дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посланника) сообщал в Вашингтон в августе 1930 года, что для свободных выборов требуется прекратить практику арестов и запугивания по политическим мотивам и гарантировать свободу печати²³¹. Монкада обещал Джонсону издать указ об амнистии, но отказался разрешить американцу расследовать предыдущие случаи арестов по политическим мотивам. Джонсону даже пришлось позднее издать официальное заявление с протестом против помех, которые Монкада чинил кандидатам консервативной партии.

С учетом сложной ситуации в стране Джонсон попросил для охраны избирательных участков дополнительно 800 морских пехотинцев и национальных гвардейцев. Ханна сообщал в Вашингтон, что присутствие на избирательных участках морской пехоты США произведет на никарагуанцев самое неблагоприятное впечатление, поэтому лучше активнее привлечь национальную гвардию, которая, по оценке американского посланника, «одерживает верх над бандитами».

²²⁹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 93.

²³⁰ FRUS, 1930 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1930v03/reference/frus.frus1930v03.i0023.pdf>).

²³¹ Ibid.

9 сентября 1930 года Сандино опять был ранен и на время прекратил личное участие в боевых операциях. 16 октября генерал издал приказ о принудительной реквизиции у частных лиц соли и медикаментов, которых очень не хватало партизанам. Естественно, американцы и Монкада вновь окрестили Сандино «бандитом». Сандино так аргументировал свою политику: «Неужели же люди, боровшиеся за освобождение родины, должны ходить в лохмотьях?.. История нас рассудит, и тогда будет ясно, кто виноват, — мы или эти богачи, собственность которых мы реквизируем и на которых лежит главная и непосредственная вина за все то, что произошло в Никарагуа; ведь это именно они, богачи, призвали на нашу землю американских наемников»²³².

У партизан было плохо и с едой. Часто они питались только бананами и сладкой кашцей из сахарного тростника.

Парламентские выборы 2 ноября 1930 года прошли, по оценкам американцев, «спокойно» и закончились очередной победой либералов: консерваторы потеряли три места в сенате и девять — в нижней палате конгресса.

7 ноября 1930 года госсекретарь США направил Монкаде личное послание, в котором еще раз предостерегал против сокращения национальной гвардии. Это якобы не позволяли сделать «сложная ситуация и бандитизм» в граничащих с Гондурасом департаментах Нуэво-Сеговия, Хинотега и Эстели²³³.

Действительно, под новый, 1931 год, Сандино опять преподнес американцам неприятный сюрприз. 10 декабря партизаны напали на 10 морских пехотинцев, чинивших оборванную телефонную линию в районе Окотала. Восемь американцев были убиты, двум другим, несмотря на полученные ранения, удалось скрыться. Американцы в отместку согнали 1200 местных жителей в концентрационный лагерь в городе Яли, что только увеличило приток пополнения к сандинистам²³⁴.

17 января 1931 года сандинисты атаковали город Сомото в департаменте Нуэво-Сеговия.

Госсекретарь США Стимсон (тот самый, который добился заключения соглашения в Типитапе в 1927 году) поставил вопрос о выводе американских войск в течение двух лет и передаче всех функций оккупантов национальной гвардии. Для этого гвардию надо было увеличить еще на 500 человек и освободить от местных задач по поддержанию порядка.

19 февраля 1931-го Стимсон публично заявил, что американские войска покинут Никарагуа, как только присягу принесет следующий избранный никарагуанский президент.

К этому заявлению Стимсона побудила, в числе прочего, жесткая критика политики в отношении Никарагуа в конгрессе США, причем в этом вопросе

²³² Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 94.

²³³ FRUS, 1930 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1930v03/reference/frus.frus1930v03.i0023.pdf>).

²³⁴ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918–1928. М., 1982. С. 309.

объединились и республиканцы, и демократы. В США тоже бушевал мировой экономический кризис, а содержание американской морской пехоты в Никарагуа, на Гаити и в Доминиканской республике обходилось в 8,9 млн долларов в год — больше, чем содержание такого же количества морских пехотинцев в США.

В апреле 1931 года Стимсон писал американскому посланнику в Манагуа: «Правительство США не может осуществлять общую охрану по всей стране при помощи американских войск. Это приведет к трудностям и обязательствам, которые правительство США не предполагает принимать. Те, кто желает оставаться здесь (имелись в виду американские инструкторы в национальной гвардии — прим. автора), пусть делают это на собственный страх и риск»²³⁵.

31 марта 1931 года в 10. часов 19 минут утра в Никарагуа разразилось страшное землетрясение. Примечательно, что подземные толчки и пожары в Манагуа многие жители столицы сначала приняли за американские бомбардировки. Американские солдаты немедленно занялись в столице мародерством, и командующему национальной гвардией, американскому же генералу Кальвину Мэтьюсу пришлось ввести осадное положение. Разрушения в столице были огромными, если учесть, что большинство домов в то время были деревянными шаткими постройками бедняков. Погибли около двух тысяч человек. Половину жителей Манагуа пришлось эвакуировать в другие места.

Чтобы подправить изрядно подмоченный имидж США в Никарагуа, американцы (в том числе и военной авиацией) стали доставлять в страну гуманитарную помощь.

Сандино воспринял ужасное землетрясение как наказание свыше для американцев и их пособников. В циркулярном письме по своей армии от 10 апреля он писал: «Дорогие братья! Близится час расплаты. 31 марта текущего года землетрясение разрушило половину Манагуа; среди прочего была уничтожена посадочная площадка со значительным количеством самолетов и взрывчатых веществ, принадлежащих противнику. Сейчас, когда само провидение наказывает противника, мы со своей стороны должны повсеместно помочь ему. Наш долг — сеять ужас в стране врага...»²³⁶

Сандино решил ударить американцев по их самому больному месту — по кошельку, а именно — по американским инвестициям в Никарагуа.

Двумя колоннами в апреле 1931 года сандинисты отправились к атлантическому побережью вниз по течению реки Коко и по другим рекам. Вся операция была тщательно спланирована лично Сандино.

13 апреля американский консул из Блуфилдса сообщил, что утром 11 апреля 75 хорошо вооруженных партизан под командованием генерала Бландона неожиданно появились в 60 милях от Пуэрто-Кабесаса в местечке Логта-

²³⁵ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918–1928. М., 1982. С. 309.

²³⁶ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 101–102.

ун, от которого до Пуэрто-Кабесаса была проложена железная дорога. В тот же день в бою был убит командующий национальной гвардии Пуэрто-Кабесаса американский капитан Мэрфи, который с отрядом национальной гвардии самонадеянно отправился в Логтаун, чтобы выбить оттуда сандинистов.

Впервые за всю войну партизаны осадили крупный никарагуанский город и важнейший порт — Пуэрто-Кабесас. Его падение лишило бы правительство в Манагуа таможенных пошлин — главного источника бюджетных поступлений. В окрестностях порта произошло четыре кровопролитных боя, но сандинистам для решительного штурма не хватало артиллерии, тем более что на помощь гарнизону Пуэрто-Кабесаса пришли самолеты с американских кораблей. По данным штаб-квартиры Сандино, были уничтожены 11 американцев и 15 национальных гвардейцев. Пришлось срочно перебрасывать национальную гвардию из Блуфилдса, который остался вообще без гарнизона.

Сами американцы признавали, что за 48 часов 12–14 апреля были убиты четыре американца и три пропали без вести²³⁷. Это были очень большие потери, если учесть предыдущий ход боев против Сандино. Ведь это была необычная засада — на сей раз партизаны наступали. Сандинисты продвинулись на расстояние 13 километров до Пуэрто-Кабесаса, что вызвало панику в Вашингтоне и лично у госсекретаря Стимсона. Госсекретарь даже предложил американцам в городе на всякий случай подняться на борт кораблей ВМФ США. Стимсон возмущался, что национальная гвардия в Сеговии позволила четырем крупным отрядам партизан незамеченными выйти в район атлантического побережья, и признал, что партизанское командование «эффективно» спланировало синхронную операцию сразу в нескольких районах страны. Госсекретарь США выражал возмущение тем, что уже на протяжении трех лет американцы тренируют национальную гвардию и создали в ней разведку, но она до сих пор не может наладить сбор сведений о повстанцах. «История учит», наставлял посланника в Никарагуа Стимсон, что при партизанской войне сбор разведданных является основным фактором. А гвардия и морская пехота постоянно падают в засады, ничего не зная о противнике.

Стимсон никак не хотел понять, что сила разведки сандинистов и, соответственно, слабость разведки гвардии состоит в различном отношении населения к противоборствующим сторонам.

Однако через два дня американская авиация локализовала колонну сандинистов (150 человек), и в бою погиб ее командир Педро Бландон. Сандино сообщал в циркулярном письме командирам своих отрядов: «Смерть генерала Бландона явилась страшным ударом для наших войск, но никто не пал духом, наоборот, наши силы продвинулись в направлении Кабо-де-Грасиас, где захватили порт и разрушили радиостанцию. Через несколько часов Кабо был под-

²³⁷ FRUS, 1931 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1931v02/reference/frus.frus1931v02.i0028.pdf>).

вергнут бомбардировке с военных самолетов противника, но все обошлось без потерь с нашей стороны»²³⁸.

Партизаны внезапно появились в городе Кабо-Грасиас-а-Диос и разгромили там фабрики американских компаний²³⁹.

В частности, сандинисты уничтожили американское предприятие по заготовке древесины компании «Брагмэн блэф». Снова досталось приискам компании «Ла Лус и Лос Анхелес». Взорвав шахту, партизаны взяли с собой в качестве заложника ее управляющего американца Маршалла, который по дороге умер от тропической лихорадки. В ответ на это президент США Гувер объявил Сандино вне закона²⁴⁰.

Стимсон лично интересовался боевыми действиями в районе Пуэрто-Кабесаса, постоянно выражая свое беспокойство. Американцам пришлось 15–23 апреля высадить в районе Пуэрто-Кабесас новые контингенты морской пехоты. Они были вынуждены и перебрасывать национальных гвардейцев самолетами из Манагуа. Пока национальная гвардия явно еще не могла воевать с партизанами без помощи США.

Рейд частей Сандино в Москитию возымел свое действие. Американский бизнес в Никарагуа стал сильнее настаивать на выводе американских войск как гарантии продолжения своего существования в стране. Кофейный плантатор Хаукинс с запада Никарагуа жаловался в письме госсекретарю Стимсону: «...сегодня нас ненавидят и презирают... Это следствие того, что американская морская пехота используется для того, чтобы охотиться за никарагуанцами и убивать их в их собственной стране. Это была роковая ошибка. Интервенция... оказалась катастрофой для американских плантаторов кофе в этой республике»²⁴¹.

Стимсон же дал Ханне указание ввиду «вспышки бандитизма в доселе свободных от него районах» Никарагуа передать американским гражданам, что правительство США не сможет их эффективно защитить²⁴².

А партизаны продолжали наносить мощные удары. 12 мая 1931 года большая колонна сандинистов (150 человек) во главе с генералом Педро Альтамирано появилась на руднике «Нептун». Очевидцы отмечали, что партизаны одеты как оборванцы, но прекрасно вооружены и хорошо дисциплинированы. 15 мая сандинисты пошли обратно, вглубь страны, взяв с собой золото, динамит и двух присоединившихся к ним добровольцев.

Новой тактикой армии Сандино было нанесение одновременных ударов в разных районах страны, с тем чтобы не допустить концентрации сил оккупантов и национальной гвардии на одном театре военных действий.

²³⁸ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 104.

²³⁹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 96.

²⁴⁰ Ibid. С. 97.

²⁴¹ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918–1928. М., 1982. С. 310.

²⁴² FRUS, 1931 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1931v02/reference/frus.frus1931v02.i0028.pdf>).

К июлю 1931 года силы Сандино были разделены на восемь самостоятельных колонн, которые действовали в отведенных им районах, причем уже не только в Сеговии и на атлантическом побережье. На тихоокеанском побережье в районе департаментов Леон и Чинандега оперировала 5-я колонна под командованием генерала Хосе Диаса.

Американцы (чьи силы к этому времени сократились до одного батальона) держались только благодаря активному применению авиации и отсутствию у сандинистов тяжелого вооружения. 23 июля американская авиация обнаружила лагерь партизан в районе местечка Саклин и начала его бомбить. Но в ответ последовал слаженный ружейно-пулеметный огонь, и один самолет насчитал 16 попаданий. Пилотам пришлось совершить аварийную посадку и уничтожить самолет, чтобы он не достался сандинистам. Пройдя 40 миль по бездорожью и перейдя пять рек, американцы с трудом добрались до Пуэрто-Кабесаса.

28 июля 1931 года Сандино выпустил манифест, свидетельствующий о готовности его армии перейти в генеральное наступление на крупные города: «Всем известно, что наша армия сражается с армией, вооруженной самым современным оружием... Несмотря на это, мы контролируем в настоящее время сельские районы восьми департаментов Никарагуа, и если мы еще не захватили крупные города, то только потому, что это не входит пока в наши планы. Наша тактика заключается сейчас в блокаде укрепленных поселков и городов в тех департаментах, в которых действует наша Армия. Враг попытался организовать нехватку продовольствия в Лас-Сеговиас, но ему удалось это лишь в отношении тех поселков и городов, в которых укрылись наемники (так Сандино называл национальных гвардейцев — прим. автора). В сельской местности нет голода, и наша армия располагает всем необходимым... Я ничем не отличаюсь от рядового солдата любой армии мира. У меня нет громоподобного голоса или сверхъестественной силы, и, тем не менее, мы — выполняя наш гражданский долг — имели удовольствие видеть под нашими деревьями множество командиров и офицеров высокомерной армии Соединенных Штатов Северной Америки, которые, стремясь уничтожить нас, сами были уничтожены. И я счастлив потому что выполняю свой долг. Моя совесть спокойна»²⁴³.

Американцы назначили за голову Сандино награду 100 тысяч долларов²⁴⁴ — больше, чем Никарагуа тратила в год на образование. Эти же деньги обещали выплатить самому Сандино, если он пожелает сдаться. Но такие меры только вели к росту престижа «генерала свободных людей». В 1931 году симпатии в сандинистам стали распространяться уже и в городах. Например, в школах дети отказывались учить английский язык. В Манагуа во время парада американских войск детям велели петь гимн США, но они отказались и вместо этого несколько раз прокричали «Смерть предателям!».

²⁴³ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 108–110.

²⁴⁴ Гонионский С. А. Сандино, М., 1965. С. 99.

В ноябре — декабре 1931 года основные удары сандинисты нанесли уже в западной части Никарагуа — сердце страны. Характерно, что в связи с этим Садино обратился 15 ноября к капиталистам Хинотеги, Матагальпы, Эстели и Окоталя: «Я имею сведения, что в Хинотеге создается так называемое торговое объединение, которое по замыслу капиталистов заслуживает большой поддержки со стороны марионеточного правительства и интервентов, действующих в Никарагуа. Но пока в Никарагуа не прекращена иностранная интервенция, не может быть и речи о каких-либо особых гарантиях в отношении интересов капиталистов... Лица, которые внесены в список нашим главным командованием, должны уплатить положенную им контрибуцию. В противном случае они будут нести ответственность»²⁴⁵.

Интересно, что на волне успехов партизан 1931 года в манифестах и заявлениях Сандино и его главного штаба все больше и больше звучали антикапиталистические мотивы. Сообщали, что в лагерях партизан часто поют «Интернационал». Сомоса позднее писал о «коммунистических идеях» Сандино и приводил в качестве примера письмо генерала Боланьосу от 9 августа 1931 года. В нем Сандино писал: «Хочу подчеркнуть, что наша Армия ожидает новой расстановки сил в мире, которая приближается, для того, чтобы начать реализовывать свой гуманитарный план в интересах мирового пролетариата»²⁴⁶.

Эта риторика практически буквально повторяет распространенный в то время главный тезис Коминтерна о мировом кризисе и грядущем крахе капиталистической системы. Видимо, поворот от национальной к социальной борьбе объяснялся тем, что вывод американских войск был уже не за горами и Сандино мог сосредоточиться на проблемах социального и политического развития Никарагуа.

На 1932 год в Никарагуа были намечены очередные президентские выборы, и на сей раз Сандино был преисполнен решимости сорвать их проведение по всей стране, а не только в Сеговии, как в 1928-м. Американцы решили сделать сильный, с их точки зрения, политический ход и рекомендовали Монкаде выдвинуть кандидатом от либеральной партии Сакасу. Сандино не раз в самом начале своей борьбы заявлял, что воюет за погранные конституционные права «доктора Сакасы». Если бы Сакаса стал президентом, то, по замыслу американцев, Сандино было бы трудно объяснить своим людям необходимость продолжения борьбы. Если Монкада в глазах партизан был предателем дела того же Сакасы, то сам Сакаса еще пользовался значительным авторитетом как человек, возглавивший восстание против консерваторов в 1926 году.

Сандино тоже понимал всю сложность политической ситуации. К началу 1932 года у него уже оформилась мысль после ухода американцев превратить

²⁴⁵ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 112–113.

²⁴⁶ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 323–324.

свое движение в политическую партию, чтобы подорвать традиционную монополию либералов и консерваторов на власть.

В январе 1932-го генерал обратился к соотечественникам с манифестом: «Соотечественники-никарагуанцы, гринго стремятся унижить нашу родину. Консерваторы Диас и Чаморро были поставлены во главе Никарагуа руками янки, которые всегда стремятся создать благоприятные условия для правления своих сторонников. Когда янки сочли, что им больше подходит проамерикански настроенные либералы, то, чтобы помочь им одержать победу, янки приказали Монкаде выдвинуть в качестве кандидата Сакасу. Американцы добиваются того, чтобы в случае возникновения каких-либо трудностей их вновь стали бы умолять — устами Диаса или Сакасы — высадиться и оккупировать нашу родину.

Соотечественники! Держитесь с достоинством и помните о том, сколько раз вы уже становились жертвами как янки, так и продажных политиканов. Тот, кто пойдет за этими политиканами и согласится подойти к избирательным урнам, контролируемым янки, лишь еще раз унижится перед иностранными штыками — ведь эти штыки в который раз оскорбляют честь Никарагуа... Крикните наконец адмиралу-интервенту, который смотрит на вас как на бессловесную скотину, — вон! Выполните свой долг! Не подчиняйтесь приказам морских пехотинцев во время избирательного фарса!.. Будьте достойны свободы и заслужите ее!..»²⁴⁷

Как и в 1928 году, выборы должны были проходить под наблюдением морской пехоты США. Главой никарагуанской избирательной комиссии был назначен генерал Кларк Вудворд. Понимая, что сандинисты будут стремиться сорвать выборы, американцы стали давить на Монкаду, чтобы тот своими силами активизировал борьбу с партизанами. В декабре 1931 года генерал Монкада послушно взял на себя руководство антипартизанскими операциями.

Но стратегия «никарагуанизации» войны против Сандино стала сразу же давать сбои.

В апреле 1932 года в национальной гвардии вспыхнул уже восьмой по счету мятеж. В городе Кисалайя 4 апреля был убит командующий подразделением национальной гвардии американец лейтеант Левонски и ранен младший лейтеант Карлос Райо. Часть гвардейцев ушла к партизанам, которым таким образом достались 21 винтовка, 5000 винтовочных патронов, 21 граната, автомат «томпсон» с 1600 патронами к нему и два пулемета. 11 апреля к партизанам перешли три артиллериста национальной гвардии со своим оружием — тремя пулеметами.

Апрель 1932 года вообще оказался «черным» для американцев и их пособников.

15 апреля партизаны вели против национальной гвардии ожесточенный трехчасовой бой в районе Окоталя, убив, по данным Сандино, около 30 пре-

²⁴⁷ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 115–116.

дателей (Сандино именовал национальных гвардейцев предателями или собаками)²⁴⁸. 21 апреля партизаны атаковали национальную гвардию в районе Кисалайи. Бой длился два часа, и гвардейцам пришлось отойти.

21 апреля крупные части партизан опять схватились с национальной гвардией в районе Окоталя. Были убиты два американца и 12 национальных гвардейцев. Сандинисты захватили пулемет, пять винтовок и большое количество боеприпасов. У них самих потерь не было. Американцы запросили подкрепление, думая, что теперь они будут в безопасности. Объединенная группа морской пехоты отправилась на базу, но опять попала в засаду в районе Леонес. Американцы потеряли троих убитыми, включая командиров обоих отрядов национальной гвардии — лейтенантов Брантона и Ковингтона. Сандинистам достались 12 винтовок, три пистолета, шесть гранат. Всего за день боев погибли 10 гвардейцев.

26 апреля, снова в районе Окоталя, 45 национальных гвардейцев вели ожесточенный трехчасовой бой против сандинистов.

Всего в апреле партизаны, по собственным данным, убили 131 солдата противника, сами потеряв 10 человек. В качестве трофеев были захвачены 39 винтовок, семь пулеметов, 32 гранаты, 18740 патронов, шесть пистолетов.

В мае — июне 1932 года бои партизан против национальной гвардии проходили практически каждый день. Такой степени интенсивности партизанская война еще не знала.

1 мая отряд сандинистов генерала Колиндреса напал на врага в местечке Бельорин. За три часа боя были убиты, по данным сандинистов (несколько завышенным), 36 человек. Сомоса, будущий командующий национальной гвардии (лицо явно предвзятое), утверждал позднее, что ни в одном бою против сандинистов не погибало за один раз более 10 национальных гвардейцев.

18 мая в информационной сводке сандинистской армии еще раз подчеркивалось: «...наша Армия сегодня, как и вчера, убеждена в том, что свобода Никарагуа будет завоевана нами лишь с оружием в руках и только ценой нашей собственной крови. Как и раньше, мы будем силой оружия препятствовать организации избирательного фарса, который готовится в Никарагуа под строгим надзором американцев»²⁴⁹.

Летом сандинисты усилили натиск. 15 июля в районе Сан-Лукас вблизи Окоталя в бою были убиты 30 солдат правительственных войск. 21 июля сандинисты выбили противника из довольно крупного города Кисалайя. В этот же день национальной гвардии было нанесено поражение у Санта-Барбары (район Хинотеги).

На атлантическом побережье колонны повстанцев действовали уже постоянно, а не отходили, как раньше, время от времени на базы в Сеговию. Были

²⁴⁸ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 117.

²⁴⁹ Там же. С. 119–120.

захвачены банановые плантации «Ваккаро», принадлежавшие американцам. Противник, получив подкрепление, попытался перейти в контрнаступление, но был разбит и оставил партизанам обоз включая автомобили. На этот раз не помогла и «работа» американской авиации. Американцы на случай стремительного наступления сандинистов готовили эвакуацию своих соотечественников самолетами-амфибиями.

30 июня в районе Сан-Исидоро опять восстали национальные гвардейцы. На сей раз американского командира лейтенанта Шмирера собственноручно убил другой офицер, никарагуанец. Четыре гвардейца с оружием ушли к партизанам.

В начале октября 1932 года отряд одного из самых толковых генералов сандинистской армии Умансора захватил городок Сан-Франсиско на берегу озера Манагуа в трех часах пути от столицы. В Манагуа началась паника. Американские офицеры пытались за бесценок распродать все свое имущество, особенно недвижимость. Дома, строительство которых обошлось в четыре тысячи долларов, предлагали за двести²⁵⁰. Только с помощью авиации наступление сандинистов на столицу было отбито.

Между тем в Никарагуа под контролем генерала Вудворда разворачивалась предвыборная кампания. Против либерала Сакасы консерваторы опять выставили американскую марионетку Адольфо Диаса, которого ненавидело большинство населения. На пост вице-президента консерваторы выдвинули еще более одиозную личность — Эмилиано Чаморро.

В октябре Чаморро жаловался американскому посланнику, что у консервативной партии вообще нет денег, поэтому она поражена «апатией» и готова отказаться от участия в выборах. Сам Чаморро обратился к богатым гражданам Гранады (традиционного оплота консерваторов) с просьбой внести вклад в избирательную кассу партии и собрал только 100 долларов.

Консерваторы от отчаяния решились на парадоксальный шаг. Прогрессивный сенатор от Леона Лара с ведома Чаморро пытался в Гондурасе наладить контакт с людьми Сандино, чтобы заручиться поддержкой консерваторов со стороны сандинистов. Из этой миссии ничего не вышло²⁵¹.

Американцы хотели образовать в Никарагуа «национальное правительство», то есть добиться фактического слияния либералов и консерваторов (как представителей богатых слоев общества) перед лицом «мужицкого генерала» Сандино. Но из этого плана первоначально ничего не получилось. Американцы признавали, что большинство рядовых либералов относятся к идее даже временного союза с консерваторами резко отрицательно.

Но все же в октябре 1932 года американцы заставили Сакасу и Чаморро подписать соглашение о сотрудничестве консерваторов и либералов в «деле

²⁵⁰ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 105.

²⁵¹ FRUS, 1932 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1932v05/reference/frus.frus1932v05.i0016.pdf>).

поддержания мира» в Никарагуа, то есть против Сандино и его армии. Однако авторитет «генерала свободных людей» был уже столь высок, что и консерваторы, и либералы согласились сразу же после выборов направить к Сандино по одному представителю с целью заключения общенационального мира. Теперь Сандино именовали уже не «бандитом», а «признанным лидером восстания».

Американцы перестраховались, не дав в обиду своих любимых консерваторов. В соглашении между двумя партиями оговаривалось, что независимо от результатов президентских выборов (всем было понятно, что победят либералы) партии поделят между собой ключевые министерства — финансов и иностранных дел.

Стремился остаться у власти и сам Монкада. Он убеждал американцев, что столь бедная страна, как Никарагуа, не может проводить президентские выборы раз в четыре года. Монкада предлагал изменить конституцию и продлить срок президентских полномочий до шести лет²⁵². Даже Вудворд стал склоняться к мысли, что Монкада хочет стать настоящим диктатором. Монкада пугал американцев, что если конституцию Никарагуа оставить в силе, то возникнет новая гражданская война и США снова придется направить в Никарагуа морскую пехоту.

Планы Монкады как нереальные и чреватые обострением обстановки были американцами отвергнуты. Зато было принято решение увеличить численность национальной гвардии на 500 человек — до 2150 солдат и 204 офицеров. Морская пехота США покинула «бандитские районы» под предлогом обеспечения безопасности избирательных участков, и основную тяжесть боев против сандинистов с весны 1932 года несли на своих плечах гвардейцы.

В 1928 году безопасность выборов обеспечивали 4276 морских пехотинца и 1834 гвардейца²⁵³. По оценкам американцев, с тех пор ситуация в области безопасности ничуть не улучшилась. Именно поэтому Ханна просил дополнительно направить в Никарагуа еще 1800 морских пехотинцев — вместо тех пехотных частей, которые были постепенно выведены из страны с 1931 года. В результате было решено послать на никарагуанские выборы дополнительно 2063 солдата и офицера морской пехоты США (до этого на постоянной основе в Никарагуа квартировались примерно 1000 военнослужащих США)²⁵⁴.

Однако у американцев не хватало денег, а отправка 1800 морских пехотинцев Никарагуа обошлась бы в 750 тысяч долларов. Поэтому был разработан «план В», согласно которому главами избирательных участков в «бандитских районах» (42% всех участков — 178 из 432; там проживали примерно 35% зарегистрированных избирателей) становились не американцы, а никарагуанцы. В эти районы американские инспекторы должны были наезжать лишь время

²⁵² FRUS, 1932 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1932v05/reference/frus.frus1932v05.i0016.pdf>).

²⁵³ Ibid.

²⁵⁴ Ibid.

от времени под защитой патрулей национальной гвардии. По «плану В» в Никарагуа можно было бы направить дополнительно только 718 морских пехотинцев, что обошлось бы на 250 тысяч долларов дешевле.

Был и «план С», стоивший 200 тысяч долларов и требовавший всего 643 американских наблюдателя.

Вудворду было приказано организовать выборы «не дороже» 200 тысяч. В госдепартаменте понимали, что конгресс США не даст на отправку в Никарагуа хотя бы одного дополнительного солдата ни цента.

В целом американцы решили переложить все расходы по выборам на никарагуанцев, заявив, что в 1928 году они оказали лишь единовременную помощь. Но и у Монкады лишних денег не было — все они шли на национальную гвардию.

Ситуация в стране осенью 1932 года была такой, что даже на сопровождение членов избирательной комиссии между Манагуа и Матагальпой требовался конвой не менее чем из 50 человек, причем не гвардейцев, а американцев.

В выборах 7 ноября 1932 года приняли участие только 99 тысяч никарагуанцев — то есть треть зарегистрированных избирателей на участки не пришли, тем самым поддержав Сандино. Сакаса набрал на 19 тысяч голосов больше своего соперника и стал президентом.

Сандино выжидал. И тут неожиданно глава 12-й колонны партизан генерал Колиндрес без всякого согласования с командующим провозгласил себя временным президентом Никарагуа. Сандино усмотрел в этом «вражескую руку», то есть попытку расколоть его армию, и приказал немедленно арестовать Колиндреса²⁵⁵. Но тот явился с повинной, и Сандино простил его.

23 ноября 1932 года Софониас Сальватьерра, родственник Сакасы, вскоре после этого назначенный министром сельского хозяйства, направил Сандино письмо от имени либералов и консерваторов, предлагая начать переговоры.

Сандино колебался. В декабре 1932-го он обратился к президенту Сальвадора с просьбой признать образованное повстанцами временное правительство единственной законной властью в Никарагуа, так как выборы, проведенные под охраной американских штыков, нельзя считать легитимными.

Однако признания не последовало, и Сандино, понимая, насколько устали его люди и население от пятилетней войны, согласился на переговоры.

2 января 1933 года последний американский солдат покинул никарагуанскую землю, и в этом смысле армия Сандино одержала полную победу. Согласно официальным данным США, морская пехота потеряла в Никарагуа 91 человека убитыми и 66 ранеными. При этом непосредственно в боях были убиты 32 человека, 24 человека умерли от болезней, 15 — от ран, 24 — погибли по иным причинам (например, 12 морских пехотинцев покончили жизнь самоубийством). Расходы США на войну в Никарагуа превысили 20 миллионов долларов²⁵⁶.

²⁵⁵ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 130–131.

²⁵⁶ Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918–1928. М., 1982. С. 311.

Потери национальной гвардии составили, по ее данным, 75 человек, сандинистов — 1115 (в это число явно включили убитых морскими пехотинцами и гвардейцами мирных жителей)²⁵⁷.

8 января начались переговоры партизан с Сакасой через Сальватьерру. Сандино представил следующий проект соглашения.

1. Глубоко изучить программу Сакасы, чтобы убедиться, что на посту президента он не допустит иностранного вмешательства во внутренние дела страны.
2. Создать на территории бывших партизанских районов новый департамент под названием «Свет и Истина» (в названии чувствуется влияние секты «всеобщей коммуны»).
3. Все гражданские и военные чиновники нового департамента будут назначены из рядов сандинистов. Армия Сандино сохранит в новом департаменте захваченное в боях оружие.
4. Из национальных архивов должны быть изъяты все документы, где действия армии Сандино характеризовались как «бандитские». Деятельность Сандино и его армии специальным декретом должна быть объявлена полностью законной.
5. В мирном договоре должно быть зафиксировано требование сандинистов аннулировать договор Брайана — Чаморро в связи с тем, «что он был заключен правительством, навязанным стране в результате североамериканской интервенции. Армия защитников суверенитета Никарагуа требует, чтобы канал, который предполагается построить на территории Никарагуа, а также морская база в заливе Фонсека, были объявлены достоянием всей Латинской Америки. С этой целью должен быть созван конгресс представителей 21 республики нашей Америки (Латинской Америки — прим. автора) и Соединенных Штатов»²⁵⁸.

23 января 1933 года Сандино и представители Сакасы договорились о прекращении военных действий на две недели для более успешного ведения переговоров. Однако национальная гвардия тут же нарушила перемирие. 24 января гвардейцы атаковали отряд сандинистов в Сарагуаске.

Позиция командования выпестованной американцами гвардии приобрела ключевое значение. Многие офицеры гвардии ненавидели Сандино, как смертельного врага, а сам он, в свою очередь, относился к национальной гвардии как к чуждому Никарагуа и антиконституционному элементу американского влияния.

Это понимали и американцы. Поэтому самым важным вопросом для них была кандидатура командующего гвардией после ухода морской пехоты.

²⁵⁷ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 32.*

²⁵⁸ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 135–137.

20 октября и 3 ноября 1932 года посланник Хана и генерал Мэтьюс направили лидерам либеральной и консервативной партий план по обеспечению политической нейтральности национальной гвардии, согласно которому офицерские должности предполагалось поделить поровну между либералами и консерваторами. Лидеры консерваторов и либералов Диас и Сакаса должны были представить американцам список из 30 имен (по 15 от каждой партии), из которого те, в свою очередь, должны были отобрать офицеров на командные должности в гвардии. После президентских выборов уходящий с поста президента Монкада должен был назначить офицеров из списка победившего кандидата. 5 ноября (накануне выборов) Диас и Сакаса подписали соответствующее соглашение.

Американский подход был более чем странным: обеспечить «неполитический» характер национальной гвардии на основе представленных политическими партиями офицеров. Правда, США оговорились, что соглашение либералов и консерваторов не распространяется на пост командующего.

Монкада предложил кандидатуру заместителя министра иностранных дел Анастасио Сомосы, которого американцы хорошо знали, поэтому они дали свое согласие. До 1933 года Сомоса держался в тени, и его назначение на высший военный пост стало для многих неожиданностью. Некоторые ошибочно видели в Сомосе твердого либерала, участника восстания 1926–1927 годов против консерваторов.

В Вашингтоне не было собственного кандидата на пост командующего гвардией, и там решили довериться мнению Ханна. Тот (вместе с женой) поддержал Сомосу, которого американцы ценили за хорошие светские манеры и знание английского языка. В октябре 1932 года Ханна сообщил в госдепартамент, что считает Сомосу «лучшим человеком в Никарагуа» для такого поста. Американские офицеры в Никарагуа поддержали точку зрения посланника, и в день, когда последний морской пехотинец США покинул страну, Сомоса стал командующим гвардией. Не зря его вскоре прозвали «последним американским морским пехотинцем» в Никарагуа.

Национальная гвардия в начале 1933 года состояла из 4000 человек и имела на вооружении 259 пулеметов, 54 автомата, 23 автоматические и 4474 обычные винтовки. Это была самая большая и хорошо вооруженная армия в Центральной Америке.

Гвардия была политически неоднородной. Например, Сакаса в противовес Сомосе старался установить доверительные отношения с начальником штаба гвардии генералом Густаво Абаунсой. Уже через шесть дней после ухода морской пехоты США в гвардии был раскрыт заговор против Сакасы. Сомоса якобы не имел к нему отношения, однако на самом деле все обстояло с точностью до наоборот. На всякий случай Сакаса объявил в стране 19 января 1933 года осадное положение. Он, сославшись на сложное внутривнутриполитическое положение страны, попросил американского посланника о поставках

оружия в виде помощи или в кредит, но американцы отказались. Они доверяли Сомосе.

Сам Сомоса, считавший Сакасу «безвольным стариком», хотел, опираясь на гвардию, захватить власть в стране, и на этом пути он видел только одно препятствие — Аугусто Сесара Сандино. Сомоса слишком хорошо знал «генерала свободных людей» чтобы понимать — того не удастся нейтрализовать ни деньгами, ни карьерными перспективами. На Сандино попытались воздействовать через жену. Бланка Араус жила в Сан-Рафаэль-дель-Норте и была беременна. Она просила мужа прекратить войну ради нее и будущего ребенка: «Я тебя умоляю сделать все возможное... Я совсем потеряла покой. В то время как я тебе пишу, мне сообщили, что в Сарагуаске слышны взрывы бомб... Знаешь, если мы не договоримся, я буду первой жертвой»²⁵⁹.

Сандино принял рискованное решение — отправиться в Манагуа на переговоры лично с Сакасой. Его отговаривали от этого почти все соратники. В звании по армии от 1 февраля 1933 года Сандино отметил, что в случае провала переговоров (перемирие действовало еще пять дней) его армия продолжит борьбу. «Если после 5 февраля Вы не получите от меня никаких сообщений, то это будет верным признаком того, что я мертв», — писал Сандино исполняющему обязанности командующего во время его Эсколастикю Ларе²⁶⁰.

Своим солдатам Сандино сказал, что покончит с собой, если Сакаса арестует его. «Пусть меня назовут предателем и плюнут мне в лицо, если я этого не сделаю»²⁶¹.

Риск срыва мирных переговоров был велик. По сведениям Сальватьерры, против мира с Сандино выступал не только Сомоса вместе с командованием национальной гвардии, но и влиятельные круги обеих «исторических» партий, а также крупные предприниматели, пострадавшие от реквизиций.

2 февраля 1933 года Сандино на самолете прибыл в Манагуа. Загорелый, в форме цвета хаки, с красным шарфом, в высоких сапогах и широкополой шляпе, с автоматическим пистолетом 45-го калибра и патронами на поясе, он произвел на столичную элиту сильное впечатление²⁶².

Сандино встречал командующий национальной гвардией Сомоса, пригласивший генерала в свой автомобиль. Генерал обнял Сомосу, заявив: «Теперь мы все братья. Я привез вам мир».

В президентском дворце Сандино ждал улыбающийся Сакаса, так же дружески обнявший «бандита». В этот же день был подписан мирный протокол, который, конечно, нельзя назвать победой Сандино. Согласно этому документу никакого отдельного департамента под управлением сандинистов не создавалось. Всем бойцам армии Сандино, которые сложат оружие в теч-

²⁵⁹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 112.

²⁶⁰ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 139.

²⁶¹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 113.

²⁶² Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 551.

ние 15 дней, объявлялась амнистия — это подразумевало, что все же они были в чем-то виноваты.

Всем желающим бывшим бойцам армии Сандино выделялись для поселения пустующие земли в бассейне реки Коко или в Сеговии, но лишь при условии, что эта местность будет располагаться не менее чем в 10 километрах от ближайшего поселка. Сандино оставляли мизерную вооруженную охрану в 100 человек сроком на один год с возможностью его продления по усмотрению правительства.

Эти силы получили название чрезвычайного отряда и должны были подчиняться президенту, а в оперативном отношении — национальной гвардии. Возглавил формирование сандинистский генерал Эстрада. Отряд был вооружен 10 пулеметами, 90 винтовками (3129 патронов). Сам Сандино никакого поста (ни военного, ни гражданского) не занимал, как и обещал своим солдатам в начале борьбы.

Примечательно, что «верховного директора» (так назывался высший командный пост в национальной гвардии) Сомосу, по его собственным словам, «практически исключили» из процесса мирных переговоров с Сандино²⁶³.

Для того чтобы прокормить вооруженный отряд, в районе Вивили был создан «Кооператив реки Коко», где бывшие сандинисты выращивали различные сельскохозяйственные культуры, например, зерновые. В противном случае чрезвычайный отряд Сандино просто умер бы с голода, ведь каждый боец получал в виде жалованья от правительства только 10,5 кордобы в месяц, а офицер — 20.

Пунктом разоружения сандинистов назначался город Сан-Рафаэль-дель-Норте. К 22 февраля 1933 года сандинисты сдали уполномоченному правительству Сальватьерре 337 винтовок разных марок, два пулемета и 16 автоматов, а также примерно 3000 патронов²⁶⁴. Часть сданного оружия была возвращена для вооружения «чрезвычайных сил». Так как из лесов и с гор вышли около 1800 партизан, то национальная гвардия подозревала, что какое-то количество оружия было припрятано до лучших времен.

Таким образом, Сакаса отказался признать законный и освободительный характер борьбы сандинистов. К ним отнеслись как к раскаявшимся преступникам.

Тем не менее Сандино неукоснительно соблюдал условия соглашения, и к 22 февраля 1933 года сдача оружия была закончена. Примерно 4 тысячи бывших сандинистов получили специальные грамоты, гарантировавшие им полную свободу от любого наказания.

С протестом против амнистии сандинистам выступило посольство Великобритании, указавшее на то, что от рук партизан пострадали подданные Его величества.

²⁶³ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 569.

²⁶⁴ Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 31.

Сандинисты в бассейне реки Коко пытались начать промышленную добычу золота и заготовку древесины и смолы на экспорт. Однако правительство не дало им кредит в 100 тысяч кордоб, аргументируя это тем, что за границей ни древесина, ни смола никому не нужны.

Многие сторонники Сандино, в том числе и за пределами Никарагуа, считали, что генерал совершил непростительную ошибку, доверившись Сакасе. Например, Боланьос назвал Сандино мальчишкой²⁶⁵.

Однако сам Сандино отнюдь не намеревался уходить из политики, тем более что мир был в основном на бумаге. Части национальной гвардии окружили район сандинистского кооператива пулеметами. Вскоре начались аресты бывших сандинистов под самыми различными предлогами (например, «нарушение общественного спокойствия»). Некоторых арестованных убивали «при попытке к бегству». Однако Сандино призывал своих людей не поддаваться на провокации. Он понимал, что Сомоса хочет рассорить его с Сакасой, чтобы избавиться от них обоих и самому стать президентом Никарагуа. Поэтому в переписке с Сакасой Сандино не раз заявлял, что президент в полной мере может положиться на его бойцов в случае внутривнутриполитических осложнений.

24 мая 1933 года Сандино писал командующему «чрезвычайными силами» генералу Эстраде: «Дорогой брат! Национальная гвардия является врагом правительства и нашим врагом, так как ее статус противоречит законам и конституции республики... Эта гвардия, по сути дела, ставит себя выше правительства, вот в чем причина того, что во многих случаях приказы президента не выполняются»²⁶⁶.

Сам генерал вместе с Эсколастиком Ларой и своим бывшим представителем в Мексике Сепедой был занят формированием новой политической партии, которая получила название автономистской, то есть независимой. Сандино правильно рассудил, что большинство никарагуанцев уже не видят разницы между консерваторами и либералами, послушно выполняющими американские указания. Люди стремились увидеть свежую политическую силу, незапятнанную сотрудничеством с оккупантами. Сандино был готов возглавить такую партию.

Генерал говорил, что она должна опираться на рабочих, крестьян и студентов. Такой социальный состав, естественно, предполагал, что партия будет левой.

Всем в Никарагуа было понятно, что Сандино имеет все шансы стать при условии свободных выборов президентом страны.

Разумеется, принадлежавшие олигархам никарагуанские газеты стали травить Сандино, называя его варваром и «рациональным коммунистом».

20 мая 1933 года Сандино прибыл в Манагуа и на следующий день встретился со многими ведущими политиками, чтобы обсудить возможность орга-

²⁶⁵ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 144.

²⁶⁶ Там же. С. 146.

низации новой партии. Однако Сакаса воспринял это как покушение на его полномочия, и Сандино решил не ссориться с президентом и отказаться от идеи создания партии. Он по-прежнему видел в Сакасе союзника в неизбежном противостоянии с национальной гвардией.

Но полностью от идеи организации собственной политической силы Сандино не отказался. Он писал Ларе: «Я согласен с тем, что нет смысла продолжать попытки создания в Никарагуа третьей партии, и с тем, что необходимо ограничиться сохранением сандинизма со всем его высоким авторитетом, ведь он может стать решающим фактором в судьбах нации при первой же возможности, которая представится...»²⁶⁷

Сандино понимал, что Сомоса вскоре попытается отстранить Сакасу от власти и тогда президенту не останется ничего иного, как опереться на сандинистов.

2 июня 1933 года Сандино постигло тяжкое горе — во время родов умерла его любимая жена. Сандино ждал сына, но на свет появилась дочка, которую назвали в честь матери и партизанского края Бланкой Сеговией.

Сомоса между тем решил, что настало время вызвать Сандино на открытую борьбу, чтобы покончить с ним раз и навсегда.

1 августа 1933 года в 21:30 в Манагуа во время народного праздника взлетел на воздух от сильнейшего взрыва арсенал национальной гвардии. Сомоса немедленно расценил взрыв как неудавшееся покушение на собственную персону — ведь он посещал арсенал 31 июля²⁶⁸. Однако бросается в глаза, что взрыв произошел поздно вечером и от него не пострадал ни один национальный гвардеец, потому что в арсенале в тот момент никого не было. Сандинисты были опытными подрывниками и легко могли бы взорвать объект вместе с его гарнизоном.

Сакаса объявил в Манагуа военное положение и стал вооружать своих сторонников из рядов либералов. Только в столице были арестованы около двухсот сторонников консерваторов.

Взрыв арсенала произошел и в Леоне — самом прогрессивно настроенном городе страны. Должно было создаться впечатление (так, по крайней мере, хотел Сомоса), что сандинисты и их сторонники подрывают стабильность в стране.

7 августа Сандино отправил Сакасе телеграмму, в которой информировал, что поставил под ружье для возможной защиты президента 600 человек²⁶⁹. Сандино предполагал, что Сомоса немедленно обвинит партизан в нарушении соглашений февраля 1933 года о сдаче оружия. Поэтому генерал подчеркнул, что 500 винтовок, которые он раздал своим людям, принадлежат гондурасским революционерам.

²⁶⁷ Идейное наследие Сандино, .М., 1982. С. 147–148.

²⁶⁸ *Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 640–641.*

²⁶⁹ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 146.

Сакаса выразил Сандино благодарность и просил «чрезвычайные силы» быть в полной боевой готовности. Сомоса же понял, что у сандинистов есть большие запасы оружия в джунглях на гондурасской границе и в самом Гондурасе, и врасплох их застать не удастся. Глава национальной гвардии предупредил президента, что гвардия не потерпит вооружения сандинистов. В качестве угрожающего жеста штаб-квартира гвардии была окружена пулеметами.

Именно после августа 1933 года Сомоса окончательно решил физически ликвидировать Сандино как основное препятствие на своем пути к власти. В сентябре 1933 года Сакаса продлил военное положение на неопределенный срок. Американский посланник Ханна считал, что перспективы Сакасы остаться у власти весьма призрачны.

Уничтожение партизанского вождя было намечено на февраль 1934 года. Сомоса надеялся, что по истечении года с момента подписания мирного соглашения Сакаса распустит «чрезвычайные силы» сандинистов.

Сам Сандино прекрасно сознавал, что ему грозит опасность. Он готовился уехать из Никарагуа для того, чтобы развернуть за границей пропаганду в защиту своего дела: «...прежде всего, я с фактами в руках попытаюсь разоблачить ту изощренную клевету, которую на нас обрушили. Но если говорить правду, то те, кто нападает на меня, не сомневаются в моей искренности, они стремятся только к тому, чтобы заставить нас принять точку зрения, с которой мы не согласны...»²⁷⁰

Были у Сандино и более далеко идущие планы. Он начал думать о воссоздании центральноамериканского союза и даже разработал Устав Автономистской армии Центральной Америки, в которой он отводил себе пост верховного главнокомандующего. Цветами новой армии должны были стать красный и черный, официальным приветствием между солдатами и офицерами — слова «мой дорогой брат».

Столица новой центральноамериканской федерации, по замыслу Сандино, должна была находиться в Гондурасе. Во главе государства должен был стоять президент, но поста вице-президента Сандино не предусматривал.

В союзном правительстве пост министра образования закреплялся за Гватемалой (где было больше всего учителей), сальвадорец должен был стать министром обороны (так как именно граждан этой страны Сандино считал самыми лучшими солдатами в Центральной Америке). Коста-Рика как самая богатая страна должна была отвечать за финансы, Никарагуа — за внешние связи²⁷¹.

Сомоса тем временем не оставлял попыток поссорить Сандино с Сакасой. Он пытался установить непрямой контакт с Сандино через одного бывшего лейтенанта партизанской армии, намекая тому, что Сомоса и Сандино как два

²⁷⁰ Идейное наследие Сандино. М. 1982. С. 147.

²⁷¹ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 646–647.

самых сильных человека в Никарагуа могут объединиться «против старика Сакасы, который разорвет страну»²⁷².

Но Сандино решительно отказался вести какие-либо разговоры на эту тему.

Сакаса тоже стал понимать, от кого исходит реальная опасность. В декабре 1933 года он встретился в Манагуа с Сандино и согласился создать в районе расположения кооператива сандинистов специальные органы власти во главе с бывшими партизанами. Сандино предложил Сакасе и переформировать национальную гвардию, включив в ее состав (в том числе командный) бывших санднистов.

Сомоса понял, что ни о каком разоружении сандинистов после февраля 1934 года речи не идет, а вот он может лишиться своего поста в самое ближайшее время. Тогда командующий национальной гвардии решился на очередную провокацию. Он сообщил Сакасе, что Сепеда, представитель Сандино, якобы пришел к нему в штаб-квартиру национальной гвардии и в присутствии брата жены Сомосы (явно более чем предвзятый свидетель) предложил помощь Сандино в свержении Сакасы²⁷³. По этой версии, пост президента предлагался Сомосе. Если учесть отношение Сандино к национальной гвардии, то такое предложение с его стороны было бы абсурдом. Не поверил в это и Сакаса.

Сначала Сомоса воодушевился, когда брат президента Федерико передал ему указание быть готовым к принятию мер «против предателя Сандино». Но уже на следующий день Сомоса с негодованием увидел, как Сакаса дружески беседует с Сепедой в президентском дворце.

Сакаса видел в Сандино необходимый противовес национальной гвардии Сомосы. Еще в марте 1933 года президент внес законопроект о сокращении ассигнований на национальную гвардию, на которую выделяли миллион из 2,8 миллиона долларов доходной части бюджета в 1932-м. К июню 1932 года на гвардию тратили в месяц уже не 100 тысяч, а только 75 тысяч долларов. Посланник США в Манагуа отмечал, что высокомерное и презрительное отношение гвардейцев к гражданскому населению делает создание вооруженной оппозиции лишь вопросом времени. Было ясно, что основой такой оппозиции могут стать только бывшие бойцы армии Сандино. Сакаса получил от парламента полномочия на дальнейшее сокращение расходов, что совпало с манифестом Сандино, в котором говорилось о неконституционности самой гвардии. Сакаса и Сандино явно становились союзниками.

Это понимал и Сомоса, который в конце 1933 года перешел к реализации плана физического устранения Сандино. Для получения необходимых средств Сомоса обратился в контролируемый американцами Национальный банк и получил оттуда 25 тысяч долларов.

²⁷² Гонионский С.А. Сандино. М., 196., С.119.

²⁷³ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P.67.

Вице-президент Эспиноса сообщил сотруднику посольства США Дэниелсу, что в стране готовится военный переворот с целью отстранения Сакасы от власти. Об этом же информировал Мехико и мексиканский посланник из Манагуа. Правда, у американцев были сведения, что и сам Эспиноса вовлечен в заговор против президента.

В январе 1934 года в официальном органе национальной гвардии «Гуардиа Насьональ» появилась статья Сомосы. В ней говорилось о невозможности продолжения существования «государства в государстве», как Сомоса окрестил район расположения «чрезвычайных сил» сандинистов²⁷⁴. Примечательно, что, требуя разоружения сандинистов, Сомоса ссылаясь на мнение иностранного и отечественного капитала, который, дескать, напуган продолжающимся сохранением влияния Сандино в стране. Сандино предлагалось положиться на охрану национальной гвардии, распустить «чрезвычайные силы» и заняться сельским хозяйством.

Это было последнее предупреждение Сомосы «генералу свободных людей».

Сандино, однако, не испугался, а наоборот, решил перейти в политическое контрнаступление. 14 и 15 февраля 1934 года у генерала состоялось несколько бесед с Сальватьеррой. Сандино жаловался, что национальная гвардия стягивает вокруг сандинистского района Вивили кольцо окружения. Неужели это делается с ведома Сакасы? Сальватьерра это решительно отрицал, убеждая, что Сакаса занимает по отношению к Сандино лояльную позицию. Сандино заявил, что Сомоса мечтает его уничтожить, чтобы самому стать хозяином в стране. Но Сомоса всего лишь чиновник, и если отправить его в отставку, о нем все забудут. Он же, Сандино, — народный вождь, и по его зову вокруг него соберутся тысячи людей²⁷⁵.

Сандино решил снова поехать в Манагуа для беседы с Сакасой, чтобы убедить президента в своей верности и рассказать ему об интригах Сомосы.

Утром 16 февраля Сандино в сопровождении своих лучших генералов Эстрады и Умансора, а также брата Сократеса прибыл в Манагуа. Генерал остановился в доме Сальватьерры. Он был немедленно и радушно принят Сакасой, который обещал сандинистам обезопасить их от любых преследований национальной гвардии. 17 февраля обменялись визитами вежливости и Сандино с Сомосой.

19 февраля Сандино, все еще находясь в Манагуа, отправил Сакасе письмо, в котором говорил о неконституционности существования национальной гвардии: «Я понимаю Ваше горячее стремление поставить жизнь страны под контроль законов, но здесь есть одно препятствие, выражающееся в существовании двух армий — национальной гвардии с ее антиконституционным уставом и чрезвычайных сил, которыми Вы располагаете в районе реки Коко,

²⁷⁴ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 680.

²⁷⁵ Голюнский С. А. Сандино. М., 1965. С. 120.

под командованием генералов Франсиско Эстрады и Хуана Сантоса Моралеса. Наши войска носят конституционный характер с того самого момента, как они созданы Вами — президентом республики и верховным главнокомандующим». Сандино предлагал Сакасе помощь в «приведении статуса национальной гвардии в соответствие с требованиями конституции республики»: «...я окажу все свое влияние на людей из моей Армии, чтобы обеспечить Вам полную поддержку в ваших благородных начинаниях»²⁷⁶.

20 февраля Сакаса ответил, что, несмотря на некоторые расхождения в оценке ситуации, он согласен с Сандино в необходимости улучшения работы национальной гвардии. Президент, к возмущению Сомосы, согласился назначить специальным делегатом правительства в четырех департаментах Сеговии соратника Сандино Портокарреро, что означало потерю национальной гвардией контроля над Сеговией. Портокарреро получал в свои руки командование и над национальной гвардией в этом районе.

Сомоса немедленно отправился с протестом к президенту. Сомоса говорил Сакасе, что Сандино фактически становится командующим национальной гвардией на севере страны, с чем он, Сомоса, смириться не может. Но Сакаса защищал свое решение и, потеряв терпение, Сомоса схватил свою шляпу и уже в дверях пригрозил, что снимает с себя ответственность за возможные события²⁷⁷.

Сомоса в этой непростой для себя обстановке решил опереться на американцев. 17 февраля командующий национальной гвардией провел несколько часов в миссии США, беседуя с новым посланником Лейном. На следующий день Сомоса и Лейн вместе смотрели бейсбольный матч (Сомоса был горячим поклонником американского образа жизни, в том числе и бейсбола) между командами «Генерал Сомоса» и «Манагуа». Этим Сомоса демонстрировал Сакасе, что американцы на его стороне.

18 февраля 1934 года в президентском дворце был устроен пышный обед. Сандино с его отцом доном Грегорио заметили, что руки Сомосы сильно дрожали. Трижды Сандино спрашивал своего отца, чтобы это значило. Сомоса встал и ушел задолго до окончания банкета.

21 февраля переписка Сандино и Сакасы была опубликована в никарагуанских газетах. Общественное мнение страны поняло, что Сакаса — на стороне «генерала свободных людей» в его противостоянии с Сомосой.

Ободренный Сандино заявил в интервью: «Я не сдам оружие национальной гвардии, поскольку ее устав и действия антиконституционны... Уже убиты семнадцать наших товарищей, тюрьмы Лас-Сеговиас заполнены сандинистами... Пусть национальная гвардия будет преобразована согласно конституции, и тогда я со своими парнями подчинюсь и сам доставлю оружие в назначенное

²⁷⁶ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 148–149.

²⁷⁷ Somoza A. G. El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007. P. 694–695.

место... Дело в том, что у нас даже не два, а три государства: силы президента республики, национальная гвардия и моя Армия. Все это тем более абсурдно, что гвардия не подчиняется президенту, а я — подчиняюсь»²⁷⁸.

В 17:00 21 февраля Сандино вместе с отцом, генералами Эстрадой и Умансором прибыл в президентский дворец с прощальным визитом. Сандино был в хорошем настроении, много шутил, рассказывал эпизоды из партизанской войны. Он говорил, что намеревается после отъезда из Манагуа посетить свои родные места. Рассказывал Сандино и о залежах золота, которые его люди открыли в бассейне реки Коко. Примерно в 22:00 Сандино и его спутники покинули дворец Сакасы, чтобы отправиться в свою резиденцию — дом Сальватьерры.

Но еще до того, как Сандино отправился на ужин к президенту, около полудня, Сомоса присутствовал на «интимном завтраке» с посланником США Лейном. Примечательно, что Сомосу сопровождал лютей враг Сандино — бывший президент Монкада, который после отставки уединенно жил в своей резиденции в Месатепе. В 15:00 Сомоса уехал из американской дипмиссии, прибыл в штаб-квартиру национальной гвардии «Марсово поле» и приказал назначить на 19:00 экстренное совещание командного состава.

Однако через час Сомоса вновь появился в американской миссии и опять вел с Лейном переговоры, на которых присутствовал сотрудник миссии США Пол Дэниэлс. Операция по физическому устранению Сандино была окончательно согласована.

В 19:30 Сомоса появился на «Марсовом поле» и сообщил командному составу национальной гвардии, что Вашингтон «настаивает на ликвидации Сандино». Однако брать на себя личную ответственность за убийство Сомоса побоялся и собственноручно написал на листке бумаги «приговор» Сандино, заставив всех присутствующих подписать этот «документ».

15 национальных гвардейцев во главе с майором Дельгадильо были направлены в форт Эль Ормигери, находившийся недалеко от президентского дворца. Между тем Сандино, его отец, брат Сократес, Сальватьерра и генералы Эстрада и Умансор сели в машину и отъехали от президентского дворца. Но уже через несколько десятков метров им преградил дорогу грузовик, водитель которого, переодетый сержант национальной гвардии Каналес, якобы был занят устранением поломки. Он закричал: «Это они!» Эстрада и Умансор выхватили пистолеты, но в этот момент машину Сандино окружили солдаты Дельгадильо и приказали все пассажирам сдать оружие.

Сандино и его спутники подчинились, причем Сандино все еще надеялся, что речь идет о каком-то недоразумении. К тому же в момент ареста рядом остановился автомобиль дочери Сакасы Маруки, которая возмущенно воскликнула: «Что вы делаете? Генерал только что ужинал с моим отцом!» Сан-

²⁷⁸ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 149–151.

дино был уверен, что Марука немедленно отправится в президентский дворец и расскажет обо все Сакасе.

В форте Эль-Ормигиро под дулом пулемета Сандино потребовал, чтобы его связали с Сомосой. Однако последнего «не удалось найти». Сомоса в этот момент был на вечере поэзии в офицерском клубе национальной гвардии, где внимал стихам поэтессы Зоилы Росы Карденас.

Только теперь Сандино понял, что его ждет. Он воскликнул, обращаясь к национальным гвардейцам: «Что все это значит? Ведь мы братья! Мы заключили мир и стараемся возродить нашу страну, трудиться на благо народа. Я воевал только за то, чтобы Никарагуа была свободной»²⁷⁹.

Но на вымуштрованных американцами национальных гвардейцев слова «генерала свободных людей» не произвели никакого впечатления. Вскоре прибыл еще взвод солдат, и Сандино, Эстраде и Умансору было приказано следовать за ними. Трех генералов поместили в грузовик и отвезли в военный лагерь Ларрейнага в семи километрах от Манагуа. Там один из офицеров национальной гвардии потянулся к кошельку Сандино, но тот его оттолкнул. Сандино попросил воды, но ему отказали. Эстрада сказал своему вождю: «Генерал, разве ты не видишь, это не люди, а звери. Не надо у них ничего просить. Скажи, пусть скорее убивают».

Между тем Марука сообщила Сакасе об аресте Сандино, и тот связался с миссией США, чтобы помешать казни. Но американцы отнюдь не желали спасти ненавистного им Сандино, хотя и обещали Сакасе предпринять все необходимые меры.

Трех генералов расстреляли из пулемета примерно в 11 часов вечера. Последними словами Сандино были: «Политиканы... предатели». Капитан Карлос Теллера подошел к умирающему Сандино и выстрелил ему в лицо, после этого национальные гвардейцы обшарили карманы убитых, забрав деньги, кольца, цепочки и ордена. Трупы раздели догола, одежду сожгли, а изуродованные до неузнаваемости тела бросили в колодезь. После этого командовавший расстрелом лейтенант Монтеррей отвез участников казни в ближайшую рощу и расстрелял их из пулемета.

На следующий день национальная гвардия напала на кооператив сандинистов у реки Коко и в течение месяца зверски убила более трехсот человек.

Сомоса торжествовал победу. Он не знал, что его самого в 1956 году достигнет пуля патриота, а в свое время именем Сандино назовут главный аэропорт Манагуа и поставят «генералу свободных людей» памятники по всей стране.

²⁷⁹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 125.

Глава 3 **Диктатура клана Сомосы и сандинистская революция: Никарагуа в 1934–1979 годах**

21 февраля 1934 года Сомоса не ограничился убийством самого Сандино и двух самых толковых его генералов. Отряд национальной гвардии атаковал и дом Сальватьерры, где находились брат Сандино Сократес и полковник армии сандинистов Лопес. Возникла перестрелка, в ходе которой Сократес был убит, а Лопес — ранен в ногу, но сумел скрыться¹. Во втором часу ночи в казарму пятой роты национальной гвардии без каких-либо проблем приехал американский посланник Лейн, который «уговорил» отпустить Сальватьерру и отца Сандино. Лейн потом хвалился, что спас их от неминуемой гибели. Из американской миссии Пол Дэниэлс отвез Грегорио Сандино и Сальватьерру к Сакасе, который хотел услышать о происшествии от очевидцев.

На следующий день сводная сестра Сандино Америка и ее племянница Амелия Альфаро пришли в американскую миссию и в штаб национальной гвардии. Женщины просили отдать им для погребения тело Сандино, но их никто не хотел и слушать.

Сакаса публично резко осудил убийство Сандино и потребовал полного расследования и установления виновных. Больше всего его возмутило то, что были нарушены гарантии безопасности Сандино данные им, Сакасой, лично как президентом республики. Формально к этому требованию присоединился и Сомоса. Однако командующий национальной гвардией уже видел себя президентом и Сакасу всерьез не воспринимал. На стороне Сомосы были теперь единственная вооруженная сила в стране — национальная гвардия — и страна, которая эту силу создала. Наконец, убийству Сандино октрыто аплодировали крупная олигархия и бизнесмены Никарагуа.

Злодейское и подлое убийство «генерала свободных людей» вызвало волну осуждения в Латинской Америке, США, да и в Европе. В центральноамериканских странах во многих местах в знак траура были приспущены национальные флаги. Один из американских солдат, воевавший против Сандино, напи-

¹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 127.

сал отцу генерала письмо: «Я только что узнал о смерти Ваших детей Аугусто и Сократеса. Позвольте мне выразить Вам самое искреннее сочувствие. Хотя генерала даже некоторые его соотечественники называли бандитом, мы, морские пехотинцы, воевавшие против него, восхищались его военным талантом. Республика Никарагуа потеряла выдающегося вождя, воина и патриота. Пусть его имя навсегда останется в сердцах его сограждан!»²

Уже 25 февраля 1934 года в президентском дворце был устроен роскошный прием в честь «национальной гвардии» и ее «верховного директора». В присутствии дипломатического корпуса Сакаса хвалил Сомосу как «национального героя». Но престарелый президент понимал, что после Сандино на очереди он сам.

И Сакаса, и Сомоса стремились заручиться поддержкой Вашингтона и продвинуть на ключевые посты в национальной гвардии лично преданных им людей. Но Сакаса, в отличие от жесткого и беспринципного Сомосы, был политиком старого салонного типа. Он мог произносить пышные речи и принимать верительные грамоты. Однако к борьбе не на жизнь, а на смерть с готовым на все выскочкой он готов не был.

Первая открытая схватка между Сомосой и Сакасой произошла 25 мая 1934 года в никарагуанском конгрессе, где у обоих были свои люди. Один из консервативных депутатов предложил отменить в стране осадное положение, так как Сомоса и национальная гвардия полностью умиротворили страну. Сакаса, напротив, предложил продлить осадное положение и внес в конгресс соответствующий законопроект. Депутат-консерватор специально подчеркнул, что говорил с Сомосой и выражает его позицию. Несколько либеральных депутатов заявили, что мнение президента важнее точки зрения Сомосы. Законопроект Сакасы был отвергнут большинством в 27 голосов против 15. Последовали жаркие дебаты, в ходе которых некоторые либералы обвинили консерваторов в том, что они готовят диктатуру Сомосы³.

Всей страна впервые публично продемонстрировали, кто является настоящим хозяином Никарагуа.

21 июня олигархия консервативной Гранады чествовала на банкете Сомосу, который заявил: «Единственный способ покончить с преступлениями заключался в ликвидации генерала Сандино и сандинистов. В районе Сеговии бандиты разрушали дома, грабили, убивали. Национальная гвардия не могла равнодушно взирать на эти преступления. Мне, начальнику гвардии, удалось ликвидировать виновных в актах бандитизма. Наступил момент, когда я был вынужден решить назревшую проблему, я это сделал и не пытаюсь уйти от ответственности».

² Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 131–132.

³ Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 34.

Заявление Сомосы напечатали все газеты, и это стало публичной пощечиной Сакасе, который формально искал виновных в убийстве Сандино и его соратников. Но 25 августа голосами и либералов, и консерваторов никарагуанский конгресс принял решение о полной амнистии всех замешанных в злодейском преступлении (в «февральских событиях» на языке парламентариев). За амнистию высказались 33 депутата, против — только четыре. Напрасно Сакаса убеждал депутатов, что юридически неверно объявлять амнистию, если еще даже не установлены виновные. Но один из депутатов-либералов Карлос Пасос возразил, что раз в феврале 1933 года были амнистированы сами «бандиты», то почему бы не амнистировать тех, кто этих «бандитов» убил.

Консервативная партия в ходе дебатов заявила, что соглашение с Сандино было «аморальным» (хотя представитель партии его подписал). И вообще этим соглашением с Сандино был заключен не мир, а всего лишь перемирие. Тем более, говорили консерваторы, если уж судить виновных, то следует признать, что виновата вся национальная гвардия и ее следует распустить (что и предлагал в свое время Сандино). Но это, мол, ввергнет страну в хаос, из которого она и так еле выбралась.

Напрасно один из депутатов-либералов убеждал коллег одуматься, пока не поздно. Ведь если национальная гвардия убила Сандино и тем самым нарушила закон конгресса об амнистии, что помешает ей в будущем убить любого другого человека?

Сакаса и его правительство наложили на закон об амнистии вето, но оно было преодолено конгрессом.

Интересно, что незадолго до появления закона об амнистии, в июле 1934 года, Сомоса «раскрыл» заговор с целью собственного убийства⁴. Шеф национальной гвардии намекал, что за заговором стоит президент республики. В таких напряженных условиях депутаты конгресса предпочитали с Сомосой не ссориться — это было опасно для жизни.

Сомоса в 1934–1935 годах усиленно продвигал на ключевые посты в национальной гвардии своих людей. Постепенно в руках президента остались лишь небольшая президентская гвардия и форт в твердыне либералов — Леоне, которым командовал родственник Сакасы.

На сторону Сомосы постепенно перешел и крупный бизнес. Он был крайне недоволен экономической политикой Сакасы, хотя ее, собственно, диктовали американцы. Именно банкирам из США принадлежал Национальный (эмиссионный) банк Никарагуа, который выпускал кордобы и менял их на валюту. Биржи в стране не было, и от хозяев Национального банка зависело, дать тому или иному бизнесмену доллары или нет. Вся экономика Никарагуа была завязана на экспорт (прежде всего кофе), и без коммерческих кредитов в долларах внешняя торговля постоянно находилась под угрозой краха.

⁴ *Staten C.L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P.49.*

Американские же хозяева Национального банка выпускали в обращение столько кордоб, сколько у банка было долларов (курс никарагуанской валюты к американской был один к одному). Но так как экспорт кофе в условиях мирового экономического кризиса 1929–1933 годов упал, долларов в страну попадало мало. К тому же американские акционеры Национального банка (сами держатели облигаций никарагуанского долга) сразу же переводили валюту за рубеж (фактически самим себе) в счет погашения долга.

Госсекретарь США Стимсон с удовлетворением констатировал, что в начале 30-х годов долг Никарагуа составлял «всего» 4,6 миллиона долларов, в то время как долг Сальвадора — 22 миллиона, Гондураса — 13,5 миллиона, Гватемалы — 21 миллион, Коста-Рики — 21,6 миллиона⁵. Но гражданская война 1926–1927 годов, фактически спровоцированная политикой США, привела к тому, что местные и иностранные (главным образом американские) капиталисты выдвинули правительству претензий на 19 772 933 доллара. Смешанная американо-никарагуанская комиссия поначалу удовлетворила претензии только на 1 286 526 долларов, но фактически было выплачено 165 593 доллара. В целом же комиссия собиралась выплатить «пострадавшим» около 2,7 миллиона долларов — естественно, за счет Никарагуа. Американцы с такой «скидкой» мирились, так как все деньги уходили на борьбу с Сандино, в случае победы которого они вообще не получили бы ни цента.

Отсутствие в Никарагуа достаточного количества денег в обращении вело к резкому росту процентных ставок по кредитам и вгоняло в банкротство мелких и средних производителей, которым такие проценты были не по силам.

В условиях жесткого кризиса экспорта правильной политикой было бы девальвировать кордобу, чтобы сделать никарагуанский кофе более доступным для иностранных импортеров. Но американцы были против девальвации, якобы стремясь не допустить инфляции. Заметим, что это была политика классического «валютного совета» (*surgency board*), которая привела к банкротству Аргентину в 2001 году и едва не была введена в России осенью 1998 года.

Никарагуа при американском протекторате 1910–1933 годов исправно платила по внешнему долгу, но только потому, что практически ничего не инвестировала в развитие страны.

Сакаса был врачом по образованию и в экономике разбирался слабо. К тому же он, будучи либералом классического толка, считал, что власти не должны вмешиваться в экономическую жизнь. Да и бизнесменов-нуворишей выходец из старейшего никарагуанского «элитного» рода презирал. Он не понимал, что пришло время, когда пропуском во власть становится не происхождение, а крупный капитал.

Зато это прекрасно понимал Сомоса, ценивший личное благополучие выше любых политических принципов. Если Сакаса не отреагировал на просьбу Тор-

⁵ *Stimson H. American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy. Princeton, 1991. P. 136.*

говой палаты Манагуа (предпринимательского лобби) о личной встрече с целью обсуждения изменений в валютно-финансовой политике, то Сомоса старательно обхаживал бизнесменов, обещая в случае прихода к власти смягчить валютную политику⁶.

Протекторат и финансовый диктат США привели к тому, что Никарагуа стала самой слабо развитой в промышленном отношении страной не только Латинской, но и Центральной Америки. Так как страна фактически зависела от экспорта только одного товара — кофе, Великая депрессия 1929 года ударила по ней особенно сильно.

Американские инвестиции в Никарагуа в первой половине 30-х годов равнялись примерно 15 миллионам долларов, что было меньше, чем во всех остальных латиноамериканских странах, за исключением Эквадора и Парагвая. Это было менее 0,3% всех американских капиталовложений в Латинскую Америку. Однако для Никарагуа сумма была очень большой. К тому же именно американский капитал и представлял собой фактически всю рудиментарную промышленность Никарагуа.

13 миллионов долларов американских инвестиций было сосредоточено в Москитии — добыча золота, заготовка древесины, банановые плантации. Там у американских компаний были собственные портовые сооружения и железные дороги. В западной части Никарагуа американцы вложили только 2 миллиона долларов — в плантации кофе, хлопка и коммунальное хозяйство Манагуа.

Начиная с 1929 года американские инвестиции в аграрный сектор Никарагуа сильно сокращались: с 11,3 миллиона долларов в 1929 году до 2,4 миллиона долларов в 1935-м.

И до кризиса 1929 года никарагуанская промышленность находилась в эмбриональном состоянии, произведя в 1928 году товаров на 7 миллионов долларов (в ценах 1970 года), или 10 долларов на душу населения. Такие показатели были сравнимы с Гондурасом, но сильно уступали Коста-Рике — там на душу населения производили промышленной продукции на 20 долларов. Доля промышленности в ВВП Никарагуа составляла только 5% (в Коста-Рике — 9%, в Мексике — 11,8%)⁷.

В Никарагуа не было крупных промышленных предприятий. Большинство товаров производилось ремесленниками, но подавляющая часть готовой продукции импортировалась. Для импорта же была необходима валюта, поступление которой из-за кризиса 1929 года и жесткого американского финансового диктата резко упало. Никарагуанцев спасало только то, что большинство из них ввиду крайней бедности и раньше покупали мало импортных товаров.

⁶ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 38.*

⁷ *Bulner-Thomas V.T. The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994. P. 192.*

Однако именно импортные пошлины составляли в преддверии кризиса в 1929 году 58% всех доходов никарагуанского правительства (самый большой показатель в Латинской Америке за исключением Гаити). Только 1,2% приходилось на экспортные пошлины. Доходы правительства в 1929-м оценивались в 6,6 миллиона долларов в год. При этом Никарагуа была фактически лишена финансового суверенитета и не могла распоряжаться даже этими скромными средствами.

Никарагуа все больше зависела от доброй воли США и во внешней торговле. Если весь экспорт Никарагуа вырос с 1913-го по 1929 год на 37%, то экспорт в США — на 100%. В 1933 году 63% всех товаров Никарагуа импортировала из США, и только 13% — из Великобритании и 7% — из Германии. В этом же году 50% никарагуанского экспорта шло в США, 14% — в Германию и 7% — в Великобританию⁸.

Из-за мирового кризиса 1929 года цены на экспортную продукцию Никарагуа (а значит, и поступление валюты, без которой был невозможен импорт и импортные пошлины) упали к 1932 году на 50%⁹. Особенно сильно снизились цены на кофе, который давал 46% экспортной выручки. Никарагуанский кофе стоил 46 центов за килограмм в 1926 году и только 16 центов — в 1933-м. Экспорт кофе в денежном выражении сократился в 1929–1933 годах с 10,9 до 4,9 миллиона долларов.

Покупательная способность никарагуанского экспорта составила в 1932 году только 59% докризисного уровня. Причем если в большинстве латиноамериканских стран восстановление экономики началось в 1931 году, то в Никарагуа этот процесс из-за американской интервенции сильно затянулся. Жесткий монетаризм американцев только усугублял страдания большинства никарагуанцев.

В 1932 году ввиду нехватки долларов (из-за снизившегося экспорта) была образована государственная Комиссия по обмену валюты, которая давала в каждом конкретном случае разрешение на импорт товаров. Естественно, работа комиссии стала благодатным полем для коррупции и фаворитизма. Комиссия видела свою главную цель в сокращении «некритического импорта», чтобы направлять долларовые поступления прежде всего на обслуживание внешнего долга. В 1929–1933 годах импорт упал с 11,8 до 3,8 миллиона долларов. Мексика, Коста-Рика и Гватемала сумели сохранить импорт, просто объявив временный дефолт по обслуживанию внешнего долга, но Никарагуа не могла последовать примеру соседей, так как финансы страны и ее Национальный банк контролировали американцы.

Если в 1925–1929 годах ВВП Никарагуа, несмотря на гражданскую войну, рос в среднем на 6,4% в год, то в 1930–1934 годах он сократился на 4,9%.

⁸ См.: <http://fds.oup.com/www.oup.com/pdf/13/9780199212651.pdf>.

⁹ *Bulner-Thomas V.T. The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994. P. 192.*

Для Сомосы, прагматика до мозга костей, незыблемый курс кордобы к доллару не был священной коровой. К тому же он понимал, что многие никарагуанцы примкнули к Сандино как раз потому, что потеряли работу и источники существования вследствие недальновидной финансовой политики властей. Риска возрождения сандинистского движения в будущем Сомоса допускать не хотел.

С 1935 года Сакаса стал подыскивать себе в рядах либералов преемника, который был бы приемлемой фигурой и для консерваторов с учетом межпартийного соглашения о сотрудничестве 1932 года. Обсуждались кандидатуры действующего вице-президента Родольфо Эспиносы, Леонардо Аргуэльо (который участвовал в капитуляции Монкады в 1927 году как член делегации либералов) и Энока Агуадо. Все это были ветераны либеральной партии. Было понятно, что либералы победят, так как Сакаса провел в июле 1934 года дополнение к избирательному закону, по которому председателя центральной избирательной комиссии назначал не Верховный суд, а сам президент. Правда, в процессе отбора участвовали и консерваторы. Либералы представляли им список из шести кандидатур, из которых консерваторы отбирали три. Из этих троих и делал уже свой окончательный выбор президент¹⁰.

Перед президентскими выборами 1936 года, заранее смирившись с поражением, консерваторы согласились поддержать кандидата либеральной партии, если им будет обещан определенный процент мест в конгрессе, органах власти на местах и в судах. Таким образом, мнение Сандино, что никакой разницы между либералами и консерваторами уже нет, подтверждалось в полной мере. Выборы превращались в фарс, в простое распределение доходных постов между двумя «историческими» партиями без всякого участия народа.

Между тем Сомоса, несмотря на формальный запрет разворачивания предвыборной кампании ранее чем за восемь месяцев до голосования, начал усиленно продвигать свою кандидатуру уже в ноябре 1934 года. По всей стране с помощью национальной гвардии были организованы местные группы «сомосистов». Причем Сомосу, считавшегося либералом, абсолютно не интересовала партийная принадлежность сторонников. Он делал ставку на «авторитетных» людей того или иного города или деревни, обещая в случае победы доходный бизнес или выгодную государственную должность (что было по сути одно и то же).

Сомоса многому научился у Сандино и позиционировал себя как свежего, молодого и прогрессивного кандидата в противовес старой и закостенелой элите обеих «исторических» партий, ввергнувшей страну в многолетний кризис. Впервые после Сандино Сомоса обратился напрямую к молодежи, организовав среди нее группы сторонников на местах. Еще одним скопированным

¹⁰ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P.40.*

у Сандино новым моментом было активное апеллирование Сомосы к рабочим и крестьянам. Первым он обещал достойный трудовой кодекс, вторым — бесплатный участок земли из государственного фонда. При этом Сомоса говорил, что является сторонником «нового курса» Рузвельта и при нем государство вмешается в экономику в интересах не отдельных личностей, а всей нации.

В 30-е годы во всем мире было модным хотя бы на словах бороться с безответственными капиталистами и олигархами (к такой логике вел мировой кризис) и подчеркивать примат коллективных интересов над индивидуальными. Сомоса чутко уловил веяния времени и поклонялся не только Рузвельту, но и Муссолини с его «бесклассовым корпоративным» государством.

Чтобы понравиться американцам и местной олигархии, Сомоса резко высказывался против коммунизма, утверждая, что в нем нет смысла в Никарагуа, так как в этой стране нет и капитализма. Земли много, рабочих рук мало — какие могут быть классовые противоречия?

Однако следует подчеркнуть, что, будучи по натуре абсолютно беспринципным человеком, Сомоса старался нигде письменно не фиксировать свои взгляды или предвыборные обещания — так легче было от них отказаться. В целом он обещал стране мир и поступательное развитие — строительство школ, дорог, стабильную и обильную валюту.

В кампании Сомосы преобладала критика предыдущих политиков, которые далеки от народа и не уделяют должного внимания простым никарагуанцам.

Помимо разочаровавшихся в собственных вождях либералов. Сомосу поддерживали многие консерваторы. Во-первых, потому, что он убил ненавистного им Сандино, а во-вторых — потому что больше надеялись получить какой-нибудь пост от Сомосы, чем от традиционных либералов.

Но в первую очередь Сомоса опирался на национальную гвардию. Гвардейцы составляли костяк многих «сомосистских» комитетов на местах. В нарушение законодательства (военные не могли участвовать в выборах) они активно вмешивались в предвыборную кампанию, действуя то посулами, то угрозами. Например, уже в декабре 1934 года Сомоса назначил капитана гвардии Абрисио Пароди координатором своей предвыборной кампании в департаменте Матагальпа, который традиционно голосовал за консерваторов¹¹. Гвардейцы агитировали людей за Сомосу даже в церквях.

Одновременно гвардейцы всеми силами мешали избирательной кампании потенциальных противников Сомосы. Некоторых из нежелательных агитаторов арестовывали и пытали.

В начале 1936 года предвыборная кампания Сомосы набрала такие обороты, что Сакаса стал просить американцев, чтобы они убедили Сомосу снять свою кандидатуру.

¹¹ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P.43.*

Однако пришедший в Белый дом в 1933 году демократ Франклин Рузвельт публично провозгласил по отношению к Латинской Америке политику «доброго соседа». Это означало, что США больше не будут военным путем вмешиваться во внутренние дела стран Западного полушария. При этом за 43 года, предшествовавшие приходу Рузвельта в Белый дом, президенты США 43 раза посылали войска в страны Латинской Америке, в том числе 32 раза — в страны Центральной Америки и Карибского бассейна.

Рузвельтом руководило, конечно, не осознание аморальности всей предыдущей политики США на континенте. Просто новый президент понимал, что главными противниками не до конца еще вышедшей из кризиса Америки являются Германия и Япония, поэтому США не могут позволить себе крупные военные акции типа никарагуанской, так как это может на годы связать им руки.

Кроме того, приход Рузвельта к власти совпал с пиком экономического кризиса в США. В 1932 году в Америке было 13 миллионов безработных. Страну накрыла волна массовых самоубийств. Многие люди голодали.

Заместитель госсекретаря Уэллес, близкий к Рузвельту, считал, что надо признавать в Латинской Америке любое правительство вне зависимости от того, каким путем оно пришло к власти — демократическим или насильственным. Главное, чтобы тот или иной режим поддерживал внешнеполитические установки США.

Сомосе такое изменение американской политики было на руку. Американцы объяснили Сакасе, что не намерены вмешиваться в никарагуанские выборы.

Одновременно консерваторы заявили, что откажутся от выдвижения своего кандидата и поддержат либерала только в том случае, если либеральная партия выдвинет Сомосу.

Либералы вокруг Сакасы оказались в трудном положении. Они хотели сохранить союз с консерваторами, но не желали видеть президентом Сомосу. Чтобы перетянуть консерваторов на свою сторону, ставленник Сакасы Аргуэльо предложил им еще до выборов 40% мест в конгрессе (больше, чем они имели по соглашению 1932 года). К тому же вновь избранный президент-либерал был готов предоставить консерваторам ряд министерских постов.

14 мая 1936 года в присутствии Сакасы либералы и консерваторы подписали новое соглашение о сотрудничестве, предусматривавшее совместное выдвижение кандидата в президенты руководством обеих партий и последующую реформу конституции. Единый кандидат должен был быть либералом, но пользоваться поддержкой как Сакасы, так и Сомосы. Места в парламенте были распределены заранее. Консерваторам гарантировалось два министерских поста и пять мест «политических руководителей» (то есть глав исполнительной власти) в пяти департаментах. В Никарагуа того времени, как признавали американцы, «политический руководитель» мог продвинуть на любой выборный пост в своем департаменте любого кандидата.

Однако Сомоса отказался санкционировать заключенное соглашение. Он заявил посланцам либеральной и консервативной партий, что сам назовет кандидата в президенты, так как именно он, Сомоса, пользуется наибольшей популярностью среди населения¹².

Сомоса к тому времени уже мог умело организовать «народный вос-торг» или «народное недовольство», в зависимости от обстановки. В феврале 1936 года, чтобы запугать и либералов, и консерваторов химерой возрожде-ния народного движения типа сандинизма, он организовал в Манагуа забастовку таксистов, которые протестовали против нехватки бензина и требовали отставки главы столичного национального округа Порфирио Переса. Понимая, что им ничто не грозит, таксисты стали угрожать насильственными акциями. Перед американцами Сомоса обвинил во всем Сакасу, который-де не захотел отправить Переса в отставку и приказал национальной гвардии открыть огонь по манифестантам. Он же, Сомоса, как истинный демократ, естественно, отве-тил на это отказом¹³.

Посланник Лейн (в качестве дуайена дипломатического корпуса, как он подчеркнул в своей депеше в госдепартамент) вместе с Сомосой (!) посетил Сакасу и предостерег его от насилия, поскольку оно может привести к граж-данской войне. Лейн требовал сохранения порядка и защиты жизни и соб-ственности американцев¹⁴. Зная по собственному опыту, что за этим может последовать, президент был вынужден «поручить» Сомосе обратиться к толпе и сообщить об отставке Переса, что «народный любимец» немедленно и сделал.

Лейн сообщил в Вашингтон, что позиции Сомосы в стране укрепляются, так как только он один может держать народные массы («толпу», по терминологи-и Лейна) в повиновении. Причем «определенные элементы» толпы, отмечал Лейн, требуют, чтобы Сомоса немедленно взял в Никарагуа всю власть.

После визита Лейна Сакаса понял, на чьей стороне американцы. Напрас-но Сакаса убеждал Лейна, что все беспорядки в Манагуа организованы самим же Сомосой. Когда по просьбе Сакасы Лейн 11 февраля 1936 года встретился с Сомосой, тот обещал ему, что не будет раздувать конфликт на улице. Лейн за-метил, что Сомоса уже один раз обещал ему не убивать Сандино¹⁵. Сомоса дал Лейну «слово чести», что не станет подстрекать народ против правительства.

28 марта 1936 года госсекретарь Хэлл дал Лейну инструкции относительно политики США в Никарагуа¹⁶. Подчеркивалось, что после ухода морской пехо-ты в 1933 году между США и Никарагуа уже нет «особых отношений». Поэтому

¹² Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P.49.

¹³ FRUS, 1936 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1936v05/reference/frus.frus1936v05.i0019.pdf>).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

США не будут вмешиваться во внутренние дела Никарагуа, даже если об этом попросят сами никарагуанцы (подразумевался Сакаса).

Сомоса, больше не опасаясь последствий, отверг соглашение либералов и консерваторов. Он предложил иной вариант. В каждом выборном округе в парламент будет баллотироваться один кандидат от той партии, которая победила в этом округе в 1932 году. Членов Верховного суда он, Сомоса, отберет самостоятельно. Все назначения на командные посты в гвардии должен отныне делать он, а не президент. Прежде всего, Сомоса настаивал на замене командира гарнизона гвардии в Леоне Рамиро Сакасы — племянника президента¹⁷. Наконец, Сомоса потребовал от Сакасы немедленно выделить средства для закупки для национальной гвардии формы и обуви (тем самым он хотел еще больше укрепить свое положение в гвардии).

Для того чтобы заручиться поддержкой госслужащих, Сомоса демагогически требовал отмены 5%-ного вычета из зарплаты, который каждый госслужащий направлял на финансирование правящей партии.

Только при выполнении этих условиях Сомоса был согласен отказаться от поста президента, так как при наличии полного контроля над гвардией любой президент был бы лишь марионеткой в его руках. Сакаса, естественно, наотрез отказался рассматривать этот фактический ультиматум. 22 мая 1936 года в присутствии Сакасы и Сомосы прошла встреча лидеров либералов и консерваторов, но и она закончилась безрезультатно. Через неделю либералы и консерваторы встретились с Сакасой уже без Сомосы и решили выдвинуть единым кандидатом Леонардо Аргуэльо.

Между тем, Сомоса активно готовился к военному перевороту.

5 мая 1936 года никарагуанский посланник в Вашингтоне заявил в госдепартаменте, что Никарагуа находится на пороге «революции» из-за действий Сомосы. Госсекретарь ответил, что не будет комментировать внутренние дела Никарагуа «ни единым словом»¹⁸.

8 мая сальвадорский посланник в Манагуа (дуайен дипломатического корпуса) сообщил своему новому американскому коллеге Лонгу (он прибыл в Манагуа в марте 1936 года), что «все здоровые силы» в Никарагуа на стороне Сакасы, в то время как «экстремисты и радикалы» поддерживают Сомосу. Сальвадор готов поддержать Сакасу, если США не будут возражать. Так как все оружие в Никарагуа в руках Сомосы, то Сакаса без «дружественной помощи» не сможет сохранить в стране конституционный способ правления. США опять отказались четко выразить свою позицию.

Сакаса направил в Вашингтон своего брата Федерико, который требовал, чтобы США приструнили Сомосу. Ведь национальная гвардия создана амери-

¹⁷ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 49.*

¹⁸ FRUS, 1936 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1936v05/reference/frus.frus1936v05.i0019.pdf>).

канцами, поэтому они в определенной мере несут ответственность за ее действия¹⁹. Но заместитель госсекретаря Уэллес еще раз объяснил, что время интервенций ушло.

Сакаса, конечно, знал о готовящемся перевороте. 28 мая 1936 года он попросил американцев прислать на атлантическое побережье Никарагуа военный корабль — якобы для защиты от неких «коммунистов и агитаторов», которые могут захватить чужую собственность²⁰. Сакаса пугал Лонга, что сомосисты и национальная гвардия могут объединиться с сандинистами и раздать им оружие. 29 мая представители консерваторов и либералов передали Сомосе список из четырех «прекандидатов» на пост президента, из которых Сомоса должен был выбрать того, кто ему по душе. Но Сомоса уже давно сделал выбор — в свою пользу.

США отказались прислать военный корабль, сообщив Сомосе через Лонга, что поддержание порядка в Никарагуа — дело самих никарагуанцев. Странно, что в 1909–1933 годах в Вашингтоне придерживались прямо противоположной точки зрения.

Ободренный невмешательством американцев, Сомоса отправил эшелон с национальными гвардейцами в Леон и потребовал, чтобы племянник президента сдал командование. Тот отказался, и 31 мая 1936 года части национальной гвардии стали обстреливать форт в Леоне и президентский дворец в Манагуа. Сакаса просил дипломатических представителей в Манагуа сделать Сомосе представление относительно недопустимости кровопролития. Дипломаты Великобритании, Франции, Сальвадора и Гондураса выразили готовность совершить это²¹. К демаршу были готовы присоединиться и мексиканцы. Но все дипломаты понимали, что Сомоса может послушаться только американцев, и поэтому попросили Лонга поставить под совместным обращением свою подпись. Однако госдепартамент сообщил Лонгу, что посредничество дипломатов в конфликте может иметь место только при согласии всех сторон, включая Сомосу.

Таким образом, США фактически сорвали возможный демарш иностранных дипломатов в пользу прекращения кровопролития.

Части Сомосы между тем захватили электростанцию, пивной завод и все ключевые точки столицы. Бывший президент Монкада в полной генеральской форме прибыл в Манагуа, чтобы поддержать переворот своего ставленника.

Через три дня гарнизон Леона сдался. Видимо, только теперь Сакаса понял, что, дав Сомосе расправиться с Сандино, он сам лишил себя единственной лояльной конституции вооруженной силы в стране.

¹⁹ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 51.*

²⁰ FRUS, 1936 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1936v05/reference/frus.frus1936v05.i0019.pdf>).

²¹ *Ibid.*

Пока шли бои в Леоне, сторонники Сомосы стали захватывать органы власти на местах, при поддержке национальной гвардии выгоняя из кабинетов сторонников Сакасы. Срежиссированное Сомосой «народное восстание» началось в Блуфилдсе — городе, где находились главные таможи, а значит, и источники доходов правительства. В самой гвардии тоже проводилась чистка командного состава.

2 июня 1936 года посланник Гватемалы в Вашингтоне предложил, чтобы четыре центральноамериканские страны и США совместно предприняли усилия по нормализации положения в Никарагуа. Сальвадор поддержал инициативу гватемальцев²². Но американцы опять ответили, что пойдут на это только в случае согласия самого Сомосы.

Понимая, что надеяться ему не на кого, Сакаса 6 июня подал в отставку и навсегда покинул родину. Следом за ним уехал в эмиграцию и вице-президент Эспиноса, которому Сомоса заплатил за это 20 тысяч кордоб и посулил еще 10 тысяч «на поправку здоровья»²³. Сомоса обещал Лонгу, что новое правительство Никарагуа будет по-прежнему настроено по отношению к США «дружественно». Американцам таких заверений было вполне достаточно.

9 июня 1936 года конгресс Никарагуа определил временного президента до окончания срока полномочий Сакасы — малоизвестного политика Карлоса Бренеса Харкина, которого ранее Сомоса предлагал в качестве своего кандидата на пост президента. Понимая весь абсурд ситуации, конгресс «избрал» Харкина без тайного голосования — овацией. Харкин родился в 1884 году в консервативной семье и получил медицинское образование в Гватемале и Калифорнии. После возвращения в Никарагуа был депутатом конгресса от либералов, а затем стал спикером парламента.

Госдепартамент признал новое правительство на том основании, что оно контролирует обстановку в стране.

16 июня съезд либералов послушно выдвинул Сомосу кандидатом на пост президента. Сомоса в своей речи обещал стране «упорядоченную (то есть контролируруемую) демократию», национализм, социальную справедливость, работу для всех и развитие образования²⁴.

Консерваторам не оставалось ничего иного, как поддержать кандидатуру Сомосы, и многолетний лидер партии Эмилиано Чаморро 23 июня также эмигрировал в Коста-Рику, опасаясь за свою жизнь. Таким образом, в обеих «исторических партиях» Никарагуа произошла коренная смена поколений: самостоятельные лидеры, четверть века определявшие судьбы страны, уступили место креатурам нового «сильного человека» Никарагуа — Анастасио Сомосы.

²² FRUS, 1936 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1936v05/reference/frus.frus1936v05.i0019.pdf>).

²³ Ibid.

²⁴ Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P.51.

Чтобы заручиться поддержкой американцев, Сомоса пригласил в страну командующего специальным соединением ВМС США в Карибском море контр-адмирала Майерса, который в специальном письме поблагодарил Сомосу за гостеприимство. Напрасно госдепартамент пытался убедить и американскую, и никарагуанскую общественность, что это письмо не имеет официального характера и не означает поддержки президентских амбиций Сомосы²⁵.

Первое, что сделал новый фактический хозяин страны, — внимательно прислушался к пожеланиям крупного бизнеса относительно изменения валютно-финансовой политики. В октябре 1936 года был упрощен обмен кордоб на доллары. Экспортеры отныне могли сохранять 70% своей валютной выручки в долларах и продавать их по рыночному курсу. Остальные 30% надо было по-прежнему сдавать в Национальный банк по официальному курсу 1:1 (ранее сдавалась вся выручка). Таким образом, экспортеры могли существенно увеличить свои доходы, поскольку курс черного рынка был 1,75 кордобы за доллар²⁶.

Для балансировки бюджета (который сводился в Никарагуа с дефицитом) Сомоса прислушался к рекомендациям американцев и усилил контроль над сбором налогов (американцы считали, что одна лишь ликвидация фаворитизма в этой сфере может легко увеличить доходы правительства вдвое).

Как и обещал, Сомоса решил установить контакты с рабочим движением, но только с одной целью — подмять его под себя.

В Никарагуа рабочих было мало (по причине фактического отсутствия промышленности), и профсоюзное движение фактически не существовало. В августе 1931 года была основана Никарагуанская партия трудящихся (НПТ, или лаборатористская, как ее называли по образцу аналогичной партии в Мексике). Программа партии была крайне умеренной и не выходила за рамки улучшения условий труда рабочих.

Партия (в которой было всего несколько десятков членов) пыталась наладить тесные контакты с Сандино и организовать в стране профсоюзное движение — ни то, ни другое не удалось. Собственно, на почве отношения к Сандино партия и раскололась — некоторые ее члены отвергли контакты с «генералом свободных людей».

Тем не менее по инициативе Сомосы часть руководства НПТ в 1932 году была выслана в Гондурас. Сомоса понимал, что рабочее движение является естественным союзником сандинистов. Именно поэтому одновременно с убийством Сандино был брошен в тюрьму лидер НПТ Мануэль Вивас Гарай. В тюрьме его отравили, и он умер, уже выйдя на свободу.

В 1935 году к руководству НПТ пришли более радикальные элементы, и партия стала пытаться придерживаться марксистско-ленинских принципов. Пар-

²⁵ FRUS, 1936 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1936v05/reference/frus.frus1936v05.i0019.pdf>).

²⁶ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P.51.*

тия начала было издавать газету «Рабочее дело», но ее запретили по распоряжению Сомосы уже в мае 1935-го²⁷.

Но это не остановило сдвиг НПТ влево, и в июне была принята программа партии, которая предусматривала установление минимальной заработной платы, признание права на забастовку, налог на капитал, национализацию земли и крупных предприятий, отказ от обслуживания внешнего долга и пропаганду социализма в системе государственного образования. В программе НПТ говорилось, что «государство признает право на жизнь только тех, кто работает; кто не работает — тот не ест».

После свержения Сакасы Сомоса в августе 1936 года бросил нескольких лидеров НПТ в тюрьму на острова Корн. В 1937-м такой же участи подверглись и оставшиеся на свободе руководители НПТ. В 1938 году диктатор расколол очередное руководство НПТ, а в 1939-му отправил всех более или менее активных членов партии либо в тюрьму, либо в эмиграцию.

Сомосе не нравились политические рабочие организации, так как политика в Никарагуа он хотел определять единолично. Больше по душе диктатору были организации вроде «зубатовских профсоюзов» в царской России. Рабочие, с точки зрения Сомосы, должны были заниматься самообразованием, танцами и другими культурными формами досуга. В августе 1936 года был введен налог на алкоголь, сборы от которого должны были пойти на строительство в Манагуа и каждом центре департаментов «Рабочего дома». Именно в таких домах рабочие и должны были «культурно отдыхать» вместо того, чтобы заниматься политикой.

Многие рабочие (как и в России) первоначально отнеслись к идее «рабочих домов» положительно, потому что впервые никарагуанское правительство уделило им хоть какое-то внимание.

Кроме несознательных рабочих и неопытной молодежи Сомоса опирался на различные правые и националистические организации, самыми известными из которых были «синие рубашки». Уже сама форма этой военизированной организации говорила о стремлении следовать примеру испанской фашистской фаланги (ее члены тоже носили синие рубашки).

«Синие рубашки» состояли из обеспеченной городской молодежи и имели местные организации в Манагуа, Гранаде, Леоне и ряде мелких городов недалеко от столицы. Организация была малочисленной — например, в Манагуа в ней состояли около 80 человек²⁸.

Еще до прихода Сомосы к власти в июне 1936 года «синие рубашки» пользовались поддержкой национальной гвардии, у которой они проходили военную подготовку. Именно «синих рубашек» Сомоса использовал в 1936-м для

²⁷ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 56.*

²⁸ *Ibid.*

организации беспорядков в ходе забастовки таксистов и при разгроме местных органов власти, а также редакций оппозиционных Сомосе газет в мае — июне. Например, «синие рубашки» угрожали убить оппозиционного журналиста Хуана Рамона Авилеса, и как только он пообещал прекратить публиковать статьи против Сомосы, ему для острастки выстрелили в ногу.

«Синие рубашки» были выражением «тропического», или креольского фашизма, или «национал-сомосизма», как его еще называли. Сомоса каждый месяц получал доклад о деятельности «синих рубашек» и давал им те или иные поручения по запугиванию своих оппонентов. «Синие рубашки» стали одной из основных сил во время предвыборной кампании Сомосы в 1936 году. Они расклеивали листовки, устраивали торжественные марши и запугивали всех несогласных.

И «синие рубашки», и рабочие, и молодежь были нужны Сомосе лишь постольку, поскольку позволяли ему представлять себя «народным вождем» и «популистом». На самом деле основой власти этого человека были национальная гвардия и крупный бизнес, впрочем, как и в случае с любым фашистским движением.

Но летом 1936 года ситуация была еще далека от установления полной диктатуры Сомосы. Фракция консерваторов, подчинявшаяся Чаморро, решила продолжить союз с либералами Сакасы и по-прежнему поддерживала кандидатуру Аргуэльо. Антисомосовские либералы создали собственную Либерально-конституционную партию.

Чаморро и Адольфо Диас вместе с Сакасой тем временем находились в Вашингтоне и безуспешно пытались убедить госдепартамент повлиять на Сомосу²⁹.

Промосомосовские консерваторы, в свою очередь, тоже откололись от своей партии и образовали Консервативную националистическую партию, выступившую в поддержку кандидатуры Сомосы. Сомоса полностью оплачивал все расходы этой новой «партии» из государственной казны.

Предвыборная кампания Сомосы базировалась на обещании любых благ всем слоям общества без конкретизации средств, с помощью которых следовало добиться реализации всех этих обещаний. Например, жившим крайне бедно индейцам атлантического побережья обещали в случае прибытия на избирательный участок «хорошую еду» и много «огненной воды». Государственный ликеро-водочный завод продавал сторонникам Сомосы спиртные напитки без налога и по низкой цене. С помощью этого «горьчительного зелья» вербовались новые сторонники «народного лидера». Министр финансов даже пожаловался, что из-за этого правительство недополучает много доходов. Министр, правда, не нашел ничего лучшего, как предложить, чтобы алкогольные напит-

²⁹ FRUS, 1936 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1936v05/reference/frus.frus1936v05.i0019.pdf>).

ки «для предвыборных целей» разбавляли водой (так можно было произвести больше «огненной воды»)³⁰.

30 ноября 1936 года три бывших проамериканских президента Никарагуа Эмилиано Чаморро, Адольфо Диас и Хуан Сакаса обратились с совместным посланием к госсекретарю США³¹. Он писали, что в 1932 году американский посланник Ханна гарантировал им, что американцы не допустят вмешательства национальной гвардии в политику. Сомоса, будучи генералом, нарушил конституцию, которая запрещает военным баллотироваться в президенты. Однако Сомоса, писали американские марионетки, пошел на переворот и создал невыносимые условия, в которых честные выборы невозможны. Сакаса, Чаморро и Диас просили США «прекратить зло, исходящее от национальной гвардии». Речь, мол, идет не о новой интервенции, а о «моральном воздействии».

В ноябре ввиду массовых нарушений и запугивания ее сторонников либерально-консервативная антисомосовская коалиция решила не участвовать в голосовании 8 декабря 1936 года. Выборы стали безальтернативными. В результате на избирательные участки пришли только 49,8% зарегистрированных избирателей (в 1932 году — 84,3%)³². Примечательно, что больше всего избирателей проигнорировали выборы в Хинотеге — то есть в районе бывшего партизанского движения Сандино. Даже в Манагуа на избирательные участки явились меньше половины избирателей. Из 219 тысяч зарегистрированных избирателей на участки пришли 109 тысяч, из которых за Сомосу проголосовали, по официальным данным, 80,1%, или 79 433 человека (в том числе 64 тысячи либералов и 15 433 консерваторов). Больше всего голосов Сомоса получил в Блуфилдсе — районе, где активно действовали американские компании, чьи рабочие обычно голосовали по приказу хозяев.

Лонг попросил Рузвельта прислать Сомосе поздравительную телеграмму, но президент США отказался под предлогом, что это не принято. Зато Лонгу разрешили принять участие в инаугурации Сомосы³³.

1 января 1937 года Анастасио Сомоса вступил в должность президента Никарагуа. В своем первом послании конгрессу он немного конкретизировал свои предвыборные лозунги. В частности, под упорядоченной демократией Сомоса имел в виду жесткое и эффективное управление и поддержание внутреннего мира с помощью «дисциплинированной» национальной гвардии.

³⁰ *Walter K.* The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 59.

³¹ FRUS, 1936 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1936v05/reference/frus.frus1936v05.i0019.pdf>).

³² *Walter K.* The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 60.

³³ FRUS, 1936 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1936v05/reference/frus.frus1936v05.i0019.pdf>).

Только гвардия, по словам Сомосы, могла предотвратить опасное сползание Никарагуа в хаос и демагогию. Сомоса решительно выступил против распространения в Никарагуа «экзотических идей», под которыми он понимал, прежде всего, коммунизм. Коммунизм несет в себе классовую вражду, которой якобы вообще нет в стране.

Под социальной справедливостью новый президент понимал равную защиту государством интересов рабочих, крестьян, предпринимателей и капиталистов (то есть крупных торговцев), поддержание равновесия между их интересами.

Внутренняя политика Сомосы базировалась на принципе трех П — «плата» («серебро» по-испански в значении «деньги») — для друзей, «пало» («палка») — для тех, кто стоит в стороне, и «пломо» («свинец») — для врагов.

На все более или менее важные посты назначались либо друзья и родственники диктатора, либо офицеры национальной гвардии (часто это были одни и те же люди). Назначение офицеров национальной гвардии на посты в гражданском госаппарате было для Сомосы предпочтительно еще и потому, что офицеров всегда можно было привлечь к суду военного трибунала — они не могли позволить себе уже в силу нахождения на военной службе никакой критики в адрес президента.

Весь государственный аппарат был пронизан доносчиками, которых называли «орехас» («уши»). Любое «неправильное» высказывание могло стоить человеку должности и ввергнуть его семью в голод.

Сомоса быстро забыл о своем обещании 1936 года отменить обязательные взносы госслужащих в казну правящей либерально-националистической партии. Многие никарагуанцы, особенно в условиях тяжелого экономического кризиса, мечтали о государственной службе. Там платили пусть и не очень большое, но зато стабильное жалованье. Однако попасть на госслужбу люди могли лишь по рекомендации местного ставленника Сомосы или национальной гвардии. Иногда получить должность на государственной службе можно было только после доклада личному секретарю Сомосы. Тот (самостоятельно или после консультации с диктатором) решал, куда направить претендента.

В 1938 году Сомоса повысил зарплату госслужащим: от 10% для самых высокооплачиваемых до 60% для тех, кто получал мало. Однако это было связано в основном с резким ростом инфляции, причем повышение зарплаты не смогло ее в полной мере компенсировать.

Сомоса всячески стремился придать национальной гвардии элитный характер кузницы кадров никарагуанского общества. В 1938 году он создал военно-воздушную и военно-морскую гвардии и стал приобретать соответствующую боевую технику в США. В 1939-м Сомоса основал Никарагуанскую военную академию для подготовки высшего командного состава. Для гвардии диктатор средств не жалел, несмотря на сложное финансовое положение Никарагуа. В 1935–1936 годах на национальную гвардию было потрачено 37% бюджета.

та, в то время как на образование — 6,6%³⁴. В конце 30-х — середине 40-х годов доля военных расходов колебалась в пределах 19–28%, но это было связано с общим ростом объема бюджета, а не с ослаблением внимания Сомосы к вооруженным силам — главной опоре своей власти.

Лояльность высших офицеров Сомоса покупал просто — им разрешалось (под контролем диктатора) заниматься прибыльным бизнесом, зачастую связанным с государством. Гвардия контролировала национальную радиосеть, зарабатывая на рекламе. Гвардия выдавала водительские права, различного рода санитарные и ветеринарные сертификаты. Гвардия контролировала таможи, почту, налоги и иммиграцию. Только с помощью взяток национальным гвардейцам можно было получить лицензию на занятие бизнесом или поучаствовать в выполнении государственного заказа³⁵.

Почта и телеграф были официально «милитаризованы» якобы с целью повышения качества работы. После начала Второй мировой войны были поставлены под военное управление и таможи.

Помимо легальных доходов гвардия активно «крышевала» игорный бизнес, проституцию и контрабанду.

Служить в гвардии стало престижно, и многие представители элиты, ранее презиравшие «высочку» Сомосу, теперь охотно отдавали в офицеры гвардии своих сыновей.

Другой главной опорой Сомосы был бизнес, прежде всего экспортно-ориентированный. Друзья диктатора за крупные «откаты» могли получить освобождение от налогов или пошлин, а также льготные тарифы по перевозке железными дорогами. Сомоса, который позиционировал себя как «националиста-государственника», национализировал в 1937 году железные дороги, но доходы от них только частично шли в казну государства. Большую часть диктатор оставлял за собой. Он официально являлся главой железных дорог с титулом «Верховный руководитель»³⁶.

Государству принадлежал и единственный крупный экспортный порт Кориенто, тарифы на услуги которого для бизнеса тоже зависели от воли диктатора.

Вообще Сомоса, любивший красивую жизнь, вскоре стал самым крупным предпринимателем страны. В качестве президента он активно захватывал в личную собственность принадлежавшие государству так называемые пустынные земли (то есть те, которые никто не обрабатывал). Затем за счет государства он оснащал их инфраструктурой (дорогами, мостами, водоснабжением и т.д.). После начала Второй мировой войны Сомоса как верный союзник США объявил войну Германии и Японии и конфисковал принадлежащие не-

³⁴ *Walter K.* The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 87.

³⁵ *Staten C. L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 50.

³⁶ *Walter K.* The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 81.

мецкому капиталу кофейные плантации в департаменте Матагальпа. На своих землях клан Сомосы помимо кофе выращивал хлопок и разводил крупный рогатый скот — это были традиционные источники богатства никарагуанской олигархии. На экспорт говядины были введены налоги, от которых, естественно, освобождалось мясо, выращенное на фермах Сомосы.

Как только Сомоса завладел единственным в стране заводом по пастеризации молока, он немедленно законодательно запретил продавать непастеризованное молоко населению.

Если в 1934 году у Сомосы практически не было никакого имущества, то в 1944-м президент владел уже 51 фермой по выращиванию крупного рогатого скота и 46 кофейными плантациями³⁷. К этому времени он был крупнейшим земельным собственником и крупнейшим производителем кофе в Никарагуа. Кроме этого, диктатор приобрел завод по производству сахара в Монтелимаре, кожевенный завод (для выделки кожи со своих животноводческих ферм), цементную фабрику, спичечный завод, Национальную страховую компанию, газету «Новедадес» («Новости»), текстильное производство и доходные дома в нескольких городах.

Все отечественные и иностранные капиталисты должны были платить Сомосе «откаты» для получения лицензии на вырубку древесины или добычу полезных ископаемых, прежде всего золота. В 40-х годах годовая сумма таких «откатов» только от добычи золота оценивалась в 175–400 тысяч долларов³⁸.

Естественно, сколотив несправедливыми путями такое огромное состояние, Сомоса с самого первого дня своего пребывания в президентском кресле стал делать все, чтобы в этом кресле и остаться.

Как только Сомоса стал президентом, он стал добиваться изменения конституции страны с одной целью — закрепить свое право на переизбрание. А до изменения основного закона Сомоса в августе 1937 года провел через конгресс закон о запрете муниципальных выборов³⁹. Все выборные органы власти были заменены «комитетами соседей», находившимися под жестким контролем центрального правительства. Даже бюджеты муниципалитетов теперь тоже утверждали в Манагуа. Причем в столице санкционировали единое для всей страны процентное соотношение тех или иных расходов. Например, на административные расходы полагалось тратить не более 35% бюджета, на жилищно-коммунальные услуги и развитие инфраструктуры — 40%, на здравоохранение и гигиену — 10% и т.д.

Если учесть, что посты глав департаментов («политических руководителей») тоже не были выборными, то получается, что Сомоса сформировал «вертикаль власти», замкнутую только на него самого.

³⁷ *Staten C.L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P.51.

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *Walter K.* The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P.83.

Через две недели после прихода Сомосы к власти конгресс по настоянию нового президента стал обсуждать проект реформы конституции. «Зачищенная» от сторонников Сакасы либеральная партия была готова на все. Однако консерваторы, прежде чем дать свое согласие, хотели гарантий для своей партии относительно будущего распределения выборных должностей.

В августе 1938 года комитет конгресса по конституционной реформе представил парламенту проект новой конституции. В ней, по замыслу Сомосы, должен был быть наконец-то узаконен статус национальной гвардии, сделан ряд посулов трудящимся. Партии меньшинства (в данном случае консерваторам) было обещано пропорциональное представительство в законодательной, исполнительной и судебной власти.

Однако консерваторы решили голосовать против нового проекта конституции, так как прекрасно понимали его основное назначение — продлить срок пребывания Сомосы в президентском дворце. Но у консерваторов в обеих палатах конгресса было явное меньшинство, и парламент решил 15 декабря 1938 года провести выборы в Конституционное собрание. Сомоса всячески хотел добиться участия консерваторов в принятии новой конституции, чтобы придать ей «общенародный» характер. Была образована «техническая комиссия» по выработке проекта новой конституции в составе семи человек, причем три места отвели консерваторам (одним из них был Карлос Куадра Пассос — давний противник Чаморро)⁴⁰.

Сами выборы в Конституционное собрание было решено фактически вообще не проводить ввиду «неопытности „электората“». Главным партиям заранее отводилось определенное количество мест на основании итогов предыдущих выборов. Сомоса объяснял это стремлением обеспечить достойное представительство формально «оппозиционной» консервативной партии.

В результате консерваторы решили не участвовать и в фарсе «выборов» 6 ноября 1938 года, тем более что за распределение избирательных бюллетеней по участкам отвечала национальная гвардия. Неудивительно, что результаты были «подсчитаны» в рекордно короткие сроки — за 24 часа. Но даже на этих выборах сомосовские либералы получили на 10 тысяч голосов меньше, чем во время президентских выборов 1936 года. «Национальные консерваторы» (просомосовская фракция консервативной партии) вообще потеряли половину голосов: вместо 21 582 голосов в 1936 году они получили только 11 196 голосов в 1938-м.

Конституционное собрание выработало проект нового основного закона за четыре месяца. В документе в духе времени было несколько «социальных» положений. Так, например, государство получало право конфисковывать частную собственность ради «общего блага». Содержалось в конституции

⁴⁰ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 91.*

и обещание государства распределять неиспользуемые земли между мелкими и средними землевладельцами. Рабочим впервые в истории Никарагуа гарантировались один выходной день в неделю, минимальная заработная плата, ограничение продолжительности рабочего дня и выплата пособий при несчастном случае на производстве⁴¹. Государство брало на себя обязательство учредить службу социального страхования.

Проект новой конституции серьезно ограничивал гражданские права. Например, вне закона ставили всех, кто «делал заявления против общественного порядка, фундаментальных институтов государства (например, национальной гвардии), республиканской и демократической формы правления, установившегося социального строя, общественной нравственности и добрых традиций...»⁴². Ясно, что под такими предложениями можно было бросить в тюрьму кого угодно.

В конституции окончательно закреплялась отмена выборности муниципалитетов. Отныне президент должен был раз в два года назначать муниципальные советы. Национальная избирательная комиссия теперь тоже переходила под контроль исполнительной власти.

Наконец, конституция закрепляла статус национальной гвардии, не только как гаранта независимости и территориальной целостности нации, но и как хранителя внутреннего мира в стране.

Сомоса знал, чем «купить» американцев и заручиться их поддержкой в демонтаже демократии в Никарагуа. Еще 3 ноября 1938 года он сказал американскому посланнику Никольсону, что намерен включить в новую конституцию положения договора Брайана — Чаморро о трансокеанском канале⁴³. К тому же Сомоса обещал американцам заранее представить на их рассмотрение соответствующее положение конституции. Одновременно диктатор воспользовался этим предложением, чтобы инициировать свой визит в США.

Но госсекретарь США довольно высокомерно ответил, что договор Брайана — Чаморро и так действует, вне зависимости от того включен он в никарагуанскую конституцию или нет. В любое время США с санкции американского сената могут начать строительство канала⁴⁴. Сомосе посоветовали лучше разрядить напряженные отношения с Коста-Рикой и Сальвадором, которые были против строительства канала без их согласия.

Посланник Николсон рекомендовал вообще не передавать договор Брайана — Чаморро на обсуждение Конституционного собрания, опасаясь, что его могут подвергнуть критике.

⁴¹ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P.81.*

⁴² *Ibid. P.93.*

⁴³ FRUS, 1938 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1938v05/reference/frus.frus1938v05.i0018.pdf>).

⁴⁴ *Ibid.*

Однако все вышеперечисленные и многие другие положения новой конституции были призваны закамуфлировать главную новацию — срок президентских полномочий Сомосы продлялся до 1 мая 1947 года. Конституционное собрание тоже преобразалось в нормальный парламент со сроком полномочий до 15 апреля 1947 года⁴⁵.

30 марта 1939 года Сомоса снова принес присягу в качестве президента республики согласно новой конституции — теперь уже без всяких выборов.

С самого начала своего пребывания у власти Сомоса хотел объединить либеральную партию под своим руководством. В 1937 году он послал специальную делегацию в Сальвадор, где жил в эмиграции лидер «сакасовского» крыла либералов и неудавшийся преемник самого Сакасы Аргуэльо. Сомоса прекрасно знал цену «принципиальности» лидеров старой либеральной партии. В обмен на обещание министерских постов своим людям Аргуэльо уже в июле 1937 года приехал в Манагуа.

Сомоса решил также милитаризовать часть либеральной партии. В 1937 году так называемой Военной либеральной лиге (в ней состояли члены либеральной партии — ветераны гражданских войн) был присвоен статус вспомогательных военных формирований национальной гвардии. Всего в лиге было примерно 2600 членов, и ее боевые отряды были распределены по городам и поселкам⁴⁶. Главой лиги был сам Сомоса.

Консервативная партия была в первое время правления Сомосы лояльной оппозицией, несмотря на то, что ее бывшие лидеры Диас и Чаморро в эмиграции выступали против режима. Чаморро, проживавший в Мексике, призвал консерваторов не участвовать в выборах в Конституционное собрание. Однако некоторые группы консерваторов все же выдвинули кандидатов — сотрудничество с Сомосой сулило реальные материальные выгоды. При этом консервативная националистическая партия, отколовшаяся от консерваторов, вообще напрямую поддерживала диктатуру. Часть крайне правых депутатов конгресса от этой партии симпатизировали нацистам, что в Рузвельт был противником Гитлера, значит, и Сомоса должен был быть таковым.

Можно сказать, что серьезной внесистемной оппозиции Сомосе до начала 40-х годов не было. Оппоненты диктатора сетовали, что население Никарагуа пребывало в глубокой политической апатии.

В области внешней политики Сомоса ориентировался на Вашингтон даже в мелочах. Он понимал, что именно от доброй воли американцев зависело как его восхождение к власти, так и его будущее. В январе 1939 года Сомоса фактически стал напрашиваться на визит в США — ведь именно в это время обсуждалась новая конституция, и поездка в Америку продемонстрировала бы

⁴⁵ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 93.*

⁴⁶ *Ibid. P. 97.*

поддержку США его властных амбиций. Рузвельт ответил необычно быстро и согласился принять Сомосу 5 мая 1939 года⁴⁷.

Сомоса посетил Вашингтон, причем билет на пароход до Нового Орлеана ему оплатили американские бизнесмены из Москитии. На вокзале столицы США никарагуанского диктатора встречал лично Рузвельт, что было с протокольной точки зрения очень значимым проявлением внимания⁴⁸. Сомосе даже разрешили переночевать в Белом доме — честь, которой удостаивались очень немногие главы иностранных государств.

Сомоса просил Рузвельта наконец начать строительство трансокеанского канала с параллельной шоссейной дорогой, а также оказать Никарагуа финансовую помощь в электрификации железных дорог и в развитии инфраструктуры в целом. Президент США много обещал в общем, но конкретики в его обещаниях было мало. Конгресс США в который раз начал обсуждать вопрос о строительстве канала в Никарагуа, но, как и раньше, дальше обсуждения дело не продвинулось.

Военное ведомство США оценивало строительство никарагуанского канала в громадную сумму — от 750 миллионов до миллиарда долларов — и сомневалось, что можно обеспечить его адекватную защиту, в том числе и от нападения с воздуха.

Сомоса и посланник США в Никарагуа Никольсен предлагали для защиты канала купить у Никарагуа острова Корн в Атлантике⁴⁹, но в Вашингтоне сочли это непрактичным — ведь по договору Брайана — Чаморро американцы и так получали эти острова в долгосрочную аренду.

Газеты в Соединенных Штатах в целом благосклонно восприняли Сомосу как прогрессивного и эффективного латиноамериканского деятеля, своего рода менеджера американского образца.

Якобы именно после переговоров с Сомосой Рузвельт произнес ставшую крылатой фразу: «Сомоса, конечно, сукин сын, но это наш сукин сын». На родине Сомосу прозвали «тачо» («мерзавец», «подонок» по-испански). Правда, многие исследователи считают слова Рузвельта более поздней выдумкой прессы, так как никаких документов или свидетельств на сей счет найдено не было. Некоторые даже полагают, что Сомоса сам запустил эту утку.

Впервые эта история появилась 15 ноября 1948 года в журнале «Тайм». В 1960 году возникла версия, что Рузвельт говорил так не о Сомосе, а о доминиканском диктаторе Трухильо. Как бы то ни было, на самом деле и Сомоса,

⁴⁷ FRUS, 1939 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1939v05/reference/frus.frus1939v05.i0027.pdf>).

⁴⁸ *Crawley A. Somoza and Roosevelt: Good Neighbor Diplomacy in Nicaragua, 1933–1945.* Oxford University Press, 2007. P. 152.

⁴⁹ FRUS, 1939 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1939v05/reference/frus.frus1939v05.i0027.pdf>).

и Трухильо (которые, кстати, дружили) вполне заслуживали такой характеристики. Но вряд ли Рузвельт сказал о Сомосе что-либо подобное. Ведь «сукина сына» переночевать в Белом доме не пригласили бы.

22 мая 1939 года в послании Рузвельту Сомоса писал: «Возможность лично познакомиться с Вами стала для меня источником глубокого удовлетворения и позволила подтвердить впечатление, которое уже сложилось у меня о Вашей блестящей личности и Вашей благородной и искренней приверженности идеям панамериканизма, равно как и о Ваших дружеских чувствах по отношению к моей стране»⁵⁰.

Помимо помощи США в реализации проекта постройки канала и других объектов транспортной инфраструктуры Сомоса просил Рузвельта прислать американского офицера, чтобы он возглавил Военную академию национальной гвардии, а также «подходящего офицера» на должность генерального инспектора создаваемых никарагуанских ВВС.

Рузвельт ответил Сомосе в тот же день (что явно говорило об уважении, которое американский президент испытывал к никарагуанскому диктатору), заметив в своем послании: «...для нас было истинным удовольствием познакомиться с Вами и услышать от Вас заверения в искренней дружбе правительства и народа Никарагуа»⁵¹. По конкретным вопросам американско-никарагуанских отношений ответ Рузвельта выглядел следующим образом:

- инженерной службе армии США будет дано поручение оценить проект углубления реки Сан-Хуан, с тем, чтобы она могла принимать корабли крупного водоизмещения (река Сан-Хуан рассматривалась как часть будущего трансокеанского канала)⁵²;
- США готовы оказать инженерную и финансовую поддержку строительству участка Панамериканского шоссе в Никарагуа;
- Сомоса получит кредит для стабилизации курса кордобы;
- американцы готовы закупать в Никарагуа каучук и манильскую пеньку (товары явно военного назначения);
- Рузвельт обещает подобрать директоров для военной академии и авиационного училища⁵³.

После возвращения из Вашингтона Сомоса хвалился, что разъяснил Рузвельту сущность своей «упорядоченной демократии»: «Демократия в наших странах (Сомоса имел в виду Центральную Америку — прим. автора) — это

⁵⁰ FRUS, 1939 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1939v05/reference/frus.frus1939v05.i0027.pdf>).

⁵¹ Ibid.

⁵² Сомоса рассматривал углубление реки Сан-Хуан как начало реализации договора Брайана — Чаморро.

⁵³ FRUS, 1939 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1939v05/reference/frus.frus1939v05.i0027.pdf>).

дителя, а разве можно давать младенцу все, что он попросит? Я даю свободу, но на свой лад. Попробуйте дать младенцу горячего пирога с мясом и перцем — вы его убьете»⁵⁴.

Главной цели визита в США Сомоса добился. Рузвельт, обладавший серьезным авторитетом не только в Латинской Америке, но и во всем мире, признал никарагуанскую модель Сомосы достойной всяческой поддержки. А это означало, что в борьбе против диктатуры никто не мог рассчитывать даже на моральное содействие США.

Но Сомоса не обманывался относительно реальной стабильности своего режима. Никарагуанские тюрьмы при нем никогда не пустовали. Даже в самом президентском дворце была оборудована камера для пыток арестованных. Она была такой маленькой, что напоминала поставленный на попа гроб. Рядом в клетках держали хищников, которым иногда удавалось отведать и человеческого мяса⁵⁵.

Сомоса ввел на подступах к президентскому дворцу особый режим безопасности. На холме Тискапа наряду с президентским дворцом размещались казармы национальной гвардии, военная академия и полицейское управление. Вокруг холма был живописный бульвар, но никто не мог пересечь его без специального разрешения.

После принятия в 1939 году новой конституции Никарагуа главным лозунгом Сомосы стало слово «континуи́смо», то есть «последовательность», «преемственность» по-испански. Это означало, что Сомоса должен продолжать свое правление во имя успешного эволюционного развития Никарагуа.

Однако диктатор понимал, что ключом к стабильности ситуации в стране является экономика, а именно жизненный уровень большинства населения. И следует признать, что с первых дней пребывания у власти Сомоса (в отличие, например, от Сакасы) уделял экономике самое пристальное внимание.

К моменту прихода к власти Сомосы состояние никарагуанской экономики было по-прежнему тяжелым. Кофе стоил на мировом рынке всего лишь 7 центов за фунт — то есть цена на этот важнейший продукт никарагуанского экспорта не выросла по сравнению с самыми тяжелыми кризисными годами — 1932-м и 1933-м. Бананы, которые экспортировались из Москитии на атлантическое побережье США, тоже продавались с трудом — безработным бедным американцам (в то время таковых насчитывалось больше половины населения США) явно было не до бананов. К тому же в 1937 году ВВП США снова упал, и все заговорили о второй волне кризиса. Никарагуа экспортировала и золото, но вся выручка оседала в карманах американских компаний, которые сразу же переводили ее за рубеж. Чем может закончиться попытка поставить под контроль американцев в Москиии, Сомоса знал на примере Селайи.

⁵⁴ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 137.

⁵⁵ Там же.

Поэтому главной задачей правительства Сомосы была ликвидация дефицита никарагуанской внешней торговли, чтобы получить валюту для критически важного импорта.

Уже через две недели после принесения президентской присяги Сомоса резко девальвировал кордобу. Теперь Национальный банк продавал ее импортерам не по курсу 1:1, а по курсу 1,9:1⁵⁶. Тем самым был нанесен удар по черному валютному рынку, где за доллар давали 2,6 кордобы. Однако эта мера оказалась недостаточной, так как самих долларов у Национального банка было мало. Импортеры требовали, чтобы банк продал свои золотые резервы и купил долларов для свободной продажи.

Тогда было принято решение, чтобы Национальный банк продавал импортерам до 70% получаемой им экспортной выручки. Но банк, находившийся под контролем американцев, делал это весьма неохотно — основная часть денег шла на погашение внешнего долга.

Сомоса пригласил американского финансового эксперта Джеймса Эдвардса и поручил ему разработать план стабилизации валютно-финансовой системы Никарагуа. Рекомендации Эдвардса были традиционно-монетаристскими. Он предлагал вернуться к системе жесткого распределения валюты, то есть фактического лицензирования импорта.

В августе 1937 года никарагуанский конгресс принял соответствующий закон, согласно которому Комиссия по валютному обмену (созданная еще в 1931 году) могла контролировать все импортные и экспортные операции, а курс кордобы к доллару не должен был быть ниже 1:2. Однако «план Эдвардса» не решал главной проблемы — отсутствия валюты в Никарагуа. Фактически американцы лишь предлагали меньше импортировать. Но без импорта не мог функционировать и экспорт — аграриям были нужны машины, оборудование, горючее и т.д.

Неудивительно, что уже в декабре 1937 года Торговая палата Манагуа и Аграрная ассоциация Никарагуа, объединявшая крупных сельхозпроизводителей, открыто высказались против «плана Эдвардса». Предприниматели требовали отмены ограничений валютного курса и свободной продажи валюты.

Сильной стороной Сомосы была гибкость в проводимой политике, так как никаких собственных убеждений у него не было. Поэтому 10 декабря 1937 года Сомоса признал «план Эдвардса» неудачным, но, правда, лишь потому, что Эдвардсу якобы дали «неправильные данные» (Сомоса не хотел обижать американцев)⁵⁷. Сомоса предложил, чтобы экспортеры могли самостоятельно продавать на рынке 80% валютной выручки по фактически сложившемуся курсу.

Такое коренное изменение валютной политики привело к резкому падению курса кордобы, который установился на уровне 1:5,9 к июню 1938 года.

⁵⁶ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 68.*

⁵⁷ *Ibid. P. 69.*

Однако такой курс не устраивал импортеров, и они решили договориться и не покупать кордобу дороже курса 1:4,5.

Между тем в стране из-за подорожания импорта резко выросли цены, что угрожало уже политической стабильности режима.

В июне 1938 года Сомоса опять ввел контроль над обменным курсом, запретив свободную покупку и продажу долларов частными лицами. Правительство теперь устанавливало официальный курс кордобы еженедельно, что опять-таки не добавляло стабильности в ведении бизнеса для экспортеров и импортеров. Фактически правительство закрепило кордобу на сложившемся крайне низком обменном курсе по отношению к доллару.

Население было крайне недовольно ростом цен — ведь, продавая кофе и бананы, Никарагуа закупала очень много продовольствия, цены на которое с падением кордобы, естественно, сильно выросли. В марте 1937 года «популист» Сомоса начал бороться с порождением собственной политики. Он заставил всех торговцев помещать ценники на видных местах на витринах магазинов и лавок, чтобы правительственные чиновники (из состава Комиссии по валютному обмену) могли их контролировать. К тому же чиновникам дали право проверять бухгалтерскую отчетность торговцев, чтобы выяснять, насколько их закупочные цены отличаются от цен продажи.

Однако торговцев такие меры не сильно напугали, и цены продолжили свой стремительный рост. Тогда Сомоса был вынужден перейти уже к прямому контролю над ценами. В январе 1938 года максимальная торговая наценка на товары повседневного пользования (ткани, нитки, мачете, плуги, лопаты, лекарства, мука и т.д.) была установлена в размере 20%.

Для контроля над ценами был создан специальный государственный орган — Национальная комиссия по регулированию. В нее имели право обратиться все недовольные потребители. Комиссия могла оштрафовать и даже закрыть торговое предприятие за превышение предельной наценки.

Торговая палата Манагуа в письме к Сомосе отмечала, что причиной постоянного роста цен является нестабильность курса кордобы, и предприниматели стараются с помощью повышения цен гарантировать себя от возможных потерь при обмене (ведь кордоба в любом случае не росла, а только падала по отношению к доллару).

В июне 1937 года, чтобы сбить цены, Сомоса ввел пятилетнее эмбарго на экспорт говядины (причем сам диктатор этот запрет обходил, продавая мясо со своих предприятий). Предприниматели, конечно, были недовольны, но к тому времени руководство Торговой палатой уже находилось в руках ставленников Сомосы, и протесты были вялыми и сервильными. На границе с Коста-Рикой расцвела контрабанда говядины, в которой активно участвовали национальная гвардия и близкие к режиму бизнесмены.

В феврале 1938 года Сомоса объявил о более радикальных мерах по борьбе с инфляцией. Предполагалось создать национальный комиссариат, который

продавал бы рабочим и крестьянам продукты первой необходимости по себестоимости⁵⁸. Организовывать такие магазины предполагалось за счет взносов самих же рабочих. Но такая мера ударила бы по бизнесу уже сильно, а Сомоса никогда не ссорился с предпринимателями — главной социальной опорой своей власти. Поэтому из идеи альтернативных государственных магазинов так ничего и не вышло.

Таким образом, валютная политика Сомосы не решила ни одной из поставленных задач, но зато привела к резкому росту цен в стране.

Для укрепления доходной базы бюджета Сомоса упорядочил налогообложение, создав единую налоговую службу. Однако основная тяжесть при взимании налогов по-прежнему лежала на рядовых потребителях, потому что практически все собираемые налоги были косвенными. Правительство взимало акциз на бензин, алкогольные напитки, табак и сахар. Правда, в декабре 1939 года был введен налог на имущество (0,5% от оценочной стоимости) и налог на наследство на недвижимость (плавающая шкала от 0,5 до 15%). Однако этих налогов собиралось очень мало, и существенной роли в формировании дохода бюджета они не играли.

Единственным налогом, не затрагивающим население напрямую, был налог на экспорт кофе, но он был снижен на 20% по просьбе экспортеров⁵⁹.

Соответственно, введение Сомосой акцизов только усилило инфляцию в стране.

Тем не менее благодаря девальвации кордобы Сомоса смог на бумаге серьезно увеличить доходы правительства: с 5,5 миллиона кордоб в 1935–1936 годах до 16,7 миллионов в 1938–1939 годах⁶⁰. Однако в долларах эти доходы только упали: с 4,8 миллиона долларов до 3,4 в этот же отрезок времени.

Сомосе удалось подчинить правительству Национальный банк, который с 1938 года был зарегистрирован в Манагуа (ранее — в США). Совет директоров банка теперь назначался лично президентом. Была учреждена единая служба банковского надзора. Реорганизации подвергся Ипотечный банк, выдававший долгосрочные кредиты аграрному сектору. Были расширены кредитные полномочия «Национальной кассы народного кредита»: раньше этот банк выдавал кредиты в размере до 100 кордоб, теперь — до 3000.

В целом экономическая политика Сомосы до Второй мировой войны не могла продемонстрировать крупных успехов. Причиной этого было трудное экономическое положение главного рынка для никарагуанских товаров — США, которые так и не смогли достичь докризисного уровня 1929 года до войны.

Начало войны было использовано Сомосой для «закручивания гаек», как в экономике, так и в политике. Были введены ограничения на импорт (по-

⁵⁸ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 73.*

⁵⁹ *Ibid. P. 74.*

⁶⁰ *Ibid. P. 75.*

скольку отпали традиционные европейские рынки экспорта), а предельные торговые наценки были установлены в размере 5%. В декабре 1941 года, когда Никарагуа вслед за США объявила войну Германии и Японии, была учреждена Государственная хунта по контролю над ценами и торговлей.

В годы войны экономика Никарагуа наконец-то вышла из кризиса. Однако причина резко поправившегося экономического положения страны коренилась совсем в другом: существенно выросли цены на производимые в Никарагуа товары, которые охотно закупали американцы. В 1943 году торговый баланс Никарагуа стал положительным и был полностью погашен внешний долг (причем часть — раньше срока).

Правда, Сомоса активно печатал деньги (денежная масса в Никарагуа выросла за годы войны в пять раз), что привело к ускорению инфляции. Цены на продовольствие в 1940–1945 годах выросли в 3,5 раза, на лекарства (импорт которых стал монополией государства) — в три раза, на одежду — в два.

В стране стали ощущаться оппозиционные настроения, прежде всего среди рабочих, госслужащих и других малооплачиваемых жителей городов, которые больше всего страдали от инфляции.

Под предлогом войны полиция и национальная гвардия усилили репрессии против нарушителей общественного порядка. Имунитета лишились даже депутаты парламента. Еще в марте 1939 года был принят конституционный закон о военном положении, по которому президент мог арестовать любого гражданина и поместить его в заключение на неопределенное время. Дела о подстрекательстве, организации несанкционированных демонстраций и заговоре в целях свержения власти передавались военным судам.

В 1941 году конгресс Никарагуа одобрил «закон о защите демократии». Согласно этому документу, запрещались и коммунистическая, и нацистская идеологии как противоречащие социальному строю Никарагуа.

Все годы войны в Никарагуа действовало военное положение. За пронацистские взгляды был арестован даже военный министр Никарагуа Ригоберто Рейес⁶¹. Однако ФБР относилось к возможной информации о нацистском проникновении в Никарагуа без особой тревоги, хотя страна и находилась поблизости от стратегически важного Панамского канала. В Никарагуа, по оценкам американской контрразведки, жили всего 212 немцев и итальянцев — меньше, чем в любой другой стране Центральной Америки (в Гватемале, например, граждан держав Оси было в десять раз больше — 2720, да и в самой Панаме их было более чем достаточно для организации саботажа — 2334)⁶². Но немногочисленная немецкая колония в Никарагуа была достаточно влиятельной и активно распространяла нацистскую идеологию, в том числе и через Немецкую

⁶¹ *Staten C.L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 52.

⁶² *Crawley A.* Somoza and Roosevelt: Good Neighbor Diplomacy in Nicaragua, 1933–1945. Oxford University Press, 2007. P. 160.

школу в Манагуа, популярную у местной аристократии. Во время визита Сомосы в США ему было настоятельно рекомендовано прекратить публикацию в никарагуанских газетах (например, в «Ла Пренса») прогерманских материалов. Сомоса так и поступил.

Однако главными оппозиционерами в Никарагуа были, конечно, не сторонники нацизма. В стране зрело недовольство на почве крайне тяжелого социально-экономического положения подавляющего большинства населения. Даже военный атташе США в Манагуа признавал: зарплаты рабочих, и без того мизерные (как в городе, так и на селе — примерно 9 американских центов в день), настолько обесценились в результате инфляции, что означают для их получателей «медленную смерть».

Но были недовольны и имущие слои, у которых клан Сомосы постепенно отбирал самые прибыльные предприятия.

В феврале 1939 года группа студентов в Леоне облила кислотой подаренный японским императором портрет Сомосы из шелка. Полиция вычислила злоумышленников, и они отправились в тюрьму на несколько месяцев. В феврале 1940-го была раскрыта «группа коммунистических заговорщиков». Таковыми оказались опять студенты, которые отпечатали и вывесили публиковавшуюся ранее в газетах фотографию улыбающегося Сомосы, на которой он обнимал Сандино. Под фотографией была надпись: «Объятие смерти. Вчера он убил Сандино. Сегодня он убивает народ». Восемь студентов были сосланы на острова Корн.

В феврале 1940 года американский посланник в Манагуа Никольсен писал, что оппозиционные настроения в стране сильны, но в условиях тотального вооруженного превосходства национальной гвардии над своими оппонентами никакой «революции» ждать не приходится (хотя слухи о ней доходили до американской миссии начиная с первой половины 1939 года)⁶³.

Оппозиционные Сомосе организации и группы возникали и в эмиграции. В Мехико с «Программой действий» в сентябре 1938 года выступил Никарагуанский революционный комитет. В программе чувствовалось влияние идей Сандино: главной причиной бедствий Никарагуа было названо влияние США, и прежде всего созданная американцами национальная гвардия. Комитет выступал за вооруженную борьбу против Сомосы, ликвидацию национальной гвардии, аграрную реформу и защиту общинного землевладения. В целом идеологию комитета можно охарактеризовать как реформистскую, весьма похожую на взгляды тогдашнего прогрессивного президента Мексики Ласаро Карденаса.

Под влиянием блестящих побед Красной армии и роста авторитета СССР в мире в Никарагуа стали возникать коммунистические группы. В январе

⁶³ *Crawley A. Somoza and Roosevelt: Good Neighbor Diplomacy in Nicaragua, 1933–1945. Oxford University Press, 2007. P. 160.*

1943 года появился антифашистский «Конгресс за мир, единство и освобождение», за которым стояли коммунисты. Они пытались объединить в этой организации рабочих, студентов и представителей городских средних слоев. Однако по указанию Сомосы конгресс был разгромлен национальной гвардией⁶⁴.

Коммунисты тем не менее образовали Блок антифашистских трудящихся, который во время празднования 1 мая 1943 года потребовал снижения цен и раздачу земли крестьянам. После этого все руководители блока были арестованы.

Сомоса относился к любому рабочему движению крайне подозрительно. Если либералы и консерваторы были группами элит, которые можно было легко контролировать, то массовые движения типа профсоюзов или рабочей партии представляли, по мнению Сомосы, опасность для его режима. Поэтому диктатор опирался на бизнес и по просьбе последнего, в частности, не допустил принятия в Никарагуа трудового кодекса, который уже начал обсуждаться в парламенте.

Однако в 1944 году положение резко изменилось, и одно время Сомоса даже рассматривал коммунистов в качестве временных (хотя и неравноправных) союзников.

В этот период Сомоса стал готовиться к своему переизбранию на пост президента. 7–9 февраля 1944 года был в ускоренном порядке изменен порядок направления делегатов на съезд либеральной партии (который формально выдвигал кандидатуру на пост президента). Если раньше делегатов выдвигали местные организации, то теперь их предстояло выбирать в централизованной манере, что облегчало Сомосе контроль над делегатами съезда. Партийные комитеты в департаментах (традиционно имевшие большое влияние) теперь не избирались, а назначались центральным руководством, то есть самим Сомосой⁶⁵.

Однако небольшая группа либералов во главе с Карлосом Пасом и Эноком Агуадо решила выступить против переизбрания Сомосы и образовала 9 марта 1944 года отдельную Независимую либеральную партию. Эмблемой партии стала белая пятиконечная звезда (видимо, в честь США) на красном фоне (традиционный цвет либералов).

Опорой новой партии были, прежде всего, студенты, образовавшие Демократический молодежный фронт. Одним из самых известных активистов фронта стал Томас Борхе — будущий руководитель сандинистской революции 1979 года. В Никарагуа в то время было всего около 600 студентов — в Манагуа, Леоне и Гранаде.

Независимые либералы и молодежь выступали за демократизацию Никарагуа в духе аналогичных реформ, проводившихся в то время в Коста-Рике и Гватемале.

⁶⁴ *Walter K. The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993. P. 105.*

⁶⁵ *Ibid. P. 97.*

27 июня 1944 года студенты решили в тот же день провести демонстрацию в столице в знак солидарности с гватемальцами, которые боролись против военной хунты, пришедшей там к власти после свержения профашистской диктатуры генерала Убико. К студентам присоединились сотни рабочих, служащих и торговцев, и количество демонстрантов выросло до 2000 человек. Раздавались требования предотвратить переизбрание Сомосы и ликвидировать его диктатуру. Манифестанты устроили митинг перед военной академией, где и были разогнаны полицией. 500 человек были арестованы.

На следующий день на улицах Манагуа появились одетые в черное матери студентов, требовавшие освобождения своих сыновей. Сомоса организовал контрдемонстрацию пьяных проституток, хотя все же освободил некоторых арестованных. Демонстрация солидарности со столичными студентами прошла в Леоне. 4 июля, в День независимости США, студенты устроили митинг перед миссией США в Манагуа⁶⁶.

Участников протестов стали называть «поколением 1944 года», из которого вышли многие активные деятели оппозиционного движения Никарагуа последующих десятилетий.

Сомоса в этих условиях решил противопоставить студенческой молодежи и интеллектуалам из средних городских слоев рабочее движение. Коммунистам разрешили выйти из подполья, и в июле 1944 года была формально учреждена легальная Никарагуанская социалистическая партия. Под руководством партии быстро вырос мощный профцентр, объединявший около 100 тысяч человек.

В то время коммунисты исходили из общей генеральной линии на создание единых антифашистских фронтов, в том числе и с национальной буржуазией.

Главной задачей коммунистов были не социальные преобразования, а поддержка СССР и США в борьбе против фашизма. Лидер компартии США Браудер даже принял решение о роспуске партии, чтобы не мешать Рузвельту. Сомоса был союзником Рузвельта, а значит, коммунистам, по крайней мере в годы войны, следовало его поддерживать.

Бесспорно, такая тактика компартии вполне устраивала Сомосу, и он использовал коммунистов и профсоюзное движение в качестве временных союзников в борьбе против «реакционеров» из рядов независимых либералов и консерваторов (среди последних непримиримым врагом Сомосы был клан Чаморро).

12 января 1945 года Сомоса ввел в действие прогрессивный трудовой кодекс, выполнять который он всерьез и не собирался. Но многие рабочие встретили эту меру положительно. Чтобы они не забывали, кто их облагодетельствовал, Сомоса приказал построить сам себе величественный памятник. Диктатор на коне обошелся казне в 4 миллиона кордоб.

⁶⁶ *Staten C.L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 53.

Помимо «пряника» Сомоса активно готовился использовать против оппозиции и кнут. Начиная с декабря 1943 года Сомоса безуспешно просил у США оружие как союзник по антигитлеровской коалиции. В декабре 1944-го он отправил Рузвельту личное послание с просьбой предоставить Никарагуа 10 тысяч винтовок «спрингфилд»⁶⁷. Рузвельт, видимо, колебался и Сомоса «разъяснил» ему, что, в отличие от других центральноамериканских стран, в Никарагуа никто не хочет применять оружие против собственного народа: «Оружие в руках созданной офицерами американской армии Национальной гвардии находится в дружественных руках и с честью послужит интересам демократии».

Сомоса попытался запугать США революционной Мексикой и международным коммунизмом: «Никарагуа, к тому же, является бастионом и плотиной против коммунизма, который пытается проникнуть в Центральную Америку в качестве одного из аспектов мексиканской политики... Я не могу отделаться от мысли, что рано или поздно нам придется иметь дело с влиянием России и что США придется взять на себя лидерство — как и сегодня — со всем мужеством и предвидением, в целях нашей совместной обороны»⁶⁸. И здесь Никарагуа, по словам ее президента, готова была следовать за США в их противостоянии СССР. Ради этого Сомоса требовал увеличения военной миссии США в Никарагуа.

Конечно, диктатору требовались не винтовки сами по себе (тем более что он был готов отдать американцам взамен такое количество устаревших образцов). В преддверии решающей схватки с оппозицией своему переизбранию Сомоса опять, как и в 1939 году, рассчитывал на публичную демонстрацию поддержки со стороны США.

Американские военные были готовы удовлетворить просьбу Сомосы, но госдепартамент полагал, что никакой угрозы военного нападения на Западное полушарие не существует и поэтому Никарагуа не имеет права получить винтовки по ленд-лизу⁶⁹. Американцы отделались почетной медалью, которой наградили Сомосу в марте 1945 года.

3 мая 1945 года Сомоса получил, наконец, ответное послание от нового президента США Трумэна. Свежеиспеченный хозяин Белого дома предлагал провести в ближайшем будущем американско-никарагуанские военные консультации в целях тесной координации оборонной политики обоих государств. После этого станет ясно, сколько оружия и какого типа реально требуется Никарагуа⁷⁰.

Американцы согласились помочь Сомосе в реорганизации национальной гвардии с целью увеличения ее личного состава до 4000 человек и превращения ее в полноценную регулярную армию со всеми видами оружия и боевой

⁶⁷ FRUS, 1945 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1945v09/reference/frus.frus1945v09.i0020.pdf>).

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid.

техники. С этой целью в страну была направлена постоянная военная миссия США.

12 июля 1945 года Сомоса выразил послу США Уоррену свое недовольство тем, как к нему относятся в Вашингтоне⁷¹. На беседе присутствовал сын диктатора Луис, который в чине капитана национальной гвардии был военным атташе Никарагуа в столице Соединенных Штатов.

В духе времени американцы стали требовать от Сомосы ослабления диктатуры, гарантирования свободы прессы и освобождения политических заключенных. Но главное — в Вашингтоне были против выдвижения Сомосы на новый президентский срок в 1947 году, опасаясь, что это приведет к народному восстанию, типа гватемальской революции 1944-го.

Сомоса был вынужден пойти на попятную и объявил, что не будет участвовать в президентских выборах. Но при этом, естественно, диктатор хотел обеспечить победу на них своему ставленнику, который должен был просто функционировать в качестве местоблюстителя вплоть до следующих выборов.

На малопочтенную роль своей марионетки Сомоса выбрал ветерана либеральной партии, участника капитуляции 1927 года Леонардо Аргуэльо. В 1934–1937 годах Аргуэльо был сторонником Сакасы и противником Сомосы, но в 1947 году ему было уже 70 лет, и диктатор не ждал от него никаких неожиданностей.

Независимая либеральная партия и консерваторы выдвинули своим кандидатом Энока Агуадо. Напрасно Сомоса в январе 1947 года пытался через посольство США наладить контакт с лидером консерваторов Чаморро, чтобы договориться с ним о единой кандидатуре⁷². Госдепартамент посоветовал Сомосе договориться с оппозицией самостоятельно. Не удалось Сомосе и представить Чаморро в Вашингтоне как «революционера», который намерен свергнуть власть насильственным путем.

Национальная гвардия, как всегда, блестяще справилась с «организацией» выборов 2 февраля 1947 года, и Аргуэльо был провозглашен победителем.

8 апреля Агуадо был принят в госдепартаменте, где он убедительно представил всю абсурдность никарагуанских «выборов». Однако в ответ лидер оппозиции услышал уже знакомые фразы о невмешательстве США во внутренние дела других государств. Не помогло и то, что Агуадо рассказал в Вашингтоне о совместных фотографиях Сомосы с Гитлером и Муссолини (которые диктатор велел изготовить с помощью фотомонтажа и повесить у себя в кабинете). Сомоса начисто отгнул это как клевету в свой адрес⁷³. Диктатор предостерег, что, несмотря на слухи, он ни за что не уйдет с поста командующего национальной гвардией.

⁷¹ FRUS, 1945 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs/1945v09/reference/frus.frus1945v09.i0020.pdf>).

⁷² FRUS, 1947 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1947v08/reference/frus.frus1947v08.i0021.pdf>).

⁷³ Ibid.

Однако, к удивлению Сомосы и большинства никарагуанцев, Аргуэльо проявил на посту президента определенную самостоятельность. Он стал пытаться назначать на командные посты не только друзей или родственников клана Сомосы и даже заговорил об отставке самого диктатора со всех постов. Аргуэльо позднее вспоминал, что когда он стал президентом, его поразили масштабы расхищения семьей Сомосы государственных средств. Например, из 100 закупленных в США за государственный счет тракторов 98 работали на предприятиях клана Сомосы. Сотни людей были оформлены как служащие государственных железных дорог, но на самом деле трудились на различных фирмах диктатора⁷⁴.

Аргуэльо был крайне удивлен и тяжелым финансовым положением страны, несмотря на благоприятную для Никарагуа внешнеэкономическую конъюнктуру военных лет. Государственный долг Никарагуа вырос в 1938–1945 годах с 15 до 29,2 миллиона кордоб. При этом доходы правительства тоже увеличились — с 7,5 до 63,7 (1937–1945 годы) миллиона кордоб. Куда делись все эти деньги, Аргуэльо не понимал.

В начале мая 1947 года Аргуэльо пожаловался американскому послу на давление, которое оказывает на него Сомоса. Последний требовал безусловного согласования с ним всех назначений в национальной гвардии. Аргуэльо смело заявил Сомосе, что делает это специально, чтобы народ Никарагуа понял, кто настоящий глава государства.

24 мая вечером Аргуэльо сообщил американскому послу, что намерен отправить Сомосу в отставку с поста командующего национальной гвардией. В качестве причины президент указал на циркулярные телеграммы Сомосы командирам гвардии, в которых говорилось: гвардия в опасности и следует выполнять приказы только Сомосы и никого больше⁷⁵. Сомоса обманул Аргуэльо, сказав ему, что в самом ближайшем будущем эмигрирует в США.

Неудивительно, что после этого Аргуэльо продержался в президентском кресле всего 25 дней. Утром 25 мая 1947 года Сомоса окружил президентский дворец танками, разбудил главу государства и объявил ему, что он низложен. Министр здравоохранения дозвонился до посольства США и попросил помощи. Ему ответили, что не могут ничего сделать по причине отсутствия инструкций из Вашингтона. Аргуэльо умолял посла США Бернбаума срочно прибыть в президентский дворец, но Сомоса не рекомендовал послу этого делать. По телефону Сомоса так объяснил Бернбауму свой очередной переворот: его, дескать, «приперли к стенке», и он был вынужден принять меры для защиты собственной жизни. В эти объяснения не поверили даже в госдепартаменте.

Когда американский военный атташе спросил Сомосу, что будет, если Аргуэльо не уйдет в отставку добровольно, тот улыбнулся и ответил: «В прези-

⁷⁴ Гонтионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 139–140.

⁷⁵ FRUS, 1947 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1947v08/reference/frus.frus1947v08.i0021.pdf>).

дентском дворце осталось мало еды»⁷⁶. Сомоса с гордостью заметил, что «беспрецедентно» успешное проведение переворота является свидетельством его популярности в национальной гвардии.

26 мая 1947 года послушный Сомосе никарагуанский парламент объявил Аргуэльо сумасшедшим и отрешил его от должности. Американцам Сомоса говорил, что Аргуэльо связался с коммунистами и готовил переворот. Новым временным президентом был избран дядя жены Сомосы Бенхамин Лакайо Сакаса.

Ни администрация Трумэна, ни центральноамериканские государства не признали нового «президента», который за свою комплекцию получил в народе кличку «жирная марионетка».

Но Сомоса мастерски разыграл антикоммунистическую карту, используя уже начатую правительством США «холодную войну» против СССР в своих целях. 5 июля 1947 года Лакайо по указанию Сомосы запретил Никарагуанскую социалистическую партию (коммунистическую), на основании того, что ее члены исповедуют «экзотическую идеологию, запрещенную конституцией». Начались аресты коммунистов по всей стране. Лидеров партии сослали на остров Ометепе. При диктатуре Сомосы компартия уже никогда не выходила из подполья.

Сам Сомоса был немедленно назначен военным министром при сохранении поста командующего национальной гвардией.

Для утверждения своего господства Сомоса велел провести 3 августа 1947 года выборы в очередное Конституционное собрание. В этих «выборах» приняли участие менее 10% никарагуанцев. Собрание избрало еще одним временным президентом еще одного дядю (теперь уже самого Сомосы) Виктора Романа-и-Рейеса, которому было уже 80 лет. Рейес должен был править четыре года, после чего предстояли новые выборы президента на шесть лет. Лакайо стал при Рейесе министром общественных работ.

Но реальным хозяином в стране оставался Анастасио Сомоса. Рейеса в народе звали просто TV (tío Victor — «дядя Виктор»).

Американцы быстро сменили гнев на милость и уже в 1948 году признали новый режим как ценного союзника в борьбе с мировым коммунизмом. Американская военная миссия в Никарагуа стала готовить хорошо вооруженные батальоны никарагуанской армии, которые могли бы воевать вместе с войсками США в горячих точках «холодной войны».

6 мая 1950 года «президент» Рейес скончался в США от сердечного приступа. На сей раз Сомоса не был готов довериться сомнительным политическим комбинациям или престарелым родственникам. Президентом он видел только себя.

При поддержке посольства США Сомоса заключил соглашение с лидерами консерваторов Карлосом Куадрой Пасосом и Эмилиано Чаморро (это согла-

⁷⁶ FRUS, 1947 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1947v08/reference/frus.frus1947v08.i0021.pdf>).

шение назвали «пактом генералов»). Консерваторы соглашались поддержать кандидатуру Сомосы при условии, что их партия получит треть мест в парламенте⁷⁷. Как только Роман-и-Рейес умер, конгресс назначил Сомосу временным президентом, и в этом же мае 1950 года диктатор был «избран» президентом на шесть лет.

В апреле 1951 года государственный департамент подготовил меморандум о целях политики США в отношении Никарагуа⁷⁸. Эти цели формулировались следующим образом:

- «сохранять и развивать поддержку внешней политики США со стороны Никарагуа», особенно в отношении тех «мер безопасности», которые США предпринимают в Западном полушарии⁷⁹;
- «культивировать в никарагуанском народе» ясное понимание внешней политики США в целях выполнения первой задачи;
- содействовать формированию в Никарагуа «духа опоры на собственные силы» в экономическом и демократическом развитии (американцы не очень-то хотели помогать Никарагуа даже в обмен на поддержку своей внешней политики);
- защищать «легитимные интересы» США в Никарагуа.

При анализе ситуации в Никарагуа госдепартамент признавал, что Сомоса правит «авторитарно» с опорой на национальную гвардию и подавил в стране всю оппозицию⁸⁰. Однако Сомоса всегда поддерживал США, что, даже по мнению госдепартамента, отнюдь не способствовало росту его авторитета среди соотечественников. Американцы хотели также «осторожно» содействовать эволюции Никарагуа в сторону демократии, поскольку не хотели опираться в этой стране только на одного человека. Но в качестве оправдания тесного сотрудничества США с одиозной диктатурой Сомосы госдепартамент в своем анализе утверждал, что никарагуанцы сами ничего не хотят сделать для торжества демократии в стране.

В 50-е годы Никарагуа продолжала оставаться аграрной страной, ориентированной на внешний рынок. Послевоенное восстановление Европы, гонка вооружений и война в Корее способствовали росту мировых цен на сырье, что было благоприятно для никарагуанской экономики.

Однако если раньше экономика Никарагуа зависела в основном от экспорта кофе, то 50-е характеризовались резким ростом производства и экспорта

⁷⁷ *Staten C.L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 54.

⁷⁸ FRUS, 1951 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1951v02/reference/frus.frus1951v02.i0023.pdf>).

⁷⁹ Имелось в виду создание Вашингтоном на конференции в Рио-де-Жанейро в 1947 году Межамериканского пакта о взаимопомощи как единого военного блока в борьбе против мирового коммунизма.

⁸⁰ FRUS, 1951 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1951v02/reference/frus.frus1951v02.i0023.pdf>).

хлопка. В 1951–1955 годах площадь земли под хлопчатником увеличилась в 10 раз⁸¹. В северо-западных департаментах Чинандега и Леон производство хлопка выросло в 120 раз с 1949-го по 1955 год. В 1955-м хлопок впервые стал основным экспортным товаром Никарагуа. Если в 1949 году из Никарагуа было вывезено 379 тонн хлопка, то в 1955-м — 43 971 тонна.

Правительство при поддержке США активно кредитовало производство хлопка, в том числе закупку в тех же США сельскохозяйственных машин и пестицидов. Но кредиты в основном шли крупным олигархическим кланам, три из которых в 50-е годы контролировали всю экономику Никарагуа.

Первый клан был связан с американскими банками «Бэнк оф Америка», «Уэлс Фарго» и «Ферст Нэшнл Бэнк оф Бостон». По имени первого банка клан неформально называли «группа БНАМЕРИКА». В нем объединились традиционные богатые консервативные кланы Гранады. Эта олигархическая группа контролировала производство сахара, рома, говядины, кофе, имела большие вложения в розничную торговлю и внешнеторговые операции.

Другой олигархический клан был связан с «Никарагуанским промышленно-торговым банком» (Banco Nicaraguense de Industria y Comercio), поэтому его знали как «Группу БАНИК». Это были старейшие либерально настроенные кланы Леона, — традиционные соперники Гранады. Эта олигархическая группировка активно занималась хлопковым бизнесом, а также спекуляцией землей, строительством и заготовкой древесины.

Самым влиятельным олигархическим кланом была, естественно, семья Сомосы. Ее предприятия финансировались центральным банком, но был у семьи и собственный банк — «Банко Сентроамерикано». Сомоса в 50-е годы активно наращивал свою бизнес-империю, и американцы оценивали его состояние в 50 миллионов долларов. Диктатор обзавелся собственным портом на тихоокеанском побережье, который он назвал в честь себя — Пуэрто-Сомоса. Ему также принадлежала и национальная авиакомпания.

При этом все три олигархические группировки были тесно связаны друг с другом семейными и деловыми узами. Например, глава клана Чаморро и неформальный лидер консерваторов в Никарагуа Педро Хоакин Чаморро состоял в совете директоров «Никарагуанского торгово-промышленного банка», а его родственник Альфредо Пельяс Чаморро, которому принадлежал крупнейший в Центральной Америке сахарный завод, был связан с «Группой БНАМЕРИКА».

Большую часть денег олигархи зарабатывали не за счет промышленного производства, а с помощью торговых операций, искусственно задирая цены. 24,7% национального дохода Никарагуа в 50-е годы присваивал торговый капитал, и только 9,8% — промышленный.

Внешняя торговля Никарагуа была ориентирована на США и западноевропейские страны. На Америку в 1951 году приходилось 56,5% внешней торговли

⁸¹ *Staten C.L.* The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 55.

Никарагуа, на Великобританию — 15,4%, на Мексику и страны Центральной Америки — 10,5%.

Олигархические кланы совместно, при помощи связей в госаппарате, сгоняли крестьян с земли, чтобы пополнить свои латифундии, а заодно и резервуар дешевой рабочей силы. Только Сомосе и его семье, по разным оценкам, принадлежало от 10 до 20% всей обрабатываемой земли в Никарагуа. По другим данным, личное состояние Сомосы уже в 40-е годы превышало 300 миллионов долларов и ему принадлежало до 50% сельскохозяйственных земель.

В то же время среднемесячная заработная плата рабочего в Никарагуа в 1960 году не превышала 53,5 доллара США. Индивидуальное среднее потребление в Никарагуа составляло 11,1% от американского уровня, причем доходы никарагуанцев в сравнении с американцами сокращались, а не росли. Если в 1955 году средний доход в Никарагуа равнялся 9,6% от американского уровня, то в 1960 году — 8,8%.

Из 330 тысяч человек трудоспособного населения Никарагуа в 1950 году 223,5 тысячи были заняты в сельском и лесном хозяйстве и только 37,5 тысячи — в обрабатывающей промышленности.

Средний никарагуанец потреблял в день к началу 60-х годов 2350 килокалорий, в том числе 59 г белков (костариканец соответственно — 2610 и 70; правда, положение населения в Сальвадоре, Гондурасе и Гватемале было еще хуже, чем в Никарагуа). Только 49% подданных Сомосы были грамотными (в Коста-Рике — 86%), и лишь 4,4% никарагуанцев могли похвастаться полным средним образованием. Неудивительно, если учесть, что Сомоса тратил на образование в среднем 1,7% национального дохода (Коста-Рика — 4,6%). В 1952 году в средние школы ходили 5 тысяч никарагуанцев (население страны составляло примерно 1,2 миллиона человек).

На всю страну в 1953 году насчитывалось 24 больницы и 520 врачей, причем медицинское обслуживание было платным и поэтому недоступным для большинства населения⁸².

С помощью бизнеса и сотрудничества в деле ограбления собственного населения Сомоса превратил некогда оппозиционных консерваторов в своих союзников. Казалось, что никакой оппозиции в Никарагуа уже нет.

Так же считал и сам Сомоса, который, уверовав в собственные силы, стал претендовать на роль регионального наместника США в Центральной Америке в качестве главного борца против «коммунистической угрозы». США каждый год в виде военной помощи предоставляли Никарагуа не менее 200 тысяч долларов, благодаря чему Сомоса превратил свою армию в самую сильную в Центральной Америке (в этом отношении с ним мог соперничать разве что его друг доминиканский диктатор Трухильо). Во время войны в Корее Сомоса предлагал американцам направить туда никарагуанский воинский контин-

⁸² Зарубежные страны. Политико-экономический справочник. М., 1957. С. 811.

гент. С 1953 года Никарагуа была официально включена в Программу американской военной помощи.

При этом доля Никарагуа в экономическом потенциале Латинской Америки составляла в 1950 году 0,4%, а в 1955-м — 0,5%⁸³.

В 1954 году Сомоса принял самое активное участие в операции ЦРУ по свержению прогрессивного гватемальского президента Хакобо Арбенса. Арбенс не понравился американцам тем, что осмелился в ходе аграрной реформы национализировать за выкуп земли, принадлежавшие «Юнайтед Фрут». На территории поместья Сомосы в Эль-Тамариндо готовились специалисты связи для гватемальских контрреволюционеров. Никарагуанский остров Момотомбито был превращен в учебный лагерь ЦРУ. В Пуэрто-Кабесасе американцы тренировали диверсантов для действий против Гватемалы⁸⁴. Именно на территории Никарагуа формировались отряды ЦРУ, которые затем напали на Гватемалу.

Когда подготовленные ЦРУ наемники летом 1954 года вторглись в Гватемалу, представитель этой страны на заседании Совета Безопасности ООН Ариола заявил: «Нападение против Гватемалы финансировалось „Юнайтед Фрут Компани“, снабжалось правительством США оружием и пользовалось поддержкой со стороны президента Никарагуа Анастасио Сомосы»⁸⁵.

В 1954–1955 годах Сомоса организовал вторжение реакционных костариканских эмигрантов в Коста-Рику с целью свержения реформистского правительства Фигереса.

«Вина» Фигереса состояла в том, что он отказался прибыть в Каракас на созванную США для осуждения гватемальского правительства Арбенса X конференцию Организации американских государств (ОАГ).

В январе 1955-го костариканские реакционные оппозиционеры и никарагуанские войска вторглись с территории Никарагуа в Коста-Рику. Фигерес пошел на уступки США, и никарагуанские войска ушли на свою территорию, передав урегулирование конфликта ОАГ. За исполнение роли регионального жандарма Сомоса 20 апреля 1954 года попросил США продать ему 12 новейших истребителей Ф-47 и четыре бомбардировщика Б-25. Эти самолеты превратили бы Сомосу в хозяина Центральной Америки, так как никарагуанская авиация смогла бы наносить удары по территории любой центральноамериканской страны.

Американцы предложили Сомосе истребители Ф-80 и бомбардировщики Б-26. Тогда Сомоса стал угрожать, что закупит самолеты в Швеции, как уже делал его друг Трухильо, и потребовал у американцев еще 60 танков и 7000 винтовок М-1 с семью миллионами патронов, а также четыре гаубицы калибром

⁸³ Бродович Б.Н. Национальный доход стран Латинской Америки. М., 1974. С. 54.

⁸⁴ Внешняя политика стран Латинской Америки после второй мировой войны. М., 1975. С. 340.

⁸⁵ Там же. С. 341.

105 мм. В конце концов, американцы продали требуемые винтовки и три истребителя Ф-47.

Однако 60 танков США предоставлять Сомосе не хотели, так как понимали, что для обороны Никарагуа от соседей столько боевой техники не нужно. Если бы Сомоса получил такое огромное (по меркам Центральной Америки) количество боевой техники, то это наверняка вызвало бы гонку вооружений со стороны всех соседей Никарагуа, особенно Коста-Рики.

В январе 1955 года посол Никарагуа в Вашингтоне потребовал «немедленно» продать его стране четыре истребителя Ф-51, чтобы противостоять четверке машин той же марки, которые Коста-Рика недавно купила в США. Мол, это личная просьба Сомосы, которому самолеты нужны для «обороны». Представитель Американского агентства помощи (АРА) Спаркс не выдержал и спросил, верит ли сам посол в то, что говорит. Как отмечает запись беседы в документах госдепартамента, «посол не смог дать ясного ответа».

В мае 1956 года США наконец-то дали согласие на поставку одержимому манией величия Сомосе четырех танков, но, как оказалось, это был последний успех диктатора. Первоначально Сомоса предложил, чтобы США продали через него десятки танков Израилю («как стране, борющейся с коммунизмом»), а в награду за посредничество дали бы ему бесплатно хотя бы 10 танков. Американцы отказались, на что Сомоса заметил: «Ну что же, игра окончена».

Диктатор и не подозревал, что его слова вскоре окажутся пророческими.

В 1955 году Сомоса в очередной раз изменил конституцию, чтобы дать себе возможность снова баллотироваться в президенты в 1956-м. Заявление о намерении вновь стать президентом Никарагуа Сомоса сделал в городе Окоаталь, где Сандино в 1927 году дал первый бой американским интервентам (свое выступление диктатор назвал «клич Окоаталья»). Когда диктатор в феврале 1956 года посетил Леон, его не впечатлили рисунки с черепом и перекрещенными костями и огромные надписи «Смерть Сомосе!» на стенах.

Еще в 1954 году старинный враг Сомосы Эмилиано Чаморро и его родственник, редактор газеты «Ла Пренса» Педро Хоакин Чаморро пытались убить диктатора. Бывшие военнослужащие национальной гвардии решили устроить 4 апреля засаду на Панамериканском шоссе. Однако один из участников заговора оказался предателем. Покушение провалилось, и его организаторов посадили в тюрьму, где жестоко пытали⁸⁶. Некоторых заговорщиков просто казнили без всякого суда.

Сомоса прочно контролировал правительство, расставлял на ключевые посты своих родственников. Зять Сомосы был послом в Вашингтоне, два племянника супруги («доньи Сальвадоры») — послом в Мексике и министром иностранных дел, ее брат — министром здравоохранения и президентом электроэнергетической компании. Старший сын Сомосы Луис был спикером

⁸⁶ *Staten C.L. The History of Nicaragua. Greenwood Publishing Group, 2010. P. 57.*

конгресса, что означало, что именно он станет главой государства, если с отцом что-нибудь случится. Второй, любимый сын Сомосы Анастасио-младший (по кличке «тачито» — «маленький мерзавец») командовал военной академией, а фактически и всем репрессивным аппаратом. Дядя Сомосы заведовал телефонной и телеграфной связью.

Портрет своей дочери Лилиан Сомоса распорядился поместить на денежных купюрах. Многие никарагуанцы подрисовывали Лилиан усы или писали под портретом «пута» («шлюха» по-испански).

13 мая 1929 года в городе Леоне родился Ригоберто Лопес Перес. Юноша любил стихи и уже в 17 лет написал свою первую поэму «Признание солдата». Чуть позже Лопес научился играть на виолоне и стал писать романтические и лирические песни. В 1952 году Лопес эмигрировал в Сальвадор, где одно время работал коммивояжером, продавая грампластинки. Потом он поступил на государственную службу, став санитарным инспектором. Лопес был членом независимой либеральной партии и ненавидел Сомосу. По некоторым данным, он получил в Сальвадоре военную подготовку при помощи бывших солдат национальной гвардии.

При покушении на диктатора в апреле 1954 года погибло двое друзей Лопеса, и он решил отомстить. 17 сентября 1956 года Лопес приехал в Манагуа, откуда поездом добрался до родного Леона. Он знал, что 21 сентября Сомоса будет присутствовать на торжественном вечере в «Рабочем доме», который организовали проправительственные профсоюзы. Перед уходом из дома в этот день юноша читал матери свои стихи, а затем, надев белую рубашку и голубые брюки, сказал, что хочет умереть, одетый в цвета национального флага. Проникнуть на вечер Лопес смог с помощью брата своей невесты, журналиста Армандо Селайи.

Вечер окончился балом, на котором довольный, выпивший шампанского Сомоса милостиво разглядывал красивых девушек — это была его слабость. Около 23:30, когда диктатор уже собрался уходить, Лопес в танце с одной из дам приблизился к нему и выстрелил пять раз из револьвера «смит и вессон». Три пули попали в цель, и на Лопеса сразу же обрушился град выстрелов со стороны личной охраны диктатора. Уже лежа на полу, истекая кровью, Лопес перед смертью успел сделать еще один выстрел и попал диктатору в пах. Две другие пули заделали легкое и позвоночник.

Сандино был отомщен, и его убийце тоже было суждено погибнуть от пули.

В Никарагуа было немедленно объявлено осадное положение, была прервана телефонная и радиосвязь с внешним миром (за исключением сообщений американского посольства, которое проинформировало о покушении уже через час). Американский посол немедленно направился в Леон.

Однако Сомоса был жив, хотя и испытывал нестерпимую боль. Его быстро перевезли в госпиталь в Манагуа, и рядом с палатой диктатора поселился американский военный атташе. В Вашингтоне сначала хотели прислать бригаду лучших врачей, но потом (23 сентября) переправили Сомосу в американ-

ский военный госпиталь в зону Панамского канала. Все эти меры принимались по личному указанию президента США Эйзенхауэра.

Но американские хирурги не спасли Сомосу. 29 сентября 1956 года он умер. В своем соболезновании президент США подчеркнул, что Сомоса скончался от «руки подлого убийцы»⁸⁷.

Между тем «подлый убийца» Лопес сначала хотел казнить Сомосу 14 сентября на мероприятии по случаю 100-летия одного из сражений, но отказался от этого, узнав, что на празднике будет много молодежи: он не хотел, чтобы собравшиеся пали жертвами произвола национальной гвардии.

Никарагуанская официальная печать сообщала, что мимо гроба Сомосы прошли тысячи людей. Но на самом деле многие никарагуанцы просто хотели убедиться, что ненавистный диктатор действительно мертв.

Газета чилийских коммунистов «Эль Сигло», пожалуй, верно оценила царившие в Вашингтоне после смерти Сомосы настроения: «Понятно, почему Вашингтон так разъярен в связи с кончиной генерала Сомосы. На звездном знамени Соединенных Штатов Америки стало одной звездой меньше. От выстрелов молодого патриота Лопеса Переса задрожали все тираны, состоящие на службе у госдепартамента и североамериканских монополий»⁸⁸.

Но 24 сентября, когда «Тачо» еще лежал в американском госпитале, начальник центральноамериканского отдела госдепартамента Нил подготовил для заместителя госсекретаря по Латинской Америке Работтома секретный меморандум. Документ содержал оценки перспектив развития Никарагуа⁸⁹. В нем отмечалось, что смерть или паралич Сомосы создаст в Никарагуа вакуум власти, так как сама эта власть была крайне централизована и замкнута на одного человека. Вице-президента в Никарагуа не было, а парламент играл роль учреждения, «штампующего решения Сомосы». Старший сын диктатора полковник Луис Сомоса был «номинальным главой» этого учреждения⁹⁰. «Полковник Анастасио Сомоса-младший (Тачито), младший сын. Ныне стал временным исполняющим обязанности командующего национальной гвардией, а также ВВС. Говорят, что его не любят большинство офицеров и прочих граждан. Луис в последнее время стал больше интересоваться политикой, хотя в целом он предпочитал бизнес и сельское хозяйство. В случае полного переворота под угрозой окажется вся семья Сомосы»⁹¹. Поэтому кто-либо из членов семьи, согласно анализу госдепартамента, просто обязан был стать президентом.

⁸⁷ Гонтионский С. А. Сандино, М., 1965. С. 142.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ FRUS, 1955–1957 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-7v07/reference/frus.frus.195557v07.i0013.pdf>).

⁹⁰ Всего у Анастасио Сомосы было четверо детей: Луис, Анастасио («Тачито»), дочь Лириан и незаконнорожденный сын Хосе.

⁹¹ FRUS, 1955–1957 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-7v07/reference/frus.frus.195557v07.i0013.pdf>).

Однако американцы были убеждены, что национальная гвардия является «солидной основой» господства клана Сомосы.

Оппозицию в госдепартаменте считали «неопределенной силой». Понимая, что консервативная партия явно без энтузиазма отнесется к перспективе шестилетнего правления еще одного президента-Сомосы, равно как и независимые либералы, Нил совершенно справедливо отмечал, что большая часть членов этих партий занимаются бизнесом и поэтому политически индифферентны. Никарагуанская оппозиция, говорилось в меморандуме, расколота и не имеет общей программы. «Есть некоторые данные, что никарагуанские коммунисты проникли в отдельные оппозиционные группы или что экстремисты обратятся к коммунистам за содействием»⁹². Под экстремистами американцы понимали бывших офицеров национальной гвардии, перешедших в оппозицию к клану Сомосы и стремившихся физически уничтожить всех представителей клана (например, бывшего полковника гвардии Мануэля Гомеса Флореса).

27 сентября 1956 года специальный документ «Перспективы политической стабильности в Никарагуа» подготовило и разведсообщество США. Американская разведка пришла к следующим выводам.

«1. Если президент Сомоса выздоровеет и вернется к исполнению своих обязанностей, то его режим может продержаться у власти неопределенное время, хотя, наверное, политическое недовольство в Никарагуа будет нарастать.

2. Если президент Сомоса умрет или будет неспособен выполнять свои обязанности, то Луис Сомоса, его сын и юридически оформленный преемник, по видимому, будет принят (обществом) в качестве временного президента при условии скорейших выборов... Решающей будет позиция гвардии.

3. Согласно нынешним данным, сомосисты попытаются заменить Луисом Сомосой его отца в качестве кандидата либеральной партии на пост президента и выбрать его в той же манере, в которой они выбрали бы его отца... Сомоса не станет столь же сильным президентом, как его отец, но почти наверняка сумеет сохранять свои позиции, пока будет пользоваться сплоченной поддержкой гвардии».

Что касается оппозиции, американская разведка отмечала рост недовольства в рядах консерваторов и даже предполагала, что те намечали на февраль 1957 года «революцию» против Сомосы и были удивлены неожиданным для них покушением на диктатора. Серьезным фактором, по мнению американцев, могла оказаться независимая либеральная партия, показавшая свою силу на выборах 1947 года. «Запрещенная коммунистическая партия, у которой в Никарагуа менее 200 членов, не всегда была последовательно против Сомосы. Некоторые коммунисты, как известно, входят в просомосовский рабочий фронт, другие принадлежат к антисомосовскому рабочему фронту»⁹³.

⁹² FRUS, 1955–1957 (см.: <http://images.library.wisc.edu/FRUS/EFacs2/1955-7v07/reference/frus.frus.195557v07.i0013.pdf>).

⁹³ Ibid.

Следует отметить, что Никарагуанская социалистическая партия в то время работала в легальных организациях (в том числе и в профсоюзах), чтобы вести в них политическую пропаганду против диктатуры. Других возможностей у коммунистов просто не было. Ведь если консерваторы и независимые либералы формально существовали вполне легально, то компартия была запрещена.

Американская разведка описывала Анастасио Сомосу-младшего (официально употребляя кличку «Тачито») как «склонного к насилию, импульсивного и высокомерного человека, не очень популярного в гвардии».

В день смерти Анастасио Сомосы 29 сентября 1956 года никарагуанский конгресс единогласно утвердил его сына Луиса Сомосу временным президентом. Американцы убедили Луиса и «Тачито» отказаться от массовых репрессий, хотя последний к ним явно склонялся.

Либералы послушно выдвинули Луиса Сомосу кандидатом в президенты на съезде в Леоне. При этом в городе были введены драконовские меры безопасности, а всю церемонию выдвижения в городском театре свели до минимума — она длилась менее часа, после чего Луис Сомоса спешно отбыл в Манагуа⁹⁴.

«Выборы» потрясли даже уже привыкших к фальсификациям никарагуанцев. Сомоса-младший набрал в феврале 1957 года 450 тысяч голосов. Например, в местечке Блуфф он получил 503 голоса, хотя все население там (включая несовершеннолетних) составляло 158 человек.

Новый президент Луис Сомоса Дебайле родился 18 ноября 1922 года в Леоне. В 1940 году он вступил в национальную гвардию и к моменту смерти отца был полковником. В 1944–1945 годах служил военным атташе Никарагуа в Вашингтоне. Луис женился на костариканке Исабель Уркуйо (причем по любви, а не по расчету), и у них было шесть детей.

Первоначально Луис Сомоса по совету американцев решил немного разрядить ситуацию в стране. Была ослаблена цензура печати, из тюрем выпустили политзаключенных. В 1958 году университет Леона перестал быть государственным и получил статус автономного. США всячески поддерживали «либерализацию» в Никарагуа, и в июле 1958 года Никарагуа в знак особого внимания посетил Милтон Эйзенхауэр — младший брат президента США. Американцы вздохнули с облегчением, когда визит Эйзенхауэра-младшего в Центральную Америку прошел без инцидентов. Ведь незадолго до этого вице-президента США Никсона в Каракасе забросали яйцами.

Еще 27 мая 1958 года директор ЦРУ Даллес назвал высокой вероятностью антиамериканских демонстраций по случаю визита Эйзенхауэра в Панама и Гватемале. При этом Даллес вынужден был признать, что антиамериканские проекты скорее отражают настроения широких слоев населения, нежели взгляды изолированных коммунистических групп.

⁹⁴ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 145.

Американский посол 20 мая 1958 года сообщил из Манагуа: он верит, что «доктора Эйзенхаура» (на самом деле докторской степени у брата президента не было) удастся уберечь от слишком явных проявлений невежливости о стороны местного населения. Однако любые публичные дебаты, по мнению посла, только заставили бы Эйзенхаура занять оборонительные позиции и укрепили антиамериканские настроения в стране.

В духе времени Милтон Эйзенхауэр встретился в Никарагуа не только с Сомосой, но и с представителями оппозиционных партий. В это время никарагуанские студенты активно протестовали против планов присвоения Эйзенхауэру звания почетного доктора.

Луис Сомоса позиционировал свой режим как «мост к демократии», и некоторые никарагуанцы в это даже поверили.

Но к началу 1959 года американцы стали получать сведения о готовящемся покушении на Луиса Сомосу. В стране то и дело возникали мелкие вооруженные группы самой разной политической окраски, пытавшиеся поднять восстание против режима. Пока национальная гвардия успешно и быстро подавляла партизанское движение в зародыше.

1 января 1959 года все в одночасье изменилось. В этот день в Гавану вошла победоносная Повстанческая армия во главе с Фиделем Кастро. Был свергнут режим кубинского диктатора Фульхенсио Батисты — друга семьи Сомосы, которого никарагуанская диктатура активно поддерживала оружием. Кастро, прекрасно это знавший, заявил: «Батиста получает постоянную помощь от Соединенных Штатов, как непосредственно из США, так и через Трухильо и Сомосу»⁹⁵. 9 ноября 1958 года, всего за два месяца до победы революции на Кубе, Сомоса отправил Батисте партию оружия. У Батисты кончались снаряды для 37-миллиметровых танковых пушек, и по его просьбе уже на следующий день Сомоса самолетом прислал 4 тысячи снарядов. Помощь никарагуанского диктатора была для Батисты жизненно важной, так как США с 1956 года формально не поставляли на Кубу оружие. Без Сомосы армия Батисты не смогла бы продержаться до января 1959 года.

Всего Сомоса направил своему другу Батисте 40 американских БТР Т-17 (сам Сомоса купил их для Батисты в Израиле⁹⁶; именно эти бронемашины имели на вооружении 37-миллиметровые пушки) с 90 пулеметами, 16 тысяч 37-миллиметровых снарядов, напалмовые и осколочные бомбы крупного калибра, а также миллион патронов калибра 7,62 мм. БТР Т-17 были главной ударной силой Батисты в борьбе против Повстанческой армии Кастро.

Консервативная оппозиционная никарагуанская газета «Ла Пренса» сообщила, что победа кубинского народа «была встречена как праздник по всей

⁹⁵ Ларин Е. А. Повстанческая армия в Кубинской революции. М., 1977. С. 178.

⁹⁶ Израиль захватил большую партию Т-17 у египетской армии в ходе Суэцкого конфликта 1956 года и продал 45 машин Сомосе.

республике, особенно в Манагуа, где целый день запускали фейерверки и петарды»⁹⁷. На улицы столицы вышли молодежные группы консерваторов, независимых либералов и просто противников режима, которые скандировали «Да здравствует свобода!», «Да здравствует Фидель!», «Да здравствует свободная Куба!». Демонстрация была разогнана национальной гвардией. Симпатии к кубинцам были настолько сильны, что демонстрации состоялись даже в мелких городах и поселках.

Никарагуанская молодежь увидела для себя пример, убедилась, что народ может победить в вооруженной борьбе даже самую сильную армию самой жестокой диктатуры. Например, 10 января 1959 года «Ла Пренса» сообщала из одного из самых консервативно настроенных городов страны: «С самых ранних часов утра 1 января отмечался радостный, преисполненный энтузиазма обмен мнениями между многочисленными консерваторами и оппозиционными либералами, когда они узнали о падении деспота Батисты и окончательной победе благородного дела героя Фиделя Кастро, знаменосца справедливости и демократии»⁹⁸.

Десятки никарагуанцев отправились в Гавану, чтобы своим глазами увидеть торжество революции и заручиться поддержкой кубинцев для свержения собственной диктатуры. Однако среди них было немало бездельников и авантюристов. Так, никарагуанец Честер Лакайо выдавал себя за командующего повстанческой армией и записывал в нее всех желающих за пять долларов. Набрал определенную сумму, он бежал в США, где обвинил Кастро в подрывной деятельности в Латинской Америке.

Но среди попавших тогда на Кубу никарагуанцев был и один серьезный не по годам молодой человек, которому предстояло сыграть решающую роль в свержении диктатуры клана Сомосы.

Как и Аугусто Сандино, Карлос Фонсека Амадор был незаконнорожденным ребенком. Он появился на свет в Матагальпе 23 июня 1936 года. Его мать, Августина («Тина», как звали ее подруги) Фонсека была поденщицей и служанкой. Один из двух двухэтажных домов в Матагальпе принадлежал отцу ребенка, богатому кофейному плантатору Фаусто Амадору Алеману, который никак не участвовал в воспитании сына.

Репутация у Августины Фонсеки была ужасной. Работая горничной в отеле, она родила двойню — по слухам, от лейтенанта американской оккупационной армии Пеннингтона. Один из близнецов, Карлос, умер, и в его честь мать назвала другого сына, о котором и идет речь в этой книге. Говорили, что Тину бог наказал дважды, создав ее очень бедной и очень красивой. После Карлоса Тина родила еще трех детей от разных отцов, но никогда не была замужем

⁹⁷ *Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P. 50.*

⁹⁸ *Ibid. P. 50–51.*

и не имела собственного крова. Обычно она жила у своей тетки Изауры, которая была ненамного ее старше. Изаура время от времени выкидывала Августи-ну с детьми из дома за «аморальное поведение», но потом жалость брала свое, и она сменяла гнев на милость. Комната, которую Изаура сдавала племяннице за пять долларов в месяц, не имела даже нормально закрывающейся двери, и дверь приходилось подпирать кроватью.

С ранних лет Карлос видел страдания матери, которую бросал очередной мужчина, не желавший брать ее в жены из-за бедности. На протяжении всей своей жизни Карлос Фонсека Амадор всегда подчеркнуто уважительно относился к женщинам, и терпеть не мог распространенного в никарагуанском обществе «мачизма». В ранние юношеские годы он избегал случайных сексуальных связей именно потому, что боялся причинить женщинам душевную боль. При этом Карлос был красивым высоким юношей с нехарактерной для большинства населения бледной кожей и голубыми глазами.

Карлос был единственным из детей Августины, кто смог получить полное среднее образование, — в 1950 году она сумела устроить сына в единственную государственную гимназию Матагальпы. Он, как мог, помогал своей задавленной тяжелой работой матери, продавая после школы газеты. В 1960 году Карлос написал отцу письмо с просьбой помочь Августине: «Бедная женщина, которая до сих пор в своей жизни не жила в собственном доме. Она всегда была рабыней на кухне у тех, на кого она работала, и кухня была единственным домом, который я знал... Я надеюсь, Вы вспомните, что она ничего не знала в жизни, кроме грусти, и поэтому она очень страдает, когда на нее презрительно смотрят»⁹⁹. Однако Карлос зря надеялся на великодушие отца — тот (получивший образование в США) не дал матери своего ребенка ни цента.

В начале 50-х годов Карлос, активно интересовавшийся политикой, участвовал в собраниях консервативной партии. Однако консерваторы не казались ему истинными революционерами, поскольку были богатыми людьми.

В поисках ответа на волновавшие его вопросы, прежде всего, причины столь несправедливого устройства общества Карлос Фонсека обратился к марксизму. Он пытался найти в магазинах любую марксистскую литературу. Его друг Рамон Гутьеррес дал ему почитать «Манифест Коммунистической партии» на французском языке, а также несколько произведений Мао Цзедуна на испанском. Эти книги Рамон привез из Гватемалы, где у власти стоял прогрессивный президент Хакобо Арбенс (позднее свергнутый США при помощи Сомосы). Гутьеррес, Фонсека и Франсиско Буитраго организовали в гимназии в 1954 году «Культурный центр», который начал издавать оппозиционный журнал «Сеговия».

Журнал привлек внимание консервативной «Ла Пренсы», сообщившей, что «красные пустили корни в Матагальпе»¹⁰⁰.

⁹⁹ Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P. 15.

¹⁰⁰ Ibid. P. 33.

Неудивительно, что вскоре Фонсека стал членом запрещенной компартии — Никарагуанской социалистической партии.

Блестяще окончив гимназию, Карлос Фонсека в 1956 году поступил в университет в Леоне и стал изучать юриспруденцию. Он поражал своих одноклассников тем, что не пил, не курил и не увлекался девушками. Его обычно можно было видеть с книгами под мышкой. Фонсека создал в университете первую и единственную коммунистическую студенческую ячейку в стране и стал главным редактором университетской газеты. В ячейку входил Томас Борхе — участник студенческих протестов 1944 года.

Оппозиционные настроения «красного» Карлоса были всем известны, и после покушения на Сомосу в сентябре 1956 года он был арестован вместе с сотнями оппозиционеров по всей Никарагуа. Его продержали в тюрьме два месяца. Как и большинство коммунистов, Фонсека осудил теракт Лопеса Переса, считая, что диктатуру можно свергнуть только путем массовой политической борьбы трудящихся.

В 1957 году Карлос Фонсека был направлен компартией в качестве делегата на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москву (он посетил также ГДР). Он был потрясен жизнью в Советском Союзе и после возвращения написал восторженную книгу «Никарагуанец в Москве». В 1958-м она была издана Никарагуанской социалистической партией с предисловием генерального секретаря Мануэля Переса Эстрады. Фонсека убедился, что социализм в короткие сроки может превратить отсталую аграрную страну в передовую сверхдержаву. Именно таким путем, по мнению Карлоса, и должна была идти Никарагуа. Он подчеркивал, что вопреки распространенному мнению русские не скрывают своих ошибок и открыто пишут о них в газетах¹⁰¹. Интересно, что Фонсека не принял критику Сталина со стороны Хрущева, отметив, что Сталину поставили много памятников, а «Никите» ни одного.

16 декабря 1957 года, по возвращении из СССР, Фонсеку арестовали в аэропорту Манагуа и отобрали у него фотоаппарат и книги.

Книгу Фонсеки по поручению компартии редактировал Родольфо Ромеро, который боролся в Гватемале в 1954 году против организованного ЦРУ переворота. Он рассказал Фонсеке, что познакомился там с молодым аргентинским врачом Эрнесто Геварой, которого он научил стрелять из автомата.

Фонсека активно продавал свою книгу во время митингов, на железнодорожных станциях и на городских площадях. Он даже послал по почте один экземпляр Сомосе, требуя вернуть отображенные у него книги.

В июле 1958 года Фонсека организовал в университете протестное движение против присуждения Милтону Эйзенхауэру степени почетного доктора. В октябре 1958-го он принял активное участие в первой в истории Никарагуа

¹⁰¹ *Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P.46.*

общенациональной студенческой забастовке, участники которой требовали немедленного освобождения всех студентов, арестованных после покушения на Сомосу, в том числе и друга Фонсеки Томаса Борхе. 15 октября Луис Сомоса принял делегацию студентов, в которую входил и Карлос Фонсека. Видимо, визит не прошел бесследно, так как в ноябре Фонсеку снова арестовали без объяснения причин, правда, на сей раз отпустили довольно быстро.

В том же 1958 году ветеран сандинистского движения 68-летний генерал армии Сандино Рамон Раудалес организовал вооруженную группу из 25 человек (в основном студентов), назвав ее Революционной армией Никарагуа. Как и сандинисты в свое время, бойцы армии дали клятву бороться против диктатуры Сомосы не на жизнь, а на смерть. Помимо политических требований (образование коалиционного консервативно-либерального правительства) армия Раудалеса выступала за аграрную реформу, национализацию иностранных горнорудных предприятий и экспроприацию имущества клана Сомосы. Борьба отряда Раудалеса длилась 45 дней, и партизанам даже удалось сбить самолет национальной гвардии. Но 18 октября 1958 года Раудалес погиб в бою в горах под Матагальпой, и его отряд распался и отошел в Гондурас.

После кубинской революции Фонсека организовал в марте 1959 года движение «Никарагуанская демократическая молодежь», которое официально не примыкало ни к одной из партий, что было новым для Никарагуа.

В мае 1959 года Комитет гражданских действий, в котором объединились основные оппозиционные партии, предъявил Сомосе требование уйти в отставку, не дожидаясь окончания срока полномочий в 1963 году. 1 июня 1959-го в Манагуа началась всеобщая забастовка протеста против диктатуры. Таких массовых акций протеста Никарагуа при Сомосе еще не знала. Были закрыты банки, магазины и даже государственные учреждения.

Одновременно консерваторы попытались свергнуть Сомосу вооруженным путем. С декабря 1958 года они готовили в Коста-Рике вторжение на территорию Никарагуа с помощью бывших офицеров национальной гвардии. 31 мая 1959 года на самолете ДС-46 из Коста-Рики прилетела первая вооруженная группа повстанцев в количестве 62 человек. Группа высадилась в местечке Моллехонес (департамент Чонталес). Одну из «колонн» (отрядов) группы возглавлял Педро Хоакин Чаморро. Партизан обнаружили через два часа и обстреляли с воздуха с помощью двух полученных из США самолетов «мустанг». Партизаны отступили в горы, но 10 июня практически без боя сдались национальной гвардии.

Другая группа консерваторов (51 человек) приземлилась в районе Олама (департамент Боако) 1 июня. Их самолет застрял в грязи и был уничтожен национальной гвардией с воздуха.

Высадка должна была совпасть с объявленной оппозицией всеобщей забастовкой, которая, как надеялись консерваторы, перерастет в вооруженное восстание. Но этого не случилось.

Партизаны 15 дней бродили по горам, и местные крестьяне снабжали их продуктами. В боях с национальной гвардией партизаны смогли убить трех солдат противника, сами потеряв одного человека. После этого их постигла участь первой группы. Арестованных доставили в Манагуа и приговорили к восьми годам тюрьмы.

Интересно, что консерваторы не получили помощи на Кубе, так как принявший их Че Гевара усомнился в их революционном настрое. После этого они обратились за содействием к послу США в Коста-Рике, который обещал помочь при условии, что Сомосу свергнут быстро и без лишнего кровопролития¹⁰². К повстанцам хотел присоединиться один из будущих лидеров сандинистской революции Томас Борхе, но взгляды консерваторов были для него слишком буржуазными. Другого будущего лидера сандинистской революции, Хермана Помареса, отвергли за радикальные взгляды сами консерваторы.

Начать вооруженное восстание против Сомосы решила и коммунистическая партия. Ее активисты прошли подготовку на Кубе, где в феврале 1959 года побывал и Карлос Фонсека. При возвращении в Никарагуа, 2 апреля 1959-го, он был арестован и на вертолете депортирован в Гватемалу. Там он вступил в контакт с Комитетом освобождения Никарагуа, который поддерживали кубинцы.

Че Гевара доверил формирование партизанской армии Никарагуа бывшему офицеру национальной гвардии Рафаэлю Сомаррибе, который долгое время жил в эмиграции в США. Формировавшийся при содействии кубинцев в Гондурасе партизанский отряд получил наименование «Бригада имени Ригоберто Лопеса Переса». К ней и присоединился Карлос Фонсека, хотя Сомаррибе он не доверял.

Бригада (примерно 55 человек, в том числе и кубинцы) сконцентрировалась на никарагуанской границе неподалеку от местечка Чапарраль. Посольство США в Гондурасе немедленно потребовало от правительства этой страны силой разоружить партизан и не допустить их вторжения на никарагуанскую территорию. 24 июня 1959 года национальная гвардия Никарагуа и гондурасская армия совместно напали на лагерь партизан и разгромили бригаду. Были убиты девять человек, остальных взяли в плен. Карлос Фонсека получил опасное ранение в правое легкое.

События в Чапаррале ознаменовали разрыв Фонсеки с никарагуанскими коммунистами. Его исключили из партии за «авантюризм» и «партизанщину» (есть версия, что Фонсека сам вышел из компартии). Это не означает, что коммунисты были против вооруженной борьбы как таковой. В конце 1960 года они провели в подполье свой VII съезд и пришли к следующим выводам: «Без вооруженного восстания народа, возглавляемого и руководимого

¹⁰² *Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P.53.*

независимой партией рабочего класса Никарагуа, освободительная революция невозможна»¹⁰³.

Однако, в отличие от кубинцев и нетерпеливой молодежи типа Фонсеки и его друзей, коммунисты считали, что вооруженное восстание надо готовить кропотливой повседневной политической пропагандой, чтобы вовлечь в него десятки тысяч, а не десятки людей. Но многие молодые люди в Латинской Америке того времени, включая Карлоса Фонсеку и Эрнесто Че Гевару, полагали, что коммунистические партии заострели в своей повседневной мелочной борьбе и не способны на революционный порыв. Фонсека, например, упрекал компартию в «экономизме», то есть увлечении борьбой за улучшение повседневных условий труда рабочих.

Пока, однако, сбывались как раз прогнозы коммунистов. Партизанские группы в Никарагуа (которых в 1958–1959 годах насчитывалось несколько десятков) не встретили поддержки населения, так как это самое население зачастую и не знало, за что партизаны борются. Напротив, многие крестьяне принимали партизан за спецподразделения национальной гвардии и старались держаться от них подальше. Другие даже сообщали национальной гвардии о месте расположения отрядов.

В 1967 году с этим же столкнется и сам Че Гевара в Боливии — и за горький урок ему придется заплатить жизнью.

23 июля 1959 года в Леоне состоялась крупная студенческая демонстрация в поддержку бойцов Бригады Ригоберто Переса Лопеса с требованием отпустить пленных партизан, в том числе и популярного студенческого лидера Фонсеку. К демонстрации присоединилось около трех тысяч человек. Но национальная гвардия расстреляла мирную демонстрацию, убив четверых студентов и двух случайных прохожих¹⁰⁴. Около сотни демонстрантов были ранены. Зверский расстрел вызвал волну возмущения в стране, и участников протестного движения по аналогии с событиями 1944 года стали называть «поколением 1959 года» или «поколением 23 июля». Именно этому поколению и было суждено свергнуть диктатуру клана Сомосы.

24 июля хоронить погибших студентов (которым было от 17 до 21 года) на улицы Леона вышли уже 12 тысяч человек. Университет объявил забастовку с требованием убрать национальную гвардию с территории вуза. Правительству пришлось с этим согласиться, и 31 августа работа университета возобновилась.

В сентябре 1959 года Фонсеку выпустили из гондурасского госпиталя и отправили на Кубу. В Никарагуа некоторые газеты успели сообщить, что он умер. Состояние Фонсеки действительно было крайне тяжелым. В самолете он лежал на носилках и харкал кровью.

¹⁰³ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 148.

¹⁰⁴ Zimmermann M. Sandinista: Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P. 57.

На Кубе Фонсеку подлечили, и он занялся изучением деятельности Сандино, так как искал того героя никарагуанской истории, который мог бы поднять народ страны на восстание уже одним своим именем. До этого Фонсека как истинный коммунист считал Сандино незрелым мелкобуржуазным революционером, который не смог соединить борьбу за национальную независимость с борьбой за социальный прогресс.

Карлос Фонсека хотел найти общий знаменатель, который мог бы объединить максимально возможное число никарагуанцев для вооруженной борьбы против Сомосы. Политическое образование масс методами повседневной пропаганды марксизма, как это предлагали коммунисты, казалось Фонсеке очень долгим и, главное, тяжелым в условиях диктатуры процессом. Половина населения страны не имела среднего образования, и понять Маркса таким людям было трудно. Напротив, имя Сандино знали все. Как бы к нему ни относились, он был героем вооруженной борьбы против самой сильной державы мира, и это вселяло в любого никарагуанца чувство гордости.

Именно имя Сандино Фонсека и решил сделать знаменем общей борьбы против клана Сомосы, тем более что в этом случае эта борьба приобретала понятный каждому характер священного возмездия за подлое убийство национального героя.

При этом Фонсека, оставаясь по убеждениям коммунистом, прекрасно понимал и значение политической пропаганды. Но, в отличие от компартии, он считал, что лучшим средством этой пропаганды станет вооруженная борьба под знаменем Сандино. Фонсека думал, что Сандино — это не столько набор готовых идей для политической программы, сколько символ, «тропа», по которой массы никарагуанцев можно привести на сторону социализма.

Фонсека стал писать популярные краткие статьи о Сандино и его заслугах, так как в Никарагуа во время диктатуры имя Сандино старались предать забвению и многие (особенно молодежь), кроме имени, о нем ничего не знали. При этом Фонсека подчеркивал, что Сандино был не просто борцом за национальную независимость, но и социальным революционером. Одна из статей так и называлась: «Сандино — партизан-пролетарий»¹⁰⁵. В этой статье Фонсека сравнивал Сандино с тогдашним кумиром латиноамериканской молодежи Че Геварой: «Эрнесто Че Гевара, Аугусто Сесар Сандино — это герои партизанской борьбы, которая приведет народы — жертвы империализма к тому, что они станут подлинными хозяевами своих стран. Сандино — рабочий, выходец из крестьянской семьи...»

Побыв на Кубе, Фонсека отправился в Венесуэлу и Коста-Рику, где 20 февраля 1960 года от имени студенческой молодежи подписал программу созданного единого фронта никарагуанской оппозиции (Единый фронт Никарагуа — испанская аббервиатура ФУН). Его арестовали и депортировали в Мексику.

¹⁰⁵ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 176–193.

Вернувшись в Никарагуа, Фонсека стал организовывать демонстрации в Манагуа и Леоне, которые должны были пройти 23 июля в память о первой годовщине расстрела демонстрации 1959 года. Его снова арестовали и выслали в Гватемалу.

Не сидели без дела и коммунисты. 7 июня 1960 года в Никарагуа прошла забастовка на обувной фабрике «Ла Калифорния». Стачечники впервые в истории страны заговорили о необходимости заключения с ними коллективного договора¹⁰⁶. В июне — июле бастовали несколько тысяч строительных рабочих.

От рабочих не отставала и молодежь. 2 сентября 1960 года Никарагуа сотрясла всобщая забастовка студентов. Национальная гвардия убила в тюрьме одного из лидеров студенческого движения Аякса Дельгадо, и его похороны 5 сентября превратились в мощную демонстрацию против режима.

В ноябре 1960 года в горах Сеговии боролся с Сомосой отряд партизан под командованием полковника Эриберто Рейеса, бывшего заместителя Сандино. 11 ноября партизаны попытались захватить Хинотегу. Бой продолжался несколько часов.

В том же месяце при помощи Томаса Борхе Фонсека нелегально чрез Коста-Рику снова вернулся на родину¹⁰⁷. В это время Луис Сомоса в ответ на непрекращающиеся демонстрации и стычки с партизанами объявил в стране осадное положение. Консерваторы (в основном молодежь) ответили на это вооруженными нападениями на национальную гвардию в ряде городов. Сомоса попросил США о содействии против «кубинского вторжения», и американцы направили к атлантическому побережью Никарагуа авианосец с 72 самолетами на борту¹⁰⁸.

В начале 1961 года коммунисты стали готовить кадры для партизанского движения среди никарагуанцев, которые работали на банановых плантациях в Коста-Рике. Однако партия была на распутье в том, что касалось тактики борьбы против диктатуры. Было ясно, что до сих пор национальная гвардия легко разбивала малочисленные партизанские группы самой разной политической окраски потому, что население не было готово умирать с оружием в руках. В этих условиях коммунисты решили создать легальный оппозиционный фронт, чтобы победить Сомосу или его ставленника на выборах 1963 года. Возмущение людей более чем вероятными фальсификациями на этих выборах предполагалось использовать для массовых акций против диктатуры (демонстраций, забастовок), которые могли бы перерасти в восстание.

В марте и апреле 1961 года при участии коммунистов были организованы забастовки полиграфистов и медицинских работников. Но настоящей поще-

¹⁰⁶ Никарагуа: путь борьбы и победы. М., 1984. С. 250.

¹⁰⁷ Сам Томас Борхе сидел в тюрьме в Гондурасе, но был выпущен после объявленной им в марте 1960 года голодовки.

¹⁰⁸ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 205.

чиной клану Сомосы была стачка на его «фамильном» транспортном предприятии «Маменик Лайн» в октябре 1961-го.

Действуя в рамках легальной Партии республиканской мобилизации, коммунисты смогли в начале 1962 года выполнить свою задачу и организовать Фронт национальной оппозиции, куда вошли пять партий, в том числе и консерваторы. Кандидат консерваторов и объединенной оппозиции на пост президента Фернандо Агуэро заявил, что призовет народ к оружию, если проиграет выборы¹⁰⁹. В 1959 году, напуганный ростом протестных акций в стране Луис Сомоса заявил, что не будет баллотироваться на новый срок.

Карлос Фонсека был настроен на немедленную вооруженную борьбу, но до 1962 года не оставлял надежды убедить в этом руководство компартии. Однако в начале 1961 года он, Томас Борхе и Сильвио Майорга («три мушкетера», как их прозвали) решили основать собственную вооруженную организацию — Движение за новую Никарагуа. Позднее, в конце 1961-го — начале 1962 года ее стали называть Фронтом национального освобождения — в честь алжирского Фронта национального освобождения, ведущего в те времена тяжелую борьбу против французских колонизаторов и очень популярного среди революционеров всего мира.

Не было никакого учредительного съезда или программных документов. В организацию приглашали всех никарагуанцев с «чистыми руками», желавших с оружием бороться против диктатуры. Как писал Фонсека, главным в то время была не программа, а само действие.

Фонсека видел во фронте инструмент не только вооруженной, но и политической борьбы, средство раскачать спящее никарагуанское общество своим героическим примером. В 1970 году Фонсека говорил в интервью мексиканскому журналисту, что к 1958 году никарагуанское общество пребывало в 25-летней спячке, темноте и параличе: «...на протяжении четверти века не было ни революционного сознания, ни революционной организации...»¹¹⁰ Теперь, как думал Фонсека, эта организация, наконец, появилась.

Фонсеке не без труда удалось уговорить некоторых членов только что созданной организации прибавить к ее названию эпитет «сандинистский». Многие считали, что рассуждения о Сандино как о «тропе» движения не представляют собой ничего, кроме бессодержательной лирики. Но все же Фонсека убедил товарищей, и в 1962 году его детище стали именовать Сандинистским фронтом национального освобождения (СФНО, испанская аббревиатура FSLN), а его бойцов — сандинистами. Символом связи поколений старых и новых сандинистов стало присоединение к СФНО полковника армии Сандино Сантоса Лопеса. Лопес пришел в лагерь Сандино 12-летним мальчишкой, и пер-

¹⁰⁹ *Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P. 65.*

¹¹⁰ *Ibid. P. 67.*

вое время был у партизан водоносом¹¹¹. Затем его назначили связным, а после дали в руки винтовку. В 1933 году Лопес был уже полковником у «генерала свободных людей». В 1961-м Лопесу не было еще и 50 лет. Он привнес в СФНО ценный военный опыт, которого абсолютно не имела студенческая молодежь, составившая костяк фронта.

СФНО первоначально состоял из трех ячеек в Эстели, Леоне и Манагуа, и количество его членов не превышало 50 человек. За месяц до вторжения американских наемников на Кубу в апреле 1961 года фронт организовал демонстрации в поддержку кубинцев — это была первая акция СФНО.

Тем не менее Луис Сомоса оказал в подготовке вторжения в бухту Свиной самое деятельное содействие американцам. В 1960–1961 годах на территории Никарагуа была создана сеть лагерей для кубинских контрреволюционеров, где они проходили военную подготовку под руководством инструкторов из ЦРУ и национальной гвардии. В Пуэрто-Кабесасе располагались американские самолеты без опознавательных знаков, которые должны были прикрыть высадку кубинских эмигрантов с воздуха. В этом же городе-порте находились сами десантные корабли. Сомоса предоставил в распоряжение кубинских контрреволюционеров четыре самолета «мустанг»¹¹².

Командование СФНО первоначально находилось на территории Гондураса.

Что касается тактики вооруженной борьбы, то СФНО решил следовать кубинскому примеру. Сначала требовалось создать в горах Никарагуа недалеко от гондурасской границы (чтобы получать оттуда оружие) очаг партизанской борьбы, который постепенно должен был распространяться на всю страну. Такая тактика получила название «фокизм» — от испанского слова «фоко»: «фокус», «центр», «очаг».

Первый опыт «фокизма» в 1962–1963 годах окончился полным провалом. Никарагуанские партизаны стали возвращаться в страну из Кубы через Мексику после окончания «карибского кризиса» осенью 1962 года. Под видом сборщиков латекса с сапотиловых деревьев они с фальшивыми гватемальскими и гондурасскими паспортами проникали на север Никарагуа.

Очаг борьбы создали на севере Москитии в районе реки Коко (Бокай). Этот район в 1962 году избрали Сантос Лопес и Карлос Фонсека. По их мнению, жившие там в крайней нищете крестьяне обязательно должны были помочь партизанам. Но местные индейцы практически не говорили по-испански, и многие из них, как вспоминали потом сандинисты, так и не поняли, за что борются появившиеся в их краях молодые люди. Сандинисты, в свою очередь, считали индейцев отсталыми людьми, лишенными всякой политической сознательности¹¹³.

¹¹¹ Гонионский С. А. Сандино. М., 1965. С. 149.

¹¹² Внешняя политика стран Латинской Америки после Второй мировой войны. М., 1975. С. 349–350.

¹¹³ Baracco L. Nicaragua: The Imaging of a Nation From Nineteenth-Century Liberals to Twentieth-Century Sandinistas. Algora Publishing, 2005. P. 66.

Партизан было 63 человека, разделенных на три «колонны», но только половина из них были вооружены огнестрельным оружием. Несмотря на то, что многие бойцы СФНО получили военную подготовку на Кубе (а некоторые даже участвовали в отражении американской агрессии в апреле 1961 года), первые же стычки с национальной гвардией заставили партизан отступить в Гондурас.

Фонсека считал, что «очаг» был выбран неправильно: «Вопрос об определении центра вооруженного движения в различные периоды был основной нашей заботой, но все-таки этой теме не всегда уделялось должное внимание: борьба Патука, Коко, Бокай, Каратера показала, что центр должен находиться в горах. Однако неблагоприятное стечение обстоятельств приводит иногда к обратным результатам... С октября 1963 по декабрь 1966 г. центр борьбы перемещается в город, где действовала основная часть наших кадров»¹¹⁴.

Фактически СФНО накапливал кадры для новой попытки партизанского движения, а Фонсека был вынужден признать правоту коммунистов в том, что для успешной партизанской борьбы нужна солидная политическая и пропагандистская подготовка. В горах был оставлен Ригоберто Крус (Пабло Убеда), которому поручили вести пропаганду среди крестьян.

3 февраля 1963 года президентом Никарагуа при поддержке клана Сомосы от партии либералов был избран Рене Шик. Ранее Шик был личным секретарем Сомосы-старшего, а в 1957–1962 годах — министром образования. Оппозиционные силы бойкотировали выборы.

Никакой революции опять не получилось, во многом потому, что после кризиса 1956–1961 годов никарагуанская экономика стала развиваться быстрыми темпами. Этому способствовала, как обычно, благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, в том числе и связанная с войной США во Вьетнаме. Экспорт в США вырос с 28,1 миллиона долларов в 1960 году до 37,5 в 1965-м и 59,6 в 1970-м¹¹⁵. Импорт из США за то же время вырос в два раза: с 37,8 миллиона долларов в 1960-м до 72,3 миллиона в 1970 году.

Если в 1957–1962 годах из-за снижения цен на кофе на американском рынке Никарагуа потеряла 600 миллионов долларов, то потом ситуация начала выправляться. В 1950–1960 годах средние темпы роста ВВП Никарагуа составляли 5,2% (чуть ниже среднего показателя по Латинской Америке — 5,3%), а в 1960–1970 годах — 6,9% (второе место в Латинской Америке после Панамы; средний темп роста ВВП в Латинской Америке за этот период — 5,4%)¹¹⁶. Если в 1950 году ВВП на душу населения в Никарагуа (в ценах 1970 года) составлял 249 долларов, то в 1960 году — 311, а в 1970-м — 436 долларов США¹¹⁷. Никарагуа обошла по этому показателю Гондурас, Гватемалу и Сальвадор.

¹¹⁴ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С.217.

¹¹⁵ Латинская Америка в цифрах. М., 1989. С.103.

¹¹⁶ *Bulner-Thomas V.T. The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994. P.309.*

¹¹⁷ *Ibid. P.309.*

Однако, как и везде на континенте, за исключением Кубы, доходы в стране от экономического бума распределялись крайне неравномерно. 20% самых бедных никарагуанцев потребляли в 1970 году 3,1% национального дохода, а 20% самых богатых — 65%. Правда, среднесуточное потребление калорий все же выросло с 2185 в 1961–1963 годах до 2536 в 1969–1971 годах.

Никарагуа постепенно становилась аграрно-индустриальной страной (хотя промышленность в основном занималась переработкой сельскохозяйственно-го сырья): и на сельское хозяйство, и на промышленность приходилось в 60-е годы примерно по 24% ВВП. Производство электроэнергии выросло с 1960-го по 1970 год с 187 до 627 млн кВт-ч (хотя это было все равно меньше, чем в Гватемале, Коста-Рике и Сальвадоре). Но все же лидирующую роль в экономике сохранял финансовый паразитический капитал.

Хотя аграрное производство росло в 50-е — 60-е годы в среднем на 5% в год, страна не могла обеспечить себя пшеничной мукой (в 1970 году ее произвели всего 29 тысяч тонн), так как все площади были заняты под технические экспортные культуры¹¹⁸. Помимо хлопка и кофе Никарагуа стала активно экспортировать говядину, сахар, морепродукты и бананы.

В 1970 году в стране было только 34 тысячи легковых автомобилей. Виллы разбогатевших на внешней торговле олигархов находились в Манагуа недалеко от тысяч хижин сезонных рабочих, перебивавшихся случайными заработками. Население Манагуа удвоилось в 60-е годы за счет бежавших из сельской местности, лишенных земли людей и достигло к 1970 году примерно 400 тысяч. В 1969 году три четверти домохозяйств в Манагуа имели месячный располагаемый доход менее 100 долларов. В 1963 году 0,1% населения владело 20% всей земли, в то время как 50% сельских бедняков — тремя процентами¹¹⁹.

В большой мере внешняя экономическая стабильность Никарагуа 60-х годов объяснялась и щедрой американской помощью — она выросла в 1960–1968 годах в 27 раз.

Потерпев поражение в горах Бокай, сандинисты приняли активное участие в политической деятельности Партии республиканской мобилизации, которую из подполья направляли коммунисты. Но СФНО не прекращал и партизанской борьбы, делая теперь упор на «городскую герилью». Главным в вооруженных акциях был теперь не военный, а пропагандистский эффект. 22 марта 1963 года накануне встречи президента США Джона Кеннеди с главами центральноамериканских республик сандинисты под командованием Хорхе Наварро захватили радиостанцию «Мундиаль» в Манагуа и передали в эфир воззвание фронта с протестом против этого саммита¹²⁰. Наварро (боевой псевдоним Хуан Луна) прошел боевую подготовку на Кубе и фактически возглавлял

¹¹⁸ Латинская Америка в цифрах. М., 1989. С.87.

¹¹⁹ *Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution.* Durham and London, Duke University Press, 2000. P.90.

¹²⁰ Никарагуа: путь борьбы и победы. М., 1984. С.253.

партизанские действия фронта в городах. Позднее городских партизан СФНО объединили во Внутренний фронт, который и возглавил Наварро. До 1961 года Наварро был членом компартии.

Не забывали городские партизаны и о своих товарищах в горах на севере страны. 30 мая 1963 года в 10 часов утра бойцы СФНО напали на отделение «Бэнк оф Америка» и экспроприировали там 52 тысячи кордоб. На эти деньги Хорхе Наварро купил медикаменты, обувь и еду для партизан, боровшихся в районе гондурасской границы. Правительство объявило вознаграждение в 5000 кордоб за поимку партизан Наварро. Самого Наварро товарищи называли «святым революции»: он распоряжался большими деньгами и при этом ходил в старых потрепанных шлепанцах¹²¹.

В 1963 года руководство СФНО выглядело следующим образом:

- Карлос Фонсека — организационные вопросы, политическая работа и пропаганда,
- Ноэль Герреро — финансовые вопросы,
- Сильвио Майорга — политическая работа,
- Байярдо Альтамирано — политическая работа,
- Сантос Лопес, затем Томас Борхе — военная работа,
- Орландо Квант — военная работа,
- Родольфо Ромеро — представитель СФНО на Кубе.

В декабре 1963 года при попытке нападения на казармы национальной гвардии в Белене и Потоси (южный департамент Ривас) были арестованы бойцы фронта, среди которых был и будущий президент Никарагуа Даниэль Ортега (его вновь арестовали в Гватемале годом позже).

29 июня 1964 года были арестованы руководители СФНО Карлос Фонсека и Виктор Тирадо (мексиканец, марксист). После полугодового пребывания в тюрьме их выслали за границу. 18 октября бойцы фронта совершают налеты на два банка. 2 января 1965 года Фонсеку выслали в Гватемалу.

Но революционное движение в Никарагуа явно шло на спад, и в 1965 году кандидаты фронта проиграли выборы в органы студенческого самоуправления университета Леона. В 1966 году во время одного из бейсбольных матчей в присутствии Анастасио Сомосы-младшего (бейсбол был любимым видом спорта в его семье) студенты (среди которых были и сандинисты) неожиданно развернули огромный плакат «Хватит нам Сомос!».

Рене Шик был обычной марионеткой клана Сомосы и запомнился никарагуанцам только тем, что каждую среду раздавал у президентского дворца денежные купюры беднякам, образовывавшим большие очереди. Правда, собственные министры критиковали президента за то, что он берет эти деньги из государственной казны. В июле 1966 года после возвращения из поездки

¹²¹ В июне 1963 года Наварро в горах (куда он привез деньги) был взят в плен национальной гвардией и зверски замучен до смерти.

по Европе у Шика, давно страдавшего от пристрастия к бутылке и даже вступившего в общество анонимных алкоголиков, прихватило сердце, и 3 августа президент скончался от инфаркта.

До окончания президентского срока, истекавшего в мае 1967 года, конгресс избрал президентом министра внутренних дел Лоренсо Герреро Гутьерреса, родственника усопшего Шика.

В августе 1966-го Анастасио Сомоса-младший («Тачито») заявил о своей готовности баллотироваться на пост президента. «Тачито» за цинизм и крайнюю жестокость не любили даже в собственной семье. Он предпочитал лично пытаться политических противников и держал в саду зоопарк — клетки с заключенными попеременно с клетками, в которых сидели настоящие звери.

«Тачито» родился 5 декабря 1925 года и с семи лет учился в элитной христианской школе, в одном классе с Педро Хоакином Чаморро. Но уже в 10 лет Анастасио отправили учиться в США, где он окончил гимназию во Флориде и католическое военное училище Ла-Саль (примерный аналог кадетского училища). 3 июля 1943 года он был принят в лучшее военное училище США — Вест-Пойнт, сразу же после окончания которого отец назначил его начальником штаба национальной гвардии.

В 1950 году «Тачито» женился на своей родственнице, жившей в США, — Хоуп Поротокарреро. Сомосе-старшему нравились элегантность, знание нескольких иностранных языков и умение шикарно одеваться Хоуп. «Она — высший класс!» — говаривал «Тачо». Хоуп считалась, по меркам семьи Сомосы, культурной и светской дамой (она подражала Жаклин Кеннеди), хотя больше всего ее интересовали бутики Майами и танцы. В шикарной свадебной церемонии участвовали 4000 приглашенных. У Сомосы-младшего было пятеро детей. Они, как и их мать, были яркими поклонниками американского образа жизни и говорили по-английски лучше, чем по-испански. Уже в 60-е годы супруги отдалились друг от друга, и Хоуп большую часть времени проводила в США. Развода избегали только по политическим мотивам.

Сначала молодые жили в Нью-Йорке, где собирались остаться на всю жизнь. Там Сомоса-младший занимался бизнесом клана, в частности, транспортной судоходной компанией «Маменик Лайн». Но сын был нужен отцу в Никарагуа.

Путь к президентскому креслу для «Тачито» был окончательно расчищен, когда в апреле 1967 года его старший брат Луис неожиданно умер от инфаркта в 45 лет.

Известие о выдвижении ненавистного «Тачито» (куда более жесткого и властолюбивого, чем Луис) заставило сандинистов вновь вернуться к партизанской борьбе.

Карлос Фонсека во второй половине 60-х жил то в Мексике, то в Коста-Рике. Будучи в очередной раз арестован и отбывая срок в костариканской тюрьме, он влюбился в Марию Хайде Теран, которая навещала его по четвергам и воскресеньям. Молодые люди познакомились на тайной студенческой сходке. Мария,

бывшая на два года младше Карлоса, происходила из видной леонской семьи, известной своими либеральными взглядами. Ее отец и брат были членами Независимой либеральной партии. Семья владела издательством и книжным магазином недалеко от университета. В апреле 1965 года Мария и Карлос поженились, и в ноябре 1966-го у них родился сын — Карлос-младший.

Надо отметить, что Фонсека терпеть не мог свободных отношений между мужчиной и женщиной. Если в партизанском отряде или подполье он замечал, что между юношей и девушкой вспыхивали романтические чувства, он, как правило, немедленно вызывал молодого человека и требовал, чтобы тот оформил нормальный брак, прежде чем пара начнет жить вместе. Ясно, что такие «старомодные» уже по меркам тогдашней молодежи взгляды объяснялись тяжелой судьбой самого Фонсеки — незаконнорожденного сына матери-одиночки.

В январе 1966 года в Гаване была проведена Триконтинентальная конференция. На ней лидеры кубинской революции, в частности, Че Гевара в своем послании конференции, призвали народы Африки, Азии и Латинской Америки к вооруженной борьбе против американского империализма. Фидель Кастро обрушился с критикой на «консервативные» коммунистические партии Латинской Америки, которые, по его мнению» слишком увлеклись парламентаризмом и работой в профсоюзах. Кастро призвал дать США «два, три, еще больше Вьетнамов»¹²². Именно в то время Че Гевара отправился делать революцию в Боливию.

Под влиянием кубинцев СФНО опубликовал в ноябре 1966 года манифест, в котором отказывался от мирных средств борьбы. Характерным был уже заголовок этого документа: «Сандино — да, Сомоса — нет, революция — да, избирательный фарс — нет!»¹²³.

В Никарагуа в то время, Партия республиканской мобилизации (в которой работали и коммунисты, и сандинисты) решила поддержать на выборах 1967 года кандидатуру консерватора, богатого скотовода Фернандо Агуэро. Принадлежащая бывшему однокласснику Сомосы-младшего Педро Хоакину Чаморро газета «Ла Пренса» была рупором объединенной оппозиции — Национального союза оппозиции.

В воскресенье 22 января 1967 года буржуазная оппозиция и коммунисты решили провести в столице мощный митинг против кандидатур «Тачито». На улицы Манагуа вышла небывалая в истории страны демонстрация — более 50 тысяч человек. Оппозиция требовала отмены намеченных на 5 февраля президентских выборов и реформы избирательного законодательства. Агуэро призвал командование национальной гвардии к диалогу с народом. Сандинисты распространяли среди демонстрантов листовки с призывом бойкотировать выборы.

¹²² *Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P. 94.*

¹²³ *Ibid. P. 95.*

И тут Сомоса-младший показал, что превзошел кровожадностью даже своего отца. Национальной гвардии был отдан приказ стрелять на поражение. На центральной улице Манагуа — авениде Рузвельта — были убиты более 100 человек (по неофициальным данным — около 1000–1500). Лидеры оппозиции укрылись в одном из отелей, который был обстрелян из танка «шерман».

Правда, по некоторым сведениям, первый выстрел прозвучал из рядов манифестантов и сделал его бывший национальный гвардеец, в то время — член СФНО Давид Техада Перальта. Но это, конечно, не оправдывает звериную жестокость национальных гвардейцев по отношению к собственному народу.

По стране прокатилась волна арестов. В числе прочих был арестован один из лидеров СФНО — Эден Пастора, которого обвинили в незаконном ношении оружия. Редакция «Ла Пренсы» была 22 января разгромлена национальной гвардией, и газета не выходила до 3 февраля. Но Агуэро все же продолжал предвыборную борьбу.

СФНО обвинил буржуазную оппозицию и коммунистов в том, что они своей неправильной тактикой подставили безоружных людей под пули. Тактика буржуазной оппозиции, которая надеялась, что жестокая расправа над мирными людьми вызовет раскол в национальной гвардии и вмешательство США в пользу оппозиции, оказалась неверной.

Неудивительно, что 5 февраля 1967 года «Тачито» был избран президентом Никарагуа, получив 75% голосов.

Сандинисты решили заново начать партизанскую борьбу, понимая, что мирными средствами устранить диктатуру не получится. Теперь в качестве «очага» был выбран горный лесной район Панкасан, в котором жили испаноговорящие крестьяне и который находился неподалеку от родного города Фонсеки Матагальпы. В Панкасане не было крупных городов и дорог с твердым покрытием, что затрудняло возможные контрпартизанские операции национальной гвардии. Люди жили в деревнях, в каждой из которых насчитывалось не более 200 жителей. Это был центр района боевых операций Сандино в 1927–1933 годах. Многие здесь помнили «генерала свободных людей» и даже воевали в рядах его армии.

Хотя регион Панкасан занимал 15% территории Никарагуа, там жил лишь 1% населения страны¹²⁴.

Фонсека с апреля 1967 года находился в горах и лично готовил партизанское движение вместе с другими руководителями фронта Оскаром Турсиосом¹²⁵, Сильвио Майоргой и Томасом Борхе. Вдвоем с проводником из местных Фон-

¹²⁴ Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P. 96.

¹²⁵ Турсиос был членом никарагуанской компартии и по ее линии был отправлен в 1961 года на учебу в Москву в Университет дружбы народов имени Патрисы Лулумбы. Изучал экономику, но был исключен за «маоистские тенденции». В марте 1964 года через Даниэля Ортегу вступил в СФНО. С 1965 года — член национального руководства фронта, отвечал за военную работу.

сека осторожно обходил крестьянские дома (крестьяне знали его как «Иисуса») и вел беседы на тему эксплуатации крестьян местными богачами и американскими империалистами. Крестьяне в Панкасане жили очень бедно, так как были оттеснены в этот негостеприимный район кофейными плантаторами, захватившими лучшие земли. Фонсека обещал им аграрную реформу, но предупреждал, что ее придется завоевать с оружием в руках.

Фонсека считал никарагуанский народ мятежным, но пока не революционным. Это означало, что люди в принципе готовы к восстанию против режима, но не могут сформулировать политическую программу борьбы.

Крестьяне охотно слушали «Иисуса» и обещали помощь. Проблема была, правда, в том, что у многих родственники служили в национальной гвардии. Это была давняя политика Сомосы-старшего в районах сандинистского движения 1927–1933 годов. Чтобы привлечь местное непокорное население к сотрудничеству, его охотно брали в национальную гвардию.

Помощники партизан из числа местных крестьян были организованы в ячейки, каждая из которых выполняла определенные задачи: разведка, снабжение продовольствием, предоставление жилья партизанам и т.д. Фонсека уделял конспирации огромное внимание, из-за чего над ним часто посмеивались более нетерпеливые товарищи. Например, он настаивал на том, чтобы как можно меньше бойцов СФНО в разных районах знали друг друга в лицо. Сам Фонсека часто менял внешний облик, превращаясь, скажем, из врача в бейсболиста. Он специально тренировал мимику и менял прически. Очки Фонсека (он был близорук) иногда заменял только что появившимися контактными линзами. Ходили даже слухи, что он пришел на похороны собственной матери, переодевшись монашкой.

Все руководство фронта, включая Фонсеку, прибыло в Панкасан. Партизан, снова разделенных на три колонны, насчитывалось примерно 40 человек (меньше, чем в 1963 году), но на этот раз все они были хорошо вооружены. Часть бойцов прошли подготовку на Кубе. В июле — октябре 1966 года некоторые из будущих партизан воевали в Гватемале в рядах местных левых повстанцев.

В мае 1967 года (одновременно с принесением «Тачито» присяги президента) фронт начал партизанскую борьбу. В Манагуа партизаны обстреляли дома некоторых видных деятелей режима и провели экспроприацию для нужд партизанской борьбы в филиале «Лондонского банка». Позднее была захвачена бронированная инкассаторская машина Национального банка.

Партизаны продержались в горах Панкасана три месяца, в течение которых правительственные войска не могли их обнаружить. Но затем Сомоса направил в район Панкасана элитные части (более 400 человек). 27 августа 1967-го одна из колонн партизан во главе с основателем СФНО Сильвио Майоргой попала в засаду и была практически полностью уничтожена (упорный бой продолжался целый день). В операции участвовал вертолет национальной гвардии.

Сам Майорга погиб. Был убит и Ригоберто Крус, который четыре года готовил партизанскую базу в горах. Партизан предал сельский староста, который подобрал патроны, случайно оброненные одним из бойцов, и отнес их национальным гвардейцам¹²⁶. Разведсеть Фонсеки сработала, и он узнал о предательстве, но его курьер прибыл к Майорге слишком поздно.

После разгрома колонны Майорги остальные партизаны отошли в Гондурас.

Таким образом, вторая попытка «фокизма», хотя и хорошо подготовленная, в отличие от 1963 года, тоже потерпела крах. Все же на этот раз партизанская борьба получила в Никарагуа широкий отклик. О ней писали в газетах. В городах СФНО организовал акции солидарности с партизанами, а Сомоса был вынужден публично признать потери своих элитных частей. Репрессии национальной гвардии против мирных крестьян Панкасана только усилили среди них симпатии к «мучачос» («ребятам», как они называли молодых сандинистов). Гвардейцы зверски убили пленных партизан (например, у бойца СФНО Армандо Флореса бритвой сняли кожу с головы и посыпали раны солью)¹²⁷ и крестьян, которых подозревали в помощи сандинистам. В ответ фронт 23 октября 1967 года казнил сержанта гвардии Гонсало Лакайо, пытавшего пленников. В операции принял участие Даниэль Ортега.

После Панкасана СФНО стал общенациональной силой, хотя пока только с чисто пропагандистской точки зрения. Авторитет Фонсеки сильно вырос. В январе 1968 года он стал единоличным политическим и военным руководителем СФНО, а в феврале 1969-го — генеральным секретарем фронта. Официальными цветами СФНО стали красный и черный, как у Сандино, а лозунгом — слова «Свободная родина или смерть». Только после Панкасана фронт стал полноценной организацией (хотя был создан 23 июля 1961 года). В 1969 году Фонсека написал программу сандинистов, получившую название «исторической».

Программа определяла СФНО как «военно-политическую организацию, стратегическая цель которой — взятие политической власти и создание революционного правительства, опирающегося на союз рабочих и крестьян и поддержку всех патриотических, антиимпериалистических и антиолигархических сил страны»¹²⁸. Режим Сомосы сандинисты описывали как политически антинародный и юридически незаконный. «...Его признание и оказываемая ему помощь со стороны США — неопровержимое доказательство иностранного вмешательства в дела Никарагуа».

Фонсека учел ошибки Сандино, и в программе содержался целый набор прогрессивных социально-экономических требований. Грядущее революционное

¹²⁶ По другой версии, партизаны взяли в плен местного крестьянина и попросили его быть их проводником. Тот согласился. Но жена сообщила о пропаже мужа национальным гвардейцам. Когда партизаны отпустили крестьянина, и он вернулся домой, его уже поджидали гвардейцы. Те заставили его показать дорогу к партизанской колонне.

¹²⁷ Никарагуа: путь борьбы и победы. М., 1984. С. 257.

¹²⁸ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 241.

правительство обещало аграрную реформу («перераспределение земли в интересах трудящихся» и «ликвидацию власти латифундистов»), экспроприацию имущества клана Сомосы и его пособников. Кроме этого, предполагались национализация иностранных горнорудных компаний и банковской системы, запрет ростовщичества. Одновременно фронт обещал «покровительство мелким и средним собственникам (промышленникам, торговцам), ограничивая сверхприбыль, получаемую от эксплуатации трудящихся». Сандинисты намеревались установить контроль над внешней торговлей, ограничить импорт предметов роскоши и ввести в экономику плановые начала, «положив конец анархии, характерной для капиталистического общества». Важное место в планировании должны были занять «индустриализация и электрификация страны».

В политической области «историческая программа» СФНО обещала восстановление всех политических и гражданских свобод, амнистию и возвращение политических эмигрантов, а также строгое наказание для «лиц, виновных в преследовании, доносах, пытках или убийствах революционеров и других представителей народа».

Национальная гвардия подлежала ликвидации и замене ее патриотической народной армией. В новую армию разрешалось принимать и бывших гвардейцев при условии, что они «не принимали участие в убийствах, грабежах, пытках и преследовании прогрессивных деятелей, демократов, революционеров и трудящихся».

В сфере образования и культуры СФНО обещал развернуть массовую кампанию по ликвидации неграмотности, восстановить «преданные забвению антинародными режимами имена представителей прогрессивной интеллигенции». «...образование будет бесплатным на всех уровнях, — говорилось в программе, — а на некоторых — обязательным»¹²⁹.

Рабочим были обещаны прогрессивный трудовой кодекс, гарантирующий восьмичасовой рабочий день, право на регулярный отпуск и «доход трудящегося... который должен быть достаточным для удовлетворения его ежедневных потребностей». Сандинисты обещали также ликвидировать безработицу, предоставить каждой семье нормальное жилье и уничтожить ростовщичество в области квартплаты.

Отдельные разделы программы посвящались специальным мерам по развитию отсталого атлантического побережья Никарагуа, эмансипации женщин и уважению религиозных чувств верующих.

В области внешней политики революционное правительство обещало «положить конец американскому вмешательству во внутренние дела Никарагуа и проводить в отношении других стран политику взаимного уважения и братского сотрудничества между народами». Все неравноправные договоры под-

¹²⁹ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С.244–245.

лежали отмене (здесь в первую очередь, конечно, имелся в виду пресловутый договор Брайана — Чаморро).

Можно резюмируя, отметить, что Фонсека написал классическую марксистскую программу, которая содержала пункты, привлекательные для подавляющего большинства никарагуанцев, включая мелких и средних предпринимателей, тоже страдавших от диктатуры и засилья в стране трех олигархических групп.

На базе исторической программы СФНО фронт начал активную и кропотливую работу по созданию родственных организаций среди рабочих, студентов и крестьян. Эти организации в будущем должны были поддерживать новое вооруженное восстание против диктатуры массовыми акциями гражданского неповиновения. Таким образом, СФНО под руководством Фонсеки практически встал на линию компартии, отвергнув «фокизм». В то же время и коммунисты после января 1967 года намеревались свергнуть Сомосу насильственным путем, поэтому члены партии охотно вступали в боевые группы СФНО.

Новая тактика фронта принесла успех. Сандинисты создали Революционный фронт студентов (среди студенчества фронт было особенно популярен, так как и сами руководители СФНО вышли из студенческой среды).

В 1970 году эта организация выиграла выборы в органы студенческого самоуправления университета Леона, причем кандидаты открыто говорили, что они коммунисты и сандинисты, что только добавляло им голосов¹³⁰. Фонсека призывал всех членов СФНО изучать марксизм, как единственное средство для объяснения и реформирования общества. В 1968 году он написал специальное «Послание революционным студентам».

По оценкам Педро Хоакина Чаморро, в начале 70-х годов 70% студентов в Манагуа были марксистами, 25% — социал-христианами (то есть сторонниками идей левого буржуазного реформизма с опорой на христианские ценности), 5% не имели никаких ясно выраженных политических взглядов.

Среди жителей бедняцких кварталов крупных городов («барриос»), особенно Манагуа, СФНО создавал ячейки будущей борьбы, которые назывались «гражданскими народными комитетами». В случае вооруженного восстания эти комитеты должны были выйти из подполья и стать органами народной власти.

Фонсека призывал создавать ячейки фронта среди всех социальных слоев, среди строительных рабочих, обувщиков, текстильных рабочих, водителей, механиков, работников торговли, портовых докеров, студентов, госслужащих. «Цель должна быть в том, чтобы в каждом баррио, каждом секторе производства, на каждом рабочем месте, была активная группа СФНО».

Во фронт теперь охотно шли и молодые рабочие, разочарованные «умеренной» линией никарагуанских коммунистов, особенно их участием в предвыборной кампании Агуэро в 1967 году.

¹³⁰ *Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P. 103.*

Военная тактика СФНО состояла в полном временном прекращении организованной партизанской борьбы в сельской местности и сосредоточенности на накоплении сил путем подпольной работы в городах. В бой предписывалось вступать только в целях самообороны.

Однако полностью партизанская борьба после Панкасана не прекратилась. 3 марта 1969 года в Ла-Вирхене (департамент Ривас, юг страны) сандинисты участвовали в бою против батальона национальной гвардии (400 человек), вооруженного артиллерией и поддерживаемого авиацией. 15 июля 1969 года на конспиративной квартире в Манагуа был убит член руководства фронта 23-летний Хулио Буитраго — «отец городской вооруженной борьбы», как его называли в СФНО¹³¹.

Служба безопасности Сомосы («Офис национальной безопасности»), естественно, активно прилагала усилия для ликвидации конспиративной сети фронта в городах. 15 июля национальная гвардия раскрыла конспиративную квартиру Буитраго (он был в то время членом национального руководства СФНО и отвечал за подпольную работу в городах). Хулио открыл прицельный огонь, под защитой которого из дома смогли бежать три бойца СФНО. Национальная гвардия заявила, что в доме, судя по интенсивности огня, находятся десятки партизан, и вызвала на помощь вертолеты и танк. Несколько часов три сотни бойцов элитного подразделения национальной гвардии не могла взять штурмом двухэтажный дом. Атакой руководил лично директор службы безопасности Самуэль Жени¹³². Но когда огонь прекратился, в доме не нашли никого, кроме изрешеченного пулями тела Буитраго.

Героическое сопротивление Буитраго еще больше подняло престиж фронта в стране, так как операцию национальной гвардии транслировали в прямом эфире по телевидению.

Но гибель Буитраго, руководившего всей подпольной работой в городах и двумя вооруженными группами по семь бойцов в каждой, стала для фронта тяжелым ударом.

К концу 1969 года СФНО потерял в боях и стычках 28 человек, 16 членов фронта томились в тюрьме, 12 работали в подполье¹³³. Во всем фронте вряд ли было тогда больше пары сотен членов. Но тактика «накопления сил в тишине» (как ее называл СФНО) продолжалась.

¹³¹ Буитраго родился в Манагуа в 1944 году в бедной семье. Ребенком продавал газировку и работал уборщиком в кинотеатре. С 16 лет участвовал в борьбе против диктатуры. С 1964 года — член СФНО. 22 июня 1967 года был арестован и избит так, что мочился кровью, однако не сказал ни слова. После освобождения уехал на Кубу, которую очень уважал. Буитраго стремился перенести в Никарагуа кубинский опыт строительства социализма. В Никарагуа он вернулся в марте 1968 года.

¹³² *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.83.*

¹³³ *Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P.110.*

Последнее крупное столкновение с национальной гвардией в горах произошло в 1970 году в горах Синика и Эль-Бихао недалеко от Матагальпы.

Партизаны собрались там в декабре 1969 года, чтобы возобновить прерванную после Панкасана масштабную партизанскую войну. 14 февраля 1970 года патруль национальной гвардии в количестве 40 человек попал в засаду партизан под командованием Оскара Турсиоса. Причем, в отличие от Панкасана в 1967 году, на этот раз партизаны практически состояли из местных крестьян (а не из городской молодежи) и национальная гвардия, опять же впервые, не смогла разгромить партизан в открытом бою¹³⁴. Партизаны организованно отошли в другие районы и рассеялись в городах.

С сентября 1970 года руководство городским сопротивлением (Внутренним фронтом) принял на себя Байардо Арсе¹³⁵.

В городах была создана сеть конспиративных квартир, все члены фронта пользовались псевдонимами и кодовой системой письма (самого Фонсеку знали как «Зорро»). Находящиеся на нелегальном положении члены фронта должны были спать на конспиративных квартирах одетыми, а женщины — носить брюки вместо юбок, чтобы быстрее убежать в случае облавы.

Для финансирования своей борьбы СФНО сначала прибегал к экспроприации банков, но это было рискованно, и впоследствии фронт больше полагался на взносы членов и сочувствующих.

В 1969 году фронт, наконец, формализовал свою структуру. Генеральный секретарь Карлос Фонсека был лидером СФНО. Во время тюремного заключения Фонсеки его замещал Умберто Ортега. Кроме них в Национальное руководство фронта в 1969 году входили Оскар Турсиос (формально второе по значимости лицо), Хулио Буитраго, Рикардо Моралес, Эфраин Санчес, Франсиско Росалес¹³⁶.

Помимо исполнительного секретарита (его возглавлял Фонсека) руководящими военными структурами СФНО были Генеральный штаб партизанской борьбы (отвечал за вооруженную борьбу в сельской местности), Генеральный штаб городского сопротивления (после гибели Буитраго его возглавил Эфраин Санчес) и региональные руководящие комитеты.

В 1969–1970 годах кубинцы, наученные горьким опытом Че Гевары, прекратили военное обучение сандинистов. СФНО при посредничестве троцкистов пришлось обратиться за помощью к Организации освобождения Палестины. В 1971 году делегация СФНО во главе с Фонсекой через Москву направилась в КНДР. В столице СССР никарагуанцев пригласили принять участие в XXIV съезде КПСС. До сентября 1971 года делегация фронта находилась

¹³⁴ Black G. *Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 84.

¹³⁵ Родился в 1950 году в оппозиционно настроенной по отношению к Сомосе семье. Его отец, журналист, был избит за критические публикации и умер от побоев в 1957 году. С конца 60-х годов — член СФНО, создавал подпольные ячейки фронта в Леоне. Работал журналистом в «Ла Пренсе».

¹³⁶ В марте 1968 года Турсиос и Умберто Ортега прошли военную подготовку в КНДР.

в Северной Корее, где проходила военную подготовку. На обратном пути Фонсека посетил Пекин.

В начале 70-х годов Фонсека из эмиграции руководил СФНО в целом, а Оскар Турсиос возглавлял партизанскую борьбу в Никарагуа.

Между тем борьба фронта в Никарагуа не прекращалась ни на один день. 15 января 1970 года на конспиративной квартире в Манагуа попал в осаду член СФНО поэт Леонель Ругама. На предложение гвардии сдаться он выкрикнул: «Скажи своей матери, чтобы сдавалась!» Его убили вместе с двумя другими членами фронта.

Карлос Фонсека жил в эмиграции в Коста-Рике, где 22 января 1969 года родилась его дочь Таня. 31 августа 1969-го лидер СФНО был арестован местной полицией. 23 декабря семь бойцов фронта, в том числе Умберто Ортега, напали на костариканскую тюрьму Алахуэла, чтобы освободить Фонсеку. Но операция¹⁵⁷ провалилась, при этом в плен попала супруга лидера СФНО, а Ортега был серьезно ранен. Широкая кампания в пользу освобождения Фонсеки, развернувшаяся в Европе, не впечатлила костариканское правительство. Однако 21 октября 1970 года группа под командованием Карлоса Агуэро провела новую операцию, захватив самолет, на борту которого находились сотрудники «Юнайтед Фрут» — граждане США¹⁵⁸. Фонсеку и Ортегу освободили и через Мексику отправили на Кубу.

На Кубе Фонсека находился с 1970-го по 1975 год, посвятив себя теоретической работе, но не оставив повседневное руководство деятельностью фронта. В 1972 году появилась уже упомянутая работа Фонсеки «Сандино — пролетарский партизан», в 1973-м — «Хронология сандинистского сопротивления». Фонсека подчеркивал в работе искреннюю дружбу Сандино с коммунистом Фарабундо Марти, но ничего не писал о связях «генерала свободных людей» с масонами или сектой спиритуалистов. Сандино окончательно стал символом, причем очень популярным среди населения Никарагуа. Именно Фонсека вернул Сандино в сердцах и умах никарагуанцев законное место духовного лидера нации.

Между тем «накопление сил» СФНО стало давать первые ощутимые результаты. В мае и июне 1970 года в Никарагуа прошла голодовка студентов и их матерей в поддержку политических заключенных¹⁵⁹. В сентябре протесты перекинулись на все крупные города. В январе 1971 года студенты и рабочие Леона совместно выступили против повышения платы за проезд в общественном транспорте. В апреле крестьяне протестовали против зверств национальной гвардии в северных департаментах Никарагуа. В мае 1971-го Сомосе пришлось

¹⁵⁷ У сандинистов была информация, что Фонсеку хотят убить в тюрьме руками подкупленных гвардией Сомосы уголовников.

¹⁵⁸ *Baracco L. Nicaragua: The Imaging of a Nation From Nineteenth-Century Liberals to Twentieth-Century Sandinistas.* Algora Publishing, 2005. P. 70.

¹⁵⁹ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua.* London, 1981. P. 85.

послать в Матагальпу вертолеты, чтобы подавить протест. В октябре 1971 года по всей Никарагуа происходили захваты церквей с требованием освободить политзаключенных, в том числе видных деятелей СФНО Хермана Помареса и Дорис Тихерино.

Диктатор был вынужден маневрировать, и в марте 1971 года было подписано очередное соглашение между партией Сомосы (националистической либеральной) и консерваторами (его назвали «пакт купия куми» — «единое сердце» на языке индейцев-мискито). По этому соглашению Сомоса 1 мая 1972 года «передал власть» Национальной правительственной хунте, в которую вошли два члена его партии, Роберто Мартинес Лакайо и Альфонсо Лово Кордеро, и бывший кандидат в президенты консерватор Фернандо Агуэро.

Однако буржуазная оппозиция режиму была к тому времени так дискредитирована в глазах населения, что никакого успокоения стране маневры Сомосы не принесли.

В конце 1973 года сандинисты решили, что настало время вернуться к вооруженной борьбе. На сей раз ее фронт был открыт на густонаселенном юге страны — в департаментах Масайя, Гранада, Карасо и Ривас. Там партизаны могли рассчитывать на помощь уже созданной сети городского сопротивления. Новый фронт возглавил один из основателей СФНО, представитель «поколения 1944 года» Томас Борхе.

Партизаны попытались взять под контроль деревню Нандайме (департамент Ривас) — ключевой транспортный узел, в котором сходились Панаме-риканское шоссе и дорога на Гранаду. Там был устроен конспиративный дом «Ла Эрмита» («Убежище»), однако охранка Сомосы вышла на след партизан и 17 сентября 1973 года атаковала «Ла Эрмиту», убив четырех сандинистов¹⁴⁰, в том числе двух членов национального руководства СФНО — Оскара Турсиоса и Рикардо Моралеса. После этого Фонсека разослал циркулярное письмо, в котором требовал неукоснительного соблюдения правил конспирации.

Борьбу против диктатора активизировали и коммунисты. В 1973 году они возглавили через подконтрольные профсоюзы успешную забастовку строительных рабочих.

Но самый страшный удар Сомосе нанесли не сандинисты, а природа. В канун Рождества, 23 декабря 1972 года Манагуа содрогнулась от сильнейшего землетрясения. Погибли 10 тысяч человек. 52 тысячи человек (57% экономически активного населения столицы) оказались без работы¹⁴¹. Пострадали 95% малых ремесленных предприятий и торговых точек. Две трети города (27 квадратных километров), 60 тысяч домов — большей частью в бедных кварталах — были разрушены. Национальная гвардия утратила контроль над ситуацией и пере-

¹⁴⁰ Black G. *Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P.85.

¹⁴¹ Vilas C.M. *Sandinista Revolution. National Liberation and Social Transformation in Central America*. Monthly Review Press, 1986. P.102.

шла к мародерству. В столицу Никарагуа по указанию США были спешно переброшены бойцы созданного американцами центральноамериканского военного блока — КОНДЕКА¹⁴².

Землетрясение полностью подорвало остатки престижа Сомосы в стране. Диктатор заявил, что в кратчайшие сроки с помощью мирового сообщества ликвидирует последствия стихийного бедствия. Он назначил сам себя главой «Чрезвычайного национального комитета» и «Комитета по восстановлению столицы»¹⁴³. Было создано новое министерство — национального восстановления, причем и его возглавил Сомоса.

Мировое сообщество действительно оказало Никарагуа беспрецедентную помощь в размере 190 миллионов долларов. Однако восстановление двигалось медленно, а крупные суммы денег оседали в карманах семейства Сомосы и национальной гвардии, солдаты и офицеры которой открыто торговали на рынках иностранной гуманитарной помощью. Итальянский журнал «Европео» писал 15 сентября 1978 года: «Землетрясение еще больше обогатило семейство Сомосы. Оно прикарманило все деньги, поступившие из разных стран мира, и вложило их в свои строительные компании»¹⁴⁴. Действительно, подряды на восстановление Манагуа в основном получали семейные фирмы Сомосы. Например, мостовые города покрывали не асфальтом, а плиткой, которую производило предприятие Сомосы.

Правда, громадные иностранные деньги и строительный бум после землетрясения, казалось, покончили с фазой плохой конъюнктуры для никарагуанских экспортных товаров, наблюдавшейся в 1967–1972 годах. Четыре аграрных продукта составляли основную часть (более 60%) никарагуанского экспорта в начале 70-х годов: 24,5% — хлопок, 18,1% — кофе, 10,2% — сахар и 7,2% — говядина¹⁴⁵.

Все они упали в цене после мирового энергетического кризиса 1973 года, а потом Никарагуа постигла засуха. В 1974 году строительный бум иссяк, и Сомосе ввиду отсутствия прежних экспортных поступлений пришлось активно занимать деньги за границей, благо с помощью американцев делать это ему было несложно. Последствия такой близорукой политики не замедлили сказаться.

¹⁴² Центральноамериканский совет обороны (Cosejo de Defensa Centroamericana, CONDECA) провел свое первое заседание в июне 1964 года в Гватемале. В сентябре того же года в столице Гватемалы стал работать постоянный штаб блока. Первоначально в организацию вошли Гватемала, Никарагуа и Гондурас. В 1965 году к КОНДЕКА присоединились Сальвадор и Коста-Рика. Блок провел в 1965 году совместные военные учения с США, затем совместные маневры проводились в январе 1973 года в Гватемале. Основной целью КОНДЕКА была борьба против левых партизан в странах Центральной Америки.

¹⁴³ *Игнатъев О. К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 25.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ *Black G.* Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 67.

В 1968 году у Никарагуа был самый маленький среди стран Центральной Америки внешний долг — 49 миллионов долларов. Но лишь в 1970–1975 годах внешний долг Никарагуа увеличился с 146,8 до 592,7 миллиона долларов¹⁴⁶.

В 1979 году к моменту падения диктатуры Сомосы на обслуживание внешнего долга страны шло уже 22% экспорта. В 1978 году ВВП снизился на 5%, а внешний долг достиг астрономической суммы — миллиарда долларов. Страна была фактически в состоянии банкротства. Однако на военных расходах Сомоса по-прежнему не экономил.

Но следует подчеркнуть, что ухудшившееся начиная с 1975 года экономическое положение Никарагуа не было причиной сандинистской революции 1978–1979 годов. Это ухудшение не носило характер острого кризиса, а никарагуанцы привыкли к постоянным взлетам и падениям зависимой от мирового рынка экономики страны.

В 1974 году ВВП Никарагуа вырос на 12,7% (из-за восстановительных работ после землетрясения), в 1975 году — на 2,2%, в 1976-м — на 5%, в 1977-м — на 0,9%. При этом промышленное производство увеличилось в 1977 году на 10,3%. В целом в 1970–1978 годах ВВП Никарагуа рос на 4% в год (в среднем в Центральной Америке — на 5,4%). Относительно неплохими темпами увеличивались инвестиции во все сектора экономики.

Однако Никарагуа страдала от чудовищно несправедливого распределения доходов среди населения. Диктатор установил в 1975 году минимальную дневную заработную плату в 13 кордоб (меньше двух долларов), но и ее часто не выплачивали на частных предприятиях. К тому же номинальная зарплата очень сильно страдала от усилившейся в 1970-е годы инфляции. Рост цен в 1970–1979 годах составил 174%, а на продукты питания цены выросли в 3,4 раза. Это было связано с ростом цен на импортируемые Никарагуа продукты питания и энергоносители. Если принять среднемесячную заработную плату в 1971 году за 100%, то в 1978 году она составила только 86,3%. Причем в торговле (среди мелких ремесленников и торговцев) реальные доходы за этот же период упали на 28,2%¹⁴⁷.

ВВП на душу населения (1078 долларов) в 1978 году был ниже, чем в 1970-м (1095 долларов) — прежде всего из-за инфляции.

Таким образом, люди в Никарагуа в 70-е годы в целом жили хуже, чем в 60-е. И все же главной причиной борьбы против диктатуры Сомосы было активное неприятие всем населением тотального контроля, который диктатор и его семья осуществляли над обществом во всех сферах жизни. Никарагуанцы хотели главным образом не роста зарплаты, а элементарной свободы и возможности самовыражения в жизни, в том числе и в политической деятельности. Тем бо-

¹⁴⁶ Латинская Америка в цифрах. М., 1989. С. 131

¹⁴⁷ Vilas C.M. Sandinista Revolution. National Liberation and Social Transformation in Central America. Monthly Review Press, 1986. P.96–97.

лее что к концу 70-х годов благодаря пропаганде сандинистов и коммунистов многие стали понимать, что живут плохо только потому, что хорошо живут Сомоса, его семья и связанная с кланом олигархия.

В 1974 году сандинисты опять решили вернуться к вооруженной борьбе, но уже не только на основе «фокизма». Прекрасно понимая ненависть, которую испытывает к диктатуре подавляющая часть населения, сандинисты хотели смелыми вооруженными нападениями, рассчитанными прежде всего на внешний пропагандистский эффект, вызвать в стране всеобщую политическую забастовку и народное восстание.

27 декабря 1974 года один из руководителей сандинистского вооруженного подполья Херман Помарес услышал по радио, что в этот вечер будет устроен прием для посла США Тернера Шелтона на вилле министра сельского хозяйства, богатого хлопкового магната и друга Сомосы Хосе Марии («Чемы», как его звали) Кастильо в самом роскошном квартале Манагуа Лос-Роблес. В приеме, по сообщениям радио, должен был участвовать и член семейного клана Сомосы Гильермо Севилья Дебайле, уже много лет являвшийся никарагуанским послом в Вашингтоне. Среди гостей были и министр иностранных дел Алехандро Монтель, родственник Сомосы и глава государственной кредитной корпорации ИНФОНАК Ноэль Паллейс Дебайле, другие представители «сливок» никарагуанской политики и бизнеса.

Сандинисты не захотели упустить такой прекрасный шанс для удара в сердце диктатуры. В 11:00 Помарес дал своему отряду команду на сбор. Оружие группы было весьма разнообразным: американские винтовки М-1 времен Второй мировой войны, охотничьи ружья, пистолеты и шесть ручных гранат. Каждый член боевой группы нес в большом пластиковом пакете снаряжение на случай длительной осады — воду, факелы, витамины, лекарства, глюкоза, аспирин, сыворотку, нейлоновые веревки¹⁴⁸. Члены группы встретились друг с другом перед нападением в первый раз.

Командовал отрядом команданте Эдуардо Контрерас. Участники рейда надели маски из чулок и черно-красные платки (символ СФНО). Группа собралась в 21:00, быстро подготовив план боевой операции. Сандинисты приехали к особняку на двух такси, затем связали таксистов, дали им в порядке компенсации по 50 кордоб и посоветовали не звать на помощь ранее, чем через час.

В 22:50, сразу же после ухода американского посла и сводного брата диктатора генерала Хосе Сомосы, группа из 13 человек (включая трех женщин), построившись клином с острием по направлению к зданию, ворвалась на виллу. Нападавшие кричали: «Это политическая операция. Руки за голову и лицом к стене! Это Сандинистский фронт национального освобождения. Вива Сандино!» Два агента службы безопасности (из 14–15, охранявших виллу) были убиты, двое — ранены. Ранен был и один из сандинистов. Некоторые гости по-

¹⁴⁸ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.86.*

падали в обморок. Кастильо раздал 13 винтовок, находившихся в доме, музыкантам оркестра, но те воевать не захотели и укрылись в ванной.

Сомоса был застигнут врасплох, пребывая в своем любимом Майами, где у него была вилла. Диктатору пришлось срочно возвращаться в Манагуа, пока его сводный брат Хосе руководил операцией по окружению захваченной виллы. Здание оцепил элитный батальон национальной гвардии «Генерал Сомоса» численностью в 500 человек. Гвардия взломала заднюю дверь особняка, но проникнуть в дом не решилась, беспорядочно ведя огонь из автоматов через щель в двери. В результате гвардейцы ранили в бедро президента компании ЭССО в Никарагуа Рапаччиоли.

В Никарагуа было введено осадное положение, которое продлилось 33 месяца.

Ночью 28 декабря в особняк позвонил удивленный Хосе Сомоса (он остался «на хозяйстве», а Анастасио был на пути в Мадрид с тем, чтобы нанести визит другому диктатору — «генералиссимусу» Франко). Хосе сразу же согласился отпустить политзаключенных в обмен на заложников. Анастасио Сомоса позвонил сводному брату из Майами (где он остановился по пути в Испанию) и приказал никаких переговоров с сандинистами не вести.

Между тем команда Контрераса предложила на роль переговорщика влиятельного архиепископа Манагуа Мигеля Обандо-и-Браво, который не скрывал своего оппозиционного настроения по отношению к диктатуре. В обмен на освобождение заложников сандинисты требовали разрешить выезд из страны находящимся в тюрьмах лидерам СФНО Даниэлю Ортеге и Хосе Бенито Эскобару (который отвечал за работу с профсоюзами). Архиепископ передал вернувшемуся в Манагуа Сомосе требование выплатить выкуп в 5 миллионов долларов мелкими купюрами. Диктатор высокомерно ответил, что сам решит проблему: «Всегда, когда вмешивается церковь, единственное, что ее интересует, — это спасти жизни. А как же все остальное?»¹⁴⁹

Однако Сомосе пришлось согласиться на все требования группы Контрераса. Помимо выезда заключенных СФНО получил полмиллиона долларов выкупа (Сомоса говорил, что банки на Рождество закрыты и столько мелких купюр нигде не найдешь), а в ведущих СМИ страны («Ла Пренса», «Эль Сентроамерикано» и даже сомосовской газете «Новедадес») были опубликованы коммюнике Сандинистского фронта. Они же были зачитаны на двух телеканалах и шести радиостанциях страны.

Коммюнике были составлены очень грамотно и с прицелом на экономический кризис. В частности, в случае свержения диктатуры было обещано повысить зарплату всем группам рабочих и даже национальным гвардейцам — до 500 кордоб (71 доллар). Таким образом, большинству населения ясно дали понять, что их жизнь улучшится только после ухода Сомосы.

¹⁴⁹ Никарагуа: путь борьбы и победы. М., 1984. С. 118.

Население было потрясено смелой акцией СФНО: оказывается, всесильного Сомосу можно поставить на колени. Неудивительно, что когда группа Контрераса «Хуан Хосе Кесада»¹⁵⁰ после 60-часовой осады вместе с освобожденными политзаключенными (18 человек) ехала в аэропорт Манагуа, толпы людей по маршруту движения скандировали «Да здравствует фронт!» и «Вива Сандино!».

Среди освобожденных заключенных, прибывших вместе с Помаресом в кубинский столичный аэропорт «Хосе Марти», был будущий лидер фронта и президент Никарагуа Даниэль Ортега Сааведра.

Сааведра родился 11 ноября 1945 года в семье среднего класса в городе Ла-Либертад, департамент Чонталес. Мать (Лидия Ортега) и отец (Даниэль Ортега) находились в позиции к режиму Сомосы, а Лидию однажды даже арестовала национальная гвардия, найдя у нее «любвные письма» и сочтя их зашифрованными посланиями.

С юных лет Даниэль Ортега и его два брата Умберто и Камило принимали активное участие в борьбе против диктатуры. Уже в 15 лет Даниэля первый раз арестовали. В 1963 году он поступил в Центральноамериканский университет Манагуа, чтобы изучать право, но, примкнув к СФНО, бросил учебу. В 1967 году Ортегу арестовали второй раз за участие с автоматом в руках в экспроприации одного из отделений «Бэнк оф Америка». На тот момент он уже отвечал за партизанское движение в городах. В столичной тюрьме «Модело» Ортега писал стихотворения, одно из которых называлось «Я никогда не видел Манагуа, когда девушки там носили мини-юбки». Группа Контрераса вытащила Ортегу из тюрьмы в декабре 1974 года. На Кубе Ортега прошел подготовку к партизанской борьбе.

Брат Даниэля Умберто (1947 года рождения) тоже с юных лет присоединился к СФНО. В 1969 году его тяжело ранили в бою, вследствие чего у Умберто была парализована правая рука.

Третий брат Ортега, чье имя вошло в историю СФНО, Камило, родился в 1950 году в Манагуа — в квартале «Сомоса» недалеко от парка имени Сомосы и напротив стадиона имени Сомосы. Камило активно работал среди революционных школьников и студентов, организовывая первомайские демонстрации в 1964-м, 1965-м и 1966 годах. В 1966 году Камило вступил в СФНО и стал формировать «вооруженные команды сандинистов», фактически городские партизанские отряды. Участвовал в нескольких боевых операциях в Манагуа. Камило Ортега отвечал и за организацию акций солидарности с политическими заключенными. В 1969 году поступил в университет Леона, чтобы получить профессию инженера.

После акции 1974 года СФНО уже воспринимался всеми как главная сила, оппозиционная диктатуре.

¹⁵⁰ Назван так в честь бойца СФНО, погибшего в бою 18 сентября 1973 года.

Однако надежды сандинистов на то, что их смелая акция вызовет всеобщее восстание, не оправдались. Репрессивный аппарат диктатора был все еще силен. К тому же акция группы Контрераса не была заранее скоординирована с массовыми рабочими и студенческими организациями.

Элитные подразделения национальной гвардии, пользуясь режимом осажденного положения, отменявшего все гражданские права и вводившего цензуру прессы, начали активно зачищать партизанский район в горах Матагальпы, не останавливаясь перед массовыми репрессиями. Авиация гвардии бомбила деревни напалмом. Крестьян загоняли в шесть специально организованных концлагерей, чтобы они не смогли оказать помощь партизанам.

В марте 1975 года партизаны на короткий срок захватили казармы национальной гвардии в Рио-Бланко (район Панкасан). Вернувшись, национальные гвардейцы превратили Рио-Бланко в настоящий укрепленный лагерь. К нему даже была построена дорога. В Рио-Бланко то и дело проходили показательные казни местных крестьян. В целом сандинистские отряды по-прежнему не могли выстоять в бою против подразделений национальной гвардии.

Городские отряды фронта оказались слабыми и не смогли помочь своим товарищам в горах, открыв второй фронт против гвардии в городах.

Положение усугублялось фактическим расколом СФНО на три группировки, который особенно сильно дал себя знать в 1975 году. Раскол был вызван не разницей в программных целях, а разногласиями относительно тактики борьбы против диктатуры.

«Пролетарская тенденция» (ее сторонников называли «пролетариями») считала, что упор надо делать на политико-пропагандистскую работу среди рабочих, чтобы превратить СФНО в массовую марксистскую партию. «Пролетариос» тоже стояли за вооруженное восстание, но только не в горах, а в городах и при условии предварительной тщательной политической подготовки. Эта группа нерегулярно издавала две газеты: «Кауса Сандиниста» («Дело сандинизма») и «Эль Комбатiente Популар» («Народный боец»)¹⁵¹. «Пролетариос» создавали на фабриках и в рабочих кварталах собственные организации — «Комитеты революционных рабочих». Путь к восстанию «пролетарская тенденция» видела через организацию массовой политической забастовки.

Другая группа членов СФНО считала, что надо придерживаться исконной линии фронта на партизанскую войну в горах. Поэтому эта фракция получила название «длительная народная война». Ее возглавляли Гери Руис (главный специалист СФНО по тактике партизанских действий) и Томас Борхе.

Обе группы состояли из людей, работавших в подполье в самой Никарагуа.

В то же время среди руководителей фронта в эмиграции возникла и третья группа, пытавшаяся примирить две первые. Ее членов стали называть «терсеристами» (от испанского «терсеро» — «третий») или «центристами». Их воз-

¹⁵¹ Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.93.

главляли Даниэль и Умберто Ортега. К этой же группе принадлежали Фонсека и Контрерас. «Терсеристы» справедливо считали, что взгляды «пролетариев» и сторонников «длительной народной войны» друг друга не исключают, а дополняют. Народ Никарагуа готов к восстанию, и его можно вызвать и в городе, и на селе эффектными акциями СФНО, типа налета в декабре 1974 года. Поэтому «терсеристов» еще называли «сторонниками восстания».

Фонсека считал, что раскол в СФНО вообще вызван главным образом тем, что городские и сельские отряды действуют в отрыве и друг от друга, и от руководства фронта.

В некотором смысле раскол СФНО был вызван изменением позиции Кубы по отношению к партизанским движениям во всем мире. В июне 1975 года на Кубе состоялось совещание коммунистических партий Латинской Америки, и лозунг Че Гевары о «длительной народной войне» был снят. Теперь кубинцы, как и Москва, считали, что революции должны быть подготовлены повседневной пропагандой и политической борьбой, а народное восстание (причем в городах, а не в горах) будет лишь кульминацией этого процесса. Коммунистов и все левые силы ориентировали на создание в Никарагуа широкого антидиктаторского фронта с участием местной буржуазии.

В руководстве СФНО с кубинцами согласились братья Ортега. Но многие руководители фронта, в том числе и Карлос Фонсека, продолжали придерживаться прежней линии на непрерывную партизанскую борьбу как катализатор будущего восстания. В 1975 году Фонсека решил вернуться в Никарагуа и лично возглавить новую попытку развертывания партизанского движения.

В 1975 году руководство фронта состояло из 12 членов, но вскоре пятеро из них погибли в боях. В октябре 1975-го национальный директорат СФНО (так называлось официально руководство фронта) по инициативе Томаса Борхе («длительная народная война») исключил из СФНО лидеров «пролетарской тенденции» Хайме Уилока, Луиса Карриона и Роберто Уэмбеса¹⁵². От имени национального директората был обвинен в измене и казнен ветеран СФНО и лидер крестьянского движения фронта «Чико» Сепеда.

Фактически национальный директорат был расколот, и три группировки признавали его членом только самого Фонсеку.

К этому моменту Фонсека уже тайно вернулся в Никарагуа (август 1975-го) и осудил казнь Сепеды. Тогда положение фронта было, пожалуй, самым тяжелым за всю его историю. Сомоса публично заявил, что с СФНО покончено. Действительно, в конце 1975 года в Сандинистском фронте состояли не более трех десятков активных бойцов¹⁵³. Причем партизаны в горах были отрезаны от городских групп поддержки, контролируемых исключенными из фронта «пролетариями».

¹⁵² *Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P. 185.*

¹⁵³ *Ibid. P. 185.*

Фонсека вернулся в страну, чтобы личным примером вдохнуть новую жизнь в партизанское движение. С декабря 1975-го по февраль 1976 года он скрывался на конспиративной явке в 20 километрах от Манагуа.

Затем он перебрался в горы, но к перелому в борьбе это не привело. Национальная гвардия постоянно насаждала на партизанские группы, и те обычно избегали боя, что еще больше раззадоривало карателей. Фонсека вел активную пропаганду среди крестьян в пользу аграрной реформы и побуждал партизан не только политически воспитывать людей, но и просто учить их грамоте. Лидер фронта делал это и самолично. Также Фонсека считал, что партизаны должны быть для населения примером «нового человека» и в быту. Поэтому он не терпел ни пьянства, ни обычных мужских разговоров о женщинах.

В 1975 году Фонсека составил своего рода «моральный кодекс» из 17 пунктов, написав статью «Кто такой сандинист?». Там в частности говорилось: «...Сандинист прежде всего обладает революционной скромностью. Это качество имеет гораздо большее значение, чем кажется на первый взгляд. Скромность облегчает, во многих случаях, возможно, решающим образом, коллективную жизнь, деятельность сообщества людей... Революционер должен помнить, что сандинисты называют друг друга словом „брат“, такое обращение не мешает быть энергичным и вместе с тем строгим, но справедливым — качества, крайне необходимые в суровой подпольной и партизанской жизни. Революционер-сандинист не может выступать только в роли учителя народных масс, а одновременно должен учиться и быть учеником народных масс. Все его поступки должны отвечать интересам нашего народа...»¹⁵⁴

В том, что касается тактики борьбы, Фонсека по-прежнему был сторонником развертывания партизанской войны в горах. За месяц до своей гибели, анализируя историю вооруженной борьбы СФНО, он писал: «Идея о том, что горы наиболее благоприятны для ведения войны с правительственными войсками, становится реальностью. Однако необходимо избегать крупных сражений и отдавать предпочтение засадам и стычкам с мелкими отрядами гвардии: после Панкасана... распространилось мнение, будто мелкие стычки и нападения — это проявление своего рода партизанского консерватизма и что только бои с противником отвечают характеру революционного партизанского движения. На практике происходит так, что бои приводят к большим потерям, сроки наступления переносятся, что вызывает апатию у бойцов, а это и есть самый настоящий консерватизм. Сегодня все убеждены в важности стычек и нападений... Такая форма способствует созданию условий для полного уничтожения противника, когда изменится соотношение сил»¹⁵⁵.

Однако было не совсем ясно, как в результате мелких боев с прекрасно вооруженной гвардией может измениться соотношение сил.

¹⁵⁴ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 207–208.

¹⁵⁵ Ibid. С. 221.

На 15 ноября 1976 года Фонсека назначил общий сбор на берегу реки Ийяс командиров городских и сельских отрядов для координации тактики борьбы. На этой же встрече Фонсека был намерен и преодолеть раскол фронта. Однако посланные Фонсекой курьеры либо были арестованы, либо задерживались. В начале ноября Фонсека разделил свою боевую группу из 12 человек (в том числе двух женщин) на четыре части, несмотря на протесты бойцов. Одну подгруппу он оставил в лагере, другую отправил на север к гондурасской границе (она должна была прикрывать возможный отход), третью — на запад для встречи лидеров городских партизанских отрядов¹⁵⁶. Сам он с бойцами Бени-то Карвахалем и Кресенсио Агиларом (обоим не было и 20 лет) отправился к реке Ийяс.

В воскресенье 7 ноября 1976 года группа Фонсеки двинулась в путь под ливнем (в Никарагуа был сезон дождей). Уже через милю после начала движения группа попала в засаду к национальной гвардии, которая знала о партизанах от одного из своих информаторов-крестьян. Фонсека и Карвахаль отстреливались целый час и были убиты в бою. 16-летнему Агилару удалось скрыться, но и его убили через два дня.

По некоторым данным, Фонсека был взят в плен тяжело раненым и добит гвардейцами. Они отрезали ему, так же как Че Геваре, кисти рук и отправили его в Манагуа для идентификации. В карманах партизанского лидера гвардейцы нашли 10 тысяч кордоб, которые тут же разделили между собой.

Сомоса присутствовал на симфоническом концерте в Манагуа, когда высокопоставленный офицер гвардии доложил ему: «...коммунист Карлос Фонсека мертв. Я клянусь Вам, что на этот раз он мертв, и если мы опять ошиблись, Вы можете нас казнить»¹⁵⁷. Сомоса подпрыгнул от радости. Он тряс офицера за плечи, говоря: «Повтори это! Повтори это!» А потом выбежал из театра.

Казалось, что СФНО действительно уничтожен. Но когда Томасу Борхе сообщили в тюрьме «Модело» о смерти партизанского лидера он ответил офицеру национальной гвардии: «Нет, полковник, Вы не правы. Карлос Фонсека из тех мертвых, которые никогда не умирают»¹⁵⁸. Борхе оказался прав.

Временные неудачи сандинистов были связаны, прежде всего, с крайне неблагоприятным соотношением военных сил. Фронт противостоял самой сильной армии Центральной Америки, оснащенной и подготовленной США и Израилем.

В середине 70-х годов национальная гвардия Никарагуа насчитывала примерно 7500 человек. Она была полностью скопирована с американской армии. Солдаты и офицеры гвардии носили американскую оливково-зеленую форму

¹⁵⁶ *Zimmermann M. Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000. P.202.*

¹⁵⁷ *Ibid. P.203.*

¹⁵⁸ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.90.*

и американские военные ботинки образца М-1962 «макнамара». В качестве касок использовались американские стальные М-1 и израильские «орлите» ОР-201. Причем израильские шлемы, как правило, носили спецподразделения. Воинские звания и знаки различия мало отличались от американских. Сомоса как верховный главнокомандующий имел чин дивизионного генерала (пять серебряных звезд на погонах), за ним следовали бригадные генералы (четыре звезды).

Вооружение первоначально выдавалось из ненужных американцам запасов, оставшихся со Второй мировой, корейской и вьетнамской войн, но в 70-е годы Никарагуа с санкции США получила современное израильское оружие, обращению с которым гвардейцев обучали израильские же инструкторы.

Стандартным оружием гвардии были американская винтовка времен Второй мировой войны М-1 (затем М-2) и ее модификация — самозарядная винтовка М-1 «гаранд»¹⁵⁹. Винтовка М-1 была очень удачной, и известный американский генерал Паттон назвал ее «величайшим средством ведения войны из всех когда-либо созданных». Винтовка в 50-е — 60-е годы состояла также и на вооружении израильской армии, а также армий ФРГ, Италии и Японии. Она до сих пор используется в армии США для обучения военнослужащих.

Кроме винтовок у гвардейцев были американские автоматы Томпсона М1А1 (образца 1943 года) и М3. М3 находился на вооружении в армии США с 1942 года и активно применялся вооруженными силами многих стран до недавнего времени (например, в британо-аргентинской войне за Фолклендские острова 1982 года). Было выпущено 700 тысяч штук. Калибр — 9 мм, скорострельность — 450 выстрелов в минуту. Из пулеметов гвардия имела на вооружении американские модели «браунинг» М1919А4 (7,62 мм) и тяжелый пулемет М2НВ.50 (12,7 мм).

В 70-е годы контрпартизанские части гвардии стали оснащаться американскими автоматическими винтовками М16¹⁶⁰, которые были приняты на вооружение армии США в 1963 году и остаются главным ее стрелковым оружием по сей день. Элитные части гвардии стали получать израильские автоматические винтовки «галил» модификаций SAR и ARM калибра 7,62 мм (приняты на вооружение в 1972 году и продолжают оставаться основным оружием израильской армии до сих пор; интересно, что при разработке этой винтовки применялся принцип отвода пороховых газов автомата Калашникова).

Взводы гвардии в 70-е годы оснащались легкими бельгийскими пулеметами FN MAG 58 и американскими М60. Экипажи бронемашин и спецподразде-

¹⁵⁹ М-1 «гаранд» была первой в мире массово выпускавшейся самозарядной винтовкой (себестоимость в годы Второй мировой войны — 85 долларов). Состояла на вооружении армии США в 1936–1963 годах. Всего было выпущено 6,25 миллиона штук. Вес винтовки — 4,31 кг, калибр 7,62 мм, начальная скорость полета пули 853 м/с, прицельная дальность 550 м, максимальная дальность 2,7 км.

¹⁶⁰ Калибр 5,56 мм, вес 4 кг, скорострельность 700–950 выстрелов в минуту при автоматическом огне, начальная скорость полета пули — 948 м/с.

ления получили известные израильские автоматы «узи» и американские снайперские винтовки M40A1.

На вооружении также состояли американские ручные «бейсбольные» гранаты M-59, осколочные гранаты M-26A1и начиненные белым фосфором сигнальные гранаты M-34 («вилли пит»). Еще гвардейцам были поставлены американские ручные гранатометы M79 «блупер» калибра 40 мм и противотанковые гранатометы M72 LAW калибра 66 мм.

У гвардии имелись американские минометы M2 (60 мм) и M1 (81 мм), а также новейшие M-29 (81 мм). Спецподразделения получили тяжелые израильские минометы «солтам» M65, стандартизированные под боеприпасы НАТО. Для боев в городах и горах гвардия имела на вооружении американские безоткатные орудия M20 (75 мм), M67 (90 мм) и M40 (106 мм). Полевая артиллерия была представлена американскими гаубицами M101A1 (150 мм). Для борьбы с воздушными целями применялись американские счетверенные зенитки, установленные на автомобилях M45, и израильские зенитные пушки калибра 20 мм HS.404. Установленные на автомашинах зенитки активно использовались для стрельбы по укрепленным целям, например, домам, в которых засели партизаны.

Национальная гвардия была прекрасно моторизована — 10 полученных от филиппинской армии танков «шерман» M4A3E8 (калибр орудия 76 мм) и M4A3E8 (105 мм), четыре легких танка M3A1 «стюарт» и 40 полноприводных американских бронетранспортеров T-17E1 M6 израильского производства с 37-миллиметровой пушкой (часто башню с пушкой снимали и устанавливали вместо нее пулеметы). В гвардии было много джипов различных модификаций (начиная от легендарного «виллиса» времен Второй мировой войны).

Но главным преимуществом войск Сомосы над партизанами СФНО была, конечно же, авиация (1500 солдат и офицеров). В боевой эскадрилье ВВС национальной гвардии насчитывалось 10 самолетов «цессна» 337 (О-2А) и 11 американских тренировочных двухместных самолетов T-28 «троян», переоборудованных в штурмовики, семь тренировочных самолетов T-33А (переоборудованных в истребители-бомбардировщики) и семь легких бомбардировщиков В-26В/С.

Вертолетная эскадрилья гвардии имела на вооружении 11 американских вертолетов СН-34А (никарагуанцы называли их «скайрейдерс»), 12 легких разведывательных вертолетов ОН-6А/Н-369НС, четыре вертолета «хиллер» 12 В «ворон», три ТН-55А, два УН-1Н «ирокез» и один «белл» 47Н.

Транспортная эскадрилья ВВС располагала 13 «дугласами» С-47 «дакота», восемью «цесснами» 180, семью «цесснами» 185, семью С-45, шестью канадскими ДНС-3, пятью испанскими С-212, двумя израильскими IAI STOL «арава».

Тренировочная эскадрилья ВВС имела на вооружении 29 американских АТ-6 «тексан» (которых также легко можно было использовать в качестве штурмовиков). 10 РА-18, шесть РТ-19А и семь «цессна» 172J/К «скайхоук».

ВМС Никарагуа (примерно 1000 солдат и офицеров) располагали десятком катеров, в том числе четырьмя современными израильскими патрульными катерами класса «дабур» и несколькими американскими моделями времен Второй мировой войны.

Таким образом, по количеству и качеству вооружения (особенно самолетов и вертолетов) никарагуанская национальная гвардия была не только сильнейшей в Центральной Америке, но и одной из самых сильных армий Латинской Америки в целом.

Командующим национальной гвардией был президент и глава клана Анастасио Сомоса Дебайле («Тачито»)¹⁶¹. Боевая организация и дислокация национальной гвардии отражала ее основное предназначение — не защита внешних рубежей, а борьба против партизанского движения внутри страны.

Рядом с президентским дворцом на холме Тискапа в Манагуа располагался батальон президентской гвардии. Там же в бункере (построенном после землетрясения 1972 года) находился штаб гвардии.

Кроме того, к элитным частям быстрого реагирования, расквартированным в столице, принадлежали отдельный бронированный батальон, механизированный ударный батальон «Генерал Сомоса» (400 бойцов), механизированная рота, инженерный батальон, полевая артиллерийская батарея, зенитная батарея и батальон военной полиции. Эти части могли быть быстро переброшены в любую точку страны для подавления крупных беспорядков или партизанских отрядов. В столице каждого из 16 департаментов страны имелся постоянный гарнизон гвардии ротного состава («роты безопасности»).

В 1978 году в сухопутных частях гвардии служили примерно 10–12 тысяч солдат и офицеров.

Помимо национальной гвардии в 1970 году была создана и национальная полиция — национальная гвардия (двойное название вызвано тем, что полиция подчинялась гвардии). В полиции служили 9–10 тысяч человек, вооруженных легким стрелковым оружием. Главной ее задачей был разгон невооруженных демонстрантов.

Части полиции и гвардии иногда сводились в особые контртеррористические бригады БЕКАТ (BECAT, Brigadas Especiales contra Actos de Terrorismo). Бойцы бригад были вооружены новейшими винтовками М-16 и автоматами «узи», носили израильские камуфлированные шлемы и редкие в то время бронежилеты. Части БЕКАТ патрулировали города на легко узнаваемых джипах оранжевого и бело-голубого цвета (цвета никарагуанского флага). Обучали БЕКАТ американские и израильские инструкторы. БЕКАТ на джипах обычно патрулировала бедные кварталы никарагуанских городов, выискивая партизан и под-

¹⁶¹ «Тачито» (то есть маленьким мерзавцем) Анастасио Сомосу Дебайле называли при жизни отца. Затем он сам стал «Тачо», а кличка «Тачито» перешла к его сыну — Анастасио Сомосе Портокарреро.

польщиков. Этим людям ненавидели за их поразительную даже по меркам национальной гвардии жестокость.

Но самой элитной и преданной диктатору частью национальной гвардии была «Тренировочная школа сухопутных войск» (ЕВВИ, Escuela de Entrenamiento Basico de Infanteria). Это подразделение в 1976-1977 гг. создал и возглавил сын диктатора Анастасио Сомоса Портокарреро (по прозвищу «Эль Чигуин» — в приблизительном переводе «щенок» или «крутой пацан»; унаследовал он и «фамильную» кличку «Тачито»).

Анастасио Сомоса-младший родился во Флориде в 1951 году. До 12 лет «Крутой пацан» жил в Нью-Йорке, затем учился в Гарварде, а военное образование получил в Великобритании.

Капитану Сомосе очень понравилась система подготовки американских «зеленых беретов» (элитных контрпартизанских частей), и по их образцу и подобию он решил создать в Никарагуа «черные береты». Части ЕВВИ (2000–2200 человек) отличались изощренной психологической подготовкой, которую проводили американцы, израильтяне, а также южновьетнамские инструкторы.

Этим людей учили убивать не думая. Во время подготовки в «школе» они выкрикивали вместе с инструктором следующую речевку:

«Кто является врагом гвардии?

— Народ!

— Кто является отцом гвардии?

— Сомоса!

— Да здравствует гвардия!

— Долой народ!

— Кто мы?

— Мы — тигры!

— Что едят тигры?

— Кровь!

— Чью кровь?

— Народа!»¹⁶²

В журнале ЕВВИ «Пехотинец» часто публиковались материалы о нацистских войсках, которые должны были служить примером в боевой подготовке. Элитные части «Крутого» были вооружены автоматическими винтовками М-16 и автоматами «узи». Солдаты и офицеры получали повышенное жалование. Годовой бюджет школы превышал 2 миллиона долларов.

Сомоса всячески внушал гвардии, что она является элитой никарагуанского общества. У гвардии были свои магазины, где продукты и одежду продавали по сниженным ценам. Семьи гвардейцев жили в отдельных микрорайонах столицы — Лас-Колинас и Вилья-Фонтана. После землетрясения они получали жилье в новых домах в первоочередном порядке.

¹⁶² Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.54–55.

Сомоса разыгрывал из себя «отца-командира». Он мог подойти к любому солдату и осведомиться, как дела у его семьи. Если ему отвечали, например, что болен ребенок, диктатор лез в карман и доставал несколько сотенных долларовых купюр на билет до Майами и лечение в США.

Он приучал гвардию к коррупции, давая ей «заработать» незаконными методами. Возможности таких «заработков» возрастали пропорционально воинскому званию. Обычный солдат гвардии получал в конце 70-х годов 75 долларов в месяц (что было неплохо по никарагуанским меркам). Однако Сомоса специально держал зарплату на невысоком уровне, чтобы приучить гвардейцев обогащаться, используя свое служебное положение.

Обычные солдаты и сержанты вымогали деньги в виде всякого рода «штрафов» и «крышевали» уличных проституток. Командир гвардии уровня департамента облагал поборами местный бизнес (как законный, так и нелегальный) и «имел» в месяц до 20 тысяч долларов.

Во время боевых действий против партизан гвардейцы получали двойное жалованье (офицеры — тройное) и могли безнаказанно грабить всех, кого якобы подозревали в симпатиях к сандинистам. За каждое принесенное командиру тело (или его часть) бойца СФНО полагалась специальная премия. Неудивительно, что в сандинисты часто «записывали» абсолютно мирных крестьян.

Уходивших в отставку офицеров Сомоса пристраивал на «жирные» места в бизнесе. Например, половина директоров Национального банка состояла из отставных офицеров гвардии¹⁶³.

Конечно, национальная гвардия Сомосы никогда не смогла бы стать столь внушительной боевой силой без всесторонней поддержки США.

Никарагуа была официально включена начиная с 1953 года в Программу военной помощи США зарубежным странам (Military Assistance Program, MAP). К 1963 году по этой линии Сомоса получал 1,6 миллиона долларов в год (11-место в мире среди государств, пользовавшихся американской военной помощью). Всего в 1946–1975 годах Никарагуа получила американской военной помощи на 23,6 миллиона долларов¹⁶⁴.

Помимо этого к Сомосе поступала львиная доля средств, отводившихся бюджетом США на обучение иностранных военных специалистов из центральноамериканских стран. В 1950–1979 годах обучение в США (база сил специального назначения Форт-Брэгг, «Школа Америк» в зоне Панамского канала и т.д.) прошли 5740 никарагуанцев (для сравнения: 5161 панамец, 3360 гватемальцев, 3609 гондурасцев, 2113 сальвадорцев, 711 костариканцев)¹⁶⁵. В основном военнотружущих национальной гвардии обучали ведению психологической войны и действиям против партизан.

¹⁶³ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua.* London, 1981. P.51.

¹⁶⁴ *Ibid.* P.47.

¹⁶⁵ *Barri T., Вуд Б., Проиш Д.* Доллары и диктаторы. М., 1986. С. 99.

Военная помощь США Никарагуа (поставки вооружения и боевой техники на льготной и безвозмездной основе) составила в 1950–1979 годах 7,6 миллиарда долларов (второе место в Центральной Америке после Гватемалы).

Кроме того, в этот же период Никарагуа купила оружия и снаряжения на обычных коммерческих условиях на 5,3 миллиона долларов. Наконец, по линии министерства торговли США (снаряжение двойного назначения типа грузовиков, формы, обуви, медикаментов и т.д.) национальная гвардия приобрела различных товаров на 4,2 миллиона долларов¹⁶⁶.

Военная помощь США диктатуре Сомосы возросла в 1970–1977 годах вместе с активизацией партизанского движения в Никарагуа. Американцы поставили Сомосе 6 тысяч винтовок М-16 и другое вооружение на общую сумму 32 миллиона долларов. Однако общественное мнение США и часть депутатов конгресса были настроены против диктатора после разоблачения махинаций с иностранной гуманитарной помощью в ходе ликвидации последствий землетрясения 1972 года. Администрации становилось все труднее «выбивать» деньги для Никарагуа из конгресса. Поэтому американцы переориентировали Сомосу на получение оружия из Израиля, которому и тогда, и сейчас не было никакого дела до мирового общественного мнения.

Правительство Израиля, активно снабжавшее оружием в обход санкций ООН расистский режим апартеида в Южной Африке, давно считало стойкого антикоммуниста Сомосу своим близким другом.

Особенно масштабные поставки израильского оружия в Никарагуа начались с 1975-го, а в конце существования диктатуры, в 1978–1979 годах, Израиль вообще был единственным помимо Аргентины поставщиком оружия Сомосе (в то время даже США стремились дистанцироваться от одиозного «Тачо»). Израильтяне поставили диктатуре, ведущей жестокую борьбу против собственного населения, 500 автоматических винтовок «галил», 500 автоматов «узи», боеприпасы, каски, бронежилеты, грузовики, минометы и четыре патрульных катера. Между тем тогда некоторые латиноамериканские страны в знак протеста против жестокости режима прервали с Никарагуа дипломатические отношения.

В апреле 1979 года в Никарагуа прибыли израильские техники для установки мобильных зенитных систем, а в мае израильский корабль доставил артиллерию, вертолеты, гранатометы и другое оружие¹⁶⁷.

В последние полгода существования режима Израиль поставил Сомосе заслужившие ненависть всех никарагуанцев самолеты «арава», которые бомбили густонаселенные городские кварталы. Телерепортажи об этом вызвали возмущение во всем мире. Даже депутаты израильского кнессета потребовали от своего правительства объяснений (до июня 1979 года Израиль вообще отрицал сам факт поставок орудия Сомосе). 29 июня 1979-го (за три недели

¹⁶⁶ *Барри Т., Вуд Б., Проиш Д.* Доллары и диктаторы. М., 1986. С. 103.

¹⁶⁷ *Black G.* Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.55.

до падения диктатуры) Израиль объявил о прекращении поставок, но на самом деле они продолжались вплоть до вступления сандинистов в Манагуа. Интересно, что во время первого визита делегации революционного правительства Никарагуа на Кубу сандинисты подарили Фиделю Кастро израильскую автоматическую винтовку «галил».

Помимо Израиля и США Никарагуа при Сомосе получала оружие и военное снаряжение из Швеции, Испании, Великобритании, Канады, Италии и ФРГ.

1 сентября 1974 года Анастасио Сомоса (бывший «Тачито», теперь — «Тачо») был опять «избран» президентом на очередной срок. Казалось, что власти диктатора ничто не угрожает. Президент США с 1969 года, ярый антикоммунист Никсон был особенно расположен к Никарагуа, потому что во время визита в Латинскую Америку в качестве вице-президента в 1958-м его, по крайней мере, не забросали яйцами и камнями, как в Венесуэле.

В 1971 году Никсон удостоил Сомосу особой чести, пригласив его на званый обед, а тот, в свою очередь, в 1972-м пожертвовал на предвыборную кампанию Никсона миллион долларов. Никсон и Сомоса считали друг друга близкими друзьями. На ликвидацию последствий землетрясения в Манагуа США выделили 32 миллиона долларов государственных средств. Правда, в никарагуанский бюджет попало только 16 миллионов. Остальных денег «не нашли». Зато личное состояние Сомосы при Никсоне достигло 400 миллионов долларов.

Никсон назначил в 1970 году послом в Никарагуа Тернера Шелтона, который уже готовился к выходу на пенсию. Шелтон тоже стал близким другом Сомосы и активно участвовал в его коммерческих делах, устраивая контакты с влиятельными американскими бизнесменами, например, с первым миллиардером США и магнатом Голливуда Говардом Хьюзом. В ответ Сомоса распорядился поместить изображение Шелтона на банкноту достоинством 20 кордоб.

Шелтон стал настолько одиозной фигурой даже в самом госдепартаменте, что сменивший Никсона Форд отправил его в отставку, хотя Сомоса, используя свои контакты в конгрессе США, всячески пытался этому помешать.

Новым послом США в Никарагуа стал ученый-антикоммунист Джеймс Теберг, опубликовавший, в частности, книги «Россия в Карибском бассейне» и «Советское присутствие в Центральной Америке». Теберг активно работал с «гражданской оппозицией» (консерваторами и бизнес-кругами), убеждая ее примириться с диктатурой. В свою очередь, он советовал Сомосе сделать хоть что-нибудь для развития отсталых сельских территорий, чтобы ослабить поддержку СФНО среди крестьян.

В 1974 году против фальсифицированных выборов выступил с открытым протестом давний оппонент Сомосы — консерватор и издатель газеты «Ла Пренса» Педро Хоакин Чаморро, который возглавлял блок оппозиционных партий UDEL (Демократический союз освобождения). Сомоса попросту арестовал 27 политических деятелей, осудивших выборы, и лишил их гражданских прав до марта 1975 года.

В ноябре 1976 года президентом США был избран демократ Джеймс Картер, который сделал центральной темой своей внешней политики борьбу против нарушения прав человека (естественно, прежде всего в социалистических странах). Однако американцам никто не верил, указывая на тесное сотрудничество США со столь одиозным диктатором, как Сомоса. Поэтому Картер стал давить на «Тачо», чтобы тот предпринял хотя бы показательные шаги в сторону демократизации.

Уже в июне 1976 года Никарагуа подверглась резкой критике на специальных слушаниях в Палате представителей конгресса США, посвященных положению о правах человека. Никарагуанский историк-эмигрант Торрес привел конкретные случаи зверств национальной гвардии, включая изнасилования, кастрацию мужчин, пытки электротоком. Он говорил, что если во время пыток заключенные харкают кровью на пол, то гвардейцы заставляют их вытирать пол языком. Излюбленной пыткой гвардии было также подвешивание мужчин за половые органы. «Новыми методами» были раздробление барабанных перепонок, обливание кислотой, вырывание здоровых зубов. Заключенных иногда заставляли стоять без отдыха по девять дней подряд.

28 июля 1977 года с Сомосой случился инфаркт (уже второй в этом году), и его срочно доставили в Майами. Во время первого инфаркта в Институте болезней сердца в Майами за диктатором был зарезервирован целый этаж, на 14 койках в палатах располагались члены семьи и охрана. Во время второго инфаркта Сомосу лечили уже в госпитале ВВС США.

Интересно, что, хотя у Сомосы был собственный самолет, он попросил США прислать за ним военный американский, чтобы тем самым американцы еще раз публично подтвердили поддержку никарагуанской диктатуры. Картер в своей типичной лицемерной и двойственной манере согласился прислать самолет, но потребовал, чтобы Сомоса оплатил перелет.

В Никарагуа пошли слухи о смерти диктатора¹⁶⁸. Однако 7 сентября 1977 года поправившийся Сомоса вернулся в Никарагуа.

Диктатора преследовали и неудачи в семье. В 1976 году его старшая дочь Каролина вышла замуж за Виктора Уркуйо, но брак быстро распался, и Каролина уехала в Лондон. Там же жила и другая дочь Сомосы, Карла, которая уехала из Никарагуа, после того как спецслужба национальной гвардии донесла отцу об ее увлечении молодым человеком Александром Лакайо, который оказался членом СФНО.

Учившийся в США сын диктатора Жулио присоединился к хиппи, ходил босым по Майами и употреблял наркотики. В те времена подобные вещи многими расценивались как явные признаки психического расстройства. Жена Сомосы добилась направления сына в специальную клинику, хотя точный диагноз замалчивали. Младший сын Сомосы Роберто учился в Коннектикуте.

¹⁶⁸ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 101.*

Несмотря на гибель Фонсеки и фактический раскол, СФНО не прекращал борьбу против диктатуры. В апреле 1977 года городской отряд СФНО «Селим Шибле» одновременно захватил две радиостанции — «Мундиаль» в Манагуа и «Сентро» в Леоне. 7 апреля во время нападения на казарму национальной гвардии в Рио-Бланко (департамент Матагальпа) погиб член национального руководства СФНО Карлос Агуэро. 6 июня в Леоне группа СФНО уничтожила экипаж патрульного джипа БЕКАТ.

Сомоса ознаменовал свое выздоровление 19 сентября 1977 года отменой действовавшего с декабря 1974-го осадного положения, главным образом для того, чтобы успокоить Картера. Диктатор объявил также муниципальные выборы. И сразу же страницы оппозиционных газет, освобожденных от цензуры, наполнились критическими статьями в адрес диктатуры. Застрельщиком оппозиционной деятельности снова стала «Ла Пренса» Чаморро.

В бедных кварталах крупных городов («барриос») стали, как грибы после дождя, возникать стихийные демонстрации и митинги. Люди захватывали церкви и школы, нападали на принадлежавшие Сомосе предприятия. В рабочих кварталах жгли покрышки и автобусы, кое-где строились первые баррикады. Люди требовали одного — ухода Сомосы в отставку и улучшения жизненного уровня. Сандинисты из «пролетарской тенденции» стали активнее формировать рабочие организации. Возникла и женская оппозиционная организация AMPRONAC.

СФНО, которым в то время руководили «терсеристы», уже с апреля 1977 года стал распределять в бедных кварталах городов оружие, готовя вооруженное восстание. Причем 80% новых бойцов были уже не студентами, как раньше, а рабочими. Большинство жителей «барриос» были сезонными сельскохозяйственными рабочими и, как правило, с сентября по апрель они жили в городе до следующего урожая. Это была питательная среда для всеобщего восстания в стране. Однако и «пролетарисо», и сторонники «длительной народной войны» полагали, что время для восстания еще не наступило.

Тогда «терсеристы» решили действовать на свой страх и риск. 4 мая 1977 года Сандинистский фронт (фактически его терсеристское руководство) опубликовал «Военно-политическую программу СФНО для ликвидации диктатуры». Этот документ ориентировал народ Никарагуа на восстание: «Сегодня... сандинистская народная революция вступила в высшую и завершающую стадию революционного подъема... Налицо союз рабочих и крестьян, готовых... начать борьбу с целью свержения сомосистской банды. Затем мы намерены создать революционное народно-демократическое правительство, которое позволит нам, опираясь на пролетарскую идеологию и исторические заветы Сандино, добиться триумфа в построении социализма и создания общества свободных людей, о чем так мечтал Аугусто Сандино»¹⁶⁹.

¹⁶⁹ *Игнатъев О.К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 40.

Программа была чисто марксистским документом и ставила две равноправные задачи: избавление Никарагуа от иностранного империализма и ликвидацию эксплуатации человека человеком: «Обе эти исторические цели будут достигнуты при наличии марксистско-ленинского подхода и сплоченного авангарда, который будет руководить революционным процессом»¹⁷⁰.

Восстание «терсеристы» были намерены инициировать, как обычно, эффективной военной акцией фронта. Для ее осуществления избрали основанную в 1965 году на юге страны, на острове Солентинаме (озеро Никарагуа) христианскую общину, которой руководил Эрнесто Карденаль. 20 ее членов присоединились к СФНО в 1977 году, так как считали Христа первым пролетарским революционером и основоположником социализма (эта концепция, получившая наименование «теология освобождения», и по сей день очень популярна среди христиан Латинской Америки).

В качестве цели для нападения были избраны казармы национальной гвардии в городке Сан-Карлос на южном берегу озера Никарагуа. У нападавших имелись только одна винтовка «гаранд», автомат М-3, карабин М4 и два охотничьих ружья. После успешного выполнения первой боевой задачи группа должна была двинуться на Масайю, а оттуда — на Гранаду. Однако атака была отбита ввиду подавляющего огневого превосходства национальной гвардии над двенадцатью сандинистами. Бывшая христианская община превратилась в партизанский отряд и ушла в горы. Национальная гвардия разгромила здания общины на острове Солентинаме, превратив церковь в казарму¹⁷¹.

12 октября 1977 года стало началом первого генерального наступления СФНО сразу по всей стране.

В этот же день отряд сандинистов из Северного фронта «Карлос Фонсека» атаковал национальную гвардию на севере у города Окоталь. Были убиты 15 национальных гвардейцев. 15 октября населенный пункт Мосонте недалеко от Окоталья был занят отрядом сандинистов.

А через четыре дня сандинисты провели самую эффективную операцию, атаковав гарнизон национальной гвардии прямо в центре крупного города Масайя. Одновременно была организована засада на шоссе Манагуа — Масайя, и в течение нескольких часов гвардия не могла перебросить из столицы в Масайю подкрепления. В бою погибли член национального руководства СФНО Педро Араус Паласиос и еще пять сандинистов.

Таким образом, синхронными атаками в разных частях страны СФНО умело создал иллюзию наличия у него крупных сил. И хотя атаки в основном были отбиты, они произвели на население нужное впечатление. «Ла Пренса» цитировала Умберто Ортегу (руководство СФНО находилось на территории Коста-Рики), который заявил, что у сандинистов действует 50 лагерей по подготовке партизан¹⁷².

¹⁷⁰ *Игнатъев О. К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 40.

¹⁷¹ Там же. С. 46.

¹⁷² *Black G.* Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 104.

Однако и «пролетариос», и группа «длительной народной войны» резко осудили октябрьские атаки как проявление «путчизма» терсеристов, хотя и высоко оценили героизм рядовых бойцов.

Наступление СФНО заставило активизироваться и легальную оппозицию, которая стала требовать проведения в стране национального диалога между властями и оппозицией.

В октябре 1977 года «Ла Пренса» опубликовала обращение 12 видных общественных деятелей, которые ранее сторонились политики. В «группе двенадцати» были два юриста, два предпринимателя, два священника, профессор, агроном, архитектор, банкир и дантист. Они констатировали, что политическое урегулирование в Никарагуа уже невозможно без СФНО, который проявил возросшую степень «политической зрелости» и кровью своих молодых бойцов заслужил в стране высокий авторитет.

Уже через неделю руководство СФНО (включая терсеристов и сторонников «длительной народной войны») официально уполномочило «группу двенадцати» представлять фронт в политическом диалоге. Сандинисты считали ее той силой, вокруг которой могут временно объединиться все противники режима Сомосы, в том числе и буржуазия.

Сама идея «национального диалога» с целью эволюционного реформирования режима Сомосы в сторону его демократизации была выдвинута американцами через консервативную оппозицию UDEL осенью 1977 года. Консерваторов поддержал союз малого и среднего бизнеса COSEP (Cosejo Superior de la Empresa Privada — Верховный совет частного предпринимательства). Для американцев главным было не допустить победы марксистского СФНО и передать власть проамериканским буржуазным кругам, прямо не связанным с семьей Сомосы. Предпринимателей и консерваторов поддерживали иерархи католической церкви.

В конце октября 1977 года буржуазная оппозиция избрала комиссию, которая должна была вести диалог с Сомосой. Помимо архиепископа Мигеля Обандо-и-Браво (Сомоса называл его за симпатии к сандинистам «команданте Мигель») в нее входил производитель растительного масла Альфонсо Робело. Именно на этого «свежего» и «незапятнанного» политика и делали ставку американцы.

Однако Сомоса явно не хотел помочь сам себе и отверг идею «национального диалога» с оппозицией как «антиконституционную»¹⁷³. Он был уверен в своей национальной гвардии, а силы сандинистов оценивал невысоко.

Точно такого же мнения было и ЦРУ, которое оценивало боевой потенциал СФНО в ноябре 1977 года в 50 бойцов: «Вооруженная оппозиция никарагуанскому правительству ограничена Сандинистским фронтом национального освобождения, партизанско-террористической организацией, основанной

¹⁷³ Black G. *Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 106.

в начале 1960-х годов при поддержке Кубы. Несмотря на рост ее активности в последнее время, эта группа по-прежнему мала и неспособна на продолжительную конфронтацию с достаточно хорошо обученной Национальной гвардией»¹⁷⁴.

28 декабря 1977 года СФНО атаковал полицейский участок в Манагуа, а 2 января 1978-го — город Окоталь. 9 января сандинисты распространили заявление с отказом от любого диалога с Сомосой. Диктатора это не особо впечатлило, так как он и сам не хотел никакого диалога с оппозицией.

Однако все в Никарагуа изменилось во вторник утром 10 января 1978 года, когда по дороге на работу был убит в своем автомобиле «сааб» лидер легальной оппозиции и главный редактор «Ла Пренсы» Педро Хоакин Чаморро. Машину Чаморро прижал к обочине темно-зеленый пикап «тойота». Оттуда выскочили три человека и через лобовое стекло расстреляли Чаморро из автоматов. Он получил около 20 ранений в голову, руки, грудь и горло и скончался по дороге в госпиталь¹⁷⁵.

Все никарагуанцы сразу же спонтанно обвинили Сомосу в смерти видного оппозиционного политика, хотя тот оправдывался, утверждая, что если бы хотел, то мог бы убить Чаморро гораздо раньше. Он был одноклассником Чаморро и ненавидел его с детства. Эта ненависть особенно сильно выросла к 1977 году, когда Чаморро опубликовал «Энциклопедию прегрешений Сомосы». «Ла Пренса» постоянно разоблачала коррупцию режима при ликвидации последствий землетрясения 1972 года

Мешал Чаморро и американцам, так как, несмотря на консервативную политическую принадлежность, был непримиримым борцом против Сомосы. Чаморро вряд ли одобрил бы «национальный диалог» на условиях освобождения Сомосы от наказания. Для США (которые даже подозревали Чаморро в марксизме) он был гораздо более выгоден в роли «мученика». Ведь до сих пор «мученики» были только у сандинистов, что и составляло основу авторитета фронта среди населения. Теперь свой идол появился и у буржуазной оппозиции.

В любом случае убивать Чаморро Сомосе было никак не выгодно. Чаморро много лет представлял легальную оппозицию, позволявшую Сомосе заявлять, что никакой диктатуры в Никарагуа нет. Наконец, надо понимать, что в Никарагуа было не принято убивать представителей олигархии. Клан Чаморро при Сомосе активно участвовал в бизнесе, и именно поэтому диктатор и не боялся этой семьи. Убивали крестьян, рабочих и студентов, но никак не людей своего круга. Чаморро в 1959 году с оружием в руках участвовал в попытке свержении Сомосы и мог быть убит на законных основаниях, в бою. Но его никто не тронул.

Уже через день после убийства Чаморро Сомоса объявил об аресте четырех подозреваемых. На них указал репортер газеты «Новедадес», принадлежав-

¹⁷⁴ См.: <http://www.abstract-media.de/papers/Magisterarbeit%20Florian%20Pressler%20US%20Influence%20Upon%20Civil%20Wars%20and%20Peace%20Processes%20in%20Central%20America%201977-1987.pdf>.

¹⁷⁵ Christian S. Revolution in the Family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 54.

шей Сомосе, что только усилило подозрения в адрес самого диктатора. Вдова Чаморро Виолетта (будущий президент Никарагуа) прямо обвинила Сомосу в причастности к убийству своего мужа.

За день до покушения Чаморро обсуждал возможность налаживания постоянного контакта между СФНО и легальной оппозицией, но он по-прежнему считал сандинистов незрелой и не очень влиятельной силой.

Власти представили организатором убийства кубинского эмигранта Педро Рамоса, который продавал за границу кровь, собранную у никарагуанских бедняков и бомжей (по 5,5 доллара за литр). «Ла Пренса» посвятила его фирме «Плазмафересис» ряд критических материалов. Рамос подал на Чаморро в суд за клевету и за день до убийства уехал в США, где он постоянно проживал.

Хотя некоторым и казалось странным, что Сомоса вдруг ни с того ни с сего убил своего давнего, но предсказуемого недруга, появилась еще одна версия, по которой убийство организовал «Крутой», который после инфаркта отца стал позволять себе излишнюю самостоятельность.

В любом случае убийство Чаморро стало катализатором давно копившегося у населения протеста против диктатуры. Как вспоминал лидер СФНО Умберто Ортега, после убийства Чаморро тысячи людей впервые вышли на улицу в знак солидарности с Сандинистским фронтом.

Тело Чаморро провожала на кладбище многотысячная толпа, в которой были представители всех оппозиционных партий: от консерваторов до коммунистов и маоистов. Люди стали жечь покрышки, а потом подожгли здание фабрики «Плазмафересис», которую в народе называли «домом Дракулы». Тысячи демонстрантов не подпустили к горящему зданию пожарные машины. Затем такая же участь постигла принадлежавшую Сомосе текстильную фабрику «Эль Порвенир»¹⁷⁶. Всего 11 января 1978 года демонстранты подожгли 15 зданий, включая банки, заводы и склады.

Люди были готовы к восстанию, но у них не было оружия, а СФНО все эти события застали врасплох.

На третий день, когда хоронили Чаморро, в антиправительственных митингах участвовали уже около 50 тысяч человек, хотя буржуазная оппозиция уговаривала семью погибшего изменить время проведения похорон, чтобы снизить накал напряжения.

23 января 1978 года союзы предпринимателей Никарагуа объявили невиданную прежде забастовку. Рабочих и служащих отправили домой, и некоторые хозяева даже платили им зарплату. Закрылось 80–90% предприятий. Однако предприниматели уговаривали рабочих сидеть дома и не выходить на улицу. Они хотели использовать забастовку, чтобы выбить из Сомосы уступки для буржуазной оппозиции и для несвязанного с тремя олигархическими кланами бизнеса, который просто хотел, чтобы и ему дали нормально рабо-

¹⁷⁶ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 109.*

тать. Сомоса отнесся к забастовке снисходительно, назвав ее — в общем, правильно — «стачкой капиталистов». Он по собственному опыту знал, что жажда прибыли скоро заставит торговцев открыть свои магазины.

Так и получилось. Торговцы потихоньку стали открывать свои магазины (тем более что к этому их призвало посольство США в Манагуа), но к тому времени инициатива была уже не у буржуазно-предпринимательской оппозиции. В городах формировались Комитеты народного сопротивления, в которых участвовали в основном левые силы, в том числе коммунисты и сандинисты.

Часть предпринимателей на второй неделе забастовки желали стоять до конца, то есть вплоть до отставки Сомосы, но большинство хотели снова зарабатывать деньги. 5 февраля 1978 года предприниматели решили прекратить забастовку. В этот же день избиратели фактически бойкотировали муниципальные выборы, в которых приняли участие менее 20% граждан, причем 52 из 132 кандидатов консервативной партии сняли свои кандидатуры¹⁷⁷.

Сандинисты решили использовать народные протесты для активизации вооруженной борьбы. Бойцы СФНО перешли костариканскую границу и напали на город Ривас, который они смогли удерживать несколько часов. В это же время другая колонна Южного фронта СФНО под командованием Камило Ортеги атаковала казармы национальной гвардии Ла-Польвора в Гранаде. Сандинисты находились в городе пять часов и даже сумели провести народную ассамблею. После этого они в полном порядке и с минимальными потерями отошли. На севере бойцы сторонников «длительной народной войны» атаковали контрпартизанский центр национальной гвардии в Санта-Кларе.

Таким образом, попытки буржуазно-предпринимательской оппозиции перехватить инициативу после убийства Чаморро провалились, зато популярность СФНО выросла. Теперь повсюду в городах на антиправительственных митингах и манифестациях (даже тех, которые созывали буржуазные партии) были видны черно-красные флаги СФНО.

UDEL и предприниматели, объявляя забастовку после убийства Чаморро, надеялись лишь на помощь США, которые заставят Сомосу уйти по-хорошему и передадут власть консервативно-либеральному правительству, сохранив национальную гвардию под другим командованием.

Но американцы считали, что Сомоса контролирует положение и давить на него не следует. Для вида и с оглядкой на Вашингтон Сомоса произвел в правительстве ряд перестановок, убрав оттуда несколько наиболее одиозных персонажей, вроде своего дяди Луиса Мануэля Дебайле, который был символом коррупции и возглавлял государственную энергетическую компанию. Покинул свой пост и министр финансов Монтель, ранее возглавлявший ненавистную населению службу безопасности национальной гвардии. Но время для таких полумер было уже упущено — люди требовали ухода самого Сомосы.

¹⁷⁷ Black G. *Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 113.

В начале февраля 1978 года посол США в Манагуа Маурисо Солаун посетил Сомосу, и тот прямо спросил, что он должен делать, чтобы Вашингтон был доволен. Посол не имел из госдепартамента никаких указаний, но от себя заметил, что, возможно, для успокоения умов хватило бы заявления Сомосы, что он не будет баллотироваться на следующих президентских выборах в 1981 году¹⁷⁸.

Сомоса не возражал и 27 февраля 1978 года действительно сделал такое заявление. Но ему никто не поверил. Ведь в прошлом Сомосы уходили только для того, чтобы не уходить, и никто не хотел терпеть «Тачо» еще три года. Сомоса собрал для своего заявления огромный митинг (официальная пресса писала, что пришли более 150 тысяч человек). Однако ситуация в стране была уже такой, что Сомосе пришлось обращаться к своим сторонникам из-за пуленепробиваемого стекла.

21 февраля 1978 года по случаю 40 дней со дня смерти Чаморро и в очередную годовщину убийства Сандино неожиданно для всех, в том числе и для сандинистов, вспыхнуло настоящее восстание в индейском квартале Масайи Монимбо (примерно 20 тысяч жителей), славившемся изделиями национальных ремесленников. Восстание спровоцировала сама национальная гвардия, которая 21 февраля сначала применила против людей слезоточивый газ и приклады, а потом обстреляла с воздуха траурную процессию. Прямо на пороге церкви Сан-Себастьян был застрелен юноша Лоренсо Лопес. Его похороны 25 февраля привели к перестрелкам между жителями Монимбо и национальными гвардейцами. У людей не было ничего, кроме пистолетов и охотничьих ружей, но все улицы квартала быстро перегородили баррикадами, а главным оружием восставших стали знаменитые «бомба де контакто» — обычные пакеты и свертки с самодельной взрывчаткой.

Командующий местным гарнизоном национальной гвардии полковник Гонсало Мартинес сконцентрировал свои войска в центре Масайи, явно пребывая в замешательстве. Но диктатор отправил в Масайю своего сына с приказом навести порядок любыми средствами. Вместе с «Крутым» прибыли самые ненавистные генералы гвардии: Фернандес, Гутьеррес, Алегретт и другие. Так как восстание было изолированным и сами восставшие окопались в своем квартале, Сомоса-младший смог спокойно сосредоточить против Монимбо элитные части гвардии.

Гвардия атаковала баррикады новенькими винтовками М-16, танками, артиллерией, минометами и вертолетами. У повстанцев были палки, ножи, мачете и все, что попадалось под руку. Ворвавшись в квартал, гвардейцы вели себя там, как в завоеванной стране. Тем, кто размахивал сандинистскими флагами, отрезали руки. У тех, кто кричал «Вива Сандино!», вырывали языки. Были убиты более 200 мирных жителей. Тем не менее повстанцы сначала даже сумели захватить в плен несколько гвардейцев и устроили для них импровизированную тюрьму.

¹⁷⁸ *Christian S. Revolution in the Family.* New York, First Vintage Books, 1986. P. 59.

Для терсеристов, призывавших народ к восстанию, это восстание оказалось полной неожиданностью. Однако СФНО направил в Монимбо несколько самых толковых своих организаторов, которые должны были составить кадры командования силами восставших и придать борьбе упорядоченный характер. Один из членов руководства фронта, Камило Ортега был убит в бою в Монимбо 26 февраля.

После того как восстание в Монимбо подавили, СФНО создал специальную оперативную группу в 40 человек, которая должна была в случае спонтанной вспышки восстания где-либо еще срочно прибыть для оказания помощи. Произошли спорадические столкновения молодежи с национальной гвардией в Леоне, Чинандеге и Манагуа.

Но уроки Монимбо состояли в том, что если людей для борьбы хватало, оружия не хватало катастрофически, причем не только артиллерии или минометов, но и обычного стрелкового. До сих пор многие «терсеристы» считали, что в случае массового восстания национальная гвардия либо разбежится, либо даже частично перейдет на сторону народа — и проблема оружия будет решена. Но восстание в Монимбо показало безусловную преданность гвардейцев Сомосе и их готовность пойти на самые жестокие меры против собственного народа.

Весной 1978 года главной опорной базой сандинистов стала Коста-Рика. Правительство этой страны недолюбливало Сомосу, которого подозревали в территориальных притязаниях. К тому же в Коста-Рике боялись вторжения мощной национальной гвардии диктатора и считали, что сандинисты могли стать в этом случае буфером. На территории Коста-Рики функционировали шесть лагерей подготовки СФНО. В пограничных с Никарагуа районах имелось много частных аэродромов, на которые можно было незаметно доставлять оружие из-за границы.

В мае 1978 года новым президентом Коста-Рики стал Родриго Карасо, который через своего министра безопасности заключил с сандинистами негласное соглашение: правительство Коста-Рики «терпит» деятельность фронта на своей территории, но активно поддерживать ее не будет, опасаясь вмешательства США.

Сандинисты надеялись получить оружие от дружелюбно настроенных по отношению к ним (или скорее враждебно настроенных по отношению к Сомосе) правительств Панамы и Венесуэлы.

В Панаме неформальным лидером страны был командующий тамошней национальной гвардией генерал Омар Торрихос, пришедший к власти в 1968 году не без помощи того же Сомосы. Торрихос мечтал вернуть Панамский канал под контроль панамцев и поссорился с Сомосой в 1972 году, когда последний прилетал в Панаму по поручению Никсона, чтобы уговорить генерала умерить свои амбиции.

В Венесуэле у власти стоял социал-демократически настроенный президент Карлос Андрес Перес, который ненавидел Сомосу по принципиальным поли-

тическим соображениям, и убийство Чаморро только усилило эти настроения. К сандинистам президент Венесуэлы относился настороженно, так как считал их оружием коммунистической Кубы.

28 марта 1978 года Перес встретился с Картером в Каракасе и стал убеждать американского президента надавить на Сомосу и заставить его уйти в отставку. Власть, по словам венесуэльского лидера, следовало передать консервативно-либеральной коалиции и сохранить национальную гвардию как основу правопорядка, в противном случае ход событий в Никарагуа будет непредсказуемым¹⁷⁹.

То же самое предложил Торрихос вице-президенту никарагуанского конгресса, родственнику Сомосы Луису Паллейсу Дебайле, которого он специально для этого тайно пригласил в Панаму. Торрихос ссылаясь на Картера, который в духе своей борьбы за права человека не хотел видеть в Латинской Америке военные правительства, откровенно опирающиеся на армию.

Сомоса предложение Торрихоса отверг, но 19 июня 1978 года выступил с целым рядом инициатив по демократизации жизни в Никарагуа. В частности, объявлялась амнистия для ряда заключенных, а «группе двенадцати» было разрешено вернуться в Никарагуа. Сомоса обещал также реформу избирательной системы и пригласил комиссию Организации американских государств (ОАГ) прибыть в Никарагуа, чтобы на месте ознакомиться с положением в области прав человека.

После этого Сомоса отбыл в США, чтобы заняться там лоббистской деятельностью в свою пользу. Для этого он даже посетил удивленного губернатора Нью-Мексико, надеясь, что тот замолвит за него словечко Картеру.

Но Картер и так не собирался давить на Сомосу. И ЦРУ, и Совет национальной безопасности (СНБ), и часть госдепартамента сходились во мнении, что Сомоса при помощи национальной гвардии может держаться у власти сколь угодно долго, во всяком случае до выборов 1981 года.

30 июня 1978 года вопреки желанию некоторых специалистов госдепартамента Картер отправил Сомосе довольно ободряющее письмо, в котором, в частности, говорилось:

«Уважаемый господин Президент, я прочитал Ваше заявление для прессы 19 июня с большим интересом и высоко его оцениваю. Шаги в сторону уважения прав человека, которые Вы рассматриваете, являются важными и ободряющими сигналами; и, если они будут претворены в жизнь, они будут означать большое продвижение вперед для Вашей нации в качестве ответа на некоторую критику, направленную против никарагуанского правительства в последнее время...»¹⁸⁰

Американцы вели двойную игру, не желая, чтобы «морального апостола» Картера слишком уж ассоциировали с его никарагуанским другом Сомосой.

¹⁷⁹ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.62.

¹⁸⁰ *Ibid*. P.67.

Поэтому посол США в Манагуа сначала вообще не хотел передавать Сомосе текст письма и зачитал его устно. Но госдепартамент поручил передать текст, правда, оговорившись, что публиковать письмо не надо.

Однако Сомоса верно понял главное в этом послании: США отнюдь не настаивают на его отставке, им достаточно косметических мер для подкраски изрядного обветшавшего фасада диктаторского режима. Поэтому Сомоса немедленно организовал секретную встречу с президентом Венесуэлы Пересом, которая состоялась на венесуэльском острове Орчила в Карибском море в июле 1978 года.

Сомоса несколько часов убеждал Переса, что в случае его отставки к власти придут коммунисты из СФНО, которых поддерживает Куба. Чтобы перехватить инициативу у сандинистов, умеренная оппозиция должна вступить в диалог с правительством Сомосы (и тем самым поднять его престиж в глазах мировой общественности). Перес обещал над этим поработать.

Под умеренной проамериканской буржуазной оппозицией и Сомоса, и Вашингтон имели в виду прежде всего Альфонсо Робело, который сложил с себя обязанности главы предпринимательского союза и образовал собственную политическую партию — Демократическое никарагуанское движение (испанская аббревиатура МДН). При основании, по оценкам самого Робело, в партии были примерно три тысячи членов¹⁸¹. Программа партии примерно совпадала с требованиями УДЕЛ. В основном Робело представлял интересы мелких и средних предпринимателей, которые хотели лишь равных условий конкуренции и участия в системе принятия решений. Коренной смены режима они не желали. Робело постоянно подчеркивал свою «свежесть» и «незапятнанность», и язык его публичных выступлений все время «левел» вместе с общей ситуацией в стране.

Робело считал, что американцы заставят Сомосу уйти еще до конца 1978 года, и тогда его партия возглавит правительство без всякой вооруженной борьбы.

Но народ явно был уже на стороне таких деятелей, как Робело. Это ясно показало триумфальное возвращение «группы двенадцати» (к этому времени она состояла уже из 11 человек; из нее вышел владелец супермаркета Фелипе Мантика, для которого бизнес оказался важнее) в Никарагуа 5 июля 1978 года. Группу рассматривали как легальных представителей подпольного СФНО, и это было абсолютно верно. «Двенадцать» вернулись на родину с лозунгом «Диктатура — это труп, и мы приехали ее хоронить». Группу на пути из столичного аэропорта встречали десятки тысяч никарагуанцев, скандировавших лозунги в поддержку сандинистов.

Сами сандинисты прекрасно понимали, что американцы могут своими маневрами и при помощи буржуазной оппозиции сохранить сомосизм без Сомосы и украсть у них победу. Для противодействия этому СФНО решил,

¹⁸¹ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 115.*

во-первых, ускорить подготовку общенародного восстания, а во-вторых, создать собственное легально политическое движение, которое должно было де-юре возглавить будущее правительство. Причем это правительство должно было включать в себя и представителей буржуазии, чтобы не вызвать антагонизма и военной интервенции США под прикрытием лозунга борьбы с коммунизмом или Кубой.

Левые партии, близкие к СФНО, образовали Движение единого народа (испанская аббревиатура МПУ). 15 пунктов «немедленной программы» МПУ фактически представляли собой и программу СФНО:

- союз все антисомосистских сил при сохранении их организационной самостоятельности;
- создание «правительства демократического единства» с участием всех партий и групп, борющихся против диктатуры;
- полная гарантия всех демократических свобод;
- создание независимых судов;
- ликвидация национальной гвардии и замена ее народной, демократической армией;
- внешняя политика на базе неприсоединения к военным блокам;
- экономическая политика, включающая в себя конфискацию всего имущества клана Сомосы, национализацию всех полезных ископаемых и транспорта, введение элементов планирования, контроль над ценами;
- аграрная реформа на основе земель, конфискованных у диктатора и его приспешников;
- промышленная политика на базе принципа смешанной (то есть и государственной, и частной) экономики;
- ликвидация торговых монополий;
- реформа налоговой системы;
- введение трудового кодекса, предусматривающего 48-часовую рабочую неделю и запрет любой дискриминации на рабочем месте, а также детского труда;
- всеобщее, обязательное и бесплатное образование, активная борьба против неграмотности;
- создание государственной системы медицинского обслуживания с упором на профилактику заболеваний;
- строительство социального жилья для обитателей «барриос»¹⁸².

В целом эта программа была весьма умеренной, и все ее требования давно уже были реализованы во многих странах Западной Европы. МПУ стало активно вести пропаганду в пользу единства всех антидиктаторских сил. Но, в от-

¹⁸² *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.121–122.*

личие от буржуазной оппозиции, левые полагали, что сам Сомоса не уйдет и без восстания не обойтись. МПУ активно работало на местах, создавая рабочие, крестьянские и студенческие организации для активного сопротивления диктатуре.

В это же время буржуазная легальная оппозиция учредила Широкий оппозиционный фронт (испанская аббревиатура ФАО). «Группа двенадцати» вошла в ФАО, чтобы влиять на эту организацию изнутри. ФАО своей главной задачей считал диалог с Сомосой с тем, чтобы попытаться убедить его разделить власть с буржуазной оппозицией, а самому уйти в отставку. ФАО пользовался полной поддержкой американского посольства в Манагуа. Однако «группа двенадцати» сразу же заняла жесткую позицию, настаивая на немедленном уходе Сомосы и ликвидации национальной гвардии как главного инструмента господства диктатуры. В заявлении для прессы группа подчеркнула, что «некоторые капиталисты» хотят с помощью церкви сохранить сомосизм, чтобы не повредить собственному бизнесу, который может быть затронут народной революцией¹⁸⁵.

Под давлением МПУ, да и общих настроений в стране, ФАО 21 августа 1978 года опубликовал собственную программу из 16 пунктов, которая явно была смоделирована с программы левых (и содержала всего на один пункт больше требований). Однако было и одно ключевое различие — ФАО стоял за сохранение национальной гвардии при смене ее командования.

Между тем сандинисты приступили к реализации второй части своего плана — организации новой эффективной военной акции, которая станет началом всеобщего восстания. На этот раз они решили нанести удар прямо в сердце диктатуры и захватить Национальный дворец — место заседаний конгресса.

Национальный дворец — массивное двухэтажное здание с десятью помпезными колоннами у главного входа — занимал целый квартал Манагуа. После землетрясения 1972 года его со всех сторон окружало пустое пространство (само здание не пострадало). Сенат размещался на первом этаже, нижняя палата — на втором. В здании располагались также министерство финансов и внутренних дел и Главное налоговое управление Никарагуа.

Возглавить смелую до безрассудства операцию поручили Эдену Пасторе («команданте ноль» — так, по терминологии сандинистов, называли руководителей тех или иных отрядов или фронтов).

Пастора родился 22 января 1937 года в департаменте Матагальпа (ныне город Сьюдад-Дарио, ранее — Метапа). К сандинистам его привело чувство мести, а не политические убеждения, — когда Эдену было семь лет, его отца убили. Пастора обвинял в этом национальных гвардейцев, хотя на самом деле несчастье произошло в результате спора из-за земли. Он никогда не считал себя марксистом (в отличие от всех руководителей СФНО) и именовал себя христианином. Пастора закончил Центральноамериканский колледж, который Сомоса специ-

¹⁸⁵ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 70.

ально создал в качестве идейного противовеса слишком либеральному университету Леона. Колледжем руководили иезуиты. Затем он изучал медицину в университете Гвадалахары в Мексике (самый католически настроенный вуз страны), но, не завершив образования, вернулся в Никарагуа. В 1966 году Пастора вступил в Единый оппозиционный союз (УНО) легальных буржуазных партий (в него же входили на первых порах и коммунисты). 22 января 1967 года он был арестован, когда ехал из Матагальпы в Манагуа с оружием, чтобы принять участие в массовой демонстрации УНО, закончившейся бойней на авениде Рузвельта. Национальные гвардейцы подвергли Пастору пыткам.

После расстрела на авениде Рузвельта Пастора решил бороться против диктатуры с оружием в руках и присоединился к СФНО. Однако в начале 70-х годов он ушел из партизанского отряда в северных горах и уехал в Коста-Рику, где зарабатывал на жизнь, ловя акул, а затем работал на местной электростанции. Только в начале 1977 года Пастора опять вернулся в СФНО. Он принял участие в вооруженных акциях октября 1977-го и утверждал, что вынашивал идею захватить национальный дворец с 1970 года.

Последние недели перед операцией Пастора жил в Манагуа на конспиративной квартире Внутреннего фронта СФНО. Согласно плану операции группа сандинистов под видом бойцов элитных частей пехотной школы национальной гвардии («черных беретов») должна была на грузовиках подъехать к дворцу, захватить там заложников и предъявить диктатуре требования об освобождении заключенных сандинистов и уплате выкупа. Но главная цель операции была в самом захвате здания — центра всей государственной машины режима. Эта операция в случае ее удачи должна была показать никарагуанцам, что с диктатурой можно успешно бороться и малыми силами.

Фронт захватывал высокопоставленных заложников и до этого, но опыт был не слишком удачным. 8 марта 1978 года сандинисты похитили генерала Рейнальдо Переса Вегу, который руководил карательной операцией национальной гвардии в Монимбо («Операция Стремительность»)¹⁸⁴. Сандинисты потребовали от Сомосы в обмен на жизнь генерала освобождения 60 политзаключенных, уплаты выкупа в 10 миллионов долларов (в фонд пострадавших в Монимбо) и вывода национальной гвардии из северных районов страны. Сомоса отказался, и генерала казнили. Был сделан правильный вывод, что Сомоса ценит жизни только представителей своего семейного клана.

Разведка национальной гвардии получила информацию, что сандинисты готовят в столице какую-то крупную операцию, возможно, захват Национального дворца. Охрану усилили до 65 человек, но в день налета ее почему-то не было. Президент нижней палаты попросил немедленно прислать во дворец отряд национальной гвардии, что ему и было обещано. Однако гвардейцы опоздали.

¹⁸⁴ Black G. *Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 124.

Утром 22 августа 1978 года Пастора приступил к осуществлению «Операции Свинарник» (неофициальное название акции). Помогали Пасторе два руководителя отдельных групп его отряда (всего в отряде было 26 человек) — «команданте один» (Уго Торрес) и «команданте два» (22-летняя Дора Мария Тельес)¹⁸⁵. Два грузовика с одетыми в форму пехотной школы сандинистами (они сбрили бороды и подстриглись) точно в срок встретились перед супермаркетом и двинулись к дворцу. По дороге их перехватили два джипа антитеррористического подразделения БЕКАТ, но, увидев форму любимчиков «Крутого парня», два джипа пристроились спереди и сзади маленькой колонны (грузовики сопровождали на легковой машине сандинисты в штатском — это было обычным делом для национальной гвардии) и эскортировали ее часть пути.

В 11:50 в Голубом зале Национального дворца началось обсуждение бюджета нижней палатой конгресса. В 12:20 к центральному и боковому входам во дворец одновременно подъехали два грузовика. Группа Пасторы спрыгнула с машин у главного входа, группа Тельес — у запасного. Пастора (в форме офицера пехотной школы) властным тоном приказал двум полицейским у входа сдать оружие: «Дорогу! Идет шеф!» («Шефом» называли самого Сомосу.) Для охраны такое поведение представителей элитных частей было нормальным делом, и она не сопротивлялась. Входные двери были немедленно заблокированы толстыми цепями, которые сандинисты привезли с собой. Группа Пасторы проникла на второй этаж и убила одного из охранников у дверей Голубого зала. Другого обезоружили.

Пастора ворвался в Голубой зал, выстрелил из автомата в воздух и закричал, чтобы никто не двигался. Испуганные депутаты (49 человек) попадали на пол. Некоторые из них, судя по форме нападавших, решили, что происходит военный переворот. В это время «команданте один» занял кабинет министра внутренних дел Хосе Антонио Мора, и тот тоже стал заложником. «Команданте два» в баре захватила пятерых депутатов¹⁸⁶.

Вся операция по захвату дворца заняла пять минут. В руки сандинистов попали около 1500 заложников, и самым ценным среди них был генерал Хосе Сомоса, сводный брат диктатора. Пастора сообщил председательствующему на заседании нижней палаты родственнику Сомосы Луису Паллейсу Дебайле (он один не лег на пол и продолжал сидеть на своем месте), что дворец захвачен «народной армией — Сандинистским фронтом национального освобождения».

¹⁸⁵ Тельес родилась 21 ноября 1955 года в Матагальпе и изучала медицину в университете Леона. В 1979 году руководила освобождением Леона — первого крупного города, который смог занять СФНО. Позднее Тельес была министром здравоохранения в революционном правительстве. Она стала известным историком и в 2004 году была приглашена профессором в Гарвард, но не получила американской визы как «террористка». Против этого протестовали в открытом письме 122 преподавателя Гарварда. В 1995 году вышла из СФНО и организовала вместе с некоторыми другими видными деятелями фронта Движение сандинистского обновления.

¹⁸⁶ *Игнатъев О. К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 5.

ния» и что если Сомоса не выполнит требований СФНО, все заложники будут уничтожены.

Один из бойцов Внутреннего фронта СФНО позвонил по телефону в конгресс. Трубку на столе председателя поднял Пастора: «Национальный конгресс. Свободная территория Никарагуа». Теперь сандинисты знали, что операция удалась.

В течение всего лишь нескольких минут примерно в 12:35 друг Сомосы-младшего, инструктор пехотной школы и бывший американский спецназовец Майкл Эчаннис окружил дворец солдатами на грузовиках. Сандинисты открыли огонь и убили капитана национальной гвардии. Пастора бросил из дворца гранату, после чего приказал Луису Паллейсу Дебайле немедленно позвонить Сомосе, чтобы тот приказал прекратить стрельбу. В противном случае, сказал он, сандинисты начнут расстрел заложников и каждые два часа будут убивать по одному из них. Эчаннис просил разрешения на немедленный штурм, но ему велели прекратить огонь.

Однако Сомоса сначала все же отдал приказ стрелять по дворцу. Группа Пасторы не выдержала бы длительного боя — у сандинистов было всего пять автоматов, полсотни гранат и 20 винтовок. К этому добавилось оружие, конфискованное у охраны. Отдали сандинистам свои пистолеты и многие депутаты.

В 14:20 Луис Паллейс Дебайле позвонил своему родственнику в «бункер» на холме Тискапа и попросил прекратить стрельбу. Эчаннис в это время тоже был в «бункере» и уговаривал Сомосу дать разрешение на штурм. Американец обещал отбить дворец за 15 минут¹⁸⁷. По плану атаки предполагалось обстрелять дворец из танков и выбить ворота из безоткатного орудия. Во время обстрела Эчаннис с бойцами спецподразделений должен был с вертолета проникнуть во дворец через люки в крыше. Правда, ожидалось, что при этом погибнут 200–300 человек из числа заложников.

Сомоса отказался принять план Эчанниса только по одной причине: среди заложников был «сын Папы Чепе», то есть Хосе Сомоса.

Группа Пасторы попросила (опять через Луиса Паллейса) прибыть во дворец архиепископа Мигеля Обандо-и-Браво, который должен был стать посредником на переговорах с правительством. В 14:35 архиепископ в сопровождении трех епископов пришел во дворец. Переговорщики передали Сомосе требования сандинистов:

- освободить 85 заключенных-сандинистов (сандинисты знали, что по крайней мере 20 из них уже нет в живых, но диктатор это отрицал — теперь он был бы вынужден это признать);
- уплатить выкуп в размере 10 миллионов долларов;
- зачитать по телевидению и радио, а также напечатать в газетах коммюнике СФНО на 50 страницах;

¹⁸⁷ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.75.

– предоставить самолет для вылета команды Пасторы («группа Ригоберто Лопес Перес») и освобожденных сандинистов из страны.

В 21:00 22 августа Сомоса запросил 24 часа на размышление. Один из епископов остался во дворце в качестве гарантии того, что национальная гвардия не предпримет штурма. Но на всякий случай сандинисты отвели в отдельную комнату трех самых видных заложников (включая Луиса Паллейса Дебайле), пригрозив немедленно убить их, если прекращение огня будет нарушено¹⁸⁸.

В 0:50 23 августа группа депутатов по приказу сандинистов вывесила в центре зала заседаний черно-красное знамя СФНО. Сандинисты обнаружили в одном из помещений приемник, настроенный на волну национальной гвардии, и отныне были в курсе замыслов противника. В 4:00 партизаны передали представителям Красного Креста тела убитых национальных гвардейцев, а также выпустили из дворца беременных женщин и детей.

В ходе переговоров Сомоса согласился отпустить примерно 50 заключенных (тех из списка сандинистов, кто был обнаружен в тюрьмах) и обеспечить беспрепятственный отъезд сандинистов из страны. Другие требования диктатор выполнять не хотел. В 10:25 Пастора дал Сомосе три часа на полное принятие всех требований. В 13:20 Сомоса согласился. Правда, в качестве выкупа он был готов выделить всего 500 тысяч долларов — мол, больше в кассе Национального банка просто нет. Деньги для сандинистов не являлись главным пунктом, и соглашение было заключено.

Диктатор хотел, чтобы партизаны уехали из страны поздним вечером 23 августа, стремясь избежать массовых демонстраций в поддержку СФНО. Однако Пастора этот маневр разгадал (к тому же он не исключал, что гвардия под покровом темноты может напасть на его колонну по пути в аэропорт) и сообщил, что его группа покинет дворец только утром 24 августа. Пастора вспоминал: «Мы, зная, насколько коварен диктатор, способный на любую подлость, отказались покинуть захваченный нами дворец вечером 23 августа. Ехать в темноте в аэропорт значило дать Сомосе возможность попытаться уничтожить нас или во время переезда, или во время посадки в самолет. Кроме того, мы хотели, чтобы жители Манагуа своими глазами видели позор Сомосы, почувствовали, что с диктатурой не только можно, но и нужно бороться»¹⁸⁹.

С 16:30 до 18:00 23 августа 1978 года по радио читали документы СФНО. Панама и Венесуэла изъявили готовность прислать за партизанами и освобожденными узниками два самолета. В 6:30 24 августа освобожденных заключенных доставили в столичный аэропорт, а в 9:30 группа Пасторы с четырьмя заложниками (в том числе и с Хосе Сомосой) на автобусе отправилась от дворца в аэропорт. По пути автобус приветствовали тысячи людей, которые скандировали «Долой Сомосу!» и «Сомосу — на виселицу!». Пастора охотно пози-

¹⁸⁸ *Игнатъев О. К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 8.

¹⁸⁹ Там же. С. 9–10.

ровал перед камерами с автоматической винтовкой Г-3 (западногерманского производства) и ручной гранатой на поясе. На память об удачной операции он захватил золотой «ролекс» Хосе Сомосы¹⁹⁰. За один день Пастора стал самым популярным сандинистом в мире.

В 10:30 венесуэльский транспортный самолет С-130 «геркулес» и панамский «электра» взяли курс на Панаму.

Популярность СФНО после успешного завершения «Операции Свинарник»¹⁹¹ взлетела на невиданную доселе высоту. Это никак не устраивало ни американцев, ни буржуазную оппозицию. 25 августа 1978 года с санкции американского посольства ФАО объявила очередную «забастовку предпринимателей»¹⁹². Сомоса приказал прекратить выделение государственных кредитов всем участникам забастовки: «Настало время свернуть кое-кому головы». 300 солдат были отправлены на патрулирование Манагуа, чтобы защитить тех торговцев, которые решатся открыть свои магазины. В 26 августа в результате забастовки было закрыто 90% всех коммерческих предприятий в Матагальпе и 80% — в Манагуа.

Но если предприниматели объявляли забастовку с целью переключить внимание людей со смелой акции фронта на самих себя, то сандинисты решили использовать эту же забастовку для организации вооруженного восстания.

На улицы вывели женщин, протестовавших против роста налогов и цен. В Матагальпе группы молодежи выкрикивали оскорбительные для национальной гвардии лозунги. В «барриос» этого города 29 августа возникли первые баррикады, рылись траншеи. На крышах домов появились первые снайперы фронта. Странники «длительной народной войны» выпустили листовки, в которых рассказывали об опыте партизанской борьбы в Панкасане в 1967 году.

30 августа 1978 года «барриос» Матагальпы Эль-Чорисо и Ла-Чиспа были захвачены практически безоружными повстанцами (у них имелись несколько карабинов, охотничьи ружья и пистолеты). Однако на сей раз гвардия не дала повстанцам укрепиться в Матагальпе. В город были немедленно перебросены части пехотной школы, танки «шерман» и авиация. Район восстания был локализован, и гвардия начала методически уничтожать его с воздуха и путем артиллерийского обстрела. Церкви Матагальпы были превращены в наблюдательные пункты и пункты корректировки огня. Опасаясь полного уничтожения, две трети населения Матагальпы бежали из города¹⁹³. 3 сентября 1978 года части национальной гвардии после очередной варварской бомбардировки взяли Матагальпу под контроль.

9 сентября 1978 года СФНО выпустил коммюнике, в котором призвал народ Никарагуа к всеобщему вооруженному восстанию: «Час сандинистского народного восстания пробил. Все на улицы! Сандинистская армия, сандинистская

¹⁹⁰ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 76.

¹⁹¹ Официальное название акции было «Карлос Фонсека Амадор: смерть сомосизму!».

¹⁹² *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 127.

¹⁹³ *Ibid.* P. 128.

милиция (под армией понимались регулярные части партизан, а под милицией — вооруженное партизанами гражданское население из числа созданных раньше рабочих и молодежных организаций — прим. автора) и сандинистский народ должны взяться за оружие против национальной гвардии Сомосы. Всем необходимо сплотиться вокруг временного правительства во главе с «группой двенадцати»¹⁹⁴.

Сандинисты провозгласили временное правительство из трех человек: Серхио Рамиреса («группа двенадцати»), Альфонсо Робело и консервативного адвоката Рафаэля Кордовы Риваса. Такой крайне умеренный состав объяснялся тем, что сандинисты не хотели давать США ни малейшего повода для вмешательства под лозунгом борьбы с «мировым коммунизмом».

Коммюнике исходило только от «терсеристов», однако две другие группировки СФНО также поддержали восстание. Но все три группы боролись без должной координации друг с другом. Сторонники «длительной народной войны» дрались в своем традиционном районе — на севере и играли руководящую роль в восстаниях в Леоне и Эстели. «Пролетариос» сражались в Манагуа и Карасо. «Терсеристы» пытались вторгнуться в Никарагуа с юга из Коста-Рики. Зачастую единство действий между тремя группировками складывалось уже в ходе боев.

9 сентября в условиях охватившей всю страну всеобщей забастовки восстание вспыхнуло в традиционном оплоте левых сил — Леоне, а также в Эстели (30 тысяч жителей), Чинандега и Дириамбе. В 6 часов утра в этот день СФНО предпринял скоординированные нападения на посты и казармы национальной гвардии в Манагуа, Леоне, Чинандега и Эстели. Было убито несколько десятков гвардейцев и захвачено определенное количество оружия.

К 10 сентября часть городов Масайя, Эстели, Чинандега, Леон и Чичигальпа контролировались восставшими. Однако у СФНО не было ни достаточного количества оружия, ни хорошо подготовленных многочисленных отрядов. Поэтому повстанцы закрепились в рабочих пригородах и начали готовить их к обороне. Обычно каждой баррикадой руководили два-три хорошо вооруженных бойца СФНО. под командованием которых были плохо вооруженные (иногда просто камнями и палками), но полные энтузиазма люди, в основном молодежь.

В качестве одной из первых, символических операций СФНО захватил и разрушил пост национальной гвардии в Монимбо.

В столице были атаковано 10 полицейских участков, однако единого очага восстания в «барриос» Манагуа создать не удалось. Этому мешала топография разрушенного землетрясением города. Кварталы отделяли друг от друга громадные пустые пространства, которые было невозможно оборонять легким стрелковым оружием.

¹⁹⁴ Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 128.

Видя, что очаги восстания разрознены и у повстанцев нет сил для генерального наступления на столицу с разных концов, национальная гвардия стала методично, один за другим окружать и уничтожать восставшие города.

Для начала в районе восстания были объявлены на 30 суток военное положение и комендантский час. Это означало полное прекращение доступа прессы в окруженные города. Патрули национальной гвардии на улице арестовывали (и иногда расстреливали на месте) всех молодых мужчин. Очевидцы рассказывали, что в Манагуа патрули уничтожали всех мужчин старше 15 лет, которые попадали к ним в руки. Женщин насиловали и отрезали им груди.

Через три дня восстание было локализовано гвардией в четырех городах — Эстели, Леоне, Масайе и Чинандеге. Их подвергли таким массированным авиаударам, что они стали известны как «четыре никарагуанские Герники». Потом под прикрытием танков и бронемашин, а также минометов и безоткатных орудий гвардия стала методично «зачищать» города. Если у сандинистов и было стрелковое оружие (включая пулеметы), то ни зенитных, ни противотанковых средств у них не имелось. Неудивительно, что в этих условиях потери среди плохо вооруженных повстанцев были очень большими. В 12 сентября в Масайе погибли уже 200 человек¹⁹⁵.

Сомоса заявил, что полностью контролирует положение, и в военном смысле это было недалеко от истины. Однако очевидцы сообщали, что в боях принимают участие подразделения стран КОНДЕКА, прежде всего из Гватемалы и Сальвадора. Люди видели в рядах национальной гвардии и азиатов, которых считали южными вьетнамцами или тайваньцами. В некоторых газетах США появились объявления, приглашавшие наемников в Никарагуа.

13 сентября 1978 года для оказания помощи блокированным в городах повстанцам хорошо вооруженные части Южного фронта СФНО под командованием Пасторы (по его данным, около 1100 человек, на самом деле — в два раза меньше) атаковали из Коста-Рики пограничный никарагуанский городок Карденас. В идеале Пастора должен был занять на юге страны крупный город Ривас, где намеревались разместить временное правительство Никарагуа. Однако гвардия отбила атаку Южного фронта, и партизаны так и не смогли продвинуться вглубь территории. Дело в том, что на этом участке боев не было гор и партизанам приходилось наступать на многократно превосходившие их огневой мощью части гвардии на открытом пространстве.

Коста-Рика, опасаясь ответных репрессий Сомосы, попросила Панаму и Венесуэлу направить на помощь самолеты и вертолеты. 14 сентября группа партизан все же просочилась в Ривас, но занять город так и не смогла.

Национальная гвардия в ходе восстания сохранила полную лояльность диктатуре. Хотя, по признанию самого Сомосы, только с 9 по 13 сентября из нее

¹⁹⁵ Игнатъев О.К. Штурм Тискапы. М., 1979. С. 55.

дезертировали 700 солдат¹⁹⁶, все дезертиры были недавно набранными рекрутами. Элитные же части были готовы выполнить любой, даже самый зверский приказ командования.

В Леоне было разрушено или повреждено два из каждых трех зданий. Материальный ущерб от боев оценивался в 500 миллионов кордоб. Гвардия бомбила город зажигательными бомбами. 15 сентября гвардейцы взяли город под контроль и приказали населению покинуть дома, после чего начали методично их поджигать. В городе (95 тысяч жителей) не было ни электричества, ни воды. Гвардейцы расстреливали всех «подозрительных», включая медсестер Красного Креста. В одном месте захваченных юношей построили прямо на улице в два ряда и приказали им встать на колени, после чего их разом расстреляли из пулеметов. Затем гвардейцы прошлись по трупам трактором, облили останки бензином и подожгли¹⁹⁷. 16 сентября организованное сопротивление в Леоне было подавлено.

Гвардия не жалела боеприпасов, хотя США формально приостановили военную помощь Никарагуа после убийства Чаморро в январе 1978 года. И гвардейцам пришлось бы тяжело, если бы не обильные поставки боеприпасов из Израиля. В 1978 году Никарагуа получила из Израиля 98% всех поступивших в страну оружия и снаряжения.

15 сентября 1978-го СФНО заявил, что на стороне Сомосы воюют около 500 кубинских эмигрантов.

16 сентября гвардия отбила ставший символом сопротивления диктатуре квартал Монимбо в Масайе. Там зверства гвардейцев приняли особенно массовый характер. Чтобы помочь своим никарагуанским товарищам, гватемальские левые партизаны совершили 16 сентября покушение на посла Никарагуа в Гватемале бригадного генерала Эдмундо Менесеса Контрераса. Через несколько дней генерал скончался от ран.

17 сентября Южный фронт Пасторы атаковал национальную гвардию в местечке Пенья-Бланка. Впервые у сандинистов на вооружении были замечены противотанковые гранатометы.

На улицах Чинандеги собаки грызли останки людей. К 19 сентября все три восставших города были захвачены и «защищены» гвардией один за другим. Последним 19 сентября пал Эстели, находившийся в руках повстанцев десять дней.

При этом из 7,5 тысячи солдат и офицеров национальной гвардии в подавлении очагового городского восстания 1978 года в основном участвовали только 2000 бойцов элитной пехотной школы («черные береты»), которые передвигались из одного города в другой. Сандинисты получили важный урок: изолированные очаги сопротивления даже в городах не смогут выстоять под

¹⁹⁶ *Игнатъев О. К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 56.

¹⁹⁷ *Black G.* Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 130.

натиском танков и авиации. Но главным уроком восстания был все же другой — то, что к поражению, не в последнюю очередь, привела катастрофическая нехватка оружия, прежде всего автоматов, пулеметов и артиллерии (в том числе зенитной). Надежда, что на сторону народа перейдет хотя бы одно подразделение национальной гвардии, не оправдалась. Ни одна из крупных казарм национальной гвардии не была захвачена сандинистами, и все они успешно выдержали осаду в охваченных восстанием городах. Ведь взять их можно было только с помощью артиллерии или хотя бы противотанковых ручных комплексов.

Стратегия сандинистов была успешно осуществлена лишь на самом первом этапе восстания. СФНО удалось 9 сентября между 6 и 6:30 утра провести скоординированные по всей стране нападения на посты национальной гвардии во многих городах. Предполагалось, что таким образом части гвардии будут прикованы к местам дислокации, а в это время самый сильный, Южный фронт сандинистов начнет наступление из Коста-Рики. Однако приковать гвардию можно было только крупными и хорошо вооруженными силами, каковыми сандинисты в городах не располагали. К тому же фронт Пасторы так и не сумел пробиться через границу. Наконец, сандинисты не учли только что созданную пехотную школу «Крутого парня» — высокомобильные, прекрасно обученные и вооруженные части, которые быстро двигались от одного города к другому, пока восставших приковывали там к себе местные части гвардии и полиции.

Таким образом, гвардия успешно провела операцию по последовательному уничтожению очагов восстания в четырех городах страны относительно небольшими силами, уповая на мощные артиллерийские и авиационные удары. Сначала элитные части гвардии взяли Масайю, так как она была расположена всего в 31 километре от столицы и контролировала дороги, ведущие на юг страны. Потом пришел черед Леона, затем — Чинандеги и, наконец, Эстели.

21 сентября 1978 года национальная гвардия официально объявила о завершении операции «Омега», как было названо подавление восстания. Были убиты, по некоторым данным, около 5000 человек (половина из них — в Леоне), в основном гражданских лиц. 7 тысяч человек были ранены¹⁹⁸. Сомоса в интервью американской телевизионной компании Эн-Би-Си заявил, что полностью удовлетворен действиями гвардии: «В любой стране... где приходится вылавливать мятежников, некоторые люди страдают безвинно»¹⁹⁹. 28 сентября в знак протеста против зверств национальной гвардии отказался от своего поста представитель Никарагуа в ООН.

По данным СФНО, фронт потерял в ходе восстания всего 66 человек, а национальная гвардия признала потерю только 30 солдат и офицеров²⁰⁰.

Но если сандинисты потерпели военное поражение, то в политическом смысле они одержали полную победу. Теперь даже буржуазная оппозиция

¹⁹⁸ *Игнатъев О.К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 61.

¹⁹⁹ Там же. С. 616.

²⁰⁰ *Christian S.* Revolution in the Family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 79.

признала лидирующую роль СФНО в борьбе против диктатуры. Сотни людей, бежавших в Коста-Рику и в горы от преследований гвардии, пополнили ряды СФНО, который впервые стал по-настоящему массовой организацией. К тому же зверские репрессии Сомосы против собственного народа сделали диктатора слишком одиозной личностью даже в глазах США, не говоря уже о большинстве стран Латинской Америки.

После сентябрьского восстания Вашингтон стал стремиться к тому, чтобы заставить Сомосу уйти в отставку, и передать власть умеренному правительству при сохранении национальной гвардии.

Если до восстания Картер считал, что Сомоса как-нибудь сам справится с ситуацией в стране относительно гуманными методами, то после варварских бомбардировкой никарагуанских городов «апостол прав человека» в Белом доме уже не мог просто промолчать. К тому же руководство католической церкви Никарагуа (которое, как иронично заметили американские СМИ, вряд ли можно было считать «бастионом марксизма») обратилось к Картеру, очень гордившемуся своей религиозностью, с открытым письмом, требуя обуздать Сомосу.

13 сентября 1978 года заместителя госсекретаря по Латинской Америке Вайрона Вейки пригласили на слушания по Никарагуа в сенатский комитет по внешним делам. Однако сенаторов интересовали не массовые нарушения прав человека в Никарагуа, а возможность победы восстания и прихода к власти в стране марксистского правительства.

Картер решил повторить доминиканский опыт 1965 года и вырвать у сандинистов победу с помощью «посредничества» Организации американских государств (ОАГ). В идеале ОАГ могла бы направить в Никарагуа межамериканские силы по поддержанию мира, как США уже проделали для подавления доминиканской революции апреля 1965 года. Таким образом, американцы сумели бы удержать сомосизм без Сомосы на штыках латиноамериканских стран, сами оставаясь в тени. Этот вариант активно рекомендовал Картеру его советник по национальной безопасности, ярый антикоммунист Бжезинский.

Одновременно американцы стали давить на Панаму и Венесуэлу, добиваясь, чтобы те прекратили активно поддерживать сандинистов.

По американскому плану миссии ОАГ отводилась роль посредника на переговорах между Сомосой и буржуазной оппозицией в лице ФАО. Итогом этих переговоров должно было стать коалиционное правительство ФАО и Либеральной националистической партии Сомосы, но без самого Сомосы.

21 сентября 1978 года в Вашингтоне состоялось заседание министров иностранных дел стран ОАГ, на котором предложение США о посреднической миссии в Никарагуа натолкнулось на сопротивление некоторых правых военных режимов (например Гватемалы и Парагвая), которые сочли это вмешательством во внутренние дела Никарагуа (на самом деле они опасались той же участи, которая могла постигнуть Сомосу)²⁰¹.

²⁰¹ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 79.

Сомоса, как никогда уверенный в своих военных силах и помощи Израиля, тоже противился посредничеству, но, в конце концов, «в принципе» с ним согласился, что и было отражено в резолюции ОАГ. Специальный посланник президента США, бывший посол в Панаме Уильям Джорден 23–29 сентября встречался с Сомосой пять раз и мягко убеждал его уйти в отставку до окончания президентского срока в 1981 году: «Я не говорю, что это надо сделать, я говорю, что такую возможность надо рассматривать»²⁰². Иначе, по его словам, к власти в Никарагуа могут прийти прокубинские силы. Но Сомоса ответил, что без него гвардия разбежится и никто не сумеет удержать власть в случае нового наступления партизан. Как показало скорое будущее, он оказался прав.

В конце сентября ОАГ сформировала тройственную комиссию посредников для Никарагуа в составе Доминиканской республики (где был формально демократический, но откровенно проамериканский режим), Гватемалы (военная диктатура, дружественная Сомосе) и самих США. От американцев в комиссию вошел глава разведки госдепартамента (Bureau of Intelligence and Research) Уильям Боудер. При формировании посреднической комиссии Сомоса отвел кандидатуру Колумбии, а ФАО — Сальвадора.

Политическая переговорная комиссия ФАО состояла из Серхио Рамиреса, Роблеса и Кордовы. Рамирес (связанный через «группу двенадцати» с СФНО) не скрывал своего скептического настроения в отношении переговоров с Сомосой. Он говорил, что только СФНО и марксистские партии имеют среди народа поддержку, остальные партии ФАО — уже мертвы, так как не пользуются никакой популярностью среди людей²⁰³.

Первое, что сделали американцы, — сорвали наступление сандинистов на Никарагуа из Коста-Рики, предупредив президента этой страны Карасо о «нежелательных последствиях». Тот немедленно передал сандинистам через Пастору, что по-прежнему будет «терпеть» их на территории страны, но никаких нападений на Никарагуа быть не должно. Таким образом, лучшие и наиболее хорошо вооруженные силы фронта оказались в вынужденном бездействии. В октябре — ноябре 1978 года костариканцы даже депортировали в Панаму несколько сандинистов.

Комиссия ОАГ прибыла в Манагуа в начале октября 1978 года, но Сомоса сразу же заявил, что намерен оставаться на своем посту до 1981 года и максимум, что он может сделать — предложить ФАО несколько министерских постов в своем правительстве.

Даже ФАО не могла рассматривать такой возможности из опасения полностью растратить и так уже небольшой авторитет среди населения. Рупор ФАО «Ла Пренса» начала открыто обвинять американцев в попытках сохранить сосmosизм, причем риторика лидеров ФАО был не менее радикальной, чем

²⁰² Christian S. *Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 83.

²⁰³ Black G. *Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 138.

у сандинистов. Другой тональности люди после сентябрьского восстания уже не приняли бы.

25 октября 1978 года «группа двенадцати» вышла из переговорного процесса и призвала население вместе с СФНО поддержать Движение объединенного народа (МПУ). Из ФАО вышла и Никарагуанская социалистическая (то есть коммунистическая) партия. МПУ смогло сохранить после восстания созданные тогда движением Комитеты гражданской обороны (испанская аббревиатура CDS), которые постепенно стали формировать альтернативные органы власти в рабочих кварталах, готовясь к новому восстанию.

Между тем чтобы сделать Сомосу более покладистым (ради его же блага), администрация Картера заморозила выделение МВФ кредита Никарагуа в размере 20 миллионов долларов, хотя Сомоса имел на него право согласно уставу фонда. В ответ на это Либеральная националистическая партия Сомосы опубликовала 6 ноября 1978 года предложение о проведении в Никарагуа консультативного плебисцита, чтобы выявить реальную поддержку населением тех или иных партий. Это был достаточно хитрый ход. Во-первых, он выглядел «демократично». Во-вторых, было понято, что сандинисты и МПУ этот плебисцит будут бойкотировать. Что же касается буржуазных партий ФАО, то Сомоса прекрасно сознавал, что никакой поддержки народа у них нет. В таких условиях при многолетнем опыте «организации» выборов Сомоса мог рассчитывать на победу в плебисците.

ФАО назвал идею плебисцита «абсурдной» и дал Сомосе срок до 21 ноября 1978 года, чтобы прийти к какому-либо результату переговоров. Разочарованная комиссия ОАГ 12 ноября покинула Никарагуа.

В администрации Картера в отношении Никарагуа царил неопределенность. Все понимали, что если Сомоса не уйдет, то его могут свергнуть «марксисты» из СФНО. Однако если часть госдепартамента считала, что диктатора надо «выдавить» из страны, то госсекретарь Вэнс и сам Картер при поддержке Пентагона, СНБ и ЦРУ полагали, что давить на Сомосу открыто не следует. Главное для США — сохранить при смене власти национальную гвардию, которая не даст установить в Никарагуа режим кубинского типа. А гвардия лично предана только Сомосе и никому больше.

Картер принял Боудера и прямо спросил его: «Господин посол, является ли Сомоса морально чистым человеком?» Ответ был не менее прямым: «Ни в коем случае, господин президент»²⁰⁴.

Вернувшиеся в Никарагуа посредники ОАГ модифицировали идею плебисцита и предложили 21 ноября 1978 года поставить на референдум вопрос о том, стоит ли Сомосе уйти в отставку. Голосование должно было пройти в течение 60 дней под контролем 2000 наблюдателей ОАГ. Если бы Сомоса выиграл, то его правительство должно было быть пополнено представителями ФАО. Если

²⁰⁴ Christian S. Revolution in the Family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 90.

бы он проиграл, то ФАО на базе своей программы сформировало бы новое правительство.

Идея не понравилась обеим сторонам. ФАО под давлением СФНО и «группы двенадцати» заявил, что при Сомосе и при сохранении национальной гвардии никакие честные выборы и референдумы в Никарагуа невозможны. Партия Сомосы назвала идею такого плебисцита антиконституционной. На самом деле проигрыша на референдуме боялись обе стороны.

30 ноября под давлением американцев Сомоса согласился с предложением ОАГ, но при условии, что во время предвыборной кампании и в случае своего поражения он не уедет из страны. В качестве альтернативы своей победе он предложил избрание конституционной ассамблеи, а не передачу власти ФАО.

Опять начались переговоры Сомосы, ОАГ и ФАО, но последний уже не мог позволить себе без полной потери лица и не хотел даже при поражении на плебисците согласиться на вхождение в правительство, если его возглавлял Сомоса.

Переговоры при посредничестве ОАГ явно приближались к тупику, и тут в процесс тайно включился президент Венесуэлы Перес. Как и многие латиноамериканские социал-демократы, он был ярким антикоммунистом и врагом Кубы. Поэтому, как и Картер, он не хотел безоговорочной победы «марксистов» из СФНО. Той же точки зрения придерживался и фактический диктатор Панамы Торрихос.

В ноябре 1978 года Перес с согласия Торрихоса тайно вызвал к себе Луиса Паллейса Дебайле. Назвав Сомосу «лжецом», которому уже не поверят никарагуанцы, Перес настоятельно рекомендовал, чтобы диктатор ушел, но в новом правительстве была представлена его партия, а командование национальной гвардии осталось в руках преданных Сомосе офицеров.

Между тем СФНО, следя за переговорами Сомосы с ФАО, готовился к новому восстанию, чтобы не дать американцам вырвать из рук сандинистов близкую победу. Теперь у фронта в Коста-Рике было много людей (почти всем из них не исполнилось и двадцати лет). Но надо было срочно найти современное, прежде всего противотанковое оружие. Эден Пастора обратился за содействием к Торрихосу, с которым они стали друзьями после эффектного захвата Пасторой Национального дворца. Помимо лихости Торрихосу нравилось в Пасторе и то, что он не был марксистом. Диктатор Панамы полагал, что если Пастора станет лидером СФНО, то никакого прокубинского правительства в Никарагуа не возникнет. За эти же качества ценил Пастору и президент Венесуэлы.

Перес решил поставить оружие (тысячу автоматических винтовок М-14 и боеприпасы к ним) Южному фронту Пасторы под видом военной помощи Коста-Рике. Однако ни артиллерии, ни минометов, ни базук у Переса не было.

Парадокс состоял в том, что достать много современного оружия в Латинской Америке вне контроля со стороны США можно было только на Кубе. Поэтому Торрихос направил главу разведки панамской национальной гвардии и своего ближайшего помощника полковника Мануэля Норьегу на Кубу, что-

бы убедить Кастро помочь сандинистам, прежде всего Пасторе. С той же целью на Кубу отправили и бывшего деятеля панамской компартии Марсея Саламина.

Кубинцы согласились, и с декабря 1978 года в Панаму стали прибывать кубинские самолеты с грузом оружия²⁰⁵. Оттуда на малых панамских самолетах оружие перебрасывали в Коста-Рику на частные аэродромы тамошних сельскохозяйственных предприятий. Некоторые их владельцы сочувствовали сандинистам, другим просто платили деньги за их услуги. Костариканские власти прекрасно знали о поставках, но закрывали на них глаза.

ЦРУ тоже знало о поставках от своей панамской агентуры, среди которой числился и сам Норьега. Причем американская разведка зафиксировала первые поставки с Кубы уже в сентябре 1978 года. Вероятно, американцы были правы, так как базуки и крупнокалиберные пулеметы появились у Пасторы уже 17 сентября 1978 года. Бойцы СФНО были направлены на Кубу, где их, прежде всего, учили обращаться с артиллерийскими орудиями.

Однако Фидель Кастро не желал помогать именно Пасторе. Кубинцы поставили жесткое и разумное условие для продолжения помощи: все три группировки СФНО должны объединиться и образовать общенациональное руководство. Начались непростые переговоры всех трех течений, в то время как в Никарагуа часть отколовшихся от ФАО левобуржуазных групп вели переговоры о присоединении к МПУ (фракция Социал-христианской партии и Независимая либеральная партия).

20 декабря 1978 года посредники из ОАГ представили новый сценарий плебисцита. Если бы Сомоса выиграл его, он мог бы реорганизовать правительство по своему усмотрению, а ФАО остался бы в «мирной оппозиции» режиму. В случае поражения Сомоса ушел бы в отставку и нового временного президента избирал бы конгресс, который потом должен был изменить конституцию и назначить президентские выборы на 1 мая 1979 года. В 1981 году президента предстояло избрать уже на полный срок. Сам плебисцит мог бы состояться 25 февраля 1979 года.

Чтобы убедить Сомосу согласиться с этим вариантом, американцы направили в Манагуа «тяжелую артиллерию» — генерал-лейтенанта Денниса Маколиффа, главу Южного командования вооруженных сил США, расположенного в зоне Панамского канала. Маколифф от имени «военных США» откровенно сказал Сомосе, что ситуация в Никарагуа не стабилизируется, пока он занимает кресло президента²⁰⁶. Сомоса возражал, что он стоит за свободные выборы, но именно посредники из ОАГ обставили их рядом условий, которые он не может принять (например, передать контроль над выборами иностранным наблюдателям). Маколифф продолжал уговаривать Сомосу, гарантируя, что США ни в коем случае не допустят разрушения национальной гвардии, а если дик-

²⁰⁵ Christian S. *Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.94.

²⁰⁶ Ibid. P.96.

татор согласится с предложением ОАГ, «левые и коммунисты не смогут победить». «...у нас с Вами будет умеренное правительство. Я хочу сказать этим, господин президент, что у нас будет умеренное правительство, в котором не будет имени Сомосы»²⁰⁷.

Но партия Сомосы (а значит, сам диктатор) отвергла компромисс ОАГ, и посла США в Никарагуа Солауна, а также Маколиффа и Броудера вызвали в Вашингтон на консультации в Рождество 1978 года.

В этот же день радио Гаваны сообщило всему миру, что все три группировки СФНО согласились объединить политические и военные силы для борьбы с режимом Сомосы. Кубинцы явно обошли американцев, чья идея с посредничеством ОАГ буксовала.

В Вашингтоне переполошились, и Боудер вернулся в Манагуа уже 27 декабря 1978 года с новым планом, который учитывал многие вопросы, беспокоившие Сомосу. Теперь, в частности, американцы уже согласились с тем, чтобы контроль над плебисцитом осуществлял никарагуанский, а не международный орган. Если оппозиция требовала проведения плебисцита без предварительной регистрации избирателей (что в прошлом открывало самый широкий простор для фальсификаций), то теперь американцы (а значит, и ОАГ) соглашались на предварительную регистрацию в течение четырех воскресений перед плебисцитом.

Сомоса между тем явно терял почву под ногами. 6 января 1979 года он запретил манифестацию в память годовщины убийства Чаморро, но был вынужден разрешить ее проведение уже через три дня. 10 января по Манагуа прошли более 30 тысяч человек²⁰⁸.

1 февраля 1979 года было объявлено о создании новой оппозиционной левоцентристской коалиции — Национального патриотического фронта (НПФ). В него вошли МПУ, профсоюзы (как коммунистические, так и сандинистские), «группа двенадцати», Независимая либеральная партия, левое крыло Социалхристианской партии (связанное с профсоюзным движением) и маоистский Рабочий фронт (небольшая крайне левая группировка, которая впоследствии стала ориентироваться даже не на Пекин, а на Албанию)²⁰⁹. НПФ был альтернативой ФАО и легальным представителем интересов СФНО и его подпольных организаций на местах.

Между тем, посреднические усилия США в начале января 1979 года полностью провалились, главным образом из-за неуступчивости Сомосы. Во-первых, Сомоса был уверен в военной помощи Израиля и военных центрально-американских диктатур. Во-вторых, диктатор не сомневался, что его друзья в Вашингтоне вскоре убедят Картера в необходимости срочно возобновить военную помощь Никарагуа. А к 1981 году (когда истек срок президентских

²⁰⁷ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.96.

²⁰⁸ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P.139–140.

²⁰⁹ *Ibid.* P.140.

полномочий Сомосы) самого Картера уже может и не быть в белом доме (здесь он оказался полностью прав — Картер проиграл выборы 1980 года правому республиканцу, мракобесу-антикоммунисту Рейгану²¹⁰, который наверняка поддержал бы Сомосу, если бы тот к тому времени сохранил власть).

Рейган симпатизировал никарагуанскому диктатору и еще 2 января 1978 года заявил по радио, что бедного Сомосу «просто плохо подают в прессе»: «Он никогда не был известен как активный нарушитель прав человека»²¹¹. В марте 1979 года Рейган выразил опасение, что марксисты скоро захватят всю Центральную Америку: «События в Никарагуа несут на себе кубинский отпечаток. В то время как в этой беспокойной стране, наверное, есть люди, у которых есть обоснованные претензии к режиму Сомосы, не подлежит сомнению, что большинство повстанцев обучены кубинцами, вооружены кубинцами и хотят создать еще одну коммунистическую страну в Западном полушарии»²¹².

У Сомосы было весьма сильное лобби в американском конгрессе. Например, в 1977 году (уже при моралисте Картере) конгресс США без проблем выделил Никарагуа 2,5 миллиона долларов на вооружение и еще 600 тысяч — на обучение национальной гвардии.

Выступая в прениях в 1977 году, конгрессмен Рудд, в частности, отметил: «Господин председатель, я поддерживаю эту поправку относительно возобновления военной помощи размером в 3,1 миллиона долларов проамериканскому правительству Никарагуа. Я полагаю, что мы должны поступать так, как будет лучше для США... На США лежит моральное обязательство помочь дружественному никарагуанскому правительству вооружением для поддержания стабильности и свободы в этой стране — стабильности, которая крайне необходима. Президент Никарагуа А. Сомоса — образованный человек, обучавшийся в Вест-Пойнте. Он проамериканец и выступает за стабильность. Он достоин продолжительной помощи со стороны нашего правительства, дабы защитить его народ и свободные институты страны. Зачем без необходимости давать по зубам дружески настроенному правительству, отказывая Никарагуа в необходимой ей военной помощи в 3,1 миллиона долларов? [...] Леваки для достижения своей цели развернули мощную пропагандистскую кампанию по поводу нарушения прав человека в Никарагуа»²¹³.

При этом 17 октября 1978 года 17 голосами «за» ОАГ осудила режим Сомосы. Против этой резолюции не голосовал никто, даже США.

Главой никарагуанского лобби в конгрессе США при Сомосе был личный друг диктатора — член палаты представителей от штата Нью-Йорк Джон Мэрфи. Он учился вместе с Сомосой в американском военном училище в Стейтен Айленд, и они оба любили одни и те же фильмы.

²¹⁰ Известно, что Рейган публично назвал СССР «империей зла» и на полном серьезе утверждал, что в русском языке даже нет слова «свобода».

²¹¹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 57.

²¹² Ibid.

²¹³ *Игнатьев О.К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 68–69.

В своем выступлении 21 июля 1977 года относительно выделения Никарагуа военной помощи в 1978 году Мэрфи подчеркнул: «Тесный характер связей между нашими двумя странами отражен в докладе государственного департамента... Внешняя политика Никарагуа направлена на поддержание самых тесных отношений с США. Представители Никарагуа проголосовали в ООН по резолюции о сионизме²¹⁴, Корею, деколонизации так же, как США. Правительство Никарагуа выражает озабоченность потенциальной угрозой, исходящей от Кубы, особенно после событий в Анголе²¹⁵, что усиливает его стремление поддерживать хорошие отношения с США.

Правительство Никарагуа имело мужество поддержать нас по следующим вопросам.

1. Терроризм. Никарагуа и США вместе борются с международным терроризмом²¹⁶ и выступают против позиции СССР по данному вопросу...
3. Израиль. Когда бы США ни попросили Никарагуа защитить позиции Израиля в ООН, никарагуанская делегация всегда выполняла эту просьбу.
4. Разоружение. По просьбе делегации США никарагуанская делегация выступала против предложений СССР и за предложения США по этому вопросу...
8. В Совете Безопасности Никарагуа всегда поддерживала предложения США.
9. Никарагуа была одной из двух латиноамериканских стран, которые поддержали создание военной базы США в Исландии...
10. Куба. Никарагуа проголосовала против прекращения бойкота Кубы Организацией американских государств, так же как и США»²¹⁷.

В 1977 году комитет по ассигнованиям конгресса рекомендовал не оказывать Никарагуа военной помощи, однако палата благодаря усилиям лоббистов Сомосы отвергла эту рекомендацию.

²¹⁴ В 1975 году Генеральная Ассамблея (ГА) ООН признала сионизм расистской идеологией и поставила ее на одну доску с фашизмом (резолюция N 3379). Арабские страны, СССР и социалистические страны и большинство развивающихся стран поддержали принятие этой резолюции. «За» проголосовали 72 страны, «против» — 35 (в том числе США, Израиль, Никарагуа, страны НАТО, Коста-Рика, Швейцария, Швеция и т.д.; 32 страны воздержались — в том числе Аргентина, Япония, Венесуэла, Перу, Колумбия, Чили, Греция). 16 декабря 1991 года (в момент распада СССР) ГА ООН отменила эту резолюцию.

²¹⁵ В Анголе в 1975–1976 годах прибывшие туда по приглашению законного правительства этой страны кубинские войска отбили наступление армии ЮАР на столицу, которое было организовано при содействии США.

²¹⁶ Террористами США тогда и сейчас считали и считают любые национально-освободительные и политические движения, которые им не нравятся. Например, в 70-е годы террористами считалась палестинская организация ФАТХ — ныне легитимный партнер на переговорах по ближневосточному урегулированию.

²¹⁷ *Игнатъев О. К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 71.

В мае 1978 года конгрессмен Чарльз Вилсон (демократ от Техаса) заявил, что использует свое положение в комитете нижней палаты по ассигнованиям для того, чтобы задержать принятие всего закона о помощи иностранным государствам, пока Картер не возобновит оказания помощи Никарагуа. Президент не стал долго упрямяться и разморозил 12 миллионов долларов, которые США задержали после убийства Чаморро. Из них 7,5 миллиона было потрачено на продовольственную помощь, остальные средства — на образование.

Всего в 1978 году США выплатили Никарагуа в виде помощи военной 3,1 миллиона долларов, из которых 150 тысяч приходилось на прямые поставки оружия.

При этом в специальном заявлении США подчеркнули, что эту помощь нельзя расценивать как политическую поддержку режима Сомосы.

Многих конгрессменов и вашингтонский истеблишмент в целом никоим образом не впечатлили и массовые зверства национальной гвардии в сентябре 1978 года, которые были подтверждены не леваками, а Красным Крестом и западными СМИ. Мнение таких людей прекрасно отразила ведущая американская деловая газета «Уолл-стрит Джорнэл» 22 сентября 1978 года: «Нравится вам это или нет, но США неизменно тесно связаны с этой отдаленной страной землетрясений, игорных казино и петушиных боев. Мы организовали национальную гвардию, обучили ее и дали ей оружие. Мы дали образование в Вест-Пойнте генералу Сомосе и обезоружили его политических противников, потому что он выступает за стабильность. Оттуда мы начали вторжение в бухту Кочинос на Кубе. Портрет недавнего посла США напечатан на бумажных деньгах Никарагуа...»²¹⁸

Тем не менее в начале сентября 1978 года под влиянием постоянно поступающих сообщений о зверствах национальной гвардии председатель сенатского комитета по внешним связям демократ Фрэнк Черч обратился к Картеру с требованием окончательно прекратить военную помощь Никарагуа²¹⁹. Однако главный лоббист Сомосы в конгрессе Мэрфи немедленно организовал обращение к президенту 28 конгрессменов, включая лидера парламентского большинства Джима Райта, с требованием немедленно помочь Сомосе.

В январе 1979 года после провала посредников ОАГ Картер решил окончательно отменить приостановленную в январе 1978-го военную помощь Никарагуа. Во многом президент США считал это формальным шагом и данью мировому общественному мнению. Ведь и ЦРУ, и военный атташе США в Манагуа считали, что национальная гвардия без проблем разобьет сандинистов и наличными ресурсами. К тому же американцы были в курсе масштабной военной помощи Израиля диктаторскому режиму. ЦРУ, правда, не удалось вовремя вскрыть истинные объемы кубинской помощи СФНО.

²¹⁸ *Игнатъев О. К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 71–72.

²¹⁹ *Walker Th. W.* (Editor.) *Nicaragua in Revolution.* New York, Praeger, 1982. P. 67.

Между тем попытку предотвратить победу сандинистов предприняли президенты Венесуэлы и Панама. Партия венесуэльского президента Переса проиграла выборы 3 декабря 1978 года (сам Перес по конституции не мог баллотироваться на новый срок), и в марте 1979-го он должен был передать власть христианскому демократу Луису Эррере Кампинсу. Перес с самого начала не верил в успех миссии ОАГ и был настроен на более решительные действия. Он тайно вызвал к себе в Венесуэлу родственника диктатора Луиса Паллейса Дебайле и предложил ему... совершить переворот с ведома самого Сомосы. Перес от себя и от правительств Панама и США гарантировал Сомосе неприкосновенность всей его собственности и сохранность национальной гвардии. Гость был обескуражен и сказал, что никогда не решится передать такое предложение диктатору из-за опасений за собственную безопасность. Тогда Перес сам позволил в Манагуа (он предпринял пять попыток), но помощники не соединили его с Сомосой²²⁰.

На обратном пути в Никарагуа самолет Луиса Паллейса сделал остановку в Панаме, и его отвезли на вертолете к Торрихосу. Тот сначала предложил визитеру выпить, а потом — стать президентом Никарагуа. Паллейс отказывался даже обсуждать это. Тогда Торрихос принялся его убеждать: «Луи, Луи, мы же тебя поддержим. Мы поддержим Сомосу. Мы все это поддержим. Это же решение для Никарагуа. Пусть коммунисты идут к черту (коммунистами Торрихос именовал руководство СФНО — прим. автора). На вашей стороне „ноль“ (то есть Пастора), вся сандинистская фракция „ноля“, которая не является коммунистической. Ты ему нравишься. Он согласен. Я с ним лично говорил. Конечно, мы встретим противодействие сандинистов. Но эти ребята без нашей помощи не смогут раздобыть даже двадцать винтовок ФАЛ...»²²¹

Сразу же после прилета в Манагуа Паллейс отправился в «бункер» Сомосы, который встретил его, держа в руках телеграфные сообщения информационных агентств, где со ссылкой на Торрихоса описывался весь план псевдопереворота. Паллейсу пришлось публично все это опровергать.

Сомоса держался столь нагло, рассчитывая на своих друзей в США, прежде всего Мэрфи. В январе 1979 года в конгрессе США обсуждался дополнительный закон к договору о передаче Панаме Панамского канала к 1999 году. Картер был очень заинтересован в его скорейшем одобрении, но председателем профильного комитета по мореходству и рыболовству палаты представителей был не кто иной как друг Сомосы Мэрфи. 19 января 1979 года он встретился с Картером за ланчем (позднее оба утверждали, что инициатива встречи исходила от другой стороны). Мэрфи предложил не трогать Сомосу и оставить его у власти в обмен на беспроblemное прохождение нужного Картеру закона. А с сандинистами Сомоса разберется и сам. На этом и порешили²²².

²²⁰ Christian S. *Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.99.

²²¹ Ibid. P.100.

²²² Ibid. P.103.

В преддверии решающих боев между диктатурой и СФНО госдепартамент в феврале 1979 года отозвал из Манагуа посла Солауна и половину сотрудников посольства, тем более что ЦРУ сообщило о планах сандинистов устроить на посла покушение.

Обе стороны в Никарагуа активно готовились к решающему сражению.

7 марта 1979 года по инициативе кубинцев было, наконец, образовано единое руководство СФНО — Национальный директорат. В него вошли по три человека от каждой группировки: братья Даниэль и Умберто Ортега, а также мексиканец Виктор Тирадо — от «терсеристов»; Томас Борхе (единственный из оставшихся в живых основателей СФНО), Генри Руис (боевой псевдоним «Модесто» — «скромный», считался совестью фронта, учился в Университете Дружбы народов имени Патриса Лумумбы в Москве)²²³ и Байардо Арсе — от группы «длительная народная война»; Хайме Уилок, Луис Каррион и Карлос Нуньес — от «пролетариос».

Американцы очень хотели видеть в едином директорате Эдена Пастору, который бравировал своим антимарксизмом. Но его никто не знал в СФНО до рейда на Национальный дворец. Против Пасторы выступило руководство Внутреннего фронта СФНО. Братья Ортега предложили Пасторе пост верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами фронта²²⁴. Тем самым они хотели заручиться дальнейшей поддержкой покровителей Пасторы — Торрихоса и Переса. К тому же этот пост был в основном церемониальным — партизанские отряды в Никарагуа действовали обособленно. После поездки на Кубу Умберто Ортега выдвинул идею, с которой все согласились: Пастора возглавил самый сильный Южный фронт СФНО, который в то время формировался в Коста-Рике. Весной 1979 года в Южном фронте числилось 1600 человек, и его бойцы были хорошо вооружены полученным с Кубы оружием.

Следует подчеркнуть, что три группировки СФНО никогда не имели серьезных идеологических противоречий. Все их руководители считали себя марксистами и ориентировались на строительство в Никарагуа социалистического общества. Их разъединяла только тактика вооруженной борьбы против диктатуры. Раскол фронта произошел под сильным влиянием идей маоизма (типа

²²³ Руис родился 24 сентября 1944 года в Хинотеге. В школе был лучшим учеником и получил именную стипендию президента Луиса Сомосы. В 1965 году вступил в коммунистическую партию, а в следующем году по кубинскому паспорту приехал на учебу в Москву на физико-математический факультет. Бросил учебу из-за несогласия с линией Москвы в отношении Че Гевары: СССР считал, что нельзя принести революцию на штыках в другие страны без наличия внутри той или иной страны предпосылок для нее. Из Москвы вернулся на Кубу, где прошел курс обучения партизанской борьбе. В 1967 году вступил в СФНО. В 1969-м был арестован в Коста-Рике и депортирован в Колумбию. Посетил Вьетнам и прошел обучение в лагерях Организации освобождения Палестины (ООП). В 70-е годы продолжал партизанскую борьбу в горах на севере Никарагуа. В 1979–1985 годах Руис возглавлял министерство планирования Никарагуа и фактически руководил экономикой страны. Затем до 1990 года был министром внешнеэкономических связей.

²²⁴ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 104.

«винтовка рождает власть») и бесспорного авторитета Че Гевары в 60-е годы. В 1970-е имидж Пекина был изрядно подмочен, после того как «ультрареволюционный» Мао Цзедун в 1969 году напал на СССР, а в 1972-м установил дипломатические отношения с антикоммунистом Никсоном и начал активно помогать США в борьбе против СССР на мировой арене. Китайцы сотрудничали даже с фашистским режимом Пиночета в Чили.

Кубинцы тем временем тоже преодолели период революционного романтизма и смотрели на революцию уже не только как на героическую партизанскую войну, а как на сложный процесс строительства нового общества и воспитания нового человека.

Таким образом, маоистская в своей основе идея «длительной народной войны» с опорой на крестьянство уже не владела умами, да и не приводила к успеху ни в одной стране. А «пролетариос» никогда не были против восстания как такового (как, впрочем, и Ленин), но считали, что оно должно быть хорошо подготовлено политически и пропагандистски. «Терсеристы» против этого тоже не возражали.

Как только в марте 1979 года в Венесуэле сменилась власть, новое християнско-демократическое правительство прекратило поставки оружия сандинистам, и те успели получить только 500 автоматических винтовок из тысячи, причем пришлось еще поделиться с костариканцами. Но кубинская помощь только набирала обороты²²⁵. Сначала кубинские самолеты перебрасывали оружие в панамский город Давид, откуда их малой авиацией переправляли в Коста-Рику. Некоторые грузы прибыли прямо в международный аэропорт столицы Коста-Рики Сан-Хосе. В апреле 1979 года по мере разворачивания вооруженной борьбы в Никарагуа кубинские самолеты летали прямо в Либерию — столицу пограничной с Никарагуа костариканской провинции Гуанакаста. На первых порах самолеты под контролем костариканской службы безопасности разгружали по ночам, затем стали делать это уже среди бела дня.

С декабря 1978-го по июль 1979 года было зарегистрировано по меньшей мере 60 полетов самолетов с Кубы с грузом оружия для сандинистов. Большая часть оружия досталась Южному фронту, но некоторое количество удалось перебросить во внутренние районы Никарагуа, даже в Гондурас, где формировался Северный фронт.

Военные власти Гондураса симпатизировали Сомосе и время от времени депортировали из страны обнаруженных там сандинистов. Но так как обще-

²²⁵ Сначала кубинцы поставляли сандинистам автоматические винтовки бельгийского производства ФАЛ, которые были закуплены еще режимом диктатора Батисты. ФАЛ поступила во оружие в 1954 году и рассматривалась как «ответ свободного мира» на автомат Калашникова. Так как калибр винтовки был 7,62 мм, то с переходом на натовский стандарт 5,56 мм это оружие стали активно экспортировать. ФАЛ имела скорострельность 650–700 выстрелов в минуту и дальность прицельной стрельбы 600м. Было произведено 2 миллиона винтовок, которые применялись в 90 странах мира.

ственное мнение Гондураса было полностью настроено против Сомосы, то власти старались не слишком усердствовать в деле помощи никарагуанскому диктатору, опасаясь внутривнутриполитических осложнений в собственной стране. Наконец, в условиях повальной коррупции сандинистам удавалось переправлять оружие в международный аэропорт Гондураса за взятки офицерам таможни.

Военная тактика сандинистов заключалась в следующем. В феврале — апреле 1979 года отряды и группы фронта по всей стране должны были развязать маневренную войну против гвардии по принципу «ударил — убеги». Тем самым гвардию следовало держать в постоянном напряжении и оттянуть ее лучшие силы от костариканской границы. Оттуда в мае 1979 года в наступление должен был перейти Южный фронт Пасторы (который имел уже некое подобие регулярной армии). Предполагалось, что бойцы Пасторы захватят Ривас и образуют там временное правительство. После этого крупные силы партизан со всех сторон должны были атаковать крупные города, чтобы оттянуть силы гвардии уже от Пасторы. При такой тактике, как считали в СФНО, элитных частей гвардии просто не хватит для концентрации в одном месте. Измотав гвардию в уличных боях, части сандинистов с разных сторон должны были развивать наступление на Манагуа.

Все силы СФНО были реорганизованы в семь отдельных фронтов, которые действовали в оперативном-тактическом смысле самостоятельно, но подчинялись единому командованию (приказы передавались через «Радио Сандино»²²⁶):

- Северный фронт «Карлос Фонсека Амадор» (на базе отрядов «длительной народной войны») — действовал на севере в районе Эстели и Хинотега (оружие получал через Гондурас);
- Южный фронт «Бенхамин Селедон» — действовал на тихоокеанском побережье Никарагуа с территории Коста-Рики;
- Северо-Западный фронт «Ригоберто Лопес Перес» — районы Чинандеги и Леона;
- Центральный фронт «Камило Ортега Сааведра» (район Манагуа, Дириамбы и Хинотепа);
- Северо-Восточный фронт «Пабло Убеда» (район Бонансы, Сиумы и Ла Росты, северная часть Москитии);
- Восточный фронт «Роберто Уэмбес» — район западнее Блуфилдса, южная часть Москитии;
- Фронт Нуэва Гинья — к востоку от озера Никарагуа недалеко от костариканской границы.

²²⁶ С декабря 1978 года выходило в эфир из партизанских районов в горах вблизи Южного фронта.

Все фронты были названы в честь патриотов и лидеров СФНО, погибших в боях с диктатурой. Самыми сильными были Северный и Южный.

«Регулярные» силы фронта насчитывали примерно 2600 человек. Десятки тысяч обычных граждан входили в сандинистскую милицию и Комитеты сандинистской защиты. Задача этих людей во время восстания сводилась к выполнению патрульных и военных вспомогательных функций (охрана баррикад, выявление снайперов и шпионов противника, снабжение населения восставших районов и отрядов фронта всем необходимым).

К моменту начала наступления у сандинистов появилось очень эффективное средство пропаганды и связи — «Радио Сандино». Сначала оно вещало из горных районов по 20 минут в день и десятки раз меняло место выхода в эфир (радиостанция работала на джипе или грузовике), так как Сомоса приказал гвардии уничтожить передатчик любой ценой. Радио передавало сводки фронта и шифрованные приказы командирам отрядов. Однако значение «Радио Сандино» в деле координации боевых действий преувеличивать не стоит — в партизанской войне многое зависит и от тактики противника, которая может поломать любые заранее составленные планы.

К концу февраля — началу марта 1979 года сандинистский фронт был готов к решающему сражению, за исключением Южного фронта Пасторы, куда еще прибывало оружие с Кубы.

Надо отметить, что сандинистам удалось ввести США в заблуждение относительно источников своего снабжения. ЦРУ фиксировало полеты самолетов в Коста-Рику. Большинство из них было частными костариканскими, и точный груз на борту американская разведка так и не определила, хотя и подозревала, что речь идет об оружии. Кубинцы публично отрицали любые поставки сандинистам. «Радио Сандино» сообщило в марте 1979 года, что СФНО никогда не получало оружия из «социалистических стран». Действительно, бельгийские винтовки ФАЛ явно не стояли на вооружении стран Варшавского договора. Пастора убедительно рассказал панамскому журналисту, что он обратился за помощью к Кастро и тот ответил: «Лучшая помощь, которую я вам могу предоставить, это не помогать вам совсем»²²⁷.

Сомоса тоже смотрел в будущее с оптимизмом. Еще до инаугурации Картера он сумел доставить в Никарагуа с заводов фирмы «Кольт» обещанные ему ранее США в виде помощи 5000 винтовок М-16. Не хватало боеприпасов, которые были большей частью израсходованы в ходе восстания осенью 1978 года, но здесь помог Израиль. Часть оружия и боеприпасов Сомоса закупил у расистского режима ЮАР, а также у военной диктатуры в Аргентине.

Сандинисты смогли организовать в мире эффективную кампанию против поставок оружия Израилем, и США в апреле 1979 года пришлось нехотя попросить Тель-Авив воздержаться от дальнейшей помощи Сомосе. Израиль обещал прекратить поставки, но тайно их продолжал.

²²⁷ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 107.

В конце 1978 года Сомоса и его сын объявили новый набор в элитные части гвардии, особенно в ЕВВИ. С учетом тяжелейшего экономического положения многих никарагуанцев, особенно на селе, набор был вполне успешным. Численность гвардии выросла с 7,5 до 10 тысяч человек. Однако боевая ценность необученных рекрутов была более чем сомнительной. В некоторых случаях гвардия «набирала» людей силой в ходе массовых облав. Молодежь привозили в казармы, наспех одевали (часто не по размеру) и давали ей в руки винтовки, даже не объясняя, как ими пользоваться. Максимум, что могли делать эти люди, — обороняться в укрепленных казармах и фортах, и то при условии отсутствия у сандинистов артиллерии. Тем не менее даже такие «зеленые» бойцы высвобождали для маневренных действий против партизан элитные части гвардии, и этого было вполне достаточно.

Сомоса был уверен в победе и не без злорадства ожидал наступления СФНО, чтобы, наконец, полностью сокрушить сандинистов. 26 февраля 1979 года американский журнал «Ньюсуик» писал: «Сомоса увеличил численность национальной гвардии с 7 тысяч в сентябре (1978 года) до 12 тысяч в настоящее время и надеется вскоре довести ее численность до 15 тысяч человек. Его силы включают отборный батальон численностью 2 тысячи человек, казармы которого расположены по соседству с президентским бункером²²⁸». Имелся в виду ударный батальон «Генерал Сомоса».

Сандинисты понимали, что борьба против гвардии будет тяжелой и Сомоса не остановится ни перед какими зверствами. Пастора оценивал количество возможных жертв среди населения (прежде всего гражданского) в 30 тысяч человек. Понимали это и люди, но ненависть к диктатуре была гораздо сильнее страха.

21 февраля 1979 года, в очередную годовщину гибели Сандино, СФНО привел в исполнение в городе Матагальпа смертный приговор одному из убийц «генерала свободных людей» — полковнику гвардии в отставке Федерико Давидсону, который в 1934 году был лейтенантом²²⁹. В этот же день синхронные атаки были проведены против казарм и постов национальной гвардии в Дириамбе, Гранаде, Леоне, Масайе и рабочих кварталах Манагуа²³⁰. Партизаны нападали и отходили. В их задачу не входило закрепление в городах и ведение позиционной войны. Они прощупывали боевую готовность гвардии и настроение местных жителей.

Оказалось, что боевой дух местных гарнизонов гвардии в мелких городах и поселках оставляет желать лучшего. Напротив, гражданское население (особенно молодежь) требовало оружия и охотно уходило с партизанами обратно в горы. Часть оружия удавалось захватить при атаках на посты гвардии, но его все равно не хватало.

²²⁸ Интересно, что хотя штаб Сомосы находился в наземном бетонном здании, все называли его «бункером» по аналогии с последним прибежищем Адольфа Гитлера.

²²⁹ *Игнатьев О. К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 75–76.

²³⁰ *Black G.* Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 148.

50 партизан захватили былой центр борьбы армии Аугусто Сандино, городок Яли к северу от Хинотеги, насчитывавший 8 тысяч жителей, и удерживала его восемь часов. В марте СФНО атаковал другие населенные пункты на севере: Чичигальпу, Эль-Вьехо. Леон, Чинандегу. 18 марта были синхронно атакованы несколько постов национальной гвардии в столице.

30 марта в районе Эль-Хикаро (также север страны) СФНО устроил засаду, которая стоила жизни 49 гвардейцам²⁵¹. Операция в Эль-Хикаро, которой командовал Херман Помарес, стала первой акцией СФНО, в которой приняли совместное участие бойцы всех трех бывших группировок фронта (всего 80 человек).

Партизаны также нападали на заводы и фабрики, уничтожая подготовленные для экспорта запасы хлопка и сахара, чтобы лишить диктатуру валютных поступлений.

Как и предполагали сандинисты, Сомоса перебросил мобильные и элитные части гвардии, а также авиацию из центра и с юга страны на север и северо-запад Никарагуа. Диктатор приказал бомбить деревни в охваченных партизанской борьбой районах, что только усилило приток местных крестьян в партизанские отряды СФНО.

Сомоса выдвинул гвардии боевой лозунг «Святая²⁵² неделя без сандинистов!», передал командование сыну и срочно отбыл в США, чтобы все-таки получить там деньги и оружие. Американское лобби организовало диктатору пресс-конференцию в Канзасе, на которой Сомоса всячески страшил американские СМИ перспективой победы в Никарагуа мирового коммунизма. «Давайте посмотрим на природу того, о чем мы говорим. Мы говорим о коммунистических, марксистско-ленинских партизанах, у которых нет реальной народной поддержки в Никарагуа и которые никогда не смогут заручиться поддержкой электората Никарагуа. Поэтому они стремятся свергнуть правительство силой и создать в Никарагуа марксистско-ленинское государство»²⁵³.

Главной целью визита Сомосы было получение экстренного кредита МВФ на общую сумму 66 миллионов долларов. 20 миллионов полагалось Никарагуа в счет ее квоты, а остальные деньги (кредит типа stand-by) могли быть выделены только с разрешения руководства международного валютного фонда, в котором США играли главную роль. Ряд ведущих демократов — членов конгресса, включая сенатора Эдварда Кеннеди, обратились к Картеру с открытым письмом, требуя наложить вето в МВФ на помощь диктатуре. Однако администрация США решила «не мешать» МВФ, и кредит был выделен.

Правда, он, пожалуй, принес Сомосе больше вреда, чем пользы. В качестве условия выделения денег МВФ настоял на девальвации кордобы. Это была первая официальная девальвация за 40 лет, и она немедленно вызвала резкий рост цен в стране, особенно на продовольствие (примерно на 40%). Ненависть

²⁵¹ *Игнатъев О.К.* Штурм Тискапы. М., 1979. С. 75.

²⁵² То есть Пасхальная неделя.

²⁵³ *Black G.* Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 148.

населения к диктатуре усилилась, несмотря на обещание Сомосы к 1 мая поднять зарплату госслужащим на 15%.

Пока Сомоса отмечал Пасху в США, сандинисты тоже решили отпраздновать святую неделю по-своему. В воскресенье 8 апреля примерно в 16:00 две колонны СФНО (200–300 бойцов) под командованием команданте Франсиско Риверы (боевой псевдоним Зорро) и Хуана Альберто Бландона (Фройлан) вошли в Эстели и захватили пустовавшие государственные здания. Был нанесен удар по гарнизону гвардии, и она предпочла отступить.

Одновременно партизаны атаковали окрестные городки и перекрыли все дороги, ведущие в Эстели.

Сандинисты хотели покинуть город, но население просило их остаться и раздать оружие. Жители Эстели были приятно удивлены тому, что, в отличие от сентября 1978 года, бойцы СФНО пришли в город прекрасно вооруженными. Это вдохновило людей на борьбу. Так, неожиданно для СФНО, в Эстели опять вспыхнуло вооруженное восстание местного населения. Партизаны были вынуждены возглавить уличную борьбу, чтобы не бросать горожан в беде.

Сомоса-младший обрадовался, решив, что сандинисты повторяют тактику сентября 1978 года. Эстели немедленно окружили около 1000 элитных солдат гвардии, и город начали методично бомбардировать и обстреливать с воздуха. Однако партизаны заблаговременно оставили недалеко от города специальный отряд для того, чтобы в случае необходимости извне порвать блокаду. Так и вышло. Когда «Тачито» после четырех дней бомбежек и минометных обстрелов решил, что город уже превращен в развалины и его можно «зачищать» (у гвардии для этой цели были танк «шерман» и два бронетранспортера), отряд партизан неожиданно ударил в тыл элитным частям. Те были вынуждены оголить фронт, и через эту брешь сандинисты 13 апреля в 18:00 организованно стали покидать Эстели, увозя с собой в горы сотни новых бойцов, а также женщин и детей.

Перед отходом партизаны и местные жители начали демонстративно укреплять баррикады, чтобы дать гвардии понять, что сопротивление будет продолжено. 14 апреля гвардия объявила перемирие на несколько часов, чтобы позволить Красному Кресту подобрать трупы погибших. Когда перемирие закончилось, частей СФНО в городе уже не было.

Отличительной чертой этой операции были минимальные потери фронта, хотя в бою был убит командующий силами СФНО в Эстели команданте Бландон. Бои в городе также показали, что все горожане как один полностью на стороне СФНО несмотря на жестокие репрессии осени 1978 года.

Действительно, в апреле 1979-го в Эстели гвардия превзошла сама себя, даже по сравнению с осенью 1978-го. Из госпиталя Сан-Хуан-де-Диос на улицу вытащили двух врачей и 40 пациентов, многие из которых были без сознания. Всех их отвели во двор и расстреляли из пулеметов²³⁴.

²³⁴ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 150.*

Часть бойцов СФНО потом тайно вернулись в Эстели для продолжения подпольной работы, других перебросили в Манагуа.

Операция в Эстели подверглась критике со стороны некоторых членов руководства СФНО, поскольку тактика фронта не планировала уличных боев (так как они вели к большим жертвам среди гражданского населения) и длительного захвата городов на данном этапе борьбы. Командиры СФНО в Эстели во время боев обратились с отчаянной просьбой начать наступление Южного фронта, чтобы оттянуть элитные части от города. Однако Пастора заявил, что пока не готов вступить в бой. Не исключено, что он хотел, чтобы гвардия истекла кровью на севере. Тогда, триумфально войдя в Манагуа, Пастора стал бы фактическим лидером СФНО.

Однако с политической точки зрения бои в Эстели было трудно переоценить. Мировая общественность еще раз убедилась в зверском характере диктатуры, и Сомоса оказался на мировой арене в такой изоляции, как никогда прежде. Именно после событий в Эстели, в которых участвовали израильские самолеты, бомбя мирное население, США стали давить на Израиль, чтобы Тель-Авив прекратил военную помощь Сомосе.

Сомоса решил срочно пополнить боеприпасы гвардии за счет центральноамериканских военных диктатур, которые обещали ему помощь в декабре 1978 года. Однако внутривнутриполитическая ситуация коллег-диктаторов была немногим лучше, чем у самого Сомосы. На слушаниях по правам человека в американском конгрессе в 1977 году Гватемала и Сальвадор подверглись резкой критике как конгрессменов, так и госдепартамента, и США временно прекратили военную помощь этим странам. Досталось на слушаниях и Гондурасу.

Таким образом, администрация Картера испортила отношения со странами КОНДЕКА. И все же Гватемала поставила Сомосе оружие, пополнив свои собственные запасы на мировом рынке²³⁵. Небольшие партии боеприпасов прибыли также из Гондураса и Сальвадора. Но заменить масштабную израильскую помощь центральноамериканские диктатуры, конечно, не могли.

Неприятным сюрпризом для гвардии стало наличие у СФНО зенитных пушек и пулеметов. На севере было сбито два самолета правительственных войск.

30 апреля сандинисты вошли в Леон и закрепились там. Сомосе опять пришлось бросить на город танки и БТР, но только после жестоких боев, в которых гвардия потеряла около 100 человек, партизан удалось выбить из второго по значению города Никарагуа.

В течение апреля и мая 1979 года на севере Никарагуа повторялось одно и то же. Партизаны захватывали города, устраивали засады и быстро отходили в горы. Потери СФНО, в отличие от гвардии, были минимальны, а элитные части гвардии измотали фактически непрерывные бои. 9 мая 1979 года отряды СФНО внезапно атаковали казарму Сан-Дионисио в Матагальпе и сожгли ее дотла. Были убиты шесть гвардейцев.

²³⁵ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 108.

После боев в Эстели военный атташе США в Манагуа полковник Маккой впервые отправил в Вашингтон сообщение, в котором не исключал победу сандинистов над Сомосой²³⁶. Американцы наконец-то осознали, что решающим может оказаться не современное вооружение национальной гвардии, а полная поддержка сандинистов со стороны всего населения. Маккой встретился с сыном диктатора и сказал ему, что все никарагуанцы настроены против диктатуры. «Крутой» ехидно спросил, с какими именно никарагуанцами побеседовал полковник. Маккой ответил — да хотя бы со своими садовником и парикмахером. Сомоса-младший предложил полковнику подыскать себе другую прислугу.

Как только в Вашингтоне получили тревожное сообщение Маккоя, Объединенный комитет начальников штабов вооруженных сил США немедленно запросил его, какие военные поставки из США нужны Сомосе. Игра в права человека была моментально забыта. Маккой сообщил, что нужны боеприпасы для крупнокалиберных пулеметов (12,7 мм) и автоматическое стрелковое оружие²³⁷. Но поставить их американцы уже не успели.

Сандинисты не забывали и о войне на политическом фронте. Чтобы лишить американцев последней надежды на мирный переход власти к проамериканской оппозиции, СФНО начал в конце апреля переговоры с остатками ФАО об объединении усилий в борьбе против диктатуры. Сомоса же совершил очередную ошибку, арестовав лидеров ФАО Альфонсо Робело и Рафаэля Кордову Риваса. Он опасался, что ФАО устроит первомайскую демонстрацию в Манагуа, которую сандинисты используют для восстания в столице.

Примечательно, что если госдепартамент США никак не отреагировал на зверства национальной гвардии в Эстели, то арест лидеров ФАО он резко осудил, и Сомоса их сразу же выпустил.

После выхода из тюрьмы в середине мая Робело призвал всю оппозицию объединиться и сформировать временное правительство. После этого он выехал во Флориду (где уже находилась его семья) и оттуда проследовал в Коста-Рику, чтобы начать переговоры с руководством СФНО.

20 мая 1979 года СФНО добился важнейшей внешнеполитической победы. В этот день после переговоров с президентом Коста-Рики Карасо мексиканский президент Хосе Лопес Портильо объявил о разрыве дипломатических отношений с Сомосой по причине вопиющих актов геноцида, которые диктатор осуществляет против собственного населения. Большую роль в этом шаге Мексики сыграли и предыдущие переговоры мексиканского президента с Фиделем Кастро.

Американцы немедленно начали убеждать остальные латиноамериканские страны не следовать мексиканскому примеру. И они добились некоторых успехов в Коста-Рике и Панаме. Президент Коста-Рики Карасо приказал граждан-

²³⁶ Christian S. *Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 110.

²³⁷ Ibid.

ской гвардии не допускать атак Никарагуа с территории страны. Были арестованы 13 сандинистов.

Изменение позиции Коста-Рики могло погубить всю стратегию восстания, которая как уже упоминалось, предусматривала нанесение главного удара силами Южного фронта именно из Коста-Рики на Ривас вдоль Панамериканского шоссе (недалеко от тихоокеанского побережья). Чтобы оттянуть силы гвардии от Риваса, сандинисты решили открыть новый фронт к востоку от озера Никарагуа в районе Нуэво-Гинейя. Это была сельская местность, где до сих пор партизаны не проводили среди крестьян никакой политической работы.

18 мая 1979 года колонна сандинистов численностью в 140 человек вышла в район Нуэво-Гинейя из Коста-Рики. Не без помощи местных крестьян она была обнаружена гвардией и попала в заранее подготовленную засаду. Разгром сандинистов был сокрушительным — погибли 128 человек, включая одного из командующего подразделением Южного фронта Ивана Монтенегро²³⁸.

Но как ни странно, даже это тяжелое поражение, о котором немедленно сообщила гвардия, только повысило престиж фронта среди населения — сандинистов уважали как людей, готовых без колебаний отдать жизнь за свободу страны.

19 мая, чтобы оттянуть силы гвардии от Нуэво-Гинейи, колонна «Оскар Турсиос» под командованием Хермана Помареса напала на Хинотегу. При отходе из города Помарес был ранен. Колонна Помареса насчитывала уже несколько сотен бойцов, но она все же не могла пока на равных сражаться с элитными частями гвардии.

В 20-х числах мая 1979 года Национальный директорат СФНО решил, что гвардия достаточно измотана, чтобы начать всеобщее восстание и наступление Южного фронта. Промедление было опасно еще и потому, что начали поступать сведения о тайных военных поставках США режиму Сомосы. «Тачито», по слухам, заключил в США соглашение о немедленной поставке из Флориды 10 тренировочных самолетов Т-28, которые можно было легко переделать в штурмовики. Через вербовочные конторы в Нью-Мексико и Флориде Сомоса набрал несколько сотен ветеранов вьетнамской войны, которые могли прибыть в Никарагуа уже в ближайшее время. В Пуэрто-Кабесасе был замечен американский С-130, прилетевший с грузом из зоны Панамского канала.

Сами американцы тоже нагнетали обстановку. В анализе разведслужбы министерства обороны США от 2 мая 1979 года говорилось, что Кастро якобы еще в конце 1978-го решил организовать коммунистическую революцию во всей Центральной Америке. Сомоса утроил усилия по мобилизации своего лобби в конгрессе США, чтобы заставить Картера официально возобновить военную помощь Никарагуа.

В середине мая 1979 года примерно 1500 бойцов Южного фронта были готовы к наступлению. Верховным главнокомандующим всеми силами санди-

²³⁸ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 151–152.*

нистов де-факто был Умберто Ортега, штаб-квартира которого находилась в Коста-Рике. Впервые в истории СФНО речь шла не о партизанских акциях, а о сражении с национальной гвардией на открытой местности в духе настоящей войны. Помимо основной цели — захвата Риваса — Южный фронт должен был дать передышку Северному фронту, которому требовалось время, чтобы обучить сотни новых бойцов и перегруппировать силы. Наконец, Пастора должен был прочно приковать к костариканской границе элитные части ЕВВИ, чтобы они утратили свое главное преимущество — мобильность.

Наступление начиналось в непростое время. 24 мая 1979 года северяне из СФНО потеряли в бою за Хинотегу самого лучшего стратега СФНО и командующего Северным фронтом Хермана Помареса²³⁹. Правда, гвардия не могла выбить партизан из Хинотеги в течение пяти дней, что говорило о том, что ее силы уже достаточно истощены.

24 мая в 8 часов утра силы Южного фронта (30 человек) с территории Коста-Рики начали обстрел из минометов пограничного гарнизона национальной гвардии в Пеньяс-Бланкас. После первых 10 мин, выпущенных из каждого миномета, был сделан перерыв, и обстрел возобновили в полдень. Задачей этого отряда было отвлечение внимания гвардии от основных сил сандинистов, которые должны были перейти границу у Эль-Наранхо. В течение пяти дней обстрел Пеньяс-Бланкас продолжался, после чего 29 мая основные силы Южного фронта (400 человек) перешли в наступление в другом месте, у Эль-Наранхо.

Национальная гвардия немедленно перекрыла все дороги, ведущие на юг страны, и 30 мая закрыла столичный аэропорт Лас-Мерседес. Элитные части гвардии перебросили на юг, и наступление Пасторы было быстро остановлено. К тому же сандинистам мешали неожиданно обрушившиеся на них проливные дожди. В начале июня гвардия перешла в контрнаступление и едва не отбила у сандинистов всю артиллерию. Через двенадцать дней после начала наступления части фронта отступили на костариканскую территорию, были отмечены случаи дезертирства — многие добровольцы оказались не готовы к затяжной позиционной войне с отборными частями гвардии. И все же Южный фронт отбил 27 атак элитных частей гвардии.

9 июня 1979 года национальная гвардия объявила о полной победе на юге и уничтожении 136 сандинистов. Потери Пасторы были действительно небывалыми — в июне в сражениях погиб почти каждый четвертый боец фронта.

²³⁹ Помарес родился 17 августа 1937 года в городке Эль-Вьехо, департамент Чинандега. Семья Помареса активно боролась против Сомосы, что и предопределило его судьбу. С 1958 года Помарес боролся против диктатуры и был одним из основателей СФНО. С 1967 года воевал в партизанском отряде в Пакасане. В 1970-м был арестован и провел в тюрьме год. В 1974 году руководил налетом на виллу Хосе Марии Кастильо Кванта. С 1976 года — командующий Северным фронтом. Тело Помареса погребено в мавзолее в его родном городе. 15 июля 1981 года он посмертно был удостоин звания Национального героя Никарагуа. В 1985 году был учрежден орден «Команданте Херман Помарес Ордоньес».

Гвардия продемонстрировала журналистам 10 захваченных автоматических винтовок (половина — ФАЛ), китайские РПГ и крупнокалиберные пулеметы.

Лучший командир Сомосы майор Пабло Эмилио Салазар (по прозвищу «майор Bravo», то есть «храбрый») гордо заявил журналистам, что это была первая победа гвардии в крупном сухопутном сражении за всю ее историю²⁴⁰.

Но «майор Bravo» явно поторопился — война только начиналась.

31 мая 1979 года СФНО официально призвал народ Никарагуа к всеобщему вооруженному восстанию: «Героический народ Никарагуа! Час свержения ненавистной диктатуры пробил...»²⁴¹ Вместе с восстанием фронт назначил на 4 июня всеобщую забастовку.

Сандинисты успели вовремя. В это время диктатор Панамы Торрихос решил объединить усилия с американцами, чтобы не допустить военной победы «марксистского и прокубинского» СФНО и сохранить национальную гвардию, многих офицеров которой Торрихос знал лично. В начале июня Торрихос позвонил в Вашингтон и пригласил к себе высокопоставленных сотрудников администрации Картера, чтобы поделиться с ними срочной информацией. Американцы 4 июня 1979 года направили в Панаму заместителя Бжезинского по СНБ Роберта Пастора.

Торрихос и Норьега стали убеждать Пастора, что соотношение сил в Никарагуа резко изменилось в пользу сандинистов и их военная победа стала весьма вероятной. Пастор ответил Торрихосу: «Генерал, мы приехали не покупать сандинистские акции, а попытаться побудить Вас продать нам Ваши»²⁴².

Американцы ухватились за озабоченность панамского диктатора военными успехами сандинистов и предложили Торрихосу и номинальному президенту Панамы Аристидесу Ройо написать Картеру послания, в которых Панама заверяла бы, что не вмешивается во внутреникарагуанские дела. И Торрихос, и Ройо с готовностью написали такие письма²⁴³. Правда, к тому времени оружие с Кубы уже и так не переправлялось через Панаму, а шло напрямую в Коста-Рику.

В тот самый день, когда Пастор улетел в Панаму, в Никарагуа началась всеобщая забастовка. Уже в первый день было закрыто 90% всех магазинов и предприятий. Сомосе пришлось выделить около 2000 национальных гвардейцев, чтобы охранять тех немногих торговцев, которые решили продолжить бизнес. 2 июня отряды СФНО вступили в Леон и быстро блокировали там части национальной гвардии. Через два дня, к моменту начала всеобщей забастовки Леон был взят сандинистами. Таким образом, под постоянным контролем партизан оказался первый из крупных городов, к тому же второй по значению в стране.

²⁴⁰ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 114.

²⁴¹ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 155.

²⁴² *Sklar H. Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 25.

²⁴³ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 117.

5 июня 1979 года на пресс-конференции в Белом доме представитель Картера категорически отрицал, что США оказывают Сомосе военную помощь.

7 июня Сомоса объявил в Никарагуа осадное положение и комендантский час. СФНО ответил на это восстанием в стратегически важном департаменте Карасо, который находился между столицей и югом страны. К 8 июня партизаны контролировали 23 населенных пункта, однако части Южного фронта, как уже упоминалось, 10 июня были вынуждены под напором гвардии оставить Никарагуа и отойти обратно в Коста-Рику.

Гвардия контролировала Ривас. На стенах городских домов они расклеивали листовки следующего содержания: «Как бы мы, никарагуанцы, были счастливы, если бы не сатанинские силы так называемого национального освобождения. Никарагуанцы! Не позволяйте, чтобы эта страна, созданная для славы и свободы, была использована для насаждения коммунистического правительства, чего так хочет сандинистский фронт. Те, кто воюет под черно-красным флагом, убивают людей без разбора, как прирожденные убийцы. Они сжигают и разрушают частную собственность... Как бандиты, они используют детей для совершения террористических актов. Они ликвидируют всех, кто не хочет с ними сотрудничать, их террор оставляет вдов и сирот...»²⁴⁴

11 июня американская администрация после анализа обстановки в Никарагуа пришла к выводу, что с военной точки зрения в стране пат. Гвардия, как считали американцы, сможет выстоять, но вот Сомоса вряд ли протянет до конца своего президентского срока, то есть до 1981 года. Бжезинский настаивал на тайной подготовке плана ввода в Никарагуа межамериканских сил ОАГ по поддержанию мира. Причем Пентагону дали указание готовить планирование применения таких сил с учетом, что их основой будут войска США²⁴⁵.

Но южане сделали свое дело, и пока их преследовали элитные части гвардии, 9 июня вспыхнуло восстание в столице, точнее, в ее восточных компактно расположенных кварталах. Восточные кварталы были отрезаны дорогами и не застроенными после землетрясения участками от центра города. Задачей Внутреннего фронта было удержать город в течение трех дней и дожидаться подкреплений от Южного и Северного фронтов. Но те были сами связаны тяжелыми боями, шедшими с переменным успехом.

Один из руководителей Внутреннего фронта Карлос Нуньес так описывал цели восстания: «Главный штаб Внутреннего фронта с самого начала учел все возможности боевых действий в Манагуа. Он исходил из того, что борьба не должна носить характер непрерывного наступления для овладения столицей. Захватить Манагуа теми силами, которыми располагало в то время движение, не представлялось возможным. Было бы грубейшей ошибкой надеяться разгромить сконцентрированные в столице войска противника»²⁴⁶.

²⁴⁴ Black G. *Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 159.

²⁴⁵ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 25.

²⁴⁶ Никарагуа: путь борьбы и победы. М., 1984. С. 169.

К моменту начала восстания в распоряжении Внутреннего фронта в Манагуа было только 125 единиц оружия (пулеметы, гранатометы и т.д.).

Восстание вспыхнуло синхронно и увенчалось на востоке Манагуа в рабочих кварталах полным успехом, благодаря кропотливой повседневной работе по организации Комиетов сандинистской обороны, которую вело МПУ. Были заняты и некоторые западные кварталы, более зажиточные. Тамошнее население отнеслось к сандинистам насторожено.

Восстанием руководил комитет Внутреннего фронта СФНО в составе трех человек (Карлос Нуньес Тельес, Уильям Рамирес Солорсано, Хоакин Куадро Лакайо), военные действия вело командование СФНО в количестве трех команданте (прибыли в Манагуа 11 июня), гражданское население организовывала для оказания помощи восставшим политическая комиссия, состоявшая из пяти человек²⁴⁷.

В ночь на 9 июня 1979 года отряды партизан просочились в Манагуа, а утром «Радио Сандино» обратилось к жителям столицы с воззванием: «Ройте траншеи! Стройте баррикады! Обездвижьте врага на улицах!» Благодаря предварительной работе МПУ баррикады были построены в рекордные сроки. Жители охотно использовали для этого бульжники мостовой, которыми фирма Сомосы замостила улицы после землетрясения 1972 года. Уже в первый день 25 восточных кварталов Манагуа представляли собой единый оборонительный район. В первые дни восстания был взят полицейский участок номер 13, который получил в народе прозвище «черный застенок». Разъяренные люди взяли участок штурмом практически голыми руками и линчевали всех, кого там нашли. Это событие вдохнуло в восставших оптимизм и уверенность в своих силах.

Всю гражданскую власть в освобожденных районах взяли в свои руки Комитеты сандинистской защиты. Они организовывали распределение пищи, охраняли магазины и богатые виллы от мародеров, а также вылавливали вражеских снайперов. Кое-где появились громкоговорители, через которые комитеты передавали указания населению.

Восстание в самом центре машины власти Сомосы имело очень большое значение, особенно для корреспондентов зарубежных СМИ. Часть депутатов никарагуанского конгресса стали потихоньку отбывать в США, частенько «забывая» оплатить счета в отелях и барах. 12 июня америкацы начали эвакуацию своих граждан из Никарагуа. 50 тысяч жителей столицы (из 400 тысяч) стали беженцами. Чтобы подавить панику, диктатор приказал немедленно «зачистить» столицу всеми силами.

Но без авиации гвардия не смогла продвинуться в восточные кварталы, и уже на третий день восстания начались бомбежки восточных «барриос», которые продолжались 16 дней подряд. Точно как по расписанию, в 11:00 каждый день прилетал первый самолет, который выпускал по восставшим как

²⁴⁷ *Black G. Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.162.*

минимум 40 ракет и снарядов. После обеда самолеты Сомосы поливали составших из пулеметов. Авиация бомбила и церкви, и больницы, убивая там женщин и детей.

11 июня 1979 года национальная гвардия расстреляла из танков здание «Ла Пренсы», хотя газета была закрыта властями задолго до этого. Вдова Педро Хоакина Чаморро Виолетта Барриос де Чаморро еще в мае уехала с дочерью Клаудией в Коста-Рику, чтобы там переждать бои. В день, когда гвардия уничтожила газету ее мужа, два представителя «группы двенадцати», Мигель д'Эското и Серхио Рамирес предложили Виолетте войти во временное правительство Никарагуа. Сначала вдова отказывалась, повторяя, что она не политик²⁴⁸.

Но сандинисты, по поручению которых «группа двенадцати» искала кандидатов в новое правительство, понимали, что нельзя терять ни единого дня. СФНО признавал, что американцы активизируют усилия, чтобы заменить Сомосу умеренным буржуазным правительством и таким образом украсть у сандинистов военную победу, на алтарь которой были положены тысячи жертв. Поэтому они сами решили презентовать мировому сообществу собственное умеренное правительство, формально не связанное напрямую с фронтом, и вырвать у американцев инициативу.

США активизировались после того, как ЦРУ в своем секретном анализе обстановки в Никарагуа 12 июня 1979 года впервые признало, что сандинисты сильнее гвардии²⁴⁹.

В начале июня американцы попытались организовать новые переговоры между Сомосой и легальной буржуазной оппозицией при посредничестве Андского пакта. Однако они добились прямо противоположного результата. Главы государств — членов пакта констатировали, что в Никарагуа идет самая настоящая война и сандинистам должен быть предоставлен статус воюющей стороны. Фактически это означало признание СФНО де-факто. Чтобы превратить признание де-факто в признание де-юре, сандинисты решили срочно создать собственное правительство.

Помимо Виолетты Чаморро сандинисты пригласили в новое правительство и Альфонсо Робело. Наконец, 17 июня 1979 года в столице Коста-Рики Сан-Хосе было объявлено об образовании Хунты национальной реконструкции, в составе Серхио Рамиреса («группа двенадцати»), Виолетты Барриос де Чаморро, Альфонсо Робело, Даниэля Ортеги (от СФНО) и профессора Моисеса Хассана от МПУ (Хассан в этот момент находился в Никарагуа).

Таким образом, формально хунта не была органом сандинистов, а против ее членов, умеренных и респектабельных, ничего не могли сказать даже США.

Пастора обещал в течение 72 часов взять Ривас, куда и должна была переехать хунта²⁵⁰.

²⁴⁸ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 117.

²⁴⁹ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 26.

²⁵⁰ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 119.

В это время в Никарагуа прибыл новый американский посол Лоуренс Пезулло с заданием добиться отставки Сомосы и передать власть буржуазному правительству при сохранении национальной гвардии. Главным для американцев было не допустить военной победы СФНО. К своему ужасу, Пезулло узнал, что у посольства США в Манагуа нет абсолютно никаких контактов с левыми силами в стране, не говоря уже о сандинистах.

Пезулло даже не вручил верительных грамот. Еще в Вашингтоне он 18 июня переговорил с Луисом Паллейсом и опять предложил, чтобы Сомоса «достойно» подал в отставку и уступил власть правительству «национальной реконструкции» в составе Либеральной националистической партии (партия самого Сомосы), консерваторов, членов ФАО и «немарксистского» крыла СФНО (американцы явно имели в виду Пастору, затем Пезулло прямо назвал его имя). В этом случае национальная гвардия сохранялась под командованием новых офицеров. Только в случае принятия этих условий Пезулло гарантировал Сомосе политическое убежище в США. Новый посол сказал, что ждет ответа на следующий день — 19 июня 1979 года.

Паллейс передал разговор Сомосе. Тот, чтобы сохранить лицо, деланно возмутился ультимативностью требований, однако сообщил, что готов уйти в отставку, если новый режим будет установлен при посредничестве ОАГ, а США обязуются ни в коем случае не выдавать его или его семью за рубеж. Наконец, Сомоса требовал выдачи въездных виз в США для себя и всей семьи.

Пока США решили не предавать огласке решение Сомосы для того, чтобы либо добиться создания проамериканского правительства, либо ввести в Хунту национальной реконструкции еще несколько проамериканских членов.

19 июня 1979 года ЦРУ предсказало, что национальная гвардия продержится еще неделю. Через неделю американская разведка свой прогноз повторила и делала так вплоть до самой победы сандинистов²⁵¹.

Пока Сомоса и Вашингтон договаривались за кулисами, вся Америка была шокирована, когда 20 июня в Манагуа национальная гвардия в прямом эфире убила корреспондента Эй-Би-Си Билла Стюарта. Прямо перед телекамерой его съемочной группы Стюарта заставили встать на колени, затем лечь лицом к земле, после чего хладокровно застрелили. После победы сандинистской революции Стюарту поставили памятник.

Вашингтон созвал на 21 июня заседание министров иностранных дел ОАГ, чтобы поручить организации заняться формированием нового правительства Никарагуа. Бжезинский вопреки желанию госдепартамента настаивал, чтобы в резолюции ОАГ содержался и явно нереалистичный пункт о направлении в Никарагуа межамериканских сил по поддержанию мира. Таким образом, США хотели повторить события 1965 года в Доминиканской республике, где межамериканские силы (на 90% состоявшие из американских войск) поме-

²⁵¹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.26.

шали тамошним революционерам-конституционалистам победить проамериканскую военную хунту.

Бжезинский требовал военного вмешательства в Никарагуа, так как, по его словам, победа сандинистов оказала бы негативное (с точки зрения США) влияние на советско-американские отношения. Мол, русские будут считать американцев слабаками. Наконец, консервативное крыло Демократической партии на юге США не простит-де Картеру «мягкости» по отношению к марксистским сандинистам, а в 1980 году в США предстоят президентские выборы. На них у Картера вырисовывался сильный и крайне правый соперник-республиканец — Рональд Рейган.

Госсекретарь Сайрус Вэнс считал, что шансы добиться от ОАГ одобрения ввода межамериканских сил в Никарагуа слишком иллюзорны. Рассматривали и такой вариант: Сомоса уходит, а новое проамериканское правительство немедленно просит США о помощи, включая военную. Бжезинский засомневался, сможет ли новое правительство, а точнее, национальная гвардия, продержаться достаточно долго, чтобы дождаться прибытия межамериканских вооруженных сил.

Спор между СНБ и госдепартаментом принял такой характер, что вопрос о межамериканских силах передал на усмотрение Картера. Тот встал на сторону Бжезинского²⁵², который обрисовал президенту альтернативы будущего Никарагуа предельно четко: либо полная победа СФНО, либо американская военная интервенция под флагом ОАГ²⁵³.

На совещании ОАГ госсекретарь Сайрус Вэнс впервые публично призвал к отставке Сомосы и его замене переходным правительством «на широкой основе» под контролем ОАГ, которая должна была направить в Никарагуа «для поддержания порядка» межамериканские силы. А пока в Никарагуа предлагалось объявить прекращение огня (то есть прекратить наступление сандинистов) и наложить эмбарго на поставки оружия всем воюющим сторонам. Вэнс пугал ОАГ кубинским вмешательством во внутренние дела Никарагуа, хотя его заместитель Вейки на слушаниях в подкомитете палаты представителей конгресса США признал, что Куба отнюдь не главный поставщик оружия сандинистам.

Однако американцы потерпели в ОАГ сокрушительное и унижительное поражение. Министр иностранных дел Мексики Хорхе Кастаньеда заявил, что «не дело ОАГ, или кого бы то ни было еще указывать им (никарагуанцам — прим. автора) как им следует образовывать собственное правительство, после того как они нокаутируют диктатора»²⁵⁴.

Панама предоставила место в своей делегации представителю временной революционной хунты Никарагуа Мигелю д'Эското, и тот раскритиковал аме-

²⁵² *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 121.

²⁵³ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 27.

²⁵⁴ *Ibid.*

риканский план как «попытку нарушить права никарагуанцев, которые почти что свергли иго Сомосы».

Организация отвергла создание межамериканских сил, зато 22 июня 17 голосами была принята резолюция стран Андского пакта, предусматривавшая отставку Сомосы и его замену уже созданной сандинистами в Коста-Рике хунтой. Против этой резолюции голосовали лишь Никарагуа и Парагвай (где у власти стоял фашистский диктатор Альфредо Стресснер). Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Уругвай и Чили (сплошь военные проамериканские диктатуры) воздержались.

Американцы впервые с момента образования ОАГ в 1948 году потерпели в этой организации такое дипломатическое фиаско. Многие латиноамериканские страны прекрасно помнили, как США в 1965 году прикрыли фиговым листком ОАГ свою военную интервенцию в Доминиканской республике. Кстати, в тогдашних межамериканских силах участвовал и воинский контингент Сомосы.

Итоги встречи министров иностранных дел ОАГ Бжезинского никак не впечатлили. На совещании в Белом доме 22 июня он продолжал настаивать на военной интервенции США в Никарагуа, утверждая теперь, что в противном случае американские позиции на переговорах с СССР по ограничению стратегических вооружений будут ослаблены. По мнению Бжезинского, приход к власти «кастроитов» СФНО был бы победой Кубы над США. Но Картер возражал против односторонней военной интервенции США, которая вызвала бы бурю возмущения по всей Латинской Америке. В этом его поддержал Вэнс. На стороне Вэнса был и министр обороны Браун.

В результате на совещании решили как можно быстрее добиться отставки Сомосы, организовать в Никарагуа временное правительство и, поддерживая его, начать переговоры с образованной в Коста-Рике хунтой.

Таким образом, сандинисты всего на несколько дней, но все-таки опередили американцев, создав свое правительство. 18 июня дипломатические отношения с Сомосой прервал Эквадор.

Американцы торопились еще и потому, что 17 июня 1979 года в гражданской войне в Никарагуа наметился принципиально важный перелом. До этого сандинисты не удерживали крупных городов длительное время, производя лишь набеги на них. Части СФНО при поддержке гражданского населения занимали только пригороды на севере и северо-западе. Но 17 июня гвардия оставила свои позиции и ушла из Леона. Теперь второй по величине город страны прочно контролировался повстанцами и мог принять временное правительство (аэропорт Леона СФНО контролировал уже с 4 июня). 20 июня в городе было создано местное революционное правительство.

А в Манагуа, напротив, инициатива перешла к национальной гвардии, которая 12 июня начала методичное наступление на восставшие районы столицы. Оно стартовало уже упоминавшимся расстрелом из танков «Ла Пренсы».

Сначала гвардия четыре дня методично штурмовала западные районы города. Восточные районы (сердце восстания) блокировались, и гвардия стягивала вокруг них кольцо окружения.

Национальные гвардейцы грабили магазины и торговые центры и даже решали мародерам за деньги делать то же самое. Например, у ворот супермаркета «Каса Пельяс» (который, к слову, принадлежал бизнесмену консервативных взглядов) стоял майор гвардии и собирал деньги со всех, кто хотел пограбить магазин. В супермаркете «Ла Колония» гвардейцы поставили этот «бизнес» на поток: за наполненную любыми товарами из магазина тележку надо было заплатить гвардии 1000 кордоб (150 долларов по официальному курсу)²⁵⁵.

Тактика фронта в боях за Манагуа была следующей. Учитывая опыт вьетнамских партизан, СФНО сформировал мобильный боевой батальон (который назвали «Ла Льебре» — «Заяц»). Бойцы батальона были очень хорошо вооружены (пулеметы, ручные гранатометы и минометы) и вели против частей гвардии мобильную войну. Баррикады обороняла вооруженная хуже сандинистская милиция из обычных граждан. Как только на каком-либо участке намечался прорыв, «Заяц» быстро бросался в атаку и исправлял положение.

К 18 июня у восставших кончились боеприпасы для мелкокалиберного стрелкового оружия. Захваченные у гвардии винтовки были израильского производства, и патронов к ним у сандинистов не было.

Плохо обученная сандинистская милиция, которую гвардия методично выбивала с баррикад, не могла успешно действовать в открытом уличном бою. Милицию пришлось частично разоружить и поручить ей охранять порядок в тылу, что отрицательно сказалось на боевом духе повстанцев, 70% из которых было менее 30 лет. В отчаянии люди вооружались камнями и мачете. Они понимали, что победившая гвардия щадить никого не будет. Выбор казался простым: либо погибнуть в неравном бою, либо быть зверски убитым гвардейцами.

19 июня сандинисты усилили отряд «Заяц», но он все равно насчитывал только 42 бойца. Всего бойцов «регулярного» Внутреннего фронта в Манагуа было не более 300.

Восстание шло уже почти две недели, но обещанной помощи не было. Хотя именно потому, что лучшие силы гвардии были прикованы к столице, сандинистам удалось освободить не только Леон, но и стратегически важный город Масайю всего в 30 километрах к юго-востоку от Манагуа.

Бои за Масайю были крайне тяжелыми и шли с 6 июня. В этот день гвардия смогла разгромить там конспиративную квартиру фронта и убить 11 сандинистов. Именно после этого на город обрушились отряды СФНО. Только 9 июня в боях за Масайю фронт потерял 10 бойцов. Гвардейцы расстреляли в Масайе медсестру Рафаэлу Падилю, которая отказалась сообщить данные о местонахождении партизанского госпиталя.

²⁵⁵ Black G. *Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 165.

19 июня, к радости осажденных повстанцев Манагуа, легкий самолет сандинистов появился над столицей и сбросил оружие. Легкие самолеты сандинистов из первой эскадрильи ВВС фронта «Карлос Ульоа» (названа так в честь никарагуанского летчика, погибшего в 1961 году при отражении американской агрессии в бухте Свиной на Кубе) бомбили некоторые объекты в центральной части Манагуа²⁵⁶. Однако на ВВС гвардии эскадрилья сандинистов могла пока воздействовать в основном лишь психологически.

20 июня штаб восстания в Манагуа принял решение отказаться от статичной обороны баррикад и перейти к мобильной войне. Партизаны должны были располагаться в домах рядом с крупными улицами, ключевыми перекрестками и шоссе и внезапно атаковать наступающие части гвардии. Как только гвардейцы концентрировали в этом месте крупные силы и подтягивали технику, мобильные отряды отходили и наносили удары в других местах. При этом предполагались и контрудары в тех кварталах, которые уже были оставлены и «зачищены» гвардией.

Гвардия была застигнута врасплох новой тактикой повстанцев, и сандинисты перешли в контрнаступление 21 и 22 июня. Бойцы СФНО захватили несколько пулеметов и автоматических винтовок «галил» и М-16.

Сомосе не оставалось ничего иного, как подвергнуть восставшие районы бомбардировке с вертолетов.

23 июня правительственное радио приказало всем жителям восставших районов Манагуа покинуть свои дома, так как их будут бомбить с воздуха. С высоты 1000 метров (вне досягаемости пулеметного огня) вертолеты начали сбрасывать 250 и 500-фунтовые бомбы²⁵⁷. Восточные «барриос» превратились в ад. Жители бежали в западные районы города, спасаясь от верной гибели.

В этих условиях сандинисты решили организованно отойти из Манагуа, чтобы не подвергать части фронта и гражданское население полному уничтожению с воздуха. Вечером 27 июня 1979 года 6000 бойцов и мирных жителей начали организованный отход на Масайю. В Манагуа были оставлены снайперы, которые своим огнем успешно создали у гвардии иллюзию, что сандинисты остались на своих позициях. В течение двух дней измученные жители столицы прошли 31 километр и практически без потерь прибыли в освобожденную Масайю. Самолет Сомосы обнаружили колонну повстанцев 28 июня, но за время всего перехода у партизан было только шесть убитых и 16 раненых.

Заранее запланированный отход был проведен блестяще. Правда, сандинисты рассчитывали увести только полторы тысячи человек. Но почти никто

²⁵⁶ У сандинистов в Коста-Рике были свои боевые ВВС в составе одного самолета «цесна» 02-337 и одного самолета «цесна» 402. На вооружении сандинистов были и транспортные двухмоторные машины «бич краф», «пипер навахо», «пипер астека», «скай вэн», ДС-6 и С-47. Некоторые машины попали к партизанам от дезертировавших в Коста-Рику летчиков национальной гвардии.

²⁵⁷ Black G. *Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 165.

не хотел оставаться в Манагуа на милость разъяренной двухнедельным сопротивлением повстанцев гвардии.

В Масайе, как и во многих других освобожденных городах, уже успешно функционировала новая, народная власть, в основном на базе функционеров МПУ, но при полной поддержке населения. Еще 2 июня СФНО распространил на местах «Учебник гражданской обороны», в котором содержались инструкции для гражданского населения по рытью окопов, строительству баррикад и поведению во время атак с воздуха.

Местные комитеты сандинистской защиты в городах успешно следили за порядком, организовывали распределение основных продуктов (в некоторых местах деньги Сомосы практически прекратили принимать), поддерживали системы жизнеобеспечения. Были также созданы революционные трибуналы, судившие гвардейцев и пособников режима. Принадлежавшие клану Сомосы предприятия конфисковывались и передавались в ведение местных органов власти. Иностранных корреспондентов поражало отсутствие хаоса, обычно характерного для первых дней после победы революции.

Каждый день ответственные за отдельные кварталы городов члены комитетов сандинистской защиты встречались с ответственными за их участки командирами фронта («респонсаблес») и обсуждали текущие проблемы. Результаты быстро доводились до всех жителей. СФНО поручил местным комитетам строго следить за соблюдением революционной законности и немедленно сообщать обо всех случаях превышения власти бойцами и командирами фронта.

В освобожденных городах стали выходить газеты и заработали радиостанции. По ним передавали только что рожденные народом революционные песни. В одной из них были такие слова:

Из всех винтовок
«Гаранд» задает тон,
Если хочешь разобрать ее,
Буквально следуй указаниям инструкции²⁵⁸.

Следует подробно остановиться на социальном составе тех, кто решился в июне 1979 года на вооруженное восстание против самой мощной армии Центральной Америки.

Несмотря на активное участие в революции женщин, все же 93,4 % отрядов СФНО и милиции состояли из мужчин²⁵⁹. При этом из мужчин молодых: 71% повстанцев был моложе 24 лет (среди всего населения страны таковых было только 20%). Только 11% революционеров были старше 41 года.

Согласно опросам, более половины тех, кто взялся за оружие, были рождены вне брака. Многие жили в неполных семьях, что для бедной части населе-

²⁵⁸ Black G. *Triumph of the People, The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P.170.

²⁵⁹ Vilas C.M. *Sandinista Revolution. National Liberation and Social Transformation in Central America*. Monthly Review Press, 1986. P.108.

ния Никарагуа того времени было почти нормально. В 1978 году было выявлено, что как минимум в 23% никарагуанских семей главами являются женщины, в основном матери-одиночки. Выросшие в этих «семьях» дети должны были начать работу с младых ногтей и пользовались изрядной степенью самостоятельности. Поэтому когда началось восстание, матери не смогли удержать своих детей дома, так как нормального дома у многих просто не было.

40% глав бедных семей никарагуанских городов почти не посещали церковь, а 13% не ходили туда никогда²⁶⁰. Опросы показывали, что бедные горожане не верили священникам и считали, что те никоим образом не заботятся о пастве и пекутся лишь о своем личном благополучии.

Что касается профессиональной принадлежности повстанцев, то, учитывая их юный возраст, неудивительно, что 29% были студентами. 22% были лицами свободных профессий (мелкие торговцы, ремесленники, механики, столяры, сапожники и т.д.). Это объясняется тем, что в Никарагуа не было крупных фабрик, и городское население в период между сезонами сельскохозяйственных работ перебивалось случайными заработками. Под термином «торговец» мог скрываться, например, юноша, продававший сигареты или газеты на улице. Рабочих среди партизан было 16%, столько же, сколько и офисных служащих. И только 4,5% повстанцев составляли крестьяне²⁶¹.

Между тем отступившая из Масайи гвардия обосновалась неподалеку, в крепости Койотеке и начала обстреливать город. Сомоса отдал приказ во что бы то ни стало отбить город, который фактически контролировал дороги из Манагуа на юг страны. Но стратегическое значение Масайи понимали и сандинисты, которые начали активно формировать новые отряды самообороны из местных жителей и прибывших из Манагуа повстанцев. Из водопроводных труб и консервных банок делали сотни самодельных бомб. 27 июня ВВС Сомосы бомбили Масайю напалмом. ВВС сандинистов ответила бомбежкой Койотеке.

В середине и конце июня 1979 года гвардия была еще далека от поражения. Гвардейцы отбили Манагуа и успешно действовали против Южного фронта. 29 июня Южный фронт под Пеньяс-Бланкас впервые применил в бою против самолета национальной гвардии Т-33А американского производства советские счетверенные зенитные пулеметные установки ЗПУ-4. (Разработаны в 1949 году, калибр — 14,5 мм, максимальная дальность стрельбы 2000 метров, эффективная дальность поражения авиации — 1500 метров, скорострельность — 2200 выстрелов в минуту.)

Прогнозы сандинистов, согласно которым после начала восстания в Манагуа части гвардии должны были присоединиться к народу, не оправдались. Офицеры гвардии были готовы идти за Сомосу в огонь и в воду. В июне 1979 года во-

²⁶⁰ Vilas C. M. Sandinista Revolution. National Liberation and Social Transformation in Central America. Monthly Review Press, 1986. P. 110.

²⁶¹ Ibid. P. 112.

енный атташе США Маккой прозондировал настроения некоторых командиров гвардии, посоветовав им готовиться к возможной эмиграции Сомосы. Все офицеры немедленно сообщили о беседе самому Сомосе. Диктатор позвонил в Вашингтон и пожаловался, что Маккой подбивает его гвардию на переворот²⁶².

В конце июня сандинисты уже не рассчитывали на решающее наступление на Манагуа Южного фронта, который понес в боях ужасные потери. Командование фронта хотело всегда иметь на позициях 600 партизан, которые должны были вести огонь по гвардии, в то время как их товарищи отдыхали. Потом производилась замена, и таким образом гвардия всегда была под огнем. Но в конце июня из-за потерь у Южного фронта уже не было возможности держать в бою одновременно 600 человек.

Теперь Пастора должен был просто сковывать части гвардии, пока Северный и Северо-Западный фронты консолидировали свой контроль над Леоном и окрестными городами для решающего броска на столицу. Пастору такое распределение ролей решительно не устраивало. Он хотел войти в Манагуа первым, чтобы стать фактическим лидером Никарагуа после Сомосы.

Поэтому Пастора пошел на откровенное предательство, вступив в контакт с американцами через бывшего президента Коста-Рики Хосе Фигереса. Фигерес передал в Вашингтон предложение Пасторы: чтобы не допустить победы радикального крыла СФНО в войне, американцы должны были убедить Сомосу снять части национальной гвардии с юга и перебросить их на север. Тем самым именно Пастора со своими людьми занял бы Манагуа²⁶³. Предложение Пасторы рассмотрели в СНБ и Белом доме и оставили без ответа: американцы по-прежнему были убеждены, что сандинисты в любом случае не смогут одолеть Сомосу на поле боя. Чем больших успехов добивалась гвардия (в том числе, и против Пасторы), тем больше у Вашингтона было шансов все-таки навязать Никарагуа проамериканское правительство с минимальным участием СФНО.

27 июня 1979 года Бразилия прервала дипломатические отношения с режимом Сомосы.

В этот же день вернувшийся из Вашингтона американский посол в Манагуа Пеззулло провел встречу с Сомосой. Главным советником диктатора на переговорах с американским послом был конгрессмен Мэрфи, расположившийся рядом с Сомосой за его столом.

Пеззулло опять сказал Сомосе, что настало время «достойно» уйти в отставку. Сомоса (назвавший себя «латиноамериканцем из Манхэттена») потребовал гарантий того, что власть в Никарагуа не перейдет к коммунистам. Это-де возможно только при сохранении национальной гвардии. В свою очередь, для достижения этой цели американцам следует немедленно возобновить военные поставки, так как у гвардии кончаются боеприпасы (это была идея Мэрфи).

²⁶² Christian S. *Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 122.

²⁶³ Ibid. P. 123.

Сомоса упрекал американского посла в том, что США бросили старого и верного друга на произвол судьбы. Ведь именно он, Сомоса, помог США свергнуть президента Гватемалы Арбенса в 1954 году.

В отчаянии от предательства американцев Сомоса предложил подать в отставку хоть на следующий день. Но Пеззулло Сомоса был нужен как мелкий козырь на переговорах с сандинистской хунтой. США хотели создать в мире впечатление, что не СФНО, а они сами вынудили Сомосу уйти. Поэтому посол США сказал диктатору: «Я не хочу, чтобы Вы ушли завтра. Я должен кое-что еще организовать... Пожалуйста, не делайте поспешных движений... Давайте сделаем это достойно»²⁶⁴. На следующий день Пеззулло сказал Сомосе: «Если Вы уйдете, то есть вероятность того, что мы быстро что-нибудь поставим на Ваше место и получим переходное правительство, которое может получить международную поддержку и ресурсы, чтобы предотвратить смещение (страны) влево. Ваша либеральная партия выживет, Ваша гвардия выживет — возможно, под другим именем... Если мы позволим этим проклятым событиям развиваться так и дальше, то я думаю, что все мы окажемся не у дел»²⁶⁵. Посол убеждал Сомосу: «...гвардия выживет, не в прежней форме, но она выживет. Если мы распорядимся нашими картами хорошо». Сандинистов американский посол по-прежнему не воспринимал всерьез: «Как только эти экстремисты попадут в ситуацию, в которой в игру вступят иные силы, они сразу останутся в меньшинстве. Они будут представлять не более 5–6% (населения)»²⁶⁶.

Пеззулло немедленно встретился с архиепископом Обандо-и-Браво, а также с руководителем Красного Креста Исмаэлем Рейсом, которых он наметил на главные роли в новом правительстве без Сомосы. Посол был настроен оптимистично и 30 июня 1979 года передал в Вашингтон, что «при тщательном режиссировании у нас как никогда хорошие шансы сохранить национальную гвардию настолько, чтобы она поддерживала порядок и держала СФНО на мушке»²⁶⁷.

Пока Пеззулло изо всех сил пытался сохранить гвардию, американский спецпредставитель в Панаме Боудер 26 июня 1979 года встретился с временной хунтой. Это был первый контакт США с сандинистами. Организовал встречу Торрихос. Боудер потребовал дополнить хунту пятью умеренными политиками (не из рядов СФНО). Хунта не согласилась, и тогда спецпредставитель США попросил увеличить ее состав на три человека, а потом хотя бы на два. Он также настаивал на гарантиях сохранения «очищенной» национальной гвардии. Мол, только гвардия сможет предотвратить хаос после победы революции. Когда члены хунты поинтересовались, почему, собственно, США настаивают на расширении ее состава, Боудер привел довольно странный аргумент: «Ну,

²⁶⁴ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 30.

²⁶⁵ Ibid.

²⁶⁶ Ibid.

²⁶⁷ Ibid.

в общем, это то, чего хотят Соединенные Штаты, и очень важно, чтобы Соединенные Штаты были довольны, вот и все»²⁶⁸. В качестве возможных кандидатов Боудер предложил консерватора Адольфо Калеро и руководителя Красного Креста Рейеса. Однако эмиссар США натолкнулся на отказ.

Американцы попросту хотели не допустить преобладания в будущем правительстве Никарагуа левых сил, особенно сандинистов. Для этого подходили все средства, в том числе и давление на временную хунту. Боудер прямо сказал, что Картер уже отказался признать хунту, и он потерял бы лицо, если бы изменил свое мнение и вдруг признал ее. Поэтому, мол, надо расширить состав этого органа, чтобы облегчить Картеру жизнь. Если же хунта будет упрямыться, то ослаблением Картера может воспользоваться Рейган, в случае прихода которого к власти сандинистам станет только хуже. В ответ Боудеру сказали, что США придется решать свои внутривластные проблемы самим, а никарагуанцы займутся тем же самым у себя в стране без американской помощи.

Тогда Картер решил срочно пригласить в Вашингтон Торрихоса, чтобы тот заставил сандинистов пойти на расширение хунты. Президент США пока не подписал законы, которые приводили бы в действие процесс передачи Панамского канала Панаме, и американцы рассчитывали давить этим на Торрихоса, чтобы сделать его более покладистым. Одновременно директор ЦРУ Тернер предложил, чтобы Израиль активизировал военные поставки Сомосе²⁶⁹. Но Картер был готов оказать военную помощь гвардии и напрямую, причем открыто. Надо было только сменить ее командование, избавившись от наиболее одиозных и запачканных кровью генералов.

Торрихос прибыл в Вашингтон 2 июля 1979 года и сразу был приглашен в Белый дом на беседу с Картером, которая продолжалась 20 минут²⁷⁰. Затем последовала целая серия переговоров на различных уровнях. Американцы подчеркивали: главное — любым путем сохранить гвардию. Вопрос о расширении хунты был признан вторичным.

Торрихос тоже стоял за сохранение гвардии и привез с собой список ее офицеров, которых можно было бы представить как новое командование этой одиозной армии диктатуры²⁷¹. Бжезинский продолжал настаивать на военной интервенции США, но его не поддержал даже Пентагон.

После переговоров с Торрихосом заместитель госсекретаря Вейки отправился в Венесуэлу, Колумбию и Доминиканскую республику. Американцы хотели убедить эти страны надавить на хунту, чтобы расширить все-таки ее состав.

Пеззулло вернулся в Манагуа 4 июля и едва смог там приземлиться — аэропорт столицы уже был под огнем сандинистов. Пилот попросил разрешения оставить один из двигателей включенным, на случай если придется экстренно взлетать.

²⁶⁸ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P.31.

²⁶⁹ Ibid.

²⁷⁰ Christian S. Revolution in the Family. New York, First Vintage Books, 1986. P.125.

²⁷¹ Ibid. P.126.

Пока американцы пытались за кулисами украсть у сандинистов победу, части фронта при поддержке населения в тяжелейших боях развивали наступление. 30 июня бойцы СФНО пробились-таки в Ривас и взяли под контроль южную часть города. В Эстели сжималось кольцо окружения вокруг казарм гвардии. В Манагуа шла «зачистка» бывших восставших «барриос» гвардией, жертвами которой стали сотни мирных жителей. 1 июля СФНО в публичном заявлении осудил маневры США по сохранению сомосизма без Сомосы. На следующий день сандинисты освободили часть Матагальпы и продолжали упорные бои в Эстели.

4 июля 1979 года правительство Ирака признало хунту национальной реконструкции законным правительством Никарагуа. Саддам Хуссейн сделал США достойный подарок на День независимости. В Эстели, Хинотеге и Окоатле национальная гвардия была загнана в свои казармы, но упорно сопротивлялась. В этот же день, 4 июля части СФНО взяли под контроль дороги на северных подступах к Манагуа и начали обстреливать аэропорт (свидетелем чего и стал Пеззулло).

5 июля пал город Хинотепе (его захватили совместными усилиями отступившие из Манагуа партизаны и части СФНО из Масайи), и гвардия в панике отступила. 6 июля все наземные коммуникации между Манагуа и югом страны были под контролем сандинистов.

А Пеззулло продолжал составлять закулисные комбинации. Теперь американцы пытались заставить хунту согласиться с тем, что будущая никарагуанская армия должна быть организована на основе национальной гвардии с добавлением небольших групп сандинистов. Сам Сомоса должен был созвать конгресс (большинство депутатов которого уже были в барах Майами) и передать президентскую власть его председателю Уркуйо. Тот, в свою очередь, должен был передать полномочия хунте, но непременно в присутствии министров иностранных дел отобранных американцами стран ОАГ. Сама хунта должна была прибыть в Манагуа на предоставленном США для архиепископа Обандо-и-Браво самолете.

Таким образом, в мире должно было создаться впечатление, что хунту привели к власти именно США, а не партизаны СФНО.

6 июля 1979 года Сомоса публично заявил, что готов подать в отставку в тот момент, который укажут США. В Вашингтоне надеялись, что и такое заявление повысит шансы американцев на изменение состава хунты в последний момент. Пеззулло сообщил в Вашингтон: «Даже если правительство-преемник будет в чем-то напоминать сомосизм без Сомосы, это будет смелым шагом и разрывом с прошлым. Сомоса уйдет. Мы предстанем как инструмент, который смог добиться его отставки и прекратить кровопролитие»²⁷².

Пеззулло рекомендовал пока не давить на Сомосу, чтобы гвардия прекратила бомбежки городов. Чем сильнее гвардия, тем предпочтительнее позиции

²⁷² Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P.31.

США на переговорах с хунтой: «Я считаю, что было бы неправильно обратиться к Сомосе и потребовать прекращения бомбежек. ВВС — это единственное эффективное средство национальной гвардии в борьбе с силами СФНО, которые каждый день захватывают новые города и явно владеют инициативой»²⁷³.

Сомосе не помогало и активное участие в боях с сандинистами кубинских контрреволюционных эмигрантов, которых вербовало в США ЦРУ. 3 июля сандинисты взяли стратегически важный населенный пункт Себако и теперь полностью контролировали всю северную часть страны — бывшие районы партизанского движения под руководством Сандино. 6 июля части СФНО атаковали золотые прииски «Бонанса» на востоке страны. В этот же день Сомоса приказал бомбить Масайю зажигательными бомбами (на самом деле на город сбрасывали бочки с бензином). СФНО взял город Масатепе и отразил наступление гвардии на Масайю. Гвардия обстреляла из минометов госпиталь в Ривасе, убив часть пациентов и медицинского персонала. В Матагальпе бойцы СФНО пытались выкурить национальную гвардию из казарм с помощью слезоточивого газа, захваченного ранее у той же гвардии.

Пеззулло тем временем никак не мог составить новое постсомосовское правительство, так как никто не хотел в него входить. Даже ФАО объявил о признании хунты. Американцы обещали руководителю Красного Креста Рейесу миллиард долларов на восстановление Никарагуа, если тот согласится возглавить переходное правительство²⁷⁴. Но и Рейес отказался, прямо сказав послу: «Народ не с вами».

10 июля 1979 года части СФНО со всех сторон окружили Манагуа, и американцы поняли, что надо действовать быстро.

11 июля Боудер встретился в столице Коста-Рики Сан-Хосе с четырьмя членами хунты (пятый, Хасан, находился в Никарагуа) и предъявил ультиматум администрации Картера: немедленно расширить состав хунты, признать новое командование гвардии, подобранное американцами, и согласиться на немедленное прекращение огня и проведение в ближайшем будущем выборов²⁷⁵. В результате напряженных переговоров хунта согласилась, что те военнослужащие гвардии, которые немедленно прекратят огонь и вернуться в казармы, после отставки Сомосы будут включены в новую никарагуанскую армию.

На следующий день в Сан-Хосе прошли переговоры Боудера с президентом Коста-Рики Карасо с участием посла США в Коста-Рике Марвина Вайсмана. Американцы побудили «столпов» латиноамериканской социал-демократии Карлоса Андреса Переса, Торрихоса, бывшего президента Коста-Рики Фигереса (все они были антикоммунистами, поэтому в Вашингтоне им доверяли) встретиться с четырьмя членами хунты, а также представителями руко-

²⁷³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 32.

²⁷⁴ Christian S. *Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 128.

²⁷⁵ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 32.

водства СФНО Томасом Борхе и Эденом Пасторой²⁷⁶. Сандинистов заставили согласиться на проведение в Никарагуа выборов. Американцы, как и Сомоса, абсолютно ошибочно полагали, что бывшие партизаны никогда не смогут выиграть выборы в стране.

Хунта ответила на американское давление своим планом по достижению мира в Никарагуа от 11 июля 1979 года:

- Сомоса должен передать свои полномочия конгрессу, а тот — хунте;
- хунта распустит конгресс и провозгласит прекращение огня;
- те национальные гвардейцы, которые немедленно прекратят огонь, получают право быть принятыми в новую армию (ядро которой составят бойцы СФНО);
- гвардейцы, виновные в преступлениях против мирного населения, будут преданы суду.

В письме хунты генеральному секретарю ОАГ, в котором презентовался выше упомянутый план, подчеркивалось: «... те сторонники режима, кто захочет покинуть страну и кто не ответственен за геноцид... или за другие серьезные преступления, требующие судебного разбирательства гражданскими судами, могут это сделать со всеми необходимыми гарантиями, которые настоящим обещает предоставить правительство национальной реконструкции»²⁷⁷. В этом же письме хунта обещала провести первые свободные выборы в Никарагуа в XX веке.

Между тем в Никарагуа продолжались упорные бои, в том числе в районе Масайи. Там гвардия потеряла легкий танк и около 100 человек убитыми. 7 июля сандинисты бомбили аэропорт Манагуа с воздуха, а гвардия использовала самолеты Т-28 для бомбежек Манагуа, Леона, Масайи, Чинандеги и Матагальпы. Бомбежки Леона продолжились и 8 июля — это были последние авиаудары по городу со стороны разлагавшейся гвардии. Части СФНО впервые стали отмечать случаи массового дезертирства — гвардейцы бежали в Гондурас и Сальвадор. Несомненно, отчасти дезертирство было вызвано именно хитроумными дипломатическими маневрами американцев. Узнав 6 июля, что Сомоса уйдет в отставку, офицеры гвардии сразу поняли, что игра окончена и надо спасать свои жизни.

10 июля Гайана признала Хунту национальной реконструкции. В этот же день сандинисты атаковали любимую виллу диктатора — «Мирамар». Но на юге инициативой по-прежнему владела гвардия, и сандинистскому Южному фронту приходилось отбивать ее атаки. Было отражено последнее наступление гвардии и на Масайю. В Леоне сандинисты захватили танк «шерман» и большое количество вооружения.

²⁷⁶ *Christian S. Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 128.

²⁷⁷ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 32

12 июля 1979 года «Радио Сандино» объявило Леон, Эстели, Чинандегу (где на самом деле еще держались казармы гвардии), Матагальпу и Масайю освобожденной территорией. Диктатор ответил распространением цензуры на иностранных корреспондентов. В этот же день Красный Крест сообщил, что, по его оценкам, в Манагуа погибли около 20 тысяч человек, в основном мирных жителей. 12 июля колонны Северного фронта из Матагальпы начали наступление на Манагуа.

На следующий день Сомоса неожиданно улетел из страны, и сразу же распространились слухи, что он подал в отставку. Но диктатор не хотел сдаваться по-хорошему. Он отправился в Гватемалу, где просил о помощи военных диктаторов Гватемалы, Сальвадора и Гондураса. В частности, Сомоса настаивал на том, чтобы они сделали совместное публичное заявление в пользу сохранения национальной гвардии. Помимо этого он требовал от своих единомышленников поставок боеприпасов. Но даже друзья-диктаторы не решились поддержать Сомосу в этот момент²⁷⁸.

В этот момент администрация США наконец решила установить прямой контакт с Пасторой, чтобы расколоть руководство СФНО²⁷⁹. Несколько месяцев американцы игнорировали зондаж Пасторы через Торрихоса, считая, что СФНО не сможет одержать победу на поле боя. Теперь же разговаривать было поздно, тем более что Южный фронт не мог похвастаться особыми успехами и не освободил ни одного крупного города.

14 июля 1979 года хунта опять вырвала у США дипломатическую инициативу и представила список членов нового переходного правительства Никарагуа, который неприятно поразил многих бойцов СФНО своей умеренностью. В кабинет министров из 18 человек (были оглашены кандидатуры 12 министров) вошел только один сандинист — Томас Борхе, ставший министром внутренних дел. Министром обороны был назначен полковник национальной гвардии Бернардино Лариос, который дезертировал год назад. Сандинисты хотели видеть на этом посту Умберто Ортегу, но решили пока не злить американцев. Четыре министра представляли «группу двенадцати»: Мигель д'Эското (министр иностранных дел), Артуро Крус (глава центрального банка), Хоакин Куадра Чаморро (министр финансов) и Карлос Тьюнерман (министр образования).

Состав кабинета был таким умеренным, что американцы (прекрасно понимавшие, что реальное руководство все равно сосредоточено в руках Национального директората СФНО) ничего не могли сказать против него. Вопрос о расширении хунты отпал сам собой, и 15 июля США нехотя и осторожно обещали хунте свою поддержку. Таким образом, сандинисты окончательно проиграли Вашингтон и в дипломатической борьбе.

²⁷⁸ Christian S. *Revolution in the Family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 129.

²⁷⁹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 33.

В этот же день, 15 июля Пеззулло посетил Сомосу в «бункере» и представил ему список из шести офицеров гвардии, из которых Сомоса должен был выбрать кандидатуру нового командующего. Среди них был, например, полковник Энрике Бермудес, который командовал никарагуанским контингентом межамериканских сил во время интервенции США в Доминиканской республике в 1965 году. Но Сомоса выбрал полковника Федерико Мехию, произвел его в генералы и назначил сразу на две должности: командующего гвардией и начальника штаба. Предполагалось, что одну из этих должностей можно было бы позднее предложить Пасторе²⁸⁰.

Мехия издал приказ об отставке всех офицеров гвардии, отслуживших 30 лет и больше. Таким образом было «вычищено» 100 офицеров-сомосистов, включая всех генералов.

Гвардия отметила смену командования бомбежками Эстели и ожесточенной атакой на Масайю 15 июля. В этот же день Хунту национальной реконструкции признал Иран и она приняла решение перебраться в Никарагуа. СФНО отложил генеральный штурм Манагуа в ожидании отставки Сомосы.

16 июля был окончательно освобожден Эстели, причем командир гарнизона национальной гвардии предпочел умереть в бою, чем сдаться в плен. Два легких самолета сандинистов атаковали крепость Койотеппе под Масайей, где укрепились гвардия. В этот же день Южный фронт все еще отражал контрнаступление национальной гвардии.

Примерно в час ночи 17 июля в столичном отеле «Интерконтиненталь» наконец-то удалось собрать кворум никарагуанского конгресса, для чего пришлось временно вернуть часть депутатов из Майами. Было зачитано прошение Сомосы об отставке, которое конгресс немедленно удовлетворил. Затем депутаты без проволочек избрали временным президентом Уркуйо²⁸¹.

Однако организатор всей этой комедии Пеззулло был шокирован, когда в своем выступлении Уркуйо дал понять, что не хочет передавать власть Хунте национальной реконструкции (как и было задумано), а намерен сохранять президентское кресло до 1981 года. Новый президент предложил сандинистам сложить оружие и присоединиться к диалогу по созданию нового правительства. Таким образом, весь американский план по недопущению явной военной победы СФНО был поставлен под угрозу. Теперь у сандинистов появился предлог для штурма Манагуа.

Американцы быстро поняли, что Сомоса попросту обманул их и бесцветный Уркуйо действовал по его наущению. В ночь на 17 июля Уркуйо совещался с Сомосой и новым командованием гвардии в «бункере». В 4 утра ему позвонил туда взбешенный Пеззулло, не выбиравший в разговоре дипломатических

²⁸⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 33.

²⁸¹ Уркуйо родился в 1915 году, получил медицинское образование в Мексике. Он был вице-президентом Никарагуа при Сомосе в 1967–1972 годах.

выражений. Уркуйо повесил трубку и сказал Сомосе, что американский посол настаивает на начале переговоров с сандинистами и хунтой. Уркуйо ответил решительным отказом.

Сомосе было уже все равно. Вместе со своим сыном, сводным братом Хосе, Паллейсом и некоторыми членами конгресса (всего примерно 100 человек) он уже через час на двух самолетах отбыл на базу ВВС США Хоумстед во Флориде, где поджидавший его «кадиллак» отвез бывшего диктатора на его собственную виллу на острове Бискайн Бэй в Майами. С собой Сомоса привез останки своего отца и брата Луиса.

Пеззулло и военный атташе Маккой разбудили только что уснувшего «президента» Уркуйо и потребовали, чтобы он немедленно отрекся в пользу архиепископа Обандо-и-Браво, который, в свою очередь, передаст власть хунте. Уркуйо ответил, что не может передать власть никому, кроме депутатов конгресса, так как в противном случае будет нарушена конституция. В любом случае он не намерен сдать власть «коммунистической хунте»²⁸². Но американцев такие нюансы не интересовали. «Вы должны уйти», — твердо приказал Пеззулло. В ответ Уркуйо послал его к черту и, как ни в чем ни бывало, начал назначать себе министров.

Новый командующий гвардией Мехия не собирался прекращать огонь. Однако у гвардии кончались боеприпасы, и Мехия через военного атташе США спросил, может ли он рассчитывать на поддержку американцев. Пеззулло ответил категорическим отказом. 18 июля утром командование национальной гвардии встретилось с Уркуйо и сообщило, что кончились снаряды для 105-миллиметровых гаубиц, а у бронетехники нет горючего. К тому же сандинисты заняли порт Пуэрто-Сомоса, и теперь Израиль уже ничего не мог доставить гвардии морем.

Командование национальной гвардии уведомило военного атташе Маккоя, что без американской помощи дальнейшее сопротивление бесполезно и все высшие офицеры собираются улететь в Гондурас.

Пеззулло в панике позвонил в госдепартамент и сообщил, что «вся комбинация разваливается» из-за упрямства Уркуйо. Тогда посла срочно отозвали в Вашингтон, чтобы показать, что США не имеют с планами по сохранению власти Уркуйо ничего общего. Заместитель госсекретаря Уоррен Кристофер позвонил Сомосе в Майами и потребовал от бывшего диктатора срочно убедить Уркуйо (которого Сомоса величал «Чико», то есть «мальчик», хотя тому было 64 года) подать в отставку. В противном случае Сомосу лишат вида на жительство в США. Сомоса позвонил Уркуйо. Тот утверждал, что не хочет сохранять свой пост до 1981 года, но ни в коем случае не передаст власть «коммунистам» из Хунты национальной реконструкции²⁸³. Сомоса ответил: «Чико, ты

²⁸² Christian S. Revolution in the Family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 132.

²⁸³ Ibid. P. 135.

меня погубишь. Они отберут у меня право на политическое убежище, если ты этого не сделаешь». Диктатор посоветовал отдать власть национальной гвардии, не зная, что она уже фактически развалилась.

18 июля 1979 года члены Хунты национальной реконструкции были доставлены на костариканском самолете в Леон. Серхио Рамирес заявил, что хунта не будет разговаривать с Уркуйо.

Мехия связался по телефону с Умберто Ортегой из Национального директората СФНО, чтобы обсудить условия прекращения огня. Но сандинисты требовали безусловной капитуляции. Примерно в 15:00 18 июля Уркуйо позвонил президенту Гватемалы и попросил прислать самолеты для эвакуации его самого и командования гвардии. Прямо перед отлетом в эмиграцию Уркуйо передал Мехии власть, как и рекомендовал Сомоса. Но Мехия отказывался от сомнительной чести, убеждая Уркуйо уехать в эмиграцию президентом, чтобы потом вернуться в качестве законного главы государства.

В восемь вечера под огнем сандинистов три гватемальских самолета взлетели со столичного аэропорта, увозя в эмиграцию Уркуйо и ряд прочих приспешников диктатуры. «Мальчик» пробыл президентом всего 43 часа. Мехия улетел рано утром 19 июля на последнем самолете гвардии. После этого подразделения гвардии стали бросать позиции. Часть гвардейцев с севера Никарагуа (примерно 2000 человек) ушли в Гондурас. Противостоявшие Пасторе силы гвардии (1000 человек) отошли в порт Сан-Хуан-дель-Сур, захватили там несколько судов и отплыли в Сальвадор.

19 июля 1979 года со всех сторон части сандинистов вошли в Манагуа, встреченные ликующим населением. Ненавистная диктатура пала. Перед Никарагуа открывалась новая жизнь без угнетения и произвола.

Краткая хронология истории Никарагуа до июля 1979 года

6000 лет до н. э. — люди заселяют территорию современной Никарагуа

1522 год — на территории современной Никарагуа появляются испанцы

1529 год — завершение завоевания Никарагуа испанцами

1821–1838 гг. — Никарагуа является частью федерации центральноамериканских республик

1855–1857 гг. — борьба никарагуанцев против попытки американских флибустьеров во главе с Уокером завоевать страну

1893–1910 годы — либеральные реформы президента Селайи

1909 год — мятеж против Селайи, организованный американскими бизнесменами в Никарагуа

1910–1912 гг. — масштабная военная интервенция США, после которой американская морская пехота остается в Никарагуа до 1925 года

1926–1927 гг. — восстание против марионеточного проамериканского правительства и новая военная интервенция США

1927–1933 гг. — борьба народной партизанской армии генерала Аугусто Сесара Сандино против американских оккупантов

1933 год, январь — вывод американских войск из Никарагуа

1934 год, 21 февраля — командующий созданной американцами национальной гвардии Анастасио Сомоса предательски убивает Сандино

1936–1956 гг. — диктатура Анастасио Сомосы

1956 год, 21 сентября — молодой никарагуанский патриот Ригоберто Лопес Перес убивает Сомосу

1957–1963 гг. — диктатура сына Анастасио Сомосы Луиса

1967–1979 гг. — диктатура Анастасио Сомосы-младшего (брата Луиса Сомосы)

1961 год — основание Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО)

1963, 1967 гг. — первые, неудачные попытки СФНО организовать партизанское движение в горах

1972 год, декабрь — мощное землетрясение, разрушившее Манагуа

1977 год, октябрь — удары СФНО по национальной гвардии во многих городах Никарагуа

1978 год, февраль — восстание против диктатуры в Масайе

1978 год, август — отряд СФНО захватывает в Манагуа Национальный дворец

1978 год, сентябрь — восстание против диктатуры, жестоко подавленное национальной гвардией

1979 год, апрель — май — СФНО активизирует боевые действия

1979 год, июнь — начало нового общенародного восстания против диктатуры

1979 год, 17 июля — Сомоса бежит в США

1979 год, 19 июля — отряды СФНО входят в столицу. Победа Сандинистской революции.

Часть II

Глава 1 **Революция за работой.** **1979–1980 годы**

Крах диктатуры Сомосы и победа революции 19 июля 1979 года вызвали в Никарагуа невиданный в истории страны всплеск эйфории. Улицы никарагуанских городов заполнили тысячи молодых людей с черно-красными повязками Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО). Люди радостно палили в воздух изо всех видов оружия, многие партизаны и подпольщики встречали своих родных и друзей через много лет вынужденной разлуки. При этом весь этот кажущийся хаос не привел ни к мародерству, ни к самосудам против ненавистных соратников бежавшего в США диктатора Анастасио Сомосы. Казалось, что вся страна празднует в предвкушении новой свободной и обеспеченной жизни.

Однако экономическое наследие многолетней диктатуры и самой ожесточенной в истории Латинской Америки гражданской войны было просто ужасным. Прежде чем проводить давно назревшие реформы в интересах большинства, революционному руководству пришлось заняться полноценным восстановлением страны.

Из 2,3 миллиона никарагуанцев примерно 50 тысяч (2% населения и 5% экономически активного населения) погибли в 1978–1979 годах в ожесточенных боях с диктатурой¹. Если спроецировать эту цифру на тогдашнее население США, это было бы равносильно 4,5 миллиона убитых американцев² (США до сих пор не потеряли столько человек во всех своих войнах, вместе взятых). Примерно столько же людей, в основном молодых, стали калеками и инвалидами. 100 тысяч человек были ранены и нуждались в срочной и подчас длительной медицинской помощи. Около 100 тысяч детей остались сиротами. Все крупные города страны подверглись артиллерийскому обстрелу и авиабомбардировкам со стороны национальной гвардии Сомосы. По оценкам ООН, только прямой ущерб от гражданской войны составил 481 миллион долларов. При этом Никарагуа была обременена чудовищным для этой маленькой страны

¹ Walker Th. W. (Editor.) *Nicaragua in revolution*. New York, Praeger, 1982. P.207.

² Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.36.

внешним долгом в размере 1,6 миллиарда долларов³. В июле 1978-го – июле 1979 года инфляция в Никарагуа достигла 80%⁴.

На момент победы революции в резервах Национального банка осталось лишь три миллиона долларов, которые диктатор в самый последний момент хотел перевести в США. По счастливой случайности он не успел этого сделать, но реальных валютных резервов у страны не было.

Бегство частного капитала из Никарагуа в последний год пребывания Сомосы у власти достигло громадной, по местным меркам, суммы в 1,5 миллиарда долларов.

При этом к власти в Никарагуа пришла очень небольшая, до недавнего времени глубоко законспирированная революционная организация, которую возглавляли молодые люди, бесспорно, умные и смелые, но не имевшие абсолютно никакого опыта управления страной.

В подавляющем большинстве учредителями Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО) стали в 1961 году студенты, придерживавшиеся марксистских взглядов. Многие из них состояли в «официальной» компартии Никарагуа — Социалистической партии Никарагуа, но ее позиция казалась лидерам СФНО вялой и догматической. Из-за жестоких репрессий диктатуры и особенностей подпольной и партизанской борьбы СФНО никогда не был и не мог быть массовой организацией. Почти все отцы-основатели СФНО погибли в боях (в 1976 году был убит лидер фронта Карлос Фонсека Амадор), и к моменту победы сандинистской революции в живых оставался лишь один из них — Томас Борхе.

К тому же до марта 1979 года очень небольшой по количеству членов СФНО был раскол на три группировки:

- фракция «длительной народной войны», которая по примеру Китая и Вьетнама ориентировалась на длительную партизанскую войну в горах с опорой на крестьянство;
- «пролетарская фракция», которая, как и коммунисты, делала упор на кропотливую работу среди городских обездоленных слоев и считала, что только массовыми демонстрациями и кампанией гражданского неповиновения можно расшатать диктатуру;
- сторонники «третьего пути» («терсеристы» — от испанского слова «tercero», «третий»). Эту фракцию еще называли «повстанческой», так как она уповала на неожиданное восстание в городах.

Все три фракции к 1978 году имели в Никарагуа свои собственные боевые организации, действовавшие почти безо всякой координации друг с другом, даже во время сентябрьского восстания против диктатуры Сомосы в том же 1978-м.

³ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 207.

⁴ The Nicaragua Reader. New York, Grove Press, 1983. P. 259.

Лишь в марте 1979 года при посредничестве Кубы (Фидель Кастро обусловил предоставление оружия СФНО достижением организационного единства фронта) сандинисты формально объединились и образовали Национальное руководство (директорат) из девяти членов, по три человека от каждой фракции. От лидировавшей в то время благодаря ее главной роли в сентябрьском восстании 1978 года фракции «терсеристов» в Национальное руководство СФНО вошли братья Даниэль и Умберто Ортега, а также мексиканец по происхождению Виктор Тирадо. «Пролетариев» представляли Хайме Уилок, Карлос Нуньес и Луис Каррион. Фракцию «длительной народной войны» — Томас Борхе, Байардо Арсе и Хенри Руис.

Хотя организационное единство было формально достигнуто и все члены Национального руководства являлись убежденными марксистами, то есть не имели идеологических разногласий, их связывали очень непростые отношения, что неудивительно после многих лет раскола и ожесточенных взаимных нападок. Но все же во время пребывания СФНО у власти (1979–1990 годы) Национальное руководство оставалось единым и высшим органом принятия решений в Никарагуа. Какими бы жаркими ни были споры на заседаниях директората, вовне все его члены выступали с согласованных позиций и не поддавались на многочисленные провокации по взаимной критике (в том числе организованные американцами). Состав директората СФНО в 1979–1990 годах не претерпел никаких изменений.

«Первыми среди равных» по своему влиянию и авторитету в Национальном руководстве, по сути, были Даниэль Ортега, Умберто Ортега и Томас Борхе.

Национальное руководство СФНО собиралось на свои заседания обычно раз в неделю (что не исключало чрезвычайных заседаний по мере необходимости). Как правило, заседание начиналось в пятницу в 8 часов утра и продолжалось вплоть до принятия решений по всем пунктам повестки дня (обычно до 14:00–16:00)⁵. Перерывов «на обед» не было — члены Национального руководства прямо в зале подкреплялись напитками и бутербродами. Присутствие всех девяти членов директората было строго обязательным. Единственными оправданиями для отсутствия были болезнь или заграничная командировка. Как и на заседаниях советского Политбюро, присутствовали, в зависимости от обсуждавшихся вопросов, сотрудники министерств и других государственных органов, которых заслушивали для прояснения той или иной проблемы.

В отличие от советского Политбюро, Национальное руководство СФНО обязательно начинало свои заседания с критики и самокритики отдельных членов директората. Например, братьев Ортега критиковали за частые опоздания на сами заседания (это рассматривалось как заносчивость и неуважение

⁵ *Miranda R., Ratliff W. The Civil War in Nicaragua. Inside the Sandinistas. New Jersey, Transaction Publishers, 1994. P. 22.*

к коллегам), но с годами и Даниэль, и Умберто преодолели эту привычку. Борхе (лучшему оратору партии) иногда доставалось за излишнюю публичную активность, которую некоторые члены директората трактовали как стремление заработать дешевый авторитет.

На заседаниях Национального руководства царил полная демократия — каждый мог высказываться свободно и неограниченное количество раз. Часто вспыхивали горячие споры. Решение принималось простым большинством голосов. Обычно на каждом заседании активно выступали Даниэль Ортега, Борхе, Каррион и Уилок.

15 сентября 1979 года Национальное руководство объявило о создании ряда вспомогательных органов, призванных систематизировать работу высшего политического органа власти в стране. Исполнительная комиссия Национального руководства, состоявшая из Даниэля Ортеги, Байардо Арсе и Хайме Уилока (по одному представителю от каждой из бывших фракций), собиралась раз в неделю для формулирования повестки дня предстоявшего заседания Национального руководства⁶. Она же следила за выполнением решений директората. Комиссия могла принимать и самостоятельные решения, но только в рамках уже определенной директоратом генеральной линии в том или ином вопросе. До 1985 года координатором комиссии был Байардо Арсе, потом его сменил ставший президентом страны Даниэль Ортега.

Военная комиссия Национального руководства отвечала за оборону и безопасность. Ее координатором был министр обороны Умберто Ортега. В состав комиссии входили также Томас Борхе (министр внутренних дел), Луис Каррион и высшие военные руководители армии и МВД. По мере активизации необъявленной войны США против Никарагуа начиная с 1981 года комиссия приобретала все большее значение, так как вся внутренняя жизнь страны фактически свелась к отражению вооруженного нападения контрреволюции.

Государственная комиссия Национального руководства отвечала за работу и реформу правительственного механизма. Помимо координатора, Даниэля Ортеги, в нее входили Уилок и Руис.

Национальный секретариат Национального руководства координировал деятельность высших органов СФНО. Деятельность самого секретариата координировали Тирадо и Нуньес. Секретариат курировал работу Департамента международных отношений СФНО, Департамента финансов и Департамента агитации и пропаганды. Также секретариат координировал работу местных организаций СФНО.

Департамент международных отношений поддерживал связи СФНО с идеологически близкими фронту партиями и организациями за рубежом. К тако-

⁶ *Miranda R., Ratliff W. The Civil War in Nicaragua. Inside the Sandinistas. New Jersey, Transaction Publishers, 1994. P. 20.*

вым относили социалистические, социал-демократические, христианско-демократические и коммунистические партии.

Комитет руководства департаментами отвечал за деятельность организаций СФНО в каждом из 16 департаментов страны.

Что касается местных организаций, то СФНО имел таковые на зональном (шесть зон), региональном (16 департаментов) и местном (первичные организации) уровнях. Координаторы (то есть руководители) зональных и департаментских организаций вместе с членами их исполнительных комитетов назначались Национальным руководством. Обычно эти координаторы одновременно являлись представителями правительства (позднее — президента) на местах.

Первичные организации по образцу коммунистических партий создавались не по месту жительства, а по месту работы, чего никогда не было ранее в истории Никарагуа. Политического секретаря первичной организации утверждало зональное руководство фронта.

Сандинистская ассамблея⁷ (105 членов) была консультативным органом при Национальном руководстве. Если сравнить структуру СФНО с КПСС, то Сандинистская ассамблея играла роль Центрального комитета при Национальном руководстве (аналоге советского Политбюро). Однако если ЦК КПСС избирался съездом партии, а потом, в свою очередь, выбирал Политбюро, то Сандинистскую ассамблею назначало само Национальное руководство. Съездов СФНО вплоть до 1991 года не проводилось. В отличие от советского ЦК, Сандинистская ассамблея собиралась на свои заседания раз в год (при необходимости — чаще). Обычно ассамблею созывало Национальное руководство, чтобы познакомить ее со своими важнейшими решениями.

СФНО создал также Институт изучения сандинизма, который должен был исследовать жизнь и труды Сандино, Карлоса Фонсеки и других лидеров фронта.

Примечательно, что сразу же после прихода к власти Национальное руководство фронта строго запретило вывешивать в государственных учреждениях и партийных организациях СФНО портреты здравствующих лидеров революции.

Выдающихся и видных командиров отдельных отрядов и фронтов СФНО официально именовали «партизанскими команданте», в то время как члены Национального руководства носили титул «команданте революции».

К 19 июля 1979 года, на момент победы Сандинистской революции насчитывалось всего лишь около 150 членов СФНО со стажем не меньше пяти лет⁸. Примерно 500 человек вступили в СФНО до 1977 года (когда фронт перешел к активной вооруженной борьбе). 1400 человек вступили в ряды сандинистов

⁷ Вначале в ней был 81 член — по 27 от каждой из трех бывших фракций.

⁸ *Miranda R., Ratliff W. The Civil War in Nicaragua. Inside the Sandinistas. New Jersey, Transaction Publishers, 1994. P. 13.*

во время восстания в 1978 году. Столь малая численность фронта была обусловлена и особенностями глубоко законспирированной многолетней подпольной работы, и самоидентификацией фронта, который всегда рассматривал себя как небольшой передовой авангард народа, не ставивший задачу увеличения рядов организации любой ценой.

Таким образом, новая правящая партия Никарагуа была крошечной, да и формальной партией в целом не являлась. Не было ни массовых первичных организаций, ни стройной системы партийной учебы, ни формализованной структуры принятия решений и контроля над ними. Не было у фронта ни молодежной, ни профсоюзной, ни женской организации. Все это пришлось создавать в ускоренном темпе, и Национальное руководство СФНО справилось с задачей блестяще.

После победы революции Национальное руководство СФНО продолжало рассматривать фронт как авангардную партию, и условия приема в него оставались суровыми, похожими на аналогичную практику коммунистических партий, но абсолютно уникальными в условиях Никарагуа.

Фронт привлекал в свои ряды только «лучших рабочих и крестьян»⁹. Заявление о приеме в СФНО подлежало предварительному утверждению местной, зональной (вся страна, как уже говорилось, была разделена на шесть крупных зон), департаментской и центральной организациями фронта. После этого начинался кандидатский стаж (от 12 до 18 месяцев). Если кандидат хорошо себя проявлял, то решение о принятии его в полноправные члены фронта, опять же, утверждали партийные организации всех уровней.

Как и Коммунистическая партия Советского Союза в первые годы после победы революции, СФНО делил своих членов на ряд категорий («призывов») в зависимости от партийного стажа. Причем, как и в КПСС, особым уважением и доверием пользовались те, кто вступил в партию задолго до революции. «Первым призывом» считались те члены СФНО, кто вступил во фронт еще в годы жизни его основателя Карлоса Фонсеки Амадора, убитого в 1976 году в бою с карателями. Таких было в 1979 году менее тысячи.

Чтобы стать членом «второго призыва», требовалось доказать свое участие в вооруженной борьбе против диктатуры Сомосы (необязательно с оружием в руках — достаточно было быть, например, связным или членом городского подполья).

Члены первого и второго призывов и составляли костяк руководства СФНО от местного до национального уровня после 1979 года.

Но, прежде всего, народу и собственным новым кадрам СФНО следовало объяснить саму идеологию победившей революции, из которой вытекали все тактические и стратегические задачи правящей партии.

⁹ *Vanden H.E., Prevost G. Democracy and Socialism in Sandinista Nicaragua. Colorado, Lynne Rienner Publishers, 1993. P. 113.*

Формально идеология победившей революции и ее руководства основывалась на трех китах — революционном национализме и антиимпериализме Аугусто Сандино, марксизме и христианской «теологии освобождения», крайне популярной тогда среди низшего духовенства Латинской Америки¹⁰. Однако и сандинизм, и «теология освобождения» были для Национального руководства СФНО вещами вторичными, средством привлечения малограмотных (как в политическом, так и в прямом смысле) никарагуанцев — прежде всего, на селе — к участию в сандинистской революции.

Сандино являлся символом борьбы никарагуанцев против империализма США, и это было понятно каждому жителю страны.

«Теология освобождения» была данью глубоким корням, который пустил католицизм в никарагуанском обществе, в основном среди крестьян. Сами же руководители СФНО были атеистами, но понимали, что навязывать атеизм всему обществу не следует.

Сердцевиной же взглядов всех руководителей и многолетних членов СФНО был марксизм. При этом они никогда не считали никарагуанский марксизм особым, как, например, китайский. Взгляды всех членов Национального руководства СФНО были не просто марксистскими, а марксистско-ленинскими, то есть ориентированными на строительство в Никарагуа социализма по образцу Кубы и СССР. Но СФНО вовсе не стремился механически копировать опыт социалистических стран, тем более что этого не советовали делать ни Москва, ни Гавана.

Если конечная цель революции — социализм — виделся Национальному руководству СФНО как общество, основанное на общенародной и коллективной собственности и централизованном планировании (то есть как в СССР или других социалистических странах), то путь к этому обществу сандинисты стремились всячески привязывать к конкретным условиям Никарагуа.

Например, СФНО не ставил задачей проведение немедленной и массовой национализации, так как считал мелкую и часть средней буржуазии союзником (или хотя бы попутчиком) на первом этапе революции. Не советовал проводить национализацию и Фидель Кастро, который говорил членам Национального руководства СФНО, что на Кубе национализация была скорее вынужденной мерой, вызванной американской интервенцией и блокадой. К тому же сандинисты опасались, что в случае официального объявления курса Никарагуа на строительство социализма на основе марксизма-ленинизма США воспользуются этим для прямой военной интервенции на начальной ста-

¹⁰ Квинтэссенция «теологии освобождения» заключалась в активном участии христиан в революционном преобразовании общества с целью установления равенства и преодоления эксплуатации человека человеком. Многие приверженцы «теологии освобождения» считали Иисуса Христа первым коммунистом на Земле. Собственно, приверженцем таких взглядов был, например, и великий русский поэт Александр Блок, что нашло выражение в его известной поэме «Двенадцать».

дии революции, когда она еще не успевает привлечь на свою сторону подавляющее большинство народа.

Поэтому официально заявленная идеология революции в Никарагуа выглядела социал-демократической и базировалась на трех китах:

- смешанная экономика (сосуществование государственного и частного секторов);
- политический плюрализм (допущение оппозиции, в том числе и антисоциалистической, то есть внесистемной — ничего подобного в социалистических странах не было);
- внешняя политика неприсоединения, то есть равноудаленность как от США и НАТО, так и от СССР и Варшавского договора.

Фактически именно таких принципов придерживались в то время социал-демократические правительства скандинавских стран, особенно Швеции. Именно эту страну в первые годы революции сандинистские лидеры часто публично называли примером для Никарагуа. Не случайно также, что СФНО подал заявку на вступление в Социалистический интернационал — международное объединение социалистических и социал-демократических партий западных и развивающихся стран. Ни одна из правящих коммунистических партий социалистического лагеря не была членом Социнтерна.

При этом все члены Национального руководства СФНО, как и большинство членов компартий по всему миру, не любили социал-демократов, видя в них, в общем справедливо, предателей социализма, вписавшихся в капиталистическое общество и не желавших, несмотря на официальные программы своих партий, никакой системной трансформации. В 1988 году в интервью итальянским журналистам Томас Борхе (которого считали самым ортодоксальным марксистом-ленинцем среди руководителей СФНО)¹¹ сказал: «Да, мы считали себя марксистами-ленинцами, и в наших умах было коммунистическое общество. Мы не любили социал-демократов»¹².

Как и большинство марксистов-ленинцев, члены Национального руководства СФНО с некоторым пренебрежением относились к «буржуазным» выборам, однако вовсе не потому (как утверждали американцы), что боялись их проиграть. Нет никакого сомнения, что на любых выборах в Никарагуа в 1979–1981 годах сандинисты получили бы как минимум 70% голосов, и это прекрасно понимала и правая буржуазная оппозиция, особенно не настаивавшая на выборах в первые годы революции. Просто, как и Ленин, руководители

¹¹ Такой публичный имидж был во многом следствием целенаправленной американской пропаганды, которая всячески стремилась противопоставить «ортодокса» Борхе «прагматикам» братьям Ортега, чтобы спровоцировать раскол в СФНО. На самом деле братья Ортега были ничуть не меньшими приверженцами марксизма-ленинизма, чем Борхе.

¹² *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua.* McGill-Queen's University Press, 1995. P. 24.

СФНО считали, что демократия должна быть повседневной и доступной для участия широких масс населения в противоположность буржуазной демократии, где мнение людей спрашивали раз в несколько лет, а всю реальную политику проводил профессиональный и подчас идейно никак не связанный с народом депутатский корпус.

Поэтому сразу же после победы революции сандинисты стали создавать широкую сеть массовых организаций, которым передавались реальные властные полномочия. Также эти организации были призваны поддерживать политику фронта среди широких масс населения.

Самой массовой организацией новой Никарагуа (не имевшей аналога в СССР) стали Комитеты сандинистской защиты. Они сложились стихийно во время народного восстания 1978 года для помощи бойцам СФНО и организации повседневного управления освобожденной территорией, прежде всего в городах. Комитеты формировались на уровне городского квартала (или крупного жилого дома) либо деревни и должны были отвечать за решение всех местных проблем — от озеленения и уборки мусора до освещения улиц. После победы революции комитеты организовали людей на добровольный труд для ликвидации последствий уличных боев в городах. Затем комитеты стали перестраивать разрушенные кварталы и возводить новое жилье для бедных слоев населения.

Но главной функцией комитетов была все же политическая — их члены разоблачали контрреволюционеров и саботажников, передавая их властям. После введения революционным правительством предельных розничных цен на социально значимые товары члены комитетов следили за соблюдением торговцами этих предписаний.

В крупных городах несколько квартальных комитетов образовывали районный комитет. Обычно Комитеты сандинистской защиты собирались на свои заседания раз в неделю.

СФНО считал Комитеты сандинистской защиты главной формой политического творчества масс. В первые годы революции в комитеты вступили десятки тысяч никарагуанцев, причем принимали всех, кто был старше 14 лет¹⁵. В рамках комитетов впервые за всю историю Никарагуа сотни тысяч людей стали участвовать в государственных делах, причем в таких, отдача от которых немедленно ощущалась ими самими. Поэтому утверждения американской пропаганды и правой оппозиции о насильственной записи никарагуанцев в комитеты были абсолютно ложными

Другое дело, что жители многих деревень, не пострадавших от гражданской войны, сначала не понимали, зачем такие комитеты нужны. Ведь перестраивать свои деревни эти люди не хотели, да и никаких общих задач у крестьян-единоличников не было — каждый отвечал за свое поле и дом. Поэтому в де-

¹⁵ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 106.

ревнях комитеты обычно активно агитировали крестьян в пользу образования производственных и сбытовых кооперативов. А это было многим не по вкусу.

Таким образом, если в городах комитеты были популярны, то в деревнях к ним часто относились настороженно. За десятилетия диктатуры Сомосы сельские жители привыкли ждать от любой правительственной организации только плохого. Часто комитеты на селе организовывали «чужаки» — молодежь из городов тихоокеанского побережья. Консервативно настроенные крестьяне, особенно в отсталых горных районах, их не принимали. К тому же католическая церковь с первых дней революции относилась к сандинистам негативно, и священники в селах (имевшие, как правило, большой авторитет среди неграмотных в своей массе крестьян) клеймили сандинистов и их комитеты как «безбожные».

Но несмотря на все противодействие явной и тайной оппозиции, к 1984 году в 15 тысяч Комитетов сандинистской защиты вступило 600 тысяч никарагуанцев (40% всего взрослого населения)¹⁴. Никогда, ни до, ни после в истории Никарагуа не было столь активного вовлечения простых людей в процесс повседневного государственного руководства страной, пусть и на местном уровне. Комитеты активно поддерживали развернувшуюся борьбу против неграмотности и за демократизацию системы здравоохранения.

Кадровым резервом СФНО была Организация сандинистской молодежи 19 июля. В 1984 году в нее входили примерно 30 тысяч человек, в основном студенты и военнослужащие¹⁵.

Мощнейшим социальным сдвигом для католической страны было активное участие женщин Никарагуа как в самой революции, так и в защите и углублении ее завоеваний.

До революции участь женщины в Никарагуа была очень незавидной. До половины детей рождалось вне брака и, как правило, бедные матери-одиночки (которых не брали замуж как раз по причине отсутствия приданого) были вынуждены перебиваться случайными заработками. Устроиться даже на фабрику или завод в городе женщине было очень трудно, и единственной доступной «карьерой» была работа домашней служанки или няни в богатых семьях. Там женщины часто становились объектами сексуальных домогательств со стороны хозяев дома.

При этом согласно закону на служанок не распространялась система социального страхования, а также положение о 8-часовом рабочем дне и 48-часовой рабочей неделе. Обычно домашняя прислуга работала по 14 часов в день при 84-часовой рабочей неделе.

Согласно законам диктатуры лишь один «акт неверности» со стороны жены был для мужа достаточным основанием для развода. В то же время содержание

¹⁴ *Vanden H.E., Prevost G. Democracy and Socialism in Sandinista Nicaragua. Colorado, Lynne Rienner Publishers, 1993. P.58.*

¹⁵ *Gilbert D. Sandinistas. Cambridge, Massachussets, 1988. P.64.*

мужем любовницы законом не наказывалось и официально классифицировалось не как «неверность», а как «сожитительство». Жена могла требовать развода, только если муж приводил любовницу жить в супружеский дом или жил с ней в «публичной и скандальной манере». Любовница могла наследовать имущество любовника.

Больше половины женщин (особенно на селе) рожали детей без всякой врачебной помощи. Неудивительно, что младенческая и детская смертность в Никарагуа была просто ужасной даже по меркам Латинской Америки того времени — от 140 до 200 человек на 1000 родившихся (по разным оценкам).

Средняя продолжительность жизни женщин из бедных слоев общества не превышала 50 лет, и большинство из них либо не учились совсем, либо заканчивали только начальную школу.

Излишне говорить, что никакой политической или общественной активности женщин при диктатуре Сомосы и не могло быть, так как никарагуанскому слабому полу отводились лишь роли домохозяек и матерей.

Еще в ходе борьбы против диктатуры Сомосы в 1977 году была образована первая общенациональная женская организация¹⁶ (испанская аббревиатура АМПРОНАК; формальный перевод — Ассоциация никарагуанских женщин перед лицом национальных проблем). С самого начала своей подпольной деятельности СФНО активно привлекал в свои ряды женщин, так как стоял на твердых позициях равноправия, что было удивительным для такой зараженной «мачизмом» и католическими предрассудками страны, как Никарагуа. До 30% бойцов фронта были женщинами — в основном студентками и выходцами из городского среднего класса. Еще больше женщин варили еду для бойцов во время восстания 1978 года, шили форму, черно-красные флаги, банданы и шейные платки СФНО.

Женщины захватывали церкви и государственные учреждения, устраивали марши с требованием освобождения политзаключенных.

Давали женщинам и самые ответственные задания в ходе вооруженной борьбы. Например, 19-летняя девушка по имени Анна-Мария ракетой должна была дать сигнал к началу наступления против национальной гвардии Сомосы 17 июля 1979 года в городе Хуигальпа¹⁷.

Из 32 «партизанских команданте» (высшее военное звание СФНО) три были женщинами (9%)¹⁸. После образования на базе СФНО Сандинистской народной армии Никарагуа (СНА) среди ее офицеров впервые в истории Никарагуа появились женщины. На уровне командиров бригад (18 человек) и капитанов (24 человека) представительниц прекрасного пола не было, зато из 96 «пер-

¹⁶ После победы революции ей присвоили имя швеи Луизы Аманды Эспиносы, которая была первой женщиной-бойцом СФНО, погибшей в бою против диктатуры в 1970 году.

¹⁷ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 152.

¹⁸ В том числе Дора Мария Тельес — легендарная «команданте два», принявшая участие в захвате в августе 1978 года Национального дворца в Манагуа.

вых лейтенантов» СФНО пять были женщинами. Столько же их было и среди 61 «второго лейтенанта»¹⁹. Очень много женщин служили в Сандинистской полиции и резервных батальонах сандинистской милиции (отряды добровольцев, проходивших начальную военную подготовку без отрыва от учебы или работы), принимавших активное участие в боях против контрреволюции.

В 1978 году перед АМПРОНАК (в руководстве которой первоначально преобладали образованные женщины из средних городских слоев, стремившиеся ограничить деятельность организации феминистской повесткой дня) встала дилемма — присоединиться ли к Единому народному движению (испанская аббревиатура МПУ; политическое крыло СФНО, блок левых организаций) или к Широкому оппозиционному фронту (правая буржуазная организация, стремившаяся путем переговоров добиться от диктатуры ряда уступок). Выбор был сделан в пользу МПУ, что сразу привело к бурному росту рядов АМПРОНАК.

Неудивительно, что уже в апреле 1980 года в АМПРОНАК было 17 тысяч членов, а к концу года — 25 тысяч, объединенных в 420 сельских и городских комитетов²⁰. АМПРОНАК, подчас с феминистских позиций, активно боролась за повышение роли женщины в обществе. После краха диктатуры АМПРОНАК была переименована в АМНЛАЕ (Ассоциация никарагуанских женщин имени Луизы Аманды Эспиносы).

Деятельность женской организации была активной и многогранной.

Сразу после победы революции были организованы бесплатные курсы для женщин, где их обучали различным навыкам, например, бухгалтерскому делу. Ставилась задача повысить квалификацию женщин в городах и тем самым дать им более широкие возможности для достойного трудоустройства.

При помощи государства женская организация вела еженедельные теле- и радиoprogramмы для женщин и издавала собственную газету «Ла Вос де ла Мухер» («Голос женщины»). Активистки организации приняли самое активное участие в борьбе с неграмотностью, в рамках которой, например, многим сельским женщинам рассказывали о правилах гигиены, противозачаточных средствах и учили уходу за ребенком. Бригады АМНЛАЕ проводили массовую вакцинацию детей от оспы и других болезней. В ноябре 1979 года АМНЛАЕ вместе с правительством организовала музыкальный фестиваль, чтобы собрать средства для борьбы с неграмотностью. Организация получила грант от голландского правительства на строительство детского медицинского центра.

Не будет преувеличением сказать, что Никарагуа после июля 1979 года стала второй после Кубы страной в Латинской Америке, где было достигнуто реальное, а не формальное равноправие мужчины и женщины.

Именно по инициативе АМНЛАЕ, которая, кстати, не боялась публично критиковать правительство и довольно часто это делала, уже в 1979 году

¹⁹ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 157.

²⁰ Vanden H.E., Prevost G. Democracy and Socialism in Sandinista Nicaragua. Colorado, Lynne Rienner Publishers, 1993. P. 59.

в Никарагуа был принят специальный закон о равной оплате за равный труд для мужчин и женщин. Этим же законом был уставлен оплачиваемый отпуск по рождению и уходу за ребенком. Правительство запретило использование женщины в «качестве сексуального объекта» — то есть, так же как и на Кубе, была запрещена проституция. На рабочем месте для матерей был установлен специальный перерыв для кормления грудью. Была запрещена широко применявшаяся при диктатуре практика, когда муж официально получал зарплату за жену и детей. Были ликвидированы все различия в правовом статусе между детьми рожденными в браке и вне брака²¹.

Никарагуанская революция в деле равноправия женщин пошла даже дальше социалистических стран. Например, было законодательно установлено, что муж и жена должны совместно выполнять домашнюю работу, включая уход за детьми.

В 1984 году в АМНЛАЕ было 85 тысяч членов.

Проблемой АМНЛАЕ стало то, что многие женщины предпочитали работать в рамках Комитетов сандинистской защиты и Сандинистского профцентра, полагая, что надо решать общенациональные, а не чисто женские вопросы. Но на АМНЛАЕ у загруженных еще и работой по дому женщин часто не хватало времени. К тому же против женских организаций и вообще участия женщин в общественно-политической жизни страны очень яростно агитировала католическая церковь. Священники распускали стандартные антикоммунистические слухи о «национализации семьи» и отправке всех детей для «промывки мозгов» на Кубу, то есть в «царство антихриста». На самом деле церковь просто боялась массового оттока прихожан, большинство из которых были женщинами (особенно на селе).

Сандинисты читали себя авангардом городского и сельского пролетариата, поэтому было естественным, что СФНО создал собственную профсоюзную организацию — Сандинистский профцентр трудящихся (СПТ) имени Хосе Бенито Эскобара²².

При Сомосе национальные и даже отраслевые профсоюзные объединения были попросту запрещены — профсоюзы разрешалось создавать только на уровне отдельного предприятия. Поэтому легального профсоюзного движения в стране не существовало, хотя никарагуанские коммунисты все же имели сильные позиции среди рабочих отдельных отраслей (например, среди строительных рабочих). В профсоюзах при Сомосе состояли лишь 6% всех рабочих. В 1978 году в 175 легальных профсоюзах было только 5000 членов²³.

²¹ Вне брака были рождены сам Аугусто Сандино, а также основатель и лидер СФНО Карлос Фонсека Амадор.

²² Хосе Бенито Эскобар — рабочий-строитель, погибший в борьбе против диктатуры Сомосы в августе 1978 года.

²³ *Walker Th., W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 263.*

Всего к моменту победы революции экономически активное население Никарагуа насчитывало 865 тысяч человек (из 2,3 миллиона населения). Официальный уровень безработицы оценивался в 17% от трудоспособного населения. На практике безработными было более половины населения — если включить сюда тех, кто вынужден был стать мелким торговцем, сезонных сельскохозяйственных рабочих (не работавших большую часть года) и огромную по численности домашнюю прислугу, которую вообще не считали работающей в смысле трудового законодательства. Особенно плохо с постоянной работой было у молодежи и женщин.

В сельском хозяйстве было занято в три раза больше рабочих, чем в промышленности. Да и сама рудиментарная никарагуанская промышленность занималась в основном первичной переработкой сельскохозяйственного сырья.

Формально Трудовой кодекс времен Сомосы сохранялся и после 19 июля 1979 года, однако запрет на образование отраслевых и общенациональных профсоюзов был немедленно отменен.

Первыми в СПТ вступили рабочие городов, которые активно помогали сандинистам в ходе народного восстания и гражданской войны против диктатуры, а также Национальный союз служащих. В июле 1980 года из 457 городских профсоюзов 360 входили в СПТ²⁴. Профцентр официально признал руководящую роль СФНО в революции и тем самым четко проявил свое политическое лицо. К середине 80-х годов в СПТ было 100 тысяч членов, то есть 12% экономически активного населения страны²⁵. В профцентр входило 505 отдельных профсоюзов.

Бурный рост профсоюзов с нуля в сочетании с отсутствием опытных организаторов профдвижения быстро привел к тревожной с точки зрения Национального руководства СФНО тенденции — бюрократизации профсоюзного аппарата и его отрыву от трудящихся. Особенно это ощущалось на предприятиях госсектора. 5 октября 1980 года официальный орган СФНО газета «Баррикада» самокритично писала, что во время трудовых конфликтов сотрудники СПТ часто встают на сторону администрации на национализированных предприятиях²⁶.

Во многом такое развитие профсоюзов было предопределено самой логикой революции, и примеры подобных противоречий отмечены в послереволюционной России и в Чили времен правительства Альенде (1970–1973 годы). Ведь после национализации того или иного предприятия его собственником становился весь народ. Таким образом, требование рабочих этого предприятия о повышении зарплаты означало уменьшение принадлежавшей всему народу в лице государства прибыли. СПТ, конечно, не мог встать на сторону

²⁴ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 139.

²⁵ Страны Центральной Америки: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1986. С. 221.

²⁶ Vilas C. Sandinista revolution. Monthly Review Press, New York, 1986. P. 185.

местнических интересов определенного трудового коллектива, если те противоречили общенародным.

В условиях Никарагуа эта общая проблема была еще более острой. Национальное руководство СФНО сдерживало забастовки и на частных предприятиях, которые производили основную часть экспортных товаров страны (кофе, сахар, хлопок и говядину). Ведь из-за забастовок могла снизиться валютная выручка, что означало прекращение или сужение критически важного для страны импорта, например, удобрений или продуктов питания. А это уже било напрямую по интересам трудящихся всей страны, так как приводило к росту цен.

Таким образом, роль СПТ с точки зрения классического профсоюзного движения была очень сложной и отнюдь не завидной. Придя к власти, СФНО фактически запретил забастовки, так как они мешали главной цели — быстрому восстановлению пострадавшей от гражданской войны экономики. К тому же лидеры СФНО с самого начала призывали рабочих не требовать повышения заработной платы, которая в тех условиях привела бы к неконтролируемому всплеску инфляции. Именно эти весьма непопулярные меры и был призван защищать СПТ. Также сандинистский профцентр ориентировал своих членов на рост производительности труда и различного рода неоплачиваемую сверхурочную работу в пользу дела восстановления страны.

В конце 1980 года Национальное руководство СФНО прямо потребовало, чтобы трудовые конфликты на предприятиях решались без приостановки производства. «...сегодня очевидно, что забастовки не только приносят ущерб экономике в целом, но и трудящимся в частности. По этим вопросам нам надо создать полную ясность: ограничения на рост заработной платы и на забастовки должны рассматриваться как меры свободно, добровольно и сознательно принимаемые самими трудящимися с учетом ситуации в стране в настоящее время. Это вопрос защиты всей экономики, если люди сознательно идут на жертвы и усилия, которые для этого необходимы»²⁷.

Однако, как известно, сознание людей не меняется в одночасье. Многие рабочие по-прежнему жили по принципу «своя рубашка ближе к телу». Другие считали, что народная власть должна щедро и немедленно вознаградить их за участие в революции резким повышением зарплаты.

Была у СПТ и важная политическая функция. На национализированных предприятиях («сфера народной собственности» — в основном бывшие предприятия клана Сомосы и его соратников) профсоюзные комитеты прямо участвовали в управлении предприятиями, определяя вместе с государственным менеджментом основные направления деятельности.

На частных предприятиях активисты СПТ следили за тем, чтобы собственники не уводили капиталы за границу и не саботировали умышленно работу предприятий.

²⁷ Vilas C. Sandinista revolution. Monthly Review Press, New York, 1986. P. 185.

Например, в августе 1980 года рабочие частной фабрики «Эль Караколь» решили, что хозяин намеренно препятствует росту производства, и взяли завод под свой контроль. Через два месяца после этого объем производства вырос на 75%, а количество занятых — с 121 до 155 человек. Профсоюз организовал продажу рабочим продуктов питания по государственным ценам, что сэкономило каждому около 80 кордоб в месяц.

В это же время активные оппозиционные профсоюзы (как левые, так и правые), наоборот, агитировали рабочих требовать сокращения рабочего времени и повышения зарплаты от своего, народного правительства. Это было, конечно, популярно, хотя и полностью безответственно.

Нельзя сказать, что руководство СФНО и сандинистский профцентр были настроены негативно по отношению к требованиям пролетариата по улучшению своей повседневной ситуации. Напротив, Национальное руководство СФНО и лидеры СПТ были за это всем сердцем. Однако трезвый расчет подсказывал, что сначала надо восстановить экономику хотя бы до уровня, предшествовавшего началу гражданской войны 1978–1979 годов. А в условиях дефицита бюджета и отсутствия масштабной внешней финансовой помощи это можно было сделать, только если напрячь силы и затянуть пояса.

Резкое повышение зарплаты правительство планировало после окончания фазы восстановления экономики (примерно на 1982 год). Но масштабная война, именно в то время развязанная контрреволюционерами при поддержке США, во многом свела на нет эти планы.

Наконец, определенные ограничения на деятельность профсоюзов накладывало партнерство сандинистов с большей частью национальной буржуазии, которое было навязано фронту американцами под угрозой военной интервенции в начале 1979 года.

Но и в этих сложных условиях правительство и профсоюзы старались улучшить материальное благосостояние трудящихся, особенно низкооплачиваемых. В феврале 1980 года СПТ принял «план борьбы» (то есть набор первоочередных требований). Он предусматривал повышение минимальной оплаты труда для низкооплачиваемых категорий трудящихся, пересмотр шкалы оплаты труда — опять же, с целью сглаживания разрыва между теми рабочими, кто получал мало, и теми, кто принадлежал к «рабочей аристократии», пересмотр Трудового кодекса времен Сомосы, поощрение участия рабочих в управлении делами предприятий.

СПТ активно образовывал на предприятиях комитеты, следившие за соблюдением техники безопасности и требовавшие от предпринимателей создания безопасных для здоровья условий труда. На многих предприятиях при помощи СПТ возникали столовые и пункты распределения продуктов питания. Этот аспект деятельности приобрел особое значение после 1982 года, когда страна стала жить фактически в условиях военного времени и с продовольствием в обычной торговле начали возникать перебои.

Революционное правительство не запрещало и не ограничивало деятельность пяти оппозиционных профцентров. Наоборот, с августа 1979-го по декабрь 1981 года властями (министерством труда) было зарегистрировано больше профсоюзов, чем за всю предыдущую историю страны. За первый год народной власти возникло около тысячи новых профсоюзов, в которых состояли 40 тысяч рабочих и служащих. С августа 1979 года по декабрь 1980-го ежемесячно возникало и регистрировалось в среднем по 26 профсоюзов, а с января по июль 1981 года — даже по 63 профсоюза.

В трех открыто оппозиционных по отношению к правительству профцентрах (некоторые из них финансировались на деньги американских профсоюзов и ЦРУ) в 1980 году насчитывался 131 профсоюз с 15 тысячами членов²⁸.

Самым большим после СПТ профцентром (фактически оппозиционно настроенным по отношению к властям) была Никарагуанская конфедерация труда (НКТ), которая придерживалась христианско-демократических взглядов. Причем если до революции в ней было около 20 тысяч членов, то после июля 1979 года их количество выросло до 65 тысяч. Костяком организации был профсоюз работников здравоохранения ФЕТСАЛУД (это объяснялось тем, что многие больницы и медпункты, особенно на селе, патронировала церковь). В ФЕТСАЛУД (примерно 6 тысяч членов) входили не врачи (которые прекрасно зарабатывали и в профсоюзе не нуждались), а медсестры и прочий технический персонал. После революции ФЕТСАЛУД не принял оппозиционной линии и отошел от НКТ.

Традиционно влиятельным был профцентр коммунистов (Никарагуанской социалистической партии) — Всеобщая конфедерация трудящихся — независимая (ВКТ). В первые годы революции в нем насчитывалось около пяти тысяч членов. ВКТ была особенно сильна среди текстильщиков и строительных рабочих.

Никарагуанская компартия имела очень сложную историю взаимоотношений с СФНО. Некоторые будущие лидеры фронта в свое время были исключены из партии за авантюризм и путчи́зм. В 60-е — 70-е годы коммунисты считали лидеров СФНО сторонниками маоизма и заговорщической тактики, игнорировавшей участие широких масс трудящихся в революции. Эта критика во многом была справедливой, и после 1976 года руководство фронта активно стремилось вовлечь широкие массы города и деревни в революцию. После июля 1979 года под влиянием Москвы компартия встала на позиции тесного сотрудничества с СФНО, неохотно признав в нем политический авангард общества. Поэтому ВКТ, созданная в 1963-м, в 1979–1984 годах официально позиционировала себя так: «...основанная на классовом принципе конфедерация, руководствующаяся принципами марксизма-ленинизма. Приоритетной задачей (ВКТ) является достижение монолитного единства движения трудя-

²⁸ The Nicaragua Reader. New York, Grove Press, 1983. P. 263.

щихся в контексте безоговорочной поддержки Сандинистской народной революции, которая представляет собой демократическую, народную, антиимпериалистическую и аграрную революцию»²⁹.

Однако старые обиды давали себя знать, и в руководстве ВКТ было несколько лидеров, относившихся к СФНО, мягко говоря, без особой симпатии.

Профсоюзная федерация действия (испанская аббревиатура CAUS) была основана в 1973 году Коммунистической партией Никарагуа (стоявшей на маоистских и ультралевых позициях). В отличие от ВКТ, этот профцентр сразу же заявил об ограниченной поддержке Сандинистской революции, сочетая ее с борьбой против некоторых «тенденций правительства», а именно — политики жесткой экономии. CAUS активно требовала резкого и немедленного повышения зарплаты.

Конфедерация за профсоюзное единство (CUS) была основана в 1972 году и входила в Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП), стоявшую на антикоммунистических позициях. После Сандинистской революции определяла себя как социал-демократически ориентированную организацию, не связанную ни с одной политической партией. CUS официально получала финансовую помощь от Американского института за развитие свободного труда (American Institute for Free Labor Development, AFLFD). Сам этот институт был создан по инициативе ЦРУ для подрыва классовых профсоюзов по всему миру, прежде всего в социалистических и развивающихся странах. На деньги института была, например, организована забастовка владельцев частных грузовиков против правительства Народного единства в Чили в 1972 году, нанеся колоссальный ущерб чилийской экономике и ставшая прелюдией фашистского военного переворота 11 сентября 1973 года. Во время диктатуры Сомосы CUS, в отличие от коммунистических профсоюзов, вел себя тихо и покорно, сотрудничая с властями.

На крайне левом фланге профсоюзного движения Никарагуа располагался Рабочий фронт, примыкавший к ультралевой партии «Движение народного действия». Партия откололась от СФНО в начале 70-х годов и придерживалась маоистской линии. Профцентр с самого начала находился в жесткой оппозиции к правительству, хотя от него откололась небольшая часть, вставшая на сторону революции.

Все профсоюзы после победы революции стали активно бороться за заключение коллективных договоров на тех предприятиях, где они доминировали. Если за все 45 лет диктатуры Сомосы было заключено всего 160 коллективных договоров, то только с августа 1979-го по декабрь 1981 года таковых было зарегистрировано министерством труда 546. Эти договоры затрагивали 137 267 рабочих³⁰. 66% всех коллективных договоров в августе 1979-го — декабре

²⁹ The Trade Union Movement In Nicaragua. См.: <http://www.envio.org.ni/articulo/3291>.

³⁰ The Nicaragua Reader. New York, Grove Press, 1983. P.280.

1980 года заключили профсоюзы СПТ (который был по численности больше, чем остальные профцентры страны вместе взятые), 10,2% договоров пришлось на CUS, 8,2% — на НКТ, 7,5% — на CAUS и 4,1% — на ВКТ. Эта статистика дает примерную картину соотношения сил в никарагуанском профсоюзном движении в первые годы революции.

Уже в начале 1980 года ВКТ организовала забастовки на крупнейших сахарных заводах Никарагуа (в том числе и на государственной фабрике «Амалия»). Затем забастовки возглавил Рабочий фронт. Для экономики страны это было особенно болезненно, так как большая часть сахара шла в США, которые при президенте Картере еще закупали его по преференциальным ценам в рамках особой импортной квоты. Малейший сбой в поставках сахара из Никарагуа мог быть истолкован и так неприязненно относившейся к сандинистам американской администрацией как намеренный враждебный акт и послужить предлогом для отмены квоты.

CAUS потребовала повышения зарплаты всем членам своих профсоюзов сразу на 100%, и как только это заведомо невыполнимое требование было отклонено, перешла в открытую оппозицию к власти³¹.

Национальное руководство СФНО избегало публичного осуждения бастующих рабочих, понимая, что во многом за стачками стоят амбиции профсоюзных лидеров, откровенно враждебных революции. Например, Карлос Нуньес, который отвечал в Национальном руководстве СФНО за контакты с профсоюзами, заявил в интервью «Баррикаде»: «Мы не осуждаем поведение рабочих, мы скорее апеллируем к их революционной сознательности, с тем, чтобы они поняли сложившуюся (в стране) ситуацию... Политика в области заработной платы будет пересмотрена... их нужды будут удовлетворены с их же участием»³².

Действительно, в июне 1980 года революционное правительство повысило заработную плату на 125 кордоб для тех, кто получал менее 1200 кордоб в месяц (то есть для низкооплачиваемых слоев). Эта мера затронула 300 тысяч человек.

Все вышеперечисленные профцентры боролись за влияние среди городского пролетариата. Но главным в условиях Никарагуа была организация масс на селе. Еще в 1976 году СФНО (который в то время ориентировался на длительную партизанскую войну в горах с опорой на местное крестьянство) стал организовывать в районах своей борьбы (горы на севере страны) комитеты сельскохозяйственных рабочих. Интересно, что организационной основой комитетов часто были крестьянские ячейки, которые еще в 60-е года учреждали на селе прогрессивные элементы католической церкви.

Эти группы участвовали в политических антиправительственных демонстрациях и самовольных захватах земель у помещиков и крупных агрокорпо-

³¹ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 139.

³² Ibid.

раций. В марте 1978 года комитеты из четырех департаментов объединились в Ассоциацию сельских тружеников (испанская аббревиатура АСТ) — первый нелегальный общенациональный профцентр сельскохозяйственных рабочих страны. Члены АСТ участвовали в вооруженной борьбе против диктатуры и помогали партизанам продуктами.

В декабре 1979 года прошла Национальная учредительная ассамблея АСТ, и к июлю 1980 года в организации было уже 108 177 членов, объединенных в 3081 местную организацию³³. Целями АСТ были поднятие жизненного уровня сельскохозяйственных рабочих и изъятие земель у членов клана Сомосы и врагов революции.

Проблемой организации было то, что СФНО хотел сохранить конфискованные у Сомосы крупные отлаженные и экспортно-ориентированные сельхозпредприятия (например, по производству сахара и кофе). В этом случае сельскохозяйственные рабочие фактически только меняли хозяина: вместо диктатора им становилось государство. Эта бесспорно верная экономически политика правительства встречала сопротивление аграрного пролетариата. Мечтой любого сельскохозяйственного рабочего был свой собственный надел земли, на котором он собирался выращивать абсолютно не годившиеся на экспорт бобы и кукурузу для собственной семьи. Таким образом, раздробление крупных аграрных хозяйств не только лишало страну экспортной выручки, но и выводило из товарного сектора тысячи людей, которые, по сути, замыкались в натуральном хозяйстве.

Еще больше проблем было с объявленной СФНО линией на поощрение объединения отдельных крестьянских хозяйств в кооперативы. Опять же, с экономической точки зрения было понятно, что кооперативы технически превосходят отсталый мелкотоварный сектор, где не применялись ни машины, ни удобрения. Но и крестьяне, и сельхозработники относились к производственным кооперативам с подозрением. В этом их поддерживали частные торговцы-оптовики, понимавшие, что кооперативы будут наверняка продавать продукцию государству, и тем самым их бизнес посредников окажется под угрозой. Наконец, против кооперативов активно агитировала церковь, традиционно имевшая среди крестьян (особенно в отдаленных горных районах севера страны) большое влияние.

Таким образом, деятельность АСТ с первых месяцев революции была сложной, а активисты организации стали первыми жертвами вооруженного контрреволюционного подполья в 1980 году.

В 1981-м не без усилий правой оппозиции в АСТ произошел раскол, и из него выделилась новая организация — Национальный союз фермеров и скотоводов (испанская аббревиатура UNAG). В эту организацию вошли в основном крепко стоявшие на ногах средние агропроизводители, желавшие сохранения

³³ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 107.

собственного бизнеса и негативно относившиеся к кооперативам. К 1982 году в UNAG было 42 тысячи членов, к 1984-му — 75 тысяч, а к 1985-му — 124 тысячи³⁴. Формально организация не находилась в оппозиции, но активно предъявляла правительству свои требования, сводившиеся к ограничению кооперативного движения и повышению государственных закупочных цен на сельхозпродукцию. Союз требовал, чтобы в ходе аграрной реформы землю выделяли не кооперативам, а только частникам.

Для СФНО выполнение обоих требований означало сокращение экспортной выручки (в стране после революции действовала государственная монополия на экспорт важнейших товаров, прежде всего кофе). Отказ от кооперирования села рассматривался Национальным руководством СФНО еще и как крупнейшая политическая ошибка. Ведь в кооперативах видели не только передовые формы производства, но и инструмент политического воспитания масс, что было особенно важно именно на селе.

Таким образом, конфликт между СФНО (и массовыми организациями фронта) и UNAG был неизбежным, но сандинисты стремились, по возможности, учитывать интересы мелких и средних крестьян-единоличников.

СФНО прилагал все возможные усилия, чтобы добиться единства или хотя бы тесной координации действия профсоюзного движения как в городе, так и на селе в целях поддержки основных направлений революционной программы сандинистского правительства. Неоценимую услугу сандинистам в этом деле оказал президент США Рейган, избранный на этот пост в ноябре 1980 года. Своей публичной антиникарагуанской риторикой он настолько дискредитировал любую оппозицию в Никарагуа (где всех противников сандинистов стали считать пособниками американцев), что поддержка революционного правительства в стране укрепилась.

В 1981 году был образован Координационный орган профсоюзного движения («Координатора»), в который вошли СПТ, АТС, CAUS, CUS, ВКТ, Рабочий фронт, ФЕТСАЛУД, а также профсоюзы журналистов и учителей. Вне «Координаторов» осталась только НКТ, а вскоре организацию покинул CUS.

СФНО добился главного: в принятой 16 июля 1981 года платформе «Координаторов» подчеркивалось стремление решать любые трудовые споры без остановки производства. Право на забастовку подтверждалось, но она рассматривалась как последнее и чрезвычайное средство решения проблемы.

Однако в декабре 1981 года после начала вооруженной борьбы контрреволюции против Никарагуа при поддержке США власти временно приостановили право на забастовку, и этот запрет оставался в силе вплоть до июля 1984 года.

При всей важности СФНО и массовых революционных организаций, формально государственную власть после победы революции имели в руках другие органы.

³⁴ *Vanden H.E., Prevost G. Democracy and Socialism in Sandinista Nicaragua. Colorado, Lynne Rienner Publishers, 1993. P.63.*

После начала вооруженного восстания против диктатуры Сомосы в июне 1979 года сандинисты под давлением США (Вашингтон решительно не желал однозначной военной победы повстанцев и стремился сохранить «сомосизм без Сомосы») 16 июня создали в столице Коста-Рики Сан-Хосе Хунту правительства национального возрождения³⁵. Именно этот орган должен был взять на себя всю полноту власти после победы над диктатурой.

Официально в хунту вошел только один сандинист — Даниэль Ортега. Однако на практике СФНО поддерживали еще два члена хунты — профессор Моисес Хассан, (представлявший Единое народное движение — блок левых партий, выступавший в ходе восстания как «гражданское» крыло фронта) и Серхио Рамирес. Последний представлял независимую неполитическую группу интеллектуалов («группу двенадцати», названную по количеству первоначально входивших в нее видных деятелей науки, церкви, искусства и бизнеса и образованную именно с целью оказания политической поддержки СФНО). Буржуазную оппозицию Сомосе, не связанную с СФНО, представляли два члена хунты — Виолетта Чаморро (вдова убитого в январе 1978 года редактора консервативной оппозиционной Сомосе газеты «Ла Пренса» Педро Хоакина Чаморро) и предприниматель Альфонсо Робело (лидер буржуазной оппозиционной партии «Никарагуанское демократическое движение»).

Интересно, что специальный посланник президента Картера Уильям Боудлер активно пытался в июне 1979 года заставить сандинистов добавить в хунту еще нескольких умеренно-буржуазных политиков (например, Адольфо Калеро, Исмаила Рейеса). Американцы угрожали, намекая на возможность военной интервенции в случае отказа. Сандинисты скрепя сердце согласились на расширение хунты, однако, к неудовольствию США, против выступили именно члены этого органа, представлявшие буржуазию, — Чаморро и Робело. Американцев умеренный состав хунты удовлетворил, и они фактически признали ее еще до бегства Сомосы из Никарагуа 17 июля 1979 года.

Правительственная программа хунты базировалась на упоминавшихся выше «трех китах» — смешанной экономике, политическом плюрализме и внешней политике неприсоединения к военным блокам. Формально США ничего не могли против этого возразить. Не очень хорошо разбиравшиеся в тонкостях никарагуанской политики американцы были введены в заблуждение тем, что официально только один из пяти членов хунты, Ортега, был членом СФНО и марксистом. Да и с учетом побед СФНО на поле боя и наметившегося в конце июня коллапса национальной гвардии Сомосы ничего другого, как признать хунту, США не оставалось. В противном случае сандинисты победили бы диктатуру и без этого органа и сами взяли бы власть в свои руки.

³⁵ В русскоязычной литературе ее называют Руководящий совет правительства национального возрождения, так как слово «хунта» (по-испански «комитет», «совет») в русском языке приобрело негативную окраску, особенно после военного переворота в Чили в 1973 году.

В рядах СФНО с самого начала рассматривали включение буржуазных политиков в состав хунты как вынужденный компромисс с целью избежать американской интервенции. Многие сандинисты были даже против такого компромисса, справедливо считая, что буржуазия реально ничего не сделала для свержения диктатуры. Но еще основатель СФНО Карлос ФONSEКА Амадор неоднократно писал и говорил, что на пути к социализму фронт может заключать тактические временные союзы с представителями буржуазных кругов, если те на том или ином этапе революции будут иметь сходные с сандинистами цели.

Никарагуанская буржуазия присоединилась к народному движению против диктатуры скорее вынужденно. Ее требования сводились к новациям в государственном и экономическом механизме диктатуры с целью допуска тех предпринимателей, кто прямо не входил в бизнес-клан Сомосы, к выгодным государственным контрактам. Вторым требованием была демократизация избирательной системы, опять же, для того, чтобы в парламенте и судах помимо членов либеральной партии Сомосы могли бы иметь реальное право голоса и представители других буржуазных партий (главными из которых были независимая либеральная, консервативная и социал-христианская).

Никаких глубоких социально-экономических реформ в стране буржуазные круги проводить не хотели, в чем и было их коренное, фундаментальное отличие от СФНО. В принципе буржуазию экономическая система сомосизма вполне устраивала.

Однако начавшаяся в 1978 году общенародная вооруженная борьба против диктатуры поставила буржуазные круги перед нелегким выбором: либо продолжать попытки договориться с диктатором о некоторых реформах, либо присоединиться к восстанию, чтобы иметь вес в новом правительстве после свержения диктатуры.

Вплоть до января 1979 года буржуазные оппозиционные партии, объединившиеся в Широкий оппозиционный фронт, под эгидой американцев вели «диалог» с Сомосой, который закончился провалом по вине диктатора, вплоть до июня 1979 года полагавшего, что его национальная гвардия может легко подавить любое восстание. Той же точки зрения до середины июня 1979 года придерживалось и ЦРУ США — ведь гвардия Сомосы действительно быстро и жестоко подавила первое восстание против диктатуры в сентябре 1978 года.

Широкий оппозиционный фронт высказался в поддержку революционной хунты лишь 24 июня 1979 года, а самый главный и влиятельный орган буржуазии — Высший совет частного предпринимательства (испанская аббревиатура КОСЕП) — только 27 июня³⁶.

Никакой реальной народной поддержки у буржуазных кругов в Никарагуа не было. Они скомпрометировали себя постоянными попытками договориться с Сомосой. Основу влияния Широкого фронта и КОСЕП составляла экономи-

³⁶ Vilas C. Sandinista revolution. New York, Monthly Review Press, 1986. P. 144.

ческая мощь частного капитала. Но главным ресурсом буржуазии и в 1979 году, и позднее был внешний фактор — поддержка США, вытекавшая из идеологической неприязни Вашингтона к марксистам и «сандинокоммунистам» (так называли там руководителей СФНО).

Однако в реальных условиях Никарагуа того времени дружба с США была скорее обузой, чем преимуществом, — большинство никарагуанцев ненавидели янки, о чем говорилось и в официальном гимне СФНО. Поэтому в своей борьбе против социалистических преобразований СФНО никарагуанская буржуазия (впрочем, как и любая другая в истории социалистических революций) опиралась на свои экономические рычаги, тем более что никакого осязаемого госсектора в экономике страны перед победой революции не существовало.

Это понимали и сандинисты, поэтому уже в правительственной программе Хунты национального возрождения содержалось требование национализации всей собственности клана Сомосы и его соратников, а также перехода под контроль государства горнодобывающей промышленности, банковского сектора и внешней торговли. При помощи этого госсектора сандинисты хотели добиться того, что никак не входило в планы буржуазии, — коренным образом преобразовать социально-экономическую структуру Никарагуа в интересах бедных слоев населения.

Таким образом, грядущий конфликт между временными и вынужденными союзниками — СФНО и буржуазией — был запрограммирован.

18 июля 1979 года члены Хунты национального возрождения Рамирес, Робело и Чаморро прибыли в освобожденный сандинистами город Леон, где их ждал Ортега. Хассан все время восстания вел оппозиционную работу в самой Никарагуа. 20 июля члены хунты торжественно въехали в Манагуа, где их приветствовали десятки тысяч восторженных никарагуанцев. Резиденцией хунты стал бывший Национальный дворец, фасад которого выходил теперь не на Площадь Республики, а на Площадь Революции.

Хунта в новой системе власти была по сути как коллективным главой государства, так и парламентом, вплоть до выборов Конституционной ассамблеи и президента страны (эти выборы предусматривались правительственной программой хунты). Своего рода консультативным органом парламентского типа при хунте являлся Государственный совет, который должен был состоять из 33 человек — представителей основных противостоящих диктатуре партий и общественных организаций. У СФНО в этом органе большинства не было. К моменту победы революции госсовет еще не функционировал.

Реальная исполнительная власть была сосредоточена в кабинете министров (правительстве), который должен был проводить в жизнь имевшие силу закона декреты хунты. В этом органе присутствие СФНО было вообще, на первый взгляд, минимальным. Только один член Национального руководства фронта — Томас Борхе — занял в нем влиятельный пост — министра внутренних дел. Его заместителем стал командующий Южным фронтом СФНО и герой

захват Национального дворца в августе 1978 года «команданте ноль» — Эден Пастора³⁷.

Под давлением американцев ключевой пост министра обороны был предоставлен бывшему полковнику национальной гвардии Сомосы Бернардино Лариосу, который в 1978 году участвовал в неудавшемся заговоре против диктатуры. Однако сандинисты не хотели отдавать контроль над только создававшейся новой народной армией бывшему национальному гвардейцу. Поэтому реальное командование вооруженными силами (которые на июль 1979 года так и так состояли только из вооруженных бойцов СФНО) осуществлял верховный главнокомандующий Сандинистской народной армией Умберто Ортега — главный военный стратег фронта и архитектор вооруженного восстания 1979 года. Функции Лариоса носили в основном представительский характер.

Таким образом, в руках СФНО был, говоря современным языком, «силовой блок правительства». Борхе курировал сандинистскую полицию и службу национальной безопасности, Умберто Ортега — армию и народную милицию.

В правительстве были широко представлены католические круги — священники заняли посты министров иностранных дел, образования и юстиции.

В экономическом блоке правительства доминировала примкнувшая к восстанию в последний момент национальная буржуазия. Известный экономист Роберто Майорга вошел в созданное впервые в истории Никарагуа министерство планирования. Бывший президент КОСЕП Мануэль Торрес играл видную роль в министерстве сельского хозяйства. Крупный бизнесмен Ноэль Ривас Гастеазоро работал в министерстве промышленности и торговли. На ключевую должность президента Национального банка был назначен Артуро Крус — член демократической консервативной партии и бывший функционер Межамериканского банка развития (МАБР), штаб-квартира которого находилась в Вашингтоне. Луис Каррион Монтойя стал главой Национальной финансовой системы, которая руководила работой национализированного банковского сектора³⁸.

Но сандинисты не собирались отдавать экономическую политику страны на откуп настроенной против коренных реформ национальной буржуазии. Во всех министерствах члены СФНО получили ключевые должности, кроме того, в госорганах были созданы первичные организации фронта, следившие за тем, чтобы персонал министерств точно выполнял декреты революционной хунты.

Наконец, главой Никарагуанского института аграрной реформы (испанская аббревиатура ИНРА), специального органа, отвечавшего за преобразова-

³⁷ Еще до победы революции тщеславный Пастора вышел на американцев, предложив им свое сотрудничество. Пастора был уязвлен тем, что не попал в состав Национального руководства СФНО. Его деятельность на посту заместителя министра носила церемониальный характер. Пастора больше любил общаться с иностранными журналистами, особенно женского пола. Все члены Национального руководства СФНО Пасторе не доверяли, так как справедливо полагали, что у того нет никаких твердых политических убеждений.

³⁸ *Vilas C. Sandinista revolution. New York, Monthly Review Press, 1986. P. 145.*

ние сельского хозяйства, стал член Национального руководства СФНО — команданте революции Хайме Уилок.

Но главным «административным ресурсом» СФНО после июля 1979 года была безусловная поддержка подавляющего большинства населения и сосредоточение в руках фронта всех вооруженных органов государства.

Сразу же после победы революции конституция времен диктатуры была отменена вплоть до выработки нового основного закона избранной конституционной ассамблеей. Роль временной конституции играл утвержденный декретом хунты 20 июля 1979 года Основной статут. Наряду с Законом о правах и гарантиях никарагуанцев от 21 августа 1979 года этот документ гарантировал все права человека, отмену цензуры СМИ и смертной казни.

Была запрещена только одна политическая партия — националистическая либеральная партия Сомосы.

Судебная система новой Никарагуа была представлена Верховным судом и апелляционными судами. Были учреждены также Верховный трудовой трибунал и система местных судов. Позднее для рассмотрения споров в рамках аграрной реформы был образован аграрный трибунал, а для осуждения контрреволюционеров — антисомосовские народные трибуналы³⁹. Главой Верховного суда стал также представитель буржуазии — член демократической консервативной партии Рафаэль Кордоба Ривас.

Местное самоуправление не было выборным. Муниципальные советы (хунты) с октября 1979 года курировались специальным Секретариатом при Хунте правительства национального возрождения. Но фактически сразу же после победы революции главными органами местного самоуправления с самыми широкими полномочиями стали Комитеты сандинистской защиты.

Именно они занялись главной задачей новой власти — восстановлением разрушенных гражданской войной городов и объектов инфраструктуры Никарагуа. С учетом фактического отсутствия реального государственного бюджета большинство работ граждане проводили бесплатно. Правительство лишь распределяло среди занятых на восстановительных работах продовольствие, поступавшее от иностранных правительств и благотворительных организаций. За еду охотно работали и те, кто был перед революцией безработным.

Энтузиазм народа сотворил чудо — уже в сентябре 1979 года приезжавшие в страну иностранцы были поражены «нормальностью» обстановки в стране, где, казалось, ничто не напоминало об опустошительной гражданской войне мая — июля 1979 года. Конечно, многие разрушенные национальной гвардией в городах лачуги бедняков из фанеры или жести восстановить было довольно легко. И все же, учитывая масштабы разрушения всех крупных никарагуанских городов (за исключением Гранады — оплота консерваторов) авиацией

³⁹ Страны Центральной Америки: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1986. С. 219.

и артиллерией Сомосы, работа, проделанная Комитетами сандинистской защиты, была поистине феноменальной.

В условиях открыто враждебной позиции США по отношению к никарагуанской революции одной из главных задач нового правительства было скорейшее создание боеспособной регулярной армии. Выполнение этой задачи осложнялось тем, что в ходе гражданской войны в руки населения (и не только революционеров) попало большое количество огнестрельного оружия. К тому же армию приходилось создавать с нуля, так как ненависть населения к бывшей национальной гвардии Сомосы (которой подчинялась и полиция) была повсеместной.

В программе Хунты национального возрождения, принятой еще до победы революции и нарочито умеренной с оглядкой на США, предусматривалось создание новой армии на базе партизан СФНО и тех национальных гвардейцев, которые не запятнали себя преступлениями против народа.

Однако почти все элитные части гвардии (особенно Школа подготовки пехоты⁴⁰ под руководством сына диктатора и специальные антитеррористические бригады⁴¹) отличились неслыханными зверствами во время подавления восстания (изнасилования, грабежи, расстрелы без суда, включая пациентов больниц и клиник, и т.д.) и сами предпочли бежать за границу, в основном в Сальвадор и Гондурас. Насильно и спешно набранные в 1978–1979 годах в национальную гвардию рекруты (в основном индейцы из горных районов) после победы революции просто разошлись по домам. Ввиду их плохой военной подготовки и полнейшем политическом невежестве они вряд ли представляли собой достойный материал для будущей народной армии.

Концепция вооруженных сил СФНО коренным образом отличалась от национальной гвардии Сомосы. Если при диктатуре гвардия была элитным наемным соединением, созданным США в 1927 году исключительно с целью подавления возможных народных выступлений (а не для защиты внешних границ, чем обычно занимается армия в нормальной стране), то сандинисты планировали вооруженные силы милиционного типа, то есть вооружение народа. В случае возможной агрессии США, которые, естественно, превосходили Никарагуа в военно-техническом отношении, основной упор планировалось сделать на вооружение сотен тысяч никарагуанцев, уже получивших базовые навыки военной подготовки либо в рядах народной милиции, либо во время краткой службы в Сандинистской народной армии.

Такой подход предполагал введение всеобщей воинской повинности для создания массового обученного резерва на случай войны против США. Однако в условиях Никарагуа, никогда не знавшей призыва и привыкшей относиться

⁴⁰ Escuela de Entrenamiento Básico de Infantería (EEBI). Фактически была элитной бригадой гвардии, подготовленной американскими инструкторами. Ее бойцы носили черные береты.

⁴¹ Brigadas Especiales contra Actos Terroristas (BECATS).

к собственной армии с ненавистью и презрением, такой шаг был бы преждевременным и вряд ли получил бы поддержку населения. К тому же введение воинской повинности могло быть использовано американцами как предлог для агрессии.

В целом Национальное руководство СФНО рассчитывало, что введение воинской повинности (которую все равно считали делом ближайшего будущего) даст стране 30–40 тысяч подготовленных резервистов в год.

Сначала руководство СФНО решило обучить массы людей военному делу другим способом. При Комитетах сандинистской защиты были созданы подразделения народной сандинистской милиции. Это были обычные граждане, которые в свободное от работы и учебы время обучались обращению со стрелковым оружием и азам общевойскового боя. Оружие обычно хранилось у командира батальона милиции и раздавалось людям только во время обучения или в чрезвычайных ситуациях (например, при нападении на населенный пункт контрреволюционеров).

Фактически батальоны сандинистской народной милиции стали резервными подразделениями создававшейся с нуля Сандинистской народной армии. Последняя не могла быть большой уже просто потому, что на содержание крупной армии в никарагуанском бюджете не было средств. К тому же революционное правительство, в отличие от Сомосы, выделявшего на свою гвардию львиную долю бюджета, планировало использовать любые свободные средства на улучшение благосостояния широких слоев трудящихся.

Американцы и их союзники среди никарагуанской буржуазии делали все возможное, чтобы сохранить национальную гвардию Сомосы (все ее офицеры прошли обучение в США) в том или ином виде. США считали, что только сохранение национальной гвардии является гарантией против превращения Никарагуа во «вторую Кубу». Планировалось удалить наиболее одиозных старших офицеров, что и было сделано еще до бегства Сомосы из страны.

26 июля 1979 года новый министр обороны и бывший полковник гвардии Лариос заявил, что новая армия должна состоять как из бойцов СФНО, так и из национальных гвардейцев. Правда, министр отметил, что пока не обсуждал эту тему с сандинистами, но подчеркнул, что несколько офицеров гвардии уже изъявили готовность служить в новой армии⁴². Лариос пытался поставить Национальное руководство перед фактом, но здесь сандинисты никак не хотели упускать инициативу.

Национальное руководство СФНО 28 июля ответило Лариосу собственной пресс-конференцией по военным вопросам, на которую полковника не позвали. Директорат СФНО объявил о формировании командования из новых вооруженных сил в составе Борхе, Умберто Ортеги и Карриона. Генеральный штаб армии должен был возглавить Хоакин Куадро Лакайя, который во время вой-

⁴² *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 143.

ны против диктатуры командовал Внутренним фронтом СФНО (бойцы фронта воевали в городах).

Характерно, что вначале в состав Генерального штаба из 11 человек вошли и представители министерства внутренних дел — заместитель Борхе Пастора (он отвечал за Сандинистскую народную милицию) и Уго Торрес, возглавлявший государственную безопасность. Таким образом, вооруженные силы были под контролем всех бывших фракций СФНО. Это объяснялось сохранявшимся взаимным недоверием, прежде всего братьев Ортега, с одной стороны, и Томаса Борхе — с другой. Например, позднее Борхе критиковал Умберто Ортегу на заседании Национального руководства за то, что в частях Сандинистской народной армии висят только его портреты (Умберто Ортега уже был к тому времени министром обороны). Было решено вывешивать портреты всех членов Национального руководства.

16–19 августа 1979 года были опубликованы декреты Хунты национального возрождения по военным вопросам. Национальная гвардия и ее элитные части официально упразднились. Символика национальной гвардии и ее отдельных подразделений запрещалась по всей стране.

По разным данным американских журналистов, после революции подверглись аресту от 6310 до 7500 бывших военнослужащих гвардии и прочих сторонников диктатуры.

Кстати, очень большую роль в обнаружении бывших национальных гвардейцев и агентов службы безопасности Сомосы сыграли Комитеты сандинистской защиты. В декабре 1979 года начались процессы против бывших гвардейцев, которые проводили специально созданные антисомосистские трибуналы. Всего было создано девять таких трибуналов, каждый из которых состоял из трех человек — одного профессионального юриста (иногда студента юридического факультета) и двух «честных, уважаемых и моральных» граждан, которых отбирали власти. Смертная казнь в стране была отменена, и максимальное наказание, грозившее гвардейцам, составляло 30 лет тюрьмы.

Международные (прежде всего американские) правозащитные организации критиковали трибуналы за то, что в обвинительных заключениях было много политики, а также за несоблюдение некоторых формальных аспектов судебной процедуры. (Обвиняемым давали только два дня на подготовку к защите, судебное разбирательство длилось не более трех дней, и решение трибунала обжалованию не подлежало; правда, трибуналы могли приговаривать не более чем к 10-летнему сроку заключения.) Однако в целом особых принципиальных нареканий не возникало.

Всего судами были рассмотрены дела 4250 функционеров диктаторского режима⁴³. 267 были оправданы, обвинения против 30 были сняты самим судом. Из осужденных 38% получили тюремный срок от года до 5 лет, 6% — от 6

⁴³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.39–40.

до 10 лет, 27% — от 11 до 20 лет и 29% — от 20 до 30 лет. В октябре 1981 года многие осужденные были амнистированы.

Заместитель госсекретаря США Вейки в сентябре 1979 года заявил на слушаниях в конгрессе США, что революционное правительство Никарагуа «продемонстрировало в целом умеренные плюралистические тенденции в своей первоначальной политике. Оно не является явно марксистским по своей ориентации, хотя марксисты занимают в нем некоторые ключевые позиции. Оно ограничило репрессии, приняло закон о гарантиях индивидуальных прав, разрешило деятельность независимых СМИ и обещало провести свободные выборы»⁴⁴. Через шесть недель после победы революции один из сотрудников администрации Картера писал: «Эксперты администрации приятно поражены и довольны. Возможно, никогда раньше такая ожесточенная гражданская война не сменялась таким прочным миром и спокойствием. Ясно, что хунта старается предотвратить эксцессы и самосуды...»⁴⁵

18 августа 1979 года Верховным главнокомандующим новыми вооруженными силами — Сандинистской народной армией (СНА) — стал Умберто Ортега. Буржуазная оппозиция немедленно заговорила о том, что сандинисты создадут собственную, а не общенациональную армию. На это Борхе хладнокровно отвечал, что неполитических армий не бывает, а слова «народный» и «сандинистский» в названии армии говорят сами за себя и характеризуют лицо новых вооруженных сил.

Первоначально генеральный штаб, который во всех армиях отвечает за военное планирование и боевую подготовку, был скорее политическим представительным органом. Реальной работой по созданию новой армии руководили местные штабы на уровне департаментов. Это было связано с тем, что армия формировалась на базе отдельных партизанских фронтов СФНО, командиры которых знали кадры и имели представление о находившемся в зоне их действия оружии.

Сандинистская народная армия была официально учреждена декретом хунты 22 августа 1979 года. Функции полиции (которые ранее осуществляла национальная гвардия) передавались министерству внутренних дел.

Первоочередными задачами новой армии и ее командования были:

- стандартизация оружия (у гвардии в основном было американское и израильское вооружение, СФНО имел самое разнородное оснащение — от бельгийских автоматических винтовок до советских пулеметных зенитных установок, полученных с Кубы);
- создание системы воинских званий и порядка прохождения службы в пока еще профессиональной армии;
- наведение элементарной дисциплины среди создаваемых из партизан и молодежи регулярных воинских частей.

⁴⁴ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 40.

⁴⁵ Ibid. P. 39.

Что касается оружия, то сандинисты в первую очередь обратились за военной помощью к США. Это было логично, ведь Вашингтон с самого начала образования национальной гвардии в 1927 году оснащал ее всем — от винтовок до ботинок, формы и касок. Американская военная помощь Сомосе была прекращена только в 1978 году перед лицом массового возмущения в мире (в том числе и в самих США) зверствами национальной гвардии при подавлении народных выступлений.

Администрация Картера признала новое правительство Никарагуа и даже публично говорила о намерении установить с новыми властями самые дружественные отношения. Вернувшийся в июле 1979 года в Манагуа американский посол Пеззулло считал, что США необходимо помочь новому правительству Никарагуа. Основным мотивом посла была то, что в противном случае ему помогут Советский Союз и Куба, и Никарагуа «войдет в орбиту советского блока».

Однако запрос о военной помощи со стороны Сандинистской народной армии заставил американцев проявить свое истинное лицо. США отказались поставлять в Никарагуа оружие, снаряжение и боеприпасы, которых особенно не хватало. Вместо этого они предложили продолжить программы обучения в США офицеров новой армии, направить в Никарагуа американских военных советников и предоставить новому правительству помощь в размере 2 миллионов долларов для закупки невоенного американского снаряжения⁴⁶.

Естественно, от таких лестных предложений сандинисты отказались. К чему приводит обучение латиноамериканских военных в США, они знали как на примере никарагуанской национальной гвардии, так и на примере Чили. Тем не менее контактов по военной линии с США Никарагуа не прерывала. В ноябре 1979 года США по приглашению командования сухопутных сил американской армии посетил начальник Генерального штаба Сандинистской народной армии Хоакин Лакайо Куадра. Его провезли по нескольким военным базам, стараясь играть роль радушных хозяев. На этот визит американцы радушно выделили для никарагуанской делегации из шести человек 20 тысяч долларов.

В начале 1980 года в США хотел нанести визит и главком СНА Умберто Ортега. Однако никарагуанскую сторону не устроил уровень американских собеседников, и поездка так и не состоялась. Ортега заявил, что новая Никарагуа не потратит на американское оружие ни цента, но готова принять его в виде помощи⁴⁷.

Американцы специально не оказали военной помощи, чтобы лишить Никарагуа тяжелого вооружения и боевой техники, которые практически полностью были уничтожены или повреждены в ходе гражданской войны. В совместном докладе Пентагона и госдепартамента отмечалось: «В еще большей степени, чем прочие элементы государственной структуры, оборонительный

⁴⁶ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 125.

⁴⁷ Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 169.

потенциал Никарагуа был сметен (войной). Не осталось ничего, за исключением легкого стрелкового оружия и разрозненных остатков другого снаряжения, большинство которого повреждено в боях и годится разве что на слом. Вооруженные силы Никарагуа должны быть заново восстановлены, как в отношении личного состава, так и вооружения»⁴⁸.

Но именно этого американцы как раз и старались не допустить. Вся американская военная помощь ограничилась выделением Никарагуа смехотворной суммы в 3000 долларов на закупку в США биноклей.

Командование сандинистской армии потребовало в начале 1980 года от сотрудников американской военной миссии, входившей в состав посольства США, получать предварительное разрешение на поездки в воинские части и любые контакты с никарагуанскими военнослужащими. Собственно, такой порядок был нормальным для любой суверенной страны.

Помимо США Никарагуа обратилась за военной помощью к западным странам (например, Франции) и к прогрессивным арабским государствам (прежде всего Алжиру и Ливии). Свои первые официальные визиты новый министр обороны Никарагуа Лариос совершил в августе 1979 года в Бельгию, ФРГ, Испанию, Мексику, Бразилию и на Кубу.

Однако западные страны под давлением США уклонялись от тесного сотрудничества, а алжирцы и ливийцы не могли предоставить весь набор вооружения и оснащения современной армии. Они сами имели оружие в основном советского производства, а сандинисты в 1979–1980 годах опасались полностью перевооружать армию советским оружием — опять же, стремясь не давать американцам лишнего повода для враждебной пропаганды против народной власти. К тому же СССР и Куба не могли предоставить столь необходимые Никарагуа запасные части и боеприпасы для боевой техники и оружия американского и израильского производства.

Полная замена западного оружия на советское была помимо всех политических нюансов еще и крайне дорогостоящим делом. Конечно, социалистические страны наверняка предоставили бы Никарагуа кредиты на эти цели, однако это было неразумным с учетом огромной долговой нагрузки Никарагуа и предстоявших сложных переговоров с западными — прежде всего американскими — кредиторами о частичной реструктуризации внешнего долга. Ведь если страна просит о частичной моратории на обслуживание имеющегося долга, она обычно не имеет права — хотя бы морального — занимать еще больше, тем более на военные нужды.

Именно сложность финансовой ситуации и внешнеполитические соображения вынудили сандинистов уделять столь пристальное внимание созданию нерегулярных добровольческих компонентов вооруженных сил. Ведь после победы революции народное правительство в интересах социальной справед-

⁴⁸ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.41.

ливости установило максимальный предел для зарплаты любого госслужащего, в том числе и офицера — 10 тысяч кордоб в месяц (примерно 12 тысяч долларов в год). Даже министры получали около 300 долларов в месяц. Многие сотрудники министерств в первые месяцы революции вообще не получали денег — только продовольственные пайки.

Поэтому платить офицерам и солдатам регулярной армии большие зарплаты власти не могли. При Сомосе денежное довольствие офицеров гвардии было тоже небольшим, однако диктатор всячески поощрял в рядах гвардии вымогательство и незаконный бизнес, что еще больше связывало офицеров с диктатурой. Понятно, что сандинисты не могли и не хотели повторять подобную практику в народной армии.

Сандинистская народная армия (СНА) состояла из следующих компонентов:

- Народная сандинистская милиция (Milicias Populares Sandinistas, MPS);
- батальоны иррегулярной борьбы (Batallones de Lucha Irregular, BLI);
- пограничные войска, созданные по образцу социалистических стран (Tropas Guardiafronteras);
- кооперативы самообороны (Cooperativas de Auto-Defensas, CAD), состоявшие в основном из членов СФНО и дружественных фронту массовых организаций.

Официальным боевым девизом СНА был «Свободная родина или смерть!».

Народная милиция была образована спонтанно в ходе народного восстания против диктатуры из тех горожан, которые с оружием в руках помогали бойцам СФНО в боях против национальной гвардии. Декретом правительственной хунты № 313 от 15 февраля 1980 года милиция была легализована и подчинена министерству обороны⁴⁹. Ее первым командующим стал «партизанский команданте» и командир бригады Эден Пастора. В 1983–1990 годах было создано и обучено 28 бригад народной милиции, каждая из которых состояла из четырех-шести батальонов. Всего батальонов было около 150, и их главной задачей являлась защита населенных пунктов, фабрик, кооперативов, стратегических объектов инфраструктуры от нападений вооруженной контрреволюции. С этой задачей милиция справилась блестяще — вооруженные, обученные и оснащенные новейшим американским оружием контрреволюционеры за все время войны против революционной Никарагуа не смогли надолго захватить ни одного крупного населенного пункта.

Помимо чисто боевых задач отряды милиции, особенно в первый год революции, активно участвовали в восстановлении разрушенных городов и уборке урожая, охраняли правительственные объекты и помогали полиции в борьбе с преступностью. В сельской местности милиционеры защищали активистов начавшейся в 1980 году кампании по ликвидации неграмотности.

⁴⁹ Ejército Popular Sandinista. См.: http://es.wikipedia.org/wiki/Ej%C3%A9rcito_Popular_Sandinista.

Батальоны иррегулярной борьбы (состояли из четырех-девяти рот) были созданы после начала массированного наступления контрреволюции в 1983–1985 годах. Они формировались как из призывников, так и из добровольцев и обладали мощными огневыми средствами и высокой маневренностью. Всего было сформировано 12 батальонов по 700–800 человек в каждом. Их задачей были бои против крупных отрядов «контрас», то есть не регулярной армии, а партизанских отрядов противников революции, отсюда проистекало и название. Все такие бои заканчивались победой иррегулярных батальонов, отличавшихся, как и милиция, высоким боевым духом.

В 1984–1986 годах в СНА появились легкие истребительные батальоны (*Batallones Ligeros Cazadores, BLC*). Это были мобильные части для действий в горах и на бездорожье. Каждый батальон состоял из трех рот с минимальными вспомогательными службами. Численность легких батальонов была примерно в два раза меньше, чем батальонов иррегулярной борьбы. Всего их было сформировано 19.

Высшим соединением СНА была бригада (всего до 1990 года было сформировано 20 бригад), однако, как правило, боевые операции проводились на батальонном уровне.

Первоначально части СНА были вооружены бельгийскими автоматическими винтовками ФАЛ (полученными с Кубы) и израильскими «галил», доставшимися в наследство от сомосовской национальной гвардии. Кстати, одну из последних сандинисты подарили Фиделю Кастро. Было у СНА и примерно 5 тысяч новых американских винтовок М-16. Но для всех типов этого автоматического оружия не хватало боеприпасов (собственной военной промышленности в Никарагуа не было), тем более что калибр М-16 и ФАЛ был разным. «Галил» и М-16 имели натовский калибр 5,56 мм, ФАЛ — 7,62 мм.

Народная милиция поначалу была вооружена чехословацкими самозарядными винтовками Vz.52/57 (с магазином в 10 патронов), а с 1981 года ее (как и всю СНА) стали оснащать советскими АК-47 и ручными пулеметами РПК, ПКМ, а также снайперскими винтовками Драгунова, калибр которых не отличался от чехословацкого. Вскоре появились танки Т-55 (их продали ливийцы) и гранатометы РПГ-7. СССР позднее поставил в Никарагуа и реактивные системы залпового огня (РСЗО).

СНА была моторизована советскими джипами УАЗ и восточногерманскими грузовиками ИФА (грузоподъемность 5,2 тонн). На ИФА монтировались и РСЗО.

ВВС СНА использовали советские вертолеты МИ-24 и Ми-17, наводившие ужас на «контрас». Однако в отличие от соседних стран, где у власти находились враждебные Никарагуа реакционные военные диктатуры, реактивных истребителей у СНА не было. Планировались поставки из СССР МИГ-21, но они так и не состоялись, главным образом из-за опасений негативной реакции со стороны США.

В принципиальном плане следует подчеркнуть, что все советское оружие появилось в Никарагуа только после начала широкомасштабной войны под-

держиваемых США никарагуанских контрреволюционеров («контрас») против законного правительства Никарагуа в 1981 году. В первые годы революции сандинисты стремились покупать оружие только в развивающихся и западных странах. Например, когда 11 августа 1979 года заместитель министра внутренних дел Эден Пастора публично заявил, что Никарагуа будет закупать оружие в социалистических странах или в любых других, его уже на следующий день «поправил» Томас Борхе — слова Пасторы, дескать, не отражают официальную линию правительства⁵⁰.

К первой годовщине революции многочисленные «команданте» и «уполномоченные» бывших партизанских фронтов были переведены на единую систему воинских званий, образцом для которых послужили Революционные вооруженные силы Республики Куба. Интересно, что когда 25 июля 1979 года члены Национального руководства СФНО присутствовали на очередном праздновании годовщины нападения отряда Фиделя Кастро на казарму «Монкада», кубинский лидер подарил им новую военную форму зелено-оливкового цвета, в которой сандинисты и вернулись домой.

По просьбе Никарагуа в страну были направлены кубинские военные советники, численность которых к концу 1979 года американская разведка оценивала примерно в 200 человек. Кубинцы привнесли в США полосу препятствий советского образца, что вызвало яростную критику госдепартамента США как свидетельство «советского проникновения» в Латинскую Америку. При этом принципиально советская полоса препятствий не отличалась от своего американского аналога.

Однако Никарагуа была готова принять помощь не только от Кубы. Большую роль в победе сандинистской революции сыграла Панама, военный лидер которой Омар Торрихос первоначально с симпатией относился к СФНО. Через Панаму кубинское оружие шло в Коста-Рику, где его получали бойцы-сандинисты. Панамские добровольцы-интернационалисты участвовали в рядах СФНО в боях против диктатуры.

Однако еще до бегства Сомосы в США Торрихос охладел к СФНО. Во-первых, Торрихос был антикоммунистом и ему не нравились марксистские взгляды руководства СФНО. Во-вторых, среди командного состава национальной гвардии Сомосы были и друзья Торрихоса (и других высших командиров панамской национальной гвардии), и Торрихос считал, что сандинисты обошлись с гвардейцами излишне жестко. Торрихос при содействии США даже вывез часть национальных гвардейцев в Панаму. В-третьих, Торрихос ревниво относился к тесным связям сандинистского руководства с Кубой, попросту завидуя всемирной славе и авторитету Фиделя Кастро. Свою роль в охлаждении панамского лидера к сандинистам сыграло и то, что Пастора не вошел в состав Национального руководства фронта и не стал министром обороны, как надеялся Торрихос.

⁵⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.40–41.

Однако внешне отношения между Панамой и Никарагуа после 19 июля 1979 года были самыми дружественными, и уже 30 июля Торрихос направил в Никарагуа 15 своих национальных гвардейцев, которые должны были обучать сандинистскую полицию⁵¹. Но помимо этого панамские инструкторы еще и собирали информацию о кубинском присутствии в Никарагуа, которой Торрихос делился с американским послом в Панаме. Торрихос даже предложил американцам совместно обучать вооруженные силы новой Никарагуа, чтобы те не подпали под контроль кубинцев.

В августе 1979 года Торрихос прибыл в Манагуа на празднование месяца со дня создания революционного правительства, однако он отказался подписать договор о военном сотрудничестве, заявил, что «атмосфера любви», характерная для никарагуанско-панамских отношений, делает такой договор избыточным.

В декабре 1979-го во время ответного визита никарагуанской делегации в Панаму Торрихос уже открыто заявил в интервью панамскому телевидению, что недоволен тесными связями сандинистов с Кубой. Мол, никарагуанцам надо лучше учитывать интересы своих соседей — Сальвадора, Гондураса и Гватемалы (везде в этих странах были у власти проамериканские военные диктатуры, практиковавшие массовые репрессии против собственных граждан).

45% личного состава Сандинистской народной армии в 1979 году было неграмотно, и правительство приложило большие усилия, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать эту проблему⁵². На всех уровнях в США была налажена и политическая учеба. Солдат и офицеров знакомили с историей Никарагуа, деятельностью Сандино и воспитывали новобранцев на примерах героев, отдавших жизнь в борьбе против диктатуры Сомосы (например, Камило Ортеги, брата Умберто и Даниэля, который погиб в бою в 1978 году). СФНО не скрывал, что хочет создать преданную делу революции армию, поэтому политической учебе уделялось не меньше внимания, чем военной.

Критика буржуазных партий, упрекавших СФНО в создании «своей партийной» армии, выглядела странной на фоне того, что та или иная система политучебы имела во всех армиях стран — членов НАТО.

К тому же в США не учили марксизму-ленинизму. Упор делался на то, чтобы привить каждому военнослужащему уважительное отношение к гражданскому населению, прежде всего к его обездоленным слоям. Например, был разработан целый ряд культурных мероприятий, в которых солдаты участвовали совместно с детьми.

США отличалась от национальной гвардии, словно небо от земли. Достаточно вспомнить, как национальные гвардейцы кричали под командованием американских инструкторов, что они «тигры, которые питаются кровью народа».

К 1982 году в США было примерно 10–13 тысяч человек, из которых 1300 являлись ветеранами СФНО. Количество женщин, составлявших почти четверть

⁵¹ *Christian S. Revolution in the family.* New York, First Vintage Books, 1986. P. 161.

⁵² *Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution.* New York, Praeger, 1982. P. 122.

партизанских отрядов сандинистов, в США сократилось до 8–10%, так как их не стремились привлекать к боевым операциям, связанным с риском для жизни.

СФНО хотел придать такой же народный характер и сандинистской полиции. При Сомосе полиция организационно входила в состав национальной гвардии, и население ненавидело ее, пожалуй, даже больше, чем самих гвардейцев. В мае 1980 года было официально упразднено боевое оружие полиции, характерное для армии (например, автоматические винтовки). Помимо естественной задачи охраны общественного порядка на новую полицию возложили и уникальную для Никарагуа функцию — борьбу с социальными пороками, прежде всего пьянством и проституцией. Полиция активно опиралась в этом на Комитеты сандинистской защиты, молодежные и женские организации.

Несмотря на колоссальное количество оружия, которое оказалось в неподобающих руках (например, у молодежных банд) в ходе гражданской войны, полиция смогла уже к маю 1980 года существенно снизить уровень уличной преступности с применением насилия⁵³. Этому помогли массовые облавы в городах, в ходе которых с помощью населения задерживали известных местных уголовных преступников.

С пьянством (распитие спиртных напитков в общественных местах было запрещено, равно как и продажа их в определенное время) дело оказалось более сложным. На улицах и площадях пили в основном представители бедных слоев, которые по ресторанам не ходили, и полиция старалась воздействовать на них скорее убеждением, чем принуждением. Фактически антиалкогольное законодательство жестко не применялось.

Интересно, что революционное правительство распорядилось открыть для всеобщего посещения все закрытые ранее элитные клубы и рестораны.

Активная борьба с проституцией началась с июня 1980 года, но и проститутки старались в основном не наказывать, а перевоспитывать с помощью активисток женской организации АМНЛАЕ.

С самого начала вооруженной борьбы контрреволюции против правительства полиция оказывала армии всяческое содействие, и ее подразделения принимали активное участие в боевых действиях. Как говорил министр внутренних дел Борхе, «полиция и солдаты Сандинистской народной армии пойдут в одни и те же окопы и будут проливать одну и ту же кровь»⁵⁴.

Революционное правительство уделяло особое внимание бесперебойному функционированию основных средств массовой информации в стране, тем более что свобода печати была одним из главных завоеваний революции. К тому же за ее соблюдением внимательно следила поддерживаемая американцами оппозиция, стремившаяся по любому поводу обвинить сандинистов в диктаторских амбициях.

⁵³ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 128.

⁵⁴ Ibid.

Все никарагуанские СМИ были традиционно политизированы. Например, первую газету в стране «Никарагуанский телеграф» основал в 1838 году президент Никарагуа Сепеда — не столько для распространения новостей, сколько для пропаганды своего правительства⁵⁵. Первые радиостанции появились в стране почти сто лет спустя — в 1931 году.

Диктатура Сомосы жестко контролировала СМИ, а возникшее в 1955 году телевидение с самого начала находилось под контролем правящего клана.

Исключением была выходившая с 1930 года газета «Ла Пренса», которой владел могущественный никарагуанский консервативный клан Чаморро (из него вышло несколько президентов и министров). Газета была оппозиционной Сомосе, но скорее по личным мотивам. Либеральная партия Сомосы была традиционной противницей консерваторов, которые в 1909–1928 годах держались в стране у власти на американских штыках. Консерваторы воспринимали диктатуру Сомосы как нарушение характерного для никарагуанского прошлого порядка вещей, когда либералы и консерваторы регулярно сменяли друг друга у кормила власти путем фиктивных выборов, в которых участвовал мизерный процент никарагуанского электората.

С 1952 года «Ла Пренсу» издавал Педро Хоакин Чаморро⁵⁶. В 1959 году он отправился на Кубу, чтобы попросить у Фиделя Кастро и Че Гевары оружия для свержения Сомосы. Кубинцы консерваторам не помогли, и тогда Чаморро перебрался в Коста-Рику, откуда два вооруженных отряда консерваторов в том же 1959-м перелетели в Никарагуа и попытались начать партизанскую борьбу. Однако в течение недели они были разбиты (причем без особого сопротивления), и Педро Хоакин Чаморро отправился в тюрьму на семь месяцев. В 1967 году его опять арестовали за организацию массовой демонстрации против Сомосы, которая была жестоко подавлена национальной гвардией. На этот раз Чаморро отсидел 45 суток. В 1974 году Педро Хоакин Чаморро создал оппозиционный легальный блок — Демократический союз освобождения (испанская аббревиатура УДЕЛ).

Газета «Ла Пренса» ожесточенно критиковала диктатуру, особенно после землетрясения в Манагуа в 1972 году, обвиняя Сомосу в присвоении поступившей из-за рубежа гуманитарной помощи. Поэтому «Ла Пренса» была очень популярна, а Педро Хоакин Чаморро фактически являлся лидером легальной оппозиции.

Естественно, что диктатура, особенно до 70-х годов, прибегала к цензуре, которая в Никарагуа была обычным делом. Но когда цензор запрещал очередную статью, «Ла Пренса» помещала вместо нее фото популярной голливудской кинозвезды тех времен Авы Гарднер. Иногда выпуск «Ла Пренсы» чуть ли

⁵⁵ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 183.

⁵⁶ В 1954 году за участие в заговоре против диктатора Чаморро приговорили к шести годам тюрьмы, но быстро отпустили.

не целиком состоял из портретов кинодивы. Тогда уличные продавцы кричали вместо «Ла Пренса, Ла Пренса!» — «Ава Гарднер! Ава Гарднер!», и никарагуанцы понимали, что газета опять подверглась цензуре. Это только увеличивало ее популярность. Тираж «Авы Гарднер» резко возрастал.

В 70-е годы «просвещенный» Сомоса реже прибегал к обычной цензуре. Диктатура использовала экономические рычаги: «Ла Пренсе» продавали зачасти для типографского оборудования по повышенной цене и облагали газету различными налогами и сборами. Журналистов газеты (среди которых, кстати, был один из лидеров СФНО Байардо Арсе) отсекали от любых официальных мероприятий, допуская на них только «своих» корреспондентов.

Сам Сомоса издавал газету «Новедадес» («Новости»). Диктатору подчинялись оба канала телевидения и три десятка радиостанций. «Ла Пренсу» Сомоса терпел как доказательство существования в Никарагуа свободы прессы, но еще и потому, что газету читали в основном просвещенные обеспеченные городские слои, от которых диктатор в принципе не ждал особых неприятностей.

10 января 1978 года Педро Хоакин Чаморро был убит неизвестными, когда на своей машине ехал на работу. Общественное мнение немедленно обвинило в этом преступлении Сомосу, и в стране началась первая общенациональная забастовка против диктатуры, которая позднее переросла в вооруженное восстание⁵⁷.

Авторитет покойного Педро Хоакина Чаморро и его газеты стал таким высоким, что вдову главного редактора «Ла Пренсы» Виолетту Чаморро сделали членом Хунты национального возрождения. Во время восстания в Манагуа в июне 1979 года танки национальной гвардии в упор расстреляли здание «Ла Пренсы», и ее выпуск был прекращен.

Программа Хунты национального возрождения провозглашала отмену цензуры и свободу прессы. В законе о правах и гарантиях никарагуанцев от 21 августа 1979 года говорилось: «Свобода информации является одним из фундаментальных принципов истинной демократии»⁵⁸. Однако эта свобода не была абсолютной (впрочем, как и в любой другой стране). В том же августе 1979-го Хунта издала общий временный закон о СМИ, в котором перечислялись некоторые ограничения на деятельность прессы и журналистов. Например, было запрещено распространение в СМИ «подрывной» информации, то есть направленной на свержение существующей власти. Равным образом не разрешалось изображать женщин в качестве сексуального объекта, пропагандировать насилие, преступность и другие формы «человеческой деградации». Например, запрещалось пропагандировать лень. Содержались в законе помимо негативных и рекомендательные положения: пресса призывалась к тому, чтобы «выражать

⁵⁷ На самом деле убийство организовал живший в Майами кубинский эмигрант, фирма которого покупала кровь у никарагуанцев, в основном нищих, за что здание фирмы прозвали «домом Дракулы». «Ла Пренса» посвятила фирме несколько разоблачительных статей, после чего кубинец подал на нее в суд, а за день до убийства Чаморро спешно улетел в США.

⁵⁸ *Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 190.*

законную поддержку защите завоеваний революции, процессу восстановления и проблемам никарагуанского народа»⁵⁹.

Однако в первое время закон о СМИ был формальностью и никакой цензуры не существовало.

Телевидение в 1980 году было национализировано, и оба телеканала образовали Сандинистскую телевизионную систему. Из 33 радиостанций под контролем правительства находилось 13 — прочие оставались в частных руках. Однако все радиостанции были объединены в Национальный сандинистский канал и были обязаны передавать в эфир определенную правительственную информацию. Это, однако, не мешало частным радиостанциям критиковать правительство.

Газета Сомосы «Новедадес» была передана СФНО и стала выходить под названием «Баррикада». Это вызвало критику оппозиции, которая считала, что бывшая государственная газета должна такой и остаться, а не перейти во владение той или иной партии.

«Ла Пренса» сразу же после победы революции возобновила свой выпуск, и пока восстанавливали ее здание, тираж газеты печатали в Леоне. Как и до революции, «Ла Пренса» была самой массовой газетой страны. «Баррикада» поначалу невыгодно отличалась от нее излишней политизированностью и сухим, полным всякого рода «измов» стилем. Во многом это объяснялось неопытностью и ультрареволюционным рвением журналистов газеты, большинство из которых были очень молодыми людьми.

До апреля 1980 года «Ла Пренса» в целом с симпатией относилась к властям, что отражало и преобладающие настроения журналистов газеты. Как ни странно, главным рупором оппозиции в 1979 году стала газета троцкистов из Рабочего фронта «Эль Пуэбло» («Народ»). Интересно, что эта газета беспрепятственно существовала и при Сомосе. Осенью 1979 года «Эль Пуэбло» стал ожесточенно нападать на экономическую политику правительства, требуя немедленного и резкого повышения заработной платы. Во многом благодаря «Эль Пуэбло» в стране началось забастовочное движение. Газета (в которой работали некоторые бывшие члены СФНО) обвиняла сандинистов в том, что они продали интересы пролетариата буржуазии. «Эль Пуэбло» дошла до призывов к «активному экономическому саботажу», чтобы «вернуть власть народу». Неудивительно, что в январе 1980 года «Эль Пуэбло» была закрыта, а ее главного редактора посадили в тюрьму по обвинению в подрывной деятельности и нелегальном приобретении оружия⁶⁰.

Особое недовольство правой оппозиции вызывала деятельность Союза никарагуанских журналистов (испанская аббревиатура УПН). Союз спонтанно возник в 1978 году как подпольная группа журналистов, боровшихся против диктатуры. В августе 1979 года УПН был легализован и превратился в «закры-

⁵⁹ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 191.

⁶⁰ Ibid. P. 193.

тый профсоюз». Это означало, что в любых СМИ позиции журналистов должны были занимать только члены УПН. В свою очередь, чтобы стать членом УПН, надо было получить сертификат национального университета, подтверждающий, что этот человек прошел журналистскую подготовку. Уже действовавшие в своей профессии репортеры без образования могли быть приняты в члены УПН и без сертификата, если союз считал их людьми без моральных пороков, они не были судимы и имели как минимум пятилетний профессиональный опыт. Исключались все, кто был связан с диктаторским режимом.

УПН, поддерживавший политику СФНО, продемонстрировал свою власть в начале 1980 года, когда исключил из своих рядов редактора отдела новостей радиостанции «Радио Миль» Монтальвана. Последний критиковал политику правительства. После исключения из УПН Монтальван уже не имел права работать в своей прежней должности.

Однако в первое послереволюционное время и это положение об особой роли УПН не всегда последовательно проводилось в жизнь. Например, в «Ла Пренсе» продолжали работать журналисты, не являвшиеся членами союза.

В любом случае и по сравнению с временами Сомосы, и, тем более, на фоне открытого подавления оппозиционной прессы в большинстве стран Латинской Америки того периода в Никарагуа царилась действительная свобода информации, пока коррективы в это не внесла вооруженная контрреволюция. Например, уже упоминавшийся Монтальван перешел на церковную радиостанцию «Радио Католико», которая тоже не отличалась симпатиями к СФНО.

Руководители революции прекрасно понимали, что ее успех зависит в конечном счете от экономики, а именно от существенного улучшения социально-экономического положения широких масс населения. Собственно, в этом и состояла главная цель Сандинистской революции.

Конечно, Национальное руководство СФНО было убеждено, что только социализм и плановая экономика могут решить эту задачу. Но на первых порах основной целью было восстановление экономики страны, сильно пострадавшей как от общей политики диктатуры, так и от ожесточенной гражданской войны 1978–1979 годов. И восстановление это должно было проходить в рамках рыночной экономики, хотя и при возросшей роли государства. С политической точки зрения, гарантии частному бизнесу были неотъемлемой частью политики временного союза с прогрессивной национальной буржуазией. К тому же СФНО учитывал опыт Кубы и Чили, где преждевременная масштабная национализация и резкое повышение зарплаты привели к гиперинфляции и дефициту в торговых сетях.

Никарагуанская экономика к 1979 году была фактически аграрной и крайне зависимой от конъюнктуры мирового рынка. 18,3% ВВП страны в середине 70-х годов непосредственно создавалось в сельском хозяйстве⁶¹. Еще 9,6%

⁶¹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 56.*

приходилось на промышленность, перерабатывавшую сельскохозяйственное сырье. Собственно, никакой другой промышленности в стране почти не было, так как в аграрно-индустриальном секторе создавалось 58% всей добавленной стоимости никарагуанской промышленности.

В последние годы диктатуры аграрная направленность экономики только возросла. В 1978 году на сельское хозяйство приходилось 24,7% ВВП, на обрабатывающую промышленность — 21%, на строительство — 2,9%, на горнодобывающую промышленность — 3,1%. Всего в материальном производстве создавалось только 48,9% ВВП. Зато был гипертрофированным торговый сектор — 23,6% ВВП. В торговле было занято больше экономически активного населения, чем в промышленности (соответственно 12,2 и 10,6%). 45,4% экономически активного населения работало в аграрном секторе.

При этом Никарагуа не обеспечивала себя основными продуктами питания — зерном (пшеницей и кукурузой) и бобами. Все сельское хозяйство товарного типа было ориентировано только на экспорт, по преимуществу двух основных технических культур — кофе и хлопка. (В меньшей степени экспортировались сахар, бананы, говядина и морепродукты.) В этих секторах доминировали крупные частные предприятия, занимавшие самые плодородные земли и использовавшие удобрения и пестициды. В то же время мелких производителей кукурузы и бобов оттеснили со временем в горные и прочие малопродуктивные местности, где крестьяне на своих маленьких участках, без всякой мелиорации или механизации, едва могли обеспечить продуктами свои собственные семьи. Исследование 1977 года показало, что 63% земли в стране используется не по назначению — например, на наиболее приспособленных для зерновых землях выращивают хлопок и т.д.

Успех в сельском хозяйстве зависел для никарагуанских производителей от двух вещей — конъюнктуры мирового рынка (прежде всего на кофе и хлопок), а также доступа к кредитам государственных и частных банков. Последнее предполагало дружбу с диктатурой, особенно с национальной гвардией.

В 1977–1978 годах производители хлопка и кофе получили 85% всех краткосрочных коммерческих кредитов, в то время как те, кто выращивал продовольственные культуры (кукурузы и бобы), — лишь 4,7%⁶². Неудивительно, что в 70-е годы производство продовольствия в Никарагуа отставало от средних темпов прироста населения. Если в 1970–1978 годах общий объем сельскохозяйственного производства в Никарагуа вырос на 48% (лучший показатель в Центральной Америке), то объем производства продовольствия на душу населения — только на 4%⁶³. А ведь еще в 1949 году (до начала хлопкового бума) Никарагуа полностью обеспечивала себя зерном.

⁶² *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua.* McGill-Queen's University Press, 1995. P. 56.

⁶³ Продовольственная проблема и сельское хозяйство стран Латинской Америки. М., 1981. С. 279.

В 1950–1957 годах Никарагуа даже экспортировала примерно 40 тысяч тонн зерна. Но зерно вытеснял с полей хлопок, и в 1963–1967 годах страна уже импортировала примерно 70 тысяч тонн зерна. Его производство сокращалось и в дальнейшем, теснимое техническими культурами. Если в 1975 году в Никарагуа была произведена 241 тысяча тонн зерна, то в 1978 году — 209 тысяч⁶⁴.

Следует подчеркнуть, что столь уродливую структуру никарагуанского сельского хозяйства фактически сформировали США. Американские банки выдавали никарагуанцам кредиты только под технические культуры, которые и экспортировались в те же США. Правительство США, в свою очередь, закупало никарагуанский сахар по преференциальным ценам. Напротив, американцы охотно продавали Никарагуа излишки своей пшеницы по кредитам, выделяемым Агентством США по экономической помощи иностранным государствам (USAID).

Никарагуа, производившая в 1978 году 114 тысяч тонн мяса (больше всех других стран региона), не могла обеспечить им собственное население, так как говядина в основном шла на экспорт и была не по карману подавляющему большинству никарагуанцев. 48% рациона среднего никарагуанца в 1978 году составляли зерновые (в основном кукуруза), 13% — сахар, 7% — овощи, 6% — фрукты, 8% — молоко и яйца, 7% — мясо и рыба. Причем структура питания при диктатуре не улучшалась. Если в 1966–1968 годах никарагуанец потреблял в день 72,9 г протеинов, то в 1975–1977 — 70,4 г. За тот же период несколько сократилось и душевое потребление калорий в день — с 2527 до 2453⁶⁵.

В 1966 году, по данным Института питания Центральной Америки и Панамы, 43% всех никарагуанских семей не потребляли достаточное для нормальной жизнедеятельности количество калорий. Исследование ФАО 1970 года выявило, что 50% самых бедных никарагуанцев потребляли только одну четверть животного протеина от того количества, которым наслаждались самые богатые 5% населения. Другими словами, это означало, что мясо было фактически недоступно почти половине населения. В 1976 году USAID установило, что 42% всех никарагуанских детей в возрасте до четырех лет страдают от острого недоедания, а 57% сельского населения (!) подвержены всем формам недоедания.

При этом в Никарагуа были сосредоточены самые плодородные земли всей Центральной Америки.

На экспортную выручку закупались за границей удобрения, пестициды, запчасти и вся сельскохозяйственная техника — ничего подобного в Никарагуа не производилось. Приходилось закупать за рубежом и бензин, и дизтопливо.

Такая структура экономики предполагала наличие в стране огромного количества сезонных рабочих, которые в перерывах между работой на полях наводняли города и занимались всякого рода «неформальной» экономической

⁶⁴ Продовольственная проблема и сельское хозяйство стран Латинской Америки. М., 1981. С. 280.

⁶⁵ Ibid. С. 283.

деятельностью, в основном мелкой торговлей. Например, из примерно 230 тысяч рабочих, занятых на выращивании хлопка в 1977 году, только 26 тысяч имели постоянную работу.

В сельском хозяйстве Никарагуа было невероятное даже по меркам Латинской Америки расслоение в отношении собственности на землю. Хозяйства, имевшие более 350 га земли, представляли только 2% всех сельхозпроизводителей, но владели 48% всех сельхозугодий. Фермы мелких крестьян размером до 7 га контролировали всего 2% земель, хотя и представляли 45% всех сельхозпроизводителей⁶⁶. Если всего в производстве основных технических экспортных культур участвовало до 80% сельского населения, то лишь 40% из них имели собственную землю, в то время как больше половины ее арендовало.

Особенностью Никарагуа было то, что в экономике страны не имелось крупных иностранных предприятий. Иностранцы обогащались в основном на торговле, то есть на разнице цен между экспортировавшимися из Никарагуа товарами и теми товарами, которые страна в силу однобокой структуры своей экономики постоянно была вынуждена ввозить. Таким образом, основные прибыли никарагуанской олигархии и ее иностранных партнеров генерировались не в производстве, а в торговле и в банковском секторе. При таком раскладе иностранцы не хотели инвестировать в развитие никарагуанской промышленности, так как это привело бы к импортозамещению, а значит, к потере собственных сверхприбылей.

Правда, после создания в 1960 году Центральноамериканского общего рынка (ЦАОР) в Никарагуа стали открываться заводы, в основном по первичной переработке сельхозсырья. Во всех странах ЦАОР новым промышленным предприятиям предоставлялись налоговые каникулы на срок от шести до восьми лет, и они освобождались от уплаты таможенных пошлин на импорт оборудования на срок до 10 лет. Не было никаких ограничений и на репатриацию прибыли. Однако в 70-е годы ЦАОР пришел в упадок, особенно после того, как в 1970 году его покинул Гондурас. В течение десяти лет до революции в Никарагуа не появилось ни одного нового промышленного объекта.

Из-за олигархической структуры экономики в Никарагуа было крайне неравномерное распределение национального дохода, причем даже по меркам отсталых развивающихся стран. Больше половины населения жило на 286 долларов в год, при том что цены на основные продукты повседневного спроса были такими же, как в США (из-за высокой доли импортных товаров на рынке)⁶⁷.

В 1977 году 5% самых богатых никарагуанцев (116 тысяч человек) присваивали 28% национального дохода и могли располагать по 5400 долларов в год каждый. Следовавшие за ними 349 тысяч менее обеспеченных граждан (15%

⁶⁶ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 57.

⁶⁷ *Walker Th. W.* (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 205.

населения) имели по 2062 долларов в год (32% национального дохода страны). Зато 50% самых бедных жителей страны распоряжались всего лишь 15% национального дохода (286 долларов в год)⁶⁸.

Причем на селе имущественное расслоение было особенно ужасающим. 51% экономически активного сельского населения располагал в 1971 году лишь 7,5% всех доходов, в то время как 3,5% богатых аграриев присваивали 63% доходов.

В 70-е годы Никарагуа попала и в долговую кабалу. За десятилетие перед революцией внешний долг страны рос на 24% в год и достиг астрономической суммы в 1,6 миллиарда долларов⁶⁹. Впрочем, это было типично для всех стран Латинской Америки, где в то время долги иностранным кредиторам росли даже быстрее — на 35% в год. 46,3% никарагуанского долга приходилось на частные банки, в основном американские. Ранее основными кредиторами были международные финансовые организации — МВФ, МБРР и МАБР⁷⁰, которые обычно предоставляли средства на более льготных условиях и были более расположены обсуждать частичную реструктуризацию долга.

Никарагуа занимала первое место в Латинской Америке по внешнему долгу на душу населения. Если в 1970 году внешний долг составлял только 20,6% ВВП, то в 1979 году — 62,9% (данные МБРР)⁷¹.

Уродливая и зависимая от колебаний мировых цен всего на два товара структура никарагуанской экономики была усугублена катастрофическими последствиями гражданской войны 1978–1979 годов. Помимо упоминавшегося выше прямого ущерба от военных действий (по разным оценкам, от 480 до 640 миллионов долларов), буржуазия вывезла из страны 1,5 миллиарда долларов. Причем лоббистская организация частных предпринимателей КОСЕП задним числом даже утверждала, что это был патриотический шаг, чтобы лишить диктатуру средств. Правда, после победы революции частный капитал не спешил возвращаться в страну.

Промышленное производство в 1978–1979 годах упало на 30%, а строительный сектор вообще прекратил работу⁷². Самым страшным для экономики было то, что посевы хлопка практически не производились, а это означало, что почти никакой экспортной выручки в 1980 году не будет (новые посевы хлопка должны были осуществляться в начале 1980 года). Действительно, экспортная выручка упала в 1980 году на 47% по сравнению с 1978 годом (на 219 миллионов долларов). А это грозило Никарагуа дефолтом по внешнему долгу,

⁶⁸ Walker Th. W. (Editor.) *Nicaragua in revolution*. New York, Praeger, 1982. P. 206.

⁶⁹ Ryan Rh. *The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua*. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 61.

⁷⁰ Межамериканский банк развития, где в то время безраздельно господствовали США.

⁷¹ Vanderlaan M. B. *Revolution and Foreign Policy In Nicaragua*. London, Westview Press, 1986. P. 64.

⁷² Morley M. *Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981*. Cambridge University Press, 1994. P. 236.

если бы не удалось договориться с кредиторами об отсрочке платежей. Такое положение дел было тем более обидным, если учесть высокие мировые цены в 1980 году на кофе и хлопок.

При этом из совокупного внешнего долга 380 миллионов долларов приходились на выданные в последние два года перед революцией краткосрочные коммерческие кредиты никарагуанским экспортерам, которые теперь явно не могли их вернуть.

Активно заимствовал из казны средства и сам Сомоса, который лично или через семью был владельцем наиболее прибыльных предприятий страны — от мясоперерабатывающего завода и кофейных плантаций до морской транспортной компании. Прямо перед своим свержением Сомоса был должен государству 23 миллиона долларов. Он же присвоил и полученный всего за шесть недель до падения диктатуры кредит МВФ. Из 33,1 миллиона долларов, выделенных фондом, сандинисты обнаружили в Национальном банке всего 3,5 миллиона, перевод которых за границу удалось предотвратить только по счастливой случайности⁷³. Этих денег хватило бы только на один день обычного никарагуанского импорта. А ведь до конца 1979 года Никарагуа должна была выплатить иностранным кредиторам в счет обслуживания внешнего долга астрономическую сумму 660 миллионов долларов.

В целом ВВП страны упал в 1979-м по сравнению с предыдущим годом (когда он тоже сократился на 7,2%) на 24% и откатился на уровень 1962 года по подушевому показателю⁷⁴.

Инфляция в 1979 году достигала 80%, треть никарагуанцев остались без работы, десятки тысяч людей не имели постоянного жилья и стали беженцами в собственной стране. Из-за войны возникли перебои в снабжении населения основными продуктами питания: кукурузой, бобами, мукой, молоком, яйцами. Без экстренных усилий для ликвидации этих проблем страну к концу 1979 года ожидал массовый голод.

В условиях разрухи, как реальной, так и макроэкономической, перед сандинистами стояла в 1979 году та же дилемма, что и перед большевиками после окончания гражданской войны в России. Опираясь и на вооруженную силу, и на свой громадный авторитет, сандинисты могли сразу национализировать всю экономику и ввести центральное планирование. Это позволило бы аккумулировать средства как для обслуживания внешнего долга, так и для индустриализации страны и направления денег через госбюджет в целях улучшения жизненного уровня населения.

Именно такой путь предлагали Советской России в 1920 году Троцкий и Бухарин, считавшие, что социализм может быть введен немедленно на базе политики «военного коммунизма».

⁷³ *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P.237.*

⁷⁴ *Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.207.*

Но сандинисты, как в свое время и Ленин в случае с Россией, полагали, что отсталая и лишенная промышленности Никарагуа еще не готова к центральному планированию. Поэтому они пошли по пути осторожных реформ при уважении прав частной собственности и поддержки частного аграрного производства. Как и Ленин, они изобрели свой НЭП. Кстати, и сам Ленин выступал против поспешной национализации, справедливо считая, что молодое рабочее-крестьянское государство просто не готово пока к эффективному управлению госсектором. Даже когда в ходе гражданской войны все же пришлось национализировать крупную промышленность, большевики часто оставляли бывших владельцев в роли директоров новых государственных предприятий.

К тому же, в отличие от Советской России начала 20-х годов, никарагуанская буржуазия была отнюдь не уничтожена в ходе гражданской войны. Напротив, крупный частный бизнес по-прежнему контролировал всю экономику, а лидеры буржуазии были представлены во всех новых органах революционной власти, чего не было в послереволюционной России. Вдобавок все экономические меры следовало предпринимать с оглядкой на США, в то время как Ленин уже мог после 1920 года не опасаться вооруженной интервенции иностранных государств.

Осторожная экономическая линия сандинистов вовсе не означала, что фронт отказался от генеральной линии на построение социализма. Но, как и большевики, сандинисты задумали временное отступление с целью восстановления экономики рыночными силами. В то же время частичная национализация должна была дать революционной власти, как и в Советской России, «командные высоты» для дальнейшего реформирования экономики в интересах большинства населения.

«Командные высоты», или, иными словами, госсектор в экономике планировалось сформировать на базе конфискованной у диктатора и его соратников собственности.

Сомоса был крупнейшим предпринимателем в Никарагуа, однако его бизнес-империя не годилась для основы госсектора. Семья Сомосы владела самыми доходными предприятиями во всех секторах экономики, что было разумно с точки зрения цели максимизации прибыли. Например, Сомоса имел скотоводческие фермы, собственный мясоперерабатывающий комбинат и молокозавод, а также, как упоминалось выше, транспортную морскую компанию по перевозке всей своей продукции в США и другие страны. То же самое относилось к кофе, сахару, строительной продукции. Но ни в одном из секторов никарагуанской экономики диктатору и его семейному клану не принадлежали лидирующие позиции. Да Сомосе это и не было нужно — ведь прибыльность его предприятий во многом базировалась на административном ресурсе и легком доступе к государственным средствам.

Не случайно при диктатуре в Никарагуа, в отличие от многих стран Латинской Америки и Западной Европы, отсутствовал официальный госсектор

(Сомоса гордился своим экономическим «либерализмом», что находило благосклонные отклики в США). Ведь госсектор пришлось бы частично содержать из казны (например, в кризисный период), в то время как «частные предприятия» Сомосы сами этой казной и пользовались.

Декретом № 3 Хунты национального возрождения от 20 июля 1979 года были национализированы без компенсации все предприятия и иная собственность, принадлежавшая «семье Сомосы, военным и государственным служащим, покинувшим страну после декабря 1977 года»⁷⁵ (то есть после начала широкомасштабной вооруженной борьбы СФНО против диктатуры). Эта мера предусматривалась программой хунты, сформулированной еще в июне 1979 года, и не вызвала в Никарагуа абсолютно никакого сопротивления. Многие предприниматели были только рады, что избавились от такого мощного конкурента, как клан Сомосы. В результате этой национализации «Сфера народной собственности» (так официально именовался госсектор — *Area Propiedad del Pueblo*) сразу приобрела примерно 20–25% производственных мощностей как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

26 июля 1979 года была национализирована вся банковская система. Характерно, что и эта мера была позитивно воспринята как частным бизнесом, так и американскими деловыми партнерами Никарагуа. Ведь к июлю 1979-го финансовая система была банкротом, поскольку частные владельцы банков вывезли из них (и из Никарагуа) почти весь капитал. Все кредитование нового сельскохозяйственного сезона находилось под угрозой срыва, а иностранные кредиторы могли и не дожидаться возврата выделенных никарагуанским банкам кредитов. Поэтому национализация банков также прошла при полной поддержке всего никарагуанского общества.

Например, активы пяти национализированных банков составляли 80 миллионов долларов, в то время как их долги иностранным кредиторам превышали 180 миллионов⁷⁶. Таким образом, государство фактически взяло на себя еще и гарантию по выплате корпоративного внешнего долга.

При этом следует отметить, что СФНО видел именно в банковском секторе те «командные высоты», с помощью которых в будущем можно было приступить к изменению отсталой структуры никарагуанской экономики. Ведь все крупные и средние частные производители (особенно ориентированные на экспорт аграрии) зависели от коммерческих кредитов, а ими отныне распоряжалось государство.

Банки национализировались с выплатой компенсации путем выпуска для бывших владельцев пятилетних государственных облигаций с низким аннуитетом (то есть фактически выкуп выплачивался в рассрочку).

⁷⁵ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 72.*

⁷⁶ *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P. 231.*

Посол США в Манагуа Пеззулло сообщал в Вашингтон, что национализация банков «в целом была популярной мерой даже среди некоторых представителей частного бизнеса»⁷⁷.

Посол был абсолютно прав. При Сомосе в стране было две банковских олигархических группы (помимо семейства самого диктатора) — БАНИК (связанная с «Банком Никарагуа», отсюда название) и БНАМЕРИКА (группировавшаяся вокруг «Банко Америка»). Эти тесно связанные, в том числе и родственными узами, группы контролировали практически весь кредит в стране, чем были недовольны многие частные предприниматели, вынужденные брать кредит либо под высокий процент, либо путем различного рода взяток и «дружеских жестов» по отношению к олигархии.

Филиалы иностранных (главным образом американских) банков, таких как «Уэллс Фарго», «Ситибэнк» и «Бэнк оф Америка», не попадали под национализацию, однако им запретили принимать депозиты от никарагуанских физических лиц. Теперь иностранные банки должны были сконцентрироваться на работе с юридическими лицами, особенно на кредитовании экспортно-импортных операций.

В начале августа 1979 года государство сделало следующий логический шаг — была введена государственная монополия на экспорт важнейших никарагуанских продуктов: кофе, хлопка и сахара⁷⁸. Теперь все частные производители должны были продавать свой урожай государственным компаниям, которые уже сбывали его на мировом рынке. Таким образом, в руки правительства попал контроль над валютной выручкой, что было очень важно с учетом выплаты внешнего долга и обеспечения бесперебойного критического импорта.

Эта мера уже вызвала недовольство КОСЕП, но оно пока оставалось глухим. Ведь если государство установило бы для производителей выгодные закупочные цены, то государственная монополия была бы только на руку частному бизнесу, освобождая его от существенных издержек по маркетингу и организации сбыта товара за границу. Естественно, особенно выгодным это было для мелких и средних производителей, так как последние вырывались еще и из-под диктата перекупщиков-оптовиков, часто заставлявших производителей сбивать цены.

Эта мера была и в интересах городских потребителей. Ведь во многом высокие цены, например, на хлеб объяснялись тем, что на оптовом рынке зерна господствовала узкая группа крупных торговцев, в то время как мелкие производители не оказывали на цены практически никакого влияния. Причем, как правило, эти же торговцы снабжали крестьян кредитами, что еще боль-

⁷⁷ *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P. 231.*

⁷⁸ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 72.*

ше повышало их зависимость от оптовиков. Но даже при Сомосе существовала государственная система интервенций на внутреннем рынке зерна. Так называемый Никарагуанский институт внутренней и внешней торговли (испанская аббревиатура ИНСЕИ) закупал на рынке 5–10% урожая и использовал эти объемы для интервенций в случае резкого роста цен⁷⁹.

В начале ноября 1979 года была национализирована горнодобывающая промышленность, не игравшая в экономике серьезной роли и находившаяся на грани полного банкротства. Когда-то коммерчески выгодные месторождения никарагуанского золота к 1979 году были практически исчерпаны, и все предприятия требовали серьезной модернизации, а значит, капиталовложений. Национализация в этом случае была продиктована скорее идеологическими (националистическими) соображениями, согласно которым все недра страны должны были принадлежать государству. Проблема была лишь в том, что в отличие, например, от Мексики или Чили эти недра были практически лишены полезных ископаемых.

Исторически добычей золота на востоке Никарагуа занимались иностранные (в основном американские) компании, которые в 1909 году даже профинансировали военный мятеж против никарагуанского правительства. Поэтому и эта национализация встретила одобрение практически всех слоев никарагуанского общества. Как и в Чили при Сальвадоре Альенде, имущество иностранных горнодобывающих компаний национализировалось за выкуп, но с учетом того ущерба, который эти компании принесли окружающей среде и «человеческому капиталу».

Под национализацию подпали две американские компании — «Нептун Майнинг Корпорейшн» и «Росарио Майнинг Компани», а также совместное предприятие американцев с кланом Сомосы «Септентрио Майнинг Компани»⁸⁰. Администрация Картера в целом отнеслась к национализации спокойно. Ведь, в отличие от Чили, никарагуанские инвестиции американских компаний не имели большого значения для экономики с точки зрения национальных интересов страны. Однако Вашингтон все же предупредил Манагуа, что дальнейшее развитие двусторонних отношений, в том числе и возможная американская экономическая помощь Никарагуа, будет зависеть от адекватной компенсации за национализированное имущество.

Но если национализация американской собственности на Кубе стала для США формальным предлогом для введения экономического эмбарго против Острова Свободы, то ничего подобного в случае с Никарагуа не произошло.

При этом сандинисты старались провести национализацию американских активов как можно более мягко. Власти воздержались от обвинений в адрес бывших хозяев (хотя, конечно, ничего для никарагуанской окружающей среды

⁷⁹ Spoor M. Working paper series №120. См.: <http://repub.eur.nl/res/pub/18847/wp120.pdf>.

⁸⁰ Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P.233.

те за многие годы так и не сделали). Менеджмент «Нептуна» даже попросили еще примерно полгода выполнять свои обязанности. Никарагуа пошла навстречу американцам и в формулировании основы для компенсации. Первоначально планировалось выплатить собственникам стоимость их бухгалтерских активов, но американцы настояли на выплате реальной стоимости (которая была выше). Тем самым, кстати, американцы фактически признали, что обманывали никарагуанские налоговые органы, занижая стоимость своего имущества. Тем не менее в 1982 и 1983 годах были подписаны соглашения о суммах компенсации с «Росарио» и «Нептун», несмотря на то, что в те годы администрация США уже открыто финансировала никарагуанскую вооруженную контрреволюцию. Например, «Нептуну» выплатили 3,7 миллиона долларов плюс проценты в течение шести лет за уже добытые компанией минералы, которые были конфискованы в ходе национализации⁸¹.

Интересно, что американские аграрные компании, такие, как «Юнайтед Фрут», фактически освободили от экспорта продукции через государственные внешнеторговые компании, хотя это и предписывалось законом. Сандинисты делали все возможное, чтобы не давать США и малейшего повода для враждебной политики.

В результате национализации 1979 года госсектор сосредоточил в своих руках 21% сельскохозяйственного производства. Но при этом 29% приходилось на долю крупных капиталистических хозяйств, а 50% — на долю мелких частных производителей⁸². В промышленности на «народную собственность» приходилось 25% производства, на крупных капиталистов — 45%, на мелких производителей — 30%. Благодаря тому, что Сомоса активно наживался на строительстве после разрушительного землетрясения в Манагуа в 1972 году (например, фирма диктатора поставляла для столицы тротуарную плитку), в руки государства после революции перешло 70% строительного сектора. Еще 25% находились в руках мелких производителей, а у крупных капиталистов было не более 5% (Сомоса не терпел здесь крупных конкурентов).

Во внешней торговле государство теперь отвечало за 75% экспорта и 45% импорта. Последний аспект был тоже очень важен. Новые власти ввиду отсутствия значительных валютных средств стремились ограничить импорт только самым необходимым — продовольствием, медикаментами и товарами для сельского хозяйства (удобрения, дизтопливо, запчасти). Импорт предметов роскоши был существенно ограничен.

Всего после национализации на предприятиях госсектора производился 41% ВВП, 34% давали крупные капиталистические хозяйства и 25% — мелкие частные производители⁸³.

⁸¹ *Vanderlaan M.B. Revolution and Foreign Policy In Nicaragua. London, Westview Press, 1986. P.83.*

⁸² *Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.211.*

⁸³ *Ibid.*

Примерно такая доля госсектора в экономике была для развивающихся стран обычным явлением. Роль, которую государство играло тогда в никарагуанской экономике, сопоставима и со значением госсектора для Мексики и Франции тех времен.

Сандинисты всячески стремились избежать типичной ошибки, обычно возникавшей на национализированных предприятиях в ходе народных или социалистических революций. Обычно рабочие на госпредприятиях требовали от «своего менеджмента» немедленного повышения зарплаты в качестве компенсации за лишения при «старом режиме» (причем в случае с Никарагуа эти лишения были абсолютно реальными). Враги революции обычно старались подбить рабочих на забастовки, понимая, что народное правительство не будет их расстреливать или сажать в тюрьмы (как это было при Сомосе). На предприятиях госсектора обычно серьезно падала производственная и технологическая дисциплина. Именно с этим столкнулся Сальвадор Альенде после того, как была национализирована медная промышленность Чили.

Поэтому СФНО через свой профцентр, как уже упоминалось, всячески старался убедить рабочих национализированного сектора проявить умеренность и сосредоточить все силы на немедленном росте производства. Ведь было ясно, что не подкрепленные новыми товарами деньги приведут лишь к росту и так огромной инфляции.

Сандинисты пытались повысить жизненный уровень рабочих немонетарным путем, например, за счет предоставления бесплатного медицинского обслуживания и образования («социальная зарплата»), а также путем контроля за ценами на основные товары повседневного потребления. На предприятиях организовывались распределители, в которых рабочие покупали товары по низким государственным ценам. Предполагалось также, что сами по себе успешно работающие предприятия госсектора создадут новые рабочие места и тем самым сократят безработицу, что позитивно скажется на общем уровне жизни бедных слоев населения.

Этот разумный в целом подход, однако, привел к неожиданному для правительства результату. Ведь если предприятиям ставились задачи по физическому наращиванию объемов выпускаемой продукции, то многие менеджеры госсектора с пренебрежением относились к финансовым показателям работы. Если уж повышать производство — так любой ценой. Владея банками, государство всегда сможет предоставить очередной кредит или списать старый. Такой подход объяснялся не столько неопытностью или бесхозяйственностью, сколько святой верой многих (в том числе и Национального руководства СФНО) в то, что предприятия госсектора имеют не только производственную, но и социальную функцию. В отличие от старого времени, они должны заботиться о своих рабочих. Например, член Национального руководства СФНО Хайме Уилок говорил: «...эффективность (производства) должна быть социальной по своей природе. Если в своем стремлении получить больше прибыли мы забудем

о заработной плате, социальных благах для трудящихся и проблемах с безработицей, вызванных экспортно-ориентированным сельским хозяйством, то мы привнесем в общество элемент нестабильности, который и означает плату за социальную неэффективность»⁸⁴.

Но если предприятия госсектора в условиях рыночной экономики взваливали на себя дополнительные социальные расходы, то они проигрывали в конкуренции частным производителям. К тому же сокращалась выручка, которую они могли перевести в бюджет на общегосударственные нужды. А постоянные просьбы о кредитах увеличивали денежную массу в обращении, что вело к инфляции, которой всеми силами старались избежать сандинисты.

Наконец, для нового госсектора как на уровне министерств, так и на уровне самих предприятий просто не хватало квалифицированных специалистов. Многие бежали из страны еще в последние месяцы диктатуры и не спешили возвращаться. Другие не шли на госслужбу потому, что правительство, как упоминалось, ввело для госслужащих предел максимальной зарплаты и многие специалисты предпочитали работу в частном секторе, где такого предела не было.

На Кубу было направлено с целью получения высшего образования 1200 молодых никарагуанцев, в СССР — 700 (за счет кубинской и советской сторон). Начиная с середины 80-х годов эти люди должны были составить костяк нового современного поколения управленцев. Пока же приходилось рассчитывать на энтузиазм никарагуанцев и иностранных советников, которые и разрабатывали под эгидой Национального руководства СФНО экономическую политику правительства. При этом старались — опять же, чтобы не злить США, — сохранить количество советников из социалистических стран (особенно из СССР) минимальным. На первом этапе в экономическом блоке правительства активно работали не только болгары, но и граждане западноевропейских, латиноамериканских стран и США (как частные лица, а не как представители правительств своих стран).

В июле 1979 года в никарагуанском правительстве, по сути, царил хаос, тем более что ранее никаких попыток макроэкономического регулирования в стране не предпринималось и соответствующий инструментарий отсутствовал. Для ликвидации этого недостатка было решено образовать министерство планирования (МИПЛАН) во главе с членом Национального руководства СФНО команданте Хенри Руисом (он учился в Московском Плехановском институте на экономиста, хотя и не окончил учебу). Предполагалось, что МИПЛАН станет экономическим суперминистерством, координирующим всю экономическую политику правительства.

Но этого так и не случилось. Никарагуанские министерства по традиции местнического бюрократизма никак не реагировали на указания МИПЛАН.

⁸⁴ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 73.*

К тому же некоторые из них возглавляли политически равновеликие Руису члены Национального руководства СФНО. Если МИПЛАН, например, всячески призывал к ограничению расходов предприятий госсектора, то министерство сельского хозяйства во главе с команданте Хайме Уилоком, наоборот, активно раздавало кредиты сельхозпроизводителям. В Национальном руководстве СФНО возникали постоянные споры, и, в конце концов, МИПЛАН в 1985 году был вообще упразднен, так и не став координатором экономического развития страны.

В 1979–1980 годах под эгидой МИПЛАН создали отраслевые «программные координационные комиссии». В этих органах представители различных министерств под руководством МИПЛАН должны были формулировать и контролировать развитие тех или иных секторов экономики. Однако реально министерства часто вообще не посылали на заседания своих представителей и не выполняли решений комиссий, у которых не было права издавать директивные указания.

В конце 1979 года МИПЛАН разработал первый в истории Никарагуа индикативный план экономического развития — «План экономического возрождения на благо народа» на 1980 год, ставший известным как «План 80». В этом 140-страничном документе (кстати, поступившем в свободную продажу, чтобы с ним могли ознакомиться все желающие; было отпечатано 50 тысяч экземпляров) предусматривались основные социально-экономические показатели, которых никарагуанская экономика должна была достигнуть в 1980-м.

В целом ставилась задача в 1980–1981 годах преодолеть последствия гражданской войны и достичь уровня ВВП и потребления начала 1978 года. Для этого требовалось за два года увеличить ВВП ни много ни мало на 45%. Составители плана прекрасно понимали, что в условиях разрухи и ограничения возможностей для государственных инвестиций прирост ВВП будет достигнут скорее не за счет материального производства (его рост в 1980 году предполагался на уровне 10%), а за счет строительства, торговли (особенно внешней) и сферы услуг.

Помимо целей восстановления предполагалось с опорой на госсектор как «центральный стержень экономики» начать «постепенный переход от спонтанного экономического регулирования к сознательному и плановому регулированию»⁸⁵. Член Национального руководства СФНО Хайме Уилок заявил, характеризуя роль госсектора: «Это — центр, это — стержень, это — то, что позволяет определить разрыв между старым способом производства и новым, который мы хотим развивать».

План представлял собой уникальное явление для народного правительства, стремящегося строить в будущем социализм, так как был выдержан в монета-

⁸⁵ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 76–77.

ристском духе и делал упор на соблюдение финансовой дисциплины и сдерживание роста денежной массы. Понятно, что эта цель плохо сочеталась со стремлением почти на 50% за два года увеличить ВВП. Без серьезных инвестиций этого добиться было нельзя. Это понимали и творцы «плана 80», которые уповали на помощь иностранных (в основном западных) государств и отсрочку в погашении внешнего долга.

Бюджетный дефицит в 1980 году планировалось удержать в рамках 13% ВВП и компенсировать его на 80% заимствованиями и помощью из-за рубежа. Предполагалось, что таким путем можно будет резко снизить инфляцию до уровня в 22%.

В целом эти расчеты были более чем реалистичны — до конца 1979 года Никарагуа получила кредитов на 490 миллионов долларов, 344 из которых были направлены на инвестиционные цели, а 147 миллионов — на восстановление страны⁸⁶. США рассматривали возможность оказания Никарагуа экономической помощи в размере 75 миллионов долларов, но только в интересах частного сектора (чтобы противодействовать «скатыванию Никарагуа к марксизму»). Правда, из 344 миллионов инвестиционных средств 178 были предоставлены еще Сомосе, который не успел их получить. Большая часть кредитов была льготными и выделялась по линии МБРР и МАБР.

Согласно «Плану 80» в 1980 году было намечено потратить иностранных кредитов на общую сумму 370 миллионов долларов.

Помимо кредитов Никарагуа получила во второй половине 1979 года грантов и помощи на 72 миллиона долларов, и ожидалось, что в 1980 году поступят еще 25 миллионов (в основном на ликвидацию неграмотности).

Что касается внешнего платежного баланса, то план предполагал дефицит в 12% ВВП. Признавалось, что в 1980 году Никарагуа по-прежнему останется зависимой от конъюнктуры мирового рынка. Но уже в 1981 году дефицит внешнеторгового баланса планировали ликвидировать, а с 1983-го Никарагуа должна была возобновить обслуживание внешнего долга.

Таким образом, в «Плане 80» формулировался сознательный отказ от стимулирования спроса для восстановления экономики, за счет чего, например, вышли из кризиса Германия и США в 30-е годы. Наоборот, за счет экономии и финансовой дисциплины предполагалось в 1980 году достичь 80% докризисного уровня производства в сельском хозяйстве, 87% — в промышленности, 136% — в строительстве (то есть госсектор должен был взять на себя лидирующую роль). ВВП к концу 1980 года должен был достичь 91% от уровня 1978 года.

Хотя «План 80» был одобрен Национальным руководством СФНО, почти никто из его состава не принял этот документ сердцем. Многим команданте план казался антинародным или, по меньшей мере, технократическим. Сандинисты понимали, что люди ждали от революции улучшения своего матери-

⁸⁶ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.212.

ального положения, а план призывал их больше трудиться и не требовать роста зарплаты.

В дальнейшем реальность, в том числе и политическая, часто вторгалась в реализацию плана.

Тем не менее первоначально намерения СФНО не допустить ухудшения жизненного уровня при одновременном соблюдении финансовой дисциплины были самыми искренними. И достичь этого предполагалось при помощи контроля над ценами на продукты первой необходимости.

Требование контроля над ценами содержалось еще в политической программе сандинистов 1978 года. Без всякого сопротивления со стороны буржуазных партнеров по антисомосовской коалиции оно перекочевало и в программу Хунты национального возрождения. Регулировать предполагалось цены на продовольствие, лекарства и одежду. Газета СФНО «Баррикада» писала 10 октября 1979 года, что «контроль цен является ключевой функцией при строительстве более гуманного общества»⁸⁷.

22 июля 1979 года декретом хунты № 10 в стране вводилось чрезвычайное экономическое положение с целью преодоления разрухи (действовало до апреля 1980 года). Согласно этому закону предполагалось тюремное заключение на срок до двух лет для торговцев, которые продавали товары первой необходимости по ценам выше предельных, установленных государством. В октябре 1979 года государство заморозило цены на продукты первой необходимости, такие как кукуруза и фасоль (основа повседневного рациона бедных никарагуанцев, то есть подавляющего большинства населения).

Была основана государственная оптовая компания по продаже основных продуктов питания ЭНАБАС, которая в принципе выполняла функции ИНСЕИ. Частные торговцы-оптовики продолжали свою деятельность, но не имели права закупать у производителей продовольствие по ценам выше государственных. ЭНАБАС явно представляла интересы городских потребителей продовольствия, и ее цены были ниже, чем у частных торговцев. Поэтому крестьяне (как крупные, так и мелкие) предпочитали сбывать свой товар частникам, которые с самого начала не собирались соблюдать государственные ограничения цен. А у государства просто не было отлаженного аппарата, чтобы претворить контроль над ценами в жизнь. Главную роль здесь играли Комитеты сандинистской защиты.

К концу 1979 года комитеты в массе сообщали властям, что розничные торговцы не соблюдают ценовых ограничений. В январе 1980 года министерство внутренней торговли было вынуждено официально объявить, что закон от 22 июля действует и тюремный срок за его нарушение — дело реальное.

Но тут в экономику опять вмешалась политика. Розничные торговцы, сконцентрированные на самом большом рынке Никарагуа — Восточном рынке

⁸⁷ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P.80.*

Манагуа, составляли чуть ли не треть экономически активного населения крупных городов. Во время народного восстания они поддержали сандинистов, и многие из них после июля 1979 года стали членами революционных массовых организаций, например, народной милиции. СФНО не решался активно применять декрет № 10, чтобы не ссориться с мелкими торговцами. Тем более что никакой альтернативной работы правительство им пока предложить не могло.

Составители «Плана 80» совершенно справедливо писали, что в условиях недостатка продуктов питания и товаров повседневного спроса (вызванного как гражданской войной, так и ростом покупательной способности бедных слоев) единственным способом реально контролировать цены является введение нормированной продажи населению основных товаров. Однако эта мера была признана политически нецелесообразной⁸⁸.

Итак, меры правительства, нацеленные на поддержку бедных слоев населения, парадоксальным образом обогатили торговцев-посредников и спекулянтов. «Ла Пренса» публиковала фотографии больших очередей перед государственными магазинами, где торговцы покупали товары по государственным низким ценам, немедленно перепродавая их по ценам черного рынка. Уже в начале 1980 года разница между государственными и рыночными розничными ценами составляла в среднем около 50%. Но по кукурузе этот разрыв составлял 99%, а по фасоли — 62%. Интересно, что разрыв между государственными и частными ценами по рису был минимальным — 12%, поскольку большая часть риса производилась в госсекторе.

Правительство помогало бедным слоям и другими методами. Например, в декабре 1979 года был издан декрет о снижении квартплаты за арендуемое жилье в городах на 40–50%.

Декретом хунты № 323 был введен в действие Закон о защите потребителей (первый закон такого рода в истории Никарагуа), по которому министерство внутренней торговли получило право фиксировать и замораживать цены на все товары, «необходимые для народного потребления», а также и на товары, используемые при производстве вышеупомянутых товаров повседневного спроса. Для выработки рекомендаций по ценовой политике декретом при министерстве учреждался Консультативный совет по защите потребителей. В этот совет входили представители не только государственных экономических органов, но и полиции, Торговой палаты и массовых общественных организаций.

Сандинисты старались не прибегать к мерам принуждения. Правительство издавало призывы к домохозяйкам ограничить потребление сахара и говядины, чтобы отправить эти продукты на экспорт и получить так необходимую

⁸⁸ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 80.*

стране валюту. Однако понятно, что эти призывы к сознательности были в тех условиях не очень эффективным инструментом экономической политики.

Пришлось все же постепенно переходить к государственному распределению продуктов по твердым ценам. Декретом хунты № 264 в январе 1980 года на всех предприятиях с количеством работающих более 30 человек были учреждены магазины, которые продавали работникам товары по государственным ценам в зависимости от количества едоков в семье.

Ужесточилась и борьба против розничных торговцев, нарушавших ценовой максимум. 14 марта 1980 года «Ла Пренса» сообщила, что только в Манагуа были оштрафованы около 1000 розничных торговцев⁸⁹. В ответ на это торговцы стали придерживать товары, что вело к еще большему росту цен на «черном рынке».

«Баррикада» обвиняла в сложившемся дефиците саботажников и контрреволюционные элементы. Спекулянтов продуктами прозвали в народе «кой-отами». Государству же пришлось в явном противоречии с «Планом 80» тратить большие суммы на субсидирование основных продуктов, хотя формально никаких решений о субсидировании не принималось. Фактически субсидии были результатом отсутствия координации между различными министерствами экономического блока. Например, министерство сельского хозяйства старалось заинтересовать крестьян высокими закупочными ценами на продовольствие. В то же время ЭНАБАС стремилась закупать товары для розничной торговли в городах недорого. Тем самым стихийно образовался разрыв между закупочными и розничными фиксированными ценами, который и пришлось явочным порядком и без всякой системы заполнять субсидиями из и так дефицитного государственного бюджета.

В 1980 году правительство вынуждено было потратить 480 миллионов кордоб (48 миллионов долларов по официальному курсу), или 10% своих доходов на субсидии. При этом, по некоторым оценкам, сверхприбыли спекулянтов, использовавших разницу между государственными и рыночными ценами, превысили 1,5 миллиарда кордоб. Рабочие и служащие были недовольны: их призывали не стремиться к повышению зарплаты, в то время как торговцы неслыханно обогащались за счет революции.

Очищенная от инфляции реальная заработная плата рабочих и служащих в 1980-м упала на 14%⁹⁰. Самым обидным для рабочих было то, что по призыву СФНО они резко увеличили производительность труда. На практике в условиях отсутствия реальных инвестиций в основной капитал это означало, что рабочие стали трудиться больше и интенсивнее. Несмотря на то что предприниматели жаловались на падение дисциплины из-за активности профсоюзов

⁸⁹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 104.*

⁹⁰ *Ibid. P. 107.*

и различного рода политических митингов, они явно лукавили, оправдывая собственный саботаж и вывод капитала за границу.

Если принять производительность труда на крупных, то есть с числом занятых более 50 человек, частных предприятиях во второй половине 1977 года (последний спокойный год перед восстанием и гражданской войной) за 100%, то в первой половине 1979-го (пик войны и забастовочного движения против диктатуры, которое, кстати, организовали сначала не рабочие, а предприниматели) она упала до 67,4%. Но уже во второй половине 1979 года производительность труда достигла уровня 87% от показателя 1977-го, а в первой половине 1980 года превзошла этот уровень на 8,3%⁹¹.

Рабочие в 1980 году произвели для капиталистов и госсектора прибавочной стоимости на 3,9 миллиарда кордоб в тогдашних ценах, а в 1979-м — на 1,8 миллиарда.

Особенно тяжелым было положение с заработной платой именно для тех, кто производил продукты питания, — сельскохозяйственных рабочих, которые при диктатуре получали гораздо меньше, чем их коллеги, занятые в промышленности. Если крестьяне-производители смогли в 1980 году при государственных закупочных ценах сохранить уровень своих доходов, то заработная плата рабочих упала. Мелкие крестьяне получали в 1980 году в среднем на 50% больше дохода, чем рабочие, занятые на уборке важнейшего экспортного товара — кофе.

В городах дело было еще хуже. Правительство установило уровень потребительской корзины для средней семьи из шести человек в 2000 кордоб в месяц (200 долларов по официальному курсу). Если средняя реальная зарплата городского пролетариата (в ценах 1980 года) составляла в 1977 году 2829 кордоб, то в 1979-м она упала до 2370 кордоб, а в 1980-м — до 2001 кордобы⁹².

Между тем сандинисты в точном соответствии с «Планом 80» начали наступление даже на эту сокращавшуюся зарплату рабочих. Хайме Уилок вообще назвал зарплату «ловушкой капитализма» для рабочих. В конце 1979 года Национальное руководство СФНО решило, например, отменить тринадцатую зарплату, которую тот же Уилок назвал «скандалом». Монетаристская линия фронта была еще и крайне неудачной с политической точки зрения, поскольку в защиту «рождественского бонуса» немедленно выступила церковь, а также некоторые предприниматели (естественно, из лицемерия).

Тем не менее декретом № 179 в ноябре 1979 года был установлен максимум тринадцатой зарплаты в размере 1500 кордоб. Таким образом, снижения бонуса (он соответствовал среднемесячной зарплате) не почувствовала примерно половина рабочих. Сэкономленные деньги в госсекторе были направлены в специальный фонд по борьбе с безработицей. СФНО призвал всех рабочих,

⁹¹ Vilas C. Sandinista Revolution. Monthly Review Press, 1986. P.210.

⁹² Ibid. P.244.

получивших тринадцатую зарплату в полном объеме, сдать ее в фонд по борьбе с безработицей. Однако на этот призыв откликнулись далеко не все. Оппозиционные профсоюзы призвали своих членов бойкотировать призыв фронта и, наоборот, начать забастовки с требованием немедленного повышения оплаты труда.

Как уже упоминалось, правительство ограничило и максимальную зарплату для госслужащих. Интересно, что эту меру самым активным образом представитель буржуазии Робело — член Хунты национального возрождения и лидер никарагуанских предпринимателей. Он считал, что разрыв в заработной плате между самыми высокооплачиваемыми и самыми низкооплачиваемыми слоями не должен превышать 10 раз⁹³. Часто Робело в хунте занимал даже более левые позиции, чем сандинисты.

В феврале 1980 года профцентр CAUS организовал на 19 фабриках забастовки, в которых приняли участие 1700 человек, требовавших повышения зарплаты на 100%. Национальное руководство СФНО заявило, что за стачками стоит ЦРУ и CAUS выполняет «империалистический план по дестабилизации» Никарагуа, так же как в случае со стачками чилийских водителей грузовиков при правительстве Альенде в 1972–1973 годах. Однако даже лидер Сандинистского профцентра Иван Гарсия был вынужден заметить, что требование повышения зарплаты на 100% выглядит «разумным», хотя и преждевременным с точки зрения задач восстановления национальной экономики. В начале марта 1980 года забастовщики добились повышения зарплаты на 10%.

Но сандинисты опасались, что такой пример станет заразительным и подорвет все финансовые цели «Плана 80». Поэтому они прибегли к внеэкономическому давлению на оппозиционный профцентр. В марте 1980 года толпа активистов массовых сандинистских организаций напала на штаб-квартиру CAUS в Леоне. 5 марта демонстрантами был захвачен главный офис CAUS в Манагуа. Толпа кричала: «Смерть предателям рабочего класса!»⁹⁴

Однако как уже упоминалось, многие сандинисты сами были не в восторге от жестких финансовых показателей «Плана 80». Поэтому уже в июне 1980 года в явном противоречии с этим планом были повышены на 125 кордоб в месяц зарплаты всем, кто получал менее 1200 кордоб. Тем самым СФНО хотел сократить разницу в оплате труда между рабочей аристократией и низкооплачиваемым сельскохозяйственным пролетариатом. Ведь, по данным правительства, рабочие на селе получали в среднем на 88% меньше денег, чем их коллеги в городе. В 1981 году предполагалось и далее сокращать этот разрыв, но все же к концу 1981-го реальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих была на треть меньше, чем в 1977 году.

⁹³ *Martinez A. Sandinista economics in Practice. South End Press, 1992. P.27.*

⁹⁴ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 107.*

Одновременно с повышением зарплаты член Национального руководства СФНО Тирадо призвал рабочих отказаться от «спонтанных» забастовочных акций.

Правительство попыталось через ЭНАБАС побудить крестьян продавать свою продукцию по более низким ценам, но последние попросту обращались к торговцам-частникам, которые платили им больше. ЭНАБАС не являлась монополистом, так как правительство — опять же, по соображениям сохранения политического союза с мелкой буржуазией — не решалось на полный запрет частной оптовой торговли, что было бы логическим шагом для полного осуществления ценового контроля.

В 1980–1981 годах доля ЭНАБАС на внутреннем рынке кукурузы (основной продукт питания населения) составляла только 20,9%, фасоли — 49,1%, риса — 25,4%. Однако в первые четыре года после революции ЭНАБАС, например, закупала кукурузу по столь низким ценам, что мелкие производители (у которых из-за отсутствия машин и удобрений производство было малоинтенсивным) даже не могли покрыть издержки производства. В этих условиях СФНО прибегал к внеэкономическим методам. Массовые организации, особенно Комитеты сандинистской защиты, требовали от крестьян продавать продукцию только ЭНАБАС. В противном случае человека объявляли «контрреволюционером», а иногда даже и арестовывали. Такая политика лишь толкала мелких крестьян в стан самой настоящей контрреволюции.

Государственный и кооперативный сектор были слабо представлены в производстве основных продуктов питания. В 1982 году госсектор давал только 6% кукурузы, 5% фасоли, 14% сорго и 32% сахара (но последний большей частью шел на экспорт)⁹⁵. В целом государственные производители поставляли на внутренний рынок только 13% продуктов питания. СФНО понимал, что положение можно изменить только следующей волной национализации или активным образованием кооперативов. Причем более быстрым был первый метод, так как производственные кооперативы крестьяне учреждали крайне неохотно, а отказываться в этом вопросе от принципа добровольности сандинисты не хотели.

Но и национализация не имела бы большого смысла, так как продукты питания производили не крупные капиталистические хозяйства (которые занимались экспортными техническими культурами), а мелкие производители.

После национализации государству не осталось бы ничего иного, как сливать все мелкие хозяйства в крупные, чтобы управлять ими. Но это было отнюдь не простым делом, так как многие мелкие хозяйства представляли собой хутора в горных районах, где отсутствовали дороги и какие-либо другие объекты инфраструктуры. Наконец, принимать принудительные меры против мелких крестьян СФНО не хотел по политическим соображениям — ведь

⁹⁵ Vilas C. Sandinista Revolution. Monthly Review Press, 1986. P. 156.

именно рабочие и крестьяне рассматривались как основная социальная база революции.

В 1980–1981 годах мелкие крестьяне производили 87% кукурузы, 90% овощей и 81% фасоли.

В связи с этим главным было проведение на селе аграрной реформы. От ее успеха зависело как снабжение населения основными продуктами питания, так и получение жизненно необходимых для страны валютных поступлений от экспорта аграрной продукции.

Интересно, что проводить аграрную реформу Национальное руководство СФНО поручило одному из бывших лидеров «пролетарской фракции» фронта Хайме Уилоку. Его очень любил американский посол в Манагуа Пеззулло — за то, что Уилок с его длинными волосами, по мнению посла, походил скорее на рок-звезду, чем на «традиционного» марксиста-ленинца. Уилок регулярно встречался с Пеззулло за завтраком, и американец был искренне уверен, что оказывает через своего нового друга определенное влияние на политику Национального руководства СФНО (хотя реальности это никак не соответствовало). Братья Ортега иронично прозвали горожанина Уилока «фермером».

Как и общие реформы в экономике, аграрная реформа оказалась менее радикальной, чем ожидали представители буржуазии и их покровители из США. Главной целью преобразований для сандинистов было наращивание производства как сельскохозяйственных, так и экспортных культур. Это планировалось сделать на базе конфискованных у клана Сомосы крупных хозяйств, которые не предполагалось делить между крестьянами. Мелкий частный сектор, равно как и крупных агрокапиталистов, государство планировало широко поддержать льготными коммерческими кредитами.

Как уже упоминалось, Сомоса и его клан не контролировали в монополистическом смысле этого слова выращивание ни одной из сельскохозяйственных культур. Однако именно диктатору принадлежали оба мясоперерабатывающих завода, имевших право на экспорт, три из шести фабрик по производству сахара, 65% коммерческого рыболовства и 40% производства риса⁹⁶. Национализация этих активов сразу создавала госсектору определенные конкурентные позиции, на внутреннем и, прежде всего, на внешнем рынке.

Но сельское хозяйство больше всего пострадало от гражданской войны 1978–1979 годов. Фактически была сорвана посевная кампания главной экспортной культуры — хлопка, которого в 1979 году было посеяно на 80% меньше, чем в 1978-м. Посевы кукурузы сократились в 1979 году на 33%, фасоли — на 29%, риса — на 37%. Перед бегством за границу Сомоса и его соратники смогли повредить и уничтожить большое количество сельскохозяйственных машин и оборудования. 300 тысяч голов крупного рогатого скота было забито или угнано за границу, в Коста-Рику и Гондурас.

⁹⁶ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.225.

Производство продуктов питания упало в 1978–1979 году на 40%.

Общий прямой материальный ущерб сельскому хозяйству оценивался в 30 миллионов долларов.

В ноябре 1979 года (то есть перед началом нового сельскохозяйственного года) у Сомосы и его сторонников согласно уже упоминавшемуся декрету хунты № 3 было конфисковано 1500 хозяйств общей площадью примерно 800 тысяч га. Но при этом многие мелкие крестьяне арендаторы самочинно захватывали земли в крупных поместьях, не подлежащих национализации. Обычным предлогом для самозахватов было то, что многие крупные землевладельцы не использовали часть своих земель, в то время как у крестьян земли не хватало. Захватами часто руководила близкая к СФНО Ассоциация сельских тружеников (АСТ). Хотя правительство и не поощряло незаконные акции, оно не применяло силу против крестьян, большинство из которых поддержали революцию с оружием в руках. Кстати, гнев малоземельных крестьян был оправданным — примерно две трети владельцев кофейных плантаций не жили на них.

Министерство сельского хозяйства по декрету № 38 (август 1979 года) получило право временно брать под контроль захваченные крестьянами и сельскохозяйственными рабочими угодья, чтобы в дальнейшем решать их судьбу. Государство назначало в такие поместья временных управляющих. В феврале 1980 года был принят декрет № 228, регламентировавший разрешение спорных вопросов, связанных с самозахватами земель (а также заводов и фабрик). В целом декрет предписывал вернуть земли тем владельцам, которые не попадали под национализацию и не саботировали умышленно производство. Однако в ответ на это Ассоциация сельских тружеников провела в Манагуа массовую демонстрацию, требуя, чтобы собственникам не возвращали ни «одного дюйма земли»⁹⁷. Правительство с этим согласилось (политические мотивы опять оказались важнее экономических), и декретом № 329 все находившиеся под временным управлением министерства сельского хозяйства земли были окончательно экспроприированы. В то же время и тем же декретом были запрещены все дальнейшие захваты земли и установлено, что конфискации может проводить только министерство сельского хозяйства согласно закону о национализации.

Сандинисты всеми силами пытались добиться, чтобы преобразования на селе не отражались в негативном плане на объемах производства аграрной продукции. При этом все же предполагалось постепенно менять структуру производства, чтобы обеспечить бедные слои населения основными продуктами питания по приемлемым ценам. Но именно постепенно, так как сокращать производство «валютных» технических культур (кофе и хлопка) было никак нельзя.

Всего под национализацию 1979 года подпало примерно 20% всех сельхозугодий Никарагуа. В руки государства перешло 43% всех крупных хозяйств —

⁹⁷ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 116.*

как правило, хорошо отлаженных и высокоинтенсивных, что было неудивительно при неограниченном доступе Сомосы к казне. Эти хозяйства занимали плодородные земли тихоокеанского побережья неподалеку от крупных городов (а значит, и потребителей), а также железных дорог и океанских портов — то есть имели выход на внешний рынок.

Госсектор в 1980 году производил 8,7% зерна, 17% бобовых, 20% хлопка, 15% кофе, держал 15% крупного рогатого скота. В экспортных секторах по-прежнему доминировали крупные капиталистические хозяйства, на которые приходилось 62% производства хлопка и 55% кофе. Мелкие производители давали на рынок 18% хлопка (зачастую на арендованных у крупных фирм землях), 30% кофе, но зато держали 73% скота и производили 87% зерна и 79% бобовых⁹⁸. «Благодаря» Сомосе в госсекторе было сосредоточено 67% мощностей по переработке мяса, 49% производства молочных продуктов и 40% производства сахара.

Экспроприированные хозяйства Сомосы были преобразованы организационно в «государственные производственные единицы» (испанская аббревиатура UPE), которые объединили в 170 производственных комплексов, а те, в свою очередь, — в 27 агропредприятий.

Первоначально преобразованиями на селе занимались как министерство сельского хозяйства, так и Никарагуанский институт аграрной реформы (ИНРА), но в начале 1980 года они были слиты под крышей министерства.

Помимо конфискованной в 1979–1980 годах земли министерство распорядилось еще примерно 10 миллионами акров государственных земель, большинство которых, правда, составляли девственные и непроходимые джунгли восточной части страны («Москитии»).

Министерство сельского хозяйства в точном соответствии с «Планом 80» не собралось делить конфискованные у Сомосы крупные капиталоемкие хозяйства среди мелких крестьян, и с экономической точки зрения это было абсолютно верно. Однако мелкие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие требовали от «своего» правительства земли, причем немедленно.

Сандинисты предлагали крестьянам формировать кооперативы на уже и так арендуемых ими у крупных собственников землях. К концу 1980 года было образовано 1327 таких кооперативов («сандинистских аграрных коммун»). Треть земель эти кооперативы арендовали у правительства, а две трети — у частных собственников.

Несмотря на ожесточенную пропаганду церкви и буржуазии против кооперативов, те не имели с советскими колхозами ничего общего. У большинства кооперативов не было никакой жесткой организационной структуры, и их члены только изредка встречались для обсуждения, что сеять и кому продавать урожай. Большинство кооперативов образовывалось добровольно с тем, чтобы

⁹⁸ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.229.

получить более крупные кредиты у государства. Почти все кооперативы учреждались на арендуемой земле, и их размеры редко превышали 35 гектаров.

Не более 15 кооперативов было образовано в первые годы революции путем внесения в них крестьянами своей собственной земли в виде пая (как это обстояло в советских колхозах). Как правило, образованию таких реальных производственных кооперативов предшествовало сложное и длительное убеждение со стороны местных организаций СФНО. Но в любом случае правительство придерживалось здесь принципа строгой добровольности.

Главная отличительная черта аграрной реформы 1979–1980 годов — не столько конфискация земли (которая ограничивалась только явными сторонниками свергнутого диктатора), сколько активные финансовые меры государства по стимулированию производства, причем во всех секторах на селе независимо от формы собственности. Не будет преувеличением сказать, что в 1980 году от финансовой политики правительства выиграли в основном не государственные, а частные производители, причем как мелкие, так и крупные.

Прежде всего, правительство законом ограничило максимальную арендную плату, которую могли взимать землевладельцы. Плата за земли, на которых выращивался хлопок, не могла превышать 21 доллар за гектар (ранее аренда доходила до 140 долларов), а за землю, предназначенную для выращивания зерна, — 7 долларов за гектар⁹⁹. От этой меры выиграли именно мелкие сельхозпроизводители, доходы которых, естественно, выросли. Именно этого и добивалось правительство: в случае с хлопком на льготные ставки по аренде имели преимущественное право кооперативы, фермеры с наделами не более 200 мансан (1 мансана = 1,68 акра), а также все те, кто посеял хлопок в 1979 году. Те же преимущества были у кооперативов и мелких фермеров, которые выращивали зерновые.

Но главной помощью государства селу стала небывалая в истории Никарагуа доступность коммерческого кредита. При Сомосе частные банки направляли 80–90% всех кредитных средств крупным производителям экспортных технических культур. При этом кредит не мог превышать 64% требуемой для инвестиций суммы (то есть предусматривалось и софинансирование заемщика). Революция кардинальным образом изменила это положение. Национализированные банки фактически давали кредиты всем желающим агропроизводителям без софинансирования, причем в отдаленные районы деньги даже доставлялись самолетами. «План 80» считал 100%-ное кредитное финансирование временной чрезвычайной мерой, направленной на восстановление экономики. Однако фактически такая линия была продолжена и в 1981–1983 годах.

С помощью дифференциации ставок по кредитам государство поддерживало мелких производителей и кооперативы. Если стандартная ставка по коммерческим агрокредитам была 13% годовых, то производственные кооперативы получали кредиты под 7% годовых, а кредитные и сбытовые кооперативы —

⁹⁹ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.234.

под 8%. В любом случае все ставки были гораздо ниже инфляции, которая в 1980 году составила 22%.

Щедрая кредитная политика привела к росту производства, однако далеко не в той мере, в которой рассчитывало революционное правительство. Многие частные производители просто сокращали собственные капиталовложения, так как теперь государство все равно финансировало все расходы. Другие предприниматели конвертировали кордобы на черном рынке в доллары и переводили деньги за границу. Многие убежали вслед за деньгами, не возвращая выданных им кредитов. Так, например, несмотря на столь либеральную по отношению к производителям кредитную политику, посевная площадь под хлопком (где было больше всего крупных капиталистических хозяйств) так и не выросла, а даже сократилась по сравнению с уровнем 1977–1978 годов.

Предприниматели объясняли это тем, что у них-де нет уверенности в завтрашнем дне в новой, революционной Никарагуа.

Однако все же меры правительства дали очень хорошие результаты именно по отношению к мелким производителям, которые выполняли важнейшую государственную задачу — достижение самообеспечения Никарагуа основными продуктами питания, прежде всего зерновыми. В 1980–1981 сельскохозяйственном году посевная площадь под зерновыми увеличилась на 313% по сравнению с 1977–1978 годом. 92% этого мощного роста пришлось на мелких землевладельцев с наделами до 36 мансан. Это было бы невозможно без семикратного увеличения выдачи кредитов именно этой категории производителей в 1979–1980 годах. 51% всех производителей зерна получили кредиты.

Всего никарагуанское сельское хозяйство получило в 1980 году кредитов на 70 миллионов долларов США.

В 1981 году под давлением малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих правительство приступило ко второму этапу аграрной реформы. С октября 1981 года экспроприации подлежали все хозяйства размером свыше 500 мансан на плодородных землях и 1000 мансан во внутренних неосвоенных районах страны в случае их продолжительного неиспользования владельцами. Однако до конца 1983 года правительство использовало этот новый декрет крайне осторожно, что вызывало недовольство крестьян. К ноябрю 1983 года было конфисковано всего 436 хозяйств, 63% из которых неэффективно использовали свою землю.

Но и конфискованные по новому декрету земли правительство распределяло не частникам, а в основном кооперативам: 79% экспроприированных угодий досталось коллективным хозяйствам, и только 21% — единоличникам.

Всего в 1979–1984 году землю в частную собственность получили лишь 0,7% всех крестьянских хозяйств.

Не сильно изменилась после 1981 года и структура землевладения: в 1982-м госсектору принадлежало 23% сельхозугодий (в 1981-м — 20,1%), кооперативам — 1,71% (1,57%), крупным частным производителям (свыше 350 га) —

19,94% (21,2%). Доля мелких производителей (до 35 га) не изменилась — 14,5%. Реальное перераспределение земли в Никарагуа началось в конце 1983 года, и импульс ему дал президент США Рональд Рейган.

Таким образом, аграрная реформа не была по-настоящему успешной в политическом смысле этого слова. Многие крестьяне не ощутили после революции никаких изменений. Наоборот, если раньше их партнеры из частной торговли не только обеспечивали закупку их продукции, но часто и организовывали кредиты и поставку удобрений, то теперь все эти функции были распределены между различными государственными организациями, и на оформление кредитов и продаж стало уходить больше времени. Особенно от этого страдали крестьяне труднодоступных северных районов на границе с Гондурасом, которым приходилось тратить целый день, чтобы добраться до ближайшего банка или отделения ЭНАБАС.

И все же большинство сельского населения ощущало реальную заботу революционного государства и было ему за это благодарно. Теперь ни помещик со своими связями в Манагуа, ни местный командир национальной гвардии не могли, как в старые времена, отнять у них землю грубой силой либо через продажный суд.

Например, декретом хунты № 832 участие в специально созданных для разрешения земельных споров аграрных трибуналах было запрещено всем, кто когда-либо принимал участие в юридических процедурах против крестьян по земельным вопросам, будь то в качестве стороны процесса, адвоката, свидетеля или в «любом ином качестве»¹⁰⁰.

Буржуазная оппозиция немедленно обвинила сандинистов в подрыве «правового государства» и независимости судов, на что член Национального руководства СФНО Луис Каррион ответил: «...мы все знаем, что перед судьей отношение к миллионеру и бедному человеку является абсолютно разным»¹⁰¹. Нет никаких сомнений, что знакомые с судами времен Сомосы никарагуанцы в подавляющем большинстве были на стороне Карриона.

Государство повысило минимальную заработную плату сельскохозяйственных рабочих с 1,7 до 2,2 долларов в день¹⁰². Сандинисты внимательно следили за тем, чтобы закупочные цены ЭНАБАС опережали инфляцию и оставались для крестьян привлекательными. Например, на сезон 1981–1982 годов закупочные цены на кукурузу были повышены на 66%, а на рис — на 77%. Благодаря такой политике (обходившейся государству довольно дорого) доходы сельских жителей в первые два года революции выросли, что особенно выделялось на фоне падения реальной заработной платы рабочих и служащих в городах.

¹⁰⁰ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 116.

¹⁰¹ *Ibid.* P. 113–114.

¹⁰² *Walker Th. W.* (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 236.

Экономические результаты аграрной реформы (точнее, аграрного макроэкономического регулирования) в 1980–1981 годах были отличными, особенно если учесть катастрофический исходный уровень первой половины 1979 года. Если в 1979/1980 году было собрано 145,7 тысячи тонн кукурузы, то в 1980/1981-м — 183,8 тысячи, чем был превзойден уровень 1977/1978 года (181,3 тысячи тонн). В 1981/1982 году урожай был вообще рекордным — 200,3 тысячи тонн. А ведь кукуруза была основным продуктом питания подавляющего большинства населения.

Еще большими были успехи в рисоводстве, где доминировал госсектор. Здесь вообще удалось избежать падения производства: 1977/1978 год — 48,3 тысячи тонн, 1979/1980-й — 63,8 тысячи, 1980/1981-й — 64,5 тысячи, 1981/1982-й — 91,2 тысячи. Неплохо обстояло дело и с фасолью: соответствующие показатели — 41,2, 29,2, 28,7 и 53,9 тысячи тонн¹⁰⁵. Никарагуа уверенно двигалась к полному самообеспечению продовольствием и, несомненно, достигла бы его к 1984 году, если бы США не начали против страны необъявленную войну.

А вот с техническими культурами, где доминировал крупный бизнес, дело обстояло по-другому. В 1977/1978 году страна собрала 122,9 тысячи тонн хлопка (важнейшей экспортной культуры), в 1979/1980-м — только 21,8 тысячи тонн (!), в 1980/1981 году — 75,7 тысячи, в 1981/1982-м — 65,4 тысячи. Объяснить это иначе как саботажем крупных предпринимателей просто невозможно, ибо в кредитных ресурсах никакого недостатка не было. С кофе дело обстояло лучше. Аналогичные цифры — 57,6, 56,3, 59,1 и 63 тысячи тонн. Но ничего другого ожидать и не приходилось — ведь кофейные деревья многолетние. В то же время видно, что никакого расширения производства предприниматели не осуществили.

В общем среднегодовой прирост продукции сельского хозяйства в относительно мирное для Никарагуа время (1979–1983 годы) составил 8% — блестящий показатель не только для Латинской Америки, но и для мировой экономики в целом.

Таким образом, опыт «смешанной экономики» в сельском хозяйстве, в свою очередь, был смешанным. Оказалось, что помощи государства с кредитами и сбытом почему-то явно недостаточно для самых обеспеченных ресурсами крупных производителей, в то время как госсектор и мелкие производители «правильно» реагируют на рыночные кредитно-ценовые стимулы. Собственно, как будет показано ниже, буржуазия и не скрывала, что станет использовать саботаж в производстве основных экспортных культур в качестве средства давления на сандинистов.

Результаты выполнения «Плана 80» могут быть оценены положительно, хотя уже тогда стали сказываться отдельные недостатки и диспропорции го-

¹⁰⁵ Страны Центральной Америки: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1986. С. 245.

сударственного регулирования, чтобы было, впрочем, более чем нормально, если учесть, что многие регулирующие министерства и организации сами появились на свет только в 1979–1980 годах (министерство внутренней торговли, министерство внешней торговли, министерство планирования, министерство строительства и т. д.).

ВВП Никарагуа вырос в 1980 году на 10,7% — рекордный показатель за всю историю страны. Конечно, был низким и исходный уровень, однако и в 1981 году ВВП увеличился на 7%¹⁰⁴. Важным было и то, что ВВП в расчете на душу населения вырос в 1980 году на 6,5%, а в 1981-м — еще на 5%. Причем по сравнению с временами Сомосы распределение экономических результатов среди населения теперь было более равномерным. Потребление мяса и сахара никарагуанцами выросло так, как никогда в истории страны. И произошло это благодаря ценовому регулированию и субсидиям со стороны революционного государства. В среднем потребление населения выросло в 1979–1980 годах на 30%. Таким образом, «План 80», вроде бы монетаристский, все же оказался в реальных условиях народной революции планом стимулирования внутреннего потребления.

В 1980 году ВВП Никарагуа составил 83% довоенного уровня (планировалось 91%).

Интересно сравнить данные Никарагуа (где ВВП упал в ходе революции и войны в 1979 году на 25%) с соседями по Центральной Америке, где у власти стояли проамериканские правые режимы, которым США оказывали массивную экономическую помощь. ВВП относительно благополучной и самой развитой в регионе Коста-Рики вырос в 1980 году на 0,8%, в Сальвадоре сократился на 9,6%, в Гондурасе вырос на 2,9%, в Гватемале — на 3,7%. Причем в расчете на душу населения ВВП сократился везде, кроме Гватемалы.

Сельское хозяйство Никарагуа достигло в 1980 году 76% довоенного уровня вместо 80%, предусмотренных «Планом 80» (что связано только с падением сбора хлопка-сырца), промышленность — 82% (по плану — 87%).

Экспорт (составлявший в 1977 году 414 миллиона долларов) в 1980 году достиг лишь 320 миллионов долларов, что было, опять же, связано с резким падением вывоза хлопка, а также с начавшимся снижением мировых цен на основные экспортируемые Никарагуа товары.

Очень тревожным был неконтролируемый рост импорта до 787 миллионов долларов (389 миллионов в 1979 году; показатели «Плана 80» по импорту были превышены на 13%). Во многом это было связано с достаточно щедрыми иностранными кредитами и гуманитарной помощи Никарагуа; грантов поступило на 260 миллионов долларов, хотя ожидалось еще больше¹⁰⁵. Но, с дру-

¹⁰⁴ По другим данным — на 8,5%. Страны Центральной Америки: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1986. С. 247.

¹⁰⁵ Vilas C. Sandinista Revolution. Monthly Review Press, 1986. P. 232.

гой стороны, расширить аграрное производство было просто невозможно без ускоренного импорта машин, горючего, удобрений и пестицидов. Ничего этого в Никарагуа не производилось.

Пришлось, правда, заплатить увеличением долговой нагрузки на страну. Если в 1980 году на обслуживание внешнего долга шло 16% экспортной выручки, то в 1981 году — уже 43%.

Многие экономисты считали причиной резкого роста импорта искусственно заниженный официальный курс национальной валюты — кордобы, составлявший в 1980 году 10 кордоб за один доллар США. На черном рынке в конце 1980 года за доллар давали 19 кордоб. Причиной давления на кордобу была активная кредитная политика госбанков, которые в кордобах выдавали коммерческие кредиты сельхозпроизводителям. Те зачастую меняли их в Национальном банке на доллары якобы для закупки запчастей, удобрений и т.д. Но реального контроля над расходованием средств не было, тем более что многие бизнесмены эмигрировали в США, по сути, за государственный счет.

Однако если бы сандинисты провели в тот момент девальвацию, это резко взвинтило бы цены на внутреннем рынке и ударило по малообеспеченным слоям, которые только-только стали ощущать материальные преимущества революции.

Бесспорной заслугой революционного правительства было то, что несмотря на рост кредитования и различного рода социальных программ (об этом ниже), в 1980 году удалось удержать инфляцию на уровне 30%. По сравнению с ростом цен на 80% в 1979 году это был крупный успех. Правительство скорректировало рост денежной массы и государственных расходов увеличением налогов на обеспеченных граждан, и доля налогов в ВВП Никарагуа выросла в 1980 году с 9% до 16% (вместо 14% по плану). Но по меркам развитых капиталистических стран такой показатель был более чем скромным.

За счет восстановления производства, общественных работ и создания новых рабочих мест в госсекторе удалось снизить безработицу до 15% трудоспособного населения. На селе даже стал ощущаться сезонный недостаток рабочей силы, и на сбор кофе были отправлены молодежные и студенческие бригады.

Руководство СФНО забило тревогу относительно резкого увеличения рабочих мест на государственной службе (с 26 тысяч в 1977 году до 52 тысяч в 1980-м). «Баррикада» и члены Национального руководства фронта в своих выступлениях бичевали бюрократизм, а Байардо Арсе даже заговорил о новой болезни — «ассистентизме»¹⁰⁶. Имелось в виду резкое увеличение всякого рода помощников, заместителей и ассистентов в различных государственных ведомствах. Например, только в министерстве сельского хозяйства было 4243 штатных работника (примерно в 12 раз больше, чем в министерстве про-

¹⁰⁶ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 100.*

мышленности). Однако представляется, что лидеры СФНО были излишне самокритичны. Резкий рост практически с нуля госсектора и регулирующих функций государства не мог бы обойтись без значительного увеличения госаппарата, тем более на селе, где шла аграрная реформа. Квалифицированных чиновников (например, для контроля над ценами) скорее не хватало.

Самым тревожным явлением в 1980 году было то, что львиную долю инвестиций в экономику вложило государство — примерно 200 миллионов долларов (13% ВВП). Крупные предприниматели явно не спешили внести свою долю в восстановление экономики. Если в 1977 году частный бизнес инвестировал в основные средства производства 3139 миллионов кордоб (в ценах 1980 года), а государство — 3047 миллионов, то в 1980-м ситуация поменялась коренным образом: бюджеты всех уровней выделили 2410 миллионов кордоб, а частный сектор — только 622 миллиона¹⁰⁷.

Это был саботаж, причем политически мотивированный, ибо никакого вреда частному сектору экономическая политика сандинистов в 1980 году не наносила. Нет никаких сомнений, что если бы частный сектор вел бы себя чуть ответственнее (или просто как обычно), то экономика Никарагуа могла бы полностью восстановиться уже к началу 1981 года.

Макроэкономические и финансовые достижения «Плана 80» впечатляют еще более, если учитывать гигантские социальные программы, которые в тот период проводило революционное правительство, прежде всего массовую кампанию по ликвидации неграмотности и резкое улучшение медицинского обслуживания для всех слоев населения.

К 1979 году не умели читать и писать примерно половина никарагуанцев старше 10 лет. Причем на селе неграмотных было около 80%. В 1976 году из всех детей школьного возраста только 7% посещали начальную школу, и около половины из них ее не заканчивали. Детям крестьян было не до учебы — им с самого раннего возраста приходилось трудиться, чтобы помогать родителям. Только 17,5% детей в возрасте 13–18 лет посещали старшие классы, окончание которых давало право на поступление в университет. 8,4% никарагуанских юношей и девушек учились в различных высших и средних специальных учебных заведениях¹⁰⁸.

Квалификация учителей была обычно низкой, опять же, прежде всего на селе. Платили им мало — на образование шло только 1,4% никарагуанского ВВП. Зато разного рода синекуры в системе образования (фиктивные должности преподавателей, зарубежные гранты) часто использовались для того, чтобы прикармливать лояльных диктатуре людей, например, из национальной гвардии.

Сомосе грамотные крестьяне и сельхозрабочие были не нужны, так как грамотность повысила бы их политическую активность. И именно поэтому

¹⁰⁷ Vilas C. Sandinista Revolution. Monthly Review Press, 1986. P. 160.

¹⁰⁸ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 245.

ликвидация неграмотности всегда была одним из основных программных требований СФНО, как и любого по-настоящему революционного народного движения в мире.

Например, лидер СФНО Карлос Фонсека Амадор однажды увидел в партизанском лагере, как его соратники обучают только что присоединившихся к отряду крестьян разбирать автомат. «Обязательно научите их читать», — посоветовал Фонсека. Еще в годы подпольной и партизанской вооруженной борьбы сандинисты устраивали курсы по ликвидации неграмотности среди сельского населения.

Как и большевики или кубинские революционеры, сандинисты видели в грамотных людях не просто граждан, имеющих навыки чтения и письма, а сознательных и критических творцов своей собственной судьбы и нового общества. Член Хунты национального возрождения Серхио Рамирес говорил: «Мы учим бедных и обездоленных читать и писать не из благотворительности, а главным образом для того, чтобы они были готовы политически и технически стать настоящими творцами и законными владельцами революции»¹⁰⁹.

Наконец, с учетом постоянных требований буржуазной оппозиции скорейшего проведения в стране выборов СФНО стремился к тому, чтобы в этих выборах в первый раз в истории Никарагуа приняли сознательное участие сотни тысяч ранее неграмотных людей. Член Национального руководства СФНО, журналист по профессии Байардо Арсе четко выразил главную цель кампании: «Функция знания только одна — трансформация реальности...»¹¹⁰

Лучше всего цели предстоящей кампании выразил ее координатор — член правительства священник Фернандо Карденаль: «Мы считаем, что для того, чтобы создать новую нацию, мы должны начать с образования, которое освобождает людей. Только через познание своего прошлого и настоящего, только через понимание и анализ реальности народ может сам избрать свое будущее. Только в этом процессе народ может выполнить свое гуманистическое предназначение в качестве творца истории...»¹¹¹

Перед сандинистами стояла неимоверно трудная задача: в кратчайшие сроки и без выделения крупных бюджетных средств обучить грамоте сотни тысяч людей, многие из которых жили в труднодоступных районах.

Назначение координатором национальной кампании по ликвидации неграмотности священника Карденалья было умным ходом, так как католическая церковь (в основном ее верхушка) с самого начала стала вести скрытую агитацию против действий правительства скрытую агитацию. Клир утверждал, что студенты и школьники старших классов, которые и должны были обучать взрослых крестьян, будут вырваны из-под опеки родителей, и сандинисты

¹⁰⁹ Walker Th. W. (Editor.) *Nicaragua in revolution*. New York, Praeger, 1982. P. 248.

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ Ibid.

с помощью кубинских советников «промоют им мозги». А девушкам в отрыве от семьи явно грозят сексуальные домогательства.

Сандинисты умело выбили из рук церкви все ее пропагандистские аргументы, назвав кампанию по ликвидации неграмотности Национальным Крестовым походом против неграмотности.

Целью «крестового похода» было за пять месяцев снизить неграмотность населения с 50% до 10–15 %, а затем организовать в стране постоянную систему углубленной учебы для взрослых. Все эти мероприятия должны быть строго бесплатными и открытыми для всех желающих. Другой заявленной целью кампании было повышение политической сознательности населения, для чего обучение грамоте планировалось сочетать с базовым курсом национальной истории и обществоведения. Математику, например, предполагалось учить на базе основных показателей «Плана 80» с упором на то, что цифры плана означают для каждой никарагуанской семьи.

Наконец, послав десятки тысяч молодых людей из городов в деревни, организаторы кампании хотели, чтобы юноши и девушки близко познакомились с образом жизни собственного народа¹¹². Таким образом, обучение было бы двусторонним и взаимно обогащающим.

Был изучен опыт ликвидации неграмотности в странах с испанским и португальским языком, прежде всего на Кубе, в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау. В Манагуа был приглашен известный специалист по проблемам образования для взрослых бразилец Паоло Фрейре. За основу взяли кубинский опыт, так как иного опыта в этом вопросе в Латинской Америке просто не было.

Перед Фернандо Карденалем стояли титанические организационные задачи. Надо было сначала обучить самих будущих учителей. А для этого еще требовалось разработать и напечатать сотни тысяч экземпляров учебной и методической литературы. Затем всех учителей нужно было как-то доставить в труднодоступные районы и обеспечить их фонарями (в никарагуанских деревнях, как правило, не было электричества) и элементарными медикаментами. Требовалось, например, около 60 тысяч таблеток для очистки пресной воды. Единственное, в чем Никарагуа не имело недостатка, — так это в энтузиастах (школьниках старших классов и студентов), десятки тысяч которых были готовы принять участие в кампании. Но именно поэтому кампания должна была быть краткой, чтобы, по возможности, вписаться в летние каникулы 1980 года — ведь сандинисты не хотели, чтобы молодые люди прерывали собственную учебу.

Первым делом надо было найти вне бюджета солидные средства. Помогли грантами многие иностранные государства — Нидерланды, Великобритания, Швеция, Швейцария. ФРГ, ГДР, Доминиканская республика, Коста-Рика (последние две страны прислали бригады учителей).

¹¹² Подавляющее большинство всех студентов было выходцами из городов.

Самый большой грант выделило Американское агентство по помощи иностранным государствам (USAID) — примерно 2 миллиона долларов.

В целом 99% помощи предоставили западные страны.

Помог и Всемирный Совет церквей, что было очень важно, прежде всего с политической точки зрения. Но основную помощь, естественно, оказали кубинцы, уже ликвидировавшие у себя неграмотность в кратчайшие сроки. С Кубы в Никарагуа прибыли бригады преподавателей, что вызвало резкую критику со стороны буржуазной оппозиции и ее американских покровителей. Как уже говорилось, ни у одной другой страны Латинской Америки не было опыта быстрой и массовой ликвидации неграмотности, и к тому же кубинцы, как и никарагуанцы, говорили на испанском языке.

Однако иностранной помощи не хватало, и по всей стране общественные организации развернули массовую кампанию по сбору средств и вещей. Сандинистские комитеты защиты, женские, профсоюзные и молодежные организации проводили благотворительные балы, ярмарки и концерты, чтобы собрать «гроши на карандаши». Энтузиазм людей превзошел все ожидания, и к началу 1980 года было собрано денег и вещей на 10 миллионов долларов.

По кубинскому образцу все молодежные активисты Крестового похода против неграмотности были названы Народной армией грамотности, чтобы подчеркнуть важность кампании, которую сравнивали с вооруженной борьбой против свержения диктатуры. Подразделениями этой «армии» были бригады, поэтому бойцов против неграмотности стали называть бригадистами (как и на Кубе в свое время). Официально кампания была посвящена памяти всех погибших в боях против Сомосы героев и мучеников революции. «Армия» должна была официально вести «войну против незнания».

«Армия» состояла из «эскадронов — по 30 учителей одного возраста и пола — и желательно из одной школы или университета»¹¹⁵. Публиковались «военные сводки» с «фронтов» войны против неграмотности.

Организаторы кампании учли естественную тягу молодежи к героизму и подвигам в любое, даже мирное время, поэтому и была выбрана «армейская» организационная форма (сравните студенческие строительные отряды в СССР с их формой, символикой и знаками различия).

Особая часть «армии» — «народные учителя грамотности» — должна была взяться за ликвидацию неграмотности в бедных кварталах никарагуанских городов. Бойцы этой армии были, как правило, обычными рабочими, служащими и домохозяйками, которые обучали взрослых людей грамотности после работы.

Сначала требовалось обучить методическим навыкам работы с взрослым населением самих бригадистов (большинству которых было от 14 до 20 лет). Для этого был использован принцип мультипликатора. Сначала были обучены

¹¹⁵ *Black G. Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.312.*

80 бойцов бригады «Свободная родина», причем юноши и девушки прошли и курс физической подготовки, чтобы во всеоружии встретить трудные реалии деревенской жизни.

После окончания курса каждый из 80 бойцов бригады должен был обучить 560 других бойцов Народной армии грамотности, которые, в свою очередь, передали полученные знания еще 7000 учителям. В марте 1980 года были досрочно отправлены на каникулы вузы и гимназии, учащиеся которых стали проходить курс обучения в качестве бойцов армии грамотности. К концу марта в бой против неграмотности были готовы отправиться 95 тысяч человек. Из них 60 тысяч были бригадистами (предназначались для работы на селе), а 35 тысяч — «народными учителями», готовившимися к борьбе против неграмотности в городах¹¹⁴.

В труднодоступных районах страны обучение и обмен опытом проводилось по радио. В субботу будущие учителя проводили творческие мастерские со своими преподавателями.

Бойцов новой армии учили преподавать в маленьких группах, в форме уважительного диалога, так как будущие ученики были либо их сверстниками, либо гораздо более зрелыми по возрасту людьми. К тому же главной задачей было развитие у людей способности четко выражать свои мысли и критически анализировать окружающую действительность.

Именно из этих целей и исходили разработанные учебные материалы. Главный из них — элементарный учебник испанского языка «Рассвет народа» — предполагал обучение навыкам чтения и письма на примере разбора с учениками основных вех никарагуанской истории¹¹⁵. Учебник состоял из трех разделов:

- история и развитие революции,
- социально-экономическая программа Хунты национального возрождения,
- гражданская оборона.

Всего в книге было 23 урока, каждый из которых сопровождался фотографиями и письменными упражнениями. В качестве примеров тем уроков можно привести следующие: «Сандино — лидер революции», «Труд — право и долг каждого гражданина», «СФНО вел народ к Освобождению», «Мало тратить, экономить ресурсы и много производить — это и есть Революция», «Сандинистские комитеты защиты защищают революцию» и т.д.

Учебник арифметики также носил характерное название: «Математика и экономическое восстановление (Никарагуа) — одна и та же операция».

Урок должен был начинаться с обсуждения учениками фотографии, причем было желательно дать свободно выговориться всем желающим. Важность

¹¹⁴ The Nicaragua Reader. New York, 1983. P.336.

¹¹⁵ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.252.

диалога и самовыражения неоднократно подчеркивал Карденаль: «Первый шаг [процесса обучения] носит ярко выраженный политический характер, так как он предоставляет народу власть слова. Выражая свое собственное мнение о своей жизни, истории своей страны и своем будущем в диалоге с другими, они [ученики] начинают развивать и укреплять свои творческие и аналитические способности... а ведь любое образование, которое заслуживает этого названия, должно готовить людей к свободе — к свободе иметь собственное мнение, быть критически настроенным для того, чтобы изменить свой мир»¹¹⁶.

Например, фотография к уроку № 10 (тема: «Аграрная реформа даст работу и землю народу») изображала мужчин, женщин и детей, убирающих урожай кукурузы. Диалог вращался не только вокруг самой темы обеспечения страны продовольствием, но и затрагивал равенство полов, необходимость дать детям новое светлое будущее и т. д.

После диалога преподаватель переходил к фонетическим упражнениям на базе только что обсужденного материала, а заканчивалось занятие письменными и устными упражнениями. Так как уроки должны были проходить по вечерам для обычно сильно устававших за трудовой день людей (прежде всего крестьян), то весь материал надо было уложить максимум в два часа.

Естественно, буржуазная оппозиция сразу же заговорила о «промывке мозгов» и политической пропаганде, хотя в мире нет и не было ни одной страны, где преподавались бы деполитизированные история и обществоведение. Следует также подчеркнуть, что никакой антирелигиозной пропаганды учебная программа не содержала. Тем более что правительство сделало предстоявшую войну против неграмотности предметом широкого общественного обсуждения в небывалом в истории страны масштабе.

Созданная для координации всей кампании Национальная комиссия грамотности провела два общенациональных конгресса по оценке готовившихся программ обучения с участием педагогического сообщества. Обсуждение тем и организационных моментов состоялось во всех массовых организациях страны и в церковных приходах. Всего в процессе обсуждения предстоявшей кампании приняли участие более 100 тысяч человек. Отделения Национальной комиссии грамотности были созданы в столицах всех 16 департаментов и 144 районных центрах. Они должны были оперативно в случае необходимости помогать бригадистам советом и учебными материалами.

Характерно, что в центральном офисе Национальной комиссии работали эксперты из самых разных в политическом отношении стран — Аргентины (два человека), Чили (один), Колумбии (четыре), Коста-Рики (один), Кубы (четыре), Сальвадора (два), Мексики (два), Гондураса (один), Перу (один), Испании (четыре), США (три) и т. д.¹¹⁷

¹¹⁶ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.252.

¹¹⁷ Ibid. P.255.

С самого начала правительство заявило, что несовершеннолетние могут стать бригадистами только с согласия родителей, причем бригады будут разделены по половому признаку и несовершеннолетних девушек поселят вместе в общежитиях под надзором взрослых учителей. Бойцы народной милиции, полиции и армии должны были охранять бригадистов от любых проявлений враждебности. Были образованы комитеты родителей, следившие за ходом кампании, в которой участвовали их дети.

24 марта 1980 года армия борьбы против неграмотности под колокольный звон церквей и восторженные крики собравшихся выстроилась на площадях крупных городов для того, чтобы торжественно отправиться на свою битву. Каждый бригадист был в «форме» — джинсах, резиновых сапогах и серой крестьянской рубахе. Оружием каждого бойца армии помимо учебников были переносная школьная доска, сетка против москитов, гамак, фонарь и набор основных медикаментов.

Только 7 тысяч из примерно 80 тысяч бригадистов были профессиональными педагогами. Некоторым из общественных «учителей» едва исполнилось 13 лет. В общей сложности в армию грамотности записались более 95 тысяч добровольцев. Всего в той или иной форме (обучение, организационное обеспечение, сбор средств и т.д.) в кампании по борьбе с неграмотностью приняли участие 20% населения страны.

Примечательно, что, как в свое время и на Кубе, 60% бригадистов были женщинами и девушками.

После торжественных проводов бригадисты на грузовиках, автобусах, лодках или лошадях разъехались по всей стране, причем у некоторых дорога заняла 10 дней.

Прием на местах был, как правило, не менее восторженным, чем проводы дома. Во всех деревнях юношей и девушек встречали торжественной службой в церкви, крестьяне спешили накормить их самыми лучшими (с точки зрения их бедной непритязательной жизни) «деликатесами». Крестьяне были потрясены хотя бы уже тем, что впервые на них обратили внимание жители далеких и чуждых им городов. И это внимание было искренним и бескорыстным.

Учеба началась не сразу. Первое время бригадисты работали вместе с крестьянами в поле и ели с ними «из одного котелка», чтобы лучше понять образ жизни своих учеников. Конечно, для многих горожан было шоком узнать, в какой ужасной нищете, без света, воды и туалетов живут их сограждане, обеспечивающие всю страну едой. Один из бригадистов, 15-летний Давид писал домой: «Дорогие мама и папа... москиты сводят меня с ума. Как только я начинаю говорить, они залетают мне в рот. Но скоро пришлют москитные сетки. Я надеюсь на это... Я многому учусь. Теперь я знаю, как доить корову и сажать овощи. А на днях я с доном Демесио привязывал бычка. Но я делал это очень неумело, и нам пришлось его снова ловить... Дожди не прекращаются. Подо-

швы моих ботинок отклеились, и мне пришлось пришить их иглой, которую местные используют для зашивания мешков...»

16-летняя Гуадалупе сообщала родителям: «Иногда трудно. Томасита умная и хочет учиться, но ее маленький ребенок очень много кричит, и ей постоянно приходится его успокаивать. Я прихожу к ней по три раза в день, чтобы заставить ее свободной, но... пока она не продвинулась дальше четвертого урока... Камило вроде не очень хорошо делает фонетические упражнения. Ему, конечно, нужны очки. Ему уже 67 лет... Сокорро и Хоакина уже дошли до урока № 14, но Хулио пришлось бросить учебу, чтобы собирать кофе, а Каталину малярия приковала к постели... Висенте сильно подтянулся после того, как упал с мула. До этого он был настоящим лентяем. Но теперь, когда у него сломана рука, он стал серьезным и прилежным, несмотря на то, что ему приходится заново учиться писать левой рукой»¹¹⁸.

Характерным является и один из диалогов в импровизированном классе (учились везде — от крестьянских хижин до складов с луком).

«— Донья Ауксиладора, что для Вас означает незнание?

— Незнание означает, что я не знаю ничего о том, кто я есть на самом деле, и почти ничего не знаю о мире, в котором я живу.

— Почему Вы хотите научиться читать и писать?

— Ну... чтобы разбудить свой разум.

— А ты, Асунсьон?

— Научившись читать и писать... мы сможем получать больше выгоды от сельского хозяйства. Теперь мы приобретаем навыки, как бы это сказать, навыки лучшей обработки земли. Сомоса никогда не учил нас читать — не подло ли с его стороны, а? Он знал, что если он научит крестьян читать, то они потребуют своих прав. Да что там, раньше люди не могли даже свободно дышать. Знаете, я считаю, что правительство — это как глава семьи. Глава семьи требует лучшего от своих детей, а дети требуют лучшего от своего родителя, но чиновник, как и глава семьи, который не дает своим детям культуру и воспитание, не любит своих детей. Ведь так?»

В июле 1980 года сельскохозяйственный рабочий дон Хосе говорил матери своего молодого учителя: «Знаете, я уже не невежда. Теперь я умею читать. Еще, может, и несовершенно, понимаете, но я умею. И знаете, Ваш сын тоже уже не невежда. Теперь он знает, как мы живем, что мы едим, как мы работаем, и он знает жизнь в горах. Ваш сын, сеньора, научился читать по нашему учебнику».

Одна из матерей, пославшая в бригады трех детей, говорила: «Крестовый поход за грамотность научил нас двум вещам. Во-первых, что могут совершить наши дети и кем они могут стать. Во-вторых, тому, что из себя представляет наша страна и какие вежливые и бедные люди наши селяне»¹¹⁹.

¹¹⁸ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.243.

¹¹⁹ Ibid. P.245.

К сожалению, война против неграмотности не обошлась без реальных военных потерь. В ходе кампании погибли 56 бригадистов — шесть были убиты прорвавшимися из Гондураса бывшими национальными гвардейцами, остальные стали жертвами болезней и несчастных случаев¹²⁰.

19 мая 1980 года восемь бывших национальных гвардейцев, проникших из Гондураса, убили бойца армии грамотности Георгио Андраде. На суде один из убийц Педро Рафаэль заявил, что убил Андраде, потому что все учителя — коммунисты. Рафаэлю дали 30 лет тюрьмы¹²¹.

Радиостанция бывших национальных гвардейцев из Гондураса с характерным названием «Вольверемос» («Мы вернемся») угрожала расправой всем участникам кампании по ликвидации неграмотности. Однако только 4% всех бригадистов досрочно прекратили выполнять свое боевое задание, большинство из них — в первые недели Крестового похода.

Тем не менее Крестовый поход против неграмотности был феноменально успешным. Всего за пять месяцев количество неграмотного взрослого населения в стране сократилось с 50 до 12% — лучший показатель в Латинской Америке за исключением Кубы. Правда региональные диспропорции пока сохранялись, хотя и не носили такого скандального характера, как при диктатуре. Если неграмотными после завершения кампании оставались всего 7% жителей экономически развитого населения тихоокеанского побережья, то в труднодоступных горных и восточных районах процент неграмотных все еще был выше — 20–25%. До Крестового похода против неграмотности в северных горных районах и на восточном побережье неграмотность составляла соответственно 66,7 и 71,6% взрослого населения.

К середине 1980-х годов успехи Никарагуа особенно отчетливо выделялись на фоне стагнации в проамериканских диктаторских режимах в Центральной Америке: в Гондурасе в 1985 году неграмотных было все еще 40% населения, в Гватемале — 45%, в Сальвадоре — 27,9%. И это несмотря на массивную американскую помощь.

Никарагуа фактически впервые ощутила себя единой нацией — город познакомился и подружился с деревней. В октябре 1980 года правительство начало второй крестовый поход — теперь неграмотность ликвидировали среди индейцев восточного побережья страны, причем там учили как на испанском, так и на индейских языках и английском¹²². Были обучены грамоте (причем и на испанском, и на своих родных языках) около 12 тысяч коренных жителей страны.

¹²⁰ The Nicaragua Reader. New York, 1983. P. 336–337.

¹²¹ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 43.

¹²² Восточное побережье Никарагуа — Москития — сотни лет находилось под контролем Великобритании. Англичане переселили туда рабов с Ямайки. Те смешались с местным индейским населением, и их потомки говорили в основном по-английски. К 1979 года до половины взрослого населения Москитии плохо владело государственным испанским языком и не испытывало к «испанцам» (так называли жителей тихоокеанского побережья Никарагуа) никаких теплых чувств.

Очень важным было и то, что кампания имела продолжение. Правительство организовало уже двухгодичное углубленное образование для взрослых, которое могло дать им возможность затем получить формальное высшее и профессиональное образование. Интересно, что многие из тех, кто только что научился читать и писать, теперь сами были преподавателями в этой системе образования для взрослых.

В середине 1981 года в стране работало 14 175 «народных образовательных коллективов» — фактически вечерних школ для взрослых, 84% которых охватывали сельскую местность¹²³.

Кампания пробудила у многих, особенно на селе, интерес к нормальному школьному образованию. Если в 1978 году начальную школу посещали 369 тысяч человек, то в 1983-м — 579 тысяч. Системы образования для взрослых ежегодно охватывали от 140 до 190 тысяч человек. В целом в 1978–1984 годах количество школьников различных ступеней в Никарагуа более чем удвоилось. Почти в 10 раз выросло количество тех никарагуанцев, кто получал педагогическое образование (с 1,7 тысячи человек в 1970 году до 10,6 тысячи в 1986-м).

В два раза увеличилось количество школ: с 2068 в 1970 году до 4421 в 1980-м. В них в 1985 году работали 16,9 тысячи учителей (8,8 тысячи — в 1975-м)¹²⁴.

Если студентов в Никарагуа в 1970 году было 9,4 тысячи, то через 10 лет — 35,3 тысячи.

Особенно важным был резкий рост числа школьников в последних классах, которые получали полное среднее образование и могли продолжить обучение в вузах: их количество выросло с 11 тысяч в 1970 году до 21,4 тысячи в 1980 году¹²⁵.

Без мощной финансовой поддержки бедного никарагуанского государства при всем энтузиазме и иностранной помощи добиться таких кардинальных сдвигов было бы невозможно. В 1980 году на образование выделялось уже 3,4% ВВП (в два раза с лишним больше, чем при Сомосе), в 1983-м — 5% или 11% всего бюджета. К сожалению, после этого, вследствие начала широкомасштабной войны против Никарагуа, пришлось выделять больше денег на оружие, чем на учебники.

Следует подчеркнуть, что в последующем развитии никарагуанской системы образования особенно ценную помощь оказывали Куба и ГДР. Группа советников ГДР на постоянной основе работала в министерстве образования, разработав, например, очень популярные в Никарагуа учебники серии «Карлитос»¹²⁶. Очень эффективными были разработанные восточногерманскими специалистами методические и дидактические материалы.

¹²³ Vilas C. Sandinista Revolution. Monthly Review Press, 1986. P.218.

¹²⁴ Латинская Америка в цифрах. М., 1989. С. 174.

¹²⁵ Там же. С. 170.

¹²⁶ Harzer E., Volks W. Aufbruch nach Nicaragua. Deutsch-deutsche Solidarität im Systemwettstreit. Berlin, 2008. S. 35.

Кубинцы пригласили несколько тысяч никарагуанских детей в лагеря на Остров молодежи, где многие из них помимо получения знаний впервые в жизни поели досыта. Интересно, что кубинская кухня понравилась не всем и в лагеря были направлены никарагуанские повара. Церковь и буржуазная оппозиция подняли крик о том, что детей на Кубе удерживают якобы принудительно, но правительство Никарагуа немедленно предложило всем обеспокоенным родителям навестить своих детей и лично убедиться в обратном.

В сентябре 1980 года ЮНЕСКО единогласно присудило Никарагуа первую премию за «исключительные и эффективные заслуги в борьбе против неграмотности». Не будет преувеличением сказать, что ликвидация неграмотности в Никарагуа вместе с такими же достижениями Кубы и СССР является уникальным опытом в истории человечества. Само за себя говорит то, что присужденная Никарагуа премия ЮНЕСКО носила имя Надежды Константиновны Крупской.

Кампании по борьбе с неграмотностью в меньшем объеме продолжались в Никарагуа все годы пребывания сандинистов у власти, и все они были отмечены ЮНЕСКО. Всего в 1980 году научились читать и писать 400 тысяч никарагуанцев.

Еще более ужасающим и социально несправедливым, чем в образовании, было во времена Сомосы положение в сфере здравоохранения.

Даже при диктатуре Никарагуа отличалась самыми высокими рождаемостью и темпами прироста населения в Латинской Америке. Однако никакой заслуги Сомосы в этом не было, скорее наоборот: женщины рожали много, так как детская смертность в раннем возрасте была чрезвычайно высокой даже по меркам развивающихся стран — 120–150 на 1000 живорожденных (в Коста-Рике, например, этот показатель не превышал 29 человек)¹²⁷. Большинство женщин, особенно на селе, рожали дома и без всякой медицинской помощи. При этом подавляющая часть сельских жилищ не имела ни электричества, ни канализации, ни пригодной для питья воды.

Средняя продолжительность жизни именно вследствие неадекватного питания и полного отсутствия профилактической медицины не превышала 53 лет (в Коста-Рике — 70 лет). Люди гибли от таких болезней, от которых давно уже никто не умирал в цивилизованном мире. Например, 50% детей и 31,4% всех никарагуанцев умирали от банальной диареи. Понятно, что главная причина этой болезни была чисто социальной — отсутствие в сельской местности и многих мелких городах нормальной питьевой воды. На селе без нормальной воды обходилось 95% населения. Другими причинами высокой детской и взрослой смертности были столбняк, корь и туберкулез — все эти болезни, опять же, провоцировали отсутствие гигиены, вакцинации и очень плохое питание. 66% детей перед революцией недоедали практически каждый день.

¹²⁷ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 261.

По всей стране свирепствовала малярия, которой хотя бы раз в жизни, по статистике, переболел практически каждый никарагуанец.

Доступ к медицинскому обслуживанию имели только богатые горожане. В 1977 году в стране на 2,3 миллиона населения было 50 больниц с 4675 койками, то есть примерно две койки на 100 человек. Причем более половины койко-мест было сосредоточено в трех крупных городах Никарагуа. В стране было 1357 врачей, больше половины из которых работали в столице (а также 70% профессиональных медсестер). В большинстве деревень не было даже фельдшеров и акушеров. По статистике, больницами пользовались только четыре из 1000 человек (даже в бедном соседнем Гондурасе — 26 из тысячи).

Сомоса, правда, создал Институт социального обеспечения (INSS), который должен был распространить страховую медицину на более бедные слои общества. Но реально доступ к лечению в рамках этой системы имели примерно 8% населения и только в городах. Предпосылкой для страхования было наличие хорошо оплачиваемой и главное постоянной работы — но даже две трети жителей Манагуа таковой не имели.

Имелось несколько госпиталей и у церкви, но они были платными. Зато особая закрытая для общества система клиник и госпиталей была у национальной гвардии. Богатые никарагуанцы в любом случае предпочитали лечиться в США.

Во время войны многие госпитали в городах были разрушены или повреждены целенаправленными бомбежками и обстрелами национальной гвардии, стремившейся лишить повстанцев медицинского обеспечения. Около 500 из полутора тысяч врачей покинули страну — эти люди привыкли много зарабатывать и хорошо жить. Десятки тысяч раненых и инвалидов требовали неотложной и длительной медицинской помощи.

Революционное правительство немедленно провозгласило принцип бесплатного и всеобщего здравоохранения. С нуля было создано министерство здравоохранения, в ведение которого перешли все лечебные учреждения. Теперь врачи должны были большую часть дня работать в государственных клиниках и медицинских центрах (десятки которых создавались в сельской местности), а вечером продолжать свою частную практику. Ведь много платить врачам правительство не могло, а те не хотели терять привычный образ жизни. Власти смотрели на эту подработку сквозь пальцы.

500 врачей прибыли из-за рубежа, в основном с Кубы.

Само свержение диктатуры привело к массовому наплыву никарагуанцев в клиники и больницы, которые люди теперь впервые в жизни считали «своими». Только в 1980 году количество посещений больниц выросло по сравнению с последним «мирным» 1977 годом на 31%. На 43% увеличилось количество проведенных хирургических операций. Врачи совершили в 1980 году 5 миллионов визитов к пациентам (2,5 миллиона в 1977 году). Уже в первый год революции различными видами медицинского обслуживания было охвачено 70%

населения¹²⁸. В медицинские центры и санатории были превращены некоторые резиденции Сомосы и его соратников. Госпитали национальной гвардии стали общедоступными.

Революционное правительство построило пять новых современных больниц с 947 койками, причем четыре из них были за пределами столицы. Если в 1978 году на здравоохранение было потрачено 202 миллиона кордоб, то в 1981-м — 1212 миллионов¹²⁹.

С первых дней революции министерство здравоохранения уделяло особое внимание профилактической работе (что было, помимо прочего, дешевле, чем лечить уже запущенные недуги), которая выражалась, прежде всего, в массовой вакцинации. 85% населения были привиты от кори и полиомиелита. В деревнях появились медпункты. В первые полгода революции было построено 4200 нормальных туалетов. Передвижные группы стоматологов впервые оказывали помощь крестьянам, обычно терявшим зубы уже к 30 годам (опять же, сказывался недостаток качественной пресной воды).

Интересно, что даже причины малярии в Никарагуа носили в определенной степени социальный характер. Активное использование химикатов крупными капиталистическими предприятиями и кланом самого Сомосы на рисовых плантациях привело к такой мутации малярийных комаров, что те стали невосприимчивы к большинству вакцин. В 1978 году 4,4 никарагуанца из тысячи заболели малярией, а в результате войны эта цифра выросла в 1979 году до 7,3¹³⁰. В 1981 году 80 тысяч добровольцев распределили антималярийные лекарства среди 75% населения страны.

Специальное начальное медицинское образование получили некоторые бойцы Армии грамотности. Они должны были как лечить своих бригадистов, так и учить элементарным навыкам гигиены и врачебной самопомощи местное население. Также бригадисты сообщали о наличии в их регионах тех или иных заболеваний, ведь при Сомосе никто не занимался исследованием санитарной обстановки в стране и государство регистрировало только четверть рождений и смертей собственных граждан.

Медицинскому факультету национального университета было дано поручение в два раза увеличить количество выпускаемых специалистов (до 500 человек в год). Так как 70% вспомогательного медицинского персонала даже в Манагуа не имело специального медицинского образования, то министерство здравоохранения организовало специальные курсы для медсестер и лаборантов.

«Народной болезнью номер один» при Сомосе был туберкулез — явное следствие плохого питания и плохих условий труда, особенно в горнодобывающей

¹²⁸ The Nicaragua Reader. New York, 1983. P. 341.

¹²⁹ Ibid. P. 346.

¹³⁰ Ibid. P. 342.

промышленности. В ходе общенациональной кампании борьбы против туберкулеза было проведено обязательное рентгеновское исследование всех, кто болел болезнями дыхательных путей более трех недель подряд. В 70% случаях рождений с медицинской помощью новорожденным прививали бациллу Кальметта-Герена.

С диареей стали бороться путем создания 170 центров оральной регидратации (поначалу их было 170, позднее — 226), где пациентов поили специальным питательным раствором, предотвращая гибель от обезвоживания организма. За первый 21 месяц действия этой программы удалось вылечить 92 тысячи детей. Всего через центры прошло 249 тысяч никарагуанских детей.

Полиомиелит был полностью ликвидирован к 1982 году.

Как и в случае с Народной армией грамотности, правительству помогли добровольцы. 169 тысяч бригадистов Армии здоровья (в основном молодых людей) распределили среди населения 330 тысяч доз вакцины. В первые годы революции количество сотрудников системы здравоохранения выросло до 22 700 человек, то есть удвоилось по сравнению с временами Сомосы.

Главным показателем не только успехов борьбы с болезнями, но и общего настроения людей был резкий всплеск и так высокой рождаемости. Резкое сокращение в результате политики правительства детской смертности (со 140 до 50), налаживание регулярного обследования беременных женщин (оно стало доступным в первые же годы революции 65 тысячам никарагуанок) позволили увеличить прирост населения с 3 до 4,5% в год в 1980 году. Аборты в Никарагуа как католической стране были формально запрещены, что на практике приводило к гибели многих женщин именно в результате нелегальных прерываний беременности. После победы революции аборты, к неудовольствию церкви, стали проводить в клиниках.

Продолжительность жизни населения — ключевой показатель, характеризующий успехи здравоохранения в той или иной стране, — выросла за годы революции почти на 10 лет — до 60 лет.

Успехи Никарагуа в медицинском обслуживании также нашли заслуженное признание мирового сообщества — Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) провозгласила Никарагуа «образцовой страной в смысле охраны здоровья».

Конечно, такие выдающиеся успехи были бы невозможны без широкой кампании международной солидарности. Чудеса героизма показывали кубинские врачи, первые из которых вместе с медикаментами прибыли в Никарагуа уже в июле 1979 года. Кубинцы работали в самых труднодоступных и опасных районах страны. Против них активно агитировала церковь (как против безбожников), и некоторые жители индейских районов атлантического побережья Никарагуа боялись давать своих детей на осмотр кубинским специалистам. Свою лепту в антикубинскую истерию, естественно, вносили и американские СМИ.

Медикаменты для центров регидратации были предоставлены ЮНИСЕФ. Помогали Красный Крест и Всемирная программа продовольствия, а также некоторые западноевропейские страны. На развитие здравоохранения были потрачены и американские кредиты в объеме 7 миллионов долларов, выделенные еще Сомосе. Кредит в размере 20 миллионов долларов на строительство и оборудование деревенских медицинских центров предоставил МАБР. Только в первые три месяца революционной власти в Никарагуа в виде дара было направлено из-за рубежа медикаментов на 1,6 миллиона долларов¹³¹.

Достаточно отчетливо международную кампанию солидарности с Никарагуа можно проиллюстрировать на примере госпиталя «Карлос Маркс», построенного в Манагуа специалистами из ГДР. В 1984 году президент Никарагуа и лидер СФНО Даниэль Ортега попросил председателя Госсовета ГДР в Эриха Хонеккера о помощи, и она была представлена быстро и без бюрократических проволочек. Восточная Германия немедленно перебросила в Никарагуа полевой палаточный лазарет Национальной народной армии ГДР, в котором работали гражданские врачи-специалисты (85 человек), сформированные в виде бригады Союза свободной немецкой молодежи (своего рода комсомол ГДР). Все деньги и оборудование госпиталя (около 15 тысяч предметов, необходимых для переоборудования военного лазарета в полноценный госпиталь)¹³² были собраны в виде пожертвования населения ГДР и путем сверхплановых работ на предприятиях Восточной Германии в пользу народа Никарагуа. При чем эта солидарность была искренней, а не навязанной сверху.

В 1985–1990 годах на специальный счет госпиталя «Карлос Маркс» в ГДР поступило 28 миллионов марок ГДР.

23 июля 1985 года этот госпиталь был передан президенту Никарагуа Ортеге в качестве подарка народа ГДР. В 1986 году палатки были замены поставленными из ГДР сборными домами. И для этой масштабной реконструкции все средства собрали обычные граждане ГДР. С учетом постоянных перебоев с электричеством в Манагуа у госпиталя был свой дизель-генератор, а также трансформаторная подстанция (в Никарагуа напряжение в сети было таким же, как в США, то есть отличалось от европейского). У больницы был и свой источник качественной питьевой воды. С 1987 года госпиталь также оказывал помощь в повышении квалификации никарагуанских врачей и медсестер.

«Карлос Маркс» приобрел среди никарагуанцев такую популярность, что его не решились закрыть даже власти ФРГ после ликвидации ГДР в 1990 году (хотя сначала все-таки хотели, якобы потому, что деньги на госпиталь в ГДР были собраны «незаконно»). В госпитале лечили в основном бедных, а также беженцев из районов, охваченных войной «контрас» против законного прави-

¹³¹ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P. 268.

¹³² Harzer E., Volks W. Aufbruch nach Nicaragua. Deutsch-deutsche Solidarität im Systemwettstreit. Berlin, 2008, S. 37.

тельства. После падения правительства сандинистов в 1990 году медицинскую помощь немецкий госпиталь (его переименовали в «Немецкий никарагуанский госпиталь») стал оказывать уже за деньги.

Всего в госпитале «Карлос Маркс» были даны 1,6 миллиона амбулаторных консультаций, стационарно вылечены 220 тысяч пациентов, проведены 75 тысяч хирургических операций и рождены 78 тысяч детей.

Революционное правительство сразу же попыталось переломить катастрофическую ситуацию с жильем, которая особенно обострилась после разрушительного землетрясения в Манагуа в декабре 1972 года.

Все социальные проблемы в стране были взаимосвязаны. Хлопковый бум в 50-е — 60-е годы лишил многих крестьян земли, и они пополнили городской люмпен-пролетариат, особенно столичный. Если в Манагуа в 1940 году проживали 40 тысяч человек, то в 1972-м — 400 тысяч, а к 1980 году — 650 тысяч. Большинство мигрантов из села жили в самодельных хижинах из досок, покрытых оцинкованным листом, с земляным полом и без всякого намека на канализацию. Правда, с электроэнергией дело обстояло лучше, но многие подключались к сети пиратским способом, так как денег на оплату света у городской бедноты не было.

Уже в 1963 году, по официальным данным, в стране не хватало 182 тысяч единиц жилья, и с учетом сильного демографического роста этот дефицит увеличивался еще на 10 тысяч единиц каждый год. По данным национальной переписи 1971 года, 61% всех жилищ в стране имели земляной пол, 36% не имели доступа к питьевой воде, 59% были отрезаны от электричества, 46% не имели канализации, 68% состояли только из одной-двух комнат, а в 23% в одной комнате жили пять и более лиц¹³³. Неудивительно, что такое «жилье» было мощным рассадником инфекционных заболеваний.

Убожество ситуации еще больше усугубило разрушительное землетрясение 1972 года, в результате которого в Манагуа погибли 8 тысяч человек и было повреждено или уничтожено 75% жилого фонда. Без крова остались 250 тысяч человек, прежде всего в бедных кварталах.

К моменту революции город так и не отстроили (шли даже разговоры о возведении его на новом месте). Он представлял из себя странное зрелище для иностранцев — городские кварталы были разделены огромными пустырями, и ощущения единого градостроительного комплекса не возникало. Скорее это был хаотичный набор пригородов без городского центра.

Сомоса канализировал в свои строительные предприятия львиную долю международной помощи на восстановление Манагуа, большая часть которой так и не дошла до адресатов. Например, все тротуары Манагуа замостили плиткой с предприятий диктатора, которая потом очень пригодилась революционерам для сооружения баррикад во время восстания в июне 1979 года.

¹³³ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.274.

При Сомосе был основан Жилищный институт, который должен был возводить социальное жилье. В 1973–1978 годах институт построил 27 тысяч единиц жилья, право на которое имели самые малообеспеченные слои (те, кто получал в месяц 1200 кордоб, то есть 120 долларов, и меньше). Образцово-показательным был квартал «Лас Америкас», который построили с помощью США (11 132 квартир). Правда, в отличие от ГДР, американцы поставили в Никарагуа деревянные дома без полов и всех удобств. В самих США такие постройки использовались в виде временных бытовок на стройках. Позднее предполагалось заменить американский подарок «нормальными» домами, но к моменту революции этого так и не произошло. Тем не менее при распределении таких домов дала о себе знать широко распространенная при диктатуре коррупция. Даже американцы признавали, что право на жилье в «Лас Америкас» подчас получали отнюдь не самые малообеспеченные люди, а те, кто имел связи с чиновниками или национальной гвардией.

Кстати, сама гвардия (точнее, ее офицеры) жила прекрасно — в специальном столичном районе, и не в деревянных халупах.

При диктатуре жители бедных районов явочным порядком захватывали землю и возводили на ней хижины без всякой планировки. Доходило до того, что по некоторым районам столицы даже нельзя было проехать на автомобиле.

Во время гражданской войны 1978–1979 годов артиллерия и авиация национальной гвардии разрушила в крупных городах 4149 домов¹³⁴. К этому добавилось еще и разрушительное наводнение в северо-восточных районах Никарагуа в конце 1979 года, в результате которого без крова остались примерно 30 тысяч человек.

Конечно, при тотальном дефиците госбюджета Хунта национального возрождения не могла надеяться быстро решить застарелую жилищную проблему с помощью только государственного строительства жилья. Но программа хунты предусматривала массивное жилищное строительство в Манагуа и проведение Городской реформы, целью которой было улучшение жилищных условий наиболее обездоленных масс. Для этого было создано специальное министерство жилья и поселений (MINVAH). Развернуть массовое строительство предполагалось после 1981 года, когда будет восстановлена экономика страны. Никто не думал, что именно в это время против страны начнется самая настоящая необъявленная война.

Сначала хунта попыталась воззвать к совести крупных собственников. Декретом № 138 предлагалось дарить правительству жилищные постройки в центре Манагуа. В обмен донору гарантировалась налоговая амнистия и налоговый кредит в 10%. Таким образом, хунта наконец-то хотела снова застроить центр столицы по единому плану. В мае 1980 года, когда истек срок для дарения, государство контролировало 50% площади столицы, правда, только 10% из них властям «подарили».

¹³⁴ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.279.

По всей стране у Сомосы и его соратников было конфисковано примерно 3500 домов, которые распределялись среди нуждающихся и госорганов

С целью немедленного смягчения остроты жилищной проблемы хунта своим декретом в январе 1980 года ввела максимальные предельные ставки аренды жилья. Арендные платежи размером до 50 долларов в месяц были снижены на 50%, платежи от 50 до 100 долларов — на 40%¹³⁵. Для более высокой арендной платы (свыше 100 долларов в Манагуа и 50 долларов в других городах) ее потолок был определен в максимум 5% от оцененной стоимости здания. Владельцев недвижимости лишили права по любому поводу выселять своих жильцов, а также запретили взимать арендную плату авансом или отключать жильцам воду и свет. Сдавать жилье без санузлов было запрещено вообще, с тем чтобы стимулировать владельцев модернизировать свои дома.

В первый год революции было восстановлено и отремонтировано около 5000 единиц жилья для малообеспеченных слоев, разрушенного во время гражданской войны. Всего до начала полномасштабной войны против «контрас» в 1982–1983 годах было построено 12 094 единиц жилья, которые государство сдавало гражданам по низким ценам. Также гражданам передали 34 тысяч участков с подведенной водой и электричеством для самостоятельного строительства жилья. 67 тысяч семей смогли улучшить свои жилищные условия. 89 тысяч семей получили ранее самовольно захваченные ими земельные участки в собственность.

Однако задуманная правительством мощная программа жилищного строительства, как и многие другие социально значимые проекты, была сорвана начавшейся в конце 1981 года при поддержке США настоящей войной никарагуанской контрреволюции против сандинистского правительства.

Война эта была, в свою очередь, следствием развития внутривнутриполитической ситуации в стране. Хотя после 19 июля 1979 года сандинисты и национальная буржуазия делили власть, никакого «медового месяца» между ними не было. Обе стороны понимали, что преследуют абсолютно разные цели, и готовились к решающей схватке.

СФНО хотел перераспределить собственность и доходы в интересах большинства обездоленного при диктатуре населения. Национальная буржуазия была преисполнена решимости этого перераспределения не допустить и оставить социально-экономический строй Никарагуа в неприкосновенности.

Обе стороны назревавшего после 19 июля 1979 года конфликта рассчитывали в борьбе на три фактора.

Что касается сандинистов — во-первых, на их стороне была поддержка огромного большинства населения, объединенного к началу 1980 года в массовые организации. В течение 1980 года эта поддержка выросла благодаря мерам по ликвидации неграмотности болезней, ограничению цен и квартплаты. Во-вторых, СФНО имел абсолютную силовую монополию — армия, полиция

¹³⁵ Walker Th. W. (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982. P.282.

и госбезопасность были преданы фронту. К тому же СФНО мог опереться на десятки тысяч бойцов народной милиции. В-третьих, сандинисты могли рассчитывать на международную солидарность прогрессивных и социалистических стран — от Мексики до СССР.

У буржуазии тоже было три фактора силы. Во-первых, преобладающие позиции в экономике, которые могли быть легко использованы для саботажа любых начинаний правительства. Во-вторых, мощные идеологические средства борьбы в лице церкви, самой тиражной газеты «Ла Пренса» и двух десятков радиостанций (сандинистское телевидение было недоступно многим, особенно на селе, а радио слушали все). В-третьих, безусловная поддержка США, причем американцы, в отличие от социалистических стран, вполне могли решиться и на вооруженную интервенцию в поддержку своих никарагуанских союзников.

Если главным козырем СФНО была поддержка народа (что делало излишним использование силы), то буржуазия уповала главным образом на внешний фактор в лице Вашингтона.

Политика администрации Картера по отношению к революционной Никарагуа была двойственной, так как в самой администрации США не было на этот счет единства мнений. Военные, разведка и аппарат Совета национальной безопасности (СНБ) во главе с Бжезинским еще до прихода революционной хунты к власти были убеждены, что тон в новом революционном правительстве будут задавать марксисты и Никарагуа «потеряна» для США. Американские военные, создавшие и обучившие национальную гвардию Сомосы, были неприятно потрясены тем, что такую мощную армию «неожиданно» разбили какие-то мальчишки-сандинисты. В качестве оправдания своего позорного провала Пентагон ссылаясь на массивную помощь СФНО со стороны Кубы и СССР.

Министр обороны США Гарольд Браун еще 2 июля 1979 года заявил на заседании специальной межведомственной группы по Никарагуа (Special Coordination Committee), что, по его мнению, «среди сандинистов доминируют твердые марксисты-ленинцы»¹³⁶. Пентагон расценил победу сандинистов как «наихудший сценарий» развития обстановки в Никарагуа. В Южном командовании вооруженных сил США (оно располагалось в зоне Панамского канала и отвечало за всю Латинскую Америку) сандинистов считали «сбродом огнедышащих коммунистов»¹³⁷. Помощник председателя Объединенного комитета начальников штабов (высший орган военного руководства в США) так суммировал взгляды американского военного истеблишмента: «Теперь мы имеем Кубу прямо на континенте, и Советы будут использовать ее в качестве базы для поддержки партизанских движений в Центральной Америке. Она (Ника-

¹³⁶ *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P. 221.*

¹³⁷ *Ibid. P. 221.*

рагуа. — *Прим. автора*) расположена ближе к Центральной Америке, чем Куба, это не остров, и может создать нам гораздо больше неприятностей»¹³⁸.

Бжезинский видел успех сандинистов в Никарагуа через призму глобального противостояния СССР и США. Именно он активно пропагандировал старинную «теорию домино», согласно которой за Никарагуа, как костяшки домино, повалятся в руки Москвы остальные центральноамериканские страны. Поэтому, мол, сандинистов надо свергнуть, даже если они поведут себя «прилично», иначе русские и кубинцы и дальше продолжают теснить США на международной арене. Бжезинский отказывался понимать очевидное — причиной революции в Никарагуа была повсеместная ненависть к навязанному США коррупционному диктаторскому режиму, а не «рука Москвы».

На самом деле для Москвы победа сандинистов стала такой же неожиданностью, как и для ЦРУ и Пентагона. Когда в 1978 году делегация СФНО посетила социалистические страны, к ней не отнеслись серьезно и приняли на достаточно низком уровне. Единственным исключением была ГДР, которая уже 19 июля 1979 года открыла свое посольство в Манагуа. СССР признал Хунту национального возрождения только 18 октября 1979 года, то есть на четыре месяца позже США.

Государственный департамент и посол США в Манагуа Пеззулло полагали, что ничего еще в новой Никарагуа не решено и с помощью «дружеских обещаний» в виде экономической помощи страну можно повернуть в русло проамериканской политики.

Однако расхождения между госдепартаментом и Пентагоном (а также ЦРУ и СНБ) касались не принципиальных оценок, а тактической линии по отношению к сандинистам. Пеззулло и госдепартамент хотели помогать Никарагуа только с одной целью — чтобы компенсировать кубинское влияние и удержать Никарагуа в орбите «свободного мира».

Уже через несколько дней после победы революции госсекретарь США Вэнс в циркулярной телеграмме посольствам США в Центральной Америке расценил победу сандинистов как «мощную травму» для Вашингтона¹³⁹.

30 июля 1979 года американцы сформулировали единую стратегическую линию по отношению к Никарагуа, которая сводилась к решительной поддержке буржуазных и предпринимательских сил в их идеологическом противоборстве с сандинистами. Госсекретарь Вэнс в телеграмме посольствам США так сформулировал этот курс: «Основной целью посла Пеззулло будет поддержка умеренных политиков и течений внутри Хунты национального возрождения и СФНО. Учитывая то подозрение, с которым к нам относятся (в Никарагуа), нам придется действовать осторожно, чтобы предотвратить ущерб для умеренных сил

¹³⁸ *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P.222.*

¹³⁹ *Ibid. P.222.*

слишком открытой их поддержкой с нашей стороны. Посольство (США в Никарагуа) будет также побуждать умеренные элементы вне правительства давить на Хунту национального возрождения для защиты своих интересов»¹⁴⁰.

Именно по такому сценарию и начала развиваться внутривластная борьба в Никарагуа сразу же после 19 июля 1979 года.

Обе стороны — и СФНО, и национальная буржуазия (которая была, кстати, представлена на политической арене не столько политическими партиями, сколько лоббистской организацией частного бизнеса КОСЕП) — без всяких иллюзий относились друг к другу.

Садинисты считали буржуазию временным попутчиком главным образом для того, чтобы участием «умеренных элементов» в революционном правительстве не дать ястребам из американской администрации предлога для вооруженной интервенции. СФНО не забыл, как КОСЕП и буржуазные партии почти до самого краха диктатуры пытались при содействии американцев договориться с Сомосой о мирной передаче им власти, чтобы не допустить полной победы партизан СФНО на поле боя. Еще в 1978 году Умберто Ортега заявил: «СФНО должен пройти определенный отрезок пути вместе с буржуазией, отрезок, на котором буржуазия вместе с империализмом (американцами — прим. автора) будет пытаться нас уничтожить и повернуть вспять сандинистский процесс освобождения, равно как и мы будем пытаться уничтожить их и отбросить их реакционные устремления на мусорную свалку истории»¹⁴¹.

Точно так же считали и представители буржуазии. Например, глава Ассоциации частных сельских производителей (испанская аббревиатура UPANIC) Салазар еще до победы революции говорил своим детям, восторгавшимся смелостью сандинистов: «...эти люди коммунисты, и, если они придут к власти, они убьют меня». Пророчество Салазара сбылось уже в 1980 году, хотя виноват в этом был он сам. Американская журналистка Ширли Кристиан передавала слова одного из владельцев аптеки сразу после революции: «Многие люди хотят коммунизма. Лучше пока держать язык за зубами»¹⁴².

На враждебность буржуазии к СФНО никак не влияла очень умеренная экономическая политика Хунты национального возрождения, которую приветствовал даже американский посол Пеззулло. Никарагуанская олигархическая элита не могла принять уже сам факт, что она вынуждена делиться властью с рабочими и крестьянами, которые до этого всегда были бессловесными объектами. Буржуазию бесил сам факт существования каких-то Комитетов сандинистской защиты, которые осмеливались принимать самостоятельные решения. Причем КОСЕП признавала, что Национальное руководство СФНО всеми

¹⁴⁰ *Morley M.* Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P. 229.

¹⁴¹ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 109.

¹⁴² *Christian S.* Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 148.

силами сдерживает ненависть огромного большинства людей к олигархам и бизнесменам. Олигархи не могли примириться и с тем, что «их» клубы теперь открыты для всех желающих, а импорт предметов роскоши ограничен.

Поэтому с самого начала революции в точном соответствии с линией США (и в самой тесной повседневной координации с Вашингтоном) никарагуанская буржуазия взяла линию на провоцирование в стране внутривластного кризиса, который позволил бы вмешаться американцам и убрать сандинистов от власти.

Тактика КОСЕП сводилась к следующему:

- консолидировать позиции буржуазии в новых властных структурах (хунта и государственный совет — своего рода предпарламент), где на июль 1979 году у нее было формальное большинство;
- добиться от СФНО законодательного и реального ограничения вмешательства государства в экономику — с помощью «Ла Пренсы» и церкви критиковать сандинистов за несоблюдение прав человека и основ «правого государства», чтобы дать США предлог для внешней блокады страны, якобы скатывающейся к тоталитаризму. В частности следовало добиться «деполитизации» армии и полиции, чтобы лишить сандинистов силовых рычагов перед лицом возможной американской военной интервенции.

При успехе такой тактики буржуазии (особенно в экономике) ничего бы не изменилось в повседневной жизни большинства никарагуанцев, и буржуазия с помощью тихого экономического саботажа ввергла бы страну в экономические трудности, которые привели бы к эрозии самого главного сандинистского ресурса — поддержки населения.

Наступление буржуазии против СФНО началось синхронно с вышеупомянутой циркулярной телеграммой Вэнса, где и формулировалась стратегия США в отношении Никарагуа.

30 июля 1979 года КОСЕП выразил озабоченность политикой СФНО, которая якобы идет вразрез с Программой Хунты национального возрождения. Сандинистов, как и задумывалось, упрекали в том, что они создают однопартийную диктатуру¹⁴³.

В тесной координации с КОСЕП выступила церковь. 31 июля никарагуанские католические епископы в своем послании выразили «озабоченность» ситуацией в стране. В точном соответствии со сценарием борьбы епископы туманно и без всяких фактов говорили о «немедленном соблюдении прав человека и основных гарантий»¹⁴⁴.

Правда, демарш церкви бумерангом ударил по ее собственному влиянию, когда выяснилось, чьими правами так озабочены епископы. Из «христиан-

¹⁴³ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 148.

¹⁴⁴ *Berryman Ph. The religious roots of rebellion. Christians in Central American Revolutions*. New York, 1984. P. 230.

ского милосердия» епископат выступил против специальных антисомосовских трибуналов, на которых судили бывших национальных гвардейцев. Массовый взрыв возмущения в стране лучше всего выразил Эден Пастора (на которого как на умеренный элемент в СФНО делали ставку американцы): «Как же мы можем просто отпустить тех, кто является убийцами? Если бы вы видели этих бессовестных людей, которые — не моргнув глазом — вели нас к братским могилам, где было захоронено по 50 трупов, и говорили, что это они их убили... перед этим они увечили их — отрезали гениталии, руки или ноги и давали истечь кровью до смерти. Даже не просите нас об амнистии этим преступникам»¹⁴⁵.

Позицию Пастора поддержал весь народ, и церковь на время затихла.

Однако в идеологическую борьбу немедленно вступила Демократическая консервативная партия (формально входившая в Хунту национального возрождения и кабинет министров), обрушившаяся с критикой на Комитеты сандинистской защиты, ставшие якобы орудием шпионажа СФНО против других политических партий.

Все демарши церкви. КОСЕП и буржуазных партий активно и широко овещала «Ла Пренса», которая (особенно после апреля 1980 года) начала играть в Никарагуа такую же роль, как газета «Эль Меркурио» в Чили времен Альенде. «Ла Пренса», к возмущению большинства собственных журналистов, печатала только материалы западных информационных агентств и постоянно критиковала правительство. При этом Виолетта Чаморро, глава клана, которому принадлежала «Ла Пренса», входила в состав Хунты национального возрождения.

Сандинисты старались, по возможности, учитывать все требования буржуазии с оглядкой на США. В октябре 1979 года были подавлены забастовки коммунистических профсоюзов на частных предприятиях. СФНО призывало крестьян прекратить самовольные захваты земли.

Умеренность СФНО признавал американский посол Пеззулло, который сначала оказывал на никарагуанскую буржуазию сдерживающее влияние. Он считал сандинистов неопытными «мальцами», которых при правильном руководстве с его, Пеззулло, стороны легко можно повернуть в нужную США сторону. Слишком сильное давление церкви и предпринимательских кругов будет этому только мешать.

Такие взгляды как нельзя лучше говорят об успехе тактики сандинистов, которая смогла посеять у американцев подобные иллюзии.

Сами сандинисты активно использовали пребывание буржуазных кругов в правительстве, чтобы заставлять их оказывать на своих американских покровителей сдерживающее влияние и добиваться от США экономической помощи Никарагуа. По совету Кастро сандинисты решили впервые в истории построить социализм на американские доллары. Член Национального руководства СФНО Хайме Уилок (любимец Пеззулло) так описывал роль буржуазии

¹⁴⁵ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988, P.40–41.

в революции: «Их место в революции примерно такое же, как у тех, кого пригласили приготовить еду для банкета. На сам банкет их никто не приглашал; им всего лишь надо приготовить еду. И мы хотим держать их именно на кухне. Подальше от всеобщего внимания и не давая им оттуда выйти. Если же они решатся на это, мы дадим им пару пинков»¹⁴⁶.

Аналогию с банкетом подхватила и сама буржуазия. На одном из заседаний Промышленной палаты, входившей в КОСЕП, член хунты Альфонсо Робело (сам предприниматель) без обиняков заявил собравшимся: «Банкет окончен!»¹⁴⁷ Это означало, что эра безраздельного экономического и политического господства никарагуанской буржуазии подошла к концу.

На встрече с активом своей собственной партии — Никарагуанского демократического движения — через 100 дней после установления революционной власти Робело предрекал, что в ходе революции все средства производства все равно будут национализированы. Причем такова воля подавляющего большинства народа, который сделал бы это гораздо быстрее, нежели руководство СФНО.

Таким образом, сандинисты давали буржуазии возможность заниматься бизнесом, но к реальным рычагам политической власти пускать их не хотели. Да, собственно, этого и не дали бы им сделать народные массы. Ведь после революции сам термин «буржуазия» стал ругательным и обозначал предателя и американского наймита (что было, в общем, довольно близко к истине именно в Никарагуа).

Между тем умеренная политика сандинистов и их союз с национальной буржуазией (как и надеялась буржуазная оппозиция) были очень непопулярны в самом фронте и его массовых организациях. Для разъяснения линии Национального руководства СФНО 21 сентября 1979 года в Манагуа был собран актив фронта. По итогам трехдневных заседаний на свет появился внутренний документ «Анализ ситуации и задачи Сандинистской народной революции», ставший известным как «Документ 72 часов».

В нем говорилось о временном характере союза с буржуазией именно ввиду ее тесной связи с США. Такая тактика уже позволила удержать американцев от военной интервенции в июне — июле 1979 года, поэтому должна была быть продолжена до тех пор, пока революция не консолидируется настолько, чтобы в случае военной интервенции США отразить ее. Необходимо проводить революционные преобразования медленно и осторожно, чтобы не дать буржуазии предлога для провоцирования внутривнутриполитического кризиса (которым, опять же, могут воспользоваться американцы). Гарантией будущего успеха СФНО в политической борьбе, по документу, являлись «политизированные в беспрецедентном объеме» вооруженные силы и внутреннее единство самого фрон-

¹⁴⁶ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 110.*

¹⁴⁷ *Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 154.*

та. Фронт был намерен удерживать от открытой оппозиции левоцентристские буржуазные силы, к которым относили партию Робело и Народную социал-христианскую партию¹⁴⁸.

К реальной оппозиции отнесли КОСЕП и некоторые профсоюзы.

Оппозиция раздобыла «Документ 72 часов» (он появился и в американском посольстве) и попыталась использовать его для нового раздувания пропагандистской кампании насчет тоталитарного характера СФНО. Однако американцев документ никак не впечатлил — ничего нового в нем сандинисты, по сути, не сказали, а их умеренная линия с оглядкой на США льстила Пеззулло, так как он считал, что обладает реальной властью в Манагуа.

Так, в октябре 1979 года Пеззулло с удовлетворением сообщал в Вашингтон об арестах левых профсоюзных лидеров и о том, что Томас Борхе в своих речах обширно цитировал американского экономиста Самуэльсона, чтобы объяснить невозможность резкого повышения заработной платы¹⁴⁹.

Все же лидер Демократической консервативной партии¹⁵⁰ Адольфо Калеро, которого очень ценили американцы как перспективного политического лидера, пригласил к себе домой члена Национального руководства СФНО Байардо Арсе, чтобы высказать ему очередную «озабоченность» «Документом 72 часов». Когда Калеро предложил Арсе выпить, открыв свой богатый бар, команданте заметил: «А у буржуазии по-прежнему всего полно». «Надеюсь, что так и останется», — парировал Калеро¹⁵¹. Арсе заверил, что умеренная линия СФНО в экономических вопросах будут продолжена.

Американцы активизировали тактику удушения сандинистов в дружеских объятиях. 20 октября по предложению Пеззулло председатель Объединенного комитета начальников штабов США пригласил главнокомандующего Сандинистской народной армии (СНА) Умберто Ортегу принять участие в Конференции американских армий в Боготе. Этот жест стал ударом в спину буржуазной оппозиции, которая резко критиковала СФНО именно за то, что армия была сандинистской, а не общенациональной. Термин «сандинистский» имел здесь ключевое значение. В сентябре 1979 года буржуазия решила создать новую оппозиционную силу — Сандинистскую социал-демократическую партию. Однако СФНО протестовал, заявив, что слово «сандинистский» может быть использовано только самим фронтом и связанными с ними организациями. Эту точку зрения специальным декретом поддержала хунта. Но тогда получалось, как отмечала буржуазная оппозиция, что СНА является не государственной, а партийной армией СФНО.

¹⁴⁸ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.151–152.

¹⁴⁹ *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981*. Cambridge University Press, 1994. P.235.

¹⁵⁰ Так стала называться объединенная консервативная партия страны — наряду с либеральной одна из «традиционных» партий никарагуанской буржуазии.

¹⁵¹ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.152–153.

Реальным рычагом давления на сандинистов американцы и буржуазная оппозиция решили сделать вопрос возобновления экономической помощи США Никарагуа, которую Картер заморозил в последние месяцы существования диктатуры Сомосы. С самого начала эту помощь предполагалось увязать с политическими уступками со стороны СФНО.

С учетом катастрофического положения никарагуанской экономики американцы не сомневались в действенности экономического оружия. По оценкам правительства США, Никарагуа лишь для неотложных нужд требовалось в первый год революции около 800 миллионов долларов и еще по несколько сотен миллионов (200–250) в последующие годы.

Помощь предполагалось направить только на поддержку частного сектора, который американское посольство в Манагуа в августе 1979 года охарактеризовало так: «...наш главный бастион, который способен влиять на новое правительство и его политику и готов принять указания и содействие США»¹⁵². «Этих парней», то есть сандинистов, следует заставить «работать» с Соединенными Штатами, и тогда «они откажутся от всех дурацких идей, которые у них могут быть». «Наше экономическое содействие, — писали американские дипломаты, — может в этом помочь»¹⁵³.

После 19 июля 1979 года США выделили Никарагуа в виде экстренной помощи 8 миллионов долларов и одобрили представление еще 39 миллионов на различные проекты¹⁵⁴. Большая часть сумм шла на поддержку оппозиционных организаций.

Среди этих проектов было финансирование работы в Никарагуа упоминавшегося выше AIFLD, который, в свою очередь, помогал антисандинистским профсоюзам. Представитель AIFLD в Манагуа был позднее разоблачен как агент ЦРУ. Посол Пеззулло прямо (хотя, конечно, и не публично) характеризовал главную цель AIFLD как «противодействие агрессивным действиям СПТ (Сандинистского профцентра трудящихся) по привлечению в свои ряды масс новых членов»¹⁵⁵.

В сентябре 1979 года госдепартамент начал убеждать конгресс США выделить Никарагуа в 1980 году 75 миллионов долларов, прежде всего на поддержку частного сектора. Из этих 75 миллионов 70 были кредитом и только 5 — безвозмездной помощью. Заместитель госсекретаря США Уоррен Кристофер говорил конгрессменам, что ситуация в Никарагуа пока еще «зыбкая». «...частный сектор и политики-несандинисты хорошо представлены на высшем уровне правительства и сохраняется возможность для... влияния на про-

¹⁵² *Morley M.* Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P.245.

¹⁵³ *Ibid.* P.246.

¹⁵⁴ *Sklar H.* Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P.41.

¹⁵⁵ *Morley M.* Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P.246.

цесс перемен в направлении, соответствующем базовым интересам США... Мы правильно поступим, если... будем пытаться использовать преимущества от перемен и двигать их в нужном нам направлении»¹⁵⁶.

Отношение в конгрессе (особенно в палате представителей) к сандинистам было явно враждебным, и Пеззулло поражался недалекости американских парламентариев, которые своим упрямством только заставляли Никарагуа обращаться за содействием к социалистическим странам. Пеззулло говорил не очень просвещенным в теме конгрессменам, что сандинизм — явление чисто никарагуанское и возникло без всякого влияния Кастро: ведь Сандино погиб, когда Кастро был еще ребенком. Никарагуанские «умеренные (силы) ждут нашего содействия слишком отчаянно, чтобы мы могли позволить себе сидеть на обочине дороги и просто следить за ходом событий»¹⁵⁷.

Но несмотря на усилия Пеззулло и госдепартамента, сенат США принял закон, одобрявший экономическую помощь Никарагуа, только 29 января 1980 года. Из 100 сенаторов 54 проголосовали «за» и 35 — «против». Однако принятие закона в нижней палате по-прежнему находилось под угрозой срыва.

За всеми этими перипетиями внимательно следили как сандинисты, так и их противники.

СФНО решил использовать открытые нападки в американском конгрессе (которые дискредитировали, прежде всего, буржуазную оппозицию, связанную с США) для формального укрепления своей власти в стране.

Буржуазия же решила использовать дебаты в конгрессе США для нового наступления на СФНО. Застрельщиком опять выступила церковь, руководство которой 17 ноября 1979 года обратилось с пастырским посланием к никарагуанцам. Текст явно был согласован с буржуазной оппозицией. Церковь, которая при Сомосе не вмешивалась в «мирскую» политическую жизнь, теперь неожиданно заявила, что революционный процесс (было употреблено именно это слово, совершенно чуждое для прежнего языка клира) принадлежит всем, а не только СФНО. В послании содержались явные нападки, хотя и эзоповым языком, на сандинистские массовые организации («органы прямой народной демократии»).

Но больше всего левые силы были возмущены тем, что епископы стали трактовать само понятие социализма. Они выделили «плохой» тоталитарный социализм и «хороший». Причем главное различие было в том, что хороший социализм должен быть истинно никарагуанским по натуре и не копировать другие страны. Тем самым церковь фактически выступила против углубления отношений с Кубой и другими странами социалистического содружества¹⁵⁸.

¹⁵⁶ *Morley M.* Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P.247.

¹⁵⁷ *Sklar H.* Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P.42.

¹⁵⁸ *Berryman Ph.* The religious roots of rebellion. Christians in Central American Revolutions. New York, 1984. P.233–235.

Сандинисты подняли брошенную перчатку и тоже усилили в СМИ и через массовые организации идеологическую борьбу с буржуазией. Основным тезисом фронта было то, что буржуазные круги не принимали никакого реального участия в вооруженной борьбе против диктатуры, а наоборот, вместе с американцами пытались спасти ее, пожертвовав только фигурой Сомосы. Характерным примером является следующее меткое заявление лучшего оратора фронта Борхе: «В траншеях и на баррикадах мы не видели всех этих хорошо одетых и надушенных людей. Вместо них мы видели там рабочих, крестьян, великих протагонистов триумфа восстания и революции»¹⁵⁹. Даниэль Ортега в «Баррикаде» отмечал, что буржуазия «никогда не играла последовательной роли в освободительном процессе».

Общественное мнение (прекрасно помнившее события революции) явно было на стороне сандинистов. КОСЕП сопротивлялся, доказывая свои заслуги в борьбе против Сомосы, но постепенно слово «буржуазия» в народе стало ругательным. Оппозиция, несмотря на всю активность «Ла Пренсы», явно проигрывала борьбу за умы никарагуанцев. Опираясь на поддержку населения, фронт решил консолидировать свои позиции в государственном властном аппарате.

В декабре 1979 года были произведены перестановки в кабинете министров, в результате которых СФНО стал численно доминирующей силой в правительстве (до этого только два министра были членами фронта). Три команданте из Национального руководства СФНО (помимо министра внутренних дел Борхе) стали членами кабинета — Умберто Ортега (министр обороны), Хенри Руис (министр планирования) и Хайме Уилок (министр сельского хозяйства). Таким образом, СФНО возглавил уже не только силовой, но и экономический блок правительства. Всего в хунту и кабинет теперь входили шесть из девяти членов Национального руководства СФНО — по три от каждой фракции (Луис Каррион стал заместителем министра обороны).

Буржуазной оппозиции и ее американским покровителям пришлось просто «проглотить» новое усиление позиций фронта, которое собственно отражало лишь уже существующий авторитет СФНО в обществе. Расчет сандинистов оказался правильным — если бы американцы в это время провалили в конгрессе законопроект о помощи Никарагуа, то авторитет буржуазной оппозиции (и так весьма невысокий) быстро приблизился бы к нулю.

Однако оппозиция все же ответила: на слушаниях принятого сенатом законопроекта о помощи в палате представителей этот законопроект снабдили оговорками, оскорбительными для любой суверенной страны. 27 февраля 1980 года после письменного обращения Картера к председателю сенатского подкомитета по зарубежным операциям Дэниелу Инойю (президент США пи-

¹⁵⁹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 118.*

сал, что если конгресс быстро не одобрит законопроект, то возникнут «серьезные проблемы во внешней политике» США)¹⁶⁰ нижняя палата конгресса США мизерным большинством — 202 голоса против 197 — приняла закон о помощи иностранным государствам, в том числе и Никарагуа.

При этом оговорки были такими, что только снизили и без того невысокий престиж США в Никарагуа. Так, помощь следовало немедленно прекратить, если администрация США сочтет, что в Никарагуа «систематически и массово» нарушаются права человека, особенно политические. То же самое должно было произойти, если в Никарагуа будет обнаружено иностранное военное присутствие, представляющее угрозу, как национальным интересам США, так и интересам союзников Вашингтона в Центральной Америке. Президент США должен был давить на Никарагуа в целях скорейшего проведения там «свободных выборов» и следить за тем, чтобы от Никарагуа не исходила террористическая угроза соседям и самим США. Наконец, палата представителей постановила, чтобы минимум 60% средств из 75 миллионов пошло частным организациям, не связанным с государством.

Все это было столь унижительно для Никарагуа и контрпродуктивно для американской политики «удушения в объятиях», что госдепартамент и Картер стали убеждать сенат (который опять должен был рассмотреть законопроект, так как нижняя палата внесла в него упомянутые поправки) отказаться от оговорок.

Фактически оговорки были программой действий для никарагуанской оппозиции — ей прозрачно намекнули, что надо делать и в чем обвинять сандинистов, чтобы никарагуанско-американские отношения стали открыто враждебными.

Это прекрасно понимал и СФНО. Сандинисты опять решили продемонстрировать свою умеренность, чтобы лишить вашингтонских ястребов столь желанного для них предлога. В феврале 1980 года появился декрет Хунты № 282, который запрещал захваты предприятий трудящимися. Правда, декретом № 329 (февраль 1980 года) ранее захваченные предприятия экспроприировались. Таким образом, сандинисты как бы подводили черту под послереволюционными реквизициями.

Однако никакой благодарности от буржуазии (вдохновленной позицией американских законодателей) сандинисты не дождались. Наоборот, КОСЕП решительно осудил «легализацию» самовольных захватов и предупредил, что «кризис на пороге»¹⁶¹.

И действительно, кризис себя ждать не заставил, буржуазия спешила — пока еще не был посеян хлопок, то есть до апреля — мая), в ее руках остава-

¹⁶⁰ *Morley M.* Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P. 250.

¹⁶¹ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua, .McGill-Queen's University Press, 1995. P. 117.

лось мощное средство давления на сандинистов. К тому же кризис вокруг темы «политического плюрализма» мог бы оказать решающее воздействие на сенат США перед принятием «никарагуанского» законопроекта.

Камнем преткновения послужил состав государственного совета, который определяла хунта. Госсовет вплоть до выборов должен был играть роль парламента с ограниченными полномочиями (хунта могла налагать вето на его законопроекты, и у госсовета не было права бюджетного контроля). Первоначально госсовет должен был состоять из 33 человек, которых направляли партии и общественные организации по установленной для них квоте, причем большинство было у буржуазных партий и организаций. Сандинисты пошли на это в июне 1979 года под давлением США еще до победы народной революции.

Однако в октябре 1979 года по инициативе СФНО хунта решила отложить созыв госсовета на 4 мая 1980-го (это была годовщина принятого Сандино в 1927 году решения начать вооруженную борьбу против американских оккупантов), так как в стране формировались новые многочисленные общественные организации, которые тоже требовали представительства в «предпарламенте».

Член хунты Альфонсо Робело, посетив в марте 1980 года США, где его принял заместитель госсекретаря Уоррен Кристофер, перешел к открытым нападениям на революционную власть, хотя совсем недавно выступал с более радикальными заявлениями, чем сами сандинисты. Его немедленно поддержал рупор буржуазной оппозиции газета «Ла Пренса», выступив с заголовком «Аплодисменты Робело и атаки на правительство»¹⁶².

9 марта Робело встретился с частными торговцами, которые жаловались ему на конкуренцию государственной торговой компании ЭНАБАС. Особенную ненависть торговцев вызывали Комитеты сандинистской защиты, следившие за соблюдением установленных государством цен на социально значимые продукты. Когда торговцы заявили, что «объявляют комитетам войны», Робело их полностью поддержал.

11 марта Робело появился в Чинандеге, где его партия — Никарагуанское демократическое движение — имела наибольшую поддержку в стране. Произнесенную там Робело речь «Ла Пренса» назвала «экстраординарной». И она действительно была таковой для члена высшего органа власти в стране. Робело обвинил СФНО в узурпации власти в стране, потребовал скорейшего проведения свободных выборов и прекращения нападков на частный бизнес. 16 марта 1980 года Робело опять выступил с публичной отрывистой резкой критикой в адрес СФНО в Манагуа перед аудиторией в 5 тысяч человек, обвинив фронт в том, что он не придерживается сформулированной в июне 1979 года программы хунты¹⁶³. Примечательно, что трех из пяти членов хунты в этот момент не было в стране.

¹⁶² Black G. *Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 340.

¹⁶³ Christian S. *Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 172.

Он обрушился с критикой и на «крестовый поход» против неграмотности, который считал кампанией по промыванию мозгов населению (то есть проявлением тоталитаризма). При этом своих детей миллионер Робело отправил учиться в США.

Обратный отсчет внутривнутриполитического кризиса был дан.

Хунта ответила на выпады специальным коммюнике, в котором отмечалось, что как лидер политической партии «товарищ Робело» имеет полное право выражать свои политические взгляды — «это подчеркивает политический и идеологический плюрализм, который существует в стране»¹⁶⁴.

СФНО распространил среди членов фронта закрытый меморандум, в котором весьма точно говорилось, что Никарагуанское демократическое движение перешло в лагерь контрреволюции и встало на сторону «империализма янки». Однако Национальное руководство фронта призывало членов СФНО воздержаться от резких необдуманных действий, чтобы избежать экономических санкций США.

Комитеты сандинистской защиты были менее дипломатичными, чем хунта, назвав Робело «крысой, которая нашла прибежище в сандинизме, когда корабль олигархии тонул».

Примечательно, что несмотря на свои резкие выпады Робело не подал в отставку в середине марта 1980 года. Он ждал более серьезного повода для организации внутривнутриполитического кризиса.

16 апреля 1980 года на заседании хунты Даниэль Ортега от имени СФНО внес предложение о расширении госсовета до 47 членов за счет включения в него представителей новых массовых организаций (например, СПТ, Комитетов сандинистской защиты и т.д.). В этом случае большинство в предпарламенте уже переходило к СФНО и связанным с ним организациям. Чаморро и Робело проголосовали против, но решения в хунте принимались большинством голосов, и таким образом расширение было одобрено тремя голосами против двух. Робело придрался к тому, что вместо отсутствовавшего Даниэля Ортеги (он в этот момент совершал визиты в африканские страны) голосовал другой член СФНО. Ничего необычного в этом не было, и такой порядок практиковался уже не раз.

Партия Робело предложила СФНО оставить количество членов госсовета без изменений, но провести некоторое перераспределение мест в пользу фронта. При этом, однако, большинство оставалось у буржуазии¹⁶⁵.

19 апреля 1980 года кризис приобрел публичную форму, когда в отставку с поста члена хунты подала Виолетта Чаморро. Правда, формально она назвала в качестве причины состояние здоровья (у нее болела нога). Национальное руководство СФНО, все еще надеясь избежать открытой конфронтации, опубли-

¹⁶⁴ *Black G. Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 341.*

¹⁶⁵ *Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 173.*

ковало в «Баррикаде» панегирики Чаморро, и команданте приехали к ней домой, чтобы поблагодарить за ее вклад в революцию. Чаморро встречала их на костылях, что и было запечатлено на многочисленных фото, подтверждающая версию о здоровье как мотиве отставки.

21 апреля 1980 года в газетах появился декрет хунты о расширении состава госсовета, под которым стояли подписи всех пяти членов. Возмущенный Робело созвал 22 апреля пресс-конференцию и заявил о своей отставке, так «определенная часть» хунты «отклонилась от целей революции». Несколько десятков членов партии Робело ушли с высоких постов в правительстве. В интервью американской журналистке Ширли Кристиан Робело сказал, что ушел, потому что остался в хунте не у дел и намеренно желал спровоцировать внутривнутриполитический кризис: «...продолжать там работу означало бы поддерживать видимость плюрализма... и мы решили уйти, так как считали, что это спровоцирует — и это действительно спровоцировало — мощный удар, который заставит СФНО осознать, что он делает»¹⁶⁶.

Буржуазная оппозиция заявила, что будет бойкотировать заседания расширенного госсовета. Кризис был налицо и вращался вокруг «демократических требований», что и было нужно ястребам в Вашингтоне.

Правда, отставка Робело не встретила полного понимания даже в рядах его собственной партии. Национальный совет Никарагуанского демократического движения встал на сторону лидера партии и назвал хунту «аппаратом тоталитарного государства». Однако еще 16 марта два ведущих члена партии — министр промышленности Фернандо Гусман и вице-министр внутренней торговли Педро Антонио Бландон — сами вышли из партии Робело в знак протеста против его публичных выступлений. Отставку Робело критиковали организации его движения в Леоне и Чинандеге, возражая против того, что это решение было принято без консультаций с партийными организациями на местах.

Конечно, сандинисты могли бы просто продолжать работу хунты в составе трех человек, но это вызывало бы обвинения буржуазии и американцев в монополизации власти. Другими вариантами разрешения конфликта были компромисс с буржуазией или проведение выборов в полноценный парламент. Причем последний вариант начисто выбивал из рук оппонентов СФНО все пропагандистские козыри насчет демократии и прав человека. Странно, что фронт не избрал этот вариант. Ведь еще в июле 1979 года Фидель Кастро совершенно справедливо говорил членам Национального руководства СФНО, что любые выборы дали бы СФНО подавляющее большинство. Собственно, это было понятно любому непредвзятому наблюдателю никарагуанской политической сцены.

¹⁶⁶ Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P.174.

Возможно, что сандинисты (будучи марксистами), как и большинство никарагуанского населения, относились с презрением к буржуазным выборам, которые в истории Никарагуа никогда еще не были свободными. Сандинисты были сторонниками прямой народной демократии, что выражалось в передаче все больших реальных полномочий массовым организациям. Они хотели, чтобы, как в древних Афинах, каждый никарагуанец напрямую, а не только через парламент, участвовал в решении практических вопросов государственной жизни.

К тому же все списки избирателей были уничтожены диктатурой, и их пришлось бы составлять заново. Наконец, сандинисты до выборов хотели ликвидировать неграмотность, чтобы сделать сотни тысяч людей сознательными участниками политического процесса.

Как бы то ни было, откладывая выборы, СФНО лишь давал буржуазной оппозиции и американцам прекрасный предлог для критики в свой адрес.

На совместной пресс-конференции три команданте из Национального руководства СФНО заявили, что Робело ушел, потому что разошелся с целями революции. Сандинисты прямо указали на взаимосвязь отставки Робело с дебатами в американском конгрессе о выделении кредитов Никарагуа. Многим и правда было неясно, почему вдруг Робело ушел через девять месяцев после победы революции — ведь до этого он проводил линию хунты, иногда и с энтузиазмом.

Помимо темы «плюрализма» буржуазия решила подключить к кризису еще и вопрос «свободы прессы».

Уже давно назревал внутренний конфликт в газете «Ла Пренса».

Ее возглавлял Хавьер Чаморро, младший брат убитого в январе 1978 года Педро Хоакина Чаморро (мужа Виолетты Чаморро, которая, собственно, вошла в хунту на правах своего рода живого символа). Хавьер был искренним сторонником революции, но в газете у него был мощный семейный и политический недруг — Педро Хоакин Чаморро Барриос (один из сыновей убитого журналиста и политика). Педро Хоакин при поддержке большинства семейного клана хотел превратить газету в открытый оппозиционный орган. Он говорил, что не допустит «100%-ной марксификации страны и превращения народа в баранов»¹⁶⁷.

Проблема состояла в том, что две трети журналистов были на стороне Хавьера, а значит, сандинистов. Дело доходило до того, что газета публиковала некоторые статьи вместе с комментарием несогласной стороны из самой же «Ла Пренсы».

Ключевой в этом конфликте становилась позиция Виолетты Чаморро — лидера семейного клана и одного из акционеров газеты. Вскоре стало ясно, почему донья Виолетта подала в отставку из рядов хунты — она передала свои

¹⁶⁷ Black G. Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 343.

акции Педро Хоакину. Последнего за резкий характер и консервативные политические взгляды (сам он считал себя «социал-демократом» и «представителем прогрессивной буржуазии», но ярим врагом марксизма) не любил большинство журналистов «Ла Пренсы», которые пригрозили остановить выпуск газеты, если Хавьера Чаморро отстранят от руководства.

Для сандинистов приостановление выхода «Ла Пренсы» было крайне нежелательно, так как их наверняка обвинили бы в подрывной деятельности против крупнейшей газеты страны.

Кризис вокруг «Ла Пренсы» (а точнее, внутри самой газеты) выплеснулся наружу 19 апреля 1980 года и точно совпал с отставкой Виолетты Чаморро. Профсоюз журналистов газеты потребовал от владельцев заключения коллективного договора, в котором, в частности, содержалось требование об участии журналистов в руководстве изданием. «Демократ» Педро Хоакин Чаморро был решительно настроен против этого и решил вообще прекратить на время выпуск «Ла Пренсы». Он понимал, что в случае заключения коллективного договора тон в газете будет задавать его дядя Хавьер.

20 апреля Педро Хоакин Чаморро потребовал напечатать на первой полосе новость о добровольной отставке Хавьера Чаморро, которую тот сразу же опроверг. Журналисты и технический персонал объявили забастовку, требуя восстановления Хавьера на своем посту. Журналисты подвергли резкой критике новых членов руководства, которых привел Педро Хоакин: «...эти люди никогда ничего не писали против Сомосы, а теперь ожесточенно нападают на революцию»¹⁶⁸.

21 апреля 1980 года «Ла Пренса» не вышла.

Всколыхнувший страну кризис не обошелся без участия католической церкви, которая вместо того, чтобы успокоить умы, подлила масла в огонь, четко заняв антиправительственную позицию. Никарагуанские епископы потребовали, чтобы четыре священника — члена кабинета министров (в том числе и координатор кампании против неграмотности и министр иностранных дел) немедленно подали в отставку, так как их «мирская» деятельность несовместима с духовным саном.

Но прежде чем на сандинистов обрушились мощные упреки из США, на помощь им пришел американский посол в Манагуа Пеззулло. Тот считал, что уход буржуазных лидеров из хунты и правительства только усилит марксистов и сторонников кубинской ориентации. Поэтому Пеззулло стал давить, с одной стороны, на сандинистов, чтобы они заменили Робело и Чаморро буржуазным политиками, а с другой — на КОСЕП, чтобы буржуазия пошла на компромисс с сандинистами по вопросу о расширении госсовета.

Пеззулло встретился со «своим другом» команданте Уилоком и передал от имени последнего президенту КОСЕП Энрике Дрейфусу приглашение на-

¹⁶⁸ *Black G. Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.344.*

чать переговоры с целью нормализации внутривнутриполитического положения¹⁶⁹. Начались контакты между тремя членами Национального руководства СФНО и верхушкой КОСЕП. Пеззулло упивался своей ролью «кингмейкера» в никарагуанской политике, хотя играл по партитуре сандинистов, так как те тоже хотели расширения хунты за счет новых представителей буржуазии, чтобы именно их руками показать Робело, что незаменимых людей нет.

На переговорах КОСЕП пытался заставить сандинистов пойти на уступки по широкому кругу вопросов, никак не связанных с госсоветом — формальной причиной кризиса. От фронта требовали полного прекращения любой национализации, свертывания государственного регулирования экономики и немедленного провозглашения даты выборов. Принятие этих требований означало фактическое прекращение революции. 1 мая 1980 года (за три дня до торжественного открытия госсовета, на которое был приглашен дипкорпус) КОСЕП выдвинул настоящий ультиматум — если его требования не будут приняты, то все буржуазные партии и организации демонстративно выйдут из госсовета. Это, конечно, было бы крайне серьезным ударом по имиджу сандинистской революции в мире.

Но этот ультиматум взбесил Пеззулло, который прямо обвинил лидеров КОСЕП в излишней конфронтационности и неготовности к компромиссу. Вечером в пятницу 2 мая 1980 года Пеззулло встретился с лидерами КОСЕП и стал убеждать их занять место в новом госсовете. От американского посла, уже в другом настроении, буржуазные лидеры поехали на переговоры с сандинистами.

Но и они шли непросто. Лидер союза сельхозпроизводителей и скотоводов, уже упоминавшийся выше враг коммунистов Хорхе Салазар, известный своим буйным темпераментом, кричал: «Мы устали от угроз. Если хотите экспроприировать нас, то давайте, мы не боимся»¹⁷⁰. КОСЕП угрожал, что соцвет посевную кампанию хлопка и тем самым лишит страну валюты.

Наконец, компромисс был достигнут. Под давлением Пеззулло КОСЕП согласился на расширение госсовета (посол США говорил, что это все равно временный орган и скоро его заменит выборный парламент). В свою очередь, СФНО обещал до 19 июля 1980 года (первой годовщины революции) объявить о точной дате проведения выборов. КОСЕП потребовал зафиксировать договоренность в письменном виде, что и было сделано. Но сандинисты все же перехитрили олигархов — документ составили в одном экземпляре, и делегация СФНО увезла его с собой.

4 мая 1980 года госсовет Никарагуа начал работу. Из 47 его членов девять представляли Комитеты сандинистской защиты, шесть — СФНО, по три — СПТ и Союз сельских тружеников. Организации КОСЕП получили шесть мест,

¹⁶⁹ Christian S. *Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 180.

¹⁷⁰ *Ibid.* P. 183.

буржуазные партии, в том числе и партия Робело, — пять (по одному месту каждая)¹⁷¹. Остальные места получили профсоюзные, женские и молодежные организации. Причем своих представителей в госсовет все они выбирали сами.

Сандинисты вместе со своими массовыми организациями имели в госсовете большинство, и его президентом стал член Национального руководства фронта Байардо Арсе (позднее его сменил член Национального руководства СФНО Карлос Нуньес). Вице-президентом госсовета от КОСЕП стал ярый враг сандинистов и президент Строительной палаты (туда входили частные строительные фирмы) Хосе Франсиско Карденаль. Последний не стал работать в новом органе и уже 6 мая улетел в США, чтобы организовать вооруженное свержение сандинистской власти.

Следует отметить, что, в отличие от никарагуанского парламента времен Сомосы, госсовет не был послушным исполнителем воли правительственной Хунты национального возрождения, хотя у сандинистов и их массовых организаций имелось примерно 60–70% мест в этом органе. Согласно законодательству декреты хунты становились законом, если в течение 10 дней госсовет не отклонял их. Если госсовет не соглашался и вносил свои поправки, то хунта вновь рассматривала декрет и могла, либо согласиться с поправками, либо отвергнуть их. На практике декреты хунты довольно часто исправлялись госсоветом, и уже в 1982–1983 годах большинство проектов новых законов формулировались не хунтой, а самим госсоветом¹⁷². Например, 30% текста проекта ключевого для Никарагуа закона о политических партиях (разработанного СФНО) было изменено госсоветом.

18 мая 1980 года были объявлены имена двух новых «буржуазных» членов Хунты национального возрождения — бывшего президента Национального банка Артуро Круса (которого очень ценили в Вашингтоне, где он долгое время работал в Межамериканском банке развития) и Рафаэля Кордобы Риваса (бывшего главы Верховного суда). Оба политика были членами Демократической консервативной партии. Пеззулло воспринял эти назначения как свою личную победу.

Был разрешен и конфликт вокруг «Ла Пренсы». Семья Чаморро выкупила у Хавьера его акции, и он ушел, чтобы создать новую газету — «Эль Нуэво Диарио», которая поддерживала революцию.

Компромисс немедленно смягчил и позицию церкви, которая «позволила» священникам — членам правительства остаться на своих постах при условии, что они не будут проводить службы в храмах.

¹⁷¹ Независимая либеральная, Народная социал-христианская, Никарагуанское демократическое движение вошли вместе с СФНО в Народный патриотический блок. Демократическая консервативная и Социал-христианская партии формально были в оппозиции, хотя и в «конструктивной».

¹⁷² *Vanden H.E., Prevost G. Democracy and Socialism in Sandinista Nicaragua. Colorado, Lynne Rienner Publishers, 1993. P.73–74.*

Если в вопросе о составе хунты и госсовета сандинисты одержали победу над буржуазными оппонентами (причем победу элегантно — руками американского посла), то переход «Ла Пренсы» целиком под контроль оппозиции возвещал для них серьезные проблемы. Новая «Ла Пренса» стала в каждом номере резко критиковать правительство и сохранила свое лидерство по тиражу: когда «Эль Нуэво Диарио» продала 73 тысячи экземпляров (несомненный успех для новой газеты), «возобновившая в мае 1980 года свой выход „Ла Пренса“ — 123 тысячи. Заголовок рупора оппозиции ликовал, передразнивая сандинистские лозунги: «Народ уже проголосовал — 123 тысячи штук!»¹⁷³

Причин сохранявшейся популярности «Ла Пренсы» было несколько. Во-первых, большинство никарагуанцев читали только одну газету и традиционно доверяли газете оппозиционной. Во-вторых, диктатура Сомосы привила многим стойкое отвращение к любой официальной прессе. В-третьих, «Ла Пренса», в отличие от «серьезных» «Баррикады» и «Эль Нуэво Диарио», печатала много всякого рода сенсационных материалов, типа светских новостей и криминальной хроники. Поэтому газету любили аполитичные домохозяйки. Наконец, все три главные никарагуанские газеты выходили в разное время, и у «Ла Пренсы» оно было самым предпочтительным — утро. «Эль Нуэво Диарио» разносили в полдень, а «Баррикаду» — ближе к вечеру¹⁷⁴.

После мая 1980 года каждый аршинный заголовок «Ла Пренсы» на первой полосе носил резко антиправительственный характер.

Несмотря на все маневры буржуазной оппозиции, первая годовщина Сандинистской революции продемонстрировала поддержку народной власти как внутри страны, так и за ее пределами. К 19 июля 1980 года количество стран, с которыми Никарагуа поддерживала дипломатические отношения, возросло примерно вдвое. В сентябре 1979 года Никарагуа вступила в Движение неприсоединения, и делегация страны, к неудовольствию американцев, приняла участие в конференции движения в Гаване.

Даниэль Ортега так объяснил причины присоединения Никарагуа к движению: «Мы вступаем в Движение неприсоединения, потому что видим в нем самую широкую организацию стран третьего мира, которая играет важную роль и оказывает растущее влияние на международной арене, в борьбе народов против империализма, колониализма, апартеида, расизма — включая сионизм — и любой формы угнетения. Потому что оно — за активное мирное сосуществование, против военных блоков и союзов, за перестройку международных отношений на достойной основе и за установление нового мирового экономического порядка»¹⁷⁵.

Следует отметить, что в то время Движение неприсоединения, где тон задавали Индия, Куба и Югославия было прогрессивной и влиятельной силой,

¹⁷³ *Christian S. Revolution in the family.* New York, First Vintage Books, 1986. P. 186.

¹⁷⁴ *Black G. Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua.* London, 1981. P. 345.

¹⁷⁵ *Ibid.* P. 301.

которая по большинству международных вопросов поддерживала социалистические страны. И эта поддержка была взаимной — именно СССР выступил с идеей нового экономического порядка, который должен был создать льготные условия для развивающихся стран в международной торговле.

Но в том же сентябре 1979 года делегацию Хунты национального возрождения во главе с Даниэлем Ортегой, приехавшую в США на заседание Генеральной Ассамблеи ООН, принял президент Картер, и беседа носила вполне дружественный характер. Правда, никарагуанцы не пошли на уступки в главном вопросе — Картер требовал от страны принять делегацию МВФ, которая должна была сформулировать для Манагуа экономическую политику. Картер связывал это с предоставлением американской помощи и прогрессом на переговорах по реструктуризации никарагуанского внешнего долга.

Никарагуа установила дипломатические отношения со всеми социалистическими государствами, кроме Китая, который проводил тогда антисоветский и проамериканский курс. Но сандинисты не сильно огорчились и наладили хорошие торгово-экономические связи с Тайванем. В сентябре 1979 года население Никарагуа с энтузиазмом встречало премьер-министра Вьетнама Фам Ван Донга — героя борьбы вьетнамцев против агрессии США была в Никарагуа сверхпопулярна. Национальный дворец в Манагуа был украшен огромными портретами Хо Ши Мина и Че Гевары¹⁷⁶.

Однако в целом сандинисты старались в первое время особо не развивать политические отношения со странами социалистического содружества, за исключением Кубы. Это прямо вытекало из «принципа равноудаленности» от противоборствующих блоков «холодной войны».

Дипломатические отношения между СССР и Никарагуа были установлены 12 декабря 1944 года на волне роста авторитета Советского Союза благодаря блестящим победам Красной армии во Второй мировой войне (в 1944-м под давлением народных массы дипотношения с СССР установили многие латиноамериканские страны). При Сомосе дипломатические отношения с СССР формально не прерывались, но фактически никаких реальных связей между странами не существовало и посольствами они так и не обменялись.

После победы Сандинистской революции Москва и Манагуа нормализовали двусторонние связи только 18 октября 1979 года. В начале 1980 года КПСС и СФНО подписали соглашение о межпартийном сотрудничестве. Обмен посольствами состоялся лишь в том же 1980 году.

В целом Никарагуа проводила в отношении Москвы весьма самостоятельную линию (в отличие от сервильности, с которой Сомоса относился к США). После ввода советских войск в Афганистан Никарагуа воздержалась при голосовании в Генеральной Ассамблее ООН по антисоветской резолюции, разработанной США. Никарагуанская делегация отметила, что не поддерживает ввода

¹⁷⁶ Black G. Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.301.

советских войск, но и осуждение его считает в данный момент контрпродуктивным. Заметим, что ту же позицию заняли многие страны — лидеры Движения неприсоединения, прежде всего Индия.

Легкий диссонанс с СССР существовал и в сфере разоружения. Никарагуа поддержала резолюцию ООН с требованием полного прекращения испытаний ядерного оружия, в то время как Советский Союз воздержался, а США проголосовали против¹⁷⁷.

Вместе с США Никарагуа поддержала резолюцию ООН по событиям в Чаде, в то время как СССР голосовал против¹⁷⁸.

Сомоса, следуя в русле американской внешней политики, практически не развивал отношения с собратьями Никарагуа по третьему миру, так как большинство режимов там придерживались прогрессивной и даже социалистической ориентации. Сандинисты восполнили этот пробел.

Тесные отношения сложились с арабским миром — особенно с прогрессивными режимами: Алжиром, Ливией и Сирией, а также с Организацией освобождения Палестины (ООП)¹⁷⁹. Алжир продал Никарагуа советские танки Т-55, а Ливия предоставила крупный кредит в 100 миллионов долларов на льготных условиях.

Естественно, что испортились никарагуанско-израильские отношения. Израиль снабжал диктатуру Сомосы новейшим оружием и инструкторами в 1978–1979 годах, когда военную помощь перед лицом зверств диктатора против собственного народа заморозили даже США. Предоставленные Израилем Сомосе кредиты в 4 миллиона долларов были практически единственной частью внешнего долга, которую сандинисты не признали и отказались погашать. Заметим, что иностранные кредиторы Никарагуа восприняли это с пониманием. Никарагуа стала оказывать моральную и политическую поддержку прогрессивным национально-освободительным движениям — АНК в Южной Африке, СВАПО в Намибии, ПОЛИСАРИО в Западной Сахаре, левым партизанским движениям в Аргентине, Уругвае, Сальвадоре и Гватемале.

Впервые в истории никарагуанская делегация во главе с Даниэлем Ортегой посетила в 1980 году ряд африканских стран и приняла участие в праздновании церемонии провозглашения независимости Зимбабве.

В Латинской Америке прекрасные отношения сложились с Мексикой, которая в первые годы революции снабжала Никарагуа нефтью в кредит и по льготным ценам. СФНО вступил и в Конференцию политических партий Латинской Америки, организованную под эгидой правящей мексиканской Институционно-революционной партии. Страны связывала старинная дружба, и никарагуанцы были благодарны Мексике за помощь в борьбе против американской

¹⁷⁷ The Nicaragua Reader. New York, 1983. P. 266.

¹⁷⁸ В Чаде в то время войска тамозного прозападного режима при поддержке Франции и США вели борьбу против повстанцев, которых поддерживала Ливия.

¹⁷⁹ Палестинцы в 70-е годы обучали на своих базах бойцов СФНО.

интервенции в 1925–1927 годах. Именно Мексика предоставила в свое время политическое убежище Аугусто Сандино.

Хорошие доверительные отношения сложились у Мексики с Перу.

Но, конечно, американцы не сидели без дела, пытаясь изолировать Никарагуа (как и Кубу) в Западном полушарии. К тому же Никарагуа не могла иметь хороших контактов с правыми полуфашистскими режимами вроде Чили или Аргентины.

Аргентинская военная хунта¹⁸⁰ также активно, как и Израиль, помогала Сомосе оружием до самого конца диктатуры, и садинисты не признали 3 миллиона долларов никарагуанского долга Буэнос-Айресу. Вместо официальной аргентинской делегации на праздновании первой годовщины Сандинистской революции присутствовали представители левого партизанского движения Аргентины — «монтонерос». Поддерживали сандинисты и левых аргентинских партизан из коммунистической Революционной народной армии.

17 сентября 1980 года группа аргентинских партизан (четверо мужчин и три женщины) успешно осуществила в столице Парагвая Асунсьоне (там правил диктатор-фашист Альфредо Стресснер¹⁸¹, и не случайно, что в Парагвае нашли прибежище многие нацисты) операцию «Рептилия». Из гранатомета РПГ-7 и автоматов Калашникова партизаны расстреляли «мерседес» бывшего диктатора Никарагуа Анастасио Сомосы. Один из участников операции впоследствии заявил: «Мы не можем терпеть существования миллионеров-плейбоев, в то время как тысячи латиноамериканцев умирают от голода. И мы готовы отдать за это дело свою жизнь»¹⁸².

¹⁸⁰ Во время своего правления она истребила по разным данным от 12 до 30 тысяч собственных граждан левых и демократических взглядов, которые, по официальной версии, пропали без вести. В современной Аргентине эти преступления военной хунты были осуждены и получили наименование «грязная война».

¹⁸¹ Отец Стресснера Хуго Стресснер в 1898 году эмигрировал в Парагвай из баварского города Хоф и сначала работал на местном пивоваренном заводе. Альфредо Стресснер вступил в парагвайскую армию в 1929 году и воевал против Боливии в «чакской войне» 1932–1935 годов. Стоит отметить, что в тогдашней парагвайской армии служило много белых русских офицеров-эмигрантов, а главным военным советником боливийской армии был в 20-е годы лидер нацистских штурмовых отрядов Эрнст Рем. 4 мая 1954 года Стресснер захватил власть в ходе военного переворота и правил железной рукой до 1989 года. Парагвайский диктатор был таким же садистом, как Сомоса. Он допрашивал политзаключенных, когда те сидели в ванне из фекалий и мочи, и к их конечностям прикладывали ток. Генерального секретаря парагвайской компартии живьем разрезали электропилой, и Стресснер наслаждался криками коммуниста, слушая их по телефону. Как и в Аргентине или Чили, многие противники Стресснера «бесследно исчезали» (таких было около 3 тысяч человек) — их трупы просто топили в реках. Как и Сомоса, Стресснер был верным другом США и предлагал послать парагвайские войска во Вьетнам. Никаких дипломатических отношений с социалистическими странами (за исключением Югославии) Стресснер не поддерживал. В феврале 1989 года Стресснер был, в свою очередь, свергнут в ходе военного переворота, когда наслаждался обществом одной из своих любовниц. Диктатор бежал в Бразилию, где прожил еще 17 лет.

¹⁸² Anastasio Somoza DeBayle. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Anastasio_Somoza_Debayle.

Один из участников операции под видом продавца газет дал сигнал, когда машина Сомосы проезжала по авениде Эспанья, и тогда другой партизан («капитан Сантьяго») выстрелил по «мерседесу» из РПГ-7. Однако гранатомет не сработал, и партизаны расстреляли из автоматов водителя, в то время как один из бойцов группы перезаряжал РПГ. Второй выстрел оказался успешным, и бывший никарагуанский диктатор был убит на месте, хотя двигатель его машины все еще продолжал работать (партизаны специально не стреляли с фронта автомобиля, так как опасались, что он бронирован и граната может дать рикошет). Тело диктатора было настолько обезображено взрывом, что его смогли опознать только по ступням.

Из семи партизан шести удалось скрыться, седьмого опознали по светлой бороде и казнили.

В Никарагуа известие о казни Сомосы вызвало взрыв народного ликования. Члены Национального руководства СФНО разъезжали в открытых автомобилях по Манагуа, размахивая черно-красными флагами СФНО. Их приветствовали тысячи людей.

Сомосу похоронили в его любимом городе — Майами. Его сын нашел прибежище в Гватемале.

Уже в первые годы революции охладели отношения Никарагуа с Панамой, Коста-Рикой и Венесуэлой — теми странами, которые активно поддержали сандинистов во время восстания против Сомосы. Но никакой вины Никарагуа в этом не было.

Дружеские чувства к СФНО панамского диктатора Торрихоса, как уже упоминалось, остыли еще до падения Сомосы. В июле 1980 года он не приехал на первую годовщину революции, где должен был быть одним из главных почетных гостей (15-летний сын Торрихоса сам участвовал в боях против диктатуры в рядах СФНО). Торрихос не хотел быть в тени главной фигуры торжеств — Фиделя Кастро. Так как до последней минуты не было известно, приедет ли Кастро в Манагуа, Торрихос держал наготове свой самолет для полета в Никарагуа¹⁸³. Как только стало известно, что Кастро вылетел из Гаваны, Торрихос

¹⁸³ 31 июля 1981 года личный самолет Торрихоса ДНС-6 потерпел катастрофу в Панаме и генерал погиб. Из-за неразвитой системы радарного контроля в Панаме того времени обломки самолета и труп генерала обнаружили только в начале августа. Начальник панамской разведки и правая рука Торрихоса Мануэль Норьега утверждал, что катастрофу устроили США. В 1989 году сам Норьега (на тот момент, командующий панамскими вооруженными силами) был захвачен в ходе американского нападения на Панаму и доставлен в США, в 1992 году обвинен американским судом в наркоторговле, рэжете и отмывании денег и приговорен к 40 годам заключения (срок был позднее сокращен до 30 лет, что с учетом возраста Норьеги, родившегося в 1934-м, означало пожизненное заключение). Норьега с 1950-х годов был информатором ЦРУ (формальным агентом американской разведки он стал в 1967 году). За хорошее поведение срок Норьеге сократили до 17 лет и в 2007 году выпустили. Но его немедленно выдали Франции, которая обвинила Норьегу в том же отмывании денег, полученных от торговли наркотиками. 7 июля 2010 года Норьегу приговорили к семи годам уже французской тюрьмы.

предоставил свой самолет бывшему президенту Венесуэлы Карлосу Андресу Пересу, который не побоялся встать на одну трибуну с Кастро¹⁸⁴.

Новый президент Коста-Рики Карасо, антикоммунист, также без особых симпатий относился к СФНО, тем более что местные правые силы при поддержке американцев активно критиковали костариканские власти за помощь сандинистам в 1978–1979 годах. Карасо тоже не приехал на годовщину, но, в отличие от Торрихоса, открыто заявил, что не хочет видеть Кастро. Мол, Коста-Рика не для того помогала сандинистам, чтобы сменить одного диктатора на другого.

Венесуэла при христианско-демократическом президенте Луисе Эррере Кампинсе тоже дрейфовала вправо (предшественник Кампинса социал-демократ Карлос Андрес Перес поддерживал в 1978 году сандинистов, хотя и не столь активно, как Кастро). Летом 1979 года Кампинс попытался подкупить сандинистов, предложив 20 миллионов долларов или дешевую нефть в обмен на усиление позиций Социал-христианской партии Никарагуа в правительственных структурах. Предложение, естественно, было отвергнуто, и СФНО относился к Кампинсу без особого доверия. К тому же сама Социал-христианская партия активно боролась против правительства, а с сандинистами сотрудничала отколовшаяся от нее Народная социал-христианская партия, стоявшая на левоцентристских позициях¹⁸⁵.

Резко осложнились отношения Никарагуа с главным военным союзником США в Латинской Америке — Колумбией. Во время американской оккупации Никарагуа в 1928 году был заключен никарагуанско-колумбийский договор, по которому к Колумбии отходил архипелаг Сан-Андрес в Карибском море вместе с огромной морской акваторией. Сандинистское правительство расторгло неравноправный договор и заявило претензии на острова. США, конечно, встали на сторону Колумбии, чье правительство с 1948 года вело жестокую войну против левых повстанцев, в ходе которой с американской помощью правительственные войска убили десятки тысяч мирных жителей.

Во время борьбы против Сомосы большую дипломатическую помощь сандинистам оказали страны Андского пакта. Но после победы революции американцы приложили немало усилий для того, чтобы между Никарагуа и этой интеграционной группировкой наступило охлаждение. В 1980 году произошел реакционный военный переворот в Боливии, что тоже отразилось на контактах пакта с Манагуа.

Очень мудрым решением СФНО стало присоединение к Социалистическому интернационалу в качестве наблюдателя. Это позволило активно развивать

¹⁸⁴ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 190.

¹⁸⁵ Несмотря на огромные нефтяные запасы, Кампинс довел Венесуэлу до тяжелого экономического кризиса и в 1983 году проиграл президентские выборы. В 2001 году вооруженные преступники угнали у него машину. Бывшего главу государства можно было видеть на улицах столицы Венесуэлы в потрепанной одежде, когда он пешком возвращался из супермаркета. Эррера Кампинс скончался в 2007 году.

межгосударственные отношения с теми странами (прежде всего западноевропейскими), где у власти стояли социалистические и социал-демократические партии (скандинавские страны, Нидерланды, Франция — с 1981 года, Испания — с 1982 года и т.д.).

Особенно полезными с точки зрения нарастающей конфронтации с США были отношения Никарагуа с ФРГ, которой с 1969 года управляла коалиция социал-демократов (СДПГ) и свободных демократов (СвДП). СДПГ считала политику администрации США в Центральной Америке абсолютно бесперспективной, причем это относилось как к жесткому подходу СНБ, ЦРУ и Пентагона (ставка на реакционные военные диктатуры и жестокое подавление народных движений), так и к госдепартаменту (поддержка правых реформистов при обязательном отстранении от власти любых левых сил)¹⁸⁶.

СДПГ поддерживала СФНО политически и финансово, что вызывало резкую критику американцев. Германские социал-демократы кардинально разошлись с США во мнениях и по поводу Сальвадора, где набирало силу революционное партизанское движение против проамериканской хунты. После встречи заместителя председателя СДПГ Вишневски (ответственного за международные вопросы) с госсекретарем Маски последний ледяным тоном заметил, что не видит основы для совместной политики ФРГ и США в Центральной Америке.

Однако американцы попытались осложнить жизнь СФНО в Социнтерне с помощью лидера португальских социалистов Марио Соареша. После «революции гвоздик» в апреле 1974 года португальские социалисты одно время были, пожалуй, самой радикальной силой в Социнтерне и даже поговаривали о строительстве социализма в своей стране. Однако резкий рост влияния португальских коммунистов толкнул социалистов вправо и в объятия американцев.

Соареш даже попытался в противовес СФНО сделать членом Социнтерна партию Робело, которая никогда не имела ничего общего с социал-демократическими идеями и опиралась на предпринимательские круги. Лидер португальских социалистов (который во главе миссии Социнтерна прибыл в Манагуа через несколько недель после победы революции) опасался «кубанизации» Никарагуа.

Напротив, фонд Фридриха Эберта СДПГ провел в феврале 1980 года получившую широкий резонанс конференцию солидарности с Никарагуа и выделил средства на кампанию по ликвидации неграмотности.

Таким образом, первая годовщина победы революции стала триумфом сандинистской внешней политики, сочетавшей принципы неприсоединения с прогрессивным курсом в отношении развивающихся стран.

19 июля 1980 года главную площадь столицы перед Национальным дворцом — теперь она именовалась Площадь революции — заполнили, по разным оценкам, от 300 до 500 тысяч человек. Таких массовых мероприятий в истории Никарагуа еще не было. Вся площадь была в черно-красных цветах СФНО.

¹⁸⁶ *Black G. Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 303.*

Звездой торжеств был, несомненно, Фидель Кастро, который, в отличие от кратких выступлений других иностранных гостей (СССР представлял заместитель председателя Верховного Совета), произнес 40-минутную речь. Под ликующие аплодисменты собравшихся он вспомнил, как диктатор Никарагуа Луис Сомоса, напутствуя в апреле 1961 года кубинских контрреволюционеров (которые отплыли к своему бесславному фиаско в бухте Свиной из никарагуанского порта Пуэрто-Кабесас) попросил привезти ему волосы из бороды Кастро. И вот теперь сам Кастро в Манагуа, и борода его цела¹⁸⁷.

Кубинский лидер назвал очень мудрым решение сандинистов сохранять и развивать в стране политический плюрализм. Кастро пророчески заметил, что платформа республиканской партии США (президентские выборы в Америке предстояли в ноябре 1980 года) означает возврат к «политике большой дубинки» в Латинской Америке.

Буржуазная оппозиция ждала от Даниэля Ортеги (он выступал с главной речью на митинге от Национального руководства СФНО) выполнения обещания и объявления точной даты президентских выборов. Однако лидер сандинистов ограничился лишь подтверждением обязательства провести свободные выборы «в духе новой демократии». Но в целом, подчеркнул Ортега, годовщина революции посвящена памяти погибших за ее дело героев, а не удовлетворению желаний тех, кого не было видно в решающий момент под ее знаменами. Создание госсовета уже является достаточным подтверждением приверженности сандинистов принципу политического плюрализма.

Торжества по случаю первой годовщины революции не обошлись без маленького инцидента, который практически никто не заметил. Как только люди стали петь гимн СФНО, американская делегация, стараясь не привлекать особого внимания, покинула трибуну, так как не хотела слушать слова гимна: «Мы боремся против янки — врагов человечества».

Однако глава американской делегации (посол США при ООН) сделал все, чтобы не придавать этому демаршу большого значения.

Примечательно, что ключевой член делегации США — сенатор-демократ от Небраски Зорински (он возглавлял подкомитет сената по делам Западного полушария и поддерживал выделение Никарагуа кредитов и помощи) — полностью поддержал точку зрения Ортеги по вопросу выборов. Прежде чем провести достойное и свободное голосование, требовалось воссоздать заново списки избирателей, провести их регистрацию (в Никарагуа по американскому образцу все избиратели должны были регистрироваться заранее, для того чтобы в день голосования попасть в списки).

У Зорински состоялась дружественная беседа с Кастро, который выразил озабоченность перспективой победы на президентских выборах кандидата республиканцев Рейгана и обещал, что Куба не сделает ничего, что могло бы

¹⁸⁷ *Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P.193.*

подорвать позиции Картера перед голосованием. Кубинский лидер предложил американцам сотрудничать в деле оказания помощи Никарагуа, чтобы США не думали, что Куба хочет превратить Никарагуа в свою марионетку¹⁸⁸.

Сразу же после окончания торжеств КОСЕП собрал пресс-конференцию и подверг резкой критике нарушение сандинистами их майского обещания, что выразилось в отказе назвать точную дату выборов. Больше всего досталось сандинистам от лидера УПАНИК Хорхе Салазара (который и в мае 1980 года был против компромисса с СФНО по вопросу о расширении госсовета). Особенно возмутил Салазара постоянный рефрен сандинистской пропаганды, согласно которому буржуазия не сыграла в победе революции никакой роли (хотя это было правдой и так считало подавляющее большинство никарагуанцев). Если СФНО не объявит точную дату выборов, сказал Салазар, то КОСЕП оставляет за собой право выйти из госсовета.

Интересно, что рупор оппозиции «Ла Пренса» со ссылкой на Томаса Борхе сообщал в мае 1980 года, что муниципальные выборы пройдут в 1981-м, а президентские и парламентские — в 1982–1983 годах¹⁸⁹.

18 августа 1980 года четыре буржуазные партии (Демократическая консервативная, Никарагуанское демократическое движение Робело, социал-христиане и социал-демократы) потребовали проведения выборов, ссылаясь на письмо, направленное Хунтой национального возрождения в Организацию американских государств (ОАГ) в июне 1979-го.

23 августа СФНО ответил КОСЕП. Выступая на массовом митинге по случаю успешного окончания войны против неграмотности, Умберто Ортега объявил в присутствии президента Коста-Рики Карасо, что выборы состоятся не ранее 1985 года, а политическая кампания по выдвигению кандидатов не начнется ранее 1984-го. При этом Ортега заметил, что выборы в понимании СФНО серьезно отличаются от того, что представляют себе олигархи: чередования у власти двух традиционных буржуазных партий — консерваторов и либералов, — которые в течение долгих десятилетий предавали интересы народа. «Запомните, что выборы послужат для того, чтобы укрепить революционную власть, а не для того, чтобы устранить ее, поскольку народ уже и так находится у власти в лице своего авангарда — Сандинистского фронта национального освобождения и его Национального руководства»¹⁹⁰. К тому же до выборов надо преодолеть «отсталость и экономическое, социальное и моральное разрушение страны».

Ортега спросил собравшихся на площади бойцов Армии грамотности, согласны ли они с его словами. В ответ прозвучало многоголосое «Да!».

¹⁸⁸ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.192.

¹⁸⁹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua*. McGill-Queen's University Press, 1995. P.117.

¹⁹⁰ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.198.

КОСЕП немедленно отозвался на выступление Умберто Ортеги, утверждавшего, что сандинисты раскрыли свои планы навсегда остаться у власти.

Между тем СФНО не собирался отсиживаться в идеологической обороне. Через две недели после выступления Ортеги были опубликованы декреты хунты № 511, 512 и 513. Эти декреты запрещали политическим партиям заниматься «политическим прозелитизмом» (то есть вербовкой новых сторонников) до официального объявления предвыборной кампании. Средствам массовой информации запрещалось распространять информацию на определенные темы без ее предварительного получения или одобрения правительственными органами. К таким темам относились, в частности, недостаток товаров в торговле или инфляция, вооруженные столкновения с противниками режима, забастовки, конфликты на селе, включая захваты земель, чрезвычайные происшествия в сфере коммунальных служб¹⁹¹.

Естественно, буржуазная оппозиция расценила эти декреты как начавшееся превращение Никарагуа в марксистско-ленинское тоталитарное государство.

Лидер УПАНИК Салазар (родился в 1939 году) принял решение свергнуть сандинистов насильственным путем. Отец Хорхе Салазара, капитан национальной гвардии, был личным помощником Сомосы, а сам он получил военное образование в США. Семье Салазаров принадлежали большие кофейные плантации. Во время борьбы против Сомосы, когда сандинисты и их сторонники сотнями гибли в городах под бомбами национальной гвардии, Салазар организовал в своей родной провинции Матагальпа сбытовой кооператив, в котором объединились под его руководством около 7 тысяч мелких и средних производителей кофе. Позднее Салазар создал и возглавил объединение средних сельхозпроизводителей и скотоводов — УПАНИК (испанская аббревиатура Союза аграрных производителей Никарагуа). УПАНИК противился созданию производственных кооперативов и в штыки встретил монополию государства на экспорт кофе.

Салазар был ярким противником сандинистов, и те отвечали ему взаимностью. В октябре 1979 года на собрание кооператива Салазара приехал ответственный за аграрную реформу член Национального руководства СФНО Хайме Уилок. Он пытался убедить собравшихся, что такие люди, как Салазар, которые не принимали в революции никакого участия, не могут быть настоящими представителями интересов сельских производителей. Но Салазар был довольно харизматической личностью и прочно держал власть в кооперативе. Выступление Уилока закончилось скандалом, а Салазара вынесли из зала на руках.

Салазар решил свергнуть сандинистов силой еще до того, как те объявили дату выборов в августе 1980 года. Еще в мае 1980 года, сразу же после открытия заседаний госсовета, его двоюродный брат Алехандро Салазар сказал Хор-

¹⁹¹ *Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P.199.*

хе, что на него вышел офицер Сандинистской народной армии Нестор Монкада, который предлагает свергнуть СФНО вооруженным путем¹⁹². Монкада назвался представителем некоей военной организации в составе сотен офицеров и солдат армии и полиции, которые недовольны марксистской политикой Национального руководства СФНО.

Буйный темперамент лидера УПАНИК и ненависть к сандинистам возобладали над осторожностью, и Хорхе Салазар дал согласие на контакт с Монкадой. После встречи с Монкадой, который прямо предложил Салазару возглавить новое правительство после свержения СФНО, братья Салазары стали плести паутину заговора среди своих друзей и бизнес-партнеров. Первым делом они переговорили с недавним членом хунты Робело, причем сделали это в США, где и Салазар, и Робело часто бывали по делам своего бизнеса. Робело участвовать в заговоре отказался, сказав, что будет бороться против сандинистов легальными политическими средствами¹⁹³. Зато не отказался принять участие в рискованном предприятии вице-президент Торговой палаты Никарагуа Леонардо Сомарриба.

Монкада попросил Салазара достать большую партию оружия, так как ее сложно украсть из arsenалов, не возбудив ненужных подозрений. Странная просьба не вызвала у Салазара лишних вопросов. Но реально достать оружие можно было только за границей и только при помощи бывших национальных гвардейцев и их американских покровителей.

Салазар установил в США контакты с бывшим полковником национальной гвардии Сомосы Энрике Бермудесом, который к тому времени уже был платным осведомителем ЦРУ.

Бермудес родился 11 декабря 1932 года в Леоне в многодетной семье автомеханика (он был третьим из восьми детей). В 1948 году из карьеристских соображений Бермудес вступил в национальную гвардию, став 380-м кадетом военного училища (позднее, когда Бермудес возглавил вооруженную никарагуанскую контрреволюцию, он взял себе боевой псевдоним «3-80»)¹⁹⁴. Карьера Бермудеса в гвардии развивалась медленно и бесцветно. Он сам вспоминал, что всегда был заместителем и никогда — реальным командиром. В 1954–1956 годах Бермудес получил военное образование в Бразилии, но в течение 15 лет никак не мог подняться выше лейтенанта. Он преподавал в военном училище математику и химию (по военной специальности Бермудес являлся инженером и фактически не был боевым войсковым офицером).

Положение изменилось в 1965 году, когда Бермудес возглавил никарагуанскую роту, посланную Сомосой для поддержки американской интервенции в Доминиканской республике. Американцы заметили услужливого Бермуде-

¹⁹² *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 203.

¹⁹³ *Ibid.*

¹⁹⁴ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels*. New York, 1991. P. 61.

са и уже не выпускали его из поля зрения. За десять лет Бермудес дослужился до подполковника. Венцом его карьеры стал пост заместителя дорожной полиции Манагуа.

В августе 1975 года Бермудеса направили для повышения квалификации в США, где в Межамериканском оборонном колледже (Inter-American Defense College) в Вашингтоне он написал работу на странную для офицера инженерной службы тему: «Психологические и социальные корни подрывной деятельности» (под «подрывной деятельностью» имелось в виду революционное движение). По окончании учебы Сомоса оставил Бермудеса военным атташе в США в звании полковника.

В последние месяцы существования диктатуры американцы пытались спасти национальную гвардию, заменив ее одиозное командование людьми, не запятнанными репрессиями против народа. Естественно, сразу всплыла кандидатура Бермудеса, но того не любили в самой гвардии, так как боевым авторитетным офицером он никогда не был. Поэтому после 17 июля 1979 года бывший военный атташе Никарагуа в США стал водителем грузовика (правила дорожного движения он знал досконально) и развозил абонентам журнал «Ньюсуик».

Осенью 1979 года Бермудесу позвонил генерал-майор ВВС США Чарльз Бойд, отвечавший в военно-воздушных силах за Западное полушарие. Бойд свел Бермудеса с ЦРУ, и с середины 1980 года бывший полковник стал платным осведомителем американской разведки¹⁹⁵. В задачу Бермудеса входило информирование ЦРУ о настроениях никарагуанской политической эмиграции и сбор сведений о положении в самой Никарагуа.

На деньги ЦРУ Бермудес стал разыскивать в Гондурасе, Гватемале и Сальвадоре бывших национальных гвардейцев и убеждать их включиться в активную вооруженную борьбу против сандинистов.

Собственно, такая борьба началась сразу же после победы революции. Бывшие гвардейцы, жившие в Гондурасе в лагерях недалеко от никарагуанской границы, при поддержке коллег из гондурасской армии изредка нападали на никарагуанские села, уводя скот и зверски расправляясь с членами сандинистских массовых организаций и кооперативов. Однако ни на какую поддержку населения бывшие гвардейцы рассчитывать не могли. Как бы ни противились частные сельхозпроизводители Никарагуа мерам по государственному регулированию экономики со стороны новых властей, само слово «гвардия» продолжало оставаться ругательством и оскорблением даже в их кругах. Сандинисты даже не задействовали против мелких групп национальных гвардейцев регулярной армии: с ними вполне справлялись милиция и пограничная стража.

Многие офицеры и солдаты гвардии нанялись на службу сальвадорскому и гватемальскому военным режимам, где формировали секретные от-

¹⁹⁵ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 63.*

ряды для расправы с политическими противниками этих проамериканских правительств.

Примерно в середине 1980 года Бермудес получил от ЦРУ задание объединить своих бывших коллег в единую вооруженную организацию. После этого вместе с женой он переехал из Майами (где был центр никарагуанской политической эмиграции, группировавшейся вокруг соратников Сомосы) в Гватемалу и создал там из бывших национальных гвардейцев «Легион 15 сентября»¹⁹⁶.

Правой рукой Бермудеса стал Рикардо Лау (по кличке Китаец) — личность одиозная даже по меркам национальной гвардии. Майор национальной гвардии Лау дослужился в национальной гвардии до начальника контрразведки и в этой же должности подвизался и в «Легионе 15 сентября». При Сомосе Лау с удовольствием лично пытал политзаключенных. Его излюбленным методом было подведение проводов в 220 вольт к гениталиям узников¹⁹⁷. Во время гражданской войны Лау лично курировал деятельность контрольно-пропускного пункта в Манагуа по дороге в аэропорт. На КПП останавливали всех молодых людей и искали у них синяки и ушибы на коленях. Если таковые обнаруживались, то это воспринималось как доказательство участия в боевых действиях против гвардии на баррикадах, и несчастных немедленно расстреливали.

Лау редко улыбался и производил на всех, кто с ним общался зловещее впечатление.

Попав в эмиграцию, Лау взялся выполнить секретный приказ командования сальвадорской армии и организовал убийство архиепископа Сальвадора Роме́ро (деньги на «благое дело» в размере 120 тысяч долларов пожертвовали сальвадорские крупные предприниматели и землевладельцы). Виной Роме́ро было то, что он выступал против массовых убийств, совершаемых армией и тайными полувоенными «эскадронами смерти». Лау участвовал и в заказных политических убийствах, и в Гондурасе.

Первоначально «Легион 15 сентября» существовал на деньги никарагуанской эмиграции, но реальной военной опасности для сандинистов не представлял.

На связь с Бермудесом вышел после своей эмиграции из Никарагуа в мае 1980 года президент Строительной палаты Хосе Франсиско Карденаль. С ним в США, в свою очередь, встретился Салазар. По инициативе ЦРУ Бермудес и Карденаль создали «политическую» оппозиционную организацию — Никарагуанский демократический революционный альянс (испанская аббревиатура АДРИН). Американцы всеми силами стремились освободиться от несправедливого в глазах никарагуанцев имиджа национальной гвардии и хотели создать впечатление, что АДРИН не имеет со сторонниками диктатуры ничего общего (отсюда и термин «революционный» в названии).

¹⁹⁶ Назван так в честь даты провозглашения независимости Центральной Америки от Испании в XIX веке.

¹⁹⁷ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.77.

Однако бывшие гвардейцы хотели только мстить и шли на политические игры лишь в обмен на американское финансирование.

В сентябре 1980 года Карденаль и один из предпринимателей в сфере строительного бизнеса Арана отправились в Сальвадор. Они попросили командующего сальвадорской армией и члена правящей хунты Хайме Абдула Гутьерреса помочь АДРИН (а фактически «Легиону 15 сентября») оружием и представить территорию Сальвадора для тренировки никарагуанских контрреволюционеров. Встречу организовал министр иностранных дел Сальвадора Фидель Чавес. Когда-то строительная компания Карденалья строила в Манагуа торговый центр для богатого сальвадорского олигархического клана, юристом которого и был Чавес¹⁹⁸.

С командованием сальвадорской армии отдельно встретились и Салазар вместе с Сомаррибой. И тем и другим сальвадорцы обещали помочь. Салазар заручился также поддержкой министра иностранных дел Гондураса и президента Венесуэлы.

Салазар хотел получить в Сальвадоре и Гондурасе оружие и оснастить им не только военных заговорщиков в рядах Сандинистской народной армии, но и членов своего кооператива. Предполагалось организовать в Манагуа военный мятеж и арестовать всех членов Национального руководства СФНО.

Между тем в Никарагуа в сентябре — октябре 1980 года продолжались конспиративные встречи заговорщиков с Монкадой. На одной из них Монкада сообщил, что с Салазаром хочет встретиться настоящий глава военных заговорщиков, которого он, Салазар, прекрасно знает. Действительно, Салазар прекрасно знал Альваро Бальтодано, служившего в сандинистской военной разведке. Его отец Эмилио Бальтодано был членом «группы двенадцати» и занимал пост генерального контролера революционного правительства Никарагуа (его полномочия касались контроля над расходованием бюджетных средств). Альваро Бальтодано был человеком богатым и верующим, когда в 1974 году присоединился к СФНО. Салазар несколько лет назад помог Бальтодано избежать банкротства, когда у того не уродился хлопок, и поэтому доверял ему.

Пока Салазар плел свои козни, Робело продолжал открытые нападки на сандинистов. Теперь бывший член хунты концентрировался на внешней пропаганде, пытаясь убедить правительства и общественное мнение западных стран, что Никарагуа уже стала второй Кубой. Для сандинистов деятельность Робело была крайне опасной, так как именно во второй половине 1980 года Никарагуа вела сложные переговоры с западными кредиторами по реструктуризации внешнего долга. В августе — сентябре 1980 года Робело совершил шестинедельное турне по Латинской Америке и Западной Европе. Вернувшись, в октябре он выступил с речью перед членами своей партии и обвинил СФНО в милитаризме и тоталитаризме. Особенно протестовал Робело против поли-

¹⁹⁸ *Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P.206.*

тического характера сандинистской армии. Ему ответил Хайме Уилок: новая армия Никарагуа — это не часть СФНО, а вооруженный сандинистами народ.

Робело и КОСЕП активизировались не случайно — опросы общественного мнения в США показывали, что на выборах в ноябре 1980 года убедительную победу одержит кандидат республиканцев Рональд Рейган.

Рейган был праворадикальным политиком даже по меркам республиканской партии США. Еще будучи президентом американской гильдии киноактеров в 1947–1952 годах, он был, пожалуй, единственным представителем этой профессии, который дал «нужные» показания в пресловутой комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, разоблачая «происки коммунистов» в Голливуде. В результате работы этой комиссии тысячи представителей американской интеллигенции потеряли работу, многие сели в тюрьму, а некоторые были вынуждены покончить жизнь самоубийством. В 40-е годы Рейган был секретным осведомителем ФБР под псевдонимом «Т-10» и регулярно информировал контрразведку об актерах, бывших, по его мнению, коммунистами¹⁹⁹.

Рейган не имел никакого образования, и его кругозор был ограниченным даже по американским меркам того времени. Это метко подметил известный писатель Гор Видал: «Я точно знаю, что мистер Рейган не совсем ясно представляет себе разницу между Медичи и Гуччи. Он только знает, что Нэнси (жена Рейгана — прим. автора) носит кого-то одного из них»²⁰⁰.

Рейган не скрывал дружеских чувств по отношению к Сомосе даже тогда, когда диктатора за массовые убийства собственных подданных в 1978–1979 годах критиковал президент Картер. Рейган считал, что всю революцию в Никарагуа организовали ненавистные ему коммунисты, прежде всего СССР (который он, уже будучи президентом, окрестил «империей зла»). Так, в выступлении по радио в марте 1979 года Рейган говорил: «Волнения в Никарагуа явно носят на себе кубинскую этикетку. Если в этой охваченной беспорядками стране и могут быть люди, которые имеют оправданные претензии к режиму Сомосы, все же не подлежит сомнению, что большинство повстанцев прошли подготовку на Кубе, были вооружены кубинцами и хотят создать еще одну коммунистическую страну в этом полушарии»²⁰¹. А за кубинцами, по мнению Рейгана, естественно, стояли ненавистные ему русские.

В 1980 году Рейган заявил в интервью «Уолл Стрит Джорнэл»: «Советский Союз стоит за всеми беспорядками в мире. Если бы они не занимались своей игрой в домино, то в мире не было бы ни одного очага напряженности»²⁰².

¹⁹⁹ DeGregorio W.A. The complete book of US presidents. New York, 2005. P. 641.

²⁰⁰ Ibid. P. 659.

²⁰¹ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 57.

²⁰² Согласно модной тогда среди американских правых «теории домино», за революцией в одной стране, если ей не противостоять, последуют революции в других странах, и прозападные режимы начнут падать один за другим, как поставленные в ряд костяшки домино.

В июле 1980 года Рейган был утвержден кандидатом Республиканской партии США на пост президента и обещал вернуть Америке утерянную во Вьетнаме военную мощь и перейти в решительное наступление против мирового коммунизма. В вопросе Никарагуа программа Республиканской партии была недвусмысленной: «Мы осуждаем захват власти в Никарагуа сандинистами-марксистами и попытки дестабилизировать Сальвадор, Гватемалу и Гондурас... Мы выступаем против программы помощи Картера правительству Никарагуа. Однако мы поддержим усилия народа Никарагуа по созданию свободного и независимого правительства... Мы вернемся к фундаментальному принципу — будем относиться к другу как к другу, а к самопровозглашенному врагу — как к врагу, без всяких околичностей»²⁰³.

4 ноября 1980 года Рейган был избран президентом США, получив 51% голосов и 489 голосов выборщиков (за Картера проголосовали 41% избирателей, но из-за косвенной системы выборов ему достались только 49 выборщиков). Американцы предпочли Рейгана, так как многим не нравилась излишне «мягкая» внешняя политика Картера.

Избрание Рейгана послужило сигналом для немедленного перехода никарагуанской оппозиции в наступление.

На следующий же день после выборов в США Никарагуанское демократическое движение Робело запросило у властей разрешение на проведение мощного антиправительственного митинга в городе Нандайме (примерно в 40 милях к юго-востоку от Манагуа).

7 ноября 1980 года со ссылкой на декрет о запрете «политического прозелитизма» МВД запретило митинг партии Робело в городе Нандайме. Робело отправился за разъяснениями к Борхе. Тот, по словам Робело, заявил, что раз сандинисты взяли в свои руки оружие, то они не сложат его до полной победы революции. Робело ответил: «Это означает, что мне придется либо вести жизнь овоща, либо уехать». «Продолжай делать, что делаешь, — ответил Борхе. — Может, в один прекрасный день ты посмотришь на все другими глазами»²⁰⁴.

Правительство запретило «Ла Пренсе» печатать материалы о запрете митинга в Нандайме со ссылкой на декрет № 511. Это раззадорило оппозицию, и группа активистов молодежной организации партии Робело напала на одну из школ в Манагуа, где активисты «Сандинистской молодежи 19 июля» проводили свое мероприятие. Обе группы молодых людей жгли флаги друг друга, и все закончилось рукопашной. Полиция арестовала четверых активистов оппозиции.

Молодые сандинисты не остались в долгу и разгромили штаб-квартиру Никарагуанского демократического движения под лозунгами «Власть — народу!» и «Долой буржуазию!». Нападавшие сожгли много документов и одну автомашину.

²⁰³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 62.

²⁰⁴ Christian S. *Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 208.

Робело ответил новыми нападкамии на сандинистов, на этот раз обосновав их якобы тотальной зависимостью Никарагуа от Кубы и СССР, что должно было понравиться Рейгану. Лидер никарагуанской легальной буржуазной оппозиции голословно утверждал, что кубинцев в Никарагуа якобы больше четырех тысяч и даже охрана самого Борхе состоит из кубинцев²⁰⁵. Кубу же, как утверждал недавно избранный президент США, по данным Робело, направляет Советский Союз, поэтому Никарагуа превратилась в «сателлита советского сателлита»²⁰⁶.

11 ноября 1980 года КОСЕП, по сути, предъявил властям ультиматум. Предприниматели требовали выборов, деполитизации армии, отмены недавних декретов о «политическом прозелитизме» и прекращения дружеских отношений с Кубой. Продолжая нагнетать напряженность, шесть представителей КОСЕП, три оппозиционные буржуазные партии и два оппозиционных профсоюза заявили 12 ноября о выходе из состава госсовета, который теперь, с их точки зрения, уже не отражал политический плюрализм никарагуанского общества.

К моменту нового обострения внутривластной ситуации в Никарагуа американское посольство в Манагуа уже было в курсе готовящегося заговора по насильственному свержению власти, но, конечно же, не предупредило сандинистов. Как признавал впоследствии помощник секретаря Совета национальной безопасности США Роберт Пастор, Пеззулло впервые узнал о заговоре не позднее октября 1980 года: «Посол (США) был проинформирован, но его помощи [заговорщики] не просили»²⁰⁷. Правда, в СНБ и ЦРУ все же планировали помочь заговорщикам, хотя единства мнений на сей счет в администрации Картера не было. Госдепартамент считал заговор Салазара «очень рискованной затеей». Пастор вспоминал: «Некоторые в администрации были готовы пойти на риск даже ценой того, что нас снова обозвали бы „интервентами“, если бы заговор удался. Но если бы он провалился, то не только администрация Картера подверглась бы критике за неэффективность, но и ее стратегия поощрения умеренных тенденций среди сандинистов оказалось бы проваленной...»²⁰⁸

Таким образом, американцы не поддерживали Салазара только потому, что боялись осрамиться в случае провала. А ведь Картер и так подвергался массовой критике Рейгана за неэффективность в отношении применения силы против Ирана, где исламские студенты удерживали в заложниках американских дипломатов. Попытки американского спецназа освободить заложников (операция «Орлиный коготь») закончились 24 апреля 1980 года позорным провалом, когда вертолеты отряда «Дельта» столкнулись между собой в иранской пустыне. В конечном счете, это стоило Картеру президентского кресла.

²⁰⁵ Примечательно, что именно с голословных рассказов о «кубинском засилье» в Чили начала свою работу по свержению правительства Альенде и чилийская правая оппозиция.

²⁰⁶ Christian S. *Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.209.

²⁰⁷ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.47.

²⁰⁸ Ibid.

Второго провала, в Никарагуа, Картер себе позволить уже просто не мог.

16 ноября 1980 года только что вернувшийся из-за границы Хорхе Салазар председательствовал на встрече руководства КОСЕП, обсуждавшего политическую обстановку в стране. Салазар считал, что простого ухода из госсовета недостаточно: следует создать единый фронт всех оппозиционных партий и организаций. После этой встречи Салазар на своем джипе отправился на встречу с Монкадой. Заговорщики должны были осмотреть одно из поместий Салазара на предмет возможного складирования там оружия и боеприпасов.

Салазар и не подозревал, что мчится в расставленную службой безопасности ловушку. Ибо никакого заговора в сандинистской армии не существовало. Лидер мятежа должен был встретиться с Монкадой на заброшенной заправке, но вместо Монкады там его ждала машина с сотрудниками органов безопасности. По их версии, сообщники Салазара открыли стрельбу, и последний попал под перекрестный огонь, когда никарагуанские чекисты начали отстреливаться.

Согласно версии оппозиции и семьи погибшего, сотрудники госбезопасности просто хладнокровно убили Салазара выстрелами в упор. Но это представляется не совсем логичным — доказательств на Салазара было хоть отбавляй, и суд над ним серьезно скомпрометировал бы всю оппозицию. Так что никакого резона в поспешной казни не было.

Заговор был разоблачен и разгромлен, хотя никарагуанская оппозиция обвинила в гибели Салазара самих сандинистов, которые якобы не оставили этому человеку другого пути для политической борьбы. В свою очередь, Даниэль Ортега подчеркивал, что гибель Салазара не скажется отрицательно на отношениях между СФНО и бизнес-сообществом.

Операция по разгрому заговора Салазара была одним из первых успехов Генерального директората государственной безопасности Никарагуа, который американцы прозвали «тропическим КГБ». Директорат входил в систему МВД. Его возглавил команданте (имел звание командира бригады) с характерным именем Ленин Хуарес Серна. Он родился в 1946 году в прогрессивной семье. Отсюда и его имя — брата Ленина звали Энгельс, а сестру — Крупская. Еще 15-летним мальчишкой Серна присоединился к сандинистскому подполью и участвовал во многих боевых операциях Внутреннего фронта СФНО. В 1968–1974 годах сидел в тюрьме за участие в экспроприации банков. Был освобожден вместе с Даниэлем Ортегой после захвата бойцами СФНО на рождество 1974 года самолета компании «Юнайтед Фрут» и обмена заложников на политзаключенных.

Помощь в организации директората государственной безопасности с первых дней революции оказывала самая эффективная разведка социалистического мира — Министерство государственной безопасности ГДР («Штази»). Например, именно «Штази» обучила всю охрану первых лиц нового государства.

О помощи в создании органов правопорядка Даниэль Ортега попросил министра иностранных дел ГДР Оскара Фишера, когда тот посетил Манагуа в сентябре 1979 года.

Томас Борхе, в свою очередь, нанес визит в Восточную Германию в начале апреля 1980 года. После переговоров с министром госбезопасности ГДР Эрихом Мильке подполковник «Штази» Хорст Шеель был назначен офицером связи между директоратом и МГБ ГДР. Борхе просил ГДР помочь МВД Никарагуа формой, средствами связи и опытом работы и встретил самый теплый прием.

Именно Мильке посоветовал Борхе внедрить в ряды оппозиции информантов МВД и директората, ибо в противном случае ситуация в стране могла бы обостриться, сделав необходимым применение репрессивных мер²⁰⁹.

Борхе просил МГБ ГДР оказать содействие в осуществлении режима безопасности во время празднования первой годовщины революции, на которую ожидалось прибытие многих глав государства и правительств, в том числе Фишера Кастро, бывшего давней мишенью ЦРУ.

К тому времени в никарагуанских органах безопасности работали всего 200 человек, но Борхе открыто признал, что пока в силу недостаточного опыта новых сотрудников все держится на 50 кубинских советниках. Аппарат госбезопасности был настолько слабым, что туда смогли внедриться информаторы оппозиционной Социал-христианской партии.

Мильке считал серьезной ошибкой никарагуанских товарищей недостаточную гибкость в отношениях с католической церковью. Некоторые священники подвергались оскорблениям и преследованиям со стороны местных сандинистских организаций, особенно молодежи. Борхе сообщил, что пока госбезопасность активно борется не столько с правой оппозицией, сколько с коммунистическими профсоюзами, требующими непомерного повышения зарплаты.

У Борхе сложилось о Мильке самое благоприятное впечатление — шеф «Штази» был умен, но не догматичен, и обладал хорошим чувством юмора²¹⁰.

Помимо «Штази» помощь оказывали уже с 1980 года и спецслужбы СССР, Болгарии и Чехословакии. Решение об этом было принято на совещании спецслужб социалистических стран в марте 1980 года. Чехословакия решила работать не напрямую, а через кубинцев.

На совещании выступил член Национального руководства СФНО Хенри Руис, который первое время отвечал в СФНО за связи с социалистическими

²⁰⁹ См.: http://www.iwp.edu/news_publications/detail/tropical-chekists-the-sandinista-secret-police-legacy-in-nicaragua.

²¹⁰ Мильке родился в 1907 году, с 14 лет был членом компартии Германии и сотрудником ее тайной боевой организации («Т-аппарат»). В 1931 году вместе со своим товарищем он застрелил в Берлине двух полицейских в качестве возмездия за жестокий разгон полицией рабочей демонстрации. В 1931–1936 годах жил в эмиграции в Москве, а затем под именем Фрица Ляйснера воевал на стороне республиканцев в Испании. После этого вел подпольную работу во Франции, но в 1943 году был арестован. Был назначен министром МГБ в 1957 году и исполнял эти обязанности почти до самого конца ГДР — до 1989 года. В 1993 году его осудили на шесть лет за убийство полицейских в 1931-м, а в 1995 году условно-досрочно освободили ввиду плохого состояния здоровья. Мильке скончался в мае 2000 года в доме для престарелых.

странами (так как в молодости учился в Москве). Представителей органов безопасности соцстран интересовал вопрос, преодолены ли полностью бывшие разногласия в СФНО и из каких социальных слоев в основном происходят сотрудники МВД и госбезопасности Никарагуа²¹¹. Руис ответил, что в большинстве они выходцы из среднего класса, так как сильный пролетариат в Никарагуа пока не сложился. Он признал также, что старые обиды времен раскола СФНО все еще негативно влияют на работу Национального руководства фронта.

Руис рассказал, что американцы резко активизировали разведывательную и подрывную работу против Никарагуа (что было чистой правдой) и поэтому никарагуанцам срочно нужна помощь.

Как и армия с полицией, директорат госбезопасности был политизирован и состоял из преданных сторонников революции. По образцу социалистических стран сотрудники госбезопасности вели и контрразведывательную работу в частях Сандинистской народной армии, так что шансов у Салазара не было.

После провала заговора и выхода буржуазной оппозиции из госсовета предприниматели решили ударить по государству своим самым опасным оружием — сорвать очередной сельскохозяйственный сезон, а также активизировать вывод капитала из страны. Рассчитывала оппозиция и на внутренний раскол в СФНО — еще весной 1980 года Эден Пастора (командовавший тогда сандинистской милицией) предложил тайное сотрудничество Демократической консервативной партии, но та отказалась, видимо, опасаясь провокации.

Правительство все еще пыталось наладить отношения с частным бизнесом, но после избрания Рейгана и в предвкушении американских санкций против сандинистов оппозиция явно была не настроена на компромисс.

В конце ноября 1980 года скандалом закончилась встреча Даниэля Ортеги с частными производителями хлопка в Леоне. Началось все с того, что собравшиеся потребовали удалить из зала корреспондентов государственного телевидения и проправительственных газет, в то время как собкор «Ла Пренсы» остался. Бизнесмены требовали сокращения государственного регулирования и прекращения нападок сандинистов на КОСЕП. Ортега был так возмущен конфронтационным тоном собравшихся (ведь именно он настаивал в Национальном руководстве СФНО на прекращении незаконных конфискации земли и на выделении частникам солидных государственных кредитов), что не сдержался и назвал оппонентов «сукиными сынами и рогоносцами»²¹². Последнее слово было в Никарагуа самым грубым оскорблением для любого мужчины. Крикнув, что не видит смысла в дальнейшем разговоре, Ортега покинул зал.

Отношения между предпринимателями и сандинистами после избрания президентом США Рейгана накалились до предела. Один бизнесмен сравнил эти взаимоотношения с лягушкой, которая переплывает реку со скорпионом

²¹¹ La Stasi y Nicaragua. См.: <http://rutasitinerarios.wordpress.com/reportajes/la-stasi-y-nicaragua/>.

²¹² Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P.214.

на спине (лягушка в этой метафоре олицетворяла частный бизнес, а скорпион — сандинистов). Мол, пока обе стороны нуждаются друг в друге, но вскоре все изменится²¹³.

Сандинисты тоже не питали никаких иллюзий. Позднее, в 1990 году (когда сандинисты уже потеряли власть) один из заместителей министра сельского хозяйства Никарагуа при СФНО так охарактеризовал отечественную буржуазию: «Никарагуанская буржуазия, как и буржуазия любой страны, — это просто свиньи. Они заинтересованы только в своем личном благополучии. Все, чего они хотят, — это выкачать деньги из страны, обменять их на доллары и отправить своих сыновей и дочерей за границу. У них нет корней. У них нет никакой связи с собственной страной»²¹⁴.

Между тем, в то время как Картер подписал 12 сентября 1980 года закон о помощи Никарагуа на 1980 год (!) и деньги начали официально распределяться с 1 октября, ЦРУ США направляло не менее внушительные суммы на поддержку «Легиона 15 сентября» Бермудеса.

Правда, ЦРУ приходилось делать это нелегально, так как конгресс США ничего подобного не санкционировал. Срочно требовался посредник, лучше всего иностранный. На эту роль с удовольствием пошла аргентинская военная хунта, руководители которой исповедовали патологический антикоммунизм в стиле Сомосы и Стресснера.

Рейган был большим другом репрессивного аргентинского военного режима. В августе 1979 года в одном из своих радиовыступлений он расхваливал хунту следующим образом: «Сегодня Аргентина живет в мире, террористическая угроза почти ликвидирована... В процессе утверждения стабильности в замученной террористами нации из 25 миллионов человек небольшое количество людей оказались под перекрестным огнем, среди них несколько невиновных»²¹⁵. На самом деле без суда были убиты тысячи граждан Аргентины.

Во второй половине 1980 года офицеры из разведывательного батальона аргентинской армии установили через ЦРУ контакт с Бермудесом и предложили ему помощь деньгами и инструкторами. ЦРУ создало для нелегальной перекачки в Аргентину (а оттуда в Гондурас Бермудесу) две подставные фирмы — «Сильвер доллар» и «Аргеншоу» (которая занималась поставками в Аргентину еще и американских развлекательных программ). Часть средств никарагуан-

²¹³ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.215.

²¹⁴ *Spalding R.J. Capitalists and Revolution in Nicaragua. Opposition and Accomodation 1979–1993*. University of North Carolina Press, 1994. P.63.

²¹⁵ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.61.

Что касается терроризма, то аргентинская хунта не только убила тысячи своих граждан, но и помогала охране Пиночета ДИНА выслеживать и убивать противников чилийской диктатуры за рубежом. Именно в Буэнос-Айресе 30 сентября 1974 года в результате взрыва радиоуправляемой бомбы погибли верный конституции главнокомандующий чилийских вооруженных сил Карлос Пратс и его жена София.

ским «контрас» (сокращенное от испанского «контрреволюционеры» — так вооруженную оппозицию стали называть не только сандинисты, но и все в мире, включая Рейгана) и тогда, и позднее поступала от продажи наркотиков.

Аргентинцы давно работали в Центральной Америке, пытаясь с помощью проамериканских диктатур выйти на след аргентинских эмигрантов-партизан. Весной 1981 года Бермудес слетал в Буэнос-Айрес и привез с собой помимо обещаний чемодан с 50 тысячами долларов, которые были потрачены на закупку продовольствия для изголодавшихся в гондурасских лагерях бывших национальных гвардейцев. После избрания Рейгана бывшие гвардейцы и будущие «контрас» вздохнули с облегчением. Их и раньше не оставляли своим вниманием ЦРУ и Пентагон, но теперь многие впервые поверили тому, что сулило название радиостанции «Мы вернемся».

Глава 2 **На войне как на войне.** **Никарагуа в 1981–1984 годах**

Во всех по-настоящему коренных революциях мира наблюдался странный, на первый взгляд, феномен. Крайне левые силы в этих революциях, как правило, объединялись с крайне правыми в борьбе против народной власти, стремящейся строить социализм. И порой левая контрреволюция была для страны гораздо опаснее правой, так как выступала внешне с еще более «народных», прогрессивных позиций.

В России первую попытку отстранить большевиков от власти и убить Ленина сделали отнюдь не монархисты, а ультрареволюционные левые эсеры. В Чили при Альенде экстремисты из Левого революционного движения (МИР) давали реакции прекрасный повод обвинить правительство Народного единства в хаосе, когда грабили банки, захватывали землю и устраивали уличные сражения с полицией.

Обычно по мере углубления революции крайне левые смыкаются с крайне правыми и становятся их верными помощниками. Такое распределение ролей не случайно — со временем большинство населения понимает, что реальное улучшение его положения несет именно правящая левая партия, в то время как ее противники (те, кто левее здравого смысла) либо отщепляются хлесткой фразой, либо призывают к абсурду вроде национализации женщин и немедленной отмены денег. Крайне левые неизбежно теряют поддержку и в яростном бессилии идут в подручные реакции. Таким был, например, бесславный путь Нестора Махно с его вольной бандитской республикой в Гуляй-поле.

Левый эсер и террорист Борис Савинков постепенно попал в услужение белым монархическим генералам, которые презирали его, но использовали в своих целях. В Чили аналог никарагуанской «Ла Пренсы», реакционная газета «Меркурио», которую финансировало ЦРУ, посвящала целые полосы изложению взглядов активистов МИР и печатала полные сочувствия к левым радикалам редакционные материалы. Правда, после фашистского переворота Пиночета 11 сентября 1973 года первыми под расстрел и в тюрьмы оправились именно МИРисты — их миссия завершилась, и реакции они были больше не нужны, как хрестоматийный мавр, сделавший свое дело.

Никарагуа в этом смысле не стала исключением из череды великих революций XX века. Первый вооруженный вызов сандинистам бросили не деморализованные в 1979–1980 годах бывшие национальные гвардейцы, а крайне левые экстремисты. Именно они стояли у истоков движения, которое потом назовут «контрас» и которое будет финансироваться ЦРУ США.

В Никарагуа в первые годы революции коммунистическая партия (Никарагуанская социалистическая партия, НСП) и ее профсоюзы по согласованию с Москвой поддерживали сандинистов, хотя исторически отношения между НСП и СФНО были очень сложными. Но была в Никарагуа еще и Никарагуанская коммунистическая партия (НКП), стоявшая вместе со своими профсоюзами из профцентра CAUS на ультралевых позициях и ориентировавшаяся на маоистский Китай. Как уже упоминалось, именно НКП и CAUS организовали первые забастовки рабочих против революционной власти. Через некоторое время «коммунистический» профцентр уже спокойно получал деньги ЦРУ.

Но самые первые проблемы начались у сандинистов с интернационалистами, главным образом панамцами, которые воевали против диктатуры в составе Южного фронта СФНО под командованием Эдена Пасторы. Интернационалисты были организационно сведены в бригаду имени Симона Боливара. В ней состояли помимо панамцев и костариканцев граждане Аргентины, Боливии, Бразилии, Чили, Уругвая, Мексики, Венесуэлы и даже США. Но главной политической силой в бригаде стала ультралевая Социалистическая партия трудящихся (СПТ) из Колумбии¹. Партия была членом троцкистского Четвертого интернационала (причем его так называемой большевистской фракции). Сама СПТ с момента основания в 1977 году вела в Колумбии партизанскую войну против сменявших друг друга проамериканских полудиктаторских и диктаторских режимов.

Правда, как это обычно и бывает у троцкистов, за звучными революционными лозунгами следовали куда более скромные дела. Когда в мае 1979 года СПТ начала вербовать в Колумбии добровольцев на помощь сандинистам, поступили заявки от более чем 1200 человек. Из них были отобраны 320, из которых, в свою очередь, в путь отправились только 53 (том числе семеро никарагуанцев)². К моменту падения Сомосы в дорогу снаряжались еще 200 человек.

Таким образом, бригада Симона Боливара, как, впрочем, и весь Южный фронт Пасторы, не смогли оказать решающего влияния на ход восстания, хотя героизм и мужество этих людей не подлежат никакому сомнению. Южному фронту и интернационалистам вместо ожидавшегося рывка от костариканской границы до Манагуа пришлось вплоть до самого 19 июля отбивать яростные атаки элитных сил гвардии Сомосы. Ценой огромных жертв они дали возможность своим боевым товарищам с севера развить решающее наступление

¹ *Black G.* Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P. 334.

² *Graco F.* La Brigada Simón Bolívar. См.: <http://www.cedema.org/uploads/mv21-13g.pdf>.

на крупные города. Большие потери несли и плохо подготовленные с военной точки зрения интернационалисты.

Всего в бригаде было примерно 250 человек, в основном троцкисты, и она вступила в бой во второй половине июня 1979 года.

После победы революции троцкисты из бригады Боливара приступили к осуществлению своей собственной политической программы. Сандинистов они стали считать предателями революции, так как те не спешили с полной национализацией частной собственности и даже сотрудничали с буржуазией в правительстве. Именно члены бригады начали организовывать ультрареволюционные профсоюзы (всего более 80), которые старались, опираясь на полученное от троцкистов оружие, захватывать фабрики. На заводах троцкисты организовывали так называемые фабричные комитеты, в которых они видели зародыш новой альтернативной народной власти. На селе интернационалисты из бригады Боливара подбивали крестьян к самовольному захвату земли с оружием в руках.

Тем самым они давали прекрасную возможность для нападков на СФНО со стороны никарагуанской буржуазной оппозиции и ее американских спонсоров.

Сандинисты быстро осознали опасность этой ультрареволюционной тактики и провели совещание с командованием бригады. Интернационалистам предложили (если они захотят) остаться в стране и перейти на обычную регулярную военную службу в сформировавшиеся части Сандинистской народной армии. Троцкисты ответили открытой оппозицией. Когда СФНО организовал встречу с бойцами бригады Боливара в бывшем «бункере» Сомосы 14 августа 1979 года, сандинисты неожиданно были окружены более чем тысячей возмущенных рабочих, которых троцкисты обманом привели с собой. Рабочие думали, что речь на встрече идет о повышении заработной платы и им надо оказать на сандинистов соответствующее давление³.

Терпение Национального руководства СФНО лопнуло, и оно выслало из страны в Панаму 60 членов бригады Симона Боливара по обвинению в экстремизме. С помощью своих профсоюзов троцкисты организовали в Манагуа мощную пятитысячную манифестацию солидарности с бригадой Симона Боливара, на которой звучало требование немедленного предоставления всем интернационалистам никарагуанского гражданства.

Печальным следствием этой истории было то, что разоруженные и высланные на специальном самолете в Панаму интернационалисты подверглись там пыткам со стороны национальной гвардии Торрихоса. Многих затем препроводили в Колумбию, где их тоже ждали тюрьмы и издевательства.

Бригада Боливара была не единственной головной болью для СФНО на левом фланге политического спектра.

3 октября 1979 года госбезопасность арестовала пять членов Никарагуанской социалистической партии, обвинив их в сотрудничестве с «сомосистами». Вряд

³ *Black G. Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981. P.335.*

ли эти обвинения имели под собой достаточные основания. Видимо, СФНО таким образом давал понять коммунистам, что именно он является авангардом никарагуанской революции⁴. НСП и не ставила это под вопрос, хотя и главным образом по просьбе Москвы. Самых членов Национального руководства СФНО многие коммунисты считали политически незрелыми авантюристами, случайно пришедшими к власти.

Но отнюдь не коммунисты были самыми опасными «попутчиками» СФНО на левом фланге.

В 1972 году от СФНО откололась группа позиционировавших себя как марксистов-ленинцев крайне левых радикалов, образовав Народное движение действия (НДД). Основателем НДД был член руководства СФНО Марвин Ортега. Для этой группы недостаточно революционными были даже маоисты, на которых она первоначально и ориентировалась. Позднее НДД избрало своим примером абсурдный режим Энвера Ходжи в Албании, жители которой целыми днями строили бомбоубежища и готовились к отражению нападения, как американского империализма, так и советского «ревизионизма».

Марвина Ортегу, который вел фракционную деятельность во фронте с 1970 года, в 1972-м исключили из СФНО за то, что раскольники хотели физически уничтожить все руководство фронта⁵.

НДД создало собственный радикальный профсоюз — Рабочий фронт, а с 1978 года (когда началось вооруженное восстание против Сомосы) — собственные вооруженные отряды МИЛПАС (испанская аббревиатура от «Народная антисомосистская милиция»).

Аббревиатура была выбрана блестяще, так как слово «мильпа» означает в Никарагуа участок земли, на котором небогатые крестьяне обычно выращивали для собственных нужд кукурузу. Многие из таких крестьян, будучи неграмотными, присоединялись к МИЛПАС, особенно в отсталых северных горных районах. Люди думали, что борются за собственный участок земли.

В 1978–1979 годах отряды МИЛПАС воевали против диктатуры в основном в составе Северного фронта СФНО под командованием Германа Помареса — харизматичного лидера сандинистов (боевой псевдоним Эль Данто). Однако МИЛПАС сохраняли в колонне Помареса организационную самостоятельность, что было вызвано в основном их однородным составом. В МИЛПАС воевали главным образом представители горных крестьянских кланов (больших семей, в чем-то сходных с шотландскими кланами). Отряды МИЛПАС состояли либо из близких и дальних родственников, либо из жителей соседних деревень.

Никакая леворадикальная идеология их не интересовала, и о местонахождении Албании они не имели ни малейшего представления. Бойцы МИЛПАС (особенно главы семейных кланов) ждали от победы над диктатурой получе-

⁴ Black G. *Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P.335.

⁵ Ibid.

ния земли бывших сомосистов и национальных гвардейцев, причем в частную собственность, а также реальной власти для своих кланов на местном уровне.

Уже в мае 1979 года некоторые лидеры отрядов МИЛПАС стали подумывать о мятеже против своих же братьев по оружию — сандинистов. Мильпистам не нравились идеи СФНО насчет кооперирования крестьянства — многие горные кланы были достаточно богаты и влиятельны и не хотели конкуренции в виде кооперативов. Они просто стремились заменить в качестве единственного авторитета в северных горах бывшую национальную гвардию.

В мае 1979-го в бою при странных обстоятельствах погиб Герман Помарес. Многие утверждали, что его настигла пуля из своих рядов.

Победа революции не дала кланам ровным счетом ничего. Сандинисты не спешили экспроприировать буржуазию, а конфискованные земли сомосистов преобразовывались в государственные хозяйства или кооперативы. Вдобавок сандинисты стали диктовать цены на основные экспортные товары, прежде всего самый важный для северных горных районов — кофе, что также пришлось не по вкусу местным полуфеодалным кланам.

Наконец, в северные горы после июля 1979 года пришло много «чужаков» и «безбожников» из городов тихоокеанского побережья, которые организовывали забитых крестьян в Комитеты сандинистской защиты и отряды милиции. Традиционная власть кланов была подорвана, и они решили взяться за оружие. К тому же многие лидеры отрядов МИЛПАС были очень недовольны низкими, с их точки зрения, должностями, которые они получили в Сандинистской народной армии.

Некоторые группы мильпистов отказались после 19 июля 1979 года сдать оружие и перешли на нелегальное положение. Они уклонялись от столкновений с армией и милицией и выжидали дальнейшего развития обстановки. Благодаря родственным связям в местных сельских общинах («комаркас») мильписты были обычно прекрасно осведомлены о передвижениях армии и милиции, а также получали продовольствие от своих земляков.

Сандинисты тоже первое время не трогали мильпистов как вчерашних соратников по борьбе, уговаривая их сложить оружие и вернуться к мирной жизни, — тем более что в первые месяцы революции те не доставляли новой власти больших хлопот.

По иронии истории мильписты действовали в том же самом районе недалеко от границы с Гондурасом, где находилась основная база армии Сандино в 1927–1933 годах.

В это время (осень 1979 года) НДД и Рабочий фронт уже тесно сомкнули ряды с буржуазной оппозицией. Например, если сандинисты требовали расширения состава госсовета, то ультралевый Рабочий фронт в унисон с «Ла Пренсой» требовал его немедленного созыва в прежнем, выгодном буржуазной оппозиции составе.

Газета НДД и Рабочего фронта «Эль Пуэбло» подвергла ожесточенной критике «План 80» — как документ, демонстрирующий полную капитуляцию сан-

динистов перед буржуазией и предательство интересов рабочих и крестьян. «Эль Пуэбло» дошла до открытых призывов активно саботировать экономический план, чтобы «вернуть власть в руки народа»⁶. Фактически это был призыв к свержению Хунты национального возрождения.

В январе 1980 года левяки перешли от слов к действиям. Рабочий фронт организовал забастовку строительных рабочих в знак протеста против общественных работ по восстановлению Манагуа, которые сандинисты организовали для безработных жителей столицы (итогом этих работ стал, в частности, прекрасный парк на месте бывшего пустыря, возникшего в результате землетрясения 1972 года).

Но особенно болезненным ударом для страны были забастовки на заводах по производству сахара — важного валютного товара Никарагуа. Рабочий фронт организовал профсоюз на бывшем образцовом сахарном предприятии Сомосы в Монтелимаре. После национализации многие рабочие предприятия были недовольны, так как Сомоса в духе «доброе барина» время от времени баловал их разного рода подачками, например, просто предоставляя на своей плантации и заводе рабочие места для «нужных людей».

После национализации государственный менеджмент в духе рационализации производства стал сокращать персонал, что вызвало недовольство, умело использованное Рабочим фронтом.

Левяки практически парализовали стачками всю промышленную деятельность в департаменте Чинандега (на границе с которым действовали подпольные группы МИЛПАС). В январе 1980 года остановились два крупнейших в стране предприятия по производству сахара, хлопкоочистительные предприятия, а также завод по производству химикатов для сельского хозяйства.

Охваченные забастовками сахарные заводы Сан-Антонио и Монтерроса были самыми крупными промышленными объектами в Никарагуа.

Сандинистам надо было срочно принимать меры, так как уже срубленный сахарный тростник быстро гнил без переработки⁷. Каждый день забастовки на сахарных заводах обходился стране в полмиллиона кордоб. Между тем лидеры Рабочего фронта говорили возбужденным рабочим, что сандинисты все равно никогда не повысят им зарплату. Придется начинать новую гражданскую войну, чтобы отстранить от власти «предателей» и передать ее, наконец, в руки рабочих и крестьян.

И попытка начать такую войну была предпринята, когда лидеры Рабочего фронта обманули стачечников, объявив им, что сандинисты арестовали нескольких рабочих в Манагуа. Возмущенные забастовщики сели в грузовики и отправились в столицу «освободить» своих товарищей. Когда член Национального руководства СФНО и министр планирования Руис попытался пого-

⁶ Black G. *Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 336.

⁷ Ibid.

ворить с рабочими сахарного предприятия в Сан-Антонио, активисты Рабочего фронта с предприятия Монтерроса (по пути в Манагуа) взяли штурмом трибуну и не дали Руису сказать ни слова⁸. Однако Руис тоже оказался не робкого десятка, и когда активисты Рабочего фронта покинули митинг, четыре тысячи рабочих Сан-Антонио избрали новое руководство своего профсоюза и решили прекратить забастовку.

Сандинисты совершили ошибку, когда задержали рабочих из Монтерросы, которым при этом даже угрожали оружием солдаты революционной армии. Такие шаги только лили воду на мельницу пропаганды Рабочего фронта в духе «сандинистов — лакеев буржуазии». «Баррикада» стала публиковать карикатуры, на которых обманутых рабочих явно смешивали с функционерами Рабочего фронта. На одной из карикатур активист Рабочего фронта плыл на облаке над рабочими, уткнувшись в книгу, — сандинисты хотели дать понять, что леваки следуют вычурным революционным теориям, а не реалиям никарагуанской жизни.

Когда рабочие Монтерросы прибыли, наконец, в Манагуа, они к своему удивлению обнаружили, что Рабочий фронт вызвал их не для освобождения арестованных товарищей, а для того, чтобы протестовать против закрытия 23 января 1980 года газеты «Эль Пуэбло». Газету уже закрывали на короткое время в июле 1979 года, но затем «Эль Пуэбло» превзошла в нападках на революционную власть даже «Ла Пренса». Якобы левая газета усиленно критиковала кампанию по ликвидации неграмотности и в унисон с буржуазной оппозицией требовала «освободить» Комитеты сандинистской защиты от влияния СФНО. На страницах газеты активно публиковали агитационные материалы правой Социал-христианской партии, которая поддерживала «Эль Пуэбло» деньгами (видимо, полученными из Венесуэлы).

Возможно, закрытие сандинистами газеты с тиражом всего в 2 тысячи экземпляров было ошибкой, только пробудившей к «Эль Пуэбло» интерес (это издание, незначительное для общественного мнения, не закрывал даже Сомоса). К тому же у буржуазной оппозиции появился лишний повод обвинить СФНО в нарушении политических свобод и сползании к тоталитаризму. В защиту «Эль Пуэбло» немедленно выступили «Ла Пренса» и реакционные радиостанции типа «Радио Миль».

Непосредственным поводом к закрытию газеты послужил ее редакционный комментарий против «Плана 80», который, с точки зрения «Эль Пуэбло», «давал буржуазии и бизнесменам большие возможности и ничего — эксплуатируемым массам»⁹. 21 января 1980 года «Эль Пуэбло» призвала к «замене нынешнего правительства другим, которое сможет защитить наше самоопределение перед лицом атак (международных контрреволюционных сил)»¹⁰. После

⁸ Black G. *Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua*. London, 1981. P. 337.

⁹ Ibid. P. 338.

¹⁰ Ibid. P. 338.

этого армия заняла помещение газеты и арестовала ее редакторов. Госбезопасность продемонстрировала общественности два больших склада оружия МИЛПАС.

Между тем возмущенные обманом своих вождей из Рабочего фронта пролетарии Монтерросы вернулись домой и после трудных переговоров с сандинистским профцентром решили прекратить забастовку. Им пообещали наладить на предприятии систему медицинской помощи и организовать магазин ЭНАБАС для продажи важнейших товаров по твердым государственным ценам.

Но тут Рабочий фронт разыграл против рабочих свою козырную карту — отряды МИЛПАС. Когда рубщики сахарного тростника вернулись на поля, их встретили вооруженные бойцы, которые прокалывали шины грузовиков и угрожали рабочим оружием.

В ответ на акции сандинистов против «Эль Пуэбло» правительство Албании разорвало с Никарагуа дипломатические отношения, а контакты с СФНО прервали некоторые троцкистские партии западных стран (например, Коммунистическая партия Испании, марксистско-ленинская Коммунистическая партия Швеции и т.д.).

Пока сандинисты боролись с забастовками и с «Эль Пуэбло», разрозненные отряды МИЛПАС в горах решили перейти в наступление, чтобы помочь своим соратникам и вообще прощупать способность властей к сопротивлению. Политически «горные» мельписты позиционировали себя как спасители истинной революции от предателей-сандинистов. Но, в отличие от городских активистов НДД и Рабочего фронта, с самого начала крестьянские МИЛПАС в горах вели пропаганду против марксизма как якобы чуждого никарагуанцам политического течения. Якобы против марксизма был и Герман Помарес (очень популярный среди крестьян), и поэтому-де от него избавились собственные товарищи из СФНО, ставшие марионетками Кубы.

Первый бой войны, послуживший началом движения «контрас», произошел в ноябре 1979 года на склонах легендарного холма Эль-Чипоте — когда это была резиденция Сандино. Тем самым мельписты давали понять, что именно они, а не марксисты-ленинцы из СФНО, являются идейными наследниками главного героя никарагуанской истории.

Примерно 70 бойцов МИЛПАС атаковали сандинистский военный лагерь на склонах холма к северо-востоку от небольшого городка Килали¹¹. Однако сандинисты оказали ожесточенное сопротивление, и пять нападавших были убиты, а шесть — ранены. Сандинисты потерь не понесли, и мельпистам не удалось достичь главной цели нападения — захватить для своего отряда оружие.

Характерно, что один из убитых «революционеров»-мельпистов носил боевую кличку Шакал. Атакой на лагерь (в котором было примерно 160 милицио-

¹¹ *Brown T.* The real Contra War; highland peasant resistance in Nicaragua. University of Oklahoma Press, 2001. P. 14.

неров, собранных для охраны кооператива) руководил бывший боец отряда Помареса по кличке Херонимо.

Несмотря на поражение при Эль-Чипоте, отдельные группы мильпистов в начале 1980 года активизировались в районе реки Коко вдоль границы с Гондурасом. За ними из-за реки наблюдали бывшие национальные гвардейцы, но мильписты поначалу гордо отказывались от всякого сотрудничества с «Легионом 15 сентября» Энрике Бермудеса. Это было неудивительно — крестьяне-горцы, даже если они не одобряли сандинистские кооперативы и регулирование цен, все равно не могли представить себя в одних и тех же боевых порядках с бывшими палачами диктатуры.

Сандинисты пока не перебрасывали в горы части регулярной армии, и с мильпистами справлялись милиционеры и вооруженные члены кооперативов. Патрули стали прочесывать горы, и вскоре в засаду попал еще один лидер мильпистов по кличке Эль Тигре («Тигр»). Мильпист явно оказался не столь храбрым, как тигр. Когда милиционеры ночью окружили хижину, где он отсыпался вместе с тремя товарищами, «тигр» переоделся в женское платье и дал стрелкача, для убедительности вереща в темноте тонким фальцетом¹².

Таким образом, ответ сандинистов на Эль-Чипоте оказался быстрым и решительным. В конце 1979 года милиция захватила и уничтожила нескольких представителей горного крестьянского клана Галеано, из которого вышло много командиров мильпистских групп.

О том, что никакими революционерами мильписты не являлись, лучше всего свидетельствуют их боевые клички: помимо Шакала и Тигра среди них были Брюс Ли, Дикий Кот (Тигрильо), Змея и т. д.

С апреля 1980 года боевая активность МИЛПАС вроде бы спала. Разрозненные и плохо вооруженные группы предпочитали уклоняться от любых контактов с милицией. Например, когда одна из групп случайно захватила в плен двух сотрудников госбезопасности (ими оказались вчерашние студенты, которые шли в деревню на свидание с девушками), то их отпустили со словами: «Мы не бывшие гвардейцы, а только рассерженные крестьяне. Если вы оставите нас в покое, мы не будем с вами воевать»¹³.

Когда активность милиции утихла, МИЛПАС решили нанести новый удар, на это раз сорвав празднование первой годовщины Сандинистской революции. Нападение было приурочено к пребыванию в Никарагуа Фиделя Кастро, который находился в тот момент неподалеку от горного района в Эстели.

23 июля 1980 года мильписты под командованием Педро Хоакина Гонсалеса (боевая кличка Димас) на короткое время захватили небольшой городок Килали в 50 милях от Эстели. Успех МИЛПАС был обусловлен откровен-

¹² *Brown T.* The real Contra War; highland peasant resistance in Nicaragua. University of Oklahoma Press, 2001. P. 16–17.

¹³ *Ibid.* P. 18.

ным предательством командира гарнизона Килали, который накануне отослал из города регулярный отряд и фактически сорвал оборону местных милиционеров. Позднее командира и 18 милиционеров арестовали за пособничество врагу. О нападении (в котором СФНО обвинил бывших национальных гвардейцев) сообщили в СМИ, и именно с этого для большинства никарагуанцев и началась война контрреволюции против новой власти.

Гонсалес (родился в Матагальпе в 1945 году) участвовал в борьбе против диктатуры с 1961 года в рядах консерваторов, был членом СФНО с 1972 года и воевал в колонне Помареса. По некоторым данным, он был даже заместителем легендарного Эль Данто. После победы революции Димас стал офицером Сандинистской народной армии, но уже с мая 1979 года готовился к переходу на нелегальное положение. Он якобы был убежден, что Помареса убрали сами сандинисты, и решил им отомстить. Но эта версия представляется полностью притянутой за уши, тем более что ее впоследствии распространяла гражданская жена Димаса Марина¹⁴. Интересно, что нападение на Килали сам Гонсалес объяснял не благородной мезьей за Помареса, а борьбой против организации кооперативов в деревне. В отряд Димаса вступило много крестьян, в чьих семьях были национальные гвардейцы, и они опасались возможных репрессий со стороны новой власти (Сомоса охотно брал в гвардию забитых и неграмотных индейцев из горных районов, а для тех это была при диктатуре единственная возможность выбиться в люди).

Новым элементом в тактике мильпистов было то, что Гонсалесу впервые удалось на время объединить для боевой операции несколько разрозненных групп мильпистов. Он был довольно харизматичной личностью, носил «революционную» бороду и называл всех своих бойцов «братишками». Силой Димаса и всех мильпистских отрядов было то, что они воевали вблизи своих деревень и опирались на поддержку родственников и друзей. По некоторым оценкам, у Димаса к концу 1979 года было 400–600 связных («корреос») и информаторов в районе действия его отряда.

В основном все бойцы Гонсалеса были индейцами (псевдоним Димас он взял в честь очень популярного в тех местах индейского вождя, противостоявшего испанским колонизаторам). Гонсалес умело разжигал их расовую неприязнь к «белым» и «образованным» чужакам из крупных городов.

Однако в атаке на Килали приняли участие не более 80 плохо вооруженных мильпистов¹⁵. В это же время мелкие группы других мильпистских командиров предприняли отвлекающие нападения на окрестные населенные пункты. Успех операции для «контрас» заключался в том, что им впервые удалось захватить оружие и боеприпасы.

¹⁴ Brown T. The real Contra War; highland peasant resistance in Nicaragua. University of Oklahoma Press, 2001. P. 24.

¹⁵ Ibid. P. 33.

На этот раз сандинисты оперативно задействовали против МИЛПАС регулярную армию и вертолеты. Димасу срочно пришлось разбить свой отряд на мелкие группы и отойти в горы. Один человек был направлен в Гондурас, чтобы установить контакт с бывшими национальными гвардейцами и попросить у них оружия и боеприпасов. Госбезопасность Ленина Серны смогла внедрить в окружение Димаса своих агентов, и 19 сентября 1980 года его группу блокировали в районе все того же Килали. Димас отстреливался, но был убит вместе с большинством своих бойцов, хотя некоторым все же удалось сбежать в Гондурас¹⁶.

По другим данным, Димаса убил в августе 1981 года в пьяной драке один из его родственников — некий Эррера.

После смерти Гонсалеса его банда распалась и присоединилась к другим вооруженным группам. Теперь на арену вооруженной борьбы выдвинулся еще более оригинальный персонаж — Тигрильо, Дикий Кот. Нового лидера мильпистов прозвали так за характерную внешность — он был приземистым, бородатым и со злыми маленькими глазками.

Тигрильо был членом еще одного мощного семейного горного клана — Бальдивия. Вместе со своим братом (Димасом Тигрильо, не имевшим ничего общего с упомянутым выше собственно Димасом), он, как и Гонсалес, сначала воевал в колонне Помареса (Димас Тигрильо начинал на Южном фронте Пасторы). После победы революции оба брата стали офицерами сандинистской армии, но уже с мая 1979 года планировали мятеж. В феврале 1980 года, накопив оружие, Тигрильо с братом и несколькими сторонниками ушли в горы. В июле 1980 года они участвовали вместе с Димасом в нападении на Килали.

В конце 1980 года у Тигрильо, по его собственным данным, было примерно 80 бойцов, среди которых попадались и бывшие национальные гвардейцы¹⁷. Многие из них были членам кланов Бальдеано и Галеано и, следовательно, состояли друг с другом в родстве.

У мильпистов было мало современного оружия, в то время как «Легион 15 сентября» Бермудеса в конце 1980 года начал получать через аргентинцев деньги ЦРУ. Таким образом, обе контрреволюционные группы — крайне левая и крайне правая — нашли друг друга. У Тигрильо было много забитых бойцов-индейцев, готовых воевать просто ради самого процесса при условии хорошего питания и современного «модного» оружия¹⁸. У национальных гвардейцев имелось оружие, но не было бойцов.

В начале 1981 года примерно 60 человек из легиона Бермудеса отправились в Аргентину на курсы партизанской войны. Но ЦРУ понимало, что вооружен-

¹⁶ *Brown T.* The real Contra War; highland peasant resistance in Nicaragua. University of Oklahoma Press, 2001. P.36.

¹⁷ *Ibid.* P.48.

¹⁸ Уровень жизни индейцев-крестьян на границе с Гондурасом был столь низок, что при Сомосе многие из них охотно голосовали просто за еду, которой их кормили на избирательных участках.

ная никарагуанская оппозиция должна отличаться от национальной гвардии, попросту обуреваемой чувством мести по отношению к собственному населению. Бермудесу было дано указание срочно создать презентабельную политическую крышу для бывших гвардейцев из гражданских политиков, желательно не связанных с диктатурой Сомосы. Бермудес взял под козырек (его офицер связи из ЦРУ ценил бывшего полковника именно за покладистость и интеллигентный внешний вид, поскольку тот носил очки)¹⁹. 11 августа 1981 года в столице Гватемалы при содействии ЦРУ и аргентинцев была создана Никарагуанская демократическая сила (испанская аббревиатура ФДН) как объединение вооруженной антисандинистской оппозиции.

Интересно, что многие бывшие гвардейцы не желали в названии ничего «демократического» и хотели назвать свою организацию просто Никарагуанской национальной гвардией²⁰. Но американцы сказали, что в этом случае они не дадут ни цента на заранее обреченное с политической точки зрения начинание.

Формально ФДН был результатом слияния Легиона 15 сентября и Демократического союза Никарагуа — эмигрантской группы, которую организовал бывший президент Строительной палаты Карденаль (участник заговора Салазара) после своей эмиграции в США в мае 1980 года. Но гражданские политики с самого начала были фиговым листком для Бермудеса, Лау и им подобных. Во главе ФДН стояла «гражданская хунта» из трех человек: Карденаль, Аристидес Санчес (друг Бермудеса, близко стоявший и к Сомосе) и Мариано Мендоса (бывший профсоюзный лидер).

Все учредительные документы ФДН были написаны и переведены на испанский язык сотрудниками ЦРУ. Штаб-квартира руководства ФДН располагалась в столице Гондураса Тегусигальпе в доме, снятом ЦРУ.

Теперь американская разведка уже могла не прятаться за спины аргентинцев и различного рода подставные фирмы. Еще в марте 1981 года, едва вступив на пост президента, Рейган издал секретный приказ о выделении никарагуанским «контрас» по линии ЦРУ 19,9 миллиона долларов.

На эти деньги люди Бермудеса построили рядом с никарагуанской границей тренировочный лагерь. Питались они теперь очень хорошо — наряду с надоевшими бобами появились мясо и спиртные напитки. «Легионерам» стали платить и твердое жалованье. Хотя штаб-квартира ФДН по указанию ЦРУ была переведена из Гватемалы на явку ЦРУ в Тегусигальпу, реальная штаб-квартира находилась в Майами.

Несмотря на «демократическую обложку», всем по-прежнему заправляли Бермудес и его начальник штаба Лау. К осени 1981 года у «контрас» было уже три лагеря на гондурасско-никарагуанской границе.

¹⁹ Dillon S. *Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels*. New York, 1991. P. 65.

²⁰ Ibid.

Не хватало только бойцов, и в конце 1981 года в одном из гондурасских баров Бермудеса познакомили с Тигрильо. Выпив пива, Тигрильо стал хвалиться, что в Никарагуа у него сотни сторонников, и Бермудес немедленно предложил хмельному партизану это доказать, взяв тщеславного Дикого Кота «на слабо». Бермудес предложил Тигрильо взаимовыгодную сделку — он приводит в Гондурас новых бойцов, которых вооружат и накормят, а самому Коту еще и вы платят за каждого рекрута деньги.

Бывшие национальные гвардейцы презирали Тигрильо, как и любого выходца из простого народа. При первом же появлении в лагере ФДН (который за непролазную грязь именовался «грязной дырой») гвардейцы потребовали у брата Тигрильо Димаса немедленно сбрить бороду, так как в настоящей армии носить ее не принято. Тот упирался, но два гвардейца просто пригнули его к земле и сбрили «партизанскую» бороду ножами. Тем самым Тигрильо ясно дали понять — кто платит, то и заказывает музыку.

Но за Кота ухватились аргентинцы и ЦРУ — имидж «крестьянского вождя» был гораздо более привлекательным для мировой общественности, чем, например, палача Лау или «уличного регулировщика» (как его называли сами же «контрас») Бермудеса.

Тигрильо регулярно ходил через границу в Никарагуа (причем во время первого похода он заблудился и два дня водил своих людей вокруг одной и той же горы, а потом «контрас» не научили его пользоваться компасом) и приводил в Гондурас многих рекрутов. Сначала это были родственники и родственники родственников, но потом жадный до денег Дикий Кот просто уводил из деревень парней под дулом автомата. Сомневающихся расстреливали, а их жен насиловали. Димас Тигрильо, оставшийся в Никарагуа, завел себе целый гарем, а когда две дочери фермера по фамилии Осорио не оценили его «ухаживаний», он просто убил их отца и трех его сыновей²¹. Окрестных крестьян Димас обложил рэкетом, который именовался «налогом на дело демократии».

За несколько недель своих рейдов Тигрильо пригнал в Гондурас 160 «идейных бойцов». К концу 1981 года «войска ФДН», по выражению директора ЦРУ Уильяма Кейси, состояли из «примерно 500 человек разного сброда». Но ЦРУ поставило себе честолюбивую задачу — превратить ФДН в самую большую партизанскую силу в истории Латинской Америки.

Бывшие гвардейцы вовсю издевались над бывшими крестьянами во время обучения. Тигрильо почти умолял их не роптать — ведь скоро они получат обещанное новое оружие, и тогда уже можно будет снова поиграть в самостоятельность. Самому Тигрильо аргентинцы подарили новехонький «браунинг», и теперь он чувствовал себя настоящим офицером.

Один из офицеров ЦРУ вспоминал, что расходы на обучение и оснащение «контрас» до прихода Рейгана к власти были небольшими по меркам бюджета США — они не превышали стоимости одного самолета Ф-15.

²¹ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 75.*

Со стороны аргентинской армии боевой подготовкой руководил «полковник Вильегас», а в конце 1981 года прибыл и американский инструктор — «капитан Алекс», который говорил по-испански с карибским акцентом (с каким говорят на Кубе или на Пуэрто-Рико). К июню 1982 года тренировка боевых отрядов «контрас» в целом завершилась, и можно было приступать к широко-масштабной войне.

Но еще в 1980 году аргентинцы потребовали от Бермудеса открыть «второй фронт» против сандинистов в Коста-Рике и провести с ее территории рейд против Никарагуа. Бермудес обратился за помощью к группировке «Южный фронт», но реальной угрозы для сандинистов из Коста-Рики создать пока так и не удалось.

Еще раньше аргентинцы поняли, что значит настоящая американская дружба. Когда в марте 1982 года между Аргентиной и Англией вспыхнул конфликт за Фолклендские острова, США, несмотря на все цветистые фразы о «межамериканской солидарности» и «совместной обороне Западного полушария», поддержали своего союзника по НАТО. Возмущенная аргентинская хунта решила прекратить участие в проекте «контрас», но американцам после избрания Рейгана и выделения денег по линии ЦРУ аргентинцы были уже и не нужны. Очередной мавр сделал для Вашингтона свое дело.

Основной боевой единицей армии ФДН был отряд («дестакаменто») в составе трех отделений (примерно 20 человек). Три отряда составляли группу. Несколько групп формировали силы театра военных действий, на которые была разбита приграничная с Гондурасом никарагуанская территория. Все отряды были вооружены автоматическими винтовками (сначала бельгийскими ФАЛ калибра 7-62 мм, так как их боеприпасы подходили под АК-47, которые предполагалось захватывать у сандинистской армии и милиции), минометами (калибра 60 мм) и пулеметами (американскими М-60). Затем на вооружении появились переносные противотанковые комплексы LAW, а позднее — переносные ЗРК Redeye (FIM-43) с эффективным радиусом поражения 4,5 километра и массой боеголовки 1,06 кг²². С помощью китайцев и израильтян ЦРУ стало поставлять «контрас» и оружие советского производства — автоматы АК-47 и ручные гранатометы РПГ-7.

Теперь оснащенностью, благодаря современному американскому вооружению и обилию боеприпасов, «контрас» не уступали Сандинистской народной армии.

Чтобы создать впечатление регулярной армии, все «контрас» были одеты в голубую форму.

Аргентинцы и американские инструкторы создали и специальную диверсионную группу для уничтожения ключевых объектов никарагуанской инфраструктуры.

²² ЗРК Redeye производился с 1966-го по 1969 год. Всего было выпущено 85 тысяч штук. К моменту начала движения «контрас» его уже заменили в армии США на печально известный «стингер» (FIM-92), с которым Советской армии пришлось столкнуться в Афганистане. Но афганские душманы получили и 50 штук Redeye.

Всего американцы обещали Бермудесу поставить оружие и снаряжение для 10 тысяч человек.

Забегая вперед, скажем, что в общей сложности в рядах «контрас» в 1981–1990 годах воевали примерно 45 тысяч человек, из которых, по разным оценкам, от 8,5 до 10,5 тысячи были убиты в боях²³. Среди тех «контрас», кто сложил оружие в 1990–1991 годах, 97% были крестьянами, 64% не имели законченного школьного образования и только 1% окончил больше пяти классов. 70% «контрас» не исполнилось и 24 лет.

К августу 1982 года Бермудес и Лау доложили ЦРУ (их вел тогда глава резидентуры в Тегусигальпе, которая за короткий срок стала одной из самых многочисленных среди заграничных американской разведки), что имеют под ружьем в Гондурасе 3700 бойцов, 432 из которых — бывшие национальные гвардейцы. Однако с учетом боевых групп и подполья в Никарагуа ФДН, по собственным данным, имел примерно 11 тысяч бойцов, 96% из которых были бывшими мельпистами и их родственниками или знакомыми²⁴.

Сандинисты отнюдь не собирались спокойно ждать, когда «контрас» нападут на Никарагуа. В лагерях «контрас» и северных никарагуанских горах активно действовали сотрудники госбезопасности и милиционеры.

Первым нашел свой конец один из самых толковых и жестоких офицеров национальной гвардии Сомосы майор Пабло Эмилио Салазар по прозвищу Майор Браво (то есть «смелый»). Именно Браво руководил элитными частями гвардии в боях против Южного фронта СФНО. После бегства Сомосы он примерно с тысячей гвардейцев перебрался морем в Сальвадор. Сальвадорские военные дали майору оружие, и он вместе со своими бывшими сослуживцами перешел в Гондурас. Браво совершил несколько рейдов через границу в Никарагуа, но никакого особого успеха они не имели.

Однако сандинисты не без основания считали Браво одним из самых умелых и опасных командиров гвардии (в отличие от Бермудеса) и поэтому придавали его нейтрализации особое значение.

10 октября 1979 года в Тегусигальпе Браво был заманен на явочную квартиру сандинистской госбезопасности женщиной-агентом Мириам Барбареньо и ликвидирован²⁵.

Осенью 1982 года части армии и милиции окружили базу Димаса и подвергли ее ракетному и минометному обстрелу. Бандит был убит, и его отряд в количестве 60 человек разбежался. Разошлись по домам и двести так и не попавших в Гондурас «рекрутов».

В течение 1981 года у «контрас» неожиданно появился еще один солидный резервуар для будущих пополнений — индейцы из Москитии, атлантического побережья Никарагуа.

²³ *Brown T.* The real Contra War; highland peasant resistance in Nicaragua. University of Oklahoma Press, 2001. P.115.

²⁴ *Ibid.* P.73.

²⁵ *Ibid.* P.89.

На атлантическом побережье и в центральных, покрытых джунглями районах Никарагуа (более половины территории) жили всего 200 тысяч человек, менее 10% населения всей страны. Из них 130–150 тысяч были индейцами мискито, сумо и рама, остальные представляли потомков смешанных браков между неграми-рабами и индейцами. Темнокожие самбо говорили в основном на английском языке, хотя большинство знали испанский. Но многие индейцы либо вообще ничего не понимали по-испански, либо изъяснялись на нем с трудом.

Москития, где на протяжении веков доминировали англичане, реально вошла в состав Никарагуа только в конце XIX века, но и после этого местные жители с недоверием относились к «испанцам», как они называли жителей западного тихоокеанского побережья Никарагуа.

Многие индейцы по-прежнему занимались охотой, рыболовством и подсечным огневым земледелием. Никакой нормальной сухопутной связи между восточным и западным побережьем страны не существовало. Землей индейцы владели, как и в старину, целой общиной, хотя крупные предприниматели и иностранные компании постепенно обманом и подкупом отбирали у местного населения исконные земли.

Именно в Москитии иностранные компании добывали золото, там же развернул свой бизнес «зеленый спрут» — банановый американский гигант «Юнайтед Фрут», и это побережье было гораздо теснее связано с американскими портами, чем с собственной страной.

На атлантическом побережье Никарагуа было всего лишь два нормальных города-порта. Пуэрто-Кабесас в северной части Москитии населяли 15 тысяч человек, прежде всего индейцы-мискито. Во время Второй мировой войны американцы держали в городе военную базу и построили современную взлетно-посадочную полосу. Именно из Пуэрто-Кабесаса отплыли в апреле 1961 года кубинские контрреволюционеры — «гусанос», чтобы найти бесславный конец в бухте Свиной.

Центром южной части Москитии был порт Блуфилдс (22–25 тысяч жителей), который населяли преимущественно темнокожие англоговорящие самбо.

Очень пестрой была и религиозная ситуация в Москитии. Помимо католической церкви там издавна вели активную миссионерскую деятельность протестантские течения. Среди индейцев было популярно учение моравских братьев, которое принесли в Москитию в середине XIX века миссионеры из Германии. Так как они крестили детей, то у индейцев встречалось много не только английских, но и немецких фамилий. Протестантские священники имели в Москитии на индейцев гораздо более сильное влияние, чем, например, католическая церковь в горных районах северо-западной Никарагуа, где и зародилось движение «контрас».

Сомоса не пытался интегрировать Москитию в социально-экономическую ткань Никарагуа, и его национальная гвардия на атлантическом побере-

жье только собирала с иностранных компаний таможенные пошлины и «крышевала» контрабанду. Бедные индейцы гвардейцев-рэкетиоров интересовали мало, и коренные жители отвечали «испанцам» взаимностью, продолжая жить в джунглях почти первобытной жизнью и ведя натуральное хозяйство.

Большинство индейцев обитали в хижинах из бамбука под крышей из пальмовых листьев без твердого пола и, естественно, без всяких удобств. Рано утром вся семья вставала, садилась в каноэ-однодревку и плыла по реке к местам охоты и рыбалки. Вечером они возвращались домой. Таким образом, быт мискито не претерпел сильных изменений с тех пор, как на побережье Москитии появился Колумб.

Мискито жили и на северном берегу реки Коко, которая отделяла Никарагуа от Гондураса. Причем границу не признавали: часто, например, жители южного берега пасли скот на северном. Власти обеих стран смотрели на это сквозь пальцы, так как сама территория в районе реки Коко была долгое время предметом спора между Никарагуа и Гондурасом.

Политические проблемы Никарагуа жителей Москитии не волновали. Главным требованием коренного населения было оставить его в покое и не мешать сохранению в деревнях общинного землевладения. Примечательно, что единственными политиками в Москитии были священники (в основном протестантские), так как 85–90% индейцев были неграмотными.

В 1973 году протестантский священник из моравских братьев Виклиф Диего основал Альянс за прогресс мискито и сумо (АЛПРОМИСУ)²⁶, который требовал автономии для атлантического побережья, сохранения общинного землевладения и преподавания в школах на языке мискито, а также адекватного представительства индейцев в правительственных структурах Манагуа. Но главным требованием было перечисление фиксированной части таможенных пошлин и налогов на американские горнодобывающие компании на нужды развития самой Москитии, чтобы преодолеть вековую отсталость региона. Сомоса, естественно, доходами ни с кем делиться не собирался и заклеил АЛПРОМИСУ как подрывную и сепаратистскую организацию.

Программа СФНО обещала после победы революции принятие специальной программы социального и экономического развития атлантического побережья, но приобрести сторонников среди неграмотных, забитых и оболваненных разного рода пасторами индейцев сандинистам так и не удалось. Для индейцев Москитии бойцы СФНО были такими же чужаками-испанцами, как и национальные гвардейцы. К тому же миссионеры учили, что сандинисты — это коммунисты и безбожники, а значит, отродье дьявола, и их следует сторониться.

Все же несколько молодых студентов-мискито, обучавшихся в вузах тихоокеанского побережья, в 1978 году от имени АЛПРОМИСУ установили контакт с СФНО, когда фронт стал уже общепризнанной силой национального масштаба.

²⁶ *Christian S. Revolution in the family.* New York, First Vintage Books, 1986. P.297.

Два студента, Стедман Фагот и Бруклин Ривера, основали новую организацию — МИСУРАСАТА (аббревиатура от мискито, сумо, рама и сандинистов), и составленный при помощи этой организации небольшой отряд мискито принял участие в финальных сражениях против диктатуры²⁷.

Однако никаких боев на самом атлантическом побережье не происходило. В Блуфилдсе национальные гвардейцы после бегства Сомосы в США просто торжественно сдали оружие, причем не сандинистам, а католическому священнику, так как самих сандинистов на момент победы революции в городе еще не было. В Пуэрто-Кабесасе командир местного гарнизона тоже торжественно капитулировал перед отрядом СФНО. Церемония происходила на глазах общественности, которая очень просила сандинистов не трогать командира гарнизона. Позднее, когда тот умер в тюрьме, это привело к протестам среди части мискито.

Сандинисты с первых дней революции со всей искренностью прилагали усилия для ликвидации отсталости атлантического региона. Именно туда, в самые непроходимые джунгли, были направлены лучшие кубинские врачи. Как уже упоминалось, правительство организовало для этого региона специальную кампанию по ликвидации неграмотности с обучением на индейских языках помимо испанского и английского. МИСУРАСАТЕ было предоставлено одно место в госсовете.

Но, как ни странно, именно этими мерами и воспользовались враги революции, прежде всего церковь, чтобы разжечь среди индейцев антиправительственные настроения. Прибытие кубинских врачей было истолковано как первый шаг на пути колонизации Кубой атлантического побережья. Священники призывали крестьян не отдавать в руки безбожников-кубинцев своих родных и близких. Голословно утверждалось, что кубинцы не обладают необходимой для лечения квалификацией.

Молодых бойцов армии грамотности тоже окрестили чужаками, которые хотят промыть индейцам мозги, а потом отобрать у них в пользу государства общинные земли. Положение усугублялось тем, что многие никарагуанцы, даже образованные горожане, вообще не имели никакого представления о самобытных культурно-исторических традициях Москитии.

Поскольку индейцы за годы диктатуры Сомосы не видели от властей ничего хорошего, пропаганда церкви падала на благодатную почву. К тому же вскоре в Блуфилдсе и Пуэрто-Кабесасе появились гарнизоны армии и милиции, что священники немедленно истолковали как «милитаризацию региона». Мол, во время Сомосы столько гвардейцев здесь не было.

Однако национальная гвардия Сомосы с самого начала была учреждена американцами как средство подавления внутренних протестов, а они обычно начинались в крупных городах тихоокеанского побережья. Поэтому Сомосе

²⁷ *Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P.298.*

было просто незачем отвлекать части гвардии на дикие малозаселенные земли Москитии с ее отсталыми в политическом отношении аборигенами.

Сандинисты же ждали нападения из США, а оно могло произойти именно путем высадки американского десанта в Москитии, как не раз уже случалось в истории Никарагуа. В этом случае в условиях отсутствия дорог (как шоссейных, так и железных) быстро перебросить части армии и милиции с западного побережья не представлялось возможным. Поэтому приходилось на всякий случай держать в Блуфилдсе и Пуэрто-Кабесасе крупные гарнизоны, которые были призваны хотя бы задержать продвижение американцев до подхода с запада основных сил. Вскоре после революции началось строительство железной дороги с тихоокеанского на атлантическое побережье, но разразившаяся война против «контрас» не позволила завершить этот крайне важный с экономической и стратегической точки зрения проект.

Солдатам США и милиции было дано строгое указание вести себя по отношению к местному населению Москитии вежливо. Но все равно, как всегда бывает в таких случаях, время от времени возникали недоразумения и стычки. Многие молодые бойцы открыто посмеивались над религиозными предрассудками индейцев и их отсталыми, с точки зрения горожан, традициями.

Церковь активно агитировала против образования Комитетов сандинистской защиты, которые с амвонов тоже клеймили как чуждый национальным традициям Москитии элемент и доказательство «милитаризма» сандинистов.

В условиях такой массированной и систематической антикоммунистической и антикубинской пропаганды возникновение беспорядков в Москитии было лишь вопросом времени. Вскоре стали поступать сообщения об избиениях кубинских врачей и активистов кампании по ликвидации неграмотности. Антикубинскую истерию активно подогревала радиостанция «Легиона 15 сентября» с северного берега реки Коко. Бывшие национальные гвардейцы стали проводить рейды в Москитию из Гондураса, что усилило военное присутствие сандинистов в этом регионе, а это, в свою очередь, было использовано реакционной пропагандой как лишнее доказательство «милитаризма» СФНО.

Сандинисты отреагировали слишком жестко. Уже в сентябре 1979 года армия арестовала в Пуэрто-Кабесасе примерно тридцать молодых мискито, обвинив их в антиправительственной деятельности. Но на главной площади города быстро собралась толпа, потребовавшая немедленного освобождения задержанных, что и было сделано²⁸. После этого несколько бывших арестантов бежали в Гондурас. «Контрас» поняли, что можно использовать отсталых политически индейцев в качестве еще одного человеческого резервуара для формирующейся на деньги ЦРУ контрреволюционной армии.

У ЦРУ уже был прекрасный и удачный, с точки зрения американской разведки, опыт формирования контрреволюционного воинства из отсталого на-

²⁸ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 299.

ционального меньшинства. В 1960–1970-е годы ЦРУ организовало и оснастило в Лаосе огромную многотысячную армию (по некоторым оценкам, до 30 тысяч бойцов) из горной народности мяо (хмонг). Мяо во главе с генералом Ванг Пао воевали против вьетнамцев и коммунистических партизан Лаоса просто за рис, одежду и обувь. ЦРУ активно разжигало антивьетнамские предрассудки среди мяо, утверждая, что вьетнамцы хотят захватить Лаос и истребить их. После победы народов Индокитая над американскими агрессорами и их марионетками в 1975 году тысячи мяо были вынуждены бежать в Таиланд и даже в США²⁹. Следует подчеркнуть, что ВВС США — видимо, для «защиты от Вьетнама» — сбросили на территорию Лаоса 3 миллиона тонн бомб (в среднем по 10 тонн на каждый квадратный километр) и распылили десятки тысяч тонн отравляющих химических веществ.

Именно опыт мяо ЦРУ решило применить и к мискито. Только теперь в роли «злых» вьетнамцев выступали кубинцы.

Сначала лидеры МИСУРАСАТА активно поддерживали революционные преобразования, так как впервые жителей Москитии спросили об их собственном мнении по поводу всего, что происходило в стране. Бруклин Ривера говорил позднее: «Пыл революционного триумфа проник в каждую душу, в каждое сердце... и каждый мог выражать свою точку зрения и участвовать во всем происходящем. До этого таких импульсов не было»³⁰.

В Москитии появились плакаты: «Атлантическое побережье — гигант просыпается!»

Но именно этот, совершенно искренний пыл революционеров (большинство из которых были не просто молодыми, а юными людьми) как раз играл на руку контрреволюции. Сандинисты хотели изменить вековую отсталость Москитии быстро, а эта скорость перемен была многим консервативно настроенным местным жителям явно не по душе. Церковь стала высмеивать плакаты с «просыпающимся гигантом» — мол, разве мы спали до прихода сюда этих безбожников-сандинистов?

Например, крестьяне-индейцы, которым ранее частные торговцы поставляли семена и удобрения, не хотели отказываться от традиционных коммерческих связей и покупать семена у государственной компании, хотя они были дешевле. Подводила и логистика (точнее, полное отсутствие транспортной инфраструктуры), так как иногда семена просто не могли доставить до отдаленных общин к началу сева.

Сандинисты не возражали против государственного оформления общинного землевладения, но считали, что у индейцев есть подтвержденные права отнюдь не на всю территорию Москитии, 38% которой по праву принадлежало государству. Однако они понимали специфику региона, где многие индейские

²⁹ Ванг Пао умер в США в 2011 году.

³⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 102.

общины еще с доиспанских времен считали леса и поля своими, и поэтому решили отложить объявленную в 1980 году национализацию земли в Москитии до тех пор, пока не будут рассмотрены претензии на землю всех индейских общин.

В конце сентября 1980 года контрреволюции удалось подбить население (в основном англоязычное и темнокожее) на антикубинские демонстрации в Блуфилдсе. В течение трех дней несколько тысяч демонстрантов требовали немедленного отзыва из Москитии всех кубинских врачей и учителей. Сандинисты отказались принять у делегации демонстрантов соответствующую петицию, что только сыграло на руку контрреволюции. Когда демонстранты попытались атаковать армейский гарнизон, их отбили огнем. Но протестующие не успокоились и сожгли перед домом, где жили кубинцы, кубинский флаг. Естественно, ни одно нормальное правительство не могло терпеть такие откровенно насильственные действия, тем более что демонстранты выкрали из одного государственного учреждения оружие.

Госбезопасность произвела аресты, а член национального руководства СФНО Байардо Арсе заявил, что за событиями в Блуфилдсе видна рука США, которые хотят превратить этот город в «никарагуанскую Гуантанаму». Буржуазная пропаганда стала высмеивать Арсе, хотя он был абсолютно прав.

Еще до прихода Рейгана к власти ЦРУ решило открыть против сандинистов новый фронт именно руками индейцев мискито. Американская разведка считала мискито, как и мяо в Лаосе, слишком отсталыми для того, чтобы вооружать их современным оружием. Первоначально планировалось давать им только старые американские самозарядные винтовки М-3, так как, с точки зрения инструкторов из ЦРУ, мискито не могли соблюдать «дисциплину автоматического огня» и расходовали слишком много боеприпасов впустую³¹. К тому же, рассудили американские кураторы «контрас», мискито будут воевать в труднопроходимых джунглях и им нужно, прежде всего, легкое оружие.

ЦРУ стало активно вербовать бойцов ФДН как среди тех мискито, кто уже жил в Гондурасе, так и среди беженцев, которые стали прибывать из Никарагуа в 1981 году.

Наряду с Блуфилдсом обстановка обострилась и в северном Пуэрто-Кабесасе. Под влиянием церкви и контрреволюционной пропаганды бывших гвардейцев из Гондураса местные жители отказывались посещать школьные классы, где преподавали кубинцы. Распространялись дикие и лживые слухи, что кубинские врачи специально «залечивают до смерти» индейцев, чтобы освободить территорию для кубинской колонизации.

Напряженность вылилась в открытые столкновения, когда в январе 1981 года солдаты США ранили 19-летнего индейца-мискито в парке Пуэрто-Кабесаса. Немедленно собралась массовая демонстрация, которая на руках отнесла юно-

³¹ *Clarridge D.R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P. 202.*

шу в клинику. Вскоре возникли слухи, что кубинские врачи в клинике отказались оказать индейцу медицинскую помощь.

В это же время лидеры МИСУРАСАТЫ, по словам одного из лидеров организации Фагота, решили «объявить открытую политическую войну сандинистам»³² (видимо, не случайно, что это произошло в январе 1981 года — ко времени инаугурации Рейгана). Для этого у организации были свои местнически-бюрократические причины. МИСУРАСАТА хотела быть единоличным представителем интересов Москитии и выступала против образования на атлантическом побережье таких же массовых организаций (особенно Комитетов сандинистской защиты), которые действовали на всей территории страны.

К тому же МИСУРАСАТА требовала для всего атлантического побережья немедленной автономии, которая фактически превратила бы Никарагуа в федерацию. Сандинисты были в принципе не против, но просили подождать, так как уже разворачивалась война против «контрас», в том числе и в Москитии. К тому же Луис Каррион (отвечавший в Национальном руководстве СФНО за Москитию) считал, что сначала следует преодолеть огромную идеологическую и политическую отсталость местного населения.

МИСУРАСАТА сообщила о своем выходе из госсовета и хотела объявить об открытом разрыве с СФНО на массовом митинге в Пуэрто-Кабесасе в феврале 1981 года, посвященном окончанию кампании по ликвидации неграмотности на атлантическом побережье.

Но сандинисты решили упредить события, и в середине февраля 1981 года лидера МИСУРАСАТЫ Фагот арестовали в Манагуа, а 18 февраля по всей Москитии были арестованы еще 33 лидера организации. Их всех обвинили в сепаратизме, а некоторых еще и в том, что до революции они были агентами службы безопасности Сомосы.

Ситуация продолжала накаляться. В городке Принсаполка толпа убила четырех солдат США, когда те захотели арестовать местного лидера МИСУРАСАТА Элмера Прадо.

Задержать Прадо попытались прямо во время церковной службы в церкви моравских братьев, где собрались около 90 прихожан. Прихожане отказались выдать Прадо и напали на солдат, отобрав у них несколько винтовок и начав стрельбу по сандинистам. Те в ответ открыли огонь. Погибли четыре индейца. Реакция превратила четырех погибших в «тысячи убитых и замученных индейцев», и под влиянием этой лживой пропаганды тысячи мискито бежали через реку Коко в Гондурас.

Там их уже ждали вербовщики ЦРУ и ФДН. Тех, кто хотел вернуться, запугивали страшными рассказами о неминуемом расстреле кровожадными «сандинокоммунистами». Наоборот, следовало срочно вызвать в Гондурас всех родственников, а то и их привлекут к ответственности за связь с контрреволю-

³² *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.302.

цией. Многие индейцы вступали в ряды «контрас» от безысходности и просто от того, что им нечего было есть в лагерях для беженцев в Гондурасе.

ЦРУ распространяло и абсолютно бредовый, но действенный слух, что США после свержения сандинистов признают традиционную независимость Мискитии, по примеру британцев до XIX века, и возьмут новое государство под свое покровительство³³.

В мае 1981 года лидера МИСУРАСАТА Фагота выпустили из тюрьмы с условием, что он уедет учиться за границу. Фагот такое обещание дал, но немедленно сбежал из Пуэрто-Кабесаса в Гондурас и встал во главе вооруженной оппозиции. Он передал в распоряжение ФДН примерно тысячу бойцов-мискито из лагерей беженцев.

12 августа 1981 года СФНО и Хунта национального возрождения опубликовали Декларацию принципов Сандинистской народной революции, среди которых был и раздел, посвященный развитию атлантического побережья. В статье 5 Декларации говорилось: «Сандинистская народная революции гарантирует и узаконит путем выдачи свидетельств на право владения землей собственность на те земли коренных индейских общин Атлантического побережья, на которых они жили исторически, либо в форме общинного землевладения, либо в форме кооперативов»³⁴.

Пока основные силы «контрас» все еще формировались в гондурасских лагерях в западном секторе никарагуанско-гондурасской границы, ЦРУ решило начать наступление против сандинистов — причем именно силами мискито — в восточном пограничье в конце 1981 года. Операция получила кодовое название «Красное (то есть кровавое) рождество». Целью ее был захват важнейшей атлантической гавани Никарагуа Пуэрто-Кабесаса и провозглашение там временного правительства, которое, естественно, сразу же обратилось бы за военной помощью к США³⁵.

14 декабря 1981 года в засаду «контрас»-мискито попал патруль СНА недалеко от родного городка Фагота Сан-Карлос. Были убиты все 12 бойцов СНА. 18 декабря погибли еще три сандиниста, которые попытались добраться до Сан-Карлоса на лодке. Через три дня «контрас» напали на вертолет, когда он совершал посадку, и убили восемь военнослужащих³⁶. Перед смертью захваченных в плен бойцов страшно пытали, отрезав им конечности и половые органы. По данным сандинистов, помимо мискито в нападениях участвовали 13 бывших национальных гвардейцев и пастор моравских братьев. Всего за два

³³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 102.

³⁴ Macdonald Th. *Nicaragua: National development and Atlantic Coast Indians*. См.: <http://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/nicaragua/nicaragua-national-development-and-atlantic-coast>.

³⁵ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 102–103.

³⁶ Christian S. *Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 305.

месяца операции «Красное рождество» от рук «контрас» погибли 45 солдат и офицеров армии и милиции, а также 15 мирных жителей.

Не жалели борцы за права коренного населения, как себя позиционировала МИСУРАСАТА, и собственных соплеменников. Например, 28 декабря 1981 года примерно двадцать «контрас» похитили прямо из больницы единственного врача-мискито по всей стране доктора Мирну Каннингхэм и медсестру-мискито Реджину Льюис. Госпиталь разорили, а Мирну и Реджину по пути в Гондурас изнасиловали всем отрядом. Во время группового изнасилования «контрас» скандировали религиозные лозунги типа «Христос вчера, Христос сегодня, Христос завтра!»³⁷. В лагере «контрас» в Гондурасе женщин встретили много национальных гвардейцев, которые с гордостью демонстрировали им американское оружие и консервы, а также сигареты «Кэмел».

Пленниц решили отвести назад в Никарагуа, убить и оставить трупы на видном месте в качестве предупреждения всем тем, кто сотрудничает с никарагуанским правительством. По пути на родину их опять изнасиловали всей группой. Потом Каннингхэм и Льюис все же отпустили, но приказали немедленно убраться из Москитии, поскольку местному населению никакие врачи не нужны — любой больной и так поправится, если это будет угодно богу. Позднее правительство Никарагуа назначило Мирну Каннингхэм главой департамента Северная Селайя (северная часть Москитии).

Изнасилования широко практиковались всеми отрядами ФДН как средство унижения, особенно действенное в католической стране, в которой подвергшиеся насилию женщины часто становились изгоями в своих деревнях, где все знали об их несчастной судьбе. «Контрас» часто насиловали жен в присутствии мужей, матерей в присутствии детей.

Характерен рассказ жительницы Эстели и матери двоих детей Дигны Барреды де Убеды, которую «контрас» похитили в мае 1983 года: «Пятеро из них изнасиловали меня примерно в пять часов вечера... потом они группой насиловали меня каждый день. Когда мой половой орган уже не мог этого выносить, они насиловали меня через задний проход. За пять дней они изнасиловали меня примерно 60 раз»³⁸. На глазах бедной женщины неоднократно избивали ее мужа и выкололи глаза одному мирному жителю.

«Контрас», совершая свои зверства, не делали никаких различий между взрослыми и детьми. Когда «борцы против тоталитаризма» разгромили один из кооперативов по выращиванию кофе недалеко от городка Яли в департаменте Хинотега, они убили там 15-летнего мальчика, страдавшего аутизмом и эпилепсией. Вернувшись в разоренную деревню, они нашли парня с перерезанным горлом и вспоротым животом, из которого свисали кишки³⁹.

³⁷ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 103.

³⁸ Brody R. *Contra terror in Nicaragua: report of a fact-finding mission*. September 1984 — January 1985. 1985. P. 22.

³⁹ *Ibid.* P. 22.

Ответные действия армии осложнялись тем, что «контрас» после организации засад немедленно переправлялись на моторных лодках (предоставленных ЦРУ) через реку Коко в Гондурас.

Сандинисты отреагировали на «Красное рождество» таким образом, который привел в ряды «контрас» тысячи новых мискито и впоследствии был признан ошибочным. Они хотели защитить мирное население от набегов «контрас» из-за реки Коко и лишиться бандитов возможности уводить через границу рекрутов (отнюдь не все они переходили границу добровольно — многих «мобилизовывали» угрозами или просто под дулом автомата). Для этого в январе 1982 года 8500 мискито и сума переселили с южного берега Коко во внутренние районы Москитии, в 50 милях к югу от прежнего места жительства⁴⁰. Солдаты сожгли не только покинутые деревни, но и церкви и часть урожая на полях, чтобы он не достался контрреволюционерам.

Был введен особый режим посещений Москитии для иностранцев и жителей остальной части Никарагуа. Теперь требовалось получить предварительное разрешение МВД на поездку на атлантическое побережье.

Для переселенцев-мискито отстроили новый поселок и назвали его Тасба При, что в переводе с языка индейцев означало «свободная земля». Однако после переселения их собратьев в Гондурас ушли еще около 10 тысяч индейцев.

Правительство США немедленно обвинило сандинистов в геноциде коренного населения. В телевизионном шоу посол США при ООН Джин Киркпатрик говорила, что «примерно 250 тысяч мискито (столько индейцев вообще никогда не было в Никарагуа — прим. автора) жестоко репрессированы в концентрационных лагерях, которые построены на побережье Никарагуа, чтобы подавить их волю к сопротивлению». Другой участник дискуссии — министр иностранных дел Никарагуа и католический священник Мигель д'Эското ответил, что не знает, о какой стране говорит Киркпатрик.

ЦРУ распространило в СМИ фотографии, на которых солдаты США якобы сжигали трупы убитых ими индейцев. Правда, французская газета «Фигаро» выяснила, что на фото изображены сотрудники Красного Креста, действительно сжигавшие мертвые тела, но не индейцев, а жертв национальной гвардии Сомосы, погибших при жестоком подавлении восстания в 1978 году⁴¹.

Фагот утверждал, что при переселении были убиты 3000 мискито, а тысячи пропали без вести. Но международные правозащитные организации (в том числе и американские) не смогли найти никакого подтверждения этим обвинениям. Следует отметить, что к массовым переселениям целых деревень в Гондурас прибегали и «контрас». В марте 1982 года люди Фагота насильно увели за границу целую общину сумо в составе 1600 жителей.

Один из сбежавших из лагеря «контрас» индейцев рассказывал о тактике «массовых мобилизаций» в «ряды борцов за свободу»: «Они говорили нам, что

⁴⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 103.

⁴¹ Ibid.

сначала надо окружить деревню и стрелять в воздух, чтобы люди испугались и покинули свои дома. Нельзя было упустить ни одного человека, поэтому нам приказывали делать это только по ночам»⁴². Как мы видим, жителей деревни захватывали врасплох спящими.

23 апреля 1983 года «контрас» силой увели в Гондурас 1500 индейцев из центра по восстановлению лесонасаждений Слималила. Нападение с применением минометов началось сразу же после 22:00, когда в центре обычно отключали электричество. «Контрас» принялись жечь дома и уничтожили цистерну с пресной водой. Бандиты кричали, чтобы все немедленно выходило на улицу. Свидетель нападения Хуан Бустильо Мендоса так описывал свои злоключения: «Спустя пятнадцать минут (после начала нападения) мы слышали шаги, которые приближались к нашему дому. Они три раза постучали в дверь. Я не открыл, и они взломали дверь, после чего в дом с фонарем вошли семь человек. Я находился дома вместе с женой, братом и девятилетней сестрой. Сестра начала плакать, и они приказали ей заткнуться. Моя мать спросила, как же она может заткнуться, ведь она же маленькая. Тогда они стали угрожать матери штыком и пригрозили, что убьют ее. Мать спросила, почему они делают такие вещи, если называют себя христианами. Они опять приказали ей заткнуться — в противном случае они немедленно убьют ее. Они сказали, что если убивают, то во имя бога, а не потому, что уж очень этого хотят. Потом они приказали нам выйти из дома, так как собирались его сжечь... Они приставили пистолет к ребрам моей матери и пригрозили убить ее, если я вздумаю убежать»⁴³.

Интересно, что, по всей видимости, 15–20 жителей деревни знали о нападении, так как были уже готовы к походу. Остальных погнали в Гондурас полураздетыми, не разрешив даже взять с собой одеяла, чтобы укрыться от холода ночью.

19 декабря 1983 года большой отряд «контрас» в составе примерно 500 человек захватил маленький городок Франсиа Сирпе на севере Москитии. Жители рассказывали, что бандиты ворвались, «стреляя, как бешеные, зажигательными пулями». Лусио Варгаса, 44-летнего работника здравоохранения и его жену и детей около 20 бандитов застигли дома. «Они приказали немедленно собираться, угрожая в противном случае расстрелять дом из пулеметов»⁴⁴. Варгасу удалось сбежать и спрятаться в горах.

Сандинисты, напротив, приняли жесткие меры по наведению дисциплины в армии и милиции в Москитии и строго наказывали за грубость и насилие по отношению к местному населению. Предпринимались большие усилия по вовлечению в органы безопасности и армии коренного населения атланти-

⁴² Brody R. *Contra terror in Nicaragua: report of a fact-finding mission*. September 1984 – January 1985. 1985. P. 100.

⁴³ Ibid. P. 101.

⁴⁴ Ibid. P. 107.

ческого побережья, и уже к 1984 году 70% рядов сотрудников госбезопасности составляли местные жители.

В ноябре – декабре 1982 года по мере роста активности вооруженной контрреволюции правительство Никарагуа провело еще два массовых переселения индейцев из районов, охваченных боями. Были выселены примерно 4 тысячи индейцев из восьми деревень⁴⁵. Переселение объяснялось тем, что ряд приграничных районов объявили зоной чрезвычайного военного положения.

1 декабря 1983 года правительство официально признало переселение индейцев ошибкой и объявило всеобщую амнистию для мискито и сума, участвовавших в контрреволюционной деятельности.

Вооруженная контрреволюция в Никарагуа перешла в конце 1980 года к активным действиям по прямому приказу ЦРУ и на фоне стремительно ухудшавшихся еще при Картере никарагуанско-американских отношений.

Американцы осенью 1980 года нашли желанный повод ужесточить линию в отношении Манагуа. В сентябре, опираясь на некий анализ ЦРУ, Картер заявил, что Никарагуа активно помогает оружием левым сальвадорским повстанцам и тем самым нарушает условия предоставления кредита и помощи со стороны США в размере 75 миллионов долларов.

В Сальвадоре с 1980 года действительно бушевала гражданская война между правой реакционной хунтой и левыми повстанцами. Никарагуа публично заявляла о солидарности с борющимся сальвадорским народом, и в Манагуа была штаб-квартира сальвадорских партизан. С территории Никарагуа вещала и радиостанция повстанцев.

Однако причины гражданской войны в Сальвадоре были чисто внутренними и коренились в беспросветной нищете подавляющей части населения и чудовищных нарушениях прав человека — армия и организованные при помощи армейских офицеров «эскадроны смерти» убивали без всякого суда любого, кто осмеливался протестовать против сложившегося порядка вещей.

Сальвадорская армия, которой активно помогали США, имела в этом смысле «богатые традиции». Еще в 1932 году армейские части жестко подавили восстание крестьян, убив 30 тысяч человек. Эти события известны в сальвадорской истории как «резня» (*La Matanza*). Командующий сальвадорской армией полковник Видес Казанова в начале 80-х годов говорил, что страна сумела пережить гибель 30 тысяч крестьян в 1932 году, и обещал: «А сегодня вооруженные силы готовы убить 200 000–300 000, если это понадобится, чтобы предотвратить коммунистический переворот»⁴⁶. И полковник явно держал слово. Только между октябрём 1979-го и январём 1984 года армия и «эскадроны смерти» убили в маленькой стране 40 тысяч мирных жителей, в том числе и архиепископа Сальвадора Оскара Арнульфо Ромеро. С особым цинизмом Ромеро был

⁴⁵ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.306.

⁴⁶ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.50.

застрелен прямо во время воскресной мессы, через день после того, как обратился к армии и полиции со следующими словами: «Братья, вы же часть народа. Вы убиваете своих собственных братьев и сестер среди крестьян... Во имя господина и во имя страждущего населения... я умоляю вас, я прошу вас, я призываю вас от имени бога: прекратите репрессии»⁴⁷.

В главной террористической реакционной организации ОРДЕН («Союз белых воинов») состояло до 50 тысяч человек, среди которых было много отставных военных и полицейских.

Как уже упоминалось, сальвадорские военные охотно брали на службу бывших национальных гвардейцев Сомосы, которые с удовольствием вернулись к любимому делу — убийству беззащитных граждан.

Для американских ястребов вроде Рейгана начавшееся сопротивление населения в Сальвадоре беззакониям военного режима было очередными происками русских и кубинцев и наглядным доказательством «теории домино». Вчера, мол, «пала» под натиском коммунистов Никарагуа — теперь на очереди Сальвадор.

Картер в преддверии выборов 1980 года не мог не учитывать общественного мнения страны, которое устами Рейгана требовало «остановить коммунистов» в Сальвадоре. Но проблема была в том, что никаких реальных доказательств поставки оружия из Никарагуа сальвадорским повстанцам просто не было. К тому же у Никарагуа не существовало ни сухопутной границы с Сальвадором, ни флота, способного перебрасывать оружие морем, а в заливе Фонсека (между Гондурасом, Никарагуа и Сальвадором) постоянно патрулировали американские военные корабли. В Гондурасе у власти тоже находился проамериканский режим, и вся граница с Никарагуа была наводнена гондурасской армией и лагерями «контрас». Наконец, и у самих сальвадорских повстанцев не удалось обнаружить и захватить никакого оружия советского производства.

Согласно внутреннему анализу ЦРУ, у партизан стрелкового оружия было и так достаточно — они отбивали или покупали его у армии, которую, в свою очередь, щедро снабжали США. Сразу же после начала партизанского движения американцы предоставили сальвадорскому режиму экстренную помощь в размере 5,7 миллиона долларов. А поставить Сальвадору вертолеты или ЗРК Никарагуа и сама была не в состоянии.

Зато США не считали себя в этом вопросе связанными какими-либо ограничениями. В 1981 году они предоставили антинародному режиму Сальвадора военную помощь на общую сумму в 25 миллионов долларов, а в 1982 году — на 65 миллионов (из 76, выделенных на все страны Центральной Америки)⁴⁸. На пике гражданской войны США оказывали сальвадорской хунте помощь в размере по 1,5 миллиона долларов в день.

Картер, считавший себя истинным верующим и апостолом прав человека, прекрасно знал, на что в Сальвадоре тратятся деньги американских нало-

⁴⁷ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 51.

⁴⁸ Барри Т., Вуд Б., Проиш Д. Доллары и диктаторы. М., 1986. С. 100.

гоплательщиков. Он писал в своем дневнике: «...они (сальвадорцы) проходят там у себя через кровавую баню... У них там никого нет в тюрьмах. Они все мертвы. Это их метод поддержания так называемой законности»⁴⁹.

Однако американцы были полны решимости оправдать «эксцессы» сальвадорских «горилл» (вроде убийства и изнасилования монахинь) вмешательством Кубы и Никарагуа. Дело оставалось за малым — это вмешательство доказать.

В сентябре 1980 года ЦРУ могло предоставить президенту лишь следующие «данные» на сей счет: «...существует очень большая вероятность, что такая деятельность (обучение и поставка оружия сальвадорским партизанам — прим. автора) действительно имеет место и выражает официальную линию СФНО»⁵⁰. Таким образом, американская разведка просто основывалась на открытых заявлениях СФНО о солидарности с борьбой сальвадорского народа против диктатуры.

Тем не менее госдепартамент поручил послу Пеззулло сделать в Манагуа жесткий демарш и потребовать от никарагуанского правительства «принять меры по прекращению любого транзита оружия и персонала сальвадорским террористическим группам»⁵¹.

Итак, желанное средство давления на сандинистов было найдено. И не играло абсолютно никакой роли, насколько все обвинения американцев соотносились с действительностью.

Осенью 1980 года Манагуа посетил заместитель госсекретаря Джеймс Чик, который провел переговоры с членами Национального руководства СФНО Байардо Арсе, Умберто Ортегой и Хайме Уилоком. Чик прямо сказал, что выделение 75 миллионов долларов и будущее американско-никарагуанских отношений в целом зависит от полного прекращения любой поддержки сальвадорских партизан со стороны Никарагуа. При этом сам же Чик признал, что у США нет «достаточно твердых доказательств» такой поддержки⁵².

В это время армия в Сальвадоре стала убивать уже и американцев. 4 января 1981 года из пулеметов прямо во время обеда в столичном отеле «Шератон» застрелили двух граждан США, приглашенных в Сальвадор в качестве советников по проведению аграрной реформы. Убили и их собеседника — главу агентства по аграрной реформе Хосе Родольфо Веру.

10 января 1981 года сальвадорские партизаны, объединившиеся во Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти (испанская аббревиатура ФМЛН)⁵³, начали «решающее наступление» против хунты, чтобы добиться победы еще до прихода Рейгана к власти. Администрация Картера немедлен-

⁴⁹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.53.

⁵⁰ Morley M. *Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981*. Cambridge University Press, 1994. P.255.

⁵¹ Ibid.

⁵² Ibid.

⁵³ Фарабундо Марти был соратником Сандино и основателем Компартии Сальвадора, расстрелян военными во время «резни» 1932 года.

но воспользовалась этим, чтобы нарастить военную помощь сальвадорскому режиму, и наступление плохо вооруженных партизан было отбито⁵⁴. Советского оружия опять не обнаружили.

Сальвадорские военные вновь проявили в борьбе с собственным народом фирменную жестокость. Например, в 1981 году были убиты более тысячи человек в деревне Эль-Мосоте. И США и Сальвадор полностью отрицали это чудовищное зверство, пока не были обнаружены братские могилы замученных и расстрелянных крестьян.

14 января 1981 года «возмущенный» посол США в Сальвадоре Роберт Уайт сообщил журналистам, что 100 человек из Никарагуа 13 января высадились с грузом оружия на сальвадорской территории в заливе Фонсека и это оружие найдено сальвадорской армией. Министр обороны Сальвадора сказал, что никарагуанцев среди убитых партизан не нашли, но их лодки сделаны из дерева, которое в Сальвадоре не встречается (!)⁵⁵. Один бизнесмен, который смотрел по телевизору «сенсационную» пресс-конференцию сальвадорских военных, заметил: «Я не удержался от смеха. Это было лучше любой комедии»⁵⁶.

На месте «высадки» аккуратно лежали ручные гранаты советского производства, и у непредвзятых наблюдателей не возникало сомнения, что они подброшены.

Сандинисты действительно поставляли в 1979–1980 годах небольшие партии оружия сальвадорским партизанам, ведь и им самим в борьбе против Сомосы помогали многие государства. Но если бы в Сальвадоре не было широкого недовольства народа массовыми нарушениями прав человека и вопиющей нищетой на фоне баснословного богатства кучки олигархов-латифундистов, то никакой революции и гражданской войны в стране не возникло бы. К тому же сандинисты и партизаны никак не могли тягаться качеством и количеством оружия с массивованными поставками из США сальвадорской хунте.

Тем не менее после «инцидента в заливе Фонсека» Картер объявил о приостановлении выделения кредитов и помощи Никарагуа вплоть до «выяснения» реальности обвинений относительно поддержки сандинистами «сальвадорских террористов» (так в Вашингтоне именовали партизан). Картер прекратил также поставки Никарагуа пшеницы по льготным ценам (остатки американского урожая продавались иностранным государствам по сниженным ценам, чтобы помочь, в том числе, и американским фермерам, у которых государство, в свою очередь, закупало зерно).

После инаугурации Рейгана правительство Никарагуа заявило, что готово поддерживать с США нормальные и даже хорошие отношения, если новая администрация будет уважать суверенитет Никарагуа. Никарагуанцы надея-

⁵⁴ История, однако, восстановила справедливость. В 2009 году кандидат ФМЛН был избран президентом Сальвадора.

⁵⁵ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 54.

⁵⁶ *Ibid.*

лись, что «пещерная» предвыборная программа Рейгана, как часто бывало в Америке, не станет претворяться в реальность во всем своем право-экстремистском характере.

Но насчет этого в Манагуа явно ошибались.

На одном из первых же дипломатических приемов в Вашингтоне новый госсекретарь США и бывший генерал Александр Хейг нагрубил послу Никарагуа в США Рите Делисио Каско. Когда та выразила уверенность, что характер двусторонних отношений не изменится с приходом в Белый дом нового президента, то Хейг, по его собственным воспоминаниям, «лапидарно заявил, что эта уверенность не отвечает действительности». «Пока сандинисты предают своих соседей (!), с ними нельзя поддерживать нормальные отношения, — утверждал он. — Америка готова не только полностью прекратить всю помощь, но и прибегнуть к иным мерам»⁵⁷. Делисио Каско тоже оставила воспоминания об этой беседе: «Он сказал мне прямо в присутствии других дипломатов: „Передайте своему правительству, чтобы оно прекратило посылать помощь сальвадорским повстанцам, иначе мы разберемся с самим источником этой помощи“».

Весной 1981 года Никарагуа действительно прекратила всю помощь сальвадорским партизанам (это подтверждали доклады ЦРУ), но американцев это только раззадорило. Они стали требовать все новых и новых уступок.

Уже через два дня после вступления в должность Рейган окончательно «заморозил» «приостановленную» Картером помощь Никарагуа, причем без всяких объяснений.

Хейг хотел «разобраться» не только с Никарагуа, но и с Кубой. Он приказал подготовить план эвакуации американских граждан из Манагуа и «для ее обеспечения» поручил Пентагону разработать план ввода американских войск в Никарагуа. Именно с этого начиналась военная интервенция США против Доминиканской республики в апреле 1965 года. Позднее офицер, отвечавший за оперативное планирование в Комитете начальников штабов США, вспоминал: «Белый дом искал способ оправдать создание сил вторжения, которые смогли бы свергнуть режим (в Никарагуа)»⁵⁸.

Прекращение американской помощи ударило, прежде всего, по проамериканской буржуазной оппозиции в Никарагуа. Член правящей Хунты национального возрождения и большой сторонник развития отношений с США Артуро Крус говорил: «Прекращение американской помощи было бы очень негативным и контрпродуктивным шагом... Экономический кризис может перерасти в реальную радикализацию, и Никарагуа придется обратиться за финансовой помощью к другим блокам»⁵⁹.

⁵⁷ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 65.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid. P. 65–66.

Так и произошло. Но администрация Рейгана этого и хотела — чем теснее становились связи Никарагуа с Кубой и СССР, тем удобнее было объяснить и так зараженному антикоммунистической паранойей американскому общественному мнению необходимость свержения сандинистского режима.

Интересно, что прекратив помощь Никарагуа, администрация Рейгана продолжала выделять гранты в размере 7,5 миллиона долларов антиправительственным общественным организациям вроде оппозиционных профсоюзов, КОСЕП и церкви моравских братьев, которая активно спонсировала вооруженную контрреволюцию в Москитии. На 1982 год Рейган запросил у конгресса 35 миллионов долларов для «помощи» Никарагуа.

Американский посол в Манагуа Пеззулло был недоволен решением Рейгана прекратить помощь, так как это вредило, прежде всего, правой оппозиции. В середине февраля 1981 года он предъявил Даниэлю Ортеге и Серхио Рамиресу настоящий ультиматум — Никарагуа должна в течение месяца полностью прекратить любую поддержку сальвадорских партизан. Сандинисты пошли на это и даже прекратили вещание с территории Никарагуа радиостанции сальвадорских повстанцев. Однако демарш посла не был согласован с госдепартаментом, тем более что Хейг уже принял решение об отзыве из Манагуа «слишком мягкого» Пеззулло.

Американский госдеп ответил на уступки Никарагуа опубликованием 28 января 1981 года «белой бумаги»⁶⁰ под заголовком «Коммунистическое вмешательство в Сальвадоре». «Бумага» должна была оправдать ужесточение линии США по отношению к Никарагуа. Но даже американские СМИ (правда, с опозданием) обнаружили в «бумаге» много подтасовок и откровенного вымысла. Однако с точки зрения пропагандистской войны Рейган добился успеха — ведь опровержения, особенно спустя несколько месяцев, мало кто читает.

Главной задачей массовой кампании дезинформации американской и мировой общественности было доказать причастность СССР, Кубы и Никарагуа к поддержке «международного терроризма», к которому Рейган причислял все национально-освободительные движения от ФМЛН до Организации освобождения Палестины. Хейг прямо говорил, что если внешнеполитическим «коньком» Картера были права человека, то новая администрация сосредоточится на «международном терроризме»⁶¹.

Однако Никарагуа ответила на лживые обвинения тонким дипломатическим ходом и предложила организовать совместное патрулирование гондурасско-никарагуанской границы, чтобы воспрепятствовать любому проникновению оружия в Сальвадор. Ни Гондурас, ни США на эту инициативу не отреагировали — сказать им было явно нечего. Тем более что любое совместное патрулирование обнаружило бы крупные лагеря никарагуанских

⁶⁰ White paper — вид дипломатического документа.

⁶¹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.67.

«контрас», которые при помощи американцев — реальной, а не выдуманной — готовились к решающему наступлению.

В июле 1981 года американские газеты с подачи администрации США на все лады смаковали речь Томаса Борхе на митинге, посвященном второй годовщине победы революции. По сообщениям СМИ, Борхе заявил следующее: «Мы горды тем, что мы — никарагуанцы. Наша революция вышла за границы страны». Естественно, это было истолковано как доказательство агрессивных намерений сандинистов. Но американцы специально не процитировали Борхе до конца (известный прием пропагандисткой войны). Далее команданте сказал: «Это не означает, что мы экспортируем свою революцию. Достаточно для нас — и мы и не можем поступать по-другому — экспортировать наш пример, пример мужества, гибкости и решимости нашего народа»⁶². И именно эти слова до американских читателей так и не дошли.

Преемник госсекретаря США Хейга Джордж Шульц сравнил сандинистов с... Гитлером: «Сандинисты раскрыли свои истинные замыслы, так же, как и Гитлер выразил когда-то свои цели в «Майн кампф»⁶³.

Но все эти голословные обвинения в адрес Никарагуа были для Рейгана важны, прежде всего, с внутривластной точки зрения. Президент хотел убедить конгресс США выделить деньги на финансирование никарагуанских «контрас» а для этого как раз и понадобились сказки о «присутствии коммунистов в Сальвадоре». Уже 9 марта 1981 года президент США решил выделить 19,5 миллиона долларов на поддержку никарагуанской вооруженной контрреволюции. И это на фоне докладов ЦРУ о прекращении помощи Никарагуа сальвадорским партизанам.

Хейг убеждал американских законодателей в духе спившегося борца против «антиамериканской деятельности» Джозефа Маккарти. Он говорил, что СССР составил некий «список мишеней» (hit list). Первой в этом таинственном списке была Никарагуа, и она уже «поражена», теперь на очереди Сальвадор, а за ним — Гондурас. Недоверчивые законодатели (ведь, естественно, ни оригинала, ни даже копии «списка» им не предъявили) спросили Хейга, не выдвигает ли он тем самым весьма странную теорию «карибского домино». Госсекретарь, видимо, претендовал на оригинальность в плане «теорий»: «Ну, я бы не назвал это прямо уж теорией домино. Я бы назвал это списком приоритетных мишеней, если угодно — списком для полного захвата Центральной Америки»⁶⁴.

Также он утверждал, что Советы, конечно, не ограничатся Центральной Америкой — они наступают повсюду, от Африканского Рога до Персидского залива. И администрация Рейгана преисполнена решимости не только остановить победное шествие мирового коммунизма, но и отбросить его, то есть «освободить» от коммунистов «порабощенные» ими страны и народы.

⁶² Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.70–71.

⁶³ Ibid. P.71.

⁶⁴ Ibid. P.72.

Истинной целью Хейга была Куба, и он подумывал о повторении «карибского кризиса» 1962 года. К ужасу даже сотрудников Пентагона, госсекретарь не исключал морской блокады острова Свободы все под тем же предлогом прекращения помощи сальвадорским повстанцам. Госсекретарь вспоминал потом, что беседы с советским послом в США Добрыниным якобы убедили его, что Советский Союз ни причем и не вступится за Кубу. «Одна или две группы авианосцев, маневрируя между Кубой и Центральной Америкой, были бы полезным напоминанием... о нашей возможности блокировать Кубу, если в этом возникнет необходимость»⁶⁵.

Как ни парадоксально, сначала Хейг не очень хотел организовывать военную акцию против Никарагуа, именно потому, что считал эту страну второстепенной по сравнению с главным источником угрозы США — Кубой. Однако даже в администрации Рейгана понимали, что военные действия против Кубы могут закончиться ядерной мировой войной. Поэтому окружение Рейгана по отношению к Никарагуа можно было разделить на два лагеря.

Ближайшие помощники президента Эдвард Миз, Майкл Дивер и Джеймс Бейкер (будущий госсекретарь) не стремились нападать на Кубу просто потому, что не желали повторения фиаско в бухте Свиной 1961 года, которое катастрофически отразилось бы на внутривнутриполитических позициях администрации. К этому же лагерю примыкал и министр обороны Уайнбергер, считавший, что армия США пока еще не готова к широкомасштабной войне, в том числе и морально, — над многими военными все еще довлел «вьетнамский синдром». Уайнбергер стоял за войну только в одном случае — если была бы стопроцентная уверенность в победе, чего он не мог гарантировать в случае с Кубой.

Напротив, Хейг, аппарат СНБ и ЦРУ полагали, что маленькая победоносная война в Центральной Америке как раз освободит армию США от «вьетнамского синдрома». Хейг, по его собственным словам, еще 23 марта 1981 года сказал Мизу: «...что бы мы ни затевали в Центральной Америке, мы должны быть готовы начать это в течение десяти дней»⁶⁶.

Новый заместитель госсекретаря по делам Латинской Америки Томас Эндерс предложил еще один выход — организацию масштабной партизанской войны против Никарагуа силами «контрас». Эндерс считался в администрации «голубем», но даже он с самого начала видел задачу «контрас» не в предотвращении «потока оружия» из Никарагуа в Сальвадор, а в том, чтобы «избавиться от сандинистов». Твердолобый «ястреб» Хейг поначалу был против. Он считал «контрас» «побочным шоу, которое могло бы только отвлечь внимание от главного спектакля, каким была Куба»⁶⁷. К тому же даже Хейг полагал, что «контрас» никогда не смогут победить сандинистов.

⁶⁵ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 72.

⁶⁶ Ibid. P. 73.

⁶⁷ Ibid.

Но уже в начале 1981 года администрация Рейгана приняла точку зрения ЦРУ, согласно которой «контрас» были беспроигрышным вариантом. Один из американских дипломатов вспоминал об этом так: «Некоторые люди... в Вашингтоне реально думали... что они могут разжечь восстание и свергнуть сандинистов... Но, в любом случае, превалировала точка зрения, что мы не проиграем. Если они („контрас“) возьмут Манагуа — замечательно. Если нет, то сандинисты... могут отреагировать двояко. Либо они начнут либерализацию и прекратят экспорт революции, что прекрасно и достойно, либо они закрутят гайки, поссорятся с собственным народом, своими друзьями на международной арене и сторонниками в США и тем самым в длительной перспективе станут более уязвимыми. В любом случае, это было бы даже лучше — вот так мы и думали»⁶⁸.

В августе 1981 года после образования политической «крыши» «контрас» — ФДН — директор ЦРУ Уильям Кейси поручил курирование никарагуанской вооруженной контрреволюции вновь назначенному начальнику латиноамериканского департамента ЦРУ Дуайну Кларриджу. Ранее тот работал в Непале, Индии и Турции, а затем возглавлял резидентуру ЦРУ в Риме, главной задачей которой было не допустить победы итальянской компартии на парламентских выборах. Кларридж импонировал Кейси как человек, который «делал реальные вещи» и не задавал лишних вопросов.

Для повседневного оперативного руководства «контрас» была образована специальная «ограниченная межведомственная группа» (Restricted Interdepartmental Group, RIG), в которую помимо Кларриджа входили Эндерс (от госдепартамента), Нестор Санчес от Пентагона (бывший сотрудник ЦРУ) и генерал Пол Корман от Объединенного комитета начальников штабов.

Но перед тем как начать полномасштабную войну против Никарагуа руками «контрас», американцы решили для проформы предъявить сандинистам («этим маленьким коричневым людям», как их презрительно и с расистским подтекстом именовали в администрации Рейгана) очередной ультиматум, причем такой, какой не смогла бы принять ни одна уважающая себя страна.

11 августа 1981 года (в тот самый день, когда был образован ФДН) в Манагуа прибыл Эндерс. Он знал толк в подрывных операциях, так как в 1971 году стал заместителем руководителя американского посольства в Камбодже. Именно Эндерс был автором идеи варварских бомбежек нейтральной Камбоджи ВВС США, причем бомбили не некие районы сосредоточения «коммунистических партизан», а самые густонаселенные области страны.

Эндерс вел себя на переговорах так грубо, что был удивлен даже Пеззулло. Впрочем, он уже готовился покинуть свой пост. Даже благоприятно относившийся к США Артуро Крус был потрясен требованиями Эндерса, которые, по словам Круса, звучали как ультиматум победившей в войне державы.

⁶⁸ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 73.

Как вспоминал министр иностранных дел Никарагуа священник Мигель д'Эското, «мессидж» Эндерса сводился к следующему: никарагуанцы «идут по дороге конфронтации, и самое время остановиться и выбрать другую дорогу». В ответ на очередные безосновательные обвинения Эндерса в помощи со стороны никарагуанцев сальвадорским партизанам д'Эското ответил, что никакой помощи нет (это подтверждалось и сводками ЦРУ, о чем Эндерс прекрасно знал), но, может быть, тайно несколько винтовок или несколько добровольцев и проходят через территорию Никарагуа. Ни одно правительство в мире не смогло бы полностью гарантировать пресечение такой мелкой контрабанды.

Д'Эското попросил Эндерса объяснить, каким образом, с точки зрения США, оружие вообще попадает сальвадорским повстанцам. Эндерс ответил, что «большая его часть» — 90% — идет через Гондурас, причем с его атлантического побережья. Но тогда, чтобы доставить оружие в Сальвадор, пришлось бы проехать всю страну. Было непонятно, зачем Никарагуа поставлять помощь партизанам в Сальвадоре таким круглым путем, да еще и по территории враждебного государства, напичканной базами «контрас». Спохватился и Эндерс, заявив, что часть оружия идет через тихоокеанский залив Фонсека.

После утверждения никарагуанского министра, что ничего подобного не происходит, Эндерс в грубой форме обвинил сандинистов в том, что они попросту не знают, что творится на их территории, а посему не имеют права управлять страной. Ответ д'Эското поставил американского эмиссара в тупик: если оружие идет через Гондурас, как утверждают США, то, значит, и власти Гондураса не имеют права управлять своей страной. Ведь не будут же США утверждать, что проамериканский режим в Гондурасе является союзником сальвадорских партизан⁶⁹.

В ответ на просьбу никарагуанцев предоставить конкретные данные о поставках оружия через Гондурас Эндерс заметил, что правительство США не раскрывает свои источники информации. Д'Эското настаивал: нужны не источники, а всего лишь конкретные данные, например, фото с американских спутников или самолетов У-2. (В 1962 году именно У-2 сфотографировали базы советских ракет на Кубе.) В конце концов, пусть США дадут такую информацию дружественному Гондурасу, чтобы он пресек тайные каналы поставки оружия.

Эндерс был выведен из себя независимым поведением «каких-то там никарагуанцев» и ответил д'Эското: «Отец, вы достаточно долго в политике, чтобы понять — не все, что теоретически является возможным, может быть реализовано на практике». Никарагуанский министр не упустил инициативы и повторил предложение о совместном патрулировании никарагуанско-гондурасской границы. Такое предложение было передано Гондурасу еще в начале 1981 года, но никакого ответа до сих пор не последовало. Эндерс не нашел ничего лучше-

⁶⁹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.91.

го, чем охарактеризовать такое предложение как «непрактичное», — еще бы, ведь в этом случае всему миру стали бы известные данные о лагерях «контрас», созданных в Гондурасе под руководством того же Эндерса, члена «межведомственной ограниченной группы».

Наконец, «дипломат» Эндерс не выдержал, вскочил со стула и начал грозить д'Эското пальцем: «Отец, не забывайте, что Соединенные Штаты ровно в 100 раз больше, чем вы»⁷⁰. После этого Эндерс раскрыл суть требований США, которые, конечно же, не имели ничего общего с сальвадорскими делами: если сандинисты собираются пойти по пути «второй Кубы», то они играют с огнем и было бы благоразумнее с их стороны «отложить спички в сторону»⁷¹. Таким образом, американцы требовали ни больше ни меньше, чем отказа от всех завоеваний революции и возврата к статус-кво времен Сомосы.

Министр ответил, что хотя США гораздо крупнее, чем Никарагуа, это не означает, что никарагуанцы «заплачут и позовут на помощь „дядю“ Рейгана».

Эндерс вернулся из Манагуа, по воспоминаниям Кларриджа «обиженным» и сообщил, что сандинисты-де очень грубо его приняли и «прочитали лекцию» об истории двусторонних отношений, наполненной диктатом и военными интервенциями США против Никарагуа⁷². Заместитель госсекретаря и Кларридж решили дать зеленый свет вооруженным акциям «контрас», чтобы сделать сандинистов более сговорчивыми. Таким образом, по словам Кларриджа, Эндерс предложил совместить дипломатическое давление с военным.

Но даже эту линию в администрации Рейгана посчитали «мягкотелой». В Эндерсе видели друга и единомышленника Киссинджера. Рейган и директор ЦРУ Кейси считали Киссинджера предателем и самовлюбленным болтуном, который в угоду своим дипломатическим хитросплетениям «сдал красным Вьетнам». Кейси и Хейг полагали, что и Эндерс может «сдать» «контрас» ради какого-нибудь дипломатического компромисса с сандинистами⁷³. Поэтому никакое реальное взаимопонимание с Никарагуа вашингтонским «ястребам» было не нужно.

Позднее, после жаркого спора с помощником президента Рейгана по национальной безопасности Кларком по Никарагуа, Эндерса быстро отправили послом в Испанию.

Кларридж вспоминал, что первоначально он считал вице-президента США Джорджа Буша (бывшего директора ЦРУ, которого знал лично) представителем умеренного крыла Республиканской партии. Но вскоре выяснилось, что взгляды Буша насчет Центральной Америки ничем не отличаются от позиции Рейгана или Хейга.

⁷⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 92.

⁷¹ Christian S. *Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P. 231.

⁷² Clarridge D.R., Digby D. *Spy for All Seasons: My Life in the CIA*. New York, 1997. P. 202.

⁷³ Ibid. P. 203.

В сентябре 1981 года американцы в «качестве компромисса» предложили сандинистам, что будут решительно применять законы о нейтралитете США⁷⁴ против «контрас» и подпишут с Никарагуа декларацию о ненападении. Следует отметить, что к этому времени во многих американских городах (Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Вашингтон, Новый Орлеан, Майами) открыто действовали зарегистрированные властями (и освобожденные от налогов как «благотворительные») различного рода комитеты по сбору средств для никарагуанских «контрас», что как раз и было нарушением американских законов о нейтралитете.

Никарагуанцы логично ответили, что законы США и так должны применяться, а обязательство не нападать друг на друга уже содержится в «договоре Рио-де-Жанейро» 1948 года, заключенном США и латиноамериканскими странами, причем по настоянию американцев. К тому же, агрессия одного государства против другого запрещена Уставом ООН.

Эндерс с самого начала серьезно не относился к переговорам с Никарагуа и говорил Кларриджу, что они нужны для оправдания помощи «контрас» в конгрессе США⁷⁵.

В обмен на эти «уступки» США потребовали от Никарагуа полной капитуляции. Новому послу Никарагуа в США и бывшему члену Хунты национального возрождения Артуро Крису показали проект документа с требованиями в отношении Никарагуа. Требования были настолько явно унижительными, что сам документ Крису передать отказались. Никарагуа должна была прекратить закупку за границей всех видов тяжелого вооружения, к которым США отнесли реактивные истребители, вертолеты (как боевые, так и транспортные), танки, БТР и БМП, гаубицы и т.д. Американцы лишь разрешали «пополнять выбывавшую из строя» такую технику. Никарагуа предписывалось продать за границу все системы вооружений, которых не было у соседних стран. Кроме того, численность Сандинистской народной армии должна была быть ограничена 15–17 тысячами с последующим сокращением до 10 тысяч.

Очевидно, что если бы Никарагуа согласилась с этим ультиматумом, то «контрас» в начале своего предстоящего наступления столкнулись бы с серьезно ослабленным противником в лице США, лишенной всех видов оружия, которых не было у самих контрреволюционеров. К тому же Никарагуа оказывалась в невыгодном положении по сравнению с враждебно настроенными соседними странами, например, Гондурасом. Ведь у Гондураса были современные сверхзвуковые истребители американского производства, а у Никарагуа их не было. В случае вооруженного конфликта авиация Гондураса могла бы беспрепятственно бомбить Манагуа и любые другие никарагуанские города.

⁷⁴ Согласно этому законодательству запрещена любая помощь американских граждан силам, стремящимся свергнуть иностранное правительство, не находящееся с США в состоянии войны. Такой закон был применен США против помощи республиканской Испании в 1936–1939 годах.

⁷⁵ *Clarridge D. R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P.203.*

Крус выразил законное возмущение этим документом, и американцы попросили его «забыть о нем».

7 октября 1981 года США начали первые крупные совместные маневры с Гондурасом вблизи никарагуанской границы (Halcon Vista 1981), которые в последующие годы стали практически нормальным явлением. Во время учений отрабатывалась совместная высадка войск в Никарагуа, и после любого спровоцированного американцами инцидента маневры могли быстро перерасти в настоящую войну. В придачу для обеспечения маневров американцы создали в Гондурасе военную базу, через которую шли и военные поставки для «контрас».

Таким образом, постоянно критикуя некое мифическое «массированное» военное присутствие русских и кубинцев в Никарагуа, американцы сами наладили постоянное военное присутствие в Гондурасе.

Даниэль Ортега осудил американские военные маневры в ООН, но никарагуанцы не оставляли попыток договориться с Вашингтоном по-хорошему.

31 октября 1981 года заместитель министра иностранных дел Никарагуа Виктор Уго Тиноко направил послание в госдепартамент с выражением готовности к продолжению переговоров, начатых Эндерсом в Манагуа. Но американцев не устроило в письме Тиноко требование закрыть в Гондурасе лагерь по подготовке контрреволюционеров. Не желая обсуждать эту тему (ведь возразить было, по сути, нечего — лагерь существовали в реальности, в отличие от неких фантастических кубинских и советских военных советников в Сальвадоре), американцы просто проигнорировали письмо Тиноко и сочли дипломатический путь улучшения отношений с Манагуа исчерпанным.

18 августа 1981 года Пеззулло, уволенный с дипломатической службы Рейганом за «мягкость», покинул Никарагуа. США семь месяцев не назначали нового посла, что тоже было ясным и показательным демаршем.

Помимо дипломатических ухищрений и демонстрации грубой силы в Гондурасе американцы не забывали и о вооруженной борьбе против сандинистов, которая, как уже упоминалось, началась в конце 1981 года на атлантическом побережье руками обманутых и насильственно мобилизованных индейцев-мискито.

К этому времени главным инструктором «контрас» из ФДН стал мастер-сержант армии США Рэй Доти, который ранее готовил в Лаосе боевиков армии Ванг Пао⁷⁶. Под его руководством «контрас» создали мощную главную базу в Гондурасе и проложили к ней дорогу длиной почти в 30 миль для бесперебойного снабжения. Оружие и снаряжение из США прибывало морем и по воздуху на базы гондурасской армии.

Целью Доти было создание целой армии, подразделения которой могли бы не только совершать однодневные рейды из Гондураса на никарагуанскую тер-

⁷⁶ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 90–91.*

риторию, уклоняясь от боестолкновений с СНА (как это делали индейцы-мискито или банды Тигрильо), но и воевать в Никарагуа крупными силами по три-пять месяцев, занимая и удерживая большие населенные пункты.

У «контрас» появилась даже собственная авиация. На деньги ЦРУ аргентинцы купили несколько легких самолетов (типа Beechcraft Baron и Aztec), которые должны были сбрасывать для отрядов «контрас» в Никарагуа оружие и боеприпасы. Конечно, возможные никарагуанские истребители свели бы всю эту операцию на нет, поэтому США и требовали от Никарагуа одностороннего разоружения.

Американцы даже создали для «контрас» в Гондурасе современный госпиталь, который мог одновременно обслужить 250 раненых. Интересно, что в нем тоже работали кубинские врачи — эмигранты-«гусанос» из Флориды.

Контрразведка «контрас» во главе с «китайцем» Лау время от времени выявляла и после чудовищных пыток «ликвидировала» реальных и мнимых «сандинистских агентов». Люди Лау продолжали и осуществлять убийства членов гондурасской оппозиции по приказам армейской разведки вооруженных сил страны⁷⁷. Обычно боевики Лау ликвидировали «груз» (как они называли свои жертвы) после допросов и пыток гондурасскими военными. Одного из узников убили прямо на шоссе и оставили труп на видном месте в назидание всем противникам режима. Другого заставили вырыть себе могилу и лечь туда, после чего закололи штыками⁷⁸.

В то же время ЦРУ никак не могло выманить главкома «контрас» Бермудеса из хорошо обставленного офиса поближе к передовой, хотя бы в один из лагерей его собственной «армии». Бермудес активно воровал передаваемые ему для его бойцов деньги (ЦРУ с удивлением узнавало, что в лагерях «контрас» не хватает продовольствия), но больше всего его интересовали женщины, которых поставляли ему «контрас» под видом «секретарш».

И Бермудес, и его кураторы из ЦРУ прекрасно знали о диких нравах, царящих среди «борцов за свободу» (у американцев была в лагерях «контрас» своя сеть осведомителей), — от изнасилований до убийств своих же поделщиков по стандартному обвинению в «пособничестве сандинистам». На самом деле командиры убивали рядовых «контрас» как в пьяных драках, так и для того, чтобы отобрать у них жен или подруг. Но для ЦРУ было главным, чтобы обо всем этом не узнало американское и мировое общественное мнение, — иначе под вопросом оказалось бы дальнейшее выделение средств конгрессом США на «защиту свободы и демократии в Никарагуа».

В начале января 1982 года, чтобы помочь контрреволюционерам-мискито (чье «Красное рождество» не достигло главной поставленной цели — занятия Пуэрто-Кабесса или любого другого более или менее крупного населенного

⁷⁷ Dillon S. *Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels*. New York, 1991. P.99.

⁷⁸ Ibid. P.101.

пункта), решили заявить о себе и подготовленные ЦРУ и аргентинцами основные силы «контрас» — ФДН. 2 января на конспиративной квартире в Манагуа был арестован член верховного командования ФДН Уильям Бальтодано, который приехал для того, чтобы подорвать цементный завод. Бальтодано рассказал о своей поездке в Буэнос-Айрес в июне 1981 года, когда аргентинцы передали «контрас» 50 тысяч долларов⁷⁹.

Резкая активизация подрывной деятельности США против Никарагуа в 1981 году и открытые угрозы из Вашингтона заставили сандинистов, как и предсказывали аналитки ЦРУ, предпринять срочные меры по консолидации своего режима. Тем более что после прихода Рейгана в Белый дом буржуазная оппозиция не шла ни на какие компромиссы с СФНО, требуя только односторонних уступок.

В стране продолжался и даже ускорился массовый вывод капитала за границу частными предпринимателями. На меры сандинистов по удержанию роста зарплаты и предоставлению льготных кредитов буржуазия никакого внимания не обращала, лишь используя эти кредиты для конвертации в доллары и увод денег в США. 16 августа 1981 года «Нью-Йорк Таймс» цитировала одного из молодых никарагуанских предпринимателей: «Я собрал за границей 80 тысяч долларов с момента победы революции. А почему бы мне этого не делать? Меня целыми днями по радио и телевидению называют буржуем, эксплуататором, контрреволюционером. Мне надо подготовиться к завтрашнему дню. Правительство дает нам экономические стимулы, но мы хотим климат политической стабильности»⁸⁰.

В 1978–1982 годах из Никарагуа было вывезено 640 миллионов долларов. В то же время инвестиции частного сектора в экономику в 1980–1981 годах составили лишь 3,4% ВВП (в 1970–1978 годах — 12,2%)⁸¹.

Другими словами, оппозиция желала политической власти и не была согласна на меньшее. Серхио Рамирес говорил, что буржуазия хочет заставить сандинистов «перейти к обороне, осложнить международное положение Никарагуа, ограничить наше политическое пространство внутри страны, с тем, чтобы вынудить авангард (СФНО — прим. автора) пойти на коренные уступки в качестве условия для продолжения сотрудничества». Но «...буржуазия ошиблась, считая получение политической власти условием ее участия в революционном проекте, и продолжает ошибаться, поскольку ее роль в этом проекте — это участие в производстве; именно здесь — сфера ее социального участия»⁸².

⁷⁹ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.233.

⁸⁰ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua*. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 123.

⁸¹ Страны Центральной Америки: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1986. С.240.

⁸² Там же. С.241.

Со своей стороны, массовые сандинистские организация и основная часть рядовых членов СФНО были возмущены терпимостью правительства к буржуазии, которая активно подрывала начавшееся экономическое возрождение страны. СФНО терял поддержку в народе и не приобретал ее среди бизнес-общества.

В этих условиях сандинисты решили ускорить революционные преобразования, так как сдерживать их во имя примирения с национальной буржуазией больше не имело никакого смысла — ни политического, ни экономического.

В марте 1981 года Хунта национального возрождения была сокращена до трех человек — Даниэль Ортега (ставший координатором хунты, то есть фактическим главой государства), Серхио Рамирес и Рафаэль Кордоба Ривас. Артуро Крус попросился в отставку и был назначен послом Никарагуа в США, Моизес Хассан перешел на работу в госсовет. Несмотря на сокращение численного состава высшего органа власти, оппозиция в лице Кордобы Риваса сохранила в нем свое присутствие.

23 июня 1981 года, выступая перед офицерами СНА, Умберто Ортега объявил конечной целью никарагуанской революции построение социалистического общества на базе принципов марксизма-ленинизма: «...наша революция носит глубокий антиимпериалистический характер, по-настоящему революционный, по-настоящему классовый. Мы против янки, мы против буржуазии. Мы вдохновлены историческими традициями нашего народа, мы вдохновлены сандинизмом, который представляет собой самую прекрасную нашу традицию, развитую Карлосом Фонсекой, мы руководствуемся научной доктриной революции — марксизмом-ленинизмом... Мы говорим, что марксизм-ленинизм является научной доктриной, которая ведет нашу революцию, инструментом анализа нашим авангардом для правильного понимания исторического процесса нашей революции. Сандинизм — это конкретное воплощение исторического развития борьбы в Никарагуа. Без сандинизма мы не можем быть марксистами-ленинцами, а сандинизм без марксизма-ленинизма не может быть революционным»⁸³.

Умберто Ортега фактически признал, что вся национальная буржуазия перешла в стан врагов революции, но сандинисты не отдадут ей политическую власть: «Здесь, в Никарагуа власть принадлежит сандинизму. Она в руках народа. И буржуазия должна быть, поскольку мы этого желаем, политической силой, действующей в рамках границ, которые установила революция»⁸⁴.

19 июля 1981 года, в день второй годовщины революции, идя навстречу пожеланиям большинства народа, сандинисты объявили о нескольких мерах прототвращения экономического саботажа. По декрету № 759 хунты было конфисковано 15 частных предприятий. Декрет № 760 говорил о принудительной

⁸³ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.222.

⁸⁴ *Ibid.* P.223.

и безвозмездной конфискации всей собственности тех, кто находился за пределами страны более шести месяцев «без уважительной причины»⁸⁵. Была активизирована аграрная реформа, прежде всего создание кооперативов. Сам закон об аграрной реформе был принят именно в этот день, 19 июля 1981-го.

Для увеличения поступлений валюты государство ввело в начале 1982 года ограничение на потребление сахара, хотя его квоты для потребителей, как признавали и американские журналисты, были более чем достаточными для удовлетворения любых нужд.

В сентябре 1981-го законом о чрезвычайном экономическом положении (декрет хунты № 812) был усилен контроль над валютными операциями и ограничен импорт предметов роскоши. Одновременно запрещались забастовки и замораживались государственные расходы. За забастовки и незаконные захваты земли закон устанавливал наказание в виде тюремного заключения до трех лет. В тюрьму теперь можно было угодить и за распространение «лживых новостей» о состоянии национальной экономики⁸⁶.

Дела по нарушению декрета № 812 рассматривались особыми трибуналами. Все государственные расходы были единовременно снижены на 5%.

Фактически сандинисты готовились к войне, неизбежность которой они уже понимали.

Даниэль Ортега так прокомментировал эти новые правила игры для буржуазии: «Правила игры устанавливает народ. Тем, кто хотят по ним играть, — добро пожаловать. Те, кто не хотят, должны отсюда убраться, или народ раздавит их»⁸⁷.

Чрезвычайные меры обосновывались и начавшимися проявляться кризисными явлениями в национальной экономике: «...факторы, которые помешали достижению намеченных целей по производству и капиталовложениям, такие как: декапитализация предприятий со стороны некоторых предпринимателей, которые перевели свои активы за границу, отсутствие государственного контроля над параллельным (то есть черным) рынком долларов, достигшим нетерпимого объема, уклонение от уплаты налогов и пошлин... и, с другой стороны, захваты фабрик, забастовки и падение трудовой дисциплины»⁸⁸.

Таким образом, установленные чрезвычайным декретом № 812 новые экономические правила игры означали затягивание поясов, и для трудящихся, и для буржуазии. При этом у трудящихся шел уже второй год «скромности» — в отношении повышения реальной денежной заработной платы. Правительство и раньше запрещало самовольные захваты земли, но теперь оно было готово за это сурово наказывать.

⁸⁵ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 123.*

⁸⁶ *Ibid. P. 126.*

⁸⁷ *Ibid. P. 123.*

⁸⁸ *Ibid. P. 126.*

Неудивительно, что первоначально буржуазия даже поддержала декрет № 812, так как он провозглашал то, чего давно требовала оппозиция, — прекращение самовольных захватов собственности. Президент КОСЕП Энрике Дрейфус заявил, что «принятые меры однозначно позитивны» и «теперь наступит реальный социальный мир»⁸⁹.

Однако этот «социальный мир» так и не наступил. Причем по вине буржуазии. Осенью 1981 года правительству пришлось на основе декрета № 812 на два дня приостановить выход «Ла Пренсы» за нарушение запрета на распространение лживых экономических сведений. В октябре 1981-го КОСЕП опубликовал открытое письмо, в котором сандинистов опять критиковали за отход от неких истинных целей революции 1979 года. СФНО, утверждал КОСЕП в унисон с госдепартаментом США и «контрас», ведет страну по пути «марксистско-ленинской авантюры»⁹⁰, и Никарагуа находится в результате политики сандинистов на «пороге разрушения».

Правительство ответило арестами лидеров КОСЕП за нарушение декрета № 812 (статьи 5, запрещавшей действия, которые «наносит ущерб интересам народа»), причем одновременно были проведены аресты лидеров коммунистических профсоюзов по такому же обвинению. Интересно, что если лидеров КОСЕП приговорили к семимесячному тюремному заключению, то левых профсоюзных лидеров осудили на максимально возможный срок — три года.

В целом экономическое развитие Никарагуа в 1981 году (последнем более или менее мирным для страны в декаде 80-х) еще было неплохим и поступательным, особенно в сравнении с соседями по Центральной Америке.

Оно осуществлялось на основе нового «чрезвычайного плана 1981 года», который, впрочем, все равно не выполнялся, так как большинство хозяйствующих субъектов по-прежнему были частниками и план носил для них всего лишь рекомендательный характер. Как и в 1980 году, план делал особый упор на экономию госрасходов, снижение инфляции и наращивание экспортного сельскохозяйственного производства.

ВВП Никарагуа вырос в 1981 году на 5,4% (на 1,9% в расчете на душу населения — рекорд для никарагуанской экономики). Причем государство смогло этого добиться без ужесточения налогового пресса — доля налогов в ВВП по сравнению с 1980 годом не выросла, остановившись на уровне 18–18,5%⁹¹. Дефицит бюджета снизился, хотя и достигал все еще очень опасной цифры — 9,2% ВВП. Но по меркам Никарагуа, которая с 1978 года имела двузначный дефицит, это был несомненный успех. Правда, повторить его сандинистам было уже не суждено.

⁸⁹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 126.*

⁹⁰ *Ibid. P. 127.*

⁹¹ *Spalding R.J. Capitalists and Revolution in Nicaragua. Opposition and Accommodation 1979–1993. University of North Carolina Press, 1994. P. 224.*

Инфляцию удалось сбить до 23,2%. Экспорт вырос с 451 миллиона долларов в 1980 году до 500 миллионов в 1981-м. Но импорт все же рос гораздо сильнее (с 803 до 922 миллионов долларов за тот же период), виной чему во многом был отказ государства от назревшей девальвации национальной валюты.

Министерство планирования считало огромный дефицит внешнеторгового баланса главной проблемой никарагуанской экономики в конце 1981 года. Болевыми точками были по-прежнему низкая финансовая дисциплина госсектора, надеявшегося на все новые и новые государственные кредиты, отставание в развитии материального производства от торговли и сектора услуг. Платежи по внешнему долгу достигли опасного размера в 50% экспортной выручки. При этом администрация Рейгана не только сама прекратила помощь и кредитование Никарагуа, но и смогла добиться того же практически от всех западных стран.

Достижением революционной власти была реструктуризация внешнего долга, соглашение о которой после труднейших переговоров удалось подписать как раз перед сменой власти в США. Нет никаких сомнений, что администрация Рейгана сорвала бы любую договоренность Никарагуа с иностранными банками, что поставило бы республику в чрезвычайно трудное, практически безвыходное положение.

Как уже упоминалось, огромный для маленькой страны внешний долг в 1,6 миллиарда долларов был наследием бездумной политики диктатуры Сомосы. Однако сандинисты, не желая идти по стопам многих социалистических режимов (например, большевиков), сразу же после прихода к власти заявили о полном признании всего долга и готовности его обслуживать.

Но это было легче продекларировать, чем исполнить, — ведь до конца 1979 года иностранным кредиторам требовалось выплатить в виде погашения долга и процентов 618 миллионов долларов, больше, чем весь объем экспорта Никарагуа в самые лучшие времена⁹². Так как Сомоса полностью разворовал и растратил все валютные резервы — удалось спасти только 3 миллиона долларов, — революционной власти не оставалось ничего иного, чем просить кредиторов о реструктуризации внешнего долга.

С самого начала переговоры с кредиторами (среди которых, естественно, преваляровали американские банки, активно спонсировавшие диктатуру Сомосы) находились под плотным контролем американской администрации.

14 сентября 1979 года заместитель госсекретаря Чарльз Майснер встретился для беседы о никарагуанском долге с представителями американских банков «Ферст Нэшнл Бэнк оф Чикаго» и «Сити Бэнк». Майснер сказал банкирам, что с учетом сложной экономической ситуации Никарагуа и, прежде всего, частных предпринимателей в этой стране администрация придает переговорам

⁹² *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P.271.*

по реструктуризации никарагуанского долга «огромное значение». Успешное завершение этих переговоров поможет «восстановить политическую стабильность» в Никарагуа и предотвратить установление там «левой диктатуры»⁹⁵.

Одновременно американцы подталкивали революционное правительство Никарагуа к скорейшему началу переговоров с кредиторами, так как надеялись увязать реструктуризацию долга с жесткими условиями проведения «разумной» экономической политики, которая сделала бы невозможной любые по-настоящему революционные преобразования. На встрече с президентом США Картером 25 сентября 1979 года делегацию Хунты национального возрождения всячески уговаривали принять в Никарагуа делегацию МВФ для совместной выработки основных направлений экономической политики страны. Однако от сотрудничества с МВФ никарагуанцы отказались наотрез.

Два крупнейших частных кредитора Никарагуа — американские банки «Сити бэнк» и «Бэнк оф Америка» — были настроены на реструктуризацию, так как опасались, что Никарагуа вообще объявит дефолт. Тогда кредиторы могли бы на неопределенный срок полностью остаться без денег. Такая практика в то время была в Латинской Америке более чем распространенной. Многие американские банкиры стали жертвой антикоммунистической истерии в СМИ США, которые все время говорили о возникновении на территории Никарагуа «второй Кубы». Такого рода слухи играли в этом вопросе на руку Никарагуа, поскольку побуждали западные банки поторопиться с реструктуризацией.

В середине декабря 1979 года в Мехико начались переговоры между Никарагуа и 72 частными внешними кредиторами. Банкирам понравились умеренные выступления представителей никарагуанского правительства, которые заявили о твердом намерении обслуживать долг, но в соответствии с реальной экономической ситуацией в Никарагуа. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы в 1980–1981 годах выплатить огромную сумму в 1,26 миллиарда долларов согласно графику обслуживания долга.

На встрече в Мехико кредиторы избрали «руководящую группу» для проведения переговоров по существу в составе 12 банков, восемь из которых были американскими. Кредиторы были готовы предоставить отсрочку по уплате основного долга, но настаивали на выплате процентов в полном объеме и по коммерческим ставкам без всяких льгот. Только на этой основе иностранные банки соглашались предоставлять Никарагуа новые кредиты, без которых было бы невозможно экспортное сельскохозяйственное производство, а значит, и погашение основного долга.

Среди самих американских банков-кредиторов не было полного единства относительно переговорной стратегии. «Грязные банки» (например, «Ферст Нэшнл Бэнк оф Чикаго») были замешаны в незаконных операциях во времена

⁹⁵ *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P. 272.*

диктатуры, включая выплату «откатов» членам семейного клана Сомосы. Парадоксально, но именно эти банки хотели как можно быстрее подписать соглашение с Никарагуа, так как справедливо опасались, что ввиду их былых махинаций им может не достаться вообще ни цента. Другие банки относились к разряду «чистых» и не боялись возможных разоблачений с никарагуанской стороны. С ними было труднее.

Пока шли переговоры, американские банки старались не предоставлять своим коммерческим партнерам в Никарагуа новых кредитов. С июня 1979-го по июнь 1980 года общая накопленная сумма выданных Никарагуа кредитов со стороны крупнейших восьми американских банков снизилась с 265,9 до 221,8 миллиона долларов⁹⁴.

Переговоры шли нелегко, но, к удивлению американцев, именно Куба советовала Никарагуа скорее завершить их обоюдным компромиссом. Во время празднования первой годовщины Сандинистской революции Фидель Кастро в Манагуа сказал главе «Сити бэнк» Родсу, что в свое время Куба совершила большую ошибку, отказавшись обслуживать внешний долг и тем самым поставив себя вне мировой финансовой системы⁹⁵. Кастро заметил, что он посоветовал Никарагуа полностью признать унаследованный от диктатуры внешний долг.

К концу 1980 года стороны стали приближаться к компромиссу. Банки-кредиторы хотели предоставить Никарагуа отсрочку по основным платежам на семь лет, однако никарагуанцы настаивали на 12 годах. Зато, если Никарагуа была готова платить каждый год по пять процентов от суммы долга, банки настаивали на 10%. В конце концов, стороны сошлись на середине — семи процентах.

В декабре 1980-го соглашение о реструктуризации внешнего долга было достигнуто. Никарагуа обязалась погасить весь долг за 12 лет, но первые пять лет начиная с 1980 года она была освобождена от уплаты основной части долга (эти пять лет не входили в 12-летний период). На момент заключения соглашения никарагуанцы должны были выплатить 20 миллионов долларов в счет погашения процентов (примерно 20% от всех подлежащих погашению процентных платежей на тот период). В последующий период Никарагуа платила 7% в год по плавающей ставке, учитывающей движение базовой лондонской ставки межбанковского рынка LIBOR.

Соглашение было победой Никарагуа, так как иностранные банки пошли на более льготные условия реструктуризации, чем это практиковалось в то время по отношению к странам третьего мира. Главным залогом успеха была умелая и деловая переговорная тактика никарагуанцев. Иностранные банки убе-

⁹⁴ *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P.277.*

⁹⁵ *Ibid. P.280.*

дились, что имеют дело не с «закоренелыми марксистами», как сандинистов рисовали американские СМИ, а с прагматичными и гибкими людьми, настроенными на компромисс. К тому же кредиторы убедились, что правительство в Манагуа пользуется широкой народной поддержкой и в условиях разрушенной гражданской войной экономики может без особых внутривластных последствий вообще отказаться платить по долгам, что было бы в никарагуанском обществе очень популярной мерой.

И тем не менее сандинисты пошли на обслуживание внешнего долга по коммерческим ставкам, что было не очень простым шагом для никарагуанской экономики.

На протяжении всех переговоров «руководящий комитет» кредиторов поддерживал самые тесные связи с администрацией Картера. Заместитель государственного секретаря Джон Бушнелл регулярно «сверял часы» с главой «Сити бэнк» Родсом. «Я три раза встречался с Уильямом Родсом и переговорной командой частных банков и говорил им, что они должны вести такую же игру, как и мы. Они не хотели сужать новые средства Никарагуа... Смысл того, что я говорил „руководящей группе“, заключался в следующем: я разъяснил нашу политику — настаивание на принципах, но затем либерализм в деталях. Учитывая характер никарагуанской экономики, я думал, что их (банков) лучшей тактикой было бы отказаться от любого прощения долга и тем самым поддержать принцип, но в этих рамках проявить такую же мягкость, как и государственные кредиторы»⁹⁶.

Таким образом, во многом из-за «либерализма» администрации США Никарагуа не списали ни одного цента огромного долга, накопленного Сомосой. Страна получила лишь передышку, но зато очень ценную именно в то время. Ведь сразу же после прихода в Белый дом Рейган хотел заставить Никарагуа немедленно расплатиться по долгам, причем даже по тем, срок погашения которых еще не наступил. Но Рейган и Хейг опоздали.

Благодаря заключению соглашения с частными кредиторами Никарагуа смогла продолжать активные заимствования, как на частном кредитном рынке, так и у международных финансовых организаций. В 1981, году к большому неудовольствию администрации Рейгана, Никарагуа получила извне 800 миллионов долларов (из которых более 700 миллионов приходилось на кредиты, а остальная часть — на гранты), что помогло погасить дефицит внешнеторгового баланса. 500 миллионов долларов предоставили западные страны и банки, 200 — социалистические страны, 100 миллионов — международные финансовые организации.

Правда, американские частные банки, несмотря на соглашение о реструктуризации, не спешили давать деньги никарагуанскому правительству, так как,

⁹⁶ *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P.284.*

по словам Бушнелла, американские банки «принципиально» не давали денег «коммунистическим режимам»⁹⁷. Зато брать деньги от этих «режимов» в счет погашения долгов диктатуры Сомосы банки не гнушались.

По сути, американские банки вели себя так же, как и никарагуанская буржуазия, — или хрестоматийный волк из русской поговорки, упорно смотрящий в сторону леса, сколь бы хорошо его ни кормили. В июле 1979-го — июле 1983 года американские частные банки представили Никарагуа новых кредитов на смехотворную сумму в 11 миллионов долларов, но зато получили в виде выплаты процентов по внешнему долгу 160 миллионов⁹⁸.

По мере углубления революционных преобразований и роста сопротивления буржуазии при поддержке администрации Рейгана начали проявляться некоторые разногласия и в рядах самого СФНО.

В целом фронт сохранял в непростой внутри- и внешнеполитической обстановке поразительное единство, но головной болью Национального руководства были крайне нечеткие политические взгляды одного из самых популярных в народе команданте — Эдена Пастора. Сам Пастора публично называл себя то социалистом, то социал-демократом. Однако, скорее всего, никаких устоявшихся взглядов у этого человека просто не было. Пастора хотел власти и признания и был очень недоволен тем, что ему не предоставили места в Национальном руководстве СФНО — реальном центре принятия всех стратегических решений в стране. Как уже упоминалось, еще в 1980 году Пастора предложил свои услуги главной буржуазной партии — Демократической консервативной, — но получил вежливый отказ.

7 июля 1981 года Пастора неожиданно исчез, напоследок не обойдясь без театрального жеста. Он и дюжина его бывших соратников по Южному фронту 1978–1979 годов на нескольких машинах пересекли костариканскую границу и оттуда направились в Панаму. Пастора явно играл в Че Гевару — он оставил письмо, датированное 26 июня 1981 года и адресованное Умберто Ортеге, в котором туманно говорил: «Я использую свой революционный порох против угнетателей в любой части мира, в какой бы они ни находились. И мне не важно, как меня при этом назовут — Дон Кихотом или Санчо Пансо»⁹⁹. Как известно, «скромным Дон Кихотом революции» называл себя Че Гевара, который тоже неожиданно для многих покинул Кубу для организации партизанского движения в других странах.

Возможно, Пастора и правда хотел достичь впечатляющих воображение успехов где-нибудь в Латинской Америке, чтобы вернуться в Никарагуа в ореоле героя-романтика и добиться наконец-то места на высоте пирамиды власти. Но возможно, что письмо с самого начала было задумано для того, чтобы

⁹⁷ *Morley M. Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994. P. 285.*

⁹⁸ *Ibid. P. 285.*

⁹⁹ *Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 311.*

сбить сандинистов с толку и дать Пасторе время для организации борьбы против своих бывших товарищей.

Членов Национального руководства СФНО письмо Пасторы не обмануло — этот эгоцентричный человек явно нравственно не дотягивал до Че Гевары, для которого страдание других людей было гораздо большей болью, чем собственное. По крайней мере, сразу же после бегства Пасторы его сняли со всех должностей (он, напомним, был заместителем министра внутренних дел и командующим народной милицией) и запретили прессе что-либо писать о нем без предварительного санкционирования материала со стороны МВД.

В Панаме, диктатор которой Торрихос был его другом, Пастора провел совещание с близкими ему людьми из правительства Никарагуа (например, Карлосом Коронелем Кауцем, министром рыболовства и Леонелем Поведой, заместителем министра внутренней торговли). Многие из них, ветераны Южного фронта СФНО, были лично преданы Пасторе как своему командиру.

31 июля 1981 году Торрихос, как уже упоминалось, погиб в таинственной авиакатастрофе. Пастора, который, должен был лететь вместе с Торрихосом, сразу же стал подозревать в организации катастрофы сандинистов. Он решил отправиться на место инцидента вооруженным. Но тут правая рука Торрихоса Мануэль Норьега порекомендовал Пасторе срочно встретиться с бывшим президентом Венесуэлы Карлосом Андресом Пересом, которого Пастора тоже знал лично. Однако в установленном месте Пастору ждал не Перес, а Томас Борхе. Пастора был поражен, но разыграл радость и обнял своего бывшего начальника. Мол, зачем такие сложности, он, Пастора, с радостью приехал бы на встречу с «братом Томасом»¹⁰⁰. Борхе сказал, что Фидель Кастро лично пригласил Пастору на Кубу для переговоров. Возможно, тщеславный Пастора купился на перспективу встречи с Кастро, которая могла стать прелюдией к его повышению на карьерной лестнице. А может быть, ему просто не оставалось другого выхода — в Панаме теперь правил Норьега, устроивший встречу с Борхе и, значит, сотрудничавший с сандинистами. Следовательно, находиться в Панаме было уже небезопасно.

Как бы то ни было, Пастора отправился на Кубу, где к нему отнеслись крайне предупредительно. Он жил в одном из гостевых домов правительства — на вилле богатого кубинца, конфискованной после победы революции. Но Пастора тяготился своим вынужденным бездействием. И тогда за дело взялись его друзья в Никарагуа. Поведра и прочие соратники «команданте ноль» по Южному фронту ночью в конце августа 1981 года покрыли всю столицу нарисованными краской-спреем лозунгами типа «Пастора возвращается!», «Эден идет!» и т. д.¹⁰¹

Видимо, Пастора рассчитывал на массовые демонстрации в свою поддержку, но они не состоялись. Зато был задержан Поведра, который потом выступил

¹⁰⁰ Christian S. *Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.313.

¹⁰¹ Ibid.

на пресс-конференции с покаянием и извинился за то, что, используя имя Пасторы, хотел внести раскол в ряды СФНО. Сам Пастора записал на пленку аналогичное обращение на Кубе, чем и «сдал» своих же сторонников.

В конце сентября 1981 года кубинцы отпустили Пастору по просьбе руководства мексиканской правящей Институционно-революционной партии¹⁰². В сопровождении сына Торрихоса Пастора сначала вылетел в Панаму, затем несколько месяцев провел со своими женой и детьми в Коста-Рике.

Казалось, что он ушел из политики. Но на самом деле с Пасторой активно работали агенты ЦРУ. Американская разведка все еще мечтала открыть против сандинистов второй фронт в Коста-Рике.

Правда, в отличие от Гондураса, боевые действия против сандинистов с территории южного соседа Никарагуа никак нельзя было оправдать борьбой с некими поставками оружия сальвадорским повстанцам. Зато Пастора никак не был связан с национальной гвардией, и американцы рассчитывали, что он сможет привлечь к борьбе против правительства СФНО многих сандинистов, а то и поднять на мятеж целые части армии и милиции. Бандиты и коррупционеры вроде Лау и Бермудеса, конечно, были неспособны завоевать в Никарагуа хотя бы малейшую поддержку населения, и в ЦРУ это прекрасно понимали. Пастора же мог выступить под лозунгом возврата к истинным целям революции, якобы преданным Национальным руководством СФНО. Таким образом, американцы отводили Пасторе роль российских левых эсеров образца лета 1918 года.

Однако ЦРУ не доверяло Пасторе, бывшим, выражаясь языком американцев, «сорвавшейся с места корабельной пушкой», которая могла выстрелить в любую сторону. Другими словами, сознавая полное отсутствие у Пасторы каких-либо убеждений кроме жажды личной власти, американцы первое время пытались каким-нибудь образом объединить его с ФДН. Но Пастора, хотя и брал от ЦРУ деньги, ни в коем случае не хотел даже на словах иметь ничего общего с бывшими национальными гвардейцами, понимая, что это означало бы его политическую смерть в Никарагуа.

«Возвращение» Пасторы в политику, к неудовольствию ЦРУ, затягивалось и американцы стали искать ему более респектабельных соратников, имевших, однако, четкие проамериканские взгляды. ЦРУ устроила кандидатура бывшего члена Хунты национального возрождения Артуро Круса. В марте 1981 года он вышел из состава хунты потому, что на этом настаивала его жившая в Вашингтоне семья (ранее Крус работал в Межамериканском банке развития (МАБР) в Вашингтоне и с неохотой вернулся на родину после революции, чтобы возглавить Национальный банк).

Крус родился в 1923 году в богатой семье со стойкими либеральными традициями. Он закончил в 1944 году военное училище, но из-за оппозиционных на-

¹⁰² К Мексике кубинцы относились предупредительно, потому что эта страна не склонилась перед диктатором США и не прервала дипломатические отношения с Кубой.

строений по отношению к Сомосе отказался служить в национальной гвардии. В 1954 году был арестован за причастность к неудачной попытке покушения на Сомосу. Потом по настоянию жены Крус ушел из политики и с 1969 года работал в штаб-квартире МАБР в Вашингтоне. В 1977 году он стал членом «группы двенадцати», что и обеспечило ему быструю карьеру после свержения диктатуры.

Из хунты Крус ушел без скандала, но в ноябре 1981 года он отказался и от поста посла Никарагуа в США, заявив, что на этой должности должен работать человек, полностью разделяющий взгляды Национального руководства СФНО, в то время как его, Круса, считают своего рода «внутренним диссидентом» революции. На самом деле Круса поразил арест руководства КОСЕП в ноябре 1981 года — среди арестованных были и его друзья. Он пытался путем «челночной дипломатии» примирить КОСЕП с сандинистами, но не преуспел и решил вернуться на тихое и хорошо оплачиваемое место в МАБР.

Для американцев Крус был находкой — бывший член высшего органа революции, противник Сомосы и уважаемый в деловых кругах человек. Именно его и решили свести с Пасторой. Последний, живший в начале 1982 года в Мексике, стал активно названивать Крису в Вашингтон¹⁰³, предлагая вместе выступить против сандинистов и в защиту неких «преданных идеалов революции».

Пока ЦРУ усердно пыталось организовать в Коста-Рике «революционный фронт» против сандинистов, госсекретарь и бывший генерал Хейг не оставлял планов разделаться с Никарагуа (а в идеале и с Кубой) военным путем. Летом 1981 года он приказал полковнику морской пехоты Роберту Макфарлейну, служившему вместе с ним во Вьетнаме, составить оперативный план возможных военных действий против Никарагуа и Кубы. Макфарлейн подготовил требуемый документ под характерным заголовком «Принести войну в Никарагуа» (*Taking War to Nicaragua*).

В ноябре 1981 года Хейг требовал от Пентагона разработать несколько сценариев возможных боевых действий — от демонстрации силы до полной морской блокады Кубы и Никарагуа, что с точки зрения международного права уже являлось актом войны. Министерство обороны США даже получило 400 тысяч долларов, чтобы обменять их на никарагуанские кордобы для нужд американских оккупационных сил в Никарагуа¹⁰⁴.

В том же ноябре американцы в Вашингтоне обсуждали на конференции латиноамериканских армий и вооруженных сил США (на уровне главкомов армий близких США стран Латинской Америки) возможную совместную высадку на Кубу. Однако самоубийц среди латиноамериканцев не нашлось. Пока лишь Аргентина была готова участвовать в войне против Никарагуа, но только в войне необъявленной — путем активизации подготовки никарагуанских «контрас» в Гондурасе. Договоренность об этом была достигнута во время

¹⁰³ Christian S. *Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.319.

¹⁰⁴ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.94.

встречи директора ЦРУ Кейси с начальником штаба вооруженных сил Аргентины (фактически главой аргентинской военной хунты) Леопольдо Галтиери 1 ноября 1981 года в Вашингтоне.

При этом подчиненные Кейси докладывали, что пока нет никаких доказательств, что «Куба по-прежнему напрямую участвует в поставках персонала и вооружений» в Сальвадор¹⁰⁵. Но для Кейси и Хейга, как, впрочем, и для Рейгана, Сальвадор был всегда только предлогом для подрывной работы против сандинистов и «страшилкой» для конгресса США.

12 ноября, выступая перед членами комитета по внешним сношениями палаты представителей конгресса, Хейг описал ситуацию в Никарагуа как «очень и очень тревожную». «Я думаю, — сказал он, — что нам, американцам, не надо строить иллюзий и не удивляться, если через шесть месяцев или год мы получим еще одну Кубу в (Западном) полушарии и, возможно, распространение этой болезни по всей Центральной Америке»¹⁰⁶.

Далее у Хейга состоялся более чем показательный диалог с членом комитета демократом Джерри Стаддсом.

«Стаддс. Можете ли Вы дать этому комитету и конгрессу заверение, что Соединенные Штаты не участвуют и не будут участвовать или содействовать любым путем прямым или косвенным попыткам свержения или дестабилизации нынешнего правительства Никарагуа?»

Хейг. Нет. Я не дам такой гарантии... (Стаддсу) Вам бы следовало больше беспокоиться по поводу растущих доказательств тоталитарного характера сандинистского режима.

Стаддс. Вы готовы заявить, что мы не готовим введение морской блокады (против Никарагуа)?

Хейг. Я не готов давать заверений любого толка. Если Вы готовы ободрять режимы, которые движутся в сторону тоталитарного правительства¹⁰⁷, я спрашиваю, разумный ли это курс.

Стаддс. Если бы я был никарагуанцем, то, основываясь на Ваших ответах, начал бы сегодня же строить бомбоубежище»¹⁰⁸.

Администрация Рейгана дошла в своих вербальных атаках против Никарагуа до такой степени, что это вызвало противодействие даже весьма умеренных латиноамериканских стран. В ноябре 1981 года президент Мексики Хосе Лопес Портильо обвинил США в «словесном терроризме» и предложил Вашингтону наладить с Никарагуа нормальный диалог для решения всех спорных вопросов. Возможное вторжение США в Никарагуа стало бы, по словам мексиканского президента, «гигантской исторической ошибкой».

¹⁰⁵ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 94.

¹⁰⁶ Ibid. P. 95.

¹⁰⁷ Хейг не случайно выступил в конгрессе именно в ноябре 1981 года. В это время в Никарагуа были арестованы лидеры КОСЕП.

¹⁰⁸ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 95.

Однако американцев мексиканская критика заботила мало, хотя Рейган был возмущен тем, что Мексика поставляет Никарагуа нефть в кредит и по льготным ценам.

16 ноября 1981 года состоялось заседание Совета национальной безопасности (СНБ) США, посвященное Никарагуа.

Было решено в кратчайшие сроки подготовить контингент «контрас» в составе как минимум 1500 человек для военных и квазивоенных (саботаж, диверсии, убийства сандинистских активистов) действий против Никарагуа. «Контрас» должны были спровоцировать сандинистов на ответные меры против Гондураса, а последний — немедленно попросить США о военной помощи. Тогда у американцев появился бы предлог для вторжения в Никарагуа. Один из аналитиков ЦРУ того периода Дэвид Макмайкл так описывал тактику ЦРУ: «...В общем, в то время господствовали взгляды, что никарагуанское правительство было незрелым, импульсивным, охваченным, как выражались, „партизанским“ менталитетом, и предполагалось, что в ответ на действия этой тайной силы („контрас“ — прим. автора) никарагуанское правительство, по всей видимости, попытается организовать преследование этих партизанских сил по горячим следам и через международно признанные границы в Центральной Америке. Также предполагалось, что в ответ на объявление чрезвычайного положения, вызванного атаками („контрас“), никарагуанское правительство раздавит и уничтожит гражданские свободы, вышлет или арестует своих политических оппонентов»¹⁰⁹.

Рассчитывало ЦРУ и на разрыв дипломатических отношений с США со стороны Никарагуа, а также на «репрессии» никарагуанцев в отношении американского дипломатического персонала в Манагуа (как это имело место в Иране).

И преследование «контрас» в Гондурасе, и акции против американских дипломатов были бы достаточным поводом для военного вторжения вооруженных сил США в Никарагуа. По оценкам ЦРУ, до сих пор никарагуанское правительство «весьма успешно» преподносило себя мировому общественному мнению как открытое и плюралистическое, и с этим требовалось срочно покончить.

Однако сандинисты оказались куда как более зрелыми, чем этого хотелось бы ЦРУ. Они, конечно, арестовали руководство КОСЕП и ограничили свободу печати. Однако это не привело к падению популярности СФНО — наоборот, сторонники фронта давно требовали разобраться с предательской буржуазией и считали, что надо было пойти на более жесткие меры. Получалось так, что тесная смычка никарагуанской буржуазии с администрацией Рейгана (которая была очевидна всем — даже противникам сандинистов) только вредила оппонентам СФНО, за которыми в Никарагуа закрепилось малочетное прозвище «вендепатриа» («продавец родины»).

¹⁰⁹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 99.

По итогам заседания СНБ Рейган подписал 23 ноября 1981 года секретную директиву № 17, поручив ЦРУ самостоятельно или вместе с «иностранными правительствами, если это необходимо» организовать «квазиевственные» операции против «кубинского присутствия (в Никарагуа) и кубинско-сандинистской инфраструктуры поддержки (сальвадорских партизан) в Никарагуа или любом ином месте Центральной Америки»¹¹⁰.

Таким образом, формально «контрас» даже не должны были вести боевые действия, а лишь производить диверсии против неких кубинских объектов в Никарагуа, чтобы не допустить поставок оттуда оружия в Сальвадор. Но такая аргументация требовалась только для американского конгресса, чтобы у него создалось впечатление (и оно действительно создалось), что речь идет о небольших диверсионных группах, а не о многотысячной армии. На самом деле под «сальвадорским» предлогом «контрас» должны были свергнуть правительство Никарагуа или дать армии США повод для нападения на эту страну.

Характерно, что директор ЦРУ Кейси, которому поручили всю работу по дестабилизации Никарагуа, даже не мог правильно произнести название этой страны — он говорил то «Никарга», то «Нигара»¹¹¹.

Кейси (родился в 1913 году) был ветераном спецслужб США и еще в годы Второй мировой войны работал главой отдела европейских операций Управления стратегических служб (предшественника ЦРУ). Кейси был близким другом Рейгана и менеджером его избирательной кампании 1980 года. В 1961 году его приговорили к штрафу за плагиат при написании одной из своих книг. В 1971–1973 годах он являлся главой Комиссии по фондовым рынкам и ценным бумагам при Никсоне, причем при назначении на этот пост пытался обмануть сенат и скрыть дело о плагиате. Кейси был миллионером и сколотил состояние на советах богатым американцам по поводу уклонения от налогов. Умер в 1987 году от опухоли головного мозга.

В феврале 1982 года ЦРУ заверило комитет по разведке палаты представителей конгресса, что ни в коем случае не планирует свержения законного правительства Никарагуа. Уже тогда многие законодатели в это не поверили.

Сразу же после подписания Рейганом директивы СНБ в Буэнос-Айрес для координации действий с аргентинцами вылетел глава латиноамериканского подразделения ЦРУ Кларридж. Его сопровождали отвечавший в ЦРУ за Центральную Америку Джерри Свот, а также главные специалисты ЦРУ по организации диверсий и партизанской войны Хэнк Бус и Майкл Донахью¹¹². Кларриджа принял шеф аргентинской военной хунты Галтиери, который пытался поразить американцев помпезностью зала для переговоров, повышенными мерами безопасности и пышной формой своих офицеров. Как вспоминал Кларридж, переговоры в 10:30 утра начались с нескольких бокалов виски. Гал-

¹¹⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 100.

¹¹¹ Ibid. P. 99.

¹¹² Clarridge D.R., Digby D. *Spy for All Seasons: My Life in the CIA*. New York, 1997. P. 207.

тиери требовал гарантий, что американцы пойдут до конца в борьбе против сандинистов, и Кларридж со ссылкой на Рейгана такие гарантии дал. Сам американский эмиссар сомневался, что «контрас» в своем тогдашнем виде способны выполнить задачу свержения власти в Манагуа. Но именно этого и хотели аргентинцы, которых не интересовали мелкие предлоги вроде Сальвадора. Кларридж вспоминал, что Галтиери откровенно улыбался, когда американцы заговорили о предотвращении поставок оружия в Сальвадор.

Галтиери рассуждал о том, что аргентинские военные считают помощь «контрас» важной философско-мировоззренческой задачей в контексте борьбы с мировым коммунизмом. Он даже посветовал, что США перестали активно бороться с коммунизмом во времена Картера.

В штаб-квартире аргентинской военной разведки американцев познакомили с методикой партизанской войны, которую аргентинцы собирались преподавать «контрас». Американцы поняли, что аргентинцев самих придется учить, так как они собирались организовывать борьбу против сандинистов в городах, где у «контрас» не было абсолютно никакой поддержки¹¹³. Зато антикоммунистические ролики для телевидения и программы для радио американцам понравились, так как были «креативными».

Соглашение о совместном сотрудничестве против Никарагуа Кларридж и Галтиери скрепили несколькими бокалами виски и рукопожатием. Через неделю после завершения переговоров Галтиери официально стал президентом Аргентины, и Кларридж направил ему поздравительную телеграмму¹¹⁴.

После Буэнос-Айреса Кларридж отправился в Гондурас. Командование гондурасской армии с самого начала сотрудничало с ЦРУ по «проекту контрас», но для «проформы» надо было заручиться согласием президента Гондураса Поликарпо Паса. Правда, поначалу переговоры столкнулись с неожиданной проблемой — Пас пил несколько дней, и гондурасские военные сомневались, что его удастся «осушить» до степени, достаточной для участия в переговорах¹¹⁵.

Кларридж обговорил все детали с командованием гондурасской армии и, в конце концов, все же встретился с протрезвевшим Пасом. Он описал это так: «Дверь неожиданно распахнулась, и в зал почти влетел коротышка в белой форме, увешанный всевозможными военными побрякушками и с голубой президентской лентой. Я заметил крупное, похожее на соус от спагетти пятно, которое красовалось на левой груди его белой формы. Лицо бедняги-прези-

¹¹³ *Clarridge D. R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P. 208.*

¹¹⁴ После позорного провала на Фолклендах аргентинская хунта потеряла власть, и в 1986 году Галтиери был приговорен к 12 годам тюрьмы за массовые убийства без суда во времена диктатуры (причем он еще легко отделался — ему грозила смертная казнь). В 1989 году его амнистировали, но в 2002-м генералу вновь пришлось столкнуться с судебными исками, теперь уже гражданскими, — от родственников «без вести пропавших» при его правлении левых активистов. Сердечный приступ и смерть в 2003 году избавили 76-летнего Галтиери от нового тюремного срока.

¹¹⁵ *Clarridge D. R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P. 210.*

дента было пепельным, и он выглядел так, будто его вот-вот вырвет. Большинство гондурасских офицеров выглядели явно смущенными»¹¹⁶. Пас быстро дал добро и немедленно вылетел из комнаты, даже не обратив внимания на приветствия своих офицеров. Как и в Аргентине, никаких формальных документов подписано не было.

Кстати, по данным самих же американцев, все правительство президента Паса активно участвовало в торговле наркотиками. Сам Поликарпо Пас пришел к власти в 1978 году в результате военного переворота, профинансированного колумбийским медельинским наркокартелем, вследствие чего этот переворот прозвали «кокаиновый путч». Американцы хорошо знали Паса еще с 1965 года — тогда он (как и Бермудес) командовал гондурасским воинским контингентом, принявшим участие в американской интервенции против Доминиканской республики.

Реальным хозяином Гондураса и партнером ЦРУ был командующий гондурасской армией генерал Альварес, который говорил, что морально оправдано все, что позволяет свергнуть коммунистический режим в Никарагуа. В 1981 году президентом Гондураса на подтасованных выборах был «избран» гражданский политик Суасо, однако на самом деле страной по-прежнему правила армия.

К концу 1982 года в Гондурасе работали уже примерно 150 сотрудников и агентов ЦРУ. Общее руководство «проектом контраст» осуществлял посол США в Никарагуа Джон Негропонте¹¹⁷, которого контрреволюционеры называли «босс». Повседневное руководство операциями было в руках ЦРУ.

В марте 2005 года «Вашингтон Пост» так писала о Негропонте, которого еще в то время обвиняли в соучастии в преступлениях гондурасской военной хунты против активистов правозащитных и оппозиционных организаций (во время пребывания Негропонте в Тегусигальпе «без вести пропали» около 200 противников военного режима):

«Почитатели Негропонте видят в нем жесткого профессионального дипломата, который лояльно проводил в жизнь политику администрации Рейгана в Центральной Америке во время чрезвычайно сложного периода. Для его критиков он — символ темной главы в американской истории, когда Соединенные Штаты закрывали глаза на преступления диктаторов в третьем мире, считая их партнерами в мировом крестовом антикоммунистическом походе»¹¹⁸.

¹¹⁶ *Clarridge D.R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P.210.*

¹¹⁷ Негропонте родился в Лондоне в 1939 году. Его отцом был крупный греческий магнат-судовладелец. Будущий дипломат окончил Йельский университет, где состоял в одном студенческом братстве с дядей президента Джорджа Буша-младшего. Работал в посольстве США в Сайгоне. Был послом в Гондурасе с 1981-го по 1985 год, а в 2004–2005 годах — послом в Ираке. После событий 11 сентября 2001 года президент Буш в 2005 году назначил Негропонте первым в истории страны руководителем разведсообщества США. В 2007–2009 годах Негропонте — заместитель госсекретаря США.

¹¹⁸ Dobbs M. Negroponte's Time In Honduras at Issue. См.: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A52001-2005Mar20.html>.

США в 80-е годы резко нарастили объем военной помощи Гондурасу, часть которой гондурасская армия продавала на черном рынке (причем некоторые партии оружия покупали сальвадорские партизаны), а часть шла «контрас». Таким образом ЦРУ и Пентагон обходили конгресс США, который ограничивал помощь никарагуанским «борцам за свободу» определенной суммой. В 1981 году военная и экономическая помощь США Гондурасу составила 47,5 миллиона долларов, в 1982 году — 112 миллионов, в 1983-м — 145,2 миллиона¹¹⁹. Внешний долг Гондураса (самой бедной страны Латинской Америки за исключением Гаити) достиг астрономической суммы в 1,7 миллиарда долларов.

Пока ЦРУ и аргентинцы готовили «контрас» к боевым действиям, Хейг продолжал обвинять Никарагуа во всех мыслимых и немыслимых грехах. Так, 4 декабря 1981 года на сессии совета Организации американских государств (ОАГ) госсекретарь выдвинул обвинения в «милитаризации» и вмешательстве во внутренние дела центральноамериканских стран, как обычно, не утруждая себя доказательствами. Он снисходительно заметил, что США все же «держат дверь открытой» для возобновления переговоров с сандинистами. На это Даниэль Ортега метко заметил, что американцы открыли дверь ровно на столько, чтобы Никарагуа могла проползти в нее на коленях¹²⁰.

Одновременно никарагуанцы пытались как можно тщательнее подготовиться к отражению возможной агрессии. 8 января 1981 года Франция завила, что готова продать Никарагуа оружия и боеприпасов на 15,8 миллиона долларов. Речь шла о крайне необходимых для борьбы с «контрас» на атлантическом побережье Никарагуа патрульных катерах (две штуки), двух вертолетах «алуэтт», переносных ракетных установках (около сотни с 7000 ракетами) и грузовиках. Франция бралась подготовить 10 никарагуанских пилотов и 10 морских офицеров.

Американцев это возмутило, и они охарактеризовали действия Франции как «удар в спину». Ведь США надеялись, что сандинисты обратятся за помощью к Москве, чем, наконец, и подтвердят постоянные американские голословные обвинения в «сползании» Никарагуа в «орбиту советского блока». На правительство Франции было оказано мощное дипломатическое давление, и первые поставки начались только в июле 1982 года.

Но с тех пор все каналы закупки вооружений для Никарагуа на Западе оказались заблокированными. В 1983 году удалось заключить только контракт с Голландией в размере 5,5 миллиона долларов на модернизацию сооружений береговой обороны важнейшего никарагуанского порта Коринто (куда приходили танкеры с мексиканской нефтью)¹²¹.

В условиях фактической американской блокады Никарагуа не оставалось ничего иного, как обратиться за помощью к странам Варшавского договора,

¹¹⁹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 127.

¹²⁰ Ibid. P. 106.

¹²¹ Ibid. P. 107.

прежде всего СССР и ГДР. Фактически страна оказалась в том же положении, что и президент Египта Насер в 50-е годы: он сначала обратился за военной помощью против Израиля к США и, получив отказ, был вынужден искать поддержки в Москве.

Однако даже по данным ЦРУ советское оружие стало прибывать в Никарагуа в более или менее осязаемых объемах лишь в 1983 году — в ответ на начало полномасштабного наступления «контрас». В 1982 году в Никарагуа поступили только несколько установок РСЗО БМ-21, способных за один залп выпускать 40 реактивных снарядов.

Но главной советской помощью в 1982 году было развертывание в Чинандеге палаточного госпиталя для оказания помощи населению, пострадавшему от наводнения в северных районах страны. Среди врачей были и военные медики, но они занимались исключительно оказанием неотложной медицинской помощи¹²². В 1985 году госпиталь торжественно отметил прием двухтысячной пациентки. Советские военные медики работали на износ, каждый день проводя хирургическую операцию (а то и несколько). Треть персонала в 1985 году переболела малярией.

Даже ЦРУ признавало в своих аналитических докладах, что в Никарагуа нет значительного количества советских военных советников, к тому же никто из них не участвовал в боевых действиях. В это же самое время Пентагон разрешил военным советникам США в Сальвадоре принимать непосредственное участие в боевых операциях против партизан.

По данным ЦРУ, в 1981–1982 годах СССР поставил в Никарагуа военных грузов в объеме 6000 метрических тонн. Однако большая часть этих тонн приходилась на устаревшие танки Т-55, которые Никарагуа к тому же закупила не в СССР, а в Алжире. Американские военные аналитики признавали, что Никарагуа не сможет использовать танки для нападения на Гондурас, так как обе страны разделяли река Коко, непроходимые горы и леса. В северных районах Никарагуа практически не было элементарных дорог с твердым покрытием.

Единственным коридором для танковой атаки могло быть узкое Панаме-риканское шоссе, где никарагуанские танки, растянутые в колонну, стали бы прекрасной мишенью для реактивных истребителей Гондураса. У Никарагуа современных боевых самолетов не было, и ВВС страны не смогли бы оказать своим танкам абсолютно никакой поддержки.

В целом солидарность СССР с Никарагуа в 1980–1981 годах носила в основном политический и моральный характер, что тоже было важно для никарагуанцев в условиях нарастающего грубого давления со стороны США.

В ноябре 1980 года Москву посетила никарагуанская экономическая делегация во главе с министром сельского хозяйства Хайме Уилоком. Вместе с Уилоком приехал министр планирования Хенри Руис (оба были членами Национального

¹²² Окорочков А. В. СССР в борьбе за мировое господство. М., 2009. С. 378–379.

руководства СФНО), а также заместители министров промышленности и внешней торговли. Цель визита для советской стороны состояла главным образом в получении информации «из первых рук» о том, что происходит в Никарагуа.

В опубликованном (в том числе и для американцев) совместном коммюнике отмечалось: «С советской стороны была подтверждена солидарность с никарагуанской революцией, отмечена ведущая роль СФНО в проведении в жизнь общественных преобразований на благо трудового народа. Выказано пожелание народу Никарагуа новых успехов в развитии по пути демократии и социального прогресса». При этом было подчеркнуто неотъемлемое право никарагуанского народа самому, без какого-либо вмешательства или давления, извне решать судьбы своей страны, избирать путь социально-экономического развития. Никарагуанские представители выразили признательность за «интернационалистскую солидарность с народом Никарагуа»¹²³.

Примечательно, что в коммюнике не было и слова о марксизме-ленинизме или социализме.

По мере наращивания американского давления на Никарагуа тон советско-никарагуанских отношений становился все доверительнее и сердечнее. В совместных документах после прихода к власти Рейгана четко зазвучала тема противодействия любому давлению на Никарагуа.

В поздравлении по случаю второй годовщины Сандинистской революции генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов отмечали: «Никарагуанский народ добился за короткий срок значительных успехов в реализации важных социально-экономических преобразований в интересах всех трудящихся, строительстве демократического общества, отстаивании завоеваний революции перед лицом усиливающихся угроз и провокаций империализма и реакции»¹²⁴.

12–15 декабря 1981 года СССР посетил министр иностранных дел Никарагуа Мигель д'Эското, получивший новые заверения в поддержке со стороны СССР. Была подписана программа культурных и научных обменов на 1982–1983 годы.

Очень сердечным было поздравление Л. И. Брежневу с 75-летием, которое советскому лидеру в декабре 1981 года от имени Национального руководства СФНО направил команданте Байардо Арсе: «...В этот день, 19 декабря, когда Вы переступаете рубеж трех четвертей века своей жизни, исполненной доблести и борьбы, мы хотим выразить уважение и восхищение, которые никарагуанский народ и бойцы сандинистского движения испытывают к Вам и советскому народу, постоянно проявляющему к нам чувство солидарности и дружбы»¹²⁵.

Рефреном выступления главы делегации СФНО на XXVI съезде КПСС (который практически совпал по времени с инаугурацией Рейгана) командан-

¹²³ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 310.

¹²⁴ Там же. С. 312–313.

¹²⁵ Там же. С. 316.

те Карлоса Нуньеса (председателя госсовета Никарагуа) была «...уверенность в братской, революционной, солидарной поддержке стран социализма». «Центральной Америке, этой героической земле, которую грабят в течение многих десятилетий, грозит немало опасностей, — сказал Нуньес. — В рамках этого небольшого региона Никарагуа привлекает внимание наиболее агрессивных сил империализма, страна стала объектом милитаристской политики. Сегодня это — голодная блокада, завтра — вторжение. Осознавая эту реальность, мы рассчитываем на солидарность революционных, демократических, прогрессивных народов мира, мировой общественности, готовых крепить основы мира и прогресса, решительно выступить против любой формы интервенции»¹²⁶.

Помимо антисоветской пропаганды ЦРУ организовывало утечки в СМИ о 12 тысячах кубинцев в Никарагуа. Правда, даже по данным американской разведки только 3 тысячи из них можно было отнести к военным советникам. Остальные строили дороги, учили детей и принимали больных. Но ЦРУ туманно рассуждало о неких «военных способностях» кубинских строителей», которые якобы в случае чего немедленно превратятся в обученных солдат и офицеров. Общественное мнение США подспудно готовили к тому, что «контрас» будут убивать и мирных кубинцев, так как те все равно ни что иное как потенциальные военнослужащие.

Раздувая шумиху насчет советского и кубинского военного присутствия в Никарагуа, американцы между тем делали все возможное, чтобы полностью заблокировать выделение Никарагуа кредитов и помощи по линии международных финансовых организаций. Точно такую же тактику США успешно использовали в 1970–1973 годах против правительства Сальвадора Альенде в Чили.

Был заблокирован кредит МБРР для закупки Никарагуа рыболовных судов вместо тех, которые национальные гвардейцы в 1979 году угнали в Гондурас и Сальвадор. Однако, несмотря на противодействие США, 14 января 1982 года МБРР одобрил кредит Никарагуа в размере 16 миллионов долларов для восстановления разрушенной в ходе гражданской войны инфраструктуры городов — уличного освещения, канализации, мостовых и т.д.¹²⁷ Но в 1983 году поток кредитов по линии международных организаций прекратился практически полностью.

В это время аргентинцы на деньги ЦРУ в Гондурасе усиленно готовили специальные диверсионные группы «контрас» для вывода из строя важнейших экономических объектов Никарагуа — мостов, портов, дорог и важнейших заводов (в том числе и единственного нефтеперерабатывающего завода).

Подготовка продолжалась по 19 часов в сутки. Начинали аргентинцы (которые вели себя надменно, изображая выдающихся специалистов диверси-

¹²⁶ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 319.

¹²⁷ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 107–108.

онного дела, — реальная цена этой браваре со всей наглядностью проявилась во время позорного поражения аргентинской военной хунты в конфликте вокруг Фолклендских островов в марте — июне 1982 года) с часовой зарядки и гимнастики еще до рассвета. Затем «контрас» учили обращаться с компасом, читать карты и ориентироваться на местности. Будущие диверсанты отрабатывали скрытное передвижение на местности мелкими группами. Практические занятия сменялись теоретическими — «контрас» пичкали тактико-техническими характеристиками оружия и новейшей американской пластиковой взрывчатки С-4¹²⁸, которую, как и все другое оснащение, предоставляло ЦРУ.

Тренировки продолжались и в темноте, когда «контрас» с измазанными сажей лицами отрабатывали ночное патрулирование. После двух недель ускоренной подготовки (ЦРУ торопило) аргентинцы сформировали две диверсионные группы. Каждому бойцу дали бельгийскую винтовку ФАЛ, длинный нож, американские пайки, заряды С-4 и детонаторы к ним. Боевой задачей, поставленной ЦРУ, было уничтожение лагеря строителей, которые строили дорогу от тихоокеанского побережья Никарагуа до золотых приисков в Москитии. Правительство Никарагуа закупило большую партию катков, грузовиков «фиат», запчастей и станков для ремонта техники. ЦРУ заверяло, что лагерь не охраняется.

По дороге нагруженные взрывчаткой боевики заблудились и прибыли на место с опозданием на неделю. Но затем все оказалось легко — единственный часовой был убит, «контрас» прикрепили заряды С-4 к дорожной технике, и она взлетела на воздух. Аргентинцы были довольны и решили развернуть диверсионную группу в более крупный отряд особого назначения, который мог бы уже уничтожать и военные, а значит, охраняемые цели.

21 февраля 1982 года в международном аэропорту Манагуа взорвался багаж, прибывший на самолете из Гондураса. Были убиты четверо и ранены трое грузчиков¹²⁹. ЦРУ приурочило эту диверсию к визиту в Никарагуа мексиканского президента, который досаждал США своими неуместными, с точки зрения Рейгана, мирными инициативами.

Тем не менее после переговоров с мексиканцами Даниэль Ортега предложил комплексный план из пяти пунктов по снижению напряженности в Центральной Америке. План включал, в частности, проведение совместного патрулирования никарагуанско-гондурасской границы и заключение всеми странами Центральной Америки соглашений о взаимном ненападении. Пре-

¹²⁸ 91% комбинированной взрывчатки С-4 составлял гексоген. Взрывчатка с виду походила на белую глину. Заряду можно придать руками любую форму. С-4 изначально не имеет запаха, и ее трудно обнаружить собакам, а тем более с помощью традиционных миноискателей. Риск несчастных случаев для диверсантов невелик, так как ни разряд тока, ни даже удар молотком не могут привести к детонации заряда С-4. На огне С-4 горит медленно — во время войны во Вьетнаме американские солдаты даже разогревали на ней сухие пайки.

¹²⁹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 109.

зидент Мексики заметил, что Никарагуа вооружается только потому, что ощущает угрозу со стороны США. Если сами американцы постоянно твердят о собственной безопасности, то такое же право есть и у малых стран.

Американцы почувствовали, что дипломатическая инициатива явно уходит у них из рук. Поэтому начиная с марта 1982 года США стали постепенно отдаляться от «сальвадорской темы», тем более что никаких доказательств вмешательства Никарагуа или Кубы во внутренние дела этой страны не просматривалось. Теперь в Вашингтоне стали требовать от Никарагуа внутривнутриполитических изменений и прекращения «милитаризации» страны, под чем понималось свертывание любых военных контактов Никарагуа с СССР и Кубой.

Как обычно, стратеги ЦРУ начали с очередного вброса в СМИ новой порции антиникарагуанской дезинформации. Заместитель директора ЦРУ Бобби Инман 10 марта 1982 года представил прессе фотоснимки с американских самолетов-шпионов У-2, которые должны были доказать советское и кубинское военное присутствие в Никарагуа. На снимках были танки Т-55, которые Никарагуа абсолютно открыто купила у Алжира еще год тому назад. Смех многих журналистов вызывала и полоса препятствий «советского стиля», включая беговую дорожку в одном из никарагуанских гарнизонов, которую американская разведка также представила в качестве доказательства «милитаризации» Никарагуа.

Удлинение взлетно-посадочной полосы в Пуэрто-Кабесасе (тоже одно из «доказательств» милитаризации) было задумано еще в 70-е годы, и американская фирма тогда подготовила для этого технико-экономическое обоснование (кстати, и сам аэропорт построили американцы в годы Второй мировой войны для своих ВВС, в то время базировавшихся в Никарагуа).

Недостаток фактов на брифинге заменили нарочитым драматизмом, который напомнил многим Карибский кризис 1962 года, тоже начавшийся, как известно, с опубликования снимков У-2. От американской военной разведки снимки на брифинге представлял заместитель начальника разведки Джон Хьюз, который делал то же самое и в октябре 1962-го.

Позднее пресса США и никарагуанское правительство легко опровергли все «доказательства» «милитаризации». Но это было потом.

Пока американские СМИ смаковали «милитаризацию» Никарагуа (например, заголовок в «Вашингтон Пост» гласил: «США демонстрируют фото для доказательства обвинений в адрес Никарагуа по наращиванию военной мощи»)¹³⁰, ЦРУ решило, наконец, предоставить «железное» доказательство по мощи Никарагуа сальвадорским повстанцам.

12 марта 1982 года прессе был представлен якобы захваченный в Сальвадоре и прошедший подготовку на Кубе и в Эфиопии (!) никарагуанский советник Орландо Хосе Тардесильяс. Будучи 19-летним студентом, он по своей личной инициативе примкнул к сальвадорским партизанам в апреле 1980 года. Тар-

¹³⁰ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 109.

десильяс должен был подтвердить перед журналистами, что обучался на Кубе. Но рассказал совсем другое — что не видел в Сальвадоре больше ни одного никарагуанца или кубинца и что его пытали и угрожали убить, если он не даст публично показаний, нужных ЦРУ. Тардесильяса пришлось передать никарагуанскому посольству в США. По словам одного из представителей администрации Рейгана, пресс-конференция оказалась «полной катастрофой». «Я не знал плакать мне или смеяться»¹³¹.

Но ЦРУ спешило взять реванш на другой пресс-конференции, которую планировалось провести в столице Коста-Рике Сан-Хосе. Там Пастора и Артуро Крус должны были торжественно объявить об основании новой антиправительственной, но на сей раз «революционной» организации.

В то время, когда Пастора совместно с Крусом активно работал в Мексике над своим воззванием к никарагуанцам, обученные аргентинцами и ЦРУ диверсанты тоже не сидели без дела. 14 марта 1982 года взлетели на воздух два моста в северной части Никарагуа недалеко от городов Сомотильо и Окоаталья. Якобы именно по этим мостам сандинисты направляли в Гондурас оружие, откуда оно дальше шло в Сальвадор. На самом деле эти мосты были ключевым звеном всей транспортной инфраструктуры страны на севере, к тому же их ликвидация ограничивала возможности США по быстрой переброске подкреплений на гондурасскую границу.

Белый дом отказался подтвердить или опровергнуть причастность ЦРУ к этой диверсии¹³². Однако она была осуществлена под бдительным руководством американской разведки, что ЦРУ и подтвердило уже в мае 1982 года. В июле 1982-го американская военная разведка с удовлетворением отмечала в секретном докладе: «...после 14 марта 1982 года повстанческое движение (в Никарагуа) все больше и больше распространяется. Хотя нынешний уровень активности не представляет военной угрозы для сандинистского режима, она наверняка возрастет в течение ближайших месяцев, так как оппозиция нынешнему режиму крепнет»¹³³.

Взрывами мостов ЦРУ добилось того, чего давно хотело. Правительство Никарагуа объявило в стране чрезвычайное положение. Этот шаг, естественно, осудила буржуазная оппозиция. Один из ее лидеров, бывший член Хунты национального возрождения Альфонсо Робело покинул страну, направившись в Коста-Рику к Пасторе.

15 апреля 1982 года из политического небытия вынырнул, наконец, — уже в качестве платного агента ЦРУ — Эден Пастора, который на пресс-конференции в столице Коста-Рики Сан-Хосе зачитал свою декларацию: объявление войны Национальному руководству СФНО. Пастора очень не хотел

¹³¹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 113.

¹³² Ibid.

¹³³ Ibid. P. 116.

выглядеть предателем и вел диалог с журналистами под знаменем Революционного фронта Сандино, организации, которая еще в 1959 году вела борьбу против Сомосы. Большая часть заявления (начинавшегося с буквы «я») была посвящена описанию героического революционного пути самого Пасторы. Затем туманно говорилось о неких «политических и даже моральных отклонениях» от истинных целей революции, которые якобы допустили члены Национального руководства СФНО¹³⁴.

Одновременно Пастора, к неудовольствию крууса, отметил в декларации свое восхищение кубинской революцией и самопожертвованием Че Гевары (которого убили его нынешние работодатели из ЦРУ) и театрално выразил готовность «бороться в траншеях» против любой внешней агрессии против Никарагуа. Смысл декларации, как его видело ЦРУ, был в иной фразе — Пастора потребовал, чтобы «интернационалисты» (то есть кубинцы) оставили Никарагуа в покое и покинули страну¹³⁵. И это при том, что до четверти бойцов Южного фронта СФНО, которым в 1978–1979 годы командовал Пастора, были этими самыми интернационалистами и понесли в боях против национальной гвардии Сомосы тяжелейшие потери. Далее Пастора, точно по сценарию американской разведки, критиковал сандинистов за нарушении свободы прессы, преследование бедных и невинных индейцев-мискито и незаконные аресты как реакционеров, так и марксистов.

Заявление Пасторы было рассчитано на его соратников внутри Никарагуа, занимавших посты в армии и милиции. Он выражал надежду, что «...вооруженный народ прогонит от власти тех, на кого осуждающий и обвиняющий палец Сандино указывает как на предателей и убийц»¹³⁶. Бывший «команданте ноль» надеялся на свою популярность, уповая на то, что сотни и тысячи его фанатов в Никарагуа надавят на Национальное руководство СФНО, которое ввиду этого изменит политику — и, прежде всего, включит в состав Национального руководства самого Пастору. Он открыто говорил журналистам, что в Никарагуа есть примерно 300 человек в силовых структурах, на которых он рассчитывает.

Лично знавшая Пастору и беседовавшая с ним американская журналистка Ширли Кристиан отметила: «Было сложно сказать, был ли Пастора более расстроен тоталитарным дрейфом режима или своим собственным отлучением от власти»¹³⁷.

В этом смысле эффект от декларации оказался прямо противоположным ожидаемому. В Никарагуа выступление Пасторы, несмотря на всю его революционность, вызвало неподдельное возмущение, и в народе бывшего коман-

¹³⁴ Затем Пастора обвинил своих недавних соратников в «буржуазном стиле» жизни, хотя сам очень любил модную одежду и золотые часы.

¹³⁵ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.394.

¹³⁶ *Ibid.*

¹³⁷ *Ibid.* P.320.

данте стали именовать просто — «предатель». Не надо было даже добавлять имени — все сразу понимали, о ком идет речь.

Вместе с Артуро Крусом и Альфонсо Робело Пастора образовал Революционный демократический альянс (испанская аббревиатура АРДЕ), к которому примкнула часть «умеренных» «контрас»-мискито во главе с Бруклином Риверой. Тот сильно разругался с лидером МИСУРАСАТА Фаготом, который, по словам Риверы, стал обнаруживать черты психически неуравновешенного маньяка. Ривера имел в виду массовые убийства, пытки и изнасилования, которые осуществляли бойцы Фагота с полного одобрения последнего¹³⁸. Командующий военными силами «контрас»-мискито говорил в 1984 году: «Я люблю убивать. Я убивал на протяжении последних семи лет. Нет ничего, что нравилось бы мне больше. Думаю, что я мог бы убить несколько человек за один день»¹³⁹.

Американцы хвастливо заявляли в кулуарах, что давно присматривались к Пасторе, и теперь это «наш парень». Шеф латиноамериканских операций ЦРУ Кларридж сулил Пасторе, что американцы помогут ему стать «звездой второй никарагуанской революции».

Таким образом, ЦРУ создало «второй фронт» в Коста-Рике, но у Пасторы не хватало главного — оружия и сотен идейно преданных бойцов, как это было в 1978–1979 годах. Американцы начали исподволь подталкивать АРДЕ и его лидера к установлению контактов с «контрас» в Гондурасе. Но Пастора поначалу ничего не хотел об этом слышать, понимая, что сотрудничество с такими одиозными фигурами, как Лау или Бермудес, будет означать для него политическое самоубийство, и тогда он полностью оправдает свой былой боевой псевдоним — «команданте ноль».

После пресс-конференции Пасторы к нему из Гондураса с ведома ЦРУ прилетели представители ФДН — Хосе Франсиско Карденаль и Мариано Мендоса. Переговоры о тактическом союзе шли непросто, поскольку Пастора, в целом справедливо, обвинял Карденалья в том, что он стал марионеткой в руках аргентинской хунты и бывших национальных гвардейцев. Карденаль (тоже не без оснований) считал Пастору тщеславным эгоистом, выдающим себя исключительно в роли президента Никарагуа. Пастора наивно полагал, что финансировать вооруженную борьбу против сандинистов можно за счет социал-демократических правительств Западной Европы, которых всего лишь следует «освободить» от неправильных взглядов в отношении Никарагуа и СФНО.

В июле 1982 года СНБ США предложил Рейгану выделить Пасторе отдельные от ФДН средства на создание реального фронта борьбы против сандинистов с территории Коста-Рики. Однако в администрации Рейгана Пасторе не доверяли (все-таки бывший сандинист) и решили, что он должен получать деньги из общего фонда поддержки «контрас», то есть через Гондурас.

¹³⁸ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 120.

¹³⁹ Ibid.

Теракты диверсионных групп ЦРУ, саботаж внутренней оппозиции и повышавшийся с каждым днем пропагандистский градус американской риторики против Никарагуа вынудили сандинистов сделать давно назревший внешнеполитический выбор.

В мае 1982 года самая представительная до того времени никарагуанская делегация отправилась в Москву. Делегацию возглавлял координатор Хунты национального возрождения Даниэль Ортега, так что это была первая советско-никарагуанская встреча на высшем уровне. Ортегу сопровождали еще два члена национального руководства СФНО — Нуньес и Руис, а также министр иностранных дел д'Эското.

Никарагуанская делегация пробыла в СССР с 4-го по 9 мая 1982 года. Ее приняли подчеркнуто тепло и на самом высоком уровне — в официальных переговорах участвовали Брежнев, Тихонов, министр иностранных дел А. А. Громыко и заместитель Брежнева по партии К. У. Черненко. Никарагуа была обещана экономическая и военная помощь. В официальном коммюнике говорилось: «При обмене мнениями по вопросу о положении в Центральной Америке с советской стороны была выражена полная поддержка миролюбивых предложений правительства Никарагуа, направленных на нормализацию обстановки в этом регионе. В Вашингтоне, подчеркнул Л. И. Брежнев, еще живут имперскими категориями американского колониализма. Никарагуа, ставшая объектом провокаций и нападок со стороны Соединенных Штатов, на собственном опыте знает, что это несет народам Латинской Америки... Обе стороны решительно осудили угрозы США в адрес Никарагуа, Кубы и других латиноамериканских государств, вмешательство США в дела Сальвадора, заявили о своей солидарности с патриотическими и демократическими силами Латинской Америки»¹⁴⁰.

Парадоксально, но в коммюнике выражалась и поддержка Аргентине в связи с конфликтом вокруг Фолклендских островов. А тем временем вашингтонские «друзья» и сообщники аргентинцев по обучению диверсантов и бандитов в Гондурасе активно помогали Великобритании топить аргентинские корабли и убивать аргентинских солдат и офицеров. 29 мая 1982 года Организация американских государств (ОАГ) осудила военные действия Великобритании против Аргентины и потребовала от США прекратить помощь Лондону во «имя межамериканской солидарности». Данную резолюцию поддержала и Никарагуа.

Неприятным для США был и тот факт, что и Москва, и Манагуа одобрили инициативы Мексики по ослаблению напряженности в Центральной Америке.

Никарагуанцы были полностью удовлетворены итогами визита в Москву. Было понятно, что СССР не бросит Никарагуа на произвол судьбы в случае американской агрессии. Выступая в Кремле, Даниэль Ортега не жалел слов благодарности: «Дух братского взаимопонимания, в котором прошли перегово-

¹⁴⁰ Идейное наследие Сандино. М., 1982. С. 320–322.

воры, простота и искренность советских руководителей и вновь проявленная ими решительная солидарность с Никарагуа служат гарантией развития отношений сотрудничества между нашими странами. Мы знаем, что наши переговоры и достигнутые соглашения о сотрудничестве воспринимаются с подозрением теми эгоистически настроенными кругами, которые не в состоянии понять стремление трудящихся к солидарности в их борьбе в защиту своей свободы, за достижение прогресса и счастья»¹⁴¹.

Под «эгоистическими кругами» Ортега имел в виду никарагуанскую буржуазию, которая — естественно, по указке из Вашингтона — подвергла визит в СССР очередным нападкам в духе «подчинения Никарагуа геополитическим интересам Москвы».

Между тем никаких геополитических интересов у Москвы в Центральной Америке не было. Имея отличные отношения с Кубой, СССР не был заинтересован ни в каких военных базах в Никарагуа: ведь Никарагуа отстоит от территории США дальше, чем Куба. К тому же в век «взаимного гарантированного ядерного уничтожения» межконтинентальными баллистическими ракетами все эти военные базы вблизи границ обеих сверхдержав были только тратой ресурсов. Солидарность СССР с Никарагуа была бескорыстной и стоила советским налогоплательщикам немалых средств.

С лета 1982 года отряды «контрас» начали активно проникать в северные горные районы Никарагуа. Разработанная ЦРУ тактика заключалась в быстрых нападениях на плохо охраняемые объекты типа банков, кооперативов, промышленных объектов, плантаций государственных хозяйств. После нападения отряды уходили в Гондурас. «Контрас» не полагались на агитацию — их задачей было запугать население с помощью беспощадного террора. Опять же, именно этого — мстить и еще раз мстить — хотели бывшие национальные гвардейцы, а ведь командовали всеми крупными отрядами ФДН только они. Особенно зверски расправлялись с учителями — как профессиональными педагогами, так и добровольцами армии грамотности.

Боев с крупными армейскими подразделениями и силами милиции «контрас» поначалу избегали. Достичь этого помогало специальное оборудование радиоэлектронной борьбы, поставленное ЦРУ. Американские операторы прослушивали все радиопереговоры частей США и милиции и оперативно информировали «контрас» обо всех передвижениях сандинистов. Никарагуа прослушивали также с кораблей ВМС США, фотографировали со спутников и самолетов-шпионов У-2. Новейшее по тому времени спутниковое телефонное оборудование соединяло резидентуру ЦРУ в Тегусигальпе (столица Гондураса) со штаб-квартирой в Лэнгли.

Террор «контрас» не обходил стороной и иностранцев, которые работали в Никарагуа, помогая бороться с неграмотностью и болезнями. Причем бор-

¹⁴¹ Идеиное наследие Сандино. М., 1982. С. 325–326.

цы с «безбожниками-сандинистами» не щадили и активистов религиозных организаций.

Американский миссионер, священник Джеймс Фельтц так описывал нападение отряда ФДН на деревню Бокана-де-Пайвас (департамент Матагальпа) 3 марта 1982 года, очевидцем которого он был: «Мы проводили заседание Комитета католического действия, когда вошли семеро вооруженных людей, направили на нас автоматы и запугали всех собравшихся христиан. Они сказали нам, что если мы как-то связаны с революционным процессом, то нам не поздоровится. После издевательств, запугиваний и угроз они похвалились, что только что убили местного судью¹⁴². У одного из них на рубашке было большое кровавое пятно. Убитого судью звали Эмилиано Перес Обандо. Он был делегатом «Слова господнего» (одно из распространенных в США религиозных течений — прим. автора). Они сказали, что оставили его подыхать недалеко отсюда, но любого, кто попытается ему помочь, немедленно приговорят к смерти... (мы) нашли Эмилиано раненым и умирающим. Его тело было все еще теплым, но он уже был близок к смерти. Мы надеялись, что если сможем доставить его к врачу, то, возможно, спасем его жизнь. Мы одолжили машину и помчались прочь... По дороге к Рио-Бланко Эмилиано умер у меня на руках. У него было десять детей, и жена ждала еще одного. Мне было очень тяжело говорить вдове о том, что ее мужественный муж уже мертв... Его смерть была тяжелым ударом для всего прихода, города и окрестных деревень... Многие восхищались им. Это была моя первая встреча с «контрас» и с их жестокостью. Я убедился, что «контрас» потеряли все остатки человечности. Я видел, как они хвалились тем, что убили этого человека, и как им нравилось терроризировать людей. Я видел, какое удовольствие доставило им убийство Эмилиано»¹⁴³.

Помимо расправ с активистами массовых организаций, представителями власти и просто «подозрительными» лицами «контрас» уводили сотни людей в Гондурас, причем по дороге использовали мужчин и женщин в качестве грузчиков. В лагерях у похищенных был один выбор — присоединиться к ФДН или умереть, так как «контрас» не хотели отпускать обратно тех, кто знал местонахождение их баз. Пленных допрашивали — «допрос» обычно заключался в том, что несчастных привязывали к дереву и пытали до смерти, например, постепенно срезая кожу с лица.

В конце 1982 года перед «контрас» была поставлена первая серьезная боевая задача политического масштаба. Отдельным отрядам ФДН предстояло объединиться и захватить никарагуанский город Халапа, который с трех сторон был окружен территорией Гондураса. В операции приняли участие примерно 1000 «контрас» и впервые были использованы американские минометы.

¹⁴² «Местный судья» в Никарагуа был чем-то вроде главы местного самоуправления и шефа полиции в одном лице.

¹⁴³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.123–124.

После «освобождения» Халапы бандиты должны были провозгласить там временное правительство и обратиться за военной помощью к Гондурасу, США и Аргентине. Из-за постоянных вылазок «борцов за свободу» против окрестных деревень с лета 1982 года в Халапе скопились сотни беженцев. Общее количество населения в городке выросло в два раза по сравнению с нормальным уровнем (9000 жителей). Только в ноябре — декабре 1982 года «контрас» увели в Гондурас из окрестностей Халапы примерно 400 мужчин, женщин и детей.

«Контрас» надеялись на быстрый успех, так как Халапа была связана с остальной территорией страны единственной горной дорогой, которую можно было легко перерезать. Ближайший гарнизон СНА был в Окотале — в 80 километрах от Халапы.

Однако несмотря на ожесточенный обстрел и то обстоятельство, что Халапу обороняли не регулярные части СНА, а пограничники и милиция, «контрас» не смогли взять город, и операция ЦРУ («План С») провалилась. Примечательно, что руководил нападением командир ФДН с характерным псевдонимом Мертвец.

В конце 1982 года о «контрас» стали писать и американские СМИ, причем репортажи были не слишком лестными. Описывались зверства «борцов за свободу», но главное — все журналисты были убеждены, что «контрас» представляют собой не что иное, как бывших национальных гвардейцев Сомосы, которые просто мстят населению собственной страны. Такого рода «пиар» был для ЦРУ крайне опасен, потому что ставил под сомнение выделение дальнейших средств на «проект» американскими законодателями.

Поэтому в декабре 1982 года ЦРУ решило провести срочную операцию по приданию ФДН respectable «гражданского лица». Бермудес, Лау и их подручные из национальной гвардии по-прежнему должны были заниматься тем, чем занимались, а «связи с общественностью» должно было представлять новое «цивильное» и незапятнанное руководство ФДН. Причем желательно было, чтобы новые «лидеры» хорошо говорили по-английски, чтобы осуществлять лоббистскую работу в американских СМИ и конгрессе.

ЦРУ следовало торопиться, так как в августе 1982 года комитеты обеих палат конгресса по разведке уже попытались ограничить выделение средств «контрас». Секретное дополнение к закону о выделении средств на разведывательные операции на 1983 год гласило, что запрещается любая государственная помощь США «для целей свержения правительства Никарагуа и провоцирования военного конфликта между Никарагуа и Гондурасом»¹⁴⁴.

Однако администрация Рейгана предъявила конгрессменам и сенаторам новое обоснование для поддержки «контрас» (сальвадорский вариант уже мало кого убеждал). Теперь «контрас» своими партизанскими действиями, оказывается, должны были «побудить» правительство Никарагуа сесть за стол перегово-

¹⁴⁴ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 130.

воров с США и своими центральноамериканскими соседями. При этом именно администрация Рейгана упорно игнорировала все предложения и Никарагуа, и Мексики о переговорах с целью ослабления напряженности в Центральной Америке (возникшей, опять же, только благодаря действиям самих США).

В ноябре 1982 года ЦРУ сняло номер в отеле «Фор Амбассадор» в Майами и приступило к поиску новых лидеров «освободительного движения». Главой группы был сотрудник ЦРУ Тони Фельдман. Одним из новых лиц ФДН стал представитель видного консервативного клана Эдгар Чаморро, который сбежал из Никарагуа после революции и работал брокером в американской фирме «Каргилл». Он быстро согласился, когда к нему «от имени президента США» обратился офицер ЦРУ «Стив Дэвис». «Дэвис» прямо обрисовал задачу: Чаморро должен был возглавить отдел по связям с общественностью ФДН и убедить американских конгрессменов, что «контрас» — действительно борцы за свободу, а не сборище бывших гвардейцев и сторонников Сомосы.

«Дэвис», видимо, и не подозревал, какую ошибку совершает.

Чаморро вместе с другими никарагуанскими эмигрантами написал манифест ФДН, но он был жестко отвергнут сотрудником ЦРУ Джозефом Фернандесом (псевдоним Томас Кастильо)¹⁴⁵, который готовил пресс-конференцию нового руководства ФДН. «Дерьмо, кто это писал? Это звучит так, как если бы вы просто хотели заполучить обратно все, что потеряли. Вы должны написать что-нибудь более прогрессивное, более политическое»¹⁴⁶.

Вместо никарагуанцев (которые упирали на священное право частной собственности и антикоммунизм) манифест написал заместитель резидента (позднее резидент) ЦРУ в Гондурасе Джон Маллет («Джордж», или «Хорхе», как он был известен «контрас»)¹⁴⁷.

Буквально за несколько дней до намеченной в Майами пресс-конференции ЦРУ познакомило друг с другом членов нового «гражданского руководства» ФДН. В состав «директората» вошли Бермудес, вице-президент при Сомосе Альфонсо Кальехас, дядя лидера никарагуанской легальной оппозиции Альфонсо Робело, бывший лидер КОСЕП Маркос Селедон (был менеджером американской компании «Квакер Оутс» в Никарагуа), Индалесио Родригес (бывший ректор основанного Сомосой католического Центральноамериканского

¹⁴⁵ После прихода в ЦРУ в 1969 году Фернандес работал под дипломатическим прикрытием в Перу и Уругвае.

¹⁴⁶ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 104.*

¹⁴⁷ Малетт вырос в Центральной Америке. Будучи сыном одного из менеджеров «Юнайтед Фрут», по-испански он говорил без акцента. После окончания университета поступил в армейскую разведку и был прикомандирован к Южному командованию вооруженных сил США в Панаме. Потом перешел в ЦРУ и работал в посольстве США в Чили при Пиночете. С мая 1980 года действовал под дипломатическим прикрытием в Манагуа, финансируя антиправительственную оппозицию. Служба безопасности сандинистов раскрыла его ведомственную принадлежность, и Малетту пришлось тихо покинуть Никарагуа.

университета), Лусия Карденаль (вдова главы неудавшегося заговора и тоже родственница Робело; ЦРУ настаивало, чтобы в руководстве ФДН была хотя бы одна женщина, — это придавало бы «контрас» «гуманное лицо»), а также Чаморро.

Одного из членов директората не называли, потому что он все еще был в Никарагуа. Но многие догадывались, что речь идет о Адольфо Калеро, который был директором завода, разливавшим кока-колу в Никарагуа. Калеро был известным активистом консервативной партии и многолетним агентом ЦРУ. Именно через него деньги из американского посольства в Манагуа передавались КОСЕП антиправительственным партиям и профсоюзам. Калеро прекрасно говорил по-английски, причем даже с акцентом, распространенным в южных штатах США. В январе 1983 года Калеро уехал из Никарагуа и вскоре стал «президентом национального руководства и верховным главнокомандующим вооруженными силами ФДН». Бермудес воспринял это без всякого энтузиазма, но ЦРУ заверило его, что должность у Калеро чисто номинальная.

Пресс-конференцию только что познакомившегося друг с другом «нового руководства» ФДН в последний момент решили перенести из Майами в Форт Лодердейл, так как ЦРУ опасалось недружественных демонстраций и пикетов.

Перед пресс-конференцией агенты ЦРУ отработали с «лидерами» ФДН возможные каверзные вопросы журналистов. Прежде всего, необходимо было отрицать любую связь ФДН с правительством США.

На пресс-конференции 9 декабря 1982 года Бермудес прямо сказал, что «контрас» созданы не с целью пресечения поставок оружия в Сальвадор: «Мы — никарагуанцы, и нашей целью является свержение коммунистов и создание в нашей стране демократического правительства»¹⁴⁸. Таким образом, Бермудес решил заниматься именно тем, что в августе 1982 года запретил конгресс США.

Однако с точки зрения ЦРУ пресс-конференция прошла «нормально», хотя ее смысл был сразу же точно раскрыт всеми уважающими себя американскими СМИ.

Например, журнал «Тайм» 20 декабря 1982 года в статье с характерным названием «Эмигрантский джаз-бэнд „контрас“ играет новую мелодию» писал: «Реальная цель этого собрания: освежить имидж ФДН в глазах общественности с тем, чтобы расширить свою базу поддержки в США и Центральной Америке. И в самом деле, коалиция („контрас“) страдает от проблем с пиаром: многие из „контрас“ (контрреволюционеров) служили в непопулярной национальной гвардии при Сомосе, который был свергнут сандинистами в 1979 году. Степень связи США с ФДН остается неясной, но известно, что ЦРУ вооружает и обучает „контрас“ с тем, чтобы они могли осуществлять рейды в Никарагуа со своих баз в соседнем Гондурасе».

В отличие от ЦРУ, «Тайм» не считал пресс-конференцию успешной: «Пиаровский дебют ФДН на прошлой неделе не прошел гладко. „Контрас“ объа-

¹⁴⁸ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 130.

вили о новой руководящей команде, пытаясь привлечь других антисандинистов под расширенный зонтик ФДН. Но вопросов возникло больше, чем было получено ответов. Шесть новых лидеров подчеркивали свою оппозицию как Сомосе, так и сандинистам. Однако их биографические данные подозрительно скудны. Группа представляла собой странную смесь: от уважаемой Лусии Карденаль Салазар, вдовы убитого сандинистами оппонента Сомосы до Энрике Бермудеса, полковника национальной гвардии и военного атташе Сомосы в Вашингтоне с 1976-го по 1979 год. Никарагуанские эмигранты сильно подорвали доверие к себе, уверяя, что они ничего не знают о рейдах ФДН из Гондураса. После скомканной презентации Карденаль признала: «На репетиции мы были лучше»¹⁴⁹.

Заместителем Калеро и «серым кардиналом» «контрас» был богатый бизнесмен Аристидес Санчес, которого американцы считали самым толковым и полезным членом нового руководства ФДН. Отец Санчеса был при Сомосе министром сельского хозяйства, министром общественных работ, депутатом конгресса от правящей тогда либеральной партии и послом в Мексике. Благодаря связям с диктатором Санчес-старший стал одним из крупнейших землевладельцев Леона. Аристидес ни в чем не нуждался — папа отправил его на учебу в Италию (до этого в Манагуа Санчеса обучали иезуиты). Санчес женился на представительнице одного из самых богатых кланов Никарагуа Сесилии Родригес, семья которой занималась производством спиртных напитков и судоходством и владела плантациями экспортных культур.

Аристидес Санчес вовремя почувствовал приближение революции и успел распродать часть собственности и перевести деньги за границу. Он также смог угнать в Гондурас 20 тысяч голов «фамильного» скота. Санчес безбедно жил в Майами, но сразу же примкнул к Бермудесу, чтобы отомстить тем, кто лишил его сладкой жизни на родине.

Малетт, который курировал «контрас» в Гондурасе, предпочитал иметь дело именно с Санчесом.

В том, что касается пресс-конференции нового руководства ФДН, прав оказался «Тайм», а не ЦРУ, — новое «лицо» ФДН никого не смогло убедить в конгрессе США. В тот же день, когда «лидеры» ФДН зачитывали написанный ЦРУ манифест, член палаты представителей демократ Том Харкин предложил полностью запретить любую помощь США любым организациям, замешанным в военных действиях против Никарагуа¹⁵⁰.

До этого, правда, дело не дошло, поскольку какая бы то ни было симпатия к сандинистам означала в то время для американского конгрессмена политическое самоубийство. Однако председатель комитета по разведке палаты представителей Эдвард Боланд (демократ от Массачусетса) все же не мог не учи-

¹⁴⁹ *Contras'Band*. См.: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,923175,00.html>.

¹⁵⁰ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 130.

тывать настроения народных избранников и предложил принять поправку следующего содержания к закону об ассигнованиях на разведку на 1983 год: «Никакие средства, ассигнованные по настоящему закону, не могут использоваться Центральным разведывательным управлением или министерством обороны для предоставления военного снаряжения, организации военной подготовки или оказания консультаций, равно как и для поддержки иной военной деятельности любой группы или физического лица, не являющегося военнослужащим, для целей свержения правительства Никарагуа или провоцирования военного конфликта между Никарагуа и Гондурасом»¹⁵¹.

Поправка Боланда была одобрена 21 декабря 1982 года и оставалась в силе до 8 декабря 1983-го.

ЦРУ все это было не очень приятно, но американская разведка понимала, что дотошно разбираться в делах «контрас» члены конгресса не будут. Поправка Боланда была рассчитана на общественное мнение, и конгрессмены «сохранили демократическое лицо». С формально юридической точки зрения поправка оставляла лазейки. Например, министерство обороны США вообще считало, что конгресс запретил свергать правительство Никарагуа только государственным структурам США, а не гражданам и организациям других стран. А ЦРУ и Пентагон ведь могут и не знать истинных целей организаций, которым они помогают.

В любом случае никакого влияния на сотрудничество ЦРУ с ФДН поправка Боланда не оказала. Просто кураторы из ЦРУ строго приказали своим подопечным ничего не говорить прессе о планах свержения правительства Никарагуа.

Новое руководство ФДН расположилось в снятом ЦРУ фешенебельном отеле «Дэвид Уильямс Хотел» в Коралл Кэйблс (Флорида). Американская разведка сначала не стеснялась в расходах, передавая Бермудесу и его «коллегам» наличные деньги в атташе-кейсах. Правда, сотрудники ЦРУ требовали документального подтверждения всех расходов для бухгалтерии Лэнгли.

Каждый из членов нового руководства ФДН получал хорошую зарплату, зависевшую от количества членов семьи. Чаморро, например, платили по 2 тысячи долларов в месяц. Но та же сумма не устроила Калеро, который жаловался, что после эмиграции из Никарагуа сандинисты отобрали у него дом. «Лидер борцов за свободу», как настоящий бизнесмен, также настаивал на предоставлении ему пожизненной страховки.

Бермудес получал 2750 долларов в месяц, которые переводились на его банковский счет в Майами¹⁵². Это было, конечно, больше чем 5,25 доллара в час — столько платили Бермудесу, когда он после свержения Сомосы одно время развозил в Америке журналы. Кроме того, Бермудес распоряжался огромными

¹⁵¹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 131.

¹⁵² Dillon S. *Comandos*. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 109.

суммами в наличных, которыми обеспечивали лагерь «контрас» в Гондурасе и платили командирам и бойцам отдельных отрядов. Рядовой боец в лагере получал 23 доллара, командиру крупных отрядов платили 300–400 долларов в месяц. Офицеры штаба Бермудеса (куда он пристроил многих своих друзей — один даже стал главкомом несуществующих ВМС ФДН) получали от 1000 до 2000 долларов в месяц, командующие отдельными боевыми зонами в Никарагуа (task forces) — 800 долларов.

Неугодных офицеров и просто тех, кто ему не нравился, Бермудес лично вычеркивал из зарплатных ведомостей.

С Бермудесом соперничал Калеро, назначивший своего родственника Монтеалегро казначеем всех тыловых служб ФДН. Таким образом, если Бермудес обкрадывал свою «армию» в Гондурасе и в Никарагуа, то Калеро присваивал деньги тех, кто работал на ФДН в столице Гондураса и в США. Монтеалегро старался обменять доллары на гондурасские лемпиры по выгодному курсу черного рынка, чтобы затем платить лемпирами бойцам «контрас» в пограничных гондурасских лагерях.

До поры до времени ЦРУ терпело растраты, так как лучших вождей «демократического движения» у американской разведки все равно не было.

ЦРУ также разрешило членам руководства ФДН не декларировать свои доходы с целью налогообложения, что было нарушением законодательства США.

Поступали сведения, что Бермудес активно участвовал в торговле наркотиками. ЦРУ официально прокомментировало это следующим образом: «Шифровка (из резидентуры ЦРУ в Гондурасе — прим. автора) в сентябре 1981 года проинформировала штаб-квартиру (ЦРУ), что, по некоторым данным, Бермудес не советовал руководству АДРЕН¹⁵³ заниматься наркоторговлей в Соединенных Штатах, но что якобы было принято решение заниматься такой деятельностью, чтобы финансировать антисандинистские операции АДРЕН. По некоторым данным, первая попытка была предпринята в июле 1981 года, когда член АДРЕН привез кокаин в Майами на борту обычного пассажирского самолета. Хотя Бермудес был командующим военными силами АДРЕН и членом руководства АДРЕН, нет данных о том, что он напрямую был вовлечен в такую деятельность»¹⁵⁴.

В то время ЦРУ прикрыло Бермудеса, сообщив ФБР и американской таможне, что все сведения о вовлеченности «контрас» в торговлю наркотиками на территории США не имеют под собой оснований.

Чаморро на деньги ЦРУ должен был спонсировать американских и гондурасских журналистов, чтобы те «хорошо» писали о ФДН.

После провала планов захвата Халапы ЦРУ переключило внимание на мискито, которым приказано было устроить сандинистам очередное «Красное

¹⁵³ Организация — предшественник ФДН.

¹⁵⁴ Calero A. Northern Front Contras: The Contra Story. См.: <https://www.cia.gov/library/reports/general-reports-1/cocaine/contra-story/north.html>.

рождество». Мискито, в отличие от ФДН, по-прежнему получали от американцев устаревшее оружие, так как их боевые качества и общая отсталость с точки зрения разведки не позволяли поручать им серьезные задачи. Но в конце 1982 года делать было нечего — после провальной битвы за Халапу Бермудес прямо сказал своим кураторам из ЦРУ, что «вооруженные силы» ФДН пока неспособны на проведение более или менее крупных операций и должны отдохнуть в Гондурасе.

Пять колонн мискито по 125 бойцов в каждой должны были 30 декабря 1982 года одновременно пересечь гондурасскую границу и захватить важнейший никарагуанский порт на Атлантике Пуэрто-Кабесас. Так как в городе был построенный еще американцами достаточно современный военный аэродром, то в случае успеха операции самолеты ВВС США и Гондураса затем должны были доставить по воздуху дополнительные контингенты «контрас» и все необходимые для длительной войны боеприпасы и вооружение.

Однако дела у мискито пошли еще хуже, чем у их собратьев из ФДН, — основная колонна наступавших была перехвачена и быстро рассеяна частями США¹⁵⁵.

Таким образом, боевые планы ЦРУ, согласно которым «контрас» должны были закрепиться крупными силами где-нибудь в Никарагуа, потерпели к началу 1983 года полный провал.

Бандитам ничего не оставалось, как по-прежнему сеять террор среди мирного населения. Характерный для поведения «контрас» случай был описан чудом выжившей после встречи с «борцами за свободу» девочкой. Ее рассказ на встрече с американскими епископами передавали так: «Одиннадцатилетняя девочка Кристина Борхе Диас гостила у своего дяди. Дядя был в „черных списках“ „контрас“, и они пришли, чтобы убить его. Когда они увидели маленькую девочку, то решили развлечься и стали использовать ее в качестве мишени для стрельбы. Первый выстрелил в нее с несущейся галопом лошади. Он промахнулся. „Убей ее“, — сказал он своему спутнику. И тот выстрелил ей в спину. Пуля вышла у нее из груди. Следующая пуля содрала девочке кожу с головы, еще одна попала в правую руку, а другая — в левое бедро. Потом они ушли. Маленькая девочка лежала там до тех пор, пока с полей не вернулся один из рабочих, обнаружив ее скорее мертвой, чем живой». Девочка чудом выжила после того как в Манагуа ей оказали медицинскую помощь¹⁵⁶.

Досаждали «контрас» и гондурасскому населению. Один из взятых в плен бандитов рассказывал советскому журналисту: «Видели бы, сеньор, как они ведут себя, вырвавшись за ворота лагеря! Местные жители в такие дни запираются в домах. Да-да, сеньор, улицы пустеют, будто поселок занят вражеской армией. Сомосовцы напиваются, устраивают стрельбу, поножовщину... Не дай бог попасться им на глаза. Больше всего достается женщинам. Офицантки, несмотря на безработицу, уволились и бежали из... окрестных селе-

¹⁵⁵ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 132.

¹⁵⁶ Ibid.

ний. Сомосовцы устраивают даже набеги на деревни, похищают крестьянских девушек...»¹⁵⁷ Дезертиров и просто колеблющихся контрразведка Лау превращала в «шахтеров». Так на сленге «контрас» назывался расстрел с последующим закапыванием трупа в землю.

Основным противником «контрас» в 1982-м — начале 1983 года была народная милиция. Части СНА располагались в гарнизонах и не вели маневренную войну. Им было сложно оперативно выходить на перехват бандитов, так как те быстро отходили в Гондурас. К тому же задачей армии была охрана крупных населенных пунктов и важнейших объектов экономики и инфраструктуры.

Сандинисты не располагали авиацией для нанесения ударов по «контрас» с воздуха. Сказывалось и отсутствие четких, наработанных годами командных структур. До конца 1982 года не было и эффективных средств связи между выходившими в горы частями. Только позднее появилось соответствующее советское оборудование. Многие части милиции и вооружением, и боевой подготовкой уступали «контрас», но боевым духом значительно их превосходили.

4 ноября 1982 года Никарагуа объявила пять северных департаментов особой военной зоной. В этих районах стычки с «контрас» проходили фактически каждый день.

Американцы напрасно ждали, что сандинисты будут преследовать «контрас» в Гондурасе. Но на всякий случай в этой стране практически непрерывно шли совместные американско-гондурасские военные учения. Они были прекрасным предлогом для нахождения в Гондурасе военнослужащих США.

В феврале 1983 года в Гондурасе прошли первые маневры из серии «Биг пайн». 4000 гондурасских и 1600 американских солдат и офицеров отрабатывали совместные операции прямо на границе с Никарагуа, в регионе, граничившим с Москитией. Именно в это время сандинисты отогнали через границу «контрас»-мискито, пытавшихся захватить Пуэрто-Кабесас.

Между тем американские конгрессмены стали сильно сомневаться в том, что ЦРУ соблюдает поправку Боланда. В апреле 1983 года американская разведка официально проинформировала законодателей, что количество «контрас» достигло 5500 бойцов, то есть выросла за год в 10 раз. Любой непредвзятый человек понимал, что никакой иной задачи кроме свержения правительства Никарагуа у такой мощной армии быть просто не может. В обход конгресса ЦРУ выделило из своих секретных фондов дополнительно 11 миллионов долларов на «проект контрас»¹⁵⁸. Американские конгрессмены посетили Никарагуа и смогли лично увидеть, как относится к «контрас» большинство населения. Член палаты представителей демократ Беделл суммировал свои впечатления следующим образом: «Если бы американцы смогли поговорить с обычными никарагуанцами, чьих жен и детей без разбора похищают, мучают и убивают

¹⁵⁷ *Белят М. Ю.* Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 238.

¹⁵⁸ *Sklar H.* Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 135.

террористы, финансируемые американскими налогоплательщиками, то они выразили бы справедливое возмущение и потребовали, чтобы поддержка преступной деятельности немедленно прекратилась»¹⁵⁹.

В марте 1983 года «контрас» опять попытались захватить Халапу, назвав свою операцию «Жатва». Другие крупные силы ФДН проникли вглубь Никарагуа (департаменты Мадрис, Хинотега и Эстели), чтобы отвлечь на себя подразделения СНА. По замыслу ЦРУ, теперь крупные группировки «контрас» (по 500 человек) должны были постоянно находиться в Никарагуа, а боеприпасы им следовало сбрасывать с воздуха. Но к маю 1983 года это очередное масштабное наступление «контрас» было отбито.

27 апреля 1983 года в своем выступлении перед обеими палатами конгресса Рейган вновь обрушился с нападка на Никарагуа, пытаясь представить эту маленькую страну смертельную угрозой для США: «Сальвадор ближе к Техасу, чем Техас — к Майами. Никарагуа расположена на таком же расстоянии от Майами, Сан-Антонио, Сан-Диего и Тусона, как и эти города — от Вашингтона, где мы сегодня собрались...»¹⁶⁰

Но истинным смыслом выступления было убедить конгрессменов прекратить задавать ЦРУ лишние вопросы и начать еще активнее спонсировать «контрас». Президент США сам фактически публично признал, что «контрас» борются против правительства Никарагуа и США им в этом деятельно помогают: «Мы не должны и мы не будем защищать правительство Никарагуа от гнева собственного народа... Диктаторская хунта Никарагуа... любит притворяться, что ее атакуют силы, базирующиеся в Гондурасе. Но на самом деле никарагуанское правительство угрожает Гондурасу, а не наоборот»¹⁶¹.

Начиная с мая 1983 года Рейган стал публично называть «контрас» «борцами за свободу».

Правительству Никарагуа, в 1982–1983 годах столкнувшемуся с самой настоящей войной, которую вела против страны крупная хорошо обученная и вооруженная армия, пришлось изменить тактику ведения боевых действий и постепенно поставить всю экономику страны на военные рельсы.

До 1982 года народная милиция проводила боевую подготовку для своих членов в свободное от работы время и достаточно нерегулярно. Многие милиционеры редко стреляли из боевого оружия и практически не отрабатывали тактику действий в подразделениях. В основном милиция участвовала в маршах, митингах и прочих политических мероприятиях. В ее ряды принимали всех желающих от 16 до 60 лет.

После введения в марте 1982 года чрезвычайного положения все изменилось. 70 тысяч милиционеров были мобилизованы для того, чтобы обучить

¹⁵⁹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 136.

¹⁶⁰ Ibid. P. 137.

¹⁶¹ Ibid. P. 138.

десятки тысяч новых бойцов, прежде всего в районах, подвергавшихся нападениям «контрас». Фактически вся милиция теперь состояла из двух частей. Сохранились былые отряды по месту жительства, но появились и ударные милицейские батальоны, в которых люди служили неделями и которые действовали в отрыве от своих населенных пунктов. Обычная милиция по-прежнему защищала свои населенные пункты и промышленные объекты от нападений, а милицейские батальоны сами переходили в наступление и преследовали отряды «контрас» вплоть до границы с Гондурасом. Если «контрас» было много, то на помощь подходили регулярные части СНА, отличавшиеся от милиции главным образом большей огневой мощью (артиллерия, РСЗО, минометы).

Весной 1983 года сил милиции в северных районах Никарагуа (где и шла в основном война) было в пять раз больше, чем солдат и офицеров регулярной армии¹⁶². Во многом такая «милиционная» стратегия объяснялась банальной нехваткой тяжелого и современного оружия в никарагуанских вооруженных силах. До 1983 года части милиции несли большие потери именно потому, что обладали недостаточными подготовкой и вооружением, хотя и очень высоким боевым духом. После того, как были сформированы части «постоянной милиции» (территориальные батальоны), боевая подготовка стала адекватной и потери сократились.

Обычная милиция в 1983 году должна была представлять собой первую линию обороны населенных пунктов. Ее членов учили не только стрелять, но и оказывать помощь раненым, бороться с пожарами, строить бомбоубежища (в стране готовились к возможной прямой агрессии США). Как только нападение отражалось, отступавших «контрас» преследовали территориальные батальоны милиции, на вооружении которых появились минометы и ручные гранатометы. Только организация Сандинистской молодежи имени 19 июля сформировала десять резервных батальонов¹⁶³. Командовали резервными батальонами милиции, как правило, офицеры регулярной армии.

В 1983 года сандинисты бросили клич «Оружие — народу!» и стали раздавать в охваченных войной северных департаментах винтовки и автоматы рабочим промышленных и сельскохозяйственных предприятий, членам кооперативов и обычным крестьянам. Министр обороны Умберто Ортега говорил: «Контрреволюция обнаружит всю страну „заминированной“ лучше организованной и лучше оснащенной милицией в различных местах театра военных действий»¹⁶⁴. К тому же, раздав простым людям десятки тысяч единиц огнестрельного оружия, сандинисты полностью опровергли лживые измышления Рейгана на тему борьбы «никарагуанского народа против собственного правительства».

Министр обороны Никарагуа Умберто Ортега говорил: «Наша регулярная армия — армия нового для Латинской Америки типа: она состоит из тру-

¹⁶² *Vanderlaan M. B. Revolution and Foreign Policy in Nicaragua. London, Westview Press, 1986. P. 273.*

¹⁶³ *Белят М. Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 199.*

¹⁶⁴ *Vanderlaan M. B. Revolution and Foreign Policy in Nicaragua. London, Westview Press, 1986. P. 274.*

дящихся, одетых в военную форму, и стоит на страже интересов трудящихся и всего народа. Вокруг нее, как вокруг ядра, формируются иррегулярные подразделения — народная милиция и резервные батальоны. Десятки тысяч крестьян, рабочих, студентов, служащих овладевают военным искусством под руководством младших командиров и офицеров США. Из числа народных милиционеров, прошедших основной курс подготовки, формируются резервные батальоны, которые сражаются плечом к плечу с регулярными частями на северных и южных границах.

Мы создали территориальную милицию. Что это такое? Ну, скажем, в кооперативе трудятся четыреста крестьян. Они получают оружие, их обучают военному делу, основам тактики и так далее. Вот вам готовый батальон народной милиции. Крестьяне продолжают работать в своем кооперативе, живут в своих селениях. Но в случае нападения они всегда смогут защитить себя, свои семьи и свое хозяйство. Практика показала, что сососовцам в таких хозяйствах дают жестокий отпор, и они стараются в них не лезть. Крестьянин, защищающий свою землю, рабочий, обороняющий свой завод или фабрику, — это несокрушимая сила»¹⁶⁵.

К 1985 году количество добровольцев, прошедших различные формы военной подготовки, достигло 250 тысяч. 35% из них были женщинами. В милиции появились специализированные подразделения — связистов, минометчиков, гранатометчиков, специалистов по минно-взрывному делу. «Контрас» действительно воевали с вооруженным народом, и поэтому никаких шансов на победу у них не было. Хотя интенсивность боевых действий постоянно росла: в 1981–1983 годах было зарегистрировано 400 нападений из Гондураса, 34 случая нарушения кораблями ВМС США никарагуанской морской границы. 24 раза в территориальные воды страны вторгались гондурасские корабли.

В 1981 году от рук вооруженной контрреволюции погибли 53 никарагуанца. 13 были ранены. Правительство оценило ущерб от атак «контрас» в 200 тысяч долларов¹⁶⁶. В 1982 году были убиты 114 человек, ранены — 52. Резко вырос нанесенный ущерб — до 23,5 миллиона долларов. В 1983 году погибли 1030 жителей Никарагуа, ранены 1323; материальный ущерб был для экономики страны просто невыносимым — 166 миллионов долларов.

Помимо милиции в населенных пунктах, в основном в крупных городах, появились невооруженные отряды гражданской обороны. Их бойцов учили руководить эвакуацией населения при авианалетах, строить и обслуживать бомбоубежища, запасать и распределять воду, продукты и медикаменты среди эвакуированных.

Война против «контрас» обходилась дорого, и сандинистам ничего не оставалось, как прибегнуть к крайней мере — введению воинской повинности.

¹⁶⁵ Белят М.Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С.262–263.

¹⁶⁶ Там же. С.225.

Только так можно было дешево нарастить численность регулярной армии. Оснастить армию помогали СССР и другие социалистические страны, продававшие оружие и боевую технику в кредит. В 1982–1983 годах Никарагуа получила танки Т-55, бронетранспортеры БТР-60, зенитные установки, 105-миллиметровые орудия, транспортные самолеты АН-26 и вертолеты МИ-8. Обсуждался вопрос поставки истребителей МИГ-21, и никарагуанские пилоты уже тренировались летать на них в Болгарии.

Советское оружие, помимо того, что отличалось высокими боевыми качествами, сыграло огромную положительную психологическую роль. До его прибытия многие крестьяне присоединялись к «контрас» под воздействием новейшего американского оружия, которое было у бандитов. На этом устрашающем фоне сандинисты первоначально выглядели «беднее», и крестьяне сомневались в том, что они победят. Теперь у никарагуанских войск было современное оружие, и это побудило многих «контрас» воспользоваться амнистией, провозглашенной правительством Никарагуа в декабре 1983 года, — теперь уже многие не верили, что «контрас» удастся справиться с такой сильной армией, какая появилась у сандинистов.

19 июля 1983 года (в четвертую годовщину революции) вышел закон об обязательной почетной воинской службе, который должен был вступить в силу с 1 сентября. Проамериканская буржуазная оппозиция подвергла закон ожесточенной критике — мол, сандинисты хотят заставить всех, даже своих политических противников, служить в «своей» «политизированной» армии. На самом деле закон о призыве применялся выборочно — целью правительства являлось не призвать всех молодых мужчин в армию (что было невозможно даже и по экономическим соображениям), а подготовить обученный резерв, главным образом на случай вооруженной агрессии со стороны США или их центральноамериканских союзников. Тем не менее богатые никарагуанцы активно саботировали призыв и вывозили своих отпрысков за границу, в том числе в США.

В 1983 году американцы, несмотря на возросшую активность «контрас», прекрасно понимали, что ФДН бесконечно далек не только от того, чтобы свергнуть правительство СФНО, но даже захватить какой-нибудь крупный город. Поэтому они решили надавить на Манагуа по дипломатическим каналам, чтобы заставить сандинистов пойти на уступки. 11 июня 1983 года в Никарагуа прибыл специальный посланник госсекретаря Ричард Стоун¹⁶⁷. Он прямо сказал министру иностранных дел д'Эското, что «контрас» будут доставлять сандинистам «головную боль» до тех пор, как правительство Никарагуа не пойдет на уступки США. «Вы же умный человек, отец. А умные люди стараются избегать трудностей. Вы признали, что „контрас“ доставляют вам головную боль.

¹⁶⁷ Kinzer St. U.S. Envoy meets sandinists and opposition in Managua. См.: <http://www.nytimes.com/1983/06/11/world/us-envoy-meets-sandinists-and-opposition-in-managua.html>.

И поэтому, видимо, Вы предпочли бы избавиться от этой головной боли. Поэтому делайте, как мы говорим, и увидите, как, словно по волшебству, проблема исчезнет»¹⁶⁸.

Еще до того как Стоун угрожал д'Эското в Манагуа, ЦРУ решило убить никарагуанского министра иностранных дел. Священник и одновременно стойкий сторонник революции, тонкий тактик и мастер ведения диспутов, д'Эското оказался для США крайне неудобной фигурой — его очень трудно было «продать» американскому общественному мнению как «кастроита» или «марксиста-ленинца советского типа». В 1982 года ЦРУ вышло на сотрудницу никарагуанского посольства в Тегусигальпе Марлен Монкаду (американцы знали ее как Мирейю и не подозревали, с кем имеют дело). Мирейя работал в посольстве с 1979 году. Перед ее отъездом в Манагуа гондурасские знакомые устроили ей встречу с потенциальным женихом — неким Луисом Родригесом. Жених, правда, больше говорил о политике, чем о предстоящем браке. Наконец, он представился агентом ЦРУ и предложил сотрудничество. Мирейя запросила Манагуа, и там дали добро на «вербовку».

Сначала агенты ЦРУ («Джонни» и «Мартита») хотели с помощью нового агента взорвать никарагуанское посольство в Тегусигальпе, затем установить в кабинете посла подслушивающую аппаратуру. Но от этих планов отказались — у американцев были на Мирейю более серьезные виды. 2 апреля 1983 года на явочной квартире в гондурасской столице агент ЦРУ «Джонсон» во имя «усиления демократической борьбы в Никарагуа и во имя конечной победы над коммунизмом» предложил «убрать» министра иностранных дел Никарагуа. Агенты ЦРУ знали, что д'Эското предпочитает бенедиктин, и предложили Мирейе подарить министру бутылку этого напитка. В ней будет яд замедленного действия, и симптомы не покажут отравление, когда д'Эското умрет через «пару недель». За такую работу по борьбе с «мировым коммунизмом» никарагуанке предложили 5 тысяч долларов. Помимо этого, сразу же после знакомства-вербовки «жених» пообещал девушке привезти ей дюжину модных платьев из США.

По возвращении Марлен Монкады в Манагуа ЦРУ передавало ей инструкции по радио. Сначала ее просили сообщить максимум подробностей о жизни министра: «Сеанс связи 2. Получила твое письмо № 4. Запомни, все твои усилия должны быть направлены на достижение хороших отношений с министром. Весьма важно, повторяю, весьма важно сообщить нам следующие детали: обычный путь из дома в министерство. Интимная жизнь. Повторяю интимная жизнь. Вкусы. Привычки склонности — любимые блюда, напитки. В какие часы работает дома. Постарайся найти предлог для поездки в Тегусигальпу на святой неделе. Привет. Линда Кристаль. Конец. Конец. Конец»¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 142.

¹⁶⁹ Белят М. Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 225.

В ночь на 1 июня 1983 года Мирейя получила зашифрованное радиосообщение от резидентуры ЦРУ в Тегусигальпе: «Сеанс связи 4. Получила твои письма № 7, № 8 и № 9. 4-го числа сего месяца в семь утра тебе следует, пройдя от ресторана „Арагон“ два квартала направо, отыскать желтый деревянный столб. Под ним, у старого ведра, будет лежать пакет с бутылкой вина... Храни ее, дожидаясь возможности. На столбе, на уровне пояса, после изъятия поставь мелом черточку. Не отчаивайся. Это всё. Привет. Линда Кристаль. Конец. Конец. Конец».

В Манагуа «агент» Мирейя встречалась с сотрудниками ЦРУ Эрмилой Родригес, Дэвидом Грейгом, Линдой Пфейфель (которые работали под «крышей» посольства США) прямо напротив министерства иностранных дел, в ресторане «Эскиммо».

10 июля 1983 года руководитель никарагуанской госбезопасности Серна объявил о раскрытии заговора и высылке троих упомянутых сотрудников американского посольства.

Таким образом, Никарагуа на угрозы не поддавалась, хотя маневры американской армии в Гондурасе становились все более угрожающими и приближенными к реальным боевым действиям. Пока Стоун требовал в Манагуа прекращения «милитаризации» и сокращения никарагуанской армии (что могло бы спасти «контрас» от грозившего им полного разгрома), сами американцы наращивали численность гондурасских вооруженных сил. Если в июле 1979 года в сухопутных войсках Гондураса служили 14 тысяч человек, то в июле 1982-го — 21,4 тысячи. Количество военных самолетов выросло с 80 до 117, вертолетов — с 7 до 21¹⁷⁰. В два раза (с 5 до 10) увеличилось количество военных аэродромов, которые американцы строили и модернизировали в ходе бесконечных «маневров». Была построена железная дорога к базе ВВС Сан-Лоренсо. Была расширена военно-воздушная база Пальмерола и введена в эксплуатацию станция РЛС в Серро-Уле. Вдоль никарагуанской границы американские инженерные части построили рокадные дороги.

Все аэродромы модернизировались так, чтобы принимать огромные американские военно-транспортные самолеты С-130, на которых обычно перебрасывалась за границу самая боеготовая американская дивизия — 101-я воздушно-десантная, превосходившая огневой мощью всю никарагуанскую армию.

Как только Рейган пришел к власти, он немедленно удвоил военную помощь США Гондурасу (до 10,5 миллиона долларов)¹⁷¹.

В 1981–1984 годах на территории Гондураса и в его территориальных водах было проведено девять крупных американско-гондурасских учений общей продолжительностью 359 дней. В них приняли участие 27 800 американских солдат и офицеров.

¹⁷⁰ *Белят М. Ю.* Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 288–289.

¹⁷¹ *Vanderlaan M. B.* Revolution and Foreign Policy in Nicaragua. London, Westview Press, 1986. P. 220.

В Гондурасе шла разнузданная антиникарагуанская пропаганда, и правительство постоянно говорило о вероятности грядущей войны с южным соседом.

После провала миссии Стоуна войска США в июле — сентябре 1983 года провели маневры (шли до сентября), в ходе которых 16,5 тысячи американцев открыто отрабатывали военно-морскую блокаду Никарагуа. А в августе 1983 года начались самые продолжительные в истории вооруженных сил США учения «Биг Пайн 21» (они длились до марта 1984-го). Тем самым американцы приучали собственную и международную общественность к постоянному нахождению крупного контингента своей армии в Гондурасе. Помимо этих частей в гондурасских вооруженных силах были 1500 американских военных советников.

Пока американцы безосновательно обвиняли Никарагуа в помощи сальвадорским партизанам, гондурасский воинский контингент в количестве до 3 тысяч солдат в середине 1982 года помогал армии Сальвадора воевать с повстанцами в сальвадорской провинции Морасан.

В 1983 году США реанимировали Центральноамериканский совет обороны (КОНДЕКА) в составе Гватемалы, Сальвадора и Гондураса, когда-то основанный по инициативе Сомосы. КОНДЕКА должен был разработать план совместных боевых действий проамериканских диктатур против Никарагуа. Сандинисты ввели военный призыв не в последнюю очередь под влиянием возрождения КОНДЕКА — прежняя никарагуанская армия была слишком малочисленной для того, чтобы вести войну против трех армий соседних стран.

В середине 1983 года куратор «контрас» и главком гондурасской армии Альварес запросил в Вашингтоне на следующие три года военной помощи на астрономическую сумму 400 миллионов долларов¹⁷². Внешняя и внутренняя политика гондурасского правительства вызывала в стране широкую оппозицию, но армия и «контрас» следили за тем, чтобы самые беспокойные ее представители «бесследно исчезали». Только в 1983 году в Гондурасе «исчезли» 145 противников режима.

Никарагуа прилагала все усилия, чтобы нормализовать отношения с Гондурасом. Даниэль Ортега в мае и ноябре 1982 года предлагал президенту Гондураса Суасо провести встречу на высшем уровне. По наущению Вашингтона гондурасцы отказались, выказав уверенность, что сандинисты используют эту встречу исключительно в пропагандистских целях.

Министр обороны Никарагуа Умберто Ортега так прокомментировал пропаганду США и их марионеток против Никарагуа на тему агрессивности сандинистского режима: «Что же касается „агрессивности“ Никарагуа, военной опасности, якобы исходящей от нее, и прочих пропагандистских выдумок Белого дома, то я как член Национального руководства СФНО и министр обороны Никарагуа заявляю: единственное, чего мы хотим и добиваемся в своей политике, — это мир. Больше всего мы хотим мира, мы готовы к диалогу, к любым

¹⁷² *Vanderlaan M. B. Revolution and Foreign Policy in Nicaragua. London, Westview Press, 1986. P.221.*

переговорам на основе взаимного уважения и равноправия, если эти переговоры помогут достичь мира в регионе. Наши вооруженные силы не представляют и не могут представлять опасности для наших соседей. Сандинистская народная армия создавалась не как аппарат экспансии и агрессии, а как сила, способная защитить национальный суверенитет и завоевания революции, как оборонительная сила. У нас нет бомбардировщиков, которые могли бы нанести удары по городам соседних стран. У нас есть сторожевые катера, но нет ни одного десантного судна или торпедного корабля. У нас нет парашютно-десантных войск, батальонов „зеленых беретов“ и морской пехоты, не говоря уже об авианосцах и тактических ракетах. Зато все это и многое другое есть у США, и все это находится сейчас поблизости от наших сухопутных и морских границ. Кто же кому угрожает?»¹⁷³.

В мае 1983 года Эндерс и шеф ЦРУ Кейси на секретном брифинге для членов комитетов по разведке обеих палат американского конгресса сообщили, что у «контрас» есть реальная возможность захватить Манагуа к рождеству 1983 года. Один из депутатов-республиканцев вспоминал: «Нам сказали, что повстанцев уже 7000 и их число продолжает расти. По сценарию, который нам представили, повстанцы будут приобретать все большую поддержку народа, что приведет к дезертирству в никарагуанской армии, создав условия для броска на Манагуа и отстранения правительства от власти»¹⁷⁴.

Депутатам рисовали радужный образ финального «блицкрига»: наступление с трех сторон — из Гондураса (ФДН), с Коста-Рики (отряды Пасторы) и индейцев-мискито из Москитии.

Как обычно, Кейси вводил конгрессменов в заблуждение — ЦРУ попросту требовались средства для продолжения «проекта». Глава разведки угрожал, что если депутаты их не выделят, то будут отвечать за распространение коммунизма в Центральной Америке.

Однако депутаты были настроены гораздо более реалистично, и 3 мая 1983 года комитет по разведке палаты представителей постановил прекратить все ассигнования на тайные операции против Никарагуа. Вместо этого решили выделить 80 миллионов долларов «открытой помощи» союзникам США в Центральной Америке. Но сенат с этим не согласился и решил продолжить финансирование «контрас» до сентября 1983 года, когда президент Рейган должен был проинформировать конгресс о своем видении ситуации в Никарагуа.

В июне 1983 года (после голосования в сенате) аналитики американской разведки уже не предсказывали скорое взятие Манагуа, но утверждали, что через шесть месяцев «контрас» будут уверенно контролировать более половины территории Никарагуа, хотя и не свергнут сандинистов в «обозримом будущем»¹⁷⁵.

¹⁷³ Белят М.Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 261–262.

¹⁷⁴ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 143.

¹⁷⁵ Ibid. P. 145.

В июле 1983 года в СМИ США «просочился» — видимо, неслучайно — секретный документ СНБ США, в котором описывалась американская политика в Центральной Америке. Специально для Манагуа в документе отмечалось, что «пока» еще можно достичь целей США в регионе без «прямого использования войск США». Однако далее говорилось, что любой ультиматум в адрес Никарагуа (имевшей «ключевое значение для политики США») должен подразумевать готовность его немедленно исполнить, то есть применить силу¹⁷⁶.

Администрация Рейгана опасалась, что осенью 1983 года, если «контрас» не добьются решающих успехов, конгресс США полностью прекратит финансирование «борцов за свободу». Чтобы убедить депутатов, Белый дом объявил о создании «надпартийной» комиссии экспертов, которая должна была «объективно» оценить положение в Центральной Америке и высказать рекомендации как исполнительной, так и законодательной власти. Слово «объективно» взято в кавычки потому, что комиссию возглавил бывший госсекретарь Генри Киссинджер — враг СССР, антикоммунист с параноидальными даже по меркам США идеями. Киссинджер, например, активно пытался свергнуть чилийского президента Альенде еще раньше, чем тот принес присягу в 1970 году.

«Контрас» и Рейгану надо было торопиться. 28 июля 1983 года палата представителей конгресса США 228 голосами против 195 проголосовала за то, чтобы после 30 сентября 1983 года прекратить финансирование «контрас». Правда, были выделены упоминавшиеся выше 80 миллионов долларов — на все ту же фантастическую цель: предотвращение поставок оружия сальвадорским партизанам.

Но Рейгана голосование в палате представителей только подстегнуло: президент США разрешил ЦРУ профинансировать рост рядов «контрас» с 12 до 15 тысяч человек. Если бы Никарагуа не ввела осенью 1983 года воинскую повинность, то отряды ФДН по численности сравнялись бы с регулярной никарагуанской армией.

ЦРУ разработало новую стратегию для своих наймитов. На заседании межведомственной группы (RIG) Кларридж предложил нанести удары по самым важным объектам никарагуанской экономической инфраструктуры, чтобы лишить сандинистов экспортной выручки, а население — основных товаров повседневного спроса. Впоследствии Кларридж вспоминал, что, «к сожалению», выдвинул эту идею с опозданием на год, именно после того, как конгресс стал подумывать над прекращением финансирования тайной войны против Никарагуа силами «контрас»¹⁷⁷. Подорвать нефтепровод, с точки зрения Кларриджа, было гораздо «дешевле», чем содержать несколько тысяч контрреволюционеров, которые, к тому же, никак не могли захватить ни одного, даже среднего города.

Кларридж предлагал вывести из строя важнейший порт Никарагуа — Коринто, через который шли практически все внешнеторговые операции:

¹⁷⁶ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 145.

¹⁷⁷ Clarridge D. R., Digby D. *Spy for All Seasons: My Life in the CIA*. New York, 1997. P. 264.

«Страны вроде Никарагуа, чья жизнь очень зависит от масштабного экспорта и хотя бы минимально необходимого импорта, у которых есть только один главный порт — в данном случае Коринто — особенно уязвимы»¹⁷⁸.

С самого начала было понятно, что «контрас» не в состоянии пробиться к Коринто с суши, поэтому удар должны нанести с моря спецподразделения ЦРУ. Подготовку к такой диверсии было легко замаскировать, так как поблизости от Коринто, якобы для «предотвращения» поставок оружия в Сальвадор, уже несколько месяцев дежурили американские боевые корабли.

ЦРУ подготовило несколько групп боевых пловцов. Те безуспешно пытались взорвать мост, связывающий портовые сооружения Коринто с материковой территорией. Во время второй попытки дайверы, прежде чем вернуться на катер-матку, оставили у моста все свое снаряжение, которое обнаружил патруль сандинистов. После этого меры безопасности в районе моста были усилены.

Группы пловцов ЦРУ работали с быстроходных катеров типа «пиранья» (Q-boats) с мотором мощностью 200 лошадиных сил, которые могли развивать скорость до 100 километров в час и были вооружены пушкой и крупнокалиберным пулеметом. Сами «пираньи» после налетов возвращались под защиту кораблей ВМС США, дежуривших прямо рядом с Коринто.

Пока Клэрридж разрабатывал и осуществлял планы экономического коллапса Никарагуа, было дано указание активизировать боевую деятельность «контрас». Теперь им следовало находиться в Никарагуа по нескольку недель (а желательно и месяцев) и не ограничиваться короткими рейдами из Гондураса. «Контрас» тоже должны были заняться экономическим саботажем, в частности — ликвидировать все склады экспортных сельскохозяйственных культур.

Снабжать крупные банды (400–500 человек) планировалось с воздуха — ведь у Никарагуа не было боевых самолетов, способных осуществить перехват транспортных самолетов ЦРУ, базировавшихся на гондурасские аэродромы.

Американская разведка не учла одного — что у Никарагуа появились зенитные установки советского производства.

ЦРУ не оставляло и своих планов убийства никарагуанского министра иностранных дел. 8 сентября 1983 года два самолета ЦРУ вылетели из Коста-Рики. Один из них сбросил бомбы на дом д'Эското в Манагуа (министр в этот момент был в зарубежной поездке). Другой отбомбился по международному аэропорту Манагуа двумя осколочными 150-фунтовыми бомбами. Однако этот самолет был сбит зенитным огнем и врезался прямо в диспетчерскую вышку аэропорта. Лишь по счастливой случайности обошлось без жертв среди пассажиров и обслуживающего персонала.

Ответственность за бомбардировку Манагуа взял на себя Пастора, но документы двух погибших пилотов говорили о другом. Один из них был жителем Майами и бывшим летчиком никарагуанской компании АЭРОНИКА, второй —

¹⁷⁸ *Clarridge D. R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P. 264.*

дезертиром из ВВС Никарагуа. Сам самолет — двухмоторная «цессна» — был зарегистрирован на компанию «Инвестэйр» в Вирджинии. Эта компания была подставной фирмой ЦРУ.

19 сентября 1983 года «Тайм» опубликовал статью под красноречивым заголовком — «Повстанцы открыли новый фронт против сандинистов — небо». В ней говорилось: «Большая часть жителей Манагуа еще спала, когда началась первая атака. Зайдя на низкой высоте на юго-западную часть столицы, двухмоторная „цессна“ сбросила бомбу недалеко от дома министра иностранных дел Мигеля д’Эското, который в это время оказался в Панаме на встрече министров иностранных дел латиноамериканских стран. Бомба не попала в дом д’Эското, никто не был ранен, и самолет улетел в предрассветную темноту. Через несколько минут вторая „цессна“ появилась над аэропортом имени Аугусто Сесара Сандино, примерно в восьми милях от города. 500-фунтовая бомба упала рядом с ангаром АЭРОНИКИ, национальной авиакомпании, причинив небольшой ущерб, и, по сообщениям, никарагуанские солдаты открыли зенитный огонь из пушек, расположенных вдоль взлетно-посадочной полосы. Турбовинтовой самолет врезался в основание контрольной вышки, в результате чего погибли оба пилота и возник пожар, уничтоживший часть терминала»¹⁷⁹.

Один из раненных при бомбежке аэропорта — молодой резервист никарагуанской армии — умер на следующий день.

Но цель налета была совсем другой. Точно в тот момент, когда над аэропортом появилась «цессна» ЦРУ, в Манагуа должны были прилететь сенатор-демократ от штата Колорадо Гэри Харт (будущий соперник республиканцев на президентских выборах 1984 и 1988 годов, которого, в конце концов, скомпрометировали и заставили снять кандидатуру) и сенатор Уильям Коэн. Самолету сенаторов пришлось развернуться и улететь обратно в Гондурас. Харт был противником американской тайной войны против Никарагуа, и он все равно прилетел в Манагуа на следующий день, чтобы провести переговоры с сандинистами. Таким образом, ЦРУ не удалось сорвать поездку в Манагуа одного из самых популярных сенаторов США.

Взявшему на себя ответственность за бомбежку Пасторе мало кто поверил, тем более что тот утверждал, что самолеты взлетели с территории самой Никарагуа, где отряды Пасторы якобы построили полевой аэродром. Эта ложь понадобилась для того, чтобы выгородить Коста-Рику, власти которой отрицали, что самолеты поднялись с ее территории. Пастора хвастливо утверждал, что «ВВС» его группировки АРДЕ имеют на вооружении восемь легких самолетов и вертолет. «Тайм» сообщал, что самолеты есть и у ФДН: «ФДН руководят бывшие национальные гвардейцы Сомосы, и эту группу тайно финансирует ЦРУ США. Обеим группировкам (ФДН и АРДЕ — прим. автора) пока не удалось добиться крупных

¹⁷⁹ Nicaragua: Thirty Seconds over Managua. См.: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,954049,00.html>.

успехов против сандинистов на земле, и, возможно, они сочли воздушные налеты относительно дешевым способом привлечь внимание к своей деятельности».

Переживший очередное покушение д'Эското без обвиняков заявил: «Реальная ответственность (за бомбежку) лежит на президенте Рейгане и его администрации – организаторах, руководителей и спонсоров контрреволюционных групп, именуемых «борцами за свободу»¹⁸⁰.

На следующий день самолеты из Гондураса совершили налет на Коринто. Пастора взял на себя ответственность и за этот пиратский рейд, причиной которого якобы было стремление АРДЕ «продемонстрировать свою мощь».

13 сентября 1983 года нападению подвергся главный нефтеналивной порт Никарагуа – Пуэрто-Сандино.

19 сентября согласно предписанию конгресса Рейган издал новую директиву по Никарагуа, в которой предусматривалось продолжение «поддержки, оснащения и обучения никарагуанских партизанских групп сопротивления». Целью операции лицемерно объявлялось стремление «побудить правительство Никарагуа... вступить в переговоры со своими соседями», а также заставить сандинистов прекратить помощь сальвадорским партизанам.

Директор ЦРУ Кейси и госсекретарь Шульц представили директиву Рейгана комитетам конгресса по разведке 20 сентября и попросили выделить «контрас» 45 миллионов долларов в 1984 году.

Между тем никарагуанцы сбили 3 октября 1983 года еще один самолет ЦРУ – ДС-3, который сбрасывал оружие и боеприпасы для «контрас» в Никарагуа. На этот раз экипаж из трех человек попал в плен. На пресс-конференции один из летчиков рассказал, что это уже девятый его полет и что всей операцией руководит резидентура ЦРУ в Тегусигальпе.

Удары с моря и с воздуха было решено подкрепить очередным «решающим» наступлением «контрас» из Гондураса. По разработанному ЦРУ плану «Марафон» крупные тактические группировки ФДН (task forces) должны были захватить приграничную территорию Никарагуа с городами Окоталь и Сомото. Одновременно отвлекающие операции проводились южнее, в департаментах Хинотега и Матагальпа.

«Звездой» и надеждой ЦРУ был командир одной из тактических группировок Майк Лима.

Под этим псевдонимом скрывался бывший второй лейтенант (самый младший офицерский чин) национальной гвардии Сомосы Луис Морено. Он родился в 1959 году и был сыном шофера, работавшего на одном из предприятий Сомосы. Юноша очень хотел сделать карьеру в национальной гвардии и уже в 17 лет стал кадетом военного училища. В 1978 году Морено отправили на стажировку в Вест-Пойнт, и с тех пор он стал горячим поклонником американского образа жизни¹⁸¹.

¹⁸⁰ Nicaragua: Thirty Seconds over Managua. См.: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,954049,00.html>.

¹⁸¹ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 67.*

Надежды на блестящую карьеру не осуществились — в июне 1979 года СФНО начал решающее наступление против национальной гвардии. Сомоса спешно произвел кадетов старших курсов в офицеры, и Морено стал вторым лейтенантом. Но когда гордый офицер явился к капитану, чтобы получить свой первый приказ, тот уже паковал чемоданы и посоветовал свежее испеченному лейтенанту сделать то же самое. Однако Морено решил сражаться на свой страх и риск, но был ранен сандинистским снайпером в Манагуа. Победа революции застала его в госпитале, он обманом выдал себя за раненого сандиниста и сбежал в Гондурас. Так появился на свет «Майк Лима».

Морено был крайне жесток даже по меркам «контрас». Он лично убил нескольких своих бойцов (в том числе, чтобы завладеть их подругами). Один из подручных Морено вспоминал позднее: «Он был человеком с предрасположенностью к изнасилованиям и убийствам»¹⁸².

К концу сентября 1983 года группа Морено в Никарагуа после месяца боев оказалась почти без боеприпасов, и он запросил поддержку с воздуха. Но «Майку Лиме» сбросили патроны для бельгийских винтовок ФАЛ, в то время как его «контрас» были вооружены АК-47. Не имелось у бандитов и нормальной обуви и продовольствия. Тогда Морено решил захватить какой-нибудь городок, в котором было бы отделение банка, и, ограбив его, получить средства для закупки еды у окрестных крестьян.

Такова была версия самого Морено, и она вряд ли выдерживает критику. «Контрас» при необходимости не церемонились с местным населением и просто забирали все, что им было нужно. По всей вероятности, Майк Лима решил быстро разбогатеть.

Группа Морено (примерно 400 человек) бродила вокруг городков Сан-Хуан, Яли, Сан-Рафаэль-дель-Норте и Пантасма. В конце концов, выбор Морено пал именно на Пантасму (на языке индейцев-мискито — «маленькие люди» или «равнина»). Там находились отделение банка, склады заготовленной на экспорт древесины, а также база дорожных строителей (уничтожением которых можно было бы оправдать нападения в глазах кураторов из ЦРУ). Расположенный в метеоритном кратере — долине, представлявшей собой в плане почти правильный круг, — городок легко было окружить. В Пантасме дислоцировался штаб батальона, но самой этой части в городе не было.

Перед нападением на город Майк Лима отправил часть сил против расположенных неподалеку двух кооперативов, которые обороняли 125 народных милиционеров. Для соблюдения полной секретности операции Лима и часть его людей переоделись в форму США и шли впереди отряда, задерживая всех, кто попадался им на пути. Таким образом, примерно 60 «контрас» под покровом темноты просочились в центр Пантасмы. Перед рассветом 18 октября 1983 года они открыли огонь.

¹⁸² *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 111.*

Первым делом был захвачен «главный приз» — отделение Аграрного банка развития, где в руки бандитов перешли 830 тысяч кордоб (примерно 30 тысяч долларов по курсу черного рынка). Бандиты сожгли сам банк, а также отделение государственной компании «Энкафе», и уничтожили более десятка тракторов и джипов.

Отделение сандинистской полиции храбро сопротивлялось превосходящим силам Майка Лимы и организовано отошло на лесопилку, где и закрепилось. Рядом умело сражались территориальные милиционеры одного из кооперативов, которых «контрас» удалось одолеть только через несколько часов.

Атака на штаб батальона провалилась с самого начала — там «контрас» встретил пулеметный огонь, и они предпочли не рисковать: окружили здание, но штурмовать его не стали.

Когда бандиты попытались захватить отделение министерства образования, их встретил огонь семерых бойцов армии грамотности (в том числе трех женщин), вооруженных устаревшими чехословацкими винтовками. В ответ на предложение сдаться последовал ответ: «Жрите свое дерьмо, вы свиньи из национальной гвардии! Мы — сандинисты!»¹⁸⁵ 35 «контрас» окружили дощатое здание и расстреляли его из гранатометов. Все учителя сгорели заживо, но не сдались.

Озверевшие «контрас» начали расстреливать всех, кто им попадался, не щадя ни женщин, ни детей. К семи утра бандиты согнали всех жителей на центральную площадь. Майк Лима приказал привести двух человек, которых сочли сандинистами. В присутствии примерно пятисот горожан одного из них спросили, сколько человек обороняют штаб батальона. Не дождавшись ответа, Лима в упор расстрелял одного из сандинистов из автомата, целясь в лицо. Та же участь постигла и второго пленника.

Затем «контрас» выступали перед запуганными горожанами с речами. Они не критиковали сандинистов и не строили из себя «борцов за свободу». Рефрен всех выступлений был одним и тем же — ФДН будет бороться до победного конца и безжалостно уничтожать всех, кто встанет на пути.

Закончив «митинг», «контрас» занялись любимым делом — грабежом и охотой на женщин, в том числе несовершеннолетних девушек. Потом Майк Лима утверждал, что покупал у местных жителей курятину, бобы и пиво за награбленные в банке деньги, таким образом якобы истратив 430 тысяч кордоб. Пока основная часть отряда пьянствовала, другие «контрас» после упорного сопротивления захватили стоянку дорожных строителей и уничтожили там несколько грузовиков и шесть грейдеров.

Штаб батальона был взят благодаря счастливой случайности — одна из пущенных бандитами из РПГ гранат угодила в склад боеприпасов, и он вместе с защитниками штаба взлетел на воздух. Правда, надежды Морено на пополнение боеприпасов тоже не сбылись.

¹⁸⁵ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 114.*

Бандиты ушли из города, причинив ущерб на 2 миллиона долларов и убив 47 местных жителей, в том числе женщин и детей. С тех пор события 18 октября 1983 года известны в никарагуанской истории как «резня в Пантасме». По пути в Гондурас на отряд Майка Лимы насел батальон сандинистов, от которого бандиты едва смогли удрать за границу.

С точки зрения ЦРУ, акция Лимы была крупнейшим успехом «контрас» на тот день. Сам Морено вспоминал: «Я тогда был золотым парнем для ЦРУ»¹⁸⁴. Но с пропагандистской точки зрения это был полный провал. Теперь правительство Никарагуа возило иностранные делегации в разрушенную Пантасму, чтобы каждый мог убедиться, что на самом деле представляют собой «борцы за свободу».

Зверства «контрас» возмутили даже американских конгрессменов, которых успокаивал Кларридж как куратор «проекта». Он признал, что бойцы ФДН убивают мирных жителей (после Пантасмы отрицать это было невозможно), но сказал, что все убитые — сандинистские функционеры, вроде судей, врачей, руководителей кооперативов. И вообще, по словам Кларриджа, на войне без жертв не обходится.

Тем не менее ЦРУ опять решило подправить изрядно подмоченный имидж ФДН. В первую очередь американцы приказали всем «контрас», особенно командирам, поменять боевые клички, которые сами по себе уже точно определяли истинную суть «борцов за свободу» — Палач, Дьявол, Аттила, Месть, Прimitives, Змей, Койот и т.д. ЦРУ приказало немедленно «ликвидировать этот дурацкий зоопарк»¹⁸⁵. Так, Змей стал Рубеном, а Палач — Иваном. Американцы попытались было даже прекратить постоянное воровство денежных средств в штабе Бермудеса, но решили, что, ликвидировав коррупцию, они ликвидируют и сам штаб. Поэтому все осталось как прежде.

10 октября 1983 года «пираньи» атаковали порт Коринто и уничтожили пять цистерн с нефтью и бензином (причем одна из цистерн принадлежала американской компании «Экссон»). Погибло более трех миллионов галлонов столь ценного для Никарагуа топлива. В огне сгорели также партии предназначенных на экспорт кофе и морепродуктов. Из Коринто пришлось срочно эвакуировать 23 тысячи жителей, более 10 человек были ранены¹⁸⁶.

Саму операцию задумал и организовал Кларридж. Две «пираньи» вечером вошли в канал, соединявший порт с океаном. Задачей катеров было уничтожение голландского портового крана, самого большого и современного в Коринто. Одна из «пираний» села на мель. Высыпавшие на пирс люди, принявшие катер за обычное мирное судно, приветливо махали руками, предлагая помощь. Как только «пиранья» освободилась, оба катера подошли к пирсу и открыли

¹⁸⁴ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 117.*

¹⁸⁵ *Ibid. P. 126.*

¹⁸⁶ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 151.*

огонь из 25-миллиметровых спаренных пушек по людям рядом с краном. Кран был выведен из строя и не работал до тех пор, пока не пришли запасные части из Голландии. Потом «пираньи» развернулись и пошли обратно в направлении океана, обстреливая все, что им попадалось по пути¹⁸⁷.

Позднее Кларридж подчеркивал, что у экипажей-де не было приказа уничтожать нефтехранилища. Тем самым шеф латиноамериканского подразделения ЦРУ задним числом пытался снять с себя ответственность за возможную гуманитарную катастрофу, которой Коринто избежал просто чудом. Так или иначе, Кларридж назвал уничтожение нефтехранилищ «чертовски колоритной импровизацией»¹⁸⁸.

Правительство Никарагуа объявило о причастности США к террористической атаке на Коринто. Мексика прекратила поставки нефтепродуктов в этот порт. Отныне снабжение Никарагуа нефтью взял на себя Советский Союз — все-таки была вероятность, что США не осмелятся уничтожить советские танкеры, в то время как с мексиканскими они, конечно, не церемонились бы.

19 октября 1983 года Рейган фактически признал причастность США к нападению на Коринто. Один из репортеров спросил, нормально ли в свете атаки на Коринто то, что ЦРУ участвует в таких атаках и даже планирует их, и не считает ли президент, что у американского народа есть право получить всю информацию о тайной войне против Никарагуа. Рейган и не собирался оправдываться: «Я думаю, что тайные операции всегда были частью политики любого правительства... Я не буду комментировать возможную связь тподобной деятельности (имелась в виду атака на Коринто — прим. автора) со специфическими операциями, которые проводятся там (в Никарагуа), но верю, что страна, считающая, что сможет защитить свои интересы с помощью тайных операций, вправе их проводить...»¹⁸⁹

Американцы все время утверждали, что опасения Никарагуа относительно возможной агрессии со стороны США представляют собой «паранойю» санднистского режима и служат оправданием для «милитаризации» страны.

Но 25 октября 1983 года большинство никарагуанцев убедились, чего стоят все мирные заверения США. В этот день 7600 десантников и морских пехотинцев США без всякого объявления войны напали на крошечный остров Гренада в Карибском море (население — 100 тысяч человек). С марта 1979 года Гренадой управлял прогрессивный режим Мориса Бишоп, ликвидировавший проституцию и сокративший безработицу. Бишоп поддерживал хорошие отношения с Кубой и Никарагуа, чего было уже достаточно, чтобы он стал смертельным врагом США.

Кубинские строители расширяли на Гренаде единственный аэропорт Пойнт Салинас. Решение об этом было принято еще до прихода прогрессивно-

¹⁸⁷ *Clarridge D.R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P. 266.*

¹⁸⁸ *Ibid.*

¹⁸⁹ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 152.*

го правительства к власти, причем финансировал проект МВФ, хотя американцы в 1981 году пытались заблокировать выделение фондом соответствующих средств. США приводили формально неполитические причины — мол, расходы на строительство аэропорта в виде кредита ухудшат платежный баланс Гренады. Но МВФ пришел к заключению, что Гренада, наоборот, сможет заработать много валюты за счет современного аэропорта. Тем не менее Вашингтон все же добился сокращения кредита на треть, из-за чего Гренада и обратилась за содействием к Кубе. В Пойнт Салинас прибыло несколько сотен кубинских строителей. Американцы, как и в случае с Никарагуа, сразу же стали бездоказательно утверждать, что под личиной строителей скрываются кубинские войска. Помимо кубинцев в строительстве аэропорта участвовали компании из Великобритании, Ливии и Алжира.

Американцы тайно поддерживали на Гренаде оппозицию, но никаких шансов мирно прийти к власти у нее не было.

14 октября 1983 года на Гренаде произошел военный переворот, и Бишоп был отстранен от власти. Гренаду охватили массовые демонстрации, Бишоп вырвался на свободу и объявил, что не уйдет в отставку. После этого 19 октября 1983 года он был убит по приказу лидера переворота, бывшего заместителя премьера Бернарда Коарда. На острове сохранялось спокойствие, кубинцы переворот осудили, население охватила апатия — Бишоп был очень популярен в стране.

Американцы решили оккупировать остров под предлогом спасения примерно 600 американских студентов-медиков, учившихся в университете недалеко от аэропорта Пойнт Салинас. Ни до переворота, ни после никто студентам не угрожал, и помощи они ни у кого не просили.

Чтобы придать своей агрессии против Гренады видимость законности, Рейган организовал обращение к США от имени марионеточной Организации восточнокарибских государств, куда входили прозападные режимы, полностью зависящие от американской помощи. Ямайка (где американцы с помощью экономического бойкота и подрывной деятельности недавно свергли прогрессивное правительство Майкла Мэнли) выразила готовность принять участие в интервенции, чтобы придать ей «международный» характер. Карибский контингент численностью не превышал батальона — в нем насчитывалось 300 человек. Они прибыли на Гренаду после того, как весь остров уже был захвачен десантниками и морской пехотой США.

Операции по захвату Гренады дали название «Вспышка ярости» (Urgent Fury). Но эта «вспышка» была тщательно подготовлена — уже в марте 1983 года Рейган стал высказывать публичные угрозы в адрес Гренады, которая якобы, как и Никарагуа, превращается в «советско-кубинскую военную базу».

Отборным американским войскам (некоторые из них недавно тренировались в Гондурасе) противостояли около 1500 гренадских ополченцев, вооруженных устаревшим оружием и деморализованных последними событиями

на острове. При захвате аэропорта Пойнт Салинас американцы открыли огонь по кубинским рабочим (722 человека), и те стали отстреливаться.

Огромное неравенство сил быстро решило исход дела. Американцы потеряли 19 человек убитыми и 116 ранеными. Были убиты 25 и ранены 59 кубинцев. Погибли 67 гренадцев — в том числе 21 пациент клиники для душевнобольных, которую разбомбила американская авиация, — 358 получили ранения.

Генеральная Ассамблея ООН 108 голосами против девяти (Антигуа и Барбуда, Барбадос, Доминика, Сальвадор. Израиль, Сент-Винсент и Гренадины, Ямайка, Сент-Люсия, США и сама Гренада, где американцы установили марионеточный режим) осудила американскую агрессию как «наглое нарушение международного права»¹⁹⁰. 27 стран предпочли воздержаться. Когда Рейгана спросили, как он мог бы прокомментировать фактическую изоляцию США в ООН, тот ответил, что голосование в Генеральной Ассамблее «ничуть не испортило мне завтрак».

История, как всегда, хотя и с опозданием, поставила все на свои места — 29 мая 2009 года аэропорт Пойнт Салинас был официально назван именем Мориса Бишопа.

Рейган был полностью удовлетворен жесткостью, с которой действовали военные США, и их быстрой победой. Теперь, как считали и в Пентагоне, и в ЦРУ, «вьетнамский синдром» наконец преодолен и можно взяться за более внушительную цель — Никарагуа.

Кларридж выразил такой подход наиболее наглядно — он приклеил на свою машину наклейку «На очереди — Никарагуа» (“Nicaragua next”).

Понимали новую обстановку и в Манагуа. Именно после агрессии против Гренады в столице и других крупных городах стали формироваться отряды гражданской обороны и строиться бомбоубежища.

В Национальном руководстве СФНО разгорелись споры относительно тактики, которую следовало применять при нападении США на Никарагуа. Борхе считал, что с учетом огромного технического превосходства американцев, особенно в авиации, частям СНА, милиции и добровольцам нужно при начале агрессии оставить крупные города, уйти в горы и перейти к партизанской войне. Он ссылаясь на примеры операций Сандино и войны во Вьетнаме: «В горах мы будем непобедимы, и горы станут могилой захватчиков-гринго»¹⁹¹. Именно об этом открыто предупредил в свое время посланника госсекретаря Эндерса Байардо Арсе.

Братья Ортега, напротив, полагали, что наибольший урон американцам можно нанести именно в городских боях, тем более что поддержка СФНО сильна именно среди горожан. Если же отойти в горы, то население будет деморализовано. К тому же, в отличие от времен Сандино, американцы наверняка установят жесткую морскую блокаду Никарагуа, и партизанские части

¹⁹⁰ Invasion of Grenada. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Invasion_of_Grenada.

¹⁹¹ *Miranda R., Ratliff W. The Civil War in Nicaragua. Inside the Sandinistas. New Jersey, Transaction Publishers, 1994. P. 31–32.*

в горах будут отрезаны от любых видов снабжения. «Решающие битвы против сил вторжения разыграются в городах тихоокеанского побережья, а не в горах. При поддержке Советского Союза и Кубы мы строим армию, способную отразить вторжение. В горы мы уйдем, только если проиграем войну и потеряем власть, — и тогда опять станем партизанским движением, которое со временем будет ликвидировано. Сильнейшая наша социальная опора — горожане тихоокеанского побережья, а не жители гор. Наконец, технически невозможно взять в горы танки, орудия и самолеты, которые нам даст СССР. Мы должны превратить каждый город в братскую могилу для тысяч империалистов»¹⁹².

Следует признать, что в этом споре были, несомненно, правы братья Ортега. Ведь именно в городских боях американцам было бы труднее всего применить авиацию — свое главное преимущество.

Национальное руководство СФНО решило также несколько изменить тактику в пропагандистском противоборстве с США. До Гренады во время антиамериканских демонстраций в никарагуанских городах было принято сжигать флаги США. Братья Ортега предложили, чтобы вместо флагов сжигали чучело Рейгана, проводя четкую разницу между американским народом и президентом США, которого в этом самом народе очень многие не любили. Национальное руководство СФНО единогласно поддержало это предложение.

Сандинисты перешли в контрнаступление и на дипломатическом фронте. Никарагуа представила в октябре 1983 года четыре проекта договоров, призванных снизить напряженность в Центральной Америке, включая договор о ненападении между Никарагуа и США, Никарагуа и Гондурасом, а также многосторонний договор о недопущении любого иностранного вмешательства в гражданскую войну в Сальвадоре.

Госдепартамент США отверг все мирные инициативы Манагуа, но администрация Рейгана явно проигрывала пропагандистскую войну даже в самих США. 20 октября 1983 года палата представителей конгресса опять проголосовала за прекращение всех тайных операций против Никарагуа. Причем конгрессмен Майкл Барнс, только что вернувшийся из Никарагуа, фактически открыто назвал лживой версию, что «контрас» якобы нужны для того, чтобы побудить сандинистов сесть за стол переговоров с США. «Это миф, что тайные операции предназначены для того, чтобы принудить никарагуанцев занять место за столом для переговоров. Проблема в том, что никарагуанцы уже там. Никарагуа постоянно пытается начать переговоры с администрацией Рейгана. Не Никарагуа не хочет вести переговоры. Это мы не хотим. Никарагуа давно демонстрирует свою готовность учесть нашу заботу о безопасности при единственном условии — что мы тоже будем готовы учесть их заботу о безопасности. Есть только одна вещь, которая не является для никарагуанцев предметом переговоров, — это их рево-

¹⁹² *Miranda R., Ratliff W. The Civil War in Nicaragua. Inside the Sandinistas. New Jersey, Transaction Publishers, 1994. P.32.*

люция. И здесь мы приближаемся к истинной цели тайных операций. Они предназначены для того, чтобы уничтожить никарагуанскую революцию»¹⁹³.

Однако сенат, где господствовали республиканцы, 3 ноября 1983 года одобрил продолжение финансовой поддержки «контрас». Обеим патам пришлось образовать согласительную комиссию, и под давлением администрации конгресс все же решил выделить на «борцов за свободу» 24 миллиона долларов на срок до июня 1984 года.

Кларридж, по его собственным словам, понял, что продлить финансирование в 1984 году не удастся. Тем более что в октябре 1984 года в США должны были пройти президентские выборы, и шансы кандидата демократов Гэри Харта оценивались высоко. Для ЦРУ поражение Рейгана было бы равносильно катастрофе, и американская разведка начала подыскивать альтернативные источники финансирования «контрас».

Одной из возможностей была операция «Стадо слонов». Так сотрудники ЦРУ на своем жаргоне называли поставки «контрас» лишнего оружия из арсеналов Пентагона. Согласно американскому законодательству, если оружие или оснащение вооруженных сил США признавалось «избыточным», то это оружие теряло денежную стоимость, и его можно было «подарить» кому угодно. Таким образом «контрас» получили, например, самые современные приборы ночного видения стоимостью до 25 тысяч долларов каждый.

Были и другие варианты. По просьбе ЦРУ Пентагон попросил у Израиля оружие советского производства, захваченное при нападении на Ливан летом 1982 года. Израильтяне согласились и не задавали лишних вопросов¹⁹⁴. По словам Кларриджа, американцы получили от Тель-Авива «целую Организацию Объединенных Наций в смысле оружия». Правда, столь нужных американцам АК-47 было мало, зато «контрас» перепало несколько тысяч винтовок «маузер», которые производились для вермахта в Чехословакии в годы войны, шведские автоматы калибра 9 мм и несколько советских винтовок СКС. Передали израильтяне и несколько советских 120-миллиметровых минометов, которые не годились для маневренной войны, но были использованы «контрас» для обстрела никарагуанской территории из Гондураса.

Кларридж был возмущен, когда конгресс осудил и такие операции. В последний момент из-за опасений взрыва возмущения на Капитолийском холме Пентагон все же решил не передавать «контрас» оружие из арсеналов национальной гвардии некоторых американских штатов.

После Гренады американцы снова бросили крупные силы ФДН в наступление. Цель была прежней — отбить и удержать хотя бы небольшую часть никарагуанской территории. На этот раз ЦРУ сделало ставку на бывшего капитана элитных частей национальной гвардии (Школа пехотной подготовки) Уго Вильягру. После падения

¹⁹³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 163.

¹⁹⁴ Clarridge D.R., Digby D. *Spy for All Seasons: My Life in the CIA*. New York, 1997. P. 267.

Сомосы Вильягра успел отсидеть в костариканской тюрьме за вооруженное нападение на радиостанцию. В конце 1983 года именно Вильягра как «свежее лицо» должен был стать фактически главным полевым командиром «контрас» в Никарагуа. ЦРУ сняло для Вильягры специальный дом, где был оборудован штаб со всеми средствами коммуникации. После «освобождения» части никарагуанской территории этот штаб предполагалось немедленно перебросить через границу.

Но к схватке готовились и сандинисты. Именно после Гренады они стали раздавать населению автоматы. Были резко ускорены темпы проведения аграрной реформы, причем теперь помимо кооперативов землю получали и крестьяне-частники. Обычно вместе с собственной землей они получали автомат или винтовку для ее защиты. Теперь каждый город, каждое предприятие было опорным пунктом, и Пантасма уже не могла повториться.

В декабре 1983 года Вильягра бросил главные силы ФДН на населенный пункт Ванблан прямо рядом с границей. Другие тактические группировки «контрас» атаковали Сан-Хосе-де-Бокай, Эль-Куа, Ла-Вихию и Килали. Но ни в одном случае им не удалось сломить оборону милиции и пограничников — все атаки контрреволюционеров были успешно отбиты¹⁹⁵.

Тогда главный куратор «контрас» в Гондурасе Раймонд Доти решил полностью заменить командование ФДН, избавившись от Бермудеса, его заместителя Санчеса и палача Лау. Было понятно, что погрязшие в коррупции, разврате и заказных убийствах лидеры «контрас» не могли мотивировать своих бойцов на сколь-нибудь успешные действия. Однако Бермудес пожаловался на Доти прямо в Лэнгли, и его оставили в покое. Зато главного претендента на кресло главнокомандующего — Вильягра — отправили в Майами и посоветовали держать язык за зубами.

Никарагуа ответила на Гренаду и очередное наступление «контрас» самым неблагоприятным для американцев способом. В стране была смягчена цензура печати, несколько сотен кубинских специалистов были отправлены домой. 4 декабря 1983 года провозгласили общую амнистию для всех «контрас», за исключением бывших офицеров национальной гвардии. Амнистированным обещали землю по закону об аграрной реформе. Если же покинутые бывшими контрреволюционерами земли уже успели передать другим людям, правительство было готово выплатить денежную компенсацию.

Уже через 10 дней после амнистии более сотни крестьян вернулись из Гондураса и были поселены вблизи Окотала и Эстели.

31 января 1984 года последовал самый страшный удар для американцев и их марионеток среди никарагуанской легальной оппозиции — было объявлено о проведении парламентских и президентских выборов. Это лишало администрацию Рейгана весомого аргумента — теперь было сложно выставить сандинистов сторонниками тоталитаризма. США решили сорвать выборы. Сделать это планировалось выдвижением заранее неприемлемых условий для

¹⁹⁵ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 129.*

участия в выборах буржуазной оппозиции. Предполагалось, что сандинисты отвергнут эти условия, в ответ на что буржуазные партии станут бойкотировать выборы, и их можно будет раскритиковать как «нелегитимные».

Буржуазная оппозиция в 1982–1983 годах уже перестала скрывать свои тесные отношения с Вашингтоном. КОСЕП и буржуазные политические партии приглашали на свои заседания американских дипломатов и сами активно посещали посольство США в Манагуа. В 1981 году по указке американцев был образован легальный оппозиционный политический блок правых сил — Демократическое координационное движение, или, как его кратко называли по-испански, «Координадора». Заметим, что левые силы в Сальвадоре, Гватемале или Гондурасе не могли и мечтать о какой-либо легальной деятельности.

В марте 1982 года (когда «контрас» впервые перешли к активным боевым действиям) «Координадора» фактически предъявила сандинистам ультиматум, содержащий требования, при выполнении которых правые были согласны участвовать в политической жизни страны. Среди них было немедленное заключение договора о ненападении с США и аналогичных договоров с центральноамериканскими странами, прекращение всеми странами поддержки повстанческих движений в регионе и возобновление американской экономической помощи Никарагуа. Ничего неприемлемого для сандинистов в этом не было — Манагуа уже давно предлагала Вашингтону нормализовать отношения.

Но далее буржуазная оппозиция призвала к «контролируемому разоружению» в Центральной Америке под наблюдением не ООН, а Организации американских государств (ОАГ), где господствовали американцы. Причем целью такого «разоружения» была полная ликвидация вооруженных сил, предлагалось сохранить только полицию. Лучший подарок для «контрас» трудно было и представить. Но самым неприемлемым для сандинистов условием было начало переговоров с «контрас» под эгидой все той же ОАГ, которая затем следила бы за соблюдением достигнутых договоренностей¹⁹⁶. Фактически никарагуанское правительство лишалось в собственной стране суверенных прав.

Все дальнейшие шаги «Координадоры» были самым тесным образом скоординированы с американцами. На следующий же день после оккупации Гренады буржуазная оппозиция снова выступила с требованием начать «процесс национального примирения», который может быть возможен только на базе возвращения к «истинным целям революции» 1979 года. Как только сандинисты объявили о проведении выборов президента и парламента, «Координадора» предсказуемо потребовала, чтобы выборы прошли под контролем именно ОАГ.

Но КОСЕП уже 23 марта 1984 года призвал все буржуазные партии бойкотировать выборы в любом случае. Поразительным образом этот призыв совпал с очередной активизацией диверсионной деятельности ЦРУ против Никарагуа.

¹⁹⁶ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 151.*

24 марта 1984 года в Коста-Рике разбился самолет ДС-3, который привез оружие группировке Пасторы. Пока ФДН приходил в себя после поражения в декабре 1983 года, именно Пасторе весной 1984-го отводилась роль лидера главной ударной группировки контрреволюции.

Чтобы дать Пасторе время для нанесения главного удара, США (с подачи Кларриджа) решили перейти к актам самой настоящей войны против Никарагуа. Рейган был недоволен слабой активностью «контрас» и приказал ЦРУ усилить подрывную войну против Никарагуа. Кларридж предложил заминировать с моря все крупные никарагуанские порты и тем самым вызвать экономический и военный коллапс Никарагуа в кратчайшие сроки. Шеф латиноамериканских операций ЦРУ вспоминал, что додумался до установки морских мин, потягивая джин со льдом и покуривая сигару в своей квартире¹⁹⁷. «Приближался сезон экспорта в Никарагуа, и, заблокировав их судоходство хотя бы ненадолго, мы сделали бы достаточно, чтобы устроить им экономические трудности... Я до сих пор удивляюсь, почему я не додумался до этого раньше». Кларридж даже возмущался, что многие, в том числе и конгрессмены, считают мины «негуманным» оружием. «На самом деле морскими минами было убито меньше людей, чем любым другим оружием, которое мы изобрели на протяжении столетий... Мины не элегантны, зато дешевы и эффективны... Конечно, я знал, что Агентство (ЦРУ) накопило изрядный запас как раз тех мин, которые мне требовались»¹⁹⁸. Мины были сделаны из обрезков канализационной трубы (то есть замаскированы под кустарное производство), обращение с ними не требовало особых навыков, и каждая «пиранья» могла нести по две штуки.

В ЦРУ прекрасно отдавали себе отчет, что согласно Уставу ООН такие действия приравниваются к боевым и не могут быть осуществлены без формального объявления войны. Но Кейси и Кларридж успокоили Рейгана — всю ответственность за минирование возьмут на себя «контрас». Президент США лично одобрил минирование, причем его посвятили в самые мелкие подробности предстоявшей операции¹⁹⁹.

5 января 1984 года начальника пресс-службы ФДН Чаморро разбудил в два часа ночи заместитель резидента ЦРУ в Тегусигальпе и передал пресс-релиз, составленный на отличном испанском языке. Именно из этого документа один из лидеров ФДН узнал, что ФДН, оказывается, приступил к минированию никарагуанских портов. Пресс-релиз требовалось срочно зачитать на радиостанции «контрас», чтобы опередить информацию, которую могли бы передать в эфир сандинисты.

Мины были размещены специальным отрядом ЦРУ в гаванях Пуэрто-Сандино, Коринто (Тихий океан) и Эль-Блуфф (на Атлантике).

¹⁹⁷ *Clarridge D. R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA.* New York, 1997. P. 269.

¹⁹⁸ *Ibid.*

¹⁹⁹ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua.* Boston, South End Press, 1988. P. 165.

Они были разработаны управлением ЦРУ по изготовлению боевой спецтехники (Weapons Group) при содействии специалистов ВМС США. Некоторые не имели аналогов в мире. Например, одна из мин представляла собой трехметровый цилиндр, начиненный 150 килограммами взрывчатки С-4. Эта мина была снабжена магнитометром, который улавливал магнитные волны от проходящих мимо больших стальных судов. После этого электрический разряд вызывал взрыв. Другие мины были замаскированы под камни, и их детонацию вызывали волны от проходивших рядом кораблей. Были и контактные мины, а также мины, приводившиеся в действие от акустических волн (то есть от шума, издаваемого кораблями)²⁰⁰. Всего американцы установили 75 мин.

Первая установка была произведена 7 февраля 1984 года в нефтеналивном порту Пуэрто-Сандино. Две «пирании» вошли на рейд, установили четыре мины и обстреляли из 25-миллиметровых пушек нефтехранилища в порту. Однако «пирании» наткнулись на плотный заградительный огонь советских 23-миллиметровых зенитных установок, и один из катеров был поврежден. Второй «пирание» пришлось взять первую на буксир, и вертолеты ЦРУ обеспечили им прикрытие отхода с воздуха.

25 февраля 1984 года у Эль-Блуффа были обстреляны с «пираний» два никарагуанских рыболовецких судна.

25-го же в 10:00 был поврежден, подорвавшись на двух минах, рыбацкий траулер «Песката 23». Семь человек оказались ранеными, двое пропали без вести. В 12:43 затонул после подрыва на мине траулер «Песката 15» после подрыва на мине. Были ранены два моряка. Сами «контрас» хвалились, что в результате их действий потерпели урон четыре никарагуанских патрульных судна, переоборудованные из рыболовных траулеров²⁰¹. 1 марта акустическая мина подорвала большой голландский корабль-землечерпалку на рейде Коринто. Голландские специалисты оценили ее мощность в 220 фунтов взрывчатки.

Газеты многих стран, в том числе и американские, сразу начали писать о причастности к минированию США, так как полагали, что мины устанавливаются с подводных лодок, которых не было у стран региона.

Американцы попросили Пастору на всякий случай тоже взять на себя ответственность за минирование никарагуанских портов, что он и сделал 1 марта. Пастора объявил целью минирования прекращение военных поставок в Никарагуа из СССР и других социалистических стран: «Берега Никарагуа являются военной зоной, и мы не несем ответственности за гибель гражданских лиц в этой зоне»²⁰².

²⁰⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 165.

²⁰¹ Хроника «минного кризиса» в Никарагуа в 1984 году и морские операции. См.: <http://alerozin.narod.ru/nikarag.htm>.

²⁰² Reed J. J. «Damn the Torpedoes!»: International Standards Regarding the Use of Automatic Submarine Mines. См.: <http://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1113&context=ilj&sei-redir=1#search=%22mining%20Corinto%201984%22>.

7 марта от американской мины пострадал панамский корабль (на самом деле английский сухогруз под панамским флагом) с грузом лекарств, продовольствия и запчастей. После этого Никарагуа направила США ноту протеста, которая была проигнорирована.

Помимо минирования американцы продолжали обстрел никарагуанских портов с катеров. 7 марта была обстреляна гавань атлантического порта Сан-Хуан-дель-Сур, который как раз намеревался захватить Пастора.

20 марта 1984 года ЦРУ изрядно испугалось — у Пуэрто-Сандино подорвался на mine советский танкер «Луганск» Новороссийского морского пароходства, перевозивший в Никарагуа 250 тысяч баррелей нефти. Советскому кораблю в определенной степени повезло, так как взрыв произошел под сухим трюмом. Тем не менее пятеро советских моряков были ранены, причем двое из них — серьезно. Танкер отремонтировали, и 25 марта он отправился обратно.

21 марта 1984 года министр иностранных дел СССР А.А.Громыко вручил ноту протеста временному поверенному в делах США в Москве. Советское правительство возложило на США всю ответственность в связи с подрывом «Луганска».

ФДН (слишком явно связанный с американцами) немедленно отрекся от этой акции, а Пасторе было уже все равно.

27 марта на минах подорвалось никарагуанское судно, занимавшееся ловом креветок. В этот же день было повреждено норвежское судно под либерийским флагом с грузом патоки. 30 марта было повреждено японское судно, перевозившее велосипеды, запасные части и строительные материалы.

У Никарагуа не было минных тральщиков, и траление портов проводили обычные рыбацкие суда с помощью сетей. При этом их постоянно обстреливали «пираньи» ЦРУ. Помощь в тралении обещали французы, но американцам удалось помешать выполнению этого обещания²⁰⁵.

По просьбе никарагуанцев в страну прибыла группа экспертов ВМС СССР (12 офицеров), чтобы оценить возможность продолжения судоходства и дать рекомендации по борьбе с минной опасностью. Именно советские офицеры и предложили переоборудовать в тральщики рыболовецкие сейнеры. Правда, советские специалисты решили, что мины кустарного производства, а это подкрепляло американскую версию о том, что мины ставят «контрас». Но, в любом случае, после визита советских моряков подрывов больше не было.

29 марта 1984 года никарагуанский патрульный катер смог отогнать две «пираньи», которые пытались поставить новые мины у Коринто. Радары никарагуанских пограничников засекли неподалеку большой корабль-матку, под защиту которого и удрали «пираньи», одну из которых никарагуанцы серьезно повредили. Сандинисты едва не захватили поврежденную «пиранью», и ЦРУ срочно пришлось перебросить для борьбы с никарагуанскими катерами

²⁰⁵ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 166.

вертолеты. Как вспоминал Кларридж, судно-матка ЦРУ располагалось в нейтральных водах и имело новейшую систему спутниковой шифрованной связи (SATCOM), что позволяло получать указания непосредственно из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли²⁰⁴.

На следующий день сразу три катера и три вертолета напали на панамский корабль, который загружал сахар в Пуэрто-Сандино. Американцы выпустили по кораблю 10 ракет, но ни одна из них не достигла цели.

Минирование портов вызвало протесты по всему миру, причем даже среди союзников США по НАТО. Свое возмущение выразили, например, Франция и Великобритания. Французский министр иностранных дел Клод Шейсон заявил, что если согласиться с минированием никарагуанских территориальных вод, то нельзя сказать ничего против и возможного минирования Ормузского пролива, через который Запад получает большую часть своей нефти²⁰⁵.

Министр внутренних дел Никарагуа Борхе предложил журналистам хотя бы на миг представить себе следующую картину — никарагуанцы или другие революционеры заминируют гавань Нью-Йорка или другой американский город, что технически не так уж и сложно сделать. «Что случится, если мы выделим 50 миллионов кордоб, чтобы разместить мины в Белом доме? Любой скажет, что мы убийцы и что мы сошли с ума. Хорошо, но почему тогда не сказать того же самого о тех, кто ассигнует миллионы долларов на убийство никарагуанцев?..»²⁰⁶

30 марта 1984 года Никарагуа потребовала экстренного созыва Совета безопасности ООН с целью осуждения «эскалации военной агрессии США против Никарагуа». Большинство членов Совета были готовы поддержать проект такой резолюции, но США воспользовались своим правом вето.

Минирование вызвало взрыв возмущения в США, в том числе и в конгрессе. При этом директор ЦРУ Кейси предупредил комитет палаты представителей по разведке на секретном брифинге 31 января 1984 года, что среди мер партизанской войны, применяемых «контрас», есть и минирование территориальных вод Никарагуа. Но так как директор ЦРУ перечислил установку мин среди многих других форм войны, то сенаторы не обратили на это особого внимания.

9 апреля 1984 года свое возмущение в письме директору ЦРУ выразил стойкий сторонник Рейгана и один из самых правых сенаторов США Барри Голдуотер. В 1964 году Голдуотер баллотировался на пост президента и с треском проиграл кандидату демократов Линдону Джонсону (который сам, будучи консервативным южанином, ассоциировал взгляды Голдуотера с Ку-Клукс-Кланом). Одним из самых активных сторонников Голдуотера в 1964 году был Рональд Рейган. В 1971 году Голдуотер предложил в сенате полностью прекра-

²⁰⁴ *Clarridge D.R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P. 271.*

²⁰⁵ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 166.*

²⁰⁶ *Ibid. P. 167.*

тить взносы США в ООН, так как эта организация приняла в свои ряды КНР. С точки зрения Голдуотера, ООН должна была «убраться» с территории США в Пекин или Москву. Голдуотер ненавидел либералов с восточного побережья США и как-то сказал, что для США было бы лучше, если бы отпилить все атлантическое побережье и позволить ему уплыть на все четыре стороны.

В апреле 1984 года Голдуотер, ярый антикоммунист и враг сандинистов, писал «дорогому Биллу» Кейси: «Весь прошлый уикенд я пытался сформулировать, как лучше всего выразить тебе свои чувства по поводу того, что президент одобрил минирование некоторых портов в Центральной Америке. Самое лучшее, что я могу сказать: меня подставили²⁰⁷!

Как я понял, ты проинформировал палату представителей по данному вопросу. Я об этом слышал. Но теперь, когда мы в течение всей прошлой недели вели важные дебаты относительно увеличения ассигнований на никарагуанскую программу (речь идет о финансировании «контрас» — прим. автора), у нас все шло хорошо, пока один из членов комитета не заявил, что президент одобрил минирование. Я решительно это опроверг, потому что ничего об этом не слышал... Билл, так железной дорогой не управляют... Президент попросил нас поддержать его внешнюю политику. Билл, но как мы можем поддерживать его внешнюю политику, если, черт побери, мы не знаем, что он делает?.. Минирование портов Никарагуа? Это ведь нарушение международного права. Это — акт войны. Я вообще не имею понятия, как мы сможем это объяснить»²⁰⁸.

Кларридж ехидно вспоминал, что ЦРУ не обязано было информировать парламентариев о каждой конкретной операции «большими буквами»²⁰⁹. Мол, для того у сенаторов и существует тьма помощников, чтобы анализировать для них подробности брифингов ЦРУ. Американская разведка информировала сенатский комитет по разведке о минировании никарагуанских портов 8 и 13 марта, уже после того как на минах подорвались несколько кораблей и об этом громко заговорили не только сандинисты, но и вся мировая пресса. «Боже, — возмущался „неинформированностью“ американских сенаторов Кларридж, — если сандинисты всю визжали, а „контрас“ сообщили о минировании в реестр Ллойда в Лондоне, то как, черт побери, кто-нибудь может утверждать, что мы пытались скрыть это от конгресса?.. Мы гордились минированием, мы знали — оно работает... Кофе, хлопок и сахар продолжали копиться в Коринто, напрасно ожидая судов... которые могли бы их забрать»²¹⁰.

Несмотря на свое возмущение, Голдуотер и ему подобные смогли собрать в сенате большинство. 5 апреля 1984 года верхняя палата конгресса одобрила выделение дополнительно 21 миллиона долларов в 1984 году на финансирование «контрас». Однако даже сенат (правда, в юридически необязательной

²⁰⁷ В оригинале письма — грубое непечатное выражение.

²⁰⁸ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 167.

²⁰⁹ Clarridge D. R., Digby D. *Spy for All Seasons: My Life in the CIA*. New York, 1997. P. 274.

²¹⁰ Ibid.

резолюции) осудил 10 апреля минирование никарагуанских портов. Только 12 сенаторов, в том числе и Голдуотер, проголосовали против.

Рейган неуклюже оправдывался: «Это кустарные мины, которые не смогут потопить ни один корабль... Я думаю, что шумиху здесь раздувают на пустом месте»²¹¹.

Американская пресса («ищейки-журналисты», как ее называл Кларридж) набросилась на ЦРУ. «Нью-Йорк Таймс» назвала минирование «незаконным, лживым и глупым»²¹². Многие конгрессмены по образцу Голдуотера делали вид, что введены в заблуждение. В этот критический для ЦРУ момент на его сторону решительно встал вице-президент (и бывший директор ЦРУ) Джордж Буш. Кларридж вспоминал, как Буш пригласил его в свой кабинет, выразил полную поддержку и вызвал фотографа, чтобы тот запечатлел их вместе для прессы. «Как всегда, Джордж Буш действовал классно», — заметил Кларридж.

9 апреля 1984 года Никарагуа подала иск против США в Международный суд ООН. Помимо минирования в иске перечислялись и другие агрессивные действия США против Никарагуа: поддержка «контрас», диверсии против гражданских объектов, военные маневры в Гондурасе с целью запугивания Никарагуа. В команде юристов правительства Никарагуа были и американцы, в том числе и бывший консультант госдепартамента при президенте Кеннеди Абрам Чейес.

Предвидя иск, администрация Рейгана еще 6 апреля заявила, что не признает юрисдикцию Международного суда по спорам с Никарагуа. Это было грубым нарушением американского законодательства: в 1946 году при принятии закона о признании юрисдикции суда ООН США оговорили за собой право в отдельных случаях не признавать этой юрисдикции, но только после предварительного уведомления за шесть месяцев до начала слушаний конкретного дела. Примечательно, что в 1980 году сами США обратились с иском против Ирана в Международный суд, когда в Тегеране были захвачены в заложники американские дипломаты. Несмотря на то, что Иран отказался тогда признать юрисдикцию суда, США настояли на продолжении слушаний и добились вынесения решения в свою пользу. В случае же с Никарагуа американцы требовали вообще не рассматривать иск.

Между тем 13 конгрессменов-демократов из юридического комитета палаты представителей потребовали назначения специального прокурора для расследования возможного нарушения администрацией Рейгана федеральных законов, например, Закона о нейтралитете.

США заявили, что на самом деле это они — жертва Никарагуа, так как порты минировались якобы только для предотвращения поставок оружия сандинистами в Сальвадор.

Иск Никарагуа должны были рассматривать 15 судей Международного суда, которые представляли следующие страны: США, ФРГ, Францию, Италию, Ве-

²¹¹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 168.

²¹² Ibid.

ликобританию, Японию. Индию, Аргентину, Бразилию, Алжир, Сенегал, Нигерию, Сирию, СССР и Польшу. Таким образом, все утверждения администрации Рейгана о «политизированности» суда не имели под собой абсолютно никаких оснований — большинство судей были из дружественных США стран.

10 мая 1984 году суд принял решение о предварительных мерах для охраны суверенитета Никарагуа в целях рассмотрения дела. Все 15 судей проголосовали за то, чтобы США немедленно прекратили минирование портов. Американцам пришлось свернуть операцию, которой так гордился Кларридж. 14 судей (американский судья воздержался) проголосовали также за то, чтобы были прекращены все военные и подрывные действия против Никарагуа. Госдепартамент лицемерно заявил, что суд требует от США прекратить то, чего американцы и так не делают²¹³.

Посол США при ООН Киркпатрик назвала Международный суд «полулегальным, полуюридическим, полуполитическим органом, который страны иногда признают, а иногда — нет»²¹⁴. 15 августа 1984 года к США в качестве ответчика присоединился Сальвадор, утверждавший, что он является жертвой вооруженной агрессии со стороны Никарагуа.

26 ноября 1984-го суд отклонил аргументы США относительно того, что он не имеет права рассматривать никарагуанский иск, и постановил оставить в силе все меры от 10 мая вплоть до окончания рассмотрения дела. В ответ на это 18 января 1985 года США заявили, что будут бойкотировать судебные заседания, так как Никарагуа использует Международный суд в политических интересах. За все 39 лет существования Международного суда ООН только три страны ранее решились на подобный шаг — Албания, Иран и Исландия.

К ужасу США, суду дал очень подробные показания бывший глава пресс-службы ФДН Чаморро, разочаровавшийся в «контрас» и их американских покровителях.

Международный суд принял решение 27 июня 1986 года. Основными пунктами были следующие:

- «...Соединенные Штаты Америки, обучая, вооружая, оснащая, финансируя и снабжая силы „контрас“ или иным способом поддерживая и содействуя вооруженной и подрывной деятельности против Никарагуа, совершили действия против Республики Никарагуа, нарушив свои обязательства по обычному международному праву о невмешательстве во внутренние дела другого государства»;
- «Соединенные Штаты Америки путем нескольких нападений на территорию Никарагуа в 1983–1984 годах, а именно, атак на Пуэрто-Сандино 13 сентября и 14 октября 1983 года, атаки на Коринто 10 октября 1983 года, атаки на базу ВМС Потоси 4–5 января 1984 года, атаки

²¹³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 170.

²¹⁴ *Nicaragua v. United States*. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Nicaragua_v._United_States.

на Сан-Хуан-дель-Сур 7 марта 1984 года, атак на патрульные суда у Пуэрто-Сандино 28 и 30 марта 1984 года; и атаки на Сан-Хуан-дель-Норте 9 апреля 1984 года... совершили действия против Республики Никарагуа, нарушив свои обязательства по обычному международному праву, запрещающие использование силы против другого государства»²¹⁵.

По решению суда США должны были немедленно прекратить все противозаконные акции против Никарагуа и выплатить этой стране компенсацию.

Примечательно, что Международный суд признал факт поставок оружия из Никарагуа в Сальвадор в 1979–1981 годах, но не нашел никаких данных о причастности к этому правительства Никарагуа. К тому же с точки зрения суда объем таких поставок был настолько незначительным, что в любом случае не мог бы служить предлогом для военных операций США против Никарагуа.

Американцы решение Международного суда проигнорировали и наложили в Совете Безопасности ООН вето на проект резолюции, обязывавшей США выплатить Никарагуа компенсацию. В 1992 году, когда сандинисты были отстранены от власти, правительство Никарагуа само отозвало свой иск из Международного суда.

В ответ на попытки Никарагуа добиться справедливости согласно нормам международного права США начали 1 апреля 1984 года вблизи от никарагуанской территории очередные маневры в Гондурасе, которые продлились три месяца. Отрабатывался десант с воздуха с целью захвата аэродромов противника. 20 апреля начались и военно-морские учения с участием авианосца «Америка» и десятков других боевых кораблей ВМС США.

В это время Кейси и Рейган пытались сгладить шок от минирования никарагуанских портов и убедить конгресс все же возобновить финансирование «контрас». Кейси представлял своих подопечных контрреволюционеров почти беззащитными перед лицом «сандинистской военной машины». Отвечая на вопрос, есть ли у «контрас» реальные шансы свергнуть правительство Никарагуа, директор ЦРУ сказал: «Я думаю, нет никаких шансов, что они смогут свергнуть правительство. В рядах сопротивления есть, может быть, 15 000 человек с винтовками, разбросанных по открытым незаселенным районам страны, где партизаны могут укрыться. Они не способны проникнуть в города, которые правительство защищает танками²¹⁶ и 75 тысячами военнослужащих регулярной армии, милиции и сил безопасности. Таким образом, они не сумеют свергнуть правительство»²¹⁷.

²¹⁵ Nicaragua v. United States. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Nicaragua_v._United_States.

²¹⁶ Танки на подступах к Манагуа появились только после агрессии США против Гренады — то есть не как «защита от контрас», а как мера предосторожности на случай американского десанта на столицу.

²¹⁷ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 172.

9 мая 1984 года Рейган обратился к нации по телевидению, требуя поддержки своей центральноамериканской политики: «Если мы будем продолжать оказывать лишь незначительную поддержку (союзникам США и „контрас“), то результатом будет коммунистическая Центральная Америка с дополнительными коммунистическими военными базами на континенте нашего полушария и коммунистическая подрывная деятельность, расползающаяся на север и на юг. Коммунистическая подрывная деятельность чревата тем, что 100 миллионов человек от Панамы до нашей открытой южной границы могут попасть под контроль просоветских режимов... Правление сандинистов — это царство террора... Но мы, американцы, должны понять и осознать тот факт, что сандинисты не удовлетворятся террором своего собственного народа... Они пытаются экспортировать свой террор в каждую из стран региона... Сандинисты утверждают, что начали наращивание своих вооруженных сил в ответ на американскую агрессию, и это самая циничная ложь»²¹⁸.

Рейган дошел до того, что сравнил Никарагуа с нацистской Германией (эту идею ему, кстати, подсказал Киссинджер) и пообещал повернуть вспять волну коммунизма, как это уже произошло на Гренаде.

Однако лживым утверждениям Рейгана о никарагуанской угрозе не поверили даже американские конгрессмены. 24 мая палата представителей отвергла запрос администрации о дополнительных ассигнованиях на «контрас» в 1984 году в размере 28 миллионов долларов, которые до этого одобрил сенат. Тогда Рейган стал активно лоббировать возобновление финансирования для «борцов за свободу» в 1985 году.

Пока же американцы решили показать себя в «роли голубя», чтобы сгладить волну возмущения в мире после минирования никарагуанских портов. 1 июня 1984 года в Манагуа неожиданно с коротким визитом прибыл госсекретарь США Шульц. О своей предстоящей поездке он условился лично с Рейганом и советником по национальной безопасности Макфарлейном, который теперь курировал «контрас» после того, как конгресс запретил это ЦРУ (путем прекращения финансирования всего «проекта контрас»). Кейси предупредили о визите только после того, как Рейган дал Шульцу зеленый свет. Многие члены кабинета Рейгана вообще узнали о миссии госсекретаря постфактум.

Шульц должен был «заехать» в Манагуа после церемонии инаугурации нового сальвадорского президента Наполеона Дуарте, в которой он участвовал. Госсекретарь описал свои переговоры с Даниэлем Ортегой как «цивильные и деловые».

Однако на разговор по существу американский гость был явно не настроен. Шульц опять повторил упреки в адрес Никарагуа по поводу поставок оружия в Сальвадор и «милитаризации страны», но главный упор сделал на невыполнении сандинистами данного в 1979 году обещания провести в стране свободные

²¹⁸ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 173–174.

выборы. Это утверждение звучало странно: к тому моменту уже назначили дату выборов, и предвыборная кампания должна была стартовать 1 августа 1984 года. Ортега заметил на это, что внутренние дела Никарагуа США не касаются.

В результате двухчасовых переговоров было решено, что США и Никарагуа начнут переговоры с целью нормализации двусторонних отношений в этом же месяце в Мексике.

Таким образом, визит Шульца был отвлекающим маневром (тем более что переговоры в Мексике на уровне заместителей министров иностранных дел США прервали уже в начале 1985 года), но даже это вызвало подозрения консерваторов в окружении Рейгана. Посол США при ООН Киркпатрик опасалась, что Шульц может пойти в Манагуа на какие-нибудь компромиссы с сандинистами. Кейси и министр обороны Каспар Уайнбергер («Кэп») боялись, что Шульц может «продать» «контрас» в обмен на какие-нибудь уступки сандинистов²¹⁹.

К тому времени любой сотрудник администрации Рейгана должен был быть горячим сторонником «контрас». В Белом доме это превратилось в главное политическое кредо. Один из членов администрации вспоминал: «Мужик, если бы кто-то недостаточно яро поддерживал „контрас“, то его сочли бы коммунистом»²²⁰.

Консерваторы вроде Кейси, Макфарлейна и Уайнбергера считали Шульца либералом, а Рейгана — идиотом, которого можно убедить в чем угодно. Поэтому регулярные еженедельные встречи госсекретаря с президентом вызвали у «ястребов» стойкие подозрения.

Но и Шульц, и его преемник на посту госсекретаря Бейкер просто полагали, что после того как конгресс запретил прямое финансирование «контрас», надо попробовать и иные методы для воздействия на Никарагуа.

Бейкер, например, говорил, что глупо пытаться делать косвенно то, что запретили делать прямо. Однако ни он, ни Шульц не собирались «сдавать» «контрас». «Нью-Йорк Таймс» сообщила 3 июня 1984 года, комментируя визит госсекретаря в Манагуа: «Президент Рейган будет продолжать свои попытки добиться большей военной помощи для никарагуанских повстанцев, даже если он и планирует в качестве дополнительной меры переговоры с никарагуанским правительством. Об этом заявил госсекретарь США Джордж Шульц на обратном пути из Манагуа домой в пятницу. Он сказал, что администрация по-прежнему будет запрашивать 21 миллион долларов для поддержки („контрас“ — прим. автора), в которых отказала палата представителей. В Манагуа (никарагуанское) правительство расценило переговоры с мистером Шульцем как хорошее начало, но призвало США к конкретным шагам по урегулированию конфликтов в Центральной Америке. В Ирландии один из высокопоставленных представителей администрации Рейгана вы-

²¹⁹ Cannon L. President Reagan: the role of a lifetime. New York, 1991. P.331.

²²⁰ Ibid. P.332.

разил „неудовольствие“ тем, что встреча не привела к изменению позиций ни одной из сторон...»²²¹

Но ЦРУ и не собиралось свертывать свой «никарагуанский проект». Точно в день визита Шульца «тактическая группировка» ФДН (500–600 бойцов) напала на северный никарагуанский город Окоталь, в котором проживали примерно 21 000 человек. Нападавшие были прекрасно вооружены автоматами, минометами, гранатометами, а также зажигательными веществами.

Бандиты атаковали на рассвете и первым делом сожгли местную радиостанцию, убив ее сторожа, которого облили бензином и сожгли еще живым. Потом они уничтожили лесопилку и сожгли шесть складов с зерном (там находилось примерно 1500 тонн риса, бобов и сорго). Пострадали также местный госпиталь, предприятие по заготовке кофе и здание электроэнергетической компании. Местная милиция храбро сопротивлялась, и, как только над Окоталем около 11:00 появились два вертолета сандинистов, «контрас» стали поспешно отходить из Окоталья. В результате нападения были убиты 16 человек и 27 получили ранения.

Одно лишь уничтожение завода по заготовке древесины нанесло ущерб в размере 10–15 миллионов кордоб и оставило 250 человек без работы²²². Руины завода, который «контрас» обстреляли зажигательными минами, дымилась еще два дня.

Но если минирование никарагуанских портов лишило ЦРУ финансирования со стороны конгресса, то атака на Окоталь едва не стоила Рейгану президентского кресла. Дело в том, что бежавшие из Окоталья «контрас» оставили в городе две занимательные книжки, подготовленные для них ЦРУ. Одна из них, выполненная в виде комиксов (с учетом, прямо скажем, не очень высокого культурного уровня подавляющего большинства «контрас»), называлась «Руководство для борца за свободу». У нее был длинный подзаголовок: «Практическое руководство по освобождению Никарагуа от угнетения и нищеты путем парализации военно-промышленного комплекса предательского и продажного марксистского государства без использования специальных приборов и с минимальным риском для бойца».

ЦРУ советовало бороться с «предательским марксистским государством» следующими методами: «Не ремонтируй автомобили и станки. Прячь и ломай инструменты. Выкидывай инструменты в канализацию. Опаздывай на работу. Медли с выполнением указаний начальства. Не выходи на работу по болезни. Не выключай перед уходом свет. Не закрывай краны с водой. Сажай цветы на полях государственных хозяйств. Воруй у правительства продукты и не допускай их попадания в торговую сеть. Отставляй открытыми ворота в заго-

²²¹ См.: <http://www.nytimes.com/1984/06/03/world/nicaragua-policy-is-affirmed-by-us-after-shultz-trip.html>.

²²² Brody R. Contra terror in Nicaragua: report of a fact-finding mission, September 1984 – January 1985. 1985. P. 56.

нах для скота. Распуская слухи. Звони в отели и заказывай номера. Разливай на рабочем месте жидкость (на картинке был изображен человек, проливающий кофе на документы). Роняй на пол пишущие машинки. Кради и прячь документы. Звони по телефону и сообщай о ложных тревогах по поводу пожаров и преступлений. Разбивай лампочки и окна. Порть книги. Перерезай телефонные кабели. Перерезай кабели систем сигнализации. Забивай мусором туалеты и канализацию. Рисуй антисандинистские лозунги (на картинке был изображен человек, рисующий лозунг „Да здравствует Папа Римский!“). Разбивай стекла в полицейских участках, светофоры и уличные фонари. Раскидывай гвозди и на дорогах и шоссе. Клади гвозди рядом с колесами припаркованных автомобилей. Сыпь грязь в бензобаки. Лей воду в бензобаки. Режь и протыкай обивку сидений автомашин. Отрывай „дворники“ и габаритные фонари автомашин. Разрезай и протыкай колеса. Сыпь грязь в карбюратор и распределитель зажигания. Отрывай провода блока зажигания. Перерезай провода блока зажигания. Кради кожух ротора. Порть аккумуляторы. Перерезай провода аккумулятора. Помещай в аккумулятор гвозди. Спилывай деревья вдоль дорог, чтобы они перекрывали движение. Клади на дороги камни. Рой на дорогах канавы...»²²³

Сборник комиксов заканчивался призывом к бойцам СНА и милиции переходить на сторону «контрас», «если возможно — с оружием».

Интересно, что многие картинки комиксов отражали не никарагуанские, а американские реалии. Например, полицейские участки изображались именно такими, какие можно было увидеть в США, а в Никарагуа подобных зданий не строили. Спички в комиксах были в типично американских «книжках», а не в типично никарагуанских коробках.

Однако главный скандал в Америке вызвало не это неуклюже составленное «руководство», а отпечатанный ЦРУ в 2000 экземплярах и переведенный на испанский язык учебник «Психологические операции в партизанской войне», который призывал совершать многие действия, прямо запрещенные американским законодательством.

Этот учебник по заданию Кларриджа написал некий Джон Киркпатрик (автор скрывался под псевдонимом Тайакан), ветеран американского спецназа и специалист по борьбе против партизан. Учебник был во многом списан с полевого наставления американской армии 1968 года, который изучался в школе подготовки войск спецназначения США в Форт-Брэгге и использовался американскими «зелеными беретами» во Вьетнаме²²⁴.

Весь смысл учебника состоял в том, чтобы научить «контрас» держать в страхе гражданское население: «В ходе любой революции человек живет

²²³ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 184.

²²⁴ Кстати, именно в Форт-Брэгге и по упомянутому руководству 1968 года учились многие офицеры элитных подразделений национальной гвардии Сомосы, ставшие позднее главарями «контрас».

под постоянным страхом физического ущерба. Если правительственная полиция не в состоянии положить конец активности партизан, население потеряет доверие к правительству, так как одна из главных задач всякого правительства — обеспечение безопасности граждан. Тем не менее партизанам не следует увлекаться явным, открытым террором, ибо это может закончиться потерей поддержки населения»²²⁵.

Самым скандальным в учебнике было то, что он советовал «контрас» совершать убийство видных общественных деятелей, не обязательно связанных с правительством, в пропагандистских целях. «Могут быть нейтрализованы тщательно отобранные цели. Нейтрализация должна быть хорошо спланирована. К данным целям относятся окружные и мировые судьи, офицеры полиции и госбезопасности, председатели или активисты Комитетов сандинистской защиты и т.д. Если партизан убивает кого-нибудь, необходимо разъяснить населению, что убитый был врагом народа и убили его потому, что партизаны считают своим долгом защищать население»²²⁶.

В учебнике «контрас» советовали созывать «трибуналы» и при большом скоплении народа «высмеивать и стыдить» людей, являющихся «персонифицированным символом» правительства. При публичных казнях «борцы за свободу» должны были добиваться участия в них местного населения, которому предстояло, например, «формулировать обвинение».

Можно было и похищать гражданских лиц, причем не только государственных деятелей, а любого, «кто согласен с сандинистами»²²⁷.

Для выполнения «отдельных акций» можно было привлекать профессиональных преступников.

Удивительно циничным даже по меркам ЦРУ было предложение делать из собственных сторонников «мучеников». Например, надо было провоцировать демонстрантов на насилие, чтобы добиться стрельбы со стороны сил правопорядка и вызвать «смерть одного или нескольких лиц, которые станут мучениками, что надо использовать против режима для того, чтобы вызвать еще большие конфликты». Причем именно преступники и призваны были превращать мирные демонстрации в насильственные, применяя, по совету ЦРУ, дубинки, ножи, бритвы и цепи.

Учебник призывал «борцов за свободу» брать пример с нацистов: «Командирам группировок следует помнить: такие операции, как „пятая колонна“, осуществлявшиеся в первой половине Второй мировой войны путем проникновения в тыл противника и подрывных действий, позволили немцам войти в страны-цели еще до прямого вторжения. Им удалось осуществить проникновение в Польшу, Бельгию. Голландию и Францию в течение месяца, в Норве-

²²⁵ Белят М.Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 300.

²²⁶ Там же. С. 282.

²²⁷ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 179.

гию — за одну неделю. Эффективность этой тактики наглядно демонстрировалась в ходе различных войн...»²²⁸

На самом деле в учебнике психологической войны не было ничего, что «контрас» уже и так не использовали по советам своих американских инструкторов. Но этот учебник стал известен американским СМИ как раз в разгар предвыборной кампании в США.

Сенатор Гэри Харт к тому времени был выключен из борьбы. Первоначально Харт шокировал Америку, когда на праймериз в штате Нью-Хэмпшир (которые традиционно считаются барометром политических настроений для всей страны) победил фаворита демократов, бывшего вице-президента при Картере Уолтера Мондейла, причем с разрывом в 10%. Но затем партийная машина демократов все же выдвинула бесцветного Мондейла, которого Рейган считал менее опасным противником.

Мондейл поднял тему скандального «учебника ЦРУ» во время дебатов с Рейганом 21 октября 1984 года. Рейган оправдывался, утверждая, что учебник писал не работающий в ЦРУ человек, которого просто наняли, чтобы помогать «контрас». ЦРУ якобы потом подправило учебник, исключив из него все скандальные советы, но по недоразумению было отпечатано несколько штук в прежней версии, которые и стали достоянием общественности. Однако Рейгану все же пришлось пообещать провести официальное расследование и наказать виновных: «Тот, кто в этом участвовал, будет уволен»²²⁹.

В результате ЦРУ разорвало договор с Кирпатриком, а нескольким сотрудникам разведки среднего звена вынесли предупреждения. Предупреждение получил, например, заместитель резидента ЦРУ в Гондурасе Дональд Винтерс.

Но главным ущербом для ЦРУ от его собственного учебника было ужесточение позиции конгресса США по поводу продления финансирования «контрас». 3 октября 1984-го сенат, хотя и с опозданием, одобрил выделение «контрас» 28 миллионов долларов еще в текущем году. Однако палата представителей (которая в США имеет фактически больше полномочий в бюджетном процессе, чем сенат) отвергла этот законопроект и всего лишь согласилась вернуться к вопросу о выделении «контрас» 14 миллионов долларов после 28 февраля 1985 года (то есть уже в новом финансовом году).

12 октября 1984 года конгресс одобрил закон, казалось, прекращавший «никарагуанский проект» ЦРУ: «В течение 1985 финансового года никакие средства, выделенные Центральному разведывательному управлению, Министерству обороны или иным государственным органам либо учреждениям Соединенных Штатов Америки, вовлеченным в разведывательную деятельность, не могут быть выделены или потрачены для целей, результатом которых могла бы стать поддержка, прямая или косвенная, военных или партизанских

²²⁸ *Белят М.Ю.* Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 307.

²²⁹ *Sklar H.* Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 185.

операций в Никарагуа со стороны любого государства, группы, организации, движения или физического лица»²³⁰.

ЦРУ (причем только в 1985 году) разрешили поддерживать контакт с «контрас» лишь с целью сбора через них разведывательной информации.

Начало 1984-го застало «контрас» на всех фронтах в тяжелом положении, которое на протяжении года продолжало осложняться. После введения в силу закона о воинской повинности уже осенью 1983 года на призывных пунктах добровольно зарегистрировались около миллиона никарагуанцев. И это при том, что призыв осудили никарагуанские епископы.

Сам призыв начался с января 1984 года, и ряды СНА сразу резко выросли. Конечно, подготовка новобранцев во многом оставляла желать лучшего, но она с лихвой компенсировалась высоким боевым духом. А в течение 1984 года этот дух подкрепили советские вертолеты, пушки и РСЗО.

Не будет преувеличением сказать, что именно в 1984-м война против «контрас» пошла всерьез. Время засад против одиночных машин, учителей и мелких подразделений милиции ушло безвозвратно. Отныне группировки «контрас» уже не возвращались в Гондурас без потерь, и их моральный дух сильно упал.

Сандинисты теперь сами применяли тактику засад — «тактических засад по площадям». Батальоны милиции окружали какой-либо район, в котором предполагалось наличие бандитов. Затем этот район с вертолетов и РСЗО обрабатывала армия, а милиция занимала «зачищенные квадраты». Теперь «контрас» несли тяжелые потери, подчас даже не имея визуального контакта с противником. Советская артиллерия осколочными снарядами вызвала множество ранений, а возвращаться в Гондурас приходилось днями и даже неделями в условиях постоянных боев. Многие раненые «контрас» уже не добились до своих баз живыми. Один из командиров ФДН, отлеживаясь в лесной хижине с тяжелой раной, отрезал себе ножом ногу по частям, чтобы избежать гангрены.

Сандинисты отселили из охваченных боями северных районов всех мирных жителей и теперь могли «обрабатывать» огнем местность без опасений причинить вред мирному населению. К тому же подобная тактика позволяла минимизировать экономический ущерб, так как переселенцы работали на полях и заводах рядом с дорогами и под защитой войск. «Контрас» же, напротив, были лишены в горных районах былой поддержки (пусть часто и вынужденной) со стороны гражданского населения.

Даже без прекращения финансирования конгрессом многим инструкторам ЦРУ казалось, что песенка «бойцов за свободу» спета. В этих условиях минирование никарагуанских портов было актом отчаяния ЦРУ, которое неумолимо проигрывало войну в никарагуанских горах.

²³⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 175.

Но американская разведка не желала признавать себя побежденной. В середине 1984 года ЦРУ решило, наконец, добиться единства действий между северным (гондурасским) и южным (костариканским) фронтами «контрас», применив метод сотворения «мучеников» из собственного учебника.

Американцы решили, что на роль «мученика», пожалуй, подойдет командующий силами АРДЕ в Коста-Рике Пастора. Он наотрез отказывался даже от формального соглашения с ФДН, поскольку считал себя врагом как сандинистов, так и сомосистов (бывших национальных гвардейцев, которые стояли во главе всей ФДН и ее тактических группировок).

К тому же, как и ФДН, АРДЕ активно занималась контрабандой наркотиков. Уже в мае 1984 года в Лэнгли пришла шифровка от резидентуры в Коста-Рике, в которой говорилось, что в наркобизнес вовлечен один из лидеров АРДЕ Карол Прадо и об этом известно даже таможенным властям США.

Всегда любивший покрасоваться перед журналистами Пастора созвал на 30 мая 1984 года пресс-конференцию в отдаленном поместье Ла-Пенка — в джунглях недалеко от никарагуанской границы и рядом с устьем пограничной реки Сан-Хуан. На каноэ и джипах к Пасторе пробрались примерно три десятка журналистов, в том числе и иностранных (американцы, шведы, датчане). Встреча обещала быть интересной, так как Пастора, по слухам, собирался рассказать о внутренних разногласиях в рядах никарагуанской вооруженной оппозиции.

Пастора появился в окружении телохранителей, но не успел даже раскрыть рта — примерно в 19:20 в зале сработала начиненная взрывчаткой С-4 бомба, замаскированная под камеру и оставленная кем-то прямо перед героем пресс-конференции. Он чудом остался жив, но получил ранения ног и ожоги. Пастора быстро покинул Ла-Пенку на моторной лодке. Однако один из его телохранителей и четверо журналистов (среди них американка Линда Фрезер) погибли. 25 человек были ранены и оставались без врачебной помощи несколько часов, пока их не смогли доставить на лодках до ближайшего доктора. Интересно, что американское посольство в Коста-Рике, до которого дозвонились журналисты из Ла-Пенки, отказалось организовать присылку вертолетов на место теракта. Костариканские власти почему-то в течение 48 часов не отдавали указаний о закрытии границ страны.

Начиненную взрывчаткой «камеру» оставил «датский журналист-фотограф» Пер Анкер Хансен, которого после этого никто не видел. Со своими коллегами-датчанами Хансен предпочитал говорить мало, причем на плохом английском и хорошем испанском. Еще до начала пресс-конференции (которую Пастора хотел было перенести на утро) «Хансен» жестами показал, что с камерой что-то не в порядке, и вышел из зала. После этого он, видимо, привел бомбу в действие с помощью радиосигнала.

Настоящий Хансен вскоре нашелся — он был в Дании, но ранее во время поездки в Латинскую Америку у него украли паспорт²³¹. Участников пресс-

²³¹ *Белят М.Ю.* Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 281.

конференции отбирали представители «контрас» в костариканской столице Сан-Хосе.

Пастора немедленно обвинил в организации покушения ЦРУ. Лидер никарагуанской правой оппозиции Артуро Крус (который в то время уже получал денежное пособие от ЦРУ) обвинил в теракте погибшую американскую журналистку Фрезер, которая якобы взорвала себя по заданию сандинистов.

ЦРУ, естественно, запустило в прессу слух, что Пастору пытались убить сандинисты, причем с помощью киллера из баскской террористической организации ЭТА. В связях с ЭТА обвинили одного из присутствовавших на пресс-конференции американских журналистов Тони Авиргана, который сам был ранен.

Версия ЦРУ была «красивой», так как связывала Никарагуа с одной из самых известных в мире террористических организаций. К тому же, вовлекая ЭТА и сандинистов в теракт, ЦРУ компрометировало СФНО в глазах правящей Испанской социалистической рабочей партии, у которой с сандинистами сложились очень хорошие отношения. Называлось даже имя баскского террориста — Хос Мигель Лухуна — но уже через неделю французские власти сообщили, что он сидит в тюрьме.

Слухи об активности ЭТА в Коста-Рике распускались ЦРУ еще с октября 1983 года, причем говорилось и о том, что террористы хотят убить Пастору. 15 марта 1984 года госдепартамент США (Офис публичной дипломатии, в котором помимо дипломатов работали и представители разведки) нанял «частного консультанта» Луиса Мигеля Торреса, чтобы он подготовил подробный доклад на тему террористической деятельности ЭТА в Центральной Америке. Торрес нашел свидетеля, некоего Монтенегро, который утверждал, что боевики ЭТА вместе с сальвадорскими партизанами провели несколько взрывов в Сальвадоре. Интервью с Монтенегро было «слито» в прессу госдепартаментом сразу же после покушения на Пастору.

Начальник пресс-службы ФДН Эдгар Чаморро вспомнил, как еще в октябре 1983 года один из сотрудников ЦРУ в Гондурасе попросил его распространить постеры с изображением руки с автоматом, занесенной над картой Центральной Америки, и текстом, в котором говорилось о планировавшихся ЭТА терактах в регионе²³².

В 1986 году родственники одного из раненных при покушении на Пастору американских журналистов, упомянутого выше Тони Авиргана подали судебный иск против ЦРУ и лиц, связанных с сотрудником Совета национальной безопасности США, подполковником морской пехоты Оливером Нортом.

По версии Авиргана, «человек Норта» в Коста-Рике миллионер Джон Халл обеспечивал передвижение по стране «Хансену». Смыслом теракта было убить неговорчивого Пастору и передать руководство «южным фронтом» «контрас» более покладистому и приемлемому для ФДН Фернандо Чаморро (кличка

²³² Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.283.

Эль Negro), возглавлявшему контрреволюционную группировку ФАРН (испанская аббревиатура — Революционные вооруженные силы Никарагуа).

Еще одной причиной теракта могло стать активное участие группировки Пасторы (АРДЕ) и его лично в контрабанде наркотиков в США. Эта деятельность приняла столь масштабный характер, что скрывать ее от общественности было все труднее. ЦРУ так описывало это в своем официальном отчете: «В январе 1984 года штаб-квартира (в Лэнгли) получила информацию, что вертолеты, закупленные кубинскими эмигрантами на имя организации „контрас“ Эдена Пасторы — АРДЕ, находятся в Майами на складе, принадлежащем одному бизнесмену. Один из кубинских эмигрантов в Майами (некий Саркис — прим. автора) был установлен в качестве спонсора приобретения этих вертолетов. В январе штаб-квартира (ЦРУ) получила информацию от ФБР, что Саркис „может стать объектом юридического расследования, связанного с его незаконной деятельностью“. В результате штаб-квартира ЦРУ предупредила всех своих агентов, поддерживавших контакт с Саркисом, что тот «может быть вовлечен в незаконную торговлю наркотиками»²³³.

Видимо, ЦРУ опасалось, что словоохотливый и любящий журналистов (особенно женского пола) Пастора может проболтаться на пресс-конференции о наркобизнесе «контрас» в Америке, и тогда конгресс США уже никогда не возобновил бы финансирование этих «борцов за свободу». Уже после покушения на Пастору ЦРУ отмечало, что АРДЕ только активизировал контрабанду кокаина в США: «В октябре 1984 года ЦРУ получило информацию, позволявшую сделать вывод, что высшие представители АРДЕ, включая многих лиц из ближайшего окружения Пасторы — Адольфо Чаморро, Карло Прадо и Херардо Дурана, установили рабочие отношения с одним наркодилером в Майами. Шифровка от октября 1984 года в штаб-квартиру (ЦРУ) сообщала, что Адольфо Чаморро — второе лицо в командной структуре после Пасторы — только что заключил „соглашение о взаимной помощи“ с одним из наркодилеров в Майами, чье имя было неизвестно на момент составления шифровки. В шифровке в штаб-квартиру сообщалось, в частности: «[АРДЕ] предоставит оперативные возможности [АРДЕ] в Коста-Рике и Никарагуа для обеспечения транспортировки наркотиков и получит содействие официальных лиц правительства Коста-Рики в предоставлении документации в обмен на финансовую поддержку, самолеты и тренировку летчиков для [АРДЕ]»²³⁴.

Но в 1988 году суд отверг требование Авиргана о выплате 25 миллионов долларов в виде компенсации ущерба здоровью, сочтя доводы обвинения недоказанными.

В 1990 году уже правительство Коста-Рики обвинило ЦРУ в организации покушения на Пастору и назвало для дачи показаний двух подозреваемых —

²³³ Southern Front Contras: The Contra Story. См.: <https://www.cia.gov/library/reports/general-reports-1/cocaine/contra-story/south.html>.

²³⁴ Ibid. См.: <https://www.cia.gov/library/reports/general-reports-1/cocaine/contra-story/south.html>.

кубинского эмигранта Фелипе Видала и упомянутого американского «фермера» Джона Халла²³⁵, который жил в 1984 году в Коста-Рике и которого указал в числе организаторов преступления Авирган.

Еще в 1985 году на ранчо Халла костариканская полиция задержала нанятых Робертом Оуэном (о нем ниже) пятерых наемников из американской правой организации «Гражданско-военное содействие» (Civilian Military Assistance, СМА) по обвинению в нарушении законов Коста-Рики о нейтралитете и незаконном владении взрывчаткой.

Сам Пастора тоже считал, что его несостоявшееся убийство организовал именно Халл — по его словам, «самый неприкасаемый человек в Коста-Рике». Представитель Оливера Норта (об этом человеке, курировавшем «контрас» от СНБ США после того, как конгресс запретил делать это ЦРУ, речь пойдет ниже) Роберт Оуэн (очередной «cut out» ЦРУ) в момент покушения на Пастору встречался в Коста-Рике с Халлом и главой резидентуры ЦРУ Джо Фернандесом. Позднее Оуэн заявил на официальных слушаниях комитета конгресса по расследованию аферы «Иран — „контрас“»: «Я был там на юге со специальной миссией по поручению полковника Норта. В тот вечер, когда это (покушение на Пастору — *прим. автора*) произошло, я был в Сан-Хосе». Оуэн, как и Фернандес был шокированы, когда «какие-то никарагуанцы» передали новость о покушении на Пастору. Оуэн пытался убедить комитет конгресса, что за покушением на Пастору стоял ливийский лидер Каддафи. Объяснялось это так: Каддафи сначала дал Пасторе 3 миллиона долларов, а потом потребовал, чтобы Пастора приехал к нему в Ливию. Но, поскольку тот не торопился, покушением Каддафи отправил ему своего рода послание.

Следует отметить, что версия Халла — Оуэна появилась в самый разгар обострения американско-ливийских отношений, когда по приказу Рейгана ВВС США нанесли ракетно-бомбовый удар по резиденции Каддафи, чтобы убить ливийского лидера. Рейган представлял Каддафи как главного мирового террориста, поэтому в его причастности к покушению на Пастору могли бы поверить многие американские СМИ. Правда, было абсолютно неясно, зачем Каддафи, поддерживавший прекрасные отношения с сандинистами, должен был платить Пасторе.

Позднее появились данные, что под личиной «Хансена» скрывался член одной из подпольных левых аргентинских группировок Виталь Роберто Гагэн, погибший в 1989 году при налете на аргентинскую военную базу. Гагэна якобы использовали сандинисты. Костариканским прокурорам так и не удалось найти труп Гагэна, чтобы опознать его на предмет сходства с «Хансеном».

²³⁵ На жаргоне ЦРУ Халл принадлежал к так называемым «cut out», то есть к тем, кто формально не состоял на службе в ЦРУ или в других американских государственных органах и поэтому выполнял особенно «щекотливые» поручения, от которых американская разведка всегда могла откеститься, представив это инициативой частного лица.

Генеральный прокурор Коста-Рики вообще заявил, что аргентинские власти не уверены, что погиб именно Гагэн.

Это похоже на очередную «подсадную утку» ЦРУ. Ведь было известно, что аргентинские партизаны уничтожили Сомосу в Парагвае. Поэтому вполне логично было предположить, что они же по заданию сандинистов расправились и с Пасторой. Конечно, это звучало более правдоподобно, чем «след ЭТА».

Но даже если предположить, что покушение осуществила госбезопасность Никарагуа, в этом не было бы ничего странного, — Пастора был лидером вооруженной группировки, которая убивала мирных никарагуанцев, а также представителей правительства, армии и полиции Никарагуа. Израиль, например, занимается подобными акциями и по сей день, не собираясь приносить за это никому никаких извинений.

В любом случае весьма странно, что госдепартамент и ЦРУ разрабатывали версию причастности ЭТА к покушению на Пастору еще до самого покушения. К тому же и сам Пастора указывал на ЦРУ, а не на сандинистов.

Как бы то ни было, после покушения на южном фронте контрреволюции заправляли уже сторонники тесного единства с ФДН, а Пастора отошел в тень.

Пока американцы пытались предотвратить полный распад выпестованной ими контрреволюции, в Никарагуа набирала обороты предвыборная кампания.

Американцы делали ставку на «координатору», которая прилежно выполняла все указания Вашингтона и получала от американцев финансовую помощь. В блок правых сил помимо КОСЕП входили два профцентра — христианско-демократический НКТ и CUS (получавший дотации от связанного с ЦРУ AIFLD) — и четыре наиболее правые политические партии: Социал-христианская партия (организация христианско-демократического толка, получавшая помощь от родственных партий из Западной Европы; на эту партию ориентировался НКТ), Никарагуанская консервативная партия (основанная в июне 1984 года), Социал-демократическая партия (основана осенью 1979 года, ее лидером был редактор «Ла Пренсы» Педро Хоакин Чаморро-младший) и Конституционалистская либеральная партия (в 1967 году откололась от правившей тогда либеральной партии Сомосы).

Все эти партии, за исключением Социал-христианской, были очень малочисленными и не слишком популярными среди населения. Лидер консерваторов Марио Раппачиолли говорил о своих коллегах по «координатору», что все члены этих партий уместятся в одном автобусе²³⁶. О политической позиции «координаторы» можно судить по высказыванию того же Раппачиолли, который считал все основные американские газеты, особенно «Вашингтон Пост» коммунистическими.

Формально «координатора» и ее рупор «Ла Пренса» не поддерживали «контрас», но это было лишь данью никарагуанскому общественному мнению, не-

²³⁶ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 194.

навидевшему в своем большинстве «борцов за свободу». Тем не менее лидер ФДН Адольфо Калеро называл «координатору» своим «политическим крылом». Совладелец «Ла Пренсы» (которую в Никарагуа метко окрестили «Ла Прен-СИА», СИА — по-испански означало ЦРУ) Чаморро говорил, что борьбу «координаторы» и «контрас» можно сравнить с действиями пехоты и ВВС, поддерживающих друг друга. Во время избирательной кампании «демократическая и независимая» «Ла Пренса» не предоставляла свои страницы даже буржуазным оппозиционным буржуазным партиям, не состоявшим в «координаторе». Большую часть газеты занимали восторженные комментарии американской внешней и внутренней политики.

В сентябре 1984 года советский журналист спросил Педро Хоакина Чаморро-младшего, почему «Ла Пренса» использует только информацию западных информационных агентств, но игнорирует никарагуанское агентство АНН. Ответ был весьма красноречивым: «Хочу подчеркнуть, что „Ла Пренса“ — газета полностью независимая, демократическая и объективная. Мы не связаны обязательствами ни с одним правительством и критикуем настоящий революционный процесс, выражая точку зрения на него никарагуанского народа. Что же касается публикации „западных“, как Вы выражаетесь, агентств, то мы и не собираемся скрывать, что мы — антикоммунисты. Поэтому и печатаем на своих страницах друзей и не печатаем врагов. Считаем, в „Ла Пренсе“ нечего делать, скажем, кубинскому агентству „Пренса Латина“»²³⁷.

«Ла Пренса» оправдывала даже американские военные учения в Гондурасе, которые, мол, нужны, чтобы смягчить внутреннюю политику сандинистов.

Еще за несколько месяцев до никарагуанских выборов Рейган уже окрестил их «бесстыдством в советском стиле». Теперь перед ЦРУ и госдепартаментом стояла задача это доказать. И здесь «координатора» и «контрас» работали рука об руку. ФДН должна была активизировать вооруженную борьбу и сорвать регистрацию избирателей и голосование. «Координатора» должна была придраться к недемократичности выборов, призвать к их бойкоту и тем самым доказать всему миру их недемократичность.

Главным и заранее невыполнимым требованием «координаторы» было налаживание еще до выборов политического диалога между правительством и «контрас», который мог бы спасти «борцов за свободу» от грозящего им полного разгрома.

Сначала правые вообще требовали провести перед президентскими и парламентскими выборами выборы муниципальные, чтобы избирательными комиссиями на местах руководили уже вновь избранные органы власти. К тому же местные выборы было легче сорвать с помощью «контрас». Но это требование народ не спешил поддержать — люди полагали, что и так имеют достаточно власти через Комитеты сандинистской защиты и другие общественные организации.

²³⁷ Белят М. Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 364.

Тогда «координатора» потребовала сначала провести выборы в конституционную ассамблею, которая примет конституцию и назначит выборы президента и парламента уже на ее основе. Фактически это означало тактику на затягивание формирования в Никарагуа свободно избранных высших органов власти. Ведь конституцию мог принять и свободно избранный парламент.

В марте 1984 года госсовет принял ключевой для предвыборной кампании законы о политических партиях, а также избирательный закон, в который вошли многие требования оппозиции. Ничего подобного по степени открытости и демократичности в Центральной Америке не было. Сальвадорцы, гватемальцы и гондурасцы могли только мечтать о той степени политической свободы, которая царил в Никарагуа.

Каждая политическая партия страны вне зависимости от ее численности получила из бюджета на предвыборную кампанию одинаковую сумму 9 миллионов кордоб (900 тысяч долларов по официальному курсу). Партиям было разрешено получать дополнительные средства, как от никарагуанских, так и от зарубежных спонсоров. Независимый орган по проведению выборов — Избирательный совет — бесплатно предоставлял партиям необходимые для агитации материалы — бумагу, чернила и т. д.

Во время кампании каждая партия имела право на 22 часа политической рекламы (по 15 минут в день) по государственному телевидению, в самое удобное время и на обоих каналах. Предоставлялось также 44 часа на государственных радиостанциях (по 30 минут в день)²³⁸.

С началом предвыборной кампании 1 августа 1984 года была отменена политическая цензура. К тому же никарагуанцы и так могли слушать на всей территории страны коротковолновые радиостанции «контрас», а также «Голос Америки» — всего около 70 иностранных радиостанций, большинство которых настраивали людей против сандинистов.

Впервые в истории Никарагуа право голосовать предоставили молодежи, начиная с 16 лет. Это отражало как возрастную структуру страны (средний возраст в Никарагуа был именно 16 лет — вдвое меньше, чем в США), так и выдающуюся роль молодежи в свержении Сомосы и ликвидации неграмотности.

В избирательном законе Никарагуа была прописана крайне подробная и жесткая процедура расследования всех нарушений избирательных прав до голосования и в ходе него. При разработке соответствующих положений Никарагуа учитывала опыт Швеции, Норвегии, Финляндии и Франции, откуда были получены материалы и пособия. Примечательно, что представители Никарагуа посетили и США, чтобы ознакомиться с американской избирательной системой. Правда, поездка удалась только со второго раза, так как сначала никарагуанской делегации было отказано во въездных визах.

По никарагуанской политической традиции (которая копировала опыт США), все избиратели предварительно должны были зарегистрироваться и по-

²³⁸ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P.201.

лучить соответствующие удостоверения. Однако эти документы до выборов хранились у специальных избирательных судей, чтобы исключить возможность махинаций с удостоверениями. Сандинисты решили сохранить обязательную регистрацию, так как она должна была послужить одновременно и переписью населения. Но при этом никаких жестких мер ответственности за отказ от регистрации не предусматривалось.

Именно в ходе регистрации избирателей «координадора» и «контрас» решили дать первый бой правительству. И те и другие призвали граждан бойкотировать регистрацию, а «контрас» пригрозили расправой всем тем, кто примет в ней участие. «Ла Пренса» отказалась публиковать информацию о правилах регистрации Высшего избирательного совета. Срыв регистрации фактически означал бы и срыв самих выборов.

Правительство объявило 27–30 июля 1984 года выходными, чтобы каждый никарагуанец мог зарегистрироваться на одном из 4000 участков. 100 из них не смогли открыться из-за атак «контрас», которые 27 июля убили регистраторов в городках Яли и Муэль-де-лос-Буэйес. На следующий день в засаду контрреволюционеров попали и работники избирательных комиссий в других районах страны. Тем не менее регистрация дала невиданные в истории Никарагуа результаты — на участки пришли 1 560 580 человек, или 93,7% населения избирательного возраста²³⁹.

«Координадора» оказалась перед непростой дилеммой — было понятно, что выборы вполне успешно пройдут и без нее. В начале августа 1984 года правый блок выдвинул своим кандидатом в президенты бывшего главу Национального банка и бывшего члена Хунты национального возрождения Артуро Круса, жившего с 1981 года в Вашингтоне. С весны 1984 года Крус был на содержании ЦРУ.

Крус (который в 1983 году открыто поддержал Пастору) вернулся в Никарагуа и стал вести избирательную кампанию, не регистрируясь официально кандидатом в президенты. Лидер «координадоры» Раппачиолли прямо сказал в августе 1984 года: «Крус не намеревается баллотироваться и заинтересован только в дискредитации выборов»²⁴⁰. За две недели до выборов корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Филипп Таубман цитировал одного из представителей администрации Рейгана: «Администрация никогда не допускала мысли, что Крус останется в предвыборной гонке, так как в этом случае сандинисты могли бы обоснованно утверждать, что выборы были легитимными, а это сделало бы для Соединенных Штатов более сложным противодействие никарагуанскому правительству»²⁴¹.

Реальной силой в «координадоре» была организация частного бизнеса — КОСЕП. Ее президент Энрике Боланьос весной и летом 1984 года поддерживал

²³⁹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 197.

²⁴⁰ Ibid. P. 193.

²⁴¹ Ibid.

самый плотный контакт с посольством США в Манагуа, а также с представителями ЦРУ в Вашингтоне и Коста-Рике. КОСЕП получал дотации от американцев еще с 1980 года.

Согласно сценарию ЦРУ, Крус вернулся в Никарагуа 22 июля 1984 года и уже 25 июля (то есть еще до регистрации избирателей) объявил, что «координатора» будет бойкотировать выборы, но продолжит вести избирательную кампанию. В этот же день, 25 июля, «контрас» напали на село Тапасле в департаменте Матагальпа и зверски убили семь мирных крестьян, пытаясь запугать население в преддверии регистрации. Всех убитых перед смертью жестоко мучили — их кастрировали и перерезали горло. Тела некоторых крестьян были расчленены и разбросаны в разные стороны, у одного с лица была срезана кожа²⁴².

Даже американских журналистов, симпатизировавших Крису, поражало то, что кандидата правых больше заботил его имидж за пределами страны. Он говорил, например: «Если сандинисты победят, то в Йеле и Гарварде это вызовет аплодисменты²⁴³, но победа их будет пирровой, так как не решит ни одного из конфликтов в стране».

Американский журнал «Тайм» 30 июля 1984 года так комментировал возвращение Круса в Никарагуа: «Коалиция оппозиционных партий заявила в этот уикенд, что она выдвинула в качестве президентского кандидата бывшего члена хунты Артуро Круса, который, как ожидается, вернется на этой неделе из своей добровольной ссылки в США. Однако оппозиция настаивает на том, что она не войдет в гонку до тех пор, пока сандинисты не отменят чрезвычайное положение и не ослабят иные формы контроля над страной. Реагируя на заявления сандинистов, президент Рейган заявил, что «ни одно лицо, преданное демократии, не будет участвовать в этих бесстыдных выборах советского стиля»²⁴⁴.

Прямо перед началом предвыборной кампании в Никарагуа в американские СМИ была «слита» информация со ссылкой на сотрудника Ведомства США по борьбе с наркотиками: сандинисты якобы используют территорию Никарагуа для доставки кокаина в США. На самом деле организаторы «утечки» из ЦРУ явно валили с больной головы на здоровую — к тому времени и ФБР, и таможня США, и упомянутое ведомство по борьбе с наркотиками, да и само ЦРУ прекрасно знали о поставках огромных партий кокаина в США через никарагуанских «контрас». Вырученные деньги шли как Пасторе, так и Бермудесу. Уже были проведены первые аресты наркокурьеров ФДН и АРДЕ в Майами и Лос-Анджелесе.

Кандидат на пост президента от СФНО Даниэль Ортега совершенно справедливо расценил сообщения о наркотрафике через Никарагуа как очередную

²⁴² Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 196.

²⁴³ Тем самым лидер правых, много лет живший в США, признавал, что американская интеллектуальная элита на стороне сандинистов.

²⁴⁴ Nicaragua: Election Moves. См.: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,926716,00.html>.

ложь, призванную очернить сандинистов в глазах мировой общественности, чтобы сорвать выборы.

Фактически Крус шантажировал сандинистов — дескать, если те пойдут на уступки и откажутся от революционных завоеваний, он сможет «убедить» «контрас» прекратить войну. Тем самым кандидат «координаторы» признавал, что действует заодно с вооруженной контрреволюцией. Крус был готов официально зарегистрироваться кандидатом только в случае полной амнистии для всех национальных гвардейцев Сомосы и начала прямых переговоров с «контрас»²⁴⁵.

Крус и его кандидат на пост вице-президента, лидер Социал-христианской партии Адан Флетес попытались добиться от сандинистов уступок с помощью международного давления. Были подключены Социалистический интернационал и бывший президент Венесуэлы Карлос Андрес Перес, у которого с сандинистами были хорошие отношения.

Теперь Крус требовал уже переноса выборов на 1985 год, так как ему якобы не хватало времени на развертывание полноценной избирательной кампании. На самом деле выборы следовало оттянуть по соображениям американской внутренней политики, которые учитывало ЦРУ. Выборы в Никарагуа должны были состояться 4 ноября 1984 года, а 6 ноября в США выбирали президента и часть конгресса. В ЦРУ надеялись на победу Рейгана (в сентябре 1984 года после выхода из гонки Харта она казалась более чем вероятной) и поражение демократов в палате представителей. В этом случае в начале 1985 года можно было снова запросить в конгрессе финансирование «проекта контрас». Но, чтобы получить деньги, Никарагуа надо было представить тоталитарным государством, где нет свободных выборов. Соответственно, до выделения средств конгрессом нового созыва эти выборы не должны были состояться.

СФНО в конце сентября 1984 года пошел на переговоры с «координаторой» при посредничестве президента Колумбии Бетанкура, представителей лидера СДПГ Вилли Брандта, а также Карлоса Андреса Переса. Одновременно фронт обратился в Высший избирательный совет с просьбой продлить срок регистрации кандидатов в президенты, чтобы дать возможность Крису все же принять участие в выборах. 2 октября 1984 года на переговорах в Рио-де-Жанейро СФНО и «координатора» практически договорились. В обмен на прекращение огня со стороны «контрас» (что Крус взял на себя) сандинисты согласились перенести выборы на январь 1985 года и увеличить объем бесплатного телеэфира для политических партий, чтобы Круус сумел компенсировать свое неучастие в предвыборной кампании.

Но это соглашение сорвалось, так как «координатора» потребовала у фронта еще несколько дней, чтобы обсудить его текст. СФНО отказался, поскольку

²⁴⁵ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 152.*

в этом случае под угрозу при всех вариантах ставилась дата выборов — 4 ноября 1984 года. Крус, может быть, и хотел баллотироваться, но он ничего не решал. В администрации США постановили, что «координатора» ни при каких условиях не должна участвовать в выборах, чтобы не придавать им международного признания. К тому же если «контрас» прекратили бы огонь хотя бы на время, то все столь тщательно выпестованное ЦРУ движение развалилось бы полностью и окончательно.

В результате «координатора» обвинила СФНО в срыве соглашения Рио-де-Жанейро и окончательно решила бойкотировать выборы. «Коммунистическая», с точки зрения «координаторы», газета «Вашингтон Пост» оценила бойкот правых абсолютно верно: «...(бойкот) реально означает, что внутренняя оппозиция, вместо того, чтобы самой играть главную роль, рассчитывает, что финансируемая США партизанская война и иное международное давление помогут ей свергнуть правительство или заставить его еще больше открыть политический процесс... Лидеры оппозиции признали в нескольких интервью, что они никогда всерьез не хотели участвовать в выборах 4 ноября и спорили только о том, стоит ли вести кампанию два месяца, а затем выйти из гонки по причине использования сандинистами административного ресурса»²⁴⁶. Газета отмечала, что все наблюдатели предсказывали победу сандинистов вне зависимости от позиции «координаторы» и Крус (а главным образом его американские покровители) просто не хотел очутиться в роли проигравшего, да еще и с большим отрывом.

Но проблема американцев состояла в том, что помимо Круса в Никарагуа были еще как минимум три правых кандидата на пост президента, которые вовсе не намеревались бойкотировать выборы.

От Консервативной демократической партии баллотировался доктор Клементе Гидо, который, в отличие от скучного теоретика Крууса, был прекрасным оратором и гордился тем, что имеет черный пояс по карате. Предвыборные митинги Гидо, в которых участвовали в основном представители средних слоев (прежде всего торговцы, недовольные регулированием цен), накалом антисандинистских лозунгов не уступали мероприятиям «координаторы».

Вот как описывал один из митингов Консервативной демократической партии в городе Хинотепе в сентябре 1984 года советский журналист: «Двое совсем еще молодых парнишек в новенькой, необмятой еще форме внутренних войск безуспешно стараются утихомирить сторонников Консервативной демократической партии (КДП), собравшихся в Хинотепе на предвыборный митинг. В основном это — средние и мелкие буржуа, торговцы, экзальтированные секретарши, дебелие матроны из числа владельцев ресторанов. Все они вошли в раж. В ход пущены уже палки и камни, уже зазвенели, затрещали под ударами стекла стоявшего поблизости автобуса, уже за клубилась пыль, покры-

²⁴⁶ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 196.

вая серой завесой „поле битвы“. Крики, гвалт... „Долой сандинистов!“, „Красные, вон из Никарагуа!“, „Кубинцы и русские убирайтесь!“, „Власть подлинным никарагуанцам!“ — злыми, визгливыми глоссами скандировали матроны и секретарши по команде человека с мегафоном...»²⁴⁷

Заметим, что в том же Сальвадоре даже представить себе было невозможно легальный митинг, на котором, например, требовали бы убрать из страны американцев.

Лидер консерваторов обещал в случае победы немедленно отменить все меры государственного регулирования цен, договориться с «контрас» и привлечь в страну американский капитал. Многие никарагуанцы, попросту уставшие от войны и связанных с ней лишений, были готовы поверить Гидо.

В интервью советскому журналисту Гидо говорил: «Прежде всего, мы установим стабильные и прочные отношения с Соединенными Штатами. Сандинисты совершили роковую для себя ошибку, не сумев стать друзьями США. Отсюда и все их беды. Мы же, развивая и всемерно поощряя частное предпринимательство, будем создавать благоприятные условия для притока в национальную экономику иностранного капитала, главным образом, американского...»²⁴⁸

Но американцам был не нужен сам Гидо, мешавший своей шумной борьбой дискредитации выборов. По словам кандидата демократических консерваторов, за две недели до выборов представители посольства США в Манагуа посетили главного менеджера кампании Гидо и предложили ему деньги и пост нового лидера КДП в обмен на обещание немедленно выйти из избирательной кампании²⁴⁹. Соратник Гидо перед искушением не устоял.

Другим кандидатом правого лагеря был лидер Независимой либеральной партии Вирхилио Годой, который также боролся за голоса буржуазии и средних городских слоев. Программа Годоя практически не отличалась от антикоммунистических тезисов Гидо. Годой втолковывал избирателям, что «контрас» и США воюют только против сандинистов, и если СФНО убрать от власти, то война и лишения мгновенно прекратятся. На одном из митингов Годой обещал: «В первый же день после принятия власти президента республики я прикажу рассадить всех русских, кубинцев, чехов и прочих по самолетам и убрать их из Никарагуа. Я спасу страну от марксизма!»²⁵⁰

При этом до февраля 1984 года Годой был министром труда в правительстве Никарагуа.

20 октября 1984 года Годою нанесли визит посол США в Манагуа Гарри Бергольд и советник посольства по политическим вопросам Майкл Джойс. На следующий же день Годой объявил о выходе из предвыборной гонки. Объясняя

²⁴⁷ Белят М.Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 356.

²⁴⁸ Там же. С. 358.

²⁴⁹ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 198.

²⁵⁰ Белят М.Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 357.

свой шаг, Годой прямо сказал, что на это его подвигла точка зрения американского посла — «сейчас не самое лучшее время для выборов»²⁵¹.

Независимая либеральная партия после демарша Годоя раскололась на две части, одна из которых по-прежнему хотела участвовать в выборах. Противники Годоя среди либералов утверждали, что он получил от американцев 300 тысяч долларов за бойкот. Кандидат на пост вице-президента от Независимой либеральной партии и часть кандидатов на места в парламенте остались в гонке.

24 октября 1984 года советник американского посольства по политическим вопросам посетил Маурисио Диаса, кандидата в президенты от Народной социал-христианской партии (в 1976 году она откололась от Социал-христианской и позиционировала себя как левоцентристская христианско-демократическая партия). Диасу также предложили бойкотировать выборы, но он отказался.

30 октября 1984 года состоялось заседание СНБ США, посвященное выборам в Никарагуа. На нем с удовлетворением констатировалось: «Отказ Независимой либеральной партии от выборов лишает организованные сандинистами выборы всякого смысла. Выборы 4 ноября не дадут им легитимности, к которой они так стремятся, хотя они и консолидируют их контроль над Никарагуа. Продолжаются попытки заставить сандинистов перенести выборы и согласиться на требования «координаторы»²⁵².

Как заметила «Нью-Йорк Таймс», самым главным нарушением в никарагуанских выборах была та роль, которую в них играла администрация Рейгана.

ЦРУ и госдепартамент заранее заготовили материалы для американских СМИ на 5 ноября с осуждением никарагуанских выборов как нелегитимных.

В конце октября 1984 года «контрас» усилили атаки на избирательные участки и просто населенные пункты, чтобы запугать избирателей. Но было ясно, что сил на срыв выборов у контрреволюции нет, и поэтому «контрас» объявили на 4 ноября временное прекращение огня.

Однако американцы, чтобы запугать никарагуанских избирателей, пошли, прямо скажем, на нетрадиционные меры. Утром 3 ноября (накануне выборов) в домах многих никарагуанцев задрожали стекла и затряслась на столах посуда для завтрака. Люди в ужасе подумали, что наступило очередное разрушительное землетрясение. На самом деле американский самолет-шпион CP-71 («Блэкберд»), пилотируемый майором ВВС США Бобом Белером и капитаном Роном Табором, специально перешел над территорией Никарагуа звуковой барьер. Подобные акции устрашения американцы повторяли потом несколько раз. Формально американцы объясняли свои полеты над территорией суверенного государства тем, что искали новые партии советского тяжелого вооружения, якобы прибывшего в Никарагуа.

²⁵¹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 198.

²⁵² Ibid.

«Блэкберд» был новейшим американским самолетом-шпионом. Он мог обозревать 100 тысяч квадратных миль с высоты в 15 миль и развивать скорость 2600 миль в час. Его камеры автоматически производили 1800 фотографий на 1600 миль поверхности.

Естественно, лишённые истребителей-перехватчиков и ЗРК дальнего радиуса действия никарагуанские вооруженные силы были беспомощны перед лицом этих «черных птиц». Сомоса оставил в наследство США только пять учебных самолетов Т-33А, один бомбардировщик Б-26 (он был выведен из строя), по шесть легких учебных истребителей Т-28 и малых самолетов «цессна 337», три транспортных С-47 и два «КАСА С.212», два израильских легких штурмовика IAI-201 «Арава», несколько легких «цессн», один вертолет УН-1Н, два вертолета Н-34 и четыре ОН-6А²⁵⁵. Ни один из этих самолетов не был реактивным или сверхзвуковым, вследствие чего американцы могли летать над территорией Никарагуа совершенно безнаказанно.

Пулеметные и пушечные зенитные установки советского производства (например, ЗУ-23 или КС-19) не могли достать СР-71 ни по высоте, ни по скорости.

Тем не менее несмотря на наглую и откровенную демонстрацию силы американцами, выборы состоялись и прошли без всяких серьезных нарушений (что подтвердили десятки иностранных наблюдателей, в том числе американских). В голосовании приняли участие 75,4% зарегистрированных избирателей. Из них 67% (736 тысяч человек) проголосовали за кандидата СФНО на пост президента Даниэля Ортегу и вице-президента — Серхио Рамиреса. СФНО получил 61 место (из 96) в Национальной ассамблее (парламенте).

На втором месте (14%) оказались демократические консерваторы, завоевавшие 14 мест в парламенте. Независимые либералы из-за вызванного США раскола оказались на третьем месте (9,6% голосов и девять мест). За Народную социал-христианскую партию проголосовали 5,6% (шесть мест).

В выборах участвовали также три партии, занимавшие более левые, чем СФНО позиции. Никарагуанская социалистическая партия (коммунисты, ориентировавшиеся на СССР) получила 1,3% голосов, еще более левая Никарагуанская коммунистическая партия — 1,5%, троцкисты из Марксистско-ленинского движения народного действия — 1%. Все три левые партии завоевали по два места в парламенте.

6,1% бюллетеней (71 тысяча) были признаны недействительными, что отражало реальную силу «координаторов», призвавшую бойкотировать голосование, в том числе и таким методом.

Выборы 1984 года были первыми по-настоящему честными и свободными за всю историю Никарагуа и превосходили по степени открытости все аналогичные выборы в странах Центральной Америки.

²⁵⁵ Cooper T. Central and Latin America database. См.: http://www.acig.org/artman/publish/article_157.shtml.

Это не помешало США по заранее заготовленному сценарию осудить выборы как «постыдные». Но, например, Би-Би-Си 5 ноября 1984 года сообщила иное: «Примерно 400 иностранных наблюдателей, включая определенное количество американцев, были в Никарагуа, чтобы следить за избирательным процессом. Неофициальный британский наблюдатель лорд Читни заявил, что процесс был несовершенным, но у него нет никаких сомнений, что выборы были честными»²⁵⁴.

Правда, большинство американских газет постарались в своих комментариях не сильно отличаться от официальной точки зрения администрации Рейгана.

Все время, пока шла избирательная кампания в Никарагуа, американское телевидение старательно ее игнорировало: с 1 августа по 7 ноября 1984 года в вечерних новостях этой теме было посвящено всего 18 минут 40 секунд²⁵⁵. После выборов «Нью-Йорк Таймс» в редакционной статье от 7 ноября под странным заголовком «Никто не выиграл в Никарагуа» писала: «Только наивные люди верят, что воскресные выборы в Никарагуа были демократическими или узаконили довод о популярности сандинистов... Сандинисты облегчили критику этих выборов как нечестных. Главным было их решение прервать переговоры с Артуро Крусом, оппозиционным демократом, чья кандидатура могла бы превратить выборы в более легитимные. Он пытался добиться отсрочки выборов до января, но ему не дали времени, чтобы устроить перемирие с оснащёнными США повстанцами-«контрас»²⁵⁶.

Таким образом, газета практически признала, что Крус, «контрас» и США безуспешно пытались шантажировать сандинистов.

Успех сандинистов на выборах был тем более впечатляющим, если учесть тяжелое состояние никарагуанской экономики вследствие необъявленной войны США против Никарагуа и дисбалансов, свойственных любой экономике переходного периода, особенно зависимой от конъюнктуры мирового рынка.

В 1984 году в результате действий «контрас» погибли 1114 человек, 516 были ранены, 2469 — угнаны за границу. Среди жертв было более 100 детей в возрасте до 12 лет²⁵⁷.

План на 1982 год в Никарагуа не приняли, так как планы 1980 и 1981 годов полностью выполнены не были. Национальное руководство СФНО подвергло министерство планирования критике за постановку нереальных целей, но на самом деле у министерства просто не было рычагов для того, чтобы добиваться выполнения плана. Ведь подавляющая часть ВВП Никарагуа по-прежнему производилась в частном секторе.

²⁵⁴ 1984: Sandinistas claim election victory. См.: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/november/5/newsid_2538000/2538379.stm.

²⁵⁵ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 203.

²⁵⁶ Ibid. P. 204.

²⁵⁷ Белят М. Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 260.

План на 1983 год был одобрен, но не опубликован, — свои коррективы вносила война²⁵⁸. Ведь план мог служить для США и «контрас» руководством по экономической дестабилизации страны. В 1983 году Национальное руководство СФНО образовало из специалистов «экономическую ячейку» для реформирования хозяйственного механизма страны. В 1984 году в качестве высшего органа по формулированию экономической политики был учрежден «Экономический совет», состоявший из профильных министров экономического блока. Министерство планирования было упразднено и преобразовано в секретариат Экономического совета.

Но в целом экономическая стратегия страны не менялась — все предприятия ориентировали на рост производства (причем именно в физическом, а не в стоимостном выражении) при одновременной стагнации заработной платы и внутреннего потребления, чтобы избежать инфляции.

На роль главного экономического ведомства попыталось выйти министерство сельского хозяйства. Его шеф, член Национального руководства СФНО Хайме Уилок считал, что Никарагуа в обозримом будущем сохранит свою аграрную специализацию в мировой экономике. В этих условиях следовало одновременно наращивать как производство экспортных технических культур (главного источника валюты для импорта), так и культур для внутреннего потребления с целью достижения полного самообеспечения страны продуктами питания. При этом для повышения доли добавленной стоимости в экспорте предполагалось проводить первичную обработку сырья для повышения его цены.

С политической точки зрения планы министерства сельского хозяйства опирались на популярное и бесспорно правильное мнение, что Никарагуа надо уходить от модели капитализма, в которой наибольшую прибыль можно получать только в торговле и в финансовом секторе, за счет деградации и стагнации материального производства.

Хайме Уилок так описывал цель экономической политики правительства: «Революция начала разрабатывать новую экономическую модель, основанную на поиске новой роли в международном разделении труда. Мы будем продолжать оставаться производителями товаров потребления, но не одно и то же — производить необработанные товары потребления или обработанные товары потребления. Мы хотим стать промышленной страной, которая продает продукцию обрабатывающей промышленности, перерабатывая нашу собственную сельскохозяйственную продукцию, упаковывая ее, производя мебель из нашей древесины... В этом состоит глубокий национальный смысл нашей революции»²⁵⁹.

²⁵⁸ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 133.

²⁵⁹ *Ibid.* P. 135.

Этот подход был здравым, и министерство Уилока фактически отвечало за все материальное производство в стране, так как даже рудиментарная никарагуанская промышленность была тесно связана с сельским хозяйством.

Учитывая обилие и плодородие земель Никарагуа, в таком плане не было ничего фантастического. Однако его следовало плотно координировать с другими мерами государства в области цен, зарплат и регулирования денежной массы.

Интенсификация сельскохозяйственного производства (например, снятие трех урожаев в год вместо одного, что позволял никарагуанский климат) требовала существенного наращивания импорта удобрений, машин, химикатов и горючего. Но для этого была нужна валюта, а финансовое положение страны оставалось сложным — США блокировали кредиты международных организаций и западных стран. Социалистические страны заполняли эту брешь, но по-настоящему эффективно использовать средства мешала война. Что толку, например, было с помощью кредитов расширять производство кофе (который охотно покупал, например, СССР), если морская блокада Коринто заставляла урожай гнить в порту?

Интересно, что в качестве одного из возможных источников финансирования индустриализации никарагуанского сельского хозяйства сандинисты, как и Сталин в 1929 году, считали мировой экономической кризис. Уилок объяснял это следующим образом: «Кризис приобрел глобальные масштабы, и производящие машины и оборудование компании в Европе, Северной Америке и даже в Латинской Америке накопили запасы продукции, которую они не в состоянии сбывать. Со стороны некоторых государств просматривается тенденция вместо того, чтобы субсидировать эти компании, помочь им экономически (сбывать продукцию) с помощью кредитных линий покупателям. Таким образом, Никарагуа... будет искать эти кредитные линии для импорта средств производства»²⁶⁰.

Точно такую же линию — индустриализация за счет интенсификации сельского хозяйства — проводил Сталин, и она была успешна в условиях Великой депрессии 1929–1932 года. СССР «на корню» закупал на Западе целые заводы вместе с рабочими и инженерами. Было приобретено 70% германского станочного парка на простаивавших в результате кризиса заводах.

Однако коренное отличие советской модели ускоренного роста было в том, что она как раз не опиралась на кредитные линии западных стран. Сталин реалистически рассудил, что в условиях массового банкротства немецких и американских банков и ликвидации золотого стандарта основных валют машины и оборудование можно купить только за экспортные товары. В СССР это было зерно. Чтобы в десятки раз нарастить его экспорт, Сталин и провел принудительную коллективизацию сельского хозяйства. За это пришлось заплатить

²⁶⁰ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 136.*

высокую политическую цену — но уже в 1937 году обеспеченные отечественными машинами (собранными, например, на бывших заводах Форда, перевезенных в СССР) колхозы собрали рекордный урожай, и жизнь в советской деревне действительно стала «веселей».

Сандинисты такую политическую цену платить не захотели. Если бы они перевели все сельское хозяйство в госсектор, то толкнули бы в ряды контрреволюции десятки тысяч крестьян и торговцев. К тому же США не преминули бы заклеить Никарагуа как «марксистско-ленинское государство». Но беда была в том, что американцы и так фактически воевали против Никарагуа, и осторожность сандинистов в экономической политике их несколько не сдерживала.

Саботаж никарагуанских предпринимателей также не ослабевал, несмотря на сдерживание сандинистами роста заработной платы. Сталин, например, тоже убедился в необходимости коллективизации только после известной «хлебной забастовки» 1927 года, когда кулацкие хозяйства отказались продавать государству зерно по текущим закупочным ценам и тем самым фактически подорвали весь экспорт. Бухарин тогда просто предложил эти цены повысить, но дело было в том, что государство не смогло бы обеспечить выросший денежный спрос деревни промышленной продукцией.

Таким образом, повышение закупочных цен в тех условиях означало инфляцию.

Со всеми этим проблемами в точности столкнулась Никарагуа, с той лишь разницей, что сандинисты пошли по «бухаринскому пути».

Они увеличивали закупочные цены для крестьян, но вынуждены были субсидировать розничные цены в городах, так как сами же были против быстрого роста заработной платы. Субсидии ложились непомерной нагрузкой на бюджет, вызывая рост денежной массы и инфляцию. Инфляция, в свою очередь, заставляла вновь повышать закупочные цены для крестьян, которые, кстати, были недовольны тем, что их повышали недостаточно часто. В то же время частные торговцы охотно платили крестьянам более высокие цены, чем государственные закупочные организации. Сами торговцы, предвосхищая очередной виток роста цен, придерживали товар, создавая его дефицит.

Выбор у сандинистов был небольшой. Национализировать сельское хозяйство, как Сталин, они не хотели по политическим соображениям. Оставалось либо вообще отпустить цены и тем самым фактически вернуться к дореволюционной модели экономики, либо национализировать оптовую и частную торговлю. Сандинисты выбрали именно последний вариант.

С тем чтобы увеличить поступление валюты для целей индустриализации, сандинисты ввели в начале 1982 года нормированную продажу сахара населению по твердым ценам. Нормы были весьма щедрыми, но, естественно, многих угнетала сама необходимость получать в сандинистских комитетах защиты специальные карточки, которые можно было «отоваривать» только

в определенные дни и в определенных магазинах. Тем не менее, казалось, что сандинисты были правы с политической точки зрения — большинство населения считало такую меру социально справедливой.

В октябре 1982 года карточки ввели на рис, в начале 1983-го — на хозяйственное мыло и растительное масло²⁶¹. В августе 1982 года ограничили потребление бензина для частных автомобилей (которых в Никарагуа было мало) — не более 20 галлонов (примерно 80 литров) в месяц.

Как только на тот или иной продукт вводились карточки, государство сразу же запрещало его оптовую (а позднее и розничную) продажу частными лицами. К середине 1984 года частных торговцев официально исключили из сбыта около двадцати самых ходовых товаров широкого потребления, в том числе сахара, молока, риса, бананов, мыла, растительного масла, проса, туалетной бумаги.

Все эти меры не отразились бы на полпулярности СФНО, если государство смогло реально обеспечить их проведение в жизнь. На практике же частные торговцы скупали товары по низким ценам в государственных магазинах и перепродавали их по коммерческим ценам, получая баснословную прибыль. Причем в мелкой коммерции, по разным оценкам, было занято официально и неофициально до 40% населения Манагуа — ведь промышленность в Никарагуа практически отсутствовала, а на государственную службу не могли принять всех желающих. Только на самом известном Восточном рынке столицы (на котором, как на одесском Привозе, можно было купить все) постоянно работали до 60 тысяч мелких торговцев, имевших налаженные связи с оптовиками-частниками или с самими сельхозпроизводителями²⁶².

Для всех этих торговцев национализация торговли означала лишение главного источника существования. Поэтому неудивительно, что после введения распределения и контроля над ценами в городах расцвела нелегальная торговля. Когда государственные инспекторы стали проводить на рынках облавы, продавцы переместились на улицы, где уже не хватило бы никакой полиции, чтобы взять ситуацию под контроль.

Правительство неоднократно обращалось к торговцам с увещеваниями принять во внимание сложное положение страны — ведь начиная с 1984 года надо было еще и снабжать сильно выросшую численно армию. Однако, как и во все времена, стремление торговцев к прибыли оказывалось гораздо сильнее любой морали. К тому же многие торговцы и сами состояли в сандинистских массовых организациях, ввиду чего правительство не хотело применять против них откровенно репрессивные меры. В народе была распространена следующая точка зрения — мы за революцию и против янки, но не мешайте нам торговать.

²⁶¹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 140.*

²⁶² *Christian S. Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 274.*

В 1982 году разница между государственными и частными (нелегальными) ценами была еще относительно небольшой. И во многом потому, что правительство удерживало на искусственно низком уровне курс кордобы к доллару, который, естественно, влиял на цены импортных товаров. Однако такая политика, опять же, вела к росту цен уже на номинированные в национальной валюте товары. К тому же самой валюты для обеспечения ею официального курса тоже не хватало, так как предприниматели продолжали активно переводить свои долларовые накопления за границу.

В начале 1982 года разница между официальным и нелегальным курсами составляла 1,4:1, а в конце — уже 2,8:1. В конце 1983 года разница была уже более чем шестикратной, а в 1984-м — 16-кратной²⁶³.

Торговцы по-прежнему получали баснословные прибыли на разнице официальных и неофициальных цен, и это привело к парадоксальному результату. Многие рабочие и служащие начали уходить из «формального» сектора экономики в «неформальный». На некоторых государственных предприятиях, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, стала ощущаться нехватка рабочей силы. Ведь зарплаты там были практически заморожены, а в частной торговле можно было зарабатывать в разы больше.

Получалось, что сандинисты вместо поощрения материального производства способствовали дальнейшему росту торгово-ростовщической прослойки общества.

Таким образом, сандинисты не только поссорились с торговцами, но и привлекли в ряды этой все более и более оппозиционной массы новых сторонников.

Естественно, этим воспользовалась оппозиция. «Ла Пренса» грудью встала на защиту частной торговли, особенно любимого жителями Манагуа Восточного рынка, который правительство, по сути, попыталось закрыть под видом перепланировки. Правда, эта перепланировка (которая предусматривала расширение помещений и оснащение их канализацией и холодильниками) была задумана еще во времена Сомосы и проводилась на деньги США. Сандинисты лишь завершали начатое, но «Ла Пренса» твердила о смертельной борьбе правительства против любой частной торговли. Торговцы жаловались и на то, что правительство специально изменило маршруты движения автобусов, чтобы они не подъезжали к Восточному рынку и спекулянты не получали новые партии нелегального товара.

Первая же встреча возмущенных торговцев с Даниэлем Ортегой закончилась скандалом. Он назвал их «сбродом», а когда те потребовали пустить в зал фотографа «Ла Пренсы», возмущенно сказал, что если торговцам так уж нравится «Ла Пренса» то пусть они и обращаются туда за решением всех своих проблем²⁶⁴.

²⁶³ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 141.

²⁶⁴ *Christian S.* Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986. P. 278.

В 1982 году министерство внутренней торговли для контроля розничных цен создало специальные группы инспекторов, не носивших униформы. Инспекторы получили право на месте конфисковывать любой товар, который был запрещен к продаже частными торговцами. На рынках вспыхивали драки, некоторых инспекторов даже убили. Когда инспекторы в сопровождении полиции в середине 1982 года провели облаву на рынке в Масайе, торговцы объявили двухдневную забастовку и прекратили торговлю.

Правительственная пресса начала активную кампанию против спекулянтов. Публиковались материалы о рейдах Комитетов сандинистской защиты и фотографии тех торговцев, у кого изымали припрятанные товары. Тогда торговцы сами стали ездить к производителям и рано утром привозить в города запрещенные товары, которые затем сбывали проверенным клиентам. В ответ на это полиция устроила на въезде в Манагуа блокпосты. Те, кто утверждал, что купил товары в государственной торговле, должны были показать чек.

В газетах публиковали отчеты о задержании лиц то с 3000 бананов, то с 50 килограммами риса или 65 фунтами парного мяса²⁶⁵.

В своем выступлении по случаю четвертой годовщины революции Даниэль Ортега обрушился с критикой на «спекулянтов, придерживающих товары, тех, у кого менталитет сомосистов и кто продолжает делать деньги на голоде и нужде народа». «Мы должны наказать со всей решительностью спекулятивную практику монополистов и, в целом, всю торговлю на голоде и нужде народа. Законы для этого уже есть. Решения приняты. Но нам нужна энергия каждого, чтобы добиться выполнения этих решений»²⁶⁶.

Однако десятки тысяч торговцев не могли бороться сами с собой. Тем более что в спекуляции участвовали и многие кооперативы и даже государственные хозяйства. Ведь частники платили за их продукцию больше, чем государственная сбытовая компания ЭНАБАС.

Например, в конце 1984 года государственные бойни предавали частным животноводам 6000 кордоб за голову крупного рогатого скота, в то время как нелегальные частные бойни давали 15 000²⁶⁷. Таким образом, фактически государственные бойни могли закупать скот только у государственных же производителей. Затем государственные бойни продавали мясо частным торговцам по 17 кордоб за фунт (это была установленная государством цена), а те перепродавали его в розницу по 50 кордоб.

По этой схеме получалось, что государственные производители и переработчики страдали, а население все равно не видело дешевого мяса.

Государство несло еще и потери при субсидировании продаваемых через госторговлю розничных товаров. Например, в конце 1984 года производителем

²⁶⁵ *Christian S. Revolution in the family*. New York, First Vintage Books, 1986. P.284.

²⁶⁶ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua*. McGill-Queen's University Press, 1995. P.142.

²⁶⁷ *Ibid*. P.143.

лям платили по 8 кордоб за фунт бобов, затем государство тратило еще 2,75 кордобы на транспортировку и складирование, а затем продавало бобы потребителям по 4 кордобы за фунт. Некоторые производители, продававшие ЭНАБАС бобы по 8 кордоб, затем покупали их в розничной торговле в два раза дешевле и перепродавали частникам²⁶⁸.

Правительство ужесточало борьбу против спекулянтов. В мае 1984 года был принят закон о защите потребителей. Теперь спекулянтов могли подвергать наказанию уже не только суды, но и полиция прямо на месте. Закон также давал право министерству внутренней торговли брать под контроль государства любую частную фирму, которая нарушала предельно допустимый уровень цен. Министр внутренней торговли Дионисио Маренко, выступая на заседании госсовета, заявил: «...либо мы сломаем руки спекулянтам, либо они сломают нас»²⁶⁹.

Правда, Маренко признал, что государственные закупочные цены «смешные» и повышаются «черепашьим» темпом. В 1984 году закупочные цены были существенно подняты, что сразу же позитивно сказалось на борьбе против «контрас». Ранее многие крестьяне помогали контрреволюции именно потому, что были недовольны закупочной политикой ЭНАБАС.

Но повышение закупочных цен означало и повышение государственных субсидий на поддержание розничных цен, что, в свою очередь, подрывало и так дефицитный в условиях войны госбюджет. В 1984 году стало ясно, что повышения розничных цен не избежать, но это больно ударило бы по тем горожанам, которые сидели на фиксированной зарплате, прежде всего по госслужащим. Уровень личного потребления граждан и так упал после революции, поскольку рабочих и служащих призывали не требовать роста заработной платы. Но терпение горожан — основной базы революции — было на исходе.

В 1984 году средние реальные зарплаты были на 23% ниже, чем в 1980 году и на 44% ниже, чем в 1977-м. Квалифицированные рабочие уходили с фабрик в торговлю. Стала ощущаться нехватка кадров на текстильных и строительных предприятиях.

В июле 1983 года даже Сандинистский профцентр трудящихся попросил правительство отменить введенный в 1981-м мораторий на рост заработной платы. И это несмотря на открытую критику Национального руководства СФНО, в частности, отвечавшего за профсоюзы Виктора Тирадо. Последний утверждал, что повышение зарплаты возможно только при соответствующем увеличении производительности труда. Он говорил, что рабочим следует «трудиться как можно более напряженно, не прося ни о чем, — это и есть рабочий класс, класс-авангард»²⁷⁰. Это было, конечно, по-своему логично, но рабочие страдали от инфляции и высоких цен «черного рынка».

²⁶⁸ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 144.*

²⁶⁹ *Ibid. P. 147.*

²⁷⁰ *Ibid. P. 148.*

Летом 1983 года даже министерство труда призвало повысить минимальную зарплату на 50%. В плане на 1984 год содержалось правильное положение о том, что политика в области оплаты труда должна противодействовать оттоку квалифицированных кадров из промышленности.

Однако Национальное руководство СФНО все же считало, что повышение зарплаты вызовет инфляцию. Выступая перед трудящимися 1 мая 1984 года, Хайме Уилок заявил: «В нынешней ситуации бесполезно для профсоюза идти к руководству компании и требовать повышения зарплаты... Если мы повысим зарплату, что произойдет? Зарплата входит в себестоимость производства бобов, хлопка, кукурузы, сахара, да всего»²⁷¹.

Но нельзя было уже не реагировать на требования рабочих без риска, что они могут перейти на сторону оппозиции. Многие предприниматели лицемерно говорили своим рабочим, что давно бы повысили им зарплату, но сандинисты не разрешают этого делать.

Из положения решили выйти введением по всей стране единой тарифной сетки оплаты труда, чтобы каждый получал одинаковую зарплату за аналогичный труд аналогичной квалификации. В 1984 году в Никарагуа стали внедрять разработанную в 1983 году «Систему стандартизации и организации труда и заработной платы» (аббревиатура СНОТС). Было установлено 28 тарифных категорий. Выплата установленной для каждой категории базовой заработной платы зависела от выполнения установленной нормы. Это было относительно легко там, где преобладали сдельные формы (например, оплачивалось конкретное количество произведенной продукции). Была установлена система бонусов за стаж работы, занимаемую должность, за работу в трудных регионах страны (по советскому образцу) или тех, которые правительство считало приоритетными с точки зрения экономического развития.

Естественно, рабочие, считавшие, что их записали не в те тарифные категории, сразу начали проявлять недовольство. Например, в конце 1984 года забастовали рабочие пивного завода «Виктория», требовавшие перевода в более высокую категорию оплаты труда²⁷².

Народное правительство и работодатели из госсектора, как правило, стремились помещать своих рабочих в самую высокую категорию. Это привело к тому, что на практике введение СНОТС означало повышение зарплаты в среднем на 40%.

Правительство оценило введение СНОТС позитивно, так как это ликвидировало анархию в сфере оплаты труда и позволило создать определенную систему стимулов для повышения производительности труда и улучшения трудовой дисциплины. Однако на многих предприятиях СНОТС превратились

²⁷¹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 149.*

²⁷² *Ibid. P. 150.*

в систему, сдерживающую повышение заработной платы теперь уже по «законным», формальным критериям.

СНОТС во многом стала дополнительным стимулом и для инфляции. Перевод рабочих в более высокую категорию, например, за выслугу лет, означал увеличение денежной массы и рост цен.

Государство пыталось ограничить «ненужный» импорт, так как валюты не хватало и следовало обеспечивать, прежде всего, сельское хозяйство, которое само эту валюту и зарабатывало. Были созданы две комиссии, одна из которых включала в себя члена правительственной хунты, министра внешней торговли и главу Национального банка. Каждый хозяйствующий субъект, которому требовалась валюта для импорта, должен был подавать в эту комиссию заявку. Иногда ее рассматривали до двух лет²⁷³. Это вызывало естественное недовольство, и даже министерство планирования выступало за децентрализацию процесса принятия решений в этой области. Но валюты не хватало, и реально упростить процесс можно было, только отпустив кордобу в свободное плавание по отношению к доллару. Это, в свою очередь, означало бы резкую девальвацию национальной валюты, столь же резкое удорожание критического импорта и всплеск инфляции.

Повышение инфляции объяснялось во многом и безответственным поведением госсектора, зачастую вызванным политическими мотивами. Государственным предприятиям в сельском хозяйстве и в промышленности давали задания не в кордобах, а в валовых показателях. Считалось главным произвести как можно больше нужной народу продукции — финансовые издержки отходили здесь на второй план. В результате государственные компании боролись за вал любой ценой, зная, что государство, в крайнем случае, всегда поможет погасить финансовый убыток новыми дешевыми кредитами.

С одной стороны, госхозы действительно нарастили производство основных сельскохозяйственных культур: если в 1980 году они давали 16% объема производства в стране, то в 1986 году — 26%²⁷⁴. Однако это достигалось высокой себестоимостью произведенной продукции, которую приходилось сглаживать государству, не хотевшему повышения цен для населения. В 1984 году денежные субсидии государства государственным фирмам составили 7% ВВП.

Вторжение США на Гренаду в октябре 1983 года привело к резкому ускорению аграрной реформы в Никарагуа. К концу 1982 года только 1,6% сельскохозяйственных земель в Никарагуа были переданы от одного собственника другому. Государство само обрабатывало конфискованные у Сомосы земли и стремилось к тому, чтобы по аграрной реформе землю получали только кооперативы, а не частные лица. Такая политика (хотя и правильная с точки зрения

²⁷³ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 138.*

²⁷⁴ *Ibid. P. 139.*

интенсификации производства) была политически ошибочной, поскольку крестьяне во многих районах вообще не получили ничего от революции, которая, с другой стороны, стала диктовать им закупочные цены. Именно поэтому в 1981–1982 годах многие крестьяне-частники поддерживали «контрас».

Точно с такой же дилеммой столкнулся Ленин, который, правда, быстро и прагматично сумел ее решить. Большевики, как известно, как и сандинисты, стояли за сохранение крупных передовых помещичьих хозяйств, которые в России тоже в основном работали на экспорт. Однако крестьяне требовали раздела помещичьей земли, в чем их поддерживали эсеры. Ленин взял за основу эсеровскую программу «черного передела», и уже к началу сева 1918 года большевики раздали землю крестьянам. Это привело к падению экспорта, но дало Красной армии миллионы солдат, готовых с оружием в руках защищать свои наделы и правительство, которое эти наделы бесплатно предоставило.

Сандинисты в 1979–1983 годах шли по прямо противоположному пути. Они всеми силами наращивали экспорт с помощью крупных частных и государственных хозяйств за счет фактического прекращения реального раздела земли между мелкими крестьянами. Эти мелкие крестьяне и качнулись в сторону контрреволюции.

Нападение США на Гренаду показало, что жертвой агрессии может стать и Никарагуа. Но в этом случае правительство могло опираться только на сотни тысяч вооруженных людей, чтобы хотя бы как-то скомпенсировать техническое превосходство сил вторжения.

Другими словами надо было обучить на случай возможной войны десятки, если не сотни тысяч крестьян, раздав им оружие. Но крестьянин, как известно, лучше и упорнее всего дерется именно за свой надел.

В январе 1983-го министерство сельского хозяйства планировало в текущем году распределить среди крестьян всего-навсего 140 тысяч га земли (2,5% всей сельскохозяйственной площади страны). Причем землю предполагалось давать преимущественно кооперативам²⁷⁵.

Но уже через два дня после оккупации США Гренады Хайме Уилок заявил, что еще до конца года крестьяне получат 160 тысяч га земли. К тому же правительство начало массовую (и очень удачную в политическом смысле) кампанию по ускоренной регистрации фактического землевладения. Многие земельные собственники в Никарагуа не имели никаких документов на землю, и во времена Сомосы любой ушлый адвокат какого-нибудь латифундиста мог лишить владельца земли именно на этом основании.

Теперь права крестьян регистрировали в массовом порядке.

За 41 день 1983 года (после нападения американцев на Гренаду) крестьянам дали 30% всей земли, перераспределенной после принятого в 1981-м закона об аграрной реформе.

²⁷⁵ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 156.*

Правда, до конца 1984 года правительство все равно предпочитало перераспределять земли в пользу кооперативов. Только 8% выделенной по аграрной реформе земли получили частные собственники. Тем самым предполагалось побудить крестьян объединяться в кооперативы. Но крестьяне не спешили, и СФНО относил это на счет их общей политической отсталости. Виктор Тирадо говорил в 1981 году: «...нелегко устранить в умах многих товарищей крестьян привычку к индивидуальной обработке земли. Мы должны против этого бороться. Мы должны ликвидировать у них индивидуалистические идеи, потому что доказано, что коллективная обработка земли приносит крестьянам больше пользы, чем индивидуальная работа на участке, которая никогда не вырвет крестьянина из нищеты и отсталости»²⁷⁶.

Это было в большой степени действительно так, но многие крестьяне не хотели идти в кооперативы еще и потому, что те торговали только с государственными закупочными организациями, устанавливавшими низкие по сравнению с частниками цены.

В 1984 году, когда государство повысило закупочные цены, отношение крестьян к сандинистам стала меняться в благоприятную сторону, чему способствовала и активная регистрация прав землевладельцев земель. В 1984–1985 годах «контрас» пришлось почувствовать это на себе.

В целом в 1982–1983 годах никарагуанская экономика стагнировала, но за тем война взяла свое, и начался экономический спад.

В 1982 году впервые за время революции сократился ВВП страны — на 0,8%, причем в расчете на душу населения он упал даже на 4%²⁷⁷. Но финансовые показатели были все еще нормальными по никарагуанским меркам — цены выросли «всего» на 22,2%, дефицит бюджета по-прежнему оставался в районе 13% ВВП. Правительство смогло сократить импорт до 722 миллионов долларов (с 922 в 1981 году), но упал и экспорт — до 408 миллионов долларов (с 500).

В 1983 году, казалось, удалось вновь вернуться к экономическому росту. ВВП увеличился на 4,6%, в расчете на душу населения — на 1,2%. Однако резко взлетел дефицит — до 30% ВВП, что означало и всплеск инфляции — до 32,9%. Дефицит внешнеторгового баланса тоже вышел из-под контроля и достиг 400 миллионов долларов. Обслуживание внешнего долга (3,8 миллиарда долларов) достигло 43,5% от экспортной выручки.

Ухудшение экономического положения страны было вызвано, прежде всего, войной. Государство стало во множестве производить неэкономические расходы, которые только усугублялись ущербом, наносимым стране действия «контрас». Но сандинисты все еще медлили с переводом страны на военные рельсы.

²⁷⁶ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P.156.

²⁷⁷ *Spalding R.J.* Capitalists and Revolution in Nicaragua. Opposition and Accommodation 1979–1993. University of North Carolina Press, 1994. P.224.

В 1984 году ВВП снизился на 1,6%, в том числе на душу населения — на 4,8%. Дефицит бюджета достиг астрономической величины в 41,4% ВВП. Инфляция явно вырвалась из-под контроля — 47,3%. Дефицит внешнеторгового баланса превысил 440 миллионов долларов, причем из-за действий «контрас» и диверсий ЦРУ экспорт снизился до 386 миллионов долларов. Внешний долг составил непосильную для страны сумму — 4362 миллиона долларов.

В 1981–1984 годах «контрас» боевыми действиями нанесли экономике Никарагуа прямой физический ущерб на 92 миллиона долларов. Из-за этого ущерба общие потери в материальном производстве превысили 300 миллионов долларов. Потери в экспорте и излишний импорт, вызванный необходимостью компенсировать ущерб, оценивались в 321 миллион долларов. Причем по мере роста американской помощи «контрас» рос и ущерб для никарагуанской экономики. Если в 1981 году он не превышал 4,3 миллиона долларов, то в 1984-м достиг непосильного для маленькой страны размера — 171,4 миллиона. Только удар диверсантов ЦРУ по Коринто в октябре 1983 года привел к ущербу на 20 миллионов долларов.

Между тем, как уже упоминалось, стратегия ЦРУ и «контрас» состояла в 1983–1984 годах именно в нанесении ударов по экспортным отраслям (отсюда и минирование портов), чтобы лишить страну валюты для критического импорта и тем самым вообще парализовать экономику.

Только в 1984 году «контрас» атаковали 18 предприятий по сбору и обработке кофе, что привело к гибели урожая на 12000 га и потерям в объеме 69 миллионов долларов. Сюда следует добавить и призыв в армию рабочих, ранее занятых на уборке кофе. Примечательно, что «контрас» нападали как на государственные хозяйства и кооперативы, так и на частные предприятия. При уборке урожая кофе 1984/1985 года были убиты 39 рабочих и нанесен ущерб в размере миллиона долларов.

В результате боев правительству пришлось к середине 1985 года переселить в другие районы страны 143 тысячи человек. На беженцев только в 1984 году пришлось потратить 5,3 миллиона долларов, в 1985-м — уже 20 миллионов.

Всего в 1982–1984 годах «контрас» атаковали более 70 государственных сельскохозяйственных предприятий, часть которых полностью лишились машин и инвентаря. В 1984 году в среднем 10 кооперативов подвергались нападениям каждый месяц. В этом же году пришлось бросить на корню 25 тысяч акров кукурузы и бобов только в департаментах Хинотега и Нуэва Сеговия, что привело к ущербу в 11 миллионов долларов. В отдельных случаях приходилось переводить на новое, более безопасное место целые кооперативы.

«Контрас» активно уничтожали деревья ценных пород, которые издревле экспортировала Никарагуа, особенно в департаментах Селайя (Москития) и Нуэва Сеговия. В 1984 году были сожжены 44 тысячи гектаров хвойных деревьев. Это нанесло сильнейший удар по планам правительства развернуть массовое строительство домов для граждан с помощью промышленного производства деловой строительной древесины.

В результате минирования, захватов и обстрелов портов Никарагуа потонуло 19 рыболовецких судов и судов по добыче морепродуктов — тоже одной из важных статей никарагуанского экспорта. Только в 1984 году рыболовная отрасль понесла убытки в размере 11 миллионов долларов. Часто рыбаки боялись выходить в море из опасений, что их судно (как и их самих) могут угнать в Гондурас.

В общей сложности в 1981–1984 годах прямой и косвенный ущерб от военных действий превысил 525 миллионов долларов.

Американцы, поддерживая контрреволюцию, прилагали активные усилия, чтобы заблокировать для Никарагуа кредитные ресурсы международных финансовых организаций. В 1982 году из-за действий США Никарагуа было отказано в 38 миллионах долларов кредитов, в 1983-м — в 61,3 миллиона, в 1984-м — в 92,1 миллиона долларов.

Например, 30 января 1985 года госсекретарь Шульц в письме президенту Межамериканскому банку развития (МАБР) Антонио Ортису Мене угрожал, что США сократят финансирование банка, если он предоставит Никарагуа кредит на 58 миллионов долларов, предназначенный мелким и средним сельхозпроизводителям. Согласно Уставу МАБР решения о выделении кредитов должны были приниматься только на основании экономических, но никак не политических соображений. Шульц разъяснял в письме, что хотя кредит и носит «мирный» характер, но он высвободит средства никарагуанского правительства «для консолидации марксистского режима и финансирования агрессии Никарагуа против ее соседей»²⁷⁸. В МАБР были поражены — даже в 1970–1973 годах, во время экономической блокады Соединенными Штатами правительства Сальвадора Альенде в Чили банк не получал столь откровенно угрожающих посланий от американцев. Частным фермерам Никарагуа так и не достался кредит МАБР.

В это сложнейшее для Никарагуа время к ней на помощь пришли социалистические страны, без которых сандинисты не смогли бы вести успешные боевые действия против «контрас».

В марте 1985 года разведывательное сообщество США в секретном докладе «Никарагуа: поддержка сандинистского режима советским блоком и радикальными странами»²⁷⁹ отмечало: «Экономическая помощь советского блока и других радикальных режимов смогла частично компенсировать резкое сокращение западной торговли и помощи (Никарагуа)»²⁸⁰.

Только в 1984–1985 годах советская помощь Никарагуа (главным образом в виде поставок нефти) превысила 100 миллионов долларов ежегодно. Если

²⁷⁸ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 260.

²⁷⁹ Доклад подготовили ЦРУ, АНБ (Агентство национальной безопасности, радиотехническая и электронная разведка), РУМО (Разведывательное управление министерства обороны), разведка госдепартамента и разведслужбы отдельных родов вооруженных сил.

²⁸⁰ См.: http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000681978/DOC_0000681978.pdf.

в 1983 году социалистические страны финансово помогли Никарагуа примерно в объеме 300 миллионов долларов, то в 1984-м эта сумма удвоилась.

ЦРУ считало, что общая сумма кредитов и помощи социалистических стран и стран социалистической ориентации Никарагуа в 1979–1984 годах превысила 1,3 миллиарда долларов.

Фактически социалистические страны полностью погашали дефицит никарагуанского внешнеторгового баланса. Причем СССР поставлял не только оружие, но и зерно (как и ГДР в первой половине 80-х годов), экономя Никарагуа большие валютные ресурсы. В Никарагуа шли советские тракторы, автомобили и транспортные вертолеты. С 1983 года начали поставляться прокат черных металлов, удобрения, бумага. В ответ никарагуанцы поставляли кофе и сахар, но большая часть этих товаров шла в капиталистические страны за валюту, поэтому торговое сальдо Никарагуа с Советским Союзом было отрицательным.

В 1986 году объем советско-никарагуанской торговли составлял 284,1 миллиона рублей, причем превалировал советский экспорт²⁸¹.

После того, как в результате противоправных действий США по минированию никарагуанских портов Мексика сократила поставки нефти в Никарагуа (чего и добивались американцы), Советский Союз фактически взял на себя снабжение страны нефтью. В 1984 году, по оценкам ЦРУ, советские поставки нефти составляли в среднем 6 тысяч баррелей в день, в то время как в 1983 году они не превышали 1000 баррелей в день²⁸². СССР пытался договориться с Венесуэлой и Мексикой о сделках типа «своп», согласно которым эти страны поставляли бы в Никарагуа нефть в обмен на советские товары или деньги. Тем самым серьезно экономились бы расходы на транспортировку от советских портов до Никарагуа. Американцы всячески давили на Мексику и Венесуэлу, чтобы сорвать такое соглашение.

В 1985 году была создана советско-никарагуанская межправительственная комиссия по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству.

В 1984-м СССР предоставил Никарагуа кредит на 74 миллиона долларов для закупки советских автомашин, средств связи и на развитие образования.

В 1980–1984 годах в социалистических странах получили высшее и среднее специальное образование 1300 никарагуанцев. Никарагуанские студенты появились, например, в МГИМО, где обучались только представители самых близких СССР социалистических стран. На 1 января 1985 года в странах СЭВ учились 5 тысяч никарагуанцев²⁸³.

На начало 1985 года в Никарагуа, по оценке ЦРУ, работали 150 гражданских специалистов из СССР — в сферах рыболовства, сельского хозяйства и образовании.

²⁸¹ Международные отношения в Центральной Америке и Карибском бассейне в 80-х годах. М., 1988. С.197.

²⁸² См.: http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000681978/DOC_0000681978.pdf.

²⁸³ Международные отношения в Центральной Америке и Карибском бассейне в 80-х годах. М., 1988. С.198.

Военная помощь СССР, по оценкам американской разведки, подчеркивавшей, что это была именно помощь, а не кредиты, резко выросла именно в 1984 году и составила 250 миллионов долларов.

Страны Варшавского договора и Куба поставили в Никарагуа в этом году танки Т-55, транспортные вертолеты МИ-8, боевые машины пехоты и бронетранспортеры, тральщики, орудия для береговой обороны, радарные установки и зенитные пушки, грузовики, джипы.

Помимо боевых вертолетов МИ-24 СССР поставил в 1984 году в Никарагуа джипы и грузовики, радиоэлектронное оборудование для перехвата воздушных целей, а также вертолеты МИ-8.

В Никарагуа, по данным ЦРУ, на начало 1985 года работали 50–70 советских военных советников, в основном в генеральном штабе СНА и на обслуживании вертолетного парка. Следует подчеркнуть, что, в отличие от американских военных советников в Сальвадоре (конгресс ограничил их количество 55, но на самом деле их было больше), советские военнослужащие не участвовали в боевых действиях.

Еще в 1981 году СССР обещал поставить Никарагуа устаревшие к тому времени истребители МИГ-21. Однако США предупредили публично, что не допустят появления этих самолетов в Никарагуа и немедленно уничтожат их с воздуха. Конечно, позиция американцев была грубейшим нарушением международного права, тем более что у Сальвадора и Гондураса имелось несколько десятков реактивных истребителей американского производства. Но Москва не стала обострять отношения с Вашингтоном, и МИГи в Никарагуа так и не появились.

В 1985 году в ВВС Никарагуа был 31 легкий самолет. Все эти машины, в основном американского и израильского производства, были турбовинтовыми и устарели морально и физически. В 1982 году Ливия подарила Никарагуа шесть легких тренировочных итальянских самолетов SF 260 ML/W (максимальная скорость 347 км в час, вес пустого самолета 755 килограммов).

Для сравнения, в ВВС Гондураса (второй по бедности стране в Латинской Америке после Гаити) было до 50 сверхзвуковых истребителей и истребителей-бомбардировщиков и 48 тренировочных самолетов. У Сальвадора на вооружении находилось 53 сверхзвуковых истребителя и истребителя-бомбардировщика и 64 других самолета²⁸⁴.

Эти цифры показывают весь цинизм утверждений администрации Рейгана о «милитаризации» Никарагуа и ее «опасности» для соседей.

Точно так же обстояло дело и по всем другим видам боевой техники, за исключением танков и БТР, где у Никарагуа было преимущество над соседями. Но эти танки (Т-55) были устаревшими и не могли участвовать в нападении на Сальвадор (у этой страны с Никарагуа не было сухопутной границы) или

²⁸⁴ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.213.

на Гондурас в условиях безраздельного господства в воздухе гондурасской и сальвадорской авиации.

Американская разведка была вынуждена признать в секретном докладе от 8 марта 1985 года, что никакой реальной военной опасности от Никарагуа для соседей не исходит. «Самая главная непосредственная угроза, которую Никарагуа представляет для своих соседей наращиванием вооружений, заключается в ее способности поддерживать левые повстанческие группы из-за сильного щита обычных вооружений. Однако растущие наступательные способности Никарагуа также представляют потенциальную угрозу для непосредственных соседей. Хотя вероятность концентрированной никарагуанской атаки против своих соседей очень небольшая ввиду боязни американского ответного удара, наращивание (военной мощи Никарагуа) имеет важное психологическое значение для отношений между странами региона»²⁸⁵. В этом пассаже ясно проглядывает желание американской разведки совместить реальное положение дел (отсутствие угрозы со стороны Никарагуа для соседей) с желанием угодить Рейгану и порассуждать хотя бы о «психологической опасности» со стороны сандинистов.

Реальная же угроза для мира в Центральной Америке была в другом, и это признавала в своем докладе американская разведка: «...Сандинисты могут не устоять перед соблазном усилить свои атаки против баз „контрас“ в Гондурасе, например, с помощью боевых вертолетов. Манагуа может прийти к мнению, что Гондурас окажется не в состоянии протестовать против таких атак без признания факта присутствия на его территории крупных сил повстанцев»²⁸⁶.

Забегая вперед, скажем, что прогноз ЦРУ оказался верным. Но ведь разрядить ситуацию в регионе можно было очень просто — прекращением всякой поддержки Гондурасом и США вооруженной никарагуанской контрреволюции.

В октябре 1984 года СССР передал сандинистам оружие, которое немедленно изменило весь характер войны против «контрас», — на болгарском корабле «Христо Ботев» в Никарагуа прибыли четыре ударных вертолета МИ-24 (экспортная модификация МИ-25), прекрасно зарекомендовавших себя в борьбе против спонсируемых США и Китаем душманов в Афганистане. Современный (принят на вооружение в Советской армии в 1976 году) хорошо бронированный МИ-24 нес грозное ракетно-пушечное вооружение. Высокая скорость позволяла вертолетам даже перехватывать легкие транспортные самолеты «контрас». МИ-24 был единственным вертолетом в мире, совмещавшим функции ударного и транспортного, что было особенно ценно для Никарагуа с ее плохими дорогами. Всего никарагуанская армия со временем получила 12 машин.

²⁸⁵ См.: http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000681978/DOC_0000681978.pdf.

²⁸⁶ См.: *ibid.*

ЦРУ оценило объем советской военной помощи Никарагуа в 1979–1984 годах в 500 миллионов долларов, что было просто мизерной цифрой по сравнению с военной помощью США Гондурасу и Сальвадору. В 1980–1984 годах США предоставили своим союзникам в Центральной Америки военную помощь в объеме 2,3 миллиарда долларов²⁸⁷. Если же добавить сюда военные объекты, построенные во время различных маневров, присутствие военных советников, помощь, предоставленную на экономические нужды, но реально потраченную на вооруженные силы стран-сателлитов, то получится астрономическая цифра 9,5 миллиарда долларов.

Другие социалистические страны также помогали Никарагуа по мере сил. Кубинцы строили современный и самый крупный в мире завод по производству сахара TIMAL. Он был энергетически независимым благодаря большому искусственному озеру площадью 12 квадратных километров. С помощью забетонированных каналов вода с озера подавалась на разветвленную ирригационную систему плантаций сахарного тростника. Сахарный тростник планировалось убирать только машинами, а биомассу использовать для производства энергии — это был один из первых крупных биоэнергетических проектов в мире.

Также кубинские строители сооружали шоссейные и железные дороги, в том числе и те, которые впервые в истории Никарагуа должны были связать тихоокеанское побережье страны с Москитией (от Матагальпы до Пуэрто-Кабесаса). Кубинцы помогали строить и стратегически важную железную дорогу от Коринто через Манагуа до Эль-Блуффа на Атлантике. Именно этому строительству всячески пытались помешать диверсанты ЦРУ и «контрас».

ЦРУ считало, что на начало 1985 года в Никарагуа работали 6000–7500 кубинцев, в том числе 2000 строителей, 1000–1500 советников в различных министерствах и других гражданских госорганах, 300 врачей. 1500 учителей были в конце 1984 года отозваны на родину с целью плановой ротации.

По оценкам ЦРУ, в Никарагуа было 2000–2500 кубинских военных советников, в числе прочих и тех, кто участвовал в боевых действиях в Анголе. Кубинцы были прикомандированы к генеральному штабу СНА, к штабам всех 15 бригад и многих батальонов регулярной армии. ЦРУ отмечало, что кубинцы участвуют и в боевых операциях (в отличие от советских военных советников). Американцы полагали также, что кубинские пилоты летают на МИ-8 во время боевых операций.

По данным «контрас» (явно сильно завышенным), в 1984 году в боях в Никарагуа были убиты 50 кубинцев.

Куба поставляла в Никарагуа в виде помощи основную массу легкого стрелкового оружия, боеприпасов и ручных гранатометов, а также патрульные катера.

²⁸⁷ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.213.

ЦРУ отмечало, что из европейских социалистических стран наибольшую помощь Никарагуа оказывает Болгария. Там обучались летать на МИГ-21 никарагуанские пилоты. В 1984 году, по оценкам американской разведки, болгарская военная помощь утроилась по сравнению с 1983-м. Именно из Болгарии были получены первые вертолеты МИ-24, а также танки Т-55, плавающие танки ПТ-76, бронетранспортеры БТР-60, БТР-152, БРДМ-2, зенитные 57-миллиметровые пушки с радарными установками.

Болгары работали над углублением атлантического порта Эль-Блуфф. Примерно 200 болгарских советников трудились в экономических министерствах, прежде всего, в министерстве планирования. Проект по углублению порта Эль-Блуфф стоимостью до 125 миллионов долларов болгары осуществляли вместе с голландцами, причем Болгария предоставила кредит в размере 40 миллионов долларов. В 1987 году после завершения работ порт должен был принимать суда водоизмещением до 35 тысяч дедвейт. Этот проект был крайне важным для никарагуанской экономики, так как большие суда мог принимать только порт Коринто на тихоокеанском побережье. В остальных гаванях корабли океанского типа не могли прямо пришвартоваться к пирсам (ввиду малой глубины), поэтому грузы с кораблей приходилось перевозить на берег баржами и лихтерами.

Именно поэтому диверсанты из ЦРУ так стремились вывести Коринто из строя и помешать углублению порта Эль-Блуфф. Как уже упоминалось, на американской mine подорвалось голландское судно-землечерпалка, бывшее в Никарагуа для работ в Эль-Блуффе.

Примечательно, что болгарская военная помощь так обеспокоила американцев, что те в декабре 1984 года потребовали у Софии прекратить поставки тяжелого вооружения в Никарагуа и, по данным ЦРУ, добились соответствующего обещания.

Польша поставляла в Никарагуа легкие самолеты для сельского хозяйства, ЧССР — строительные машины, грузовики, оборудование для предприятий кожевенно-обувной промышленности. ЦРУ считало, что, «несомненно», именно Москва «побудила» и Прагу, и Варшаву резко увеличить помощь Никарагуа в 1984 году.

Товарооборот Никарагуа с ГДР достиг в 1984 году 252 миллионов марок ГДР (в 1980-м он составлял 77,6 миллиона марок).

По оценкам ЦРУ, Восточная Германия в области военной помощи «не выделялась» и не поставляла в Никарагуа боевое оружие: в 1984 году из ГДР поступили грузовики и средства связи²⁸⁸. В Никарагуа работали, по данным ЦРУ, 60–70 военных советников из ГДР, в основном в органах безопасности и при обслуживании средств связи. Немцы помогали обслуживать аэропорт в Эстели.

²⁸⁸ См.: http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000681978/DOC_0000681978.pdf.

ГДР предоставила Никарагуа кредит на 148 миллионов долларов в целях развития сельского хозяйства и экспортных отраслей.

КНДР, согласно данным американской разведки, поставила в 1984 году в Никарагуа патрульные катера. ЦРУ установило присутствие в Никарагуа 15 северокорейских военных советников.

Если в 1980 году доля стран — членов СЭВ во внешней торговле Никарагуа составляла смехотворную цифру 1,1%, то в 1985-м она выросла до 33%.

В 1985 году СЭВ наметил перечень из 30 объектов, которые социалистические страны были готовы сооружать или реконструировать в Никарагуа. В их число входили, например, проект орошения 30 тысяч га в долине между городами Масайя и Манагуа, строительство текстильного комбината в Эстели, расширение цементного завода в Сан-Рафаэле, строительство глубоководного порта на Атлантике, развитие молочного производства и т.д.²⁸⁹

В мартовском докладе 1985 года американская разведка отмечала: «...сандинисты также попытались развить отношения в области военных поставок с радикальными некоммунистическими государствами»²⁹⁰. В 1983 году Ливия попыталась через Бразилию поставить в Никарагуа легкие самолеты L-39, но американцам в сотрудничестве с бразильскими властями удалось сорвать эту сделку. Иран обещал поставить оружие, но по состоянию на март 1985 года, отмечало ЦРУ, своего обещания не выполнил.

25–50 ливийцев, по данным ЦРУ, находились в Никарагуа в качестве инструкторов ВВС. Американцы считали, что в стране также работают 15–30 пилотов из Организации освобождения Палестины (ООП).

Ливия, Алжир и Иран предоставляли Никарагуа и финансовую помощь (которую ЦРУ в 1984 году оценивало в 100 миллионов долларов), например, путем поставок нефти по низкой цене и закупок никарагуанских продуктов по преференциальным ценам.

Опираясь на помощь стран социалистического содружества и искренние симпатии народов и правительств большинства стран — членов ООН, Никарагуа в начале 1985 года уверенно смотрела в будущее.

²⁸⁹ Международные отношения в Центральной Америке и Карибском бассейне в 80-х годах. М., 1988. С. 198.

²⁹⁰ См.: http://www.foia.cia.gov/docs/DOC_0000681978/DOC_0000681978.pdf.

Глава 3 «Мы погибли бы, если бы не погибали».

Никарагуа в 1984–1990 годах

Через два дня после выборов в Никарагуа Рональд Рейган был триумфально переизбран президентом Соединенных Штатов Америки: он набрал 58% голосов. Специальный номер журнала «Ньюсуик» вышел под заголовком: «Америка: страна Рейгана»¹. К ужасу американских либералов и мировой прогрессивной общественности, американцы поддержали человека, бравировавшего своим узким кругозором и готового ввергнуть все человечество в мировую войну. Десятки миллионов американцев гордились своим президентом, который в их понимании сумел стереть позор Вьетнама агрессией против маленькой и беззащитной Гренады. Теперь с Америкой считались, и она была готова не только угрожать силой, но и применить ее. Помимо Рейгана героем для многих американцев стал кинематографический персонаж Рэмбо, ветеран вьетнамской войны, сотнями убивающий коммунистов на всех континентах.

Что касается политики США в отношении Никарагуа, то, согласно данным опросов общественного мнения в 1983–1986 годах, только после Гренады большинство американцев были в той или иной степени согласны с Рейганом. Тогда против участия США в необъявленной войне против Никарагуа выступали «лишь» 48% опрошенных. Позднее против курса администрации всегда высказывались от 55 до 65% опрошенных. Даже оболваненное постоянной антикоммунистической пропагандой большинство населения США все же не понимало, почему, собственно, надо было ненавидеть сандинистов. На соседей они не нападали, американскую собственность не конфисковывали, советских ракетных и прочих баз не размещали.

Поэтому главной задачей Рейгана после переизбрания было запустить в СМИ новую порцию антикоммунистических страшилок, чтобы заставить конгресс возобновить финансирование «контрас».

Уже на следующий день после переизбрания Рейгана американские СМИ презентовали народу сообщения со ссылкой на разведсообщество США: советский корабль «Бакуриани» приближается к Никарагуа, чтобы разгрузить

¹ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 190.

там истребители МИГ-21. СМИ нагнетали такую же истерию, как во время Карибского кризиса 1962 года. Мол, МИГи представляют для США смертельную опасность, и Америка не должна ее терпеть. Информацию в СМИ «слил» один из ближайших идейных соратников Рейгана, помощник президента по национальной безопасности, глава аппарата СНБ Макфарлейн.

Конечно, американские военные не воспринимали всерьез рассказы о некой угрозе со стороны советских самолетов выпуска 50-х годов. Но все уважающие себя сенаторы и конгрессмены дружно сплотились вокруг администрации в протесте против поставок МИГов в Никарагуа.

Неважно, что информация не подтвердилась (никаких МИГов на борту «Бакуриани» не было), — задел для новой мощной антиникарагуанской кампании был создан. Американцы не в первый раз распространяли абсолютно лживые сообщения о поставках советского оружия в Никарагуа (хотя эта страна имела полное право приобретать у любых других стран все, что желала). В мае 1983 года администрация Рейгана распространила фотографии с самолетов-шпионов, якобы доказывавшие, что советские корабли «Нововолыньск» и «Полоцк» привезли в Никарагуа некие наступательные системы вооружений. Однако американские репортеры, присутствовавшие на разгрузке, смогли увидеть только полевые кухни из ГДР и 12 тысяч тонн минеральных удобрений. Затем лично Рейган, коверкая название, говорил об опасной миссии советского корабля «Ульянов», который якобы тоже привез в Никарагуа что-то ужасное. Британские журналисты увидели на «Ульянове» 200 грузовиков, 80 джипов и пять машин «скорой помощи».

Но по законам пропаганды, которые активно использовал еще Геббельс, чем чудовищнее ложь, — тем охотнее в нее поверят. При этом Никарагуа была вынуждена постоянно оправдываться, что тоже вполне устраивало Рейгана.

Никарагуа, между тем, подчеркнула, что имеет суверенное право приобретать любое оружие, но не намерена форсировать гонку вооружений в регионе. Даниэль Ортега заявил в интервью «Ньюсуик»: «Мы зондировали во многих странах, включая западные, пытаясь приобрести самолеты-перехватчики... Никарагуа — единственная страна в регионе, у которой нет такого типа самолетов. И именно Никарагуа — та страна, которой они нужны»². Ортега был прав, так как над территорией Никарагуа летали десятки самолетов «контрас» и США с разведывательными и боевыми миссиями. Атаке подвергся даже единственный международный аэропорт страны. В то же время ни у повстанцев Сальвадора, ни у партизан Гватемалы никаких самолетов не было.

В самой Никарагуа паника в США вокруг «Бакуриани» и начавшиеся демонстративные полеты «Блэкберд», происходившие каждый день, вызвали слухи о предстоящем военном вторжении США. Причем так думало большинство населения вне зависимости от политических взглядов. Правительство провело

² Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 209.

частичную мобилизацию резервистов, а на подступах к Манагуа, как и после вторжения на Гренаду, опять появились танки.

Рейган, естественно, назвал эти меры «истерией», но в США в самом деле уже давно разрабатывались конкретные планы вторжения в Никарагуа.

Еще в феврале 1984 года в прессу просочился доклад профессора Джорджтаунского университета Теодора Морана, который детально расписывал сценарий военных действий США против Никарагуа³. Моран полагал, что для оккупации Никарагуа понадобится максимум 61 тысяча морских пехотинцев, десантников и войск спецназначения, 734 вертолета и несколько десятков танков.

Собственно, сценариев, предложенных профессором, было два. Реализация первого «облегченного» сценария требовала всего лишь одной дивизии морской пехоты, одной парашютно-десантной дивизии, легкой механизированной бригады сухопутных сил и батальона «рейнджеров»⁴.

Удар надо было произвести одновременно с суши, с воздуха и с моря. Для придания американской интервенции «международного характера», как и в случае с Гренадой, в агрессии должны были принять участие символические воинские контингенты стран КОНДЕКА (Сальвадора, Гондураса и Гватемалы).

Силы вторжения захватывали аэродромы и плацдармы в районе портов для подвода подкреплений, затем соединялись в крупные ударные группировки и брали штурмом основные никарагуанские города на тихоокеанском побережье за 12 дней. Потом войска США должны были в течение 20 дней преследовать отступившие части СНА на открытой местности и за три месяца полностью подавить все крупные очаги сопротивления. Одну американскую дивизию можно было вывести уже через 122 дня боев, а оставшиеся полторы должны были оккупировать Никарагуа на протяжении пяти лет. Вместе с силами КОНДЕКА и частями марионеточного правительства Никарагуа (образованного на базе «контрас») оккупанты окончательно подавили бы остатки партизанского движения в стране.

Моран отмечал, что вторжение в первый год боев приведет к полному коллапсу никарагуанского экспорта, который снизится на 80%, но США своей экономической помощью помогут заполнить эту брешь в бюджете страны. В течение четырех лет «саботаж» сандинистов не позволит никарагуанскому экспорту достигнуть даже 60% от уровня 1982 года, поэтому зарубежным донорам придется впрыскивать в никарагуанскую экономику по 300 миллионов долларов ежегодно в течение этого периода. Еще 500 миллионов долларов американцам и международным финансовым организациям одновременно придется потратить на восстановление разрушенной вторжением страны.

Согласно второму, «развернутому» сценарию Морана предполагалось привлечь дополнительные силы морской пехоты и ВДВ (в США воздушно-де-

³ Белят М.Ю. Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 258.

⁴ Nicaragua 1984: Swirl In The Eye Of The Storm. См.: <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/1984/WJW.htm>.

сантные части входят в состав ВВС или Особого командования войсками спецназначения) — всего 61 тысяча военнослужащих, из которых 25 тысяч непосредственно будут участвовать в боевых действиях, 216 самолетов и 734 вертолета. Как предполагал Моран, в течение самых напряженных боев на первом этапе вторжения (32 дня) американцы потеряют 148 вертолетов и семь самолетов (если бы у Никарагуа имелись хотя бы устаревшие МИГ-21, прогнозируемые потери ВВС США были бы значительно больше). За первые 12 дней боев силы вторжения будут терять в день по 50–100 убитыми и 300–600 человек ранеными⁵. Но затем основные силы СНА будут разгромлены, и интенсивность потерь существенно снизится — до 15–30 убитых в день. Согласно сценарию, на каждого убитого американца пришлось бы примерно 10 погибших никарагуанцев. Всего за время первых интенсивных боев потери войск США должны были варьироваться от 1061 до 2122 погибших и 5400–10 800 раненых, не считая потерь от несчастных случаев.

В течение трех последующих месяцев, когда силы вторжения уже будут только преследовать разбитые части СНА и народной милиции, потери американцев составят 15 вертолетов, три самолета, 450–900 убитых и 2700–5400 раненых (плюс 81–161 погибший от несчастных случаев). За последующие два года противопартизанской войны США лишатся 30 вертолетов, шести самолетов, 200–600 убитых и 300–900 раненых. Главным на данном этапе будет решительно прервать любые каналы снабжения партизан-сандинистов оружием и боеприпасами с Кубы или из СССР. Основную тяжесть «зачисток» возьмут на себя части КОНДЕКА и бывшие «контрас».

Таким образом, вся операция по вторжению и «умиротворению» Никарагуа стоила бы США около 10 тысяч жизней американцев (и по логике потерь — примерно 100 тысяч никарагуанцев) и около миллиарда долларов.

Морана попросили написать план вторжения с двояким умыслом. Во-первых, администрация Рейгана как бы говорила конгрессу словами «независимых ученых» — если не профинансировать «контрас», способных свергнуть «коммунистический режим» в Манагуа, то свергать его придется гораздо более высокой ценой — ценой жизней сотен американских солдат. Во-вторых, Никарагуа давали понять, что свергнуть сандинистов США явно по плечу, причем американцы сумеют сделать это с не столь уж большими потерями (в сравнении с Вьетнамом). Соответственно, Никарагуа лучше пойти на уступки, договориться с «контрас» и свернуть революцию по-хорошему.

Помимо скандала с несуществующими МИГами США устроили истерику по поводу строящегося в Никарагуа военного аэродрома Пунта-Уэте с взлетно-посадочной полосой в 3200 метров. Американцы заявили, что аэродром готовят для советских стратегических бомбардировщиков, которые с территории

⁵ Расчеты Морана не были взяты с потолка, а основывались на статистике боевых потерь США во Вьетнаме.

Никарагуа будут патрулировать побережье США. Бросалось в глаза, что пропагандистская подготовка агрессии против Гренады начиналась с таких же домыслов относительно гренадского международного аэропорта Пойнт-Салинас. На самом деле работы в Пуэнте-Уэте ускорила американская бомбежка международного аэропорта Манагуа в 1983 году. Ведь столичный аэропорт был по совместительству единственной серьезной базой никарагуанских ВВС, и, строя другой военной аэродром, никарагуанцы просто хотели вывести из-под возможного повторного удара свой единственный международный аэропорт.

Реакцию никарагуанцев на новый виток американских угроз хорошо передают слова бойцов одного из батальонов народной милиции, сказанные советскому корреспонденту: «Да все шестьдесят тысяч янки здесь положим. Еще шестьдесят тысяч придут — и они в землю лягут. Деревя на кресты у нас хватит, не поспеваем. Нет, не брать им Никарагуа. Кубу не взяли, Вьетнам не взяли, нас тоже не возьмут — вооруженный народ непобедим. В Никарагуа в оккупантов каждый куст, каждый камень у дороги стрелять будет...»⁶

12 тысяч студентов и молодых рабочих были отозваны с уборки кофе в территориальные батальоны народной милиции. Хайме Уилок прокомментировал это следующим образом: «Лучше пусть упадут на землю зерна кофе, чем наша страна»⁷.

Министр иностранных дел Никарагуа Мигель д'Эското так ответил на вопрос о реальности американского вторжения: «Если вы спросите, возможно ли вторжение США, я отвечу, что казалось невозможным переизбрание такого человека, как Рейган, но его выбрали. Если бы мы жили в другой стране, то могли бы откинуться в кресле и спрашивать себя, реально ли вторжение. Но, живя в Никарагуа, мы не можем позволить себе такую роскошь. Мы должны быть готовы к худшему»⁸.

Тем временем у берегов Никарагуа проводили очередные маневры крупные соединения ВМС США во главе с вновь используемым Рейганом линкором Второй мировой войны «Айова» (плюс еще 24 боевых корабля). В районе досягаемости берегов Никарагуа палубной авиацией дежурили по два авианосца в Атлантике и в Тихом океане. Многие обращали внимание на то, что вторжение на Гренаду год назад началось с точно таких же маневров в Карибском море.

Если доклад Морана можно было посчитать частным мнением ученого, то министр обороны США и один из главных «ястребов» в администрации Рейгана Каспар Уайнбергер расставил 28 ноября 1984 года все точки над «i». Уайнбергер провозгласил в Национальном пресс-клубе «шесть заповедей» возможного боевого применения вооруженных сил США. Главной из этих «заповедей» была следующая — если уж США применят свою армию, то не отступят, пока не добьются полной победы над врагом.

⁶ *Белят М.Ю.* Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987. С. 260.

⁷ *Sklar H.* Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 211.

⁸ *Ibid.*

В это время положение «контрас» в Никарагуа и Гондурасе продолжало ухудшаться, причем не столько от прекращения финансирования по линии ЦРУ (были и другие источники), сколько от внутренних распрей и мощных ударов США и народной милиции.

Бермудес почти полностью прекратил как-либо руководить боевыми действиями. Освободившись от опеки ЦРУ, он полностью посвятил себя любимым занятиям: очередным «секретаршам» и разворовыванию и так оскудевшей спонсорской помощи американцев. Бермудес любил хорошо пожить и перенестись в старое доброе прошлое — как и во времена незабвенного Сомосы, денщик чистил ему ботинки, утюжил мундир и почтительно будил по утрам словами «Как спалось сеньору верховному главнокомандующему?»

В штабе «главкома» в глубоком тылу, в Гондурасе висела карта Никарагуа, на которой были отмечены места боев отрядов «контрас». Если в каком-то районе страны точек и стрелок не наблюдалось, то Бермудес удивленно вопрошал: «А почему там ничего не происходит?» На этой же карте он «инструктировал» уходившие в Никарагуа «тактические группировки» «контрас»: «Идите туда и что-нибудь сделайте!»

31 марта 1984 года «контрас» сильно не повезло — офицеры гондурасской армии, которым и самим очень надоели бандитствующие боевики, сняли с должности командующего гондурасской армией генерала Альвареса, который был до тех пор прочной «крышей» «проекта ЦРУ» в Гондурасе⁹. Альваресу пришлось покинуть страну, а новое армейское командование под прессингом общественности стало разбираться со случаями многочисленных «исчезновений» оппозиционных деятелей во время фактического правления генерала. Вскоре гондурасцы вышли на след «китайца» Рикардо Лау, и тому пришлось скрепя сердце давать показания по принципу: «Да, я выполнял мелкие поручения генерала Альвареса». В результате сам Лау стал опасаться за свою жизнь — он не исключал, что гондурасские военные «уберут» его, чтобы скрыть следы своих собственных преступлений. Лау пришлось бежать в Гватемалу.

Вместо сильно запачканного криминалом Лау Бермудесу пришлось назначить нового шефа контрразведки — Хуана Хосе Селайю, который во время Сомосы был личным секретарем начальника охраны генерала Самуэля Жени. Селайя, как и Бермудес, никогда не занимал никаких командных должностей и умел только послушно выполнять приказы начальства. Он был, конечно, неравнозначной заменой матерому Лау. Главным достоинством Селайи являлась его преданность самому Бермудесу.

По этому же качеству Бермудес отбирал и другие ключевые фигуры своего штаба. Всех этих людей полевые командиры откровенно презирали как «тыловых крыс», давно не державших в руках боевого оружия.

От Лау, сильно компрометировавшего светлый образ «борцов за свободу», удалось избавиться, но новой головной болью Бермудеса в его попытках

⁹ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 140.*

сделать очередной демократический «фейс лифтинг» ФДН стал сын вновь назначенного начальника снабжения Армандо Лопеса (по кличке Полиция) Армандо Лопес-младший по кличке Бестия. Бестия очень много пил и, напившись, рассказывал всем, кто его слушал, о том, как он любит убивать людей длинным острым ножом¹⁰. Его пришлось срочно отправить на «отдых» в США.

Неудачи преследовали и «золотого парня ЦРУ», «мясника Пантасмы» Майка Лиму. Ровно через месяц после атаки на Пантасму Майк пытался выстрелить из 82-миллиметрового миномета китайским снарядом от безоткатной пушки такого же калибра («золотой парень» зачем-то поместил в миномет сразу три снаряда). Мощным взрывом были убиты четверо «контрас». Майку Лиме почти оторвало правую руку, кроме того, он был ранен в ногу. Вертолетом ЦРУ «героя» срочно доставили в гондурасский госпиталь, а затем в Майами лучшие американские хирурги сделали ему протез. Но Лима не собирался сдаваться и уже через три недели вновь отправился в Никарагуа во главе своего отряда.

Однако сандинисты воевали уже всерьез. Крестьяне сообщали милиции и СНА о передвижениях «тактической группировки» Майка Лимы. 18 апреля 1984 года «контрас» попали в «тактическую засаду», и по ним начали «работать» артиллерия и минометы. Снаряд разорвался прямо над головой Лимы. Его контузило, швырнуло на землю (при этом он сломал здоровую руку), а один из осколков попал ему прямо в глаз. Почти неделю бандиты под плотным минометным и пулеметным огнем сандинистов отходили в Гондурас и несли на импровизированных носилках своего командира. Тот потерял много крови, но выжил. На кресле-каталке «золотого парня» опять доставили в Майами. В аэропорту его встречал сотрудник ЦРУ, обеспечивший мгновенное прохождение паспортных и таможенных формальностей. Американские хирурги спасли Майку глаз и вживили стальную пластину в ногу¹¹.

Через два месяца Майк Лима опять был в Гондурасе, но для боевых действий уже не годился, — по его собственным словам, удача отвернулась от него окончательно. Тогда «герой Пантасмы» уговорил Бермудеса создать первое подразделение военной полиции в лагерях «контрас» для наведения элементарной дисциплины. Майк и его люди хватали пьяных и наркоманов, после чего те «исчезали». Бермудес запротестовал — проблемы с имиджем ему были не нужны, и он просил Майка Лиму хотя бы не убивать и не пытаться провинившихся собственноручно. Но все же «золотого парня» ЦРУ — который просто любил убивать и не мог без этого существовать полноценно — пришлось уже через два месяца «освободить от занимаемой должности».

Но едва успели замять один скандал, как вспыхнул другой, героем которого на сей раз стал американец по кличке Крыса-убийца. В 1984 году студент-психолог Северо-Западного университета, антикоммунист, расист и фана-

¹⁰ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 142.*

¹¹ *Ibid. P. 146.*

тик всего военного Фрэнк Воль присутствовал в кампусе на «лекции» одного из главарей «контрас» Фернандо Чаморро. Воль загорелся и на каникулы полетел в Гондурас вместе с фотоаппаратом, чтобы «помочь» борцам против мирового коммунизма. «Контрас» посмеивались над придурковатым американцем, который выпросил у них длинный нож и то имитировал перерезание горла своим новым друзьям (излюбленный способ казни в рядах «борцов за свободу»), то в шутку колот их своим оружием. Студенту подарили форму и нарекли его гордым именем Крыса-убийца. Воля даже взяли в Никарагуа, но там с героем случился сильный приступ диареи, и назад ему пришлось возвращаться верхом на осле.

Вернувшись в США, Воль уже не говорил о «контрас» ничего хорошего. Он показал друзьям серию фотоснимков, запечатлевших казнь одного из «сандинистов», — на фото пожилого человека заставили вырыть могилу, он в нее лег, и один из «контрас» с улыбкой разрезал ему горло и вонзил нож в сердце.

В апреле — мае 1985 года Воль попытался устроиться на работу в ЦРУ, где с ним три раза проводили пробные беседы. Одному из агентов Воль показал свои снимки. Тот был потрясен и заявил, что не хочет иметь с этим ничего общего. После такого «портфолио» ЦРУ прекратило со студентом всякие контакты, и тот со злости продал фотографии прессе за 35 тысяч долларов. В апреле 1985 года их напечатал «Ньюсуик». Примечательно, что при этом Воль оправдывал «контрас» — «мы ведь в США тоже казним людей».

Как раз в это время Рейган активно лоббировал в конгрессе возобновление финансирования «контрас». И тут американские СМИ взорвали «бомбу». Зверства боевиков потрясли даже противников сандинистов на Капитолийском холме. Но Рейган продолжал действовать по законам пропагандистской войны: на одно циничное заявление он нагромождал другое, еще более циничное. Президент США был вынужден комментировать снимки Воля, но без обвиняков назвал их фальшивкой. По словам Рейгана, человек на снимках после фотосессии «поднялся и ушел». Пока страна приходила в себя от такого цинизма, Рейган добавил, что для него «контрас» — моральный эквивалент «отцов-основателей США» (!)¹².

При этом в лагерях «контрас» не только узнали убитого, но и выяснили, что убил его один из командиров «борцов за свободу» по кличке Мак. ЦРУ было взбешено — но отнюдь не самим фактом убийства, а тем, что американскому студенту разрешили вот так запросто все это запечатлеть. «Крайним» сделали Адольфо Калеро, после выступления которого Крыса-убийца пожаловал в Гондурас. Калеро, как и Рейган, твердил одно: все снимки — подделка сандинистов с целью осквернить светлый образ «борцов за свободу».

Бермудес завершил внутреннее расследование тем, что повысил Мака, сделав его начальником Центра военной подготовки ФДН.

¹² *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 152.*

После временного прекращения «курирования» «контрас» со стороны ЦРУ (что запретил конгресс в 1984 году, прекратив финансирование бандитов) их взял под крыло аппарат Совета национальной безопасности (СНБ) США. Вместо опытного профессионала ЦРУ Клэрриджа работу с «контрас» поручили любителю со странностями и неумной тягой ко всякого рода секретам и таинственности — подполковнику корпуса морской пехоты Оливеру Норту.

Норт родился в 1943 году в городе Сан-Антонио, штат Техас. В 1968 году он окончил военно-морскую академию и отправился во Вьетнам в должности командира взвода морской пехоты. Во Вьетнаме Норт получил высшие военные награды США — «Бронзовую звезду», «Серебряную звезду» и две медали «Пурпурное сердце». Норт выполнял особые задания в составе Сил специальных операций (совместная структура Пентагона и ЦРУ для осуществления тайных и щекотливых акций). О характере этих заданий можно судить хотя бы потому, что впоследствии Норту пришлось давать показания на суде по делу одного из его подчиненных, которого обвиняли в убийствах мирного вьетнамского населения.

В 1971 году Норт получил чин капитана и был направлен инструктором на американскую военную базу на Окинаве. С декабря 1974-го по январь 1975 года он лечился в военном госпитале Бетесда в связи с «эмоциональными проблемами». Командир якобы обнаружил Норта, когда тот в голом виде бегал с пистолетом и угрожал покончить жизнь самоубийством¹³.

В 1981 году Норт перешел на работу в аппарат Совета национальной безопасности, где был заместителем директора по военно-политическим вопросам. В 1983 году он стал подполковником. Сначала Норт занимался в СНБ Ближним Востоком — искал тех, кто был виновен в подрыве американских морских пехотинцев в Бейруте в 1983 году. Он участвовал также в разработке плана вторжения на Гренаду.

Взгляды Норты были простыми и вполне соответствовали пещерному антикоммунизму администрации Рейгана. Он считал, что во всех социальных волнениях в Латинской Америке на 90% виноват Кастро, и что все конгрессмены, выступающие против финансирования «контрас», — скрытые коммунисты и агенты Кремля.

И секретарь СНБ Макфарлейн, и президент Рейган высоко ценили исполнительного сотрудника, не интересующегося законностью отдаваемых ему приказов. Сам Норт говорил, что если Верховный главнокомандующий (Рейган) прикажет ему встать на голову, то он отдаст честь и немедленно выполнит это.

Для «курирования» «контрас» (которое, напомним, запретил конгресс США) Норты использовали просто потому, что он был в небольших чинах, — в случае разоблачения им можно было бы легко пожертвовать как пешкой в большой игре. Забегая вперед, скажем, что так и случилось.

¹³ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P.233.

Когда в мае 1984 года конгресс США отказался финансировать «контрас», Рейган дал личное указание СНБ изыскивать средства на «проект» до тех пор, пока не удастся убедить конгрессменов изменить свое решение. Президент поручил Пентагону, ЦРУ, министерству юстиции и госдепартаменту оказывать СНБ в этом всяческое содействие. Сам Норт сформулировал задачу в отношении «контрас» следующим образом: «Поддерживать их единство в качестве реальной политической оппозиции, вдохнуть в них жизнь на поле боя, продержаться, пока у нас не будет денег и пока конгресс не проголосует опять, поддерживать жизнь всего проекта, так как президент публично обещал „снова, снова и снова“ содействовать никарагуанскому сопротивлению»¹⁴.

Норт считал, что если срочно не дать «контрас» денег, то в течение шести-десяти месяцев они будут полностью уничтожены сандинистами.

В феврале 1984 года Норт подготовил проект директивы СНБ, согласно которой было «необходимо предпринять срочные усилия, чтобы изыскать дополнительно 10–15 миллионов долларов из иностранных или внутренних источников ввиду того обстоятельства, что выделенные ранее 24 миллиона долларов достаточны лишь для того, чтобы финансировать операции „контрас“ до июня 1984 года»¹⁵. Макфарлейн директиву не подписал, но устно, сославшись на президента, приказал Норту действовать именно в этом направлении.

Сам Макфарлейн безуспешно пытался заставить Израиль взять на себя финансирование, обучение и вооружение «контрас». Израиль был готов действовать (и действовал) на вторых ролях, но никак не на первых. К концу сентября 1984-го Израиль предоставил «контрас» оружия (китайского и советского производства) и снаряжения на 5 миллионов долларов. Израильцы поставили, например, автоматические винтовки, ракеты «земля-воздух», гранаты для РПГ и т.д. Оружие переправлялось самолетами в Гондурас через Сальвадор. В конце 1983 года в Гондурасе с «контрас» работали 30 израильских военных советников, которым платили от 5 до 10 тысяч долларов в месяц.

Директор ЦРУ Кейси в меморандуме от 27 марта 1984 года поддержал усилия Макфарлейна по поиску источников финансирования в Израиле и в Саудовской Аравии, так как «никарагуанский проект» должен был оказаться без денег уже в середине мая 1984 года¹⁶. Кейси сообщил, что на саудовцев уже вышли и их первоначальная реакция была «положительной». ЦРУ хотело получить деньги и от расистского режима апартеида в ЮАР, с которым согласно решению ООН всем странам было запрещено поддерживать любые связи, даже культурные и спортивные.

Саудовская Аравия, официальной религией которой всегда была ваххабитская ветвь ислама, служила США надежным кошельком для финансирования

¹⁴ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 223.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Кларридж клялся потом, что ничего не знал об этом меморандуме своего начальника.

тайных, в том числе и террористических операций по всему миру. Именно на саудовские деньги шла война так называемых моджахедов против советских войск в Афганистане. Саудовцы оплатили, в числе прочего, и обучение в лагере ЦРУ в Пакистане никому не известного тогда отпрыска саудовского миллионера — Усамы бен Ладена.

9 апреля 1984 года о контактах с ЮАР проинформировали госсекретаря Шульца, и он дал «добро» (нарушив тем самым режим санкций ООН). 13 апреля в ЮАР прибыл Кларридж. Претория несмотря на санкции ООН была давним партнером США по тайным операциям против правительств Анголы, Мозамбика и Зимбабве. Американцы помогали режиму апартеида подавлять освободительное движение коренного населения как в самой ЮАР, так и в Намибии.

В 1982–1983 годах Кларридж по указанию Кейси информировал главу военной разведки ЮАР генерала ван дер Вестхуйзена о событиях в Никарагуа во время визитов южноафриканца в Лэнгли¹⁷. Вестхуйзен пригласил Кларриджа в ЮАР, чтобы тот посмотрел, как южноафриканцы помогают бандитам из организации УНИТА Жонаса Савимби воевать против законного правительства Анголы (на стороне последнего сражались кубинские добровольцы).

Расисты были готовы помочь, но по возвращению в Вашингтон Кларриджу приказали «притормозить», так как весь мир был возмущен фактом минирования никарагуанских портов, и контакты с режимом апартеида на этом фоне (в случае их разоблачения) были бы США нехотены¹⁸.

Тем не менее ЦРУ создало в США подставную транспортную компанию «Сафэйр Фрейтерз Инк». Ее материнской фирмой была южноафриканская «Сафэйр Фрейтерз оф Саут Африка». Компании передали три самолета «локхид L-100» для возможной переброски оружия из ЮАР в Гондурас и Сальвадор. Кларридж был приятно потрясен тем, что ЮАР смогла решить проблему снабжения УНИТА по воздуху в Анголе без приземления самолетов и без пролетов в зонах плотного зенитного огня (то, чего ЦРУ и «контрас» никак не удавалось).

Правда, ЮАР не хотела иметь дело с «контрас» напрямую — имидж режима апартеида и так оставлял желать лучшего. Юаровцы продавали оружие «контрас» через одного частного дилера в Майами. Они послали в Гондурас примерно 15–20 военных советников под видом «частных лиц». В феврале 1985 года ЮАР отправила 200 тонн военных грузов в Коста-Рику Эдену Пастору. Норт предложил ЦРУ переадресовать груз в распоряжение ФДН в Гондурас¹⁹ — Пастору подполковник морской пехоты и антикоммунист-мракобес считал слишком «левым» и поэтому ненадежным.

Кларридж характеризовал Пастору как «военное ничтожество». Весной 1984 года ценой огромных усилий войско Пасторы смогло захватить местечко

¹⁷ *Clarridge D.R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P.280.*

¹⁸ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P.224.*

¹⁹ *Ibid. P.225.*

Сан-Хуан-дель-Норте с 100 жителями и гарнизоном сандинистов в количестве 70 человек неподалеку от границы с Коста-Рикой.

Пастора хотел объявить о своем триумфе и дальнейших планах на уже упомянутой выше пресс-конференции в Ла-Пенке, но к тому времени сандинисты легко отбросили его воинство назад, в мангровые заросли Коста-Рики. При отступлении бойцы Пасторы оставили на никарагуанской территории предоставленные ЦРУ средства связи и все тяжелое вооружение. В Лэнгли боялись, что сандинисты предъявят все это общественности, вызвав бурю негодования в конгрессе.

Американский «Тайм» так написал 30 апреля 1984 года об этой «победе» бывшего «команданте ноль»: «Сорок выдавших виды лачуг и заросшая травой взлетно-посадочная полоса в дельте болотистой реки, может быть, и не похожи на укрепленный военный бастион. Но за время годичной партизанской войны вдоль южной границы Никарагуа это местечко в джунглях — Сан-Хуан-дель-Норте — приобрело символическое значение, превосходящее его сомнительную стратегическую ценность. После трех дней ожесточенного боя партизаны-„контрас“ из Демократического революционного альянса (ARDE) одолели сандинистский гарнизон в городе и одержали свою первую важную военную победу. После нескольких дней беспокойного затишья никарагуанские войска контратаковали на прошлой неделе. Пока несколько сотен солдат наступали, в воздухе появились самолеты и вертолеты, которые начали бомбить город. Партизаны быстро откатились назад в джунгли, оставив сандинистам дымящиеся руины Сан-Хуан-дель-Норте»²⁰. «Тайм» писал, что до и после боя за Сан-Хуан-дель-Норте многие посмеивались, что прозвище Пасторы «команданте ноль» означает количество выигранных им против сандинистов сражений.

Кларридж отмечал, что после своего позорного бегства от Сан-Хуан-дель-Норте Пастора «стал плохо говорить об агентстве», то есть о ЦРУ²¹. Макфарлейн (помощник президента США по национальной безопасности и непосредственный начальник Норты) дал указание добиться объединения АРДЕ и ФДН под командованием последнего. Чем это закончилось, мы видели в предыдущей главе — Пастора едва уцелел после покушения, но продолжал мнить себя будущим руководителем всей никарагуанской вооруженной оппозиции.

Насчет планов Пасторы стать политическим руководителем («каудильо») всего движения «контрас» Кларридж говорил так: «Только через мой труп. Мы дали ему столько (военного) материала, и все это он профукал в бестолковой операции в Сан-Хуан-дель-Норте, оставив на поле боя наше оборудование связи. И за это он ожидал, что его сделают лидером „контрас“? В том, что касалось Лэнгли, где бы Пастора ни был занозой в заднице — а он ей часто был, — он был

²⁰ Kohan J. Central America: Zero Scores One. См.: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,951052,00.html>.

²¹ Clarridge D.R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P.282.

занозой в МОЕЙ заднице. Настало время нанести ему визит. Иллюзий у меня не было. Предстояла трудная встреча. Мы встретились на конспиративной явке. Он прибыл со своей свитой и немедленно пустился в обычные причитания: что я-де все даю этим головорезам-сомосовцам на севере, что, как все проклятые гринго, я не выполняю обещаний, что ему требуется больше оружия и боеприпасов.

Я сказал ему: „Команданте, я пустой, я пустой. У меня ничего не осталось“. Он ответил: „Но вам же удастся заботиться о своих друзьях-сомосистах на севере? Посмотрите на их операции, согласно радиосводках их уже прижали к Матагальпе“. „Послушайте, команданте, — сказал я, — сколько у вас войск сейчас?“. „Семь тысяч“, — сказал он, глядя мне прямо в лицо. Солгал, не моргнув глазом.

Я не принял это на свой счет. Я знал, что в менталитете мачо латинской культуры правда — часто вещь эластичная, особенно когда на кону честь мужчины. Но в этом случае „команданте ноль“ слишком уж растянул истину — до критической точки. Мои офицеры, которые работали с Пасторой, говорили мне, что у него не больше тысячи человек, а может быть, и половина от этого, и что все его самые способные люди... уже от него отвернулись.

„ОК, команданте, у меня есть несколько винтовок „маузер“. Это все, что у меня есть“. К сожалению, это была горькая правда.

Пастора был взбешен. Он хотел автоматических винтовок, а не антикварных ружей, даже не самозарядных. Неожиданно он вскочил и заорал на меня: „Вы ничего не можете сделать нормально. Гляньте на это!“ При этом он показал то, что вызвало его самую большую ярость, — свое исподнее. Он спустил штаны: „Посмотрите на это проклятое нижнее белье, которое вы мне сбросили с воздуха прошлой ночью. Оно сделано для гринго ростом в 6 футов, а я латиноамериканец и во мне всего 5 футов и 4 дюйма!“ Чтобы продемонстрировать это, Пастора натянул белье до подбородка. Я должен был признать, что оно явно плохо на нем сидит, — это был один из редких ляпов моих людей, отечавших за логистику.

„Ну почему ваши люди ничего не могут сделать нормально?!“ — орал он. Выпученные глаза и дрожащие ноздри показывали, насколько Пастора взбешен. Если такое поведение было для него типичным, то неудивительно, что от него ушли его лучшие люди»²².

Кларридж пожалел, что у него не было с собой фотааппарата, чтобы сделать удачный снимок для Даниэля Ортеги. Пастора отверг антикварные «маузеры», и собеседники расстались явно не в дружественном расположении духа.

Таким образом, ЦРУ в целях экономии средств решило пока полностью прекратить помощь Пасторе, поскольку на поле боя от этой помощи не было никакого толка.

²² *Clarridge D.R., Digby D. Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997. P.283.*

ЦРУ и СНБ начали активно просить деньги у саудовцев, и те, как обычно, не возражали оплатить любой крестовый поход против ненавистных правящей коррумпированной саудовской династии коммунистов и социалистов. Кстати, именно саудовцы оплачивали головорезов из ангольской группировки УНИТА. Также в 1985 году они заплатили ЦРУ три миллиона долларов за убийство лидера шиитского движения «Хезболла» в Ливане²³. При покушении на шейха Фалдаллаха 8 марта 1985 года погибли 80 человек (взорвалась начиненная взрывчаткой машина), но сам лидер «Хезболлы» не пострадал.

В мае 1984 года Макфарлейн встретился с саудовским послом в Вашингтоне принцем Бандаром (членом правящей династии) и попросил помочь «контрас» деньгами. 22 июня 1984-го на встрече в Белом доме Макфарлейн передал Бандару карточку с номером счета «контрас», и саудовцы обещали перечислить 8 миллионов долларов ежемесячными траншами²⁴. 26 июня директор ЦРУ Кейси и главный юрист ЦРУ Споркин обсудили с министром юстиции Смитом легальность помощи «контрас» через третьи страны с учетом действующего запрета конгресса. Смит сказал, что не видит в этом ничего противозаконного, если зарубежные государства будут спонсировать «контрас» из своих собственных средств.

Сразу же после этой беседы Макфарлейн позвонил Бандару и произнес кодовую фразу: «Мой друг не получил сигарет, а он очень много курит». 6 июля 1984 года саудовцы перевели первый миллион долларов через счет в швейцарском банке, а оттуда — на счет одного из банков в известном оффшоре — на Каймановых островах. Макфарлейн сообщил об этом Рейгану и отметил, что президент был очень доволен.

11 февраля 1985 года Рейган встретился в Вашингтоне с саудовским королем Фахдом и лично попросил его увеличить размер субсидирования никарагуанских «контрас». Саудовцы пошли навстречу.

Норт написал лидеру ФДН Калеро (которого он представил агенту ФБР как «никарагуанского Джорджа Вашингтона»), что деньги до следующего голосования в конгрессе имеются, и их следует потратить, в том числе, на налаживание эффективных операций по снабжению отрядов «контрас» в Никарагуа с воздуха. Норт (подписавшийся одним из своих излюбленных псевдонимов Стальной Молот) заклинал Калеро ничего никому не говорить о поступивших саудовских деньгах — «конгресс должен верить, что деньги по-прежнему срочно необходимы деньги»²⁵.

В секретном меморандуме от 11 апреля 1985 года на имя Макфарлейна Норт подытожил: «С июля 1984 года по февраль 1985 года ФДН получал

²³ Шииты подвергаются в Саудовской Аравии политической и экономической дискриминации. Неудивительно, что ваххабитская правящая династия рассматривает все шиитские группировки на Ближнем Востоке как своих потенциальных врагов.

²⁴ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 227.

²⁵ Ibid. P. 228.

по миллиону в месяц, на общую сумму в 8 миллионов. С 22 февраля по 9 апреля 1985 года было дополнительно получено 16,5 миллиона, таким образом, всего — 24,5 миллиона. Из них 17 145 594 долларов было истрачено на оружие, снаряжение, боевые операции и логистику»²⁶.

Летом 1985 года доморощенный «Джеймс Бонд» Норт едва не угодил под колпак иранской разведки. Через знакомого инженера, работавшего в супермаркете «Мэси'с», Кевина Катке (он был ярким антикоммунистом и с помощью Норта зарегистрировал в Нью-Йорке Национальный институт свободы) на Норта вышел некий «саудовский принц», изъявивший готовность выделить «контрас» 11 миллионов долларов якобы от продажи нефти. Норт обсудил «вариант принца» лично с Рейганом и Макфарлейном. Встретился с «принцем» один из «cut out» Норта Ричард Миллер, президент фирмы «Интернешнл Бизнес Коммуникэйшнз», выполнявший разного рода щекотливые поручения СНБ и госдепартамента. «Принц» оказался иранцем, которого впоследствии осудили за подделку банковских документов в Филадельфии. Иранец предлагал помочь с освобождением американских заложников в Ливане. История с Ираном вскоре получила продолжение.

Помимо саудовцев Норт попросил помочь с деньгами для «контрас» своего старого знакомого и столь же ярого антикоммуниста, генерала в отставке Джона Синглауба.

Синглауб родился в 1921 году. Во время Второй мировой войны он служил в Управлении стратегических служб (эта организация была предшественницей ЦРУ). В августе 1944 года Синглауб даже прыгал с парашютом в тыл немцев для связи с французским Сопротивлением²⁷. Затем он помогал чанкайшистам в Китае и участвовал в войне в Корее. Во Вьетнаме командовал Группой специальных операций, в которой служил и Норт. Эта группа «прославилась» зверскими расправами с вьетнамским мирным населением. Только во время операции «Феникс» были убиты, по разным данным, от 20 до 40 тысяч вьетнамцев. В 1976 году Синглауба в чине генерал-майора назначили начальником штаба американскими войсками в Южной Корее. Но в 1977 году Картер уволил его в отставку, так как Синглауб выразил публичное несогласие с планом президента (верховного главнокомандующего) по сокращению американского военного присутствия на корейском полуострове.

В 1981 году на кредит Тайваня в размере 20 тысяч долларов Синглауб организовал в США отделение Всемирной антикоммунистической лиги (World Anti-Communist League, WACL). Сама лига была основана тайваньской и южнокорейской разведкой в 1960 году. В 80-е годы лига имела филиалы в 90 странах. Среди учредителей лиги был и Антибольшевистский блок наций, в котором нашли прибежище бывшие нацистские коллаборационисты из стран Восточ-

²⁶ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 228.

²⁷ John K. Singlaub. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/John_K._Singlaub.

ной Европы. Председатель блока, один из лидеров ОУН Ярослав Стецко был принят в 1983 году Рейганом в Белом доме. Стецко провозгласил «независимую украинскую державу» после вступления немцев во Львов и участвовал в организации массовых убийств поляков и евреев в этом украинском городе.

С антикоммунистической лигой активно сотрудничала и тоталитарная секта южнокорейского проповедника Муна.

Филиал лиги в США, который возглавил Синглауб, назывался Совет Соединенных Штатов за всемирную свободу (United States Council for World Freedom). В 1983–1986 годах Синглауб был президентом Всемирной антикоммунистической лиги. Один из бывших членов этой организации метко определил ее как «коллекцию нацистов, фашистов, антисемитов, продавцов всевозможных подделок, ярых расистов и коррумпированных людей с манией величия»²⁸.

Норт обратился к Синглаубу с просьбой «выбить» деньги на «контрас» из азиатских диктатур — Тайваня и Южной Кореи. В ноябре 1984 года Синглауб встретился в Вашингтоне с официальными представителями указанных стран и предложил им на выбор три варианта:

- перевод средств на счет «контрас»;
- выплата денег саму Синглаубу для их последующего направления тем же «контрас»;
- «откат» части суммы, которую Южная Корея и Тайвань тратили на закупки американского оружия²⁹.

В январе 1985 года Синглауб посетил Тайвань и Южную Корею, где продолжил свои лоббистские усилия. 6 февраля 1985-го Норт сообщил Макфарлейу о вояже Синглауба и подчеркнул, что ФДН срочно нужны 2 миллиона долларов. Несмотря на щедрость саудовцев, денег «контрас» не хватало, так как «штаб» Бермудеса закупал на них не столько оружие, сколько телевизоры, мебельные гарнитуры и даже спортивную форму для волейбольной команды. Часть денег просто разворовывали, в том числе и друзья Норта, которых тот рекомендовал Бермудесу в качестве всевозможных советников.

Вернувшись из Азии, Синглауб сказал Норту, что и Тайвань, и Южная Корея принципиально готовы дать денег, но просят «сигнала» на сей счет от официальных представителей администрации. В августе 1985 года сам Норт встретился с тайваньским представителем в отеле «Хэй Адамс» в Вашингтоне, и после этого тайваньцы перевели «контрас» миллион долларов³⁰. Позднее Норт попросил отвечавшего за Азию сотрудника аппарата СНБ Гастона Сигура (с марта 1986 года — помощника госсекретаря по вопросам Азии и стран Тихого океана) снова выйти на тайваньцев, и в начале 1986 года те опять выплатили миллион.

²⁸ Ibid. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/John_K_Singlaub.

²⁹ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P.229.

³⁰ Ibid.

Летом 1985 года Сигур организовал для Норта и встречу с представителями Южной Кореи.

Следует подчеркнуть, что все эти контакты Норта были незаконными, так как конгресс запретил должностным лицам США участвовать в финансировании «контрас». Но Рейган не только знал о кипучей активности Стального Молота, но и высоко ее оценивал. Как-то президент США (бывший киноактер и звезда вестернов) сказал Норту, что о его жизни снимут кино.

Но Норту хотелось более острых ощущений (еще одним его любимым псевдонимом) был Кровь-и-Кишки³¹, и он решил встретиться еще и с представителями «коммунистического» Китая, то есть КНР.

Пекин в то время проводил ярую антисоветскую политику под вычурным и абсолютно лживым лозунгом борьбы против «советского гегемонизма и ревизионизма». Под «гегемонизмом» китайцы понимали, например, отказ СССР передать Китаю часть советской территории в Приморье и Средней Азии, а также поддержку Вьетнамом кампучийских патриотов, свергнувших в январе 1979 года прокитайский режим «красных кхмеров». «Красные кхмеры» были позднее официально признаны ООН виновными в геноциде против собственного народа (за три года они убили четверть населения своей страны). Но в 80-е годы США и Китай совместно поддерживали и «красных кхмеров», и душманов в Афганистане.

Норт встретился с представителем китайского военного атташата в Вашингтоне в клубе «Космос». Чтобы не возникло кривотолков (все-таки Китай был «коммунистическим»), Норт попросил ФБР осуществлять наблюдение за встречей. По словам Норта, он сначала провел с китайцем «философскую беседу» на излюбленную тему «советского гегемонизма»: «...в общем о вещах, которые как я думал, будут для него привлекательными и заинтересуют его»³². Затем Норт перешел к делу и попросил продать «контрас» ракеты «земля-воздух». Китайцы согласились, но в обмен попросили, чтобы США продали им современное военное электронное оборудование через Израиль. Сделка антикоммунистов и ярых «коммунистов» состоялась.

В 1985 году попросили помочь и одного из самых богатых людей на земле — султана Брунея, который тоже был почтенным антикоммунистом и уже выделил 50 тысяч долларов жене Рейгана Нэнси на благотворительную деятельность. В августе 1986 года заместитель госсекретаря Эллиот Абрамс под вымышленной фамилией прилетел в Лондон и, прогуливаясь в одном из парков британской столицы, выбил у официального представителя Брунея 10 миллионов долларов. Но тут Норт совершил непростительную ошибку: он перепутал цифры в банковском счете «контрас» (карточку с номером счета Эллиот передал своему брунейскому визави в Лондоне), и брунейцы перевели деньги в Женеву не тому адресату.

³¹ На американском сленге «иметь кишки» (to have guts) означает быть смелым и жестким.

³² Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 230.

Синглауб не только действовал как канал связи с азиатскими диктаторскими режимами, но и «отмывал» оружие, которое «контрас» получали из разных сомнительных с точки зрения американского законодательства источников. Он работал консультантом в вашингтонской фирме по торговле оружием «ГеоМилитех», через которую «контрас» получили оружие восточноевропейского и советского производства (от Китая и Израиля) на общую сумму как минимум в 5,3 миллиона долларов.

Чтобы отработать надежные и секретные каналы поставок трофейного и китайского оружия советского производства для «борцов за свободу» в Никарагуа, Афганистане, Эфиопии, Кампучии, Анголе и т. д. Синглауб свел президента «ГеоМилитех» Барбару Стадли (горячую сторонницу «контрас») с директором ЦРУ Кейси. Последний прямо сослался на поручение Рейгана, который вынужден — де прибегать к таким уловкам из-за неуступчивости и растущей оппозиции в конгрессе. Сам Кейси обсуждал с Синглаубом все эти темы в любых местах, но только не в своем офисе в Лэнгли — ведь конгресс запретил всем должностным лицам финансировать «контрас». Но, видимо, вне стен резиденции ЦРУ Кейси себя должностным лицом уже не считал.

Кейси и Синглауб придумали следующую схему. США предоставят Израилю кредит на закупку в США электронного военного оборудования. Израиль передаст это оборудование Китаю, а тот взамен поставит нужное для «контрас» (и прочих «борцов за свободу») оружие советского производства. Китай и Израиль согласились с таким вариантом. Кейси, скончавшийся в 1987 году, незадолго до смерти утверждал, что так и не привел эту схему в действие из-за недоверия к Пекину.

Норт наладил систему посредников — «cut out» — для поддержания связи с «контрас», которую он, собственно, не имел права поддерживать, будучи официальным должностным лицом США.

Своего рода курьером Норта, передававшим «контрас» деньги, документы и устные сообщения, был Роберт Оуэн, который ранее работал в офисе сенатора от Индианы республиканца Дэна Куэйла. (Куэйл потом стал вице-президентом при преемнике Рейгана Джордже Буше и объектом шуток американских СМИ в связи со своим, мягко говоря, не очень обширным кругозором³³.) Затем Оуэн работал в пиаровской фирме «Грей энд Компани», представлявшей в США интересы «контрас». Фирма предложила «контрас» создать в США сеть подставных компаний для закупки оружия и переправки его в Гондурас.

В мае 1984 года Норт отправил Оуэна за государственный счет в Коста-Рику и Гондурас, чтобы тот оценил потребности «борцов за свободу» в оружии. «ТС»³⁴ и Стальной Молот заранее условились упоминать в своей переписке оружие и боеприпасы как «игрушки и петарды». Норт устроил своего друга на ежемесячный оклад 2500 долларов, который Оуэну из спонсорских средств пла-

³³ Например, говорили, что Куэйл всерьез считал, что в Латинской Америке говорят на латыни.

³⁴ «ТС» — псевдоним Оуэна от английской аббревиатуры слов «the courier» — «курьер».

тил ФДН, и подарил на свадьбу в 1985 году 1000 долларов из своего секретного фонда. Одно время Оуэна даже хотели принять на работу в ЦРУ.

Другим посредником Норта в его незаконных делах был уже упоминавшийся выше миллионер Джон Халл, с 60-х годов проживавший в Коста-Рике и разводивший там скот. На ранчо Халла (1500 акров в северной Коста-Рике) ЦРУ устроило взлетные полосы для снабжения «южного фронта» «контрас». Халл снял для «контрас» явочную квартиру в столице Коста-Рики Сан-Хосе. Резидент ЦРУ в Коста-Рике Джо Фернандес считал Халла своего рода посредником в контактах между властями США и «южными контрас». Пастора же предполагал, что именно Халл по заданию ЦРУ организовал на него покушение в Ла-Пенке.

Как и в случае с Оуэном, Норт попытался облагодетельствовать Халла за государственный счет. Он выбил для миллионера кредит в 375 тысяч долларов у государственной американской корпорации по зарубежным частным инвестициям (Overseas Private Investment Corporation) — якобы на налаживание производства тачек и топорищ из костариканских сортов дерева. Никаких топорищ в исполнении Халла мир так и не увидел, но Норт, тем не менее (правда, на сей раз безуспешно), пытался в 1986 году организовать своему компаньону по «проекту контрас» еще один кредит на 400 тысяч долларов³⁵.

Помимо спонсорской помощи из различных диктаторских и антикоммунистических стран, обеспеченной стараниями Норта, у «контрас» имелся и собственный источник финансирования, о котором были прекрасно осведомлены и их кураторы из ЦРУ, и сам Норт. Речь идет о масштабной контрабанде кокаина в США, которой «контрас» занимались с первых дней свержения Сомосы (а по некоторым данным, даже раньше).

Если в 60-е годы Америка «подсела» на «демократическую» (по цене) марихуану, то до 70-х годов кокаин оставался наркотиком избранных. Полиция практически никогда с ним не сталкивалась, так как на улицах этот «гламурный наркотик» продавали очень редко. Им баловались всякого рода знаменитости типа голливудских звезд. Унция кокаина стоила в США 2500 долларов, и, если человек нюхал этот порошок, то это было одним из символов высокого социального статуса, принадлежности к клубу хозяев жизни. Даже многие ученые и уж тем более светские журналы фактически рекламировали кокаин, от которого якобы не было, в отличие от алкоголя, головной боли и который, мол, не вызывал привыкания организма.

На слушаниях в конгрессе США по кокаину в июле 1979 года глава американского Федерального ведомства по борьбе с наркотиками (Drug Enforcement Administration, DEA) Питер Бенсиджер шокировал конгрессменов, когда достал из кармана маленький пакетик кокаина и объявил, что он стоит 800 тысяч долларов³⁶.

³⁵ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.234.

³⁶ Webb G. *Dark Alliance. The CIA, the Contras and the Crack Cocaine Explosion*. New York, 1999. P.25.

Первоначально кокаин в США поступал из Перу, Боливии и Эквадора. Центром его сбыта в Америке был Майами, а основными наркодилерами — кубинские эмигранты. Администрация Картера разработала так называемую андскую стратегию — американцы пытались побудить власти андских стран с помощью экономических и политических стимулов и мер давления заставлять местных крестьян сокращать насаждения коки. Никакого успеха эта стратегия не имела, хотя США проводят ее по сей день.

В 1976–1979 годах группа колумбийских наркодилеров во главе с Пабло Эскобаром, Хорхе Очоа и Карлосом Ледером начала кровавую войну против кубинских гангстеров во Флориде, чтобы захватить в свои руки американский рынок кокаина. На улицах Майами соперничающие члены наркогруппировок убивали друг друга десятками. Колумбийцы победили и решили наладить в США разветвленную сеть сбыта кокаина различной степени обработки, чтобы сделать «гламурный» наркотик доступным для большинства населения. В Майами, где большинство жителей благодаря кубинским эмигрантам говорили на испанском языке или хотя бы понимали его, наркокурьерам из Колумбии было легко затеряться. Ледер купил один из Каймановых островов, где самолеты из Южной Америки могли дополнительно заправляться и выжидать паузу перед транспортировкой наркотиков в США.

Майами стал центром и никарагуанской сомосовской эмиграции после июля 1979 года, и вскоре интересы колумбийских наркобаронов, ЦРУ и никарагуанских «борцов за свободу» пересеклись. «Контрас» (даже еще до того, как получили это название) поняли, что с помощью ЦРУ можно организовать безопасный канал доставки кокаина в США, а прибыль от продажи этого зелья направлять на борьбу с сандинистами.

«Наркокоролем» (эпитет, использовавшийся и ЦРУ, и ФБР) «контрас» стал Норвин Менесес³⁷, известный под кличкой Падрино («крестный отец») и занимавшийся наркотрафиком еще до того, как на свет появились печально знаменитые колумбийские наркокартели. При Сомосе Менесес принадлежал к очень влиятельному в Никарагуа клану, естественно, тесно связанному с главным хозяином страны — национальной гвардией диктатора.

В 70-е годы самолет с кокаином из Колумбии совершил вынужденную посадку в Никарагуа. Полицией Манагуа³⁸ в то время командовал брат Норвина Менесеса полковник Эдмундо (Сомоса звал его Мундо, от испанского слова «mundo» — «мир») Менесес. Он разрешил пилотам улететь обратно, но груз остался в виде «вещественного доказательства». Так Норвин совершил свою первую крупную сделку на рынке наркотиков. Еще один брат Норвина Менесеса, Фермин был генералом национальной гвардии и командовал ее гарнизоном в важном городе Масайя.

³⁷ В 1992 году, когда сандинисты уже были отстранены от власти, Менесеса осудили в Никарагуа на 25 лет тюрьмы за распространение наркотиков. Он вышел на свободу в 1997-м.

³⁸ Полиция при Сомосе входила в состав национальной гвардии.

Национальная гвардия при Сомосе практически открыто «крышевала» весь легальный и нелегальный бизнес — от проституции до наркоторговли. Даже никарагуанские епископы выразили публичное возмущение тем, что «азартные игры, алкоголизм, наркотики, проституция и другие пороки процветают и приносят прибыль под защитой тех, кто обязан с ними бороться»³⁹.

ФБР имело досье на Норвина Менесеса еще с 1968 года, когда он подозревался в убийстве денежного менялы в Никарагуа и правительство страны просило США поискать его на их территории. Но с такими братьями «король никарагуанского наркотрафика» мог ничего не бояться и вел жизнь богатого и утомленного роскошью плейбоя. Его страстью были хорошие костюмы, шикарные машины и привлекательные эффектные женщины. Норвин занимался, по данным ФБР, контрабандой в Никарагуа видеоманитофонов, глушителей для оружия и самого оружия. Деньги он потом менял на наркотики, которые тоже сбывал с немалой прибылью. В 1979 году ФБР внесло Норвина Менесеса в специальный черный список из самых матерых преступников (*top thief*) и проинформировало об этом иммиграционные власти США, чтобы Менесес был немедленно задержан, если попытается пересечь американскую границу. Однако ни тогда, ни после власти США почему-то не мешали Менесесу свободно въезжать и выезжать в США и спокойно покупать в Америке недвижимость и машины на свое имя.

Эдмундо Менесес тем временем делал при Сомосе карьеру и проходил спецподготовку в зоне Панамского канала («Школа Америк»), где американцы учили его приемам психологической войны и борьбы с партизанами. Менесес оказался способным учеником — под его командованием части национальной гвардии в 1967 году зверски подавили вооруженное выступление сандинистов в горах Панкасана.

Между тем в 1977 году Норвина Менесеса арестовали в Никарагуа по подозрению в убийстве (к которому были причастны и братья-генералы), что очень расстроило Сомосу. Говорят, именно из-за этого у диктатора случился инфаркт, стоивший бы ему жизни, если бы не усилия медиков Майами. Эдмундо Менесеса отправили послом в дружественную Сомосе Гватемалу. Но 16 сентября 1978 года он был убит там левыми повстанцами из Народной партизанской армии в знак солидарности с борьбой сандинистов против диктатуры. Сомоса произнес на могиле Менесеса прочувствованную речь, назвав его «мучеником в борьбе против мирового коммунизма»⁴⁰.

Норвин Менесес не стал дожидаться, когда он разделит участь брата, и бежал из Никарагуа еще в начале июня 1979 года. Сначала он жил в Коста-Рике, где владел шестью ранчо, а затем перебрался в США, где без всяких проблем получил политическое убежище. ФБР его почему-то не трогало. У Менесеса

³⁹ Webb G. *Dark Alliance. The CIA, the Contras and the Crack Cocaine Explosion*. New York, 1999. P.53.

⁴⁰ *Ibid.* P.57.

были дома во Флориде и в Алабаме, но большую часть времени он проводил в Сан-Франциско, имел там бизнес и вскоре организовал комитет поддержки ФДН. Там же Менесес и начал активно сбывать кокаин, направляя почти все вырученные деньги Бермудесу в Гондурас.

Норвин Менесес лично знал Бермудеса и был связан самыми тесными узами дружбы и совместного наркобизнеса с «серым кардиналом» ФДН Аристидесом Санчесом. Брат Санчеса Троило был давним другом и собутыльником Норвина Менесеса. С ЦРУ Троило был связан еще с 60-х годов, когда участвовал в качестве пилота в неудавшейся операции ЦРУ по высадке в бухте Свиной на Кубе в апреле 1961 года.

Фактически Аристидес Санчес и его братья отвечали за закупку снаряжения для ФДН и за связи с комитетами поддержки «контрас» в США. Сам Менесес говорил позднее: «Я имел дело напрямую с Бермудесом и по мелочам — с его помощником. Я также работал с Аристидесом Санчесом, который был моим хорошим другом»⁴¹.

ФБР не трогало Норвина Менесеса потому, что у него появился новый хозяин — ЦРУ. Менесес учил оперативников ЦРУ скрытно пересекать границы Никарагуа — в этом деле он был прекрасным специалистом. Менесес хвалился, что американские должностные лица охраняют его персону во время всех зарубежных поездок.

В Коста-Рике Менесес вел наркобизнес с лидером никарагуанской антиправительственной группировки ФАРН (Революционные никарагуанские вооруженные силы) Фернандо Чаморро (кличка Эль Негро). Сначала ФАРН подчинялась Бермудесу, затем вошла в АРДЕ Пасторы, а после того как «команданте ноль» в 1984 году рассорился с ЦРУ, снова вернулась под крышу гондурасских «контрас». Костариканские «контрас» вне зависимости от своей текущей официальной политической ориентации активно поставляли в США кокаин, и не только Менесесу. У них был «материал» как из Колумбии, так и из Перу (более высокого качества). И ЦРУ, и Норт были в курсе всех этих дел, тем более что в наркотрафике участвовал и Халл⁴². Самолеты для транспортировки кокаина в США предоставляли либо кубинские эмигранты, либо ЦРУ (формально, конечно, на эти самолетах перевозили снаряжение для «контрас»), либо панамский диктатор Норьега. Костариканские военные «крышевали» нелегальный бизнес.

Между тем агенты ДЕА в США стали «пасти» еще одну крупную группировку никарагуанских наркодилеров. Ее возглавлял бывший летчик национальной гвардии Сомосы (бомбивший в 1978 году жилые кварталы восставшей против Сомосы Масайи) Карлос Аугусто Кабесас. В эмиграции в США он начал торговать поступавшими из Коста-Рики от тамошних «контрас» наркотика-

⁴¹ Webb G. Dark Alliance. The CIA, the Contras and the Crack Cocaine Explosion. New York, 1999. P. 73.

⁴² Honey M. Hostile acts: U.S. policy in Costa Rica in the 1980s. University Press of Florida, 1994. P. 356.

ми вместе с бывшим мужем своей жены Хулио Савалой. Кокаин покупали также у колумбийского наркокартеля Кали. Работал Кабесас и с братьями Санчес (Аристидесом, Фернандо⁴⁵ и Троило).

Кабесас начал в 1982 году доставлять в США плетеные корзины — изделия костариканских народных промыслов. В эти корзины были вплетены тонкие трубочки с кокаином. Назад Кабесас возил «контрас» выручку. Впоследствии он дал официальные показания, что перевозил деньги примерно 20 раз и в среднем по 64 тысячи долларов за каждый рейс. Но были данные, что как-то за один раз Кабесас доставил, ни много ни мало, — 250 тысяч долларов⁴⁴.

ФБР с помощью своих информаторов узнало о группе Кабесаса — Савалы уже в 1982 году, причем один из информаторов сообщил, что в торговлю наркотиками вовлечен и «никарагуанский Джордж Вашингтон» Адольфо Калеро — политический лидер «контрас»⁴⁵. В ноябре 1982 года из офиса ФБР в Сан-Франциско в штаб-квартиру ФБР докладывали: «Источниками поставок кокаина для Савалы являются: Троило Санчес, Фернандо Санчес и Орасио Перейра. Все трое действуют с территории Коста-Рики»⁴⁶. Тех же персонажей (плюс еще и колумбийцев) ФБР установило как поставщиков Кабесаса. Еще в 1986 году официальный представитель «контрас» Селедон Родригес заявил американскому информационному агентству ЮПИ, что «Троило (Санчес) продал 200 унций кокаина и получил за них 6,1 миллиона долларов»⁴⁷.

За распределением средств в Коста-Рике следил агент ЦРУ «Иван Гомес» — бывший венесуэльский офицер. Клэрридж о таком агенте «забыл», когда впоследствии проходил тест на полиграфе, — и детектор лжи показал, что он врет. Самого Гомеса уволили из ЦРУ в 1989 году, когда он не смог пройти тест на детекторе лжи, отвечая на вопрос о своей причастности к наркоторговле. ЦРУ даже хотело отдать его в руки прокуратуры, но потом просто оставило бывшего агента в покое.

2 декабря 1982 года ФБР по наводке задержало в аэропорту Майами видного представителя костариканских «контрас» Орасио Перейру с 70 тысячами долларов, не указанными в таможенной декларации. Но вмешалось ЦРУ, и Перейру отпустили после уплаты штрафа за то, что он не задекларировал деньги. Однако ФБР прослушивало телефонные разговоры Кабесаса и Савалы и было в курсе их активного наркобизнеса. В декабре 1982-го — январе 1983 года ФБР нанесло серию ударов и арестовало в США ряд наркокурьеров, причем семей на выходе из моря прямо в костюмах аквалангистов (те попытались было

⁴⁴ Фернандо Санчес был последним послом Сомосы в Гватемале, где он сменил казненного партизана Эдмундо Менесеса. После победы Сандинистской революции он стал представителем «контрас» в Гватемале.

⁴⁴ *Webb G. Dark Alliance. The CIA, the Contras and the Crack Cocaine Explosion. New York, 1999. P.85.*

⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁶ *Ibid.*

⁴⁷ *Ibid. P.86.*

отстреливаться из израильского автомата «узи»). Всего в руки американской федеральной полиции попало кокаина на небывалую в истории США сумму — 100 миллионов долларов в розничной продаже и 10–11 миллионов по оптовым ценам черного рынка⁴⁸.

15 февраля 1983 года ФБР арестовало Савалу и Кабесаса вместе с колумбийскими наркокурьерами. Норвина Менесеса предупредил один из сотрудников ДЕА (возможно, по просьбе ЦРУ).

Но по представлению ЦРУ Савалу отпустили и даже вернули ему изъятые при аресте 36020 долларов. В одной из шифровок ЦРУ с удовлетворением констатировалось: «По состоянию на сегодня все активы ЦРУ надежно защищены»⁴⁹. «Активками» (assets) «Компания» (так величало себя ЦРУ) называла особо ценных агентов. Позднее было официально признано, что именно ЦРУ вмешалось в ход расследований прокуратуры США, чтобы «защитить публичный имидж „контрас“ — а точнее, свой собственный. ЦРУ считало возможное освещение в прессе связи «контрас» — наркотики достаточной причиной, чтобы попытаться повлиять на решение вернуть деньги Савале⁵⁰. На всякий случай штаб-квартира «Компании» предупредила шифровкой резидентуру в Сан-Хосе, чтобы там были готовы к «возможной катастрофе», если не удастся скрыть связь «контрас» с наркотрафиком. И тем не менее резидентуре поручили лишь внимательнее наблюдать за наркоторговлей «контрас», но «не предпринимать никаких действий без санкции штаб-квартиры, кроме аккуратного сбора сведений».

Главный юрист ЦРУ Споркин в специальном секретном меморандуме писал, что вся история Кабесаса — Савалы «поднимает естественный вопрос относительно тех людей, которых мы поддерживаем в Центральной Америке»⁵¹.

В начале 80-х годов активную торговлю кокаином развернул с небольшого аэропорта Мена в штате Арканзас некто Адлер Берриман (Барри) Сил. По заданию ЦРУ он доставлял «контрас» оружие, а на обратном пути захватывал кокаин и филигранно сбрасывал его над заранее установленными местами, в том числе и над своей фермой. В 1981–1983 годах Сил совершил не менее 50 таких рейсов. Генеральный прокурор Луизианы писал министру юстиции США Эдвину Мизу, что Сил доставил в США наркотиков на 3–5 миллиарда долларов⁵². На ферму Сила сбрасывал кокаин и самолет ДС-4 авиакомпании «Гонду Кариб Карго Инк.», которой пользовался брат лидера «контрас» Марио Калеро. В 1985 году Роберт Оуэн сообщал Оливеру Норту, что принадлежащий Марио Калеро самолет ДС-6, «который используется для полетов из Нового Орлеана, возможно, используется для транспортировки наркотиков в США».

⁴⁸ Webb G. Dark Alliance. The CIA, the Contras and the Crack Cocaine Explosion. New York, 1999. P.90.

⁴⁹ Ibid. P.98.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid. P.99.

⁵² Ibid. P.116.

Интересно, что ЦРУ официально признало — «нет следов документов», позволяющих судить, что «Компания» проинформировала о подозрениях в отношении Калеро американский конгресс. А ведь он неоднократно обсуждал, выделять ли средства на помощь «борцам за свободу», которыми и руководил Калеро.

В официальном отчете ЦРУ об «Операции „контрас“» говорится: «Шифровка в штаб-квартиру от февраля 1986 года сообщала о подозрениях, что Марио Калеро участвует в торговле наркотиками. Не было указано никаких конкретных деталей о якобы осуществлявшейся торговле наркотиками, хотя в шифровке говорилось, что лицо, предоставившее эту информацию, сообщило ее стороннику ФДН после встречи с Эденом Пасторой. Не было найдено никакой информации, которая позволила бы сделать вывод, что ЦРУ предприняло какие-либо действия для установления достоверности упомянутых сведений»⁵³.

17 февраля 1986 года Сил (который стал информатором ДЕА) был убит в Новом Орлеане колумбийскими наркодельцами. В июне 1986 года Оливер Норт позвонил в ФБР и испуганно сообщил, что кто-то следит за ним и он опасается за свою жизнь. Угрожали Норту, по его словам, конечно же, сандинисты. В отчете о разговоре со Стальным Молотом агент ФБР из Вашингтона написал: «Норт также выразил обеспокоенность, что его внесла в список смертников организованная преступность, якобы из-за его участия в торговле наркотиками»⁵⁴. При этом Норт обосновывал свои страхи, ссылаясь на «убийство 17 февраля 1986 года агента ДЕА Сила (в отчете написано „Стила“ — агент неправильно расслышал) прямо накануне дня, когда он должен был дать показания против сандинистов в связи с наркоторговлей».

Конечно, Норту не откажешь в изобретательности в плане «перевода стрелок». Только непонятно, почему американцы публично не раструбили о «бесчинствах» сандинистской службы безопасности, которая, оказывается, спокойно могла убить даже высокопоставленного сотрудника СНБ США на территории самих Штатов. Впрочем, ответ на этот вопрос ясен — в случае огласки угроз в адрес Нортона СМИ США все равно раскопали бы подоплеку смерти Сила, и Норту пришлось бы сесть в тюрьму — всерьез и надолго.

Очень интересным моментом является связь с Силом и вообще с проводившимися с аэродрома Мена операциями тогдашнего губернатора Арканзаса Билла Клинтона. Сотрудник личной охраны Клинтона Ларри Паттерсон подтвердил под присягой, что ему было известно о больших партиях оружия и наркотиков, которые проходили через аэропорт Мена, и что это была операция ЦРУ. Механик аэропорта Мена Джон Бендер, тоже под присягой, заявил, что видел Клинтона в Мене три раза в 1985 году. Когда один из охранников Клинтона Браун прямо сказал губернатору о преступных делах в Мене, тот ответил, что «это дело Ласатера».

⁵³ Calero A. Northern Front Contras: The Contra Story. См.: <https://www.cia.gov/library/reports/general-reports-1/cocaine/contra-story/north.html>.

⁵⁴ Webb G. Dark Alliance. The CIA, the Contras and the Crack Cocaine Explosion. New York, 1999. P. 117.

Биржевой брокер Рэй Ласатер был другом семьи Клинтон и одним из активнейших спонсоров предвыборной кампании самого молодого губернатора штата в США. В 1986 году Ласатера осудили за торговлю наркотиками, и по его делу проходил брат Клинтона Роджер, употреблявший кокаин. Ласатер признал свою вину и был приговорен к 30 месяцам тюрьмы, но отсидел только полгода. В 1990 году его помиловал губернатор Арканзаса и будущий президент США. «Ласатер... был главным поставщиком кокаина для инвестиционных банкиров и фондовых брокеров в районе Литтл-Рока⁵⁵, которое является крупнейшим сообществом брокеров в Соединенных Штатах за пределами Нью-Йорка, — говорилось в данных ФБР. — Расследование завершилось осуждением этого бизнесмена и еще 24 сообщников на различные сроки тюремного заключения, от четырех месяцев до 10 лет, а также конфискацией кокаина, марихуаны, автомобиля, самолета и 77 тысяч долларов»⁵⁶.

Официальный представитель губернатора Клинтона расценил слухи о возможной причастности хозяина штата Арканзас к контрабанде наркотиков как «заговор правых сил».

В 1996 году ЦРУ официально признало, что вместе с другими федеральными ведомствами США использовало аэропорт Мена для неких «тренировочных операций».

Таким образом, с 1984 года Норт, в целом успешно, вел операции по снабжению деньгами «контрас» в обход американского конгресса и при одобрении президента США и своего непосредственного начальника Макфарлейна. Помимо иностранных источников и наркоторговли Норт пытался подключить к сбору средств в пользу «контрас» своих многочисленных знакомых из правозащитных, неонацистских и расистских организаций США. Правда, при детальном рассмотрении этой темы трудно отделаться от впечатления, что дело обстояло ровно наоборот — Норт «распиливал» полученные от саудовцев и азиатских диктаторов средства среди американских правых и своих знакомых.

Показательным является пример организации под названием «Гражданское материальное содействие» (Civilian Materiel Assistance, CMA)⁵⁷. В 1983 году ее основал в Мемфисе, штат Теннесси некий Том Посси, бывший сержант морской пехоты, член крайне правого антикоммунистического «Общества Джона Берча» и Ку-Клукс-Клана. В CMA было много бывших военных и национальных гвардейцев, которые ненавидели всех левых, евреев и негров. Посси позировал для «Ньюсуик» в футболке с надписью «Убивайте их всех, Бог сам разберется, кто из них виноват»⁵⁸. Он получил от министерства финансов США

⁵⁵ Город Литтл-Рок — столица штата Арканзас.

⁵⁶ Webb G. Dark Alliance. The CIA, the Contras and the Crack Cocaine Explosion. New York, 1999. P. 119.

⁵⁷ Ранее организация называлась более точно — Civilian Military Assistance («Гражданско-военное содействие»), но во избежание лишнего внимания ярлык «облагородили».

⁵⁸ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 238.

лицензию на международную торговлю оружием, прямо написав в анкете-ходатайстве, что хочет поставлять оружие и боеприпасы в Сальвадор.

Норт вывел на СМА Марио Калеро (главного наркодельца «контрас» и брата лидера ФДН), и тот в середине 1984 года пригласил около десятка активистов СМА в Гондурас в качестве советников. О Никарагуа и ее проблемах «солдаты удачи» ничего не знали, но советов у них было хоть отбавляй. Заметив у «контрас» вертолет «хьюз 500» (его использовали для разведки никарагуанской территории), они решили немедленно научить «борцов за свободу» прыгать с парашютом. Бермудес одобрил начинание (он вообще одобрял все, что предлагали американцы, и жил в свое удовольствие), но вскоре один из «контрас» вывалился с вертолета и проломил черепичную крышу главной кухни военного лагеря⁵⁹. Парашютную подготовку пришлось свернуть во избежание дальнейших жертв.

В августе 1984 года Марио Калеро привез в Гондурас бывшего летчика американской армии, пилота вертолета Джеймса Пауэлла и новую группу «советников» СМА. И Пауэлл, и его товарищ Паркер были ветеранами Вьетнама. Калеро в присутствии американцев стал упрекать Бермудеса в нерешительности. Мол, недалеко от границы (в 10 милях от Гондураса), между городками Окоталь и Халапа есть крупная военная база сандинистов Апали, а ее никто не трогает. Участники беседы подвыпили и решили атаковать Апали тремя легкими разведывательными самолетами «цессна О-2». Бермудес, как обычно, ничего не имел против того, чтобы рисковали другие. Американцы установили на «цесснах» направляющие для ракет «воздух-земля». Когда не понимавшему ни слова по-испански Пауэллу перевели суть предложения, он сразу же предложил атаковать сандинистов и с вертолета «хьюз», который тоже можно было кустарно оборудовать ракетами. Бермудес опять же был только «за».

1 сентября 1984 года «хьюз» вооружили 14 ракетами, а Паркер взял с собой пулемет М-60 и 700 патронов к нему. Видимо, во Вьетнаме он своего «не дострелял» и говорил, что обязательно хочет лично «убить несколько коммунистов». За штурвалом вертолета сидел Пауэлл, который мало того, что не говорил по-испански (его вторым пилотом был «контра», не говоривший по-английски), так еще и не знал, где находится Апали.

Три «цессны» атаковали военную базу сандинистов и уничтожили полевую кухню, убив четырех поваров, бывших гражданскими лицами. Ни одного военнослужащего не задело. Сандинисты уже были начеку, когда вслед за «цесснами» прилетели наемники СМА на своем потерявшем маневренность вертолете. «Хьюз» был сбит, и его экипаж погиб. Среди обломков вертолета сандинисты нашли карты и другие документы, ясно указывавшие на связь вертолета с базой ВВС Гондураса Агуакате и с ЦРУ.

Гондурасская армия, до сих пор отрицавшая любую связь с «контрас», оказалась в затруднительном положении, и Бермудесу пришлось выслушать

⁵⁹ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 143.*

от гондурасских офицеров массу неприятностей. От главкома «контрас» потребовали впредь согласовывать все вылеты самолетов и вертолетов с гондурасской армией. Было возмущено и ЦРУ — на американскую разведку опять обрушилась волна критики в конгрессе США. ЦРУ приказало Бермудесу срочно убрать всех наемников СМА из Гондураса⁶⁰. Бермудес кричал в ярости: «Как я мог позволить этим идиотам-гринго одурачить себя? Я сам дурак!»⁶¹ Конечно, Бермудесу было нисколько не жаль незадачливых «солдат удачи». Он лишь боялся, что поток денежных средств из США из-за этого инцидента иссякнет, и нечего будет воровать ему и его друзьям.

Кроме СМА для «контрас» вербовал «советников» и помогал собирать деньги самый известный журнал для наемников «Солдат удачи», тираж которого доходил до 200 тысяч экземпляров. Журнал был учрежден в 1975 году и был трибуной для милитаристов и антикоммунистов всех мастей. Редактор журнала, полковник в отставке Роберт Браун тоже любил футболки с красноречивыми надписями. Любимой была следующая: «Я убивал еще тогда, когда убийство было не так круто»⁶². Журнал собирал пожертвования для «контрас» и вербовал наемников как в Сальвадор, так и в Гондурас. На страницах этого издания публиковались всякого рода «практические материалы», вроде технологии пыток и допросов. Например, советовали прикрепить скотчем ко лбу арестованного взрывчатку С-4 и поднести спичку.

Помогал «контрас» и очень популярный тогда в США протестантский проповедник-мракобес Пат Робертсон.

В 1985 году газета «Вашингтон Таймс» (которая сама принадлежала одной из фундаменталистских протестантских церквей) основала Фонд никарагуанской свободы, в руководство которого входил, в числе прочих, известный голливудский актер Чарльз Хестон (исполнитель главной роли в фильмах «Бен Гур» и «Планета обезьян»). 100 тысяч долларов в фонд пожертвовала «церковь» Муна, 20 тысяч предоставила Джин Киркпатрик, посол США при ООН. За полгода своего существования фонд, по собственным данным, собрал 350 тысяч долларов.

Но Норт и его начальники понимали, что эти пожертвования имеют скорее пропагандистское значение и главная задача заключается в том, чтобы заставить конгресс не только возобновить, но и резко увеличить финансирование «контрас».

Главной проблемой был по-прежнему неприглядный имидж ФДН, на всех руководящих постах которого засели бывшие национальные гвардейцы Сомосы. «Контрас» срочно требовался новый «фейс лифтинг».

На роль нового «бренда» наметили все того же респектабельного Артуро Круса, успешно, по мнению ЦРУ, сорвавшему никарагуанские выборы 1984 года.

⁶⁰ Dillon S. *Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels*. New York, 1991. P. 144.

⁶¹ Ibid. P. 144–145.

⁶² Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 237.

Еще в 1983 году Крус именовал «контрас» «политическими трупами»⁶³. Он писал в американском журнале «Форин Афферс», что «контрас» намерены истребить «цвет никарагуанской молодежи», активно поддержавшей революцию.

В июне 1984 года, по словам самого же Крууса, «контрас» обещали после своего вступления в Манагуа повесить его и всех лидеров легальной оппозиции — по терминологии ФДН, «раскаявшихся сандинистов». С этой целью «борцы за свободу» планировали провести в никарагуанской столице целую серию «новых нюрнбергских процессов».

Однако уже во время предвыборной кампании 1984-го Крус, получавший денежную субсидию ЦРУ, резко поменял свою точку зрения.

Через два дня после выборов Норт обсуждал с лидером ФДН Адольфо Калеро возможную коалицию с Крусом. Сомосовцы не возражали, так как было понятно, что никакой реальной власти Крус не достанется. Перед ним стояла задача «умиротворить» конгресс США перед ключевым голосованием по финансированию «контрас», намеченному на апрель 1985 года.

3 января 1985 года Крус послушно заявил об общности своих целей и целей ФДН.

1 марта 1985-го Крус, Норт и эксперты ЦРУ составили так называемую декларацию Сан-Хосе, которую все лидеры «контрас» подписали в костариканской столице. Документ светился «миролюбием» — «контрас» предлагали сандинистам начать мирный диалог. При этом от сандинистов фактически требовали признания нелегитимности выборов 1984 года и отказа от всех революционных реформ в качестве условия начала «национального примирения». Это миролюбие «контрас» было очень нужно Рейгану для работы с конгрессменами. С другой стороны, было очевидно, что сандинисты ультиматум не примут и можно будет лишний раз обвинить этих неуступчивых марксистов в тоталитаризме.

Американцы немедленно заявили, что если сандинисты не примут ультиматум «контрас» до 1 июня 1985 года, США возобновят прямую военную помощь «никарагуанскому сопротивлению». Одновременно США сорвали реальные мирные переговоры, которые сандинисты вели с представителями индейцев-мискито (фракция Бруклина Риверы). 31 мая 1985 года Норт докладывал Маккфарлейну: «После почти двух месяцев тщательной координации действий с Риверой он согласился в субботу прервать свои переговоры с сандинистами и объявил в Боготе о прекращении диалога между индейцами и СФНО»⁶⁴.

Пока «контрас» упражнялись в миролюбии (собственно, ничего другого им не оставалось, учитывая их постоянные поражения на поле боя), Рейган и его администрация усиливали психологическое давление на Никарагуа и на аме-

⁶³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.217.

⁶⁴ Ibid. P.263.

риканское общественное мнение. 21 февраля 1985 года Рейган впервые открыто признал и так очевидную вещь — США хотят «устранить» (remove) правительство сандинистов, а Сальвадор здесь вообще ни при чем.

Госсекретарь Шульц в своем выступлении в Сан-Франциско страшал конгрессменов: «Те, кто хочет отрезать этих борцов за свободу от остального демократического мира, в реальности обрекают Никарагуа на бесконечный мрак коммунистической тирании. И они ведут США по крайне опасному пути».

1 марта 1985 года Рейган дошел в своем цинизме до предела, патетически продекларировав, что «контрас» «являются моральным эквивалентом» «Отцов-Основателей» Америки и «храбрых мужчин и женщин французского Сопротивления»⁶⁵. Это заявление было специально приурочено к «миролюбивой декларации» «контрас» в Сан-Хосе.

Все эти и многие другие пиаровские ходы осуществлялись по составленному Нортотом 22 марта плану обработки мирового и американского общественного мнения перед ключевым голосованием в конгрессе. Среди пунктов этого плана были, например, следующие:

- «поручить разведывательным службам США найти, обработать и подготовить для запуска в прессу данные о сандинистских военных акциях, нарушающих Женевские конвенции/гражданские нормы ведения войны. Ответственные — СНБ (Норт, Реймонд)»;
- «попросить Збигнева Бжезинского написать геополитический документ, который подчеркнул бы геополитические последствия коммунистического доминирования в Никарагуа (документ должен быть подготовлен к 20 марта). Ответственные — СНБ (Менгес)»;
- «подготовить документ о вовлечении Никарагуа в торговлю наркотиками. Ответственные — министерство юстиции (Маллен)»;
- «организовать турне с выступлениями по США для Педро Хоакина Чаморро (главный редактор „Ла Пренсы“ — прим. автора) (25 марта — 3 апреля). Ответственные — госдепартамент/ Офис публичной дипломатии (Райх)»;
- «подготовка и распространение хронологии „Ла Пренсы“ о притеснениях (оппозиции) со стороны СФНО. Ответственные — госдепартамент/ Офис публичной дипломатии (Райх)»;
- «AAA (Адолько Калеро, Альфосо Робело и Артуро Крус — „политические“ лидеры „контрас“) должны быть доступными для вашингтонской прессы. Ответственные — госдепартамент/ Офис публичной дипломатии (Гомес)»⁶⁶.

В том случае, если все эти шаги не возымеют действия и конгресс не возобновит финансирование «контрас», Норт предлагал президенту обратиться

⁶⁵ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 261.

⁶⁶ Ibid. P. 263.

к гражданам с просьбой жертвовать на дело «никарагуанского сопротивления» в специальный фонд.

Еще одним вариантом было предложить конгрессу выделить деньги «контрас» на «гуманитарные цели», якобы исключавшие приобретение оружия. Норт и ЦРУ прекрасно понимали, что никто не будет серьезно контролировать расходование этих средств.

В апреле 1985 года администрация Рейгана направила в конгресс секретный меморандум, в котором предупреждала, что прекращение финансирования «контрас» обойдется бюджету США гораздо дороже. Придется резко увеличить военную и экономическую помощь союзникам США в Центральной Америке (с 1,2 до 4–5 миллиардов долларов), ввести экономическое эмбарго против Никарагуа и даже, возможно, применить вооруженные силы США, что «реалистически следует признать возможным вариантом», учитывая американские ставки в регионе, «если провалятся политические альтернативы»⁶⁷.

Примечательно, что если Маккфарлейн и госдепартамент критиковали за закрытыми дверями американских военных за «излишнюю робость» в Центральной Америке, то сами военные отнюдь не горели желанием повоевать с сандинистами. Они прекрасно понимали, что второй Гренады не получится. Объединенный комитет начальников штабов (высший орган военного управления в США) подготовил секретный анализ возможного военного вторжения в Никарагуа. Военные пришли к выводу, что придется задействовать 125 тысяч солдат и офицеров, а потери лишь в первые несколько дней составят от 3 до 4 тысяч убитых. Начальник штаба сухопутных сил США генерал Эдвард Майер говорил позднее: «Гражданские в государственном департаменте всегда были более расположены применить силу, чем военные. Военные знают, что если уж война начинается, ее трудно закончить»⁶⁸.

Сторонники администрации в сенате из обеих политических партий (демократы и республиканцы) предложили создать специальный счет, чтобы гарантировать распределение «помощи» «контрас» только в «гуманитарных» целях. Члены палаты представителей Барнс и Гамильтон предложили, чтобы 10 миллионов долларов для «никарагуанских беженцев» распределял Красный Крест, а 4 миллиона — Высокий комиссар ООН по делам беженцев.

Но Рейгана все эти варианты не устроили — ни ему, ни Кейси, ни Норту какой-либо международный контроль за распределением денег был не нужен. 20 апреля 1985 года в радиообращении Рейган назвал все эти планы «позорной капитуляцией», которая ускорит «консолидацию Никарагуа как коммунистическо-террористического арсенала»⁶⁹. Рейган пошел ва-банк и проиграл. 23 апреля 1985 года сенат одобрил выделение 14 миллионов долларов в каче-

⁶⁷ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.264.

⁶⁸ Ibid. P.267.

⁶⁹ Ibid P.264.

стве «гуманитарной помощи» неким «никарагуанским беженцам» при условии устного обещания Рейгана не использовать эти средства на военные цели. Но палата представителей отвергла этот законопроект, а потом проголосовала и против предложенного Барнсом и Гамильтоном компромисса.

Такое поражение не смутило консерваторов в конгрессе, которые немедленно стали готовить новый законопроект в пользу никарагуанских «контрас». Нужен был лишь очередной антиникарагуанский медийный предлог. Администрация не нашла ничего лучше, как придрататься к давно запланированному международному визиту Даниэля Ортеги, который собирался посетить СССР, еще четыре социалистические и семь капиталистических европейских стран.

Ортега и ранее бывал в Москве, но эту его поездку администрация Рейгана и американские СМИ, по словам посла Никарагуа при ООН Карлоса Туннермана, попытались изобразить «смертным грехом»⁷⁰. Напрасно и сам Ортега, и министр иностранных дел Никарагуа Мигель д'Эското убеждали американских журналистов и парламентариев, что визит давно запланирован и служит, прежде всего, целям налаживания экономического сотрудничества Никарагуа с европейскими странами. Ведь из-за действий США Мексика прекратила поставки нефти, и Ортега хотел подтвердить обязательства СССР по продаже Никарагуа «черного золота».

Но Рейгана все эти оправдания сандинистов (хотя оправдываться им, собственно, было не в чем) мало интересовали. 1 мая 1985 года он провозгласил «национальное чрезвычайное положение» и, ссылаясь на визит Ортеги в СССР, объявил о введении экономического эмбарго против Никарагуа. Эта страна «представляет собой необычную и экстраординарную угрозу национальной безопасности и внешней политике Соединенных Штатов».

С внешнеполитической точки зрения эмбарго оказалось полным провалом — его осудили все международные организации, к нему не присоединилась ни одна страна.

С экономической точки зрения Никарагуа тоже особо не пострадала — сандинисты давно готовились к подобному развитию событий и активно развивали отношения с другими странами, как с социалистическими, так и с капиталистическими. Ведь, например, еще в 1983 году американцы фактически прекратили закупать по заранее установленной импортной квоте никарагуанский сахар (с этого же ранее начиналась экономическая блокада Кубы, а никарагуанцы кубинский опыт внимательно изучали).

Министр внешней торговли Никарагуа Алехандро Мартинес позднее писал, что его министерство начало готовиться к экономической блокаде в 1981 году, сразу же, как только Рейган пришел к власти⁷¹. Во многих странах (например, в Испании, Панаме и в тех же США) были созданы в форме местных юридиче-

⁷⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.265.

⁷¹ Martinez A. *Sandinista Economics in Practice*. Boston, 1992. P.40.

ских лиц никарагуанские государственные внешнеторговые фирмы и открыты банковские счета, которые американцы не смогли бы закрыть. Все платежи шли между фирмами, установить государственную принадлежность которых было бы трудно.

Никарагуанский сахар стали покупать Алжир, Ливия и Иран. Причем они тоже платили более высокие цены, чем на мировом рынке, хотя и не столь преференциальные как ранее США. Арабские страны поставляли в обмен нефть по низким ценам, которую Никарагуа могла с прибылью реэкспортировать на мировом рынке. Мясо и морепродукты Никарагуа по-прежнему продавала в США через свои фирмы в Канаде. «Благодаря» эмбарго эти продукты пошли и в Западную Европу⁷². И канадцы, и западные европейцы охотно предоставляли никарагуанскому правительству коммерческие кредиты на год под гарантию последующих поставок мяса, кофе, хлопка и морепродуктов.

Импортные американские товары, без которых не могла обойтись никарагуанская экономика, закупались через зарубежные внешнеторговые компании, расположенные в третьих странах. Эмбарго привело и к тому, что Никарагуа установила торговые отношения с проамериканскими странами — Тайванем и Южной Кореей, а также с КНР.

Характерно, что предшественник ВТО, ГАТТ (Генеральное соглашение о тарифах и торговле), никак не отреагировал на американскую блокаду Никарагуа, хотя она была грубым нарушением устава организации. И США, и Никарагуа входили в ГАТТ, а применение эмбарго одной страной-членом против любой другой запрещалось⁷³.

Наконец, эмбарго привело к тому, чего США якобы всячески стремились избежать. Алехандро Мартинес отмечал: «Эмбарго США в реальности заставило нас пойти на большую экономическую зависимость от стран Востока (социалистических стран. — *Прим. автора*), чем это первоначально планировалось. Что касается меня, то я всегда считал, что лучше всего обойти блокаду можно через Латинскую Америку, но, к сожалению, кризис 80-х годов⁷⁴ сделал невозможным даже для самых богатых стран Латинской Америки предоставление Никарагуа ресурсов в том объеме, в котором они нам требовались. Таким образом, нам пришлось увеличить свою экономическую зависимость, прежде всего, от Советского Союза, а также от стран Восточной Европы, таких как Германская Демократическая Республика и Болгария, а также от Кубы»⁷⁵. В бывшей ГДР, кстати, до сих пор с ностальгией вспоминают прекрасный никара-

⁷² Martinez A. Sandinista Economics in Practice. Boston, 1992. P. 42.

⁷³ Такое же беззаконие царит и в ВТО, которая спокойно взирает на нарушение американцами всех норм этой организации — США уже 50 лет поддерживает экономическое эмбарго против Кубы, тоже страны — учредителя ВТО.

⁷⁴ Имелся в виду долговой кризис почти всех стран Латинской Америки, которые благодаря политике МВФ оказались либо банкротами, либо были на грани этого состояния.

⁷⁵ Martinez A. Sandinista Economics in Practice. Boston, 1992. P. 44.

гуанский ром «Флор де Канья», который был отмечен медалью Лейпцигской выставки-ярмарки.

Следует подчеркнуть, что СССР, ГДР и Куба в это тяжелое для Никарагуа время предоставили стране кредиты в свободно конвертируемой валюте.

Но Рейгана, как и в случае вторжения на Гренаду, мнение мирового сообщества и реальная эффективность блокады не интересовали. Вся эта театральная истерия с «чрезвычайным положением» была рассчитана на домашних зрителей на Капитолийском холме.

Конгрессмены подхватили антиникарагуанскую истерию Рейгана, хотя некоторые из них тоже собирались с визитом в Москву. Сказать что-нибудь хорошее или даже нейтральное в адрес сандинистов в то время было просто невыносимо — никто не хотел прослыть предателем и «агентом Кремля». Раздавались даже предложения разорвать дипломатические отношения с Никарагуа.

Усилия Рейгана в духе оруэлловского «министерства правды» дали, наконец, свои плоды 12 июня 1985 года. В этот день палата представителей проголосовала за выделение 27 миллионов долларов в виде «гуманитарной» помощи «контрас». Причем сенат предлагал выделить 38 миллионов. Согласно принятому нижней палатой закону деньги можно было тратить только на еду, одежду, медикаменты, но не на «оружие, системы вооружений, боеприпасы или иное снаряжение, транспортные средства или материалы, которые можно использовать для причинения тяжелого вреда здоровью или смерти»⁷⁶.

При этом даже многие видные американские юристы считали, что конгресс грубым образом нарушил международное гуманитарное и военное право. Согласно Женевским конвенциям о правилах введения войны гуманитарную помощь можно предоставлять только некомбатантам (то есть гражданскому населению, не участвующему в боевых действиях). Гуманитарная помощь участникам боевых действий не допускалась.

Но Рейгана, как показал иск Никарагуа в Международный суд ООН, международное право заботило мало. 29 августа 1985 года президент США учредил специальное ведомство — Офис по гуманитарному содействию Никарагуа (Nicaraguan Humanitarian Assistance Office, ННАО) для распределения санкционированных конгрессом 27 миллионов долларов. Офис возглавил посол Роберт Дюмлиг. Он сам потом признавал, что помимо того, что разрешил конгресс, на деньги офиса закупалось оружие для «контрас».

К 4 сентября 1986 года офис Дюмлинга распределил 26,8 миллиона долларов, но контролеры из Бюджетного управления конгресса так и не смогли обнаружить следов многих банковских переводов, затерявшихся в бесчисленных оффшорах.

Зато «гуманитарная помощь» стала настоящим праздником жизни для коррумпированной клики Бермудеса и друзей Норта, кормящихся вокруг «ника-

⁷⁶ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.268.

рагуанского проекта». Оружие и снаряжение под видом гуманитарной помощи поставляли разнообразные подставные фирмы, организованные Нортом и ЦРУ. Например, офис Дюмлинга нанял для этих целей за 50 тысяч долларов некий «Институт за демократию, образование и содействие», учредителем которого был курьер Норта Роберт Оуэн⁷⁷. Для «откатов» «контрас» выставляли завышенные счета. Например, закупились винтовки по 150 долларов за штуку, но в счете была указана сумма 600 долларов.

Зарабатывали «контрас» и их американские друзья и на черном валютном рынке в Гондурасе. Они меняли доллары на гондурасские лемпиры по нелегальному курсу 1 доллар — 2,65 лемпиры, но в счетах указывали официальный курс обмена: 1 доллар — 2 лемпиры. Таким образом, можно было прикарманить до 30% от суммы той или иной партии «гуманитарной помощи».

При этом многим полевым командирам «контрас» не платили жалованье (400 долларов в месяц) годами, и они говорили про Бермудеса и его «штаб»: «У них чистые ботинки и грязные руки».

12 июня 1985 года, все с той же несбыточной целью улучшения имиджа «контрас», в Коста-Рике была создана якобы принципиально новая «политическая» организация «борцов за свободу» — Объединенная никарагуанская оппозиция (испанская аббревиатура УНО). Ее возглавили три политических директора — Артуро Крус, Адольфо Калеро и Альфонсо Робело, или, как их окрестил архитектор всей этой косметической операции Норт, — «три А» (по аналогии с высшим кредитным рейтингом международных рейтинговых агентств).

УНО понадобилась все для того же — чтобы убедить американскую и мировую общественность, что в никарагуанской оппозиции не заправляют бывшие соратники Сомосы и национальные гвардейцы. Однако таким образом фактически продолжила свое существование ФДН, только под новой вывеской и с респектабельным лицом Круса. По крайней мере, ничего в военном командовании «контрас» не изменилось.

Сам Крус по протекции директора ЦРУ Кейси получил «грант» в виде 40 тысяч долларов на полгода от Национального центра стратегической информации — «научного» учреждения, давно спонсировавшегося ЦРУ. После образования УНО «отцы никарагуанской демократии» получали твердое и высокое жалование в долларах: Крус — 7 тысяч в месяц, Калеро — 12,5 тысячи, Робело — 10 тысяч⁷⁸. Вскоре и Робело, и Крису надоела их роль «фигового листка» для Бермудеса и ФДН. Оуэн докладывал Норту: «Робело, по его словам, устал от отсутствия равенства среди „трех А“. Круса и меня, говорит он, добавили в ФДН, чтобы отмыть ее лицо»⁷⁹. Крус постоянно угрожал своей отставкой, но щедрые дотации ЦРУ, видимо, были весомее.

⁷⁷ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.269.

⁷⁸ Ibid. P.219.

⁷⁹ Ibid.

В меморандуме от 17 марта 1986 года под заголовком «Политическая ситуация в ФДН/УНО» Оуэн докладывал Норту: «Я написал ФДН/УНО, потому что именно ФДН руководит УНО, а не наоборот. УНО — это креатура правительства США для того, чтобы получить поддержку конгресса. Когда ее создавали год назад, была надежда, что УНО станет жизнеспособной организацией. Но на самом деле, почти все, чего она добилась, следует отнести на счет руки правительства США, которая направляла и манипулировала (УНО). Нет сомнений: была надежда, что Крус и Робело превратятся в сильных лидеров, чтобы хотя бы в какой-то степени служить противовесом мощи Калеро и ФДН. Но оба — и Крус, и Робело — стали сплошным разочарованием»⁸⁰.

Крус пытался несколько поправить незавидный, с точки зрения соблюдения прав человека, имидж «контрас». Он попросил бывшего юриста завода «Кока-Колы» в Никарагуа Карлоса Икасу составить Кодекс поведения «контрас» взамен старого, попросту списанного с аналогичного документа национальной гвардии Сомосы. Был создан также Офис по юридическим вопросам, который должен был расследовать жалобы на злоупотребления «борцов за свободу», в том числе и жалобы самих «контрас». Появилась даже своя тюрьма — раньше пленных просто привязывали к дереву и забивали до смерти.

Правда, в новой тюрьме среди примерно сотни «заключенных» было подозрительно много молодых женщин, которых держали там для сексуальных утех охраны и командиров.

Бермудес попросту игнорировал нового «лидера», которого открыто называл коммунистом. Когда Крус приветствовал в лагерях «борцов за свободу», те по указанию Бермудеса отвечали ему ледяным молчанием, зато бурно выражали восторг самому Бермудесу⁸¹.

О нравах в лагерях «борцов за свободу» свидетельствует следующий эпизод. Один из высших командиров Мак (на чьей совести были печально знаменитые снимки Воля) решил наказать восемь бойцов, которые опоздали на утреннюю зарядку. Он велел четверем из них залезть на вершину дерева, а пятому — это дерево срубить. При падении с высоты погибли трое провинившихся, а четвертый был тяжело ранен. «Это показательный пример для всех вас. Вы должны понять, что значит быть настоящим солдатом», — сказал Мак бойцам, наблюдавшим за казнью⁸². После этого бойцы решили сбежать из лагеря, но были пойманы и жестоко избиты.

Норт в 1985 году был озабочен скорейшим созданием нового «южного фронта» «контрас» в Коста-Рике на развалинах бесславного воинства «команданте ноль». 9 апреля 1985-го Оуэн сообщил Норту из Коста-Рики, что полевые командиры из бывшего АРДЕ, окружающие Эль Negro (Чаморро), готовы перейти

⁸⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 221–222.

⁸¹ Dillon S. *Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels*. New York, 1991. P. 165.

⁸² Ibid. P. 166.

к кому угодно, лишь бы получать деньги и снаряжение. Правда, Оуэн предупредил, что Чаморро сильно пьет, а люди, собравшиеся вокруг него, замешаны в коррупции и, возможно, в наркоторговле. Но Норту приходилось работать с любым человеческим материалом — он хотел как можно быстрее образовать в Коста-Рике южный фронт против сандинистов для того, чтобы хотя бы как-то отвлечь силы СНА, практически добившие ФДН на гондурасской границе.

Сбежавшие от Пасторы полевые командиры⁸³ обещали Норту выставить до 2500 человек при условии адекватного снабжения: после ссоры ЦРУ с Пасторой южные «контрас» ничего не получали больше восьми месяцев и не вели никакой боевой деятельности.

Норт со своей обычной резвостью взялся за организацию воздушного моста в Коста-Рику. Ему уже мерещился мощный удар с территории Коста-Рики прямо по Манагуа. Сначала подставные фирмы-авиаперевозчики Норта и ЦРУ (например, «Эйр Америка») пытались организовать в Коста-Рике полевой аэродром. Они договорились с офицером костариканской гражданской гвардии (так назывались вооруженные силы Коста-Рики), который обещал устроить взлетно-посадочную полосу на своем ранчо и объявить ее военной зоной, чтобы скрыть все предприятие от посторонних глаз.

Из этой затеи ничего не вышло. Тогда решили копить снаряжение на главной базе ВВС Сальвадора Илопанго и сбрасывать его южным «контрас» с воздуха. Первый сброс произошел только 11 апреля 1986 года. Самолет ЦРУ L-100 со второй попытки смог доставить примерно 10 тонн груза. Такое развитие событий окончательно подорвало остатки авторитета «команданте ноль». В мае 1986 года резидент ЦРУ в Сан-Хосе Джо Фернандес встретился с оставшимися полевыми командирами Пасторы и убедил их перейти на сторону УНО. Как общал Фернандес, согласились все — причем за определенные суммы в долларах: шесть командиров получили по пять тысяч⁸⁴.

Пока Норт и ЦРУ пытались вдохнуть в «контрас» жизнь и не допустить их полного развала, США вели сложную дипломатическую борьбу против Никарагуа в рамках так называемого контадорского процесса.

В январе 1983 года на панамском острове Контадора встретились министры иностранных дел Мексики, Панамы, Венесуэлы и Колумбии. Они выразили озабоченность ситуацией в Центральной Америке, особенно прямой и косвенной вооруженной интервенцией внерегиональных держав. Министры призвали не включать регион в конфронтацию Восток — Запад и предложили странам Центральной Америки решать все спорные вопросы в рамках переговорного процесса.

⁸³ Сам Пастора не вошел в УНО и образовал на развалинах своего АРДЕ новый Оппозиционный блок, который, впрочем, уже никто не принимал всерьез, так как американцы его не финансировали.

⁸⁴ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.279.

«Контадорский процесс» начался во многом по инициативе Мексики, которая с симпатией относилась к сандинистам и не желала, чтобы США под маской борьбы с мировым коммунизмом и СССР создали на мексиканской южной границе, в Центральной Америке постоянные военные базы. Панамцам требовалась международная поддержка соседей, так как они опасались, что Рейган может пересмотреть договор Картера — Торрихоса 1977 года, согласно которому Панамский канал должен был в 1999 году перейти под юрисдикцию Панамы. Во время предвыборной кампании 1980 года Рейган обещал аннулировать «капитулянтский» договор.

В апреле 1983 года министры иностранных дел Контадорской группы (так теперь стали именовать «четверку») провели совещание со своими коллегами из центральноамериканских стран. Решили что «девятка» (Контадорская группа плюс пять стран Центральной Америки) должна стать постоянным переговорным механизмом для решения всех спорных проблем региона.

Американцы сначала считали «контадорский механизм» даже полезным, так как он был предлогом для отказа от двусторонних переговоров США с Никарагуа.

17 июля 1983 года на встрече в мексиканском городе Канкун президенты стран «контадорской группы» приняли Канкунскую декларацию, которая уже успела вызвать недовольство в Вашингтоне. В декларации всем странам предлагалось прекратить в Центральной Америке военные учения, отозвать иностранных военных советников и создать постоянный механизм контроля над ограничением вооружений⁸⁵. Будущий мирный договор в Центральной Америке получил наименование «Документ о целях». Для его претворения в жизнь Контадорская группа выработала еще и «Нормы по выполнению положений», содержащихся в «Документе о целях».

Никарагуа активно поддержала «контадорский процесс». 19 июля 1983 года, в четвертую годовщину Сандинистской революции, Даниэль Ортега выдвинул мирный план из шести пунктов:

- немедленное заключение пакта о ненападении между Никарагуа и Гондурасом;
- прекращение всех военных поставок в Сальвадор из-за рубежа;
- прекращение военной помощи всем антиправительственным группировкам в странах Центральной Америки;
- гарантии права на самоопределения для всех центральноамериканских государств и невмешательство в их внутренние дела;
- прекращение экономической дискриминации и враждебных действий против любой из стран региона;

⁸⁵ Международные отношения в Центральной Америке и Карибском бассейне в 80-х годах. М., 1988. С. 139.

- запрет всех иностранных военных баз и маневров с участием внерегиональных армий в Центральной Америке.

Естественно, США не могли со всем этим согласиться — ведь тогда «контрас» были бы разгромлены за считанные недели. Но формально американцам было трудно что-либо возразить — ведь они сами официально считали источником напряженности в регионе помощь Никарагуа сальвадорским повстанцам.

Никарагуа сразу же пошла на уступки. Гондурас под давлением США отказался от любых двусторонних переговоров с Никарагуа, предпочитая якобы только «многосторонний формат». Никарагуа с этим согласилась.

9 сентября 1983 года «Документ о целях», состоявший из 21 основного пункта, был одобрен всей «девяткой». Через три дня заместитель министра обороны США Фред Айкл отреагировал на это следующим образом: «Мы не ищем военного поражения наших друзей. Мы не добиваемся военной ничьей. Мы стремимся к победе сил демократии... Мы должны предотвратить консолидацию сандинистского режима в Никарагуа»⁸⁶.

Вашингтон ответил на мирные предложения Контадорской группы захватом Гренады и реанимацией центральноамериканского военного блока КОНДЕКА в составе Гондураса, Сальвадора и Гватемалы.

По выражению никарагуанского министра иностранных дел, «компромиссная» переговорная позиция Вашингтона была очень простой: либо Никарагуа умирает сама, либо ее убьют.

Как упоминалось выше, летом 1984 года США по инициативе Мексики согласились на переговоры с Никарагуа, но это было лишь уловкой предвыборной кампании Рейгана, стремившегося несколько подправить свой одиозный имидж «ястреба холодной войны».

Летом 1984 года «контадора» разработала «Акт мира» и предложила всем центральноамериканским государствам его подписать. В акте по-прежнему содержался запрет на военные маневры в регионе и поддержку нерегулярных оппозиционных военных формирований. Также предлагались меры по укреплению демократии в регионе и развитию экономического сотрудничества между всеми центральноамериканскими странами.

США сначала одобрительно отозвались об «Акте мира», расценив его «как важный шаг вперед».

7 сентября 1984 года Никарагуа согласилась подписать «Акт мира». Коста-Рика и Гондурас тоже выразили свое предварительное одобрение документа. Но это уже никак не могло устроить США. После согласия Никарагуа «Акт мира» вдруг стал для Вашингтона «недоработанным».

В октябре 1984-го американцы организовали в столице Гондураса Тегусигальпе в октябре 1984 года совещание министров иностранных дел своих

⁸⁶ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P.302.

марионеток (Гондураса, Сальвадора и Гватемалы⁸⁷), чтобы «доработать» «Акт мира». Так возник «блок Тегусигальпы», который потребовал убрать из текста акта запрет на проведение военных маневров и требование в течение шести месяцев вывести из Центральной Америки все иностранные военные базы. К тому же американские марионетки были против прилагавшегося к акту протокола, который в знак согласия с целями документа могли подписать любые страны. США не хотели давать тем самым СССР и Кубе возможность для укрепления политического влияния в Латинской Америке — и СССР, и Куба с самого начала выражали полную поддержку «контадорскому процессу». При этом Никарагуа требовала от США подписать протокол, но американцы не собирались этого делать.

Сами же американцы в январе 1985 года прервали двусторонние переговоры с Никарагуа, лицемерно заявив, что они подрывают «контадорский процесс».

Никарагуа в это время пошла на дополнительные односторонние уступки, чтобы активизировать «контадорский процесс». В феврале 1985 года сандинисты объявили о решении вывести из страны 100 кубинских военных советников и провозгласили на неопределенный срок мораторий на приобретение новых систем вооружений⁸⁸. Никарагуа в очередной раз заявила, что не собирается предоставлять территорию страны под иностранные военные базы.

Между тем о поддержке мирных инициатив «контадоры» заявили и ЕЭС, и Движение неприсоединения, а также Организация американских государств (ОАГ). В августе 1985 года образовалась «группа поддержки» «контадоры» в составе Аргентины, Бразилии, Уругвая и Перу. 23–25 августа 1985 года новая «четверка» присоединилась к заседанию Контадорской группы в колумбийской Картахене, чтобы придать дополнительный вес усилиям посредников.

Но американцев численное усиление «контадоры» нисколько не тревожило — они фактически сидели за столом переговоров, так как Сальвадор и Гондурас ничего не предпринимали, не заручившись согласием Вашингтона. При этом формально США были вне переговорного процесса и никаких обязательств на себя брать не желали.

Тем не менее заместитель госсекретаря по Латинской Америке Эллиот Абрамс в сентябре 1985 года дал указание проводить «активную дипломатию с целью предотвращения попыток латиноамериканской солидарности (с „контадорой“), которые могут быть направлены против США и их союзников, вне зависимости от того, иницируются ли эти попытки „группой поддержки“, Кубой или Никарагуа»⁸⁹.

⁸⁷ Справедливости ради следует отметить, что гватемальцы колебались, чем вызывали постоянное недовольство США.

⁸⁸ Международные отношения в Центральной Америке и Карибском бассейне в 80-х годах. М., 1988. С. 89.

⁸⁹ *Sklar H. Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 307.

Никарагуанцы предложили совещанию министров иностранных дел «контадоры», которое должно было состояться в Панаме в середине 1985 года, рассмотреть помимо прочих и вопрос об агрессивной политике США в регионе. «Тегусигальпский блок» это предложение решительно заблокировал.

К сентябрю 1985 года американцам удалось перехватить инициативу — с «доработанным» вариантом «Акта мира» была не согласна уже Никарагуа. В Манагуа были готовы подписать 100 из 117 положений документа. По 17 пунктам Никарагуа предложила вернуться к тексту 1984 года. Никарагуа настаивала, например, на полном запрещении военных учений с иностранными армиями, как это и предусматривалось в первом варианте. Для Никарагуа был неприемлем и провозглашенный в тексте мораторий на приобретение новых систем вооружения. Никарагуанцы требовали также, чтобы США сделали формальное и юридически обязательное заявление о готовности соблюдать все положения будущего акта, в частности, прекратить любую помощь «контрас» и дать заверения, что Никарагуа не подвергнется военному нападению США.

В 1962 году США дали Советскому Союзу заверения, что они не нападут на Кубу, и опасный для всего человечества Карибский кризис был быстро завершен. Однако на сей раз Рейган отказывался дать подобные обещания в отношении Никарагуа.

Есть основания предполагать, что столь неуступчивыми Рейгана сделала его первая личная встреча с новым советским лидером М.С. Горбачевым в ноябре 1985 года в Женеве. 4 декабря 1985-го в рамках заседания совета ОАГ госсекретарь США Джордж Шульц провел рабочий ланч с министрами иностранных дел Контадорской группы. Во время беседы Шульц прямо сказал, что Горбачев обещал в Женеве Рейгану невмешательство СССР в возможный военный конфликт между США и Никарагуа⁹⁰. Далее Шульц сообщил потрясенным «контадорцам», что США считают Никарагуа «раковой опухолью» Центральной Америки, которая требует «хирургического вмешательства».

«Контадора» ответила на эти неприкрытые и явно не дипломатические угрозы внесением в Генеральную Ассамблею ООН проекта резолюции с призывом к США и Никарагуа возобновить двусторонние переговоры. Американцы оказали мощное давление на Колумбию, Венесуэлу и Панаму с тем, чтобы они отказались поддержать собственный проект.

В результате силового давления Вашингтона «контадора» фактически признала свое бессилие. 7 декабря 1985 года было объявлено о временном прекращении переговорного процесса. Никарагуа предложила сделать паузу и дождаться предстоящей смены власти в Коста-Рике, Гватемале и Гондурасе.

Новый гватемальский президент Марко Винисио Серезо занимал более самостоятельную позицию и был против попыток США изолировать Никарагуа в регионе.

⁹⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.306.

12 января 1986 года в венесуэльском городе Карабальеда состоялось очередное совещание министров иностранных дел Контадорской группы и «группы поддержки». Было принято «Послание Карабальеды за мир, безопасность и демократию в Центральной Америке». В документе содержался призыв к подписанию «Акта мира», прекращению поддержки всех повстанческих и нерегулярных сил в регионе, прекращению международных военных маневров, постепенному сокращению численности иностранных военных советников и иностранных вооружений. Министры восьми государств изъявили готовность стать посредниками в деле национального примирения в каждой из центральноамериканских стран⁹¹. 15 января принципы соглашения в Карабальеде были подтверждены президентами центральноамериканских государств в Гватемале, где они собрались по случаю инаугурации нового президента этой страны.

США ответили на «Послание Карабальеды» недвусмысленно — 1 января 1986 года Шульц принял представителей «контрас» и заверил их, что американцы будут помогать им до полной победы. Госдепартамент вновь подтвердил вербальную поддержку «контадорского процесса», но одновременно в Вашингтоне подчеркнули, что продолжат поддерживать «контрас».

10 февраля 1986 года восемь министров Контадорской группы и «группы поддержки» отправились в Вашингтон, чтобы убедить США серьезно содействовать разрядке напряженности в Центральной Америке. Министры просили США прекратить поддержку «контрас», но госсекретарь Шульц лишь подтвердил прежнюю позицию и вновь отказался от любых двусторонних контактов с Никарагуа. Президент Рейган вообще не нашел для восьми министров «окна» в своем графике, зато примерно в это же время принял главарей «контрас»⁹².

Администрация Рейгана готовилась к новому сражению на Капитолийском холме с целью добиться возобновления финансирования «никарагуанского сопротивления». Как всегда, требовалось облить Никарагуа грязью.

На этот раз американский президент лично обвинил сандинистов в контрабанде наркотиков в США, чем на самом деле активно занимались как раз «контрас» с ведома ЦРУ. В своем обращении к нации по телевидению 20 марта 1986 года Рейган побил все свои прежние рекорды лжи и цинизма: «Я знаю, что любой американский родитель, озабоченный проблемой наркотиков, будет возмущен, если узнает, что высшие никарагуанские государственные чиновники глубоко вовлечены в торговлю наркотиками». Рейган продемонстрировал «секретные» снимки, на которых якобы помощник Томаса Борхе, некий Федерико Воган был запечатлен «на военном аэродроме рядом с Манагуа... при погрузке самолета с наркотиками, предназначенными для Соединенных

⁹¹ Международные отношения в Центральной Америке и Карибском бассейне в 80-х годах. М., 1988. С. 142.

⁹² Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 308.

Штатов» «Нет, видимо, нет такого преступления, — вещал президент, — перед которым остановились бы сандинисты — этот преступный режим»⁹³.

Поставщиком фотографий был уже упоминавшийся выше наркоделец Сил, который перевозил наркотики по поручению «контрас». После ареста американскими правоохранительными органами Сил заявил, что один раз перевозил 1500 килограммов кокаина из Колумбии через Никарагуа, где его самолет производил дозаправку. Якобы в его самолете, который почему-то «по ошибке» подбили никарагуанские зенитчики, ЦРУ установило скрытую фотокамеру, которая и запечатлела Вогана. На самом деле Воган в 1982–1983 годах работал в никарагуанской государственной внешнеторговой фирме, но ко времени «полета» Сила уже уволился. К Борхе он вообще не имел никакого отношения. Как выяснилось позднее, и аэродром был не военным, а гражданским, и его использовали для опрыскивания полей.

Сразу после «разоблачений» Сила его выпустили на свободу при условии соблюдения ряда условий. В феврале 1986 года, как уже упоминалось, его застрелили из автомата. В мае 1987 года за убийство Сила были осуждены три колумбийца. Самолет С-123, на котором Сил, по его словам, сделал остановку в Никарагуа, был в октябре 1986 года сбит никарагуанской ПВО, когда пытался сбросить с воздуха партию снаряжения для «контрас».

Рейган, заклеив сандинистов, сравнил на этот раз «контрас» с Уинстоном Черчиллем, а помощь им — с поставками США по «ленд-лизу» Великобритании в годы Второй мировой войны. Это означало, что Никарагуа американский президент поставил на одну доску с нацистами. Рассуждения Рейгана привели его к логическому концу: «Я понимаю, что в определенной мере они („контрас“) — контрреволюционеры, и Бог благословит их за это. И я считаю, что это делает их контрас и поэтому делает „контрой“ и меня тоже»⁹⁴.

Ответственный за связь с прессой в Белом доме Патрик Бьюкенен запугивал конгрессменов перед решающим голосованием: «Перекрывая поставки оружия никарагуанским борцам за свободу путем связывания рук президенту поправкой Боланда, Демократическая партия стала наряду с Москвой гарантом доктрины Брежнева⁹⁵ в Центральной Америке... Своим голосованием по вопросу о помощи «контрас» Демократическая партия покажет, стоит ли она на стороне Рональда Рейгана и сопротивления — или на стороне Даниэля Ортеги и коммунистов»⁹⁶.

Но конгрессмены не испугались. 20 марта 1986 года палата представителей проголосовала против запрошенной администрацией 100 миллионов дол-

⁹³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 291.

⁹⁴ Ibid. P. 217.

⁹⁵ Под «доктриной Брежнева» на Западе понимали стремление СССР не допустить смены режимов в социалистических странах, что якобы нашло проявление в вводе войск стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года, после чего и появился сам термин.

⁹⁶ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 308.

ларов — астрономической, по никарагуанским меркам, суммы, превышавшей военный бюджет Никарагуа.

Требовался какой-то новый повод для раскручивания антиникарагуанской истерии, и он не замедлил появиться.

Еще с начала 1985 года сандинисты стали обстреливать главный лагерь «контрас» в Лас-Вегасе — выступе гондурасской территории, с трех сторон окруженном территорией никарагуанской. США подтянула прямо к границе по недавно построенным дорогам советские установки реактивного залпового огня БМ-21 и начала методично «обрабатывать» «контрас» в Лас-Вегасе. Примечательно, что Гондурас не протестовал, — ведь если бы началось серьезное разбирательство, то выяснилось бы, что именно на гондурасской территории размещается 10-тысячная армия наемников ЦРУ. А ведь и США, и Гондурас это отрицали.

В течение нескольких месяцев 1985 года «контрас», которые несли серьезные потери от наследниц легендарных «катюш», пытались с помощью наземных атак захватить или уничтожить пусковые установки. Однако сандинисты подтянули на их защиту несколько батальонов регулярной армии.

В мае 1985 года обстрел БМ-21 впервые сопровождался атакой нескольких сотен бойцов СНА на выступ Лас-Вегас — сандинисты ясно дали понять, что не собираются предоставлять бандитам надежное убежище для постоянных вылазок против Никарагуа⁹⁷. На этот раз гондурасцы приказали Бермудесу срочно вывести его бойцов с выступа, так как от сражения уже страдало мирное гондурасское население. ВВС Гондураса прикрывали отход «контрас» от границы. Бермудес устроил свой штаб (гордо именовавшийся «стратегическим командованием») в местечке Ямалес, вне пределов досягаемости БМ-21.

В мае 1985 года Бермудес встретился в Майами с Нортом, и тот потребовал активизации боевых действий, чтобы убедить конгрессменов в стойкости и эффективности «никарагуанского сопротивления». Норт, изображая из себя стратега, приказал перекрыть все основные никарагуанские шоссе и перенести, наконец, боевые действия в крупные города. Иными словами, от Бермудеса требовали «новой Пантасмы».

В качестве мишени был избран город Ла-Тринидад с населением в 8 тысяч человек, расположенный на Панамериканском шоссе в 77 милях к северу от Манагуа и в 60 милях от гондурасской границы. Рядом находились несколько мостов, которые можно было подорвать, чтобы удовлетворить азарт Норта.

На рассвете 1 августа 1985 года около двух тысяч «контрас» атаковали Ла-Тринидад и к 10 часам утра установили контроль над большей частью городка. Бандиты обстреляли местный госпиталь и уничтожили принадлежавший больнице джип. Но оргии по образцу Пантасмы не получилось — сандинисты быстро перебросили в Ла Тринидад противопартизанский батальон и впер-

⁹⁷ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 158.*

вые эффективно применили полученные из СССР боевые вертолеты МИ-24. Ла-Тринидад, расположенный в долине, превратился для «контрас» в смертельную ловушку. Более 10 самолетов и вертолетов США начали методично обрабатывать «борцов за свободу» с воздуха, и те стали поспешно отступать в Гондурас, неся тяжелые потери. «Эффектная атака» превратилась в эффектный разгром — были убиты около двух сотен «контрас»⁹⁸. МИ-24 наводили на «контрас» настоящий ужас, а ракеты «земля-воздух» китайского производства оказались негодными.

В конце 1985-го — начале 1986 года тактические группировки «контрас», многие из которых находились на никарагуанской территории месяцами, начали отступление в Гондурас — только так они могли избежать полного уничтожения. Один из командиров группировки Тирсо Морено (кличка Ригоберто) так вспоминал свою встречу с «верховным главнокомандующим» Бермудесом, после того, как его отряд едва унес ноги в Гондурас:

« — Боже, ты же выглядишь как труп, — удивился Бермудес.

— Ну, нам пришлось изрядно повоевать, а с едой у нас были проблемы.

— Ну а что ты собираешься делать теперь?

— Жду указаний.

— Почему бы тебе не поехать в Тегусигальпу и не повеселиться? О'кей? Ну, будем на связи!»⁹⁹

Только советники из ЦРУ заинтересовались Ригоберто, с которого они снимали показания о Никарагуа в течение двух дней.

Для Бермудеса же война была прибыльным бизнесом, и боевые операции он назначал только для того, чтобы выбить из своих американских хозяев очередную порцию «гуманитарной помощи»

Но к началу 1986 года всем стало ясно — если США резко не нарастят объем военной поддержки «никарагуанского сопротивления», то его окончательный разгром станет делом нескольких недель.

Журнал «Тайм» так описывал обстановку в Никарагуа в октябре 1985 года после сражения у Ла-Тринидада: «Есть причина для высокого боевого духа (СНА): в настоящий момент сандинистская армия, видимо, одерживает победу в четырехлетней войне против оппозиционных сил, поддерживаемых США и известных как „контрас“».

Однако «Контрас», похоже, были потрясены относительной быстротой и эффективностью, с которыми никарагуанская Сандинистская народная армия ответила на наступление повстанцев, приуроченное к сезону дождей... Высокоставленный официальный представитель в Вашингтоне признал две недели тому назад, что контраступление сандинистов выдавило 5000 повстанцев обратно через границу в Гондурас...

⁹⁸ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 161.*

⁹⁹ *Ibid. P. 162.*

«СНА ответила довольно быстро по латиноамериканским меркам», — заявил офицер американской разведки сразу после боя за Ла-Тринидад... В последнее время СНА, кажется, улучшила систему командования, боевую подготовку и повысила мотивацию личного состава, обойдя по всем этим показателям повстанцев. Видимо, поэтому никарагуанская армия почувствовала себя достаточно сильной, чтобы схватиться с гондурасскими войсками в бою 13 сентября. В самом серьезном столкновении между двумя странами с 1979 года никарагуанский минометный снаряд убил гондурасского солдата, а Гондурас повредил два никарагуанских вертолета...

Кажется, у никарагуанцев появилась и отличная разведывательная сеть. «Разведывательные сведения, которые сандинисты собрали о „контрас“, просто потрясают, — говорит американский военный наблюдатель. — Но раньше они не знали, как грамотно применить эту информацию». Быстрый ответ СНА на вторжение повстанцев в Ла-Тринидад является доказательством того, что в последнее время серьезно улучшился обмен данными между агентами никарагуанской разведки и ее солдатами. «Я знал, куда направлялись „контрас“, — говорит команданте Каррион (командир батальона СНА), — и мы смогли сорвать их операции еще тогда, когда они находились в моей военной зоне»¹⁰⁰.

У «контрас», по данным ЦРУ, не имелось и адекватных средств радиосвязи (одна рация приходилась на 200 человек), без которых их нельзя было снабжать по воздуху в глубинных районах Никарагуа. Чтобы поддерживать надежную радиосвязь в горах, «контрас» приходилось держаться неподалеку от границы с Гондурасом¹⁰¹.

В конце 1985 года начальник штаба СНА Хоакин Куадра объявил, что «контрас» в стратегическом смысле разгромлены.

Американцам надо было срочно спасти своих наемников от полного уничтожения, а для этого требовались деньги, много денег. И их мог выделить только конгресс. Рейган и Норт понимали, что до 50% бюджета Никарагуа идет на войну и что страна долго такой нагрузки не выдержит. Нужно было просто дать «контрас» больше средств и окончательно подорвать с их помощью никарагуанскую экономику. Провалившуюся тактику Норта по атакам на крупные города требовалось срочно сменить на мелкие стычки и засады, объектами которых должны были стать ключевые объекты никарагуанской экономической инфраструктуры. Наконец, «контрас» срочно требовались современные ракеты «земля-воздух» против грозных советских МИ-24.

Повод для новой волны антиникарагуанской истерии нашелся, когда в марте 1986 года (в Никарагуа был сухой сезон, благоприятный для ведения боевых действий) СНА начала решительное и финальное наступление на «контрас»

¹⁰⁰ *Smolowe J.* Nicaragua the Sandinistas Hang Tough. См.: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,960116-2,00.html>.

¹⁰¹ *Pardo-Maurer R.* The Contras 1980–1989: a special kind of politics. New York, 1990. P. 49.

в приграничной полосе и бои захватили гондурасскую территорию. Гондурас опять предпочитал отмолчаться, но на этот раз американцы решили раздуть пограничный инцидент, превратив его во «вторжение» никарагуанской армии на территорию соседнего государства.

25 марта 1986 года Рейган потребовал оказать Гондурасу срочную военную помощь в размере 20 миллионов долларов, и американские военные вертолеты были переброшены в Гондурас, чтобы быстро доставить гондурасские части к границе¹⁰².

Лидеры демократов в конгрессе были вынуждены поддержать администрацию Рейгана. Спикер палаты представителей Тип О'Нил обозвал Даниэля Ортегу «неуклюжим, некомпетентным марксистско-ленинским коммунистом»¹⁰³.

27 марта 1986 года сенат одобрил выделение «контрас» небывалой суммы — 100 миллионов долларов.

В палате представителей (435 депутатов) блок сторонников «контрас» состоял из 170 республиканцев, 40 «трумэновских» (то есть консервативных) демократов. Еще 30 демократов колебались, но время от времени сигнализировали о поддержке. Однако последняя группа считала, что США должны полагаться больше на дипломатию, чем на военные средства разрешения конфликтов в Центральной Америке, и что только если дипломатические усилия провалятся, можно возобновить поддержку «контрас».

Лидером ключевой «колеблющейся» группы демократов в палате представителей был молодой и амбициозный конгрессмен от Оклахомы Дейв Маккерди. Он предложил выделить на гуманитарную помощь УНО 5 миллионов долларов, но при условии продвижения «контрадорского процесса», успехи которого (или вину за неудачу) должен был оценивать американский конгресс.

Чтобы «контрас» не развалились, Маккерди был готов предоставить им 50 миллионов долларов для участия в политическом процессе в Никарагуа. Еще 50 миллионов, уже в качестве военной помощи, следовало выделить в течение 90 дней, если сандинисты не пойдут на диалог с «борцами за свободу»¹⁰⁴. Условием помощи было улучшение положения с «правами человека» в рядах «контрас».

Внедрение «контрас» в политическую жизнь Никарагуа (как и показало будущее) было странным предприятием. Ведь это была не партия, а наемные вооруженные силы. Бермудес прекрасно понимал, что никаких шансов на успех на выборах у УНО нет. Слишком много «контрас» пролили крови невинного гражданского населения, слишком явной была их связь с США. К тому же Бермудес (как и его покровитель Норт) был уверен, что при достаточном финансировании «контрас» разобьют сандинистов и триумфально войдут в Манагуа без всяких выборов и «прав человека».

¹⁰² Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 309.

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Pardo-Maurer R. *The Contras 1980–1989: a special kind of politics*. New York, 1990. P. 51.

Между тем Рейган под лозунгом борьбы с международным терроризмом в апреле 1986 года отдал приказ ВВС США нанести ракетно-бомбовый удар по столице Ливии Триполи с целью убить лидера этой страны Муаммара Каддафи. Во время налета погибли 17 ливийцев, в том числе и 15-месячная приемная дочь Каддафи. Рейган и здесь нашел «никарагуанский след». «Ливия появится у нашего порога», — пугал он конгрессменов на случай их отказа проголосовать за помощь «контрас»¹⁰⁵.

Однако Никарагуа была не одинока в Латинской Америке, несмотря на все попытки американцев изолировать сандинистов в Западном полушарии. 16 марта 1986 года президент Перу Алан Гарсия заявил, что нападение США на Никарагуа в Лиме расценят как агрессию США против Перу, которая в этом случае прервет дипломатические отношения с Вашингтоном. Президент Аргентины Рауль Альфонсин призвал США применять к странам Латинской Америки те же стандарты демократии, которыми американцы так гордятся у себя дома.

12 апреля 1986 года Даниэль Ортега подтвердил намерение Никарагуа подписать в установленный срок (до 1 июня 1986-го) подготовленный Контадорской группой «Акт мира», если США прекратят агрессию против Никарагуа и если будет достигнут компромисс относительно «переработанных» под давлением Вашингтона статей акта.

Уже 11 апреля показалось, что на горизонте забрезжило долгожданное решение. Специальный посланник США по делам Центральной Америки Филипп Хабиб в письме конгрессмену Слаттери сообщил, что США готовы поддерживать «Документ о целях» Контадорской группы от 1983 года с момента подписания «Акта мира», хотя Штаты юридически и не связаны здесь никакими обязательствами. Многие демократы в конгрессе начали верить, что Рейган и правда готов к политическому урегулированию обстановки в Центральной Америке. Однако администрация немедленно «поправила» Хабиба: США готовы соблюдать условия «Акта мира» не с момента его подписания, а с момента завершения его реализации. Иными словами, Никарагуа предлагалось сначала разоружиться, выслать из страны всех иностранных военных советников, и только после этого США были готовы прекратить помощь «контрас», а также Гондурасу. При этом никарагуанцам пришлось бы полагаться только на честное слово Рейгана, так как ничего подписывать США не собирались.

Американцам стал мешать «контадорский процесс», и они решили торпедировать его через вновь избранного президента Коста-Рики Оскара Ариаса. Ариас фактически отказал Ортеге в праве присутствовать на его инаугурации 8 мая 1986 года под предлогом, что костариканские власти не могут гарантировать безопасность никарагуанского президента¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 309.

¹⁰⁶ Ibid. P. 312.

У Коста-Рики был имидж единственной по-настоящему демократической страны в Центральной Америке, и американцы решили использовать это в своих целях. Ариасу сказали, что он должен требовать от Никарагуа в качестве предварительных условий «демократизации» страны, то есть проведения новых выборов (тем самым выборы 1984 года сандинисты должны были признаны нелегитимными) и начала политического диалога с «контрас».

Ариас должен был разработать с помощью США альтернативный «контрадо-ре» вариант мирного урегулирования в Центральной Америке под лозунгом, что центральноамериканские страны сами договорятся без всяких посредников (то есть без Контадорской группы и «группы поддержки»).

Между тем 16 апреля 1986 года Маккерди и его группа в палате представителей предложили выделить «контрас» 30 миллионов «гуманитарной помощи» при условии начала двусторонних переговоров между Никарагуа и США¹⁰⁷. Это не понравилось администрации Рейгана, и ее сторонники в палате заблокировали законопроект.

Артуру Круса отрядили убеждать депутатов выделить «контрас» 100 миллионов долларов, причем без всяких условий. Но Крус, бывший профессор и плохой оратор, с заданием справлялся плохо. Конгрессмены отмечали, что он и сам плохо представляет, что конкретно происходит в лагерях «контрас» в Гондурасе и какая помощь им, собственно, нужна. Крус пытался лишь подчеркнуть, что он и Робело — «демократы» и сильно отличаются от Бермудеса и бывших национальных гвардейцев.

Приближался срок подписания «Акта мира» (1 июня 1986 года), и в администрации Рейгана сильно нервничали. Выбить из конгрессменов средства для «контрас» в случае согласия Никарагуа с контадорскими предложениями было бы маловероятно.

В мае 1986 года Никарагуа на встрече «контаторы» в Панаме выдвинула новые предложения, с целью разблокировать переговорный процесс. Никарагуанцы предложили концепцию «регионального баланса сил», которая должна была стать основой разоружения всех центральноамериканских стран. В соответствии с этой концепцией каждая страна региона имела бы различную степень разоружения в зависимости от внешних угроз, с которыми она сталкивались. Но Гондурас по инициативе США отверг это предложение и потребовал одинакового уровня разоружения для всех стран региона¹⁰⁸.

24–25 мая была сделана последняя попытка все же подписать «Акт мира» в заранее установленный срок. Президенты стран Центральной Америки встретились в Эскипуласе (Гватемала). На этом саммите Ортега огласил список никарагуанских систем оружия, которые его страна была готова сократить в первую очередь. Например, никарагуанцы были готовы сократить все

¹⁰⁷ *Pardo-Maurer R.* The Contras 1980–1989: a special kind of politics. New York, 1990. P.55.

¹⁰⁸ *Sklar H.* Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P.312.

типы вертолетов, самолетов, артиллерию и танки. Никарагуа опять настаивала на полном прекращении всех военных учений в регионе и выводе всех иностранных военных советников.

Несмотря на сохранявшиеся разногласия относительно верификации процесса разоружения и по вопросу о военных маневрах (Гондурас и Сальвадор были против их немедленного прекращения), все президенты выразили поддержку усилиям Контадорской группы и подписали итоговый документ саммита — Декларацию Эскипуласа¹⁰⁹. Стороны условились развивать региональное сотрудничество и учредить с этой целью Центральноамериканский парламент.

В начале июня 1986 года «контадора» решила продолжить работу над модификацией Акта мира. Американцы могли торжествовать — подписание этого крайне неприятного для них документа было сорвано.

20 июня Никарагуа согласилась подписать измененный вариант Акта мира, что в Вашингтоне презрительно назвали «пропагандистским маневром».

25 июня пропагандистские маневры самого Рейгана увенчались долгожданным успехом. Палата представителей, хотя и незначительным большинством (221 голос против 209), одобрила выделение «контрас» 100 миллионов долларов, 70 миллионов из которых прямо предназначались на военные цели, а 30 — опять на пресловутую «гуманитарную помощь». 3 миллиона долларов планировалось потратить на улучшение положения с «правами человека» в стране «никарагуанского сопротивления». Когда депутата от Луизианы демократа Ремера спросили, почему он голосовал за этот законопроект, тот ответил: «Идеальны ли „контрас“? Конечно, нет. Но и мы тоже не идеальны»¹¹⁰.

Через два дня после этого голосования Международный суд ООН удовлетворил иск Никарагуа и постановил прекратить поддержку «контрас» со стороны США, а также выплатить Никарагуа компенсацию за причиненный ущерб. Но США ссылались на международное право только тогда, когда им это было выгодно. Выполнять решение суда ООН в Вашингтоне не собирались.

Никарагуа тем временем продолжала свое мирное наступление, и Даниэль Ортега 2 августа 1986 года огласил новые инициативы в послании, отправленном им организации известного американского чернокожего политика и проповедника Джесси Джексона. Президент Никарагуа в который раз предложил США подписать двусторонний договор о мире и дружбе и организовать совместное патрулирование общих границ с Гондурасом и Коста-Рикой, чтобы избежать военных инцидентов. Никарагуа призвала также подписать Акт мира до 15 сентября 1986 года. Рейгана пригласили нанести визит в Никарагуа и встретиться с любыми представителями общественности, чтобы составить

¹⁰⁹ Международные отношения в Центральной Америке и Карибском бассейне в 80-х годах. М., 1988. С.91.

¹¹⁰ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P.167.*

личное мнение о положении в стране¹¹¹. Президент США мог бы даже при желании выступить с телевизионным обращением к никарагуанцам.

Но Рейган расценил новые инициативы Никарагуа как признак слабости и дал ЦРУ указание подготовить на 100 миллионов долларов решающее наступление «контрас» против сандинистов.

Контадорская группа и «группа поддержки» из последних сил пытались спасти торпедированный Вашингтоном переговорный процесс в Центральной Америке. 1 октября 1986 года министры «восьмерки» приняли документ с красноречивым названием «Мир все еще возможен в Центральной Америке». В заявлении отмечалось, что «поставлены на карту фундаментальные интересы Латинской Америки»¹¹². «Контадора» попросила Генерального секретаря ООН перуанца Переса де Куэльяра помочь сдвинуть диалог с мертвой точки, и он немедленно согласился.

Никарагуа 28 июля 1986 года подала иск в Международный суд ООН против Гондураса и Коста-Рики, которых справедливо обвиняла в размещении лагерей и баз «контрас» на своей территории. При этом никарагуанцы подчеркнули, что они, как и остальные страны, могли бы выставить предварительные условия для подписания Акта мира, например, вывод из Гондураса и Коста-Рики всех лагерей «контрас», но не будут этого делать, чтобы не затруднять переговорный процесс.

Американцы активно раздували абсурдную шумиху на тот счет, что в напряженности на границах с соседями виновата сама Никарагуа, как будто это сандинисты держали на своей территории лагеря вооруженных до зубов гондурасских и костариканских эмигрантов.

18 ноября 1986 года Генеральные секретари ООН и ОАГ предложили свои услуги по организации мониторинга на границе Никарагуа с Гондурасом. США ответили на это поставкам Гондурасу модернизированных реактивных истребителей Ф-5Е.

Американцы готовили на 1987 год мощное наступление «контрас» с территории Гондураса. Сандинисты знали об этом благодаря своей разведке и решили нанести упредительный удар. В начале декабря 1986 года такой удар был нанесен по выступу Лас-Вегас. Никарагуанцы заявили, что правительство Гондураса утратило контроль над частью своей территории, если по-прежнему отрицает наличие у границы с Никарагуа тысяч вооруженных «контрас». Никарагуа, заявил Ортега, не может нарушить суверенитет Гондураса, так как он уже давно нарушен американскими наемниками в этой стране.

В Гондурасе множились голоса против присутствия «контрас», которые мешали нормальной жизни по обе стороны границы. За время пребывания ни-

¹¹¹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.314.

¹¹² Международные отношения в Центральной Америке и Карибском бассейне в 80-х годах. М., 1988. С.143.

карагуанских «борцов за свободу» в Гондурасе были убиты, ранены, похищены, изнасилованы около 20 тысяч граждан этой страны¹¹³. Вице-президент Гондураса Хайме Розенталь прямо сказал: «Общественное мнение страны настроено против „контрас“. И мы не можем противостоять этому мнению длительное время»¹¹⁴. Позднее гондурасский президент Аскона горько заметил, что «когда-нибудь кто-нибудь составит новую карту Центральной Америки, на которой Гондурас будет изображен всего лишь как страна, где находятся «контрас»¹¹⁵.

Американцы опять перебросили в Гондурас боевые вертолеты, хотя конгресс США запретил американским военнослужащим приближаться более чем на 20 миль к никарагуанской границе. Для руководства операциями в Гондурас лично прибыл глава Южного командования вооруженных сил США (расположенного в зоне Панамского канала) Джон Гэлвин. Но и СССР, и Папа Римский предупредили США об опасных последствиях возможной агрессии против Никарагуа. Папа назвал такое нападение «актом безумия»¹¹⁶.

Под давлением США 7 декабря 1986 года гондурасские боевые самолеты пересекли границу и нанесли удар по никарагуанским военным объектам, в том числе аэропорту Вивили. Были убиты семь и ранены 12 никарагуанских солдат. Пострадали четверо гражданских лиц, включая двоих детей (девочку 12 лет и мальчика шести лет)¹¹⁷. Взлетно-посадочную полосу нападавшие не повредили, а в воронках неподалеку были обнаружены осколки ракет с надписями на английском языке, ясно показывавшие, что они были изготовлены в США. Целью налета были два транспортных вертолета советского производства, но они остались целыми и невредимыми¹¹⁸.

Гондурас заявил, что не причастен к авиаударам по никарагуанской территории. Мол, если ВВС Гондураса и наносят удары, то только по сандинистам на гондурасской же территории. Но, по данным сандинистской разведки, самолеты поднялись с базы ВВС Гондураса в Пальмероле, где фактически на постоянной основе под видом непрерывных маневров размещалась примерно тысяча американских военнослужащих. Три атаковавших Вивили реактивных самолета не имели опознавательных знаков.

Интересно, что западные журналисты обнаружили в Вивили (городке в 16 милях от границы с Гондурасом) полное понимание населением действий США. Жители жаловались на отсутствие питьевой воды, которое вело к диарее среди детей. С помощью гранта ФРГ было решено провести в городе водо-

¹¹³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.317.

¹¹⁴ Ibid.

¹¹⁵ Ibid. P.365.

¹¹⁶ Chan S. J., Williams A. J. *Renegade states: the evolution of revolutionary foreign policy*. Manchester University Press, 1994. P.154.

¹¹⁷ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.315.

¹¹⁸ Nicaraguans Show Craters and Shrapnel. См.: http://articles.latimes.com/1986-12-10/news/mn-2286_1_airstrip.

провод, но «контрас» постоянными нападениями на строителей не дали этой идее осуществиться. Поле того как сандинисты стали преследовать врага и на гондурасской территории, положение жителей Вивили резко улучшилось. Теперь водопровод строился полным ходом, и его должны были ввести в строй в феврале 1987 года. Жители Вивили и окрестных деревень вздохнули спокойно впервые за много лет. Местные крестьяне, больше не боясь за свою жизнь, охотно шли работать в сандинистских органах местного самоуправления. Сбор налогов за счет увеличения урожая кофе вырос в два раза.

Зато «контрас» теперь мешали крестьянам собирать кофе в Гондурасе. Гондурасская ассоциация производителей кофе выступила с призывом убрать «контрас» с территории страны.

После налетов с территории Гондураса Никарагуа объявила в декабре 1986 года частичную мобилизацию резервистов и провела военные учения недалеко от гондурасской границы. Учения должны были пресечь возможную американо-гондурасскую агрессию и были поддержаны Гватемалой, заявившей, что Никарагуа имеет суверенное право на осуществление таких мероприятий по защите национального суверенитета.

Одновременно Никарагуа предложила Гондурасу план демобилизации и репатриации никарагуанских граждан с его территории под контролем ООН. Также сандинисты пригласили ООН, ОАГ и Контадорскую группу пригласить инспекционные комиссии, чтобы установить причину напряженности на никарагуанско-гондурасской границе. «Контадора» откликнулась на это предложение и предложила учредить мирную комиссию в составе «восьмерки» («Контадора» плюс «группа поддержки») и представителей Генерального секретаря ООН и ОАГ.

Но в январе 1987 года с подачи США Коста-Рика, Гондурас и Сальвадор отказались от продолжения переговорного процесса в формате «контадоры», заявив, что единственной проблемой в регионе является «недемократическая» Никарагуа. Президент Гондураса Аскона потребовал проведения в Никарагуа «свободных выборов», без которых якобы немислимо дальнейшее развитие мирных инициатив в регионе¹¹⁹. При этом положение с правами человека и демократическими свободами в Никарагуа было неизмеримо лучше, чем в том же Гондурасе, где фактически правила армия.

Друг США и покровитель «контрас» главнокомандующий гондурасской армии генерал Альварес был снят с поста своими коллегами в марте 1984 года отнюдь не потому, что он поддерживал «контрас», а потому, что хотел заключить военный союз с Сальвадором, к которому гондурасская армия традиционно относилась подозрительно¹²⁰.

¹¹⁹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 316.

¹²⁰ В июле 1969 года между Сальвадором и Гондурасом состоялась так называемая футбольная война, поводом для которой послужил проигрыш сборной Гондураса команде Сальвадора в отборочном матче чемпионата мира. В течение шести дней боевых действий погибли, по разным данным, от 2 до 6 тысяч человек.

После выделения конгрессом США 100 миллионов долларов делами «контрас» вместо любителя Норта опять занялись профессионалы из ЦРУ. Столь громадную сумму даже трудно было их освоить. На эти миллионы можно было приобрести столько оружия и снаряжения, что полевых аэродромов гондурасских ВВС не хватало для их приемки.

В 1985–1986 годах Норт и директор ЦРУ Кейси с ведома Рейгана, но в обход конгресса работали над секретной сделкой с Ираном. С этой страной США формально не имели даже дипломатических отношений, а конгресс ввел в отношении нее полномасштабное экономическое эмбарго. Иран вел начиная с 1980 года войну против Ирака и отчаянно нуждался в современном оружии. Норт предложил через Израиль продать Ирану зенитные и противотанковые ракеты в обмен на помощь в освобождении шести американских заложников, захваченных в плен «Хезболлой» и другими исламскими группировками в Ливане. «Додумав» эту комбинацию, Норт решил часть полученных от Израиля иранских денег направить на помощь «контрас».

Иран колебался. Поэтому директор ЦРУ Кейси тайно встретился в июле 1986 года с министром иностранных дел Ирака Тариком Азизом (которого через 20 лет те же США объявили военным преступником), чтобы уговорить Ирак активизировать налеты на иранскую территорию. Это должно было заставить Тегеран остро почувствовать нужду в американских ракетах. Иракцы согласились, и Норт предвкушал скорую победу.

В том же месяце Норт предложил новому помощнику президента по национальной безопасности Пойндекстеру «продать» ЦРУ все «активы „проекта Демократия“» (ПРОДЕМ, так Норт именовал созданную им нелегальную сеть из «частных лиц» для помощи «контрас»), которые он оценивал в 4,5 миллиона долларов. В их число входили взлетно-посадочная полоса Санта-Елена длиной в 6520 футов в Коста-Рике, шесть самолетов, склады, корабли, запчасти, лодки, арендованные дома и квартиры¹²¹. Норт явно хотел, чтобы его друзья продолжали получать деньги американских налогоплательщиков — теперь уже на законной основе. Но директор ЦРУ Кейси не желал компрометировать свое ведомство связью с праворадикальными и коррумпированными «добровольцами» Норта, которые к тому же явно занимались еще и контрабандой наркотиков (данные на сей счет у ЦРУ были).

Между тем вновь избранный президент Коста-Рики Ариас начал, к неудовольствию Вашингтона, проявлять излишнюю самостоятельность, и в сентябре 1986 года резидент ЦРУ в Коста-Рике Фернандес сообщил о предстоящей пресс-конференции, на которой костариканское правительство намеревалось объявить об обнаружении и закрытии тайной взлетно-посадочной полосы организации Норта.

Норт был в ярости и позвонил Ариасу (по другим данным, это сделал посол США в Сан-Хосе Тамбс). Президенту в грубой форме сказали, что если пресс-

¹²¹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 321.

конференция не будет отменена, то «ноги Ариаса больше не будет в Белом доме» и «он не получит и 5 центов из обещанных США 80 миллионов долларов экономической помощи»¹²². Ариас было отменил пресс-конференцию, но она все же состоялась через три недели, 26 сентября. На ней министр внутренних дел Коста-Рики сказал журналистам, что тайный аэродром использовался не только для оказания помощи «контрас», но и для контрабанды наркотиков.

По иронии судьбы США сами спровоцировали эти разоблачения (тем более что «частная» сеть Норта уже была не нужна) — ведь Ариас готовился выступить со своим мирным планом по Центральной Америке по просьбе Вашингтона, а для этого ему требовался имидж президента нейтральной страны, не вовлеченной в конфликт с Никарагуа.

Но Норт и не подозревал, что пресс-конференция станет первым его шагом на пути в «родную», американскую тюрьму.

Черным днем для Стального Молота стало 5 октября 1986 года. Утром этого дня один из самолетов «проекта Демократия» С-123, как обычно, поднялся с главной базы сальвадорских ВВС в Илопанго и взял курс на северные районы Никарагуа с грузом для отрядов «контрас». На борту были три американца, которые, несмотря на жесткое указание Норта, взяли с собой удостоверения личности. Интересно, но парашютов экипажам «проекта Демократия» не полагалось. Самолет пролетел над Тихим океаном до границы с Коста-Рикой, обходя никарагуанскую ПВО, а оттуда повернул на северо-восток.

В 12:30 самолет обнаружил никарагуанский пост наблюдения в районе города Сан-Карлос, и через пять минут его уже засекли военнослужащие легкого истребительного батальона СНА. 19-летний боец Хосе Фернандо Коралес с первого раза подбил самолет переносным советским ЗРК, за что ему потом была предоставлена честь открытия бейсбольного чемпионата Никарагуа. Двое американцев (ветераны Вьетнама Билл Купер и Уоллес Сойер) погибли, а третьего — Юджина Хазенфуса — никарагуанцы взяли в плен через 20 часов в заброшенной хижине в джунглях. На беду Норта, Хазенфус по личной инициативе прихватил с собой парашют и стал первым американцем, захваченным в плен за все время необъявленной войны США против Никарагуа.

Он уже 7 октября 1986 года появился в Манагуа перед прессой и кратко заявил: «Меня зовут Юджин Хазенфус. Я из города Маринетте, Висконсин. Да, меня взяли в плен вчера в южной части Никарагуа. Спасибо»¹²³. Никарагуанцы нашли в обломках С-123 массу документов и объявили, что этот летательный аппарат — один из пяти самолетов Норта, которые перевозят грузы для «контрас» из Сальвадора. Прессе продемонстрировали позывные пилотов сбитого самолета. Так, правительство США именовалось при радиосвязи «плейбоем», а правительство Сальвадора — «новым имиджем». База ВВС Гондураса Пальме-

¹²² Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 322.

¹²³ Ibid. P. 324.

рола, где располагались склады с оружием, называлась «фруктовым киоском», а автоматы и взрывчатка — соответственно «яблоками» и «грушами».

Норт через американские СМИ пытался представить весь «проект Демократия» инициативой американских частных лиц во главе с отставным генералом Синглаубом, к которому правительство США не имеет никакого отношения. Беда была в том, что о проекте знал и Рейган, а это грозило президенту импичментом, поскольку, как мы помним, в 1984–1986 годах конгресс запретил всем должностным лицам США помогать «контрас». Норт с целью «минимизации ущерба» предложил нанять для Хазенфуса хороших адвокатов, чтобы побудить того молчать. Стальной Молот и не подозревал, что его собственные начальники уже выбрали его, Норта, на роль «козла отпущения».

Хазенфус между тем активно давал показания в Никарагуа, а на вопрос американского журналиста, что бы он хотел передать директору ЦРУ Кейси, ответил: «Я хотел бы, чтобы он сидел сейчас на моем месте»¹²⁴. Хазенфуса приговорили к 30 годам заключения за терроризм, но уже на рождество 1986 года президент Ортега помиловал его и отправил домой в качестве жеста доброй воли по отношению к народу США.

Администрация Рейгана ответила на этот жест доброй воли новой кампанией лжи о Никарагуа в американских СМИ. Когда никарагуанцы принесли к посольству США в Манагуа гробы с двумя погибшими пилотами С-123, их не пустили на территорию, и они были вынуждены оставить гробы у ворот. В Белом доме это назвали жестом презрения «сандино-коммунистов» по отношению ко всем американцам.

США и Сальвадор открестились от «проекта Демократия», а всю ответственность за полеты С-123 послушно взяли на себя «контрас». На специальных слушаниях комитета конгресса по разведке в середине октября 1986 года заместитель госсекретаря Эллиот Абрамс и его коллеги из ЦРУ лгали, что государственные структуры США никак не были причастны к помощи «контрас» в период действия запрета конгресса. Эллиоту не поверил ни один из конгрессменов-демократов, зато предложил свою поддержку будущий вице-президент США при Джордже Буше-младшем Ричард Чейни. Чейни был давним и стойким сторонником наращивания открытой помощи никарагуанским «контрас».

Между тем после инцидента с самолетом С-123 ФБР и таможенное ведомство США стали расследовать деятельность подставной компании Норта и ЦРУ «Сазерн Эйр», которая и занималась переброской оружия в Никарагуа. Норт и его начальник Пойндекстер стали названивать в ФБР и министерство юстиции, требуя прекратить или отложить расследование. Мол, иначе будет поставлено под угрозу освобождение американских заложников на Ближнем Востоке.

¹²⁴ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 327.

2 ноября 1986 года при посредничестве иранцев (и в обмен на поставленное через Израиль американское оружие, о чем никто в конгрессе не знал) был освобожден американский заложник Дэвид Якобсен. Норт поехал в Бейрут, чтобы координировать все шаги на месте. Рейган ликовал, потому что заложника освободили как раз перед важными промежуточными выборами в конгресс и республиканцы могли записать себе в актив всю операцию Норта.

Но уже на следующий день Норт начал превращаться из героя в преступника. 3 ноября 1986 года ливанская газета «Аль Шираа» опубликовала материал о незаконных поставках американского оружия в Иран. В Америке были возмущены не только конгрессмены. О сделке ничего не знали ни министр обороны Уайнбергер, ни госсекретарь Шульц (по крайней мере, они это утверждали). И Шульц, и Уайнбергер в ирано-иракской войне твердо стояли на стороне иракского лидера Саддама Хусейна и считали помощь Ирану противоречащей национальным интересам США на Ближнем Востоке. Администрация Рейгана передала Ираку технологии по производству баллистических ракет среднего радиуса действия (чтобы иракцы могли атаковать Тегеран), а также «ноу-хау» в области химического и даже ядерного оружия¹²⁵.

13 ноября 1986 года в кампанию лжи и сокрытия фактов относительно незаконной сделки «Иран — „контрас“» включился сам Рейган. В выступлении по телевидению он сказал: «Вы читали, видели и слышали за последние несколько дней массу историй, которые связывали... с неназванными представителями моей администрации. Но теперь вы услышите факты из источника в Белом доме, а уж мою-то фамилию вы знаете»¹²⁶. Рейган был вынужден признать, что уже 18 месяцев США ведут с Ираном секретные переговоры с «благородными целями»: освобождение американских заложников, прекращение ирано-иракской войны и восстановление официальных отношений между Вашингтоном и Тегераном. Да, оружие, по словам Рейгана, США в Иран поставляли, но никак не в обмен на заложников, и вообще это были всего лишь мелкие партии «оборонительного оружия», присланные в качестве «жеста доброй воли». Если сложить все эти поставки воедино, утверждал президент, они спокойно уместились бы в одном самолете. Позднее, уличенный во лжи, Рейган оправдывался, что якобы ничего не знал о схеме Норта и тот действовал на свой страх и риск.

На самом деле США поставили в Иран отнюдь не «мелкие партии» оружия. Только 20 августа 1985 года через Израиль были переправлены 96 противотанковых ракет TOW. 14 сентября — еще 408 таких ракет, 24 ноября — 18 ракет ПВО «Хок» (Hawk), 17 и 27 февраля 1986 года — по 500 ракет TOW, 24 мая 1986-го —

¹²⁵ В 2003 году США использовали слухи о разработке Ираком оружия массового поражения для оккупации этой страны. Бывший друг США Саддам Хусейн был повешен в 2006 году — а ведь он много мог рассказать о своих дружеских связях с Вашингтоном в 80-е годы.

¹²⁶ Context of 'October 5, 1986: CIA Transport Plane Shot Down in Nicaragua; Story Reveals Illegal Contra-Arms Program'. См.: <http://www.historycommons.org/context.jsp?item=a100586hasenfus>.

508 TOW и запасные части к ракетным комплексам «Хок». 28 октября — 500 ракет TOW¹²⁷.

Президент США врал своим соотечественникам, отрицая связь поставок оружия с освобождением заложников. Согласно записям министра обороны Уайнбергера от декабря 1985 года, на одном из совещаний по Ирану президент сказал, что может отвести обвинения в незаконности поставок оружия, но не сможет оправдаться, если не освободит заложников.

Из 16,5 миллиона долларов, полученных от продажи оружия Ирану, примерно 3,5 миллиона были направлены на помощь «контрас».

25 ноября 1986 года Норт, по его собственным словам, с ужасом понял, что ему уготована роль козла отпущения и даже политического преступника¹²⁸. Он начал уничтожать официальные документы СНБ и Белого дома. Позднее Норт оправдывался перед следственным комитетом конгресса, что, уничтожая официальные документы (на что он не имел никакого права), лишь хотел исключить риск для частных лиц, вовлеченных в «проект Демократия».

На следующий день заместитель госсекретаря Эллиот Абрамс и его коллега из ЦРУ Алан Фаейрс в очередной раз солгали комитету конгресса по разведке. Дескать, ни они лично, ни ЦРУ, ни СНБ никак не участвовали в помощи «контрас» со стороны «американских частных лиц и организацией», хотя и знали о такой помощи. Но ведь помощь частных лиц «контрас» конгресс не запрещал. Абрамс лгал даже по поводу помощи «контрас» со стороны третьих стран (он и об этом «ничего не знал»), хотя сам вместе с Нортом организовал такую помощь из Брунея на сумму 10 миллионов долларов.

Конгресс образовал специальный комитет по расследованию скандала «Иран — „контрас“», и вскоре СМИ вычислили Норта как главного «героя» этой незаконной сделки. Рейган, чтобы вырвать у конгресса инициативу, сам назначил 25 ноября «беспристрастную комиссию» по расследованию скандала во главе с сенатором Тауэром.

26 февраля 1987 года комиссия Тауэра, опросив 80 свидетелей (включая Рейгана), представила свой доклад на 200 страницах. В нем раскрывалась причастность к незаконной сделке Норта, его начальника Пойндекстера и министра обороны США Уайнбергера. Зато был «оправдан» сам Рейган, который якобы ничего не знал ни об истинных масштабах поставок оружия Ирану (отнюдь не «мелких»), ни о переводе части иранских денег «контрас». Рейгана лишь пожурили за то, что он плохо контролировал работу аппарата СНБ.

18 ноября 1987 года свой доклад опубликовал следственный комитет конгресса, который тоже не смог установить, что именно знал Рейган об афере «Иран — „контрас“». Но намек на причастность президента в докладе комитета конгресса был весьма прозрачным: «Если президент и не знал, чем занимаются его советники по национальной безопасности, то он должен был знать

¹²⁷ Iran–Contra affair. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Iran%E2%80%93Contra_affair.

¹²⁸ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 342.

об этом». Именно на президенте, подчеркнул комитет, лежит конечная ответственность за работу его аппарата, который явно и намеренно нарушал законы США и вводил конгресс в заблуждение.

Рейган отделался критикой за «халатность» только потому, что Норт смог вовремя уничтожить компрометировавшие президента документы.

4 марта 1987 года молчавший три месяца Рейган был вынужден опять обратиться к телезрителям. Он извинился за долгое молчание, которое было вызвано якобы всего лишь желанием установить полную истину. «Несколько месяцев тому назад я сказал американскому народу, что я не торговал оружием в обмен на заложников. Мое сердце и мои добрые намерения до сих пор говорят мне, что это правда, но факты и доказательства говорят мне, что это не так. По сведениям комиссии Тауэра, то, что начиналось как стратегическое сближение с Ираном, выродилось при осуществлении в обмен оружия на заложников. А это противоречит моим убеждениям, политике администрации, и стратегии, которую мы первоначально задумали»¹²⁹. Таким образом, Рейган возложил всю ответственность за незаконную сделку на «исполнителей», то есть Норта.

Скандал стоил Рейгану самого стремительного падения рейтинга доверия в истории всех американских президентов: в ноябре 1986 года этот рейтинг, по данным совместного опроса «Нью-Йорк Таймс и Си-Би-Эс», упал с 67 до 46%.

Но Норт и Пойндекстер пострадали гораздо больше. Норта судили в марте 1988 года по 16 пунктам обвинения, однако жюри присяжных, явно не без содействия администрации Рейгана, признало его виновным только по трем незначительным пунктам (незаконное принятие подарков, помощь в препятствовании расследованию конгресса и уничтожение документов). Норту дали три года условно и приговорили к выплате штрафа в размере 150 тысяч долларов и 1200 часам общественно-полезных работ.

Норта выпустили из тюрьмы досрочно, так как конгресс при слушаниях по делу «Иран — „контрас“» якобы нарушил его права на хранение молчания (так называемая пятая поправка к конституции США). Пойндекстера осудили в 1990 году по серьезным статьям, например, ложь конгрессу и противодействие работе правоохранительных органов. Но и его выпустили на том же основании, что и Норта.

Норт стал идолом американских ультраправых и опубликовал мемуары с красноречивым названием «Под огнем» (потом он издал еще несколько книг).

В книге «Американские герои», вышедшей в 2008 году, Норт решительно осуждал международный терроризм, хотя сам занимался им в отношении Никарагуа, работая в СНБ.

Тем не менее Норту в Америке сочувствовали, так как было ясно, что он прикрыл собой Рейгана. В 1994 году Норт баллотировался от республиканцев в сенат в Вирджинии (в этом штате живет особенно много ветеранов амери-

¹²⁹ Iran–Contra affair. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Iran%E2%80%93Contra_affair.

канской армии), но проиграл выборы с разрывом всего в 3% голосов действующему сенатору-демократу, зятю бывшего президента США Линдона Джонсона. На свою кампанию Норт собрал самую большую сумму в истории выборов в сенат — примерно 20 миллионов долларов.

Затем он вел ток-шоу на радио и был желанным гостем на многих телепередачах.

Если Рейган хотя бы неуклюже извинился перед американцами за незаконные контакты с Ираном, то в том, что касалось Никарагуа, президент США был неумолим. В своем ежегодном обращении к конгрессу о положении нации в 1987 году Рейган заявил, что Никарагуа ставит под угрозу существование доктрины Монро и помешать ей в этом могут только «мужественные контрасты». «Никарагуанские борцы за свободу никогда не просили нас сражаться за них, но я буду бороться против любых попыток прервать их снабжение и обречь их на смерть, поражение или жизнь без свободы. Не должно быть советского плацдарма в Центральной Америке... В случае с Никарагуа мы говорим о месте, которое очень далеко от Советского Союза, очень близко от наших границ и имеет западную культуру»¹³⁰.

Пока конгресс США расследовал аферу «Иран — „контрас“» (которую по аналогии с уотергейтским скандалом времен Никсона назвали «Ирангейт»), ЦРУ с конца 1986 года готовило решающее наступление «контрас» на Никарагуа.

Вернув себе легальное руководство «проектом Демократия», первым делом ЦРУ занялось модернизацией системы связи «контрас». Раньше они пользовались шифром, в котором одна буква алфавита замещалась той или иной цифрой. Шифровка и дешифровка радиogramм занимала много времени, и шифры приходилось часто менять, так как США при помощи советских и восточногерманских специалистов-криптографов научилась быстро отгадывать комбинации «контрас». Теперь американцы снабдили своих наемников новейшими компьютерными устройствами, которые автоматически и с большой скоростью шифровали и дешифровывали все сообщения. Машина сама постоянно меняла шифр, и разгадать его было очень трудно.

На базе ВВС Гондураса Агуакате специалисты ЦРУ построили суперсовременный центр сбора и обработки информации. Из центра осуществлялась координация ночных полетов, во время которых отрядам «контрас» в Никарагуа сбрасывались боеприпасы и снаряжение.

Второй по важности проблемой, которую решило ЦРУ, было оснащение «контрас» переносными ЗРК «Redeye» и обучение бандитов обращению с этими 14-килограммовыми ракетами для борьбы против грозных советских вертолетов МИ-24.

ЦРУ решило впервые перебросить целые контингенты «контрас» в США, где их должны были тренировать на базах американской армии и сил спецназ-

¹³⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 365.

начения. Причем основной упор помимо военно-технической и тактической подготовки предполагалось сделать на политической стороне партизанской борьбы. «Контрас» следовало научить бороться не только оружием, но и методами убеждения, чтобы они наконец-то смогли перетянуть на свою сторону хотя бы некоторые слои никарагуанского общества.

Американские инструкторы, например, призывали учиться у сальвадорских повстанцев и рисовать в городах на стенах политические лозунги трудно смываемой краской. В Майами на деньги конгресса было основано «Радио Либерасьон» («Радио Освобождения»), которое вещало на Никарагуа через передатчик в Сальвадоре¹³¹.

Командиров «контрас» учили читать карты, быстро перегруппировывать силы, различать на местности замаскированные артиллерийские позиции. Американские инструкторы (среди которых было много ветеранов вьетнамской войны) обычно не называли своих имен. Курсанты-«контрас» должны были именовать их по кличкам типа Ящерица, Скорпион, Тигр и т.д. Американцы-инструкторы тоже не знали имен своих подопечных.

Скандалом закончились попытки американцам привить «контрас» хотя бы видимость соблюдения прав человека и уважительного отношения к пленным и гражданскому населению. На одном из занятий инструкторы показали командирам «контрас» фотоснимки Воля. Они не знали, что среди курсантов сидит командир Мак, который и приказал убить запечатленного на снимках старика. Когда американцы начали доказывать, что убивать крестьян плохо, хотя бы потому, что это снижает популярность самих «контрас» среди населения, Мак взорвался, и его поддержали все командиры, которые занимались тем же самым, но были достаточно умны, чтобы обходиться без фотографов.

Мак с пеной у рта доказывал, что если бы не убили этого крестьянина, он сообщил бы сандинистам местонахождение отряда и это привело бы к большим потерям. И вообще, «война есть война, а на ней убивают». Американцы пытались протестовать хотя бы против садистского способа умерщвления людей, но никакого диалога все равно не получилось. Бывшие национальные гвардейцы Сомосы просто не могли воевать по-другому — от пыток и мучения других они получали истинное наслаждение. Мак, на ходу меняя версию, сказал, что старика убили сами сандинисты, переодетшиеся в «контрас»¹³². Правда, он не смог внятно объяснить, как в расположении сандинистов оказался американец-антикоммунист Воль.

«Контрас» даже пожаловались на «мягкотелых» инструкторов своим кураторами из ЦРУ, и инструкторам пришлось оправдываться, говоря, что они никак не хотели своим уроком «прав человека» обидеть никарагуанских «борцов за свободу». Цикл нравоучительных бесед, который курировал госдепартамент, вскоре отменили, так как, по мнению ЦРУ, это снижало боеспособность «контрас».

¹³¹ Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 169.

¹³² Ibid. P. 172.

Решающее наступление 1987 года с территории Гондураса готовил новый резидент ЦРУ в этой стране Джеймс Адкинс. В 1966 году студент Адкинс был принят на службу в ЦРУ и следующие два года провел в Юго-Восточной Азии. Его перебросили на север Лаоса, где он был офицером связи и советником при антикоммунистической повстанческой армии Ванг Пао. Два года Адкинс жил в хижине, питаясь рисом и насекомыми. После возвращения в Лэнгли в 1970 году признанного эксперта по партизанской борьбе Адкинса направили в отдел ЦРУ Западного полушария. Под дипломатическим прикрытием он работал в Доминиканской республике (1971–1973 годы), а затем в столице Чили Сантьяго (1976–1978 годы). Потом Адкинс стал резидентом ЦРУ в Гайане, где как раз в то время произошло массовое самоубийство американцев из секты «Народный храм». ЦРУ вело активную подрывную деятельность против прогрессивного гайанского правительства, взявшего курс на строительство «кооперативного социализма».

В 1981 году Адкинс был в Боливии, где произошел военный переворот.

В Гондурас в конце 1985 года Адкинс прибыл с крайним нежеланием, которое полностью разделяла его жена. У нового резидента не сложились отношения с гондурасской армией, которая пыталась побудить его закупать оружие и боеприпасы только у одной фирмы, тесно связанной с гондурасской армейской верхушкой. Во время беседы с командующим гондурасской армией генералом Умберто Регаладо по вопросу закупок вспыльчивый и резкий Адкинс заорал на собеседника: «Не пытайтесь вешать на меня это дешевое дерьмо!»¹³³ Генерал сказал коллеге Адкинса из ЦРУ, что еще одно «такое представление», и Адкинс «вылетит» из Гондураса.

К тому же Адкинс сразу же стал подозревать «контрас» и гондурасских военных в контрабанде наркотиков в США.

Адкинс отказался от услуг любительских «ВВС» Норта и организовал новый центр снабжения «контрас» на заброшенном гондурасском острове Сван в Карибском море, в 119 милях от побережья. ЦРУ было фактическим хозяином Свана еще с 60-х годов — в 1961 году там находился радиопередатчик, вещавший против Кубы. Оно построило на острове всепогодную взлетно-посадочную полосу длиной 3500 футов и оборудованный современной погрузочной техникой контейнерный терминал. Судами из США (штатов Техас и Флорида) на остров доставлялись контейнеры с оружием, боеприпасами и иным снаряжением, и примерно 130 «контрас» разгружали их¹³⁴.

Адкинс нанял белых пилотов-наемников из бывшей Южной Родезии (ставшей в 1980 году независимым государством Зимбабве), и они сбрасывали грузы над никарагуанской территорией. Расисты-родезийцы считали людьми низшей расы и самих «контрас» (среди которых было много индейцев) и не об-

¹³³ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 176.*

¹³⁴ *Ibid. P. 177.*

щались с ними. Они предпочитали летать отдыхать на Каймановы острова, где пополняли запасы виски.

Появление у «контрас» самого современного оружия и массы добротного продовольствия, а также новой «шикарной» камуфляжной формы опять заставило некоторых крестьян в Никарагуа качнуться в их сторону. Многие решили, что раз уж США выделили такие деньги, то они не отступят, пока не свалят сандинистов. А в этом случае следовало заранее встать на сторону будущих хозяев страны.

Но вот в Гондурасе отношение к «контрас» все время ухудшалось. После того как сандинисты артогнем выдавили «контрас» из выступа Лас-Вегас, те обосновались в Ямалесе. Этот район даже стали называть «новой Никарагуа». Гондурасцы там чувствовали себя чужими на своей собственной земле. Командование гондурасской армии, напуганное возможным военным противостоянием с закаленной в боях СНА, требовало от Бермудеса перенести главный штаб и лагерь «контрас» на территорию самой Никарагуа.

Кураторы из ЦРУ приказали Бермудесу перевести «стратегическое командование» и вспомогательные службы (включая «тюрьму») в местечко Сан-Андрес-де-Бокай в 50 милях к северо-востоку от Ямалеса, находившееся у слияния пограничных рек Бокай и Коко, на поросшем джунглями гондурасском берегу. Бермудесу идея крайне не понравилась, так как от новой «ставки» было далеко до любимых баров Тегусигальпы. Да и с комфортом там было неважно — вместо домов с кондиционерами предстояло жить в палатках, вокруг которых вились тучи злобных тропических moskitov. Зато ЦРУ могло утверждать, что штаб «контрас» находится «почти» на никарагуанской территории. К тому же в Никарагуа никаких дорог из глубины страны к этому затерянному в лесах местечку просто не существовало.

Весной 1987 года десятки грузовиков за несколько недель перевезли «штаб» на новое место (Бермудес предпочел проделать трудный путь на вертолете). Но, к счастью «главкома», сандинисты не собирались терпеть «контрас» в Сан-Андрес-де-Бокай. В мае 1987 года 36 транспортных вертолетов перебросили к местечку около трех тысяч бойцов СНА. Через несколько дней упорных боев «контрас» пришлось отойти из своей новой «ставки».

Бермудес был рад такому развитию событий и разбил свой новый штаб на базе гондурасских ВВС Агуакате. Оттуда он со своими друзьями из бывшей национальной гвардии летал на уикенд в бары гондурасской столицы.

В феврале 1987 года ЦРУ пришлось срочно провести очередной «ребрендинг» «контрас», так как ушел в отставку из-за разногласий с Бермудесом и его кликой Артуро Крус — «лицо» «борцов за свободу». УНО переименовали в «Никарагуанское сопротивление», а в руководство старой-новой организации ввели людей, которые должны были представлять не себя лично, а определенные «политические тенденции». Калеро остался в руководстве, но теперь уже представлял никарагуанскую консервативную партию. Аристидес Санчес

в Майами был олицетворением сомосовской либеральной партии, главный редактор «Ла Пренсы» Педро Хоакин Чаморро-младший — созданной им самим Социал-демократической партии. Чтобы найти представителя Социал-христианской партии, ЦРУ побудило к эмиграции Асусену Ферри, которая проживала в Манагуа.

Американская разведка и госдепартамент очень хотели, чтобы в руководство «сопротивления» вошел 36-летний Альфредо Сесар, бывший глава Центрального банка Никарагуа при сандинистах. Сесар был хорошим оратором, знал английский и пользовался уважением в американских деловых кругах¹³⁵. Теперь он вместо Круса должен был «обрабатывать» конгресс США.

ЦРУ платило на содержание «политического руководства Никарагуанского сопротивления» огромную сумму — миллион долларов в месяц. Каждый из пяти членов руководства получал по 15 тысяч долларов ежемесячно, якобы на содержание своих политических партий¹³⁶. Но некоторые из этих партий были крайне малочисленными или вообще виртуальными. Поэтому члены руководства «сопротивления» себя не обижали — Асусена Ферри, например, купила себе на деньги ЦРУ дорогую норковую шубу.

ЦРУ видело в новом руководстве «сопротивления» зародыш правительства Никарагуа в эмиграции. Штаб-квартира «Никарагуанского сопротивления» находилась в Майами. «Контрас» сняли на деньги ЦРУ офисы в Мадриде, Каракасе, Мехико, Гватемале, Тегусигальпе, Сан-Сальвадоре и Сан-Хосе.

Однако «ребрендинг» ничего не изменил в структуре реального военного командования «контрас» в Гондурасе, где по-прежнему заправлял Бермудес и его друзья из национальной гвардии Сомосы.

В декабре 1986 года ЦРУ закончило оснащение и подготовку «контрас», и примерно 4 тысячи «борцов за свободу» просочились на территорию Никарагуа. Их задачей был полный подрыв никарагуанской экономики. При этом следовало избегать боев с частями регулярной армии. «Контрас» минировали дороги, взрывали мосты и линии электропередач, разрушали заводы и сельхозкооперативы. Они действовали мелкими отрядами и без явной координации друг с другом, попросту уничтожая все, что только можно, в радиусе своего действия.

В мае 1987-го с помощью американских ЗРК «контрас» сбили первый транспортный вертолет МИ-17, а в течение года подбили или уничтожили почти половину авиапарка США. К лету 1987-го ЦРУ считало, что на территории Никарагуа воюют 12–14 тысяч «контрас», хотя эти данные Бермудеса были явными преувеличением.

¹³⁵ Сесар подал в отставку с поста главы нацбанка в 1982 году и с тех пор жил в эмиграции в Коста-Рике. В 1991–1993 годах был председателем парламента Никарагуа. В 1996 году безуспешно баллотировался на пост президента.

¹³⁶ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P.215.*

Если в январе – марте 1987 года «контрас» атаковали в основном только гражданские объекты, то с апреля они стали устраивать засады на небольшие армейские конвои, базы снабжения СНА и крупные сельхозкооперативы, члены которых были одновременно бойцами милиции.

По данным штаба «контрас», с января по 30 июня 1987 года «борцы за свободу» убили 2938 сандинистов и ранили примерно 3,5 тысячи¹³⁷. Данные самих сандинистов были совсем другими — правительственные войска признали потерю 800 убитых и 70 пропавших без вести и заявили, что уничтожили или пленили около 2700 «контрас». В любом случае еще никогда в Никарагуа не было боев такой степени интенсивности. Страна буквально истекала кровью и теряла громадные средства в результате запланированной ЦРУ «войны на истощение».

В своем выступлении 19 июля 1987 года по случаю очередной годовщины Сандинистской революции президент Никарагуа Даниэль Ортега признал, что новое наступление «контрас» при поддержке США приведет до конца года к общему ущербу для Никарагуа в размере 3,6 миллиарда долларов. Правительство Никарагуа было вынуждено тратить на военные нужды 46,3% бюджета, в то время как администрация Рейгана запросила у конгресса уже 150 миллионов долларов для «контрас»¹³⁸. 100 миллионов долларов были выделены на период до осени 1987 года.

В июле 1987 года «контрас» сменили тактику: отныне они крупными отрядами в несколько сотен человек пытались овладеть какими-нибудь, пусть и небольшими городами. Например, 16 июля примерно 400 «контрас» на рассвете атаковали городок Сан-Хосе-де-Бокай. Однако в пятичасовом сражении примерно 120 защитников города отбили нападение, и «борцам за свободу» удалось сжечь всего лишь несколько домов на окраинах. Американские корреспонденты сообщили о возмущении крестьян, у которых «контрас» сожгли склады с зерном и убили корову.

Начиная с осени 1986 года американцы держали сандинистов в постоянном напряжении мощными военными маневрами вблизи границ Никарагуа. В начале ноября главная ударная сила американской военной машины — 82-я воздушно-десантная дивизия (примерно 14 тысяч бойцов) и приданные ей вспомогательные части отрабатывали на базе Форт-Брэгг масштабные операции в Центральной Америке в ходе учений «Маркет Сквэр» («Рыночная площадь»). По сценарию учений, надо было защитить миролюбивую страну «Сан-Лоренсо» (Гондурас) от агрессии со стороны «Макапы» (Никарагуа) и «Ла Пальмеры» (Куба). 82-я дивизия имитировала воздушный десант против «Ма-

¹³⁷ Rowley S.H. Sandinistas Unfazed By Enemy's «Little» War. См.: http://articles.chicagotribune.com/1987-08-02/news/8702260216_1_ricardo-wheelock-sandinista-contra.

¹³⁸ Ibid. См.: http://articles.chicagotribune.com/1987-08-02/news/8702260216_1_ricardo-wheelock-sandinista-contra.

капы» а истребители Ф-16 бомбили наземные цели в «Макапе» и «Ла Пальмере». «Макапа» была захвачена доблестными американскими десантниками, и ее регулярная армия перешла к партизанской войне.

Примечательно, что менее чем через месяц сценарий «Рыночной площади» практически полностью повторился на никарагуанско-гондурасской границе, когда США обвинили Никарагуа в агрессии против Гондураса.

В апреле – мае 1987 года уже 50 тысяч солдат и офицеров вооруженных сил США и Гондураса участвовали в месячных маневрах «Солид Шилд» («Надежный щит»). Отрабатывались одновременные операции всех родов войск против Кубы и Никарагуа. Например, американцы готовились быстро эвакуировать свою военную базу на Кубе в Гуантанамо, так как предполагали, что кубинцы могут нанести по ней удар в ответ на агрессию США против Никарагуа¹³⁹. Один из американских офицеров прямо сказал прессе, что цель учений — «пригрозить Никарагуа большой дубинкой».

Учения проходили не только в Гондурасе (где в них участвовали 7 тысяч американских и 3 тысячи гондурасских военнослужащих), но и в самих США, на острове Пуэрто-Рико и на мелких островах Карибского моря. В десанте с моря и воздуха на побережье Гондураса участвовали примерно 5 тысяч американских спецназовцев.

Конечно, главная цель учений была в моральной и материальной поддержке «контрас», дела у которых не слишком ладились, несмотря на самые современные вооружение и средства связи.

Корреспонденты американского журнала «Ньюсуик» сопровождали группу «контрас» численностью в 150 человек (среди которых был и боец по кличке Рональд Рейган) во время ее рейда на никарагуанскую территорию. Американцы отметили, что «контрас» были снабжены очень точными снимками никарагуанских военных и гражданских объектов, на которых различались даже туалеты. Снабжали «контрас» с вертолета, имевшего опознавательные знаки Красного Креста.

Никакого улучшения положения с «правами человека» корреспонденты у «контрас» не обнаружили. Те по-прежнему отнимали у крестьян еду, а некоторых из них заставляли идти впереди отряда, чтобы таким образом «разминировать тропу».

Для контраста корреспонденты повоевали и вместе с батальоном сандинистов. Они отметили, что если «контрас» стремились от боев уклоняться, то сандинисты имели высокий боевой дух и рвались в бой. При этом батальон состоял из призывников, многие из которых, по их словам, уже 15 месяцев не видели мощеных дорог и не пили прохладительных напитков. Но эти лишения никак не сказывались на боевых качествах части. Местные крестьяне отмечали, что сандинисты, в отличие от «контрас», их не обижают. «Мы никогда

¹³⁹ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 368.

не видели, чтобы сандинисты принуждали крестьян шагать впереди их отряда», — писали впоследствии американцы¹⁴⁰.

Но Рейгана не интересовали сообщения СМИ о слабых успехах «контрас» в завоевании симпатий никарагуанского населения. Президент США на это заметил: «Некоторые говорят мне, что народ в этой стране равнодушно относится к борцам за свободу. Но я не думаю, что это правда. Чем больше людей узнают о сандинистах-коммунистах, тем больше они поддерживают борцов за свободу»¹⁴¹.

Между тем люди Бермудеса в мае 1987 года обнаружили причину своих неудач — разветвленную «шпионскую сеть» сандинистов в лагерях «контрас». Оказывается, агенты сандинистов были везде, даже среди секретарш Бермудеса. Шпионы были виноваты даже в том, что один из раненых «контрас» умер в госпитале от передозировки пенициллина.

На самом деле в лагерях в Гондурасе были арестованы десятки ни в чем не повинных людей, которых били и пытали; женщин, как водится, насиловали. Например, на базе Агуакате вместе с двумя десятками прочих подозреваемых был арестован 21-летний механик вертолетов Рохелио Сентено Чаваррия. «Контрас» «допрашивали» его в Центре военной полиции «контрас» в Ямалесе. Смысл допросов был в том, чтобы заставить Чаваррию признаться во всем, чего от него хотели. Его подвешивали за запястья, надевали на голову резиновый колпак и жестоко били. Время от времени «агента сандинистов» прижигали сигаретами и пытались задушить¹⁴². В течение 36 дней «допросов» Чаваррию и прочих «шпионов» кормили горстями риса и бобов, которые им швыряли на земляной пол.

Йорлин Марию Убеду, симпатичную светловолосую молодую женщину (ей было 19 лет) тоже обвинили в «шпионаже». Ее били, душили резиновым пончо и насиловали прямо на «допросах». Причем никаких особых сведений от нее получить и не пытались. Наконец, после месяцев побоев и пыток «трибунал» из трех бывших национальных гвардейцев «приговорил» Убеду к одному году заключения за «шпионаж». Таких «шпионок», как Убеда, в тюрьмах «контрас» были десятки, в том числе и одна из бывших секретарш Бермудеса, которая, видимо, наскучила своему шефу.

Арестованных били по половым органам, животу, но только не по лицу, чтобы общественность не увидела нарушений прав человека.

При «допросах» присутствовали агенты ЦРУ. Всего в мае 1987 года в тюрьме «контрас» томились 110 пленных и «шпионов». В августе 1987-го (после подписания мирного договора по Центральной Америке) гондурасские власти заставили Бермудеса ликвидировать тюрьму и отпустить всех заключенных

¹⁴⁰ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 373.

¹⁴¹ Ibid. P. 374.

¹⁴² Dillon S. *Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels*. New York, 1991. P. 192.

в присутствии СМИ и общественности. Бкрмудес срочно приказал разделить узников на две группы. 70 заключенных, у которых не было явных следов побоев, отпустили в сентябре 1987 года через Коста-Рику. Остальных, которых предъявить прессе было нельзя, перевели в секретную тюрьму, куда журналистов не пускали. Там людей держали до декабря 1988 года.

Между тем план американцев по использованию костариканского президента Ариаса для торпедирования «контадорского процесса» начал давать сбои. В Вашингтоне хотели, чтобы Ариас собрал президентов центральноамериканских стран (за исключением Никарагуа) в Сан-Хосе 14–15 февраля 1987 года — для подписания некоего документа, требовавшего только от Никарагуа демократизации и диалога с «контрас». В случае отказа Никарагуа от навязанной ей капитуляции следовало заклеить сандинистов как единственное препятствие на пути мира в Центральной Америке и ввести против страны экономические санкции.

У Рейгана появился бы предлог потребовать у конгресса еще денег на помощь «контрас».

В Сан-Хосе приняли декларацию «Время для мира», но Ариас столкнулся с сопротивлением Сальвадора и Гондураса. Те не хотели брать на себя никаких обязательств по диалогу с внутренней оппозицией и не соглашались на прекращение иностранной (то есть американской) военной помощи. К тому же Ариас предложил провести выборы во всех странах Центральной Америки в соответствии с их национальными законами в установленные этими законами сроки. Это означало признание выборов 1984 года в Никарагуа легитимными.

А Никарагуа, к неудовольствию Вашингтона, изъявила готовность участвовать в следующем центральноамериканском саммите на основе «плана Ариаса».

17 июня 1987 года Ариаса пригласили в Вашингтон, где с ним вел переговоры лично Рейган в присутствии вице-президента Буша, помощника президента по национальной безопасности Карлуччи, руководства госдепартамента. Редко кого из иностранных гостей в Вашингтоне «обрабатывали» в столь представительном составе. Рейган изложил позицию США предельно четко — сандинисты должны в одностороннем порядке «демократизировать» Никарагуа, прежде чем США прекратят помощь «контрас»¹⁴³. Ариас стоял на своем, и логика его была прямо противоположной: «Я не думаю, что „контрас“ — этот ответ. Я думаю, что „контрас“ являются главным предлогом сандинистов для ликвидации индивидуальных прав и свобод. Я предлагаю избавиться от „контрас“, и тогда у них (сандинистов) больше не будет этого предлога. Верно, что они не могут стать плюралистическим обществом во время войны»¹⁴⁴.

Рейган все-таки попытался сорвать подписание мирного договора, и 5 августа 1987 года США презентовали так называемый план Райта — Рейгана (Джим

¹⁴³ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 375.

¹⁴⁴ Ibid.

Райт был спикером палаты представителей конгресса). Американцы требовали от сандинистов прекращения огня против «контрас», после чего они соглашались прекратить военную помощь бандитам, но никак не «гуманитарную». К тому же от Никарагуа требовали провести новые выборы «задолго» до официальной даты, то есть задолго до ноября 1990 года.

План был настоящим ультиматумом — Никарагуа пытались вынудить дать согласие до 30 сентября 1987 года. Это было не случайно — в этот день в США кончалось выделенное в 1986 году финансирование «контрас», и если бы Никарагуа отвергла американский диктат (на что и рассчитывал Рейган), то у конгресса появился бы желанный предлог для выделения новой суммы.

Однако центральноамериканские страны, которых Рейган считал не более чем марионетками США, неожиданно проявили самостоятельность. 7 августа 1987 года их президенты на совещании в Гватемале (город Эскипулас) подписали на основании «плана Ариаса» документ «Меры по установлению прочного и длительного мира в Центральной Америке». Все намеченные в документе меры подлежали одновременному исполнению во всех странах региона. Таким образом, попытка навязать Никарагуа некие предварительные условия полностью провалилась.

Согласно документу иностранная военная помощь всем партизанским антиправительственным группировкам во всех странах должна была быть прекращена. Правительствам предписывалось начать диалог со всеми невооруженными группами оппозиции и объявить амнистию вооруженным оппонентам, которых в случае их согласия на амнистию тоже следовало включить в политический диалог. Все страны должны были начать «истинный» процесс движения в сторону демократического плюралистического общества.

Для контроля над соблюдением положений документа была создана комиссия по верификации в составе министров иностранных дел пяти центральноамериканских стран, стран Контадорской группы и «группы поддержки», а также генеральных секретарей ООН и ОАГ. Президенты пяти стран Центральной Америки договорились встретиться через пять месяцев, чтобы обсудить ход выполнения соглашения.

СССР, Куба и другие социалистические страны приветствовали гватемальские договоренности.

Спикеру американской палаты представителей Райту пришлось сделать хорошую мину при плохой игре и поддержать договоренности пяти президентов. Но администрация Рейгана отнюдь не собиралась прекращать помощь «контрас». Теперь ее именовали «гарантией» соблюдения сандинистами подписанного договора. Мол, если приостановить поддержку «никарагуанского сопротивления», то сандинисты, освобожденные от военного давления, сразу же прекратят придерживаться «духа Эскипуласа».

Из администрации Рейгана была организована утечка в СМИ информации о том, что президент намерен до истечения срока своих полномочий (начало

1989 года) выделить «контрас» в общей сложности 270 миллионов долларов. Рейган говорил своим помощникам и соратникам, что не намерен оставлять «проблему Никарагуа» своему преемнику.

Рейган прямо заявил, что «договор Эскипуласа» «фатально неверен» и никто не должен сомневаться в приверженности США делу «контрас»¹⁴⁵.

25 августа 1987 года Никарагуа первой из стран региона приступила к имплементации гватемальских договоренностей — была создана комиссия по национальному примирению. Главой этого органа стал яркий критик сандинистов архиепископ Обандо-и-Браво, что доказывало истинную независимость комиссии от властей. В отличие от Никарагуа, в Сальвадоре, например, никакой независимой комиссии создано не было. Там в нее вошли только сторонники правящей военной хунты.

Между тем Никарагуа продолжала двигаться по пути национального примирения. В сентябре 1987 года был отменен закон, позволявший конфисковывать собственность всех, кто отсутствовал в стране более шести месяцев. Была отменена цензура в отношении «Ла Пренсы» (хотя ее главный редактор Педро Хоакин Чаморро входил в состав высшего руководства «контрас»). Из тюрем по амнистии стали выпускать «контрас». Причем амнистия в Никарагуа действовала задолго до гватемальских соглашений — в отношении индейцев-мискито с декабря 1983 года, в отношении остальных «контрас» — с 1985-го. С декабря 1983-го по июль 1987 года по амнистии сложили оружие 3494 «контрас». В этот же период на родину вернулись (в большинстве из Гондураса) 6120 беженцев¹⁴⁶.

В госдепартаменте назвали все эти меры Никарагуа по национальному примирению «косметическими жестами».

Тем не менее с августа по декабрь 1987 года в среднем по 600 «контрас» каждый месяц складывали оружие и возвращались к мирной жизни. Среди них был и командующий южным фронтом Фернандо Чаморро (Эль Negro), снова присоединившийся к легальной оппозиционной консервативной партии.

В апреле 1987 года 220 избранных делегатов от индейских общин атлантического побережья обсудили и одобрили автономный статут для региона, и 2 сентября того же года он был утвержден никарагуанским парламентом. Москития была разделена на два автономных региона — северный и южный, в которых проживали 640 тысяч человек. Принятая в 1987 году конституция Никарагуа (статья 8) впервые признала многонациональный характер страны и официальный статус языков коренного населения наряду с испанским языком (статья 11). В статье 89 признавалось право на общинное землевладение, чем было удовлетворено главное требование индейцев. В автономных регионах были свои бюджеты, которые формировались по согласованию с центральным правительством.

¹⁴⁵ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P.377.

¹⁴⁶ Ibid. P.378.

Американцы любой ценой пытались сохранить боевые отряды индейцев-мискито и в июне 1987 года образовали при содействии ЦРУ новую организацию «индейского сопротивления» — «Ятама» («Выходцы из матери-земли» на языке мискито). ЦРУ предложило 14 лидерам организации месячную зарплату в 3 тысячи долларов, если они присоединятся к «контрас» и продолжат вооруженную борьбу. В отличие от прежней антиправительственной организации мискито (МИСУРА, с частью которой сандинисты подписали мирное соглашение еще в 1985 году), у «Ятамы» не было единого лидера. Скорее это был совет полевых командиров. Скоординированных крупных военных акций организация проводить уже не могла, тем более что многие командиры «Ятамы» негативно относились к прежнему эмигрантскому руководству индейцев-мискито, в которое входил, например, агент ЦРУ и садист Стедман Фагот.

Если раньше индейцы-мискито формально боролись против правительства под лозунгом признания прав индейских общин на землю, то после учреждения автономии это требование было фактически выполнено. Тогда с подачи ЦРУ «Ятама» стала требовать признания прав на землю не для отдельных общин, а для всего народа индейцев. Практически это означало бы отделение атлантического побережья от Никарагуа.

Надо отметить, что 75% населения атлантического региона оставляли отнюдь не индейцы, а метисы, говорившие по-испански. Только 17,75% были индейцами-мискито, 2,95% — креолами (то есть белыми)¹⁴⁷.

«Ятама» периодически вступала в переговоры с правительством, требуя от него различных уступок материального характера, например, выплаты коренным народам Москитии компенсации за разработку на их землях месторождений полезных ископаемых и за лесозаготовки.

В октябре 1987 года большой отряд «Ятамы» численностью 400 человек подписал с правительством мирный договор. Его командир Уриэль Ванегас заявил, что не хочет больше иметь дело с лидерами «контрас», которые продали «индейское дело» за несколько долларов и автоматов. В ответ на это непримиримые «контрас»-мискито при помощи ЦРУ разработали план покушения на трех священников моравской церкви и протестантских миссионеров (Джона Пола Лерераха, Ульриха Эперляйна и Энди Шогрина), которые выступали посредниками на переговорах индейцев-мискито с правительством. За убийство трех человек «Никарагуанское сопротивление» было готово заплатить 50 тысяч долларов.

Тем временем, в атлантическом регионе к началу 1988 года в 90% населенных пунктах были созданы комиссии по примирению и автономии, которые занимались репатриацией беженцев и основными задачами местного самоуправления. В конце января 1988 года лидер «Ятамы» Бруклин Ривера во главе делегации из девяти человек отправился в Никарагуа на переговоры с сандинистами.

¹⁴⁷ См.: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/info-ngos/mrginicaragua39wg.pdf>.

Развитие обстановки в Москитии не устраивало ни ЦРУ, ни «штаб» Бермудса, который каждый день терял десятки бойцов по амнистии сандинистов. К тому же следовало лишний раз убедить конгресс США, что никакого перемирия в Никарагуа нет.

21 сентября 1987 года Рейган обратился к Генеральной Ассамблее ООН, в том числе, к делегации Никарагуа в зале заседаний: «Сандинистской делегации здесь сегодня я говорю: ваш народ знает истинную природу вашего режима... Поймите: ни мы, ни международное сообщество не согласимся с липовой „демократизацией“, которая предназначена для того, чтобы замаскировать сохранение диктатуры»¹⁴⁸.

Однако США явно теряли союзников в пропагандистской войне против Никарагуа. На следующий день президент Коста-Рики Ариас призвал американцев с той же трибуны, что и Рейган, дать миру в Центральной Америке шанс и прекратить военную помощь всем странам региона: «Мы хотим взять судьбы нашего региона в собственные руки»¹⁴⁹. В октябре 1987 года Ариасу была присуждена Нобелевская премия мира.

Когда к Генеральной Ассамблее ООН обратился президент Никарагуа Ортега, американская делегация в «знак протеста» покинула зал. Ортега прокомментировал это следующим образом: «У некоторых болят уши, когда они слышат правду. Они совершили против нас агрессию и убили наших граждан, но теперь они расстраиваются, когда им говорят правду». Ортега призвал США к прямым переговорам с Никарагуа и выразил надежду, что Рейган не поступит, как его делегация в ООН. Но посол США в ООН Уолтерс назвал речь Ортеги «революционной болтовней, а относительно демарша своей делегации добавил: «...я не желаю терпеть, чтобы площадка ООН использовалась для нападков на мою страну и нашего президента»¹⁵⁰.

Сам Рейган тоже не унимался. 7 октября 1987 года он заявил на саммите ОАГ: «Торжественно клянусь: пока я дышу, я буду стремиться словом и делом помогать никарагуанским борцам за свободу»¹⁵¹. В качестве предлога для продолжения помощи «контрас» вопреки мирному договору Эскипуласа Рейган называл стремление заставить сандинистов с помощью военного давления «контрас» выполнять этот договор. Американцы не собирались прекращать помощь до тех пор, пока «контрас» не станут ключевой политической силой в Никарагуа.

Сандинисты же, в отличие от американцев, открытых дискуссий с идеологическим противником не боялись. 10 октября 1987 года Джин Киркпатрик, бывший посол США при ООН и истовый враг сандинистов (в ее честь даже была названа одна из группировок «контрас»), выступила в Манагуа перед

¹⁴⁸ Sklar H. Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988. P. 379.

¹⁴⁹ Ibid.

¹⁵⁰ Ibid. P. 380.

¹⁵¹ Ibid. P. 379.

никарагуанцами, которых отобрало американское посольство. Примерно в этот же период США отказали во въездной визе министру внутренних дел Никарагуа Томасу Борхе.

5 ноября 1987 года истекал 90-дневный срок, уставленный договором Эскипуласа для его выполнения всеми странами-участницами. В этот же день Никарагуа заявила, что согласна через посредников провести переговоры с «контрас», чтобы заключить соглашение о прекращении огня. До этого сандинисты хотели говорить на эту тему только с представителями США, что было логично — ведь именно американцы полностью контролировали и направляли «Никарагуанское сопротивление». Никарагуанцы также объявили о готовности выпустить из тюрем 985 политических заключенных и отменить чрезвычайное положение, как только будет прекращена зарубежная помощь «контрас».

Американцы выступили с фантастическими обвинениями: якобы в тюрьмах Никарагуа содержатся более 10 тысяч политзаключенных, и поэтому освобождение 985 из них — всего лишь незначительный символический жест. Но, по данным американских правозащитных организаций, из 8 тысяч лиц, отбывавших наказание в Никарагуа, только 3700 можно было причислить к «политическим», причем 2200 из них являлись бывшими национальными гвардейцами.

На очередные уступки Никарагуа США отреагировали в привычной для них манере. 5 ноября 1987 года конгресс выделил «контрас» 3,2 миллиона долларов на период до начала 1988 года.

13 ноября Никарагуа выступила с планом прекращения огня при посредничестве фактического главы никарагуанской католической церкви и активного противника сандинистов Обандо-и-Браво. Согласно этому плану никарагуанская армия объявляла о прекращении огня в определенных районах, где «контрас» должны были под контролем посредников к концу ноября 1987 года сдать оружие. После этого бывшие повстанцы получали право свободно участвовать в политической жизни страны.

Но США такое развитие событий решительно не устраивало.

Для демонстрации силы своих подопечных американцы решили провести руками «контрас» новое генеральное наступление, на сей раз в Москитии. Целью был захват (и, по возможности, удержание) основных центров горнодобывающей промышленности — Сиуны, Бонансы и Роситы (примерно в 160 милях к северо-востоку от Манагуа и в 100 милях к югу от главной базы «контрас» Агуакате в Гондурасе).

Предприятия трех городков давали в никарагуанский бюджет до 23 миллионов долларов ежегодно. В Сиуне был центр радарного слежения, организованный советскими специалистами, который тоже предполагалось уничтожить. Из этого центра сандинисты отслеживали все полеты из Гондураса самолетов, снабжавших отряды «контрас» в Никарагуа. К тому же наступление должно было сорвать процесс примирения индейцев-мискито с правительством.

Наконец, наступление было приурочено к очередному голосованию в конгрессе относительно помощи «контрас». Конгрессменов следовало убедить в том, что никакого мира в Никарагуа нет.

План наступления был разработан резидентурой ЦРУ в Тегусигальпе, и Бермудесу предложили лишь его утвердить. Согласно плану отдельные группировки «контрас» сначала должны были провести отвлекающие атаки в разных местах, чтобы сковать части США. Затем более трех тысяч «контрас» одновременно быстрой атакой захватывали три города.

Никогда еще ЦРУ не привлекало к наступлению такого количества сил. Все командиры атаковавших частей получили детальные фотографии со спутников и самолетов-шпионов, на которых точно были изображены все объекты, которые предполагалось захватить или уничтожить.

После заключения мирного договора в Эскипуласе в сентябре — ноябре 1987 года «контрас» усилили атаки по всей территории Никарагуа, чтобы отвлечь внимание сандинистов от истинной цели своего предстоящего наступления. По данным министерства обороны Никарагуа, лишь с 5 сентября по 5 октября 1987 года США и милиция участвовали в 481 бое против «контрас» — это было на 150 боев больше, чем за предыдущий месяц. «Контрас» провели 55 акций против гражданского населения, в том числе 11 атак против сельхозкооперативов и населенных пунктов и 16 актов саботажа против объектов экономической инфраструктуры. Американцы за этот же месяц провели над территорией Никарагуа 14 разведывательных полетов и 58 раз сбрасывали с самолетов боеприпасы, оружие и снаряжение для отрядов «контрас»¹⁵².

Как всегда, у «Никарагуанского сопротивления» плохо обстояло дело с соблюдением прав человека. За период 5 сентября — 5 октября 1987 года от рук бандитов погибли 22 мирных жителя, 40 были ранены, а 34 — похищены.

7 октября 1987 года правительство Никарагуа объявило одностороннее прекращение огня в трех районах боевых действий. «Контрас» ответили на это атакой на четыре населенных пункта в районе города Хуигальпа в центре страны. Были убиты 20 бойцов армии и милиции.

Так, 21 ноября 1987 года в два часа ночи отряд бандитов под командованием некоего «Уолтера» атаковал сельхозкооператив недалеко от местечка Сан-Мигелито, который обороняли примерно 40 милиционеров и резервистов. При этом шрапнелью была ранена беременная 20-летняя Люсия Секейра Кампос, а ее 14-месячной дочери обожгло колено. Бой продолжался до шести часов утра и в нем погибли 11 мирных жителей (включая пятерых детей). Еще 29 были ранены. Американская правозащитная организация «Америкас Уотч» потребовала от лидера «контрас» Калеро объяснений, но так их и не дождалась¹⁵³.

¹⁵² Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 380.

¹⁵³ Rone J. *Human rights in Nicaragua: August 1987 — August 1988*. An Americas Watch Report. New York, Washington, 1988. P. 149.

Каждый день с начала ноября 1987 года на остров Сван из США прибывали партии оружия, снаряжения и боеприпасов. В середине ноября примерно две тысячи «контрас» начали скрытное выдвижение к объектам атаки из центральных районов Никарагуа, а тысяча — с территории Гондураса. Все главные командиры тактических группировок впервые участвовали в скоординированном нападении. Американцы заставили отправиться в поход даже Мака, который не был в Никарагуа несколько лет¹⁵⁴. Для соблюдения абсолютной секретности марша всем отрядам было запрещено пользоваться полевыми рациями.

Для отвода глаз «контрас» выступили 1 декабря 1987 года со своим «альтернативным» планом прекращения огня. Никарагуанской армии предлагалось покинуть больше половины территории страны, которая фактически переходила под контроль самих «контрас». Правительство в Манагуа в это время должно было провести «демократизацию», в которую «контрас» включали, например, роспуск всех сельхозкооперативов. Фактически этот план означал бы исполнение давнишних желаний «контрас» и их американских хозяев — превращение части территории Никарагуа в «освобожденную зону». Но, в отличие от сальвадорских левых партизан, «контрас» за всю войну так и не смогли «освободить» и удержать продолжительное время ни одной пяди никарагуанской территории.

Неудивительно, что правительство отвергло этот «план», означавший, по сути, капитуляцию США, которая не проиграла «контрас» ни одного крупного боя.

Тем не менее никарагуанское правительство было готово к переговорам, и они начались через посредников 3 декабря 1987 года в Доминиканской республике. Между тем сенат США 12 декабря проголосовал за выделение «контрас» 16 миллионов долларов «невоенной помощи» на период до февраля 1988 года.

Но переговоры служили «контрас» лишь прикрытием для сосредоточения сил. К концу третьей недели декабря 1987 года группировки «контрас» впервые вышли на связь с главной базой в Агуакате, сообщили, что достигли исходных пунктов для атаки и запросили организацию снабжения с воздуха.

В воскресенье 20 декабря на рассвете тысячи «контрас» одновременно атаковали все три города.

Бойцы группировки командира Ригоберто ворвались в город Сиуна с населением в 10 тысяч человек. Было захвачено два военных склада и местный полевой аэродром. Недалеко от города бандиты захватили и подорвали построенный советскими специалистами комплекс РЛС. Была взорвана и цистерна с горючим. Местным жителям бандиты предложили разграбить склад с консервированными продуктами, а остатки еды сожгли¹⁵⁵.

Примерно в 20 милях к северу от Сиуны группировка командира Ренато захватила город Бонанса, включая взлетно-посадочную полосу. Бандиты унич-

¹⁵⁴ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P.206.*

¹⁵⁵ *Ibid.*

тожили местную гидроэнергетическую электростанцию, которая питала горнодобывающие рудники. Были разграблены дома чехословацких инженеров, которые остались в живых только потому, что в это время находились в рождественском отпуске на родине.

В Росите группировка командира Фернандо столкнулась с ожесточенным сопротивлением и так и не смогла полностью овладеть городом. Уже в боях за окраины были убиты около 30 «контрас». Фернандо пришлось отдать приказ прекратить наступление. Бандиты взорвали два моста на единственной дороге, связывавшей центры горнодобывающей промышленности с атлантическим побережьем.

Американцы были довольны ходом наступления и решили извлечь из него максимальный пропагандистский эффект. Они решили перебросить вертолетами в Сиуну или Бонансу группу американских журналистов. Бермудес должен был встретить их, убедить в том, что теперь его главный штаб наконец-то находится на «освобожденной» никарагуанской территории, и на правах хозяина угостить гамбургерами на главной улице города. Напуганному Бермудесу кураторы из ЦРУ без обиняков сказали: «...теперь нам нужны настоящие герои».

21 декабря 1987 года пресс-служба «контрас» начала собирать группу журналистов для полета в Никарагуа. Но когда репортеры прибыли в аэропорт Тонконтин в Гондурасе, им пришлось ждать там несколько часов. Наконец их погрузили в американский вертолет и доставили на базу ВВС Агуакате.

Однако к тому времени в район боев уже были переброшены подкрепления США, и бандитов начали быстро вышибать из Сиуны и Бонансы. В понедельник Сиуна была уже снова под контролем правительственных войск.

ЦРУ пришлось срочно поменять план пропагандистской акции. Теперь Бермудес должен был встретиться с журналистами уже на базе Сан-Андрес, на никарагуанско-гондурасской границе. Никакого отношения к наступлению эта база не имела, но ЦРУ был нужен «боевой» антураж в виде палаток и джунглей.

Бермудес, одетый в полевую форму (он, как и журналисты, прилетел в Сан-Андрес на американском вертолете) разъяснил репортерам, что они находятся на территории «стратегического командования» «Никарагуанского сопротивления». Главком «контрас» обещал журналистам полет в Сиуну, но вылет все откладывался, и Бермудес потчевал гостей разного рода историями и анекдотами. Они же удивлялись, что в разгар «решающего наступления» верховный главнокомандующий не отдает никаких распоряжений, а просто убивает время в компании прессы¹⁵⁶.

Утром во вторник 22 декабря 1987 года преисполненный важности Бермудес сообщил журналистам, что отдал своим войскам приказ отступить. Мол, сильный удар нанесен, и все цели операции выполнены. Позволив сфотогра-

¹⁵⁶ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 209.*

фировать себя над военными картами, он предложил журналистам вернуться обратно в Тегусигальпу.

Бермудес признал, что нападение на Сиуну, Роситу и Бонансу произошло за день до начала очередного раунда непрямых мирных переговоров между сандинистами и «контрас» в Санто-Доминго (которые были сорваны), но уверял, что это — чистая случайность. Атака-де была сначала запланирована на ноябрь, но потребовала больше времени для подготовки.

По данным Бермудеса, его «армия» уничтожила около сотни бойцов Сандинистской народной армии. Министерство обороны Никарагуа признало потерю 23 военнослужащих, 53 гражданских лиц и 24 «контрас»¹⁵⁷.

Но наступление «контрас» было рассчитано главным образом на то, чтобы впечатлить американский конгресс. В день начала боев, 20 декабря 1987 года, конгресс согласился выделить «контрас» 8,1 миллиона долларов до февраля 1988 года и предусмотрел выделение еще 8,8 миллиона в случае необходимости. Рейган предупредил, что наложит вето на весь бюджетный законопроект, если он не будет содержать средств на «Никарагуанское сопротивление». 3,6 миллиона предполагалось потратить на еду, одежду и медикаменты, 4,5 миллиона — на их транспортировку в Гондурас. Помимо этого министерству обороны разрешили предоставить ЦРУ в целях передачи «контрас» современное электронное оборудование для радиоэлектронной борьбы против никарагуанских РЛС и ракет «земля-воздух»¹⁵⁸.

15 января 1988 года главы центральноамериканских государств встретились, чтобы обсудить ход выполнения положений договора от августа 1987 года. Американская дипломатия приложила много усилий, чтобы участники саммита осудили Никарагуа, хотя именно эта страна, в отличие от Сальвадора или Гватемалы, действительно последовательно выполняла свои обязательства по договору. Кое-чего США добились — несмотря на возражения Никарагуа, было решено распустить международную комиссию по верификации договора, так как она критиковала Сальвадор и Гондурас за игнорирование договора Эскипулас. Досталось от комиссии и США: «Несмотря на призывы президентов центральноамериканских стран, правительство Соединенных Штатов Америки продолжало на практике проводить политику оказания помощи, в частности военной, повстанческим силам, действующим против правительства Никарагуа. Решительное прекращение такой помощи продолжает оставаться неотъемлемой предпосылкой для успеха мирных усилий...»¹⁵⁹ США обвинили международную комиссию в предвзятости, хотя она на 90% состояла из представителей латиноамериканских государств, а отнюдь не социалистических стран.

¹⁵⁷ Ring W. *Contras Withdraw After Push*. См.: http://articles.chicagotribune.com/1987-12-23/news/8704050269_1_enrique-bermudez-contra-officials-siuna.

¹⁵⁸ Sklar H. *Washington's War on Nicaragua*. Boston, South End Press, 1988. P. 385.

¹⁵⁹ Ibid. P. 386.

Игнорируя призывы стран Центральной Америки, администрация Рейгана запросила у конгресса 36 миллионов долларов на финансирование «контрас», из которых 32,65 миллиона были «гуманитарной помощью», хотя среди «гуманитарных грузов» имелись вертолеты и джипы. Военная помощь в размере 3,6 миллиона долларов должна была быть выделена в марте 1988 года, когда Рейган планировал обвинить сандинистов в срыве процесса национального примирения в Никарагуа. Всего на период с 1 марта по 30 июня 1988 года Рейган просил ассигновать на «контрас» примерно 60 миллионов долларов.

Для того чтобы выбить из конгресса еще больше средств, ЦРУ решило срочно захватить еще один никарагуанский город. Выбор пал на Хуигальпу, столицу департамента Чонталес. Самолеты ЦРУ начали активно сбрасывать боеприпасы группировке «контрас» в окрестностях города. Один из самолетов типа ДС-6 был сбит никарагуанской ПВО. Сандинисты упредили «контрас» и начали теснить бандитов вокруг Хуигальпы. «Борцы за свободу» смогли лишь обстрелять город из минометов 20 января 1988 года.

Несмотря на мирный договор от 7 августа 1987 года в Эскипуласе, «контрас» продолжали свои бесчинства против гражданского населения. Например, 7 января 1988 года они атаковали сельхозкооператив «Хуан Сантьяго Талено» в департаменте Эстели. Снаряд бандитов ударил в кирпичное здание, которое в кооперативе использовали в качестве спальни для детей (именно потому, что оно было из кирпича). Были сразу убиты две девочки, двенадцатилетняя и трехлетняя. 11 мужчин, защитников кооператива, схватили автоматы и начали отстреливаться¹⁶⁰. Атака была отбита.

Декабрьские атаки на Сиуну, Бонансу и Роситу, которые ЦРУ охарактеризовало как самое успешное «наступление» «контрас» за всю войну, не произвели особого впечатления на конгресс США. Депутаты были заняты расследованием скандала «Иран — „контрас“», хотя Ирану при этом уделялось неизмеримо больше внимания.

К тому же «контрас» приходилось все же как-то учитывать соглашение августа 1987 года в Эскипуласе. С декабря 1987 года делегации сандинистов и «Никарагуанского сопротивления» вели непрямые переговоры в Санто-Доминго, находясь в разных отелях. Сандинистов представляли видный американский юрист Пол Рейчлер и один из лидеров Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Ханс-Юрген Вишневски. После атаки на Бонансу, Сиуну и Роситу «контрас» прервали контакты, требуя присутствия на переговорах представителя правительства Никарагуа.

¹⁶⁰ Мужчины были призваны в армию, но по собственному выбору решили служить в сельхозкооперативе, выращивавшем картофель. Сандинисты практиковали сочетание обязательной армейской службы с мирным трудом — помимо всего прочего, это помогало экономить скудные бюджетные средства, которые и так в 1987 году шли в основном на войну. Бойцы-кооператоры жили вместе со своими семьями.

Заместитель министра иностранных дел Никарагуа Виктор Уго Тиноко заметил, что «контрас» просто ищут предлог для срыва переговоров (ранее они согласились на контакты через посредников), так как в конгрессе США предстоит голосование по вопросу выделения им финансовой помощи.

В январе 1988 года обе стороны впервые встретились напрямую в столице Коста-Рики Сан-Хосе.

Администрацию Рейгана все эти мирные инициативы не интересовали, и президент предложил конгрессу выделить «контрас» 36 миллионов долларов военной помощи на четыре месяца. Но на этот раз он даже не смог представить внятного обоснования, и 3 февраля 1988 года палата представителей отвергла законопроект администрации Рейгана, хотя и незначительным большинством в 219 против 211 голосов¹⁶¹. На следующий день, правда, сенат одобрил финансирование для «контрас», но этот жест был символическим — по бюджетной процедуре главной в этом вопросе была нижняя палата конгресса.

Голосование в конгрессе окончательно деморализовало воинство Бермудеса, и группировки «контрас» без всякого приказа начали возвращаться из Никарагуа обратно в Гондурас. Одни командиры открыто обвиняли Бермудеса в некомпетентности, другие не хотели заключать с сандинистами никакого мирного соглашения. Инструкторы из ЦРУ тоже потихоньку паковали чемоданы и уезжали из Гондураса. После голосования в конгрессе в отставку подал главный куратор «контрас» в Лэнгли Алан Файерс, который с 1984 года возглавлял специальную группу ЦРУ по Центральной Америке (Central American Task Force). После разоблачения конгрессом аферы «Иран — „контрас“» в декабре 1987 года Файерсу объявили выговор, и он был обижен, что из него, как и из Норта, сделали козла отпущения.

На встрече междведомственной группы по Никарагуа Файерс сказал заместителю госсекретаря Эллиоту Абрамсу: «Настало время нам (то есть ЦРУ) выбираться из этого, нужна свежая кровь». Через несколько дней в Майами, на встрече с руководством обескураженного «Никарагуанского сопротивления» Фаейрс (которого «контрас» знали как «Клиффа») разрыдался и сквозь слезы причитал, как он привязался к «контрас» за эти годы. Мол, даже дома, жаря барбекю, он думал только о «контрас»¹⁶². Бермудес, Калеро, Аристидес Санчес и прочие главари «контрас» теперь со всей ясностью осознали, что их дело окончательно проиграно.

Опеку над «контрас», переименованными теперь в «беженцев», взяли на себя государственный департамент и Агентство США по экономической помощи иностранным государствам.

На встрече с руководством «контрас» в офисе неподалеку от аэропорта Майами посол по особым поручениям Моррис Басби в присутствии других высоко-

¹⁶¹ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P.210.*

¹⁶² *Ibid. P.212.*

поставленных дипломатов и представителя ЦРУ Джона Маллета прямо сказал, что денег от США больше не будет.

Правда, примерно 200 морских контейнеров с оружием, боеприпасами и продовольствием все еще находились на острове Сван, и их хватило бы на месяцы вооруженной борьбы. Но ЦРУ имело полномочия перебрасывать эти грузы по воздуху только до конца февраля 1988 года. Таким образом, «контрас» теперь не могли воспользоваться огромными и уже оплаченными американской казной запасами, поскольку собственных самолетов у них не было.

ЦРУ посоветовало Бермудесу доставлять с острова грузы на катерах в Гондурас, а потом на руках и мулах на территорию Никарагуа. Бермудес был возмущен: «Мы вам не китайцы!» (Он намекал на печальную участь китайских грузчиков-кули — мол, «контрас» — бойцы, а не носильщики.) ЦРУ все же вывезло самолетами припасы со Свана, сбрасывая их на парашютах над базой Сан-Андрес.

Между тем гондурасская армия тоже решила поживиться за счет брошенных американцами «контрас», и ее офицеры попытались захватить на острове Сван переносные ЗРК «Redeye». Однако офицеры ЦРУ помешали «экспроприации», заявив, что ЗРК — собственность правительства США.

29 февраля 1988 года «воздушный мост» ЦРУ с острова Сван завершил свою работу. Американцы сбросили над Сан-Андресом три тысячи тонн различных грузов.

За воздушным мостом внимательно следили сандинисты, увидевшие в атаке на пограничный Сан-Андрес уникальный шанс лишить «контрас» всех средств борьбы всего одной атакой. В начале марта 1988 года местность вокруг Сан-Андрес стали осторожно прощупывать разведроты СНА, а авиация начала обрабатывать базу с воздуха. Затем шесть батальонов (примерно 4,5 тысячи человек) СНА атаковали базу «контрас» на берегу пограничной реки. Бермудес приказал перебросить для отражения атаки 1,5 тысячи «контрас», но сам предпочел улететь на вертолете в безопасную Тегусигальпу. 16 марта сандинисты захватили базу, и деморализованные «контрас» в беспорядке отступили вглубь Гондураса¹⁶⁵.

От полного разгрома «борцов за свободу» спас другой самозванный «контра» — Рональд Рейган. Он приказал срочно перебросить 3200 американских солдат и офицеров из 82-й воздушно-десантной дивизии и 7-й пехотной дивизии на базу ВВС Гондураса в Пальмеролу для отражения «никарагуанской агрессии». 17 марта 1988 года президент Никарагуа Ортега объявил о выводе никарагуанских войск из района боев.

Через четыре дня после разгрома базы Сан-Андрес «контрас» пришлось начать мирные переговоры с сандинистами в местечке Сапоа на юге Никарагуа.

Никарагуа продолжала исполнять решения встречи в Эскипуласе. В январе 1988 года были отменены чрезвычайные трибуналы, судившие «контрас» и их

¹⁶⁵ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P.214.*

пособников (они могли выносить приговоры на срок до 30 лет тюремного заключения). Теперь эти дела передавались судам общей юрисдикции, и осужденные могли жаловаться в вышестоящие инстанции вплоть до Верховного суда.

Если «контрас» стояли в начале 1988 года на грани полного распада, то и экономика Никарагуа находилась на грани коллапса. Необъявленная война США против Никарагуа и экономическое эмбарго, введенное Вашингтоном в мае 1985 года, нанесли стране в 1980–1988 годах ущерб на гигантскую сумму 17,8 миллиарда долларов¹⁶⁴. К 1987 году на войну шло 62% бюджета и 30% всего ВВП страны. Уже в 1983 году фискальный дефицит в стране достиг 30% ВВП.

После победы СФНО на выборах 1984 года Национальное руководство фронта вместе с группой профессиональных экономистов (в том числе зарубежных) стало разрабатывать новый курс в экономической политике. Мнения разделились.

Министерство планирования считало, что надо продолжать курс на централизацию и усиление государственного регулирования экономики. Специалисты министерства абсолютно верно считали, что многие экономические проблемы Никарагуа вызваны именно переходным состоянием экономики. Например, государство контролировало кредит, но не контролировало частных производителей, которые этот кредит получали. Соответственно, никак нельзя было предвидеть, на какие конкретно цели будут израсходованы средства государственной банковской системы, которые к тому же предоставлялись производителям по льготным ставкам (они к 1984 году стали негативными). Дешевый кредит, предназначенный для расширения производства, во многих случаях вел только к неэффективному хозяйствованию (причем как в частном, так в государственном секторе).

Государственные банки в 1987 году получили назад лишь 8% от реальной стоимости выданных ими кредитов¹⁶⁵.

Для того чтобы не допускать роста цен на критически важные импортные товары (например, удобрения и запчасти для сельхозтехники), правительство держало курс кордобы на абсурдно завышенном уровне по отношению к доллару. А это, в свою очередь, мешало экспорту или заставляло государство субсидировать курс. Все эти меры вели к росту денежной массы в стране.

Государство не контролировало производство основных товаров народного потребления и поэтому никак не могло полностью контролировать оптовые и розничные цены, несмотря на прямые запреты частным торговцам продавать населению некоторые товары повседневного спроса.

При этом правительство продолжало крайне неохотно повышать заработную плату, считая, что это ведет к необеспеченному покупательскому спросу и разгоняет рост цен.

¹⁶⁴ *Spalding R.J. Capitalists and Revolution in Nicaragua. Opposition and Accomodation 1979–1993. University of North Carolina Press, 1994. P. 98.*

¹⁶⁵ *Ibid. P. 99.*

Получалось, что народная революция принесла больше всего экономической выгоды спекулянтам, а также средним и крупным частным сельхозпроизводителям. В то же время социальная опора сандинистов — рабочие, служащие и кооперированное крестьянство — несли на себе все тяготы переходной экономики. Если первые страдали от низкой зарплаты и спекулянтов, вздувавших цены на товары повседневного спроса, то кооператоры были вынуждены продавать государству свою продукцию по низким ценам, что ставило их в неравное конкурентное положение по отношению к частным производителям.

Несмотря на дешевые кредиты всем сельскохозяйственным производителям, война не позволяла нарастить производство продуктов для экспорта и внутреннего потребления. Если в 1974–1978 годах в среднем под экспортные культуры была занята площадь 455 000 мансан, то в 1980–1984 годах — 361 000 мансан, а в 1985–1988 годах — всего 268 000. Производство важнейшей экспортной культуры — хлопка составляло в 1987–1988 годах только 27% дореволюционного уровня. Кофе собирали в 1987–1988 годах на 25% меньше, чем в среднем до революции.

Все это вело к падению экспортной выручки, причем как раз в то время, когда США фактически отрезали Никарагуа от всех кредитов международных финансовых организаций и западных стран. В 1984 году экспорт составил 384 миллиона долларов, в 1986-м — всего 247 миллионов, затем поднялся в 1987-м до 300 миллионов долларов, но только для того, чтобы в 1989 году снова снизиться до 290 миллионов. При этом в 1978 году Никарагуа экспортировала товаров на 646 миллионов долларов.

Почти каждый год дефицит платежного баланса во внешней торговле достигал 500–600 миллионов долларов.

Несмотря на помощь социалистических стран, Никарагуа уже не могла обслуживать свой реструктурированный внешний долг западным банкам. К концу 1985 года страна не смогла заплатить кредиторам причитающиеся им проценты на сумму в 959 миллионов долларов. Из роста общей суммы внешнего долга на 837 миллионов долларов в 1986 году 548 миллионов приходилось на непогашенные прежние обязательства¹⁶⁶.

Подготовленный министерством планирования в октябре 1984 года план на 1985 год был самокритичным и признавал допущенные в экономической политике ошибки¹⁶⁷. В плане говорилось, что потребление основных товаров населением из-за их недостатка в торговле упало до уровня, который угрожает всем социальным завоеваниям революции. Кстати, эта самокритика, возможно, была несколько преувеличена. После революции 1979 года потребление населением основных продуктов питания резко выросло. Люди сравнивали свое благополучие уже не с временами диктатуры, а с первыми годами народной власти.

¹⁶⁶ Ryan Rh. *The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua*. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 163.

¹⁶⁷ Ibid.

В плане признавалось, что низкие закупочные цены не являются хорошим стимулом для производителей, особенно кооперативов.

Министерство планирования предлагало создать, наконец, единый механизм руководства экономикой и прекратить местничество отдельных министерств и ведомств, часто провозглашавших и реализовывавших диаметрально противоположные экономические цели.

В политическом смысле план призвал сделать упор на удовлетворение нужд широких народных масс, а не буржуазии.

Но именно этого-то и не хотело большинство Национального руководства СФНО по политическим соображениям. В условиях давления США и постоянной пропаганды на тему «тоталитарности» сандинистского режима сами сандинисты хотели во что бы то ни стало сохранить концепцию смешанной экономики и старались избегать жестких мер, направленных против частного капитала.

Военная обстановка начиная с 1983 года требовала введения обычных суровых мер военной экономики (централизованное и нормированное распределение скудных ресурсов, чтобы финансировать вооруженные силы), но сандинисты всеми силами старались поддержать в повседневной жизни людей иллюзию нормальности. Возможно, это было верно психологически, однако для экономической базы государства становилось по мере расширения военных действий непосильной ношей.

В поддержку точки зрения министерства планирования относительно необходимости дальнейшей централизации в Национальном руководстве СФНО твердо выступали только сам министр планирования Руис и Томас Борхе.

Напротив, братья Ортега после победы Даниэля Ортеги на президентских выборах при поддержке более либерально настроенных экономистов решили сделать упор на рыночные методы экономического регулирования. Министерство планирования было вообще упразднено и преобразовано в Секретариат планирования и бюджетной политики. Этот секретариат должен был разрабатывать основы экономической политики для Национального совета планирования («экономический совет»), в который вошли все министры экономического блока. Казалось, что одна из рекомендаций упраздненного министерства по централизации управления экономикой все-таки была выполнена.

В феврале 1985 года группа советников, которых в основном собирал Ортега (Дионисио Маренко¹⁶⁸, Эмилио Бальтодано, Орландо Нуньес и другие), представила свои соображения по реформированию экономики. В отличие от рекомендаций упраздненного министерства планирования (из которого, кстати, после преобразования его в секретариат ушли многие специалисты), эти экономисты предлагали приблизить цены и валютный курс к реалиям никарагуанской экономики. А эти реалии, с их точки зрения, диктовали повышение розничных цен и девальвацию кордобы.

¹⁶⁸ Дионисио Маренко возглавил Секретариат планирования и бюджетной политики.

Если так и не утвержденный план министерства планирования на 1985 год делал упор на гарантированное снабжение бедных слоев населения основными товарами через каналы государственного распределения, то новые идеи исходили из необходимости, прежде всего, сбалансировать финансовую систему страны и избежать сползания в гиперинфляцию. Как выразился сам Ортега, необходимо было вернуться к социальной политике, отвечающей ограниченной ресурсной базе никарагуанской экономики.

Нельзя сказать, что идея фактического повышения розничных цен была монетаристской и либеральной. Национальное руководство СФНО согласилось с этим только потому, что надеялось повышением цен выбить почву из-под частных торговцев-спекулянтов, которые придерживали товары, создавая дефицит. При этом для всех рабочих и служащих планировалось полностью компенсировать повышение цен повышением заработной платы.

Это же повышение цен было призвано создать стимул для активизации производства в государственном и кооперативном секторе. Ведь для трудящихся низкие цены не имели реального значения, если купить по ним товары было невозможно и приходилось прибегать к услугам спекулянтов.

Поэтому одновременно с повышением цен сандинисты призвали народ дать бой спекулянтам и «неформальному сектору» экономики.

В результате реформы 1985 года государственные розничные цены на мясо удвоились, цены на бобы, рис и сахар выросли соответственно на 200, 110 и 243%¹⁶⁹. Многие никарагуанцы жаловались на «шоковую терапию», так как население за годы революции уже привыкло к ценовой стабильности, пусть даже и сопровождаемой дефицитом в торговле.

Но никарагуанская экономика продолжала оставаться преимущественно частной и рыночной, и это в 1985 году был вынужден открыто признать член Национального руководства СФНО Хайме Уилок. СФНО убеждал трудящихся, что болезненное для многих повышение цен вскоре приведет к росту производства продуктов, но именно этого и не случилось из-за американского эмбарго и активизации «контрас».

Социалистические страны не могли обеспечить никарагуанский рынок таким количеством продовольственных товаров, чтобы отбить охоту у спекулянтов придерживать продукты в надежде на дальнейший рост цен. При этом друзья Никарагуа все же старались помочь.

Американские газеты с неудовольствием отмечали, что после объявления Рейганом 1 мая 1985 года экономического эмбарго против Никарагуа на прилавках никарагуанских магазинов появились мясные консервы из Болгарии, а на улицах Манагуа — советские «Лады»¹⁷⁰. В начале 1985 года на социа-

¹⁶⁹ Ryan Rh. *The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua*. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 168.

¹⁷⁰ Long W.R. *Bulgarian Meat and Soviet Cars : Nicaragua Looks East to Offset U. S. Boycott*. См.: http://articles.latimes.com/1985-05-10/news/mn-18134_1_soviet-union.

листоческие страны приходилось примерно 26% внешней торговли Никарагуа, а в конце — уже 35%. Товарооборот СССР с Никарагуа вырос с 67 миллионов долларов в 1983 году до 193 миллионов в 1984-м. В 1984 году Никарагуа получила по низким ценам советской нефти на 50 миллионов долларов. После объявления американского эмбарго два советских корабля привезли в Никарагуа 12 тысяч тонн пшеницы, 12 тысяч тонн тушенки и животного жира и 7 тысяч баррелей дизельного топлива. СССР поставил также рис и тракторы.

К моменту визита Даниэля Ортеги в ряд социалистических стран в 1985 году Никарагуа получила от них (начиная с 1979 года) экономической помощи на 635 миллионов долларов.

Никарагуанцы после введения американского эмбарго стали экспортировать говядину в Канаду, но канадцы платили меньше и ограничивали никарагуанский импорт специальными квотами. Если в 1976 году Никарагуа экспортировала говядины на 40,5 миллиона долларов, то в 1986-м — всего на 5,6 миллиона. Хотя следует отметить, что экспорт говядины из Гондураса и Гватемалы упал примерно в таких же пропорциях, хотя никто против них экономической блокады не вводил. Причиной этого были очень низкие мировые цены на мясо в 80-е годы.

В самой Никарагуа потребление говядины выросло после революции к 1983 году до 15,4 килограмма на душу населения в год (что было примерно в два раза выше, чем в Гондурасе и в 2,5 раза выше, чем в Сальвадоре), но в 1984–1991 годах в среднем составляло 8,6 килограмма. Однако и эта скромная цифра была выше, чем в Сальвадоре (5,1 кг), Гватемале (3,8 кг) или Гондурасе (6,6 кг). В 1985 году средняя американская домашняя кошка съедала мяса в год больше, чем средний житель Центральной Америки. Именно в таком положении широких народных масс, а не в кознях Москвы или Кубы крылись причины партизанских движений против проамериканских марионеточных режимов в Гватемале и Сальвадоре.

Несмотря на войну и блокаду, революционная Никарагуа всеми силами пыталась сохранить, если не увеличить потребление основных продуктов населением.

Помогал импорт из социалистических и дружественных стран. Например, импорт молочных продуктов в Никарагуа вырос с 3,4 миллиона долларов в 1980 году до 10,4 миллиона в 1985-м.

Наряду с повышением розничных государственных цен сандинисты ввели параллельный рынок иностранной валюты для всех операций, которые не проходили через государственный сектор. Эту валюту можно было продавать и покупать на специальных государственных биржах по курсу, основанному на спросе и предложении. Курс должен был корректироваться каждый день¹⁷¹. В идеале предполагалось, что официальный и неофициальные курсы сравняются и валютным спекулянтам придется подыскать себе иное занятие.

¹⁷¹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 170.*

В марте 1985 года, чтобы вернуть себе поддержку крестьян-частников в условиях войны, сандинисты ввели свободную торговлю зерном и бобами. Хайме Уилок заметил, что государство не может бороться со всеми сразу, забирая у крестьян кукурузу и бобы и одновременно воюя с контрреволюцией. Однако правительственные структуры, отвечавшие за снабжение продовольствием городского населения, встретили эту меру очень прохладно. Поэтому государство продолжало оказывать неформальное давление на кооперативы и крестьян с тем, чтобы они продавали свою продукцию государственной компании ЭНАБАС. И все же отныне у государства уже не было полностью интегрированного канала распределения зерна от производителей к потребителям в масштабах всей страны.

Правда, доля государственных хозяйств и кооперативов в снабжении населения после либерализации рынка зерна в целом не снизилась. Госсектор работал неплохо (сказывался дешевый кредит), к тому же в 1985–1986 годах уже стал давать результат план Уилока по производству зерна на хлопковых плантациях в период между сезонными циклами этой экспортной культуры. ЭНАБАС в целом справлялась с задачей обеспечения основными продуктами питания армии, полиции и государственных служащих.

Однако все меры 1985 года успеха не достигли, потому, что были хотя и рыночными, но половинчатыми. Если СФНО не хотел идти на централизацию из опасений поссориться с буржуазией (то есть по соображениям политической тактики), то на полную либерализацию сандинисты не хотели идти по своим коренным, стратегическим убеждениям. Они делали революцию для бедных и не хотели бросить широкие слои населения на произвол рыночной стихии, да еще в условиях войны.

Однако экономическая политика подчинялась тактическим политическим требованиям текущего момента. В июле 1985 года министр внутренней торговли Рамон Кабралес заявил, что политика смешанной экономики мешает заложить в Никарагуа даже экономические основы нового социалистического общества¹⁷². Кабралес призвал «нейтрализовать» политически колеблющийся класс рыночных спекулянтов.

Сандинистские профсоюзы, активно поддерживавшие правительство, теперь уже не могли не учитывать интересы своих членов. В сентябре 1985 года профсоюзная ассамблея призвала прекратить дрейф к рынку и вернуться к жесткому контролю цен.

Национальному руководству СФНО пришлось учесть настроения своих сторонников, и с октября 1985 года в рамках объявленного чрезвычайного положения правоохранные органы при горячей поддержке массовых организаций повели наступление на спекулянтов, которых обычно обвиняли в связях с «контрас».

¹⁷² *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 174.*

Полиция и чиновники министерства внутренней торговли стали изгонять торговцев с Восточного рынка Манагуа. К началу 1986 года площадь этого самого известного и самого дорогого никарагуанского рынка сократилась с 35 до 3 гектаров¹⁷³. Число торговцев упало с 20 тысяч до 3 тысяч. Автобусные маршруты были изменены, чтобы спекулянты из деревень не могли подъезжать прямо к рынку.

Однако эти меры возымели в основном пропагандистский эффект. Торговцы стали торговать на улицах, а уже к началу 1987 года примерно 3500 из них нелегально вернулись на Восточный рынок.

Повысив цены, государство создало у производителей инфляционные ожидания, и они не спешили насыщать рынок, ожидая нового повышения цен. В декабре 1984 года разрыв между государственными розничными ценами и ценами «черного рынка» на продукты питания составлял 105%. В апреле 1985-го (когда повысили государственные цены) он сократился до 10%, но в конце года увеличился уже до 218%¹⁷⁴.

Спрос на доллары тоже превысил все ожидания — ведь многие представители буржуазии меняли валюту только для того, чтобы поскорее вывезти ее из страны. Если в мае 1985 года параллельный курс доллара и курс черного рынка были приблизительно равными, то к декабрю курс черного рынка был уже на 33% выше официального и параллельного¹⁷⁵. Неудивительно, что параллельный рынок валюты стал мизерным — в декабре 1985 года на нем поменяли только 500 тысяч долларов. На черном рынке, по некоторым оценкам, меняли 10–12 миллионов долларов в месяц.

Монетарными мерами 1985 года не удалось остановить инфляцию, а поэтому и повышения цен многие производители вообще не почувствовали. С учетом инфляции официальные (уже повышенные) цены на бобы и кукурузу в 1985 году упали на треть. На 25% снизились и цены промышленных производителей, тоже из-за инфляции, причем в первой половине 1986 года они упали еще на 35%.

Макроэкономические показатели Никарагуа в 1985 году ухудшились. ВВП упал на 4,1%, в расчете на душу населения — на 6,7% (самое глубокое падение за послереволюционные годы)¹⁷⁶. Дефицит бюджета в отношении ВВП почти не снизился — 24,8% в 1984 году и 23,4% в 1985-м. Зато инфляция подскочила практически в десять раз — с 47,3% до 334,3%. Экспорт упал с 386 миллионов долларов в 1984 году до 301 миллиона в 1985-м, импорт за тот же период вырос с 826 до 830 миллионов долларов. На обслуживание внешнего долга в 1985 году пришлось бы израсходовать 78,3% экспортной выручки (в 1984 году — 57,9%).

¹⁷³ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P.175.

¹⁷⁴ *Ibid.* P.172.

¹⁷⁵ *Ibid.* P.172.

¹⁷⁶ *Spalding R.J.* Capitalists and Revolution in Nicaragua. Opposition and Accomodation 1979–1993. University of North Carolina Press, 1994. P.225.

Процесс «адаптации» цен и зарплат к реальной стоимости товаров продолжался и в 1986 году. В январе были увеличены на 89% зарплаты и введен единый курс кордобы (70 кордоб за один доллар) для всех импортных операций, за исключением импорта нефтепродуктов (здесь помощь СССР еще позволяла держать бензин на относительно низком ценовом уровне).

План 1986 года был крайне противоречивым документом. Он опять перечислял все проблемы никарагуанской экономики (негативные ставки по кредитам, огромный бюджетный дефицит и дисбаланс во внешней торговле), но однозначных рецептов для устранения недостатков не предлагал. План призывал устранить «искажение цен», которые по-прежнему не отвечали во многих случаях реальному положению дел на рынке, и ввести такие цены, которые стимулировали бы производство. Провозглашалось, что розничные цены должны следовать за ценами производителей. На практике это означало очередное повышение цен для широких слоев населения. В то же время план предполагал расширить каналы государственного распределения продовольствия по нерыночным официальным ценам (чего требовали профсоюзы и подавляющая часть городского населения, жившего на зарплату).

В области внешней торговли рекомендации плана тоже были отнюдь не рыночными. Предполагалось ужесточить контроль импорта и составить балансы импортных потребностей для каждого сектора экономики¹⁷⁷.

В августе 1986 года Национальное руководство СФНО и Сандинистская ассамблея приняли программный документ, который призывал к усилению государственного контроля в сфере экономики. Госсектор должен был стать «гегемоном» и мотором производства, а само государство было призвано активнее регулировать производство и распределение товаров.

План на 1987 год учитывал эти настроения революционных масс и их авангарда — СФНО. С другой стороны, предусматривалось предоставить больше автономии в повседневной работе предприятиям госсектора. Эти предприятия должны были работать на базе «либерализованных цен» и добиваться не только роста объема физического производства, но и прибыльности.

Но и этот план был внутренне противоречивым. Например, в нем признавалась бесперспективность государственного контроля над розничными ценами, по крайней мере, до тех пор, пока государство не сумеет выровнять бюджет и снизить денежную эмиссию. Поэтому план предлагал сделать все розничные цены рыночными, а сверхприбыль торговцев изымать с помощью косвенного налогообложения.

Хайме Уилок призывал каждого работника госсектора стать «маленьким капиталистом». Но, как и во многих иных случаях (Югославия, Чили и т.д.), встраивание механизма, ориентированного на извлечение прибыли, в социа-

¹⁷⁷ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 176.*

листическую систему производства (где главное не прибыль, а объемы производства) было делом иллюзорным и бесперспективным. Если предприятия госсектора призывали к самокупаемости в условиях переходной рыночной экономики, то они стремились просто сбыть часть своей продукции «налево» по ценам черного рынка. А это, в свою очередь, вело к недостатку товаров в системе государственного снабжения по более низким официальным ценам.

При этом Национальное руководство СФНО одновременно требовало от госпредприятий заботиться о трудящихся (например, устраивая медпункты и столовые), что снижало прибыль предприятий.

Зигзагообразный экономический курс — то децентрализация, то централизация — при том, что корабль переходного периода никак не мог причалить ни к плановому, ни к рыночному берегу, только усугублял проблемы Никарагуа, охваченной борьбой против фактически иностранной интервенции.

В 1986 году, после того как переход назад к рынку был застопорен под давлением трудящихся, удалось снизить темпы падения ВВП, который в этом году снизился только на 1%. Однако падение ВВП в расчете на душу населения было по-прежнему тревожным, хотя и здесь наблюдалось замедление — 3,5%. Удалось снизить бюджетный дефицит — 18% от ВВП. Но инфляция явно выходила из-под контроля — 747% в год¹⁷⁸. Дефицит внешнеторгового баланса вырос до 593 миллионов долларов, главным образом из-за падения экспорта до 243 миллионов. Внешний долг достиг 5,76 миллиарда долларов, и на его обслуживание теперь требовалось уже 88,5% экспортной выручки.

«Адаптируя» (а попросту повышая) розничные цены, Национальное руководство СФНО по-прежнему призывало рабочих к умеренности в сфере заработной платы. Причем если по вопросу цен аргументация СФНО была рыночной, то по вопросу заработной платы — революционной и социалистической. Член Национального руководства СФНО Виктор Тирадо призывал рабочих работать за ту же зарплату не восемь, а десять часов на благо революции. Его коллега Хайме Уилок считал «реакционной» точку зрения, что рабочего можно мотивировать только материально. Это, мол, недооценивает «революционный потенциал народа». Но именно этот потенциал и страдал, когда рабочие жили при низкой зарплате, а революционное правительство отпустило в 1985 году цены, что было только на руку торговой буржуазии. Рабочие считали такую политику несправедливой и отнюдь не революционной.

Низкие заплаты вели к страшной текучести кадров на государственных предприятиях. Например, каждые полгода на государственных текстильных предприятиях менялось до 40% занятых¹⁷⁹.

¹⁷⁸ *Spalding R.* Capitalists and Revolution in Nicaragua. The University of North Carolina Press, 1994. P. 225.

¹⁷⁹ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 180.

Рабочие увольнялись и начинали заниматься более прибыльной розничной торговлей. Тем самым размывался именно тот социальный слой, на который изначально стремились опереться сандинисты.

Даниэль Ортега открыто признал, что правительство жестко контролирует заработную плату просто потому, что это единственный денежный показатель, который оно в состоянии более или менее эффективно контролировать.

В августе 1986 года Национальное руководство СФНО призвало сандинистские профсоюзы проявлять умеренность в заработной плате, но одновременно повышать дисциплину на производстве и бороться за рост производительности труда. Однако если лидеры сандинистских профсоюзов и были готовы удерживать своих членов от забастовок в пользу повышения зарплаты, то взамен они требовали от правительства сохранения контроля над розничными ценами.

Но инфляция только усиливалась, и в этих условиях директора государственных предприятий прибегали к различным ухищрениям, чтобы сохранить у себя нужных им работников. Вошла в практику выплат надбавок к заработной плате в натуральной форме — продукцией самих предприятий.

Премии в рамках СНОТС стали выдавать уже не за конкретные заслуги, а просто как надбавку к низкой зарплате. В 1987 году премии на производственных предприятиях в госсекторе составляли 100% от номинальной зарплаты¹⁸⁰.

Правительство старалось компенсировать низкую зарплату организацией на всех предприятиях магазинов, где рабочим и служащим по карточкам продавали определенный набор продуктов по государственным ценам. В феврале 1985 года было подписано соглашение с профсоюзами, по которому магазины-распределители должны были охватить 300 тысяч лиц наемного труда. Предполагалось, что каждый рабочий или служащий будет заходить в распределитель только раз в месяц. Но на практике приходилось делать это по нескольку раз, так как нужные продукты поставлялись нерегулярно. Возникали очереди, и в середине 1987 года, по некоторым оценкам, людям приходилось проводить в распределителях по три-четыре часа¹⁸¹. А это приводило к снижению дисциплины на предприятиях — многие отпрашивались с работы именно для того, чтобы посетить распределитель.

На черном рынке можно было в сентябре 1987 года приобрести карточку, дававшую право на посещение распределителя, за 40 тысяч кордоб, что соответствовало примерно 32% официальной средней заработной платы в тот период. Это означало, что распределители не были ключевым источником снабжения — иначе карточки стоили бы гораздо дороже.

При работе над планом на 1987 год экономисты из Секретариата планирования предложили повысить заработную плату в начале этого года на 100%,

¹⁸⁰ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 181.*

¹⁸¹ *Ibid. P. 182.*

предупредив, что потом придется сделать это с гораздо большим эффектом на рост денежной массы. Однако Национальное руководство СФНО отвергло это предложение.

В январе 1986 года сандинисты решили активизировать аграрную реформу. До тех пор практически вся земля распределялась только среди кооперативов. К тому же реформа была очень умеренной и фактически не затронула крупных и средних землевладельцев. Но в Никарагуа было до 100 тысяч крестьян, у которых вообще не имелось земли и которые много ждали от революции. С годами они разочаровались в сандинистах, и многие из них пополнили ряды «контрас», просто потому, что в лагерях «борцов за свободу» хотя бы кормили.

В 1983–1985 годах в ходе аграрной реформы было экспроприровано 345 поместий общей площадью 119218 гектаров. В 1985 году 9537 семей получили 165099 га, но лишь 65419 из них были конфискованы государством у частных владельцев. большей частью (чтобы сохранить мир с сельской буржуазией) сандинисты распределяли землю из государственного фонда. Только в 1985 году госсектор уменьшился на 10 тысяч га. А это вело к снижению экспортной выручки, так как, в отличие от крупных государственных хозяйств, получившие землю бедные крестьяне выращивали продукты для собственного потребления.

В январе 1986 года правительство решило экспроприировать наделы свыше 350 га на плодородном тихоокеанском побережье и 700 га в других районах страны уже не только у тех владельцев, кто отсутствовал в стране более шести месяцев, но и у тех, кто не обрабатывал свою землю¹⁸². Поводом для экспроприации могло быть и то, что наделы сдавались в аренду.

В 1986 году было экспроприровано 449 поместий общей площадью 134628 га. 11626 семей получили 197112 га земли, часть которой опять пришлось выделить из госсектора. В 1987 году было распределено 54668 гектаров¹⁸³.

Но земли всем все равно не хватало, в том числе и оттого, что правительство переселило примерно 140 тысяч крестьян из охваченных войной районов. Отмечались случаи захвата переселенцами крупных и средних поместий. Например, в Ла-Вероне (департамент Матагальпа) сельскохозяйственные рабочие захватили одно из довольно современных и эффективных поместий. Верховный суд Никарагуа по иску собственников постановил вернуть захваченную землю владельцам. Однако министр сельского хозяйства и член Национального руководства СФН Хайме Уилок выдал рабочим свидетельство о праве собственности на землю. Новые собственники преобразовали поместье в кооператив.

Этот пример ясно показывает, что сандинисты, несмотря на большое желание сохранить мир с частными крупными производителями, все же не могли

¹⁸² *Luciak I.A.* The Sandinista legacy: lessons from a political economy in transition. University Press of Florida, 1995. P.87.

¹⁸³ *Ibid.* P.88.

игнорировать требований бедных крестьян и сельскохозяйственных рабочих, которые были их основной опорой на селе.

Но, с другой стороны, в 1987 году было экспроприровано на 68% меньше земли, чем годом раньше, и этой мерой было затронуто лишь 38 268 гектаров. Правительство явно снизило темпы аграрной реформы, стремясь найти модус вивенди с буржуазией, особенно после подписания мирного договора в Эскипуласе. В 1988 году Хайме Уилок официально объявил аграрную реформу оконченной. В этом году было экспроприровано только 30 поместий.

Одной из причин недовольства многих крестьян революционной властью было неадекватное снабжение со стороны государственных организаций удобрениями, машинами, запчастями и другими вещами, необходимыми для сельского хозяйства. Во время визита в Швецию в 1985 году Даниэль Ортега получил от социал-демократического правительства Пальме несколько миллионов долларов на организацию сети кооперативных магазинов в никарагуанской деревне.

Кооперативные магазины предполагалось создать, прежде всего, в зонах, затронутых войной, для гарантированного снабжения бедного крестьянства. Поставку товаров взяло на себя государственное предприятие ECODEPA¹⁸⁴. Помимо чисто экономических целей и кооперативной торговли при этом ставились и социально-политические задачи. Члены кооперативов являлись одновременно и членами организаций местной самообороны. Также предполагалось через кооперативные магазины активнее вовлекать женщин в политическую жизнь страны.

В 1984–1989 годах ECODEPA получила на развитие кооперативной торговли 23 миллиона долларов международной помощи, в том числе 19 миллионов из Швеции и 1,7 миллиона из Голландии. Примерно 8 миллионов долларов иностранной помощи было потрачено на субсидирование товаров в кооперативных магазинах, чтобы сделать их доступными для бедных крестьян.

Первые магазины («тиенда кампесина» — «сельский магазин») открылись в ноябре 1985 года и приобрели среди крестьян большую популярность. В магазинах можно было купить необходимые товары по низким ценам, а также приобрести дефицитные товары. Доля ECODEPA, например, на рынке ранцевых опрыскивателей составляла 100%, гвоздей для подковки лошадей — 90%, мачете — 34%.

Пайщиками магазина могли стать как члены производственных сельхозкооперативов, так и крестьяне-частники. В 1985–1989 годах пайщики внесли в кооперативные магазины в виде взносов примерно 500 тысяч долларов — большая для Никарагуа сумма. Прибыль магазинов обычно использовалась для их дальнейшего развития.

¹⁸⁴ Фактически ECODEPA было национальным объединением самих кооперативных магазинов и исполняло роль единой закупочной организации при импортных операциях.

В 1987 году правительство Никарагуа продолжала политику осторожной адаптации цен к рыночному уровню. Торговля зерном и бобами была либерализована в рамках шести регионов, но между регионами ее могли осуществлять только государственные организации. Министерство внутренней торговли устроило блокпосты на дорогах, чтобы не допустить частников-спекулянтов в крупные города, особенно в Манагуа, где цены были самыми высокими. У такой экономической тактики были и политические цели — торговцы вывозили продукты из районов, охваченных войной, что толкало многих жителей этих территорий в оппозицию к правительству. Правительство считало, что блокпосты не вызовут недовольства крестьян, так как они были предназначены только для контроля над торговцами-посредниками.

Однако, как и раньше, экономическая политика страдала непоследовательностью. В феврале 1987 года министерство внутренней торговли объявило об усилении контроля на дорогах, а уже в апреле блокпосты были полностью отменены. Таким образом, торговля зерном и бобами была либерализована в общенациональном масштабе. Но это шло вразрез с обещаниями правительства рабочим и служащим поддерживать «гарантированные каналы снабжения» по государственным ценам.

В феврале 1987-го минторг объявил о решении сократить количество торговцев на 60%, а уже в июле правительство объявило о намерении выдавать лицензии на право торговать любому желающему. Власти полагали, что плата за лицензию станет важным источником поступления средств в бюджет¹⁸⁵.

Одновременно правительство решило, наконец, «разморозить» зарплаты. В мае 1987 года Уилок заявил, что повышение зарплаты не вызовет всплеска инфляции, так как ее истинной причиной является дефицит госбюджета. Экономический блок никарагуанского правительства считал, что официальная заработная плата рабочих и служащих настолько мала, что ее повышение всего лишь отразит реальные цены на рынке основных продуктов питания и широкого потребления.

Были повышены тарифные расценки в системе СНОТС, что привело к росту заработной платы примерно для 300 тысяч лиц наемного труда.

Однако в реальности инфляция в Никарагуа стала ускоряться с апреля 1987 года, приобретая черты гиперинфляции. Если в первые три месяца 1987 года цены росли лишь на 1,4% в месяц, то с апреля по декабрь 1987 года они увеличились на 1287%, или на 33,9% в среднемесячном исчислении¹⁸⁶.

Причиной было поведение частных торговцев, взвинтивших цены и стремившихся таким образом урвать свою долю от повысившейся заработной платы. Торговцы повышали цены в ожидании очередной «адаптации» заработной

¹⁸⁵ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 183.*

¹⁸⁶ *Ibid. P. 186.*

платы, которая, в свою очередь, дала бы им новый предлог для очередного повышения цен.

В октябре 1987 года профсоюзы стали требовать отмены самой системы СНОТС, так как она выступала в форме смиренной рубашки против самостоятельного повышения заработной платы отдельными предприятиями. Ведь «адаптация» тарифной сетки СНОТС уже не могла угнаться за гиперинфляцией. Однако правительство опасалось, что отмена СНОТС вообще сделает инфляцию неконтролируемой.

СНОТС привела к очень нежелательному для страны явлению — оттоку высококвалифицированных рабочих и специалистов. Если при введении СНОТС разрыв оплаты труда между самыми высокими и самыми низкими тарифными классами составлял 8,82 раза, то после первой адаптации зарплат в 1985 году он снизился до 6,42 раза. Малоквалифицированным рабочим и служащим во имя социальной справедливости зарплату повышали более резко. Высокооплачиваемые слои специалистов искали счастья на чужбине, составив в 1985 году 16,5% всех, кто покинул страну¹⁸⁷. Правительство стремилось это учитывать, и реформы СНОТС в 1986 году снова установили большую разницу между самыми высокими и самыми низкими зарплатами — 11,17 раза.

Однако набиравшая обороты инфляция сводила все эти усилия на нет. В декабре 1986 года самая высокая зарплата по СНОТС, очищенная от инфляции, была всего на 90% выше минимальной зарплаты двумя годами раньше. Поэтому эмиграция специалистов увеличилась в 1986 году на 51% по сравнению с 1985 годом.

Правительство пыталось удержать специалистов в стране с помощью особых распределителей и продажи им по льготным ценам (а с учетом инфляции фактически задаром) советских автомобилей «Лада».

Эмиграция и саботаж буржуазии наряду с снижением экспорта вследствие войны привели к концу 1987 года к резкой разнице между официальным курсом кордобы к доллару и курсом черного рынка. В конце 1984 года эта разница уже была 50:1, но спустя три года разрыв вырос до 300:1. Правительство боялось пойти на официальную девальвацию из опасений, что эта мера еще больше подстегнет инфляцию.

Сандинисты пытались наладить нормальный диалог с буржуазией, проводя осторожные, хотя и непоследовательные реформы рыночной направленности. Ортега и другие члены Национального руководства СФНО с февраля 1985 года постоянно подчеркивали, что никто не собирается уничтожать в стране частное предпринимательство. Однако КОСЕП отвечал на жесты доброй воли со стороны властей лишь выдвижением новых требований, согласованных с американцами. Например, в начале 1987 года при обсуждении экономического плана

¹⁸⁷ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 189.*

лидер КОСЕП Баланьос потребовал от властей начать прямой диалог с «контрас» и, характеризуя политику правительства, сказал Ортеге в лицо: «Все это тотальная неудача, национальная трагедия. Ваше правительство провалилось, политический проект СФНО провалился... Мы должны все начать заново»¹⁸⁸.

Таким образом, буржуазия по-прежнему не хотела никакого компромисса, а стремилась убрать сандинистов от власти и прекратить революционные преобразования, которые в экономике и так были отнюдь не социалистическими. Фактически буржуазная оппозиция выступала в роли легального «политического крыла» «контрас» и их американских покровителей.

В конце 1987 года главной проблемой никарагуанской экономики была гиперинфляция. Конечно, одной из ее причин была непоследовательная экономическая политика властей, которая к тому же из-за своей рыночной направленности все больше не устраивала рабочих, служащих и бедных крестьян. Но основополагающей причиной всех трудностей никарагуанской экономики была масштабная необъявленная война США против сандинистов, в которой «контрас» были только одним из инструментов давления.

В условиях, когда на войну шла подавляющая часть бюджета страны, сандинистам следовало, конечно, переходить на модель своего рода «военного коммунизма» с жесткой централизацией всей стоимостной цепочки, от закупки импортных товаров для производства до самого производства, распределения и экспорта. Децентрализация и отпуск цен в ситуации, когда товаров народного потребления не хватало, в том числе и потому, что из-за снижения экспорта не было валюты, чтобы их купить, могли привести и привели только к одному результату — гиперинфляции.

В 1987 году ВВП Никарагуа снизился на 0,7% (в расчете на душу населения — на 3%). По меркам военного времени это было неплохо, однако сама база, с которой происходило снижение, была очень низкой. Фискальный дефицит удалось снизить до 16,4% ВВП, но зато инфляция стала практически непереносимой для экономики — 1347,2%. Экспорт вырос до 295 миллионов долларов, а импорт удалось несколько сбить — до 734 миллионов долларов. Дефицит внешнеторгового баланса сильно сократился (439 миллионов долларов против 593 миллионов в 1986 году), но все еще оставался для экономики неподъемным. Внешний долг превысил 6,2 миллиарда долларов.

Следует подчеркнуть, что широкие народные массы в Никарагуа были настроены именно в пользу централизации и планового распределения. СФНО же, как ни парадоксально, вопреки собственным убеждениям проводил политику, выгодную, прежде всего, национальной буржуазии и торговцам-частникам, отчуждая таким образом самым тем, кто составлял истинную опору революционных преобразований.

¹⁸⁸ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 196.*

Эта политика была вынужденной и объяснялась, в первую очередь, внешним пропагандистским давлением на Никарагуа, которое организовали американцы. Любое наступление сандинистов на права частного капитала (реальное или воображаемое) сразу же истолковывалось как сползание к тоталитаризму. С другой стороны, уступки буржуазии отнюдь не делали ее более дружественной по отношению к сандинистскому правительству, так как легальная никарагуанская буржуазия была самым главным оружием США в необъявленной войне против Никарагуа. Саботаж буржуазии путем сворачивания производства, перевода полученных от государства льготных кредитов в доллары и вывода этих активов за границу нанесли стране гораздо больший экономический ущерб, чем все воинство Бермудеса и его американских инструкторов.

Успех США в войне против Никарагуа состоял в том, что ей, по сути, не дали провести по-настоящему глубокие социально-экономические преобразования.

Уместным здесь будет привести сравнение с Советской Россией. До начала Гражданской войны Ленин был настроен в экономическом смысле очень умеренно, за что его критиковали левые эсеры и «левые коммунисты» во главе с Бухариным. В работе «Очередные задачи советской власти» (начало 1918 года) лидер большевиков призывал учиться у капиталистов рачительному хозяйствованию и был отнюдь не против сдачи госпредприятий в концессию иностранцам.

Но после начала Гражданской войны Ленин начал проводить вынужденную в условиях военного времени политику массовой национализации систем производства и распределения (знаменитая «красногвардейская атака на капитал»). Продразверстка и национализированная промышленность помогли большевикам разбить отечественную контрреволюцию и иностранных интервентов даже тогда, когда основные районы хлебозаготовок были в руках белых.

Следует подчеркнуть, что именно твердый контроль над распределением всех товаров создал большевикам прочную социальную базу в лице рабочих и бедных крестьян (то есть подавляющего большинства населения), что вылилось в многомиллионную и идейно сплоченную Красную армию.

После победоносного окончания Гражданской войны (в которой большевикам, в отличие от Никарагуа, извне никто не помогал) Ленин быстро заменил «военный коммунизм» рыночным НЭПом, учредил свободно конвертируемую валюту, и к 1925 году СССР уже восстановил довоенный уровень производства, создав задел для успешной индустриализации, равной которой не знала история человечества.

Экономика Никарагуа 80-х годов XX века была очень похожа на ту, что была в России в первые годы советской власти, своей промышленной отсталостью и тем, что основным источником валютных поступлений был экспорт сельскохозяйственной продукции. Этот экспорт был после 1929 года увеличен СССР в десятки раз путем частично добровольного, частично принудительного кооперирования крестьянства. Однако социальные издержки реформ окупались

с лихвой, и Советский Союз встретил войну развитым индустриальным государством, в котором многие отрасли промышленности были с нуля созданы именно в 30-е годы.

Никарагуа шла прямо противоположным путем. В первые годы революции были сделаны попытки создания госсектора, который, однако, по своим размерам никогда не был движущей силой экономики. Аграрная реформа практически не проводилась. Умеренность курса объяснялась иллюзорным стремлением СФНО договориться с буржуазией. Причем сами сандинисты прекрасно сознавали эту иллюзорность, но держались за призрачный классовый мир (называвшийся официально «смешанной экономикой») во имя внешнеполитических соображений, или говоря проще, перед лицом мощного пропагандистского давления США.

Когда американцы в 1982 году начали против Никарагуа уже настоящую войну, сандинисты опять-таки не решились перейти к экономике военного образца, чем подорвали государственный бюджет и вызвали гиперинфляцию. Время от времени СФНО делал попытки централизовать распределение, но это было бесполезно в условиях, когда частный сектор производил более двух третей товаров в стране. Парадоксально, но война привела в Никарагуа к либерализации экономического режима, чего не было во время Второй мировой войны даже в таких «рыночных» странах, как Великобритания и США.

Огромный авторитет СФНО, завоеванный в боях против диктатуры Сомосы, и слишком явная связь «контрас» с бывшей национальной гвардией и США позволили сандинистам одержать убедительную победу на поле боя. Но рабочие, служащие и крестьяне ждали теперь от революции проведения по-настоящему глубоких социально-экономических преобразований. Ведь именно большинство населения в рядах армии и милиции разгромило до зубов вооруженную и щедро оплаченную американцами контрреволюцию. И оно было вправе получить от революции блага, которых не смело требовать во время войны, проявляя революционную сознательность.

Но то, что ожидало трудящихся в начале 1988 года, стало для них настоящим экономическим и психологическим шоком и предопределило временное поражение революции в 1990 году.

23 марта 1988 года в пограничном местечке Сапоа на юге Никарагуа поле двух дней прямых переговоров никарагуанского правительства с «контрас» удалось достичь соглашения о временном прекращении огня на 60 дней, начиная с 1 апреля 1988 года. «Контрас» были возмущены прекращением американского финансирования и воевать не хотели, тем более что никаких шансов на победу или даже на «ничью» у них оставалось.

Делегацию «сопротивления» в Сапоа возглавляли Калеро, Сесар и Санчес. От полевых командиров в ней участвовали Диогенес Фернандес (кличка Фернандо) и Уолтер Кальдерон (Тоньо). «Теневая делегация» «контрас» состояла из сотрудников ЦРУ и госдепартамента.

Согласно соглашению в Сапоа «контрас» должны были собраться в специально отведенных районах (они еще подлежали согласованию) для демобилизации и сдачи оружия. «Контрас» имели право получать гуманитарную помощь по нейтральным каналам. Во время срока действия временного прекращения огня правительство Никарагуа обязалось освободить всех политических заключенных.

Затем следовало подписать соглашение об окончательном прекращении боевых действий, после чего бывшие «контрас» могли бы свободно участвовать в общественно-политической жизни страны.

Следует подчеркнуть, что Никарагуа была первой страной Центральной Америки, выполнившей положения договора Эскипуласа о национальном примирении.

30 марта 1988 года была достигнута договоренность о создании пяти зон демобилизации (двух на севере, одной на юге и двух в районе атлантического побережья)¹⁸⁹. «Контрас» должны были находиться в этих зонах до конца мая 1988 года, в то время как их лидеры вели политический диалог с Манагуа. При этом руководители «контрас» не переставали утверждать, что не согласятся на политическое урегулирование, если в Никарагуа сохранится «марксистская демократия».

Бермудес вообще был взбешен соглашениями в Сапоа и открыто называл Калеро и Сесара предателями. Главком «контрас» все еще угрожал журналистам, что его «войска» скоро войдут в Манагуа. Но на самом деле Бермудес понимал, что при мирном соглашении поток американской помощи иссякнет и его прежней коррупционно-вольготной жизни придет конец.

26 марта 1988 года Бермудес собрал «ассамблею» «Никарагуанского сопротивления» в одном из отелей неподалеку от аэропорта Майами. Полевые командиры типа Майка Лимы и Мака встретили Калеро отрететированными криками: «Предатель!» Один из «борцов за свободу» даже нанес мощный удар в челюсть брату Аристидеса Санчеса Энрике¹⁹⁰. Бермудес потребовал создать «наблюдательную комиссию», которая следила бы за ходом дальнейших переговоров с сандинистами.

Переговоры об окончательном мирном урегулировании, начавшиеся 15 апреля 1988 года в Манагуа, проходили очень сложно и в начале июня 1988 года фактически были близки к полному провалу. Стороны не могли договориться о конкретном графике демобилизации «контрас». Последние требовали отставки Верховного суда, проведения муниципальных выборов и выборов в конституционное собрание, которое должно было принять новую конституцию Никарагуа. Сандинисты также были обязаны в течение пяти дней объя-

¹⁸⁹ *Kinzer St.* Sandinistas and Rebels Agree To Set Up 5 Cease-Fire Zones. См.: <http://www.nytimes.com/1988/03/30/world/sandinistas-and-rebels-agree-to-set-up-5-cesses-fire-zones.html>.

¹⁹⁰ *Dillon S.* Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 217.

вить полную амнистию. В общем и целом, «контрас» предъявили правительству ультиматум из целых 32 пунктов, как если бы они выиграли войну. Вплоть до выполнения всех этих требований они не хотели сдавать оружие.

9 июня 1988 года делегация «контрас» покинула никарагуанскую столицу, но обещала не возобновлять боевые действия. Министр обороны Никарагуа Умберто Ортега тоже заявил, что СНА не начнет стрелять первой. Ортега обвинил в срыве переговоров Бермудеса и стоявшую за ним администрацию Рейгана.

Полевые командиры Фернандо и Тоньо в Манагуа не поехали — они готовили в Тегусигальпе мини-путч против Бермудеса, который давно вызывал раздражение большинства командиров «контрас» своей беспардонной коррупцией. «Диссиденты» привлекли на свою сторону еще одного популярного среди «контрас» командира — Тирсо Морено (Ригоберто).

Многие «контрас» были недовольны неожиданным приказом Бермудеса немедленно отойти с территории Никарагуа в Гондурас. Некоторые командиры восприняли это как прелюдию к капитуляции и взяли с собой сотни гражданских лиц, которые помогали «контрас» во время войны. Неделями, не получая пищи, «контрас» и их живые обозы пробирались по джунглям и горам в Гондурас. Десятки людей погибли в пути от истощения. Другие набрасывались в Гондурасе на приготовленное американцами «гуманитарное» сырое мясо, не в силах даже его поджарить или отварить. Затем людям становилось плохо, и их отвыкший от протеина организм «выдавал» мясо обратно.

В лагерях Гондураса «контрас» никто не ждал. Полевые командиры возвратившихся отрядов никак не могли обнаружить Бермудеса, который на деньги ЦРУ прекрасно проводил время в Тегусигальпе со своей очередной пассией и внебрачным сыном. Когда разъяренные командиры все-таки выманили своего «главкома» на встречу в полевой госпиталь «контрас», тот приехал с чемоданом, в котором находилось 5 тысяч гондурасских лемпир (2,5 тысячи долларов). Бермудес хотел раздать каждому командиру по 50 лемпир, а их женам — по 100 и на этом завершить «совещание».

Но командиры настаивали на полной отставке коррумпированного «генерального штаба», который они хотели выбрать сами. Три «диссидента» (Фернандо, Ригоберто и Тоньо) вообще решили избавиться от «главкома» на деньги недовольного Бермудесом Калеро. Они прекрасно понимали, кто может принять такое решение, и поэтому встретились с сотрудником посольства США в Гондурасе Ричардом Чайдестером, который уже два года «курировал» «контрас». Тот свел их с сотрудником ЦРУ, который представился как «Терри». «Диссиденты» больше часа жаловались на Бермудеса, в том числе и на убийства и избиения в лагерях, которые покрывал «главком». Ответ Терри был простым: «Ну, если честно, мы вас не поддержим. Позиция правительства Соединенных Штатов состоит в поддержке Энрике Бермудеса»¹⁹¹.

¹⁹¹ *Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P.223.*

«Диссиденты» самонадеянно ответили, что уберут Бермудеса в любом случае, а американцев они, мол, только ставят об этом в известность. 16 апреля 1988 года «путчисты» составили в Тегусигальпе манифест с требованием немедленной отставки Бермудеса, который подписали 12 из 32 региональных командиров «контрас».

Но Бермудес знал, чем восстановить свою популярность, — он просто выдал из средств ЦРУ крупные взятки большинству полевых командиров, которые после этого охотно встали на его сторону. ЦРУ помогло Бермудесу созвать в казармах гондурасской армии «собрание» полевых командиров, которое решительно осудило «диссидентов». Бермудес обвинил оппонентов (которым он прекратил выплачивать денежное довольствие) в «сговоре с сандинистами». 4 мая 1988 года гондурасские власти по просьбе ЦРУ арестовали незадачливых «путчистов» и отправили их в Майами. В это же время Бермудеса принимал в Вашингтоне госсекретарь Шульц.

Один из «диссидентов» и родоначальников движения «контрас» Тигрильо несмотря на раненую ногу стал сборщиком лимонов на плантациях Флориды, затем нелегально вернулся в Гондурас, но тамошние власти депортировали его в Гватемалу. Тоньо стал землемером, а Фернандо — страховым агентом.

После подавления «путча» главным переговорщиком «контрас» в Манагуа стал Сесар, который во всем слушался Бермудеса. Политическим советником Бермудеса был заместитель министра иностранных дел Никарагуа при Сомосе Гарри Бодан, который считал, что никакого мира с сандинистами быть не может, а 60-дневное прекращение огня надо использовать для отдыха и наращивания сил. Именно Бодан и Бермудес разработали заранее неприемлемый для сандинистов перечень требований, который и привел к срыву мирных переговоров 9 июня 1988 года.

Бермудес все еще надеялся, что конгресс США «одумается» и возобновит финансирование «контрас».

Для таких надежд были все основания. В конце марта 1988 года конгресс выделил 17,7 миллиона долларов на закупку еды, одежды и медикаментов для «контрас»¹⁹². С 1 апреля 1988-го американское Агентство международного развития (Agency for International Development), входившее в систему госдепартамента, начало курировать «контрас», забрав эту прерогативу у ЦРУ. Резидентура «Компании» в Тегусигальпе сильно сократилась, однако разведка продолжала выплачивать жалованье политическому руководству «Никарагуанского сопротивления», а также снимать для Бермудеса и его приближенных явочные квартиры. Агентство международного развития решило продолжить выплату жалованья офицерам «контрас», назвав это «содействием семьям» (ведь формально армии «контрас» уже больше не было, по крайней мере, с точки зрения конгресса).

¹⁹² Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P.227.

В апреле 1988 года в новой штаб-квартире «контрас» в Ямаласе скопилось около четырех тысяч «контрас» и тысячи угнанных ими из Никарагуа гражданских лиц. Каждую неделю прибывали сотни новых «бойцов» и беженцев. В июле — августе (после срыва мирных переговоров в Манагуа) «контрас» угнали в Гондурас около трех тысяч гражданских лиц. Бермудес утверждал, что мирных граждан спасают от мести сандинистов, однако никто из «беженцев» в Гондурасе не смог сказать американским корреспондентам, что подвергался в Никарагуа каким-либо преследованиям. Бермудес просто использовал страдания голодных и оборванных людей, чтобы выбить из американцев еще больше денег.

Сам «главком» получал от Агентства международного развития «на семью» 2750 долларов в месяц (помимо этого ему как своему агенту платило ЦРУ). Но Бермудесу этого было мало, и с помощью своих покровителей из «Компании» он стал в августе 1988 года одним из членов руководства «Никарагуанского сопротивления», получив право на 180 тысяч долларов в год.

Переговоры «контрас» и сандинистов в Манагуа были сорваны в июне 1988 года, естественно, не самим Бермудесом, а теми, кто заказывал ему музыку. Американцев удручало, что переговоры по национальному примирению в Никарагуа идут успешно, чего нельзя было сказать о других центральноамериканских странах — союзницах Вашингтона, особенно о Сальвадоре. Поэтому следовало слегка притормозить прогресс в Никарагуа, чтобы не терять мотивировки для постоянных обвинений сандинистов в «неуступчивости».

10 августа 1988 года Шульц встретился с президентом Коста-Рики Ариасом и предложил продолжить переговоры между «контрас» и сандинистами за пределами Никарагуа, например, в той же Коста-Рике. В Манагуа, мол, делегацию «контрас» держат на положении «фактических заключенных»: «У них нет доступа к тем никарагуанцам, которые думают, как они, у них нет доступа к прессе»¹⁹⁵.

Американцы пытались заставить Ариаса как автора мирного процесса в Центральной Америке выступить с призывом к введению санкций против Никарагуа — якобы за подавление в этой стране демократических свобод. Но Ариас с этим решительно не согласился. Он был готов всего лишь написать письмо Ортеге и попросить ускорить освобождение политзаключенных.

Госдепартамент США упрекнул Ариаса в «наивности», так как он верил в готовность сандинистов заключить с «контрас» мирное соглашение. Шульц заявил о своем «восхищении» Ариасом, но отметил, что не во всем согласен с констианским президентом.

Американцы пытались наказать Никарагуа руками Ариаса потому, что в начале августа 1988 года республиканцам в конгрессе не удалось уговорить демократов возобновить финансирование «контрас». Колебались даже сами республиканцы.

17 июня 1988 года, воспользовавшись срежиссированным ЦРУ и Бермудесом срывом мирных переговоров в Манагуа, Рейган обратился к конгрес-

¹⁹⁵ Shultz Calls for New Nicaragua Talks. См.: <http://www.nytimes.com/1988/08/10/world/shultz-calls-for-new-nicaragua-talks.html>.

су с просьбой возобновить военную помощь «контрас». Чиновники администрации старались пропихнуть законопроект через обе палаты до 18 июля, когда национальный съезд демократов должен был утвердить кандидатом на пост президента Майкла Дукакиса, представителя левоцентристского крыла партии. Чтобы продемонстрировать «партийное единство» в предвыборный год, администрация Рейгана предложила составить законопроект совместно с конгрессом. Пожелавший остаться анонимным представитель администрации сформулировал цель возобновления помощи никарагуанской вооруженной оппозиции так: «... продемонстрировать „контрас“ нашу приверженность их делу, а сандинистам — нашу серьезность в продолжении прежнего курса»¹⁹⁴.

Лидер «Никарагуанского сопротивления» Сесар просил выделить деньги, чтобы «контрас» могли спокойно существовать до февраля — марта 1989, когда в Белый дом придет новый президент. Сесар даже не скрывал, что «контрас» пойдут на возобновление мирных переговоров с сандинистами только в том случае, если 30 сентября 1988 года закончится выделенное им конгрессом финансирование. Переговоры, по словам Сесара, прервались из-за нежелания сандинистов идти на демократические реформы, что должно расположить в пользу «контрас» депутатов американского конгресса.

Лидер сенатского большинства демократ Роберт Берд предложил 4 августа 1988 года в качестве компромисса с республиканцами выделить «контрас» 27 миллионов долларов «гуманитарной помощи», причем по бюджету министерства обороны США. При этом демократы были решительно против любой военной помощи «Никарагуанскому сопротивлению».

Сама Демократическая партия в предвыборный год была расколота по вопросу финансирования «контрас». Влиятельные сенаторы-либералы Эдвард Кеннеди и Джон Керри¹⁹⁵ вообще были противниками «контрас» и считали их «битой картой» и ошибкой американской внешней политики. В то же время кандидат на пост вице-президента на предстоявших выборах техасец Ллойд Бентсен был сторонником «контрас», хотя его «босс», кандидат на пост президента Майкл Дукакис, придерживался противоположной точки зрения.

Республиканцы в лице лидера сенатского меньшинства Боба Доула отвергли компромиссное предложение демократов, так как хотели выделить «контрас» военную помощь без всяких условий в размере 20 миллионов долларов (помимо гуманитарной помощи в размере 27 миллионов долларов)¹⁹⁶. Демократов Доул назвал «капитулянтами».

¹⁹⁴ President Seeks New Contra Aid. См.: http://articles.chicagotribune.com/1988-06-17/news/8801080209_1_contra-aid-nicaraguan-contra-rebels-alfredo-cesar.

¹⁹⁵ В 2004 году Керри был кандидатом Демократической партии на пост президента и проиграл Джорджу Бушу-младшему с небольшим разрывом.

¹⁹⁶ Кандидат на пост президента от республиканцев в 1996 году. Проиграл выборы Биллу Клинтону, отстав от него на 8 миллионов голосов.

В целом демократы не были принципиально против возобновления военной помощи «Никарагуанскому сопротивлению», но требовали, чтобы предварительно Рейган изложил необходимые для этого «чрезвычайные обстоятельства», то есть доказал, что сандинисты не идут на мирные переговоры. От предыдущего финансирования оставалось еще 16 миллионов долларов военной помощи, которые надо было потратить до 30 сентября 1988-го (то есть до конца текущего финансового года).

11 августа 1988 года сенат 49 голосами против 47 одобрил законопроект демократов об оказании деморализованным, как отмечали американские СМИ, «контрас» «гуманитарной помощи» в размере 27 миллионов долларов¹⁹⁷. Военная помощь в 16 миллионов долларов могла быть предоставлена только в том случае, если бы обе палаты конгресса одобрили соответствующий запрос президента, в котором отмечалось бы нарушение сандинистами прав человека, возобновление боевых действий США против «контрас» или массивная военная помощь Никарагуа со стороны СССР или Кубы. Республиканцы голосовали против законопроекта, так как понимали, что ни Никарагуа, ни СССР, ни Куба не предоставят сторонникам «контрас» в конгрессе желанного предложения. Законопроект самих республиканцев, предусматривавший выделение 27 миллионов долларов «гуманитарной» и 20 миллионов долларов военной помощи, был отвергнут сенатом 57 голосами против 39. Берд так охарактеризовал своих республиканских оппонентов и сторонников «контрас»: «Они не прислушиваются к голосу здравого смысла. Он подозревают всех и каждого. Они параноики. Я не могу понять, что делают такие люди в сенате США»¹⁹⁸.

Сами «контрас» время от времени грозились возобновить военные действия осенью 1988 года, но их деморализованные отряды были уже не в состоянии вести какие-либо операции. Бермудес едва ли мог рассчитывать на 3–3,5 тысячи еще желавших слушать его приказы людей. Зато у США были примерно 67 тысяч человек (в том числе 17 тысяч профессиональных военных, 20 тысяч призывников и 30 тысяч резервистов), четыре бронетанковых батальона (вооруженных советскими танками Т-55 и ПТ-76), один механизированный батальон, полевая артиллерийская бригада, зенитная бригада и четыре инженерных батальона. Девять специальных противопартизанских легких батальонов (по 700 человек в каждом) были прекрасно обучены, имели значительный боевой опыт и рвались в бой.

В пограничных войска служили 7 тысяч человек (семь батальонов), еще 2 тысячи составляли бригаду войск МВД. ВМС США насчитывали примерно тысячу человек, ВВС — 3,4 тысячи.

Армии помогали объединенные в территориальные батальоны 50 тысяч бойцов народной милиции.

¹⁹⁷ Sheppard Jr. N. Senate Approves Contra Aid. См.: http://articles.chicagotribune.com/1988-08-11/news/8801210921_1_military-aid-humanitarian-aid-supporter-of-contra-aid.

¹⁹⁸ См.: Ibid.

В феврале 1989 года в городе Тесоро (Сальвадор) прошел четвертый саммит центральноамериканских государств.

Ситуация в мире к этому времени изменилась коренным образом, и отнюдь не в пользу сандинистов. Рейган уже покинул Белый дом, однако новым президентом стал сторонник продолжения его линии, бывший вице-президент Джордж Буш. Социалистический блок в Европе начал распадаться, и СССР фактически свернул помощь Никарагуа, так как Горбачев шел на односторонние уступки американцам по основным международным вопросам, причем зачастую к удивлению самих американцев.

Даниэль Ортега тоже пошел в Тесоро на односторонние уступки, заявив, что президентские выборы в Никарагуа пройдут гораздо раньше положенного срока и следить за их проведением будут международные наблюдатели из специально создаваемой в этих целях миссии ООН. Таким образом, сандинисты согласились на «демократизацию», которую от них требовали американцы и «контрас»¹⁹⁹.

В обмен на эти уступки президенты стран Центральной Америки согласились выработать график демобилизации сил «контрас» в Гондурасе и призвали ООН организовать мониторинг никарагуанско-гондурасской границы (что сандинисты предлагали еще в 1981 году). Однако Гондурас под давлением США фактически сорвал выполнение этой договоренности, заявив, что не может насильно депортировать со своей территории тех никарагуанских граждан, кто пожелает там остаться. Кроме того, Гондурас отказывался допускать на свою границу наблюдателей ООН до тех пор, пока Никарагуа не отзовет свой иск против него из Международного суда ООН. Сами «контрас» в Гондурасе не желали складывать оружие, пока в Никарагуа не пройдут выборы.

16 марта 1989 года новый госсекретарь США Бейкер вызвал недовольство в конгрессе, предложив продлить «гуманитарную помощь» «контрас» еще на 11 месяцев (до президентских и парламентских выборов в Никарагуа). По его мнению, это отнюдь не противоречило центральноамериканскому мирному договору. Председатель сенатского комитета по ассигнованиям демократ Леги предложил администрации Буша «достойно закончить» все дела с «контрас» и вернуть их в Никарагуа в точном соответствии с решениями последнего центральноамериканского саммита²⁰⁰. С точки зрения Леги, «контрас» уже не годились даже на роль «рычага давления» против сандинистов.

31 марта 1989 года подходила к концу «гуманитарная помощь» в размере 27 миллионов долларов, и президент Буш предложил выделить «контрас» 40–50 миллионов до февраля 1990 года. Бейкер отметил, что три центральноамериканских президента (Сальвадора, Гондураса и Гватемалы) поддержива-

¹⁹⁹ См.: http://www.ices.lk/publications/esr/articles_jul99/ESR-Oliver.pdf.

²⁰⁰ Moseley R. Contra Aid Plan Hits A Hurdle In Congress. См.: http://articles.chicagotribune.com/1989-03-16/news/8903270358_1_contras-central-american-presidents-bipartisan-policy.

ют помощь «контрас» именно как средство давления на сандинистов. Сенаторы-демократы в ответ подвергли критике американскую помощь Сальвадору. Несмотря на выделенные этой стране при Рейгане 3 миллиарда долларов, уровень жизни в Сальвадоре сильно упал, так как американская помощь шла исключительно на военные цели.

Влиятельная американская газета «Нью-Йорк Таймс» 16 марта 1989 года так прокомментировала предложение Бейкера: «Есть смысл держать армию „контрас“ на ее гондурасских базах до тех пор, пока сандинисты не продемонстрируют реальный прогресс в плане демократизации Никарагуа. Но госсекретарю Бейкеру нужно больше, чем этот прогресс: он хочет держать повстанцев в готовности, пока Вашингтон не решит, что демократизация завершена. Такое упрямство лишь поможет сандинистам избежать именно тех шагов, которых от них хотят их соседи и Соединенные Штаты»²⁰¹.

Бейкер отправил своего заместителя Роберта Киммита в Гондурас, чтобы уговорить эту страну «потерпеть» на своей территории «контрас» еще около года.

24 марта 1989 года президент Буш объявил о новом курсе в отношении Никарагуа, который поддержали в конгрессе и демократы, и республиканцы. Теперь США, по словам Буша, собирались делать ставку на дипломатию, а не на военную силу. Буш старался выглядеть умеренным, едва ли не миротворцем: «Мы не претендуем на право определять политику в Никарагуа. Это должен решать никарагуанский народ»²⁰².

Но никакого реального поворота в американской политике не произошло. Бейкер договорился с лидерами демократов в конгрессе, что «контрас» будут получать по 4,5 миллиона долларов пресловутой «гуманитарной помощи» ежемесячно вплоть до выборов в Никарагуа. «Компромисс» Буша заключался в том, что конгресс оставил за собой право немедленно прекратить выделение этой помощи, если «контрас» возобновят военные действия (на что они были уже не способны) или будут замечены в нарушениях прав человека.

Буш заявил, что сандинисты должны предоставить конкретные доказательства «демократизации» в Никарагуа. В совместном документе администрации и конгресса говорилось: «В отношении Никарагуа Соединенные Штаты (то есть американские ветви власти — прим. автора) имеют единые цели: демократизация, прекращение подрывной деятельности и дестабилизации в отношении соседей, прекращение военных связей с советским блоком, которые угрожают американской и региональной безопасности»²⁰³. Эти слова ясно показывают, что в американской риторике по сравнению с 1981 годом ничего не изменилось.

²⁰¹ No Diplomacy, No Contra Aid. См.: <http://www.nytimes.com/1989/03/16/opinion/no-diplomacy-no-contra-aid.html>.

²⁰² Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P. 284.

²⁰³ Bipartisan Contra Aid Plan Unveiled by Bush. См.: http://articles.latimes.com/1989-03-24/news/mn-411_1_aid-plan.

Лидеры «Никарагуанского сопротивления» Калеро и Сесар тем временем пытались убедить американскую общественность, что нельзя всерьез относиться к обещаниям сандинистов организовать 25 февраля 1990 года свободные и честные выборы. Дескать, только новое военное наступление «контрас» может заставить их сделать это. Верить сандинистам, по выражению Калеро, — это все равно, что пытаться привязать собаку поводком из сосисок²⁰⁴.

Тем не менее сандинисты выполнили данное Ортегой его центральноамериканским коллегам обещание и 17 марта 1989 года освободили 1894 бывших национальных гвардейцев, отбывавших различные сроки заключения после 19 июля 1979 года. Буш отреагировал на это критикой в адрес достигнутых на центральноамериканском саммите договоренностей о ликвидации лагерей «контрас» в Гондурасе. Мол, в этих договоренностях наряду с позитивными есть и «тревожные моменты»²⁰⁵. «Будьте уверены, что мы не оставим сопротивление в одиночестве, не дадим ему содрогаться в конвульсиях, не добившись выполнения обязательств по демократизации со стороны сандинистов»²⁰⁶. Буша возмутило то, что Ортега на центральноамериканском саммите отделался лишь «неясными обещаниями».

Интересно, что Буш одновременно обещал продолжить военную помощь США афганским душманам, хотя советские войска уже покинули Афганистан.

На пятом центральноамериканском саммите в городе Тела (Гондурас) в августе 1989 года Даниэль Ортега настойчиво потребовал все-таки начать демобилизацию «контрас». Все президенты призвали завершить демобилизацию примерно 12 тысяч «контрас» в Гондурасе до конца 1989 года (выборы в Никарагуа были намечены на февраль 1990 года, хотя по закону должны были состояться в ноябре 1990-го) и обратились к ООН и ОАГ за содействием в этом вопросе. Эти две организации создали совместную Международную комиссию по содействию и верификации, которая должна была следить за демобилизацией «контрас», сдачей ими оружия и расформированием лагерей.

Никарагуа согласилась приостановить свой иск против Гондураса в суде ООН и отозвать его после завершения демобилизации «контрас»²⁰⁷.

Но американцы вмешались и здесь. Внешне Буш действовал более «мягко», чем его предшественник, однако новый тон лишь прикрывал старую политику. Американцы убеждали Гондурас сохранить «контрас» как дубинку против Никарагуа и продолжали оказывать «Никарагуанскому сопротивлению» в Гондурасе «гуманитарную помощь». Буш заявил, что помощь «контрас» будет прекращена только в том случае, если они откажутся от демобилизации после февральских выборов 1990 года в Никарагуа.

²⁰⁴ Dillon S. Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991. P.285.

²⁰⁵ Weinraub B. Bush, Uneasy About Latin Pact, Wants Contra Humanitarian Aid. См.: <http://www.nytimes.com/1989/02/17/world/bush-uneasy-about-latin-pact-wants-contra-humanitarian-aid.html>.

²⁰⁶ См.: Ibid.

²⁰⁷ См.: http://www.ices.lk/publications/esr/articles_jul99/ESR-Oliver.pdf.

Между тем, в самой Никарагуа сандинисты решили в 1988 году провести экономические реформы, очень болезненные для большинства населения. СФНО считал, что в течение оставшегося до выборов времени эти реформы уже дадут позитивный эффект. С другой стороны, все опросы общественного мнения (в том числе и проводимые американскими СМИ) показывали, что сандинисты легко могут выиграть выборы у буржуазной оппозиции.

Смысл реформы состоял в том, чтобы провести деноминацию национальной валюты и отпустить все цены. Тем самым планировалось ликвидировать главный бич населения — гиперинфляцию и насытить прилавки товарами. Однако было ясно, что в первое время те, кто живут на зарплату, столкнутся с резким удорожанием жизни.

Денежная реформа задумывалась в обстановке глубокой секретности с ноября 1987 года и получила военное название — операция «Берта». К моменту ее начала нелегальный курс кордобы к доллару вследствие гиперинфляции достиг фантастического уровня — 5,2 миллиона кордоб за один доллар США²⁰⁸. В стране ходили банкноты по 10 миллионов кордоб, и оппозиция смеялась, что сандинисты превратили всех никарагуанцев в миллионеров.

14 февраля 1988 года (в День святого Валентина) Даниэль Ортега выступил с пакетом экономических реформ, которые ознаменовали полный отход от всей экономической политики прошедшего десятилетия. Президент признал, что реформы 1985 года «выдохлись» и для преодоления инфляции придется прибегнуть к более жестким мерам²⁰⁹.

Ортега объявил о проведении в течение трех дней обмена старых кордоб на новые по курсу 1000:1. С 17 февраля старые деньги полностью изымались из оборота. Реформа была направлена против спекулянтов и дельцов теневого рынка — ни одно лицо не могло поменять наличными более 10 миллионов старых кордоб. Более крупные суммы следовало сдать в банк, где они на время (12–24 месяца) замораживались.

КОСЕП немедленно раскритиковал ограничение на обмен, хотя по статистике эти ограничения затронули только одну из тысячи никарагуанских семей. Однако от замораживания крупных сумм на специальных счетах пострадали и крупные частные сельхозпроизводители, а также многие кооперативы. Кооперативам пришлось увольнять наемных работников и приостанавливать производство из-за отсутствия ликвидности.

Реформа означала и удорожание выданных ранее кредитов, суммы которых при возврате должны были быть умножены на 19. Тем самым кредит становился дорогим, и предприятия уже не могли брать у государства столько денег, сколько им заблагорассудится.

²⁰⁸ La «Operación Berta» en San Valentín. См.: <http://archivo.laprensa.com.ni/archivo/2008/febrero/14/noticias/editorial/242995.shtml>.

²⁰⁹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua.* McGill-Queen's University Press, 1995. P.206.

Курс новой кордобы был установлен на уровне 10:1, в то время как раньше официальный курс равнялся 2700 кордоб за доллар.

Ортега объявил об очередной «адаптации» официальных цен под лозунгом, что труду производителей надо возратить его истинную стоимость. Цены на различные наборы продуктов повседневного спроса были повышены от 129 до 273%. Но одновременно были повышены и зарплаты, причем на 385%. Больше всего выросли зарплаты квалифицированных рабочих и специалистов (высшие тарифные классы СНОТС) — на 662%, в то время как минимальная заработная плата увеличилась на 305%²¹⁰. При этом были ликвидированы все бонусы (кроме бонусов за стаж и рост производительности труда на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях).

Сандинисты подчеркивали, что их реформы не имеют ничего общего с рецептами МВФ, так как реальный прожиточный уровень лиц наемного труда не должен был пострадать от операции «Берта». Все лица наемного труда должны были иметь возможность купить стандартный набор продуктов и услуг на свою заработную плату.

Как и в 1985 году, Ортега призвал «защитить новые цены от спекулянтов». Сандинисты вновь призвали общественные организации к «социальному контролю» на рынках и в магазинах.

Рыночные реформы продолжались. В марте 1988 года правительство объявило, что отныне государственные банки будут кредитовать только 80% нужд заемщиков, а не 100%, как раньше. В апреле краткосрочные кредиты промышленности и торговле были сокращены на 10%, а долгосрочные кредиты — на 30%. Заявления об ужесточении кредитной политики делались и раньше (еще в 1985 году), однако на сей раз правительство было полно решимости добиться осуществления всех этих мер на практике. Правда, весьма странно, что в условиях гиперинфляции правительство оставило ставку по кредитам на прежнем уровне — 30%. Видимо расчет делался на то, что инфляция прекратится буквально в течение нескольких месяцев. Вместо ужесточения кредитной политики путем поднятия ставок правительство избрало путь физического ограничения объема выдаваемых денег.

С помощью всех этих мер по сокращению денежной массы правительство намеревалось снизить бюджетный дефицит с 17% ВВП в 1987 году до 8% в 1988-м. С этой же целью намечалось резко сократить количество государственных служащих, в том числе в армии и полиции. В марте 1988 года сандинисты объявили о сокращении числа госслужащих на 10%, но подчеркнули, что государство обеспечит всех сокращаемых новыми рабочими местами.

Сокращение персонала сопровождалось (и даже объяснялось) сокращением уровня вмешательства государства в экономику. Государственным пред-

²¹⁰ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 207.*

приятиям было сказано, что отныне они должны выживать сами и не надеяться, как раньше, на финансовую помощь государства. Целью для предприятий госсектора отныне должен был стать на валовой объем производства, а максимизация прибыли.

На практике именно на госпредприятиях, а не в госаппарате были в 1988 году уволены по сокращению штатов практически все из намеченных для этого 10 тысяч человек²¹¹. Еще 20 тысяч человек планировалось уволить в 1989 году.

Для сокращаемых сохранялось 100% зарплаты в течение двух месяцев после увольнения, а на третий месяц они получали 75% прежней зарплаты. Тем не менее профсоюзы возмущались, что увольнения часто происходят без всякого учета мнения профорганизаций. За 10 лет революционной власти все рабочие уже привыкли к тому, что потерять работу они просто не могут.

Но теперь министр финансов Уильям Хюппер объявил, что правительство уже не в состоянии гарантировать каждому право на труд, по крайней мере, по прежней специальности.

Тем не менее даже новые повышенные зарплаты не могли угнаться за ростом цен, и дефицит рабочей силы на многих предприятиях сохранялся. На работах в сфере коммунального хозяйства в Манагуа стали использовать осужденных.

В феврале 1988 года впервые за долгие годы в Никарагуа прошли «дикие» забастовки, причем в них приняли участие даже рабочие из сандинистских профсоюзов. Коммунисты организовали стачку строительных рабочих, которые требовали возвращения системы бонусов и повышения зарплаты на 200%.

Президент опять уговаривал рабочих потерпеть, так как уровень благосостояния Никарагуа — страны с 3,5 миллиона населения — зависит всего лишь от 20% рабочих и крестьян, занятых в производстве. А эти люди просто не могут адекватно содержать всех остальных граждан. Зарплату можно повышать только на основе роста производительности труда, так как в противном случае любое повышение денежных выплат только подстегнет инфляцию и тем самым снизит реальную заработную плату.

Рабочих и служащих пытались, как и в 1985 году, успокоить усилением борьбы против спекулянтов. В 1988 году полиция и инспектора министерства внутренней торговли опять взялись за борьбу против торговцев-спекулянтов. Тем торговцам, у кого находили более 20 фунтов продуктов повседневного спроса, грозила конфискация их магазинов. На рынках разворачивались настоящие сражения. 20 февраля 1988 года одного из проверяющих убили ударом ножа на Восточном рынке Манагуа.

Однако борьба против частной торговли была проиграна. Установленные правительством в феврале 1988 года новые цены опять оказались не в состоя-

²¹¹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P.208.*

нии угнаться за уровнем инфляции, которая отнюдь не приостановила свой бег. Поэтому скоро официальные цены оказались даже ниже уровня себестоимости, и продавать по ним не мог ни один из производителей. Постоянная инфляция и девальвация кордобы лишали многих сельхозпроизводителей выручки за прошлый урожай и отбивали всякую охоту к увеличению производства.

В апреле 1985 года частные производители кофе жаловались, что себестоимость одного кинталя (примерно 46 кг) кофе при условии, что необходимые для его производства товары будут получены по государственным ценам, составит 2025 кордоб, а официальная государственная закупочная цена составляет 1130 кордоб²¹².

Поэтому в апреле 1988 года «социальный контроль» над ценами был фактически свернут. Такая непоследовательность оказалась для сандинистов фатальной. Комитеты сандинистской защиты — опора революционной власти на местах — были деморализованы зигзагами правительственной политики и фактически начали самоустраняться из общественной жизни. Их нишу постепенно занимала буржуазная оппозиция.

Ортега был вынужден публично признать, что правительство не сможет контролировать все цены и большинство из них будут «отпущены». Фактически в своей программной речи 15 июня 1988 года президент, как констатировала даже газета сандинистов «Баррикада», объявил о полной либерализации всех цен²¹³.

Понимая, что многие члены СФНО и массовых революционных организаций (включая народную милицию) недовольны монетаристским экономическим курсом, Ортега в июне 1988 года подчеркивал, что этот курс во многом вызван внешнеполитическими и геополитическими соображениями. Именно из-за давления США сандинисты так и не решились полностью уничтожить частную собственность и ввести плановую экономику. Ортега уверял сторонников СФНО, что новая экономическая политика приведет к укреплению революционной власти и что социалистическая ориентация развития Никарагуа сохраняется. «Мы не проводим политику в стиле МВФ в полном смысле этого слова», — отметил президент²¹⁴. «Правда заключается в том, что нет других путей для мотивации производителей, которые реагируют только на экономические стимулы. Таким образом, есть более высокая цель — защита власти рабочего класса, которая является революционной властью, основанной на принципах сандинизма, который, в свою очередь, бесспорно, основывается на марксизме — идеологии пролетариата»²¹⁵.

²¹² *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 213.

²¹³ *Ibid.* P. 217.

²¹⁴ *Ibid.* P. 217.

²¹⁵ *Ibid.* P. 218.

За июньской речью Ортеги последовала новая серия экономических мер в направлении дальнейшей либерализации и сокращения государственного участия в народном хозяйстве. Была произведена девальвация новой кордобы на целых 567%, и ее новый курс составил 80 кордоб за доллар. С этого момента девальвация фактически стала непрерывной, так как изменение курса было привязано к изменению индекса стоимости жизни, который все время рос.

Эта мера полностью ликвидировала реальные прогнозируемые ставки по кредитам на закупку импортных товаров. Раньше, когда курс был неизменным, производитель, по сути, освобождался государством от любого валютно-го риска. Теперь этот риск целиком ложился на его плечи.

Шкала зарплат по СНОТС в июне 1988 года была «адаптирована» в сторону повышения на 30%. Но с этого момента сами нормы СНОТС фактически отменялись — теперь они действовали только для госслужащих. Для работников производственного сектора СНОТС превращались в «рекомендательные нормы».

Цена на бензин повысилась в 10 раз, и было объявлено, что теперь цены на товары и услуги станут пересматриваться периодически, чтобы у производителей имелась гарантированная прибыль при производстве товаров и услуг. Правительство заявило, что будет отныне публиковать только рекомендуемые цены для товаров повседневного спроса.

КОСЕП выразила полное удовлетворение фактической ликвидацией государственного контроля над ценами и зарплатой²¹⁶.

Однако сторонники СФНО были шокированы во второй раз за год. Бойцы революционной армии и милиции не понимали, за что они столько лет проливали кровь, если все социальные завоевания революции уничтожались, причем руками не «контрас», а сандинистского правительства.

Либерализация цен в условиях товарного дефицита, вызванного войной, привела к дикому росту цен. Торговцы-частники и производители стали придерживать товары, так как ждали очередного повышения цен.

В Национальном руководстве СФНО возникли разногласия. Борхе и Руис выступали за возврат к политике государственного контроля. Отражением массового недовольства новой экономической политикой стала статья в официальном органе СФНО — газете «Баррикада» от 20 сентября 1988 года²¹⁷. В статье критиковались социальные последствия монетаристской политики, отказ от «лозунгов-знамен» недавней эпохи, таких как «твердые цены», «государственные каналы распределения», «государственные субсидии» и т.д. Большинство населения, искренне поддерживавшее революцию в самые тяжелые времена, чувствовало себя брошенным правительством на произвол судьбы перед лицом рыночной стихии.

²¹⁶ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P.218.*

²¹⁷ *Ibid. P.219.*

Многие частные предприниматели, которые ранее лицемерно заявляли о своей готовности повысить зарплату, но жаловались на то, что СНОТС якобы не дают им этого сделать, теперь показали свое истинное лицо. Если в среднем зарплаты выросли в июле–ноябре 1988 года на 477%, то цены — на 1017%²¹⁸. Реальная зарплата трудящихся вопреки заверениям Ортеги упала в 1988 году на 85%.

Сандинисты искренне пытались облегчить положение наиболее бедных слоев населения. Все рабочие, в отношении которых сохранялись СНОТС, стали получать продовольственные пайки («программа АФА») — по 10 фунтов риса и бобов и 5 фунтов сахара в месяц. Этой программой были охвачены 160 тысяч человек.

Радикальные монетаристские меры 1988 года не привели к существенному улучшению экономической ситуации. Наоборот, она ухудшилась.

ВВП по итогам 1988 года упал на рекордную в истории Никарагуа величину — 12%, причем падение в расчете на душу населения было еще более драматичным — 14,2%. Особенно сильно пострадало материальное производство — новой добавленной стоимости в промышленности было произведено на 29% меньше, чем в 1987 году. Причем наиболее сильно монетаристские меры ударили по мелким и средним производителям, многие из которых перешли в оппозицию к революционной власти.

Бюджетный дефицит по отношению к ВВП не только не сократился в два раза, как предполагалось, а наоборот, увеличился с 16% в 1987 году до 26,6%²¹⁹. Причина была в том, что налоги не поспевали за обесценением денег. С другой стороны, первоначальное сжатие денежной массы просто лишило многие предприятия ликвидности для уплаты налогов.

Инфляция фактически вышла из берегов — в 1988 году цены выросли на 33547,6%. Экспорт упал до рекордного за всю историю Никарагуа уровня 236 миллионов долларов. Правда, до 718 миллионов долларов снизился и импорт, но дефицит внешнеторгового баланса все равно вырос по сравнению с 1987 годом на 43 миллиона долларов — до 482 миллионов долларов США. Внешний долг страны стал абсолютно неподъемным — 7,2 миллиарда долларов. Для его обслуживания следовало тратить 96,7% всей экспортной выручки.

К концу 1988 года кордоба в результате перманентной девальвации упала до 920 кордоб за доллар. И тем не менее, если очистить эту девальвацию от инфляции, получалось, что в реальном выражении кордоба была ревальвирована за год на 120%, а это опять-таки ударило по никарагуанскому экспорту.

В дополнение ко всем рукотворным несчастьям явно ошибочной монетаристской линии, на Никарагуа в октябре 1988 года обрушился сильнейший тропический ураган «Джоан». На атлантическом побережье страны погибли 148 человек, 184 были тяжело ранены, 100 — пропали без вести. При этом толь-

²¹⁸ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 221.

²¹⁹ *Spalding R.* Capitalists and Revolution in Nicaragua. The University of North Carolina Press, 1994. P. 225.

ко налаженная за годы революции система здравоохранения позволила сделать жертвы столь минимальными.

Было разрушено 23 тысячи, шесть тысяч — повреждено. Некоторые поселки на побережье ураган уничтожил полностью. 250 тысяч никарагуанцев лишились крова над головой. Около 1000 километров линий электропередач требовали замены. Было смыто ливнями 650 километров дорог. Особенно сильно пострадал главный порт Никарагуа на Атлантике Блуфилдс.

Ураган нанес большой ущерб и сельскому хозяйству. Погибло 15,7 тысяч голов крупного рогатого скота, 20 тысяч свиней и 465 тысяч кур и цыплят²²⁰.

Общий экономический ущерб от «Джоан» превысил 750 миллионов долларов. Никарагуа не сталкивалась с подобными стихийными бедствиями после 1911 года.

Правительству опять пришлось запустить печатный станок, чтобы найти средства на восстановление объектов инфраструктуры и жилья. Инфляция в ноябре — декабре 1988 года удвоилась в каждом из этих месяцев, и ее темп в расчете на год достиг 1 200 000%.

Международная помощь не оправдала надежд Никарагуа. Социалистическая система находилась в процессе распада, а западные страны помогать сандинистам не собирались.

В начале 1989 года было объявлено, что президентские и парламентские выборы состоятся не в ноябре, а уже в феврале 1990 года. Ситуация в экономике ухудшалась, и большинство населения требовало ужесточения государственного регулирования, особенно в области цен.

Также считали и большинство никарагуанских экономистов. Ассоциация экономистов (APEN) в начале 1989 года раскритиковала зацикленность нового экономического курса на макроэкономических финансовых показателях. Экономисты также призвали более равномерно распределять тяготы адаптации среди различных слоев населения. APEN считала необходимостью централизацию государственного управления экономикой и мобилизацию всех ресурсов на увеличение именно валового объема производства, без чего нельзя было насытить рынок и остановить скандально быстрый рост цен²²¹. Экономисты предложили создать в каждом регионе Чрезвычайные экономические советы, которые должны были добиваться выполнения планов по производству товаров и услуг.

В январе 1989 года к восстановлению контроля над ценами призвала популярная газета «Нуэво Диарио», которая обычно поддерживала сандинистов. В противном случае газета пророчески предсказывала стремительную «эрозию» социальной базы революции.

²²⁰ Hurricane Joan–Miriam. См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Hurricane_Joan%E2%80%93Miriam.

²²¹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua.* McGill–Queen’s University Press, 1995. P.223.

В Национальном руководстве СФНО в начале 1989 года тоже ясно сформировались две тенденции. Руис и Борхе полностью поддерживали идею жесткой централизации государственного управления экономикой и восстановления контроля над ценами. Даниэль Ортега, наоборот, считал, что «военная экономика» погубит сандинистов и к тому же будет негативно воспринята за рубежом как очередное свидетельство «тоталитаризма».

Ортегу поддерживала та самая группа экономистов, которая уже сформулировала программу реформ в 1988 году (среди них были мексиканцы, бразильцы, чилийцы, испанцы, американцы, представители ЧССР и ФРГ). Экономисты говорили, что только ураган «Джоан» помешал успешной реализации первого пакета экономических мер (который никарагуанские газеты окрестили «пакетом без людей» за его антисоциальную направленность).

Министр торговли Алехандро Мартинес вспоминал: «Самым сложным было убедить политическое руководство страны, что наши возможности сужаются и что единственно возможной является радикальная программа экономической адаптации. Мы вели дискуссии на эту тему в декабре 1988 года, когда была представлена экономическая программа на 1989 год, которая предполагала радикальное сокращение всех государственных расходов, включая ассигнования на вооруженные силы. Дискуссии в Национальном руководстве (СФНО) длились почти месяц, включая субботы и воскресенья, и мы пытались убедить его, что то, что мы должны осуществить, является не мерами какой-либо определенной экономической теории или доктрины (ясный намек на монетаризм — прим. автора), а единственной альтернативой в условиях переживаемой страной гиперинфляции. Я помню, что сначала (Даниэль) Ортега отверг все наши предложения»²²².

Мартинес отмечал, что переубедить Ортегу помог советский посол, который ясно дал понять, что СССР в ходе «перестройки» тоже столкнулся с трудностями и не сможет больше оказывать Никарагуа серьезной экономической помощи. «Его ответ лишний раз убедил меня в том, что у нас нет альтернативы...»²²³

Мартинес объяснял Ортеге, что хотя монетаристские меры привели к падению ВВП в 1988 году на 6% и приведут к падению этого показателя еще на 4% в 1989-м, без них финансовая система страны рухнет и ВВП упадет вообще на 20%. Экономисты доказывали Национальному руководству СФНО, что сокращение производства и рост безработицы неизбежны при борьбе против инфляции.

Монетаристский план, который, в конце концов, одобрило Национальное руководство СФНО, предполагал снизить уровень инфляции к концу 1989 года до приемлемой цифры и резко нарастить объемы экспорта, который к 1996 году следовало довести до миллиарда долларов. Авторы плана нисколько не сомневались, что на выборах в феврале 1990 года сандинисты одержат

²²² *Martinez A. Sandinista Economics in Practice. Boston, 1992. P. 75.*

²²³ *Ibid.*

победу. Об этом же по-прежнему свидетельствовали все опросы общественного мнения.

30 января 1989 года в своем выступлении Ортега отметил, что если никарагуанской экономике не удастся «совершить качественный скачок в этих тяжелых и сложных условиях», то «придется окончательно ввести военную экономику», что означало бы «тотальное распределение и вмешательство государства в производство и распределение всех ресурсов»²²⁴.

Именно в этой речи Ортега объявил о новой серии экономических реформ, признав, что в 1988 году так и не удалось «остановить галопирующего коня» инфляции. Президент обещал сократить бюджетный дефицит в пять раз, что на практике означало резкое сокращение численности армии и полиции. Ортега признал, что это приведет к росту безработицы, но заметил, что во многих секторах экономики ощущается недостаток рабочих рук и все желающие смогут найти новую работу. Правительственные экономисты полагали, что государству придется уволить 30 тысяч человек, в том числе 10 тысяч военнослужащих армии и 13 тысяч сотрудников МВД.

Президент подтвердил приверженность политике либерализации цен и обещал ввести параллельный курс кордобы, который был бы близок к рыночному. При этом никакого повышения зарплаты в госсекторе глава государства уже не обещал. Фактически Ортега признал, что реформы проводятся в «стиле МВФ», а сокращение бюджета будет происходить в типично «капиталистической манере».

Национальное руководство СФНО согласилось с продолжением монетаристского курса потому, что считало свою победу на выборах 1990 года делом решенным. Сандинисты полагали, что доверие к революционной власти по-прежнему высоко и люди смогут «простить» СФНО временные экономические лишения.

Но выступление Даниэля Ортеги 30 января окончательно убедило многих сторонников революции, что сандинисты свернули с пути социальной справедливости, склонившись перед международным давлением. Среди сторонников СФНО стала распространяться апатия — они не хотели агитировать население за новый курс, против которого искренне боролись столько лет, в том числе и с оружием в руках.

Перманентная девальвация кордобы в 1989 году привела к тому, что параллельный государственный курс в сентябре 1989-го был всего на 15% выше курса черного рынка, в то время как в конце 1988 года разрыв составлял 476%²²⁵. В июне 1989 года за один доллар официально давали 20 тысяч кордоб — таким образом, монетарная реформа начала 1988 года была фактически сведена на нет. Затем правительство по политическим соображениям (близилась вы-

²²⁴ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P.223.

²²⁵ *Ibid.* P.225.

боры) притормозило девальвацию, и разрыв между официальным и неофициальным курсом опять начал расти.

Однако реальный курс кордобы, который теперь начал применяться при всех внешнеторговых операциях, сделал заведомо убыточными все крупные государственные сельскохозяйственные проекты, зависящие от импорта, например, производство зерна на хлопковых плантациях в межсезонье. Молоко в мелких и отсталых крестьянских хозяйствах, обходившихся без иностранных технологий, теперь стало более прибыльным, чем на современных государственных крупных предприятиях.

Производителям хлопка пришлось выплачивать большие субсидии — по 1,7 миллиона кордоб за один гектар.

Тем не менее в первые три месяца 1989 года инфляция существенно снизилась, и правительство было настроено оптимистично.

В апреле 1989 года (когда инфляция была на самом низком уровне за последние год-полтора) Даниэль Ортега объявил о замораживании ставок по кредитам на четыре месяца. Однако в июне — июле 1989-го инфляция опять ускорила, и проценты по кредитам быстро стали для банков негативными²²⁶.

Покупательная способность зарплаты тех трудящихся, которые по-прежнему были в системе СНОТС, несколько увеличилась в 1989 году благодаря замедлению темпов роста цен. Но исходный уровень этого улучшения был таким мизерным, что люди все равно были недовольны. В мае 1989 года забастовали учителя, являвшиеся до сих пор самыми преданными сторонниками СФНО. На сторону учителей, требовавших повышения зарплаты, встали сандинистские профсоюзы и даже министр образования.

В июне 1989 года Даниэль Ортега встретился с сотнями учителей. Президент пытался убедить педагогов, что правительство не предало социальные идеалы Сандинистской революции: «Мы не пропагандируем общество богатых и бедных, потому что мы защищаем власть народа, власть трудящихся. Однако в экономической сфере мы защищаем и пропагандируем смешанную экономику, которая создает экономические различия, а также богатых и бедных». При этом президент признал, что правительство вынуждено проводить политику в духе МВФ, но альтернативой ей может быть только военная экономика, при которой «заработная плата уже больше не будет существовать, заработная плата исчезнет, и каждый будет получать по норме те продукты, которые будут в наличии»²²⁷.

Ортега говорил, что даже монетаристская политика может проводиться революционной властью в интересах большинства народа, так же как винтовку можно применять и для подавления народа, и для его освобождения.

²²⁶ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 226.*

²²⁷ *Ibid. P. 227.*

Президент обещал учителям немного повысить зарплату в июне 1989 года с тем, чтобы это повышение компенсировало инфляцию в мае. Помимо этого были обещаны немонетарные льготы, например, талоны на бесплатный проезд в общественном транспорте.

Тем не менее стачка учителей показала сандинистам, что их рейтинг среди населения стремительно падает. Поэтому в июне 1989 года было принято решение приостановить девальвацию кордобы и временно заморозить цены на девять товаров массового спроса. Были заморожены и тарифы на жилищно-коммунальные услуги. Дизельное топливо (важное для сельского хозяйства) и керосин (которым дома пользовались многие бедные никарагуанцы) опять стали субсидировать. Государственным компаниям было предписано прекратить политику постоянного повышения цен, хотя ничего другого в условиях рыночной либерализации им не оставалось.

Однако правительство не хотело отказываться от монетаристского курса, который уже не могла скрыть революционная и марксистская риторика Ортеги и других членов Национального руководства СФНО. И Даниэль Ортега, и Томас Борхе в духе модного в то период «социал-демократического тренда» стали приводить в качестве примера для Никарагуа якобы «социалистические» скандинавские страны типа Швеции. В СССР тогда тоже модно было превозносить на все лады «шведскую модель», которая (как и «финская модель», процветавшая благодаря торговым связям с СССР) рухнула уже в начале 1990-х годов, когда страну открыли для мировой экономики.

Нерыночные меры правительства в июне 1989 года дали гораздо больший результат в плане борьбы с инфляцией, которая замедлилась в августе — декабре 1989-го и составила «всего» 439%²²⁸. Бюджетный дефицит достиг плановых показателей — всего 5% от ВВП. Но этот успех дался тяжелой социальной ценой. Безработица, которая в 1981 году составляла 16% трудоспособного населения и с тех пор не росла, подскочила в 1989 году до 31%.

Именно поэтому ВВП в 1989 году упал в расчете на душу населения еще на 4,5% (в целом на 1,9%) и составлял менее половины от дореволюционного уровня. ВВП на душу населения был даже меньше, чем в 1960 году.

Инфляцию удалось обуздать, но она все равно оставалась на неприятном для населения уровне 1689,1%. Экспорт вырос до 332 миллионов долларов, что было все еще существенно ниже уровня 1984 года. Импорт сократился до 570 миллионов (импортные товары из-за девальвации кордобы сильно подорожали), благодаря чему дефицит торгового баланса снизился до 238 миллионов долларов — лучший показатель за все революционные годы. Но хвалиться здесь было особенно нечем — сокращение импорта мешало развитию матери-

²²⁸ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P.228.*

ального производства, которое не могло пока обходиться без импортных удобрений и комплектующих.

Внешний долг достиг 9,7 миллиарда долларов, так как Никарагуа приостановила его обслуживание.

Монетаристский курс правительства ни в коей мере не помирил его с национальной буржуазией, зато серьезно подорвал популярность сандинистов среди трудящихся.

Буржуазная оппозиция, ранее критиковавшая марксистов из СФНО за государственное вмешательство в экономику, теперь еще более яростно ругала правительство за отпуск цен и другие «антинародные меры». Сандинисты это понимали. Летом 1988 года Ортега предупредил: «Я... не разрешу людям, которые когда-то критиковали меры революции, подвергать сомнению наши усилия сейчас, когда мы приняли меры по сохранению экономики в период больших трудностей»²²⁹. Президент обрушился с критикой на КОСЕП, «Ла Пренсу» и «фашистов, сторонников янки»: «Это подстрекатели толпы, которые вечно недовольны. Единственный способ удовлетворить их — это похоронить их всех разом... Им предложили мир... Но если они не воспользуются этой возможностью и не станут вести себя соответствующим образом, то будьте уверены — мы их сметем».

10 июля 1988 года полиция разогнала в городе Нандайме марш оппозиции, в котором участвовали примерно 2500 человек, после чего из страны выслали посол США Мелтон²³⁰, обвиненного сандинистами в разработке «плана Мелтона» по дестабилизации Никарагуа, и семь других американских дипломатов. Были закрыты на 15 суток за подстрекательство к беспорядкам «Ла Пренса» и одна из католических радиостанций.

Демонстранты в Нандайме явно лезли на рожон, нападали на полицейских, и последним пришлось применить слезоточивый газ. Как сообщал, например, корреспондент «Нью-Йорк Таймс», митинг в Нандайме не продлился и пяти минут, когда его участники с камнями и палками напали на полицейских. Факты провокаций со стороны демонстрантов в отношении полиции зафиксировала и американская правозащитная организация «Америкас Уотч».

Были задержаны 40 человек. Несмотря на провокации, полиция не применила огнестрельного оружия, хотя демонстранты серьезно ранили шестерых полицейских.

Мелтон, в отличие от своего предшественника, активно встречался с деятелями оппозиции и подстрекал их к усилению борьбы против СФНО. Например, посол США участвовал в заседании КОСЕП в Эстели, на котором обсуждался план борьбы против правительства. Один из сотрудников посольства США участвовал в демонстрации в Нандайме, где его сфотографировали журналисты.

²²⁹ *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 231.*

²³⁰ Ричард Мелтон прибыл в Никарагуа всего за два месяца до своего выдворения.

Версию сандинистов в отношении Мелтона подтвердил в сентябре 1988 года не кто иной, как спикер палаты представителей конгресса США, заявивший, что ЦРУ «специально провоцировало активность оппозиции в Никарагуа в надежде вызвать чрезмерную реакцию сандинистского правительства»²³¹.

Администрация Рейгана в качестве ответной меры немедленно выслала из США восемь никарагуанских дипломатов. Однако президент США отказался разрывать дипломатические отношения с Манагуа, хотя и отметил, что это всегда можно сделать²³². Американцам было нужно посольство в Никарагуа для разворачивания кропотливой работы по объединению буржуазной оппозиции в единый антиправительственный избирательный блок.

Если сандинистов не удалось победить оружием, то их следовало разгромить на выборах, как американцы уже успешно сделали на Ямайке с левым правительством Майкла Мэнли в 1980 году, проведя широкую кампанию по дестабилизации режима и щедро профинансировав правую оппозицию.

Сандинисты после событий в Нандайме ясно дали понять, что либерализация экономической политики не означает капитуляцию революции как таковой. Через неделю после демонстрации оппозиции было объявлено о национализации крупнейшего частного концерна страны — завода по производству сахара и рома Сан-Антонио вместе с плантациями сахарного тростника площадью 3 тысячи гектара. Владельца компании Альфредо Пельяса рабочие обвиняли в саботаже производства еще в 1984 году. Борхе говорил, что семья Пельяса вывозит за границу оборудование. В 1987 году газеты писали, что завод Сан-Антонио работает только на 60% своей мощности²³³.

Но до 1988 года сандинисты по политическим соображениям не трогали концерн, который служил своего рода доказательством нормальных прагматичных отношений между крупным частным бизнесом и правительством. Теперь национализацией Сан-Антонио СФНО ясно давал понять КОСЕП, что не потерпит курса крупного частного бизнеса на дестабилизацию положения в Никарагуа.

В начале 1989 года, запустив новую серию экономических реформ, сандинисты опять попытались наладить рабочие отношения с частными предпринимателями. Министр экономики и член Национального руководства СФНО Луис Каррион на встрече с руководством Торгово-промышленной палаты подчеркнул, что правительство намерено дать частному бизнесу четкие гарантии против национализации и ясно определить его место в системе смешанной экономики.

²³¹ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P.232.

²³² *McManus D.* U.S. Expels Nicaragua's Ambassador and 7 Others. См.: http://articles.latimes.com/1988-07-13/news/mn-5709_1_nicaragua-s-ambassador.

²³³ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P.234.

В рамках так называемой политики консертации (то есть «единения») правительство предложило создать для каждой отрасли экономики советы из представителей частного бизнеса и государственных структур, которые должны были вырабатывать рекомендации по развитию этих отраслей.

После первых же заседаний эти советы подверглись критике со стороны КОСЕП и правой оппозиции. И КОСЕП, и «координатора» заявили, что будут участвовать в работе советов только в том случае, если туда пригласят и «контрас»²³⁴.

Сандинисты относились к правой оппозиции снисходительно, и эта недооценка сыграла для них роковую роль. Даниэль Ортега так охарактеризовал правых в июне 1989 года: «Мы живем со скорпионом на рубашке. Мы знаем об этом скорпионе, но верим в силу народа, и если скорпион прибегнет к силе, то мы его раздавим»²³⁵. В этом же месяце правительство для демонстрации серьезности своих намерений экспроприировало три кофейные плантации в Матагальпе, собственники которых были связаны с КОСЕП. Причиной этой акции стало «конфронтационное и анархистское поведение» собственников, мешавшее «достижению единства перед лицом кризиса в Никарагуа». Заместитель министра внутренних дел назвал бывших владельцев «профессиональными провокаторами на службе ЦРУ»²³⁶.

Глава КОСЕП Энрике Боланьос утверждал, что в его распоряжении есть список из 36 поместий, которые сандинисты наметили к национализации по политическим мотивам.

В ответ на национализацию трех кофейных плантаций организации — члены КОСЕП вышли из советов по животноводству и хлопку, но многие организации частных производителей продолжили работу в этих органах.

19 июля 1988 года в речи по случаю очередной годовщины Сандинистской революции Даниэль Ортега подтвердил, что целью СФНО является построение социалистического общества. «В этот день, 19 июля, были разбужены многочисленные ожидания... что сандинисты провозгласят себя социалистами. Кажется, что они (никарагуанская буржуазия и США) до сих пор не поняли, что сандинисты — это социалисты и что социализм преобладает в Никарагуа с 19 июля 1979 года»²³⁷.

На встрече президентов центральноамериканских стран в феврале 1989 года Ортега пообещал, что сандинисты уступят власть в течение трех месяцев, если потерпят поражение на выборах в феврале 1990 года. Сразу же после этого заявления ЦРУ и посольство США в Манагуа начали активно сколачивать единый оппозиционный блок.

²³⁴ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 234.

²³⁵ *Ibid.* P. 234.

²³⁶ *Ibid.* P. 235.

²³⁷ *Luciak I.A.* The Sandinista legacy: lessons from a political economy in transition. University Press of Florida, 1995. P. 13.

Это было непросто. Буржуазные партии, бойкотировавшие выборы 1984 года, считали предателями тех, кто в этих выборах участвовал. Некоторые оппозиционные партии открыто поддерживали «контрас», другие относились к ним более чем настороженно. Никакого единства не было и насчет кандидатуры на пост президента.

По иронии судьбы сами сандинисты в процессе «консервации» призывали оппозицию к объединению, чтобы у правительства был единый партнер на переговорах о преодолении экономического кризиса. Член Национального руководства СФНО Байардо Арсе заявил в январе 1989 года, что он предпочел бы союз консерваторов, либералов и «прочих»²³⁸.

Сандинистам в этом их стремлении «помогли» американцы. В апреле 1989 года Национальный фонд демократии конгресса США выделил 2 миллиона долларов на предвыборную кампанию буржуазной оппозиции. Было публично объявлено, что целью этого финансирования является «помочь оппозиции сплотиться, преодолеть ее исторические разногласия и создать общенациональную политическую структуру»²³⁹. ЦРУ в 1989 году выделило оппозиции из своего секретного фонда 5 миллионов долларов.

Именно благодаря финансовому и политическому содействию американцев в июне 1989 года был создан единый предвыборный блок — Национальный союз оппозиции (испанская аббревиатура УНО — точно так же еще совсем недавно называли себя и «контрас»). Помимо традиционных буржуазных партий — различных группировок консерваторов и либералов — в УНО вошли социал-демократы Педро Хоакина Чаморро, Никарагуанское демократическое движение Робело и ряд только что образованных правых групп типа Партии национального действия²⁴⁰.

Американцам для того чтобы избавиться от имиджа УНО как блока «бывших», удалось привлечь туда и левые партии — Никарагуанскую социалистическую (коммунисты, которые к тому времени уже официально объявили себя социал-демократами), Коммунистическую партию Никарагуа (откололась от соцпартии в 1966 году и стояла на более левых позициях; в отличие от социалистов с первых дней революции находилась в оппозиции к СФНО) и Народную социал-христианскую партию. Правда, последняя прямо перед выборами раскололась, и большая ее часть покинула УНО.

Никакой роли в руководстве блока УНО левые не играли, но придавали этой коалиции «народный» вид.

Еще девять мелких партий (как правых, так и левых) решили пойти на выборы самостоятельно, но никаких шансов у них не было. Избиратели понима-

²³⁸ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 238.

²³⁹ *Ibid.* P. 239.

²⁴⁰ Основана в 1987 году в результате раскола Социал-христианской партии. Стояла на резко антиправительственных позициях и открыто поддерживала США.

ли, что реальными претендентами на власть являются СФНО и УНО и что УНО создана с единственной целью — отстранить сандинистов от власти.

На зарубежные поездки лидеров УНО американцы истратили 50 тысяч долларов, еще 1,25 миллиона было потрачено на «зарплаты» и льготы для оппозиционных политиков. Американцы купили для оппозиционеров японские машины «тойота» и мотоциклы.

10 мая 1989 года госсекретарь США Бейкер провел в Москве переговоры со своим советским коллегой Шеварднадзе. Среди многих тем Бейкер затронул и положение в Никарагуа. Он практически потребовал от СССР прекратить поставки оружия в эту страну, так как они якобы могут повредить советско-американским отношениям в других областях. Шеварднадзе, как вспоминал Бейкер, заверил его, что сандинисты «готовы провести выборы на истинно демократической основе, даже если им суждено проиграть»²⁴¹. Впоследствии Бейкер писал, что Шеварднадзе, в отличие от многих лидеров западных стран, похоже, предвидел поражение сандинистов.

Сандинисты не стали менять лошадей на переправе и выдвинули кандидатами на пост президента и вице-президента Даниэля Ортегу и Серхио Рамиреса. Предвыборным слоганом СФНО стал лозунг «Все будет лучше!», который был не очень убедителен в сложившейся в стране обстановке.

С кандидатом УНО все обстояло не так просто. Шесть партий блока поддерживали лидера КОСЕП Энрике Боланьоса. Но этот крупный предприниматель был в глазах многих никарагуанцев олицетворением той части буржуазии, которая активно сотрудничала и процветала при диктатуре Сомосы. Американцы сочли, что он будет слабым кандидатом и удобной мишенью для пропаганды сандинистов, и остановили свой выбор на Виолетте Чаморро, вдове убитого в январе 1978 года главного редактора «Ла Пренсы» Педро Хоакина Чаморро.

Донья Виолетта до весны 1981 года входила в состав правительственной Хунты национального восстановления — высшего органа революционной власти. В политику Виолетта Чаморро попала именно из-за трагической гибели мужа, став символом борьбы против диктатуры Сомосы в буржуазных кругах. Когда она подала в отставку по состоянию здоровья, к ней в дом, чтобы отдать дань уважения, приехали все члены Национального руководства СФНО.

Виолетта Чаморро была в оппозиции к СФНО, но никакого активного участия в политике не принимала. Ее сделали кандидатом на пост президента отчасти из-за «революционного» прошлого, но главным образом потому, что она была слабым политиком, и за ее спиной к власти могли прорваться «контрас» и откровенно проамериканские силы. Когда Чаморро в сентябре 1989 года официально была утверждена кандидатом УНО на пост президента, США немедленно выразили ей свою полную поддержку.

²⁴¹ Baker J.A. The Politics of Diplomacy. New York, 1995. P.76.

На пост вице-президента от УНО был выдвинут либерал Вирхилио Годой, который работал в революционном правительстве до 1984 года, а потом участвовал в «нелегитимных», с точки зрения американцев, выборах 1984-го. КОСЕП выступила против Годоя, и только посольство США смогло заставить предпринимателей остаться в составе УНО²⁴².

Таким образом, внешне кандидаты УНО выглядели весьма умеренно, и избиратели не ассоциировали их с бывшей диктатурой или с «контрас».

Лозунги УНО были весьма просты — сандинисты-де довели страну до экономического коллапса и раскололи общество, вызвав гражданскую войну. УНО же в случае прихода к власти даст стране мир и процветание, так как будет поддерживать хорошие отношения с США и не сковывать частную инициативу в экономике. Виолетта Чаморро избегала в своих выступлениях конкретных обещаний, зато часто апеллировала к божьей помощи, что производило впечатление на отсталых крестьян и женщин. Она говорила, что часто общается с богом и со своим убитым мужем, которые ей помогают. Примечательно, что Чаморро ничего толком не говорила об экономических проблемах и путях их преодоления, так как и сама в этом абсолютно не разбиралась.

Но при этом кандидат УНО позиционировала себя как единственную фигуру, способную примирить всех никарагуанцев. Она обещала не только полную амнистию всем «контрас», но и отказ от политических репрессий в отношении сандинистов, если те проиграют выборы. Уставшие от войны люди охотно внимали таким речам.

Годой открыто издевался над своим партнером — мол, выступления Чаморро нельзя назвать «слишком умными»²⁴³. Когда между ним и представителями других партий блока возникли разногласия относительно списка кандидатов в Национальную ассамблею, то есть парламент, Годой стал угрожать снятием своей кандидатуры, но тут опять вмешались американцы.

В январе 1990 года окружение Чаморро прекратило финансирование Годоя и его сторонников. Дело дошло до того, что сторонники Годоя и Чаморро дрались между собой на предвыборных митингах.

Сандинисты в своей кампании ассоциировали УНО с Сомосой и «контрас» и предрекали реставрацию диктатуры в случае победы оппозиции. Даниэль Ортега заявил, что людям предстоит сделать выбор между «революцией и контрреволюцией, между сомосизмом и сандинизмом»²⁴⁴. СФНО призывал народ защитить завоевания революции, но проблема была в том, что экономические реформы 1988–1989 годов свели эти завоевания на нет для большинства трудящихся. Сандинисты обещали людям поток международной экономической

²⁴² *Ryan Rh. The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P.239.*

²⁴³ *Ibid. P.239.*

²⁴⁴ *Ibid. P.240.*

помощи после выборов. Но избиратели в это верили с трудом — они понимали, что США и подконтрольные им международные финансовые организации никогда не будут сотрудничать с сандинистами.

В декабре 1989 года многим казалось, что сами выборы под угрозой срыва. В это время США совершили агрессию против Панамы, и правительство Никарагуа привело вооруженные силы в состояние самой высокой степени боевой готовности. УНО немедленно обвинило сандинистов в том, что они искусственно раздувают в стране атмосферу военного психоза.

21 февраля 1990 года СФНО провел свой заключительный предвыборный митинг в годовщину злодейского убийства Аугусто Сесара Сандино в 1934 году. Это было самое многочисленное политическое мероприятие в истории Никарагуа — в Манагуа собрались около полумиллиона человек. Ортега обратился к людям, будучи уверенным в грядущей победе: «25 февраля мы должны сокрушить сомосизм. Мы должны сокрушить „контрас“. Мы должны сокрушить предательство... Мы уже выиграли эти выборы»²⁴⁵.

Опросы общественного мнения, казалось, подтверждали правоту слов лидера СФНО. Например, опрос избирателей, проведенный Эй-Би-Си совместно с газетой «Вашингтон Пост», дал сандинистам 48% голосов, а УНО — лишь 32%²⁴⁶. Некоторые наблюдатели полагали даже, что УНО не выйдет и на второе место.

На выборах 25 февраля 1990 года в Никарагуа присутствовали сотни международных наблюдателей, в том числе американских (среди них и бывший президент США Картер). Никаких серьезных нарушений зафиксировано не было.

Результаты потрясли всех. На избирательные участки пришли 86% всех зарегистрированных избирателей. УНО получило 54,74 % голосов (777 552 голоса), СФНО — 40,82% (579 886). Из 92 мест в Национальной ассамблее УНО завоевало 51, сандинисты — 39. Из 131 муниципального совета (местные органы власти) УНО после выборов контролировало 102.

Даниэль Ортега, выступая по телевидению, едва сдерживал слезы. Он признал поражение и подтвердил обещание уступить власть победившей оппозиции.

Революция в Никарагуа потерпела поражение. Будет ли это поражение временным или окончательным — покажет история.

²⁴⁵ *Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995. P. 241.

²⁴⁶ *Vanden H.E., Prevost G.* Democracy and Socialism in Sandinista Nicaragua. Colorado, Lynne Rienner Publishers, 1993. P. 145.

Краткая хронология истории Никарагуа

(июль 1979 года — февраль 1990 года)

- 1979 год, 19 июля — победа Сандинистской революции под руководством Сандинистского фронта национального освобождения (СФНО)
- 1979 год, август — создание Сандинистской народной армии (СНА)
- 1979 год, 18 октября — признание Советским Союзом революционного правительства Никарагуа
- 1980 год, март — начало массовой кампании по ликвидации неграмотности, за успешное проведение которой Никарагуа была отмечена ЮНЕСКО
- 1980 год, ноябрь — победа на президентских выборах в США ярого антикоммуниста и врага сандинистов Рональда Рейгана
- 1981 год, апрель — май — провал попыток буржуазной оппозиции спровоцировать в стране внутривластный кризис
- 1981 год, декабрь — начало первого массированного наступления вооруженной контрреволюции с территории Гондураса (операция «Красное рождество»)
- 1982 год, март — в ответ на диверсии и нападения «контрас» в Никарагуа вводится чрезвычайное положение
- 1982 год, май — первые советско-никарагуанские переговоры на высшем уровне в Москве
- 1983 год, осень — в Никарагуа вводится воинская повинность
- 1984 год, февраль — март — диверсанты из ЦРУ минируют все крупные никарагуанские порты
- 1984 год, 4 ноября — на президентских и парламентских выборах в Никарагуа убедительную победу одерживает СФНО
- 1985 год, февраль — начало осторожных рыночных реформ в Никарагуа
- 1985 год, май — США объявляют экономическое эмбарго против Никарагуа
- 1986 год, июнь — Международный суд ООН по иску Никарагуа осуждает необъявленную войну США против этой страны и требует от США выплатить правительству Никарагуа материальную компенсацию
- 1986 год, ноябрь — в США начинается разворачиваться скандал «Иран — „контрас“» («Ирангейт»)

- 1987 год, 7 августа — подписание пятью центральноамериканскими странами договора в гватемальском городе Эскипулас с целью преодоления напряженности в Центральной Америке
- 1987 год, декабрь — «контрас» нападают на центры никарагуанской горнодобывающей промышленности
- 1988 год, февраль — операция «Берта»: денежная реформа в Никарагуа; начало либерализации цен.
- 1988 год, март — подписание временного соглашения о перемирии между правительством Никарагуа и «контрас»
- 1988 год, июнь — «контрас» под диктовку США срывают переговоры об окончательном мирном урегулировании в Никарагуа
- 1990 год, 25 февраля — СФНО проигрывает президентские и парламентские выборы проамериканской оппозиции

Список источников и литературы

- Американский экспансионизм. Новейшее время. М., 1986.
- Андино Р., Мис Д., Шмидт Р.* Революция в Центральной Америке. М., 1985.
- Бальтра А.К.* Экономическое развитие Латинской Америки. М., 1963.
- Барри Т., Вуд Б., Пройш Д.* Доллары и диктаторы. М., 1986.
- Белят М.Ю.* Никарагуа: портрет в черно-красных тонах. М., 1987.
- Бойко П.Н.* Латинская Америка: экспансия империализма и кризис капиталистического пути развития. М., 1973.
- Бродович Б.Н.* Национальный доход стран Латинской Америки. М., 1974.
- Внешняя политика стран Латинской Америки после второй мировой войны. М., 1975.
- Вольский В.В.* Латинская Америка, нефть и независимость. М., 1964.
- Гамбоа Ф.* Коста-Рика. Историко-публицистический очерк. М., 1966.
- Гвоздарев Б.И.* «Союз ради прогресса» и его сущность: (Кризис латиноамериканской политики США). М., 1964.
- Гонионский С.А.* Сандино. М., 1965.
- Горнов М.Ф., Ткаченко В.Г.* Латинская Америка: опыт народных коалиций и классовая борьба. М., 1981.
- Зарубежные страны. Политико-экономический справочник. М., 1957.
- Зубок Л.И.* Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969.
- Игнатьев О.К.* Штурм Тискапы. М., 1979.
- Идейное наследие Сандино. М., 1982.
- История Латинской Америки. 70-е годы XIX века — 1918 год, М., 1993.
- История Латинской Америки. 1918–1945. М., 1999.
- История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., 2004.
- Капитализм в Латинской Америке. М., 1983.
- Коваль Б.И.* Латинская Америка: революция и современность. М., 1981.
- Коваль Б.И.* Рабочее движение в Латинской Америке. М., 1979.
- Кособчук С.Н.* Кредитные системы стран Латинской Америки. М., 1983.
- Ларин Е.А.* Повстанческая армия в Кубинской революции. М., 1977.
- Латинская Америка в международных отношениях XX век. М., 1988. Т. 1–2.
- Латинская Америка в цифрах. М., 1989.

- Латинская Америка. Проблемы единства антиимпериалистических сил. М., 1974.
- Латинская Америка: проблемы истории и внешней политики. М., 1976.
- Латинская Америка. Энциклопедический справочник в 2-х томах. М., 1979, 1982.
- Леонов Н. С. Очерки новой и новейшей истории стран Центральной Америки. М., 1975.
- Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка. М., 1974.
- Международные отношения в Центральной Америке и Карибском бассейне в 80-х годах. М., 1988.
- Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. М., 1976.
- Некочаев Э. Р. США и Латинская Америка. 1930–1965. М., 1967.
- Никарагуа: путь борьбы и победы. М., 1984.
- Окорков А. В. СССР в борьбе за мировое господство. М., 2009.
- Политические партии стран Латинской Америки. М., 1965.
- Семенов С. И. Христианская демократия и революционный процесс в Латинской Америке. М., 1971.
- Страны Латинской Америки в современных международных отношениях. М., 1967.
- Страны Центральной Америки: тенденции экономического и социально-политического развития. М., 1986.
- Страны СЭВ и Латинская Америка. Проблемы экономического сотрудничества. М., 1976.
- Тарасов К. С. В интересах монополий. М., 1964.
- Тарасов К. С. США и Латинская Америка. М., 1972.
- Тарасов К. С., Зубенко В. В. Тайная война США против Латинской Америки, М., 1987.
- Уткин А. И. Теодор Рузвельт. М., 2003.
- Фурсенко А. А. Критическое десятилетие Америки. Л., 1974.
- Черняк Е. Б. Жандармы истории. М., 1969.
- Шейнин Э. Я. Экономическая экспансия государств-членов ЕЭС в Латинской Америке. М., 1969.
- Шульговский А. Ф. Латинская Америка: армия и освободительное движение. М., 1972.
- Хачатуров К. А. Латинская Америка: идеология и внешняя политика. М., 1983.
- Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1939–1945. М., 1975.
- Янчук И. И. Политика США в Латинской Америке. 1918–1928. М., 1982.

Литература на иностранных языках

- Agee Ph. Inside the Company: CIA Diary. New York, 1975.
- Alexander R. J. Romulo Betancourt and the Transformation of Venezuela. State University New Brunswick, 1982.
- Ambursley F., Cohen R. Crisis in the Caribbean. New York, 1983.
- Baker J. A. The Politics of Diplomacy. New York, 1995.
- Baracco L. Nicaragua: The Imaging of a Nation From Nineteenth-Century Liberals to Twentieth-Century Sandinistas. Algora Publishing, 2005.
- Beals C. Latin America: World in Revolution. London, New York, Toronto, 1963.

- Berryman P.* The Religious Roots of Rebellion. Christians in Central American Revolutions. New York, 1984.
- Black G.* Triumph of the People. The Sandinista Revolution in Nicaragua. London, 1981.
- Blum W.* Killing Hope: US military and CIA interventions since World War II. New Africa Books, 2004.
- Brody R.* Contra terror in Nicaragua: report of a fact-finding mission, September 1984 – January 1985. 1985.
- Brown T.* The real Contra War: highland peasant resistance in Nicaragua. University of Oklahoma Press, 2001.
- Buchenau J.* In the shadow of the giant: the making of Mexico's Central America policy, 1876–1930. University of Alabama Press, 1996.
- Bulmer V.T.* The Economic History of Latin America since Independence. Cambridge University Press, 1994.
- Burns B.E.* Patriarch and Folk. The Emergence of Nicaragua 1798–1858. President and Fellows of Harvard College, 1991.
- Busky D.F.* Communism in history and theory: Asia, Africa, and the Americas. Praeger Publishers, 2002.
- Cannon L.* President Reagan: the role of a lifetime. New York, 1991.
- Chan S.J., Williams A.J.* Renegade states: the evolution of revolutionary foreign policy. Manchester University Press, 1994.
- Christian S.* Revolution in the family. New York, First Vintage Books, 1986.
- Gilbert D.* Sandinistas. Cambridge, Massachussets, 1988.
- Clarridge D.R., Digby D.* Spy for All Seasons: My Life in the CIA. New York, 1997.
- Crandall R.* Gunboat Democracy: US interventions in the Dominican Republic, Grenada, and Panama. Rowman and Littlefield Publishers, 2006.
- Crawley A.* Somoza and Roosevelt: Good Neighbor Diplomacy in Nicaragua, 1933–1945. Oxford University Press, 2007.
- Cuenca A.M.* Sandinista Economics in Practice. Boston, Sound End Press, 1992.
- De La Pedraja Toman R.* Wars of Latin America 1899–1941. McFarland and company Inc Publishers, 2006.
- DeGregorio W.A.* The complete book of US presidents. New York, 2005.
- Dillon S.* Comandos. The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York, 1991.
- Foreign Relations of the United States, different Volumes.
- Harzer E., Volks W. (Hg.)*. Aufbruch nach Nicaragua. Deutsch-deutsche Solidarität im Systemwettstreit. Berlin, 2008.
- Honey M.* Hostile acts: U. S. policy in Costa Rica in the 1980s. University Press of Florida, 1994.
- Luciak I.A.* The Sandinista legacy: lessons from a political economy in transition. University Press of Florida, 1995.
- The Macroeconomics of Populism in Latin America. The University of Chicago Press, 1991.
- Martinez A.* Sandinista Economics in Practice. Boston, 1992.
- Miranda R., Ratliff W.* The Civil War in Nicaragua. Inside the Sandinistas. New Jersey, Transaction Publishers, 1994.

- Morley M.* Washington and the Sandinistas. State and Regime in US Policy toward Nicaragua 1969–1981. Cambridge University Press, 1994.
- The Nicaragua Reader.* New York, 1983.
- Navarro-Génie M.A.* Augusto «César» Sandino: messiah of light and truth. Syracuse University Press, 2002.
- Pardo-Maurer R.* The Contras, 1980–1989: a special kind of politics. New York, 1990.
- Ranelough J.* The Agency. The Rise and Decline of the CIA. New York, 1987.
- Rone J.* Human rights in Nicaragua: August 1987 – August 1988. An Americas Watch Report. New York, Washington, 1988.
- Rosset P., Vandenmeer J.* (Editors). The Nicaragua Reader. Documents of a Revolution under Fire. New York, 1983.
- Ryan Rh.* The Fall and Rise of the Market in Sandinista Nicaragua. McGill-Queen's University Press, 1995.
- Sklar H.* Washington's War on Nicaragua. Boston, South End Press, 1988.
- Somoza A. G.* El verdadero Sandino o el calvario de las Segovias. Managua, 2007.
- Spalding R. J.* Capitalists and Revolution in Nicaragua. Opposition and Accommodation 1979–1993. The University of North Carolina Press, 1994.
- Staten C. L.* The History of Nicaragua, Greenwood Publishing Group, 2010.
- Stimson H.* American Policy in Nicaragua. The Lasting Legacy, Princeton, 1991.
- Vanden H. E., Prevost G.* Democracy and Socialism in Sandinista Nicaragua. Colorado, Lynne Rienner Publishers, 1993.
- Vanderlaan M. B.* Revolution and Foreign Policy in Nicaragua. London, Westview Press, 1986.
- Veeseer C.* A world safe for capitalism: dollar diplomacy and America's rise to global power. Columbia University Press, 2002.
- Vilas C. M.* Sandinista Revolution. National Liberation and Social Transformation in Central America. Monthly Review Press, 1986.
- Walker Th. W.* (Editor.) Nicaragua in revolution. New York, Praeger, 1982.
- Walter K.* The Regime of Anastasio Somoza, 1936–1956. The University of North Carolina Press, 1993.
- Webb G.* Dark Alliance. The CIA, the Contras and the Crack Cocaine Explosion. New York, 1999.
- Zimmermann M.* Sandinista. Carlos Fonseca and the Nicaraguan Revolution. Durham and London, Duke University Press, 2000.

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Платошкин Николай Николаевич

Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия

Редактор *А. В. Усачева*
Дизайн обложки *Е. А. Горева*
Макет и верстка *А. М. Вороновская*

Подписано в печать 29.12.2014. Бумага офсетная.
Формат 70x100 1/16. Гарнитура «ПТ Сериф». Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Первый завод 500 экз. Заказ № 2448

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
119435, Москва, Малая Пироговская, 13.
www.s-and-e.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6